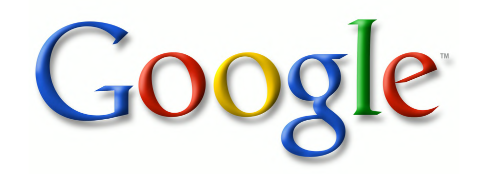
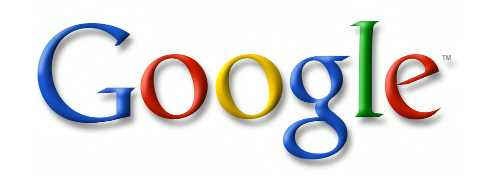




ЧТЕНІЯ

ВЪ

ИМПЕРАТОРСКОМЪ

ОБЩЕСТВѢ

ИСТОРІИ и ДРЕВНОСТЕЙ РОССІЙСКИХЪ

ПРИ

МОСКОВСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ.

ПОВРЕМЕННОЕ ИЗДАНІЕ

ПОДЪ ЗАВѢДЫВАНІЕМЪ

О. М. Бодянскаго.

1869

Апрѣль — Іюнь.

КНИГА ВТОРАЯ.

МОСКВА.
Въ Университетской типографіи, на Страстномъ бульварѣ.
1869.

I

ИЗСЛѢДОВАНІЯ

BODLEIAN
P
15 DEC 1965
LIBRARY

ЗАМѢЧАНІЯ

НА ТРЕТІЙ ТОМЪ.

Г. Богдановичъ говоритъ, что Наполеонъ, готовясь къ походу, началъ, съ 1-го (13) Октября, стягивать войска въ Москву и 3 (15) направлять оныя на Калужскую дорогу, въ Боровскъ, Ѳоминское и пр.

Стр. 2-я. Получивъ извѣстіе о дѣлѣ на Чернишнѣ, Наполеонъ, въ тотъ же вечеръ, 6 (18) Октября, вывелъ изъ города корпуса Вице-Короля и Даву, которые и расположились на бивакахъ, у заставы, по Старой Калужской дорогѣ; корпусъ Нея и гвардія переночевали въ Москвѣ.

Стр. 4-я. При выступленіи Наполеона изъ Москвы, какъ выше уже сказано, былъ оставленъ на время въ Кремлѣ Маршалъ Мортье.

Но выше, вѣдь, еще ни чего не сказано о выступленіи Наполеона изъ Москвы, а говорится объ этомъ послѣ, на 7-й и 8-й страницахъ, и потомъ описанъ порядокъ, въ которомъ слѣдовали войска, и присовокуплено, что самъ Наполеонъ выѣхалъ изъ Москвы по утру 7 (19) Октября и т. д.

Наконецъ, вотъ и Малоярославецкая битва. Въ первой части «Замѣчаній» мы слышали воспѣтую Нѣмецкимъ оцѣнщикомъ хвалу Г. Богдановичу, за «простоту и ясность» изложенія битвъ и, въ примѣръ тому, онъ приводилъ бой Невѣровскаго

при Красномъ. Тамъ же замѣтилъ я, что описаніе этой битвы не принадлежитъ перу почтеннаго сочинителя «Исторіи Отечественной войны,» а есть почти буквальная копія изъ книги Данилевскаго, и обѣщалъ привести два главнѣйшія сраженія—Бородинское и Малоярославецкое, описаніе коихъ принадлежитъ собственно перу Г. Богдановича. Замѣчанія о Бородинскомъ сдѣланы.

Малоярославецкое сраженіе, по значенію своему, конечно, потребовало особеннаго вниманія почтеннаго исторіографа и всей силы его знаній, для яснаго и отчетливаго изображенія битвы, положившей конецъ шестнадцатилѣтнимъ успѣхамъ генія полководца-Государя, вынудившей его постыдно обратиться въ бѣгство и послѣдствіями своими снявшей оковы съ Запада Европы; словомъ, эта битва, замѣченная и въ присужденіи Демидовской преміи, включаетъ въ себѣ всѣ условія, требующія достойнаго изложенія, что почтенный сочинитель посильно и исполнилъ.

Начну съ самаго выступленія Дохтурова съ Тарутинской позиціи, по направленію къ Малоярославцу, на Ѳоминское. Исторіографъ говоритъ (стр. 11): «Кутузовъ, призвавъ къ себѣ Ермолова, сказалъ ему: «Ты пойдешь съ Дохтуровымъ; я буду покоенъ; увѣдомляй меня чаще о томъ, что у васъ будетъ!» Виноватъ! А я сомнѣваюсь, чтобы Кутузовъ могъ такъ оскорбить Дохтурова, къ которому онъ питалъ полную довѣренность: достоинство и опытность этого Генерала представляли полное на это право. Не уже ли, отправляя его въ средину непріятельской арміи, Кутузовъ не иначе могъ оставаться спокойнымъ, какъ пославъ съ нимъ Ермолова! Онъ могъ быть при Дохтуровѣ помощникомъ, даже совѣтникомъ, но не руководить имъ до такой степени, что присутствіе его только и могло успокоивать Кутузова. Слѣдующая за симъ 18-я ссылка показываетъ: «Журналъ входящимъ и исходящимъ бумагамъ 1812 года (Арх. В. Т. Д. № 29172).» Сдѣсь, само собой разумѣется, этого быть не можетъ. За тѣмъ: «Записки Ермолова.»

Но въ Запискахъ А. П. Ермолова, напечатанныхъ въ 1863 году, объ этомъ эпизодѣ (стр. 216) сказано слѣдующее «.........

«Кутузовъ приказалъ мнѣ отправиться съ Генераломъ Дохтуровымъ, увѣряя, что на меня онъ надѣется и будетъ спокоенъ.» Сдѣсь нѣтъ, однако же, словъ: «Увѣдомляй меня чаще о томъ, что у васъ тамъ будетъ,» а на мѣсто сего читается: «Надобно знать Кутузова, чтобы не давать сему ни какой цѣны.» А, вѣдь, это совершенно измѣняетъ смыслъ, который получается изъ строкъ Г. Богдановича. *

Г. Богдановичъ нигдѣ не упоминаетъ, однако же, чтобы Ермоловъ исполнялъ требованіе Кутузова, «чаще увѣдомлять его,» а между тѣмъ было о чемъ; ибо, по прибытіи въ Аристово, цѣль отправленія Дохтурова измѣнилась и обстоятельства усложнились. Я очень близко знаю, что Алексѣй Петровичъ ни разу не писалъ Кутузову, тогда какъ Дохтуровъ дѣлалъ это очень часто и даже карандашемъ, будучи верхомъ.

Повѣствуя о движеніи Дохтурова изъ Тарутина (стр. 12-я), сказано, что войска наши, «пройдя Аристово, остановились на ночлегъ.» Корпусъ остановился у самаго Аристова; при Аристовѣ они расположились въ двухъ колоннахъ: 7-я дивизія по правой сторонѣ дороги, 24-я по лѣвой; головы ихъ были на одной высотѣ съ селеніемъ. Слово пройдя имѣть тутъ мѣста не можетъ. Только нѣкоторыя части конницы были выдвинуты впередъ по направленію къ отряду Дорохова, расположенному на дорогѣ къ Боровску.

Свѣдѣнія о движеніи всей Наполеоновой арміи къ Малоярославцу получены не далеко за полночь, а часа за три до

---

* Но въ «Запискахъ Ермолова,» помѣщенныхъ въ «Чтеніяхъ въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ» 1864 г., кн. 4, отд. II, стр. 229, въ примѣч. 73, слова этѣ дѣйствительно приводятся Ермоловымъ: «Ты пойдешь съ Дохтуровымъ; я буду спокоенъ; увѣдомляй чаще о томъ, что будетъ!» А извѣстно, что редакція сихъ Записокъ была уже послѣдняя и единственно вѣрная, составленная рукою самого Ермолова, въ послѣдній годъ его жизни; прочія же, сдѣлавшіяся извѣстными публикѣ, признавались имъ текстомъ невѣрнымъ.» См. предисловіе къ симъ Запискамъ, тамъ же, въ «Чтеніяхъ» 1864 г., кн. 3, отд. II, стр. 1. О. Б.

полночи, и Сеславинъ пріѣхалъ гораздо прежде оной, а не тогда, когда уже давно «прошла полночь». [1] Впрочемъ, въ послѣдовательномъ разсказѣ самого Г. Богдановича будетъ видно, что объ опредѣляемомъ имъ тутъ времени не можетъ быть и рѣчи.

Въ Запискахъ А. П. Ермолова (стр. 217), сказано: «Ночью, въ полѣ, сталкиваюсь вдругъ съ Сеславинымъ, который меня отыскивалъ» и д. д. Сдѣсь онъ подтвердилъ (сдѣланное за часъ показаніе другими), что Наполеонъ въ Боровскѣ. Этѣ слова Генерала Ермолова отнюдь не измѣняютъ сказаннаго мною, по тому что Сеславинъ прискакалъ въ Аристово, сообщилъ свѣдѣнія Дохтурову и поѣхалъ отыскивать Ермолова, уѣхавшаго къ передовому отряду Дорохова. Въ слѣдъ за симъ Алексѣй Петровичъ пріѣхалъ въ Аристово, но Бологовскій былъ уже отправленъ къ Кутузову. Да и самое слово ночь неопредѣлительно; въ шесть часовъ по полудни было уже темно.

О всемъ сказанномъ на стр. 12 (Ист. Богдановича) о Дохтуровѣ и объ отправленіи Бологовскаго нужно бы повторить замѣчанія, мною уже сдѣланныя въ помянутой статьѣ; сдѣсь обращу вниманіе только на разсужденіе почтеннаго исторіографа, который, сказавъ, что Дохтуровъ, по предложенію Ермолова, выступилъ изъ Аристова къ Малоярославцу, прежде полученія на то приказанія отъ Фельдмаршала, пишетъ (стр. 13): «Легко было предвидѣть, что если бы Дохтуровъ сталъ выжидать приказаній изъ главной квартиры на счетъ дальнѣйшихъ дѣйствій, то непріятель навѣрное предупредилъ бы его въ Малоярославцѣ.» [2] Это выраженіе необходимо помнить; ибо сдѣсь Г. Бог-

[1] Этотъ эпизодъ былъ мною подробно описанъ: «Нѣсколько мыслей по поводу двухъ сочиненій объ Отечественной войнѣ» (Сѣв. Пчела, 1858, №№ 36, 38, 39, 41, 44, 45, 46, 62, 63, 64 и 65), а въ 1867 году въ особой книжкѣ: «Матеріялы для Отечественной войны 1812 года.»

[2] Въ Запискахъ А. П. Ермолова нѣтъ ни слова о предложеніи Дохтурову выступить изъ Аристова до полученія на то приказанія отъ Кутузова. На стр. 217 Алексѣй Петровичъ предложилъ Дохтурову воротить «тяжелую артиллерію за шесть верстъ назадъ,» гдѣ были дефилеи, и это предложеніе сдѣлано было

дановичъ очень ясно даетъ понять, что непріятель не предупредилъ Дохтурова въ Малоярославцѣ; но потомъ, по принятому имъ обыкновенію, онъ скажетъ противное.

Каждый, какъ говорится, бывалый пойметъ, что Дохтуровъ не могъ самъ собою рѣшиться, съ своими десятью тысячами пѣхоты, итти на перерѣзъ всей Французской арміи, не получивъ на то приказанія отъ Кутузова, который, узнавъ, что Наполеонъ уже въ Боровскѣ, могъ предпринять движеніе на Калугу прямо изъ Тарутина, и наконецъ могъ Дохтуровъ не думать, что получитъ то или другое разрѣшеніе не иначе, какъ наиболѣе чрезъ шесть, семь, часовъ. Но вышло противное, какъ это объяснено въ той же моей статьѣ.

Ясно, что всего того, что до сихъ поръ почтенный сочинитель говорилъ о семъ, не было, и быть не могло, а между тѣмъ вотъ какъ все это происходило:

Генералъ Дохтуровъ, получивъ, въ Аристовѣ, свѣдѣнія о Французской арміи, донесъ обо всемъ Фельдмаршалу и присовокупилъ: «Я остановилъ корпусъ въ Аристовѣ и далѣе не пойду» и пр. Описываетъ причины тому и свои распоряженія. Донесеніе это, отъ 10-го Октября, было послано въ 9-ть часовъ по полудни. [3] Въ слѣдствіе чего получилъ повелѣніе, отъ 11-го Октября, № 216, «употребить всѣ способы для скорѣйшаго перехода изъ Аристова къ Малоярославцу» и пр. Данилевскій, описывая это, приводитъ донесеніе Дохтурова изъ Аристова, отъ 10-го Октября, въ 9 час. вечера, и послѣдовавшее на оное повелѣніе Кутузова, отъ 11-го числа, за № 216, «спѣшить изъ Аристова къ Малоярославцу.» Бутурлинъ и многіе другіе свѣдѣтельствуютъ о томъ, что Дохтуровъ ожидалъ повелѣнія, чтобы двинуть-

---

тогда, когда не было еще и рѣчи итти въ Малоярославецъ, а предпринималось дѣйствіе на Котово, не зная еще, что вся непріятельская армія находилась около Боровска и т. д.

[3] Нѣкоторые изъ допросовъ выходцевъ и плѣнныхъ писаны моей рукой.

ся къ Малоярославцу, и, получивъ оное, въ 11-ть часовъ по полуночи, 11-го Октября, тотчасъ выступилъ.

Какимъ же образомъ послѣ всего этого писать, что Дохтуровъ, не ожидая приказанія, пошелъ къ Малоярославцу? Помимо того, что мы, участники въ этомъ событіи, очень хорошо помнимъ этотъ эпизодъ, но Данилевскій приводитъ подлинныя слова изъ донесенія Дохтурова и повелѣнія Кутузова, обозначая мѣсто, число, нумеръ и часъ. Что жь? Развѣ это подлогъ? Въ такомъ случаѣ Г. Богдановичу слѣдовало сказать, что онъ не нашелъ тѣхъ документовъ, на которые ссылается Данилевскій. Нѣтъ! Г. Богдановичъ видѣлъ этѣ документы и, вѣроятно, забывъ, что на стр. 13, Дохтуровъ, не дожидаясь приказанія, пошелъ къ Малоярославцу, чрезъ три страницы говоритъ (16) то же, что и Данилевскій, о повелѣніи Дохтурову ити къ Малоярославцу, и ссылается на тотъ же № 216-й, но не приводитъ донесенія Дохтурова, въ которомъ онъ пишетъ, что, до полученія приказанія, онъ изъ Аристова далѣе не пойдетъ! Непонятно, чему вѣрить: пошелъ ли Дохтуровъ изъ Аристова, не ожидая приказаній, или ожидалъ? «Чего хочешь, того просишь!» Но оставимъ этотъ эпизодъ, для изложенія котораго въ первомъ случаѣ принимали участіе поэтическое воображеніе, а во второмъ уже проза. Но за чѣмъ было поэтизировать и вводить на страницы Исторіи не бывалое, о которомъ потомъ и самому приходится сказать иначе?

Относительно движенія конницы, съ которой отправился Генералъ Ермоловъ къ сторонѣ Боровска, дѣло другое. Въ ссылкѣ книги Г. Богдановича (№ 19) сказано: «Записки А. П. Ермолова: по свѣдѣтельству Генерала Михайловскаго-Данилевскаго, Дохтуровъ выступилъ изъ Аристова къ Малоярославцу, получивъ предписаніе Князя Кутузова ити къ сему пункту. То же пишетъ и Липранди (Сѣв. Пч. 1858, № 46)». Объ этомъ далѣе.

Сдѣсь въ текстѣ, независимо отъ мнѣнія Г. Богдановича, что, какъ «легко было предвидѣть» то, о чемъ онъ усиливался такъ неудачно разсуждать, замѣчательны еще слѣдующія за помянутыми строки:..... «и потому Генералъ Ермоловъ предло-

жилъ итти съ разсвѣтомъ обратно, и, присоединивъ къ войскамъ оставленную назади батарейную артиллерію, двинуться какъ можно быстрѣе къ Малоярославцу. [1] Генералъ Дохтуровъ не только принялъ благосклонно это представленіе» и т. д. Объ этомъ послѣднемъ небываломъ обстоятельствѣ уже сказано, а здѣсь вотъ въ чемъ курьозъ: Дохтуровъ въ тотъ же день пришелъ изъ Тарутина въ Аристово, и Ермоловъ предлагалъ ему итти «съ разсвѣтомъ обратно,» значитъ, въ Тарутино; и это подверждается еще совѣтомъ присоединить къ себѣ батарейную артиллерію, оставленную позади. Кажется, очень ясно, что Ермоловъ предлагаетъ Дохтурову возвратиться въ Тарутино, откуда онъ только что пришелъ; слово обратно не можетъ имѣть ни какого другого смысла, а между тѣмъ у Г. Богдановича иной смыслъ. Это слово обратно у него значитъ не назадъ въ Тарутино, откуда пришли, а въ Малоярославецъ, который былъ еще впереди; ибо въ слѣдъ за симъ привокупляетъ: «двинуться какъ можно быстрѣе къ Малоярославцу.» По старинному мы назвали бы это, какъ нынѣ принято называть всякую безсмыслицу, ерундой; ибо какъ иначе назвать выраженія: «присоединивъ къ войскамъ оставленную батарейную артиллерію, итти обратно,» не въ Тару-

---

[1] Въ Запискахъ Алексѣя Петровича и объ этомъ предложеніи нѣтъ ни слова; [2] вотъ какъ въ нихъ (стр. 218) сказано: «На разсвѣтѣ Генералъ Дохтуровъ отступилъ, присоединя отосланную (а не оставленную) артиллерію, переправился при селѣ Спасскомъ чрезъ рѣку Протву и пошелъ на Малоярославецъ.» Слово же отступилъ относится до отряда Дорохова, поступившаго подъ начальство Дохтурова и составившаго его авангардъ по направленію къ Котову, гдѣ думали атаковать непріятеля. Но когда обстоятельства разъяснились, то пѣхота отряда Дорохова (не принадлежавшая къ 6-му корпусу) отступила къ Аристову, т. е., къ Дохтурову, который изъ Аристова не сдѣлалъ шагу по направленію къ Котову, куда выдвинута была только конница Меллера-Закомельскаго, занявшая позицію между Дороховымъ и Дохтуровымъ. Вѣдь это совсѣмъ не то, что говоритъ почтенный исторіографъ, ссылаясь еще и на Записки А. П. Ермолова!

[2] Однако въ послѣднемъ ихъ пересмотрѣ А. П. Ермоловымъ («Чтенія» 1864, кн. 4, отд. II, стр. 231) это читается такъ: «Весьма благосклонно принялъ Генералъ Дохтуровъ мое предложеніе: вмѣстѣ съ разсвѣтомъ слѣдовать обратно и, присоединивъ оставленную батарейную артиллерію, поспѣшить въ Малоярославецъ.» О. Б.

тино, откуда только что пришли, а въ Марояроcлавецъ? Тутъ видимо, повторяю, почтенный сочинитель, вѣроятно, въ слѣдствіе какого либо совершенствованія, послѣдовавшаго въ военной номенклатурѣ, называть движеніе впередъ движеніемъ обратно, придерживается этому (точно также, какъ правое называетъ лѣвымъ, а лѣвое правымъ). Этѣмъ онъ вводитъ читателей, не знающихъ помянутыхъ измѣненій, въ недоумѣніе, котораго, можетъ быть, и не было бы, если бы онъ приложилъ къ сочиненію своему, какъ это сдѣлалъ Михайловскій-Данилевскій, карту движенія арміи изъ Тарутина къ Малоярославцу. Въ такомъ случаѣ, если почтенный сочинитель въ дѣйствительности не такъ думалъ, какъ написалъ, то, взглянувъ на помянутую карту, не впалъ бы въ такую грубую ошибку. [5] Онъ ясно увидѣлъ бы, что отъ Аристова с. Тарутино лежитъ на юго-востокъ, а Малоярославецъ на юго-западъ, отъ Тарутина же Малоярославецъ лежитъ на западъ, съ малымъ склоненіемъ на югъ. Этѣ три пункта составляютъ углы почти равносторонняго треугольника, коего бока простираются отъ двадцати до двадцати трехъ верстъ. [6] Изъ этого было бы ясно, что Дохтуровъ, находясь въ Аристовѣ, если бы пошелъ обратно туда, откуда онъ пришелъ, то очутился бы опять въ Тарутинѣ, а не въ Малоярославцѣ.

На стр. 14-й:..... «Войска Дохтурова, выступивъ отъ Аристова, по утру 11 (23) Октября.» Сдѣсь ссылка № 20, слѣдующаго содержанія: «Довольно трудно сказать что либо достовѣрное на счетъ времени выступленія Дохтурова (изъ Аристова). Изъ Записокъ А. П. Ермолова видно, что войска наши выступили изъ Аристова 11-го Октябри на разсвѣтѣ, [7] а по свидѣтельству Липранди (Сѣв. Пч., 1858, № 46), въ 11-го час. утра.»

---

[5] Замѣчательно, что нѣтъ карты этого первой степени важнаго движенія, тогда какъ сочиненіе изобилуетъ картами второстепеннаго и даже вовсе, можетъ быть, излишняго значенія.

[6] Сдѣсь разстояніе слѣдуетъ принимать, вмѣсто Малоярославца, Спасское, гдѣ дороги изъ Тарутина и Аристова соединяются для переправы чрезъ Протву: въ Малоярославецъ восемь верстъ.

[7] И сдѣсь опять неясность. Выше было сказано, что Дохтуровъ не ожидалъ при-

Тутъ нѣтъ ни какого труда къ разрѣшенію сомнѣнья; ибо оба показанія вѣрны. А. П. Ермоловъ выступилъ съ конницей Меллера-Закомельскаго на развѣдку къ Боровску съ разсвѣтомъ, а Дохтуровъ, по полученіи приказанія отъ Фельдмаршала, въ 11-ть часовъ къ Малоярославцу. Къ А. П. Ермолову посланъ былъ гонецъ (Прапорщикъ Гр. А. Н. Панинъ) съ этѣмъ извѣстіемъ, и онъ, подъ вечеръ, не доходя Спасскаго, примкнулъ къ пѣхотѣ. Если бы Дохтуровъ выступилъ съ разсвѣтомъ, онъ пришелъ бы въ Спасское гораздо ранѣе, что видно изъ помянутой же статьи. [8]

Все, что пишется о Платовѣ, не ясно; слѣдовало бы остановиться на чемъ ни будь одномъ; но прибытіе его къ Спасскому,

---

казанія, и тотчасъ вышелъ, а тутъ, съ разсвѣтомъ; потомъ получилъ повелѣніе выступить, и т. п. сбивчивые разсказы.

[8] Сдѣсь можно сказать, что «все дѣлается къ лучшему.» Появись Дохтуровъ съ своею пѣхотой и конницей предъ Малоярославцемъ 11-го числа, послѣ полудни, или даже еще за свѣтло, и подоспѣй еще къ этому времени Платовъ съ своими Казаками, нѣтъ ни какого сомнѣнія, что Наполеонъ, увидѣвъ предъ собой корпусъ, отдѣлившійся отъ Тарутинскаго лагеря, успѣлъ бы къ ночи, на 12-ое число, стянуть большую часть своей арміи и проложить себѣ путь на Калугу, гдѣ находились всѣ наши запасы, или свернуть вправо на Медынь. Дохтуровъ нашелся бы въ самомъ опасномъ положеніи. Отступить съ боя чрезъ Нѣмцево не было возможности: онъ былъ бы принужденъ направиться къ Спасскому и перейти Протву, чтобы не потерять сообщеній съ главной арміей. Наполеонъ могъ отрядить корпусъ для защиты переправы при Спасскомъ, а между тѣмъ пройти со всею арміей, или Нѣмцевскій оврагъ и направиться на Калугу, или вправо на Медынь. Не видя 11-го числа пѣхоты подъ Малоярославцемъ, Наполеонъ былъ въ полной увѣренности, что Кутузовъ не зналъ его направленія и, вопреки обычной своей быстроты, медлилъ. Когда же утромъ, 12-го чис., явился Дохтуровъ и Вице-Король не могъ одолѣть его, а по прибытіи Даву къ намъ подоспѣлъ Раевскій и, въ слѣдъ за нимъ, также другіе корпуса, тогда дѣло было уже рѣшено. Слѣдовательно, если бы Дохтуровъ и могъ рѣшиться съ разсвѣтомъ 11-го числа итти къ Малоярославцу, то очень хорошо сдѣлалъ, что не предпринялъ это, а, какъ замѣчено выше, дожидался приказанія Кутузова. Само собой разумѣется, что въ то время ни у того, ни у другого помянутаго расчета быть не могло. Но Провидѣніе такъ расположило, и успѣхъ остался на нашей сторонѣ, не смотря на все то, что можно сказать относительно какъ замедленія въ приказаніи Дохтурову итти къ Малоярославцу, такъ и о медленности подняться изъ Тарутина и пр.

какъ я уже замѣтилъ въ той же статьѣ, доказываетъ позднѣе его выступленіе изъ Тарутина; ибо онъ могъ прибыть къ Спасскому прежде Дохтурова, да и вся армія, выступивъ тотчасъ по пріѣздѣ Бологовскаго, могла предупредить его на этомъ пунктѣ, какъ въ той статьѣ замѣчено.

На стр. 15-й описывается прибытіе Бологовскаго въ Леташевку. Сдѣсь вкратцѣ сказано то же, что и у Михайловскаго-Данилевскаго, относительно свиданія съ Кутузовымъ. Г. Богдановичъ приводитъ и разговоръ между ними, и когда первый объяснилъ Фельдмаршалу предметъ своего порученія, этотъ послѣдній: сказалъ «Не уже ли въ самомъ дѣлѣ Наполеонъ оставилъ Москву и отступаетъ?» и т. д.

Это выраженіе ясно доказываетъ, что Кутузовъ только тутъ, въ первый разъ узналъ, о выступленіи Наполеона изъ Москвы и о взятомъ имъ направленіи. [9] Извѣстно же, что и сочинитель своей Исторіи не скрываетъ, что Наполеонъ уже 2 (14)-го числа началъ отступленіе, продолжая ежедневно отправлять части арміи, по направленію къ Калугѣ и, наконецъ, самъ, съ гвардіею, 7-го (19) Октября, идетъ туда же. Прошло послѣ сего еще четыре дня, какъ Дохтуровъ первый извѣстилъ о семъ черезъ Боголовскаго, пріѣхавшаго въ Леташевку, вскорѣ по полуночи 11го (23) Октября, въ тотъ самый день, когда Мортье выступилъ изъ Москвы съ послѣдними Французами.

Изъ всего этого слѣдуетъ, что партизаны наши, такъ прославляемые Г. Богдановичемъ, «окружавшіе со всѣхъ сторонъ Москву, проникавшіе въ самый лагерь Французовъ и даже въ Москву,» не могли увѣдомить не только о томъ, что за девять дней предъ тѣмъ Французскія войска начали уже направляться на Калугу, и что каждый день выступали по этому же направленію изъ Москвы разныя части оныхъ, но что 7-го (19) Октября, т. е., за четыре дня предъ тѣмъ, и самъ Наполеонъ со старой гвардіей оставилъ Москву и пошелъ по тому же направленію,

---

[9] Это невѣдѣніе до сего момента подтверждается несокрушимыми данными.

а о томъ извѣстилъ Дохтуровъ 11-го Октября! Москва же отъ Леташевки была не за горами, а только около осьмидесяти верстъ! [10]

На страницахъ 15—17 Г. Богдановичъ ясно изображаетъ колебаніе Кутузова оставить Тарутинскій лагерь, и тогда уже, когда было получено отъ Дохтурова положительное извѣстіе, вскорѣ по полуночи 11 ч., что тутъ вся Наполеонова армія, то и тогда онъ выступилъ только вечеромъ, такъ что, если бы Наполеонъ употребилъ сдѣсь ту быстроту, которую онъ проявлялъ всегда, то несомнѣнно успѣлъ бы въ своемъ предпріятіи. [11] Это колебаніе, которое почтенный сочинитель своей Исторіи приписываетъ Кутузову, ясно подтверждаетъ, что Дохтуровъ не могъ выступить къ Малоярославцу прежде полученія на то приказанія; ибо, повторяю, Кутузовъ очень легко могъ предпринять движеніе изъ Тарутина на Калугу, и тогда открылъ бы Наполеону путь на Медынь, съ выигрышемъ, по крайней мѣрѣ, трехъ, или четырехъ, маршей. Я оговариваю сдѣсь первое показаніе Г. Богдановича, что будьто бы Дохтуровъ выступилъ изъ Аристова, не получивъ еще на то повелѣнія; впрочемъ, почтенный сочинитель сказалъ это такъ, безъ соображенія; ибо чрезъ три страницы онъ говоритъ уже другое; но тутъ я удивляюсь тому, можно ли было допустить себѣ и тѣнь мысли, что Дохтуровъ могъ предпринять такую рѣшимость, онъ, который отличался здравомысліемъ и опытностію! [12]

---

[10] Напрасно Г. Богдановичъ превозноситъ въ этомъ эпизодѣ партизановъ; мнѣ кажется, слѣдовало бы повременить до 1813 года, тѣмъ болѣе, что и въ окрестностяхъ Березины о нихъ не слышно, тогда какъ сдѣсь, точно также, какъ и въ окрестностяхъ Москвы, они могли бы принести большую пользу, за исключеніемъ, впрочемъ, Сеславина, появившагося около Березины, да и по переправѣ черезъ эту рѣку дѣятельность его была неутомима до самой Вильны. Относительно же другихъ, то я разумѣю только партизановъ, наблюдавшихъ собственно Москву и просмотрѣвшихъ выступленіе Французовъ изъ оной, начавшееся за восемь дней предъ тѣмъ, какъ Дохтуровъ первый извѣстилъ о томъ Кутузова. Но довольно о семъ: въ 1858 году я говорилъ уже о нихъ.

[11] Обстоятельство это подробно разсмотрѣно въ упоминавшейся статьѣ.

[12] Чтобы не прерывать разсказа о событіяхъ при Малоярославцѣ, а между тѣмъ

На стр. 31-й сказано, что «непріятель 11-го Октября занялъ Малоярославецъ, безъ сопротивленія.» [13]

За симъ слѣдуетъ ссылка (№ 2), а вотъ что и въ ней: «Липранди, исполнявшій должность Оберъ-Квартирмейстера 6-го пѣхотнаго корпуса, пишетъ, будто бы (!) Малоярославецъ былъ занятъ только небольшимъ числомъ непріятелей (Сѣв. Пч., 1858, № 45); но этому противорѣчатъ у Лабома (р. 256) подлинныя слова Дельзона Вице-Королю: «Вчера, прибывъ сюда, я занялъ позицію, и, казалось, намъ нельзя было ожидать ни какого сопротивленія, но въ четыре часа утра я былъ атакованъ многочисленной пѣхотой; немедленно два баталіона встали въ ружье: опрокинутые несравнено сильнѣйшимъ непріятелемъ, они были принуждены спуститься съ высоты и очистить Малоярославецъ.»

Почтенный сочинитель своей Исторіи словомъ «будто бы не признаетъ показанія моего за истину, по тому что этому

слѣдовать по порядку за страницами, ввожу нѣкоторыя мѣста въ выноску. Такъ, на стр. 22-й, исторіографъ, разсказывая о положеніи жителей Москвы, когда оставили ее Французы, присовокупляетъ: «Къ довершенію отчаянія несчастныхъ, наступила стужа, никогда не бывшая въ эту пору года. Страдальцы, лишенные крова, покрытые рубищами, изнемогавшіе отъ голода и холода, скитались и гибли на развалинахъ Москвы.» Ссылки нѣтъ, а самъ Г. Профессоръ, конечно, тутъ не былъ, изобразить же поэтическую картину крѣпко хотѣлось ему, желалось къ неимѣнію крова, рубища, къ изнеможенію отъ голода, прибавить, чтобы было посильнѣе, и стужу, отъ которой страдальцы гибли на развалинахъ» и т. д. Но какая могла быть стужа 11-го Октября, въ Москвѣ, особенно же для Русскихъ, тогда какъ общее засвѣдѣтельствованіе и самихъ Французовъ, говоритъ, что въ это время погода была прекрасная? Въ другомъ мѣстѣ это изложено подробно. Но вотъ замѣчательное явленіе на стр. 29-й: «Волынскій гусарскій полкъ. Что это такое? Я не слыхивалъ, чтобы въ Русской арміи былъ когда либо гусарскій полкъ этого имени. Думалъ опечатка, но нѣтъ; значитъ былъ такой полкъ въ мнѣніи Г. Профессора.

[13] А выше, на стр. 13-й, что было сказано? Вѣдь совершенно противное! Тамъ сказано, что онъ «могъ бы занять оный безъ сопротивленія, т. е., если бы Дохтуровъ выждалъ предписанія идти въ этотъ городъ, и не поспѣшилъ бы самъ, не ожидая приказанія. Путаница!

противорѣчитъ Лабомъ, приведшій подлинныя слова Дельзона, сказанныя Вице-Королю! Сдѣсь слѣдуетъ замѣтить, во первыхъ, что въ статьѣ моей, на которую Г. Богдановичъ ссылается, нѣтъ и слова о томъ, чтобы я сказалъ, что «Малоярославецъ былъ занятъ только небольшимъ числомъ непріятелей.» Я сказалъ, что когда мы въѣхали въ городъ и достигли до первой площадки, сдѣланъ былъ по насъ залпъ ружей изо ста, [14] и послѣ сего не было уже ни одного выстрѣла, ни со стороны непріятеля, убѣжавшаго изъ города къ мосту, ни со стороны нашей. Проводникъ же, житель Малоярославца, тотчасъ взятый мною, объяснилъ, что часа за полтора человѣкъ двѣсти Французовъ вошли въ городъ и начали брать въ проводники кого ни попало; но когда послышались выстрѣлы (помянутый залпъ), они стремглавъ бѣжали. Вотъ все, что мною сказано, и что очень далеко отъ того, что Г. Богдановичъ приводитъ. [15]

Во вторыхъ. По чему Лабомъ пользуется большею довѣренностью въ этомъ случаѣ, когда Г. Богдановичъ самъ говоритъ о немъ (т. III, стр. 530): «Хотя сочинитель (Лабомъ) иногда увлекается негодованьемъ къ Наполеону и, давая волю воображенію, вдается въ показанія весьма сомнительныя, однако же представляетъ событія, относящіяся къ дѣйствіямъ великой арміи, и въ особенности 4-го пѣхотнаго корпуса, яркими красками и съ достаточною подробностью.» [16] По чему же Лабомъ и въ настоящемъ случаѣ не могъ увлечься, не дать воли своему воображенію и не вдаться въ показанія весьма сомнительныя,

---

[14] Мы были убѣждены, что въ Малоярославцѣ Казаки. Это видно и изъ Записокъ А. П. Ермолова, стр. 219. Должно предполагать, что Казачій наблюдательный постъ оставилъ городъ тотчасъ по исправленіи моста непріятелемъ, и когда этотъ послалъ въ оный за проводниками, постъ отступилъ къ Атаману, стоящему по направленію къ Медыни, не извѣстивъ насъ, слѣдующихъ отъ Спасскаго.

[15] Впрочемъ, Г. Богдановичъ не одинъ разъ такъ правильно ссылается, что видно изъ обзора его сочиненія.

[16] Еще повторяю: по чему не принятъ во вниманіе разсказъ его о 4-мъ корпусѣ, при овладѣніи центральной батареей въ Бородинѣ?

въ особенности принадлежа къ 4-му корпусу, тутъ дѣйствовавшему? Ему нужно было стоять за честь онаго.

Въ третьихъ. Но и самыя слова Дельзона, сказанныя будьто бы Вице-Королю, при строгомъ разборѣ, даютъ понимать, что онъ дѣйствительно, только часа за полтора предъ тѣмъ, послалъ въ городъ за проводниками, не встрѣтивъ тутъ Русскихъ, а та часть, которая среди города наткнулась на насъ и сдѣлала залпъ, конечно, только шла еще занимать позицію. [17] Наконецъ это подтверждаетъ и Баронъ Денье, очевидецъ и участникъ, имѣвшій всю возможность, по своему положенію, знать лучше обстоятельство. Вотъ что говоритъ онъ (p. 108): «Deux bataillons d'avant-garde du Vice-Roi venaient à peine de penetrer dans la petite ville de Malojaroslawitz, qu' il furent attaques à l'improviste par deux regiments russes,» и должны были оставить городъ и т. д.

Въ четвертыхъ. По чему Г. Богдановичъ, ссылаясь на меня съ приложеніемъ: будьтобы не сослался на Генерала Барона Кросара, [18] бывшаго безотлучно при Фельдмаршалѣ подъ Малоярославцемъ, который говоритъ то же, что и я, и именно (t. 5, p. 48), когда Кутузовъ прибылъ на мѣсто битвы, Дохтуровъ подъѣхалъ къ нему: «Il nous apprit, qu' au moment, où ses premieres troupes pentraient dans Malojaroslawitz, les premieres troupes de l'ennemi y entraient aussi du coté opposé»,—и присовокупляетъ: «Ainsi au rapport de ce général (Дохтуровъ), il serait constant, qu'aucune troupe ennemi n'avait meme pris possession des premieres maisons

---

[17] Дельзонъ прибылъ къ городу 11-го числа. Извѣстно же, что мостъ былъ сожженъ, плотина прорвана; онъ остановился предъ городомъ, за р. Лужей, и приступилъ къ исправленію моста. Когда онъ былъ изготовленъ, тогда и были имъ посланы упоминаемые два батальона, наткнувшіеся на 6-й и 33-й егерскіе полки, какъ о семъ будетъ сказано.

[18] Mémoires mititaires et historiques etc., par M. le Baron de Crossard, Marechal de camp etc. Paris, 1829, in 8, 6 v. Баронъ Кросаръ, Генералъ Испанской службы, былъ принятъ въ нашъ Генеральный Штабъ Полковникомъ. Онъ встрѣтилъ армію между Москвой и Бородиномъ, и съ того времени не покидалъ Князя Кутузова. А. П. Ермоловъ, въ Запискахъ своихъ (стр. 180), говоря объ обозрѣніи позиціи подъ Москвой, вмѣстѣ съ Барономъ Кросаромъ, отзывается о немъ, какъ о «человѣкѣ съ дарованіемъ,» и пр.

de la ville,» по чему повторяю, Г. Богдановичъ отвергаетъ всѣ этѣ засвѣдѣтельствания, а придерживается только одного Лабома, который, по признанію самого сочинителя «Исторіи Отечественной войны,» даетъ волю воображенію, вдается въ показанія весьма сомнительныя?»

На этой же 31-й страницѣ:.... «Войска Дохтурова, на разсвѣтѣ 12-го (24), прибыли къ Малоярославцу и стали по обѣ стороны Калужской дороги. Чтобы не дать непріятелю времени утвердиться въ городѣ, [1] Дохтуровъ тотчасъ послалъ туда состоявшіе въ отрядѣ Генерала Дорохова 6-й и 33-й егерскіе полки, за которыми въ резервѣ слѣдовалъ 11-й (егерскій).»

Помимо того, что это неправильно, а выражено, однако же, какъ бы очень ясно, Г. Богдановичъ, по видимому, недовольный и этой ясностью, усиливается пояснить еще яснѣе. Сказавъ уже, что войска Дохтурова заняли позицію для преграждения непріятелю пути къ Калугѣ, и что съ этой позиціи сдѣлано было и распоряженіе послать въ городъ 6-й и 33-й егерскіе полки, за которыми въ резервѣ послѣдовалъ 11-й егерскій полкъ, вдругъ за этѣми послѣдними словами возвращается къ позиціи и говоритъ: «пѣхота 6-го корпуса, расположилась противъ города (!).»

Кто знаетъ твердо, что Дохтуровъ былъ начальниковъ 6-го корпуса, тотъ хотя немного и призадумается, но все таки пойметъ, что сочинитель говоритъ объ одномъ и томъ же обстоятельствѣ; но обыкновенный читатель подумаетъ, что сдѣсь было два отряда—одинъ состоялъ изъ войскъ Дохтурова, а другой изъ 6-го корпуса; тѣмъ болѣе это сбивчиво и можетъ повести къ ошибочному мнѣнію уже и по тому, что въ первомъ случаѣ сказано положительно, что «войска Дохтурова стали по обѣ стороны Калужской дороги,» а во второмъ, что

---

[1] И сдѣсь оборотомъ рѣчи и словомъ утвердиться Г. Богдановичъ какъ бы хочетъ дать понять, что непріятель былъ уже въ городѣ; ибо иначе, вмѣсто утвердиться, онъ бы сказалъ занять и утвердиться.

пѣхота 6-го пѣхота расположилась противъ города, кавалерія же правѣе,» къ Спасскому. Слѣдовательно, противъ какой изъ трехъ сторонъ? Ибо съ четвертой былъ непріятель, и объ этомъ послѣднемъ расположеніи говорится только чрезъ нѣсколько строкъ, послѣ перваго обозначенія позиціи! Сверхъ того, по моему мнѣнію, было бы приличнѣе говорить о конницѣ тамъ, гдѣ сказано о войскахъ Дохтурова; ибо въ то время онъ дѣйствительно начальствовалъ всѣми, тутъ сосредоточившимися, войсками; слѣдовательно, и слово войска Дохтурова было бы выраженьемъ правильнымъ. Но не сказавъ сдѣсь ни слова о конницѣ, а упоминать о ней, говоря о пѣхотѣ 6-го корпуса,—неправильно; ибо въ составѣ 6-го корпуса, кромѣ пѣхоты, съ принадлежащею артиллеріею, конницы не было, а она была въ войскахъ Дохтурова; слѣдовательно, тутъ ей и мѣсто. Но это я замѣчаю такъ, мимоходомъ; но вотъ что сдѣсь уже не неясность, а что-то другое.

Выше было видно, что Дохтуровъ, расположивъ свои войска по обѣ стороны Калужской дороги, уже отсюда тотчасъ послалъ въ городъ 6-й и 33-й егерскіе полки. Это сказано въ концѣ 31-й страницы, а въ началѣ слѣдующей, 32-й, говорится, что «въ пять часовъ утра войска наши пошли въ атаку (!): 33-й егерскій полкъ первымъ вступилъ въ городъ.» Нѣсколько строкъ далѣе: «Съ нашей стороны были посланы въ помощь 33-му полку 6-й и 19-й егерскіе полки, подъ начальствомъ Полковника Вуича.» [20]

Понятно, что чрезъ нѣсколько страницъ, при поспѣшномъ сложеніи Исторіи, можно забыть то, что уже сказано, на основаніи ли какого матеріяла, или на удачу, и потомъ, на основаніи тоже какого либо другого матеріяла, или также на удачу, и при отсутствіи даже и памяти, написать иное. Но написать это чрезъ

---

[20] Въ концѣ параграфа ссылка № 4, въ коей сказано: «Записки Ермолова. По свѣдѣтельству же Липранди прежде всѣхъ вошелъ въ городъ 6-й егерскій Полковника Глѣбова полкъ, а 33-й Полковника Бистрома остановился при входѣ въ городъ, какъ бы въ резервѣ.» Поясненіе этого обстоятельства находится въ не разъ упоминавшейся моей статьѣ.

нѣсколько строкъ—замѣчательно! Сдѣсь уже нѣтъ и помина о послѣдовавшемъ въ резервѣ, за 6-мъ (12-й дивизіи) и 33-мъ (11-й дивизіи) полками, 11-мъ егерскомъ, который былъ 7-й дивизіи, а на мѣсто его появляется 19-й егерскій, 24-й дивизіи, и при томъ соединенно съ 6-мъ егерскимъ, который, какъ видно было выше, пошелъ вмѣстѣ съ 33 полкомъ и сдѣсь вдругъ очутился съ своимъ шефомъ, Глѣбовымъ, подъ начальствомъ Вуича, вмѣсто 40-го егерскаго, бригады сего послѣдняго!

Таковы итоги соображеній лицъ, которыя мнятъ стоять выше бывалыхъ, не совершенно; такъ же чуждыхъ письменности, а по опытности обладающихъ большою основательностью.

Сдѣсь я только слегка замѣтилъ нѣкоторыя несобразности въ частностяхъ, которыя ловкій писатель, хотя бы и не чрезъ чуръ былъ письменный и свѣдущій въ литературѣ такого рода, съумѣлъ бы парализировать, рѣшившись на что ни будь одно, такъ, чтобы не было разнорѣчія: пусть догадываются! А какъ всѣ участники перемрутъ, такъ кому какое дѣло: Дитерихъ ли съ 11-мъ егерскимъ полкомъ поддерживалъ 6-й и 33-й полки Глѣбова и Бистрома, или Вуичъ съ 19-егерскимъ; главное, было бы гладко; но такъ какъ написалъ Г. Богдановичъ, и чрезъ нѣсколько вѣковъ узрятъ промахи и неосновательность повѣствованій.

Относительно же выше упомянутаго эпизода, онъ вообще отъ начала до конца изложенъ неправильно. Сдѣсь вкратцѣ замѣчу: 6-й и 33-й егерскіе полки, присоединившіеся къ Дохтурову, при Аристовѣ, были посланы въ городъ не съ позиціи при Малоярославцѣ, а изъ Спасскаго, когда едва только представилась возможность, по приготовляемымъ плотамъ для мостовъ, перебраться по бревнамъ чрезъ Протву, [11] и направлены въ городъ, въ который вошли за четверть часа до разсвѣта, не ходивъ въ

---

[11] По этому нельзя было присоединить къ нимъ и артиллеріи, которая послана была при первой возможности. Дохтуровъ торопился, какъ бы скорѣе успѣть занять Малоярославецъ, а по тому, едва представилась возможность, и послалъ помянутые полки.

этомъ случаѣ въ атаку, какъ выше сказалъ это почтенный сочинитель. Когда же мосты въ Спасскомъ были готовы, Дохтуровъ переправился и узналъ о положеніи дѣла въ Малоярославцѣ, тогда, въ слѣдъ за 6-мъ и 33-мъ егерскими полками, былъ посланъ Вуичъ съ 19 и 40 егерскими полками [22] и съ легкою артиллерійскою ротой Девеля. Подробности этого находятся въ той же статьѣ моей.

Продолжая описывать бой въ городѣ (стр. 34), сказано: «Съ нашей стороны Вильманстрандскій пѣхотный и 11-й егерскій полки введены въ Малоярославецъ,» и т. д.

Что за оказія! Сдѣсь является опять 11-й егерскій полкъ, но уже не вмѣстѣ съ 6-мъ и 33-мъ егерскими, какъ сказано было за полуторы страницы выше, а съ Вильманстрандскимъ. Не понимаю, какимъ образомъ могъ попасть, вмѣстѣ съ 11-мъ егерскимъ полкомъ, принадлежавшимъ 6-му корпусу, Вильманстрандскій, гораздо прежде прибытія Кутузова, слѣдовательно, и Милорадовича (пришедшаго еще позднѣе), у котораго въ авангардѣ находился 2-й корпусъ, а по тому и дивизія Олсуфьева, въ составѣ которой былъ Вильманстрандскій полкъ! Сдѣсь должна быть, кажется, описка, не замѣченная сочинителемъ своей Исторіи. Я не помню этого полка дѣйствовавшимъ въ Малоярославцѣ съ полками 6-го корпуса, по крайней мѣрѣ, до прибытія всей арміи. [23] Не произошло ли сдѣсь недоумѣніе, и вотъ по чему: когда

---

[22] Сдѣсь должно замѣтить, что этѣ полки, потерпѣвъ громадныя потери въ Бородинѣ, были соединены въ одинъ слабый полкъ подъ № 19, что продолжалось до 1813 года, когда подошли резервы и полки вновь получили отдѣльное свое значеніе.

[23] Полкъ этотъ былъ очень мнѣ знакомъ еще съ Финляндской войны, когда имъ лично командовалъ шефъ онаго, П. А. Тучковъ 3-й; слѣдовательно, ни въ какомъ случаѣ я не могъ забыть этого, помня и до днесь многихъ Офицеровъ; а сверхъ того, по обязанности моей, это ни какъ не могло укрыться отъ моего свѣдѣнія; да и самъ Г. Богдановичъ, конечно, не упустилъ бы сказать, какимъ образомъ полкъ этотъ очутился въ дѣйствіи съ 6-мъ корпусомъ, а этого нѣтъ; и по тому это ошибка, промахъ въ глазахъ очевидцевъ битвы, а другимъ, опять говорю, какое дѣло? Не уже ли въ міровыхъ событіяхъ, какъ часто

Генералъ Дороховъ оставленъ былъ съ летучимъ отрядомъ въ окрестностяхъ Вереи, то въ концѣ Сентября, для предпріятія на этотъ городъ, отправлены были къ нему Полоцкій и Вильманстрандскій мушкетерскіе полки и изъ 6-го корпуса батальонъ 19-го егерскаго полка. По овладѣніи Вереею, 29-го Сентября, пѣхота и легкая артиллерія возвратились къ арміи. [24] Событіе это мнѣ очень памятно по многимъ отношеніямъ. Скоро послѣ, вмѣсто помянутой пѣхоты, посланы были къ Дорохову 6-й и 33-й егерскіе полки, присоединившіеся къ Дохтурову при Аристовѣ. [25]

На стр. 35-й разсказывается, какъ Кутузовъ, переправясь въ Спасскомъ чрезъ Протву, «остановилъ войска въ пяти верстахъ отъ поля сраженія и далъ имъ отдыхъ..... Осторожный Кутузовъ

говаривалъ покойный А. И. Данилевскій, имя того или другого полка можетъ имѣть какой либо историческій интересъ? Этѣ частности стушевываются громадностью общаго событія. Не то относительно живыхъ, въ чемъ неотмѣнно сознается и Г. Профессоръ, тѣмъ болѣе, что это было такъ и во времена Тита Ливія.

[24] По чему этого нѣтъ у Г. Богдановича, когда у другихъ историковъ оно находится? Но отъ этого ли незнанія помѣщенъ и Вильманстрандскій полкъ тамъ, гдѣ уже его не было? Во всякомъ случаѣ, Исторія, посвященная исключительно описанію военныхъ дѣйствій въ Отечественную войну, должна была пояснить это обстоятельство, тѣмъ болѣе, что объ отозваніи этѣхъ полковъ отъ Дорохова говорится въ предшествовавшихъ исторіяхъ, а равно и объ отправленіи въ послѣдствіи къ Дорохову 6-го и 33-го егерскихъ полковъ, въ замѣнъ отозванныхъ.

[25] Въ Запискахъ А. П. Ермолова (стр. 221) упоминается о Вильманстрандскомъ полкѣ слѣдующимъ образомъ: «....прибыли въ распоряженіе мое 11-й егерскій полкъ и пѣхотные Софійскій, Либавскій и Вильманстрандскій, съ достаточнымъ количествомъ артиллеріи.... Храбрая атака въ штыки Либавскаго полка, подъ начальствомъ Генералъ-Маіора Талызина, и Софійскаго, подъ командой Полковника Халяпина (а не Халятина, что, конечно, опечатка), которые, не сдѣлавъ выстрѣла, вошли въ городъ» и т. д. Первые названные здѣсь три полка 7-й дивизіи, бывшей въ составѣ 6-го корпуса, а послѣдній 2-го корпуса; Либавскій и Софійскій составляли 2-ю бригаду; Псковскій и Московскій 1-ю, а 11 и 36-й 3-ю бригаду 7-й дивизіи. Еще разъ повторяю, что въ помянутомъ наименованіи должна быть описки, которую Г. Богдановичъ ввелъ въ Исторію.

(продолжаетъ сочинитель) неохотно рѣшался на движеніе къ Малоярославцу (еще подтвержденіе, что Дохтуровъ не могъ безъ приказанія ити изъ Аристова въ Малоярославецъ), могшее повлечь за собой генеральное сраженіе, но получивъ во второй разъ извѣстіе о затруднительномъ положеніи Дохтурова, послалъ ему въ помощь 7-й корпусъ и поручилъ Коновницыну разузнать о ходѣ сраженія. Коновницынъ, съ первыми встрѣченными имъ батальонами Орловскаго полка, ударилъ на непріятеля. Въ слѣдъ за тѣмъ Раевскій подоспѣлъ съ своимъ корпусомъ на правый флангъ нашей позиціи, къ тремъ часамъ по полудни» и т. д.

Прохожу молчаніемъ тонкую филиппику на счетъ медленности Кутузова спѣшить къ Дохтурову и опасенія не быть завлеченнымъ въ генеральное сраженіе, что, въ особенности послѣднее, вызвало бы длинное разсужденіе; замѣчу опять однѣ только неясности. Кутузовъ посылаетъ 7-й корпусъ на помощь Дохтурову и поручаетъ Коновницыну разузнать о ходѣ сраженія; Коновницынъ же, «съ первыми встрѣчными батальонами Орловскаго полка, ударяетъ на непріятеля.[26] Это не только что неясно, но и во все непонятно: Орловскій полкъ былъ 7-го корпуса, котораго подъ Малоярославцемъ еще не было. Онъ только что получилъ приказаніе ити туда. Тѣмъ болѣе это сбивчиво, что послѣ того, какъ Коновницынъ съ Орловцами ударилъ на непріятеля, сказано: «въ слѣдъ за симъ Раевскій подоспѣлъ съ своимъ корпусомъ» и т. д. Какимъ же образомъ Орловцы-то были подъ Малоярославцемъ прежде, нежели подошли къ нему? Слѣдовательно, неясность еще очевиднѣе! Сдѣсь должно еще замѣтить, что оборотъ рѣчи въ приведенномъ мною параграфѣ возбудитъ недоумѣніе въ лицахъ, несовершенно знакомыхъ съ событіями, и заставитъ ихъ подумать, что 7-й корпусъ, отправленный въ помощь Дохтурову, не то, что корпусъ Раевскаго. А наконецъ, что такое Коновницынъ въ этотъ моментъ? Мы это знали, но для другихъ поясненіе было необходимо; ибо въ это время онъ былъ уже Дежурнымъ Генераломъ, а по составу рѣчи, какъ будьто на-

---

[26] Въ Запискахъ А. П. Ермолова сказано о семъ (стр. 222): «На самое короткое время пріѣзжалъ изъ арміи Дежурный Генералъ Коновницынъ; появленіе его было для одной реляціи.»

чальникомъ 7-го корпуса. Все это, повторяю, ясно для насъ, а можетъ быть отчасти и для Г. Богдановича, но не для всѣхъ, которые желали бы, не ломая головы, почерпнуть понятія положительныя.

На стр. 36-й: «полки Дохтурова и Раевскаго, отойдя на пушечный выстрѣлъ отъ города, выставили сильныя батареи.» Этѣ три строки неотчетливы: онѣ наводятъ мысль на наше пораженіе, а по тому пройду кратко этотъ эпизодъ. По прибытіи Дохтурова, онъ занялъ позицію предъ Малоярославцемъ около трехъ четвертей версты отъ онаго, поперекъ дороги, идущей въ Калугу. Около версты сзади позиціи Дохтурова находилось селеніе Нѣмцево, лежащее въ глубокомъ оврагѣ. Относительно того, былъ ли въ началѣ занятъ городъ Французами, какъ хочетъ увѣрить Г. Богдановичъ (впрочемъ, невольно противорѣча себѣ), или не былъ занятъ, это все равно. Сдѣсь дѣло только въ томъ, что городъ былъ спорнымъ пунктомъ между обѣими арміями, и мы съ позиціи, первоначально занятой передъ городомъ, посылали подкрѣпленія въ оный по мѣрѣ того, какъ непріятель усиливался. Раевскій, прибывъ съ своимъ 7-мъ корпусомъ, остановился на правомъ флангѣ 6-го корпуса, слѣдовательно, продолжилъ только первоначальную позицію, занятую на разсвѣтѣ Дохтуровымъ. Съ этой позиціи оба корпуса стали посылать подкрѣпленіе бившимся въ городѣ, который нѣсколько разъ переходилъ изъ рукъ въ руки, и позиція наша оставалась во все время на томъ самомъ мѣстѣ, какъ она занята была первоначально.

Сказанныя слова Г. Богдановича: «полки Дохтурова и Раевскаго, отойдя на пушечный выстрѣлъ отъ города, выставили сильныя батареи,» даютъ понимать, что мы отступили на пушечный выстрѣлъ; но это было не такъ; ибо если бы Г. Богдановичъ сказалъ, что полки Дохтурова и Раевскаго отошли на позицію, съ которой былъ открытъ сильный огонь съ батарей, то было бы правильно и понятно; но такъ какъ онъ выразился, оно неправильно и непонятно. Вытѣсненіе полковъ Дохтурова и Раевскаго изъ города свѣжими войсками, приведенными Даву, было кратковременное: отбросивъ картечнымъ огнемъ головы не-

пріятельскихъ колоннъ, пытавшихся выйти изъ города, наши опять проникали въ оный. По прибытіи же 8-го корпуса Бороздина, послѣдній вытѣснилъ Французовъ изъ города, который потомъ опять былъ занятъ ими, когда уже стемнѣлось. [27]

Изъ всего выше писаннаго видно, что позиція наша, занятая Дохтуровымъ на разсвѣтѣ 12-го ч., оставалась постоянно за нами до разсвѣта слѣдующаго дня, до того времени, какъ приказано было всей арміи перейти Нѣмцевскій оврагъ и занять другую позицію, что и было совершено ночью на 13 Октября. Но и тогда позиція, первоначально занятая Дохтуровымъ, оставалась до десяти часовъ утра, 13-го числа, занятой Милорадовичемъ съ авангардомъ, въ которомъ случайно были и три полка 6-го корпуса.

На стр. 37-й сказано: «Уже день склонялся къ вечеру, когда прибылъ къ Малоярославцу Фельдмаршалъ съ остальными корпусами, пришедшими отъ Тарутина. [28] Войска сіи располо-

---

[27] Оставленіе Малоярославца корпусомъ Бороздина произошло отъ какого-то недоумѣнія, какъ говорили въ то время. Сдѣсь не мѣсто разсматривать это, что было бы и слишкомъ длинно. Но нельзя не замѣтить тутъ замысловатыя слова, будьто бы сказанныя Кутузовымъ Коновницыну, отправляя его, какъ видѣли выше, въ Малоярославецъ (стр. 67): «Ты знаешь, какъ я тебя берегу и всегда упрашиваю не кидаться въ огонь; но теперь прошу тебя очистить городъ.» Не извѣстно, изъ какихъ источниковъ слова этѣ переданы въ Исторію. А вотъ въ чемъ дѣло: гдѣ Кутузовъ берёгъ Коновницына? Въ аріерргардѣ до Шевардина и при ономъ, въ Бородинѣ, вездѣ доля Коновницына была находиться въ самыхъ жаркихъ мѣстахъ. Сдѣсь подъ Малоярославцемъ, хотя онъ былъ Дежурнымъ Генераломъ, но, какъ видимъ, онъ посылается Кутузовымъ въ огонь во второй разъ, съ приказаніемъ, которое не могло не потребовать полнаго самоотверженія, и посылается тогда и туда, гдѣ дѣйствовали Генералы не хуже Коновницына, Дохтуровъ, Раевскій, Принцъ Евгеній Виртембергскій, Ермоловъ и др., а по тому приведенныя слова въ этомъ случаѣ не приходятся и представляютъ мистификацію, буде дѣйствительно были сказаны Кутузовымъ. Любопытно было бы знать, отъ кого заимствовалъ ихъ сочинитель? Самъ, вѣдь, слышать онъ не могъ, какъ Данилевскій, передающій иногда то, что онъ самъ слышалъ.

[28] Нахожу неправильнымъ выраженіе: «съ остальными корпусами.» Если бы подъ Малоярославцемъ была, положимъ, хотя бы половина арміи, тутъ выра-

жились на высотахъ по обѣ стороны Калужской дороги, въ двухъ съ половиною верстахъ отъ города.»

И здѣсь, помимо перепутанности въ разсказѣ вообще о событіяхъ при Малоярославцѣ, обращу только вниманіе на несогласованіе помянутыхъ строкъ съ приложеннымъ къ этому же сочиненію планомъ, что, со множествомъ подобнаго, ставитъ читателя, какъ говорится, въ тупикъ и оставляетъ въ недоумѣніи. Чему все это должно приписать?

Если Кутузовъ, подойдя къ Малоярославцу, дѣйствительно расположилъ армію въ двухъ съ половиной верстахъ отъ города по Калужской дорогѣ, въ такомъ случаѣ слѣдовало бы уже такъ обозначить и на планѣ. Между тѣмъ какъ на планѣ вся приведенная Кутузовымъ армія и корпуса, бывшіе съ Милорадовичемъ, показаны расположенными отъ города въ разстояніи менѣе версты, исключая 2-й и 4-й пѣхотные корпуса не съ большимъ въ верстѣ, а 2-й и 4-й кавалерійскіе корпусы около полуторы версты, какъ въ дѣйствительности это и было, что свѣдѣтельствуетъ повѣствованіе Бутурлина, Кросара и Михайловскаго-Данилевскаго, который приложилъ и снятый въ свое время планъ. [29]

женіе это было бы сносно. Но здѣсь былъ только одинъ корпусъ 6-й; слѣдовательно, остальное составляло шесть пѣхотныхъ и нѣсколько кавалерійскихъ корпусовъ. Но это я говорю мимоходомъ. Въ строгомъ смыслѣ невѣрно и то, что эти остальные пришли отъ Тарутина; ибо нѣсколько корпусовъ пришли съ Милорадовичемъ не отъ Тарутина.

[29] Пожалуй, иной подумаетъ, что сочинитель: «Исторіи Отечественной войны» не видалъ прилагаемаго къ своему тексту плана, точно также, какъ и плана Тарутинской позиціи. У Данилевскаго къ событіямъ Малоярославца приложено четыре плана: 1, Движеніе арміи изъ Тарутина; 2, Планъ сраженія въ началѣ только Дохтурова; 3, Планъ сраженія, когда Кутузовъ привелъ армію и расположилъ ее передъ городомъ, имѣя сзади Нѣмцево, и 4, Планъ ночнаго нападенія Казаковъ съ 12-го на 13-е Октября, гдѣ показана и армія, ставшая уже на позицію въ двухъ съ половиною верстахъ отъ города, имѣя предъ собой Нѣмцево. Что же изъ всего этого представляетъ Г. Богдановичъ? Одинъ планъ, несходствующій съ текстомъ описанія!? За что же онъ такъ безпощадно, какъ далѣе увидимъ, громитъ Данилевскаго, вмѣстѣ съ Ахшарумо-

Кутузовъ, по прибытіи къ Малоярославцу, поставилъ всѣ свои и Малорадовича войска, не такъ, какъ повѣтствуетъ Г. Богдановичъ, а расположилъ ихъ правѣе Дохтурова и Раевскаго, что правильно на планѣ и показано, словомъ, передъ городомъ, имѣя сзади Нѣмцевскій оврагъ, и прикрылъ фронтъ тремя укрѣпленіями, съ неимовѣрною скоростію устроенными Генераломъ Ферстеромъ, на половину пушечнаго выстрѣла отъ города.

Г. Богдановичъ видимо недостаточно вникнулъ и изучилъ описываемыя имъ событія, и слилъ два эпизода въ одинъ. А именно: когда Кутузовъ и Милорадовичъ 12-го числа пришли къ Малоярославцу, они остановились на позиціи, какъ замѣчено выше, на пушечный выстрѣлъ отъ города, словомъ, такъ, какъ показано и на планѣ, приложенномъ къ сочиненію Г. Богдановича. Это была первоначальная позиція или, правильнѣе сказать, позиція въ день битвы.

Но такъ какъ позиція эта не включала необходимыхъ условій для принятія Генеральнаго сраженія, которое могло произойти на слѣдующій день; ибо въ трехъ четвертяхъ версты, за лѣвымъ флангомъ и частію центра, по направленію къ Калугѣ, находился глубокій Нѣмцевскій оврагъ, трудно проходимый, по крутизнѣ единственнаго спуска и подъема на столбовой дорогѣ, пролегавшей чрезъ селеніе Нѣмцево, а о другихъ переходахъ чрезъ этотъ оврагъ нельзя было и помышлять; за правою же частію центра и за правымъ флангомъ позиціи находилась глубокая, трудно проходимая, долина, поросшая лѣсомъ и изрѣзанная оврагами, среди которой протекаетъ ручей, впадающій въ р. Лужу, то все это и побудило Фельдмаршала, занятую имъ предъ вечеромъ, 12-го ч., позицію оставить и перейти между полуночью (на 13-е Октября) и разсвѣтомъ Нѣмцевскій оврагъ, и тутъ твердо расположиться къ утру. Вотъ позиція, занятая уже, какъ сказано, 13-го числа, по окончаніи битвы въ Малоярославцѣ и отстоявшая отъ города дѣйствительно на двѣ съ поло-

---

вымъ, Бутурлинымъ, Окуневымъ, словомъ, всѣхъ, кто дерзалъ писать прежде его сочиненія?

винной версты; но позиція эта была не первоначальной, на которую Г. Богдановичъ приводитъ Кутузова прямо изъ Тарутина, вопреки даже плана расположенія всей арміи 12-го числа. Замѣчательно сдѣсь то, что текстъ не упоминаетъ о позиціи арміи 12-го ч., хотя планъ подробно указываетъ на мѣста, занимаемыя каждымъ корпусомъ и другими частями войскъ, между тѣмъ какъ позиція, упоминаемая въ текстѣ, за двѣ съ половиной версты, не имѣетъ плана.

Г. Богдановичъ справедливо говоритъ (стр. 32), что Кутузовъ привелъ армію къ Малоярославцу, когда день началъ склоняться къ вечеру; но несправедливо, что расположился въ двухъ съ половиной верстахъ. Туда она отправилась къ разсвѣту, 13-го ч., а до окончанія битвы, 12 ч., она оставалась въ продолженіе десяти часовъ времени, значитъ, около полусутокъ, на позиціи предъ самымъ городомъ, на пушечный выстрѣлъ отъ онаго. Фельдмаршалъ самъ указалъ Генералу Ферстеру мѣста для возведенія редутовъ, и при обозрѣніи мѣстности не одно ядро пролетѣло около него.

Если бы Г. Богдановичъ былъ снисходительнѣе къ очевидцамъ, писавшимъ прежде его, а не отдавалъ бы преимущества, по собственному выбору, тѣмъ, которые описываютъ событія, не участвовавъ въ оныхъ, то онъ не впалъ бы въ такія погрѣшности, которыми сочиненіе его переполнено. На примѣръ, относительно разбираемаго предмета, онъ нашелъ бы всему этому разъясненіе у Михайловскаго-Данилевскаго, [30] который (т. III, стр. 292) пишетъ: «Мѣстность не дозволяла принять нападенія съ

---

[30] Описаніе Михайловскимъ-Данилевскимъ Малоярославецкаго сраженія (то жъ при Бородинѣ и пр.), конечно, не удовлетворительно, но въ немъ нѣтъ такихъ промаховъ, какіе встрѣчаются въ «Исторіи Отечественной войны 1812 г.» Участникъ никогда не можетъ впасть въ такую ерунду, какъ писатель, не участвовавшій въ тѣхъ событіяхъ, которыя предпринялъ описывать, а при томъ и не видавшій еще ни одной классической войны. Сверхъ всего этого хотя и Данилевскій иногда проскакивалъ на курьерскихъ чрезъ нѣкоторыя событія, но у него нельзя отнять свободы выражать военныя дѣйствія, и онъ, не предпринималъ сужденій, которыя ему не подъ силу: на столько у него было смыслу!

той позиціи, гдѣ наша армія стояла; ибо сзади находились овраги, и нельзя было употребить нашей кавалеріи, обѣщавшей намъ въ сраженіи рѣшительный перевѣсъ. Возобновить бой ночью тоже было неудобно, а по тому Князь Кутузовъ приказалъ арміи занять, до разсвѣта, другую позицію, въ двухъ съ половиною верстахъ позади первой. Передвиженіе войскъ исполнено ночью, съ 12-го на 13-е Октября; только Милорадовичу велѣно было не трогаться и стоять въ виду города на прежней позиціи.»

Г. Богдановичъ нашелъ бы то же самое у Бутурлина (т. II, стр. 46), что «съ 12 на 13-е ч. армія расположилась на Калужской дорогѣ, за ручьемъ Корижею (текущимъ въ Нѣмцевскомъ оврагѣ), въ весьма выгодной позиціи, въ двухъ верстахъ съ половиной отъ Малоярославца.» Еще болѣе подробныя свѣдѣнія объ этомъ періодѣ онъ получилъ бы изъ повѣствованія Барона Кросара, состоявшаго при Фельдмаршалѣ и избравшаго эту вторую позицію, о которой очень подробно разсказываетъ въ пятомъ томѣ своихъ военныхъ воспоминаній, посвятивъ этому нѣсколько страницъ (51—61), именуя даже Офицеровъ Генеральнаго Штаба, ему для сего приданныхъ. Независимо отъ этѣхъ указаній, есть множество другихъ засвѣдѣтельствованій, [31] писанныхъ также участниками при Малоярославцѣ, какъ въ рядахъ нашихъ, такъ и непрія-

[31] Въ «Походныхъ Запискахъ артиллериста,» Полковника И. Т. Радожицкаго (т. I, стр. 228); въ «Офицерскихъ Запискахъ», Князя Н. Б. Голицына (стр. 27); въ «Походѣ Наполеона въ Россію» (стр.); въ «Запискахъ о походахъ 1812 и 1813 годовъ» (стр. 15); въ «Малоярославцѣ 1812 г.» В. Глинки (стр. 79); въ «Пораженіи Французовъ на Сѣверѣ» (стр. 240), и другихъ соотечественниковъ. А вотъ засвѣдѣтельствованіе и Французовъ: Генерала Гурго (р. 27); Маркиза Шамбре (т. II, р. 334); Графа Солтыка (р. 359); Лабома (п. 228); Mém. pour serv. à l' hist. de la guerre de 1812, Офицера Французскаго Генер. Штаба (t. II, p. 254—256, съ очень подробнымъ планомъ, № XI); въ Трофеяхъ Французской арміи, книги, составленной участниками (t. V, p. 188); въ Запискахъ Маршала Гувіона Сенъ-Сира (t. III, p. 279); въ Исторіи Тьера (t. XIV, p. 482). Этѣ два послѣдніе, хотя и не участвовали подъ Малоярославцемъ, но, конечно, писали господствующее засвѣдѣтельствованіе. Вотъ еще и нѣсколько Нѣмцевъ, попавшихся подъ руку: Морицъ Миллеръ (t. II, S. 8, съ подробнымъ планомъ); Либенштейнъ (t. II, S. 208, 209); Бейтцке (S. 284), и т. д., и т. д.

тельскихъ, и которые всѣ съ большею или меньшею подробностію положительно говорятъ, что Кутузовъ, приведя армію изъ Тарутина, не прямо расположилъ ее за двѣ съ половиной версты отъ города, но поставилъ ее кругомъ его на пушечный выстрѣлъ, воздвигъ редуты или батареи и съ пяти часовъ по полудни 12 ч., во время разгара дѣла, удерживалъ ее на этой позиціи, дѣлая лично подъ ядрами распоряженія, и такъ оставаясь долго послѣ окончанія сраженія: по полуночи, къ разсвѣту, перевелъ армію съ той позиціи, на которой она оставалась нѣсколько времени на ту, [32] которую Г. Богдановичъ указываетъ, какъ на позицію, занятую арміею тотчасъ, какъ привелъ ее Кутузовъ изъ Тарутина, не упоминая вовсе о позиціи подъ самымъ городомъ во время битвы, хотя на планѣ и помѣстилъ правильно!.... Но что я говорю! Вѣдь приведенные мною сочинители были всѣ участники, писавшіе при живыхъ еще главныхъ дѣятеляхъ и не опасались излагать истину, противъ которой современники событій и не возставали. Мнѣніе же почтеннаго сочинитея «Исторіи Отечественной войны» не таково: онъ, какъ видѣли въ своемъ мѣстѣ, утверждаетъ, что засвѣдѣтельствованіе участниковъ пристрастно; это не то, что Гепфнеръ, Бернгарди и т. п.

Я же думаю, что нельзя отвергать показаній стольких лицъ, участвовавшихъ въ описываемомъ событіи, свѣдѣтельствующихъ, [33] что армія, приведенная Кутузовымъ изъ Тарутина, засвѣтло, 12-го Октября, не прямо заняла позицію за двѣ съ половиною версты. Впрочемъ, онъ и самъ на той же страницѣ, гдѣ пишетъ о прибытіи арміи (правда, по его сказанію, расположившейся за двѣ съ половиною версты), очень простодушно говоритъ: «съ наступленіемъ темноты, войска обѣихъ сторонъ, прекративъ отчаянную [34] борьбу, оставались на занятыхъ ими позиціяхъ:

---

[32] Эта-то вторая позиція такъ напугала Бесьера, а чрезъ него и Наполеона.

[33] Занимая должность Оберъ-Квартирмейстера 6-го корпуса, мнѣ, независимо отъ дневника, очень понятно, когда, вмѣстѣ съ другими Оберъ-Квартирмейстерами, меня потребовали для принятія мѣстъ и пр.

[34] Здѣсь слово «ожесточенную» было бы соотвѣтственнѣе. Отчаяніе въ Мало-

Французы въ Малоярославцѣ, а Русскіе въ разстояніи менѣе версты отъ города (что было въ дѣйствительности, какъ на планѣ и означено), но канонада и ружейная перестрѣлка продолжались почти до полуночи.»

Какъ же это согласовать? Конечно, если бы описываемыя событія происходили въ настоящее время, тогда такое противорѣчіе самому себѣ можно бы легко помирить; ибо теперь, сказавъ на пушечный выстрѣлъ, можно было бы подразумѣвать и двѣ съ половиной версты, а, пожалуй, и гораздо болѣе; но въ 1812 году и долго послѣ не было еще снарядовъ дальняго полета; слѣдовательно, послѣ сказаннаго Г. Богдановичемъ и самый обще-Европейскій конгресъ не придумаетъ, какъ примирить этѣ двѣ повѣсти и сблизить ихъ. Ограничивающійся однимъ сочиненіемъ Г. Богдановича, для полученія понятія о Малоярославецкой битвѣ, останется въ недоумѣніи, чему вѣрить: плану, или тексту, и невольно придетъ къ тому заключенію, что почтенный сочинитель, какъ жрецъ истины, съ свѣтильникомъ въ рукахъ, разрывъ всѣ матеріялы и проникнувъ въ сокровенные и темные, какъ онъ говоритъ, двигатели, нашелъ, что одна изъ этѣхъ позицій есть не что иное, какъ миѳъ.

Не понимаю, какимъ образомъ можно было впасть въ такія важныя ошибки при описаніи сраженія, которое, повторяю, положило предѣлъ наступательнымъ движеніямъ Наполеона. Послѣ Малоярославца онъ уже не сдѣлалъ шага впередъ. [35] Графъ Сегюръ (t. II, p. 93) говоритъ: «Mes compagnons, vous le rappelez vous, ce champ funeste, où s'arreta la conquette du monde, où vingt ans de victoire vinrent echouer, où commence le grand ecroulement de notre fortune?» и т. д. Маршалъ Гувьонъ Сенъ-Сиръ и многіе другіе ставятъ Малоярославецъ на ту же степень; слѣдовательно, намъ надлежало бы обратить вниманіе на это и, по

ярославцѣ, когда подошла уже вся наша армія, можетъ относиться только къ Французамъ, но отнюдь не къ ихъ противникамъ.

[35] Временное его наступленіе послѣ Люцена, въ 1813 году, до перемирія, сдѣсь входить въ расчетъ не можетъ; ибо характеръ его совершенно иной.

крайней мѣрѣ, сколь возможно отчетливѣе и правильнѣе изобразить столкновеніе двухъ великихъ армій, но что вышло. Не достаетъ только печеныхъ яблокъ на деревьяхъ! Конечно, и сдѣсь невнимательность при составленіи компиляціи была тому главной причиной. Но какая самонадѣянность на непогрѣшимость своихъ трудовъ и не дать кому ни будь изъ постороннихъ прочитать написанное? Этотъ посторонній, будь онъ, повторяю, и мало свѣдущимъ въ военномъ дѣлѣ, не упустилъ бы замѣтить, по-крайней мѣрѣ, одни только противорѣчія самому себѣ, и тогда этого было бы уже много для подобной книги.

Такъ какъ Г. Богдановичъ принялъ за правило описываемыя имъ событія украшать иногда собственными своими критическими взглядами, принимая таковые, какъ выразился въ предисловіи, на свою отвѣтственность, то и сдѣсь, на стр. 39-й, онъ говоритъ: «Опытные военные люди, и въ числѣ ихъ нѣкоторые участники войны 1812 года, полагаютъ, что Фельдмаршалъ, по прибытіи арміи къ Малоярославцу, долженъ былъ приказать немедленно очистить городъ, по тому что цѣль нашихъ дѣйствій,—загражденіе Французамъ пути къ Калугѣ,—уже была достигнута, и если бы непріятель осмѣлился выйти въ поле, то, судя по относительной силѣ обѣихъ сторонъ, онъ могъ бы подвергнуться совершенному пораженію. Напротивъ того, всѣ дальнѣйшія усилія нашей арміи удержаться въ Малоярославцѣ, не принесли намъ ни какой выгоды, сопряжены были съ напрасною потерею людей.» [10]

Тутъ есть истина; но чтобы пояснить ее, необходимо было сдѣлать подробное обозрѣніе всего того, что могло быть предпринято съ той и другой стороны; тогда, можетъ быть, оказалось бы что либо и иное, и во всякомъ случаѣ уже не то, что оказы-

[10] Сдѣсь ссылка № 25-й, въ кокорой сдѣлано извлеченіе изъ Записокъ А. П. Ермолова объ этомъ предметѣ; но въ нихъ говорится, что 13-го Октября Наполеонъ (стр. 223) только «дѣйствовалъ изъ орудій противъ цѣпи Казаковъ и кавалеріи, составлявшей резервъ; болѣе же во весь день ни чего не предпринималъ.» Между тѣмъ какъ Г. Богдановичъ (стр. 40) говоритъ, что Наполеонъ дѣлалъ къ тому распоряженія и т. д.

вается......... Жаль, что сдѣсь не упомянуты опытные военные люди, и кто въ числѣ ихъ нѣкоторые участники 1812-го года, исключая А. П. Ермолова, были того же мнѣнія.

Замѣчательны иногда предположенія почтеннаго сочинителя «Исторіи Отечественной войны 1812 года,» не подкрѣпляемыя ни мнѣніемъ другихъ, ни собственными своими критическими выводами и заключеніями. Такъ, на примѣръ, на стр. 47, въ разсужденіяхъ о послѣдствіяхъ Малоярославецкаго сраженія, встрѣчается слѣдующее: «Такимъ образомъ Наполеонъ, предпринявъ безъ важныхъ причинъ [37] движеніе къ Калугѣ, отказался отъ своего намѣренія тогда, когда, по всей вѣроятности (!!), Кутузовъ уже готовъ былъ открыть ему путь къ этому городу.» Предположеніе это, конечно, почерпнуто въ слѣдствіе усилій проникать въ «сокровенные двигатели событій, какъ обѣщано въ предисловіи. Но вотъ въ чемъ суть: на слѣдующихъ 48 и 49 страницахъ, почтенный военный историіографъ, упорствуя въ этомъ предположеніи, говоритъ: «Самъ Кутузовъ (замѣтьте самъ!), не смотря на превосходство нашихъ силъ [38] и на выгоды своего расположенія, усумнился въ возможности одержать верхъ въ генеральномъ сраженіи и предпочелъ отступить.» Да взмилуйтесь, Г. историіографъ: за что вы только собственнымъ своемъ авторитетомъ такъ изображаете и искажаете и Кутузова, и армію, и истину, сказавъ, что, вопреки и выгоды расположенія, и числительности арміи, и превосходства въ конницѣ, Кутузовъ усумнился въ возможности одержать верхъ въ генеральномъ сраженіи, и независимо отъ того, одержать верхъ еще противъ арміи, которая не изображается въ должномъ

---

[37] Критикъ долженъ былъ объяснить эту не важность причинъ. Обстоятельство, кажется, довольно знаменательное по своему предпріятію: оставить Москву и искать высвободиться изъ Россіи!!

[38] Прохожу молчаніемъ показаніе числительности обѣихъ армій: тутъ оказывается тотъ же итогъ недоумѣній, та же неопредѣлительность и тому подобныя достоинства, вообще характеризующія это сочиненіе. О числительности арміи я привелъ мнѣніе всѣхъ, безъ изъятія писавшихъ о войнѣ 1812 г., въ книгѣ: «Пятидесятилѣтіе Бородинской битвы.»

порядкѣ? Сдѣсь слѣдовало бы совершенно потеряться въ опредѣленіи повода къ такой общей филиппикѣ, но недоумѣніе не продолжительно: параграфъ этотъ, заключающій въ себѣ собственное умозрѣніе почтеннаго Профессора, продолжается: «Какъ на пути къ Калугѣ не было ни какой позиціи, которая равнялась бы своими выгодами съ мѣстностью, занятою нашими войсками подъ Малоярославцемъ, то отступленіе Князя Кутузова отъ сего города ясно показывало (кому?), что онъ, въ случаѣ наступленія Наполеона, не заградилъ бы ему путь къ Калугѣ, а отошелъ бы за Оку.»

Слава Богу! Наконецъ-то добился (говоря о себѣ) и, кажется, безошибочно, до заключенія причины состава помянутаго параграфа. Во первыхъ, сочинитель сказалъ выше, что, не смотря на выгоду нашей позиціи, на превосходство въ численности нашей арміи (не говоря уже о мужествѣ, ею оказанномъ, и пламенномъ желаніи битвы, а съ другой, плачевнаго состоянія арміи Наполеона), Кутузовъ усомнился въ возможности одержать верхъ въ генеральномъ сраженіи и т. д. И прекрасно! Пусть бы это такъ и осталось; но нѣтъ! Г. Богдановичъ даетъ этому отступленію совершенно другую причину, по видимому, законную въ военномъ отношеніи, а именно, что отъ Малоярославца къ Калугѣ, вотъ видите, не было лучшей позиціи, то для этого-то именно, дескать, онъ и оставилъ неприступную позицію, чтобы уходить за Оку!? Но что же это за логика? Предположивъ, что онъ нашелъ бы позицію еще сильнѣе, нежели подъ Малоярославцемъ, то на что бы она годилась, если на позиціи, по общему засвѣдѣтельствованію и даже самимъ Г. Богдановичемъ, сильной, неприступной, Кутузовъ не осмѣливался вступить въ генеральное сраженіе, и при движеніи Наполеона впередъ отошелъ бы за Оку? Во вторыхъ, относительно того, что отступленіе Кутузова изъ сильной позиціи подъ Малоярославцемъ «ясно показывало,» что, въ случаѣ наступленія Наполеона, Кутузовъ не заградилъ бы ему пути къ Калугѣ, а отошелъ бы за Оку, то къ чему, повторяю, было включать этѣ двѣ совершенно противоположныя причины, разногласицу самому себѣ? За чѣмъ, еще повторяю, сочинитель, на стр. 48-й, говоритъ, что «12-го (24) Октября, въ вечеру, послѣ сраже-

нія при Малоярославцѣ, Фельдмаршалъ писалъ къ Государю: «Завтра, я полагаю, должно быть генеральному сраженію, безъ коего, ни подъ какимъ видомъ, непріятеля въ Калугу не пущу.»

Что за путаница! Не знаешь, на чемъ остановиться; и путаница эта, такъ сказать, на каждой страницѣ; и сдѣсь, сочинитель, сказавъ положительно, какъ видно выше, что Кутузовъ вечеромъ, 12-го (24-го) Октября, послѣ сраженія пишетъ Государю, что не пуститъ непріятеля въ Калугу, и отъ этого слова дѣлаетъ ссылку (№ 40), и что жъ? Оказывается, что Кутузовъ пишетъ Государю не 12-го ч. вечеромъ, а 13-го!........ И такая невнимательность не только къ согласованію повѣтствуемаго, но и въ самыхъ простыхъ случаяхъ, встрѣчается на каждомъ шагу!

Впрочемъ, довольно трудно, чтобы не сказать не возможно, возражать почтенному сочинителю за приписываемыя намѣренія Кутузову; ибо если онъ и не подкрѣпляетъ разнообразіе ихъ ни какими ссылками, которыя бы основывались на повѣствованіи другихъ, то, какъ сказано въ предисловіи, онъ, въ качествѣ жреца истины, съ свѣтильникомъ въ рукахъ, предпринялъ объяснять сокровенныя причины дѣйствій, оставшихся темными и загадочными; конечно и въ этомъ, случаѣ онъ возмогъ проникнуть въ тайныя намѣренія Кутузова, или, лучше сказать, прорекать, что Фельдмаршалъ думалъ про себя въ томъ или другомъ положеніи. Намъ остается только жалѣть, что жезлъ жреца истины не могъ сказать что либо болѣе для насъ утѣшительнаго о нашемъ Главнокомандующемъ; но въ этомъ вина не сочинителя: такъ показалъ гороскопъ Кутузова. [39]

---

[39] Мартинъ Задека, Брюсъ, Казотъ, госпожа Ленорманъ, Матье де Дромъ, госпожа Киргофъ и другіе, древніе и новѣйшіе, прорицатели и прорицательницы, предсказывали и предсказываютъ только одну будущность, а сдѣсь, за полвѣка назадъ, объясняются тайныя, задушевныя, ни кому не высказанныя, мысли! Досихъ поръ я зналъ одинъ только примѣръ такого необыкновеннаго дара, именно, въ лицѣ вдохновеннаго Французскаго крестьянина Матье, объявившаго Людовику XVIII (въ 1816—1817 гг.) какія-то сокровенныя мысли, волновавшія его за 30-ть лѣтъ предъ тѣмъ.

Кутузовъ крѣпкую позицію свою, за двѣ съ половиною версты, занятую имъ въ ночь послѣ Малоярославецкаго дѣла, оставилъ въ слѣдствіе свѣдѣній о появленіи непріятеля по дорогѣ на Медынь; а какъ нельзя было еще опредѣлить съ достовѣрностью, будетъ ли Наполеонъ ломиться прямо на Калугу, или свернетъ, чрезъ Медынь, на Юхновъ, то, не оставляя Калужской дороги, онъ отошелъ къ Дѣтчину, чтобы имѣть возможность, въ случаѣ, если Наполеонъ направится на Медынь, перерѣзать ему путь, и нѣтъ ни какого повода предполагать, чтобы Кутузовъ послѣ того, какъ донесъ Государю, что не пуститъ непріятеля въ Калугу, измѣнилъ свое намѣреніе. Г. Богдановичъ, приведя выше сказанное донесеніе Государю, самъ же, въ слѣдъ за симъ (стр. 48), говоритъ: «на слѣдующій день получено было извѣстіе объ успѣхѣ, одержанномъ близъ Медыни Иловайскимъ 9 надъ авангардомъ Князя Понятовскаго, и Кутузовъ, изъ появленія непріятеля на Медынской дорогѣ, заключилъ, что Наполеонъ имѣлъ намѣреніе атаковать нашу армію, обойдя ее съ лѣваго фланга. Это предположеніе заставило нашего Главнокомандующаго опасаться за Калугу... (стр. 49): Фельдмаршалъ, опасаясь быть обойденнымъ съ лѣваго фланга и отрѣзаннымъ отъ южныхъ областей Имперіи, вознамѣрился приблизиться къ Калугѣ»..... Далѣе, перехваченная записка Бертье къ Сансону «обнаруживала намѣреніе непріятеля пробраться окольными направленіями на Смоленскую дорогу.» На этѣхъ основаніяхъ Кутузовъ отвелъ армію къ Гончарову и Дѣтчину, чтобы тамъ высмотрѣть, какое направленіе возметъ Наполеонъ; ибо тогда никому не приходило и на мысль, что Наполеонъ, вмѣсто всѣхъ этѣхъ предположеній, вернется назадъ, чрезъ Боровскъ, Можайскъ, Вязьму, на Смоленскъ, словомъ, на тотъ путь, который привелъ его въ Москву. На стр. 50-й, Г. Богдановичъ, не оправдывая отступленія Кутузова, говоритъ, что (будьто бы) «Кутузовъ, отойдя къ Гончарову, подалъ непріятелю возможность направиться чрезъ Медынь, Юхновъ и Ельню къ Смоленску, либо къ Красному, по сторонѣ, еще не опустошенной и представлявшей нѣкоторыя средства для войскъ, а Наполеонъ, вѣроятно, не зная о нашемъ отступленіи, двигался къ Боровску, чтобы выйти на разоренную большую Смоленскую дорогу.»

Приложенная карта показываетъ иное. Гончарово и Дѣтчино, находясь на Калужской дорогѣ, прикрывали ее, и если бы Наполеонъ пошелъ на Медынь, то изъ обоихъ этѣхъ пунктовъ легче было преградить ему путь и угрожать лѣвому флангу его движенія, а отнюдь «не дать ему возможности направиться чрезъ Медынь, Юхновъ и Ельню въ Смоленскъ.» Относительно же мнѣнія почтеннаго сочинителя, что Наполеонъ, вѣроятно, не зналъ объ отступленіи Кутузова, т. е., что если бы онъ зналъ, то предпринялъ бы помянутое направленіе, я думаю, что какъ бы Наполеонъ ни потерялся послѣ исхода дѣла при Малоярославцѣ, къ которому успѣла подтянуться вся наша армія, онъ не рѣшился бы, въ столь близкомъ отъ нея разстояніи, открыть ей лѣвый флангъ длиннаго протяженія своего отступательнаго движенія, тѣмъ болѣе, что, при тогдашнемъ расположеніи умовъ нашего народа, не много бы онъ поживился не разореннымъ положеніемъ края по проселкамъ и мостамъ, не всегда удобнымъ, въ особенности для столь многочисленной арміи, такъ отягощенной обозами на изнуренныхъ лошадяхъ и близко тревожимой нашей арміей; Казаки же нашли бы возможность не только что угрожать ея флангамъ, но составлять Наполеону авангардъ, истреблять запасы и жилье. Другое дѣло, если бы Наполеонъ успѣлъ тутъ проскользнуть, когда Кутузовъ былъ еще въ Тарутинѣ, то имѣлъ бы нѣсколько маршей впереди; но притянувъ всю нашу армію къ себѣ, въ Малоярославцѣ, ему оставалось только одно изъ двухъ: или предпринять битву съ нашей арміей, ставшей ему на перерѣзъ и, разбивъ ее, овладѣть запасами въ Калугѣ и потомъ дѣйствовать по обстоятельствамъ, или вернуться на путь большой Смоленской дороги, ибо она была болѣе отдалена отъ нашихъ главныхъ силъ. На первое Наполеонъ не отважился, а второе онъ предпринялъ поздно. Если бы онъ выступилъ изъ Москвы прямо по Смоленской дорогѣ, то имѣлъ бы нѣсколько маршей предъ нами, и врядъ ли мы, по крайней мѣрѣ, пѣхота, догнали бы его. Если Наполеонъ, начавъ двигаться изъ Москвы, по направленію къ Калугѣ 2-го Октября, и самъ съ гвардіей выступилъ 7-го ч., а мы узнали о семъ только 11-го числа, утромъ, то когда же бы мы узнали о томъ, что Наполеонъ началъ отступленіе, не приближаясь къ нашему лѣвому флангу, а, напротивъ, съ перваго перехода удаляться отъ арміи, по дорогѣ удоб-

ной, Французамъ уже известной, гдѣ были болѣе или менѣе снабженные этапы, магазины, въ Гжатскѣ, Вязьмѣ, Дорогобужѣ и т. д. [40]

Но довольно объ этомъ. Я имѣлъ цѣлію показать только то, что слово вѣроятно, сдѣсь употребленное почтеннымъ сочинителемъ, едва ли умѣстно. Во всякомъ, однако же, случаѣ, слѣдовало бы уже держаться одного какого либо мнѣнія и критически опровергать другія, а не разнорѣчить себѣ такъ часто. Конечно, и это имѣетъ свою цѣну; пусть каждый избираетъ любое, болѣе ему нравящееся. Не всѣмъ же придетъ охота, въ настоящій вѣкъ совершенствованія и стремленія государственныхъ учрежденій къ человѣчности, хлопотать и доискиваться того, что Кутузовъ, или Наполеонъ, имѣли въ затаенныхъ своихъ мысляхъ? Проникать и объяснять это принадлежитъ только жрецамъ истины, каковымъ заявилъ себя почтеннѣйшій сочинитель. Вмѣстѣ съ тѣмъ, вѣдь, могутъ, пожалуй, явиться и такіе чудики, которые пожелаютъ знать что ни будь опредѣлительное, а имъ-то и трудно почерпнуть положительное понятіе о разсказываемомъ.

Таково изображеніе событій въ окрестностяхъ Малоярославца. Пусть это будетъ превосходно для однихъ, но для военныхъ и другихъ, желающихъ видѣть ясность въ изложеніи подобныхъ повѣствованій, книга Г. Богдановича никогда не заслужитъ одобренія, развѣ только между оцѣнщиками не кореннаго Русскаго происхожденія. Пора бы намъ, кажется, сбросить пристрастіе; пора начать смотрѣть безъ рабскаго поклоненія, а свѣтлыми глазами, на минувшія событія. Если это уже допущено въ политической исторіи нашей, чему служатъ доказательствомъ труды Гг. Погодина, Устрялова, Соловьева, Костомарова и т. п., то тѣмъ болѣе въ военномъ дѣлѣ мы не должны потворствовать вліяніямъ и ставить за образецъ, какъ, на пр., описаніе, хотя и славнаго, подвига подъ Краснымъ, но не имѣющаго характера сраже-

---

[40] Тогда они достигли бы Смоленска прежде морозовъ, заставшихъ ихъ въ Дорогобужѣ, за 3 перехода до Смоленска. Предметъ этотъ разсмотрѣнъ подробно въ книгѣ: «О дѣйствительныхъ причинахъ гибели Наполеоновыхъ полчищъ, на основаніи иноземныхъ писателей. Спб. 1855.»

нія, какъ это принято понимать, а при томъ и это списано почти буквально изъ предшествовавшихъ повѣствованій. О вразумительности описанія сраженій можно судить по описанію Малоярославецкаго; все же остальное вмѣстѣ, какъ Бородинское сраженіе, такъ и Московскій пожаръ, представляетъ еще большую путаницу, чѣмъ сраженіе при Малоярославцѣ. Сочинитель придерживается и слѣдуетъ правиламъ того учителя риторики, о которомъ Квинтиліянъ говоритъ, что онъ преподавалъ ученикамъ своимъ правила покрывать самымъ непроницаемымъ мракомъ смыслъ того, что пишутъ, и высшей похвалой у него служило выраженіе: «Вотъ это превосходно: и самъ ничего понять не могу!» Продолжаю разборъ.

Стр. 61-я: «Платовъ атаковалъ непріятеля у Колоцкаго монастыря, отбилъ двадцать (по другимъ свѣдѣніямъ, двадцать пять) орудій.»

Въ концѣ параграфа ссылка № 64 (стран. 426) слѣдующая: «Журналъ военныхъ дѣйствій.»

Что же значитъ по другимъ свѣдѣніямъ, и по чьимъ?

Наконецъ, послѣ Кутузова, Растопчина и Багратіона, дошла очередь и до Милорадовича. Вотъ что сказано о немъ (стр. 69). Говоря, что «первое время преслѣдованія мы дѣйствовали какъ бы ощупью: Милорадовичъ, неустрашимый, хладнокровный, неизмѣнно веселый среди опасностей, обладалъ многими качествами авангарднаго начальника (и вотъ этѣ качества), но нисколько не заботился о точности распоряженій по ввѣреннымъ ему войскамъ. Его приказы въ 1812 году, иногда непонятные, поставляли въ затрудненіе всѣхъ, кому приводилось исполнять ихъ. Да и вообще въ его Штабѣ не было ни какого порядка; не всегда можно было отыскать его самаго, и только при первыхъ выстрѣлахъ являлся онъ на своемъ обычномъ мѣстѣ, впереди всѣхъ, вездѣ, гдѣ угрожала найбольшая опасность. Тамъ онъ возбуждалъ войска къ презрѣнію смерти собственнымъ примѣромъ; до всего прочаго, казалось, ему не было ни какого дѣла. «Дѣйствуйте, какъ вамъ угодно, говаривалъ

онъ начальникамъ частей войскъ: я у васъ гость.» Тѣмъ не менѣе, однако же, отъ времени до времени, онъ вмѣшивается въ распоряженія подчиненныхъ ему частныхъ начальниковъ, не давая имъ знать о своихъ приказаніяхъ, отъ чего не рѣдко происходили недоразумѣнія. Каждый изъ Генераловъ въ авангардѣ Милорадовича дѣйствовалъ по своему, не будучи увѣренъ въ дружномъ содѣйствіи прочихъ частей, ни въ согласномъ ихъ направленіи къ общей цѣли.» Ссылка 10 заключаетъ: «Записки Ермолова и Принца Евгенія Виртембергскаго.»

Авторитетъ сильный, но, сознаюсь, онъ удивляетъ. [11] Милорадовичъ, всегда командовавшій сильными авангардами, арріергардами и въ боевыхъ линіяхъ не иначе, какъ съ блистательнымъ успѣхомъ, не уже ли могъ быть до такой степени ничтожнымъ, какъ изображается тутъ! Одно Обилештское сраженіе возводитъ его на степень полководца съ высокими дарованіями. Въ слѣдъ же за помянутой оцѣнкой, Г. Богдановичъ, на той же 69-й стр., описываетъ распоряженія Милорадовича при Царевѣ Займищѣ, основанныя «на соображеніи опытнаго вождя, но которыя разстроилъ Принцъ Евгеній Виртембергскій своею обычною отвагой» и т. д. Вся Исторія не указываетъ ни одной ошибки, ни одного промаха, со стороны Милорадовича въ его распоряженіяхъ, которыя всѣ увѣнчивались полнымъ успѣхомъ. Не понятно, по чему не вспомнилъ сочинитель своего повѣствованія о Милорадовичѣ при оставленіи Москвы? По чему, повторяю, оставилъ безъ критическаго разсмотрѣнія послѣднихъ отзывовъ о Милорадовичѣ, отзывовъ въ общихъ выраженіяхъ, не подкрѣпляемыхъ ни однимъ примѣромъ повѣствуемаго? Г. Богдановичъ, въ предисловіи своемъ, обязался разсматривать съ добросовѣстностью и разбирать критически данныя, но сдѣсь, какъ и во многихъ другихъ мѣстахъ, онъ увлекся, отклонился отъ своего предначертанія и набросилъ мрачную тѣнь на воина, которымъ гордилась

---

[11] Это требовало бы особеннаго разсмотрѣнія причинъ такого отзыва, и если уже приводить оный, то не слѣдовало помѣщать предшествовавшія слова, или, по крайней мѣрѣ, выписавъ буквально этѣ отзывы, разобрать критически, съ надлежащею подробностью. Иначе, т. е., не видавъ текста обоихъ отзывовъ, какъ-то не вѣрится.

армія въ продолженіи едва ли не полувѣка, вождя, которому сами враги наши дали названіе Русскаго Мюрата.

Описывая одно изъ дѣлъ подъ Краснымъ, на стр. 130, сказано: «Вообще же непріятель потерялъ въ сей день одними плѣнными болѣе шести тысячъ (а по другимъ свѣдѣніямъ болѣе девяти тысячъ) человѣкъ, сорокъ пять (а по другимъ свѣдѣніямъ семьдесятъ) орудій» и т. д.

Удивительная опредѣлительность по достовѣрнымъ матеріяламъ! Я полагаю, что Нена-Сагибъ, или Бегумъ, не сказали бы хуже: «Мы взяли плѣнными болѣе шести, или болѣе девяти, а орудій или сорокъ пять, или семьдесятъ!!»

Стр. 131. О Кутузовѣ сказано: «Видимо изумленный послѣдствіями дѣла (подъ Краснымъ), казался помолодѣвшимъ! Сдѣсь впервые, со времени прибытія его въ армію, онъ пустился въ галопъ на бѣломъ конѣ своемъ, подскакалъ къ колоннѣ Преображенскаго полка и, указавъ на отбитые трофеи, громко вскричалъ: «Ура!» повторенное нѣсколько разъ, сперва исполинами гвардіи, а потомъ и всѣми ближайшими войсками.»

Въ слѣдъ за симъ ссылка № 45-й: «Записки Щербинина» (стр. 440).

Тутъ неотмѣнно слѣдовала оговорка; ибо Михайловскій-Данилевскій описываетъ это совершенно другимъ образомъ съ подробностями, которымъ есть еще живые свѣдѣтели. Историкъ не вправѣ избирать данныя, не упомянувъ о тѣхъ, которыя вошли уже въ Исторію.

Оправдывая Кутузова въ томъ, что онъ не покончилъ арміи Наполеона подъ Краснымъ, Г. Богдановичъ говоритъ (стр. 144): «Слѣдовательно, Кутузовъ подъ Краснымъ дѣйствовалъ нерѣшительно, не столько отъ недовѣрчивости къ достоинству своихъ войскъ, хотя въ числѣ ихъ и было много рекрутъ, сколько изъ опасенія встрѣтиться лицомъ къ лицу съ геніяльнымъ противникомъ, котораго превосходство невольно сознавали всѣ Наполеоновы

современники. Это нравственное преобладаніе Наполеона было такъ сильно, что, не смотря на то, что ослабленіе его арміи было тогда уже очевидно для каждаго, и тѣмъ паче для опытнаго Кутузова, полководецъ нашъ, вмѣсто того, чтобы, пользуясь обстоятельствами, окончить войну рѣшительнымъ ударомъ, предоставилъ довершить уничтоженіе непріятельской арміи вліянію голода, стужи и упадка дисциплины» и т. д.

Длинное разсужденіе это, или, пожалуй, даже критическій обзоръ, принадлежитъ собственно Г. Богдановичу. Не дерзаю выходить съ нимъ на ученую арену, не имѣя мантіи жреца истины, по тому что я бы долженъ былъ повторить то, что уже сказалъ [12] по поводу событій подъ Краснымъ, отвѣчая на статью Г. Бутовскаго, а сдѣсь позволяю себѣ сдѣлать только замѣчаніе.

Во первыхъ: Какое опасеніе могъ имѣть Кутузовъ относительно своихъ войскъ, когда оставался съ главною ихъ массой зрителемъ въ то время, какъ части оной послѣдовательно такъ разгромляли непріятельскіе корпуса чрезъ сутки, подходившіе изъ Смоленска къ Красному? Онъ видѣлъ итоги потерь ничтожныхъ у насъ и громадныхъ у непріятеля, до того, что нельзя было и сосчитать оныхъ, какъ мы видѣли выше, на прим., въ одинъ изъ Красненскихъ дней у непріятеля взято болѣе шести тысячъ въ плѣнъ и сорокъ пять орудій, а по другимъ свѣдѣніямъ болѣе девяти тысячъ и семдесятъ орудій! Не подлежитъ ни какому сомнѣнію, что малѣйшее содѣйствіе главныхъ силъ арміи порѣшило бы дѣло съ большею славой для нашихъ знаменъ и сберегло бы многія десятки тысячъ нашихъ воиновъ, которые достигли бы Вильны и границы, свернувъ вправо и влѣво отъ дороги, идя по квартирамъ и т. п.

Во вторыхъ: На какомъ основаніи Г. Богдановичъ говоритъ, что Кутузовъ дѣйствовалъ тутъ нерѣшительно, будьто бы «изъ опасенія встрѣтиться лицомъ къ лицу съ геніальнымъ противникомъ, котораго превосходство невольно сознавали всѣ Наполео-

---

12 Въ прежнихъ статьяхъ.

новы современники» и т. д.? Это явный поклепъ на нашего Фельдмаршала и, конечно, невольно ворвался на страницы Исторіи. Кутузовъ, съ меньшими противъ непріятеля силами, когда этотъ былъ еще въ апогеѣ своей славы, не устрашился стать лицомъ къ лицу съ этѣмъ геніальнымъ человѣкомъ на поляхъ Бородинскихъ, а сдѣсь, подъ Краснымъ, онъ опасался стать лицомъ къ лицу, будучи сильнѣе, свѣжѣе войскъ геніальнаго человѣка, войскъ, потерявшихъ уже значительную часть своей артиллеріи, на половину побросавшихъ свое оружіе, безъ конницы, голодныхъ, полунагихъ, утомленныхъ, которыхъ тысячами брали въ плѣнъ въ глазахъ самого Кутузова, и онъ опасался! Нѣтъ; тутъ, конечно, были другія причины, въ сокровенныя тайны коихъ Г. Богдановичъ обѣщалъ проникнуть; приводить же помянутыя причины, значитъ, явно противорѣчить всему тому, что сказано было о Бородинскомъ сраженіи. И если не было возможности проникнуть сквозь завѣсу сокровенностей, лучше уже было бы привести разсужденіе Вальтера-Скотта о нерѣшительности Кутузова подъ Краснымъ; онъ говоритъ: [43] «Вообще Кутузовъ въ дѣйствіяхъ своихъ противъ Наполеона и Великой арміи, кажется, взялъ себѣ за образецъ Гренландскихъ рыбаковъ, которые употребляютъ все свое стараніе не приближаться къ киту, когда онъ находится уже въ агоніи, по тому что боль отъ полученныхъ ранъ производитъ ожесточеніе, а инстинктъ мщенія содѣлываетъ послѣднія усилія кита особенно опасными.» Это какъ-то и болѣе прилично, и не противорѣчитъ рѣшимости стать лицомъ къ лицу съ Наполеономъ при Бородинѣ. Нельзя ли присоединить къ сдѣланному Англійскимъ историкомъ сравненію то, что сдѣсь опасеніе Кутузова не могло быть столь основательнымъ, какъ опасеніе Гренладскихъ рыбаковъ; ибо Вальтеръ-Скоттъ беретъ нормальное положеніе кита, хотя уже и уязвленнаго, но на свободѣ, въ своей стихіи, не изнуреннаго и сохранившаго свои силы? Французы же подъ Краснымъ были совершенно въ противоположномъ положеніи: изнуренные полугодовымъ тяжкимъ походомъ, битвами, безъ обуви и одежды, не имѣя надежды на помощь въ слу-

---

[43] Vie de Napoleon, t. VII, 2-e partie, p. 62.

чаѣ ранъ и болѣзни, часто безъ достаточнаго продовольствія и, къ довершенію, ихъ изнуряли: чуждый имъ климатъ, грязь, снѣгъ, вьюги, морозы, хотя еще и легкіе, но трудно выносимые, безъ пріюта и возможности согрѣться бивуачными огнями, которыхъ наши войска не позволяли имъ раскладывать и т. д. Это все равно, что если бы китъ, внушающій столь большое опасеніе рыбакамъ, когда они ищутъ его въ океанѣ, былъ какимъ либо образомъ изверженъ на песчаный знойный берегъ, гдѣ, отъ продолжительнаго истощенія своихъ силъ, подвергнутый вовсе не свойствемому ему элементу, не внушалъ бы Гренландскимъ рыбакамъ прежняго опасенія, и они, конечно, скоро бы съ нимъ раздѣлались. Это оправдывается и подъ Краснымъ дѣйствіями Милорадовича, Раевскаго и другихъ, которые брали плѣнныхъ тысячами, и если случалось иногда въ нѣкоторыхъ частяхъ всрѣчать упорство, то это было агоніей, инстинктомъ всѣхъ животныхъ, остервеняющихся въ безвыходномъ положеніи, какъ уже было замѣчено выше.

Не можетъ ли быть и успѣхъ знаменитой переправы Наполеона чрезъ Березину отнесенъ къ тому, что ни Чичаговъ, ни Витгенштейнъ, не могли знать такъ близко той степени разстройства Наполеоновой арміи, въ которой находилась она дѣйствительно, и чему были свѣдѣтелями только всѣ тѣ, которые составляли собственно главную армію? Но если бы помянутые два предводителя, дѣйствовавшіе каждый отдѣльно съ противоположныхъ сторонъ, и знали это, хоть даже и не вполнѣ, то Наполеонъ и въ томъ положеніи, въ которомъ онъ находился при Березинѣ, могъ быть еще страшенъ имъ обоимъ. Наполеонъ, окруженный со всѣхъ сторонъ, но недостаточно тѣснимый съ тылу посланными войсками и партіями, которыя вдругъ какъ бы исчезаютъ въ то мгновеніе, когда они могли бы принести пользы болѣе, чѣмъ когда ни будь, даютъ Наполеону время отыскивать удобную переправу, которую онъ и исполнилъ. Кутузовъ, Чичаговъ и Витгенштейнъ обвиняютъ другъ друга. Но мнѣ кажется, что эпизодъ этотъ можно уподобить тому, когда медвѣдь, окруженный охотниками, подъ выстрѣлами коихъ онъ падаетъ раненый, внушаетъ собою таки страхъ, когда замѣчаютъ въ немъ еще признаки жизни: охотники ожидаютъ довершить по-

раженіе, взглядывая одинъ на другого, чтобы не первому броситься на него. Несомнѣнно, какъ Г. Богдановичъ очень справедливо и замѣчаетъ, что присутствіе Кутузова, хотя бы только при войскахъ Милорадовича, или Ермолова, могло бы увѣнчать полнымъ успѣхомъ планъ, мудро соображенный Императоромъ Александромъ, со дня вступленія непріятеля въ Москву. Какъ бы ни усиливались, и подъ какимъ бы то предлогомъ ни было, Кутузовъ всегда будетъ почитаться виновникомъ выпуска изъ Россіи Наполеона съ ничтожными остатками его полчищъ.

Въ описаніи переправы чрезъ Березину находимъ (стр. 264): «Въ то же время вся артиллерія корпуса Удино и гвардіи, въ числѣ сорока (а по другимъ свѣдѣніямъ пятидесяти шести) орудій, была выставлена на высотахъ» и т. д.

Что ни будь одно, а въ приложеніи слѣдовало бы сказать, кто какъ опредѣляетъ. [44]

Въ битвахъ около Борисова (стр. 278):...... «Генералъ Властовъ отрядилъ въ обходъ сводный гусарскій и Казачій Родіонова полки; для отвлеченія же вниманія непріятеля была выдвинута противъ его праваго крыла 1-я конная рота Полковника Сухозанета, которой огонь, направленный на мосты и на непріятельскія войска, собранныя на лѣвомъ берегу рѣки, поселилъ смятеніе въ обозахъ, столпившихся [45] въ ожиданіи переправы.» Далѣе описывается битва, въ которой не называется командиръ своднаго гусарскаго полка; чрезъ 18 строкъ сказано: «Гернгросъ съ гусарами.» Викторъ опять нападаетъ, но «это на-

---

[44] Любимое и такъ намъ знакомое выраженіе сочинителя, въ своей достовѣрной Исторіи: по другимъ свѣдѣніямъ.

[45] Мнѣ кажется, что для обозовъ слово: столпились не йдетъ. Толпа обозовъ! Едва ли не правильнѣе и приличнѣе употребить въ этомъ случаѣ: скопились, собрались, стянулись, но столпились какъ-то ново! Сочинителю слѣдовало только переставить слова. Онъ сказалъ, что войска, собранныя въ ожиданіи переправы: тутъ слово столпились шло болѣе, а къ обозамъ слово собранные.

паденіе было отражено картечнымъ огнемъ 1-й конной и 27 батарейной ротъ.» Выше было сказано, кто командиръ 1-й роты, но остается тайной, кто былъ командиромъ 27-й батарейной.

Понятно, что въ двухъ, положимъ даже и въ трехъ, случаяхъ, называя нумеръ роты, можно было упомянуть имя командира, или взять уже за правило дѣлать то же и со всѣми другими, исключенія же этѣ рѣзко бросаются въ глаза; когда еще и не читали книги, два, три, лица предупреждали меня объ этомъ, какъ о чемъ-то замѣчательномъ. При настоящемъ стремленіи къ просвѣщенію, столь благотворно споспѣшествуемому Государемъ Императоромъ, историческій разсказъ долженъ размѣрять свое повѣствованіе пропорціонально. Если уже принять называть одного ротнаго командира, слѣдуетъ дѣлать то и съ другими. Роты имѣютъ свои нумера, и только при особыхъ подвигахъ, смерти, раны, имена командировъ ихъ должны быть названы, или, повторяю, если называть, такъ называть всѣхъ, или обратно. Впрочемъ, опять говорю, что это только мое личное мнѣніе, которое можетъ быть уже устарѣло, а Г. Богдановичъ имѣлъ независимое свое, на основаніи котораго онъ, описывая битву при взятіи Витебска, между прочимъ (стр. 194, 195) сказалъ: «Въ слѣдъ за симъ подоспѣлъ въ помощь охотникамъ самъ Гарпе (отрядный начальникъ) съ 26-мъ егерскимъ полкомъ и со взводомъ конной роты № 1 Подпоручика Сухозанета 2-го. Какъ только дѣйствіе картечью нашихъ орудій заставило непріятельскихъ стрѣлковъ очистить ближайшія къ берегу строенія, то охотники 26-го полка и 7-й дружины, вмѣстѣ съ спѣшенными уланами, перебѣжали по горящему мосту на лѣвую сторону и преслѣдовали Французовъ.» Далѣе описывается занятіе Витебска и взятіе въ плѣнъ Военнаго Губернатора, Генерала Пуже, и десяти Штабъ и Оберъ-Офицеровъ. Сдѣсь замѣчательнѣе всего предшествовавшаго то, что не названы ни командиръ 26-го егерскаго полка, начальникъ 7-й дружины, ни отважные начальники охотниковъ сихъ частей и спѣшившихся уланъ, перебѣгающихъ черезъ горящій мостъ, преслѣдуя Французовъ и забирая плѣнныхъ, но названъ одинъ только избранный взводный артиллерійстій Подпоручикъ! Гдѣ же тутъ единообразіе, систематическій размѣръ въ

повѣствованіи? [46] Безпристрастіе должно руководить описывающихъ событія, въ особенности, когда еще есть имъ живые свѣдѣтели. Г. Богдановичъ сознаяъ это самъ, въ предисловіи своемъ, и торжественно обѣщалъ быть безпристрастнымъ.

Стр. 272. Парламентеръ, посланный Витгенштейномъ къ Генералу Партуно и задержанный послѣднимъ, былъ Ротмистръ (Д. В.) Кочубей (въ послѣдствіи Членъ Государственнаго Совѣта, скончавшійся въ 1859 году). Его повѣтствованіе чрезвычайно занимательно.

Изображая картину непріятеля, столпившагося при переправѣ чрезъ Березину, когда Графъ Витгенштейнъ подошелъ къ Студянкѣ, на стр. 283-й сказано: «.... При стужѣ, въ 20 градусовъ, положеніе этѣхъ несчастныхъ, и въ особенности скитавшихся съ ними женщинъ и дѣтей, было ужасно.»

Не знаю, изъ какихъ источниковъ сказано, что во время переправы чрезъ Березину было 20 градусовъ мороза, и по какому термометру? Извѣстно, что 7-го Ноября наступила оттепель, продолжавшаяся до самой переправы чрезъ Березину, которая еще не замерзала, дозволяя нѣкоторымъ частямъ переправляться въ бродъ, и хотя на другой день, когда подошелъ Наполеонъ,

---

[46] Это можетъ привести на память анекдотъ, что гдѣ-то (можетъ быть у покойнаго Абиссинскаго императора Ѳеодора), какой-то военный же историкъ воскуривалъ одному лицу ѳиміамъ вездѣ, гдѣ могъ только помѣстить имя своего кумира въ страницы своихъ повѣствованій. Вдругъ, по выходѣ одной изъ его послѣднихъ книгъ, прошла молва, что вельможа-кумиръ этотъ замѣняется другимъ. Нашелся какой-то забавникъ, распустившій слухъ, будьто бы услужливый сочинитель припечаталъ въ своей книгѣ, въ числѣ опечатокъ, слѣдующее: «Вездѣ, гдѣ въ моихъ сочиненіяхъ напечатано №. №. (имя перваго кумира),» читай М. М. (имя принявшаго эту должность). Подобная выходка и вызвала когда-то отзывъ одного изъ Французскихъ военныхъ журналовъ о какомъ-то сочиненіи, что оно написано въ передней Военнаго Министра. Въ настоящее время не должны ли мы избѣгать этого? Что скажутъ о насъ другіе народы, такъ сильно подвизающіеся на поприщѣ военномъ по всѣмъ отраслямъ? А у насъ не могутъ еще отстать отъ привычки держать въ рукахъ кадило для воскуриванія ѳиміама! При такомъ настроеніи чего же можно ожидать?

послѣдовалъ легкій морозъ, недостаточный, однако же, чтобы стянуть болота, а ледъ, показавшійся на Березинѣ, былъ такъ слабъ, что не мѣшалъ устройству мостовъ на козлахъ, слѣдовательно, ни въ какомъ случаѣ въ тотъ день, когда Витгенштейнъ подошелъ къ Студянкѣ, не могло быть двадцати градусовъ мороза на какомъ бы то ни было изъ извѣсныхъ термометровъ; ибо въ этотъ же самый день, по засвѣдѣтельствованію Шамбре (t. III, p. 69), разбитые Французы спасались чрезъ Березину вплавь. Дѣйствительные морозы начались тотчасъ по переправѣ чрезъ Березину, въ Молодечнѣ, и они достигли уже до двадцати градусовъ по Реомюру и ежедневно усиливались. Г. Богдановичъ могъ это видѣть въ книгѣ: «Нѣкоторыя замѣчанія, почерпнутыя преимущественно изъ иностранныхъ источниковъ, о дѣйствительныхъ причинахъ гибели Наполеоновыхъ полчищъ въ 1812 г. Спб. 1855.» Въ ней сведены показанія всѣхъ, какъ иноземныхъ, такъ и нашихъ, повѣтствователей о степени стужи, начиная отъ Москвы до Ковна, на каждомъ переходѣ; но книга эта не заслужила его ученаго вниманія.

Впрочемъ, избранный сочинителемъ Отечественной войны 1812 г., Маркизъ Шамбре не врагъ мороза; напротивъ, онъ очень серьозно доказываетъ, что морозъ былъ благопріятнѣе для Французовъ, чѣмъ для насъ. И вотъ какъ онъ витійствуетъ въ этой отрадной выходкѣ (t. III, p. 143): «Морозъ, съ 5-го Декабря (23 Ноября) въ Молодечнѣ былъ гибельнѣе для Французовъ, чѣмъ для Русскихъ. Но съ военной точки зрѣнія онъ былъ благопріятенъ Наполеону; и дѣйствительно: если морозъ истребилъ огромное число солдатъ во Французской арміи, то большая часть ихъ погибла бы позже, или досталась бы въ руки Русской арміи.» (Французская, своеобразная, достойная Англичанъ, логика!). Въ Русской арміи, напротивъ, морозъ постигалъ только солдатъ совершенно крѣпкихъ и здоровыхъ (это по чему?), что и заставило Кутузова останавливаться, а это спасло остатки Французской арміи. Замедленіе Кутузова было самымъ счастливымъ для Наполеона событіемъ при тѣхъ обстоятельствахъ, въ которыхъ онъ тогда находился; ибо Германія призывала своими желаніями Русскихъ» и т. д. Наполеонъ, однако же, не раздѣлялъ мнѣнія

своего Маркиза; ибо въ 29-мъ бюллетенѣ онъ приписываетъ всѣ бѣдствія морозу.»

Окончивъ краткія указанія на погрѣшности, вкравшіяся въ книгу: «Исторія Отечественной войны 1812 года,» присовокуплю приговоръ Г. Богдановича всѣмъ вообще сочиненіямъ о 1812 годѣ, которыя предшествовали его творенію, и высказанный въ концѣ 3-го тома, подъ заглавіемъ (стр. 523): «**Источники для Исторіи войны 1812 года.**»

Но прежде, нежели буду говорить самъ объ этомъ предметѣ, не лишнимъ считаю привести объ ономъ нѣсколько словъ, сказанныхъ однимъ почтеннымъ ученымъ. Вотъ что говоритъ о семъ П. Глѣбовъ: [47]

«Въ заключеніе позволимъ себѣ сдѣлать еще одно замѣчаніе: На заглавномъ листѣ сочиненія Г. Богдановича значится: «**Исторія Отечественной войны 1812 года, по достовѣрнымъ источникамъ.**» Въ концѣ же третьяго тома приложено подробное исчисленіе источниковъ, а изъ исчисленія этого оказывается, что большая часть [48] далеко не достовѣрны. Въ доказательство приведемъ отзывы самого сочинителя о главнѣйшихъ источникахъ, которыми онъ пользовался.» Сдѣсь П. Глѣбовъ вкратцѣ поясняетъ сдѣланные о нихъ отзывы и продолжаетъ: «Такимъ образомъ, кромѣ извѣстнаго Клаузевица и Маркиза Шамбре, ни одно сочиненіе, заключающее въ себѣ полное описаніе войны 1812 года, по мнѣнію Г. Богдановича, не изъято отъ превратнаго изложенія фактовъ. Положимъ, что такой поголовный упрекъ и справедливъ, **но по чему же почтенный сочинитель собственныя свои показанія и сужденія по большей**

---

[47] Артиллерійскій Журналъ 1861 года, № 6-й, въ превосходной статьѣ, подъ заглавіемъ: «Нѣсколько словъ въ защиту памяти Гаврилы Александровича Игнатьева.» Я имѣлъ уже случай приводить другія замѣчанія ученаго критика, помѣщенныя въ Артиллерійскомъ Журналѣ.

[48] Въ своемъ мѣстѣ замѣчу, что не **большая** часть, но всѣ вообще, даже и самые избранные Г. Богдановичемъ: Шамбре, Фенъ, Клаузевицъ, заподозрѣны.

части подтверждаетъ ссылками на сочиненія, которыя самъ признаетъ помраченными чрезвычайнымъ пристрастіемъ? [49] Не говоря уже о Данилевскомъ и Бутурлинѣ, приложенія ко всѣмъ тремъ томамъ наполнены ссылками на Бернгарди, Фена, Лабома, Тьера и на другихъ такихъ же, по удостовѣренію Г. Богдановича, пристрастныхъ писателей, которые ни сколько не заботились объ истинѣ. Послѣ этого можно ли согласиться, что Исторія Отечественной войны 1812 года, Г. Богдановича, составлена по источникамъ достовѣрнымъ? Во всякомъ случаѣ такое заглавіе противорѣчитъ тому, что разсказываетъ самъ почтенный сочинитель о достовѣрности источниковъ, которые послужили основаніемъ его обширному и, для большинства читателей, весьма любопытному сочиненію.»

Теперь приступлю къ болѣе подробному разбору. [50]

На стр. 529-й Г. Богдановичъ, послѣ краткаго вступленія для исчисленія иноземныхъ историковъ войны 1812 года и опредѣленія сочиненій, враждебныхъ и благопріятныхъ Наполеону называя сочиненіе Шамбре «болѣе прочихъ безпристрастнымъ, начинаетъ съ Графа Сегюра.

Сказавъ нѣсколько словъ о значеніи книги Сегюра, возвышающихъ ея достоинство, Г. Богдановичъ присовокупляетъ: «но [51] этѣ неотъемлемыя достоинства Исторіи Наполеона и Великой арміи помрачаются совершеннымъ отсутствіемъ исторической критики: на ряду съ важнѣйшими событіями, сочинитель пространно описываетъ всѣ сплетни главной квартиры, до него доходившія, не заботясь нисколько объ истинѣ. Само собою

---

[49] Подчеркнуто и въ подлинникѣ.

[50] Выпускаю исчисленіе правительственныхъ бумагъ, писемъ и записокъ, какъ недоступныхъ для частнаго человѣка, а говорить буду только о печатномъ.

[51] Въ этѣхъ оцѣнкахъ «но» играетъ замѣчательную роль; оно служитъ какъ бы переваломъ: ему предшествуетъ отзывъ, иногда и довольно одобрительный; за то, послѣ перевала чрезъ «но,» нѣтъ уже пощады: все предшествующее уничтожается.

разумѣется, что отъ такого сочиненія нельзя требовать ни вѣрнаго понятія о числѣ и положеніи войскъ обѣихъ сторонъ, ни отчетливаго обозначенія движеній, какъ внѣ боя, такъ и въ сраженіяхъ. Почти на всякой страницѣ сочинитель, вмѣсто простаго безыскуственнаго описанія событій, прибѣгаетъ къ риторическимъ фигурамъ и, плѣняя воображеніе, не убѣждаетъ разсудка. Не смотря на уваженіе, изъявляемое Графомъ Сегюромъ къ Наполеону, и на патріотизмъ, которымъ преисполнена его книга, [12] ошибки Императора Французовъ и недостатки управленія Великой арміи выказаны съ придирчивою строгостью. Это заставляло Генерала Гурго сдѣлать критическій разборъ книги Сегюра (examin critique de l'ouvrage du Comte de Segur), въ которомъ, опровергая его показаніе, Гурго, въ свою очередь, впадаетъ въ преувеличеніе и не рѣдко искажаетъ истину.»

Не смотря, однако же, на такую оцѣнку, Г. Богдановичъ двадцать четыре раза прибѣгаетъ къ засвѣдѣтельствованію Сегюра и, само собой разумѣется, тогда, когда разсказываемое этѣмъ Графомъ пришлось по вкусу сочинителя своей Исторіи, точно также и семнадцать ссылокъ на Гурго.

Сочиненіе Керъ-Портера (писано по Англійски)..... «Многія изъ показаній сочинителя не точны и вообще его книга не имѣетъ большаго достоинства.» Конечно, на этомъ основаніи почтенный ссочинитель и сдѣлалъ на него только три ссылки. Чуть ли не отъ него позаимствовалъ (но безъ ссылки) и сказку о ранѣ Князя Воронцова.

Лабомъ...... «Хотя сочинитель иногда увлекается негодованіемъ къ Наполеону и, давая волю воображенію, вдается въ показанія весьма сомнительныя.» За симъ слѣдуетъ «coup de grace:» «однако же представляетъ событія, относящіяся къ дѣйствіямъ великой арміи, и въ особенности 4-го пѣхотнаго кор-

---

[12] Сдѣсь сочинитель обвиняетъ въ патріотизмѣ и Сегюра точно также, какъ и Данилевскаго. Это святое чувство кажется допускается имъ только у Нѣмцевъ.

пуса, яркими красками и съ достаточною подробностью. [13] И по сведенім счета октзывается, что этотъ писатель, дающій волю воображенію, вдающійся въ показанія весьма сомнительныя, призванъ двадцать два раза къ засвѣдѣтельствованію избранныхъ сочинителемъ періодовъ такъ, что ему дается иногда болѣе вѣры, нежели показаніямъ Русскихъ, бывшихъ въ описываемую пору дѣятелями.

Водонкуръ. Сказавъ, что онъ имѣлъ возможность, будучи въ плѣну въ Россіи, собрать свѣдѣнія и получить ихъ въ послѣдствіи отъ Адмирала Чичагова, присовокупляетъ: «но это неотъемлемое достоинство Водонкурова сочиненія помрачается чрезвычайнымъ пристрастіемъ его къ своимъ землякамъ и ненавистью къ Русскимъ. Почти на каждой страницѣ его книги вызываются этѣ чувства, не совмѣстныя съ достоинствомъ Исторіи. Вездѣ онъ стремится доказать, что Наполеонъ дѣйствовалъ безошибочно и что Французы постоянно превосходили Русскихъ отвагой и смѣтливостью, и для этого прибѣгаетъ къ искаженію истины, не рѣдко даже измѣняя смыслъ бумагъ, служившихъ источниками для его повѣствованія.» Этотъ повѣствователь заслужилъ только три раза быть упомянутымъ.

Баронъ Фенъ. «Состоявшій въ свитѣ Наполеона, не могъ не подвергнуться магическому вліянію своего повелителя. По этому самому нельзя отъ него ожидать безпристрастія; и дѣйствительно его сочиненіе: «Manuscrit de 1812» есть трудъ человѣка, вполнѣ преданнаго Наполеону. Но, не смотря на не рѣдко проявляющуюся односторонность сочинителя, его книга есть одинъ изъ лучшихъ источниковъ для полученія свѣдѣній» и пр. Тоже довольно замѣчательное сочетаніе противоположностей: «Отъ Фена нельзя ожидать безпристрастія,» а между тѣмъ книга эта есть одна изъ лучшихъ! Если это послѣднее справедливо, то за что же упрекаетъ Данилевскаго, что онъ ограничился только Феномъ и Шамбре, которыхъ и самъ

---

[13] А по чему, повторяю, его засвѣдѣтельствованія о взятіи центральной бутареи не приведены?

Богдановичъ ставитъ лучшими? Этотъ повѣтствователь, такъ заподозрѣнный Г-номъ историкомъ, по тому что для негоднаго описанія Данилевскаго былъ избранъ вмѣстѣ съ Шабре, обратилъ, однако же, на себя вниманіе и Г. Богдановича, который пятьдесятъ шесть разъ ссылается на его засвѣдѣтельствованія.

«Лучшимъ изъ всѣхъ Французскихъ сочиненій о войнѣ 1812 года, по всей справедливости, есть: «Histoire de l'expédition de Russie, Маркиза Шамбре.» Генералъ Богдановичъ отзывается благосклонно объ этомъ сочинителѣ до такой степени, что въ отзывѣ этомъ ужасное «но» не нашло себѣ мѣста. Шамбре приведенъ въ свѣдѣтели двѣсти девятнадцать разъ! Жаль, однако же, что и эта цифра мала; ибо сочинитель Исторіи Отечественной войны выпустилъ нѣкоторыя изъ засвѣдѣтельствованныхъ имъ эпизодовъ разграбленія Москвы и дѣлаемыхъ насилій, [54] что, конечно, не входило въ планъ сочинителя, и по тому онъ можетъ сказать на это: «А какое вамъ дѣло?»

Опять повторяю: за что же обвиняется Данилевскій, что онъ избралъ преимущественно засвѣдѣтельствованія Шамбре, когда тоже дѣлаетъ, несравненно въ большей степени, и Г. Богдановичъ?

«Тьеръ, знаменитый литераторъ и публицистъ, не можетъ соперничать ни съ Шамбре, ни съ Водонкуромъ [55] въ описаніи

---

[54] Объ этомъ же предметѣ сочинитель поскупился на засвѣдѣтельствованія «Сюрюга,» Католическаго Священника, оставшагося въ Москвѣ. На него только одна ссылка, тогда какъ повѣствуемое имъ неотъемлемо принадлежитъ къ Исторіи Отечественной войны, въ особенности Москвы. Жаль, что почтенный сочинитель не изображаетъ картины насильствъ, такъ какъ изображаютъ ихъ сами Французы, и въ особенности избранный имъ Шамбре. Непонятно!

[55] Это что за оказія? Да, вѣдь, сочиненія Водонкура «помрачаются чрезвычайнымъ пристрастіемъ къ своимъ и ненавистью къ Русскимъ»..... «Онъ прибѣгаетъ къ искаженію истины, не рѣдко даже измѣняетъ смыслъ бумагъ» и т. д., и заслужилъ ссылки на него только три раза. Что за оказія, повторяю: Шамбре, Водонкуръ и Тьеръ! Не угодно ли опредѣлить, что это за господа?

военныхъ дѣйствій, но за то его сочиненіе весьма занимательно и представляетъ картину, написанную рукой мастера. Въ отношеніи къ политикѣ воевавшихъ Державъ и сосѣдственныхъ имъ Государствъ, онъ довольно безпристрастенъ, но во всемъ же прочемъ весьма часто уклоняется отъ истины» и т. д. Что же это «все прочее?» По моему мнѣнію, вѣдь, это не что иное, какъ описаніе военныхъ дѣйствій, главный предметъ книги Генерала Богдановича; но не смотря на все прочее, Тьеръ призванъ къ свѣдѣтельству сорокъ семь разъ, т. е., почти шестнадцать разъ болѣе, нежели Водонкуръ, съ которымъ «соперничать Тьеръ не можетъ.»

И такъ изъ приведенныхъ сдѣсь Французскихъ сочиненій (не упоминаю о другихъ документахъ: монитерахъ, бюллетеняхъ и т. п.) всѣ не годятся; хорошъ только Шамбре и сносенъ Фенъ; словомъ, избранные по преимуществу и Данилевскимъ: за что же Г. Богдановичъ укоряетъ сего послѣдняго?

Мнѣніе Г. Богдановича о Нѣмецкихъ повѣствователяхъ таково: «Изъ числа Нѣмецкихъ сочиненій, содержащихъ въ себѣ полное описаніе нашей Отечественной войны, наиболѣе замѣчательны: [56] 1, Der Russische Feldzug von 1812, Генерала Клаузевица, и 2, Denkwürdigkeiten des Grafen v. Toll, Бернгарди. Сочиненіе знаменитаго (?!) Клаузевица отличается знаніемъ дѣла, безпристрастіемъ (это уже черезъ чуръ!) и вѣрнымъ критическимъ взглядомъ на описываемыя событія.» Да, очень можетъ быть, что у него вѣрный взглядъ, но положительно съ Нѣмецкой точки зрѣнія. Впрочемъ, о вкусахъ не спорятъ, а по тому пусть въ мнѣніи Г. Богдановича метафизика и самохвальство Клаузевица [57] по вкусу, но за чѣмъ же онъ этого

---

[56] Значитъ, что всѣ Нѣмецкіе повѣствователи замѣчательны: одни менѣе, другіе болѣе. Замѣчательны же они съ одобрительной стороны, по тому что такъ аттестуются двое, выше названные.

[57] Въ 1812 году, во время отступленія, я съ Клаузевицемъ, какъ сослуживцемъ, видѣлся ежедневно, иногда даже по нѣскольку разъ въ день, на переходахъ, при занятіи позиціи и т. п., въ особенности по тому, что онъ

« лейбъ-Нѣмца призвалъ къ засвѣдѣтельствованію только двадцать девять разъ, тогда какъ другихъ, заподозрѣнныхъ въ изложеніи истины, гораздо болѣе, какъ это будетъ видно далѣе?

часто и ночевалъ въ нашей корпусной квартирѣ, гдѣ находился также Прусскій Офицеръ, родственникъ или, по видимому, въ близкихъ дружественныхъ съ нимъ отношеніяхъ, Капитанъ Люцо, при самомъ открытіи кампаніи принятый въ нашъ Генеральный Штабъ. Я исполнялъ должность Оберъ-Квартирмейстера и Люцо, не знавшій, какъ и Клаузевицъ, Русскаго языка, располагался со мной на ночлегѣ. Не знаю, по чему и кто именно прозвалъ Клаузевица метафизикомъ, прозвище, подъ которымъ онъ и былъ всѣмъ извѣстенъ. Самохвальства же въ немъ вовсе не замѣчалось; оно обраружилось въ послѣдствіи, въ его сочиненіяхъ, и иногда въ довольной степени. Кстати сдѣсь о немъ. Въ Исторіи Отечественной войны сочинитель уподобляетъ Клаузевица превращеніемъ Индѣйскому божеству, Вишну. Такъ, около Смоленска, Г. Богдановичъ производитъ его въ небывалые Начальники Штаба 3-го кавалерійскаго корпуса, Графа Палена. Чрезъ нѣсколько дней, онъ уже только (также небывалый) Оберъ-Квартирмейстеръ корпуса и въ то же время и не этѣмъ послѣднимъ, а только находящимся при 1-мъ корпусѣ! Жаль, что почтенный Профессоръ не извѣщаетъ о катастрофѣ, низвергавшей Клаузевица, какъ говорится, изъ Поповъ въ Дьяконы, а потомъ изъ Дьяконовъ и въ Дьячки. При такой тщательной обработкѣ книги другой, пожалуй, подумаетъ, что было три однофамильца и затруднится рѣшить, который же изъ нихъ знаменитый, какъ Г. Богдановичъ называетъ одного изъ нихъ? А выходитъ, что это одинъ и тотъ же, только въ трехъ лицахъ, въ одно и то же время, какъ Пинетти, являвшійся въ разныхъ званіяхъ. Въ Исторіи этой такіе случаи не рѣдкость и съ лицами повыше Клаузевица. Колебаніе сочинителя «Исторіи Отечественной войны» въ опредѣленіи значенія Клаузевица въ 1812 г., тѣмъ болѣе замѣчательно, что, по видимому, онъ составляетъ для Г. Богдановича что-то загадочное, въ родѣ миѳа. Наплывъ нѣсколькихъ иноземцевъ, въ особенности Прусскихъ Офицеровъ, къ намъ, и преимущественно въ Генеральный Штабъ, имѣетъ два періода. Первый за годъ и за три до войны 1812 года. Въ числѣ лицъ этого періода съ двумя изъ нихъ, Поручиками Барономъ Дистомъ (въ послѣдствіи Генералъ-Лейтенантомъ Прусской службы), сотоварищемъ моимъ въ Финляндіи, особенно въ извѣстномъ поединкѣ, гдѣ имя его видно за моимъ въ Шведскихъ журналахъ и Абовскихъ газетахъ (въ 1861 г. вновь возобновленныхъ), и Капитана Гофмана, съ которымъ я сблизился въ началѣ 1812 г., въ слѣдствіе поединка его въ Дубнѣ съ Барономъ Нолкеномъ, Адъютантомъ Генерала Дохтурова, павшаго подъ Бородиномъ. Второй періодъ, это начало кампаніи 1812 г. Нѣсколько дней предъ Смоленской битвой командированъ былъ въ 6-й корпусъ Капитанъ Люцо, прибывшій вмѣстѣ съ Клаузевицемъ въ армію, оба блистательной храбрости. Клаузевицъ пріютился у Графа Палена, корпусъ котораго былъ постоянно при 6-мъ корпусѣ; у Графа же Палена въ должности Оберъ-Квартирмейстера былъ Штабсъ-

О другомъ же сочиненіи, т. е., Запискахъ Графа Толя, изданныхъ Бернгарди, Г. Богдановичъ продолжаетъ: «Книга Бернгарди имѣетъ также большія достоинства. Въ первыхъ двухъ томахъ этого сочиненія находимъ многіе факты войны 1812 года, доселѣ остававшіеся вовсе не извѣстными, либо, по-крайней мѣрѣ, не объясненными. Источниками сочинителю, кромѣ собственныхъ замѣтокъ Толя, служили письменныя и словесныя показанія участниковъ гигантской борьбы Наполеона съ Россіей. Должно отдать справедливость Бернгарди въ томъ, что онъ воспользовался этѣми матеріалами весьма искусно, [58] соединивъ занимательность изложенія съ отчетливымъ обозначеніемъ состава и числа войскъ, времени и мѣста дѣйствій и прочихъ обстоятельствъ, на которые не обращали вниманія прежніе историки войны 1812 года.»

Не слишкомъ ли уже много сказано о совершенствѣ этого творенія?

Но объ этомъ въ другомъ мѣстѣ.

Сочинитель Исторіи Отечественной войны, послѣ такъ обильно высказанной похвалы, присовокупляетъ: «Къ сожалѣнію (это вмѣсто «но»), сочинитель, подобно многимъ Нѣмецкихъ писа-

---

Капитанъ Дэненбергъ (о начальникѣ Штаба и не сялось). Въ Бородинѣ Графъ Паленъ былъ болѣнъ, и Клаузевицъ, какъ полуволонтеръ, безъ всякой постоянной обязанности, поѣхалъ во время дѣла къ Уварову, Начальнику 1-го корпуса, и съ нимъ около часа находился въ дѣлѣ. Изъ Тарутина онъ перепросился въ корпусъ Графа Витгенштейна. Сочинилъ басню разговора его съ Барклаемъ и т. п. Въ другомъ мѣстѣ я распространюсь о Клаузевицѣ и другихъ, ему подобныхъ, волонтерахъ, въ то время бывшихъ въ нашей арміи.

[58] Очень искусно, правда, вездѣ, въ нашу Отечественную войну на первый планъ выдвигаетъ свой элементъ. Но вотъ что я не понимаю: по чему Записки Толя по преимуществу называются Бернгарди и приводятся подъ именемъ сего послѣдняго? Этотъ былъ только издателемъ, прибавилъ свои замѣчанія, но все таки это Записки Толя, а Бернгарди издатель. Во всякомъ случаѣ слѣдовало бы принять уже что либо одно: Толь, или Бернгарди. Далѣе такое разъясненіе окажется необходимымъ.

телямъ, желавшимъ заплатить тяжкій для нихъ долгъ благодарности къ Россіи униженіемъ нашей военной славы, не признаетъ заслугъ никого изъ Русскихъ, и въ особености несправедливъ къ Кутузову.»

Послѣ такого отзыва, какое же историческое достоинство можетъ имѣть эта книга, повѣствующая о нашей Отечественной войнѣ? А между тѣмъ, нѣсколько строкъ выше, воскуренъ ей ѳиміамъ!.... Должно сознаться, что это дипломатически: Русская и Нѣмецкая стороны, каждая имѣетъ чѣмъ удовлетвориться. Оставимъ до времени это, а сдѣсь, прежде всего слѣдуетъ вопросъ: кого Г. Богдановичъ почитаетъ сочинителемъ сочиненія, о которомъ идетъ рѣчь: Толя, или Бернгарди? Записки— перваго, какъ они въ ссылкахъ именуются «Denkwürdigkeiten des Grafen von Toll,» издатель ихъ—Бернгарди. Пусть онъ приводилъ ихъ въ порядокъ, объяснялъ, дѣлалъ свои замѣчанія: пусть даже пополнялъ ихъ и уже такъ издалъ, а все, однако, слово сочинитель къ нему не йдетъ; иначе же и нашъ Маврикій Осиповичъ Вольфъ, издающій столько книгъ не своего сочиненія, часто также съ поясненіями, можетъ, пожалуй, быть тоже приводимъ, какъ сочинитель! Фалардъ, разъяснившій Полибія, не называется сочинителемъ, а просто объяснителемъ (комментаторомъ). Къ кому же должно относить взводимую неблагодарность къ Русскимъ, желаніе унизить славу Русской арміи и т. п? Кого же, повторяю, Г. Богдановичъ почитаетъ сочинителемъ: самого ли Толя, или издателя Записокъ, Бернгарди? Неясный или, лучше сказать, неловкій оборотъ рѣчи! То, что приписывается Г. Богдановичемъ сочинителю Нѣмцу, можетъ относиться только къ Бернгарди, но, конечно, уже не къ Карлу Ѳедоровичу, этому рыцарю въ величайшихъ опасностяхъ. [59] Но какъ бы то ни было, подразумѣваемый сочинителемъ Отечественной войны Нѣмецъ, «уничтожающій нашу военную славу, не признающій заслугъ никого

---

[59] Если въ Запискахъ его встрѣчается что либо несообразное со славой арміи Русской, или рѣзкіе навѣты на извѣстныхъ лицъ, то позволяю себѣ думать, что первое ни въ какомъ случаѣ не принадлежитъ перу его, а второе могло быть усилено.

(замѣчательное никого!) изъ Русскихъ» и т. д., и т. д., призванъ девяносто восемь разъ къ засвѣдѣтельствованію разныхъ эпизодовъ! Изрѣченія его принимаются за положительныя, не смотря на то, что онъ такъ заподозрѣнъ! Г. Богдановичъ, какъ не участвовавшій въ войнѣ, не можетъ признавать одно за истину, другое за ложь, безъ строгаго критическаго разбора противорѣчій, встрѣчающихся въ изображеніи первостепенныхъ случаевъ, а критики въ этѣхъ случаяхъ у него не оказывается и произносимое по показаніямъ Бернгарди подтверждается почти сотней на него ссылокъ!

Изъ выше сказаннаго Г. разбиравшій сочиненіе Генерала Богдановича,[60] можетъ видѣть, что и Г. Богдановичъ заступается за Кутузова, къ которому, по его мнѣнію, Бернгарди, или Толь, въ особенности несправедливы. Впрочемъ, Генералъ Данилевскій, да и всѣ, если захотятъ сознаться, скажутъ точно также, какъ сейчасъ сказалъ и Г. Богдановичъ, что иноземные Нѣмцы въ нашей Отечественной войнѣ приписываютъ всю славу своему племени, а по тому я нахожу, что нападки съ этой стороны на Данилевскаго несправедливы; дѣйствительнымъ же оказывается только то, что, какъ уже я сказалъ, Александръ Ивановичъ могъ предпочитать быть лучше Русскимъ, нежели Нѣмцемъ; а если это такъ, то въ этомъ одномъ и заключается вся его вина.

За тѣмъ Г. Богдановичъ продолжаетъ: «Всѣ прочія военныя описанія войны 1812 года на Нѣмецкомъ языкѣ не что иное, какъ болѣе или менѣе удачныя компиляціи, отъ которыхъ нельзя ожидать ни самостоятельности критическаго взгляда, ни отчетливаго объясненія фактовъ. Таковы сочиненія Либенштейна (Der Krieg Napoleons gegen Russland in den Jahren 1812—1813), Козегартенъ[61] (Darstellung des Französisch-Russischen

---

[60] См. первую часть: «Замѣчанія на Австрійскій Военный Журналъ».

[61] Козегартенъ первый описалъ эту войну въ С.-Петербургѣ, а по тому, въ строгомъ смыслѣ сочиненіе это не иноземное, хотя и писано на Нѣмецкомъ языкѣ;

Vernichtungskrieges in Jahr 1812), Мортонваль (Histoire de la guerre de Russie en 1812),[62] Бейтцке (Geschichte des Russischen Krieges im Jahr 1812), Неизвѣстнаго сочинителя: Das Buch von Jahr 1812, oder Napoleon in Russland» и пр. Изъ числа ихъ преимущественно заслуживаетъ вниманіе[63] сочиненіе Либенштейна, но и оно подобно прочимъ, написано на основаніи довольно сомнительныхъ источниковъ.»

Что же касается до «Книги 1812 года» (Das Buch, см. выше), то сочинитель этого сочиненія, не ограничиваясь выписками изъ Шамбре, Гурго и Клаузевица, излагаетъ свои собственныя впечатлѣнія, въ качествѣ очевидца описываемыхъ событій; но этѣ замѣтки, которыя могли бы быть интересны и поучительны, къ сожалѣнію, не отличаются ни здравой исторической критикой, ни безпристрастіемъ.»

Не говоря о множествѣ Французскихъ, Нѣмецкихъ и Англійскихъ повѣствователей о войнѣ 1812 года, не упоминаемыхъ въ этомъ мѣстѣ Г. Богдановичемъ, всѣ они, т. е., писавшіе до него, и Русскіе и иноземные, отчасти только за исключеніемъ Шамбре и Фена, вовсе не имѣютъ цѣны и не заслуживаютъ никакого вниманія, по изложеннымъ сочинителемъ недостаткамъ; другіе же не болѣе какъ сносны, да и то только до извѣстной степени. Даже изображеніе военныхъ дѣйствій 1-й арміи, составленное Барклаемъ де Толли, «не можетъ быть названо совсѣмъ

въ такомъ случаѣ Бутурлина, Окунева и нѣкоторыхъ другихъ, писавшихъ не по Русски, тоже не должно бы относить къ иноземцамъ, а равно и Толя.

[62] Надо полагать, что Французъ Мортонваль заблудился между Нѣмцами.

[63] Но, вѣдь, всѣ этѣ исчисленныя Нѣмецкія сочиненія «не имѣютъ самостоятельнаго взгляда, ни отчетливаго объясненія фактовъ; а по тому, какъ понимать сдѣсь, что изъ числа ихъ Либенштейнъ преимущественно заслуживаетъ вниманія;» т. е., что онъ хуже всѣхъ другихъ, или, болѣе сносенъ? Къ слову объ удачныхъ компиляціяхъ: да вѣдь и ваша книга не что иное, какъ компиляція, но только неудачная: вы не участвовали въ войнѣ, а по тому сами свѣдѣтельствовать не можете, а Либенштейнъ, Миллеръ участвовали и могли описывать то, что видѣли, равно какъ и нѣкоторые другіе.

безпристрастно;» Вольцогенъ, прославлялъ только «свои подвиги.» Между тѣмъ, независимо отъ Барклая, Вольцогенъ десять разъ призывается во свѣдѣтели сочинителемъ.[64] Словомъ, Г. Богдановичъ долженъ былъ преодолѣть всѣ этѣ трудности, чтобы сочинить свою Исторію, и сочинилъ ее въ полномъ смыслѣ слова!

Такимъ образомъ, послѣ того, что повѣствованія иноземныхъ историковъ такъ много содѣйствовали Г. Богдановичу сложенію его исторіи, сдѣсь поступилъ онъ съ ними, какъ уже замѣчено въ первой части, точно такъ, какъ съ коркой выжатаго лимона; но таковъ, конечно, планъ нашего почтеннаго исторіографа.

Наконецъ дошла очередь и до нашихъ соотечественниковъ, и вотъ, какъ онъ отзывается о нихъ:

«Ахшарумовъ, бывшій Адъютантомъ Генерала Коновницына, по ходатайству его, получилъ порученіе составить Исторію войны 1812 года. Будучи Военнымъ Министромъ, Коновницынъ не только доставилъ Ахшарумову многіе матеріялы, но испросилъ прикомандированіе его для собранія свѣдѣній о дѣйствіяхъ Французскихъ войскъ къ корпусу Воронцова, тогда стоявшему во Франціи. Но Ахшарумовъ, недостаточно приготовленный къ занятіямъ по военной исторіи,[65] не воспользовался данными ему средствами, и написалъ книгу, заслуживающую вниманіе только по тому, что она была первымъ Русскимъ сочиненіемъ о войнѣ 1812 года.»

Полковникъ Ахшарумовъ былъ не прикомандированъ только къ корпусу Воронцова, но назначенъ дежурнымъ штабъ-

---

[64] Шрекенштейнъ тридцать разъ, Функъ десять и т. д. Между тѣмъ въ выше изложенномъ спискѣ нѣтъ Шрекенштейна, на основаніи котораго сочинена сказка о взятіи центральной батареи въ Бородинѣ.

[65] Это на какомъ основаніи? Изъ сочиненія не видно, чтобы можно было дѣлать подобное заключеніе.

Офицеромъ. Если бы Ахшарумовъ не былъ достаточно приготовленнымъ къ занятіямъ по военной исторіи, то, конечно, просвѣщенный Коновницынъ, могшій оцѣнить Ахшарумова, бывшаго у него Адъютантомъ въ продолженіи войны, въ которой такъ блистательно участвовалъ, не возложилъ бы на него этого порученія, какъ то могъ бы сдѣлать это другой, при совершенно иныхъ условіяхъ. Слѣдовательно, слово по ходатайству вовсе неумѣстно; это выраженіе слѣдовало бы приберечь для другихъ. Воспользовался ли онъ данными ему средствами, или нѣтъ, можно судить тогда только, когда средства этѣ извѣстны. Я ежедневно видѣлся съ Ахшарумовымъ, когда пріѣзжалъ изъ Ретеля въ Мобежъ, что случалось по нѣскольку разъ въ годъ, и очень близко знаю, что средства этѣ были очень ограничены; ибо въ то время наши матеріялы не были еще собраны въ одно мѣсто, а изъ сочиненій иноземныхъ не многія были уже изданы. Ахшарумовъ окончилъ Исторію въ 1817 году и отправилъ въ Петербургъ, гдѣ несомнѣнно она была просмотрѣна Коновницынымъ, а можетъ быть и еще другими участниками войны. Въ Мобежѣ, Графъ Воронцовъ, по мѣрѣ изготовленія главъ, прочитывалъ оныя; то же дѣлалъ Начальникъ Штаба, Понсетъ, человѣкъ съ высокими дарованіями. Ахшарумовъ былъ такъ добросовѣстенъ, что не пренебрегалъ ни какими поясненіями и написалъ вѣрно. Если же онъ не вдавался въ разныя подробности, то, какъ я замѣтилъ, не было еще достаточно для того средствъ. Относительно же разсужденій, которыми изобилуютъ нынѣшнія военныя произведенія, онъ былъ слишкомъ просвѣщенъ, чтобы пускать свои мнѣнія въ ходъ и стараться блеснуть своими умозаключеніями, и слишкомъ благороденъ, чтобы кадить, или злословить. [66] Онъ изложилъ событія вѣрно, какъ очевидецъ, а по

---

[66] Это доказывается однимъ уже тѣмъ, что онъ не дѣлаетъ этого и тому, кто ходатайствовалъ о немъ; а вѣдь должно согласиться, что о Коновницынѣ въ войну 1812 г. можно было бы сказать многое, заслуживающее өиміяма, но этого вовсе нѣтъ, не по тому ли, что Ахшарумовъ былъ недостаточно приготовленъ къ занятіямъ по Военной Исторіи, какъ замѣчаетъ Г. Богдановичъ? Но воскурять өиміямъ можно и при полномъ отсутствіи познаній въ военномъ дѣлѣ: ловкій сочинитель найдетъ возможность, при случаѣ, воскурить оный и Подпоручику...

моему мнѣнію, очевидецъ имѣетъ первый шагъ, когда дѣло идетъ объ описаніи того, что происходило въ его глазахъ, передъ тѣми, которые объ этомъ только слышали, или читали. Пусть они и создаютъ свои краснорѣчивыя разсужденія. Не могу скрыть удивленія, что почтенный сочинитель своей Исторіи не нашелъ ни чего, заслуживающаго вниманія въ сочиненіи Ахшарумова, и такъ рѣзко отозвался о немъ, что онъ написалъ «книгу, заслуживающую вниманія только по тому, что она была первымъ Русскимъ сочиненіемъ о войнѣ 1812 года.» Но не заслуживаетъ ли она вниманія тѣмъ уже однимъ, что въ ней нѣтъ противорѣчій самому себѣ, а это доказываетъ, что сочинитель ея зналъ логику, а не писалъ наобумъ? При послѣднемъ условіи можно написать не только три толстыхъ тома, но тридцать три листовника.

Относительно же выраженія, что книга эта имѣетъ одно достоинство, что она была первымъ Русскимъ сочиненіемъ о войнѣ 1812 года, то въ буквальномъ смыслѣ и это несправедливо. Книга Ахшарумова печатана въ 1819 году. Козегартенъ напечаталъ свою въ 1816 году въ Петербургѣ, правда по Нѣмецки, но Г. Богдановичъ говоритъ просто первымъ Русскимъ сочиненіемъ; вотъ если бы онъ сказалъ на Русскомъ языкѣ, это было бы другое дѣло.[67] Впрочемъ, какъ далѣе увидимъ, сочинитель уничтожаетъ всѣхъ своихъ предшественниковъ, дерзнувшихъ подвизаться на его поприщѣ, и это по тому, конечно, что всѣ они были участниками войны 1812 г., а онъ одинъ не могъ быть въ этомъ положеніи; по его же логикѣ участники никогда не могутъ такъ вѣрно изобразить событія, въ коихъ были дѣятелями, какъ тѣ, которые въ нихъ вовсе не участвовали.

«Бутурлинъ (Д. П.) не только былъ участникомъ въ дѣйствіяхъ 1812 года, но основательно изучилъ ихъ. Къ сожалѣнію, это изученіе было одностороннее: сочинитель былъ жар-

---

[67] Сухтеленъ, Бенкендорфъ, Бутурлинъ, Окуневъ и нѣкоторые другіе писали на Французскомъ языкѣ, но сочиненія этѣ все таки произведенія Русскихъ; точно также Записка Толя, а пожалуй и Принца Евгенія Виртембергскаго.

кимъ послѣдователемъ стратегической системы Жомини, которая преобладаетъ въ его сочиненіи. [68] Всякое дѣйствіе обсуживается у него на основаніи мыслей Генерала Жомини, что чрезвычайно стѣсняетъ кругозоръ его критическихъ выводовъ.» Замѣтивъ, что Бутурлинъ не воспользовался весьма важными матеріялами, сочинитель продолжаетъ: «Впрочемъ, въ сочиненіи Генерала Бутурлина все, что касается до движеній и дѣйствій войскъ (изложено) довольно отчетливо.» Кажется, чего же больше желать для военнаго описанія; но нѣтъ, этого мало; однако, не въ этомъ Г. Богдановичъ полагаетъ всю вину, а вотъ что онъ говоритъ въ слѣдъ за помянутыми словами: «но напрасно кто либо сталъ бы искать въ немъ объясненія характера и личныхъ свойствъ главныхъ дѣйствователей, намѣреній и рѣшеній, послѣдовавшихъ въ совѣтахъ военачальниковъ, вліянія мѣръ, принятыхъ противникомъ, духа народа и войскъ, положенія арміи въ различныя эпохи войны, словомъ сказать, вліянія нравственныхъ силъ. Отъ этого самого повѣствованіе сочинителя, не смотря на занимательность предмета, сухое, безжизненное, лишенное всего того, что обусловливаетъ прелесть созданія, представляетъ подобіе скелета.»

Скажу словами сочинителя: прелесть, что за рецензія, что за оцѣнка! Какъ мало самонадѣянности, какая скромность, и т. п.! Вотъ изволите видѣть: Бутурлинъ вѣрно описывалъ движеніе и дѣйствіе войскъ, но не захотѣлъ быть метафизикомъ и изобразителемъ характеровъ нѣкоторыхъ лицъ, что, впрочемъ, онъ, конечно, могъ бы сдѣлать легче и вѣрнѣе Г. Богдановича, знавши дѣятелей лично, но ограничился только показаніемъ ихъ дѣйствій; это не то, какъ мы? Мы ихъ и не видывали, а посмотрите, какъ однихъ отхватали, а другимъ воскурили: прогрессъ да и только! Почтенный сочинитель своей Исторіи забылъ присовокупить одно, что въ Исторіи Бутурлина нѣтъ ни одного противорѣчія, что онъ по старинному, лѣвое называетъ лѣвымъ, а правое правымъ, и т. п. Сочинитель заключаетъ таксацію свою сочиненію Бутурлина тѣмъ, что онъ «написалъ по

---

[68] Вотъ и Жомини досталось, какъ говорится, на орѣхи! Мы, де, одни непогрѣшимы!

Французски, а по тому Фрацузы пользуются всѣмъ тѣмъ, что сказано въ ихъ пользу, и ссылаются на оное.» Я долженъ или, по крайней мѣрѣ, желаю, предполагать, что этѣ послѣднія слова были написаны по разсѣянности, по тому что если бъ Бутурлинъ написалъ книгу свою по Русски, то она, конечно, была бы переведена тотчасъ на Французскій языкъ, а по тому и не лишила бы Французовъ возможности дѣлать ссылки на тѣ мѣста, которыя могли быть въ ихъ пользу. [69] Впрочемъ, и самъ Г. Богдановичъ въ своемъ предисловіи говоритъ, что «могу сказать только то, что перомъ моимъ водило безпристрастіе и къ своимъ и къ непріятелямъ.» Какъ жрецъ истины, онъ иначе и не могъ писать свою Исторію, а по тому Французы будутъ также вправѣ ссылать и на него; но, дай Богъ, чтобы......

«Сочиненіе Генерала Окунева: «Разсужденіе о важнѣйшихъ дѣйствіяхъ войны 1812 года въ Россіи,» можетъ быть причислено скорѣе къ догматическимъ, нежели къ историческимъ, книгамъ. Сочинитель, принявъ на себя обязанность Профессора, поучаетъ читателей своихъ, представляя въ видѣ безусловныхъ правилъ, выводы, имъ сдѣланные на основаніи теоріи Генерала Жомини. Нельзя не замѣтить, что послѣдователи Жомини, позабывъ, что важнѣйшею его заслугой было освобожденіе любознательныхъ военныхъ людей отъ стѣснявшихъ ихъ одностороннихъ теорій, подчинились началамъ, которыя самъ онъ не признавалъ безусловными. Отъ этого произошелъ тотъ узкій критическій взглядъ на военныя дѣйствія, которымъ отличались: Маккъ, Вейротеръ, Пфуль и подобные имъ педанты» (сирѣчь, и вы, Г. Окуневъ). Такая ученость, стѣсняющая свободу мышленія, вредна не менѣе невѣжества.»

Каковъ отзывъ?! А я спроста думалъ, что если Окуневъ и не натягиваетъ какого либо подвига избраннаго имъ Поручика

---

[69] Книга Г. Богдановича переведена по Нѣмецки и, какъ видно было въ первой части этого разбора, дѣйствительно Нѣмцы пользуются богатымъ для своей пользы матеріяломъ.

съ двумя орудіями, то, по крайней мѣрѣ, онъ развиваетъ понятіе о стратегическихъ соображеніяхъ. Но нѣтъ, не угодишь жрецу истины. Онъ только одинъ правъ, по тому что...... Но вотъ еще приговоръ послѣднему изъ сочинителей, дерзнувшему писать прежде Г. Богдановича Исторію Отечественной войны:

«Послѣднимъ изъ полныхъ сочиненій на Русскомъ языкѣ было: «Описаніе Отечественной войны 1812 года, Генерала Михайловскаго-Данилевскаго. При составленіи этой книги сочинитель имѣлъ доступъ во всѣ Государственные архивы. Энциклопедическое образованіе и литературныя способности Данилевскаго способствовали ему написать сочиненіе, которое, благодаря легкости слога и занимательности предмета, сдѣлалось популярнымъ, но подвергнулось порицанію иностранныхъ писателей. [70] Сочинитель говоритъ въ предисловіи къ своей книгѣ: «Критическая военная Исторія не была моею цѣлью. Оставимъ ее военнымъ схоластикамъ, любителямъ стратегіи и тактики. Другая цѣль была у меня: представить по возможности правдивое изображеніе событій» и пр. Этѣхъ нѣсколько строкъ (продолжаетъ Г. Богдановичъ) достаточно для обозначенія понятій сочинителя о военной Исторіи вообще и того направленія, которому онъ намѣревался слѣдовать при изложеніи Отечественной войны 1812 года. Изъ собственныхъ словъ его слѣдуетъ: во 1-хъ, что онъ не только сомнѣвался въ пользѣ военноисторической критики, но предоставлялъ ее педантамъ, отрицаясь отъ стратегіи и тактики. Да развѣ безъ основательнаго знанія этѣхъ наукъ можно написать, либо даже только вполнѣ понять, какое либо военное сочиненіе?»

Я не вижу изъ словъ Данилевскаго, чтобы онъ сомнѣвался въ пользѣ военноисторической критики и отрицался отъ стратегіи и тактики; онъ предоставлялъ это другимъ, ограничивая свой разсказъ только тѣмъ, что совершилось. Трудно угодить Г. Богдановичу, поставившему себѣ, какъ кажется, непремѣннымъ пра-

[70] Да, Нѣмцы не хвалятъ его, а главное обвиняютъ его въ патріотизмѣ, какъ замѣчено въ первой части нашего разбора.

зломъ отвергать все то, что писано было другими о войнѣ 1812 года. Бутурлинымъ и Окуневымъ онъ недоволенъ за то, что они пустились въ стратегическія разсужденія, а на Данилевскаго негодуетъ за то, что онъ предоставляетъ этѣ разсужденія сколастикамъ, или, какъ сочинитель называетъ ихъ, педантамъ. Кто знаетъ, можетъ быть Данилевскій, не сознавая въ себѣ тѣхъ высокихъ дарованій на этомъ поприщѣ (какъ то мнятъ о себѣ другіе), и не хотѣлъ подвергнуть своихъ сужденій критикѣ Профессоровъ военной науки, а предоставилъ имъ это поприще, на которомъ можно разгуляться, какъ кто понимаетъ.

Г. Богдановичъ продолжаетъ: «Во 2-хъ, сочинитель говоритъ, что онъ имѣлъ въ виду другую цѣль: истину...... Не уже ли историческая критика противоположна истинѣ?» (Нѣтъ, но для сего нуженъ здравый смыслъ). «Всѣ лучшія (да, лучшія!) историческія сочиненія отличались здравою безпристрастною критикой, и даже можно сказать, что нѣтъ ни одной хорошей военно-исторической, либо вообще исторической, книги, которая не заключала бы въ себѣ критическихъ сужденій. Да и самое описаніе Отечественной войны Генерала Данилевскаго не изъято отъ нихъ, вѣроятно, противъ воли сочинителя (!). Напрасно онъ также возстаетъ противъ стратегіи [71] и тактики. Ближайшее ознакомленіе съ военными науками предохранило бы его отъ нѣкоторыхъ промаховъ, которые встрѣчаются въ его книгѣ, какъ, на прим., у него отрядъ Энгельгардта дѣйствовалъ калеными ядрами въ полевомъ сраженіи подъ Брестомъ» и т. д.

Конечно, это промахъ, но отнюдь не доказывающій, чтобы Данилевскій не былъ знакомъ съ военной наукой до такой степени, какъ сочинитель полагаетъ. Промахи, и, различнаго еще рода, встрѣчаются вездѣ, что можно было видѣть выше. Взглянемъ, однако же, на это повѣствованіе Данилевскаго; дѣйстви-

[71] Не знаю, изъ чего Г. Богдановичъ заключилъ это? Я могъ бы представить ему свѣдѣтелей: Данилевскій отзывался о трудахъ Барона Медена на этомъ поприщѣ, признавая въ оныхъ всю полноту, необходимую для усвоенія себѣ здраваго понятія о стратегіи.

тельно ли онъ сдѣлалъ такой промахъ, что написалъ, будьто бы Энгельгардтъ дѣйствовалъ калеными ядрами? Наконецъ нашелъ я въ третьемъ томѣ (стр. 198—199) дѣло подъ Брестомъ. И что же? Выходитъ совсѣмъ иное. По сдѣланной Адмираломъ Чичаговымъ диспозиціи для атаки Шварценберга при Брестѣ, расписавъ направленіе каждой колоннѣ, присоединено, что отрядъ Энгельгардта, находившійся у Прилукъ, имѣвшій предписаніе «атаковать Брестъ съ лѣваго берега Муховца и, при замѣченномъ успѣхѣ нашихъ войскъ калеными» (написано калоными) ядрами зажечь городъ.»

Шварценбергъ ночью отступилъ и дѣйствія ни какого не было, слѣдовательно, и калеными ядрами не дѣйствовали. Данилевскій написалъ только то, что заключалось въ диспозиціи и въ предписаніи Энгельгардта, а это очень легко могло быть, такъ какъ Адмиралъ имѣлъ, можетъ быть, своихъ Адъютантовъ, которые, въ торопяхъ, могли писать, какъ на кораблѣ, каленыя ядра. Адмиралъ могъ не замѣтить вкравшейся погрѣшности, вмѣсто брандскугелей или гранатъ, и подписать диспозицію. Данилевскій, не сдѣлавъ оговорки, передалъ, какъ это было сказано въ предписаніи; но дѣло въ томъ, что Энгельгардтъ не дѣйствовалъ, какъ говоритъ Г. Богдановичъ. [72]

---

[72] Я привелъ сдѣсь это разсужденіе не столько по тому, что Г. Богдановичъ, вмѣсто того, чтобы употребить выраженіе: долженъ былъ дѣйствовать, употребилъ дѣйствовалъ, сколько по тому, что, коснувшись этого предмета, онъ могъ бы найти у Данилевскаго, касательно сего выраженія, болѣе опредѣлительное и гдѣ не было рѣчи ни о диспозиціи, ни объ Адмиралѣ, а именно (Описаніе войны 1813 г., т. II, стр. 180): говоря о сраженіи подъ Лейпцигомъ, 6-го Октября, сказано: «при овладѣніи Шенфельдомъ, бросали каленыя ядра, стараясь зажечь строенія» и пр. Но опять сдѣсь повторяю, что этотъ промахъ отнюдь не доказываетъ невѣжества Михайловскаго-Данилевскаго въ военной наукѣ; это недосмотръ, можетъ быть, перевода этого эпизода съ Нѣмецкаго языка однимъ изъ его сотрудниковъ не военнаго званія, который могъ принять брандскугель за каленое ядро, и выраженіе это не досмотрѣно Данилевскимъ. Я замѣчаю это по тому, что Г. Богдановичъ, указывая на событіе подъ Брестомъ, удачнѣе могъ бы привести таковое подъ Лейпцигомъ. Меня вмѣстѣ съ тѣмъ удивляетъ несравненно сильнѣйшія, но во всякомъ случаѣ далеко и очень далеко не равняющіяся съ тѣми, которыми разбираемая книга переполнена, и когда?— Спустя двадцать лѣтъ!

Сочинитель продолжаетъ: «Да и можно ли возставать противъ исторической критики въ настоящее время, послѣ трудовъ Смита, Гепфнера, Бернгарди, Шарраса и Милютина?»

Въ предисловіи Г. Богдановичъ говорилъ уже объ этомъ но тамъ было у него только трое: Смитъ, Гепфнеръ и Милютинъ; здѣсь онъ вдвинулъ еще двухъ, которыхъ по закону слѣдовало бы ранжировать: или въ алфавитномъ порядкѣ, или по старшинству ихъ сочиненій, обратившихъ милостивое вниманіе Г. Богдановича, или наконецъ вновь воспроизведенныхъ пріобщить къ концу названныхъ уже трехъ; но, вопреки всего выше сказаннаго, онъ сохранилъ на своихъ мѣстахъ двухъ первыхъ: Смита и Гепфнера, отодвинулъ Милютина, а предъ нимъ вмѣстилъ Бернгарди и Шарасса; на какомъ основаніи это сдѣлано, опять знаютъ о томъ только Г. Богдановичъ и Аллахъ. Уже не произошла ли эта классификація на основаніи степени достоинства, приписываемой твореніямъ этѣхъ пяти лицъ? И тогда это ошибочно; ибо Милютинъ ни въ какомъ случаѣ не можетъ и не долженъ занять послѣдняго мѣста; это пойметъ всякій, кто лишь нѣсколько въ состояніи цѣнить труды. Изъ названныхъ пяти лицъ мнѣ неизвѣстны только творенія Гепфнера, а нѣкоторыхъ зналъ я и лично, но это въ сторону. Дѣло сдѣсь въ томъ, что Г. Богдановичъ, указывая на превосходныя творенія этѣхъ лицъ, писавшихъ исторіи войнъ, въ которыхъ не всѣ участвовали, какъ бы намекаетъ, что и я, дескать, стану наряду съ ними; я, вотъ то же сочинитель Исторіи войны, въ которой не участвовалъ; такъ, по крайней мѣрѣ, мнѣ кажется. [73] Но обратимся къ продолженію:

«Вообще сочинитель (Данилевскій) приступилъ къ сочиненію своей книги, не давъ самому себѣ яснаго отчета въ направленіи, которому намѣревался слѣдовать: отказавшись отъ критики, онъ не рѣдко излагаетъ собственныя сужденія, за что можно бы поблагодарить его, если бы его выводы были безпристрастны. Но, къ сожалѣнію, иногда

[73] По чему, на прим., не упомянуть бы тутъ и Тьера, какъ современнаго; Шиллера, описавшаго тридцатилѣтнюю войну, какъ давнопрошедшаго и пр.?

случается, что она расточаетъ похвалы, либо упреки, руководясь болѣе личными отношеніями, нежели истиной (Этотъ грѣшокъ водится и у другихъ). Таково, между прочимъ, описаніе дѣятельнаго участія, будьто бы принятаго Княземъ Кутузовымъ въ сраженіи при Бородинѣ, между тѣмъ какъ всѣ (!) свѣдѣтели этого сраженія увѣряютъ, что Фельдмаршалъ во все продолженіе боя не сходилъ съ мѣста, занятаго имъ по утру у Горокъ.

Я говорилъ уже о неосновательности повѣствованія касательно Кутузова въ Бородинскомъ дѣлѣ. Генералу Богдановичу слѣдовало бы назвать всѣхъ свѣдѣтелей этого ложнаго показанія, чего онъ сдѣлать не можетъ; ибо, говоря уже объ этомъ (т. II, стр. 54), онъ ссылался только на Гофмана, Прусскаго Офицера, бывшаго въ нашемъ Генеральномъ Штабѣ и во время Бородинской битвы находившагося при Утицѣ, т. е., на оконечности лѣваго фланга, слѣдовательно, за нѣсколько верстъ отъ Горокъ. Эта ссылка принята Г. Богдановичемъ, какъ засвѣдѣтельствованіе всѣхъ! Непостижимо! Во всякомъ случаѣ Данилевскій, находившійся при Фельдмаршалѣ, можетъ служить лучшимъ авторитетомъ, чѣмъ Гофманъ, который могъ быть посланъ отъ Утицы къ Кутузову и застать его въ Горкахъ, но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы Фельдмаршалъ находился тамъ постоянно. Сдѣсь слѣдуетъ еще припомнить, что Г. Богдановичъ, перебирая на стр. 532 писателей Исторіи войны 1812 года, и говоря о Бернгарди, присовокупляетъ: «Къ сожалѣнію, сочинитель (Бернгарди) подобно многимъ Нѣмецкимъ писателямъ, желавшимъ заплатить тяжкій для нихъ долгъ благодарности къ Россіи униженіемъ нашей военной славы, не признаетъ заслугъ никого изъ Русскихъ и въ особенности несправедливъ къ Кутузову.» И какъ же послѣ этого предпочитать одного Гофмана Данилевскому? Да и что за мистификація самого Г. Богдановича, принимающаго сдѣсь сторону Кутузова тогда, какъ онъ самъ такъ и его отдѣлалъ, и отдѣлалъ на основаніи этѣхъ же самыхъ Нѣмцевъ!? Кутузовъ подъѣзжалъ къ Горкамъ на самое короткое время по утру и поспѣшилъ на свое мѣсто, которое онъ назначилъ по диспозиціи сзади 6-го корпуса; потомъ появлялся около полудни, и опять возвратился, какъ было сказано выше. Но объ этомъ до-

вольно уже говорено было выше. Покажите намъ свѣдѣтелей, и мы представимъ своихъ. Что же касается до того, что Кутузовъ принималъ дѣятельное участіе въ Бородинской битвѣ, то, конечно, этѣмъ словамъ Данилевскій не хотѣлъ выразить, что Кутузовъ лично ходилъ въ атаку, да и самъ Г. Богдановичъ говоритъ, какъ замѣчено выше, что всѣ его распоряженія во время битвъ были основательны и т. д. Чего же болѣе въ день битвы можно требовать отъ Главнокомандующаго?

Сочинитель продолжаетъ: «Таково стремленіе представить Наполеона отжившимъ вѣкъ, Наполеона, изумлявшаго всѣхъ военныхъ людей быстротой и рѣшительностью своихъ дѣйствій въ кампанію 1814 года. Еще чаще встрѣчается въ сочиненіи Генерала Данилевскаго умышленное (каково!?) умолчаніе незабвенныхъ заслугъ, высокихъ подвиговъ: объ участіи Генерала Ермолова и Полковника Толя въ дѣлѣ при Лубинѣ не сказано ни слова, объ участіи Толя въ Тарутинскомъ сраженіи, а также о распоряженіяхъ Ермолова въ сраженіи при Малоярославцѣ, также ни слова о Гавердовскомъ, одномъ изъ отличнѣйшихъ Офицеровъ нашего Генеральнаго Штаба во все не упоминается.»

Относительно Ермолова можно отчасти согласиться съ сочинителемъ, но что касается до Гавердовскаго, то не думаю, чтобы упрекъ былъ справедливъ; ибо хотя Гавердовскій и былъ извѣстенъ своими способностями уже въ войну 1808 года въ Новой Финляндіи, гдѣ находился при Главнокомандующемъ, Графѣ Буксгевденѣ, но чтобы упомянуть отдѣльно объ убитомъ Штабъ-Офицерѣ въ такомъ сраженіи, какъ Бородинское, въ которомъ пали сотни Штабъ-Офицеровъ, нуженъ былъ для сего особенный подвигъ, котораго, къ несчастію, онъ не имѣлъ случая совершить, и я очень хорошо помню, что онъ убитъ былъ такъ, что и мѣсто смерти его положительно не было извѣстно: только окровавленная лошадь примкнула къ своимъ. Не разъ уже приводимый П. Глѣбовъ, въ краткомъ разборѣ своемъ книги Г. Богдановича, говоря о неумѣстномъ упрекѣ, сдѣланномъ Михайловскому-Данилевскому, между прочимъ присовокупляетъ, что вся извѣстность Гавердовскаго въ Бородинскомъ дѣлѣ заключает-

ся въ томъ только подвигѣ, что Коновницынъ увѣдомляетъ о семъ жену свою.» [74]

Генералъ Богдановичъ являетъ себя вообще строгимъ судьею въ подобныхъ случаяхъ, тогда какъ и самъ далеко не внѣ подобныхъ упрековъ. Да! не должно быть слишкомъ строгимъ, повторяю, къ подобнымъ слабостямъ, ну, пожалуй, пусть и къ промахамъ: большая часть историковъ болѣе или менѣе были тому подвержены. Но пора кончить приговоръ Данилевскому. Вотъ что слѣдуетъ за выше приведенными словами:

«О достоинствахъ фланговаго преслѣдованія отъ Можайска къ Вязьмѣ и далѣе сочинитель говоритъ нѣсколько разъ, а о дѣятельномъ участіи Генерала Ермолова въ преслѣдованіи непріятеля умалчиваетъ. Заслуги Барклая не замѣтны въ отношеніи отечественной войны 1812 года.»

Припомню сочинителю изъ книги Данилевскаго слѣдующія мѣста (т. II, стр. 241): «Врядъ ли осталось въ центрѣ опасное мѣсто, гдѣ онъ (Барклай) не распоряжался бы; полкъ, не ободренный словами и примѣромъ его. Подъ нимъ убито и ранено пять лошадей; изъ Адъютантовъ и ординарцевъ его весьма не многіе уцѣлѣли. Велико было прежде негодованіе противъ Барклая де Толли, но въ Бородинѣ общее мнѣніе рѣшительно склонилось на его сторону. Уже нѣсколько недѣль не привѣтствовали его войска обычнымъ восклицаніемъ, но въ Бородинѣ

---

[74] Я даже полагаю, по своему разумѣнію, что помѣщенное въ текстѣ, стр. 180, письмо Г. Коновницына къ женѣ, съ извѣстіемъ о смерти Гавердовскаго, имѣло бы болѣе приличное мѣсто въ Приложеніяхъ, если уже, по соображенію Г. Богдановича, оно должно было быть извѣстно. Въ текстѣ можно было бы включить что либо соотвѣтственное съ характеромъ повѣствуемаго; такъ, на прим., по чему бы не помѣстить въ текстъ, да и помѣстить подробно и отчетливо, эпизодъ о избіеніи нашихъ плѣнныхъ, какъ мѣру общую, принятую Французами, между тѣмъ, какъ почтенный Профессоръ сказалъ только два слова (т. III, стр. 59), что когда плѣнные, отъ истощенія силъ, падали, то ихъ добивали прикладами, и отсюда сдѣлалъ примѣчаніе № 60, которое также очень слабо и далеко неудовлетворительно, какъ это можно видѣть въ книгѣ: «Пятидесятилѣтіе Бородинской битвы. М. 1866.»

отъ каждаго полка гремѣли ему ура!» Между же тѣмъ не онъ былъ Главнокомандующимъ, а изъ самаго изложенія видно, что Барклай былъ главнымъ распорядителемъ въ центрѣ и былъ не замѣнимъ. А письма, приведенныя Данилевскимъ отъ Государя къ Барклаю, не служатъ ли торжественнымъ засвѣдѣтельствованіемъ противнаго тому, что говоритъ Г. Богдановичъ? Данилевскій могъ обо всемъ этомъ умолчать, или замѣтить слегка, если бы имѣлъ намѣреніе не выказать заслуги Барклая. За симъ: «не точность свѣдѣній обнаруживается также и при изложеніи событій: сочинитель не обращаетъ должнаго вниманія на составъ и число войскъ, на время и мѣсто дѣйствій, не рѣдко при описаніи боя замѣняетъ онъ важнѣйшія обстоятельства общими мѣстами, которыя ни сколько не даютъ опредѣлительнаго понятія объ особенностяхъ описываемаго сраженія.»

И въ этомъ почтенный сочинитель своей Исторіи далеко не непогрѣшимъ, что можно было видѣть выше. Наконецъ, въ заключеніи, какъ бы coup de grace, сказано: «Но этѣ недостатки отчасти вознаграждаются ясностію слога [75] и достоинствомъ матеріяловъ, которые, будучи искусно сгруппированы сочинителемъ, придаютъ труду его большую занимательность. Вся Россія читала его книгу, и это обстоятельство заставляетъ еще болѣе сожалѣть о томъ, что истина и безпристрастіе не всегда руководили перо краснорѣчиваго историка.» Трудно, по крайней мѣрѣ, мнѣ, обнять смыслъ этѣхъ послѣднихъ строкъ, но утвердительно могу сказать, что Данилевскій не былъ убѣжденъ въ своей непогрѣшимости и приготовлялъ значительныя исправленія для третьяго изданія. [76]

---

[75] Виноватъ, а мнѣ кажется, что если военная книга съ такими промахами и такъ не вѣрно, какъ, по мнѣнію Г. Профессора, издано Описаніе войны Данилевскимъ, то, ни какое краснорѣчіе не можетъ замѣнить главнаго назначенія такой книги. Въ такомъ случаѣ образцовыя поэмы: Тасса, Мильтона, Парни, Тредьяковскаго (Телемахида), Богдановича (Душенька) и имъ подобныя, должны быть предпочтены Исторіи, и по тому еще болѣе, что они сами не участвовали ни въ раѣ, ни въ адѣ, ни на Олимпѣ и т. п. Словомъ, при полномъ отсутствіи положительности, а въ размѣрѣ воображенія.

[76] Это можно видѣть въ книгѣ: «Нѣкоторыя замѣчанія, почерпнутыя преимущественно изъ иностранныхъ источниковъ и пр. Спб. 1855, въ 8.

Относительно слога книги Г. Богдановича, я не судья, но нѣкоторые находятъ его не современнымъ и не соотвѣтствующимъ великому значенію книги. Независимо, иногда, отъ вводимой поэзіи, какъ, на прим., безчувственность ранъ, печеныя на деревьяхъ яблоки и т. п., встрѣчается, въ числѣ многаго, что-то недостаточно обработанное; вотъ нѣсколько примѣровъ тому, попавшихся на глаза:

Есть параграфъ (не въ началѣ страницы), начинающійся такъ: «Немногіе жители, оставшіеся въ Москвѣ, ожидали съ нетерпѣніемъ и страхомъ окончательнаго выступленія Французовъ» и т. д. На половинѣ же слѣдующей страницы, слѣдовательно, въ очень близкомъ сосѣдствѣ, другой параграфъ начинается опять: «Немногіе жители, тогда остававшіеся въ Москвѣ, пораженные страхомъ и оцѣпенѣлые» и пр. Не я, а знатоки въ литературѣ не находятъ это чистымъ и повтореніе одного и того же построенія выраженій слишкомъ близкимъ.

Описавъ поэтически одинъ изъ ужасныхъ эпизодовъ столкновенія при Семеновскомъ, сочинитель присовокупляетъ: «Напоминали воображенію послѣдній день міра.» Напоминать воображенію то, чего еще не было, кажется и мнѣ уже, не слишкомъ ли поэтично? Представлять воображенію—это было бы иное дѣло. Воображенію, повторяю, полная свобода, какъ, на примѣръ, въ «Освобожденномъ Іерусалимѣ,» Тасса, въ «Потерянномъ Раѣ,» Мильтона, въ «Душенькѣ,» Богдановича, и во множествѣ подобныхъ произведеній, но не въ книгѣ, въ которой положительность и ясность должны составлять первое условіе. Это выраженіе Генерала Богдановича равносильно выраженіи Генерала Данилевскаго, тоже о Бородинѣ: «ночь освѣтила новые пожары.»

«Въ свѣтлой мрачности блистающихъ ночей,
Явился черный свѣтъ отъ солнечныхъ лучей.
Все то, что видѣлъ я, и то, что не видалъ—
Въ безчувствіи своемъ я живо ощущалъ» и т. д. [77]

[77] И то и другое какъ бы твореніе одного и того же поэта, написавшаго ерунду, подходящую пополамъ къ обоимъ.

Странно какъ-то читать «столпившіеся обозы.» Толпа обозовъ! Странно, по моему мнѣнію, точно также, если бъ сказать: вагенбургъ людей, но и это едва ли не сноснѣе, и пр., и пр.

Осадилъ назадъ! Какъ! будьто можно осадить иначе? Да еще осадилъ не лошадь, а осадилъ половину арміи! Сдѣсь сочинитель вѣренъ своей программѣ: «разъяснять темныя мѣста.» Другой, вѣдь, подумаетъ, что осадилъ впередъ. [78]

Очевидно что почтенный сочинитель своей Исторіи не твердъ въ описаніи битвъ, по тому что прибѣгаетъ къ безпрерывному повторенію вспомогательному, спасительно выручающему изъ бѣды, слову: «между тѣмъ,» чѣмъ разсказъ его испещренъ, особенно принявъ въ соображеніе, что это «между тѣмъ» наполняетъ только именно одинъ разсказъ битвъ, и вотъ тому доказательство.

Разсматриваемое сочиненіе Генерала Богдановича, въ трехъ томахъ, содержитъ въ себѣ 1306 страницъ; [79] если исключить изъ этой общей цифры цѣлыя главы, въ которыхъ не говорится собственно о битвахъ, [80] словомъ, все то, что не относится соб-

---

[78] Впрочемъ, это еще не бѣда. По чему же сочинителю Отечественной войны не употребить такой и подобной ей рѣчи, когда, какъ бы принято уже говорить и писать: «спуститься внизъ; подняться на верхъ; пошелъ, пришелъ пѣшкомъ; самъ ходилъ; обратно назадъ; убилъ до смерти; видѣлъ самъ; слышалъ самъ, а иногда съ добавкой еще: своими глазами, своими ушами, а бываетъ и съ приложеніемъ «собственными,» какъ будьто можно видѣть чужими глазами, слышать чужими ушами, или видѣть иначе, какъ не своими глазами и слышать не ушами, и т. п. Но это такъ, къ слову

[79] Въ I томѣ 406; во II 490, и въ III 410 страницъ.

[80] Какъ, на примѣръ: главы I, II, III, IV, V, VI, VII, XV, XVII, XIX, XX, XXIV, XXVI, XXVII, XXIX, XXX, XXXIII, XLIV, XLVI, XLVII и нѣкоторыя другія не боеваго разсказа, а именно политическихъ разсужденій, дипломатическихъ сношеній, очерки театра войны, расположеніе жителей, описаніе предшествовавшихъ войнъ нашихъ съ Наполеономъ, причины войны 1812 года, приготовленіе Наполеона къ оной, наши заготовленія и т. п.; формированіе и распредѣленіе на войнѣ нашихъ армій, первоначаль-

ственно къ военнымъ дѣйствіямъ и ближайшимъ къ нимъ событіямъ, то, для описанія собственно военныхъ дѣйствій, т. е., изложенія битвъ, не остаметеся 400 страницъ.

На этѣхъ-то 400 страницахъ и размѣщено 355 разъ «между тѣмъ,» и изъ нихъ 117 разъ начинаютъ параграфъ (и одну главу). Онѣ встрѣчаются по нѣскольку разъ, не только что на одной страницѣ, но и въ одномъ параграфѣ чрезъ нѣсколько строкъ, а есть и чрезъ двѣ. Бородинское сраженіе изложено на 45-ти страницахъ, на которыхъ помѣщается 36 разъ «между тѣмъ,» и изъ нихъ семь параграфовъ такъ начинаются.[81] Во всякомъ случаѣ, нельзя отрицать, чтобы частое употребленіе помянутаго слова не обличало не твердости описывать битвы и событія. Я встрѣтилъ только одну книгу, въ этомъ отношеніи приближающуюся къ

вый планъ дѣйствій, начало войны, Императоръ Александръ въ Дриссѣ и въ Москвѣ, двѣ главы объ ополченіи, свиданіе Императора Александра въ Або съ Принцемъ Шведскимъ, положеніе областей, занятыхъ непріятелемъ, назначеніе Кутузова, вооруженіе Литвы, прибытіе Кутузова въ армію, подробныя росписанія силъ воюющихъ сторонъ, позиція при Бородинѣ, двѣ главы отступленія къ Москвѣ, совѣщаніе въ Филяхъ, оставленіе столицы, разореніе и т. п. Пожаръ Москвы, приготовленіе Лепихомъ шара, афиши Растопчина, двѣ главы отступленія отъ Москвы, лагерь при Тарутинѣ, общій планъ дѣйствій, переформированіе армій и т. п., прибытіе подкрѣпленій, соединеніе третьей арміи съ Дунайскою, подошедшія подкрѣпленія къ Витгенштейну, народная война, распоряженіе о запасахъ, учрежденіе магазиновъ, пребываніе Наполеона въ Москвѣ, переговоры, очищеніе Французами Москвы, отступленіе, пребываніе въ Вильнѣ, и т. п. Продолженіе бѣгства изъ Вильны за Нѣманъ, прибытіе Императора Александра въ Вильну, отступленіе Макдональда, переговоры съ Іоркомъ, заключеніе. За тѣмъ Высочайшіе манифесты, рескрипты, описаніе нашихъ и непріятельскихъ армій въ разные моменты, описаніе крѣпостей, городовъ, позицій, личностей, донесенія, рапорты и сношенія, приведенные тексты на Французскомъ и Нѣмецкомъ языкахъ и переводы ихъ, разсужденія сочинителя, часто довольно пространные и пр. Сдѣсь замѣчу мимоходомъ, что этѣ переводы, вмѣстѣ съ подлинникомъ, увеличиваютъ только объемъ текста, тогда какъ подлинники, если нужно, могли бы приличнѣй быть помѣщены въ примѣчаніяхъ, какъ это и сдѣлано со многими другими.

[81] Сдѣсь пространно было бы выписывать все, что объ этомъ толкуютъ пока келейно.

книгѣ Г. Богдановича: это «Очерки кампаніи 1813 года,» Г. Ортенберга. Но у него это извинительнѣй: книга не классическая, писана безъ притязаній, съ скромнымъ заглавіемъ: «Очерки,» а не съ громкимъ: «Исторія.»

Вообще книга переполнена опечатками, что доказываетъ небрежность ея изданія. [82] Самое предисловіе сочинителя, какъ было видно, замѣчательно своею неподражаемою самонадѣянностью, выходящею изъ всѣхъ границъ, принятыхъ въ такихъ случаяхъ. Мнѣ не приходилось еще читать современныхъ сочиненій важнаго содержанія, въ которыхъ сочинитель такъ дѣтски откровенно и добродушно выставлялъ бы свой подвигъ, какъ созданія, доселѣ небывалаго; все, что писано у насъ и иноземцевъ относительно 1812 года не годится, «не соотвѣтствуетъ ни важности предмета, не современному состоянію науки.» Показанія очевидцевъ пристрастны. Сочинитель исчисляетъ то, что найдутъ у него «новаго,» пишетъ о трудахъ своихъ по сочиненію своей книги; онъ не только что не упускаетъ изъ виду ни одного матеріала, но и подслушиваетъ; обѣщаетъ «пояснить сокровенныя причины дѣйствій, остающихся темными, загадочными, единственно отъ того, что свѣтильникъ истины иногда затмѣвался пристрастіемъ;» что изложеніемъ Отечественной войны онъ пополнилъ пробѣлъ, который оставался въ Исторіи и, въ паеосѣ своемъ, извѣщаетъ, что онъ принялъ на себя священную обязанность жреца истины и, вооружившись свѣтильникомъ, открываетъ тайну, отъ чего описанія генеральныхъ сраженій большею частію не полны и не удовлетворительны, и что, по сказаннымъ имъ причинамъ, сраженіе при Бородинѣ изложено не совсѣмъ удовлетворительно даже въ лучшихъ, военно-историческихъ сочиненіяхъ.»

Словомъ, нѣтъ возможности передать въ сокращеніи всей прелести предисловія, основанной, повторяю, на неслыханной въ

[82] Нельзя, однако жь, сказать, чтобы на опечатки не было обращено вниманія: напротивъ, въ концѣ каждаго тома имъ приложенъ списокъ. Но что исправлено? Не то, что необходимо требовалось, а большею частью то, что не составляетъ ни какого значенія, въ чемъ не трудно убѣдиться.

настоящее время въ книгахъ важнаго содержанія самоувѣренности въ непогрѣшимости своихъ повѣствованій и умозаключеній, и, конечно, на этѣхъ-то основаніяхъ трудъ свой онъ и называетъ не иначе, какъ: «моя книга; мое сочиненіе; моя исторія.» [83] Такая самоувѣренность, такая хвала своему труду, самому себѣ, какъ-то дѣйствительно не соотвѣтствуетъ важности описываемаго предмета.

Между древними литераторами и историками были и такіе, которые любили хвалить и себя и свои сочиненія; такъ, на примѣръ: Пиндаръ утверждаетъ, что ни бури зимы, ни усилія вѣтровъ, не могутъ истребить его стиховъ. Аристофанъ пространно говоритъ о своей славѣ. Катонъ Старшій имѣлъ обыкновеніе безпрерывно хвалить себя, и если кто изъ гражданъ въ чемъ либо ошибался и ему это замѣчали, то обыкновенно говорилъ: «Это извинительно: онъ, или они, не Катонъ, не Катоны.» Горацій увѣряетъ, что слава его продлится столько же, какъ и поклоненіе богамъ въ Капитоліи. Цицеронъ не упускалъ случая выхвалять себя; Галіенъ сравниваетъ себя съ Траяномъ и т. д. Но изъ нихъ Арріенъ, въ этомъ отношеніи, ближе всѣхъ къ нашему исторіографу, какъ по предмету своего сочиненія, такъ и по сходству выраженія съ предисловіемъ сочинителя «Исторіи Отечественной войны 1812 года.» Арріенъ говоритъ, что «предпринялъ написать Исторію Александра Великаго, по тому что сознавалъ себя способнымъ достойно это выполнить; что съ самыхъ молодыхъ лѣтъ любилъ литературу, и что между писателями онъ занимаетъ ту же степень, что и Александръ между воинами!»

Это какъ бы экстрактъ изъ помянутаго предисловія. Средніе вѣка представляютъ также примѣры самохвальства: такъ Юлій Скалигеръ увѣряетъ, что «понятія Ксенофонта и Масиниссы, вмѣстѣ соединенныя, не въ совершенствѣ еще выражаютъ то, что

---

[83] Не знаю, какъ другимъ, но мнѣ какъ-то странно читать: «Моя Исторія, мое сочиненіе, моя книга» и т. п. Кажется, въ этѣхъ случаяхъ принято выраженіе: «предлагаемое сочиненіе, предлагаемая книга, предлагаемый трудъ на благосклонное мнѣніе читателей» и т. п. Здѣсь нѣтъ самонадѣянности, слѣдовательно, и приличнѣе.

сосредоточивается въ немъ одномъ.» Парацельсъ пишетъ, что одинъ изъ волосъ его головы ученѣе всѣхъ Университетовъ вмѣстѣ. Карданъ говоритъ о своемъ разумѣ, одаренномъ такимъ совершенствомъ, что стоитъ между природой человѣческой и существомъ божественнымъ и т. д. Ближе къ нашимъ временамъ встрѣчаемъ еще Малерба, который, въ посланіи Генриху IV, между прочимъ сказалъ:

Tous vous scavent louer, mais non également,
Les ouvrages communs vivent quelques années,
Ce, que Malherbe écrit, dure éternellement.

Послѣ сего мнѣ не случалось встрѣчать уже такого самохвальства. Въ настоящее же время подобное возрожденіе (renaissance) въ книгахъ важнаго содержанія поражаетъ; ибо теперь это встрѣчается только въ объявленіяхъ зубныхъ врачей о своихъ экстрактахъ и массахъ для приготовленія зубовъ, о пластыряхъ для мозолей, о выводѣ крысъ, мышей, клоповъ, тараракановъ и т. д., о составѣ красокъ для волосъ, о цѣлебныхъ свойствахъ мальцъ-экстракта и т. д.»[*]

Да, предисловіе и вся книга замѣчательны! Почтенный сочинитель, какъ жрецъ истины, съ свѣтильникомъ въ рукахъ, проникая въ сокровенныя причины дѣйствій, въ темные и загадочные эпизоды, научаетъ насъ и открываетъ намъ то, чего мы, дѣятели, и не подозрѣвали. Какой-то мыслитель, писавшій около половины XVIII вѣка (кажется, Жандръ, Маркизъ Сентъ-Обенъ), сказалъ, что «каждый историкъ приноравливаетъ (ajuste) исторію къ своему личному характеру. Въ Саллюстіѣ господствуетъ нравственность, въ Тацитѣ политика, въ Титѣ Ливіѣ предразсудки и ораторство. Всѣ хотятъ указать намъ причины событій, бывшихъ не извѣстными, не только что современникамъ, но даже и тѣмъ, которые принимали въ нихъ участіе.»

---

[*] Исторіографу, занимающемуся изложеніемъ великой эпохи, собственно мнѣ кажется, несоотвѣтственно съ достоинствомъ значенія труда, помѣщать отрывки, или читать ихъ гласно предъ публикой. Это какъ-то схоже съ появленіемъ афишъ, извѣщающихъ объ имѣющемъ быть представленіи и очень часто плохомъ. Впрочемъ, повторяю, это мой личный взглядъ.

Дѣйствительно, читая «Исторію Отечественной войны 1812-го года,» встрѣчаешь такъ много новаго (впрочемъ, сочинителемъ обѣщаннаго), что задаешь себѣ вопросъ: Не уже ли это такъ? И въ этомъ положеніи нельзя не согласиться съ мнѣніемъ Сентъ-Реаля, сказавшаго вообще объ Исторіи, что «надо быть простакомъ, чтобы изучать Исторію съ цѣлью узнать прошедшее. Достаточно уже того, что узнаютъ, какого мнѣнія былъ тотъ или другой сочинитель: не столько должно отыскивать описанія событій, сколько узнавать мнѣнія людей.» Сдѣсь можно было бы еще прибавить: «и силы тѣхъ, которые берутся разсказывать намъ прошедшее.»

И такъ, по мнѣнію Г. Богдановича, выраженному диктаторски, всѣ, писавшіе до сихъ поръ Исторію Отечественной войны, впадали въ большія ошибки, отклонялись отъ цѣли: одни придерживались стратегіи, другіе были пристрастны, не излагали истины, воскуряли еиміямъ; словомъ, до сихъ поръ, т. е., до книги Г. Богдановича, не было удовлетворительнаго описанія войны 1812 года. Только онъ одинъ могъ побѣдить всѣ затрудненія, проникнуть въ сокровенности, прояснить мракъ, и наконецъ создать свое твореніе, какъ жрецъ истины, безъ погрѣшностей.

Изъ краткаго обзора, или правильнѣе, только указанія на нѣкоторыя мѣста, встрѣчающіяся въ «Исторіи Отечественной войны 1812 года,» видно, что многое обращаетъ на себя вниманіе своимъ неяснымъ изложеніемъ, отсутствіемъ ссылокъ, тамъ, гдѣ онѣ были необходимы, въ особенности, когда вводятся въ исторію данныя дотолѣ не извѣстныя, и изображеніе свойства характеровъ и способностей нѣкоторыхъ изъ нашихъ военачальниковъ, а равно помѣщеніе и таких ссылокъ, въ которыхъ ни слова не упоминается о томъ, въ чемъ на оныя ссылаются. Умалчиваніе о многихъ эпизодахъ, внесенныхъ уже въ предшествующія Исторіи и даже не оговоренныхъ, если они оказались не согласными съ истиной; частые анахронизмы, затемняющіе событія; введеніе въ текстъ того, что дожно быть въ приложеніяхъ, и обратно. Не менѣе порицательны разнорѣчія объ одномъ и томъ же событіи; [86] неточность въ поименованіи частей войскъ

---

[86] Разнорѣчія и неясности, коими книга наполнена, замѣтятся и тогда даже, когда не станетъ уже и участниковъ въ событіяхъ.

и лицъ, совершавшихъ подвиги; невѣрность въ изображеніи моментовъ различнымъ эпизодамъ; названіе полковъ, никогда въ нашей арміи не существовавшихъ; называніе праваго лѣвымъ и обратно; не единообразіе въ повѣствованіи при обозначеніи различныхъ частей войскъ и именъ ихъ начальниковъ; почти осязательное стремленіе выставлять имена нѣкоторыхъ, безъ всякихъ съ ихъ стороны подвиговъ, и множество другихъ недостатковъ, начиная со слога.

Но, за всѣмъ тѣмъ, сочинитель, назвавъ себя жрецомъ истины, съ необыкновенною самоувѣренностію въ непогрѣшимость своего труда, возглашаетъ оный въ своемъ предисловіи, какъ бы вѣнцомъ всему тому, что было до сихъ поръ писано и у иноземцевъ и у насъ о войнѣ 1812 года, и говоритъ, что до сихъ поръ (!) событія этой эпохи оставались пробѣломъ въ Исторіи.

Въ настоящихъ краткихъ замѣчаніяхъ моихъ я только слегка касался нѣкоторыхъ критическихъ сужденій сочинителя о разныхъ частныхъ событіяхъ этой войны, и преимущественно ограничивался тѣми, которые въ изложеніи своемъ представляли противорѣчіе сочинителя самому себѣ; ибо разбирать все критически, имъ разсматриваемое, было бы трудомъ безполезнымъ, да и потребовало бы едва ли не такихъ же трехъ толстыхъ томовъ, какъ и самая Исторія, а для поясненія, можетъ быть, и болѣе.

Въ введеніи я исчислилъ причины, побудившія меня разсмотрѣть эту книгу. Бывши дѣятелемъ описываемой поры, постоянно читая всѣ повѣствованія объ оной, я почелъ долгомъ замѣтить видимые недостатки сочиненія, которое, сопровождавшими оное обстоятельствами, должно было поставить его на степень безукоризненности. Всѣ Государства Европы, въ настоящее тревожное время, ищутъ усовершенствованій по различнымъ отраслямъ военныхъ знаній, и въ это-то самое время появляется у насъ Исторія одного изъ самыхъ замѣчательнѣйшихъ событій настоящаго вѣка, событія, коему есть еще свѣдѣтели-участники въ разныхъ Государствахъ. [86] Какой отзывъ, какое понятіе, возымѣютъ они о нашихъ

---

[86] Къ этой книгѣ, по промахамъ, можетъ быть отнесена и галерея: «Императоръ

ученыхъ трудахъ, заглянувъ въ эту книгу? Читатели рѣшатъ: правильны ли были мои замѣчанія на книгу, для составленія которой сочинитель получилъ всѣ средства къ тщательному изложенію столь достопамятной поры, и если онъ не могъ удовлетворить справедливымъ ожиданіямъ понимающихъ дѣло, то, можетъ быть, этому была причиной одна самонадѣянность въ принятіи на себя труда, превышающаго его силы; впрочемъ, самонадѣянность никогда не сознается въ недостаткѣ послѣднихъ.

Что касается собственно до моего мнѣнія, основаннаго на подробномъ разборѣ настоящей «Исторіи Отечественной войны 1812 года,» то я ставлю ее гораздо ниже сочиненій Ахшарумова, Бутурлина, Окунева и Михайловскаго-Данилевскаго.[87] Первые трое отличаются ясностію, отсутствіемъ противорѣчій, а послѣдній и слогомъ; въ этой есть много недостатковъ разнаго рода, но, съ тѣмъ вмѣстѣ, есть послѣдовательность событій, все изложено правильнѣе, часто подробнѣе, чѣмъ въ книгѣ Г. Богдановича,[88] и я смѣю думать, что если бы послѣдній не имѣлъ образцомъ Бутурлина и Данилевскаго, то едва ли одолѣлъ бы тѣ трудности, которыя сопряжены съ составленіемъ подобныхъ сочиненій, въ особенности не участвовавъ не только что въ той войнѣ, которую описывалъ, но и ни въ одной изъ другихъ

Александръ I-й и его сподвижники.» Сдѣсь встрѣчаются непростительныя ошибки, пропуски и т. п., и удивительно, что никто не предпринимаетъ, по крайней мѣрѣ, замѣтить оные.

[87] Сдѣсь разумѣю только изложеніе и мнѣнія Г. Богдановича; относительно же матеріяловъ, Исторія его богаче прежнихъ, но и въ нихъ встрѣчаются недостатки съ одной стороны; съ другой избытокъ въ безконечныхъ ссылкахъ на Бернгарди, Клаузевица, Гофмана, Шрекенштейна и т. п.

[88] Въ общемъ понятіи заглавіе книги Данилевскаго скромнѣе: «Описаніе Отечественной войны,» между тѣмъ какъ Г. Богдановича громче: «Исторія.» Хотя въ настоящемъ смыслѣ описаніе и исторія почти одно и то же, но мы уже привыкли, положимъ и безсознательно, различать эти два названія, требуя отъ исторіи болѣе, чѣмъ отъ описанія, и едва ли не въ одинаковой пропорціи, какъ описаніе относится къ похожденію. Сдѣсь же выходитъ, что исторія уступаетъ мѣсто описанію, а по тому она и требуетъ болѣе строгой критики.

классическихъ войнъ. Имѣя канвой Отечественную войну Данилевскаго, уже легко было пополнять то, что не было помѣщено у него, а по тому въ настоящей книгѣ встрѣчаются многія мѣста, взятыя изъ Данилевскаго, но безъ ссылки на него, а нѣкоторыя выпущены и не оговорены. Однимъ словомъ, разсмотрѣнная мною книга Генерала Богдановича принадлежитъ къ разряду тѣхъ сочиненій, о которыхъ знаменитый Томасъ Броунъ, въ сочиненій своемъ: «Религія медика» (изданномъ въ XVII столѣтіи), сказалъ: «Я вѣрю описаніямъ прошедшаго на столько же, какъ и предсказаніямъ будущаго.»

И такъ, далеко еще до послѣдняго слова въ Отечественной войнѣ. Для знатоковъ дѣла трудъ Г. Богдановича никогда не будетъ безупречнымъ авторитетомъ, не смотря на какое-то офиціяльное прикрытіе его извѣстными титулами, по большой части всегда прозрачными. Подождемъ новаго историка даровитаго, а необманчиваго свѣтильника истины, для описанія необыкновенной народной эпопеи новыхъ вѣковъ, извѣстной у насъ подъ именемъ «1812 годъ».

II

МАТЕРІЯЛЫ ОТЕЧЕСТВЕННЫЕ

СЛАВНЫ БУБНЫ ЗА ГОРАМИ

или

ПУТЕШЕСТВІЕ МОЕ КОЕ-КУДА

1810 ГОДА.

сочиненіе

князя Ивана Михайловича Долгорукаго.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Князь Иванъ Михайловичъ Долгорукій, умершій въ Москвѣ 4-го Декабря, 1823 года, почти 60 лѣтъ (р. 7-го Апрѣля, 1764 г.), принадлежалъ къ немногимъ своеобразнымъ нашимъ писателямъ. Но долго онъ былъ извѣстенъ у насъ только своими стихотвореніями; однако, съ нѣкотораго времени узнали, что онъ оставилъ послѣ себя самыя подробныя Записки или Дневникъ. Я ихъ имѣлъ въ рукахъ, благодаря благосклонности дочери его, Антонины Ивановны Новиковой, довольно долгое время, прочелъ всѣ, какъ говорится, отъ доски до доски, прекрасно переписанныя рукой ея, около двухъ тысячъ страницъ (1728 или 432 листа), въ большой листъ, и имѣю съ нихъ списокъ. Онѣ озаглавлены такъ:

«Повѣсть о рожденіи моемъ, происхожденіи и всей жизни, писанная мной самимъ и начатая въ Москвѣ 1778 года, въ Августѣ мѣсяцѣ, на 25-мъ году отъ рожденія моего. Въ книгу сію включены будутъ всѣ достопамятныя произшествія, случившіяся уже со мною до сего года и впредь имѣющія случиться. Здѣсь же впишутся копіи съ примѣчательнѣйшихъ бумахъ, кои будутъ имѣть личную со мною связь и къ собственной моей исторіи уважительное отношеніе.»

Отрывокъ изъ сей «Повѣсти» помѣщенъ былъ въ «Москвитянинѣ, 1844 г., кн. XI, стр. 196—213; 1845, кн. II, стр. 21—43)» а также въ извѣстномъ «Полномъ собраніи сочиненій Русскихъ авторовъ,» изд. А. Ф. Смирдина, именно во 2-й части, въ концѣ. С.-Петербургъ, 1849 (стр. 487—539). Извѣстіе же объ этой «Повѣсти» сообщено было недавно въ «Русскомъ Архивѣ» (1865, стр. 964—968) М. Н. Лонгиновымъ. Драгоцѣнныя Записки эти, по моему мнѣнію, давно бы уже пора издать въ свѣтъ; въ нихъ нѣтъ ни чего не печатнаго: времена и люди прешли

своей чередой, и ни что не мѣшаетъ уже явиться имъ въ своемъ видѣ и обстановкѣ.

Кромѣ Записокъ, Князь оставилъ также и другую прозу. О нихъ упоминаетъ М. А. Дмитріевъ, въ своемъ прекрасномъ жизнеописаніи: «Князь Иванъ Михайловичъ Долгорукой и его сочиненія. Изданіе 2-ое, обработанное вновь, исправленное и значительно дополненное (1-ое помѣщено было въ «Москвитянинѣ» 1851 года, кн. III, стр. 265—320, и отдѣльно). Москва, 1863,» но только что упоминаетъ; такъ онъ говоритъ о «Путешествіи въ Одессу и Кіевъ 1810 года» только то, что «оно должно быть очень занимательно и, вѣроятно, и донынѣ сохраняется у дѣтей его» (стр. 97). О «Второмъ путешествіи въ Кіевъ 1817 года» еще короче выражается: «Эта поѣздка описана имъ подъ названіемъ: «Второе путешествіе въ Малороссію,» и по тому въ своихъ Запискахъ онъ говоритъ о ней кратко» (125 — 126). Наконецъ о третьемъ «Путешествіи» и того короче: «Кромѣ стиховъ, комедій, пословицъ, фарсовъ, оставшихся въ рукописи, онъ написалъ еще подробныя Записки о своей жизни, Словарь всѣхъ своихъ знакомыхъ подъ названіемъ: «Капище моего сердца,» гдѣ онъ помѣщалъ ихъ изображенія, или описанія ихъ свойствъ. Потомъ осталось, тоже въ рукописи, его «Путешествіе въ Кіевъ, Одессу, Нижній Новгородъ. Не проходило ни одного дня, чтобъ онъ не писалъ, развѣ когда бывалъ отвлеченъ пріѣздомъ кого ни будь къ нему, или необходимымъ выѣздомъ изъ дому.» Послѣднее путешествіе происходило въ 1813 году и носитъ слѣдующее заглавіе: «Журналъ путешествія Князя Ивана Михайловича Долгорукаго изъ Москвы въ Нижній.» Всѣ сіи Путешествія его были доселѣ вовсе не извѣстны, за исключеніемъ небольшаго отрывка изъ перваго (1810 года), помѣщеннаго Смирдинымъ, кн. 2, стр. 461—484; въ немъ находятся: I. Описаніе Богоявленскаго. II. Херсонъ. III. Ильинское. IV. Очаковъ. Если бы Путешествія этѣ были въ рукахъ жизнеописателя, онъ бы ими, конечно, воспользовался не меньше другихъ его сочиненій, равно какъ и Записокъ, которыя, по его словамъ, дочь Князя, А. И. Новикова, довольная первой статьей его объ ея отцѣ, прислала ему, «для прочтенія и справокъ, полную руко-

пись Записокъ, которыми біографъ, не смотря на короткое время, воспользовался, сдѣлавъ изъ нихъ нужныя для себя выписки» (Предисловія стр. I—II).

Изъ сихъ прозаическихъ произведеній Князя Ивана Михайловича Долгорукаго Императорское Общество Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ имѣетъ нынѣ въ своемъ распоряженіи: «Путешествія» его, которыми и спѣшитъ подѣлиться съ своими читателями. Оно получило ихъ, благодаря посредству Д. Члена своего, Н. В. Сушкова, отъ супруги одного изъ сыновей сочинителя, Князя Дмитрія Ивановича Долгорукаго, Княгини Софьи Никаноровны Долгорукой, опекунши дѣтей покойнаго своего супруга, Княженъ Натальи Дмитріевны, Фрейлины Ея Императорскаго Величества (съ Апрѣля, 1867 г.), и Екатерины Дмитріевны, единственныхъ нынѣ старшихъ представительницъ старѣйшей вѣтви Княжескаго Долгоруковскаго рода, какъ происшедшихъ отъ поколѣнія мужескаго, и по сему владѣтельницъ всѣхъ историческихъ и письменныхъ памятниковъ послѣ Князя Ивана Михайловича. Ибо изъ многихъ дѣтей послѣдняго (отъ первой жены, Евгеніи Сергѣевны Смирновой, воспитанницы Великихъ Княгинъ, Натальи Алексѣевны, Принцессы Дармштадтской, первой супруги Павла Петровича, и Маріи Θеодоровны, второй супруги его же, имѣлъ дѣтей 10 человѣкъ) только три сына были женатые: Павелъ, самый старшій (р. 1787 г., Ноября 21, у. 1845, Февраля 8), крестникъ Императора Павла Петровича, женатый на Княгинѣ Елисаветѣ Петровнѣ Голицыной; Александръ (ск. на 76 году отъ рожденія, 7-го Декабря, 1868), два раза женатый: на Колошиной и Баронессѣ Аннѣ Львовнѣ Боде; оба не оставившіе по себѣ потомства; и Дмитрій, младшій изъ всѣхъ, который находился до своей смерти постоянно на Государственной службѣ, никогда не былъ въ отставкѣ, не получалъ ни какихъ особыхъ денежныхъ наградъ и пособій, и не дожилъ лишь нѣсколькихъ мѣсяцевъ до дня юбилея своей 50-лѣтней службы. Родился онъ въ Москвѣ, 10-го Августа, 1797, воспитывался почти исключительно дома; выдержавъ испытаніе на Студента, посѣщалъ Московскій Университетъ, а въ Генварѣ, 1816 г., поступилъ на

службу въ Московское Губернское Правленіе; отправясь въ Петербургъ, находился нѣкоторое время при Д. С. Ланскомъ въ Департаментѣ Государственныхъ Имуществъ, а въ 1819 опредѣленъ въ Государственную Коллегію Иностранныхъ Дѣлъ. Тутъ онъ получилъ первый Офицерскій чинъ въ 1818 г., служа сперва при Графѣ Каподистріи, который отправилъ его къ нашему Посольству въ Царьградъ 1820 г. Дѣйствія тогдашняго нашего Посла, Графа Г. А. Строганова, дяди его, служили ему примѣромъ поступать рѣшительно и смѣло, что онъ и оказалъ въ особенности на Востокѣ; съ этого времени онъ постоянно находился въ заграничной службѣ. Изъ Цареграда 1822 посланъ былъ онъ въ Римъ, гдѣ пробылъ по 1826; за тѣмъ переведенъ въ Мадридъ, изъ коего, 1830, въ Лондонъ, а въ концѣ 1831 въ Голландію; тутъ, по отъѣздѣ Графа Гурьева, два года управлялъ въ качествѣ Повѣреннаго въ дѣлахъ, какому мѣсту въ то время придавалось особое значеніе по случаю Голландо-Бельгійскихъ дѣлъ; въ 1838 изъ Гаги перешелъ въ Неаполь, и оставался въ немъ до 1843, а изъ Неаполя поступилъ Совѣтникомъ Посольства въ Царьградъ при В. П. Титовѣ; послѣ же, въ 1845 г., назначенъ Посланникомъ и Полномочнымъ Министромъ въ Персію, въ коей въ 9-лѣтнее пребываніе оказалъ весьма немаловажныя услуги своему Отечеству. Но смерть первой жены его (Голландки, Марьи Ивановны Десвордъ, отъ коей Княжна Наталья Дмитріевна), скончавшейся, во время лѣченія, въ Тифлисѣ, и устройство семейныхъ дѣлъ заставили Князя просить увольненія въ Россію, и онъ, послѣ 36-лѣтняго отсутствія, въ Іюлѣ, 1854 г., оставилъ Персію, при чемъ сдѣланъ Тайнымъ Совѣтникомъ и Сенаторомъ (въ 8 Департаментѣ) въ Москву, и сдѣсь скончался, 18-го Октября, 1867 года. Находясь въ Испаніи, онъ три мѣсяца путешествовалъ по ней съ Вашингтономъ Ирвингомъ, съ которымъ долго потомъ переписывался. Былъ Членомъ Тиберинской, Аркадской, Археологической и Линчейской (Lincio) Академій, а изъ Русскихъ Обществъ: Сотрудникомъ Географическаго, Почетнымъ Кавказскаго Сельскаго Хозяйства, Дѣйствительнымъ Садоводства, Членомъ Совѣта Художественнаго Общества и Дѣйствительнымъ Членомъ при Коммиссіи построенія храма Спасителя въ Москвѣ по

искуственной части, а за два дня до смерти получилъ извѣстіе, что выбранъ въ Почетные Члены Академіи Художествъ; имѣлъ 1-ой степени Станислава и Анны, Персидскій Льва и Солнца, и портретъ Шаха при голубой лентѣ.

Я съ намѣреніемъ нѣсколько распространился о Князѣ Дмитріѣ Ивановичѣ, такъ какъ отъ его прямыхъ наслѣдниковъ идутъ издаваемыя теперь прозаическія произведенія его славнаго отца, Князя Ивана Михайловича. Поселившись, наконецъ, на родинѣ своей, въ Бѣлокаменной, онъ, какъ «истинный наслѣдникъ отцовскаго ума и дарованій,» по выраженію старшаго изъ своихъ братьевъ, старался собрать все, что только осталось послѣ отца своего, еще не объявленнаго печатью во всеобщее свѣдѣніе, и что онъ, по собственному признанію, въ своемъ небольшомъ жизнеописаніи, самъ нѣкогда переписывалъ на бѣло, чѣмъ изучилъ Русскій языкъ и нечувствительно пристрастился къ литературнымъ занятіямъ. Заботамъ его много благопріятствовала вторая женитьба его. Князь Иванъ Михайловичъ былъ очень друженъ съ Михайломъ Николаевичемъ Зиновьевымъ, женатымъ на Аннѣ Никаноровнѣ Хитрово, родной сестрѣ Никанора Никаноровича, отца Софьи Никаноровны, супруги Князя Дмитрія Ивановича. Съ Михайломъ же Николаевичемъ онъ познакомился и подружился, будучи посаженнымъ отцомъ Екатерины Николаевны Лопухинной, родственницы своей и матери Софьи Никаноровны, по выходѣ ея за Никанора Никаноровича Хитрово. Дочь этого Зиновьева и двоюродная сестра Софьи Никаноровны, Вѣра Михайловна Ѳомина (супруга бывшаго нѣкогда Бобруйскаго Коменданта), узнавъ о поискахъ Князя Дмитрія Ивановича за неизданными сочиненіями его отца, вручила ему (16-го Октября, 1861 г.) какъ всѣ «Письма (съ 30-го Марта, 1816, по 15-ое Октября, 1823 г., въ прекрасномъ переплетѣ. На выходномъ листѣ ихъ означено: «Письма Князя Ивана Михайловича Долгорукаго къ Михайлу Николаевичу Зиновьеву. 1816—1823.» На особомъ листкѣ сказано: «При настоящихъ письмахъ находятся: эскизъ съ портрета Князя Ивана Михайловича, писанный знаменитымъ Англійскимъ художникомъ «Sir David Wilkie» (Стихи М. А. Дмитріева въ память «Пѣвцу Камина»), и слѣдующія рукописныя стихотворенія Князя Ивана Михайло-

вича: 1-ое, Въ деревнѣ жить!... письмо 21. 2-ое, Фанатикъ... 27. 3-ье, Чистый Понедѣльникъ... 59. 4-ое, Взглядъ старца на заходящее солнце 64) Князя Ивана Михайловича къ ея отцу, Михайлу Николаевичу Зиновьеву,» числомъ 72, весьма замѣчательныя во многихъ отношеніяхъ, такъ равно цѣлыхъ 5-ть книгъ «Путешествій», доставшихся ей послѣ ея отца. Съ Зиновьевыми, стало быть, Князь Иванъ Михайловичъ находился и въ родственной связи по Хитровымъ и Лопухинымъ; въ семействѣ же послѣднихъ, по словамъ его (въ «Капищѣ сердца»), онъ былъ искренно любимъ. О знакомствѣ съ Зиновьевымъ онъ отмѣтилъ (тамъ же) слѣдующее: «Михаилъ Николаевичъ Зиновьевъ. Стихи меня съ нимъ познакомили и сдѣлали насъ хорошими пріятелями подъ старость. Онъ ведетъ со мной дружескую переписку. Живучи всегда въ Орловской своей деревнѣ, мало имѣетъ случаевъ со мной лично видѣться; тѣмъ занимательнѣе наши сношенія. Онъ такъ меня любитъ, что безъ восторга говорить о произведеніяхъ моихъ не можетъ. Недавно онъ, переводя осьмую сатиру Буало, поручилъ ее моему разсмотрѣнію, и потомъ, напечатавъ оную, посвятилъ мнѣ съ привѣтствіемъ въ стихахъ (Москва. Въ типографіи Семена, 1822 г., въ 4 д. л.). Я также часто къ нему писывалъ деревенскія посланія, изъ коихъ можно видѣть степень нашей взаимной короткости. Богъ знаетъ, долго ли протянется новое мое отношеніе; но поелику оно началось уже за 50 лѣтъ моей жизни, то, вѣроятно, не подвергнется измѣненіямъ слѣпаго случая, тѣмъ болѣе, что и онъ не много отсталъ отъ меня годами.»

Нѣтъ ни чего по тому удивительнаго, что Зиновьевъ озаботился получить списокъ произведеній своего, высоко имъ цѣнимаго и любимаго, друга, а послѣдній, отвѣчая ему равнымъ же, не отказалъ въ желаніи. Разумѣется, списокъ этотъ долженъ быть самый надежный; судя же по письму, вездѣ четкому, и выправленъ старательно въ сомнительныхъ мѣстахъ. Всѣ пять книгъ, въ обыкновенный листъ (кромѣ «Втораго путешествія въ Кіевъ,» которое въ большой), на плотной бумагѣ: кѣмъ писаны, не означено, но не однимъ писцомъ: впрочемъ, первыя двѣ книги «1-го путешествія» принадлежатъ одному перу, третья другому и гораздо размашистѣе; четвертая, содержащая «Путешествіе въ Нижній,» писана по линѣйкамъ, съ рамками, и

въ концѣ ея сказано: «Сіе путешествіе списывалъ Михайло Николаевичъ Щукинъ въ 1828-й и 1829-й годахъ.» Пятая же книга: «2-е путешествіе въ Кіевъ, въ 1817 году,» принадлежитъ еще иному перу. Какъ на этомъ путешествіи, такъ и на прочихъ, на оборотѣ выходнаго (заглавнаго) листа, въ самомъ верху, находится надпись, сдѣланная Княземъ Дмитріемъ Ивановичемъ: «Экземпляръ Князя Дмитрія Ивановича Долгорукаго. Подаренъ ему Вѣрой Михайловной Фоминой, рожденной Зиновьевой, въ 1861 году.» На всѣхъ же пяти книгахъ, внутри 1-й переплетной доски, по середкѣ, приклеенъ, на бѣлой бумажкѣ, печатный гербъ Долгорукихъ, съ надписью вокругъ него церковными буквами: «Кнѧзь Дмитрїй Ивановичъ Долгорꙋкой,» а на выходномъ листѣ «2-го путешествія въ Кіевъ,» въ слѣдъ за его заглавіемъ: «Путешествіе въ Кіевъ въ 1817 году,» приписано имъ же: «Сочиненіе Князя Ив. Михайловича Долгорукаго.» Первыя три книги содержатъ: «Путешествіе въ Одессу и Кіевъ 1810 года,» четвертая: «Путешествіе въ Нижній 1813 г.,» а пятая: «Путешествіе въ Кіевъ въ 1817 году.» «Въ одномъ экземплярѣ «1-го путешествія,» впрочемъ, неполномъ (именно, описывающемъ пребываніе въ Кіевѣ до отъѣзда изъ него), бывшемъ у меня нѣсколько лѣтъ тому назадъ и принадлежащемъ М. Д. Х—ву, есть глава, которой не находится въ спискѣ Зиновьевскомъ: въ ней содержится слово неудобо сказаемое во всеуслышаніе, и по тому, полагаю, выпущенное въ послѣдствіи самимъ ли сочинителемъ, или же его другомъ; встрѣчаются, кромѣ того, еще два, три, мѣста въ этомъ путешествіи, коихъ въ спискѣ Зиновьева нѣтъ; и по тому, издавая его по этому списку, я не имѣлъ права привносить въ оный со-стороны ни чего такого, что ему противорѣчитъ, тѣмъ болѣе, что и этѣ мѣста одного и того же разбора съ упомянутой выше главою. Relata refero in acta.

О. Бодянскій.

Москва.
28 Іюня, 1869 г.

СЛАВНЫ БУБНЫ ЗА ГОРАМИ

или

ПУТЕШЕСТВІЕ МОЕ КОЕКУДА 1810 ГОДА.

ГЛАВА I.

Выѣздъ изъ Москвы.

Уѣхалъ бы въ Парижъ, по тому что люблю шумъ, гамъ, театръ, роскошь, и прочее, и прочее; а гдѣ всего этого болѣе, какъ не во Франціи? Но у кого нѣтъ ни вотчинъ, ни денегъ, тотъ живетъ, какъ Богъ велитъ. Мнѣ вздумалось проѣхаться: все дома, да дома, наскучитъ и мудрецу. Общая молва, журналы, вѣдомости мнѣ вскружили воображеніе. Я рѣшился, и поѣхалъ съ женою и съ четырьмя домашними товарищами въ Одессу.

Выѣхали мы очень поздно изъ Москвы, 10-го Іюня. На силу добились лошадей. Всѣ наши спутники и слуги отстали. Я, съ женой, въ открытой коляскѣ помчался, перекрестясь, и за заставой, какъ новый Хоревъ, обратясь къ Москвѣ, сказалъ:

Тебя ли, родина, забуду,
Москва, мой отчій домъ, мой рай?
Доколѣ жить на свѣтѣ буду,
Москва, ты мой избранный край!

Однако, чего не дѣлаетъ фантазія! Ѣду безъ нужды, безъ цѣли, только чтобъ ѣхать. Охота пуще неволи. Дожди проливные испортили всю дорогу; грунтъ до Серпухова глиняной. Грязь по колѣно; путь гористой и тяжелой. А по ночамъ не ѣзжу.

У всякаго свой вкусъ; меня такъ никогда
Ночной порою путь отнюдь не забавляетъ.

Достигли мы до подмосковной Князя Трубецкаго. Тутъ разсудили дождаться своихъ и коекакъ переночевать. Поварня наша услана была впередъ, въ Подольскъ. Худое приключеніе для аппетита. Съ какой радостью, вошедши въ избу, узналъ я, что помѣщикъ этого селенія, не далеко отъ него живущій, тотъ самый Князь Трубецкой, у котораго я игрывалъ на театрѣ; что эта деревня та самая, въ который бывали разныя лѣтнія увеселенія! Я послалъ ему объ насъ сказать; онъ выслалъ хлѣбъ-соль, хорошій ужинъ, добрую бутылку вина, мягкую постелю. Какое для странниковъ благодѣяніе! Между тѣмъ догнали насъ и наши. Мы отъужинали, и очень крѣпко уснули.

Подмосковная—прекрасная. Выѣхавши изъ нея, я оставилъ хозяину записочку:

Спасибо, милой Князь, тебѣ за угощенье,
За хлѣбъ-соль, за постель—сокровище въ пути!
Моложе сдѣсь дѣлилъ твое увеселенье,
Подъ старость здѣсь же Богъ привелъ ночлегъ найти.

По утру мы проскакали Подольскъ. Городокъ изрядной, расположенъ хорошо, разбитъ на двѣ части; рѣка Пахра ихъ раздѣляетъ, воды въ ней много. Бѣлаго известковаго камня въ городѣ пропасть; всѣ домы на фундаментахъ и у многихъ крыльцы изъ него сдѣланы. Здѣсь нашелъ я нашихъ Володимерскихъ каменьщиковъ, и очень имъ обрадовался. Дѣйствіе привычки! Одинъ изъ нихъ на вопросъ: «Кто у нихъ Исправникъ?» отвѣчалъ: «Не знаю; мнѣ до него никогда дѣла нѣтъ.» Счастливый поселянинъ! Онъ не знаетъ Исправника. Въ избѣ, гдѣ мы, въ 9 часовъ утра, съѣли ужинъ, который насъ ждалъ на канунѣ, мы полюбовались на разныя картины и надписи, на примѣръ: Кесарь изображенъ въ латахъ и надъ нимъ:

Прохожій! стань во фрунтъ, скинь шляпу
И читай:
Я грамотѣ не зналъ за недосугомъ.
На право кругомъ—
Ступай!

И въ Подольскѣ есть свои затѣйники. Городъ подмосковный.

Дорога Серпуховская мучительна въ ненастье. Каждой часъ поливалъ насъ дождь и холодный вѣтеръ продувалъ до костей. Горы, недомостки, грязь — все бѣсило. Первый опытъ добровольнаго странствованія! Озимь около Москвы покрывала поля, какъ бархатъ, и обѣщала плодоносную осень.

Мы встрѣчали большіе гурты рогатаго скота. Это все, думалъ я, boeuf-steks для столичныхъ Лукулловъ. Часто намъ попадались разнощики съ шелковыми товарами. Все ѣдетъ въ Москву: туда имъ и дорога! Гдѣ же быть роскоши и красотѣ, какъ не тамъ? Мы объѣхали нѣсколько кибитокъ, наполненныхъ Донскими Казаками: они изъ Петербурга ползли на родину, — иные въ отпускъ, иные въ отставку. Нѣкоторые изъ нихъ переплели между кузова и колеснаго стана версаки, и на нихъ, какъ въ зыбкѣ, качались: у всякаго своя роскошь! Съ ними въ одномъ обозѣ везли деревья въ кадкахъ и птицъ въ клѣткахъ. Видно, что между ими были свои Бюффоны и Линнеи.

Живописныхъ видовъ на этомъ пути около Москвы я не примѣтилъ. По сторонамъ встрѣчаются хорошія селы, большіе барскіе домы съ садами. Впрочемъ, крестьянское строеніе очень мелко и бѣдно; избы одножилыя, большею частію крытыя соломой. Причина наружи — лѣсу нѣтъ.

Мы обѣдали въ селеніи, называемомъ Лопасня, за крестьянскимъ столомъ, сидя на лавкахъ, на открытомъ воздухѣ. Тутъ была мірская сходка. Я подошелъ къ толпѣ. Одинъ мужикъ кричалъ другому: «Для меня міръ важнѣе барина!» Слава Богу! И мужики входятъ во вкусъ политической свободы.

ГЛАВА II.

Серпуховъ.

Мы пріѣхали сюда одвольно рано; можно было еще ходить смотрѣть, записывать.

Съ Московской стороны городъ некрасивъ: онъ сидитъ въ долу, но довольно обширенъ. Взглянемъ сперва вдругъ. Мостовыя всѣ изъ бѣлаго камня: причина уже извѣстна; домовъ каменныхъ много; лабазовъ и лавокъ довольно; церквей не мало. Я нашелъ здѣсь стараго знакомца и подчиненнаго. Г-нъ К. всегда любилъ дисциплину. Онъ меня принялъ ласково, угостилъ дружелюбно, и далъ ночевать въ своемъ домѣ. Управляя почтою, онъ самый интересный обыватель для путешествующихъ. Водилъ меня охотно вездѣ, не смотря на подагру, и хвасталъ всѣмъ тѣмъ, что и безъ дальнихъ похвалъ нравилось.

Прежде всего взошли мы на развалины старинной крѣпости: ее строилъ Царь Иванъ Васильевичъ. Подивитесь, что есть еще какой ни будь ея остатокъ! Сколько ни старались въ ближайшихъ годахъ ее разорить, для того, думаю, чтобъ матеріялами ея воздвигнуть новое зданіе, которое также опять внуки наши примутъ въ ломы, все еще руины ся и до сихъ поръ безподобны. Я до изумленія плѣнялся той стороной стѣны, которая выпуклостію своею образуетъ прекраснѣйшій Римскій портикъ. Эстампъ рѣдкой! Взоръ оттуда на рѣку; наружность удвоиваетъ прелесть мѣста. Я поднимался на самую стѣну, и все мнѣ вокругъ нравилось. Я увѣренъ, что если бы живописецъ раскрасилъ этотъ ландшафтъ на холстѣ, и сталъ продавать за Италіянской видъ свою картину, всѣ бы дорогой цѣной ее купили, лучшія комнаты домовъ ею убрали и гостямъ бы стали съ восхищеніемъ показывать. Но это руина въ Серпуховѣ, и изъ тысячи человѣкъ, кои туда пріѣзжали для прогулки, какъ я, можетъ быть, два, или три, глаза на нее бросили. Странное предубѣжденіе: свое всегда постыло. Я желаю, чтобъ этѣ ветхія стѣны простояли еще сто лѣтъ: и тогда любопытный станетъ еще на нихъ глядѣть съ

удивленіемъ, а нашихъ нынѣшнихъ зданій едва отыщется въ такое время и мѣсто, гдѣ они были, не только обломки. Я, сошедши внизъ, разъ пять оборачивался къ крѣпости, снова глядѣлъ на нее, все дивился и невольно про себя ворчалъ: «Прекрасно! Прекрасно!» Что пріятнѣе чувства восхищенія? Оно-то и жизнь.

Зашелъ въ соборъ. Говорятъ, и даже пишутъ, будто онъ строенъ лѣтъ за пять сотъ тому назадъ: не вѣрю! Ни малѣйшаго нѣтъ доказательства сей истины; или печать древности во время возобновленія храма такъ изгладилась въ нынѣшнихъ выдумкахъ архитектуры, что разглядѣть ее ни на одномъ камнѣ нельзя. При насъ пѣли всенощную, которую слушали пять, шесть, старушекъ. Я имъ пожелалъ добраго сна.

Корпусъ Присутственныхъ Мѣстъ каменной въ три этажа; по наружности судя, очень хорошъ и умѣстителенъ для судей, а для суда и правды довольно хижины съ добрымъ сердцемъ.

Училище расположено въ хорошемъ каменномъ домѣ. Естьли ученіе похоже на фасадъ, то не жаль Государевыхъ денегъ. Противъ нашей квартиры трактиръ наполненъ былъ, какъ и вездѣ, гуляками: и праздность имѣетъ свои прелести. Тутъ органы до ночи не переставали заводиться, и мы подъ звуками ихъ очень сладко заснули.

12 числа отправились съ утра въ Тулу. На выѣздѣ изъ Серпухова есть мужской монастырь. Мѣстоположеніе отмѣнное! За лѣсомъ является женскій монастырь, и видъ на городъ со всѣхъ сторонъ заманчивъ. Церковь примѣчанія особеннаго не заслуживаетъ. Въ монастырѣ хоронится родъ Головкиныхъ. На ракѣ одного изъ древнихъ Настоятелей, по имени Аѳанасія Высоцкаго, который подъ спудомъ, изображенъ онъ самъ въ позолоченномъ вѣнцѣ, какъ водится вокругъ ликовъ Святыхъ, хотя его въ числѣ ихъ Церковь не полагаетъ. Внѣ церкви на монастырскомъ дворѣ погребенъ М. Ѳ. Соймоновъ. Тѣло его спрятано подъ чугунной доской съ простою надписью. Какое смиреніе для вельможи!

Съ версту отъ города за лѣсомъ течетъ Ока. Но какъ ее сравнить съ ней самой въ Муромѣ! Берега ея отлоги; пространствомъ уже и водою сто разъ бѣднѣе. По ту сторону рѣки Серпуховъ совершенно плѣняетъ. Взгляните на него отсюда, и не стыдитесь сказать, что и Серпуховъ хорошъ. Настоящій театръ! Городъ въ отдаленной впадинѣ; весь въ кучѣ; отъ него по обѣ стороны, какъ кулисы, оберегаютъ его двѣ рощицы. Изъ нихъ выдаются къ берегу на одну сторону башни женской обители, на другую ограда мужской, и сіе зрѣлище довершаютъ разныя крестьянскія слободки, облегающія монастыри. Какъ смотрѣть безъ удовольствія на такое согласіе искуства съ натурой! Сквозь всей этой картины кидается въ глаза крѣпость. Я отыскалъ тутъ точку привлеченія моего любопытнаго взора. Взглянулъ, прощаясь съ городомъ, на достопамятныя ея развалины, и такъ ихъ привѣтствовалъ:

Свидѣтели побѣдъ Великаго Царя,
Съ восторгомъ вижу васъ, руины той ограды,
Съ которыхъ не смогли Татарскихъ силъ громады,
Движеніе вѣковъ, ниже стихіевъ пря!
Достигли вы до насъ, и мы, гигантовъ племя,
Привыкшіе во прахъ колосы превращать,
Дерзнули было съ васъ печать временъ сорвать;
Но намъ ли сокрушить, что чтитъ и само время?
Въ развалинахъ своихъ еще премного лѣтъ
Прославитъ замокъ сей десницу Іоанна:
Тамъ зиждется хвала того вождя избранна,
Которымъ изумить судили боги свѣтъ!

ГЛАВА III.

Тула, оружейный заводъ.

Долго не терялся изъ виду Серпуховъ. Потомъ до самой Тулы ни чего для взора пріятнаго: мѣста степныя, лѣсу мало, изрѣдка рощи; жилья крестьянскія тѣсны, низки, бѣдны. Въ нашихъ мѣстахъ заборникъ лучше и крупнѣе! Грунтъ земли пло-

ватый съ пескомъ, иногда глинистый; чернозему мало. Во всякомъ селеніи увидите ветлу, единственное дерево безлѣсныхъ странъ! Снисходительное дерево, которое вездѣ примется. Камень бѣлой до самой Тулы съ нами не растается. Лошади почтовыя сыты и бѣгутъ скоро.

Мы обѣдали въ Заводѣ. Такъ называется селеніе, принадлежавшее Д. Л. Нарышкину. Тутъ жили ружейники; казна ихъ купила и перевела въ городъ. Здѣсь пріятно взглянуть на опыты Россійской живописи; ни какой натуралистъ не отыщетъ такого цвѣта птицъ, какихъ мы тутъ видѣли. Кабинетъ чучелъ извѣстнаго въ свое время въ Москвѣ К. О. не пестрѣе той комнаты, гдѣ мы остановились. Меня забавляли очень надписи и обыкновенные проказы путешественниковъ. Гдѣ они стѣнъ не мараютъ? На одной нашелъ ихъ до 20-ти и внизу слѣдующую, которая мнѣ очень полюбилась: «Изъ всего выше писаннаго заключить должно, что по этому пути мало умныхъ людей ѣздитъ.» По надписямъ судя—правильное примѣчаніе! Я хохоталъ надъ ней вплоть до Тулы. Горы отъ Серпухова хотя изрѣдка, но продолжаются; источниковъ мало, а въ жаркое время долго не видать воды тяжело!

Наконецъ мы въ Тулѣ. Посмотримъ! Для этого мы здѣсь пробыли почти два дни, жили въ трактирѣ, есть ли можно назвать жизнью только ночлегъ; впрочемъ, я все шатался. Здѣсь также все дорого, какъ и въ Москвѣ. Общая участь городовъ, окружающихъ столицу. Ненастливая погода отнимала у насъ половину того удовольствія, которое даетъ любопытство.

Городъ самъ по себѣ великъ, но увеличивается еще соединенной съ нимъ оружейной слободой. Множество каменныхъ домовъ и тамъ и тутъ даютъ городу видъ великолѣпный. Тула вымощена вся бѣлымъ камнемъ; тамъ дикаго нѣтъ. Улицы правильны; есть между ними, подобно большимъ городамъ, переулки и перекрестки. Довольно для общаго взгляда!

Первый предметъ любопытства въ Тулѣ — оружейный заводъ. Кто объ немъ не знаетъ и не слыхалъ? Но такъ какъ на всякую

вещь можно смотрѣть съ разныхъ сторонъ и не съ одинаковымъ объ ней разсужденіемъ, то и мнѣ позволятъ сообщить здѣсь мои примѣчанія. Они будутъ очень поверхностны и недостаточны; ибо я могъ только теоретическое получить объ немъ понятіе: заводъ въ то время былъ безъ дѣйствія отъ недостатка воды, на немъ работъ не производилось. Итакъ я много слушалъ и слышалъ, а ни чего практически не видалъ. Отважайся, однако, что ни будь сказать. Мнѣ никогда не пришло бы на мысль, что заводъ такой, какъ нашъ въ Тулѣ, можетъ быть въ такомъ упадкѣ со стороны его помѣщенія. Вся фабрика изъ дерева и подвержена всѣмъ бѣдствіямъ огня тамъ, гдѣ кирпичное строеніе не дороже деревяннаго; ибо лѣсу нѣтъ. Правда, что кирпичъ дѣлается мелкой, въ половину противъ нашего, и тотъ продается уже рублей по семи тысяча: при всемъ томъ государственное такое заведеніе, котораго польза предполагается быть почти неограниченной, не стоитъ ли важныхъ пожертвованій, для цѣлости и благонадежности своей?

Я сказалъ уже, что ни какихъ машинъ я не видалъ въ дѣйствіи: воды нѣтъ. Для накопленія ея въ рѣкѣ Упѣ, которая протекаетъ сквозь Тулу и въ которой, подобно какъ и вездѣ, даже въ Балтійскомъ морѣ, примѣчено изслѣдователями физическихъ чудесъ, что вода упадаетъ, сдѣланы ворота и шлюзы изъ бѣлаго же камня. Польза тутъ соединена съ прихотью, также имѣющей разумную цѣль; ибо и удовольствіе общества должно почитать важной пружиной въ политическомъ управленіи: Я хочу сказать, что здѣсь дѣлается набережная и для прогулки булеваръ. Москва всѣмъ городамъ примѣры! Общій телеграфъ! Что видятъ въ ней, то перенять хотятъ вездѣ, кстати и не кстати; а Москва, также въ свою очередь, глядитъ на градъ Петровъ. Всѣми этими работами управляетъ военный чиновникъ Г. В., человѣкъ, какъ изъ разговоровъ его мнѣ показалось, хорошій, честный, знающій свое дѣло, горячій къ своему Отечеству, чего больше? Онъ меня водилъ вездѣ и съ крайнимъ снисхожденіемъ удовлетворялъ моимъ распросамъ.

Вошедши въ арсеналъ, я далъ полную свободу моему восторгу. Я видѣлъ, и хваталъ, то самое ружье, которое отдѣлывала

Екатерины, идучи въ Херсонъ гремѣть новою славой во вселенной. На немъ эпоха сія, для Тулы знаменитая, насѣчена золотыми буквами. Цѣлъ молотокъ, коимъ десница ея дала послѣдніе удары необработанному еще да ней ружью. Цѣло то блюдо, на которомъ оно подносено было ей. Пусть не Екатеринѣ точно принадлежитъ отдѣлка этого ружья: она его прикоснулась — довольно! Я взглянулъ на него, задрожалъ, заплакалъ и прильнулъ къ нему. О! Екатерина! Ты уже не чувствуешь похвалы! Тѣмъ онѣ справедливѣе. Я радъ, когда имѣю случай въ полной голосъ сказать, что я чту память твою. Не ты ли возвеличила судьбу мою? Не ты ли судила меня быть достойнымъ служить твоему преемнику? Многіе должны матери Отечеству: а, я всѣмъ долженъ одной тебѣ.

Комната въ арсеналѣ, гдѣ показывается означенная рѣдкость, убрана приличнѣйшимъ ей образомъ: въ срединѣ бюстъ Екатерины окруженъ военными трофеями; въ большой нишѣ дальной колоннѣ хранятся: ружье, молотокъ и блюдо, о коихъ говорено выше; по стѣнамъ, въ углахъ и вездѣ разставлены разнородныя орудія; карнизъ верхній весь обвѣшанъ цѣпью маленькихъ пистолетовъ. Тутъ отъ самой большой пушки до малѣйшаго кортика все употреблено на убранство комнаты. Нѣтъ орудія, котораго бы вы тутъ не нашли, разумѣется, Русскаго. Но, слава Богу! наука драться такъ вразумительна стала всѣмъ народамъ и въ практикѣ и въ теоріи, что всѣ огнестрѣльныя орудія сдѣлались общими. По крайней мѣрѣ и это здѣсь увеличиваетъ цѣну мѣста: все что вы такого найдете, сдѣлано въ Тулѣ.

Оружейная слобода управляется мѣстомъ, особеннымъ отъ Губернскихъ повсемѣстныхъ статовъ. Его зовутъ оружейнымъ Правленіемъ. Предсѣдательствующій — главный начальникъ заводовъ. Правленіе имѣетъ подъ собой нарядную Палату, гдѣ сидятъ члены изъ сословія мастеровыхъ, и Нижній Словесный Судъ. Во всѣхъ Присутствіяхъ внутренній уборъ покоевъ отвѣчаетъ достоинству мѣста. Я о семъ упоминаю по тому, что не всѣ Ѳемидины дворцы такимъ приличіемъ похвастать могутъ.

Въ Нарядной Палатѣ хранится золотой ковшъ, вѣсомъ въ три фунта съ надписью прекрасной работы: онъ жалованъ ны-

[illegible] Государемъ оружейной слободѣ, скоро послѣ [illegible] націн.

Покои Управляющаго прекрасно отдѣланы, премѣщеніемъ его, съ роскошью и со вкусомъ. Прелестей много, а покоя нѣтъ. Общая участь всѣхъ живущихъ въ казенныхъ домахъ, при владѣніи коихъ единственно думаютъ о модныхъ фасадахъ и обширныхъ залахъ, а хозяинъ пусть живетъ, какъ знаетъ!

При оружейномъ томъ же заводѣ учреждена лавка, въ которой продаются разные геодезическіе и математическіе инструменты вольной цѣной. Заведеніемъ симъ обязаны Михайлу Никитичу Кречетникову:* онъ вызвалъ мастера Нѣмца, который ее устроилъ, открылъ, и онъ же донынѣ ею правитъ. 26 лѣтъ трудится надъ желѣзомъ и дѣлаетъ все, отъ астролябіи до компаса. Неутомимый промыселъ! Онъ обучаетъ ему до 16-ти человѣкъ изъ дѣтей оружейничьихъ. Странно, что такое полезное заведеніе, какъ слышалъ я, не имѣетъ ни штату, ни основательнаго положенія. Оно содержится на счетъ разныхъ экономическихъ суммъ, существуетъ по произволу начальника завода и, слѣдовательно, зависитъ отъ доброй, или худой, воли каждаго, вступающаго въ сіе званіе.

Оружейники пользуются хорошимъ состояніемъ: есть изъ нихъ капиталисты; почти у всѣхъ каменные, а у иныхъ даже и красивые, домы. Одинъ изъ мастеровъ, по имени Мансуровъ, отдѣлалъ стальной уборной столъ съ приборомъ. Онъ подносилъ его Государынѣ Императрицѣ Елисаветѣ Алексѣевнѣ и награжденъ за рукодѣлье, а вещь осталась у него, съ дозволеніемъ продать ее въ свою пользу. Я былъ у него и любовался на вещь.

* Генералъ-Губернатору Калужскому, Тульскому и Рязанскому, съ 1776 по 179[illegible] годъ. Подробныя извѣстія о немъ, см. въ моемъ предисловіи къ его «Журналу реляцій Ея Императорскому Величеству [illegible] и Запискамъ о движеніи и дѣйствіяхъ войска въ Литвѣ 1792 г.,» помѣщеннымъ въ IV-й книгѣ «Чтеній Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ» 1863 года, отд. III, стр. I—XIII.

работу. Думаю, что [illegible] лучше образовать стали и [illegible] подобныхъ прежнихъ [illegible], какъ они выдѣланы тутъ. И [illegible] превосходнѣе [illegible] видали [illegible] это, а нынѣ Англичане [illegible] хотятъ ли [illegible]. То ли дѣло, скажутъ, въ Лондонѣ! Здѣсь мастеровые отрабатываютъ всякую мелкую поддѣлку, особливо [illegible] надписей не найдете вы на [illegible]. Я цѣлое утро [illegible] и попадались очень замысловатыя: есть острыя, [illegible] глупыя, проказливыя; словомъ — изъ [illegible] [illegible] Художникъ одинъ приносилъ ко мнѣ на хвастовство пару [illegible] пистолетовъ, вѣсомъ въ три золотника. Видали ли что нибудь этого мельче? Онъ просилъ за нихъ 150 руб. Не для меня покупка: похвалилъ и отдалъ назадъ. Видно, и многія то [illegible] меня; иначе [illegible] бы объ нихъ не писать.

[illegible] **[illegible]**

Разныя заведенія.

Здѣсь есть Училище Военное, называющееся Александровскимъ, [illegible] особеннымъ покровительствомъ Монарха, но [illegible] [illegible] прочими общими богоугодными заведеніями, отъ Приказа Общественнаго Призрѣнія. Государь на содержаніе его жалуетъ 6000 руб. деньгами въ годъ и по 10,000 пудъ желѣза. Сверхъ того добровольно способствуютъ ему своими пожертвованіями [illegible]. Учениковъ [illegible] до 60-ти, все Дворяне Тульскіе и ходятъ въ присвоенной имъ военной одеждѣ. Воспитанники стоятъ Приказу до 200 руб. Учителей особыхъ они не имѣютъ, а уроки даютъ имъ Гимназическіе. Надзирателемъ за ними [illegible] Профессоръ, человѣкъ пожилой и, кажется, не очень [illegible]. Закону учитъ Священникъ, разумѣется, Богословъ; [illegible] уже [illegible] на [illegible]; не первый взглядъ не въ его пользу, а [illegible] въ немъ долго я не имѣлъ времени; острота, [illegible] [illegible] тотчасъ примѣтишь. Огонь свѣтитъ и отъ простой [illegible]; но близко подойти надобно, чтобъ обогрѣться съ свѣтомъ. Ученики живутъ тѣсно; еще домъ, для нихъ назначен-

ный [illegible] готовъ. Библіотеки нѣтъ; по крайней мѣрѣ я не могу сказать ею шкафъ, въ которомъ собраны до [illegible] азбукъ, грамматикъ и подобныхъ имъ учебныхъ книгъ. Машина воздушная и электрическая готовы и ждутъ только опытныхъ рукъ, а физическаго класса еще нѣтъ. Для обученія молодыхъ людей верховой ѣздѣ устроенъ манежъ. Въ особомъ каменномъ строеніи содержится малолѣтныхъ до 80-ти человѣкъ: оно называется Воспитательнымъ Домомъ, только расположено тѣсно, а для здоровья первая выгода — воздухъ и просторъ. Къ смотрѣнію за ними приставленъ солдатъ отставной и надзирательница: первому дается 100, второй 90 руб. Я спрашиваю можно ли по нынѣшней цѣнѣ деньгамъ за такую малую плату ожидать того неусыпнаго попеченія, безъ котораго первый человѣческій возрастъ обойтися ни какъ не можетъ? Дѣти сіи, достигши 6-ти лѣтъ, отсылаются въ Москву въ большой Воспитательный Домъ.

Публичная Больница на иждивеніи Приказа. Хворые содержатся въ ней довольно хорошо: они ни чѣмъ не нуждаются; всякой у своей кровати имѣетъ столъ и нужную ручную посуду; воздухъ мѣняется ежечасно верхними отдушниками; при всемъ томъ жаль, что всякаго рода недужные лѣчатся и лежатъ вмѣстѣ съ самыми даже прилипчивыми и опасными болѣзнями. Недостатокъ мѣста и способовъ тому главная причина. Хочется имѣть все, а средства ограничены. Всѣ наши подобныя учрежденія такъ еще новы, что ихъ можно назвать образцомъ только филантропіи. Подъ одною крышкой 4 номера для безумныхъ; они не пусты. Я не знаю ни чего жальче безумія кроткаго. Мятежное изступленіе ума, что мы зовемъ бѣшенствомъ, ужасно для взора, но не жалко. Нѣсколько инвалидовъ доживаютъ вѣкъ свой въ прикосновенномъ флигелѣ и благодарятъ Бога: сыты, одѣты, тепло: вотъ богатство старости! При входѣ къ дверямъ нарисованъ солдатъ съ ружьемъ. Одинъ изъ нихъ мнѣ сказалъ: «Это былъ мой портретъ; онъ очень похожъ!» — «Вѣрно, отвѣчалъ я, также былъ храбръ и ты, какъ онъ изображенъ.» Старикъ улыбнулся; привѣтствіе мое ему полюбилось. Онъ, конечно, [illegible]. На кого самолюбіе не дѣйствуетъ? Все это очень хорошо: но какая разница между здѣшнимъ инвалиднымъ домишкомъ и Владимірскимъ? Тамъ дворецъ для солдатъ.

За заставой по Кіевской дорогѣ выстроенъ купечествомъ домъ для неимущихъ: такъ его зовутъ; но приличнѣе бы было его назвать просто богадѣльнею. Какъ же не погоняться за отборными названіями! Сходно ли оно съ вещію, или нѣтъ, до того никое дѣло? Тутъ ни одного нѣтъ не излѣчимаго, а собраны смѣсь всякаго рода и пола людей, очень излѣчимыхъ и даже здоровыхъ, но старыхъ и ни въ какое употребленіе негодныхъ. Всѣ они хорошо содержатся. Я видѣлъ старика въ этой компаніи 105 лѣтъ; онъ помнитъ подымовную перепись. Любопытный человѣкъ! Загадка для медиковъ! Кромѣ ногъ, кои часто ему измѣняютъ, кромѣ бедръ и крѣпокъ; всѣ чувства еще у него сохранились; онъ ѣстъ и спитъ прекрасно. Хотя онъ, попавши изъ купцовъ въ солдаты, слѣдовательно, изъ роскоши въ нужду, конечно, вытерпѣлъ много всякаго безпокойства и изнуренія, и при томъ велъ жизнь невоздержную, однако онъ еще теперь здоровѣе многихъ молодыхъ людей, коимъ аптека посылаетъ всякой день свой [illegible].

По общей молвѣ, здѣсь очень славится тюрьма, построенная во время М. Н. Кречетникова. Я любопытствовалъ ее видѣть — и нашелъ весьма обыкновенной. Вся ея выгода преимущественная предъ многими другими городами есть та, что она обнесена каменной стѣной, или, что называется обыкновенно, острогомъ. Время его разрушило почти совершенно: цѣлыя стѣнки деревянныя введены уже въ эту ограду, которая близка со всѣхъ сторонъ къ разрушенію; но преступники могутъ, по крайней мѣрѣ, выходить вонъ изъ избы, дышать свѣжимъ воздухомъ, безъ страха для стражи, чтобы кто либо изъ нихъ ушелъ. Вотъ существенное благотвореніе для заключенныхъ! Кому не нуженъ, кому не сладостенъ, воздухъ и видъ небесъ? Не вездѣ пользуются узники симъ наслажденіемъ. Но чего не могли сдѣлать къ общей пользѣ въ свое время Господа Генералъ-Губернаторы? Была бы добрая воля: средства у нихъ были на все подъ руками.

Присутственныя Мѣста помѣщаются въ двухъ большихъ корпусахъ. Старое каменное строеніе безъ всякой красы! Я внутрь не ходилъ. Губернаторъ имѣлъ домъ каменный казенный; но потомъ онъ обратился въ Семинарію, и начальникъ города съ тѣхъ

поръ живетъ въ собственномъ своемъ домѣ. Я не видалъ Семинаріи, по тому что Амвросій, тутошній Епископъ, сказывался мнѣ, что въ ней нѣтъ ни чего любопытнаго. Архіерей здѣшній человѣкъ умный и просвѣщенный, сотоварищь покойнаго Владиміра въ школѣ, соревнователь ему въ проповѣдяхъ. * Жаль, что [illegible] потерся около Мартинистовъ, слишкомъ нанюхался ихъ ладону; часто твердитъ о ниспадшемъ человѣкѣ, о внутренней церкви; весь ихъ духъ и бесѣда. Всѣмъ сердцемъ желаю быть въ ошибкѣ: ибо дарованія его, впрочемъ, имѣютъ пріятную сторону. **

Соборъ старинный, но шире и свѣтлѣе многихъ, ему подобныхъ; окошки болѣе даютъ свѣта; столпы менѣе стѣсняютъ. Для проповѣдниковъ построена каѳедра — предметъ соревнованія для Духовныхъ Училищъ.

Гостиный дворъ или ряды — древней Готической архитектуры. Въ такомъ видѣ бывали нѣкогда лавки въ Москвѣ. Время ли тогдашнее, или самое ихъ расположеніе, нравилось. Но бывало въ старыхъ лавкахъ пропасть денегъ и товару; а въ нынѣшнихъ новыхъ, прекрасныя съ наружи колоннады, а внутри — бѣдность и пустота. Хоть не запирай; воръ ни чего не унесетъ!

---

* Въ мірѣ Василій Третьяковъ, учитель Французскаго и Нѣмецкаго языковъ въ Московской Академіи, съ 1795 г. проповѣдникъ; 1798 Префектъ; 1799 Ректоромъ; уволенъ 1801 по болѣзни и скончался 1812 году. О. Б.

** Въ мірѣ Алексѣй Протасовъ, сынъ Дьячка въ Москвѣ Николо-Голутвинскаго; первоначально учился въ Перервинской Семинаріи, а потомъ въ Троицкой, съ Сентября 1787 г.; въ Октябрѣ 1790 г. Учитель Поэзіи, а послѣ Риторики въ Московской Академіи; 1794 монахъ; 1795 проповѣдникъ; 1797 Префектъ ея и проповѣдникъ; 1799 Ректоръ Александро-Невской Академіи; съ 1801 Епископъ Тульскій; 1816 Архіепископъ Казанскій; 1827 Тверскій; скончался 1831 г. Московскій Митрополитъ Платонъ отзывался объ его дарѣ проповѣдыванія: «Естьли бъ я такъ писалъ, какъ Амвросій, меня бы сходилась слушать вся Россія.» Вообще онъ отличался глубокомысліемъ, образованностію, чувствомъ и ревностію къ вѣрѣ, какъ замѣчаетъ Филаретъ, Архіепископъ Черниговскій (Обзоръ Русской Духовной Литературы. Черниговъ, 1863, кн. 2, стр. 219—221). Его Латинская Грамматика и теперь еще не потеряла своей цѣны и остается классической въ нашихъ Духовныхъ Училищахъ. О. Б.

[illegible] учителей, [illegible] въ Гимназію. Говорить ли объ [illegible], ни [illegible]ностей, ни учениковъ, ни учителей. Бѣда, естьли эта общая ихъ картина! Денегъ казна тратитъ пропасть, а пользы на сотую долю издержекъ нѣтъ. Въ [illegible] Французскомъ Учитель меня взбѣсилъ. О! естьли бъ я [illegible] въ синемъ кафтанѣ, который имѣю счастіе и право носить по милости Московскаго Университета, нѣтъ сомнѣнія, что [illegible] будь мальчикъ проговорилъ бы рѣчь, прочелъ стихи, сравнилъ бы меня, какъ водится, съ Аполлономъ, а Учитель, добившись выученныхъ на изустъ отвѣтовъ на два, или три, вопроса, [illegible] бы меня прекрасно, и я вышелъ бы доволенъ. Но я былъ во фракѣ и не обращалъ на себя дальняго вниманія. Мой Французъ профессоръ диктовалъ рядовую строфу изъ учебной книжки, и при каждомъ словѣ, или двухъ словахъ, не требующихъ ни какой отдѣлки отъ всего періода, безпрестанно, [illegible] видомъ, кричалъ школьнику: «Tirez, tirez!» и за всякимъ восклицаніемъ смотрѣлъ на меня съ этимъ снисхожденіемъ къ самому себѣ, которое оказываемъ мы, когда думаемъ быть превосходны. На вопросъ мой: «На что эти «tirez,» или, по Руски сказать, отточки?» онъ не умѣлъ дать инаго отвѣта, какъ: «Это нынѣшній вкусъ и красота слога.» О бѣдной школяръ! подумалъ я, и отретировался. Какъ часто, подъ видомъ ученія, портятъ у насъ ребятишекъ!

Изъ частныхъ [illegible] домъ и богатѣйшій, естьли по фасаду можно судить и о карманѣ хозяина, принадлежитъ [illegible] улицѣ. Роскошь [illegible]

Вокругъ города и здѣсь, какъ во многихъ [illegible] нута каменная стѣна или, по древнему [illegible] Кречетниковъ хотѣлъ ее сломать. Екатерина [illegible] ки предковъ, повелѣла, напротивъ, ее поддерживать [illegible]

Сочинитель воспитывался въ Московскомъ Университетѣ [illegible] съ 1777, а потомъ студентомъ 1778 по 1780 годъ; былъ членомъ ученыхъ Обществъ, при Университетѣ состоявшихъ тогда, и почетнымъ членомъ его самаго.

Виды ея исполнены, но худо; надъ старыми [illegible] [illegible] бельведерцы деревянные и выкрашены, полы [illegible] [illegible]. Низко, не хорошо!

Довольно говорить о Тулѣ; пора ѣхать далѣе. Но какъ при отъѣздѣ умолчать, что я здѣсь принятъ былъ очень ласково Начальникомъ, который безъ всякой задержки все мнѣ велѣлъ показать въ городѣ, чего я ни пожелалъ. Расторопный и вѣжливый Полицiймейстеръ провожалъ меня повсемѣстно; сверхъ того я здѣсь нашелъ стараго сослуживца. Пожививъ долго на свѣтѣ, съ кѣмъ два, три раза не встрѣтишься? Г. М— человѣкъ хорошій, добродушный; вспомнилъ, что я нѣкогда былъ ему полезенъ, обласкалъ меня, всюду сопровождалъ и до мелкихъ подробностей тѣшилъ мое любопытство. Спасибо добрымъ людямъ! Они драгоцѣнны во всякомъ климатѣ. Съѣхались съ нами еще и родственники; они насъ встрѣтили и проводили. Счастливъ путешественникъ, когда, сверхъ удовлетворительнаго для любопытства, находитъ еще удовольствіе родства и пріязни.

ГЛАВА V.

Ночлегъ на дорогѣ. Мценскъ.

Выѣхали мы изъ Тулы 14 числа, отобѣдавши рано въ своемъ трактирѣ. Сегодня начальникъ завода даетъ пиръ, но я не могъ въ немъ принять участія и видѣть Тульскую публику: всѣ мои минуты были разочтены. Я распрощался утромъ со всѣми и поѣхалъ. Не видно, весело ли живутъ въ городѣ; по крайней мѣрѣ при мнѣ не было ни какого съѣзда. Впрочемъ, въ какой Губерніи весело, особенно лѣтомъ, когда все и изъ столицъ бѣжитъ въ деревню? Судя по движенію народа въ Тулѣ, заключить можно, что она довольно многолюдна. Съ Кіевской стороны въ которую лежитъ нашъ путь, ни чего для виду примѣчательнаго, кромѣ пространства города. За заставой выстроена кладбищенская церковь странной архитектуры. Я съ крайнимъ сожалѣ-

мемъ оставляя Тулу, не видя въ ней самой замѣчательной части ея—полнаго дѣйствія оружейнаго завода, но подумалъ: Тула не за горами, и утѣшился.

До предполагаемаго нами ночлега считалось 60 верстъ; мы проскакали ихъ и расположились въ вотчинѣ К. О. С. Гагарина, по имени Сергіевское. Все еще ни лѣсу, ни воды; одна степь въ глаза кидается. Черноземъ, единственная отрада удрученнаго хлѣбопашца, началъ быть примѣтенъ. Не знаю, отъ недостатка ли въ хлѣбѣ, или отъ того, что вся жатва здѣшнихъ крестьянъ продается для пріобрѣтенія другихъ, не меньше нужныхъ, потребностей, только я нигдѣ не видалъ овиновъ, сихъ благонадежныхъ залоговъ крестьянской корысти. Долго обыватели жаловались на засуху; Пресвитеры молились о дождѣ; Богъ услышалъ гласъ народа; хляби небесныя отверзлись, и насъ въ коляскѣ въ три пріема такой оросилъ дожжикъ, что нитки сухой не осталось ни на комъ. Между тѣмъ солнышко ушло въ антиподы; небо покрылось облаками; стало темнѣть; лошаденки наши пристали; экипажи остались назади; до глухой полночи не могли войти въ жило. Непріятное положеніе! Мы зачинали уже клясть демона любопытства.

Представьте вы соломой крытыхъ,
Бѣднѣйшихъ избъ нестройный рядъ,
Представьте въ нихъ крестьянъ съ ногъ сбитыхъ,
Которыхъ потъ пробилъ какъ градъ,
Которы день и ночь сохою
Добыть лишь могутъ хлѣбъ себѣ,
Пекутся лѣтомъ всѣ отъ зною,
Зимой безъ дровъ сидятъ въ избѣ:
И вотъ вамъ въ прозѣ и въ стихахъ
Все то, что видишь въ сихъ краяхъ.

Съ горемъ всегда рядомъ ходитъ отрада. Княжой бурмистръ отворилъ намъ Господской домъ. Тутъ мы сказали: «Слава Богу!» Обсохли, обогрѣлись; дали намъ огня; увидѣли себя въ зеркало, нашли самоваръ, напились чаю и поболтали. Кто говорилъ: «О любезная добродѣтель Русскихъ, благодѣтельное гостепріимство! ты вездѣ заставляешь насъ забывать въ дорогѣ,» а я началъ голо-

мой и думалъ: «Нѣтъ, еще далеко до того времени, какъ можно будетъ ѣздить по Россіи, съ тѣми пріятностями, съ какими ѣздятъ въ Германіи, во Франціи, по крайней мѣрѣ, въ книгахъ!» До Сергіевскаго нечего было замѣтить, развѣ сказать, что въ Ясной Полянѣ, гдѣ живетъ К. В., сдѣланъ до хоромъ его проспектъ и на дорогѣ пирамидальные столбы у воротъ, указующіе въѣздъ къ помѣщику.

Здѣсь, т. е., на ночлегѣ, мы нашли спокойствіе и довольство. Домъ большой съ балкономъ, ротондами, паркетами и прочими убранствами роскоши. Какъ весело войти въ такіе покои послѣ ненастья и въ темную ночь! Сказывали намъ, что когда-то здѣсь былъ трактиръ; но какъ хозяину не было чѣмъ ни гостей кормить, ни самому жить, то его и заколотили.

Выспавшись спокойно, отблагодарили бурмистра, управителя, смотрителя (что больше баринъ, то больше прислуги), словомъ, всѣхъ, кого слѣдовало, и отправились въ Мценскъ, отсюда 70 верстъ. Проѣхавъ частью Крапивинскаго и Чернскаго Уѣздовъ, мы впали въ Мценской, обѣдали въ Большомъ Скуратовѣ, гдѣ распрощался я съ солдатомъ статной команды, котораго Тульская власть изъ снисхожденія посылала впередъ для заготовленія мнѣ лошадей. Скуратово—деревня, принадлежащая помѣщику того же имени. Кто кому далъ свое имя: онъ ли селу, или село ему, сего я не разыскивалъ.

Домъ господской на возвышенномъ и лучшемъ въ окрестности мѣстѣ, выстроенъ изъ кирпича и, разумѣется, съ колоннами: какъ безъ нихъ? Странно, однако жъ, какъ тутъ люди когда ни будь селились; вовсе нѣтъ воды; мы пили самую мутную, да и та не близко: ее подвозятъ на лошади. Почтальону сдѣсь 40 р. жалованья, и хотятъ, чтобъ онъ не прижималъ проѣзжающихъ и не требовалъ бы съ нихъ на водку. Это значитъ подъ честнымъ предлогомъ просить милостыню. Ямщики стращаютъ Мценскими горами, но онѣ не ужасны; можно счесть спусковъ до шести довольно крутыхъ.

Орловская Губернія возвѣщаетъ себѣ прекрасной пирамидой изъ бѣлаго камня нарочитой вышины; она оканчивается шаромъ,

на которомъ посаженъ орелъ съ распростертыми крыльями, гордой видъ его мнѣ понравился. Тучныя поля и золотыя нивы, послѣ большихъ пространствъ земли не оранной (ибо я еще степью ихъ назвать не могу), утѣшили мой взоръ. На пути стояла роща; мы сильно ей обрадовались — вонъ изъ повозокъ, и погуляли. Горы на дорогѣ и около ея должны были бы, кажется, образовать разныя картины, овраги, пропасти и все, что нравится въ романахъ. Здѣсь ни чего этого нѣтъ, ни малѣйшей разновидности; сухая повсюду единообразность въ предметахъ.

Въ 7 часовъ вечера пріѣхали въ Мценскъ и остановились въ худомъ трактирѣ за хорошія деньги. Городъ изрядной, но не оживотворенъ, пустъ, ни кто не бѣгаетъ, не суетится, все тихо, всѣ по домамъ; однако промышленность имѣетъ обширныя средства; не далеко отъ города Ока. Торгъ хлѣбомъ нарочитый; нѣсколько деревянныхъ складочныхъ анбаровъ по берегамъ рѣки Зуши, которая, нося на себѣ суда, сама съ ними впадаетъ въ рѣку Оку. Пространство города необширно, взоръ съ нагорной стороны рѣки привлекателенъ, но внизу, кромѣ бѣднаго деревяннаго строенія, ни чего не видать. Корпусъ Присутственныхъ Мѣстъ и лавки: вотъ все, что здѣсь есть каменнаго!

На самомъ верхнемъ бугрѣ горы древній соборъ, отъ котораго по валу тянутся еще остатки старой земляной крѣпостцы.

Въ храмѣ большой образъ рѣзной, во весь ростъ, Николая Чудотворца. Богомольцевъ пропасть, и молебны поютъ ежечасно. Сильное привлеченіе для народа, а для духовныхъ какая богатая руда! Признаюсь, что я всегда отвращался подобныхъ изваянныхъ образовъ: это меня приближаетъ ко временамъ идолослуженія. Тутъ же покланяются большому древесному кресту, приплывшему, какъ сказываютъ, противу воды къ городу. Блажени видѣвшіи! Я ни съ кѣмъ не имѣлъ случая познакомиться въ городѣ, кромѣ чиновника, служащаго на почтѣ. Г...., которому я очень благодаренъ остался за то снисхожденіе, съ которымъ онъ меня вездѣ водилъ и все мнѣ любопытное показывалъ. По словамъ его, испугавшая меня городская пустота происходила отъ того, что обыватели почти всѣ разъѣхались на Коренную ярмарку. Вѣ-

роятно! Я много заимствовалъ отъ него народныхъ преданій о Мценскѣ, какъ то, на примѣръ, что съ версту отъ города есть мостъ (я по немъ проѣзжалъ), называемый долоній; по тому что будто во время набѣговъ Татарскихъ его отстояли; а съ нимъ вмѣстѣ и городъ, господскіе холопы. Много, видно, было ихъ, или мало Татаръ! Естьли бы могъ кто прожить лѣтъ тысячу, и постепенно очищать исторію, которую каждый вѣкъ о себѣ другому оставляетъ, сколько бы мы нашли, во мнимыхъ нашихъ историческихъ истинахъ, баснословныхъ нелѣпостей! Обапол того же моста видны земляныя высоты, подъ коими утверждаютъ быть могиламъ, рытымъ послѣ сраженія съ Татарами. Гдѣ не встрѣтишь слѣдовъ злобы человѣческой? Вездѣ отравлена ею мысль самаго свободнаго путешественника. Правду сказалъ Державинъ:

Исторія есть цѣпь злодѣйствъ,

Подлѣ города Г. Ш. имѣетъ деревню и живетъ въ ней. Домъ прекрасный; отъ него протянута вплоть до большой дороги аллея изъ елокъ, подстриженныхъ по старымъ правиламъ садовничества въ полномъ туалетѣ, и деревья убираются, какъ щеголи! Для Уѣзда такое помѣстье — пріобрѣтеніе: многіе съ хозяиномъ знакомы, ѣздятъ къ нему часто, и онъ ласково ихъ принимаетъ. Не всѣмъ хлѣбосоламъ жить въ Москвѣ.

ГЛАВА VI.

Выѣздъ изъ Мценска. Проѣздъ чрезъ Орелъ. Ночлегъ того дня.

Въ Орловской Губерніи на большой дорогѣ грунтъ земли часто мѣняется. Вдали намъ видны были волны рѣки Оки, но все еще несравненно уже и бѣднѣе она тутъ, чѣмъ въ нашихъ мѣстахъ. Лѣсу ни прута; давно ужъ сосны намъ не попадались; кой-гдѣ насажены рощи осиновыя и березовыя. Выѣхавши изъ Мценска 16 числа, мы обѣдали верстахъ, въ 15-ти отъ Орла, въ деревнѣ Обтухѣ. Она принадлежала нѣкогда Сойманову, и куплена у

него старымъ моимъ однополчаниномъ Г. Т., котораго тутъ не было: онъ роскошничалъ еще въ Москвѣ. Подъѣхавъ къ дому господскому, увидѣлъ я лицо знакомое; долго не могъ признать его; наконецъ вскочилъ ему на шею. На чужой сторонѣ всякой милъ. Кто же это? М. — старый кривой Московскій часовщикъ. Отдалъ онъ за помѣщика свою дочь, и въ отсутствіе его дѣлается здѣсь бариномъ. Посулилъ намъ вина, пива, всего, а ни чего не далъ. Хвастать дѣло Французское! Между тѣмъ всѣ наши часы вновь поставилъ, а иные попортилъ; и увѣрялъ меня съ крайнимъ добродушіемъ, что ему тутъ жизнь гораздо легче и пріятнѣе, нежели по Москвѣ ѣздить изъ дому въ домъ повѣрять часы по солнцу. Кто жь этому не повѣритъ? Истина безъ возраженія! Въ первый разъ еще я здѣсь примѣтилъ господскій домъ, покрытый превосходнѣйшимъ образомъ соломой. Въ людскихъ избахъ вездѣ полы настланы изъ бѣлаго камня; достокъ взять не откуда, развѣ страшною цѣною, а его пропасть. Изъ него дѣлаютъ ограды вокругъ крестьянскихъ избъ, кладутъ анбары и всякія нежилыя строенія. Я не стану теперь говорить объ Орлѣ: мы его проскакали. Желаніе застать Коренную ярмарку, и страхъ, чтобъ Харьковская почта, на встрѣчу намъ бѣгущая, не отняла у насъ лошадей, привязали намъ крылья; къ тому же мы не могли и на возвратномъ пути миновать Орла; и такъ рѣшились только перемѣнить лошадей и ѣхать далѣе. Нашлось часа, часа три помѣшкали. Губернатора не было въ городѣ. Полиціймейстеръ, не знаю для чего, захотѣлъ насъ поскорѣй выпроводить, расхвалилъ намъ дорогу, ночлеги, и заманилъ скакать, не смотря на приближающіеся сумерки. Дорого заплатили мы свою ошибку: дорога скверная, расположена вся по косогору; на половинѣ станціи прекрутая гора; мѣста пустыя; ночь застигла насъ на пути; я не скучалъ только, я терпѣлъ муку: но то ли еще насъ ожидало на станціи, въ которую мы пріѣхали въ полночь! Она расположена въ имѣніи двухъ помѣщиковъ, Князя Юсупова и П. Естьли бы самые злые насмѣшники захотѣли надъ нами подшутить, они бы не могли больше ни чего сдѣлать, какъ то, чего выдумками своими Г. Орловскій Полиціймейстеръ доставилъ намъ самый непріятный опытъ. Видно, что въ Орлѣ хозяева до гостей не охотники.

Помѣщиковъ здѣшнихъ не было дома: всѣ увлечены на ярмарку. Одна Княгиня, по причинѣ крайней ея беременности, оставалась въ деревнѣ и уже давно почивала, какъ мы пріѣхали.

Ни какое наше усиліе черезъ разсылаемыхъ людей не могло доставить намъ квартиры даже въ людской какой ни будь ея избѣ. Ночевать, кромѣ кареты, было негдѣ. Новость незабавная! Хотя въ предполагаемомъ нашемъ дальнемъ путешествіи я и долженъ былъ гдѣ ни будь ожидать, что намъ набросаютъ подушекъ въ карету и въ ней до утра дремать заставятъ; однако мнѣ все хотѣлось, ежели не избѣжать вовсе, по крайней мѣрѣ, сколько можно, позже приступить къ этой необходимости. Котѣтево (такъ называли это помѣстье) не представляло ни какого убѣжища; да и въ полночь чего добьешься въ деревнѣ? Мужики всѣ спятъ. Не повѣря своимъ людямъ, я самъ пошелъ къ баринѣ просить хотя анбарушки для ночлега, лишь бы дали крышку. Между тѣмъ жена и вся компанія ожидала моихъ успѣховъ въ большомъ сараѣ, перегороженномъ на двое, гдѣ въ одной половинѣ стонала больная почтальонша, а въ другой, окруженный своими домашними животными, супругъ ея отпѣвалъ подорожныя. Пришедши въ господской домъ, я нашелъ до четырехъ слугъ, которые, развалясь въ передней, храпѣли взапуски. Счастливѣе меня; безъ тягловъ и прихотей, они наслаждались въ полной мѣрѣ естественнымъ добромъ, какъ вдругъ, услышавъ шумъ и увидѣвъ постороннее лицо, меня всѣ обступили; не трудно имъ по моей одеждѣ тотчасъ разглядѣть, что я не бродяга; но что потомъ? Слѣдующая поговорка: «Барыня почиваетъ.» — «Друзья мои! Мнѣ только надобна изба: ужели у васъ нѣтъ пустой.» — «Мы не смѣемъ ни кого пустить безъ докладу.» — «Такъ доложите!» — «Говорятъ вамъ: барыня почиваетъ.» — «Попытайтесь: авось еще нѣтъ.» — «Мы не станемъ ея безпокоить.» Выбѣжала дѣвка. «Что за шумъ у васъ?» — «Вонъ какой-то проѣзжій просится на ночлегъ.» Пошептали, побѣгали; а я все въ сѣняхъ. По совѣту обоего пола послѣдовала резолюція: «Барыня спитъ, и про васъ нѣтъ здѣсь квартиры: подите, куда знаете!» Удачная попытка! Что дѣлать? Иди ночевать въ сарай и прислушиваться къ жалобнымъ стенаніямъ больной почтальонши. Нетерпѣливо ожидали моего приходу домашніе. Я вошелъ и воскликнулъ: «Добродѣтель Русскихъ, любезное гостепріимство! Ты

услаждаешь всѣ тягости путешественника!». Проклятое воображеніе! Чего ты намъ въ голову не кинешь, когда загоришься? Изрядное гостепріимство! «Что же, гдѣ мы ночуемъ?» всѣ мои закричали въ одинъ голосъ. «Гдѣ?—Здѣсь.»—Какъ здѣсь?—«Или въ каретѣ?»—«Шутишь!»—«Нѣтъ про васъ квартиры; подите, куда знаете!» повторилъ я имъ нѣжныя слова доброхотныхъ слугъ гостепріимной хозяйки. У всѣхъ вытянулись лица; всякой насупилъ брови; кому хотѣлось ужинать, кому спать: никому ни того, ни другого. Пока мы сѣтовали о добровольномъ нашемъ горѣ (ибо кто насъ понесъ въ Одессу, какъ не своя охота?), въ домѣ госпожи помѣщицы происходили также разныя движенія. Шумъ нашъ съ людьми въ сѣняхъ ея добудился; она узнала объ насъ и велѣла просить къ себѣ въ верхніе покои. Тутъ я снова возвысилъ голосъ и разхрабрился; горделивыя чувства подвигли душу мою къ негодованію; я хотѣлъ сердиться, ворчать, но разсудилъ, безъ мщенія поскорѣй воспользоваться покойной комнатой, и побѣжалъ съ женою изъ сарая вонъ. Въ домѣ насъ принимали слуги съ нѣкоторымъ уже уваженіемъ, проводили насъ въ мезонинъ, дали намъ свѣчъ, напоили чаемъ. Оставалось уснуть, и каждый изъ насъ не замѣшкался то же сдѣлать, чѣмъ мы не успѣли насладиться людямъ ея Сіятельства.

И такъ мы Хотѣтово никогда не забудемъ, представляя себѣ на мысль наше странствіе. На завтра хозяйка насъ очень хорошо приняла: мы съ ней видѣлись, попчивала насъ кофіемъ, расточала привѣтливости, хотѣла загладить грубость своей дворни. Намъ было легче, досада меньше дѣйствовала; но я и тогда задумывалъ уже объ этомъ способѣ гостепріимства помѣстить въ главѣ шестой моего путешествія. Я съ ней разсуждалъ о тамошнемъ образѣ хозяйства. Изъ бесѣды моей съ ней извлекъ существенное понятіе одно то, что у господъ хлѣба и доходу много, но поселяне удручены невѣжествомъ, несмысленны, раболѣпны. Могли ли бы быть такъ сыты ихъ помѣщики, естьли бъ крестьяне ихъ мыслили!

Мы разстались, какъ водится, по-свѣтски. Садясь въ коляску, я кинулъ взоръ на всѣ стороны и, сравнивая Тулу съ Орломъ, записалъ въ карманной книжкѣ:

И здѣсь такія же избы на тѣхъ всѣ покояхъ;
Ни цвѣтнаго лица, ни красноцвѣтной одежды
Соха, коса и серпъ—вотъ все богатство ихъ!
Посѣять, сжать и съѣсть—нѣтъ радостей другихъ.
Природа не дала здѣсь лѣсу для отрады:
Не встрѣтишь ручейка отъ жару для прохлады;
Обширныя поля, на нивахъ желтой класъ:
Вотъ все, что изъ конца въ конецъ увидитъ глазъ!
Сколь кратъ пріятны тѣ страны благословенны,
Гдѣ торгъ—душа людей, гдѣ имъ они блаженны!
Пусть пахарь свой янбаръ здѣсь силится нажать,
А мнѣ дай Богъ тамъ жить, гдѣ любятъ расточать!

ГЛАВА VII.

Поворотъ на ярмарку. Ночлегъ въ каретѣ.

Немного медля по утру, уѣхали мы 17 числа изъ Котѣтова: путь нашъ лежалъ сквозь имѣнія вельможи, который имѣетъ здѣсь знатныя помѣстья. Онъ самъ тутъ жилъ, когда гнѣвался на него прежній владыка. Ни чего примѣчательнаго въ селеніяхъ; куча огромная хлѣвовъ, которые зовутъ избами. Нищихъ пропасть. Англичанинъ правитъ имѣніемъ по Англински, а мужики ходятъ по міру по Русски: это называется хозяйство!

Кухня дожидалась насъ въ Очкахъ. Селеніе почти пустое, бѣдное. Имя ему даетъ Ока, которой въ окрестностяхъ начинаются вершины; здѣсь она еще во младенчествѣ и почти безводна. Отсюда охотники сворачиваютъ прямо на Коренную ярмарку. Мы сами наняли тутъ лошадей и поѣхали боковой дорогой; она мнѣ очень полюбилась, лучше гораздо большихъ столбовыхъ: тамъ сѣверныя гати, мѣста гористыя, частые косогоры; видовъ заманчивыхъ нѣтъ; куда ни погляди—все чистое поле, а тутъ попадались иногда деревни и при нихъ церкви. По началу моей книги видѣли уже, что я люблю народъ. По всей дорогѣ встрѣчали мы его множество. То Хохлы съ огромными обозами, то торгаши съ большими конскими табунами, гдѣ шайки богомо-

локъ пѣшихъ и въ телѣгахъ, кто изъ Курска, а нѣкоторые даже изъ Кіева, и все это шло и ѣхало на ярмарку и назадъ. Настоящее гулянье! Мы въ этомъ разсѣяніи проѣхали верстъ 30.

За версту отъ ночлега, который взяли мы въ 22 верстахъ отъ Коренной, Фатежскаго Уѣзда, въ деревнѣ Гнилово, остановился я на пригоркѣ погулять. Вечеръ былъ прекрасный; заходящее солнце скрывалось отъ глазъ нашихъ съ исполинскимъ своимъ величествомъ и сіяньемъ. Какое чудотворное озареніе всего горизонта! Оно утопало въ океанѣ отбрасываемыхъ имъ всюду огней. Я тутъ вспомнилъ Вольтера и переводчика его, нашего Гомера, который сказалъ за нимъ по Руски:

Весь этотъ океанъ лазури и сіянья,
Составленъ безъ существъ, изъятъ изъ ни чего,
Безъ циркуля скругленъ, вертясь безъ основанья,
Едва ли стоилъ онъ лишь слова одного.

Надобно, къ славѣ переводчика, и оригинальные стихи рядомъ поставить для сравненія:

Tout ce vaste océan d' azur et de lumière,
Tiré du vuide même et formé sans matière,
Arrondi sans compas et tournant sans pivot,
A peine a-t-il valu la dépense d' un mot.

Кто такъ переводилъ точно, близко и прекрасно когда ни будь? Подъ горою пѣшеходки бабы разными группами ужинали, похохотали; богомолки. Я радостью имъ и простотою плѣнялся. О натура! какъ ты очаровательна! Тебя ни что не замѣняетъ во вселенной, а ты все въ ней: красишь и дѣлаешь любезнымъ; съ тобой и горе сносно, и скука не тошна.

Хлѣбъ да соль вамъ, богомолки,
Добрый путь къ своимъ домамъ;
Тамъ разславьте ваши толки
На счетъ ярмарки мужьямъ.
Они сядутъ въ круговеньку,
Дадутъ вѣру вамъ во всемъ;
А вы, какъ быть! по маленьку

Имъ скажете мой о немъ,
«То-то, скажете, народу
Въ Коренную къ намъ нашло!
Богъ далъ красную погоду,
Лишь безъ денегъ тяжело.
Господа въ рядахъ мотали
Милымъ женамъ на уборъ;
Мужики въ шинкахъ гуляли,
Наши сестры врали вздоръ.»

Скоро исчезли обольстительныя затѣи; настала ночь; ямщики отпрягли лошадей; слуга мой пришелъ сказать, что ночевать негдѣ: ни одной путной избы, даже черной. О негодный вѣстникъ! Что дѣлать? Лечь въ каретѣ. Подъ сводомъ неба разбросали мы все свое дорожное имѣніе въ сараѣ, зажгли у каретъ фонари. На скверномъ столѣ, сколоченномъ при насъ изъ проточенныхъ двухъ досокъ, разливала намъ жена чай. Тихо было и свѣчъ не задувало. Вотъ картина несообразностей самыхъ рѣзкихъ: нужда и роскошь вмѣстѣ; безъ ночлега, безъ пристанища, на чистомъ воздухѣ чай, кофе, лакомство и городское освѣщеніе! Но что вознаградитъ сонъ, когда начнутъ глаза смежаться! Все къ чорту, лишь бы на постель. Нашу постлали въ каретѣ: прекрасная подвижная кровать! Всякой расположилъ себѣ свою въ повозкѣ. И такъ мы, помолясь Богу, не передъ иконою Его живописною, но передъ самымъ небомъ, гдѣ престолъ Его неподвижно пребываетъ, предались Морфею, а короче и просто сказать, мы легли спать.

Странно, думалъ я, ворочаясь безъ угомону на своемъ новосельѣ, какъ на такой большой дорогѣ, подлѣ знаменитѣйшей ярмарки, нѣтъ ни одной порядочной хижины, куда бы войти отдохнуть и переночевать. Правда, что нигдѣ въ свѣтѣ нельзя такъ скоро переноситься на самыя отдаленнѣйшія разстоянія, какъ въ Россіи: куда не довезутъ наши ямщики въ недѣлю? Былъ бы у дуги колокольчикъ—въ Америку проберешься мигомъ. Но, говоря о путешествіи въ настоящемъ разумѣ сего слова, нигдѣ, думаю, нѣтъ меньше средствъ съ пріятностію его предпринять и совершить во всякую сторону, какъ въ Россіи же. Бѣда въ томъ, что всякой это узнаетъ тогда, какъ сѣлъ въ карету: ни что насъ о

сихъ неудобствахъ не предупреждаетъ. Какой путешественникъ съ полной свободой опишетъ нашего края недостатки? Цензура съѣстъ и автора и книгу. Хоть плачь, да все хвали! И такъ опытъ одинъ вамъ указываетъ, но поздно, тѣ затрудненія, отъ коихъ ни чье перо насъ остеречь не смѣетъ. Не забудте, что я такъ размышлялъ во время безсонницы; слѣдственно, это все бредъ.

ГЛАВА VIII.

Ярмарка.

«Вотъ и Коренная!» закричалъ я, подъѣзжая къ шатрамъ и къ лубочному театру. Народу пропасть и лавокъ разнообразныхъ множество. Чего тутъ нѣтъ? Все, однако, очень дорого. На силу отыскали мы Г.... Онъ намъ велѣлъ отвесть квартиру, и тѣмъ ограничилъ всѣ свои учтивости. Къ счастію нашему, мы были близко помѣщены отъ публичныхъ увеселеній и могли пѣшкомъ ходить въ ряды безъ тягости. Здѣсь вовсе нѣтъ квартиръ; ту, которую мы заняли, отвели прежде насъ другому, но тотъ опоздалъ пріѣхать, и мы въ ней расположились. Ни чего завиднаго: дощатая узенькая каморка, въ которой мы натерпѣлись стужи; ибо холодный вѣтерокъ сквозь тысячу щелей жаловалъ къ намъ въ гости. Исправникъ, тутошній человѣкъ, очень учтивый: онъ намъ всѣ доставилъ возможности прожить сутки наилучшимъ образомъ. Удивительно, съ одной стороны, что такъ мало помѣщенія на столь знаменитой ярмаркѣ, но, съ другой, мудрено для пріѣзжихъ на удачу строиться: всѣ почти Дворяне тутошніе и пріобыкшіе для надобностей своихъ сюда ѣздить, возятъ съ собою шатры съ разными подвижными домиками; слѣдовательно, всѣ имѣютъ вѣрное и надежное убѣжище. Между прочими палатками замѣтилъ я самую нарядную, съ флагами и гербами; хозяинъ ея, старый мой знакомый, щеголялъ въ ней передъ ярмаркой Азіятской роскошью. Какъ бы я обрадовался на мѣстѣ его другому! Сколько привелъ бы онъ мнѣ на

память пріятныхъ воспоминаній. Мы съ нимъ вмѣстѣ нѣкогда тѣшились, Дворъ на театрахъ, влюблялись, обольщались; были молоды, вѣтрены и счастливы въ одно время; но сынъ большаго барина помнитъ ли пріязнь и сотоварищество? Въ немъ и около его все холодно.

Прежде всего пошли мы въ монастырь. Туда приносится, къ десятой пятницѣ, съ большой духовной процессіей, образъ Богородицы изъ Курска. Кореннымъ называется и самъ монастырь по тому, что образъ чудотворный, коему здѣсь покланяются, явился, какъ говоритъ тутошнее преданіе, на корнѣ и источилъ воду; а по тому въ колодцѣ освящается вода, въ память сему событію. Нѣтъ нужды говорить подробно о началахъ ярмарки здѣшней; довольно сказать, что богомолье подало первую причину подобнымъ стеченіямъ народа. Сперва явился образъ; койкто пришелъ помолиться; случилось пріятное въ семействѣ приключеніе — оно отнесено къ иконѣ: отсюда слава ея повсемѣстная и тьма пришельцевъ; а натура имѣетъ посреди всѣхъ нашихъ восторговъ и свои законы. Пѣшеходы захотѣли ѣсть, и стали носить съ собою котомки съ хлѣбомъ. Народъ узналъ, что тутъ сходбище; сталъ возить припасы, ставить шатры и балаганы; благородные люди, отъ скуки и праздности, стали пріѣзжать прогуливаться, сперва просто, потомъ въ нарядныхъ каретахъ, потомъ появились свиданья: любовь указала средства, кому, съ кѣмъ и гдѣ въ сосѣдствѣ можно видѣться. Купцы увидѣли пользу возить товары; поставили одну, тамъ двѣ, три, лавки; навезли шалей и всякихъ гремушекъ: вотъ и ярмарка! А время [illegible] отличило отъ прочихъ, кромѣ Макарьевской, которая еще знатнѣе. Въ монастырѣ служили молебенъ на [illegible]; верхняя церковь на горѣ надъ рѣчкой небольшой; она ничего не представляетъ примѣчательнаго; внизъ, къ самому колодцу, сдѣлана лѣстница препокойная; по ней вы спуститесь въ другую церковь, и посреди ея съ удивленіемъ увидите подъ куполомъ колодезь. Трудно къ образу продраться сквозь весь окружающій его народъ: это пчелы въ ульѣ. Образъ старинный и, разумѣется, богато убранъ. Когда время приспѣетъ къ нему прикладываться, то между правовѣрными начнется такая драка, какой на кулачномъ бою не увидишь: всякому хочется впередъ. Бѣда, если также

будутъ толпиться и у вратъ царствія небеснаго! Задаютъ прежде, [illegible] уоришь Славу Божію. Я вслушивался въ стихи и пѣсно-пѣніе церковное, и не могъ понять, отъ чего на молебнѣ Богородицѣ пѣли пѣсни Великаго Четверга и Пятницы; не повѣривши моему слуху, я спросилъ Священника, что это значитъ? Добрый и простый монахъ отвѣтствовалъ мнѣ: «Я и самъ не знаю; такъ у насъ издревле водится.» Какъ бы люди ни молились, лишь бы возсылали сердца къ Небу. Глядя на всѣ наши обряды, кто не признается, что далеки мы отъ того духовнаго ощущенія Божества, которое ему приличное? Въ оболочкѣ тѣлесной мы плотски поклоняемся Творцу. Настоятель монастыря, Игуменъ пожилой и, кажется, благонравный, узнавъ объ нашей нуждѣ, послалъ келейника натаскать намъ [illegible] и стульевъ. Я весьма былъ ему признателенъ: онъ за это ни чего не требовалъ, [illegible] туне [illegible] по Апостольскому завѣту. Не отъ того ли вообще обители не имѣютъ того наружнаго великолѣпія и богатства, какому, судя по стеченію народа и ярмаркѣ, быть тутъ предполагается? [illegible]

[illegible]

Ряды здѣсь отмѣнно хорошо расположены: каменный Гостиный дворъ заслуживаетъ по справедливости большую похвалу; всѣ правила и красоты архитектуры соблюдены; между лавокъ широкія улицы подъ сводомъ охраняютъ отъ непогоды и способствуютъ прогулкѣ праздныхъ; роскошь съ обѣихъ сторонъ [illegible] поставщица: покупай у нея, чего хочешь, если имѣешь большія деньги. Мы съ женою ходили тутъ цѣлой день взадъ и впередъ. Пришли туда пѣшкомъ, по тому что никто не удостоилъ насъ довольнаго вниманія, чтобъ довезти съ собою, никто не показалъ намъ ни малѣйшей привѣтливости; ниже изъ одного простаго любопытства, чтобъ узнать, чьи новыя рожи показались въ ихъ сторонѣ. Учтивость есть повсюду краса воспитанія и прелесть общежитія; здѣсь ея сѣмянъ видно мало сѣютъ. Хотя я и много тутъ нашелъ знакомыхъ, но все стариковъ и такихъ, кои давно оставили большой свѣтъ и, поселясь въ своихъ помѣстьяхъ, всѣхъ уже забыли, а кажутся ежегодно на эту ярмарку для того только, чтобъ кто нибудь прежде времени, забывши ихъ самихъ, не внесъ ошибкой въ списокъ усопшихъ. Тутошнихъ Дворянъ я не имѣлъ случая нигдѣ ви-

дѣть и знать; служба всегда меня загоняла въ мѣста противоположныя. Здѣсь много благороднаго народа. Все оно бродитъ, покупаетъ, мотаетъ. А къ вечеру критикуютъ роскошь. Публика здѣсь большая; каретъ до пятисотъ около Гостинаго двора покрывало площадь. Какъ странно видѣть такую картину на открытомъ полѣ! Чтобъ имѣть идею о Коренной ярмаркѣ, вообразите, что кто нибудь вырѣзалъ изъ Москвы Ильинку, со всѣми ея окрестностями, тутъ поставилъ. Въ какой противоположности улица и Гостиный дворъ! Тамъ нищихъ сотни, протягивая тощія длани, просятъ, Христа ради, хлѣба; тамъ увидите вы на возахъ по три, по четыре, человѣка разнаго возраста, отъ престарѣлаго до младенца, кои безъ рукъ, или ногъ, выставлены передъ домами для испрошенія милостыни; тамъ недужныхъ, увѣчныхъ и калѣкъ разнаго рода выкладываютъ на рогожи: идучи мимо ихъ съ сокрушеннымъ сердцемъ, по неволѣ глаза зажмуришь, чтобъ не видать страждущей природы. Все стонетъ на улицѣ площади, а внутри лавокъ алмазы, золото и самые тяжкіе на прогулыцицахъ наряды. Безъ ошибки можно полагать, что между купцами милліоны въ оборотѣ. Жаль только, что мало трактировъ: я разумѣю не харчевенъ, а такихъ, гдѣ бы можно было, хоть и дорого, но хорошо и со вкусомъ, отобѣдать. Естьли кому вздумается изъ любопытства пуститься въ эту сторону, совѣтую возить съ собою горницу, повара, повозку. Здѣсь ни чего не дадутъ ни въ займы, ни даромъ, ни на подержанье, еще менѣе для услуги, а со всѣмъ готовымъ найдете по вкусу вашему нѣкоторое удовольствіе. Ищите черни у образа въ монастырѣ, щеголихъ въ лавкахъ, а мужчинъ за картами: у всякаго свои гнѣзда.

Разскажу забавное приключеніе. Ходя пѣшкомъ, зашелъ я съ женой въ фарфоровую лавку; заманили насъ чашки; мы съ верхняго яруса потребовали одну. Сидѣлецъ не осмотрясь, что она была безъ ручки, подалъ намъ ее и отошелъ. Увидѣвъ ошибку, мы его подозвали, показали ему изъянъ его посуды. Онъ вошелъ съ нами въ споръ, придвинулъ намъ ее, и упорно въ томъ стоялъ, что мы ее разшибли. Я смѣялся; онъ началъ защищать свою ложь съ огнемъ. Я не разсудилъ продолжать глупой шутки, возвысилъ также голосъ, и какіе-то тутошніе господа, видно догадавшіеся, что мы не изъ тѣхъ, кои ходятъ по лавкамъ бить

стекла и фарфоръ, вступясь за насъ, заставилъ его молчать; этого бы мало; страхъ и отъ правды принудитъ отпереться. Но, по счастью нашему, хозяинъ лавки рѣшилъ споръ тѣмъ, что подлинно у него одна чашка была безъ ручки. Вотъ какъ иногда поклепаютъ и въ томъ, что въ голову не войдетъ! А все отъ того, что мы пѣшкомъ слонялись по просту, безъ затѣй. Долго народъ у насъ, да и многіе повыше черни, не будутъ оказывать уваженія къ человѣку по тому только, что онъ человѣкъ. Надобны чины, гербы, регаліи, чтобъ ногъ нарочно не отдавили.

Пойдемъ отсюда въ театръ. Я съ утра взялъ билеты въ кресла по 2 руб. 50 коп.; каждой ложѣ цѣна 20 руб. Плата большая, за то и ярмарка одинъ разъ въ годъ. Сюда пріѣзжаетъ трупа Курскихъ актеровъ. Они играли «Влюбленнаго Шекспира» и оперу «Князь трубочистъ.» Что сказать объ оперѣ? Ни на что не похоже! Однако съѣздъ огромный. Публика жадничаетъ веселиться, бросается даромъ и за деньги всюду, гдѣ можетъ ожидать забавы. Здѣсь до того было тѣсно, что многіе возвращались домой. Человѣкъ до 500 зала помѣстить можетъ. Всѣ преимущества театра, т. е., декораціи, одежда, музыка, соблюдены съ достаточною правильностію, но талантовъ ниже посредственныхъ нѣтъ. Одна изъ актрисъ очень силится перенять извѣстную Сандунову, но весьма неудачно; однако и та нравится. Я признаюсь, что я не энтузіастъ ея методы: мнѣ жеманство на театрѣ никогда не нравится, по тому что его нѣтъ въ натурѣ. Актеръ долженъ глядѣть въ природу, какъ въ зеркало, и брать однѣ ея краски. Буффъ въ оперѣ изрядной, то есть, дурачится изо всей мочи: это и надобно! Публики здѣсь, какъ и вездѣ, любитъ скоморошество; мало ей посмѣяться; все бы хохотать. Чувствительныя мѣста не имѣютъ цѣны; острыя шутки теряются на языкѣ актера. Они не внятны; правда, что и выражать ихъ некому: актеры мелютъ какъ ни будь, лишь бы заиграть свои деньги, а зрители глядятъ по верхамъ, толкуютъ о товарахъ, модахъ, рысакахъ, исторіяхъ и оборачиваются къ театру лицомъ тогда, какъ трубочистъ весь въ сажѣ лѣзетъ изъ камина и утирается Княжескими кружевами: тогда шумъ, крикъ; затопаютъ ноги; застучатъ всѣ трости, и ни чего ужь не слыхать. Какая сильная причина для восторговъ! Обиняки соблазнительные также не пропадаютъ.

Оперу поютъ дурно; голосовъ нѣжныхъ нѣтъ; словомъ, спектакль ярмарочной! Но можно ли ручаться, чтобъ его такъ стремились увидѣть, естьли бъ онъ былъ лучше? Не знаю. Одно еще, и очень дѣйствующее на обоняніе, неудобство то, что весь театръ освѣщенъ саломъ, и чадъ отъ свѣчъ и плошекъ преужасный: носъ чувствительную терпитъ муку. Театръ поставленъ между рядовъ на покатости горы; слѣдовательно, пріѣздъ тѣсенъ; полиціи при разъѣздѣ каретъ, и дрожекъ мало; площадь почти не освѣщена. Хотя и близко мы отъ театра стояли, но трудно было пѣшкомъ безъ проводника довести жену домой. Со всѣхъ сторонъ заскакали кареты, и естьли бы не вступился полицейской алгвазилъ, которому я изъ одной руки далъ рубль, а изъ другой погрозилъ палкой, то бы мы, домой пришедши, не нашли костей въ порядкѣ.

Г... пригласилъ меня въ редутъ, куда собирались знатнѣйшія особы обоего пола. Жена осталась дома, а я побрелъ. Въ трактирѣ, гдѣ давался балъ, по 2 руб. за входъ съ человѣка, зала чрезвычайно узка; освѣщена нарядно; пристойная услуга; молодыхъ людей много; танцовать всѣ охотники; но мало простору: едва есть гдѣ пройти между стѣнъ и танцовщиковъ. Большіе господа играли въ карты, а забавные господа, какъ я, зѣвали, ходя изъ стороны въ сторону; музыка та же, что и въ театрѣ, нарядная; больше сказать нечего. Мнѣ было очень скучно тутъ: въ толпѣ людей незнакомыхъ можетъ ли быть иначе? Чтобъ понравился такой край, въ которомъ обычно не живешь, надобно особливое мастерство со стороны жителей, уловка, нѣчто привлекательное, чего не даютъ ни высокіе чины, ни огромное богатство. Я не долго пошатался по залѣ, и простился тутъ съ Г... Сколько ни старался я войти въ разговоръ съ Его Сіятельствомъ о разныхъ предметахъ, ему болѣе моего по тамошнему краю извѣстныхъ, и тѣмъ умножить мои свѣдѣнія, нѣтъ! не могъ ни чего узнать. Недосуги ему препятствовали заняться со мною бесѣдой. Мало ли дѣла на Гостиномъ дворѣ человѣку дѣятельному? Проведя здѣсь такимъ образомъ одинъ день, мы только переночевали и на завтре выѣхали въ Курскъ.

ГЛАВА IX.

Курскъ.

И ямщики любятъ рифму. Они иногда очень не кстати, погоняя лошадей, кричатъ, играя кнутомъ своимъ: «Ну, кургузка, пять верстъ до Курска!» Здѣшній почтарь весьма у мѣста прокричалъ намъ это 19 числа по утру, послѣ 30 верстъ отъ ярмарки; ибо мы подлинно подъѣзжали къ Курску. По милости Коренной, дорога до города очень весела, наполнена возами и гуляками. Скажемъ къ чести тѣхъ, кои виновниками были нѣкогда, по начальству ихъ надъ здѣшнимъ краемъ, разныхъ полезныхъ заведеній, что дорога въ Курской Губерніи отмѣнно выработана: вездѣ проспекты изъ насажденныхъ и соблюденныхъ ивъ; дорога широка; гати, гдѣ были нужны, сдѣланы съ прочностію и наблюденіемъ. Видно, что думано въ Курской Губерніи при Генералъ-Губернаторахъ о хозяйственномъ улучшеніи путей.

Курскъ—прекрасный городъ. Онъ сидитъ на высокой мѣловой горѣ, и видъ его издали плѣняетъ; подъѣзжая къ нему, вы находите аллею изъ ветелъ, довольно густо разросшихся. Изъ такой пріятной тѣни кинется вдругъ въ глаза вашн городъ на горѣ: она гораздо круче Владимірской, но паденіе ея ровнѣе; тамъ больше переломовъ; впрочемъ, также окружена сюду и сюду садами. Внутри города всѣ улицы правильны и вымощены камнемъ, а каменнаго строенія много. Хотя я цѣлый день посвятилъ на то, чтобъ осмотрѣть городъ, но ни чего почти съ основательностью не могъ ни видѣть, ни замѣтить, а, такъ сказать, обѣгалъ его и вершки схватилъ; по тому что всѣ были на ярмаркѣ, и здѣсь я не имѣлъ, какъ въ Тулѣ, другого Мат..., который бы меня съ собою возилъ вездѣ. Пустота городская весьма была примѣтна. Но, при всемъ томъ, мы не нашли порядочной квартиры, и помѣстились очень худо.

Мужской монастырь, изъ котораго носятъ образъ въ Коренную, великолѣпнѣе всѣхъ прочихъ церквей, и по тому служитъ и соборомъ въ дни торжественнаго какого либо съѣзда, город-

скихъ чиновниковъ. Я въ немъ былъ и внутреннимъ убранствомъ доволенъ, но ни чего не нашелъ рѣдкаго.

Гостиный дворъ каменный, но запертъ: всѣ купцы на ярмаркѣ; по вывѣскѣ видѣлъ я, что и книжная лавка есть: какими книгами торгуютъ, много ли, мало ли ихъ, не знаю.

Въ старину здѣсь бывалъ дворецъ деревянный; онъ нынѣ сломанъ, и остатковъ его видимыхъ даже не сохранилось. На его мѣстѣ поставлены покамѣстъ ворота и заборъ каменный, которыя свидѣтельствуютъ, что нѣкогда, по предположенію гражданъ, здѣсь выстроится купеческой общественной домъ. Судя по воротамъ, зданіе будетъ большое и важное, а между тѣмъ длинное поле есть одинъ предметъ, охраняемый воздвигнутыми предварительно столпами. Магистратъ помѣщенъ въ каменномъ домѣ.

Корпусъ, содержащій въ себѣ всѣ Присутственныя Мѣста, каменный. Тотъ, кто его тутъ поставилъ, не ошибся въ выборѣ местоположенія: лучшій видъ въ городѣ. Какъ пріятно сдѣсь гулять и смотрѣть на ту сторону рѣки! Тамъ прекрасная каменная церковь окружена слободками, и всѣ хижины разбросаны по отлогому берегу рѣки. Тускарь (такъ ее называютъ), изрѣзана многими мосточками, изъ коихъ каждый ведетъ въ какое либо зарѣчное селеніе. Глаза, остановясь на сей смѣшанной картинѣ, въ которой городъ съ деревней по перемѣнкамъ ловятъ взоръ, долго любуются красотою мѣстъ.

Здѣсь какое-то осталось отъ древности деревянное строеніе, въ которомъ, подобно шатру, что на Ивановской площади въ Москвѣ, хранились пушки; но какія и откуда, историческаго ни чего не могъ объ нихъ узнать; спросить было не у кого, а народъ нигдѣ ни чего не знаетъ. Живучи безъ любопытства, привозъ хлѣба на базаръ одинъ его занимаетъ, а дешевизна его есть существенное для него счастіе.

Херсонская улица заслуживаетъ особенное вниманіе и по красотѣ своей и по тому наипаче, что на ней поставленъ былъ для шествія Екатерины мостъ изъ дикаго камня, съ желѣзными

локъ пѣшихъ и въ телѣгахъ, кто изъ Курска, а нѣкоторые даже изъ Кіева, и все это шло и ѣхало на ярмарку и назадъ. Настоящее гулянье! Мы въ этомъ разсѣяніи проѣхали верстъ 30.

За версту отъ почлега, который взяли мы въ 22 верстахъ отъ Коренной, Фатежскаго Уѣзда, въ деревнѣ Гнилово, остановился я на пригоркѣ погулять. Вечеръ былъ прекрасный; заходящее солнце скрывалось отъ глазъ нашихъ съ исполинскимъ своимъ величествомъ и сіяньемъ. Какое чудотворное озареніе всего горизонта! Оно утопало въ океанѣ отбрасываемыхъ имъ всюду огней. Я тутъ вспомнилъ Вольтера и переводчика его, нашего Гомера, который сказалъ за нимъ по Руски:

Весь этотъ океанъ лазури и сіянья,
Составленъ безъ существъ, изъятъ изъ ничего;
Безъ циркуля скругленъ, вертясь безъ основанья,
Едва ли стоилъ онъ лишь слова одного.

Надобно, къ славѣ переводчика, и оригинальные стихи рядомъ поставить для сравненія:

Tout ce vaste océan d'azur et de lumière,
Tiré du vuide même et formé sans matière,
Arrondi sans compas et tournant sans pivot,
A peine a-t-il valu la dépense d'un mot.

Кто такъ переводилъ точно, близко и прекрасно когда ни будь? Подъ горою пѣшеходки бабы разными группами ужинали, хохотали, бранились. Я радостію имъ и простотѣ ихъ дивился. О натура! какъ ты очаровательна! Тебя ни что не замѣняетъ во вселенной, а ты все въ ней красишь и дѣлаешь любезнымъ; съ тобой и горе сносно, и скука не тошна.

Хлѣбъ да соль вамъ, богомолки,
Добрый путь къ своимъ домамъ.—
Тамъ разсказывайте ваши толки,
На счетъ ярмарки мужьямъ.
Они сядутъ въ круговеньку,
Дадутъ вѣру вамъ во всемъ;
А вы, какъ быть! по маленьку

ныхъ ветлъ по дорогѣ, да и тѣ щадитъ ли нашъ народъ? Многіе вырыты и поломаны; одни корзины остались, гдѣ сухіе корни ихъ показываютъ, что тутъ жили существа растительныя. За то гдѣ попадется роща, она садъ въ сравненіи съ нашими лѣсами. Невольно бросишься въ нее погулять; отъ того ли, что онѣ рѣдки, или дѣйствительно безъ всякаго предубѣжденія онѣ содержатся хорошо, но по истинѣ вы въ нихъ не найдете ни сухостоя, ни валежника. Всякій лѣсокъ вычищенъ, какъ Англинская роща. Правда, что въ Вологдѣ, гдѣ милліоны считаютъ десятинъ лѣсныхъ дачъ, подчищать деревья трудно: инноватору что до того за дѣло: онъ проѣдетъ здѣсь и увидитъ чистую рощу, плѣнится ею, напишетъ систему, проектъ; лишь бы фортуна не отступилась, а то и въ Тотьмѣ давай чистить лѣса!

Въ Обояни мы на почтовомъ дворѣ напились чаю. Обоянь городокъ изрядный, разбитъ правильно и сидитъ на горѣ, откуда издали видѣнъ; построенъ при Царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ. Большая въ немъ улица и широка и довольно длинна. Два корпуса каменные, у коихъ стекла выбиты, крыльца вытоптаны, а двери сорвались съ петель и лежатъ на боку, носятъ на себѣ всѣ вывѣски казеннаго давнишняго зданія; спросилъ и не ошибся: это подлинно Присутственныя Мѣста. Пока мы гуляли по городу, одинъ обыватель возилъ хворую жену свою по улицамъ; она кричала безъ памяти разными голосами. Мужъ увѣрялъ насъ, что въ ней демонъ, а я совѣтовалъ ему свести ее къ Лѣкарю, ежели больна; а естьли безпокоитъ ее одинъ демонъ, то лучшее лѣкарство на этотъ припадокъ—Русская плеть.

Услышавъ разноголосицу дѣтскую въ одномъ низенькомъ домикѣ, я подумалъ, что это школа, и зашелъ. Точно такъ! Ребятъ человѣкъ 30. Учитъ мастеръ Грамматикѣ. Гдѣ просвѣщеніе не совьетъ гнѣзда? Сказать ли правду? Господа Профессоры! съ вашего дозволенія: Учитель пьянъ, а школьники по складамъ перебираютъ старыя изорванныя тетрадки; у одного изъ нихъ я нашелъ выдранный листъ изъ Адресъ-Календаря 18-го столѣтія; этотъ много вытвердилъ именъ на изустъ, да и то не въ прокъ: многіе изъ нихъ померли. Учителю очень хотѣлось узнать, кто такой пришелъ въ курткѣ къ нему въ школу, минутъ пять по-

скромничалъ, наконецъ вопросъ: «Кто вы таковы?» Отвѣтъ: «Проѣзжій.» Іерей, пришедшій, видно навѣстить сынка, стоя въ углу у развалившейся печурки, ворчалъ сквозь зубовъ въ видѣ недоумѣнія: «О Господи мой Боже!» Учитель опять: «Можно знать, кто вы таковы?»—Я опять: «Проѣзжій;» а Попъ ту же пѣсню: «О Господи мой Боже!» Въ такомъ положеніи познакомились мы съ Учителемъ въ минуту, чтобъ на всегда другъ друга забыть. А въ той же школѣ, я думаю, иногда, для праздничнаго дня, и Технологію, и Миѳологію, и Эстетику, и все и вся знаютъ.

На пути изъ Обояни, верстахъ въ трехъ, усажена, на версту длины, широкая гать ветлами: онѣ уже разрослись, пустили обширные корни и даютъ пріятную тѣнь. Хорошее время вызвало насъ тутъ погулять: мы всю ее прошли. Что пріятнѣе въ степи подобнаго просѣка? Видъ дерева—сокровище въ безлѣсномъ мѣстѣ, да оно же и большую приноситъ пользу: зимой наводитъ путешественника на дорогу, а лѣтомъ спасаетъ отъ зноя; жаль только, что не хорошо старыя заведенія поддерживаютъ и не досаживаютъ деревьевъ: индѣ посохли, индѣ рвутъ молодые побѣги, и съ корнемъ; все требуетъ хозяйскаго глаза.

18 верстъ отъ Обояни остановились мы ночевать на постоялыхъ дворахъ. Около ихъ, на полѣ, видѣли мы до четырехъ кургановъ. Одни говорятъ—могилы, другіе—старыя разбойничьи землянки; но молва не лѣтопись. Хозяинъ нашъ, гостепріимный и простый господинъ почтальонъ, увѣрялъ насъ, что тутъ славный разбойникъ большія когда-то строилъ чудеса. Я, сидя на лавкѣ, попивалъ чай и, утѣшалъ разскащика, давая всему вѣру; удивленіе наше приводило его въ восторгъ. Я думаю, что онъ въ первой разъ разсказывалъ свои сказки такъ, что надъ нимъ не хохотали. Впрочемъ, онъ не историкъ; ему и врать простительно, лишь бы лошади были готовы и онъ не прижималъ проѣзжихъ; а въ этомъ онъ всякой похвалы достоинъ; при томъ весьма услужливъ: отдалъ намъ свою собственную хату; мы въ ней ночевали: хоть тѣсна и душна, но, по крайней мѣрѣ, гаду нѣтъ. Таракань худой сонному товарищъ.

ГЛАВА X.

Бѣлгородъ.

21 числа выѣхали мы въ Бѣлгородъ. Не доѣзжая его, на послѣдней станціи Г. Исправникъ тутошній оказалъ намъ разныя вѣжливости. Жаръ былъ несносный; дорога утомительна. Мы желали болотъ, потому что они хорошо здѣсь назначены, а ивы даютъ проѣзжимъ пріятную прохладу. Пока мы мѣняли лошадей, Малороссійской слѣпой трубадуръ пропѣлъ намъ отечественный свой романсъ, т. е. Лазаря. Едва опустились въ городъ, какъ съ окошка пропала золотая табакерка у нашего товарища; кто ее укралъ и куда она черезъ палисадникъ дѣвалась, не могли узнать ни тогда, ни послѣ. Всѣ поисканія были тщетны, и Квартальный Офицеръ, по милости котораго имѣли мы преизрядную квартиру и который отъ насъ не отходилъ, ни какимъ полицейскимъ волшебствомъ не могъ отыскать ни пропажи, ни похитителя. Свѣдавъ, что городъ имѣетъ много предметовъ для любопытства, мы расположились въ немъ остаться на сутки.

Бѣлгородъ посаженъ, такъ сказать, въ ямѣ, между мѣловыхъ горъ; отъ коихъ, чаятельно, и названіе свое получилъ. Улицы въ немъ очень песчаны; слѣдовательно, грязи не держатъ и не мостятся. Присутственныя Мѣста, лавки и многіе обывательскіе домы, каменные. Въ городѣ протекаетъ рѣка Донецъ, впадающая въ Донъ. Я въ ней купался: вода прозрачная и ложе ея чисто. На нѣкоторыхъ строеніяхъ мнѣ образъ крышки полюбился, потому что новъ для глазъ: домы кроются очень круто и изъ маленькихъ драничекъ, кои кладутся вкось и въ разные смыслы: иныя справа на лѣво, другія иначе; отъ этого кровли имѣютъ настоящій видъ паркета.

Здѣсь живетъ Курскій Архіерей, Архіепископъ Феоктистъ. Мы сочли долгомъ вѣжливости и почтенія къ сану явиться къ нему. Онъ самъ сбирался къ намъ, свѣдавъ о нашемъ пріѣздѣ, и принялъ насъ очень ласково. Старецъ сей, 80 лѣтъ слишкомъ,

еще пасетъ стадо свое, къ утѣшенію овѣхъ чадъ духовныхъ. Онъ скроменъ, доброхотенъ, вѣжливъ въ святительскомъ обращеніи; объ немъ-то можно сказать, по Апостолу Павлу, не покривя своей совѣсти: «Таковъ подобаетъ намъ Архіерей.» Мы имъ были угощены съ опрятною благосклонностію, безъ роскоши, приличной свѣтскимъ владыкамъ, но духовною бесѣдою и пастырскими трудами; самъ онъ водилъ насъ въ свою Семинарію и всѣ классы намъ показывалъ; видно, что онъ часто ихъ навѣщаетъ. Мальчики его не робѣютъ; образъ пастыря имъ знакомъ; они его встрѣчаютъ съ радостью, провожаютъ съ благословеніемъ. Не удовлетворяясь симъ, Ѳеоктистъ посулилъ намъ на завтра отслужить обѣдню собственно для насъ, и пригласилъ видѣть его въ служеніи. Онъ угодилъ тѣмъ желавъ нашему нескромному любопытству, которое отъ него не потаили.

И такъ я видѣлъ святителя передъ престоломъ Господнимъ. Онъ, кажется, стоитъ на небѣ и служитъ прямо Вышнему, а не роль играетъ. Маститая престарѣлость его кажетъ въ немъ мужа праведнаго. Нѣтъ въ литургіи при немъ ни какой суетности; все преподобно и храму Божію прилично; сослужащіе всѣ у своего дѣла. Самъ онъ, осѣняя дряхлою десницей народъ, возводитъ всегда взоръ горѣ и низводитъ благословеніе Божіе безъ жеманства и тѣлодвиженія принужденнаго. Руки ему худо служатъ, трясутся, но на ногахъ еще бодръ. Въ одѣяніи его нѣтъ вымысловъ щегольства: оно богато, но просто. При чтеніи часовъ онъ поставлялъ юношу въ иподіаконы; привѣтливость его къ этому отроку плѣняла совершенно предстоящихъ; мальчика не толкали; онъ не теребилъ на немъ волосъ, какъ сіе часто водится, когда пастырь и все около его суетится. Ѳеоктистъ въ старости преклонной посвящалъ на служеніе Богу отрока: чувствительная его объ немъ молитва, воздѣяніе рукъ, соединеніе сихъ двухъ возрастовъ, представляли въ самомъ дѣйствіи что-то трогательное для сердца, вѣрою одушевленнаго. Пѣвчіе одѣты прекрасно, поютъ благопристойно и со вкусомъ; когда запѣли концертъ: «Готово сердце мое,» и пастырь сообщался святымъ дарамъ, можно было видѣть, глядя на образъ его и благословеніе, всѣ черты, одушевляющее, что подлинно готово сердце его исповѣдаться Господеви. По окончаніи обѣдни, онъ зашелъ къ Игу-

мене, и мы за нимъ. Въ бесѣдѣ онъ шутливъ, веселъ и не скупъ на разговоръ; въ церкви истинный святитель, въ храмѣ сподвижникъ Христіанскій, въ свѣтѣ гражданинъ умный и обходительный. Вотъ каковъ показался мнѣ Ѳеоктистъ! Онъ подарилъ меня двумя книжками трудовъ своихъ, и я ихъ сохраню, въ память его къ намъ пріязни. Домъ, въ которомъ онъ живетъ, также старъ, какъ онъ самъ.

Семинарія не въ самомъ цвѣтущемъ состояніи: иностранные языки, какъ то: Нѣмецкой и Французской, преподаются плохо. Есть и рисовальной классъ. Вошедъ въ него, Архіерей потребовалъ рисунокъ: одинъ подалъ птицу, и другой то же; старецъ улыбнулся. «За чѣмъ, сказалъ имъ съ лаской, вы все рисуете птицъ? Вы бы писали образа Святыхъ; ихъ бы раскупили, а вамъ на обувь пригодилось, а за пернатыхъ вамъ ни чего не дадутъ.» Библіотека довольно хороша, не велика, но есть въ ней старинныя Латинскія и Греческія творенія. Съ удивленіемъ увидѣлъ я знамена въ школахъ. Ректоръ, Священникъ бѣлаго духовенства, изъяснилъ мнѣ, что это значки, съ которыми, во время духовныхъ процессій, каждый классъ выходитъ, нося передъ собой ему принадлежащій: здѣшній обычай!

Соборъ прекрасный, живопись вообще отличная, хотя не новаго вкуса. Нельзя безъ особеннаго удовольствія глядѣть на

---

* Ѳеоктистъ Мочульскій род. за Днѣпромъ, учился въ Переяславѣ и Кіевѣ, гдѣ и постригся. Въ 1761 г. взятъ Законоучителемъ въ Сухопутный Кадетскій Корпусъ, съ 1767 Архимандритъ Глуховскаго Петропавловскаго монастыря, за тѣмъ Харлампіева Гамаліевскаго, потомъ Кіевскаго Михайловскаго, Ростовскаго Яковлевскаго и напослѣдокъ Полтавскаго Кресто-Воздвиженскаго, и съ тѣмъ вмѣстѣ Администраторъ, 1775 г., Славенской, нынѣ Екатеринославской, Епархіи, въ помощь Архіепископу, Греку Евгенію Булгару; въ 1781 переведенъ въ Тверской Колязинъ монастырь; 1784 Епископъ Сѣвскій; 1787 Бѣлоградской Епархіи, переименованной, 1799 г., Курскою; съ 1801 Архіепископъ; имѣлъ ордена Анны 1-й и Александра Невскаго; скончался въ Бѣлгородѣ 1818 г., Апрѣля 30 дня. Писалъ и печаталъ довольно. Его «Краткое объясненіе Церковнаго Устава (М. 1800 и послѣ нѣсколько разъ съ поправками и дополненіями), было принято въ Духовныя Училища классическимъ. (О. Е.)

Царскія врата въ придѣлѣ: съ лѣвой стороны на нихъ художникъ изобразилъ Іисуса, возвращающагося къ стаду своему съ заблудшимъ агнцемъ; Спаситель несетъ его на раменахъ своихъ; всѣ эпизоды картины чрезвычайно выражены; вблизи стадо овецъ, ждущихъ пастыря и обращающихъ къ нему жадныя лицезрѣнія его очи; вдали стѣны Іерусалима со всѣмъ ихъ великолѣпіемъ; на лицѣ Христа живая радость: онъ обрѣлъ погибшую тварь, удалившуюся отъ стада. Мало глядѣть на эту картину; ее надобно, такъ сказать, внимать: она говоритъ нашимъ чувствамъ, трогаетъ сердце. Я не разумѣю красотъ живописи; природа отказала мнѣ въ чувствіи сего изящнаго искуства. Но я, я самъ плакалъ, не снимая глазъ съ очаровательной этой картины. Живописецъ, который ее начертилъ, имѣлъ, конечно, не кисть одну въ рукахъ, но духъ и разумъ своего мастерства.

Въ алтарѣ большаго храма куполъ надъ престоломъ на столбахъ прекрасной работы и весь видѣнъ сквозь пространную пустоту, между ими и Царскими дверьми, которыя очень низки. Вообще весь соборъ очень хорошъ и достоинъ любопытства. Въ немъ портретъ Екатерины съ мѣдной подъ нимъ доской, на которой означенъ годъ ея здѣсь шествія. Надъ уготованнымъ въ то же время для нея Царскимъ мѣстомъ нынѣ видѣнъ портретъ Государя Императора Александра Павловича, потомъ всѣхъ Епископовъ Бѣлоградскихъ поставлены изображенія во весь ростъ по стѣнамъ церкви. Я глядѣлъ на это, какъ на диковинку, по тому что до тѣхъ поръ не видалъ еще ни чего въ церквахъ, кромѣ святыхъ иконъ. Наши Архіереи, какой бы, впрочемъ, по нынѣшнему здѣсь заключенію, праведной жизни ни были, не должны бы, кажется, изъ одной скромности, естьли не изъ уваженія къ Дому Божію, ставить свои портреты тамъ, гдѣ покланяемся Василію Великому, Златоусту и вообще ликамъ Православныхъ Святыхъ; пусть бы духовные Владыки дарили свои списки въ галереи друзей, пріятелей и подчиненныхъ, но въ храмѣ увидѣть Епископа на стѣнѣ и въ кавалеріи, по мнѣнію моему, нескладно. Жаль, очень жаль, что я не могу въ семъ случаѣ добраго Өеоктиста отдѣлить отъ его собратіи!

Между пастырями здѣшняго края былъ нѣкто благороднаго происхожденія, по имени Іоасафъ Горленко. Онъ построилъ

при соборѣ придѣлъ во имя Страшнаго Суда. Мистическая церковь! Всѣ въ иконостасѣ образа представляютъ что ни будь взятое изъ Апокалипсиса. По его соизволенію подъ храмомъ симъ, въ нарочно сдѣланной палаткѣ, почиваютъ его мощи въ открытомъ гробѣ; они публично не прославлены, но тайнымъ вдохновеніемъ онъ почитаемъ многими за Святаго. Я видѣлъ его остатки: они удивительно сберeглись отъ тлѣ и всякой порчи; руки его суть какъ руки натуральныя человѣка недавно умершаго; но онъ нѣсколько десятковъ лѣтъ тутъ спитъ. Проѣзжія барыни слушали по немъ при насъ панихиду. *

Въ женскомъ монастырѣ, въ особыхъ кельяхъ, живетъ Грузинская Царица, на покаяніе сюда присланная. Я не знаю политическихъ причинъ ея заключенія, но по свободѣ, съ которой всѣ къ ней входятъ, зашелъ и я. Покои ея не соотвѣтствуютъ ея прежнему званію: низки, бѣдны и тѣсны, но въ монастырѣ и то дворецъ. Она приняла жену мою и меня съ благородною гордостію, означающею, что она себя вездѣ чувствуетъ. Ей лѣтъ 40; ростъ ея не великъ, осанка статная, лице Азіятское, красоты необыкновенное, говоритъ мало и черезъ переводчика. Она сохраняла при себѣ весь свой маленькой штатъ, на содержаніе котораго Дворъ отпускаетъ ей до 13 тысячъ рублей. Съ ней большая дочь ея, участвовавшая, какъ говорятъ, въ ея преступленіи. Она уже 22-хъ лѣтъ, но не показалась намъ, подъ предлогомъ нездоровья. Меньшія дѣти ея, сынъ и дочь, еще ребята; они очень милые, хорошо воспитываются. Царица, для обученія ихъ иностраннымъ языкамъ, держитъ Француза за 1000 руб. въ годъ, человѣка

* Іоасафъ род. 1705 года въ городѣ Прилукѣ Полтавской Губерніи, отъ тамошняго Полковника, и названъ Акимомъ, воспитывался въ Кіевской Академіи, съ 1725 надѣлъ рясофоръ въ Межигорскомъ монастырѣ и названъ Иларіономъ; черезъ два года монахъ въ Братскомъ монастырѣ съ переименованіемъ въ Іоасафа; съ 1728 Учитель Академіи въ продолженіи 3-хъ лѣтъ; 1734 Іеромонахъ, съ переводомъ въ Софійскій и Членъ Консисторіи; съ 1736 Игуменъ Лубенскаго монастыря, который старался возобновить послѣ пожара; съ 1744 Архимандритъ Троицкой Лавры; 1748, по назначенію Императрицы, Епископъ Бѣлогородскій; скончался въ Декабрѣ 1754 г., въ мѣстечкѣ Грайворонѣ, возвращаясь изъ Прилукъ, послѣ свиданія съ родителями, въ Бѣлгородъ, и погребенъ въ ономъ 28 Февраля 1755 г., въ приготовленномъ имъ для себя каменномъ склепѣ. О. Б.

не молодой, по наружному виду изрядный и хорошо занимающійся въ просвѣщеніемъ. Мы посидѣли у ней съ часъ и, набивъ голову множествомъ философическихъ размышленій, я съ ней разстался. Въ другой разъ видѣли ее у обѣдни, въ томъ же монастырѣ, изъ котораго она никуда не выходитъ, когда служилъ Архіерей. Царица очень богомольна; съ ней всегда ходятъ почетныя дамы и ея двоюродной братъ, молодой человѣкъ, выѣхавшій съ ней изъ Отечества своего добровольно, по одной чистой любви къ Царскому дому. Онъ пользуется полною свободой, но жертвуетъ ею несчастной своего племени Царицѣ, пригожъ, не безъ дарованія, чисто говоритъ по Русски и служитъ ей переводчикомъ; онъ посѣтилъ насъ на квартирѣ. Я очень доволенъ былъ его обращеніемъ. Въ церкви Царица стоитъ на мѣстѣ Настоятельницы, которое сія, конечно, изъ одной вѣжливости ей уступаетъ. Нарядъ не пышенъ, но драгоцѣнный алмазный перстень на рукѣ удостовѣрилъ насъ, что она не безъ сокровищъ сошла съ престола. Дочери ея большой мы и въ церкви не видали: она слушала обѣдню за рѣшеткою.

Игуменья въ этомъ монастырѣ женщина очень расторопная и свѣтская. Мы заходили къ ней послѣ обѣдни, у нея посидѣли и тутъ отъ Ѳеоктиста приняли на продолженіе пути Святительское благословеніе. Игуменья, какъ примѣтилъ я, имѣетъ даже вліяніе и на мѣстное правительство: по уваженію ли къ сану ея, или по приверженности личной къ ней, но жители и чиновники города стремятся угодить ей и совѣтами ея пользуются; при всемъ томъ и она не сильна была споспѣшествовать отысканію похитителя нашей табакерки; видно, этотъ воръ рясы не боится.

Скажемъ нѣчто здѣсь кстати о вѣстяхъ. Городничій здѣшній мнѣ свой; его не было въ городѣ на то время; я посѣтилъ его домашнихъ, и меня тутъ увѣряли, что я переведенъ въ другую Губернію, что уже Указъ не только состоялся, но даже и въ газетахъ выпечатанъ. Что жь этого вѣрнѣе? Я очень задумался и просилъ, чтобъ мнѣ доставили Вѣдомости; но какъ-то оказалось послѣ, что этотъ нумеръ пропалъ; а между тѣмъ я благополучно и съ удовольствіемъ воротился во Владиміръ. Какъ можно такъ выдумывать и ссылаться еще на газету, не боясь сличенія съ ней всегда удобнаго! Вѣрьте, пожалуйте, молвѣ.

Естьли у васъ на дорогѣ изломаются дрожки, или коляска, доѣзжайте какъ ни будь въ Бѣлгородъ: здѣсь есть каретная лавка и всякую повозку починятъ; какъ? аа это не ручаюсь, но вывѣска такая же, какъ и въ Москвѣ, въ сараяхъ каретныхъ на Петровкѣ.

Поѣхавъ отсюда, вспомнимъ еще несчастную преступницу подъ вѣнцомъ и скажемъ ей заочно:

Съ престола въ плѣнъ попасть—ужасно,
Владѣть и вдругъ подъ властью быть,
Вздыхать въ обители всечастно,
Среди своихъ злодѣевъ жить:
Судьба такая для Царицы,
Лишенной правъ, вѣнца, столицы,
Есть гнѣва Божія черта.
Стяжи смиренья духъ въ напасти,
Убей ума надмѣнны страсти,
Познай, что все здѣсь суета!

Познай, что тотъ, кто предъ тобою,
Тебя въ Тифлисѣ богомъ звалъ,
Плѣняя разумъ твой мечтою,
Себѣ щедротъ твоихъ искалъ;
Смотри, съ какимъ лукавствомъ льстили,
Когда тебя превозносили,
Какъ бы безсмертно существо!
Нося вѣнецъ почти полвѣка,
Ты все не выше человѣка;
Въ тебѣ то жь бренно существо.

Пришла минута Провидѣнья, —
И гласъ его тебя настигъ,
Умолкли лести возглашенья, —
И палъ престолъ въ единой мигъ.
Въ странѣ. отъ родины далекой,
Въ тоскѣ, въ унылости глубокой,
Сносить учися свой удѣлъ;
Молись, и врачъ скорбей сердечныхъ,
Въ своихъ щедротахъ безконечныхъ,
Приближитъ бѣдъ твоихъ предѣлъ!

ГЛАВА XI.

Харьковъ.

Отъ Бѣлгорода до Харькова намъ цѣлая станція пришла въ накладъ и въ барышъ: за 25 верстъ лишнихъ заплатили пошлинъ, за то скорѣй доѣхали. Какъ быть невѣрну маршруту такому, который берется отъ одного города Губенскаго до другого сосѣдняго? Однако здѣсь между Харьковомъ и Курскомъ всякой проѣзжающій платитъ пошлины за лишнюю станцію, и на это вотъ какая причина: Почты дѣлаютъ вычисленія верстъ по разосланнымъ къ нимъ издавна Календарямъ; послѣ выпуска ихъ, по разнымъ соображеніямъ, стали мѣняться тракты, и найдены ближайшіе пути. Такъ точно и здѣсь: сблизили сообщеніе 25-ю верстами, но въ Календаряхъ сего не поправили, и знать о перемѣнѣ ни кому не дали; и такъ путешественникъ терпитъ напрасный убытокъ. Впрочемъ, кстати, говоря о семъ, здѣсь сказать, что вообще, во всю дорогу, я въ верстовыхъ исчисленіяхъ ни какой не нашелъ вѣрности, хотя маршрутъ мнѣ данъ былъ изъ Почтоваго же мѣста: индѣ версты прибавлены, индѣ нѣсколькихъ нѣтъ. Отсюда родится нѣкоторое своевольство между почтарями: они берутъ, что хотятъ: имъ платятъ, чего требуютъ; ни на что нѣтъ права—все по произволу. Сносно для человѣка достаточнаго, но бѣдной коммиссіонеръ, курьеръ казенный, которой не можетъ дать больше опредѣленнаго ему числа, что ему дѣлать? Онъ дерется и насильно впрягаетъ лошадей.

До заставы проводили насъ Гг. Частный и Квартальный. Товарищъ нашъ, взглянувъ на нихъ, еще вздохнулъ по своей табакеркѣ. При выѣздѣ изъ города встрѣтили мы шайку переловленныхъ разбойниковъ: они слонялись около этого Уѣзда. Въ компаніи съ ними, а ихъ человѣкъ до 30, два Дворянина, кои давали имъ пристанище. Изрядный способъ наживаться!

На Почтовомъ дворѣ, гдѣ мы обѣдали, я нашелъ картину любопытную: она представляетъ пеликана, питающаго трехъ птенцовъ своихъ; онъ пригвожденъ ко кресту, уязвляетъ себя въ

грудь и изливаетъ имъ собственную свою кровь; надъ ними горящее и прободенное сердце точитъ также каплями кровь въ чашу нашего спасенія; всюду около ея символическія надписи. Она мнѣ полюбилась. Странно находить мистику у почтальона. Я ее купилъ и привезъ съ собой, какъ находку.

Наконецъ въѣхали мы въ предѣлы Украйны. Началъ приходить мнѣ на память Панъ Хмѣльницкій и Мазепа. Здѣсь пресѣкаются искуственныя аллеи. Вмѣсто деревъ, на каждой верстѣ наметаны бугры земли, чаятельно для того, чтобъ не сбивались съ дороги обозы. Вездѣ безъ исключенія мазанки, нѣтъ другихъ жилъ. Появились Хохлы. Въ 28 верстахъ отъ Харькова деревня Липцы ими населена. Увидѣли мы образчики плодороднаго климата: на воздухѣ родятся арбузы безъ всякаго садовническаго присмотра; для нихъ отведены изрядныя мѣста, и ихъ зовутъ бакши. Туда, въ своихъ нарядахъ и въ пестрыхъ юбкахъ изъ ковровъ, ходятъ бабы очищать сей плодъ отъ побочныхъ растеній. Мы нѣсколько сборищъ такихъ объѣхали. Это дѣлаетъ пріятную для зрѣнія картину. У насъ арбузъ закутанъ въ оранжереѣ; одинъ садовникъ видитъ, какъ онъ родится, ростетъ и зрѣетъ, а мы только спросимъ его на столъ, когда поспѣетъ, разрѣжемъ его и съѣдимъ: тутъ, напротивъ, ни что его не заслоняетъ и не прячетъ, всѣ его видятъ, натура его воспитываетъ, а хозяинъ любуется имъ, и потомъ подчиваетъ имъ друзей своихъ.

Мы прибыли въ Харьковъ еще до захожденія солнца и съ трудомъ отыскали квартиру: всѣ постоялые дворы дороги и безпокойны; трактиръ совсѣмъ не хорошъ. Полиціймейстеръ по приказанію Г. Губернатора, намъ отвелъ ее у одного купца, и мы лишь только расположились, то я послалъ за В...., который мнѣ издавна хорошій пріятель. Онъ тотчасъ явился, и мы взаимно другъ другу обрадовались. Въ разговорѣ откровенномъ одна рѣчь цѣпляется всегда съ другою такъ, что бесѣда продолжается нечувствительно до глубокой ночи: точно такъ и мы подарили себя этимъ вечеромъ; а между тѣмъ я запасся свѣдѣніями, куда на завтра ѣхать, что смотрѣть и чѣмъ заняться.

Естьли судить о городахъ по наружному ихъ виду, то Харьковъ не утѣшитъ: онъ расположенъ худо и видъ представляетъ

самый пустынный; но въ немъ живутъ весело и любятъ угощеніе. Насъ всѣ очень обласкали. 23 числа день прекрасный для меня, день имянинъ жены моей; я началъ тѣмъ, что пошелъ къ обѣдни, слушалъ ее въ Архіерейскомъ домѣ; его въ городѣ нѣтъ; здѣшній Епископъ, Христофоръ Сулима[*], живетъ въ 7 верстахъ, въ загородномъ домѣ. Говорятъ что онъ не любитъ общества. Я его, напротивъ, вездѣ и всячески люблю; и такъ не разсудилъ къ нему ѣхать заводить знакомства. На что сближать два свойства совсѣмъ противныя? Въ церкви его, во время службы ни что особеннаго на себя вниманія не обратило, кромѣ двухъ портретовъ, Елисаветы и Анны, кои поставлены, одинъ противъ другого, на стѣнахъ, подъ сводомъ, отдѣляющимъ трапезу отъ церкви. Я не могъ равнодушно смотрѣть на такую противоположность: жизнь и смерть, улыбка кротости и блѣдная тиранія съ глазу на глазъ. Мнѣ простятъ, ради моего прозванья, маленькую дрожь при взглядѣ на грозную Анну. Ахъ! естьли въ мѣстахъ, посвященныхъ Божеству, могутъ, по естественному человѣку тщеславію, терпимы быть такія жертвоприношенія людямъ великимъ, то пусть уже ставятъ въ нихъ черты Антониновъ, Маркъ Авреліевъ, Елисаветъ, а времена Бирона на что [illegible] подъ сѣнію миролюбиваго Христа.

Ознакомившись съ Губернаторомъ утреннимъ моимъ къ нему визитомъ, я очень доволенъ былъ его ласковостію. Онъ человѣкъ уже не молодой, опытенъ въ своемъ дѣлѣ, словоохотенъ и гостепріимства не чуждается. Онъ далъ намъ прекрасный ужинъ, о которомъ буду говорить ниже. Получивъ отъ него позволеніе на свободу все осмотрѣть любопытное въ городѣ, я началъ съ ученыхъ заведеній, и попалъ очень счастливо на публичный экзаменъ.

---

* Сынъ Переяславскаго Полковника, служилъ въ гусарахъ Офицеромъ, потомъ постригся въ монахи и слушалъ Богословіе въ Кіевской Академіи, послѣ былъ Ѳеодосійскимъ Епископомъ, а съ 16-го Октября, 1799 года, сдѣланъ Харьковскимъ, послѣ перенесенія каѳедры изъ Бѣлгорода; умеръ 18-го Мая, 1813 года. О. Б.

ГЛАВА XII.

Продолженіе.

При домѣ Архіерейскомъ учреждено издавна, подъ названіемъ Коллегіума, духовное училище. Основатель его, современникъ Петра I, Фельдмаршалъ Голицынъ. * Родственникъ его, Графъ Румянцевъ, ** прислалъ сюда бюсты знаменитаго сего мужа и сына его, бывшаго Посломъ въ Вѣнѣ. *** Погруди сіи или бюсты стоятъ въ большой залѣ, и подъ первымъ слѣдующая надпись: «Чтите добродѣтель Голицына!» При мнѣ было, по порядку годичному, состязаніе въ Богословскихъ и Философскихъ предметахъ: они производятся на Русскомъ языкѣ съ примѣсью иногда Латыни. Нигдѣ я не слыхивалъ такого сладкаго произношенія Латинскаго нарѣчія, какъ въ устахъ Малороссіянъ: выговоръ ихъ имѣетъ

---

* Князь Михайло Михайловичъ, сынъ Боярина и Воеводы Курскаго, Кн. Мих. Андреевича, род. 1-го Ноября, 1675 года, сподвижникъ Императора Петра I-го: взялъ 1702 г. Шлиссельбургъ, разбилъ Шведовъ при Добромъ (1708), участвовалъ въ сраженіи подъ Лѣснымъ (1708) и подъ Полтавой (1709), преслѣдовалъ ихъ до Переволочны, былъ въ Прутскомъ походѣ (1711), покорилъ (1714—1721) Финляндію до Лапоніи; съ 1723 года начальствовалъ войсками, расположенными въ Малороссіи; 1725 Генералъ-Фельдмаршалъ, а 1726 основалъ въ Харьковѣ Коллегіумъ, при содѣйствіи Бѣлгородскаго Епископа, Епифанія Тихорскаго, укрѣпя за симъ заведеніемъ село Песочки съ хуторами; при Петрѣ II-мъ Президентъ Военной Коллегіи, Сенаторъ и Членъ Верховнаго Тайнаго Совѣта (1728); при Аннѣ, за участіе въ совѣтѣ противъ нея, былъ отдаленъ, съ прочими, отъ Двора и вскорѣ скончался, Декабря 10-го, 1730 года. О. Б.

** Славный Румянцевъ-Задунайскій женатъ былъ на одной изъ дочерей Князя М. М. Голицына, род. 1725, ум. 1796 г. О. Б.

*** Князь Дмитрій Михайловичъ Голицынъ род. 15 Мая, 1721 г., служилъ съ начала въ войскѣ до Генералъ-Маіора, а съ конца Мая, 1761 г., назначенъ былъ Посломъ въ Вѣну, черезъ годъ (1762) Генералъ-Поручикъ, въ 1772 Дѣйств. Тайный Совѣтникъ; участвовалъ, въ 1781, въ склоненіи Императора Іосифа II-го къ морскому нейтралитету, а 1785 въ тайныхъ переговорахъ съ Кауницомъ касательно раздѣленія Польши; 1792 уволился, и 19-го Сентября, 1793 г., умеръ.

что-то особенно пріятное для слуха нѣжнаго. Ректоръ, управляющій симъ заведеніемъ, изъ бѣлаго духовенства, особа умная и съ отличными познаніями. Между разными школьными предложеніями, дано было и то, что міръ сей есть совершеннѣйшій. «Вѣрю, но не убѣжденъ,» возразилъ я отцу Ректору; «ибо кто его сдѣлалъ такимъ, тотъ могъ его сдѣлать и лучше и хуже. Какъ вы объ этомъ думаете?»—«Я не смѣю, отвѣчалъ онъ мнѣ, назвать его совершеннѣйшимъ, по тому что хлѣбъ очень доротъ.» Я посмѣялся этой причинѣ и понялъ, что ни кому не хочется спорить о томъ, что весьма трудно доказать можетъ умъ человѣческій. Знамена или значки, также какъ и въ Бѣлгородѣ, и здѣсь есть во всякой школѣ. Осмотрѣвъ Библіотеку, я замѣтилъ въ ней наипаче Лѣтописецъ Димитрія Ростовскаго, Отче Нашъ на стѣ діалектахъ, Библію на 6 Восточныхъ языкахъ, съ Лексикономъ на столькихъ же, и тѣхъ же въ руководство къ переводу, и грамоту, пожалованную сему училищу Императрицею Анной. Увидя тотъ почеркъ, которымъ нѣкогда подписана казнь моего дѣда, * я закрылъ глаза и бархатную книгу. Природа дышать мнѣ не дала свободы, и я нѣсколько мгновеній былъ въ трепетномъ ужасѣ.

Онъ отличался въ Вѣнѣ покровительствомъ ученымъ, особенно художникамъ, собралъ дорогую картинную галерею и основалъ Голицынскую больницу въ Москвѣ; подъ сводами церкви этой больницы онъ и погребенъ. О. Б.

* Князя Ивана Алексѣевича, сына Князя Алексѣя Григорьевича, а внука Кн. Григорія Ѳедоровича, брата славнаго Князя Якова Ѳедоровича Долгорукаго; род. 1713 г. и воспитывался за границей; былъ любимцемъ Петра II-го, содѣйствовалъ паденію Князя Меньшикова и, въ свою очередь, по смерти Государя, обрученнаго уже съ его сестрой, Екатериной, сосланъ, 1730 г., въ Березовъ, гдѣ прежде находился Меньшиковъ, по повелѣнію Императрицы Анны Ивановны. До 1739 г. онъ былъ въ ссылкѣ съ женой своей, Графиней Натальей Борисовной Шереметевой, и прочими родными, и потомъ, по доносу роднаго брата своего (Александра), привезенъ въ Новгородъ и тамъ колесованъ 26 Октября. Изъ двухъ его сыновей, Князь Михайло Ивановичъ служилъ въ гвардіи Капитаномъ и потомъ былъ Почетнымъ Опекуномъ Московскаго Воспитательнаго Дома, а Князь Дмитрій Ивановичъ отпущенъ съ матерью въ Россію и позднѣе умеръ въ Кіевѣ, постригшись тайно въ рясофоръ. Князь Михайло Ивановичъ былъ отецъ сочинителя этого путешествія. О. Б.

Въ Харьковѣ, по новому образованію просвѣщенія, заведенъ также и Университетъ, * подъ попеченіемъ начальника того Округа, Графа Потоцкаго. ** Соревнованіе между учеными приноситъ важную пользу учащимся: я нѣкоторый опытъ того видѣлъ и на диспутахъ; ибо Студенты Университетскіе приходили съ Академиками въ Коллегіумъ оспаривать ихъ предложенія, и отъ сей стычки умовъ и понятій летятъ искры глубокихъ познаній. Пусть и здѣсь, по связи между собою, живучи въ одномъ городѣ, одни и другіе учители снесутся заранѣе о предметахъ, для прѣнія заготовленныхъ, и выйдетъ изъ того хорошая комедія, наизусть выученная. Согласенъ: но для чего не повѣрить, что иногда и безъ обмана господа ученые другъ друга на диспутахъ пощиплютъ? Сравнивать сихъ двухъ заведеній, свѣтскаго и духовнаго, нельзя. Одно уже укоренилось, другое лишь процвѣтаетъ.

Г. Рижскій, Ректоръ Университета, съ отмѣннымъ доброхотствомъ казалъ намъ любопытное и привлекающее на себя вниманіе. *** Университетъ помѣщенъ въ Генералъ-Губернаторскомъ домѣ, чаятельно, на время, по тому что онъ не довольно для сей цѣли обширенъ. Всѣ классы открыты и въ настоящемъ своемъ

---

* Въ 1803 году. О. Б.

** Графъ Северинъ Осиповичъ. О. Б.

*** Священническій сынъ города Риги, род. 1761 г., учился въ Псковской и Троицкой Семинаріяхъ; съ 1778 Информаторъ, послѣ Учитель Риторики; въ 1785 оставилъ Духовное званіе съ чиномъ Губернскаго Секретаря, но въ концѣ того же года получилъ каѳедру Философіи, а черезъ годъ (1786) снова уволился въ свѣтское званіе и былъ Учителемъ въ Горномъ Корпусѣ; 1797 Секретарь Св. Синода, изъ коего опять, черезъ два года, перешелъ въ Корпусъ; 1804 поступилъ Профессоромъ Словесности въ новооткрытый Харьковскій Университетъ; съ 1809 г. Ректоръ его; скончался 1-го Апрѣля, 1811 года Коллежскимъ Совѣтникомъ и Докторомъ Философіи; былъ также Членомъ Россійской Академіи. Между прочимъ онъ издалъ Риторику (подъ названіемъ «Опытъ Риторики.» Спб. 1796; съ дополненіями въ Харьковѣ 1805 г.), бывшую нѣкоторое время руководствокъ въ нашихъ учебныхъ заведеніяхъ, равно какъ «Науку стихотворства.» Спб. 1810; «Введеніе въ кругъ Словесности,» тамъ же, 1806 г. и др. О. Б.

дѣйствіи. Домъ обогащенъ книгами и разными инструментами; сихъ послѣднихъ на уважительную уже пріобрѣтено сумму, и удачный выборъ ихъ есть опытъ трудовъ пекущихся о семъ новомъ заведеніи. Профессоры всѣ почти люди молодые; одинъ старикъ, Французъ, занимается преподаваніемъ изящной Латинской и Греческой Словесности; онъ же и Библіотекарь; я имъ особенно занялся. При всей той угрюмости, какой требуютъ возложенные на него труды и самыя его лѣта, я удивился, нашедъ его въ иныя минуты такъ легкимъ, смѣю ли сказать? и вѣтренымъ, какъ мы привыкли понимать его соотчичей: безпрестанный смѣхъ не сходитъ съ его лица; вдругъ онъ заважничаетъ и сдѣлается несноснымъ педантомъ, чтобъ тотчасъ же послѣ того надъ собой разсмѣяться и выпустить какую ни будь остроту.* Астрономическій классъ, судя по орудіямъ, коими его снабдили, есть также доказательство того, сколько заботятся объ изученіи полезномъ здѣшняго юношества.

Кабинетъ Минеральный очень хорошъ. Въ немъ глаза остановятся съ удовольствіемъ на одной штуфѣ, которая представля-

* То былъ Яковъ Яковлевичъ Беленъ де Баллю, съ 8-го Декабря, 1803 года, Профессоръ Греческой и Французской Литературы; онъ же большею частію читалъ и Латинскую, а также завѣдывалъ Библіотекой. Отдѣленіе Нравственно-Политическихъ наукъ признало его Докторомъ. Онъ сынъ Адвоката, р. 1753 г., и до выѣзда въ Россію былъ Членомъ Парижской Академіи Надписей и Изящной Словесности (Academie des Inscriptions et Belles Lettres), потомъ Совѣтникомъ Монетнаго Департамента (Двора), Членомъ Національнаго Института; во время революціи находился въ заключеніи 8 мѣсяцевъ, въ правленіе Робеспьера, по смерти коего освобожденъ безъ суда. Во Франціи извѣстенъ своимъ переводомъ Лукіана: «Oeures de Luciens, traduites du Grec, avec des notes historiques et critiques sur le texte et la collation des manuscr. de la Bibl. du Roi, par Jac. Belin de Ballu. Paris, 1788, 8°, 6 voll. Въ 1807 г. онъ напечаталъ, при «Обозрѣніи публичныхъ чтеній Харьковскаго Университета,» извѣстіе о Греческихъ рукописяхъ Университета: «Notitia et descriptio aliquot codicum manuscriptorum, quae reperiuntur in bibliotheca Universitatis Imperialis, quae Charkoviae floret» (X p., 4°), и тогда же произнесъ, въ торжественномъ собраніи Университета: «Рѣчь о томъ, какое воспитаніе преимущественнѣе, общественное ли, или домашнее?» («Discours sur l'éducation publique, comparée à l'éducation privée»). Въ 1811 г. перешелъ въ С.-Петербургскій Педагогическій Институтъ. Женатъ и имѣлъ 5 сыновей и 3 дочерей. Умеръ 1815 г. Говорятъ, отличался основательной ученостью и даромъ преподаванія. О. Б.

етъ аматистовую дыню; нѣсколько медалей, по порядку расположенныхъ, и всѣ въ большомъ благоустройствѣ. Типографія въ найлучшемъ порядкѣ. Зала Совѣта убрана приличнымъ образомъ: въ ней разставлены прекрасныя произведенія Россійскихъ художниковъ: портретъ Государя, потомъ Графа Завадовскаго и Потоцкаго. Я видѣлъ мимоходомъ нѣсколько искуственныхъ моделей для класса Технологіи. Нельзя не быть довольнымъ симъ возродившимся училищемъ, но сказать должно, что, при всемъ усердіи и раченіи тутошнихъ властей, Университетъ еще очень молодъ и новость его бытія очевидна повсюду. Ни какія усилія наши не сдѣлаютъ того въ одинъ годъ, что дѣлаетъ время и постепенность вѣковъ: отъ того самаго и Коллегіумъ не можетъ въ сущности своей цѣли равняться съ Университетомъ, и сей не оспоритъ тому естественнаго превосходства. Г. Рижскій, между рѣдкостями Университета, показывалъ мнѣ содранную съ дикой женщины въ Америкѣ цѣлую кожу; она отъ времени получила видъ пергамена. Я выпросилъ лоскуточекъ, и взялъ его съ собой. Бѣдная женщина! И она, я думаю, нѣкогда нравилась подобному себѣ! Откуда попалась къ нимъ такая добыча, я не могъ доказательно узнать; но ужь ли въ ученомъ мѣстѣ солгутъ? Студентовъ человѣкъ до 60-ти. Медицинѣ учатся только двое, а Профессоровъ по сей части человѣкъ 12. Ясное доказательство, что казна ни чего не щадитъ для наукъ! Остается намъ самимъ хотѣть просвѣщенія: люди, домы и средства—готовы. Мнѣ не полюбилось, естьли смѣю быть чистосердеченъ, одно то, что Студенты сами держатъ артель и одинъ изъ нихъ печется о столовомъ хозяйствѣ. Казалось бы, что такими заботами не надлежало развлекать умы молодыхъ людей, коихъ всѣ мысли обращать должно къ одной учености. Независимо отъ Университета, по общему стату для Губернскихъ городовъ, есть въ Харьковѣ и Гимназія. * Въ нее ходили тогда 400 учениковъ.

---

* Учреждена, вмѣстѣ съ Университетомъ, вмѣсто Училища Прибавочныхъ Классовъ, основаннаго 1768, съ которымъ было соединено и Народное Училище, образованное 1-го Марта, 1798 г. Прибавочные же классы состояли при Коллегіумѣ (къ преподаваемымъ наукамъ въ послѣднемъ прибавлены: Математика и Геометрія, языки Французскій и Нѣмецкій, рисованіе, а съ 1773 музыка и пѣніе). О. Б.

Попеченіемъ Университета разводится Ботаническій садъ, на который, разумѣется, казна дала и деньги и мѣсто. Я въ немъ гулялъ: сказать громкаго ни чего нельзя; новое заведеніе, однако, для публики уже изрядная прогулка; есть гдѣ повидаться съ пріятелемъ и часъ времени проводить пріятно. На концѣ широкой аллеи, на выгодномъ мѣстѣ для виду, поставлена бесѣдка съ куполомъ; взоръ изъ нея обнимаетъ весь городъ. Черезъ 20 лѣтъ этотъ садъ будетъ очень хорошъ.

Между каменными строеніями нельзя не замѣтить одного дома частнаго обывателя, самой странной архитектуры: онъ круглый, какъ столбъ, и выведенъ въ два этажа. Жаль, что хозяину не дано, или самъ догадался его, не достроивать! Любопытно было бы видѣть, какъ онъ, отдѣлавши его, сталъ въ немъ жить.

Рѣка въ городѣ обыкновенно не хороша и бѣдна водою. При насъ только она показалась въ красѣ своей, по тому что запружена и гордится своимъ богатствомъ. *

Заведеніями Приказа здѣсь хвастать нельзя: все есть понемножку, но въ большой тѣснотѣ. Вы найдете и больницу, и безумный домъ, и инвалидовъ; вездѣ чисто и опрятно. Но помѣщеніе недостаточно. Мазанки, содержащія всѣхъ сихъ страждущихъ и безумныхъ, въ развалинахъ. Я нашелъ между полоумными бѣшенаго Титулярнаго Совѣтника на цѣпи и очень смирнаго Штабъ-Лѣкаря: послѣдній сидитъ тутъ съ 96 года, а меня, увѣрялъ, что онъ 5 лѣтъ только лишенъ свободы. Какое благополучное сумашествіе! И въ тяжкой неволѣ умѣть коротать время! Въ этомъ смыслѣ захотѣли бы многіе, но старые люди, подобно ему быть безъ ума.

Въ Больницѣ нашелъ я двухъ Турокъ съ ознобленными ногами. Одинъ Боснякъ, и хоть мало, но что ни будь умѣетъ мол-

---

* Въ Харьковѣ двѣ рѣки: Лопань и Харьковъ (или Харьковка) и протокъ Нетечь. Значительнѣйшая изъ нихъ первая. Ѳ. Б.

вить по Русски, а другой Анатолецъ и ни слова не выговоритъ. Вообще въ городѣ ихъ человѣкъ до 50-ти. Россійскія войска таровато надѣляютъ ими внутреннія наши провинціи. Одинъ изъ хворыхъ просилъ у меня не на водку, а на табакъ: охотники большіе курить его: день и ночь трубки изъ рукъ не выходятъ.

Пора молвить о здѣшней публикѣ. Все то, что я видалъ въ домахъ Губернатора и Вице-Губернатора, * заставляетъ думать, что въ Харьковѣ безъ скуки можно проводить время. Общество людное, по настоящему лѣтнему времени, и очень хорошо собрано. Старый мой знакомый Вице-Губернаторъ далъ мнѣ обѣдъ, а Губернаторъ позвалъ на вечеръ; у него я и ужиналъ. Обоихъ сихъ Господъ супруги — дамы любезныя и съ навыками большаго свѣта. Гостепріимство въ обоихъ ихъ домахъ найлучшее, поступки соединяютъ милую простоту съ нѣжною разборчивостію большихъ городовъ. Не станемъ говорить о роскоши: она и здѣсь вошла въ кости каждаго. Наряды дамъ, убранство столовъ, изобрѣтеніе приправъ и соединеніе всѣхъ плодовъ, съ трудомъ снискиваемыхъ даже и въ томъ климатѣ, все заставляетъ чувствовать прелести улучшеннаго свѣта. Жаль, что домы ни того, ни другого, не отвѣчаютъ ихъ готовности угощать: малы, низки и для большой публики тѣсны.

Одна благородная дѣвушка, дочь тутошняго Чиновника, прекраснѣйшимъ образомъ играла на фортепіано, не бездѣлки однѣ: вальсы, пѣсенки, романсы; совсѣмъ нѣтъ, самыя мудреныя ноты разыгрывала, часто съ чувствомъ и выраженіемъ: не многіе и въ столицахъ нашихъ выдержали бы съ нею сравненіе. Заслушавшись, я увлеченъ былъ гармоніей въ горестныя и близкія еще ко мнѣ напамятованія. Мнѣ пришла на мысль дочь моя милая, Маша. Хозяйка увидѣла въ глазахъ моихъ слезы, и я, предваряя ея вопросъ, сказалъ: «Такъ точно дочь моя играла меньше года тому назадъ.» Закрывшись обѣими руками, она ушла прочь отъ меня. Я отдалъ смятеніе ея на счетъ чувствительности сердца, которое часто не умѣетъ и чужихъ переносить печалей. Не-

---

* Первымъ былъ въ то время Бахтинъ, пользовавшійся общимъ уваженіемъ и очень расположенный къ Университету, а вторымъ Муратовъ, умѣвшій ладить, въ особенности съ высшими. О. Б.

счастная! Она сама оплакивала два мѣсяца смерть милаго сына, которому было 20 лѣтъ. О! этѣ язвы не исцѣльны: ихъ и время не врачуетъ. Горести наши вездѣ съ нами путешествуютъ. Прости мнѣ, читатель, сію черту меланхоліи!

Губернаторъ встаетъ рано и, отдѣлавшись, опять спитъ въ жаръ полуденный; отъ того и ужинъ его не долго продержалъ гостей за полночь. Это совершенно на мой вкусъ: я худой товарищъ тѣмъ, кои ночь дѣлаютъ днемъ.

Бостонъ и здѣсь въ модѣ, но я имъ не занимался. Уши мои и глаза обращались на множество предметовъ посторонныхъ, и я не могъ ни на чемъ постоянныхъ остановить мыслей. Въ путешествіи все прельщаетъ, или занимаетъ: все ново, на все хочется взглянуть, всего послушать.

Быть было сегодня театру, но не состоялся за тѣмъ, что труппа какъ-то разстроилась. Полтава сманиваетъ къ себѣ актеровъ и актрисъ, и Харьковъ не можетъ напастись талантовъ, а скоморошества простаго стыдятся. И такъ я не ознакомился ни съ Таліей, ни съ Мельпоменой, Украинской страны.

Зимою того года истекалъ въ Харьковѣ срокъ выборамъ, и къ тому же времени приготовлялось торжество по случаю грамоты, за милицію Харьковскому Дворянству данной. Публика ждетъ на сей случай баловъ и зрѣлищъ театральныхъ.

Я вспомнилъ здѣсь, что нѣкогда объявлено было въ Вѣдомостяхъ о новомъ родѣ трубъ деревянныхъ, изобрѣтенныхъ въ Харьковской Губерніи для пожаровъ. Я просилъ Г. Губернатора мнѣ показать одну, и я видѣлъ, что такое. Самое простое, окованное, деревянное лукошко съ придѣланнымъ насосомъ. Вода выжимается свободно и брыжжетъ въ мѣру высоты обыкновенныхъ крестьянскихъ жилъ. Механизмъ самый легкій и немудреный. Цѣна всей трубѣ 10 руб. Что жь можно имѣть за такую низкую плату? Естьли, глядя на него, вообразить тѣ трубы, за кои платятся сотъ по восьми рублей, конечно, она покажется негодной: довольно и того, что дѣлаетъ ее Русской мужикъ, и дѣлаетъ дешево, и что во время огня она его заливаетъ.

ГЛАВА XIII.

Выѣздъ изъ Харькова. Валки.

Здѣлавъ мои прощальные визиты, и кто знаетъ? можетъ быть на всегда, добрымъ Харьковскимъ жителямъ, кои меня найболѣе приласкали, я, съ крайнею благодарностію начальникамъ здѣшнимъ, оставилъ городъ и выѣхалъ, отобѣдавъ довольно не рано у Вице-Губернатора, въ Ивановъ день, 24-го Іюня. Мы не спѣшили далеко уѣхать, лишь бы ночевать не въ полѣ. Отъ Харькова въ 59-ти верстахъ Уѣздный городъ Валки. Уже ли, думалъ я, не сыщемъ мы тамъ квартиры? Вотъ и предметъ нашъ на сегоднишній день!

Выѣхавъ изъ города, мы зачали чувствовать преимущества теплыхъ климатовъ. Сады съ грушами, бергамотами были для насъ первой диковинкой въ объѣзжаемой странѣ. Дорога гористая, за то мѣста для виду красивыя. Въ нѣкоторыхъ разстояніяхъ устроены корчмы на образецъ Польскихъ, и Малороссійскіе шинки: веселый поселянинъ съ скрыпицей, сидя у воротъ, наигрываетъ нѣжныя пѣсни и славитъ свою милую коханочку.

Харьковская Губернія слыветъ богатой хлѣбомъ. Въ этомъ нѣтъ спора: однако винокуры истощаютъ ея запасы такъ, что когда въ одномъ Уѣздѣ хлѣбъ продается, тогда въ другомъ принуждены бываютъ жители покупать его извнѣ. Я слышалъ, что въ 1809-мъ году здѣсь такой былъ неурожай, что по 8 руб. покупалась четверть хлѣба. Какая высокая цѣна для Украйны! Не меньше странно и то, что теплый здѣшній климатъ часто занимаетъ у сѣвернаго его холодъ и вредныя непогоды для садоводства. Нынѣшній годъ (я говорю о 1810, въ которомъ мы тамъ были), стужа продолжалась такъ поздно, что 1-е Іюня здѣсь былъ морозъ и лежалъ на землѣ толщиной съ мѣдной пятакъ: всѣ жители согласно это утверждали. Чему же дивились мы, выѣхавъ изъ Володиміра 31-е Мая, что тамъ безъ шубы выйти на воздухъ было нельзя! Но тамъ это часто и весьма обыкновенно, а здѣсь такъ рѣдко, что многіе подобнаго лѣта не помнятъ.

Въ Люботинѣ (деревня изрядная!) мы мѣняли лошадей; остановясь на минуту у почтальона, завели съ нимъ бесѣду: о чемъ же думаете вы? О симпатіи! Господинъ курьеръ называлъ этимъ словомъ связь свою, и связь весьма неплатоническую, съ какой-то женщиной, сообразно климату довольно плодоносной. Онъ имѣлъ отъ нея кучу ребятъ. Онъ любилъ и философствовалъ своимъ манеромъ. Едва не ближе ли чувства его къ натурѣ нашихъ! Мы въ палатахъ задумываемся, воображаемъ, а онъ, сидя въ мазанкѣ своей, смѣется и ощущаетъ. Пусть его зовутъ невѣжей!

Приближаясь къ Валкамъ на закатѣ яркаго солнца, послѣ душнаго и утомительнаго дня, мы въѣхали въ прекрасную долину: не грѣхъ сравнить ее съ Темпейской. О! какъ здѣсь намъ было хорошо и пріятно! Она какъ нарочно убрана плодовитыми деревьями; оранжереи нашихъ вельможъ не дадутъ имъ такого благовонія, какимъ отъ сихъ деревъ накуренъ въ окрестности здѣшней весь воздухъ. Мы гуляли тутъ, дышали, жили въ прямомъ смыслѣ слова жить.

Повторилъ, и не въ послѣдній разъ на семъ пути, что путешествовать есть блаженство для души дѣятельной и страстной: тамъ видишь любопытное, тутъ прекрасное, индѣ плѣняешься, индѣ хохочешь. Здѣсь, на примѣръ, на самой большой дорогѣ, вмѣсто грани, кто-то вздумалъ выставить выдолбленную изъ камня фигуру: она такъ странна, что мы, не утерпя, выскочили изъ коляски и подходили ее разсматривать: съ боку видишь медвѣдя, а прямо—образъ женщины. Охота была кому ни будь такимъ уродствомъ, днемъ смѣшить, а по ночамъ пугать проѣзжихъ.

Очень уже было темно, когда пріѣхали мы въ Валки; и такъ города мы не видали; просили квартиры, но съ трудомъ нашли порядочную. Трактиръ занятъ весь Приказными, кои ходятъ сюда забывать по ночамъ выписки свои и справки около шаровъ, картъ и сладкой водки. Намъ грубая того дома хозяйка отводила одинъ бильярдъ. Какого ждать тутъ покоя! Городничій, не давно пріѣхавшій на новое мѣсто, худымъ былъ намъ руководителемъ. Естьли вѣрить описанію, въ этомъ городѣ до 5-ти тысячъ душъ, но ни одной порядочной квартиры: все строеніе состоитъ изъ

мазанокъ, и во многихъ нѣтъ половъ. Съ трудомъ большимъ отважились мы занять на одну ночь домъ помѣщика тутошняго, Г. Без....., котораго не было дома. Въ покояхъ его все означаетъ человѣка зажиточнаго: у него мы и ночевали.

Что можетъ быть пріятнѣе, какъ въ хорошее утро, при благорастворенномъ воздухѣ, прогуливаться безъ дѣлъ, безъ докукъ, въ полной свободѣ, въ саду, усыпанномъ плодами, рвать ихъ безъ скромности, ѣсть и класть въ карманъ и мечтать о золотомъ вѣкѣ, когда, говорятъ, вездѣ всѣ люди брали даромъ! Не правда ли? Позавидуйте же мнѣ, мои читатели: это было мое положеніе 25-го числа Іюня, 1810 года, въ прекрасномъ саду Господина Без., въ Уѣздномъ городѣ Валкахъ. Тутъ нѣтъ проспектовъ, Англинскихъ дорожекъ, подчищенныхъ деревъ: натура, одна натура, но въ самомъ своемъ цвѣтномъ платьѣ, обогащенная плодами, расточающая всюду свои благовонія. Сколько же я тутъ погубилъ у незнакомаго хозяина Шпанскихъ вишенъ, персиковъ! Морозъ не засталъ уже цвѣтовъ, а по тому и не испортилъ плода.

Между фруктами я нашелъ въ саду и азбуку. Мальчики, кои стерегутъ плоды, не отъ людей (отъ нихъ ни чего не убережешь), а отъ птицъ, и посылаются сюда съ трещотками гонять ихъ стукомъ, далѣе, эти юные стражи тѣмъ же временемъ грамотѣ учатся; а тѣ, кои на работу не посылаются, ходятъ учиться по Латыни въ школу. Все это не означаетъ ли домостроительства и распорядка?

Я не распространю описанія города: онъ немного значитъ; поѣдемъ далѣе, поспѣшимъ туда, гдѣ нѣкогда Петръ судьбу рѣшилъ своего Государства. Отсюда до Полтавы дорога вообще прекрасная и очень ровная; почтари возятъ чрезвычайно скоро; нѣтъ нужды ихъ погонять; но въ измѣреніяхъ верстъ вездѣ большое несходство: это уже примѣчено было мною. Маршруты Гг. Губ.... нигдѣ не сходны съ почтовыми: одинъ свое, другой свое число верстъ считаютъ; для проѣзжихъ это весьма сбивчиво. Приведемъ здѣсь еще одинъ примѣръ. Отъ Колениковъ, * первая станція за Валками, до Войнихи заплатили

* Коломакъ? О. Б.

мы прогоновъ за 28 верстъ, а довезли насъ въ 1¼ часа. Вѣдь мудрено! Что жь по справкѣ? Оказалось ихъ только 17. Подобныя тому ошибки встрѣчались весьма не рѣдко: кого винить, Богъ знаетъ!

Маленькой дожжикъ освѣжилъ воздухъ, растворилъ сухую землю и обрадовалъ поселянъ: засуха ихъ безпокоила. Тотчасъ принялись за сѣнокосъ, но не ожидали хорошаго. Пахарь въ здѣшней сторонѣ деретъ землю плугомъ, и возитъ его на 6 волахъ, а иногда и болѣе. Тяжкая работа! Земледѣліе полезно, благородно и необходимо, но спина отъ него болитъ; и такъ, извинимъ безпечность земледѣльца. Волъ есть живое изображеніе Хохла, который также скотенъ * и лѣнивъ. Естьли вола не погонять, онъ простоитъ сутки, не сходя съ мѣста. Мнѣ случилось встрѣтить шестерню ихъ подъ сильнымъ плугомъ: ни волы, ни плугъ, ни хозяинъ не трогаются; тотъ уснулъ на походѣ; экипажъ, не чувствуя побужденія большаго хлыста, которымъ ихъ погоняютъ, сталъ, и все неподвижно. Я раскачалъ Хохла: онъ уже тутъ 2 часа дремалъ стоя; онъ почесался, зѣвнулъ, махнулъ прутомъ, и цугъ нашъ двинулся. Такъ-то живали и всѣ люди въ тотъ вѣкъ, который мы такъ завидливо отличаемъ названіемъ Патріархальнаго.

ГЛАВА XIV.

Окрестности Полтавы. Земляное строеніе.

Мы обѣдали сегодня подъ ветлой, близъ деревни Колениковъ, гдѣ почтовая станція. Съ нами отдыхалъ обозъ большой съ сахаромъ: онъ шелъ изъ Бѣлева въ Молдавію. Казалось бы, на что тамъ сахаръ, гдѣ другъ друга рѣжутъ всякой день: однако, Русскому воину и за полчаса до смерти сладкаго пуншу стаканъ

---

* Не меньше, впрочемъ, и Великорусса, живущаго нерѣдко въ слишкомъ близкомъ сосѣдствѣ съ своей скотинкой. О. Б.

непротивенъ. Артель крестьянъ опорожнила при насъ цѣлый котелъ добраго пшена. Я имъ позавидовалъ: ихъ грубая пища гораздо была вкуснѣе нашихъ, такъ называемыхъ, Французскихъ хлѣбовъ, очень черствыхъ. Естьли бы мужики поняли мои мысли, тогда бы они вѣрно сказали такъ: «Баринъ! Въ чужой рукѣ ломоть всегда великъ.»

До Полтавы оставалось намъ двѣ станціи: Войнихи и Дудихи. * Здѣсь нигдѣ уже нѣтъ большихъ селеній; повсюду одни уединенные хуторы; начинаются голыя пространства земли необозримыя, кои мы общимъ именемъ нарекли степи. Для проѣзжихъ учреждены Княземъ Куракинымъ, ** во время его управленія Малороссіею, почтовые дворы. Недостатокъ лѣсу заставилъ прибѣгнуть къ разнымъ средствамъ: домы сіи выстроены индѣ изъ сыраго кирпичу и обмазаны потомъ известкой. Они въ два этажа и обведены оградой кирпичной, въ которой столбы изъ обожженнаго матеріялу. При домахъ тѣхъ конюшни и достаточные сараи: все это покрыто соломой. Видъ домовъ красивъ, но непрочно бывъ складены, подмазка съ нихъ летитъ, известь слупается, и они, конечно, безъ значительныхъ поправокъ, долго простоять не могутъ. Примѣтимъ еще и то, что выгодъ для путешественника не придумано ни какихъ, т. е., нѣтъ стола, на чемъ напиться чаю, ни стула, на чемъ присѣсть; голыя стѣны: есть куда войти, но негдѣ отдохнуть; вода такъ отдалена отъ почтовыхъ домовъ, что ее

---

* Войниха или Войновка, и Дудиха или Дудиковка, Дудиковъ. О. Б.

** Князь Алексѣй Борисовичъ, р. 19-го Сентября, 1759 г., служилъ въ гвардіи, потомъ Камеръ-Юнкеръ, далѣе въ Канцеляріи Генералъ-Прокурора Князя А. А. Вяземскаго; за тѣмъ Камергеръ, Тайный Совѣтникъ (1795), Главный Директоръ Ассигнаціоннаго Банка, Генералъ-Прокуроръ (1796), Министръ Удѣльныхъ Имѣній, Казначей Россійскихъ Орденовъ, Д. Т. Совѣтникъ (1797), Сенаторъ и съ 4 февраля, 1802 г., первый Малороссійскій Генералъ-Губернаторъ (по образованіи Губерній Полтавской и Черниговской), снискавшій любовь управляемыхъ обращеніемъ, справедливостью, но жилъ пышно; съ 1807 г. Министръ Внутреннихъ Дѣлъ; 1811 Членъ Государственнаго Совѣта и его Предсѣдатель; 1826 Канцлеръ Россійскихъ Орденовъ. Онъ присутствовалъ также, 1810 г., при бракѣ Наполеона, покровительствовалъ Сперанскому, и скончался 30 Декабря, 1829 г. О. Б.

достать трудно, и я въ первой разъ отъ роду въ Войнихахъ платилъ за ведро воды деньги. Полтава видна верстъ за 30; къ ней старались также, какъ и въ другихъ мѣстахъ, разсадить аллеи, но деревья не принялись, отъ недостатка заботъ и попеченій объ нихъ, и вышла дорога, обсаженная голыми прутьями по обѣ стороны: это ни взоръ, ни мысль не забавляетъ; какъ будто сквозь строй ямщикъ гонитъ. На послѣдней перемѣнѣ, въ Дуднихахъ, встрѣтился я съ проѣзжимъ молодымъ человѣкомъ, сыномъ того Барона Сакена, съ которымъ я вмѣстѣ былъ въ Финляндіи въ походѣ, вздохнулъ и подумалъ: «Какъ я старъ! Уже у моихъ товарищей сыновья рыщутъ въ кибиткахъ по всему бѣлу свѣту.»

Доѣхавъ до такого края, гдѣ природа вовся не даетъ дровъ, не лишнимъ считаю приложить къ сей главѣ описаніе способа, коимъ, при строеніи домовъ, замѣняется даже и кирпичъ: на обжигъ его предстоятъ равномѣрно большія затрудненія. Жители отапливаютъ хаты свои кизикомъ: * такъ называется засушенный скотскій соръ. Онъ рѣжется кусками, какъ кирпичъ, и имъ разводятъ огонь. На немъ даже стряпаютъ и кушанье; привычный поваръ умѣетъ такъ съ нимъ обходиться, что духъ его не заражаетъ пищи и не трогаетъ обонянія на столѣ. Тѣмъ же навозомъ обмазываютъ и стѣны въ нѣкоторыхъ домахъ по поламъ съ глиной. Способъ сей употребленъ въ построеніи почтоваго двора въ Войнихахъ. Вмѣсто свѣчъ, обыватели нижняго разряда, по хуторамъ, жгутъ овечій жиръ, растопя его и смѣшавъ съ малой частью настоящаго масла. Бѣдные люди! Однако и они живутъ, да еще иногда и весело: какого лучше сказать доказательства, что удовольствіе наше не столько въ наслажденіяхъ внѣшними предметами состоитъ, какъ въ насъ самихъ, въ собственныхъ силахъ нашего духа! Тихое сердце всегда къ радостямъ отверсто, чтобы ни входило въ наружныя двери нашего механическаго истукуна. Но оставимъ Философію.

Вотъ какимъ образомъ производятся набивныя строенія глиной: когда поставятся угловые столбы, на которыхъ положатся

---

* Собственно кизякъ. О. Б.

два вѣнца, потомъ стропила, когда и вся крыша деревянная, земляная, или соломенная, окончится и вдѣлаются для оконъ и дверей бруски отъ вѣнцовъ до земли, чѣмъ верхняя связь удобно поддерживаться можетъ, тогда всѣ промежутки между оконъ и дверей кругомъ строенія обиваются кольями, не рѣже какъ въ 6 вершкахъ. Верхніе концы кольевъ врѣзываются въ связь внутри строенія, а нижніе вкапываются въ землю на четверть аршина; потомъ приготовляется глина, хорошо смятая ногами съ мелкою соломою, мякиною и навозомъ; сей смѣси должно быть почти на половину глины, или третья часть противъ оной. Тогда большими комами кидаютъ приготовленную глину въ стѣны между кольевъ, и съ обѣихъ сторонъ закласть стѣны нужно досками, дабы они были равны и удобно было глину набивать долбнями, и такъ продолжать строеніе до верху. Когда доски отымутся и станетъ глина сохнуть и трескаться, тотчасъ трещины жидкимъ растворомъ изъ той же глины замазывать, что продолжаться будетъ не болѣе 10 дней; а когда совсѣмъ высохнетъ, то можно побѣлить известью, или бѣлою глиною, отъ чего, какъ для виду, такъ и прочности, сдѣлается строеніе красивое и отъ огня безопасное.

Узнавъ средство, такъ какъ мнѣ его изъясняли люди опытные и свѣдущіе, на самыхъ мѣстахъ, я не ручаюсь за пользу онаго; а самъ, увидѣвъ подобныя строенія, весьма колебался дать вѣру тому, чтобы оно было прочно и долговременно. Согласенъ, что сей способъ можетъ быть лучшій изъ всѣхъ, изобрѣтенныхъ необходимостью, но то ли дѣло хорошая, плотная сосновая изба!

ГЛАВА XV.

Полтава.

Въ вечеру, около 8 часовъ, 25 числа, очутились мы въ Полтавѣ. Подъѣзжая къ городу, пески умножаютъ нетерпѣливость видѣть его: нельзя скоро ѣхать; мы двигались шагомъ сквозь дубовой лѣсокъ, который, конечно, 100 лѣтъ назадъ былъ кустар-

никомъ. Я воображалъ, что около сихъ дней тогда здѣсь происходило: кровь, жупелъ и куреніе дыма!

Долго бы мы не нашли квартиры, но, къ счастію нашему, одинъ тутошній Чиновникъ, недавно служившій во Владимірѣ, попался мнѣ, какъ только въѣзжалъ я въ городъ: онъ соскочилъ съ дрожекъ и бросился ко мнѣ на встрѣчу. По благосклонному его попеченію, тотчасъ нанялъ я небольшой домикъ и расположился тутъ на три дня: въ дорогѣ это значитъ на житье.

Поздно было уже, и я не могъ никуда представиться; сверхъ того, я бы никого не засталъ дома: здѣсь гостилъ Графъ Безбородько. ему давали праздники. * Въ этотъ вечеръ у здѣшняго помѣщика, Господина Кочубея, ** былъ для него загородомъ балъ, на который, отъ Генералъ-Губернатора до послѣдняго значущаго лица, всѣ изъ города уѣхали.

Дневной жаръ произвелъ духоту въ комнатахъ: мы вышли на крыльцо и сѣли чай пить. Жена управлялась съ самоваромъ; Алексѣй, сынъ ея, *** дѣлалъ опытъ надъ фонаремъ жестянымъ, ку-

* Графъ Илья Андреевичъ, меньшой братъ Свѣтлѣйшаго Князя Александра Андреевича, (р. 1746, у. 6-го Апрѣля, 1799 г.), р. 16-го Февраля, 1756 г.; служилъ въ походахъ противъ Турокъ (1773—1774); 1786 Генералъ-Маіоръ; отличился при взятіи Измаила, потомъ въ Польшѣ; 1795 Генералъ-Поручикъ; 1798 Д. Т. С. и Сенаторъ; основалъ Гимназію Высшихъ Наукъ въ Нѣжинѣ, 1810 г., переименованную, 1834, въ Лицей Князя Безбородька; Графство получилъ 1784 г., Декабря 3, отъ Императора Іосифа II-го; скончался С.-Петербургскимъ Предводителемъ Дворянства, 3-го Іюня, 1815 г., и погребенъ въ Александро-Невской Лаврѣ. О. Б.

** Д. С. С. Семенъ Михайловичъ Кочубей, бывшій (въ чинѣ Надворнаго Совѣтника) 1803—1805 Губернскимъ Предводителемъ Дворянства. О. Б.

*** Князь И. М. Долгорукій былъ женатъ дважды: первая супруга его была Евгенія Сергѣевна Смирнова, воспитывавшаяся въ Смольномъ и покровительствуемая В. Княгинями, Натальей Алексѣевной и Марьей Ѳедоровной, вышла замужъ 31 Генваря, 1787 г., ум. 12-го Мая, 1804; вторая—Аграфена Безобразова, товарка по воспитанію Евгеніи, бывшая сперва замужемъ за Пожарскимъ, а потомъ, съ 13 Генваря, 1807 г., за Княземъ Долгорукимъ; отъ Пожарскаго имѣла нѣсколько сыновей. О. Б.

пленнымъ имъ въ Курскѣ и, раздувъ въ немъ свѣчу, любовался исправностію освѣщенія, а я, глядя на высокой и пушистой кленъ, который жилъ одинокъ нѣсколько десятковъ лѣтъ на этомъ дворѣ и обнесенъ былъ, въ особенную честь ему, тоненькой рѣшеткой, я задумывался о своей родинѣ. Такъ уединенъ всякой тотъ, кто внѣ ея странствуетъ! Родина есть слово много выражающее; ни какой языкъ его не имѣетъ, одинъ Русской его сложилъ и чувствуетъ. Слово «отечество» подвержено толкованью, родина ни какому. Можно не имѣть отечества, родина есть у всякаго; извинительно въ нѣкоторыхъ случаяхъ не любить отечества, по натурѣ слова; ибо не всѣ отцы дѣтямъ милы бываютъ; родина мила всякому, а холодность къ ней не въ естествѣ.

Здѣсь уже я почиталъ себя въ чужихъ краяхъ, по самой простой, но для меня достаточной, причинѣ: я переставалъ понимать языкъ народный; со мной обыватель говорилъ, отвѣчалъ на мой вопросъ, но не совсѣмъ разумѣлъ меня, а я изъ пяти его словъ требовалъ тремъ переводу. Не станемъ входить въ лабиринтъ подробныхъ и тонкихъ разсужденій; дадимъ волю простому понятію, и тогда многіе, думаю, согласятся со мною, что гдѣ перестаетъ намъ быть вразумительно нарѣчіе народа, тамъ и границы нашей родины, а по моему, даже и отечества. Люди чиновные принадлежатъ всѣмъ странамъ: ежели не по духу, они по навыкамъ—космополиты; ихъ нарѣчіе, слѣдовательно, есть общее со всѣми. Но, такъ называемая, чернь,—она опредѣляетъ живыя урочища между Царствами, кои политика связываетъ, и Лифляндецъ всегда будетъ для Россіи иностранецъ, хотя онъ и я одной Державѣ служимъ. Вотъ какъ я умствовалъ, или дурачился, какъ угодно, опоражнивая хорошую чашку Сибирскаго чаю.

Вдругъ ординарецъ на быстромъ конѣ на дворѣ, съ вопросами—и наша семейка пошевелилась. Первая атака любопытства обратилась на слугъ: «Кто сюда пріѣхалъ?»—«Князь Долгорукой.» «Откуда?»—«Изъ Владиміра.»—«Чинъ его?—«Тамошній Губернаторъ.»—«На долго ли?» Люди мои этого не знали; пришлось выступить и мнѣ.—«На что тебѣ, мой другъ?»—«Велѣно узнать.»—«Отъ кого.»—«Отъ Генералъ-Губернатора.»—«Доложи Его Сіятельству, что самъ завтра буду съ моимъ почтеніемъ.» Ординарецъ

далъ шпоры, и полетѣлъ, какъ соколъ. По скоку лошади можно было подумать, что на нашемъ дворѣ даромъ даютъ и овесъ и сѣно. Не прошло полчетверти часа, еще какъ допивалъ остатки моего жемчужнаго чаю, и явилась передъ нами на рундукѣ сестра моя родная съ мужемъ. *

Какъ я имъ обрадовался! Не даромъ я за часъ передъ симъ тужилъ о родинѣ. Богъ посылалъ мнѣ и въ чужой землѣ сладость этого небеснаго чувства: я облобызалъ ихъ. Они, знавъ по перепискѣ со мной, что мы ѣдемъ черезъ Полтаву, полагали, очень благонадежно, что я постараюсь быть сюда къ 27 Іюня, дню воспоминаемой здѣсь побѣды, и, не сказавъ мнѣ ни чего предварительно, прискакали, за 300 верстъ, изъ своей деревни видѣться со мною и перехватить меня на пути. Они уже были на балѣ у Кочубея, какъ я пріѣхалъ: вотъ и причина ординарцову набѣгу! Любить дано всѣмъ въ природѣ, но любить нѣжно и съ разборчивостію въ доказательствахъ, есть сокровище одной искренней привязанности. Мы провели весь вечеръ вмѣстѣ и до ночи темной проговорили. Чего намъ не доставало, чтобъ забыть, что мы не вовся дома?—Писемъ изъ Москвы.

Полтава разбита на крутой горѣ. Но сколько славенъ городъ, столько дуренъ въ натурѣ. Баталіи прославить могутъ мѣсто, дать ему громкую похвалу въ дѣеписаніяхъ, но сдѣлать городъ красивымъ, знатнымъ—одна сильна торговля, а здѣсь какой ей быть? Рѣка весьма неважная; край бѣдной и степной.

При Екатеринѣ Полтава была Уѣздный только городъ. ** Въ немъ нѣтъ мостовыхъ; не изъ чего ихъ сдѣлать: ни камня, ни лѣсу; отъ этого въ сильные осенніе дожди, или вешніе, кряжъ

* Помѣщикомъ Селецкимъ въ Черниговской, Полтавской и Кіевской Губерніяхъ. О. Б.

** Думаютъ, что названіе Полтавы встрѣчается въ первый разъ въ имени Лтава, близъ коей, на берегу Ворсклы, 1174 г., Игорь Святославичъ Сѣверскій, поразилъ Половцевъ и обратилъ ихъ въ бѣгство: «Того же лѣта (6682—1174), на Петровъ день, Игорь Святославичъ, совокупивъ полки своя, и ѣха въ поле за Ворьсколъ (Ворьсколу), и срѣте Половцѣ, иже ту ловять языка, изъима ѣ; и повѣда ему колодникъ, оже Кобякъ и Концакъ шлѣ къ Переяславлю, Игорь

земли естественно иловатый, скоро мокнетъ и даетъ жирную грязь, въ которой все вязнетъ. Я слышалъ, и не для шутки здѣсь

же, слышавъ то, поѣха противу Половцемъ, и переѣха Воръсколъ у Лтавы (во Лтавѣ) къ Переяславлю, и узрѣшася съ полкы Половецкыми, и бѣ рать мала, и тѣмъ не утерпѣти стати противу Игоревв, и тако побѣгоша, весь полонъ свой пометавше» (П. С. Р. Л. Ипат. стр. 107—108). Другіе увѣряютъ, что Полтава показывается лишь во 2-й половинѣ XV-го столѣтія, вмѣстѣ съ Глинскомъ, и оба принадлежали родоначальнику Князей Глинскихъ; наконецъ третьи говорятъ, что Полтава основана 1608 года Козакомъ Миргородскаго полка, Масломъ, зашедшимъ туда изъ подъ Голтвы, съ 6-ю семьями, и названа по рѣкѣ Полтавкѣ, впадающей въ Ворсклу. Бопланъ считаетъ Полтаву между старыми городками или мѣстечками, по имени коей назывался и Полтавскій полкъ, который встрѣчается въ нѣкоторыхъ Малороссійскихъ лѣтописяхъ уже въ XVI столѣтіи. При Гетманѣ Разумовскомъ, 1763 г., Полтава, сверхъ главнаго города своего полка, была и городомъ Повѣтовымъ (Уѣзднымъ), а при уничтоженіи Гетманства (10-го Ноября, 1764), изъ 6-ти полковъ, бывшихъ въ нынѣшней Полтавской Губерніи, только Переяславъ да Полтава назывались городами, прочіе же—городками или мѣстечками. Въ 1764 и 1765 отчислены изъ Полтавскаго полка многія мѣстечки къ новообразованной (1764) Новороссійской Губерніи (изъ Новосербской области), а черезъ 10 лѣтъ (1785) и самая Полтава (съ Будищами и Решетиловкой). Съ учрежденіемъ въ Малороссіи, въ 1782 г. (по Указу 16-го Сентября, 1781), 3-хъ Намѣстничествъ: Новгородъ Сѣверскаго, Черниговскаго и Кіевскаго, по 11 Повѣтовъ въ каждомъ, къ Кіевскому отошли 8 (подъ именемъ Уѣздовъ), прочіе къ Черниговскому, съ оставленіемъ Полтавскаго полка по прежнему въ Новороссійской, и потомъ 1784 въ Екатеринославской; 1796, по Указу 30-го Ноября, 3 Намѣстничества составили одну Малороссійскую Губернію, съ главнымъ городомъ ея, Черниговомъ, и съ отчисленіемъ къ ней и тѣхъ мѣстностей, кои отошли было къ Новороссійскому, послѣ Екатеринославскому, Намѣстничеству. Напослѣдокъ, 9 Сентября, 1801 г., велѣно изъ Малороссійской Губерніи составить двѣ: Черниговскую и Полтавскую, Военнымъ Малороссійскимъ Губернаторомъ назначенъ былъ въ той и другой, съ управленіемъ и Гражданской частію, Генералъ отъ Инфантеріи С. К. Вязмитиновъ, который, обозрѣвая ихъ, донесъ, что онъ «находитъ нужнымъ одному изъ Губернскихъ городовъ быть на сѣверѣ, а другому на югѣ Малороссіи,» т. е., въ Черниговѣ и Полтавѣ. Конечно, выгоднѣе для Полтавской Губерніи было бы имѣть столъ свой въ Лубнахъ, какъ срединномъ городѣ ея, но слава битвы подъ Полтавой, виновницы могущества Русскаго Царства, склонила вѣсы на сторону Полтавы. По этому Марта 9-го, 1802 г., и была открыта Полтавская Губернія: въ нее вошли первоначально только 10 Уѣздовъ, а послѣ еще 5 (Константиноградскій, Кобелякій, Зѣньковскій, Миргородскій и Лохвицкій), и первымъ Малороссійскимъ Генералъ-Губернаторомъ былъ Князь А. Б. Куракинъ (см. выше стр. 60, примѣчаніе). О. Б.

передаю, но за мѣстную истину, что иногда дамы, приглашаемыя на балъ, или чей либо праздникъ, не могутъ на 4 лошадяхъ доѣхать: все тонетъ среди улицы—и животныя и повозка. Что жь? Припрягаютъ воловъ, и Полтавская щеголиха, въ бриліантовыхъ ожерельяхъ, довершаетъ на нихъ путь свой!

Образъ построенія домовъ здѣсь такой же, какой описывалъ я въ предыдущей главѣ, съ прибавленіемъ особаго щегольства: оно состоитъ въ томъ, что когда глиной обмажутъ стѣны, натычутъ въ нихъ маленькихъ камешковъ, чтобъ ими больше связать подмазку, и потомъ обольютъ известкой или оштакатурятъ, это скроетъ всѣ недостатки въ отдѣлкѣ дома; но тотъ, въ которомъ я стоялъ, не былъ еще выбѣленъ; и такъ онъ представлялся испещренъ камешками, какъ будто лицо въ оспѣ: видъ не казистой; впрочемъ, домамъ стараются дать хорошіе фасады.

Князь Куракинъ весьма старался сдѣлать изъ Полтавы въ маломъ видѣ Петербургъ, и большія имѣлъ къ тому средства. Казна отворяла ему всегда свою широкую кису. Онъ надѣлалъ здѣсь булеваровъ и тротуаровъ изъ какого-то ломкаго щебня, набивалъ ихъ пескомъ; отъ этого въ сухое время въ городѣ пыль столбомъ. Всѣ такія затѣи несообразны были съ мѣстомъ, бѣдны, низки и, какъ Французы говорятъ, mesquin. *

Гостиный дворъ деревянный и въ самомъ жалкомъ состояніи; лавки ниже тѣхъ, въ коихъ книгами Церковными торгуютъ въ Москвѣ на Спаскомъ мосту; сидятъ въ нихъ по большой части бабы; товару мало и все неважной.

На площади выстроенъ рынокъ очень опрятный и со вкусомъ: тутъ мѣняютъ всякую монету. Жиды въ Полтавѣ начинаютъ съ вами знакомиться, и по тому не совѣтую что ни будь класть на открытое окошко. По улицамъ вырыты, въ нѣкоторыхъ разстояніяхъ, колодцы: они очень хорошо отдѣланы и чи-

---

* Скудны, скупы. О. Б.

сты; навѣсы столярной работы и выкрашены. Это очень убираетъ городъ и весьма полезно.

Вотъ первыя и общія черты Полтавы. Въ слѣдующей главѣ помѣстятся предметы особеннаго въ ней примѣчанія.

ГЛАВА XVI.

Монументъ.

Непосредственно за Полтавой слѣдуютъ продолжительныя степи. Князь Куракинъ предположилъ тутъ поставить монументъ въ честь Петру I-му, и быть виновникомъ сего памятника. Прирѣзалъ къ городу кусокъ большой степи и образовалъ площадь. Она, такъ сказать, какъ особое что-то, пришита къ городу, и тѣмъ дѣлаетъ старинную Полтаву еще хуже; ибо округлость ея весьма великолѣпна. Представьте себѣ величайшихъ каменныхъ зданій числомъ до 9-ти, въ три и не ниже двухъ этажей, въ новомъ самомъ вкусѣ. Здѣсь помѣщаются: Губернаторъ, Вице-Губернаторъ, Присутственныя Мѣста, Почтамтъ, въ домѣ котораго на время расположился Генералъ-Губернаторъ, за неотдѣлкой внутри назначеннаго для него дома. Все это стало Казнѣ слишкомъ до милліона руб. На мѣсто Гимназіи, которая въ томъ же округѣ быть должна, но еще и не заложена, дабы сохранить всю прелесть оптики, преждевременно сдѣланъ щитъ, представляющій домъ въ два этажа съ красной крышкой, въ томъ самомъ размѣрѣ и по той фасадѣ, какіе даны для настоящаго зданія. Это тѣмъ больше обманываетъ глаза, что ни кто себѣ вѣрно не вообразитъ, вмѣсто дома, одинъ его дощатый портретъ: эта игрушка, думаю, также не бездѣлицы стоитъ, по своей огромности въ безлѣсномъ мѣстѣ. Я на сей счетъ оставляю всякаго отважнаго критика дѣлать примѣчанія, какія ему угодно; для меня довольно удостовѣрить, что это не сказка, а сущая истина, которую я лично видѣлъ и осязалъ.

Внутри этой площади, самой величавой и огромной, земля изсѣчена вся дорожками и надолбами, на подобіе цвѣтника, съ оставленіемъ приличнаго пространства для подъѣздовъ къ каждому зданію; по срединѣ возвышается памятникъ Великаго Царя. Онъ уже отдѣланъ, но при насъ еще былъ подъ шатромъ; завѣсъ сей сорвется съ него, когда праправнукъ прикажетъ. Это не мѣшаетъ предварительно его осматривать: любопытство такое ни кому здѣсь не возбраняется. Я видѣлъ эту круглую и высокую колонну: она сдѣлана изъ чугуна, и пожаловать изволилъ ее Государь; на ней бронзовые разные военные трофеи; столбъ сей основанъ на широкомъ помостѣ изъ, добываемаго вблизи Кременчуга, въ слободкѣ, имянуемой Келеберда, * дикаго камня, который въ отдѣлкѣ такъ хорошъ, что не уступаетъ настоящему порфиру; гранитъ Петербургской, употребленный на Казанскій соборъ, менѣе его цѣны и красоты имѣетъ. Помостъ обнесенъ вокругъ рѣшеткой съ позолоченными бронзовыми перилами, а въ выемкахъ по три ступени для входа на оный. Въ самой подошвѣ этого памятника сдѣланы на всѣ стороны отверстія, въ кои пропущены пушечныя жерла и кажется, какъ будто бы на нихъ основалась вся эта архитектурная масса разныхъ украшеній. Надписей, относительныхъ къ предмету, нѣтъ ни какихъ. Съ одной стороны выставленъ съ позлащенными цыфрами годъ знаменитаго сраженія, на другой годъ воздвиженія колонны; обѣ сіи эпохи обнесены золотыми змѣями кольцеобразно, а ниже ихъ, такими же яркими буквами, читается слѣдующая надпись: «Попеченіемъ Малороссійскаго Генералъ-Губернатора Князя Алексѣя Борисовича Куракина.» На вершинѣ столба бронзовый орелъ, распростря крылѣ, готовится парить къ небесамъ, возвѣстить Олимпу славу Полтавскихъ дѣлъ. Монументъ безъ всякаго прекословія прекрасенъ; зданія, его облегающія, пространная площадь— безподобны въ своемъ родѣ; но когда видишь сквозь каждое окно, сквозь каждую дверь изъ любаго дома, чистую, ненаселенную степь, поражающую безъ посредства взоръ твой, то невольно пожалѣешь о худомъ выборѣ мѣста для такихъ значущихъ издержекъ: монументъ одинъ стоитъ до 100 тысячъ, кромѣ

---

* Нынѣ мѣстечко. О. Б.

чугуну и бронзы, которыя Государь сверхъ того, какъ слышалъ я и уже сказывалъ, пожаловать изволилъ городу. *

Сравнить осмѣлимся, однако, съ этѣмъ пышнымъ и богатымъ убранствомъ новой колонны, старый памятникъ, который былъ сдѣланъ при церкви Самсонія, самаго того Святаго, въ день коего Петръ одолѣлъ своего упорнаго супостата. Это не что иное, какъ бѣлый каменный простой столбъ, изрядной вышины, пирамидальной фигуры, на которомъ, въ мѣру человѣческаго роста, дабы всякъ могъ ее видѣть, врѣзана мѣдная доска, изображающая всю баталію и движеніе полковъ; тутъ вы видите Петра I-го, Карла XII, и всѣ ихъ храбрые вои. Любопытный могъ всматриваться въ того и въ другого, и видно, что безъ всякой бережи, даже руками, къ нимъ прикасались; по тому что лица обоихъ Государей цвѣтъ истинный потеряли и даже черты иныя изгладились. Подъ картиной на той же доскѣ вырѣзаны стихи немудреныя, но приличныя. Памятникъ сей поставленъ иждивеніемъ нѣкоего Господина Марченки. ** Хвала ему во вѣки за любовь къ подвигамъ! Пусть позволятъ мнѣ признаться, что эта старина, почернѣвшая отъ времени, для меня гораздо была величественнѣе новомодныхъ затѣй нашего вѣка; по крайней мѣрѣ, и самой простой гуляка пѣшеходъ, хоть мало знающій грамотѣ, могъ себѣ изъяснить, что это представляетъ и на что этотъ столпъ; ученый, сравнивая искуственный видъ съ естественнымъ мѣстоположеніемъ, могъ преслѣдовать всюду за Петромъ ожесточеннаго Шведа и участвовать живымъ образомъ въ славѣ

---

* Памятникъ сей поставленъ на томъ мѣстѣ, гдѣ, по преданію, Комендантъ Полтавы, Полковникъ Келлинъ, встрѣтилъ Петра I-го, при торжественномъ въѣздѣ его въ городъ послѣ битвы. Стоитъ посреди бывшей круглой площади Присутственныхъ Мѣстъ и окруженъ четырегранной площадкой, огороженной и обсаженной деревьями (тополями) и кустами, находящейся въ вѣдѣніи Кадетскаго Корпуса (послѣ Военной Гимназіи). Памятникъ заложенъ 1804 года, Іюня 27-го дня, а открытъ 1809. Постройка его, кромѣ бронзовыхъ украшеній, стоила 135,000 рублей бумажками. О. Б.

** Марченка, Полтавскаго жителя. Памятникъ его находился напротивъ Гостинаго раду, середи улицы. О. Б.

соотчичей. Тутъ убитые, раненые, пѣхота, конница; тутъ вырѣзано все: и взоръ пламенный Петра, и упрямое Карлово чело, а въ новомъ зодческомъ зданіи славной сей побѣды увидитъ орла, чугунъ, бронзу, гранитъ, и, сказавши: «Ахъ! Какъ это все хорошо!» принужденъ будетъ спросить: «Что это такое?»

ГЛАВА XVII.

Полтавское торжество.

Гдѣ не празднуется Полтавская побѣда въ Россіи? Во всякомъ селеніи, конечно, поются благодарныя Господу Богу молебствія; но нигдѣ Богослуженіе сіе годичное такъ не дѣйствуетъ на чувства, какъ здѣсь. Вотъ какъ оно производится:

Въ небольшомъ разстояніи отъ Полтавы, въ виду города, среди обширныхъ полей и, по сказаніямъ народнымъ, на самомъ мѣстѣ битвы, насыпанъ большой курганъ земли. Подъ нимъ похоронены тѣла защитниковъ Отечества, погибшихъ подъ Полтавой. Самъ Петръ I-й присутствовалъ при семъ печальномъ событіи; армія живыхъ погребала армію своихъ мертвецовъ, и курганъ сей донынѣ сохранился. Надъ нимъ, въ знаменіе ратоборной славы, воздвигнутъ высокій крестъ. Нынѣшній Генералъ-Губернаторъ приказалъ его обшить жестью и вызолотить, отъ чего изъ большой отдаленности холмъ сей видѣнъ. Это мѣсто называется «Могилы.» * 26 числа томный вечерній колоколъ возвѣ-

---

* Послѣ пораженія Шведовъ Петръ I-й велѣлъ всѣ трупы убитыхъ похоронить и насыпать надъ ними курганъ или могилу, похожую на гору, извѣстную въ народѣ подъ именемъ «Шведской могилы,» хотя въ ней скрывается прахъ однихъ только Русскихъ воиновъ, 1345 человѣкъ; убитые же Шведы зарыты были въ особыхъ ямахъ, которыя совершенно сглажены временемъ. Могила эта насыпана не вдалекѣ бывшихъ тогда Русскихъ укрѣпленій (редутовъ), въ 5-ти верстахъ отъ города, близъ большой Зиньковской дороги. Первоначально сдѣланы были двѣ могилы, одна для Офицеровъ, а другая для нижнихъ чиновъ,

щаетъ городу, что время наступило отдать годичный долгъ признательности воинамъ, за Вѣру здѣсь убіеннымъ; всѣ Чиновники и обыватели города выѣзжаютъ на «Могилы.» Каждый служащій членъ общества надѣваетъ для этой церемоніи свой мундиръ: самъ Генералъ-Губернаторъ присутствуетъ при оной. Поелику здѣшній Архіерей не живетъ въ Полтавѣ, * то на панихиду выѣз-

---

и надъ ними уже выведенъ высокій холмъ, на которомъ Петръ самъ водрузилъ крестъ, съ надписью: «Воины благочестивые, за Благочестіе кровію вѣнчавшіеся, лѣта отъ воплощенія Бога Слова 1709, Іюня 27 дня.» О. Б.

* Но въ Переяславѣ, въ который, съ конца X-го столѣтія, перешелъ было на пребываніе и второй Митрополитъ Кіевскій, Леонтій, и именовался Митрополитомъ Переяславскимъ и Русскимъ. Въ Никоновской лѣтописи читаемъ: «Бѣ прежде Переяславль Митрополія, живяху множае тамо Митрополиты Кіевскые и всея Русіи, и Епископы поставляху тамо.» Но особая Епархія Переяславская учреждена въ XI-мъ вѣкѣ, Великимъ Княземъ Всеволодомъ Ярославичемъ, съ подчиненіемъ Кіевской Митрополіи. Первымъ ея Епископомъ былъ Николай, ум. 1072 году. Послѣ Татарскаго погрома, въ коемъ убитъ былъ Епископъ Переяславскій, Симеонъ (1239 г.), Епархія сія перестала существовать, со смертію Епископа Өеодора, скончавшагося въ 1269 г. Въ началѣ XVIII вѣка (1700) Епархія Переяславская возобновлена, и Епископъ ея, Захарій Корниловичъ (1700—1715), сдѣланъ былъ вмѣстѣ и Викаріемъ Митрополіи Кіевской, коимъ былъ и преемникъ его, Кириллъ Шумлянскій (1717—1726), а съ Іоакима Струкова (1727—1730) Епархія эта сдѣлалась отдѣльной, съ названіемъ Переяславской и Бориспольской, что продолжалось до 1775 года; Епископы въ это время были въ ней: Арсеній Берло (1733—1744), Никодимъ Сребницкій (1745—1751), Іоаннъ Козловичъ (1753—1757), Гервасій Линцевскій (1757—1769), Іовъ Базилевичъ (1770—1776), Иларіонъ Кондратковскій (1776—1785). Съ 1775 г. Уѣзды Полтавскій, Кобеляцкій и Константиноградскій составили часть новоучрежденной Архіепископіи Славенской и Херсонской (изъ Губерній Новороссійской и Азовской), съ пребываніемъ Архіепископамъ ея въ Полтавѣ, коими были Греки: Евгеній Булгаръ (1775—1779) (проживавшій съ 1779 по 1787 въ Полтавскомъ монастырѣ, а за тѣмъ въ Петербургѣ, гдѣ и скончался 1806), Никифоръ Өеотокій (1779—1786), переведенный въ Астрахань; далѣе Амвросій Серебренниковъ, изъ Епископовъ Олонецкихъ, именовавшійся уже Архіепископомъ Екатеринославскимъ (1786—1792) и Мѣстоблюстителемъ Екзархіи Молдовлахійской (ум. въ Полтавѣ); Гавріилъ Бануле ско, изъ Митрополитовъ Молдовлахійскихъ съ 1793 по 1798, когда получилъ повелѣніе перейти в Новомиргородъ съ Консисторіей и Семинаріей. Съ 1775 по 1785 Епархію Переяславскую составляли полкъ Переяславскій и нѣкоторыя церкви за Днѣпромъ въ

жаетъ Крестовоздвиженскагѡ монастыря Архимандритъ съ отборнымъ свѣтскимъ духовенствомъ. Отправлялъ ее при насъ Аполлосъ, старичекъ простодушный и монахъ совсѣмъ нежеманный. Онъ имѣетъ въ служеніи права Ставропигіальныхъ Настоятелей, т. е., нѣкоторыя преимущества Архіерейскаго чина. Тьма народа обступила курганъ. Время было прекрасное, жаръ неумѣренный.

Между заѣзжими зрителями были: Графъ Безбородько, ГГ. Судіенко и Луб.... Панихида началась въ 6 часовъ по полудни; всѣ слушали ее въ молчаніи, и когда возглашалась вѣчная память, сія унылая пѣснь, раздѣляющая на вѣки живаго съ мертвымъ, я не могъ удержать своихъ движеній. Мысль меня перенесла за сто лѣтъ назадъ: мнѣ казалось, что я вижу гробы воиновъ отверсты; что кости ихъ, сокрушенныя временемъ, еще сохранили запахъ того пороха, который окурилъ послѣднія секунды ихъ бытія. Я мечталъ энтузіазмъ сихъ патріотическихъ мучениковъ, не устыдился пасть на землю и приложить уста свои къ сей нерукотворенной ихъ надгробной.

По окончаніи духовной церемоніи всѣмъ присутствовавшимъ подносили кутью. Всякой въ самомъ простомъ нарядѣ изъявлялъ

Польскихъ владѣніяхъ, а полки Полтавскій, Гадяцкій, Миргородскій, Лубенскій, Прилуцкій, Нѣжинскій и Кіевскій отошли къ Епархіи Кіевской. Въ семъ же 1785 г. изъ Малороссіи образовали новыя три Епархіи: Кіевскую, Черниговскую и Переяславскую; Епископы послѣдней стали опять Викаріями или Коадъюторами Кіевскими, именно: Викторъ Садковскій (1786—1793), Димитрій Устимовичъ (1793—1795) и Амфилохій Леонтовичъ (1795—1799); тогда же Уѣзды: Прилуцкій, Роменскій, Глинскій, Лохвицкій, Гадяцкій и Зиньковскій поступили въ составъ Епархіи Черниговской, а прочіе остались при Кіевской. Въ 1798 г. учреждена еще разъ въ Переяславѣ вторая Малороссійская Епархія, къ коей отошли и Уѣзды, находившіеся въ вѣдѣніи Славенско-Екатеринославской Епархіи. Въ Епископы ея назначенъ былъ Сильвестръ Лебединскій, вызванный въ Астрахань Епископомъ Антоніемъ Румовскимъ, былъ тамъ Ректоромъ Семинаріи, 1794 переведенъ въ Свіяжскій монастырь, 1797 Ректоръ Казанской Академіи; по открытіи же, въ концѣ 1803 года, Полтавской Губерніи, открыта изъ ея Уѣздовъ 1804 и Полтавская Епархія, съ наименованіемъ, Епископовъ ея Полтавскими и Переяславскими и мѣстопребываніемъ въ Переяславѣ (1799). Таковы были, послѣ Сильвестра (переведеннаго въ Астрахань Архіепископомъ

знаки умилительнаго чувства. И гдѣ благородная душа можетъ достойнѣе разсточать даръ чувствительности, какъ не въ такомъ, вѣками прославленномъ, мѣстѣ? Князь Куракинъ, бывъ здѣшнимъ начальникомъ, учредилъ или, лучше сказать, установилъ при семъ

(1807), черезъ годъ уволившагося и умершаго, 1808 г., въ слободѣ Ровенькахъ Воронежской Губерніи, на пути въ Глуховской монастырь, 5-го Ноября): Ѳеофанъ Шіяновъ-Чернявскій, р. въ Китайгородѣ Кобеляцкаго Уѣзда, учился въ Кіевской Академіи, Архимандритъ Нѣжинскій и Новгородъ Сѣверскій, 1798 Ректоръ Черниговской Семинаріи, съ 1800 Викарій Кіевскій, 25-го Генваря, 1807, Епископъ Полтавскій; ум. 23 Генв., 1812 г., и погребенъ въ Вознесенскомъ Переяславскомъ монастырѣ. Анатолій (Андрей) Максимовичъ, изъ села Усовки Переяславскаго Уѣзда, обучался въ Переяславской Семинаріи, а потомъ въ Петербургской, гдѣ съ 1790 былъ Учителемъ Поэзіи и Греческаго языка въ Невской Академіи, Священникомъ Спасо-Сѣнновскимъ, 1809 Архимандритомъ и Ректоромъ Семинаріи; 21-го Марта, 1812 г., Епископъ Полтавскій, 1816 Архіепископъ Минскій, а 1836 Симбирскій, гдѣ и скончался 1842. Меѳодій Писнячевскій, р. въ селѣ Сулимовкѣ Переяславскаго Уѣзда (по другимъ въ Остролучьѣ), отъ Священника, 1774 г., въ мірѣ Михаилъ, учился въ Кіевской Академіи, изъ коей отправленъ въ Московскій Университетъ, потомъ съ 1806 г. былъ Учителемъ въ Академіи Кіевской Поэзіи и Маматики, черезъ 3 года монахъ, Префектъ Академіи, черезъ 5 лѣтъ истребованъ Синодомъ въ Петербургскую Семинарію для преподаванія Философіи съ званіемъ (1810) Баккалавра и Инспектора Семинаріи, 1811 Архимандритъ и Ординарный Профессоръ, 1812 Ректоръ Семинаріи; 1813 Епископъ Старорусскій и Викарій Новгородскій; 7-го Февраля, 1816, Епископъ Полтавскій; Іюля 27, 1824, Архіепископъ Астраханскій, а черезъ годъ Псковскій; по слабости зрѣнія уволился на покой въ Лубенскій монастырь, гдѣ и скончался 1845. Георгій Ящуржинскій, р. въ Подольской Губерніи, Ректоръ тамошней Семинаріи, съ 1824 Епископъ Полтавскій, съ 30 Сентября, 1830, Архангельскій, а потомъ Архіепископъ Тобольскій, ум. 1849. Наѳанаилъ (въ свѣтѣ Василій) Павловскій, р. Архангельской Губерніи въ Холмогорскомъ Уѣздѣ, воспитывался въ Петербургской Духовной Академіи, 2-го выпуска Магистръ (въ спискѣ 8-й), съ Іюля, 1817, Баккалавръ ея (Герменевтики и Обличительнаго Богословія), съ Мая, 1819, Инспекторъ, съ 1 Іюля, 1821, Ректоръ Ярославской, потомъ Петербургской Семинарій, 1830 Епископъ Полтавскій, 1834 Архіепископъ Псковскій, сконч. 1848. Гедеонъ (въ бѣльцахъ Егоръ) Вишневскій, р. Бронницкаго У. въ с. Кутузовѣ, Московской Губ., учился въ Перервинской Семинаріи, потомъ въ Петербугской Духовной Академіи, Магистръ ея 7 выпуска (17-й), съ 1823 монахъ, съ Іюля, 1825, Игуменъ, Профессоръ Философіи и Инспекторъ Рязанской Семинаріи, 1827 Архимандритъ и Ректоръ ея, 1828 Подольской; 1834, Іюля 24, рукоположенъ въ Москвѣ въ Епископа Полтавскаго; съ 1844, Марта 25, Архіепископъ; скончался

издавна существующемъ богослуженіи всю ту пышность въ обрядахъ наружныхъ, какая прилична столь знаменитому историческому дѣйствію, и она съ тѣхъ поръ неприкосновенна.

Я всходилъ на самую вершину холма, осматривалъ окрестности. Гордый видъ монастыря Воздвиженскаго меня плѣнилъ совершенно. Меня сопровождали разскащики историческихъ происшествій. Всякой говорилъ свое; но, соображая положеніе двухъ войскъ, замыслы того и другого, естественныя выгоды, убѣдительно можно увидѣть, что Петръ І-й, по всѣмъ обстоятельствамъ, долженъ былъ разбить своего врага и быть виновникомъ настоящаго торжества. Здѣсь-то бы, кажется, и быть монументу!

Жаль, что у насъ потерялось уваженіе ко всему достохвальному. Повѣритъ ли кто ни будь, что на крестѣ, о которомъ говорено выше, я нашелъ всякія подписи, Русскія и Французскія, ни мало не отвѣтствующія побудительной причинѣ: весь крестъ исчерченъ стихами и прозой—и что за стихи! Подъ нѣкоторыми, забывъ весь стыдъ и благопристойность, иные даже имя свое от-

---

Октября 10, 1849 г., въ с. Абазовкѣ Полтавскаго Уѣзда и погребенъ въ Лубенскомъ монастырѣ. По его-то представленію мѣстопребываніе Епископовъ Полтавскихъ перенесено, въ 1847 г., изъ Переяслава въ Полтаву. По немъ Епископы Полтавскіе: Іеремія Соловьевъ, р. въ Орловской Губерніи, Студентъ Петербургской Академіи 7-го выпуска 1827, съ 1829 г. Архимандритъ и Баккалавръ Богословія; 1830 Экстра-Ординарный Профессоръ Философіи и Инспекторъ Кіевской Академіи, 1839 Ректоръ ея, 1841 Викарій, 1843 Епископъ Кавказскій, 1849 Полтавскій, въ концѣ 1850 Нижегородскій; съ 1858 г. на покоѣ въ тамошнемъ Печерскомъ монастырѣ. Наѳанаилъ Савченко, р. въ Курской Губерніи, воспитывался въ Кіевской Духовной Академіи, гдѣ получилъ степень Магистра, съ Декабря, 1825, Баккалавръ Нѣмецкаго языка, потомъ Профессоръ Курской Семинаріи, 1833 монахъ, 1834 Архимандритъ и Ректоръ сперва Подольской, потомъ Костромской Семинаріи, 1845 Епископъ и Викарій Ревельскій и (1850) Старорусскій, съ 1851 г. Полтавскій, а съ Сентября, 1860, Архангельскій. Александръ Павловичъ, р. въ Уманьскомъ Уѣздѣ Кіевской Губ., учился въ Кіевской Академіи, 1817 Діяконъ, 1820 Священникъ, 1841 Протоіерей, 1853 монахъ и Архимандритъ Соловецкій; съ Ноября, 1857, Епископъ Архангельскій, съ Сентября, 1860, Полтавскій; съ Октября 11, 1862 г., на покоѣ при Кіево-Софійскомъ Соборѣ. Іоаннъ Петинъ, р. въ Орловской Губ., учился въ Кіевской Академіи, былъ Намѣстникомъ-Архимандритомъ Кіево-Печерской Лавры, а съ 23 Декабря, 1862 г., Епископъ Полтавскій и Переяславскій. О. Б.

важились подписать. Естьли подъ стѣнами Полтавы Россіянами не чтится имя Петрово, или искажается залогъ признательности народной къ его подвигу, то что осталось для насъ святаго во вселенной?

Чтобъ дать отдохновеніе чувствамъ сердобольнымъ, Кн. Лобановъ-Ростовскій * пригласилъ отсюда многихъ съ собой на прогулку въ ближній садъ къ какому-то обывателю. Тутъ наѣхало дамъ и дѣвушекъ множество; все пустилось съ могилъ въ этотъ садъ, и

* Князь Яковъ Ивановичъ Лобановъ-Ростовскій, р. 23-го Марта, 1760 г., отъ Ротмистра конной гвардіи, служилъ первоначально въ Семеновскомъ полку до Капитана; въ 1784 Камеръ-Юнкеръ, 1793 Дѣйствительный Камергеръ, 1794 Оберъ-Прокуроръ 5-го Департамента Сената, 1797 Тайный Совѣтникъ, Оберъ-Прокуроръ Департаментовъ Сенатскихъ Московскихъ, Почетный Членъ Московскаго Воспитательнаго Дома и Управляющій театромъ, 1801 Сенаторъ 8-го Департамента; съ 1808 г. второй Генералъ-Губернаторъ Малороссіи, послѣ родственника своего, Князя А. Б. Куракина (по матери, Екатеринѣ Александровнѣ, урожденной Княжнѣ Куракиной), 1811 Дѣйствительный Тайный Совѣтникъ; въ 1812 г. образовалъ 17 Малороссійскихъ Козацкихъ полковъ, которые расположилъ въ опаснѣйшихъ мѣстахъ Губерній Черниговской и Могилевской, и находился самъ при нихъ; 22-го Февраля, 1816 г., уволенъ отъ управленія Малороссіей и пожалованъ Членомъ Государственнаго Совѣта, съ 20-го Апрѣля Предсѣдатель Комиссіи Прошеній, 1819 Предсѣдатель Департамента Законовъ и Членъ Комитета Министровъ; 1829 Оберъ-Камергеръ; ум. 18 Генваря, 1831 г.; отличался любовью къ правдѣ, за что былъ многими не любимъ, но всѣми уважаемъ; за глаза хвалилъ, въ глаза не одобрялъ, что не могъ хвалить. Послѣ его управлялъ Малороссіей Князь Николай Григорьевичъ Репнинъ, какъ Военный Губернаторъ, завѣдывающій вмѣстѣ съ тѣмъ и Гражданскою частью; онъ былъ сынъ Генерала отъ Кавалеріи, Князя Григорія Семеновича Волконскаго и старшей дочери Генералъ-Фельдмаршала, Князя Николая Васильевича Репнина, Статсъ и Кавалерственной Дамы, Александры Николаевны, и получилъ эту фамилію по смерти дѣда своего, не имѣвшаго сыновей; р. 28 Генваря, 1778 г., учился въ Кадетскомъ Корпусѣ, 1792 г.; служилъ въ Измайловскомъ полку; съ 1795 былъ въ Польшѣ, 1797 Флигель-Адъютантъ; 1799 въ Голландіи съ Ферзеномъ; 1800 Полковникъ; съ 12 Іюля, 1801, сталъ называться Княземъ Репнинымъ; 1802 женился на дочери Графа Алексѣя Кирилловича Разумовскаго, Варварѣ Алексѣевнѣ, принесшей съ собою 17 тысячъ душъ крестьянъ въ Губерніяхъ Полтавской, Черниговской и Нижегородской, что съ его составило около 20 т.; подъ Аустерлицемъ тяжело раненъ и плѣненъ, освобожденъ самимъ Наполеономъ и отправленъ къ Государю съ предложеніемъ дружественныхъ сношеній; съ Сентября, 1806, Генералъ-Маіоръ, 1809 Посланникъ при Вестфальскомъ Дворѣ, 1810 при Мадритскомъ, 1812 Начальникъ 9 кавалер. дивизіи, 1813 г. (20-го Февраля) занялъ Берлинъ; въ Мартѣ Генералъ-Адъютантъ; съ 8-го Октября

какое прекрасное мѣсто! Чего природа не произвела? Деревья най-прекраснѣйшія, какихъ мы у себя не видимъ; прозябенія, одному здѣшнему краю свойственныя. Чѣмъ ближе мы подъѣзжали къ полуденнымъ нашимъ границамъ, тѣмъ съ большимъ удовольствіемъ примѣчали успѣхи растительнаго царства; черноклевъ и ясень въ здѣшнихъ мѣстахъ безподобны. Хозяинъ сада потчивалъ все свое общество чаемъ, прохладными напитками и мороженымъ; слухъ нашъ услаждала стройная духовая музыка; замѣтить должно, что въ этотъ день въ Полтавѣ баловъ не бываетъ и не танцуютъ. И подлинно, странно бы было спрыгнуть съ могилы въ садъ и вальсировать. День скрылся, и мы разъѣхались всѣ по домамъ. Въ моей квартирѣ родство и пріязнь доставляли каждому изъ насъ полное удовольствіе жизни.

Говорили, что этотъ садъ или лѣсъ, въ которомъ мы гуляли, продается на срубку за 30 тысячъ; вся публика о семъ

Генералъ-Губернаторъ Саксонскаго Королевства по 26 Октября; съ 5го Марта, 1814, Генералъ-Лейтенантъ; 1815 участвовалъ во второмъ походѣ во Францію, а съ 22 Іюля, 1818 г., Малороссійскій Начальникъ; 1828 Генералъ отъ Кавалеріи; въ 1831 г. образовалъ 8 Козачьихъ полковъ, а супруга его учредила 1818 г. Институтъ для благородныхъ дѣвицъ; съ 6 Декабря, 1834, Членъ Государственнаго Совѣта, и тогда же оставилъ Малороссію; съ Іюня, 1838, жилъ за границей (въ Италіи и Швейцаріи); 1842 воротился въ имѣніе свое, мѣстечко Яготинъ (Пирятинскаго У., Полтавской Г.), гдѣ и скончался 7-го Генваря, 1845, и похороненъ въ Густинскомъ монастырѣ, близъ Прилуки, гдѣ также похоронена и супруга его (ум. въ Москвѣ 10 Октября, 1864). Репнинъ пользовался необыкновенной привязанностью къ нему Малороссіянъ; открытый, пылкій и ласковый, онъ владѣлъ даромъ слова изустно и на письмѣ. Съ 31-го Декабря, 1834, по Іюль 1835 г., былъ Полтавскимъ и Черниговскимъ Военнымъ Губернаторомъ Сенаторъ, Генералъ-Лейтенантъ, Графъ Александръ Дмитріевичъ Гурьевъ, также съ управленіемъ и Гражданскою частію. Съ 1-го Декабря, 1835 г., по Ноябрь, 1836, Генералъ-Губернаторомъ Черниговскимъ, Полтавскимъ и Харьковскимъ назначенъ Генералъ-Адъютантъ и Генералъ отъ Кавалеріи, Графъ Василій Васильевичъ Левашовъ, преемникомъ коему былъ, съ 12-го Ноября, 1836, по 1840, Генералъ-Адъютантъ и Генералъ-Маіоръ Графъ Александръ Григорьевичъ Строгановъ, а за нимъ слѣдовалъ, съ 28 Генваря, 1840 г., Генералъ-Адъютантъ и Генералъ отъ Кавалеріи Князь Николай Андреевичъ Долгорукій, сконч. въ Харьковѣ 11-го Апрѣля, 1847 г.; послѣдній же Генералъ-Губернаторъ сихъ Губерній былъ Генералъ-Адъютантъ Сергѣй Александровичъ Кокошкинъ, съ 30-го Апрѣля, 1847, по 1856 годъ; съ тѣхъ поръ сими Губерніями стали править одни только Гражданскіе Губернаторы. О. Б,

жалѣетъ, да и по причинѣ весьма правильной: здѣсь роща—кладъ; гдѣ, кромѣ ея, сыскать отъ зноя убѣжище и прохладу? Впрочемъ, одна натура его убирала: онъ ни какого щегольства не получилъ отъ искуства и роскоши.

27 числа здѣсь, какъ и во всей Россіи, поется торжественный молебенъ, въ Соборномъ храмѣ. Соборъ ни новъ, ни старъ, всего есть смѣшенные признаки. * Обѣдню отправлялъ и молебенъ тотъ же старичекъ, Архимандритъ. Надобно ли сказать, что всѣ Чины ее слушали? Въ храмѣ во время службы ставятся всѣ цеховые знаки: они похожи на знамена и удваиваютъ великолѣпіе обряда; они же выносимы были на канунѣ и къ могиламъ. Хорошо, естьли бы сохранилось здѣсь хоть одно изъ тѣхъ военныхъ знаменъ, кои выражали въ вензеляхъ Петровыхъ, на нихъ нашитыхъ, силу и могущество сего исполина.

Во всякомъ городѣ свои обряды. Духовныя церемоніи хотя бы не должны были сему правилу слѣдовать, однако и онѣ разнообразны. Здѣсь, на примѣръ, 1-е, Евангеліе, по прочтеніи его, подносится ко всѣмъ почетнымъ лицамъ, и къ нему прикладываются. 2-е, Діяконъ, во время Достойной пѣсни, не внутри алтаря токмо, на и внѣ, кадитъ предстоящихъ. 3-е, въ большой выносъ поминаютъ всѣ состоянія и чины, такъ точно, какъ то дѣлается Архіереями. 4-е. Архимандритъ служитъ по Архіерейски, но осѣняетъ одной рукой, хотя въ обѣихъ держитъ подсвѣшники. ** 5-е, Во всей Малороссіи всѣ монахи, носящіе митры, имѣютъ надъ

* Во имя Успенія Пресвятыя Богородицы, построенный 1770 года прихожанами, при содѣйствіи Андрея Горленка, послѣдняго Полтавскаго Полковника. О. Б.

** Архимандритъ этотъ есть Настоятель Полтавскаго Крестовоздвиженскаго монастыря, основаннаго 1650 г. первымъ Полтавскимъ Полковникомъ, славнымъ Мартыномъ Пушкаремъ (стало быть, Полтавскіе Полковники до него по лѣтописямъ едва ли не на бумагѣ только существовали?), при содѣйствіи Полтавцевъ, Ивана Искры и Ивана Крамаря, а также Лубенскаго Мгарскаго монастыря Игумена Каллистрата. Въ немъ съ 1775 по 1798 г. пребывали Архіепископы Славенскіе и Херсонскіе, потомъ Екатеринославскіе, а съ 1803 стали управлять Архимандриты, которые, по Указу Св. Синода (1803 г., Мая 1 дня), служатъ въ митрѣ, съ осѣнятельными свѣщами, на выходъ великой ектеніи не выходятъ, но принимаютъ дары въ Царскихъ вратахъ, съ рипидами, на коврѣ, а на скрижаляхъ мантіи носятъ справа Георгія Побѣдоносца, а слѣва Сампсона Странноприимца, въ память побѣды подъ Полтавой,

ними еще и крестъ. Я замѣтилъ этотъ обычай, или преимущества здѣшняго духовенства, но не нашелъ любопытнымъ для себя изслѣдовать его начала. Обѣдню пѣли очень протяжно соборные пѣвчіе изъ Приказныхъ; предику говорилъ одинъ изъ бѣлыхъ Священниковъ, весьма продолжительную, но ни по содержанію ея, ни по слогу, не заманчивую. Такимъ образомъ кончилось здѣсь знаменитаго того дня церковное торжество. О веселостяхъ городскихъ буду говорить въ другомъ мѣстѣ.

Скажемъ нѣчто о здѣшнемъ соборѣ. Князь Долгорукій-Крымскій, бывая здѣсь иногда по зимамъ, когда командовалъ 2-ю арміей, усердствовалъ отлично къ этому храму, и много тутъ его приношеній, до нынѣ сохранившихся. Потомки его въ томъ соревнуютъ равномѣрно. Вездѣ видѣвши на пути въ Малороссію портреты многихъ знаменитыхъ особъ въ гражданствѣ на церковныхъ стѣнахъ, не дивился уже и здѣсь найдя Князя Василья Михайловича изображеніе. Но что меня въ новое и несказанное привело изумленіе, это гербъ его, написанный на самомъ иконостасѣ, внизу подъ образомъ Спасителевымъ. О! какъ это мнѣ показалось неприлично! Я чту память сего героя и моего особеннаго благодѣтеля, творца, такъ сказать, судьбы моей. * Но, признаюсь, естьли бъ имѣлъ на то право, велѣлъ бы этотъ гербъ скарать. Аттрибутовъ свѣтскихъ съ духовными никогда смѣшивать, по мнѣнію моему, не должно: Слава Божія и слава человѣковъ суть столь же разнородны, какъ небо и земля.

---

* Сынъ Д. Т. Совѣтника и Сенатора, Князя Михайла Владиміровича, р. въ Іюлѣ 1722 г., участвовалъ 13 лѣтъ солдатомъ во взятіи Перекопа 1736, также 1737 въ нападеніи на Очаковъ; съ 1748 Полковникъ и совершилъ походъ въ Пруссію, за что получилъ чинъ Генералъ-Поручика; при Екатеринѣ II-й Генералъ-Аншефъ; 1771 начальствуя отдѣльными войсками (38 т.), покорилъ Крымъ въ двѣ недѣли (15—29 Іюня), за что получилъ Георгія 1-й степени, а въ 1775 г. названіе Крымскаго; съ 11-го Апрѣля, 1780, по 30 Генваря, 1782 г., когда скончался, былъ Главнокомандующимъ Московскимъ. Въ это-то время сочинитель сего путешествія началъ свою службу причисленіемъ къ штату Главнокомандующаго Московскаго, что по нынѣшнему тоже значило, что состоять въ свитѣ, за тѣмъ произведенъ въ Секретари, черезъ что получилъ чинъ Поручика. Главнокомандующій сбирался было сдѣлать его своимъ Адъютантомъ, но не успѣлъ, по случаю кончины своей. О. Б.

ГЛАВА XVIII.

Богоугодныя заведенія.

Желалъ бы ихъ похвалить, но льстить не умѣю. Они всѣ разсѣяны по разнымъ флигелямъ, на одномъ дворѣ; нѣкоторые домы выстроены изъ настоящаго кирпича, другіе изъ сырцу съ навозной примѣсью, и сіи послѣдніе, чаятельно, скоро провалятся. Въ самомъ внутреннемъ содержаніи ихъ не нашелъ желаемаго порядка: безумные всѣ въ одной комнатѣ, и хотя они кажутся быть смирными, но положиться на человѣка безъ смысла не вовся, кажется, благонадежно. Горницы для недужныхъ не имѣютъ довольной высоты, и тѣсно поставлены кровати, даже по двѣ рядомъ. Это тѣмъ болѣе вредно, что свойства болѣзней перемѣшаны, и хоть надъ каждой кроватью ярлыкъ, однако больной на ней лежитъ совсѣмъ противный означенной вывѣскѣ: такъ, на примѣръ, прилипчивыя болѣзни смѣшаны съ горячками.

Въ одной связи съ Больницей устроена изрядная Богодѣльня. Комната для родильницъ хороша, но, кажется, не придумано довольно средствъ къ тому, чтобъ скрыть потаенныя родины женщины, удаляющейся отъ огласки.

Аптека въ городѣ одна, и та казенная: она въ прекрасномъ состояніи. Я видѣлъ въ ней, кромѣ богатаго собранія травъ и медикатентовъ, нѣсколько уродовъ, въ банкахъ хранящихся, какъ въ человѣческомъ родѣ, такъ и разныхъ животныхъ. Ботаническій садъ заведенъ, но не давно и еще разростается. Подъ одной крышкой со всѣми заведеніями выстроена изъ сырцу Лабораторія и покрыта дранью. Я не изслѣдываю, къ чему сіе относить должно, но смѣю думать, и однимъ словомъ, безъ пространныхъ разсужденій, сказать, что это опасно, слѣдовательно, и не хорошо. Всѣми отдѣленіями этихъ домовъ управляетъ Полковникъ отставной, Князь Эристовъ.

Полтава, какъ и многіе другіе города, имѣетъ также Военный Воспитательный Домъ; тутъ человѣкъ до 90 Дворянъ и куп-

цовъ обучаются разнымъ наукамъ, содержатся на ногѣ солдатской и готовятся къ военному состоянію. Статъ имъ положенъ на 50 человѣкъ; излишніе суть свободные пансіонеры и принимаются за условную цѣну: дѣти живутъ тѣсно, воздухъ сжатъ и нездоровъ, однако домъ каменный и довольно большой. Дѣти спятъ въ шкапахъ, изъ коихъ выдвигаютъ кровати, и потомъ, когда приберутся, то въ комнатахъ ихъ не видно; это способствуетъ простору въ тѣснотѣ, но сколько заводится гаду! Генералъ-Губернаторъ сказывалъ мнѣ, что онъ самъ невыгоду замѣтилъ и отпустилъ уже деньги на покупку желѣзныхъ кроватей. Въ Дѣтской Больницѣ очень тѣсно и душно. Особыхъ учителей здѣсь нѣтъ; воспитанники берутъ уроки у приходящихъ изъ Гимназіи, которая и въ Полтавѣ есть; * ибо безъ нея не найдете города, такъ какъ безъ часовни не проѣдешь въ здѣшнемъ краю селенія. Этой школой управляетъ одинъ отставной Офицеръ кирасирскихъ полковъ; имени его не помню; онъ славенъ здѣсь наипаче тѣмъ, что перевелъ Енеиду на Малороссійскій языкъ. **

---

* Основанная въ 1808 г.; вскорѣ за тѣмъ открытъ былъ при ней «Домъ для воспитанія бѣдныхъ Дворянъ.» То и другое сперва помѣщались въ зданіяхъ Почтамта, послѣ перевода его въ Черниговъ. Домъ для воспитанія бѣдныхъ Дворянъ, послѣ открытія, въ 1841 г., при Гимназіи Благороднаго Пансіона, перестаіъ существовать, часть же воспитанниковъ перешла въ послѣдній. Теперь Гимназія помѣщается въ зданіи, построенномъ для нея 1861 г., а въ прежнемъ находится Пансіонъ. О. Б.

** Это Иванъ Петровичъ Котляревскій, р. въ Полтавѣ 1769 г., Августа 29: отецъ его былъ Канцеляристъ Полтавскаго Магистрата, а дѣдъ—Дьяконъ тамошней соборной Успенской церкви. Котляревскій воспитывался въ Полтавской Духовной Семинаріи, училъ дѣтей въ помѣщичьихъ домахъ, потомъ служилъ въ Сѣверскомъ карабинерномъ полку, съ 1-го Апрѣля, 1796, по 1808 годъ, въ коемъ вышелъ Капитаномъ съ мундиромъ. 1810 поступилъ, по приглашенію Генералъ-Губернатора, въ Надзиратели Дома воспитанія бѣдныхъ Дворянъ, гдѣ и получилъ чинъ Маіора; съ 1827 былъ еще и Попечителемъ Полтавскаго Богоугоднаго Заведенія; въ той и другой должности находился до выхода въ отставку 1835 г.; отличался замѣчательнымъ умомъ и добродушіемъ, и принадлежитъ къ лучшимъ Малороссійскимъ писателямъ. «Его Енеида,» перелицёванная на Малороссійскій языкъ— неподражаема; замѣчательны также, на Малороссійскомъ же: опера «Наталка Полтавка,» и водевиль: «Москаль чарôвникъ,» писанныя для Полтавскаго театра, которымъ управлялъ въ ту пору самъ сочинитель ихъ и на которомъ отличался

Приказъ содержитъ и фабрику суконную, на которой работаютъ праздношатающіеся Евреи; рабочихъ же и смирительныхъ домовъ здѣсь нѣтъ. Всѣ таковые преступники содержатся въ общемъ острогѣ, или по разнымъ распредѣлены рукодѣліямъ въ досужественныхъ заведеніяхъ.

Обратимъ теперь взоръ на самое большое изъ нихъ. До сихъ поръ я старался соблюсти правило строгой скромности; далѣе нѣтъ средствъ воздержаться отъ гласнаго порицанія того, что я здѣсь видѣлъ.

Подъ названіемъ «Нѣмецкой слободы,» при самомъ городѣ населена колонія иностранцевъ. Суконные ткачи свезены сюда по позыву Правительства изъ Эльзаса, Саксоніи, Германіи, и завели здѣсь суконную фабрику. Для помѣщенія ея построено домовъ до 50 изъ плетня, набитаго навозомъ. Каждый такой домъ стоилъ казнѣ до 2 тысячъ, а простоитъ ли пять лѣтъ, сомнительно. Легко разсудить, сколь мало соображено это съ пользами Короны. Въ этихъ карточныхъ домикамъ живутъ ткачи, и при нихъ поставленъ станъ каждаго. Считаютъ, что какъ выстройка сей слободы, такъ и двухъ еще подобныхъ, въ Кременчугѣ и Константиноградѣ, т. е., въ Полтавской Губерніи, обошлась Казнѣ въ 400 тысячъ; тамъ, однако, домы рублены изъ дерева, здѣсь иныя связи обратились въ настоящія тюрьмы; окончины одинакія и двойныя, обѣ для прочности разъ на всегда вмазаны въ стѣны и не

первоначально М. С. Щепкинъ. Котляревскій умеръ 29-го Октября, 1838 г., въ отцовскомъ домѣ, и похороненъ на Полтавскомъ кладбищѣ, въ углу, подъ развѣсистымъ деревомъ, при въѣздѣ отъ Кобелякъ. Сочиненія его изданы: Енеида, 3 части. Спб. 1798, въ 8-ку; второе въ 3-хъ же частяхъ и тамъ же 1808, въ 8-ку, въ тип. Глазунова; третье въ 4-хъ тамъ же, въ Медиц. типогр., въ 8-ку. Спб. 1809 (иждивеніемъ С. М. Кочубея); 4-ое въ 6-ти частяхъ въ 8-ку. Харьковъ, въ Универс. типогр. 1842, и 5-ое въ Спб. 1862 г., въ «Полномъ собраніи сочиненій И. П. Котляревскаго,» съ его портретомъ и изображеніемъ домика, въ коемъ онъ жилъ. Наталка Полтавка издана въ Харьковѣ, 1838, въ 8-ку, въ Унив. тип. (въ 1-й книжкѣ «Украинскаго Сборника»), но пѣсни изъ этой оперы, положенныя на музыку А. С. Барсицкимъ, приложены были ко 2-й кн. «Утренней Звѣзды,» изд. И. Петровымъ. Харьковъ, 1834, въ Унив. тип., 8; Москаль чарівникъ; изд. въ Москвѣ, 1841, въ типогр. Н. Степанова, въ 8 д. О. Б.

отворяются ни лѣтомъ, ни зимой; но дышать необходимо: ни какая власть въ свѣтѣ лишить сего блага натуры не можетъ, ниже въ тягчайшихъ узахъ неволи. Что жь дѣлаютъ эти бѣдныя Нѣмцы? Они выламываютъ рамы, выбиваютъ стекла, чтобъ пустить къ себѣ воздухъ. Стѣны, въ основаніи домовъ поставленныя, такъ прозрачны, какъ рѣшето, и отъ сотрясенія становъ во время работы чувствительно даже, какъ онѣ зыблются, и держатся только на угловыхъ столбахъ.

Этого мало: разработка сукна новыя откроетъ намъ причины подивиться. Каждый станъ долженъ выткать до 800 аршинъ суровья въ годъ; за нимъ сидитъ одна семья. Каждый аршинъ платится отъ Короны по 82 коп., включая тутъ и то, чего стоитъ шерсть; словомъ, не пріемля ни какихъ иныхъ побочныхъ издержекъ. Казалось бы, дешево, но послушайте далѣе! Выписанные иноземцы имѣютъ 10 лѣтъ льготы, на такомъ основаніи, что все, что имъ ни понадобится, сверхъ платы за сукно, какъ выше видно, уже на всегда опредѣленной, Правительство обязалось давать имъ въ долгъ, и Смотритель для сихъ записокъ имѣетъ особую долговую книгу. Вопросъ самый простый и естественный: естьли кто изъ нихъ умретъ, выбудетъ, сбѣжитъ, въ теченіи 10 лѣтъ, кто за нихъ поворотитъ въ Казну долгъ? Эта сумма не входитъ въ раскладку на сукно; это пожертвованіе, къ ободренію промышленности пріемлемое. Сказывали мнѣ на ухо, что ежели разложить на вытканное сукно заимообразно розданныя суммы, то оно обойдется по 4 рубля аршинъ; да и за это кто же можетъ ручаться, доколѣ не протекутъ 10 лѣтъ льготы? Кто скажетъ удостовѣрительно, сколько наберутъ ткачи въ долгъ денегъ, или потребности, и сколько безъ возврата пропадетъ изъ сего заемнаго капитала? А до того времени и опредѣлить цѣну сукна нѣтъ возможности: ссуда сія не имѣетъ ни какихъ опредѣленныхъ мѣръ. И такъ пусть цѣна, къ общей похвалѣ заводчиковъ, воображается на бумагѣ 82 коп., время откроетъ глаза и покажетъ истину: мишура золотомъ казаться не можетъ.

Впрочемъ, работа сукна очень успѣшна и хороша: она точется аршина въ $3^1/_4$ ширины; свалявшись, даетъ два аршина слишкомъ. Тутошніе мастера сами дѣлаютъ карды, не какихъ чешутъ

шерсть, и изобрѣли машину, но она еще не выдержала опытовъ, посредствомъ коей 40 веретенъ вдругъ отъ одной руки дѣйствовать могутъ. Одинъ изъ мастеровъ ткалъ при мнѣ сукно безъ товарища за своимъ станомъ, и довольно скоро мечется съ конца на другой; но для корпуса это движеніе тяжело и даже насильственно.

Къ особенной чести нынѣшняго начальника * сказать должно, что онъ съ огорченіемъ смотритъ на расточеніе суммъ казенныхъ и городскихъ, кои послѣдовали до него въ Полтавѣ. Взглядъ его былъ справедливъ; поступки осторожны: онъ отвелъ отъ себя отвѣтственность. Бывшій здѣсь Губернаторъ смѣненъ уже, но еще новаго при насъ не было, ** и ни кто не смѣлъ войти въ управленіе этой колоніей. Всѣ ея боялись, какъ огня, да и не безъ причины. Жалко, что зло не можетъ такъ легко истребляться, какъ тотъ, кто его сѣмена посѣетъ. Съ человѣкомъ, какъ бы онъ великъ ни былъ, всегда сладить можно, и смѣна одного лица никогда труда не стоитъ. Но вотъ бѣда, что худое учрежденіе не скоро поправляется, а еще труднѣе искоренить его, когда оно наипаче становится предметомъ большаго денежнаго счета. Но это не мое дѣло; скажу и я, воображая себя на большой дорогѣ и странствующимъ по камнямъ, какъ нѣкогда Фонъ Визинъ за слугу изъяснялся: «Мнѣ тряско разсуждать о Богѣ и о свѣтѣ.»

---

* Генералъ-Губернатора Князя Якова Ивановича Лобанова-Ростовскаго. О. Б.

** Прежній: Д. С. С. Алексѣй Ѳедоровичъ Козачковскій, съ 14-го Марта, 1808 г., по 17-е Мая, 1810; на мѣсто его назначенъ былъ, 17-го Сентября, 1810 г., Д. С. С. Михайло Ивановичъ Бравинъ, остававшійся по 17 Іюля, 1812 г. До Козачковскаго было три Губернатора: Тайный Совѣтникъ Александръ Борисовичъ Солнцевъ, съ 8 Октября, 1801, по 22 Апрѣля, 1805, возвращенный на прежнее мѣсто въ Воронежъ. Послѣ него Д. С. С. Александръ Ильичъ Мухановъ, съ 6-го Іюня, 1805, по 17 Марта, 1806, когда назначенъ въ Рязань Губернаторомъ; преемникомъ его былъ Д. С. С. Николай Ивановичъ Брусиловъ, съ 17-го Марта, 1806, по 10-е Марта, 1808, поступившій въ Виленскіе Губернаторы. Послѣ Бравина опредѣленъ, 8-го Ноября, 1812, Тайный Совѣтникъ Павелъ Васильевичъ Тутолминъ, бывшій по 22 Апрѣля, 1828, уволенный по прошенію. Далѣе слѣдовали: Тайный Совѣтникъ Павелъ Ивановичъ Могилевскій, переве-

ГЛАВА XIX.

Забавы и увеселенія.

Полтава не щеголяетъ увеселеніями. Мысли каждаго жителя устремлены на одно хозяйство. Въ теченіе трехъ дней, кои я тутъ провелъ, я ознакомился со всѣмъ городомъ, и не могу довольно нахвалиться благоснисхожденіемъ, ко мнѣ Князя Лобанова, который, съ готовностію прямо дружеской, доставилъ мнѣ всѣ средства найти себя самымъ лучшимъ образомъ въ Полтавѣ. Присутствіе такого знаменитаго посѣтителя, какъ Графъ Безбородько, который столь щедро обогощаетъ многія заведенія въ Малороссіи, было поводомъ къ нѣкоторымъ чрезвычайнымъ собраніямъ; при всемъ томъ не было ни чего для веселости.

Въ самый Полтавскій праздникъ Генералъ-Губернаторъ давалъ мущинамъ большой нарядный обѣдъ; насъ съѣхалось человѣкъ до 50-ти; сѣли за столъ въ 3, встали въ 6 часовъ по полудни; наѣлись, выпили кофе и, по обыкновенію, всѣ съ двора долой. За столомъ играла музыка, принадлежащая одному помѣщику и служащему тутъ Милорадовичу. * Надобно ли сказать, что пили цѣлыми кубками Царское здоровье, и отъ души всякой желали ему многолѣтняго здравія?

денный изъ Чернигова, 15-го Іюля, 1828, по 22 Августа, 1840, когда скончался. Д. С. С. Александръ Егоровичъ Аверкіевъ, Тульскій Губернаторъ, съ 9-го Сентября, 1840, по 14-ое Октября, 1843, поступившій въ Директоры Департамента Государственныхъ Дѣлъ въ Главномъ Управленіи Путей Сообщенія и Публичныхъ Зданій. Съ 8-го Марта, 1845 г., Д. С. С. Николай Ильичъ Ознобишинъ, умершій 13-го Августа, 1853, въ Переяславѣ. По немъ Д. С. С., въ званіи Камергера, Александръ Павловичъ Волковъ, съ 1-го Сентября, 1853 г., по 1868, смѣненный Д. С. С. Мартыновымъ. О. Б.

* Коллежскому Совѣтнику Михайлу Михайловичу Милорадовичу, сыну Генералъ-Маіора Михайла Александровича, внука Александра Ильича, Оберъ-Капитана въ Сербіи, вышедшаго въ Россію въ 3-мя братьями, Михайломъ и Гавриломъ, Гадяцкими Полковниками. Первый ум. 1725, другой 1727 г. Михайло Михайловичъ былъ съ 1805 по 1809 Губернскимъ Маршаломъ (Предводителемъ) Дворянства. О. Б.

Зять мой, будучи природный Малороссіянинъ, * болѣе или менѣе съ нѣкоторыми изъ нихъ въ родствѣ; онъ меня со всѣми ознакомилъ. Всѣ показали мнѣ отличную благосклонность; наипаче Графъ Безбородько самымъ привѣтливымъ образомъ со мною обращался. Слѣдствіе такого выгоднаго для меня расположенія ощущалъ я и далѣе въ моемъ путешествіи, о чемъ пріятно будетъ мнѣ въ каждомъ мѣстѣ особенно упомянуть. Вице Губернаторъ, ** правившій тогда должность Губернатора, человѣкъ не молодой, но доброхотный, безъ отягощенія возилъ меня самъ по всѣмъ заведеніямъ.

Послѣ Генералъ-Губернаторскаго пиршества, 7 числа, ѣздилъ онъ и мы всѣ провести вечеръ въ здѣшній публичный садъ. Далъ Богъ Полтавѣ на этомъ безлѣсномъ мѣстѣ рощу; натура обогатила ее плодоносными растеніями и деревьями не вездѣ общими; предмѣстникъ Князя Лобанова велѣлъ исчертить ее дорожками, обвесть каменной оградой, вычистить и разсыпать по мѣстамъ бесѣдки; примѣчательнѣйшая изъ нихъ сдѣлана на подобіе ветхаго шалаша (здѣсь ихъ много въ существѣ и безъ поддѣлки); она довольна просторна. Тутъ, какъ и во всѣхъ публичныхъ садахъ, пунктъ привлеченія всего общества — Князь Лобановъ, охотникъ до садовъ, и это гулянье есть очевиднымъ того доказательствомъ, по тому что по всѣмъ путямъ и тропкамъ большой приборъ и чистота. Гуляя съ нимъ по саду, я любовался, видя восхищеніе, съ которымъ онъ каждое дерево выхваляетъ; всякое ему знакомо; онъ неоднократно его осмотрѣлъ. Виды отсюда не восхитительны, но изрядны. Мы проходили до сумерокъ. Собраніе было не велико; можно было счесть не больше 50-ти прогульщиковъ. Признайтесь, что такой праздничный день для Полтавы, въ ней самой такое собраніе весьма малолюдно; да и прогулки не сопровождались ни какими замыслами удовольствія: ходили, доходили, сѣли въ кареты и разъѣхались.

Но вотъ чему можно подивиться: въ Малороссіи въ саду въ бесѣдкѣ каминъ. «Такъ, стало быть, и здѣсь бываетъ лѣтомъ

---

* Селецкій, о коемъ сказано будетъ болѣе ниже. О. Б.

** Статскій Совѣтникъ Бояриновъ? О. Б.

холодно?» спросилъ я кого-то.—«Совсѣмъ нѣтъ; но мы гуляемъ въ нашихъ садахъ и среди Ноября мѣсяца.»—«О! пожалуй и я пойду у себя въ садъ въ Декабрѣ, естьли буду обнадеженъ найти въ мнимомъ шалашѣ хорошій огонь въ каминѣ.» Симъ споръ и возраженія кончились.

Князь Лобановъ увѣрялъ меня, что окрестности Полтавы очаровательны; быть можетъ, но я того не примѣтилъ, и куда меня ни возили, я нигдѣ не встрѣчалъ такихъ видовъ, какіе въ нашихъ мѣстахъ. Да и по истиннѣ, что можетъ быть величественнѣе той площади, на которой посаженъ Владиміръ? Что для глазъ плѣнительнѣе горъ, его отвсюду опоясывающихъ? особливо по дорогѣ, ведущей отъ Александрова къ Троицкой Лаврѣ, можно найти обращикъ Швейцаріи. Лучшимъ мѣстоположеніемъ подъ Полтавою почитается усадьба Г-на Коч.... Ее даже прославляютъ превосходнѣйшимъ въ цѣломъ свѣтѣ: я его не видалъ и судить о томъ не могу. Вѣрю одному знаменитому объ немъ преданію, будто Екатерина II, бывъ на этомъ мѣстѣ, изволила отозваться, что она лучше его ни чего не видала. Но естьли его приближить въ сравненіяхъ съ дачею Г. Милорадовича, которую казали мнѣ за диковинку, со стороны физическаго ея расположенія, я осмѣлюсь признаться, видѣвши сіе послѣднее, что оно для меня даже хорошимъ не казалось.

Есть и театръ въ Полтавѣ: какъ безъ него? Строеніемъ онъ не важенъ, да не хвалятъ и актеровъ. Они при мнѣ были въ разъѣздѣ, въ Кременчугѣ, на ярмаркѣ; и такъ я ни одного представленія въ Полтавѣ не видалъ. Вотъ все, что можно замѣтить здѣсь на счетъ забавъ.

Публика уединенна и вообще ни сколько не любитъ шумныхъ увеселеній. Пашня занимаетъ всѣ умственныя способности здѣшняго жителя. Нѣтъ вкуса къ удовольствіямъ роскошнымъ, все скупо и каждый сжатъ въ домѣ своемъ, какъ въ скорлупѣ. Про себя все запасено, но для заѣзжаго въ городѣ нѣтъ ни чего, даже за деньги. Мы нуждались и въ хлѣбахъ и въ сливкахъ; Князь Лобановъ присылалъ къ намъ ихъ изъ вѣжливости; безъ него пришлось бы чай пить по Великопостному. Говядины нѣтъ, по тому что волы на работу надобны, и ихъ не бьютъ;

телятъ нѣтъ, для того что они будутъ волы со временемъ, и ихъ кормятъ и возращаютъ; сливокъ нѣтъ, для того что теленокъ выпиваетъ всю добычу своей матки; хлѣба нѣтъ, за тѣмъ что пшеницу возятъ въ Одессу и грузятъ на корабли. Вотъ обстоятельства гостинаго желудка въ Малороссіи!

Потчивали меня здѣшнимъ плодомъ, который въ большой славѣ, черешнею, но я не нашелъ его столько вкуснымъ, чтобъ позавидовать тѣмъ, кои съ большими, впрочемъ, пожертвованіями во многихъ отношеніяхъ пріѣзжаютъ по службѣ сюда жить, или, лучше сказать, томиться въ скукѣ.

Свиданіе съ сестрой и письма изъ Москвы, кои во время нашего пребыванія въ Полтавѣ получены, доставили мнѣ пріятнѣйшія минуты. Имъ и благосклонности Князя Лобанова обязанъ я всѣмъ тѣмъ удовольствіемъ, какого ищу ежедневно; ибо скука есть несносный червь, который и самое свѣжее сердце подъѣдаетъ. Отправивъ отсюда огромную почту къ моимъ роднымъ и друзьямъ, я собрался ѣхать въ Петровъ день. На канунѣ получена оффиціальная вѣдомость о побѣдѣ надъ Турками. 29 назначенъ молебенъ, а я, чѣмъ свѣтъ, лечу, чтобъ приближиться къ тѣмъ мѣстамъ, откуда труба звучитъ во всю Россію такія пріятныя новости.

ГЛАВА XX.

Путь до Кременчуга. Балъ въ клубѣ.

На прощаньи съ сестрой, давши ей слово посѣтить ихъ деревню, поѣхали мы въ 8 часовъ утра, въ Петровъ день, изъ Полтавы. До Кременчуга 120 верстъ. Дорога ровная и прекраснѣйшая для почтовой ѣзды. Мы летѣли, по милости Князя Лобанова, который вездѣ намъ приказалъ безостановочно давать лошадей; нигдѣ безъ собственнаго произволу не ждали минуты; въ 9 часовъ пріѣхали въ городъ; но поговоримъ сперва о дорогѣ.

Съ выѣзда изъ Москвы мы еще въ одни сутки такого пространства не проѣзжали; погода весьма благопріятствовала, жаръ

былъ умѣренный, а вечеръ довольно свѣжъ. Отъ Полтавы разсаживаютъ аллеи — тщетный трудъ! Нигдѣ не принимаются. Вблизи Кременчуга только на нѣсколькихъ деревьяхъ примѣтна маленькая зелень. На первой станціи такой же почтовый дворъ, какъ и по ту сторону Полтавы, но изъ настоящаго кирпичу. Тутъ попался намъ Засѣдатель Симферопольскаго Земскаго Суда. Я съ нимъ разговорился о Крымѣ, о тамошней благословенной сторонѣ, и онъ укоренилъ во мнѣ желаніе туда съѣздить, которое и Графъ Безбородько въ Полтавѣ съ успѣхомъ уже произвелъ во мнѣ.

Мы обѣдали 40 верстъ отъ Полтавы въ селеніи, называемомъ Решетиловка. Маршрутъ почтовый совсѣмъ другой путь вамъ укажетъ, но онъ уже уничтоженъ; ѣздятъ всѣ по этому гораздо скорѣй и лучше. Это мѣсто принадлежитъ Попову, но не все; въ немъ имѣетъ участіе и другой помѣщикъ, а за Василіемъ Степановичемъ 1800 душъ, ему пожалованныхъ; * сверхъ того, здѣсь же поселено въ послѣдніе военные годы до 5 тысячъ Козаковъ, кои принадлежатъ Казнѣ. Здѣсь 4 церкви деревянныя и одна каменная; ряды кирпичные выстроены очень хорошіе. Самого владѣльца тутъ не было; содержатель почты имѣетъ изрядную квартиру:

---

* Извѣстный Правитель Канцеляріи и любимецъ Князя Потемкина-Таврическаго, р. 1745 г., учился въ Казанской Гимназіи; поступивъ въ Гражданскую службу, отличался искуствомъ въ Канцелярскихъ бумагахъ, потомъ снискалъ вниманіе къ себѣ Московскаго Главнокомандующаго Князя В. М. Долгорукаго-Крымскаго, къ коему, будучи Премьеръ-Маіоромъ, поступилъ (1780) Правителемъ Канцеляріи; по смерти Князя перешелъ къ Потемкину, завѣдывая походными его дѣлами; съ 1784 Полковникъ; 1785 находился при собственныхъ Ея Импер. Величества дѣлахъ у принятія прошеній; 1787 Бригадиръ; 1788 Генералъ-Маіоръ; послѣ Потемкина находился при Императрицѣ по прежнему у прошеній, управлялъ также Горнымъ Корпусомъ, Кабинетомъ и др.; 1797 Тайный Совѣтникъ и Президентъ Каммеръ-Коллегіи; 1798 присутствующій въ 1-мъ Департаментѣ Сената; по доносу удаленъ отъ службы; при Александрѣ Д. Т. Совѣтникъ и Управляющій Коммисаріятскимъ и Провіантскимъ Департаментами (1807); въ 1808 Членъ Государственнаго Совѣта, 1819 Предсѣдатель Департамента Гражданскихъ и Духовныхъ Дѣлъ, также Коммисіи Прошеній; ум. въ С.-Петербургѣ въ Ноябрѣ 1822 г. О. Б.

не какъ для праздника онъ накурилъ ее слишкомъ чеснокомъ, то мы поѣхали въ сарай. Лѣтомъ вездѣ крышка.

Здѣсь водятся черепахи; къ намъ приносили одну, и мы разными образами терпѣніе ея испытывали: брали ее въ руки, кидали на полъ, зарывали въ песокъ, опять бросали въ лужу: тутъ только она выходила изъ своей шкатулки, впрочемъ, все выдерживала, спрятавшись очень скромно въ своей табакеркѣ; нѣкоторые изъ насъ обѣими ногами на нее становились и тискали ее всей своей силой, такъ какъ нажимаютъ самыхъ лучшихъ авторовъ мальчишки въ типографіяхъ. Гадкое животное! —только и хорошаго, что ея жилище; выгнавъ напередъ хозяйку, можно нюхать преблаговонный табакъ.

По степямъ находилъ я цѣлыя полосы земли, и довольно большія, усыпанныя темными синими цвѣтами, такъ что издали онѣ представляли настоящій видъ яхонта. Я долго ими любовался, остановя бѣгъ прыткихъ нашихъ коней.

И тотъ же самый Богъ, что небо сотворилъ,
Живописалъ цвѣты, и ими степь покрылъ;
Далъ жизнь и бытіе малѣйшему листочку,
И травкѣ, какъ звѣздѣ, назначилъ въ мірѣ точку.
Натура отъ него пріяла кисть, рѣзецъ,
И міра красоты суть рая образецъ.

За двѣ станціи до Кременчуга Голова тутошняго селенія непремѣнно хотѣлъ, чтобъ насъ провожали верхомъ два Козака. Я долго отказывался, наконецъ согласился: переѣзду было только 16 верстъ. Лошади насъ несли во весь духъ; Козаки скакали какъ бѣшеные. Я имъ далъ на водку, и они, поблагодаря, сказали: «Этотъ путь намъ игрушка.» Всякая добровольная услуга пріятна признательному сердцу.

Попался намъ Богородской мужикъ, сосѣдъ нашей подмосковной. Онъ ѣхалъ изъ Одессы и везъ сѣру въ Москву. Я его остановилъ, поговорилъ съ нимъ объ Одессѣ; онъ сулилъ мнѣ тамъ дешевой хлѣбъ и дорогой фуражъ. «Хорошо, увидимъ; мы сами туда ѣдемъ; поклонись нашимъ, прощай!»—Какъ бы вы

думали? Я этому простому мужику обрадовался. Повторите, что я писалъ выше о родинѣ, и тогда вы безъ труда этому повѣрите.

На послѣдней станціи перевозъ черезъ Пселъ.[1] Отъ самаго Мурома по всей этой дорогѣ я первый паромъ еще нашелъ. Рѣка хороша. Поднявшись на гору и проѣхавъ первые пески, вы откроете прекрасные виды со всѣхъ сторонъ. Я ѣхалъ въ коляскѣ, стоя цѣлый часъ, и не смигалъ съ этой картины. Съ хребта горъ довольно продолжительныхъ черезъ многіе овраги вы видите селенія въ долинѣ и въ разныхъ пунктахъ рѣка попадается вамъ въ глаза; по отлогимъ берегамъ ея на той сторонѣ разбросаны хаты, кои ни чего за собой въ долахъ отъ насъ не прячутъ. Прекрасное мѣстоположеніе! Натура вездѣ играетъ съ новыми пріятностьми. Кто чувствуетъ сельскіе ея дары, тотъ ближе всѣхъ стоитъ у дверей счастія.

Подъ городомъ проѣхать надобно нѣсколько верстѣ отяготительныхъ песковъ; избѣжать ихъ нельзя: естественный знакъ большихъ рѣкъ. Мы у береговъ Днѣпра.

Сколько мы имѣли лестныхъ доказательствъ благосклонности къ намъ Полтавскаго Градоправителя въ пути, столько напротивъ, нашли мы досадныхъ непріятностей для помѣщенія своего въ городѣ: ни одной пустой и пристойной квартиры — все наполнено народомъ. Въ Ивановъ день здѣсь бываетъ ярмарка, и никто еще не уѣхалъ изъ Кременчуга. Мы въ сумерки въ него попали, и до восхода мѣсячнаго возили насъ по улицамъ; то въ тотъ домъ привезутъ, то въ другой; индѣ запрутся, индѣ не пустятъ. Въ комъ желчи это не расшевелитъ? Я очень сердился. И насилу господинъ Городничій тутошній отвелъ намъ какой-то уголъ. Я было и спать; но молодые мои товарищи провѣдали, что сегодня въ городѣ балъ въ клубѣ, и меня съ собой туда заманили —

---

[1] Въ мѣстечкѣ Омельникѣ, прежде сотенномъ; теперь въ немъ 2-й станъ и Почтовая станція; лежитъ на правомъ берегу Псела, въ 23 верстахъ отъ Уѣзднаго и въ 90 отъ Губернскаго города. О. Б.

удовольствіе убавляетъ лѣтъ. Я тотчасъ прибрался, одѣлся, выпросилъ у Городничаго дрожки и явился на балѣ. Въ Москвѣ клубъ пропустить не бѣда; можно въ другой попасть: ихъ много; а зима въ нашихъ мѣстахъ такъ строга и велика; но въ Кременчугѣ бала во всю жизнь, можетъ быть, не увидишь, естьли полѣнишься завернуть въ его мимоѣздомъ. Скажутъ: «Да что за радости въ такомъ Уѣздномъ сборищѣ?»—«Все то радость, господа большаго свѣта, чего не видалъ и чего хочется.»

Клубъ содержится здѣсь въ большомъ и опрятномъ домѣ. Залы освѣщены очень хорошо; собраніе, по лѣтнему времени, довольно людное, но въ комнатахъ не тѣсно; музыка Кіевскаго баталіона, который тутъ квартируетъ,—хвастать не чѣмъ, хотя Польскія играли съ хорами; но что нужды до ихъ искуства? было бы весело. Кто на балъ ѣздитъ вслушиваться въ музыкальную гармонію? Тутъ неутомимый гудокъ—лучшій виртуозъ. Этотъ балъ давался экстраординарно, по случаю съѣзда многихъ на ярмарку. Я нашелъ съ Дворянами много и иностранныхъ купцовъ съ семьями. Съ ними легко ознакомиться; дамы ихъ привѣтливы, и я Польскихъ съ три прошелъ на свою долю. На насъ глядѣли, какъ обыкновенно вездѣ смотрятъ на заѣзжихъ, во всѣ глаза: новое лице—чудо во всѣхъ собраніяхъ городовъ Россійскихъ, даже и въ самой Москвѣ.

Заслуженный Офицеръ Генеральскаго чина изъ Нѣмцевъ тутъ хозяйничалъ и заправлялъ клубнымъ дѣломъ; въ его рукахъ вертѣлся руль этой плясовой машины; онъ и самъ, прибодрившись, прошелъ нѣсколько Польскихъ. Я, глядя на него, воображалъ хорошаго моего знакомца, который 17 лѣтъ правилъ однимъ провинціяльнымъ редутомъ безъ устали и безъ скуки: * я люблю видѣть такихъ старичковъ по городамъ Губернскимъ.

---

* Дуровъ, богатый Тамбовскій Помѣщикъ, поселившійся во Владимирѣ и бывшій Старшиной тамошняго Редута (Благороднаго Собранія)? Онъ выведенъ въ комедіи «Дурыломъ или выборъ Старшины,» Княземъ И. М. Долгорукимъ. См. сочиненіе М. А. Дмитріева: «Князь И. М. Долгорукій и его сочиненія.» Изд. 2-е М. 1863, стр. 74—76, 164—267. О. Б.

Они зачнутъ вѣкъ свой тѣмъ, что въ молодости подставятъ гдѣ ни будь на проломъ черепъ: пушки его раздробятъ, а лѣкари починятъ, но останется дряхлость, и что потомъ? Ѣхать домой, разставить въ деревнѣ въ рамахъ за стекломъ разные патенты, и наѣздомъ зимой въ городъ, военному съ большимъ султаномъ, а статскому съ стразовыми пряжками, щеголять на балѣ, попасть въ директоры въ редутъ или клубъ, состарѣться оригиналомъ и умереть подъ музыку.

ГЛАВА XXV.

Описаніе Кременчуга.

Мы здѣсь прожили сутки цѣлыя. Какъ смѣнить Уѣздный городъ, Кременчугъ, съ Губернскимъ, Полтавою, при всѣхъ его затѣяхъ? Днѣпръ даетъ ему и красоту и пользу. Городъ торговой: куда ни пойдешь, вездѣ сыщешь слѣды довольства, которое достовляетъ разумная промышленность. Но такъ какъ добро и худо всегда рядомъ ходятъ, то и Кременчугъ имѣетъ свои невыгоды. Онъ на такихъ сидитъ пескахъ, что отъ пыли ни въ одномъ домѣ нѣтъ убѣжища. Безпокойное положеніе!

Днѣпръ имѣлъ бы видъ величавый и прекрасный, естьли бы не пресѣкался мелями песчаными и островками такъ, что глаза нигдѣ не видятъ большаго пространства воды безъ помѣхи. Края его наполнены судами. Вся Бѣлоруссія сгоняетъ по немъ лѣсъ и уголья въ степи и полуостровъ Крымъ, а оттуда вверхъ отправляется соль. Народу много: онъ весь въ движеніи. Дѣятельность во всякомъ родѣ есть животворный пламень нашей жизни. Берега рѣки и самое ложе ея каменисто. Здѣсь добывается самый твердый камень, на подобіе гранита, и хотя меньшей красоты, но того же рода. Онъ мнѣ показался, какъ и тотъ, изъ котораго сдѣланъ въ Полтавѣ памятникъ Петру.

Ряды каменные огромны; погребовъ множество и за хорошія деньги можно выпить рюмку цѣльнаго вина. Трактирщикъ

городской кормитъ очень хорошо. Вы найдете сотъ до двухъ кузнецовъ и каретные добрые сараи, гдѣ не только всякую повозку, но даже и новую карету на иностранный образецъ, отдѣлаютъ. Магистратъ и Дума представляютъ одно изъ лучшихъ строеній въ городѣ; на немъ бельведеръ; я входилъ туда, и видъ во всѣ стороны прекрасный. Прочіе домы въ городѣ низки и принадлежатъ къ мазанкамъ.

Соборъ заслуживаетъ пристальный взглядъ. Онъ выстроенъ изъ кирпича; фасадъ его отличается вкусомъ, и онъ чрезмѣрно краситъ Александровскую площадь, на которой увидите вы и гаубтвахту каменную. Въ городѣ, сверхъ обыкновенныхъ Гражданскихъ Мѣстъ, учреждена и Провіантская Коммисія.

Богоугодныя заведенія справедливой похвалы достойны. Они, какъ и въ Полтавѣ, въ общемъ домѣ. Но какая разница въ помѣщеніи! Главный корпусъ въ два этажа каменный, и въ немъ церковь. Она во имя Св. Маріи Магдалины и ни чѣмъ не отличается отмѣннымъ. Священникъ встрѣтилъ меня съ крестомъ, пропѣлъ входную и прокричалъ Императорскому Дому многолѣтіе. Я приложился къ Распятому, и далъ Іерею рубль: тѣмъ все и кончилось между нами въ домѣ Господнемъ. Въ нижнемъ этажѣ живутъ инвалиды; ихъ числомъ до 14-ти, и они не въ праздности хлѣбъ ѣдятъ, а прислуживаютъ въ Лазаретѣ; кровати у больныхъ желѣзныя; чистота въ покояхъ удивительная.

Прочія принадлежности къ дому деревянныя, или изъ сырцу. Кухня, прачечная, бани, все въ найлучшемъ порядкѣ. Больные пользуются самымъ чистымъ воздухомъ. Для Евреевъ есть особая больница. Народъ сей вездѣ одинаковъ: нечистъ, сраменъ и отвратителенъ; я говорю о Жидахъ самаго низшаго разбора: что ихъ гаже въ природѣ? Жаль, что они люди! Врачеваніе ихъ здѣсь и приличное содержаніе есть черта чувствительности, по которой должно признаться, что Философія нашего вѣка не на однихъ заблужденіяхъ основана. И подлинно: Жидъ развѣ не человѣкъ? Оставимъ при немъ его суевѣріе, его нелѣпости, самые его обманы; вспомнимъ, что онъ также ближній нашъ, и когда онъ страждетъ, отворимъ ему сострадательное сердце. Вотъ какъ

думалъ здѣшній начальникъ, когда онъ обратилъ взоръ свой на нихъ, и особую для Жидовъ устроилъ больницу.

Этотъ домъ сталъ казнѣ тысячъ до 80-ти, но пусть бы сталъ и сто: Приказы Общественнаго Призрѣнія не копить, а съ пользой расточать обязаны свои сокровища. Внутреннія убранства и кровати доставлены иждивеніемъ здѣшняго помѣщика Пономарева. Лучше дать больному Еврею на лѣкарство, нежели честному Христіанину проиграть въ запрещенную игру въ трактирѣ.

Кромѣ Нѣмецкой суконной фабрики, какъ и въ Полтавѣ, о которой также говорено, здѣсь есть, на особомъ положеніи, еще фабрика суконная же. Она расположена въ большомъ каменномъ домѣ, купленномъ за самую низкую цѣну, или, лучше сказать, это почти подарокъ продавца: въ немъ два большіе этажа. Тутъ школа сукнодѣлія для Евреевъ: ткачи Жиды обучаютъ своему ремеслу малолѣтковъ, и сами толстое сукно работаютъ на станахъ казенныхъ. Вездѣ видны доказательства крайней нужды въ сукнѣ, и усилія довольствоваться домашнимъ.

ГЛАВА XXII.

Дворцовый садъ. Театръ.

При въѣздѣ въ Кременчугъ покажется вамъ большой садъ: это роща, прочищенная дорожками, кои заросли и все мѣсто пришло въ крайнее запустѣніе. Тутъ нѣкогда былъ дворецъ, въ которомъ изволила останавливаться Екатерина; * одна осталась каменная ограда, и та съ трудомъ поддерживается экономическими крохами. Князь Куракинъ хотѣлъ возобновить его славу, и много къ тому, во время начальства своего, споспѣшествовалъ. Я въ немъ гулялъ съ нѣкоторыми тутошними жителями, кои помнятъ еще и нынѣ, какъ сюда при Потемкинѣ возили Крымскія расте-

* Въ Путешествіе свое 1787 г., пробывши въ Кременчугѣ по 3-е Мая. О. Б.

Ему знакомы всѣ столичныя названья;
Редутъ и лѣтній садъ то тамъ, то самъ, торчитъ;
И кресла захватя, изъ чванства, безъ желанья,
Задумавшися, въ нихъ комедію глядитъ.

Межъ тѣмъ, какъ гордый Днѣпръ свѣтъ лунный отражаетъ,
И кажетъ путь плотамъ, плывущимъ въ чудный Крымъ,
Ракеты, бураки весь берегъ освѣщаютъ,
Среди песковъ его столбомъ клубится дымъ.

Тутъ музыка заразъ * и пѣвчіе готовы,
Молоденькихъ дѣвицъ, какъ пчелъ, кружится рой.
Нехай же ** Москвичи къ провинціямъ суровы:
И въ нихъ по временамъ бываетъ вѣкъ златой.

Какая разница въ доброхотствѣ и обращеніи со многими другими мѣстами, гдѣ мы остановились! Здѣсь всѣ насъ обласкали, всѣ искали нашего знакомства. Старый дому нашего пріятель, Г. Н., живетъ здѣсь осѣдлымъ образомъ и очень обласкалъ меня; онъ безпрестанно былъ у насъ на квартирѣ. Г. Почтмейстеръ озаботился доставленіемъ мнѣ лошадей и легкихъ способовъ продолжать путь; словомъ, я былъ бы неблагодаренъ, естьли бъ не сказалъ здѣсь, вспоминая сутки моего пребыванія въ Кременчугѣ, что я, кромѣ комедіи, былъ совершенно всѣми увеселеніями тамошняго края доволенъ; видѣлъ добронравіе жителей, чувствовалъ цѣну ихъ вѣжливыхъ поступковъ, и наипаче никогда не забуду прогулки моей въ дворцовомъ саду съ Г. Пот..., съ которымъ такъ много мы о всякой старинѣ бесѣдовали. Но мало ли гдѣ хорошо на день, на два? а жить житьемъ гдѣ лучше, какъ дома?

ГЛАВА XXIII.

Путь до Елисаветы.

1 Іюля, въ 9 часовъ утра, отправились мы изъ Кременчуга. Солнце уже пекло, и пески около Днѣпра дѣлаютъ путь очень утомительнымъ. На томъ берегу рѣки, тотчасъ за мостомъ, Уѣзд-

* Тотчасъ. О. Б.

** Пусть, пускай. О. Б.

ный городокъ Херсонской Губерніи, Крюковъ. Мы его проскакали; и я объ немъ не чего ни скажу, кромѣ того, что съ виду онъ не обращаетъ ни какого на себя вниманія: можно его почесть за слободу, прилегающую къ Кременчугу. Въ немъ есть Коммисаріатская Экспедиція, и я слышалъ, что для нея по новому проекту строится домъ изъ того камня, которымъ изобилуютъ берега Днѣпровскіе.

Отсюда мы начали странствовать по настоящимъ и пространнымъ степямъ: ни полей, ни кустовъ; страшной величины дачи, ни чѣмъ не населенныя, не воспріявшія ни какихъ сѣменъ. Продолжительные жары даже всю траву на нихъ посушили. Верстъ по 30-ти проѣзжали, не встрѣчая ни малѣйшаго жилà. Воды мало, да и та по большой части нехорошая. Одни волы возятъ шагомъ всякія тягости, а Хохлы въ просонкахъ погоняютъ ихъ длинными своими лозами. Все наводитъ скуку и тоску. По счастію, и тутъ нашли мы нѣчто забавное. Въ степи пре множество животныхъ, коихъ здѣсь простой народъ зоветъ евражки: * это маленькая крыса, очень похожая на ласточку. Они живутъ въ норкахъ, выбѣгаютъ оттуда, прыгаютъ довольно рѣзво по степи и становятся на заднія лапки, какъ бѣлки: очень смѣшное животное! Чтобъ поймать ихъ, надобно залить норку водой: звѣрокъ этого очень боится, и чтобъ не утонуть, онъ выскакиваетъ, и тутъ бери его руками; но въ осязаніи онъ столько же непріятенъ, сколько смѣшонъ въ своихъ скачкахъ.

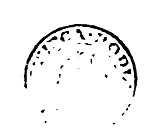
Подъѣзжая къ Александріи, при спускѣ съ горы, порвались нашильники и лошади насъ понесли. Казакъ, выѣхавшій изъ города намъ на встрѣчу и ѣхавшій передъ нами, поворотилъ назадъ, врѣзался въ нашу четверню, смялъ лошадей, и тѣмъ остановилъ коляску. Непріятная минута! Путешествовать люблю, а сломить шею не хочется.

Въ Александріи мы отобѣдали: это Уѣздный городокъ, ни чего не значущій: онъ населенъ изъ гусаръ Александрійскаго полку и принялъ его имя. Тутъ уже считается до 800 душъ

* Или овражки, т. е., суслики. О. Б.

которыхъ до трехъ сотъ по названію своему выходцевъ, а просто по Русски бѣглыхъ; этѣмъ средствомъ, къ которому нѣкогда многіе были поважены, мы стали встрѣчать довольно одноземцевъ, вышедшихъ сюда изъ Великороссійскихъ областей и на степяхъ поселившихся. Городомъ правитъ того же Александрійскаго гусарскаго полку Маіоръ, мужикъ немолодой и до сихъ поръ настоящій гусаръ: хотя черные усы его даютъ ему самый свирѣпый видъ, но онъ принялъ насъ охотно, позволилъ намъ занять на часъ свою квартиру. Мы въ ней нашли картинки за стеклами, зеркальце и софу: чего больше для здѣшняго Городничаго? Онъ непремѣнно хотѣлъ мнѣ подать рапортъ; Уѣздный Судья и прочіе Чиновники, узнавъ о пріѣздѣ гостя, силились также подать мнѣ Вѣдомости о дѣлахъ своихъ: у всякаго изъ нихъ выглядывала изъ кармана огромная тетрадь. Мнѣ много стоило труда упросить, чтобъ они меня отъ такого скучнаго чтенія избавили: я бы охотнѣе согласился имъ цѣлый день читать Телемахиду, нежели утомить зрѣніе на этихъ гражданскихъ стопахъ мелкаго и обыкновенно сквернаго письма, что зовутъ Приказные люди Вѣдомостьми. Господинъ Судья помолчалъ минуту, и опять за тетради, а я опять ихъ упрашивать: «Пожалуйте, положите въ карманъ и отнесите домой; мнѣ этого не надобно.»— «Да хоть взгляните!»—«Я лучше на васъ посмотрю.» О, какая убійственная почесть! Насилу они разошлись, и нашъ усатый Маіоръ подалъ рюмку водки, потомъ сѣли за столъ, съѣли что Богъ въ степи послалъ, и поскакали.

Продолжая путь, наѣхали на Русскую колонію. 500 душъ казенныхъ крестьянъ, бѣдные землей, переходили изъ Обоянской округи селиться за Орликъ; тамъ имъ нарѣзали по 16 десятинъ на душу, и они съ своими пенатами, съ семьями и домашнимъ скотомъ, бѣгутъ искать новаго отечества. Чего нужда не производитъ! Голодъ все дѣлаетъ несноснымъ, и Аравія, которая кормитъ, лучше покажется богатой Индіи, естьли ни кто не даетъ въ ней пищи. Хлѣбъ—сокровище и животъ поселянина: отступишься для него и отъ родимаго гнѣзда. Я долго занялся этимъ подвижнымъ селеніемъ. Крестьяне не тужатъ, спѣшатъ быть на новомъ мѣстѣ, распахать землю, и ввѣрить ей обильныя сѣмена свои.



Въ дорогѣ на одномъ часу и плачешь и смѣешься: все зависитъ отъ внѣшнихъ предметовъ. Очень позабавилъ насъ Іерей въ селеніи, по имени Оджимъ. * Не доѣзжая Елисаветграда за почту, мы остановились тутъ мѣнять лошадей. Подходитъ къ намъ батюшка, Малороссъ дородный и по виду добродушный, зоветъ насъ убѣдительно къ себѣ въ домъ пополдничать; мы отговариваться: ни что не помогаетъ. «Ну, пойдемъ!» сказалъ я женѣ; «такъ и быть: что за полдникъ?» Дорогой онъ безпрестанно болталъ намъ о своихъ подвигахъ. Естьли вѣрить его разсказамъ, онъ былъ въ арміи у Михельсона, ходилъ при немъ со крестомъ на приступъ Измаила, не боится ни какого огня: острѣленъ, какъ старая пушка; словомъ, я зачиналъ обольщаться его простотою и думалъ подъ сѣнью сего Пресвитера найти Авраамово угощеніе. Село Государево; комната у Священника изрядная. Онъ намъ поставилъ хорошую яичницу, которая была бы лучше, естьли бъ, для позыва на питье, не высыпалъ въ нее владыко всей своей перешницы; потомъ, выпивши кувшинъ свѣжаго яблочнаго квасу, оставалось сказать ему спасибо, и вспомнить его вездѣ съ признательностію. Но окаянный рабъ Божій изволилъ такія тонкія сѣти намъ поставить для того, чтобъ насъ обобрать; и когда мы сбирались садиться въ повозки, онъ записалъ, подъ видомъ благочестія, имена каждаго изъ насъ, для воспоминанія ихъ предъ престоломъ Господнимъ, а между тѣмъ противъ каждаго имени писалъ опредѣлительную цѣну и требовалъ съ насъ денегъ: съ кого 5, съ кого 10 руб. Такое нахальство меня взбѣсило; я кинулъ ему синенькую бумажку, и бѣжалъ, не оглядываясь. Лицемѣріе и корысть подъ благовиднымъ предлогомъ во всякомъ человѣкѣ отвратительны, а въ Попѣ что можетъ быть гнуснѣе хитрости и обмана? Послѣ, разсказывая многимъ тамошнимъ этотъ случай, я слышалъ, что онъ всѣхъ проѣзжихъ точно такъ забавляетъ, и многіе, кои повторяли здѣшній путь, уже не останавливаются на этой станціи, или стараются всячески отъ него укрыться. Вотъ сирена новаго рода!

* То есть, Аджимка, Большая Аджимка, Пикинерная, въ 44 в. отъ Александріи, при прудахъ, съ 2 церквами, около 900 дворовъ, и проч. О. Б.

ГЛАВА XXIV.

Елисаветградъ.

Поздно и темно было, какъ мы пріѣхали въ городъ. Намъ отвели хорошую квартиру у зажиточнаго купца: одна комната довольно большая и вся росписана; пестрота ужасная! Живописецъ не щадилъ красокъ, а труда марать такъ, какъ онъ маралъ, немного. Хозяинъ привѣтливъ, потчивалъ насъ вишнями своего сада. Но передъ нами ли ими хвастать? Натура всякому краю дала его преимущества. Хотите ли ѣсть славныя вишни? Поѣзжайте во Владиміръ: тамъ вы сорвете лучшія, а въ Елисаветѣ пусть потчиваютъ арбузами, шелковицею. Здѣшній край славится быть плодовитымъ, по тому что приближенъ къ полудню; это и правда; но не надобно вдаваться въ крайность. Что далѣе повезу за собой читателя, то чаще ему это повторять стану. Мы ни въ чемъ не находимъ средины: или все, или ни чего. И здѣсь также, какъ въ другихъ мѣстахъ Россіи, всѣмъ пользуется богачъ: у него и арбузы, и виноградъ, и шелкъ, но не у всякаго. Натура не даромъ расточаетъ свои сокровища: потребны къ наслажденію ими и земля, и труды, и средства; мало посѣять, надобно воспитать растеніе; погода не всегда благопріятствуетъ. Когда нѣтъ дождя—богатый польетъ; когда наводненіе, богачъ выпуститъ воду въ каналъ, а бѣдному гдѣ все это взять, и кѣмъ и какъ сдѣлать? И такъ не заблуждайтесь! Рядовый здѣшній обыватель не подастъ вамъ ни огурца, ни ягодъ, по тому что у него самаго ни чего нѣтъ, ни крынки молока, ни куска бѣлаго хлѣба.

Здѣсь живетъ знатный какой-то Молдаванъ, котораго всѣ зовутъ Графомъ Филипеско; многіе даютъ ему титло Господаря. Я ни чего объ немъ не знаю, какъ то, что война съ Турками выбросила на наши берега этого крупнаго осетра. Онъ находится здѣсь со всей своей семьей и домомъ, и видно много затащилъ съ собой дукатовъ, по тому что они за все про все изъ широкихъ его рукавовъ, какъ соръ, валятся. Съ нимъ трое сы-

новей, большіе съ женами, и нѣсколько внуковъ; ему лѣтъ 60; жена его еще не совсѣмъ старуха. При немъ вся его дворня, составляющая душъ 70. Все это мотаетъ до крайности: они другихъ денегъ не знаютъ, какъ червонныхъ. Лѣкарь его одинъ стоитъ ему 100 червонныхъ въ мѣсяцъ; онъ разъѣзжалъ со старшимъ сыномъ его, который былъ болѣнъ, по окрестностямъ Елисаветы, а меньшій самый, лѣтъ 20, молодой человѣкъ, въ ту самую минуту, какъ я пріѣхалъ въ городъ, былъ у меня съ визитомъ и отъ отца своего изъяснялъ Молдаванскіе комплименты. Такъ точно какаду, привезенный изъ Индіи въ клѣткѣ, кланяется сквозь желѣзную рѣшетку и хохломъ машетъ предъ всѣми.

При этомъ семействѣ приставленъ Россійскій Офицеръ, съ вѣдома и согласія котораго, я назавтра пошелъ поблагодарить Филипеско за его учтивость. Онъ принялъ меня на крыльцѣ. Сѣдая борода его и длинное Азіятское платье даютъ ему видъ весьма важный. Глаза его горятъ, и если по нимъ судить о душѣ и разумѣ, то безъ ошибки заключать можно, что онъ небезопасный человѣкъ въ критическихъ обстоятельствахъ. Домъ у него лучшій въ городѣ, но крайне тѣсенъ и малъ, весь состоитъ изъ 9 не комнатъ, а клѣтокъ; тутъ же принимаютъ, гдѣ и спятъ, а при всемъ томъ за эту квартиру платятъ они по 250 руб. въ мѣсяцъ: по ихъ деньгамъ все это пыль! Я у нихъ долго сидѣлъ и разговаривалъ съ ними черезъ переводчика. Сноха его старшая, женщина уже немолодая, но весьма образованная, говорила со мною очень чисто и по Русски и по Французски; и передавала свекру мои рѣчи по Гречески. Выговоръ у нея на всѣхъ языкахъ сладокъ и пріятенъ. Въ устахъ женщины, которая всѣ краски большаго свѣта получила въ свое воспитаніе, слышать Греческое нарѣчіе и ново и странно было для моихъ ушей. Я не знаю, какой она породы, но жила долго въ Россіи, была въ чужихъ краяхъ, вышла за Молдавана, и тамъ поселясь, дѣлитъ съ семействомъ мужа своего судьбу его. Они вообще тужатъ о родинѣ своей въ Бухарестѣ, не скидаютъ Молдаванскаго платья, и сыновья его вдвое прекраснѣе отъ того кажутся. Старики по вечерамъ для забавы играютъ въ карты, мечутъ grande patience. Что больше и дѣлать, потерявши свободу и родину? Старикъ, кажется, былъ очень утѣшенъ моимъ посѣщеніемъ и проводилъ

меня до моихъ дрожекъ; а можетъ быть, такая вѣжливость происходила и отъ неволи: она дѣлаетъ очень учтивымъ каждаго.

Я ходилъ смотрѣть Раскольничью церковь: она еще не освящена; строеніе каменное и со вкусомъ снаружи; внутри подобіе нашего храма, но Староста, который меня водилъ, называлъ ее часовней, по тому что въ ней не совершается обѣдни; да и антиминса нѣтъ. Престолъ на своемъ обыкновенномъ мѣстѣ; на немъ Евангеліе рукописное подъ титлами на пергаменѣ; нѣкоторыя слова различны съ нашими. Ни Царскихъ, ни Сѣверныхъ дверей еще нѣтъ, а въ отверстіяхъ, для нихъ прорубленныхъ, завѣсы. Служба отправляется по старымъ книгамъ. Иконостасъ не что иное, какъ стѣна, обитая бумажками, и на полкахъ въ три ряда разставлены разныя стариннаго письма иконы.

Близъ города старая обвалившаяся земляная крѣпостца, не заслуживающая примѣчанія: она нѣсколько видна съ большой дороги. При выѣздѣ изъ города каменный выстроенъ острогъ съ желѣзными вереями и заклепами. Архитектура наружная очень хороша, есть ли, говоря о тюрьмѣ, можно назвать что ни будь хорошимъ: каково-то въ ней!

Одинъ обыватель здѣшній разводитъ тутовыя деревья. Я къ нему ходилъ; онъ мнѣ съ подробностью весьма снисходительною показывалъ все производство шелковичнаго растенія. На одномъ листѣ до милліона яицъ оставляютъ бабочки. Ни чего нельзя видѣть любопытнѣе соединенія червячковъ: они поѣдятъ листъ и обовьются шелкомъ. Въ этой овальной желтой паутинѣ они ждутъ минуты, которую натура имъ назначила выйти оттуда съ крыльями и быть бабочками. Безъ всякихъ дальнихъ вымысловъ нѣкоторое число этихъ, такъ называемыхъ, куколъ повѣсятъ на снуркѣ, какъ баранки, на стѣну; солнце ихъ обогрѣетъ; они продерутъ скорлупу свою и выдутъ наружу. Ихъ возьмутъ, положатъ на листье, и новый родъ ихъ опять начнется, а прочихъ всѣхъ заморятъ въ этомъ чахлѣ и станутъ изъ него вить шелкъ. Сколько трудовъ натурѣ и человѣку для того, чтобъ модницамъ нашимъ было во что обуться и одѣться! Тутовое дерево само собою ни чего не значитъ; ягоды его очень приторны. Меня чрезвычайно заняли червячки, и я долго не могъ съ ними растаться.

Городъ, впрочемъ, ни чего очень любопытнаго не содержитъ, и хорошимъ его назвать нельзя; довольно, что онъ носитъ громкое имя, чтобъ долго жить со славою въ лѣтописяхъ нашихъ.

Прекрасно жить въ Елисаветѣ:
Тутъ черви намъ шелки дарятъ;
Такихъ арбузовъ въ цѣломъ свѣтѣ,
Какъ здѣсь, я слышалъ, не ѣдятъ.
Подъ властью быть Елисаветы
Прекраснѣй было во сто кратъ,
Когда ея благи совѣты
Творили счастье здѣшнихъ чадъ.
О градъ, Царицѣ соименный!
Хоть многихъ меньше ты градовъ:
По званью будешь, незабвенный
Въ сердцахъ Россійскихъ всѣхъ сыновъ!

ГЛАВА XXV.

Николаевская степь. Громоклея.

Въ Елисаветѣ пробыли только утро и отобѣдали. Оставя за собой берега Ингульскіе, орошаемые самой нечистой водой, в старую границу, по тому что все далѣе Елисаветграда покорено Екатериной, мы въѣхали въ Николаевскую ужасную степь. Полвѣка назадъ мы бы думали, что ѣдемъ въ чужіе края и на заставахъ стали бы у насъ спрашивать дипломатическихъ паспортовъ. Время все превращаетъ: наша подорожная почти до Царьграда намъ также хорошо нынѣ служила, какъ бы отъ Петербурга до Москвы, и мы по указу предубѣжденія въ чужой сторонѣ почитали себя дома.

Отъѣхавши верстъ 40, мы мѣняли лошадей въ селеніи небольшомъ, разбросанномъ по рѣчкѣ Судаклѣѣ, * катораядала

---

* Сугоклеѣ. О. Б.

ему свое имя. Отсюда стали мы примѣчать большіе камни, бѣлые и дикіе, обросшіе мхомъ и неподвижно тутъ натурой утвержденные; изъ самыхъ мелкихъ строятся низенькія горенки. Природа, кажется, не безъ умысла поставила у источниковъ морскихъ разныя особенныя вывѣски, и ими оградила собраніе водъ для того, чтобъ всѣхъ животныхъ, населяющихъ твердую землю, остеречь, предваривъ ихъ, что они приближаются не къ своей стихіи. Но нѣтъ! человѣкъ преградъ не знаетъ; да не отъ того, если, сославшись на стараго и иностраннаго писателя, смѣю и я сказать, чтобъ онъ былъ всего земнороднаго острѣе, а по тому, что онъ всѣхъ испорченнѣе и ни чѣмъ во вѣки не доволенъ. Дай на небѣ престолъ—и тамъ не умѣстимся.

По всей дорогѣ до Николаева, которая составляетъ 140 верстъ, вы ни чего не видите, кромѣ дикой степи, ни какого растенія: одинъ ковыль, какъ волна вьется по землѣ. Жаръ и зной палитъ ужасный: здѣсь тепла нѣтъ: или духота, или такой холодъ подъ вечеръ и предъ утренней зарей, что шубы просимъ; переходъ изъ воздуха въ другой быстръ и опасенъ для неосторожныхъ. Однако, чего нужда не дѣлаетъ? И тутъ селятся; мы нашли семей со 100, выѣхавшихъ на одну отведенную имъ равнину, съ семьями, скотомъ и всей своей пажитью. О бѣдные! Пожалѣлъ я объ нихъ и проскакалъ. А можетъ быть они и счастливѣй здѣсь будутъ: желаю, всѣмъ сердцемъ желаю!

Проѣхавъ третью часть степи, пора была помышлять о ночлегѣ. Остановились мы въ селеніи Громоклея: * названіе громкое, а жилища ни какого. Тутъ поселено 44 выходца, кои имянуются Молдаванскими Дворянами; владѣютъ 6-ю тысячами десятинъ земли, по тому что нѣкогда здѣсь ею не дорожили, а отдавали всякому, кто бы ни захотѣлъ; не платятъ ни какой подати, кромѣ поземельныхъ денегъ; скота имѣютъ пропасть; дровъ ни полѣна, топятъ кизикомъ, котораго навалены у нихъ стопы, какъ у насъ скирды съ хлѣбомъ: для насъ подъ чайникъ

---

* При рѣчкѣ Громоклеѣ Елисаветградскаго Уѣзда, въ 16 в. отъ города, съ 126 дворами и станціей; иначе Китросаново, Николаево, Дворянское. О. Б.

сожгли изломанное колесо тележное. Противъ нашего огня разложенъ былъ такой же у Хохловъ: они перевозили дубовый лѣсъ на корабли въ Николаевъ; его рубятъ въ, такъ называемомъ, Черномъ лѣсу, 90 верстъ отъ Николаева. На ночлегѣ отвѣчалъ прекрасно мнѣ одинъ молодой тутошній мужикъ. Спросилъ я его: «Есть ли у васъ дѣвки въ селеніи?»—«Куда же имъ переводиться? Вѣдь ихъ въ солдаты не берутъ.»

Отвели намъ избу, въ которой, по увѣренію почтаря, Военный Губернаторъ останавливается, но нечистота и гадъ насъ изъ нея скоро выжили. Мы предпочли поужинать на дворѣ: прекрасная зала, когда вечеръ такъ хорошъ, какъ былъ тогда! Вспомнили Курскую ярмарку, и легли спать въ каретѣ. Безпокойныя мечты тутъ меня замучили; сонъ бѣжалъ отъ очей моихъ; утренняя заря еще не занималась и одинъ полный мѣсяцъ сквозь темный завѣсъ ночи посылалъ лучи свои на землю; но что сіи блѣдные лучи озаряли? Увы! не излучины Англинскаго сада, не тихой ручеекъ въ долинахъ сладострастныхъ, не боскетъ, гдѣ любовь ищетъ любви и умираетъ въ восторгахъ. О! нѣтъ, мѣсяцъ освѣщалъ степь дикую и пространную, горизонтъ пустоты безконечной: небо и сухая земля! Сѣдой ковылъ, повѣваемый зефиромъ, покрываетъ всю степь и уподобляется океану: тотъ же ужасъ въ чувствахъ, что и на водѣ. Я испыталъ всю его дрожь, валяясь въ каретѣ; мало этой картины, чтобъ выразить вамъ тогдашнее мое положеніе. Всѣ около меня уже спали: люди, утомясь отъ жара, храпѣли на сырой землѣ; одна бѣдная жена моя дѣлила мою тоску и унылыя докуки. Въ воздухѣ раздавался лай псовъ или, лучше сказать, вой сей неусыпной стражи пустынныхъ жителей: въ одной избѣ замолкнутъ, завоютъ въ другой. Лѣнивый волъ, освобожденный на ночь отъ ярма, подошелъ къ нашей каретѣ и, потершись около кузова, рогомъ стучалъ въ стекло, противъ котораго я и спалъ; естьли не крѣпкаго сна, по крайней мѣрѣ сладостей дремоты, ни что ея не привлекало; духъ и умъ мой съ удивительнымъ напряженіемъ силъ бодрствовали, какъ бы для того, чтобъ разительнѣе чувствовалъ я бѣдствіе тѣхъ, кои не по прихотямъ, но изъ нужды, странствуютъ по морямъ и за морями.

Вотъ какъ мы провели кратчайшую лѣтнюю ночь Іюля 3 числа на степи подъ Николаевомъ. Никогда, никогда Громоклеи я не забуду. Вы, которые такъ восхищаетесь луной и ея свѣтомъ, любите читать страшныя повѣсти Г-жи Радклифъ! хотите ли познать ужасы мѣсячной ночи? Испытайте то же, что я: велите привезти себя туда, отпречь вашу карету, лягте въ ней соснуть, и повѣрьте, что нѣтъ ни чего тошнѣе, какъ удареніе мѣсячныхъ лучей, когда все, насъ окружающее, пусто, уныло и безплодно! О! какъ мѣсяцъ тогда противенъ! Сколько тысячъ разъ взглянулъ я въ самую среднюю его точку и—проклиналъ эту, столь очаровательную въ молодости моей, планету!

Лишь только стало разсвѣтать, я выскочилъ изъ кареты, накинулъ куртку и легъ, какъ отчаянный, на голой землѣ. Эта натуральная постель лучше меня успокоила: я часа два забылся, уснулъ. Потомъ спросилъ лошадей; жена напилась чаю, и въ 4 часа утра уже мы считали новыя версты.

ГЛАВА XXVI.

Пріѣздъ въ Николаевъ.

Отъ ночлега нашего въ сторонѣ, не въ дальнемъ разстояніи, селеніе, принадлежащее какому-то Пот... Тужилъ я, да поздно, что мы не знали объ немъ: чаятельно, тутъ мы бы ночевали лучше.

На дорогѣ нѣтъ ни чего завиднаго: мѣста каменистыя и часто горы, но не страшныя. На возвратномъ пути, будучи уже въ той сторонѣ знакомѣе, мы находили и тамъ убѣжище, гдѣ нынѣ просто скакали мимо безъ примѣчанія; такъ, на примѣръ, мы нашли чему подивиться въ деревнѣ одной госпожи Лореновой, у которой маленькая мыза при пути, близехонько отъ почтовой смѣны.

Вскорѣ за ней полюбилось мнѣ на всей этой степи одно только положеніе мѣста. При небольшомъ источникѣ построена

каменная низенькая церковь и обсажена ветлами. Здѣсь и это дерево въ диковинку: ни какого нѣтъ! Взглянувъ на церковь, вспомнилъ я, что это былъ воскресный день и съ умиленіемъ вздохнулъ. Кто что ни говори, чувствительность человѣческая есть та гибкая доска въ нашемъ составѣ, на которой врѣзываются всѣ впечатлѣнія ума и сердца. Законъ и богослуженіе есть дѣйствія общества. Натуральный, нами съ восторгомъ выхваляемый, человѣкъ не знаетъ ни буднихъ, ни праздниковъ; въ степи Вторникъ и Воскресенье все равно. Онъ работаетъ, прѣетъ, въ потѣ лица ѣстъ хлѣбъ свой, не видитъ ни чего выше неба; словомъ, онъ живой образецъ Адама, изгнаннаго изъ рая и осужденнаго на рабство, безконечнюй трудъ и смерть. Восхищайтесь такимъ бытіемъ, господа энтузіасты!

Обѣдали мы въ сараѣ, принадлежащемъ къ помѣстью одного Лѣкаря, и по тому станція, тутъ расположенная, называется Лѣкарева: * она въ 47 верстахъ отъ Николаева. Я въ ней отдохнулъ часа три и доправилъ недоимку съ Морфея, который въ прошедшей ночи не весь суточный доходъ мой мнѣ выплатилъ. Мужикъ тутошній сказывалъ намъ, что ихъ 90 душъ, и 4 помѣщика ими управляютъ, они жь и не въ раздѣлѣ. Весело, думаю, жить и тѣмъ и другимъ!

На послѣдней почтовой смѣнѣ Кандыбинѣ ** нашелъ я чистый самый и прозрачный ключъ воды, хрусталь не свѣтлѣе: онъ бьетъ изъ пригорка, въ которомъ, подобно искуственному гроту, натура дала глубокую впадину. Родникъ обнесенъ низкой оградой изъ тутошняго камня и представляетъ прохладную ванну. Верхній холмъ отѣняетъ ее отъ зною; отъ него проведенъ жолобъ, гдѣ, пасущіе овецъ и коней, обыватели напояютъ свой домашній скотъ. Какое романическое мѣсто! Я оросился этой благотворной водой, стоя подъ жолобомъ, и съ удовольствіемъ ея напился. Естьли бъ этотъ клочекъ земли съ водою вырѣзать

* Иначе Вейландова, при колодцѣ, въ 109 в. отъ своего Уѣзднаго города (Херсона), съ 29 д. О. Б.

** Кандыбинъ хуторъ, при ключѣ, въ 86 в. отъ Херсона. О. Б.

и отнести къ богатому барину въ Москву, который его бы убралъ, обогатилъ, отдѣлалъ, тото бы вышла заманчивая прогулка, сокровище! Но здѣсь натура одной постоянной цѣли своей искала—пользы. Она разсыпаетъ дары свои обильно, гдѣ не чаютъ: тамъ даетъ тополи и винограды, здѣсь гонитъ быстрый токъ воды, чтобъ дать прохладу утомленному пѣшеходу и освѣжить жаркую морду отягченнаго вола. Вотъ весь ея предметъ!

Натуру я осмѣлюсь уподобить здоровой и прекрасной женщинѣ, которая еще не одѣлась; а роскошь есть ея туалетъ, ея убранство, пособіемъ котораго получаетъ она сіяніе. Можно ли оспаривать истину, которую, кажется, сами чувства наши безпрестано исповѣдуютъ, что натура, сколь ни хороша въ своихъ твореніяхъ, но предметы, въ коихъ она на насъ дѣйствуетъ, удвоиваютъ ея прелести? Изъяснимся: солнце, луна, сіи два превосходныя свѣтила, нигдѣ не теряютъ своего достоинства и славы; но сравните ихъ въ отношеніи къ тѣламъ поднебеснымъ, на коихъ лучи ихъ отражаются, тѣ же свѣтила не вездѣ плѣнятъ васъ, не вездѣ на чувства ваши подѣйствуютъ одинаково. Солнечный лучъ, проникшій въ вашъ уединенный кабинетъ чрезъ отверстое окно, въ которое, вмѣстѣ съ нимъ, входитъ къ вамъ лѣтній вѣтерокъ сквозь тонкой раскрашенной сторъ, что мы прозрачіемъ называемъ, этотъ лучъ не стократъ ли пріятнѣе для васъ яркаго огня, подъ которымъ печется несчастный Хохолъ среди Николаевскихъ степей? Недавно и луна въ ужасъ приводила меня, отражаясь на земляхъ безплодныхъ; та же планета въ живописномъ боскетѣ, или въ липовой аллеѣ, ударяя въ чистый фонтанъ и обдѣлывая гранью пущенный изъ него столбъ воды, та же луна въ восторгъ васъ приводитъ, и вы съ возлюбленной возносите ее на лирѣ. Осмѣлимся взять въ примѣръ огонь вещественный, земной: внесемте свѣчи въ богатую комнату: какъ все покажется прекрасно! Внесите въ избу, гдѣ ползаетъ тараканъ, шумитъ сверчокъ, пролита крынка на лавкѣ, и вы изъ нея побѣжите: огонь, однако, и тамъ и тутъ одинъ и тотъ же. Ахъ! признаемся, что роскошь есть лакъ природы.

Кто не бывалъ, какъ я, нигдѣ, кромѣ Москвы и Петербурга, или городовъ вообще, тотъ послѣ такой продолжительной степной

дороги, увидѣвши Бугъ и городъ на немъ, закричитъ: «Слава Богу! Есть еще для меня и жизнь и люди!» Такъ чувствовалъ я, пріѣхавши въ Николаевъ. Еще было свѣтло. Бугъ меня обрадовалъ; сердце мое забилось; сколько идей различныхъ овладѣло мною! Мое намѣреніе, столь труднымъ въ началѣ казавшееся, почти исполнено: я приближаюсь къ Одессѣ; я ужь въ Николаевѣ, тамъ, гдѣ не было ни чего, кромѣ продолженія степи; тамъ, гдѣ чудотворная рука Екатерины воздвигла новые грады, покорила новые себѣ языки. Здѣсь соединяется Ингулъ съ Бугомъ. Первая рѣка нехороша, по тому что заплываетъ почти вся камышами; они, какъ стѣна, въ самой водѣ еще издали видны; а Бугъ мнѣ чрезвычайно показался. Протяженіе сей рѣки въ длину невелико: но какъ въ ней много воды! Какъ она индѣ широка, горда, рьяна! Я буду имѣть случай объ ней часто говорить.

Теперь скажемъ только, что мы, по пріѣздѣ въ городъ, не знали долго, куда пристать. Обѣщаны были съ нами письма изъ Кременчуга къ конторщику Г. Перетца, который здѣсь важные торги имѣетъ лѣсомъ и хлѣбомъ, но мы уѣхали безъ нихъ и, какъ иногда случай гораздо лучше догадки, то мы нечаянно подъѣхавъ къ Провіантской Г-на Перетца конторѣ, нашли вѣжливаго прикащика, который, по ссылкѣ нашей на извѣстныхъ ему въ Кременчугѣ людей, на обѣщанныя письма, рѣшился насъ принять и отвести намъ всю свою прекрасную квартиру. Домъ каменный, стѣны росписныя, мебель пристойная, комнаты небольшія, да чистыя; а для насъ тогда и хорошая изба показалась бы дворцомъ: усталому вездѣ тамъ рай, гдѣ онъ отдохнуть можетъ. И такъ мы разсудили, оглядѣвъ всѣ прелести нашего жилья, остановиться тутъ дни на три.

ГЛАВА XXVII.

Николаевъ.

Зачнемъ съ хозяина, Г. К., который управляетъ дѣлами Провіантскими по довѣренности Перетца, доставилъ намъ всѣ тѣ удовольствія, какихъ только въ незнакомомъ краю ожидать

можно. Я не назову этого простымъ гостепріимствомъ; нѣтъ, тутъ было доброхотство, ласка, желаніе угодить, и оно тѣмъ чувствительнѣе меня тронуло, что я ни чѣмъ его не заслужилъ. Мы имѣли чай, кофе, когда хотѣли, хорошую баню, всякой день столъ готовый, за который Г. К. съ самою тонкою вѣжливостію приглашалъ тѣхъ изъ посѣтителей нашихъ, коихъ замѣчалъ онъ, что бесѣда насъ занимаетъ особливо. Гдѣ жь искать причины такой разборчивости въ уваженіяхъ? Г. К. мнѣ не былъ ни другъ, ни родня. Сколько родныхъ на свѣтѣ, которые охотно кинутъ бѣдному родственнику пять сотъ, тысячу, рублей, для того, что они привыкли сорить деньгами и что для нихъ все равно, какъ и куда ихъ употребить, лишь бы доходы ихъ были расточены пышнымъ образомъ; и какъ мало такихъ ближнихъ, кои бы показали вниманіе безденежное, но стакратъ драгоцѣннѣе золота самаго! Г. К., угостивъ насъ на чужой сторонѣ, какъ родной, безъ всякихъ видовъ корысти, пріобрѣлъ вѣчное право на мою признательность.

Городъ новъ, выросъ, такъ сказать, изъ земли, но видно, по многимъ примѣтамъ, что онъ назначался быть огромнымъ по здѣшней сторонѣ. Обывательскихъ домовъ довольно, казармъ и слободъ также; улицы широки и правильны, но не мощены; ибо грунтъ песчанъ. Каменныя лавки отличаются менѣе своей красотой, чѣмъ своей дороговизной въ товарахъ; все можно достать, но за высокую цѣну. Я купилъ здѣсь сукна, для того только, чтобъ носить Николаевской фракъ. Вотъ первая вывѣска моего пристрастія къ этому городу!

Городомъ управляетъ Военный Губернаторъ. Мѣсто его занималъ въ то время Г. Я., морской немолодой Генералъ и страждущій глазными болѣзнями; онъ ведетъ жизнь самую уединенную; ни кого не принимаетъ безъ дѣла, самъ не бываетъ ни въ какихъ собраніяхъ. Домъ, гдѣ онъ живетъ, великъ и хорошо убранъ; въ немъ предмѣстникъ его, Г. Маркизъ де Траверсе, частые давалъ пиры и былъ чрезвычайно любимъ въ городѣ. Никто не произноситъ его имени въ Николаевѣ безъ похвалъ, и похвалъ самыхъ искреннихъ. Не станемъ полагаться на тѣ, коими украшаютъ память его морскіе Чиновники: по главному начальству

его надъ ихъ службой, они могутъ и нынѣ, изъ одной осторожности и политики, объ немъ отзываться выгодно; но Священникъ, приказный, ремесленикъ, торгаши всякаго состоянія и возраста, люди, всѣ его превозносятъ, и естьли можно чему ни будь поревновать въ такомъ мірѣ, гдѣ все гибнетъ, такъ, конечно, позавидовать простительно славѣ, которую Г. де Траверсе по себѣ оставилъ въ Николаевѣ. Онъ никогда не скрывался отъ людей; онъ искалъ ихъ, дѣлалъ для нихъ забавы, сосредоточивалъ ихъ всѣхъ у себя, и былъ обожаемъ. Нелюдимъ можетъ быть достоинъ и почтенъ, но любезенъ никогда. Чтобы быть любиму, надобно любить, или видъ благосклонности показывать; а кто бѣгаетъ отъ людей, тотъ милъ имъ никогда не будетъ.

Здѣсь разныя части управленія. Адмиралтейство учреждено въ большомъ каменномъ и прекрасномъ домѣ съ флигелями, колоннами и галереями; противъ него большая площадь; видъ строенія отвѣтствуетъ колоссальнымъ намѣреніямъ того, который кинулъ первыя основанія Николаева: извѣстно, что его заложилъ Потемкинъ. Я со многими Чиновниками морскими ознакомился. Нигдѣ нѣтъ такой привѣтливости, какъ въ этой службѣ. Вода сближаетъ всѣ народы, и морскіе Офицеры хоть кажутся дики въ обществѣ, но можно смѣло ручаться, что нѣтъ ни одного изъ нихъ, который бы не былъ пріятно и полезно образованъ самъ собою и собственнымъ своимъ навыкомъ, а это средство прочнѣе всѣхъ Академическихъ. Г. Леонтовичъ, первый Чиновникъ здѣсь подъ Адмираломъ; онъ женатъ на дочери де Траверсе, воспитанной въ Смольномъ Монастырѣ; онъ неоднократно посѣтилъ меня, обласкалъ и самъ охотно возилъ меня по всѣмъ здѣшнимъ заведеніямъ. Ихъ много, и Николаевъ большое мѣсто займетъ въ моемъ путешествіи.

Соборъ каменный строенъ при Потемкинѣ и его иждивеніемъ, во имя его патрона, Григорія Армянина, которому празднуется 30-го Сентября. Говорятъ, что онъ хотѣлъ дать изображенію его видъ Азіятской, и для того списалъ съ одного Турка лицо, которое въ одеждѣ Священномученика поставлено въ иконостасъ: не знаю, правда ли, но отъ него станется: онъ рожденъ былъ для всего необыкновеннаго. Соборъ ни живописью, ни красотой убран-

ства не щеголяетъ; лишь одной огромностью своей важенъ. При немъ Протопопъ изъ Малороссіянъ, по прозванію Савурской, пожилой Священникъ, лѣтъ близъ 70, но веселый въ обращеніи и словоохотный: онъ раздѣлялъ со мной большую часть моего времени, много видѣлъ, слышалъ и съ догадкой вѣкъ свой прожилъ. Князь его выписалъ сюда подъ кровъ чистаго неба, поставилъ ему камышевый храмъ; въ немъ онъ воскурилъ первое кадило предъ Богомъ: пора была помыслить о безкровной жертвѣ на такой землѣ, которая утучнена была толикими жертвами крови, не агнчей, но человѣческой; 20 лѣтъ слишкомъ онъ при семъ храмѣ и свидѣтелемъ былъ славы и гроба Потемкина, многія воспоминаетъ интересныя событія его жизни. Отецъ Ефимій пристрастился къ Николаеву и тужитъ о томъ, что Одесса похитила его добычи; такъ точно и Николаевъ вселилъ въ забвеніе Херсонъ. Что вѣчно въ мірѣ? Соборъ обнесенъ оградой; внутри ея близъ стѣнъ церковныхъ воздвигнутъ памятникъ изъ бѣлаго камня, надъ извѣстнымъ и громкимъ, въ свое время Фалеевымъ, который приводилъ все здѣсь въ движеніе, по мановенію Князя Таврическаго. Подлинно, можно время образованія сего края уподобить эпохѣ сотворенія міра, когда Всесильный рекъ—и быша, повелѣ—и создашася! Сверхъ этого собора городъ имѣетъ застроенную церковь и Раскольничій храмъ; въ новыхъ населеніяхъ ихъ охотно терпятъ: гдѣ не было вовсе престола, тамъ и кумиръ поставить можно. Новые люди, пришедъ на землю нову, и тому поклонятся. Чего здѣсь не построили, не развели, не посадили, чтобъ послѣ бросить и показать образчики начатаго, но несовершеннаго, великолѣпія!

ГЛАВА XXVIII.

Верфь. Депо. Штурманская школа.

Главный предметъ вниманія въ Николаевѣ есть корабельная верфь. Здѣсь заложены и строились при насъ одинъ 70-ти пушечный корабль, фрегатъ и канонирское судно. Лѣсъ дубовый ставитъ Перетцъ по подряду съ Казной, цѣною за 40 копѣекъ пудъ

его на корабль идетъ до 300 тысячъ; онъ въ отдѣлкѣ становится въ милліонъ. Какая куча денегъ! какая громада въ строеніи! а на морѣ—игрушка, и волна его кидаетъ изъ стороны въ сторону. На берегу корабль нѣчто страшное, по величинѣ своей и составу. Я сходилъ внутрь до самаго киля, видѣлъ первоначальныя основанія его и могучія ребра этого колосса: 500 работниковъ возятся около его круглый годъ съ топорами. Мачта каждая стоитъ до 2 тысячъ рублей; мнѣ казали, какъ и ихъ дѣлаютъ. При Адмиралтействѣ заведены двѣ мастерскія палаты: одна для кузнечныхъ а другая для всякихъ мѣдныхъ, подѣлокъ.

Особое училище для морскихъ воспитанниковъ, подъ названіемъ Штурманской школы, небогато, но всего имѣетъ понемногу, и книгъ и инструментовъ па нужду довольно. Я не говорю о воздушной и электрической машинахъ: гдѣ жь ихъ нѣтъ! Сюда выписанъ астрономическій кругъ, но онъ хуже Харьковскаго: тамъ всѣ планеты на одномъ дискѣ, и все движеніе небеснаго круга видно вдругъ; а здѣсь каждая изъ нихъ съ своими спутниками привинчивается для классическаго изъясненія. Большой портретъ Петра I въ залѣ изображаетъ его очень живо; предъ нимъ поставлена модель корабля, и онъ будто радуется на свое любимое ремесло. На дворѣ училища выставленъ средняго размѣра корабль, на которомъ дѣти пріучаются теоріи мореплаванія и познаютъ систему паруснаго дѣйствія: куда ни обернись, вездѣ мачта и канатъ.

Рѣдкостью осмѣлюсь назвать два камня нарочитой величины изъ чистаго бѣлаго мрамора. Объ нихъ словарь говоритъ, что они въ соборѣ; такъ прежде и было: одинъ лежалъ при церкви, другой въ алтарѣ; по времени оба они перенесены сюда и здѣсь хранятся. По надписи на одномъ изъ нихъ судя, онъ отломанъ отъ памятника, сооруженнаго Стратону: это очень явственно видно. На другой доскѣ надпись есть же, но она еще не переведена; ни кто донынѣ въ смыслъ ея не вразумится. Буквы изгладились и не такъ отличительны черты ея. Обѣ этѣ доски вырыты, какъ сказывали мнѣ, въ дачахъ Графа Безбородька, о коихъ буду писать, когда до нихъ доѣду; а чтобъ не смѣшивать предметовъ, и чрезъ то не приводить читателей въ излишнее разсѣяніе, я продолжать стану

о Николаевѣ. Еще удивительнѣе двѣ машины, устроенныя при Адмиралтействѣ, выдумки какого-то механика, Англичанина Юнга. Одна, посредствомъ двухъ лошадей, приводитъ въ движеніе до 6 разныхъ станковъ, на коихъ одинъ мѣдь сверлитъ, другой ее точитъ, и всѣ этѣ разнородныя работы по волѣ каждаго мастероваго могутъ, независимо одна отъ другой, прекращаться вдругъ. Этотъ механизмъ очень любопытенъ. Другой также не изъ самыхъ посредственныхъ изобрѣтеній. Двѣ лошади движеніемъ своимъ приводятъ въ дѣйствіе такія пружины, посредствомъ коихъ желтая краска, для кораблей очень нужная, растирается, просѣвается, отдѣляется отъ постороннихъ своихъ частей въ одно время вдругъ. Изобрѣтателя сихъ машинъ здѣсь уже нѣтъ: онъ взятъ въ другое мѣсто.

Бакаутовое дерево, какъ извѣстно, выводится въ Россію; Англичане изъ Америки къ намъ его не пускаютъ. Дерево плотное, крѣпкое, необходимое для судовъ. Потребность сію замѣнили мѣдью; но многіе морскіе думаютъ, что ржа, которой металлъ сей подверженъ, и собственная его мягкость, не равняютъ пользы его съ той, какая отъ бакаута получается; ибо сіе дерево легче гораздо металла; оно сдѣлалось чрезвычайно цѣнно. Въ особомъ большомъ сараѣ дѣлаются разной величины блоки.

Предполагали основать здѣсь Морской Корпусъ; но проектъ такой, полезный на краю Имперіи къ Черному морю, не состоялся по тому, что суммы, на то ассигнованныя, нечаянно остановлены. Для начала сего заведенія устроено, подъ названіемъ Адмиралтейскаго Депо, хранилище разныхъ орудій и книгъ, Библіотека, въ которой, между учебными сочиненіями, есть мѣсто и для Изящной Словесности; физическихъ и астрономическихъ инструментовъ довольно, и все въ наилучшемъ состояніи. Любитъ ли кто Естествословіе? Тутъ найдетъ собраніе изрядныхъ чучелъ. Примѣчательнѣе всѣхъ, по сходству съ живыми и искуству въ отдѣлкѣ, крокодилъ, черепаха и кабанъ. Охотникъ ли кто до Нумизматики? Найдетъ изрядное количество медалей. Въ Депо есть большая книга, въ которую вписывается имя всякаго того, кто, при посѣщеніи кабинетовъ, положитъ въ нихъ что ни будь рѣдкое. И я былъ вкладчикомъ, присоединяя къ собранію раз-

ныхъ монетъ, золотаго Наполеона въ 20 франковъ, котораго у нихъ еще не было. Пусть хоть по самой малости помнятъ меня тамъ, гдѣ я ни кого не забылъ и не забуду. Разныхъ судовъ морскихъ и построеній увидите вы тутъ хорошія модели. Сверхъ того въ особой залѣ приготовляются къ отдѣлкѣ 2 глобуса отличнаго роста, въ 9 футовъ вышины. Все это заводилъ, ободрялъ и поддерживалъ, Маркизъ де Траверсе. Нельзя не отдать ему большой чести, не смотря на завистниковъ его, естьли и онъ гдѣ либо ихъ, какъ ужей изъ травы, противъ себя выгналъ.

При взятіи Анапы найдены въ ней и присланы сюда двѣ доски мраморныя съ надписьми Турецкими. Доски хранятся въ этомъ Депо; надписи переведены. Я остановился противъ нихъ, долго разсматривалъ и получилъ списокъ съ перевода, котораго вотъ содержаніе:

СУЛТАНЪ СЕЛИМЪ МУСТАФА АГА.

1. О Великій Боже!	1. Безъ твоего соизволенія, ни что не колеблется.
2. Султанъ Селимъ имѣетъ неограниченную власть.	2. Проситъ тебя, о Великій Боже, сохранить всѣ грады его во вѣки.
3. Печется о всѣхъ городахъ, ему подвластныхъ, строитъ и доканчиваетъ новый.	3. Дабы подданные его были всегда покойны.
4. И какъ всѣ города, во владѣніи находящіеся, въ продолженіи жизни его благополучны, то и оный да будетъ таковымъ во вѣки!	4. А враги его тому удивлялись бы.
5. Онъ соорудилъ теперь городъ Анапъ.	5. Жители онаго да будутъ благополучны.
6. Около его сдѣлалъ прекрасныя ворота.	6. И самые величайшіе исполины не могутъ разрушить оныхъ.
7. Поставилъ на берегу Чернаго моря.	7. Отъ лукаваго врага охраненъ Богомъ.
8. Да будетъ извѣстно каждому, что сія надпись сдѣлана въ память сооруженія города Анапа и въ вѣчное прославленіе Султана Селима.	8. Сочинитель ея есть одинъ изъ жителей города Анапа.

1798 года.

1. Во время царствованія Султана Селима.	1. Сохранителя и покровителя своихъ подданныхъ и законовъ Божіихъ.
2. Сооруженъ имъ сей городъ для его воиновъ.	2. Преодолѣвъ всѣ затрудненія.
3. Въ сооруженіи онаго помощникомъ былъ Богъ.	3. Ибо по соизволенію его и милости многіе люди покорены.
4. Мустафа Паша и Мустафа Ага.	4. Кои употребили великіе свои труды.
5. И въ знакъ памяти сдѣлана надпись.	5. На сихъ прекрасныхъ вратахъ прославленъ Ты, о великій Боже!
6. Сей камень положенъ 1796 года.	6. Сія надпись сдѣлана въ память построенія города Анапы Султаномъ Селимомъ.

Переводъ съ Турецкаго языка на Россійскій надписи, высѣченной на мраморной меньшой плитѣ, доставленной изъ города Анапа.

ГЛАВА XXIX.

Кладбище Спаское.

Подъ городомъ отведено кладбище. Ефимій, о которомъ я уже далъ идею, любя это мѣсто и желая положить здѣсь свои кости, назвалъ его «Село Божіе:» подлинно его; ибо наполнено мертвецами. Тутъ выстроенъ прекрасный храмъ, расписанный аллегорическими картинами, занятыми въ Священномъ Писаніи; церковь во имя Всѣхъ Святыхъ; Ефимій ежедневно въ ней служитъ. Г. Тулубьевъ, воинъ, оказавшій на морѣ свою храбрость и лишившійся ноги, вспомоществуетъ своими избытками благолѣпію церкви. Я съ нимъ познакомился, и сей достойный человѣкъ удостоилъ меня своей пріязни. Ефимій меня возилъ сюда. При входѣ въ церковь удивленъ я былъ пѣвчими; человѣкъ до 20 въ синихъ одеждахъ съ палевымъ приборомъ, по Малороссійскому покрою, пропѣли концертъ: бассы прекрасные, громъ ужасный. остатокъ старинной роскоши, которую вводилъ во вкусъ Потем-

кинъ. Хоръ принадлежитъ къ Адмиралтейству. Но все имѣетъ свое время; вельможа умеръ—и многія прелести здѣшняго края исчезли. Я съ любопытствомъ ходилъ по могиламъ. И здѣсь уже ихъ пропасть: смерть вездѣ дань беретъ съ человѣчества; но глаза мои не встрѣтили ни стихотворныхъ надписей, ни замысловатыхъ эмблеммъ; какъ проста натура, такъ и надробныя: онѣ всѣ изъ дикаго камня, хуже, или лучше, обтесаннаго—готовая и общая на каждомъ надпись. Со мной былъ одинъ знакомый, морской Офицеръ; онъ имѣлъ несчастіе потерять на дняхъ малолѣтняго брата лѣтъ 15-ти. Неосторожная молодость! Купавшись, онъ утонулъ и погребенъ тутъ. Проходя мимо его гроба, тронутый братъ кинулъ на прахъ его еще свѣжій дикую гвоздику и палъ на землю. Убійственно зрѣлище печали!

Хозяинъ нашъ, Ефимій, и я съ своими сотоварищами ѣздили смотрѣть недалеко отъ города прекрасный садъ, гдѣ по Воскресеньямъ вся публика гуляетъ. Здѣсь нѣкогда Потемкинъ живалъ самъ и давалъ роскошные праздники; отъ времени его осталась большая галерея и домъ, которые бы пришли уже въ совершенную ветхость, естьли бы не обиталъ въ ней по лѣтамъ Маркизъ де Траверсе. Послѣ Князя поддерживалъ это мѣсто Мордвиновъ. При смѣнившемъ его садъ пострадалъ отъ небреженія. Маркизъ, принявъ начальство, подсадилъ всѣ деревья и сдѣлалъ его опять прекраснѣйшимъ для прогулки. Чего тутъ не дала натура? И свѣжіе родники, и кущи тѣнистыя, меланхолическіе овраги, глухія ущелія, все есть, чего воображеніе ищетъ. Мы долго тутъ гуляли, пили воду безподобную, обливались ею, словомъ, мы наслаждались богатствомъ здѣшняго климата. Я видѣлъ въ первый разъ тополь и раину, два дерева прекрасныя: первое имѣетъ сучья и крючковато иногда ростетъ, а послѣднее вытягивается, какъ струна и удивительно чисто летитъ до вершины. Оба они, подобно ветлѣ, отъ палокъ безъ корней произростаютъ и разводятся отмѣнно скоро, но не любятъ гористыхъ и слишкомъ высокихъ мѣстъ. Говорятъ, что этотъ садъ, или все мѣсто, названо Спаскимъ по тому, что Князь, живши въ Николаевѣ, катаясь по Бугу, противъ этого берега утонулъ было, но спасенъ; отсюда и имя дано мѣсту. Утверждаютъ даже, что, по особенному къ нему прилѣпленію Княжему, предполагали здѣсь

поставить монастырь, подъ названіемъ Спасо-Николаевскаго, и что до построенія его уже назначенъ былъ въ Архимандриты въ эту обитель, извѣстный по уму и дарованіямъ своимъ, Моисей Гумилевскій, что былъ послѣ Епископомъ въ Θеодосіи. * Но умеръ Князь, и замыслы его съ нимъ похоронились.

Въ Николаевъ загнали нѣсколько Турецкихъ Пашей: считаютъ ихъ до 4-хъ; иные плѣнные, другіе, измѣнивъ народу своему, перебѣжали къ намъ, и тутъ содержатся впредь до расчета съ Портой. Они стоятъ Казнѣ до 4 тысячъ въ мѣсяцъ; ѣздятъ другъ къ другу въ каретахъ и на дрожкахъ, мотаютъ и дурачатся. Добрый здѣшній Городничій, Г. Воз...... хорошій мой знакомой, весьма забавно шутитъ на ихъ счетъ.

Немало я смѣялся и тому, какъ узналъ, что изъ Тріеста и разныхъ другихъ иностранныхъ мѣстъ той же области приходили сюда и пріѣзжали на волахъ наши матросы. Матросъ въ походѣ пѣшкомъ, или верхомъ, словомъ, какъ бы то ни было, но не на морскомъ экипажѣ, есть самое смѣшное зрѣлище. Извѣстно ли, нѣтъ ли многимъ, да и я знаю по тому только, что здѣсь слышалъ, что нѣкоторые наши корабли военные были проданы Французамъ, разумѣется, безъ людей; слѣдовательно, люди, сняты бывъ съ морскихъ судовъ, отпущены въ Россію и кучками стали при насъ приходить въ Николаевъ. Многіе изъ нашихъ матросовъ, проживъ тамъ лѣтъ 9-ть, совершенные сдѣлались мастера говорить по Итальянски.

Всего Николаева описать въ одинъ разъ не возможно; останемся на томъ, что сказано уже, и поѣдемъ далѣе. Пробывъ здѣсь часть 3-го и 4-го весь день, выѣхали 5 Іюля изъ Спаскаго саду прямо въ путь и простились съ добромъ нашимъ хозяи-

---

* Въ свѣтѣ Михаилъ, р. во Владимирѣ, гдѣ былъ причетникомъ, потомъ обучался въ Московской Академіи, по выходѣ изъ коей былъ Учителемъ Еврейскаго и Греческаго языковъ, потомъ Поэзіи; монахъ, Учитель Риторики, проповѣдникъ и Игуменъ Знаменскаго монастыря, съ 1785 Учитель Философіи и Префектъ; въ началѣ 1788, по вызову Потемкина въ Молдавскую армію, Оберъ-Іеромонахъ ея, далѣе Архимандритъ, съ Іюня 1791 г. Епископъ Θеодосійскій, Октября 5-го, 1792, убитый въ Крымѣ домашними.

номъ, Городничимъ, и благосклоннымъ Пресвитеромъ, но съ надеждою скоро опять видѣться на возвратномъ пути изъ Одессы. Можно бы взять и другой путь на Тирасполь въ Кіевъ, но насъ все такъ плѣнило здѣсь, что мы рѣшились опять сюда быть. Ефимій на берегу рѣки въ камилавкѣ, съ крестомъ и лентой на груди и закутанъ шалью, давалъ намъ свое благословеніе. Надлежало переѣхать Бугъ; для насъ готова была уже шлюпка: морской пріятель нашъ, Буд.... и хозяинъ дома, гдѣ мы стояли, сѣлъ въ нее прежде насъ; за ними и мы, перекрестясь, спрыгнули съ пристани; матросы кинули веслы, и вотъ уже плывемъ на Бугѣ!

ГЛАВА XXX.

Имѣніе Графа Безбородька.

Въ бытность мою въ Полтавѣ Графъ Безбородько убѣдительно требовалъ отъ меня, чтобы я заѣхалъ въ его имѣніе недалеко отъ Николаева; и дабы я могъ видѣть все то, что въ немъ есть примѣчанія достойнаго, снабдилъ меня письмомъ къ своему прикащику. Село его Ильинское, * въ 30 верстахъ отсюда. Я поѣхалъ, отобѣдавши въ Николаевѣ и нагулявшись въ Спаскомъ. На Бугѣ ожидала насъ Адмиральская шлюпка. Пристань отмѣнно хорошо сдѣлана; мостъ наведенъ широкій и до глубины рѣки; по обѣ стороны разставлены фонари—знакъ вниманія къ проѣзжимъ. Небольшой вѣтерокъ колебалъ Бугъ, но онъ былъ попутный; подняли парусы и поплыли. Шлюпка шла на боку отъ естественныхъ причинъ и необходимыхъ; но жена моя въ первый разъ бывъ на водѣ, этого боялася, тѣмъ болѣе, что мы колыхались, какъ въ люлькѣ. Ефимій, стоя на пристани, не снималъ глазъ съ насъ, доколѣ мы у него изъ виду пропали. Г. Б. и хозяинъ нашъ, высадивъ насъ на берегъ, еще съ нами простились, и мы поскакали.

---

* По имени Графа Ильи Андреевича названное, собственно же Порутино, при Бужскомъ лиманѣ, въ 128 верстахъ отъ Одессы, съ 100 дворовъ и церковью. О. Б.

Отъ Николаева та же простирается степь пустая и пространная. Бугъ то пропадаетъ, то опять показывается; въ отдаленности видъ его представляетъ море. Уже поздно было, какъ мы выѣхали изъ города; сумерки застали насъ на пути. Я сидѣлъ съ женой въ коляскѣ. Мѣсяцъ взошелъ и изъ за красныхъ облаковъ, наполненныхъ огня и грома, ударялъ въ синія волны Буга. Опять новый предметъ ужаса! Жена скрывала свой страхъ, чтобъ не дать пищи моимъ чернымъ мыслямъ; я дѣлалъ то же въ отношеніи къ ней. Помѣстье Графское имѣетъ свое тутошнее наименованіе, * и, сверхъ того, старинное историческое, вновь ему присвоенное; и такъ мы съ ямщиками не могли другъ друга понять: я спрашивалъ ихъ про Ольвію, они твердили мнѣ объ Ильинскомъ. Такое недоумѣніе удвоивало страхи; мы боялись, что насъ не туда провезутъ, куда мы хотѣли ѣхать; то же недоразумѣніе и въ разстояніяхъ: и такъ все насъ безпокоило.

Доѣхали мы до Ильинскаго поздно, почти ночью; однако передовыя насъ возвѣстили: прикащикъ ждалъ; я ему отдалъ Графское письмо. Онъ отвелъ намъ двѣ комнаты, изрядно прибранныя, хотя очень маленькія, и съ Турецкимъ диваномъ. Графъ недавно началъ здѣсь строиться, и предпріятіе его поставить, для своихъ наѣздовъ, домъ, идетъ весьма медленно. Да и нельзя иначе: мѣсто степное, дикое, безлѣсное; когда мы вообразимъ, что здѣсь, 25 лѣтъ назадъ, обитали вездѣ Турки, и что воіна старое все истребила, а миръ непродолжительный ни чего новаго устроить не допустилъ, то мы и тому подивиться должны, что нашли уже селеніе Русское, Христіанской храмъ, хаты, обитателей и господскій флигель.

Екатерина, отнявъ у Турокъ Крымъ, поспѣшила многимъ завоеваннымъ мѣстамъ дать древнія имена, и одинъ городокъ отъ нея получилъ наименованіе Ольвіополя; ** но естественныя

---

* Порутино. О. Б.

** Ὀλβία, Olbia, Ὀλβιόπολις, Olbiopolis, по прозванію Σαβία, построена Милесцами около 655 г. (по другимъ 640) до Р. Х. Ее посѣщалъ и описалъ Геродотъ. славилась своей торговлей съ окрестными народами. Екатерининъ же Ольвіополь при устьѣ рѣчки Синюхи, впадающей въ Бугъ: сперва назывался онъ

открытія заставляютъ убѣждаться, что Римскій городъ Ольвія не тамъ былъ, гдѣ Таврическая Владычица его нарекла, а здѣсь, точно здѣсь, въ дачахъ, поступившихъ по времени во владѣніе Графа Безбородька. Сіе доказывается рытвинами, изъ которыхъ безпрестанно извлекаются разныя древности. Я ѣздилъ ихъ осматривать; они раскиданы по берегамъ Буга, но, къ сожалѣнію моему, работы полевыя остановили сіи упражненія, и я ни чего не видалъ, кромѣ двухъ дудокъ или отверстій въ землю. Въ нихъ опускается человѣкъ сажени на двѣ и на три глубины, и выноситъ оттуда обломки разныхъ досокъ, мѣдныя и серебряныя монеты. Естьли бъ я былъ антикварій, я бы на счетъ ихъ распространился; но я углублялся въ одни нравственныя измѣненія, не разсматривая вещей неодушевленныхъ.

По большой части вырываютъ изъ земли горшки глиняные, подобные нашей каменной посудѣ, цвѣта краснаго и содержащіе въ себѣ пепелъ. Ольвія, по историческимъ преданіямъ, былъ городъ ссылной; естьли вѣрить, что онъ существовалъ на самомъ этомъ мѣстѣ, то сколькихъ злодѣевъ мы доискиваемся остатковъ и, обрадовавшись, когда попадется намъ урна съ ихъ пепломъ, за рѣдкость ее почитаемъ. Вотъ какъ все во времени и отъ времени зависитъ.

Графу недавно послали до 2000 монетъ серебряныхъ, величиною съ нашъ гривенникъ, вѣсомъ до полу пуда. Я купилъ себѣ у крестьянъ его 4, и заплатилъ 10 руб. Они въ большой цѣнѣ. На всѣхъ почти вы найдете чеканъ города Ольвіи. Поселяне, для построенія себѣ домовъ, ходятъ рыть дикой камень, и добываютъ ихъ вмѣстѣ съ онымъ; онъ продается ими въ ихъ пользу. Мѣсто, гдѣ сдѣланы ямы для сихъ изысканій, какъ будто городокъ. Тутъ же открыты разной величины бѣлаго мрамора доски, кои хранятся до пріѣзда ожидаемаго сюда помѣщика. Надписи на нихъ почти на всѣхъ Греческія; иныя очень хорошо сохранились. На одной я очень явственно прочелъ имя

Екатерининъ Шанцъ, Екатерининская Крѣпость, въ 115 верстахъ отъ Херсона; нынѣ Уѣздный городъ, а крѣпость упразднена. О. Б.

Аполлона. Другой занялся бы ими очень долго, но я взглянулъ и, виноватъ! прочь пошелъ. Что мнѣ въ камняхъ? Кажите мнѣ людей! Камень найпревосходнѣйшій тешется въ одинъ часъ, да и самой грубой рукой, а человѣкъ образуется часто вѣками и цѣлыми поколѣніями.

Около рытвинъ и такъ сказаннаго городка начался Лиманъ. Между многихъ бугровъ или кургановъ, кои это урочище опоясуютъ и даютъ ему наименованіе «Сто могилъ,» самый высокій холмъ открываетъ найлучшіе виды по Бугу и за онымъ. Отсель чуть, чуть показывается Таврическій берегъ. Лиманъ отъ этого холма до крайнихъ границъ своихъ простирается на 15 верстъ. Въ одну сторону видѣнъ Николаевъ, въ другую Очаковъ. Рѣдкое мѣсто въ природѣ! Я долго тутъ гулялъ и смотрѣлъ, какъ отважные рыбаки ловятъ рыбу. При насъ попались только севрюги и мелочь, изъ которой намъ сварили уху; но прикащикъ увѣрялъ, что попадаются иногда и стерляди и осетры; онъ же утверждалъ, что недавно тутъ изловили бѣлугу въ 8 пуд. и 19 фунтовъ.

Въ селѣ выстроена каменная церковь, во имя Александра Пресвитера и въ честь патрону Князя Безбородька. * Внутри ея чисто, хорошо и прохладно; ни чего нѣтъ, впрочемъ, отличнаго: утварь бѣдная, Евангеліе мѣдное, Священникъ молодъ и не изъ ученыхъ; можетъ быть, это и къ лучшему: богословы нашего времени больше удобны сбить съ пути добрыхъ поселянъ, нежели просвѣтить умъ ихъ и очистить Религію.

И такъ все въ Ильинскомъ осмотрѣвъ въ одно утро, мы тутъ отобѣдали и поѣхали въ Очаковъ.

---

* Александръ Пресвитеръ или Іерей, Священномученикъ, 15-го Марта, скончался въ III вѣкѣ, въ Сидѣ. О. Б.

ГЛАВА XXXI.

Очаковъ.

На пути къ Очакову, который не въ недальнемъ разстояніи отъ Ильинскаго, двѣ промоины выманили меня изъ коляски; между ними холмъ на водахъ Лиманскихъ. Какая прекрасная точка земли! Тутъ бы поставить храмъ, и славить въ немъ Трисвятаго. Доѣхали въ Очаковъ рано.

Знаменитое мѣсто въ нашей исторіи! Бралъ его Минихъ, бралъ и Потемкинъ; * городъ разоренный; донынѣ видны въ немъ еще слѣды Россійской рати: хуже деревни, вездѣ обломки бывшихъ строеній, камня груды. Часто попадаются подъ ноги сухія кости человѣческія; я думаю некогда было глубоко прятать побитыхъ. Ни одного не найдете сучка тѣхъ прекрасныхъ садовъ, которые вокругъ Очакова разведены были на нѣсколько верстъ: сабли все порубили. Что устоитъ противъ острія меча?

Сохранился небольшой остатокъ Турецкой крѣпости. У самаго моря стѣна ея свидѣтельствуетъ донынѣ храбрость полковъ и полководца. Она какъ вылита изъ одной штуки; нигдѣ не видно шва между дикими камнями. Я съ неописаннымъ любопытствомъ смотрѣлъ здѣсь на все, что представлялось изумленному моему взору. Лиманъ волновался, вѣтеръ дулъ съ моря. Я стоялъ неподвиженъ на каменьяхъ, коими усыпанъ берегъ, и волны его сокрушались у ногъ моихъ. Еще есть на отмеляхъ куски Турецкихъ каменныхъ ядръ сѣраго мраморнаго цвѣта, коими они заряжали свои орудія и потчивали наши мѣдные лбы: все тщетно было! Орлу судило небо смирить гордую Луну.

Цѣлъ и Гассанъ-Пашинской замокъ: башня круглая, высокая, старинной архитектуры. Не удержался въ ней Паша, и мы

---

* Первый 13-го Іюля, 1737 года, но, по Бѣлградскому договору, 7-го Сентября, 1739, возвращенъ Туркамъ; второй же 6-го Декабря, 1788; съ тѣхъ поръ остался за Россіей. О. Б.

осилили чугунные затворы. Я ходилъ внутри его; тамъ настроено много зданій для артиллерійскихъ снарядовъ и разныхъ потребностей; на одномъ изъ нихъ видна старая аспидная крыша; около сихъ мѣстъ его пропасть. Меня пустили прогуляться на батарею: на ней и во всемъ Очаковѣ орудій до 100—18-ти и 24 фунтовыхъ пушекъ.

Кто бы не пришелъ въ восторгъ, обнявъ однимъ взоромъ безподобное здѣшнее мѣсто? Не напрасно Турки называли Очаковъ маленькимъ Царьградомъ или Стамбуломъ. Величественная картина! Налѣво Лиманъ, направо Черное море; противъ глазъ Кинбурнская коса, какъ языкъ земли, разсѣкающій мрачную волну; подалѣе въ томъ же морѣ обложенъ пушками островъ Березань. Какая кисть сниметъ такой рисунокъ съ изящной природы? Ходя по развалинамъ Турецкихъ укрѣпленій, я не смигалъ съ неба и воды. Уставши, сѣлъ на пушку и далъ волю всѣмъ своимъ мечтамъ.

Здѣсь тѣни Волконскаго и Горича встрѣчали мысль мою и напоминали гибельное событіе Очаковскаго штурма; я воображалъ, что я вижу тотъ путь, тѣ самыя ворота, гдѣ ихъ послѣдній рокъ постигъ отъ руки врага, не умѣющаго щадить жертвъ своихъ.* Здѣсь наши знатныя дамы, въ награду сладострастному побѣдоносцу, возили на саняхъ свои прелести, переѣзжали костры мертвыхъ тѣлъ и въ богатыхъ землянкахъ, средь роскоши

---

* На приступъ двинулись Русскіе 5-ю колоннами, изъ коихъ 3-ю велъ Генералъ-Маіоръ Князь С. Волконскій на фланговые редапты, 5-ую Бригадиръ Хрущовъ, который спустился въ ровъ крѣпости и взобрался на валъ на плечахъ непріятельскихъ, овладѣлъ имъ и, вмѣстѣ съ 6-ою колонной Бригадира Горича, взявшаго нижній бастіонъ, вошелъ въ крѣпость. Приступъ продолжался всего только часъ съ небольшимъ, и послѣ него городъ отданъ былъ на три дня во власть войска. Взято слишкомъ 300 пушекъ мѣдныхъ и мортиръ, около 200 знаменъ, самъ трехбунчужный Паша, 4 тысячи солдатъ, не считая жителей, убито далеко за 8 тысячъ, въ томъ числѣ около 300 Офицеровъ. Съ нашей стороны убито почти тысяча и 28 Офицеровъ, въ томъ числѣ Волконскій, Горичъ и Корсаковъ (прежде Начальникъ Херсонскихъ строеній). Потемкинъ за Очаковъ получилъ Георгія 1-й степени, денегъ 100 тысячъ рублей и съ бралліянтами шпагу. О. Б.

и нѣги, забывали въ объятіяхъ Потемкина всѣ ужасы военнаго ополченія, межъ тѣмъ какъ утомленные воины жгли домы, грабили мужей, насиловали женъ и нещадно рубили богатые вертограды.

Вѣрите, или нѣтъ, какъ угодно, но помѣщу здѣсь странность. Кто не знаетъ и не примѣтилъ, что очень часто облака берутъ разные образы и представляютъ намъ виды земные въ небесныхъ? Средь глубокихъ моихъ размышленій объ Очаковскомъ штурмѣ, войнѣ и ея послѣдствіяхъ, взглянулъ я вдругъ на небо, и увидѣлъ, среди самаго чистаго воздуха, одно только облако. Что жь оно представляло? Наковальню, совершенно сходную съ кузнечными: стройное согласіе идей съ воздушными явленіями! Подлинно, подумалъ я, была здѣсь въ то время наковальня. Сколько пролили крови, а за что?—За лоскутокъ песчанаго берега при мутной водѣ.

Теперь нѣтъ ни чего въ Очаковѣ, кромѣ самой истинной картины опустошенія. Городомъ правитъ Городничій, а военной командой—Плацъ-Маіоръ изъ Нѣмцевъ, человѣкъ добрый, привыкшій къ Рускимъ обычаямъ; отвелъ намъ у себя квартиру, и мы у него ночевали; всѣ крѣпости Черноморскія въ завѣдываніи Д. Де Р. Очаковъ населенъ всякимъ сбродомъ; Греки и Жиды въ маломъ числѣ и самые бѣдные таскаются по городу, какъ бродяги и ищутъ случая пошильничать для пропитанія, одни шинкуютъ, другіе днемъ крадутъ. Одинъ Грекъ стянулъ при насъ въ лавкахъ кусокъ свѣжаго сыраго мяса, бросился съ нимъ на лодку и отчалилъ въ Кинбурнъ; за нимъ съ пристани гнались, и не поймали. Спасибо ему, что вѣренъ своему характеру; видно было, что это не первый опытъ его проворства.

Противъ дому, гдѣ мы остановились, стояла на якоряхъ маленькая флотилія, изъ 9 канонирскихъ лодокъ, подъ командою одного Француза, разумѣется, нашей службы; мы его не видали: онъ боленъ глазами и въ городѣ не бываетъ.

Что сказать о самой квартирѣ? Опальной домишко, хуже стократно тѣхъ, кои, по приговору Судебныхъ Мѣстъ, описывают-

ся отъ конкурсовъ за долги и, за неявкой желающихъ, стоятъ лѣтъ по 10 безъ крышъ и починки; и тутъ окна выбиты, рамы трясутся. Я думаю, онъ не хуже былъ часъ спустя послѣ приступа; съ тѣхъ поръ, конечно, ни кто его ни чинилъ. Незабавный ночлегъ! Подъ окошкомъ море, вѣтеръ реветъ, какъ осенью; въ добавокъ весь скарбъ господина хозяина съ нами помѣщался въ одной комнатѣ, и движимый и недвижимый, всѣ животные, безъ коихъ добрый хозяинъ въ степи обойтиться не можетъ, какъ то: куры, овцы, индѣяты, почивали съ нами вмѣстѣ. Г-нъ Плацъ-Маіоръ любилъ голубей: и они тутъ по закоптѣлымъ стѣнамъ летали; сожительница его охотница до котятъ: тутъ и кошка съ своей семьей подъ ногами бѣгала поминутно. О сладкія награды любопытства въ Россіи! Хозяйки не было дома; она отлучилась на то время въ свое помѣстье, чтобъ умножить, пріѣхавши, число безсловесныхъ своихъ постояльцевъ. Всякой можетъ разсудить, что мы тутъ ночь провели не самымъ благопріятнымъ образомъ.

Въ городѣ одна церковь, естьли можно такъ назвать старую мечеть, наскоро передѣланную: это та самая, которую на завтра взятія Очакова Потемкинъ велѣлъ освятить и въ которой воспѣтъ Христіанскому Богу первый на мѣстѣ семъ благодарный молебенъ изъ устъ тысячи тысячъ воиновъ. Въ ней очень мало поправокъ; она изъ бѣлаго камня, такія же колонны внутри церкви, какъ и со входа. Иконостасъ писанъ на холстѣ и прибитъ къ стѣнамъ. Бѣдный храмъ! Хотя и хоры тутъ сдѣланы, онъ болѣе похожъ на Магометанское разоренное капище, нежели на Восточную церковь. На самой той башенкѣ, на которую хаживалъ ихъ глашатый кричать «Алла,» нынѣ колокольня, и Пономарь босый ходитъ въ маленькой колокольчикъ сзывать на молитву кучку Правовѣрныхъ. Башенька эта почти не передѣлана: окропили святой водой, и поганый камень освятился.

Хотѣлось съѣздить въ Кинбурнъ; онъ очень видѣнъ изъ Очакова, но не смѣлъ пуститься: я трусъ на большой водѣ; переѣзду верстъ 9, а погода воздымала очень волны. Съ пристани глядя, я вѣчную память проворчалъ тому непобѣдимому витязю нашего края, который прославилъ себя на этой косѣ и своей

тутъ побѣдой отворилъ, можно сказать, путь къ Очакову и ко всѣмъ счастливымъ подвигамъ нашего войска, умножившимъ его славу въ Европѣ. * Вмѣсто Кинбурна я дождался восхода луны, и сколько ни напуганъ уже былъ ею, но, по нѣкоторымъ слабымъ остаткамъ въ себѣ романическаго духа, не усидѣлъ дома и пошелъ на берегъ моря глядѣть на отраженіе мѣсячныхъ лучей въ Понтѣ: колебаніе волнъ его меня усыпило; я дремалъ, идучи домой, и тотчасъ уснулъ пришедши.

ГЛАВА XXXII.

Пріѣздъ въ Одессу.

Во всякой квартирѣ, худой и хорошей, мы съ женой сыпали на полу безъ дальнихъ причудъ. Въ Очаковѣ цыпленокъ неосторожный далъ намъ почувствовать неудобство такого низкаго положенія: онъ взлетѣлъ къ намъ на постель; я проснулся, еще только что разсвѣтало, и поспѣшилъ разстатся съ своей летучей компаніей. Жиды долго на дворѣ спорили; тотъ кричалъ: «Не моя очередь везти барина;» другой: «Я вчера возилъ такого-то;» рубль всѣ споры такого рода прекращаетъ. Заложили намъ лошадей, и мы въ 4 часа утра поѣхали въ Одессу. Прямо до нея оставалось 115 верстъ.

Почтовые дворы называются по дорогѣ трактирами. Отъѣхавъ 70 верстъ, обѣдали въ помѣстьѣ Г. Коб., Одесскаго Коменданта. У него тутъ сарай съ колоннами и большая изба для проѣзжихъ; домъ господской еще строится. Обыватели живутъ въ каменныхъ избахъ: онѣ безъ половъ и вообще всѣ крыты соломой. Не воображайте, чтобъ подъ названіемъ каменныхъ избъ я разумѣлъ кирпичное строеніе, или изъ тесаннаго камня: совсѣмъ нѣтъ; избы выкладываются изъ дикаго камня, который

---

* Суворовъ, 1787 г., въ Октябрѣ. О. Б.

Послѣдняя станція лежитъ на прекрасномъ мѣстѣ, у самаго берега Чернаго моря; отсюда уже видна Одесса. Представьте наше восхищеніе; но видъ города умѣрилъ восторги; ибо онъ издали не кажется и на горѣ до него 18 верстъ объѣзда кругъ моря. Для всѣхъ тѣхъ, кои привыкли къ Русскимъ городамъ, всякой иностранный (и Одесса строится, думаю, на манеръ такой же) покажется съ виду нехорошъ. У насъ что краситъ города и даже многія села? Церкви, колокольни и башни: гдѣ жь ихъ нѣтъ? а во многихъ нѣсколько. Что до этого, что внутри нищета! но Пономарь звонитъ, издали видѣнъ шпицъ, уши и глаза плѣняются, и путешественникъ кричитъ: «Ахъ! какой славный городъ!» Въ Одессѣ церквей мало, колоколенъ нѣтъ, ни что не выходитъ изъ кучи равнаго строенія; и такъ первый на нее взглядъ не обворожаетъ.

Поговоримъ напередъ о послѣдней станціи. Когда-то тутъ былъ домъ и въ немъ «Дофине,» Французъ, держалъ трактиръ: осталась одна вывѣска. На поношенной тряпкѣ намазанъ будто билліардъ и подписано: «Дофине.» Подъ окошками насажены были деревья, тополи и раины; но когда господину Дофине не кого было тутъ кормить и самому нечего было кушать, то онъ продалъ домъ подъ почту. Почтари не охотники до меланхолическихъ прозябеній: они срубили всѣ плакучія ветлы на дрова и отняли тѣнь у проѣзжихъ. Не зная всего этого, а увидѣвъ трактирную вывѣску, я бросился въ комнаты, чтобъ чего ни будь поѣсть, по тому что мы крайне худо обѣдали. Не найдя у Г. Коменданта дровъ ни полѣна, ни битыхъ колесъ, ни изрубленныхъ перилъ, поваръ нашъ стряпалъ на кизикѣ, къ которому мы не привыкли; и такъ ни чего душа не принимала. Прибѣжавши къ хозяйкѣ, просилъ молока: нѣтъ; воды? нѣтъ; хлѣба? нѣтъ. «Что жь у васъ есть, несчастные?»—«Протухлая баранина.» Какой несносный обманъ! Въ избу войти нельзя—твари пропасть; на дворѣ стоять—испечешься; зной страшный, тѣни нигдѣ и ни какой; одна была моя отрада на каждой станціи во всю дорогу въ жаркіе дни выливать на себя ушата по три холодной воды.

Признаться должно, что естьли Правительство хочетъ привлекать въ эту сторону изъ тщеславія путешественниковъ, то над-

лежало бы ему нѣсколько позаботиться о томъ, чтобъ на дорогѣ было, гдѣ выспаться, не собравъ до милліона блохъ въ свою одежду, и можно было найти свѣжій рѣшетной хлѣбъ, или пшеничный, для пищи, а для питья кувшинъ молока и чистой воды ведро; но и этого самаго не роскошнаго подарка природы во многихъ мѣстахъ здѣсь за хорошую плату не достанешь. Жаръ меня томилъ чрезвычайно и я въ коляскѣ часто дремалъ, отъ этого получилъ новый опытъ. Я примѣтилъ, что когда сонъ слабъ, грезы чрезвычайно часто мѣняются и скоро проходятъ. Очнувшись, трудно вспомнить и изъяснить, что снилось: призраки недовольно нажимаютъ воображеніе, чтобъ оставить на немъ глубокую черту своихъ впечатлѣній; не отъ того ли выздоравливающій больной въ слабости своей часто всякой вздоръ мечтаетъ, и вѣритъ послѣ видѣніямъ разнымъ, кои, какъ сквозь тонкую плену, трогали умственные органы? Пусть растолкуетъ намъ это Галъ, а мы повернемся къ Одессѣ.

Долго ли проскакать 18 верстъ? Мы тотчасъ пріѣхали. Передъ нашимъ пріѣздомъ поднялась сильная буря; все около города пески: пыль закружилась столбомъ; мы зажмурившись въѣхали, и ни чего не могли вдругъ разглядѣть, но радовались, что наконецъ достигли своей цѣли. Кукъ не такъ былъ счастливъ, когда проникъ въ островъ Отаити; оставалось всей нашей компаніи сѣсть въ круговеньку и запѣть (къ стати, или нѣтъ) старую Русскую пѣсню: «Желанья наши совершились!»

ГЛАВА XXXIII.

Одесса. Пріѣздъ въ нее. Положеніе мѣста.

И такъ мы въ Одессѣ, но не въ благопріятную минуту. Буря насупила облака; вѣтеръ свищетъ, какъ у насъ на Руси въ Ноябрѣ; молніи озаряютъ бездну, которая въ глазахъ нашихъ; мы ищемъ тепла, и не согрѣваемся; худо обѣдали, и не знаемъ, у кого ѣсть попросить. Вотъ чѣмъ начинаются удовольствія не-

знакомаго края для иностранца, а Россіянинъ въ Одессѣ, конечно, не дома. Еще, къ счастію нашему, мы прямо пристали къ одной Госпожѣ Турчаниновой, дѣвицѣ знакомой сестрѣ моей по сосѣдству деревень: я имѣлъ къ ней письмо. Она очень охотно насъ приняла, отдала намъ въ домѣ своемъ лучшія комнаты верхняго этажа: онъ построенъ въ два жилья на горѣ, которой подошву омываетъ Черное море. Видъ съ балкона наполненъ прелести. Я люблю смотрѣть на воду, и мой взоръ вполнѣ былъ удовлетворенъ ежедневно.

Госпожа Турчанинова писывала стихи и достойна быть извѣстною въ отечествѣ своемъ по рѣдкимъ ея дарованіямъ и учености; обширная память ея исчерпала всѣ источники Словесности. Иностранные языки, даже и Академическіе, какъ-то: Греческій и Латинскій, ей не незнакомы. Она пишетъ прекрасно, изъясняется просто и вразумительно; обращеніе ея не смѣшано съ педантизмомъ, который и въ мужчинахъ ученыхъ такъ несносенъ, что жь въ женщинахъ? Она любитъ иногда пошутить. Бесѣда ея занимательна. Вотъ познанія, какія я въ короткое время знакомства моего съ нею дать могу объ ней моимъ читателямъ! Чтобъ довершить портретъ такой, по истинѣ, необыкновенной дѣвушки, я скажу еще, что она до того привязана къ строгому уединенію, что зачинала скучать въ Одессѣ отъ двухъ, или трехъ, только знакомствъ, ею въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ тамъ пріобрѣтенныхъ, и называла уже это разсѣянностію. Чтобъ далѣе уѣхать отъ людей, она готовилась, дождавшись спокойнаго времени, сѣсть на корабль, объѣхать Грецію и берегами Средиземнаго моря приближиться къ Италіи. «Какъ? сказалъ я ей; Вы не боитесь моря и такого отважнаго для вашего пола путешествія?» — «Природа, отвѣчала она мнѣ, не произвела для меня ни чего страшнаго: это чувство мнѣ не знакомо.» Довольно ли, чтобъ подивиться, вмѣстѣ со мною, такой смѣлости духа? У ней мы расположились, и были гостепріимно обласканы. Узнавъ Одессу, увидѣлъ я, что ея домъ въ найлучшей части города, хотя почти внѣ онаго, по тому что въ немъ, хотя и съ маленькимъ холодомъ въ ненастное время, однако есть тѣнь и убѣжище отъ зною, чего въ другихъ домахъ ни какой цѣной достать не можно. Онъ, впрочемъ, очень хорошо прибранъ: я нашелъ для охотника до чтенія прекрасную, не о-

громкую, но прямо отборную, библіотеку; любитель живописи постоялъ бы съ удовольствіемъ предъ нѣкоторыми картинами; словомъ, въ домѣ Госпожи Турчаниновой образованный человѣкъ найдетъ все то, что можетъ дѣйствовать на умъ, глаза и сердце, и я сохраню въ памяти моей на всегда пользу и прелесть ея бесѣды.

. . . .

Пріѣхавши подъ вечеръ, поздно было любопытствовать. Жена осталась дома, а я побѣжалъ пѣшкомъ въ городъ, зашелъ въ кофейный домъ. Голодъ меня тянулъ къ съѣстному; я напился шеколаду, за который заплатилъ 1 руб. 60 копѣекъ: довольно дорого! По улицамъ мигнулъ тамъ, сямъ, и ни чего не разглядѣлъ, поспѣшилъ домой, но ужь доѣхалъ на дрожкахъ, чтобъ не потерять пути. Извощикъ на рубль серебра сдалъ мнѣ какую-то Турецкую монету, и я сталъ немножко ознакомливаться съ иностранными деньгами, да и съ какими же? Съ самыми невѣрными и непріязненными. Что до того за дѣло? Звонкая монета и изъ рукъ злодѣя въ цѣнѣ: серебро для всякаго хорошо, лишь бы выдержало пробу.

. . . .

Воротясь на квартиру, вышелъ я въ сертукѣ на балконъ. Тучи прошли, но воздухъ былъ еще свѣжъ. Я взглянулъ на Черное море, и задумался. Было о чемъ! Исполненіе нашихъ намѣреній есть нѣчто чудесное. Часто самыя легкія предположенія исчезаютъ, когда самыя трудныя и, по видимому, даже не возможныя, совершаются съ удобностію безпримѣрною. Я въ Одессѣ! За полгода до отъѣзда всѣ мои друзья считали предпріятіе мое химерою. Я напоминалъ себѣ ихъ убѣжденія, увѣщанія, противорѣчія, собственную свою нерѣшимость, и мысленно, со вздохомъ, посылалъ ко родинѣ своей, Москвѣ, мои дружескія объятія. Я кричалъ имъ: «Такъ, друзья мои, я въ Одессѣ! Вѣрьте этому: сбылось мое желаніе; я на Черномъ морѣ, на два дня разстоянія отъ Царяграда!» Ахъ! какъ не подивиться дѣламъ человѣческимъ! Настоящее колесо жизни нашей вращается сюду и сюду.

. . . .

Среди такихъ радостныхъ воспоминаній слуга выводитъ меня какъ изъ усыпленія, сказывая, что купцы Владимірскіе пришли ко мнѣ: это были прикащики зажиточныхъ нашихъ граждан, кои по торговымъ дѣламъ пріѣзжали въ Одессу, и узнавъ, что я

тутъ, приходили, отправляясь на завтра, узнать, не прикажу ли я чего домой. «Кланяйтесь отъ меня, мои добрые соотчичи, всѣмъ, кто про меня у васъ спроситъ! Скажите роднымъ моимъ, пріятелямъ, сослуживцамъ, словомъ, всѣмъ моимъ искреннимъ, что я, слава Богу! здоровъ и странствую благополучно; скоро увижусь съ ними, и минута возвращенія моего домой, въ мой кабинетъ, къ моимъ портретамъ, книгамъ и перу, будетъ стократъ для меня блаженнѣе всѣхъ мечтательныхъ удовольствій воображенія, которое и у меня, какъ у многихъ, бродитъ еще, какъ пиво, и не скоро, думаю, установится!» Они пожелали мнѣ успѣха въ пути; я съ ними простился, встрѣтилъ ночныя тѣни на балконѣ и вошелъ въ горницу.

Изъ трактира, по заказу моему, принесли намъ ужинать блюдъ съ пять: заплатили по рублю мѣдью съ человѣка. Поѣли изрядно; впрочемъ, для голодныхъ кусокъ хлѣба — пиръ. Усталость дала намъ для первой ночи на новомъ мѣстѣ самый хорошій и угомонный сонъ. Завтра, выспавшись, я повезу читателя съ собой по городу, буду его возить цѣлую недѣлю, и постараюсь ему показать на бумагѣ все то, что я на мѣстѣ видѣлъ и, по моимъ мыслямъ, нашелъ достойнымъ того, чтобъ удержать въ памяти съ примѣчаніемъ.

ГЛАВА XXXIV.

Городъ вообще. Строеніе. Улицы.

Одесса вся выстроена камнемъ. Извѣстно, что тутъ была прежде у Турокъ неважная крѣпостца, называемая Гаджи-бей: теперь вы тутъ насчитаете домовъ до 200 каменныхъ, все это воздвиглось лѣтъ въ 15: какъ не подивиться дѣйствію толь скорому и удачному дѣятельной торговли! Ни одного строенія деревяннаго въ цѣломъ городѣ.

Камень для домовъ добывается изъ горъ, ограждающихъ Черное море подъ самой Одессой. Онъ ноздреватъ и составленъ

изъ ракушекъ. Его около города пропасть; камень довольно большой величины стоитъ отъ 10 до 12 копѣекъ. Опытъ показалъ, что онъ на воздухѣ твердѣетъ, но при рытьѣ его изъ земныхъ нѣдръ онъ очень мягокъ: его можно рѣзать ножемъ, какъ мѣлъ. Наблюдатели, положа его на воздухъ, на открытое мѣсто, нашли и утверждаютъ, что онъ года въ два много становится легче; слѣдовательно, воздухомъ выжимается изъ него сырость и дѣлаются внутри камня пустоты. Тѣ, кои хотятъ щеголять домами и имѣть прочное при томъ жилище, года чрезъ три по отстройкѣ замазываютъ его снаружи и внутри известью. Говорятъ, будто такой домъ простоитъ лѣтъ сто. Можетъ быть; но еще рано утвердительно о томъ судить: 15-ть лѣтъ далеко отъ столѣтія. Выбѣленный домъ ни какой розницы не кажетъ съ лучшими кирпичными оштукатуренными домами въ столицахъ, а безъ подмазки домъ изъ такого камня похожъ очень цвѣтомъ своимъ и отливомъ мелкихъ его раковинъ на древнія строенія. Таковъ и карантинъ—прекраснѣйшее зданіе!

Желая увѣриться въ томъ, что воздухъ укрѣпляетъ здѣшній камень, я ходилъ смотрѣть одинъ обывательской домъ, построенный лѣтъ за восемъ передъ симъ, который хозяинъ разсудилъ сломать, и видѣлъ, что дѣйствительно стѣны этого камня разбивались съ усиліемъ точно такъ, какъ всѣ кирпичныя, или каменныя, строенія, тогда какъ я же видѣлъ, что тотъ самый камень, добываемый въ землѣ, сыръ, мягокъ и подобенъ всякому ломкому тѣлу.

Ходилъ я также смотрѣть новостроеніе въ его производствѣ. Камень идетъ въ стѣну вершковъ осми; закладку съ саженъ платятъ по 3 руб. 50-ти копѣекъ. Каждый камень свѣжаго рытья тешется и образуется топоромъ, но съ большою осторожностью, по тому что онъ еще недовольно твердъ и отъ остраго лезвея можетъ превращаться въ пыль: я отломилъ одинъ кусокъ, и имѣю его при себѣ. Всѣ вообще зданія здѣшнія такимъ камнемъ строены. Неискусные хозяева обмазываютъ домы свои глиной, но это средство почитаютъ непрочнымъ. Многіе замѣтили также, что тѣ домы, кои выстроены безъ опытовъ, гораздо прежде, на глинѣ, растворенной морскою водой, ненадежны и сыры, по то-

му что частицы соленыя морской воды удобны всегда содержать сырость въ камнѣ. Домы изъ него поспѣваютъ отмѣнно скоро, по тому что онъ не тяжелъ въ разработкѣ. Многіе сквозь него пропускаютъ воду, чтобъ имѣть ее чище: это одно доказываетъ, сколько камень здѣшній пустъ и легокъ.

Чтобъ дать еще лучше понятіе о семъ камнѣ, скажу нѣчто о садѣ какого-то Потоцкаго, который развелъ его для своего прїѣзда, при небольшомъ домѣ, рядомъ съ нашей квартирой, слѣдовательно, на горѣ надъ моремъ. Домъ и садъ его неважны, но онъ для забавы разсудилъ въ самой горѣ выдолбить разныя потребности: гора начинена вся камнями: они торчатъ въ разныхъ смыслахъ. Въ три дня Потоцкій тутъ вырѣзалъ себѣ диванъ, круглый столъ для шести кувертовъ, сдѣлалъ вокругъ его лавки, выдолбилъ подвалъ для винъ, мѣсто для поваренпаго котла, и все это въ камнѣ оставилъ тутъ на всегда неподвижнымъ памятникомъ своего здѣсь житія и затѣй, а вмѣстѣ съ тѣмъ и очевиднымъ опытомъ, какъ гибокъ камень и готовъ къ услугамъ. Красиваго въ отдѣлкѣ нѣтъ ни чего. Странно! Видъ отсюда превосходный.

Внутри города въ рѣдкомъ домѣ можно найти спокойное убѣжище. Естьли не палитъ зной, отъ котораго иные охраняютъ себя красивыми сторами въ окнахъ, то страшная пыль по улицамъ поднимается столбомъ и вселяется облаками въ вашу комнату, по тому что рѣдкой день не вѣтрено въ Одессѣ; или не сказанная тьма мошекъ и мухъ одолѣютъ васъ такъ, что безъ махалки ни за что приняться нельзя. Вотъ самое безпокойное неудобство здѣшняго мѣста! Я видывалъ во многихъ домахъ среди лѣта, въ самые жаркіе его дни, двойныя окончины еще вмазанныя для того, чтобъ не впустить въ комнаты солнца, мухъ и пыли; и такъ ни кто здѣсь не живетъ прежде ночи: жарко, душно, пыльно! Тѣмъ-то самымъ моя квартира и была отлично выгодна, что расположена за городомъ, и Черное море прохладами своими оберегаетъ ее отъ сказанныхъ безпокойствъ.

Камень здѣшній на улицы не годится: онъ бы тотчасъ измололся въ пыль отъ тренія колесъ; отъ того и мостовыхъ нѣтъ,

и пыль столбомъ крутится; задумано изъ мелкаго камня сдѣлать тротуары, т. е., тропки для пѣшеходовъ по сторонамъ улицъ, но еще о пользѣ ихъ судить нельзя—предпріятіе новое.

Противъ рядовъ устроивается бульваръ. Градоначальникъ здѣшній, о которомъ пространно говорить буду послѣ, превеликій охотникъ до садовъ и пристрастенъ къ здѣшнимъ растеніямъ: онъ съ особливымъ тщаніемъ требуетъ, чтобъ по нѣкоторымъ улицамъ и передъ домами разсаживали деревья; многія принялись съ успѣхомъ и украшали бы очень городъ, естьли бы пыль непортила зелени: всѣ листы ею покрыты такъ, что трудно свѣжій цвѣтъ разглядѣть. А какъ при насъ была засуха, то деревья, кои на публичныхъ мѣстахъ невсегда поливать удобно, представляли самый плачевный и жалкій видъ. На площадяхъ средняя часть земли поднята и усажена разными деревьями, вокругъ коихъ, чтобъ не портили ихъ ни люди, ни скоты, сдѣланы балясы и ограды: эти насажденія, или кучки растеній, названы букетами. Мнѣ сказывали, что такъ водится въ Англіи: я тамъ не былъ, и правда ли это, не знаю; но гдѣ бы то ни было оно, вездѣ прекрасно, а здѣсь особенно; ибо всякое дерево въ степи—сокровище. Дюкъ ни за что такъ не сердится, какъ за изломанное, или испорченное, дерево: я самъ такой досады былъ свидѣтель.

Вообще строенія много въ городѣ; есть домы въ два этажа, и нѣсколько зданій весьма примѣчательныхъ: всего вдругъ не перескажешь; станемъ разсматривать постепенно. Жаль только того, что не даютъ домамъ хорошихъ фасадовъ: можетъ быть, желаніе, какъ ни будь, да поскорѣй лишь застроить мѣсто, подъ городъ назначенное, было тому причиной; но видно, что о наружности домовъ частныхъ не думано, и отъ этого съ перваго взгляда на строеніе Одесса можетъ названа быть пространнымъ Гаджи-беемъ.

ГЛАВА XXXV.

Торговля. Гавань. Магазинъ. Лавки.

Гавани въ Одессѣ, безъ сомнѣнія, первый предметъ примѣчанія. Ихъ двѣ: одна военная, другая купеческая; послѣдняя еще не отдѣлана, по тому что городъ ее строитъ на свои доходы, которые, хотя и велики, однако все еще по разрыву комерціи, не соотвѣтствуютъ потребностямъ, на нихъ лежащимъ. Она отстраивается изъ тутошняго камня и защищена хорошей батареей, но многіе находятъ ее непрочной отъ того, что слишкомъ открыто море. Я не могу опредѣлить своего мнѣнія на счетъ сей, и никогда не разсуждаю о томъ, чего не смыслю; но знаю достовѣрно то, что всякой годъ гавань размоетъ, и ее чинятъ.

Хотя торговля, которая одна и краситъ Одессу, и дѣлаетъ ее подлинно золотымъ дномъ, отняла у нея всѣ свои прелести, бывъ остановлена обстоятельствами; однако и при бездѣйственности ея можно видѣть пользы и красоту сего новаго края. Мы застали тутъ судовъ до 30-ти, по большой части съ Греческихъ островovъ и со всякимъ вздоромъ, какъ-то: изюмъ, винныя ягоды; этотъ припасъ называютъ общимъ именемъ бакалія. Привозятъ и вино Греческое, а отвозятъ отъ насъ ревендукъ, сало, желѣзо и разныя дозволенныя статьи, кромѣ пшеницы, которая развѣ украдкой, а иначе выпускаема въ Турцію быть не можетъ. Когда входитъ въ гавань корабль съ значительнымъ грузомъ, тогда ему салютуютъ изъ пушекъ, и весь городъ по тому узнаетъ, что привезено что ни будь новое къ порту. Гавань есть пунктъ соединенія всѣхъ жителей: по вечерамъ это лучшее гулянье: всѣ тутъ встрѣчаются. Я ходилъ однажды на Греческій корабль, по имени «Константинъ и Елена,» и нашелъ въ каютѣ много нечистоты. Жизнь на морѣ не заманчива.

Все, что привозится сюда изъ за моря (разумѣя въ торговую пору), отправляется въ Москву, а внутренніе избытки, особенно же пшеница, ждетъ благопріятной минуты пропуска въ Турцію, и до тѣхъ поръ ею всѣ домы и анбары засыпаны. Годы:

1804, 1805 и 1806 были для Одессы годы жизни. Одна пшеница составляетъ здѣсь частныя фортуны. Вся Польша пріобрѣтенная торгуетъ ею чрезъ Одессу. Хлѣбъ здѣсь не дорогъ, по тому что никуда не посылается; но, впрочемъ, для самаго города здѣсь нѣтъ ни чего; ибо все проходитъ чрезъ Одессу туда, или сюда. Отъ этого и дороговизна во всемъ, кромѣ винъ Греческихъ, которыя продаются очень низкой цѣной, и съ той еще выгодой, что гораздо чище и непорочнѣе нашихъ винъ. Вы можете здѣсь купить на рубль его столько, сколько и на пять вамъ не дадутъ внутри Россіи.

Волы составляютъ здѣсь богатство жителя. Кто имѣетъ ихъ въ работѣ до 10, или 12-ти, все таки во время открытой торговли, тотъ можетъ, при нагрузкѣ кораблей, получить въ недѣлю отъ 7 до 8-ми сотъ рублей барыша. Но и здѣсь есть также свое неудобство: всякій корабль спѣшитъ нагрузиться; малое число воловъ скоро наполнить его не въ состояніи; надобна для сего артель: и такъ у кого одинъ волъ, или два вола, тотъ непремѣнно долженъ итти въ работники къ тому, у кого ихъ болѣе, и часто беретъ не такой пай, какого бы хотѣлъ, но какой дастъ ему хозяинъ большаго гурта. И такъ вездѣ сильный слабаго давитъ; это, кажется, порядокъ самой натуры: тѣла тяжкія угнетаютъ попадающіяся подъ нихъ тѣла слабыя.

Домы и лошади также даютъ большой доходъ: первые строятся такъ, чтобъ, при удобномъ случаѣ, сохранять и пшеницу. Наемъ для нея магазиновъ приноситъ значительные прибытки, а лошади извозомъ сильныя доставляютъ выручки. Эти два предмета, какъ слышалъ я, даютъ, или при хозяйствѣ дать могутъ, сто на сто процентовъ. Домъ въ 20 тыс. построенный, очень скоро приноситъ съ найма до 4000 доходу. Лошадь, вывозя съ гавани на гору товаръ въ городъ, вырабатываетъ до 15 руб. въ сутки. Теперь же, когда и торгу не было, я платилъ за дрожки въ одну лошадь по 5 руб. въ сутки, и еще сказать долженъ, что дрожки безъ ресоръ, слѣдовательно, очень безпокойныя: что же бы стали платить за соблюденіе при томъ хотя маленькой роскоши? Всякой любитъ проѣхать лучше на такомъ экипажѣ, который не трясетъ, нежели на томъ, который душу выгонитъ на толчкѣ.

Всякой обыватель долженъ здѣсь запастись всѣмъ, для него нужнымъ, иначе онъ ни чего себѣ не достанетъ, ниже сливокъ, и для путешественника это очень тягостно; телятины вовсе нѣтъ, плодовъ ни какихъ, кромѣ кислыхъ вишень. Оранжерей ни у кого нѣтъ: всякой ждетъ плодовъ отъ натуры на вольномъ воздухѣ, и получаетъ ихъ не очень много ранѣе нашихъ садовъ, а всегда позже Сѣвернымъ оранжерей. Прошу за эту статью прощенія у всѣхъ любителей тамошнихъ насажденій, но право я ни чего въ этомъ родѣ не нашелъ, ни въ садахъ ни въ погребахъ, среди Іюля, для прихоти и вкуса; боялся даже, что уѣду изъ Одессы, не ѣвши апельсиновъ, но, къ крайному моему счастію, какъ-то нечаянно залетѣло какое-то чужеземное судно, которое привезло въ Одессу нѣсколько тысячъ апельсиновъ, и я, черезъ знакомыхъ моихъ, досталъ ихъ до ста, кои увезъ съ собою. Они были толстокоры, не довольно еще зрѣлы, но видно было, что не лежалые, какъ тѣ, кои у Троицы подъ горой покупаемъ мы такъ часто за самыя дорогія деньги съ зелеными пятнами.

Всѣ заморскіе товары чрезвычайно дороги были. Сахаръ продавался по 2 руб. фунтъ, и кофе также. Дровъ почти нѣтъ; многіе, или лучше сказать, почти всѣ жгутъ на кухнѣ кизикъ, и тотъ почитается зажиточнымъ хозяиномъ, у кого его много. Кизикъ называется землянымъ кирпичомъ, по тому, думаю, что онъ такой же формы и мѣры рѣжется, и когда продается хуторъ, или дача, то въ опись имѣнія входитъ и кизикъ. Мнѣ случилось однажды видѣть въ клубѣ объявленіе о продаваемомъ въ одномъ въ тѣхъ мѣстахъ имѣніи, и въ немъ, между прочимъ, написано было, что заготовлено на столько-то лѣтъ этого землянаго кирпичу: это важный предметъ въ Одессѣ; ибо и тамъ бываетъ холодно. Мы купили для себя на недѣлю, такъ называемыхъ, турбашекъ или столбовъ, какія подъ фундаментъ ставятся, до 11-ти, и заплатили за нихъ 10 руб.; изъ каждаго едва вышло по 7 полѣнъ аршинныхъ.

Послѣ гавани жители города толпятся въ рядахъ. Линія ихъ вытянута большая, каменная и товаровъ разныхъ много. Лавки, въ коихъ торгуютъ, такъ называемые, Караимскіе Жиды, Цареградскіе выходцы, болѣе прочихъ славятся. Я ни какъ не

сiею этихъ Жидовъ сравнить съ извѣстными намъ обыкновенными Жидами, кои площадь Русскую топчутъ: тѣ гораздо чище и опрятнѣе себя держатъ; съ ними негнусно быть вмѣстѣ. Нѣкто сдѣлалъ мнѣ примѣчаніе, говоря объ нихъ, что не они ли самые потомки тѣхъ Евреевъ, кои были возлюбленный Израиль? ибо не вѣроятно, чтобъ такой поганый и прокаженный народъ былъ угоденъ Богу, каковъ Жидовскій, нынѣ намъ извѣстный въ Европѣ. Я почти согласился съ нимъ, или пожелалъ, по крайней мѣрѣ, чтобъ онъ былъ не въ ошибкѣ. Тутъ въ Караимскихъ рядахъ накупилъ я множество табаку самаго лучшаго и трубокъ для заочныхъ моихъ пріятелей, диванъ для себя, духовъ для знакомыхъ барынь. Чѣмъ ихъ дарить лучше въ такіе годы можно, какъ мои, когда весь сердечный огонь уже выгорѣлъ? Намѣнялъ разныхъ Турецкихъ монетъ, и золотыхъ и серебряныхъ. Серебряныя ихъ деньги величиною въ нашъ рубль. Зовутъ ихъ левами и узлуками. Серебра въ нихъ очень мало, большая часть мѣди, чеканъ гіероглифической, и монета весьма не хороша на взглядъ, а золотая мелка и незначуща. Турецкія деньги въ Одессѣ ходятъ свободно: ихъ берутъ купецъ, разнощикъ, ямщикъ; всякой сдаетъ на нихъ нашими деньгами безъ затрудненія, не смотря на то, что торговля убита. Я не знаю, чего ѣздятъ покупать въ ряды, но всегда въ нихъ народу пропасть: ходятъ, тѣснятся, торгуютъ, и лавки въ Одессѣ пріятное гульбище.

Здѣсь есть Русская книжная лавка: я заглянулъ въ нее, купилъ свои сочиненія, и подарилъ любезной нашей хозяйкѣ: пусть она меня по нихъ помнитъ, а я и безъ книгъ ее не забуду. Французскими книгами торгуетъ иностранецъ въ домѣ своемъ. Я къ нему заѣзжалъ, но лавка его была заперта: онъ уѣхалъ на Бердичевскую ярмарку.

Мода вездѣ имѣетъ своихъ данниковъ: какъ ей и въ Одессѣ отказаться отъ своихъ пошлинъ? Въ прекрасномъ магазинѣ подъ названіемъ: «Cesar Negri» вы найдете все, что можетъ въ мысль попасть приманчиваго. Я тутъ нашелъ и каррикатуры, коимъ подивился, пожалъ плечами и бросилъ: онѣ гравированы самымъ скверным искуствомъ, ругательны, но ни мало не замысловаты, и, конечно, гдѣ ни будь въ чужой землѣ скуплены. Онѣ свободно

продавались по рублю серебромъ, а право лучше ихъ и острѣе можно достать на Спаскомъ мосту за 10 копѣекъ на превеликомъ листѣ. Но торговля не разбираетъ приличій: ей что ни попалось, лишь бы продать, и дорого.

ГЛАВА XXXVI.

Храмы Греческіе и иновѣрные.

Въ Одессѣ выстроенъ прекраснѣйшей архитектуры соборъ; онъ, по рисункамъ судя, уподобляется въ маломъ видѣ обширнымъ базиликамъ Европейскимъ, но нѣтъ при немъ соотвѣтственной колокольни; внутри церкви полъ настланъ изъ дикаго и чернаго мрамора; въ алтарѣ Цареградскіе разноцвѣтные изразцы даютъ ему видъ мозаическаго паркета; приступки между колоннъ, по коимъ входятъ въ храмъ, будутъ намощены лавой. Она уже выписана и заготовлена. Что можетъ быть въ новомъ вкусѣ этого роскошнѣе? Жаль, что иконостаса нѣтъ хорошаго: онъ писанъ на ширмахъ, натянутыхъ холстомъ, на подобіе полковыхъ церквей. Утвари въ соборѣ богатой нѣтъ; видно, что заботились о наружной красотѣ зданія для города болѣе, нежели о внутреннемъ великолѣпіи дома Господня. Соборный Священникъ, по прозванію Огинскій, изъ ученыхъ Екатеринославской Академіи, человѣкъ благороднаго поведенія: онъ меня часто посѣщалъ, и я не безъ пользы съ нимъ бесѣдовалъ.

Другая церковь въ городѣ предполагалась, при начальномъ его основаніи, во имя Св. Екатерины, но что же? Заложена, застроена до половины и брошена. Конечно, въ свое время все духовенство, собравшись въ ней, прославляло имя своей Монархини и, полагая камень краеугольный во основаніе новому дому Божію на новомъ мѣстѣ, среди языкъ иноплеменныхъ, конечно, благоговѣйный пастырь призывалъ Духа Божія на сей домъ молитвы. О, какъ времена, да и въ какой короткой срокъ, все истребляютъ! Нынѣ вы тутъ найдете недостроенныя стѣны открытаго со всѣхъ

сторонъ храма, которыя разрушаетъ и вѣтръ тлетворный, и морскія непогоды, и пуще еще пренебреженіе человѣковъ.

Вокругъ его всюду настроены казармы: тамъ живутъ солдаты; жены ихъ ходятъ выливать въ развалины храма всю домашнюю нечистоту; словомъ, воспѣтая и молитвословіемъ прославленная скинія обратилась въ мѣсто пустое и омерзительное. Древность предварила наложить на сей несовершенный храмъ печать свою, обложила его мхомъ и заростила травой, а тѣмъ почтила память соименной церкви сей Владычицы. Жаль, что я это видѣлъ, но увидѣвши, не могъ смолчать.

Церковь Греческая во всемъ подобна нашей и хорошей архитектуры, имѣетъ своихъ особыхъ священнослужителей. Дьячекъ въ нее меня водилъ и все мнѣ показывалъ; драгоцѣнностей нѣтъ ни какихъ; лишь образъ мѣстной Богородицы обвѣшенъ разными серебреными членами: ихъ дѣлаютъ и въ честь образа приносятъ тѣ, кои страждутъ въ какомъ либо недугѣ и приписываютъ исцѣленіе свое чудотворной силѣ той иконы. Тутъ уши, глаза, персты и пр. и пр.

Католицкая Римская Церковь на особомъ же дворѣ внутри города, небогата, но чисто и хорошо прибрана; при ней служитъ Капуцинъ. Онъ меня водилъ по всему строенію церковному: ходитъ по установленію своего Ордена, босый, въ однихъ туфляхъ, въ сѣромъ капотѣ, съ отложнымъ капишономъ, опоясанъ ременнымъ поясомъ и съ четками въ рукахъ. Онъ поминутно, ходя въ церкви, присѣдалъ предъ своимъ престоломъ. Нельзя не сказать, что этотъ знакъ почтенія очень забавенъ: я стократно предпочитаю ему земной поклонъ Христіанина; онъ означаетъ видимымъ образомъ порабощеніе наше предъ Богомъ, а присядка ни чего не значитъ.

Раскольники (а гдѣ ихъ нѣтъ?) имѣютъ также свой особый домъ молитвы въ Одессѣ. Церковь ихъ во всемъ сходна съ нашими, и отличается отъ нихъ только тѣмъ, что не найдешь въ ней ни новаго письма, ни, сильнаго ихъ антагониста, Димитрія Ростовскаго.

Жиды также имѣютъ свою Синагогу: въ ней столько же нечисто все и гнусно, сколько сраменъ и родъ поклонниковъ. Я зашелъ слишкомъ поздно; уже служба ихъ отошла. Они ежедневно ходятъ молиться; нѣсколько лѣнивыхъ Евреевъ еще тутъ было, закутавши голову въ бѣлыя большія покрывала съ пришитыми на макушкѣ рожками, кои будто бы представлять должны чело Боговидца Моисея: они по книжкамъ своимъ славили Бога. Жиды всѣ знаютъ грамотѣ: нѣтъ изъ нихъ ни одного, который бы съ отроческихъ уже лѣтъ не читалъ декалога и не наученъ былъ криво, или правильно, въ своемъ Законѣ. Въ школѣ они предъ рѣзнымъ своимъ кивотомъ читаютъ псалмы, распѣваютъ ихъ самымъ дикимъ голосомъ, стараясь даже, что очень примѣтно, избѣгать всякой гармоніи въ тонѣ, не снимаютъ глазъ съ книги, оборачиваются по большой части къ стѣнѣ лицомъ, чтобы ни кого не видать, и, дабы еще меньше развлекать свои мысли, они безпрестанно кривляются, разныя дѣлаютъ безобразныя тѣлодвиженія, думая (такъ я отъ нихъ же слышалъ), что работа всѣхъ мускуловъ во время ихъ кривлянья устремляетъ согласно всѣ ихъ способности къ одному предмету, т. е., къ Богу и молитвѣ: но я въ этомъ мало удостовѣренъ. У нихъ двѣ храмины для сборища: одна для лѣта, холодная, другая зимняя, съ печами. Раввинъ ихъ человѣкъ съ виду самый плохій, и глаза его не обѣщаютъ ни ума, ни смысла. А кагалъ * (такъ называется ихъ расправный судья), по нѣкоторымъ чертамъ лица и выпуклостямъ черепа, соглашаясь съ примѣчаніемъ Лафатера и Галла, долженъ быть плутъ; на табернаклѣ или престолѣ ихъ одно только имя Божіе написано: «Егова», съ изображеніемъ скрижали Завѣта, а въ ковчегѣ нѣсколько Библій хранятся въ свиткахъ на пергаменѣ. Передъ нимъ Раввинъ отправляетъ молитвы и кричитъ во всю силу гортани. Они щеголяютъ паникадилами: у нихъ много свѣчъ во время Субботы зажигаютъ, а еще болѣе въ праздничные дни. Жиды охотники до книгъ церковныхъ, и раскупаютъ ихъ въ великомъ множествѣ. При мнѣ ихъ

---

* Кагалъ собственно мѣсто расправы Еврейскихъ мірскихъ старѣйшинъ; далѣе община Еврейская, міръ ихъ; старшина же, въ родѣ Еврейскаго Старосты, Судьи, Головы, называется Кагальный. О. Б.

же землякъ, одинъ Жидъ, изъ числа такихъ, кои ѣздятъ по всему бѣлому свѣту обманывать всѣхъ безъ различія, навезъ въ эту сторону изъ Польши возъ цѣлый Еврейскихъ книгъ: и что жь? при мнѣ почти всѣ раскупили.

Всѣ эти церкви я обходилъ въ одно и то же утро; индѣ заставалъ службу, въ другомъ мѣстѣ нѣтъ. Сколько вошло въ умъ мой размышленій, глядя на сіе разнообразное единому существу служеніе! Не одинъ ли Богъ, думалъ я, и Творецъ всей видимой твари? Но сколько разныхъ поклонниковъ! Всѣ призываютъ Его благость, Его одно имя имянуютъ, но всякій языкъ и племя свои вводитъ обряды и почитаетъ ихъ лучшими. Ахъ! для чего не дано человѣку отъ матери его, природы, чтобъ жертва его и возношенія къ престолу Вседержителя были одинаковы повсюду и вдохновенны въ него единственнымъ источникомъ всего добраго въ мірѣ? Для чего разумъ каждаго изъ насъ на такъ простъ, какъ самъ Богъ, какъ истина, какъ душа наша?

ГЛАВА XXXVII.

Правительства военное и гражданское.

Военный Губернаторъ, Дюкъ де Ришелье, есть, вмѣстѣ съ тѣмъ, и Градоначальникъ Одессы. Новое мѣсто сіе обязано его попеченіемъ всей своей настоящей славой. Онъ, конечно, на всѣ усилія возможныя готовъ для возведенія Одессы на тотъ степень славы, какого отъ мѣстоположенія своего она ожидать можетъ. Дюкъ имѣлъ тутъ тогда 5 баталіоновъ пѣхоты, 5 эскадроновъ гусаръ и полкъ Казаковъ, который по берегу Днѣстра держитъ кордонъ вплоть до Херсона: есть чѣмъ оборониться. Дюкъ управляетъ, сверхъ того, Губерніями: Крымской или Таврической, Екатеринославской и Херсонской, и имѣетъ въ завѣдываніи своемъ до 15 крѣпостей. Гавани обѣ, военная и купеческая, снабдѣны большимъ числомъ орудій: прекрасная на морѣ мебель! Они всегда готовы къ дѣлу, и около ихъ не спятъ.

Уголовныя дѣла производятся или въ Магистратѣ, или въ Тираспольскомъ Уѣздномъ Судѣ; ибо въ Одессѣ самой нѣтъ ни какого Дворянскаго мѣста, и оттуда поступаютъ на ревизію въ Херсонскую Уголовную Палату. Преступники, на работы по крѣпостямъ изъ сердца Россіи присылаемые, тѣмъ же порядкомъ препровождаются, какъ и во внутренности Имперіи, не смотря на то, что здѣсь по большой дорогѣ почти нѣтъ населенія, и едва ли не отъ того боятся заселять тамошнія степи, что разныя подобныя повинности слишкомъ были бы отяготительны. Россія слишкомъ велика, чтобъ отъ конца и до конца одинакой могъ дѣйствовать распорядокъ.

Полиція городская состоитъ изъ одного Полицмейстера, и нѣсколькихъ при немъ Офицеровъ; бутокъ нѣтъ; вмѣсто Сотскихъ и Десятскихъ, занимаются Жиды и всякой вольной сбродъ, на коихъ и утверждается благочиніе города и спокойствіе обывателя. Комендантъ отправляетъ собственную свою должность. Онъ кажется быть человѣкомъ зажиточнымъ: садъ его есть лучшій садъ въ городѣ; всякое дерево тамошнее вы въ немъ найдете; плодовъ и винограду множество.

Коммерческій Судъ имѣетъ ретиваго, свѣдущаго и весьма достойнаго Президента въ особѣ Графа Сентъ-При. Въ немъ отправляются всѣ торговыя дѣла, и рѣшительный его приговоръ приводится въ исполненіе, не смотря на аппелляцію, разумѣется, съ утвержденія Градоначальника. Одесса по симъ дѣламъ подъ ревизіею 8-го Департамента Правительствующаго Сената.

Учетная Контора есть мѣсто самое благотворительное для Одессы. Она желающему строиться даетъ въ займы деньги подъ залогъ и вѣрныхъ въ городѣ поручителей. Занявъ нѣкоторый капиталъ, вы ставите домъ, и отдаете его тотчасъ въ наймы. Доходъ съ него въ нѣсколько лѣтъ выплачиваетъ долгъ вашъ, и вы вдругъ, пріѣхавши въ Одесу безъ денегъ, но съ удостовѣреніемъ порукъ, дѣлаетесь, лѣтъ черезъ пять, гражданиномъ тутошнимъ, имѣете домъ, и получаете съ него доходъ. Самое полезное заведеніе!

Страховая Контора имѣетъ свое собственное учрежденіе. Она ведетъ дѣла свои слѣдующимъ порядкомъ: отдаваемому на страхъ

судну чинится осмотръ и смѣта. Естьли оно дошло благополучно, хозяинъ платитъ положенную сумму; естьли погибло, но, разумѣется со всѣмъ экипажемъ и людьми, что весьма рѣдко случиться можетъ, тогда Страховая Контора платитъ по смѣтѣ всю сумму, которой стоило судно. Капиталъ Конторы составленъ изъ взнесенныхъ отъ многихъ суммъ, кои приносятъ значительную своимъ хозяевамъ прибыль.

Почта Одесская приноситъ доходу, какъ слышалъ я, съ перевода денегъ и писемъ, всего до 7 тыс. руб. въ мѣсяцъ, и при такомъ сильномъ, можно сказать, сборѣ, ей не отпускаютъ на постройку дома, котораго нѣтъ, 12-ти тысячъ. Въ приходъ записывать и казна любитъ больше, нежели въ расходъ.

Главное правительство въ Одессѣ называется Комитетомъ: въ немъ первое лице самъ Градоначальникъ. Сколько я могъ дознать отъ другихъ, на означенномъ мѣстѣ лежитъ весь распорядокъ города, а паче городскихъ повинностей. Доходы Одессы, въ сравненіи съ обыкновенными другими городами, конечно, весьма велики; но какъ сравнивать и надобности сего порта съ другими внутренними городами? Государь изволилъ въ пользу ея отдать весь откупной доходъ, что составитъ, сказывали мнѣ, до 200 тыс. капитала ежегоднаго. Сверхъ того, Одесса получила отъ казны заимообразно 400 тыс. рублей, съ условіемъ, что городъ выплатитъ сію сумму въ извѣстное число лѣтъ и съ прибавкой 6 т. процентовъ на годъ. Ни чего этого не жаль!

Одесса сама собою указываетъ выгоды свои настоящія и будущія. Довольно побывать въ ней день, или два, чтобъ удостовѣриться въ пользѣ, которая отъ нея происходить удобна. Такъ разсуждая объ ней, не жаль ни какихъ капиталовъ, тѣмъ болѣе, что виды Градоначальника, сколько общая молва то разноситъ, совершенно устремлены на украшеніе Одессы, утвержденіе ея пользъ и расширеніе ея выгодъ.

ГЛАВА XXXVIII.

Богоугодныя и полезныя заведенія.

Одесса обязана своему Начальнику многими полезными и увеселительными заведеніями; начнемъ съ перваго.

Здѣсь учреждено училище подъ надзоромъ иностранца, по имени Волсей. Привилегія сего Института состоятъ въ томъ, что обучившійся въ немъ мальчикъ черезъ 6 лѣтъ отправляется въ Резиденцію и получаетъ, при выпускѣ его отсюда, чинъ Офицерскій въ арміи; а по тому и воспитаніе дѣтей, сюда записанныхъ, основано на правилахъ, сообразныхъ воинскому назначенію. При насъ было 130 человѣкъ. Тутъ есть Молдаване, Крымскихъ Татаръ и Казачіе дѣти, безъ различія Вѣръ и состоянія. Говорятъ, что надзиратель ихъ, Волсей, очень хорошо съ ними обходится. Видѣвши одинъ разъ этѣ заведенія, я основательно ни согласиться, ни опровергнуть того не могу. Но естьли по афишкамъ судить, кои прибиты къ дверямъ покоевъ и гдѣ многія черты грубости Г. Волсея очень видны, то я не думаю, чтобъ онъ былъ кроткихъ нравовъ человѣкъ. Положимъ, что не мѣшаетъ ему быть съ дѣтьми благосклоннымъ и вѣжливымъ то, что онъ нѣсколько жестко, какъ слышалъ я, обходится съ родственниками и посѣтителями Пансіона, но не пускать ни кого охотно смотрѣть внутренности училища значитъ уже безнадежность въ порядкѣ.

Тѣ изъ учениковъ, кои хорошо себя ведутъ и лучше прочихъ, отличаются цѣлую недѣлю особымъ знакомъ: они носятъ на ленточкѣ въ петлѣ вензель Государевъ. Это возвышаетъ духъ, ободряетъ юношество. Черезъ недѣлю передается этотъ знакъ другому. Напротивъ, наказанія ихъ мнѣ не понравились. Когда мальчикъ не послушенъ, его кладутъ въ постелю, и онъ, какъ больной, долженъ цѣлый день пролежать въ ней. Я не думаю, чтобъ это было хорошо. Морально судя, кажется мнѣ, для ребенка лѣниваго это не штрафъ; ибо онъ лежа не учится и ни чего не дѣлаетъ; мысль его свободна отъ занятій полезныхъ, кружится въ пустякахъ и можетъ быть въ затѣяхъ не совсѣмъ безпо-

рочныхъ, отъ которыхъ ни какое бдительное око досмотромъ своимъ не остережетъ, а отсюда постепенно переходъ къ физическимъ неудобствамъ: мы найдемъ, что ребенокъ, въ свободѣ лежа на постелѣ, Богъ знаетъ, какія опасныя шалости скроетъ отъ самыхъ приставниковъ; да естьли и ничего тутъ не предполагать худаго, одно бездѣйствіе въ юношескомъ возрастѣ столь же можетъ быть вредно, сколько напряженныя усилія въ возрастѣ старшемъ. Надобно, чтобъ мальчикъ былъ живъ и рѣзовъ: этого требуетъ натура; но чтобъ онъ не шалилъ, и для этого не столько охранительны штрафы, какъ неусыпность хожатыхъ.

Домъ для сего училища построенъ изъ городскихъ доходовъ. Онъ великъ, опрятенъ и хорошъ; все содержаніе дѣтей отмѣнно рачительно со стороны пищи, одежи и прислуги. За каждаго мальчика платятъ отдающіе его по 500 руб. въ годъ. Государь изволитъ, какъ я слышалъ, за нѣсколькихъ питомцовъ взносить свои деньги. Учителей содержатъ за дорогую плату, и лучшихъ, какихъ достать можно, и все, что только прикосновенно къ воинскому состоянію, все тутъ преподается; сверхъ того не лишены они и нѣкоторыхъ пріятныхъ художествъ.

Съ перемѣной предмета, но на тѣхъ же хозяиственныхъ началахъ, основанъ и женскій Пансіонъ въ другомъ отдѣленномъ домѣ. Тамъ надзирательница—жена Господина Волсея. Дѣвушекъ было при насъ до 30-ти; каждая изъ нихъ платитъ нѣсколько поменьше 500 руб., но выше 400; ихъ обучаютъ 4-мъ языкамъ: Россійскому, Нѣмецкому, Французскому и Англійскому, музыкѣ и танцовальному искуству, и сей Пансіонъ очень хорошо устроенъ.

Одесса можетъ хвастать своимъ городскимъ Лазаретомъ: я до сихъ поръ нигдѣ не видалъ такого хорошаго. Онъ построенъ отъ города; залы для помѣщенія больныхъ превеликія, человѣкъ до ста въ одной уложить можно; всѣ средства къ очищенію воздуха приняты; за то и можно гулять по тамошней больницѣ, какъ въ самой чистой большаго барина залѣ: ни что не оскорбляетъ ни взора, ни обонянія. Распорядокъ ея основателенъ и всѣ необходимости столь полезнаго заведенія удовлетворены.

Мнѣ показывали въ больницѣ карету, сдѣланную нарочно для купанья: она закладывается въ одну лошадь сзади и спереди. Въ ней можно въѣхать въ море, и выѣхать изъ него свободно. Польза выдумки, думаю, въ томъ, что дама можетъ одѣться и раздѣться самымъ скрытнымъ образомъ. Но это недостаточно: какая женщина захочетъ въ виду всего города погрузиться въ море и нырять въ немъ, какъ Наяда? Кромѣ непристойности, зной прожжетъ черепъ; море открыто, отмели зелены и зловонны; надобно далеко объѣзжать и искать чистаго берега для плаванія. Нигдѣ купальни нѣтъ, ни ванны закрытой; слѣдовательно, всякой любопытный можетъ смотрѣть на васъ въ самую нечаянную минуту; отъ этого, думаю, и карета безъ употребленія, и дамы, да и мужчины, многіе не купаются.

Лѣкари говорятъ, будто садиться въ море очень здорово. Я въ одно утро собрался было попробовать этой пользы, и пошелъ по скаламъ узинькой тропинкой. Слуга передо мною несъ стулъ и нужныя вещи: стулъ изъ рукъ его сорвался и полетѣлъ до края моря съ высокой горы безъ остановки; я шествовалъ за нимъ по крутому камню и, взглянувши на пропасть, въ которую полетѣлъ стулъ, отложилъ намѣреніе повѣрять на себѣ докторскую систему. Долго ли потерять равновѣсіе? Тутъ можно тысячу смертей найти въ рытвинахъ между горъ прежде нежели достигнуть тѣхъ мѣстъ, гдѣ утопиться опасно.

ГЛАВА XXXIX.

Общественныя увеселенія.

Для баловъ въ домѣ зажиточнаго купца Renoud есть клобная зала съ гостиными покоями и бильярдами: она продолговатой фигуры. По всѣмъ стѣнамъ протянута колоннада, и надъ нею хоры. Видъ галереи сей величественъ: она искусно расписана. Принадлежащіе къ ней покои для картъ и стола также хорошо убраны. Зала помѣстить можетъ человѣкъ до 600, и бываетъ, сказывали мнѣ, иногда полна; лѣтомъ не съѣзжаются. Въ этомъ же

строеніи, независимо отъ клуба, кофейный домъ, и при немъ особый бильярдъ. Я тутъ очутился въ первомъ мѣстѣ съ пріѣзда въ Одессу, заходилъ и послѣ очень часто лакомился прекраснымъ мороженымъ изъ абрикосовъ: роскошь не очень обыкновенная въ Губерніяхъ.

Театръ—одно изъ прекраснѣйшихъ зданій въ городѣ и на лучшемъ мѣстѣ. Ложи расположены полукругомъ въ три этажа: надъ третьимъ раекъ, партеръ амфитеатромъ; онъ въ нѣсколько уступовъ и подъ нимъ кресла. Все устроено съ наилучшимъ размѣромъ и со вкусомъ. Театръ сталъ въ 40 тыс., въ число коихъ Государь пожаловалъ изъ кабинета 20 тыс., остальныя употребилъ городъ. Гардеробъ, какъ слышалъ я, очень достаточенъ, декораціи нѣкоторыя видѣлъ, и нашелъ ихъ изрядными; при мнѣ, какъ я смотрѣлъ театръ, выставлена была «Тюрьма» (мнѣ пришло на мысль, что коммерція сидитъ въ ней и ждетъ развязки своей драмы); одинъ только недостатокъ: ни труппы, ни актеровъ. Иностранный спектакль не поддерживается; хотятъ имѣть Русской: выписывали разныя частныя общества актеровъ, предлагали даже Князю Шаховскому переселиться съ своими артистами изъ Нижняго въ Одессу, давали хорошія деньги, но, сказываютъ, охотниковъ не сыщутъ, ни кто не ѣдетъ.

Для публичныхъ прогулокъ лѣтомъ разведенъ садъ внутри города. Въ немъ Итальянка Марья готовитъ славное мороженое, и мы туда хаживали часто дарить ее своимъ мелкимъ серебромъ. По Воскресеньямъ жители города съѣзжаются сюда гулять и видѣться между собою. Я тому не былъ личный свидѣтель. Одно взялъ только Воскресенье, но гроза не выманила ни кого со двора. Весь садъ разбитъ не шире, какъ на 100 саж., но всѣмъ наполненъ. Вы тутъ увидите тополи, раины, всѣ тамошнія деревья. Стройный ростъ ихъ и видъ восхищаетъ. Плакучая ветла, любимое мое деревцо, всегда плѣняла взоръ мой. Какая роскошь дать можетъ то, что натура расточаетъ даромъ? Да и Марья такъ добра, такъ услужлива! Она мастерица дѣлать макароны и пуленту Итальянскую. Я въ одинъ вечеръ заказалъ оба этѣ блюда, и въ пріятельской бесѣдѣ любезнаго Сентъ-При, съ его и моимъ семействомъ, насладились Римской сей трапезой.

Кромѣ означеннаго сада, видѣли уже выше, что и у Коменданта здѣшняго есть садъ. Я объ немъ слегка упомянулъ, но нельзя не повторить, что садъ его одинъ изъ рѣдкихъ въ Россіи качествомъ деревъ и вкусомъ плода. Все превосходное тамъ, но не всякой можетъ въ него входить, когда хочетъ. Потребно дозволеніе, приглашеніе, снисхожденіе, и пр. и пр. А къ Марьѣ можно ходить просто, безъ зову и чиновъ; ворота отперты; ветла плакучая тутъ, мороженое готово: чего больше? Еще разъ: чего больше для прогулки въ саду.

Говоря о садахъ въ городѣ, какъ умолчать о хуторѣ самаго Дюка, гдѣ всякой свободно гуляетъ, когда хочетъ, гдѣ и я, съ нимъ и безъ него, былъ, сколько могъ. Онъ его устроилъ въ верстѣ отъ города, въ долинѣ, окруженной горами; тутъ садъ его разросся и очень густъ: онъ его самъ разводилъ. Всѣ деревья посажены только 9-ть лѣтъ тому назадъ, но они даютъ уже изрядную тѣнь. Чего тутъ нѣтъ въ растительномъ царствѣ? Здѣсь отмѣнно скоро земля выгоняетъ всякое растеніе. Тутъ я видѣлъ плодъ, называемый Французами coing, по здѣшоему айва, но онъ еще не поспѣлъ. Обычай не велитъ, да и жаръ препятствуетъ, прежде вечера слоняться на воздухѣ; а какъ вечеръ и сумерки очень смежны во всѣхъ градусахъ, то я, гуляя по саду Дюка, не могъ разглядѣть качество и родъ деревъ. Я слѣпъ, и худо вижу, когда на дворѣ темно. Для любопытнаго день въ Одессѣ очень коротокъ, не отъ множества предметовъ,—этого я не солгу,— но отъ жару: въ зной не хочется тронуться съ мѣста; а какъ жаръ свалитъ и получишь прохладу, тотчасъ бросишься туда, сюда, но мало уже разсмотришь. Садъ Дюка есть совершенный образецъ того, что могутъ постоянные и пристрастные труды въ степи; да и въ самомъ палящемъ климатѣ, по крайней мѣрѣ въ Россіи (конечно, въ Африкѣ жарчѣе: кто этого не знаетъ?). Дюкъ такой насадилъ вертоградъ, какого и въ самыхъ удобныхъ для того мѣстахъ не увидишь. Къ тому же здѣсь ключъ самой чистой воды брызжетъ изъ прекраснаго колодца, который Дюкъ отдѣлалъ и убралъ. Здѣсь онъ съ своими короткими приходитъ, или пріѣзжаетъ верхомъ, забывать свои недосуги. Гладя на такое милое убѣжище, какой странникъ не пожелаетъ собственности и не вздохнетъ, естьли онъ ее не имѣетъ?

ГЛАВА XI.

Колоніи.

Быть въ Одессѣ и не посмотрѣть тамошнихъ колоній—грѣшно. И такъ я въ нихъ отправился въ компаніи Графа Сентъ-При, съ начальникомъ поселенцовъ Г. Р., который съ охотой вызвался самъ удовлетворить нашему любопытству. Лишь выѣдешь изъ Одессы—опять степь: ни лѣсу, ни воды; вездѣ ветлы и вербы для тѣни. Не смотря на зной, лошади мчатъ, и по 15 верстъ въ часъ безъ принужденія уѣдешь. Въ нашихъ мѣстахъ, особливо гдѣ пески, это животное такой скачки не вынесетъ.

Первая колонія въ 20 верстахъ отъ города и названа Либенъ-Таль. Она населена Лютеранами, вышедшими изъ Швабіи, области Виртембергской и другихъ частей Германіи. Мы къ нимъ пріѣхали довольно рано, лишь только отошли обѣдни, и застали тутъ свадьбу. Молодые выходили съ своей свитой изъ церкви; домашніе встрѣчали ихъ съ пальбой изъ пистолетовъ и мелкихъ фузей; у дому ихъ играла музыка, изъ тутошнихъ мужиковъ составленная; оркестръ состоялъ въ 2 скрыпкахъ, 2 валторнахъ, 1 кларнетѣ, 1 фаготѣ и 1 длинномъ барабанѣ; играли не превосходно, но согласно: не драли, по крайности, ушей. Я очень любовался на эту простую сельскую картину. Какъ смѣнитъ натуральную веселость человѣка довольнаго съ бѣшенымъ крикомъ нашихъ пьяныхъ мужиковъ, когда они, обрадовавшись чему ни будь, перепьются на кабакѣ и валяются по улицамъ! Хмѣль во всякомъ человѣкѣ досаденъ, а веселость, напротивъ, во всякомъ пріятна.

Молодые позвали насъ къ себѣ; мы вошли въ ихъ покои: тѣсно, но дружелюбно! Тутъ ихъ родные и ближніе; столъ накрытъ приборовъ на 30 безъ тщеславнаго мотовства и непристойной роскоши, но просто, чисто и опрятно. Вотъ въ чемъ состоитъ богатство натуры! Первое мѣсто между посѣтителями занималъ Пасторъ. Я съ нимъ нѣсколько поговорилъ, и онъ мнѣ показался человѣкомъ рѣшительнымъ и отважнымъ.

Полюбовавшись на торжество Гименея, зашли мы къ Волостному Головѣ той колоніи, и у него позавтракали. Онъ раз-

велъ у себя преизрядный садикъ, насадилъ подъ окошками деревья Грецкихъ орѣховъ, кои послѣ 4 лѣтъ и плодъ ему давали. Хозяйка его потчивала насъ свѣжимъ хорошимъ масломъ и кофеемъ. Я вспомнилъ нашихъ колонистовъ подъ Петербургомъ, и такъ аппетитно, или, по Русски сказать, жадно еще во всю дорогу не ѣлъ, какъ тутъ: чистота въ домахъ около очага и самовара, словомъ вездѣ, совершенная. Здѣсь есть очень хорошаго построенія мельница, которая работаетъ лошадьми и не знаетъ ни въ какое время остановки. Какая полезная механика для жителей безводныхъ!

Отсюда отправились далѣе въ другую сторону, и въ 15-ти верстахъ еще заѣхали въ колонію Іозефсталь, населенную Католиками изъ Эльзаса. Тутъ также только что отпѣли обѣдню, но, вмѣсто свадьбы, ожидалъ насъ хорошій обѣдъ, приготовленный Г. Р., который, какъ хозяинъ заведеній сихъ, имѣлъ учтивое попеченіе объ угощеніи нашемъ. Тотчасъ предсталъ къ намъ Капуцинъ, тотъ самый, о которомъ я говорилъ, описывая городъ. Онъ наѣзжаетъ сюда для требъ церковныхъ и обѣдни. Я его все также, какъ и въ городѣ, видѣлъ съ капишономъ, четками и длинной бородой, босъ и въ сандаліяхъ; лице его возвѣщаетъ, что онъ вѣкъ изжилъ не безъ проказъ, хотя и духовный санъ носитъ. Богомолки шли на встрѣчу намъ изъ своей кирки съ церковными книжками и смиренными лицами.

Мы здѣсь прекрасно отобѣдали и пили хорошее вино; Попъ Нѣмецкій отъ своей братьи мужчинъ не отставалъ; послѣ обѣда водилъ онъ насъ смотрѣть кирку, и поселяне многіе уже тутъ собраны были на вечернія молитвы не по наряду какому, а по произволу и обычаю своему. Пасторъ ни чего не служилъ, но они сами пѣли разные стихи и духовныя пѣсни; всякой кричалъ въ свою мочь. Шумъ неугомонный! Кирка небогата, но пристойна. Я бывалъ въ нихъ прежде, и очень дивился, найдя въ этой на престолѣ зеркала, передъ коими высокія горѣли свѣчи. «Для чего это?» спросилъ я?—«У насъ, сказалъ мнѣ одинъ, въ нашей землѣ этого не водится, но прежній Пасторъ завелъ.»—«А на что же, Господинъ Капуцинъ?»—«Пустыя мѣста были на престолѣ: онъ не зналъ, чѣмъ ихъ наполнить, и счелъ красивѣе всего поставить

зеркала.» Изрядная выдумка! Убирать престолъ какъ нахтышъ. Скоро мы увидимъ на немъ и духи и румяна. Къ несчастію, не ввелось ли и у насъ Царскія двери дѣлать изъ зеркалъ? Какія затѣи!

Пропѣвши свои канты, богомольцы вышли изъ церкви очень собой довольны. Я, виноватъ! подумалъ про себя, что они не столько изъ набожности туда ходили, какъ для прохлады: въ тамошнихъ мѣстахъ отраднѣй было днемъ во всякомъ нежиломъ строеніи, нежели на дворѣ и подъ прямымъ лучемъ солнца.

Г. Р. приказалъ показать намъ овецъ, тутъ же воспитываемыхъ для одного только опыта. Мы видѣли сотъ до 7-ми ихъ въ одномъ стадѣ: смѣсь разныхъ породъ; есть, однако, и мериносы; ихъ стригутъ разъ въ годъ, въ Маѣ, а простыхъ овецъ два и три раза, но та шерсть выгоднѣй и лучше. Мериносъ перерождается одинъ разъ въ годъ, и когда овца производитъ двухъ вдругъ, то одного изъ простыхъ ягнятъ колютъ, чтобъ сосцы раздѣлить на двухъ хорошихъ, и тѣмъ умножить плодъ добрыхъ овецъ. Я говорю, что слышалъ; прибавлю къ тому, что славный содержатель овчаренъ Г. М. многихъ покупщиковъ обманулъ, и доставлялъ имъ скверныхъ овецъ, кои въ одинъ годъ дохли. Это мнѣ сами помѣщики разсказывали. Вотъ все, что я узналъ о сей вѣтви промышленности; впрочемъ, не будучи большой знатокъ въ хозяйствѣ сельскомъ, я не распространю моихъ собственныхъ примѣчаній, кои могутъ быть ошибочны, а по тому не только безполезны, но и вредны.

Возвращаясь домой еще до заката солнечнаго, я не могъ довольно надивиться окружающимъ меня предметамъ. Что можетъ быть страннѣе, какъ воображать себя въ Россіи и въ степи у береговъ Чернаго моря, ѣздить на почтовыхъ лошадяхъ съ иностранной збруей и упряжкой, слышать разговоръ Нѣмецкой и Французской на козлахъ, и быть въ невозможности изъясниться по Русски ни съ кучеромъ, ни съ форейторомъ? Это для меня очень было ново и дико послѣ нашихъ плечистыхъ ямщиковъ, кои, заткнувъ за поясъ кнутъ, попѣваютъ сквозь сонъ заунывныя свои пѣсенки.

Господа Нѣмцы, однако, ѣздить не мастера: сидятъ на козлахъ чинно, покуриваютъ табакъ, сворачиваютъ круто, правятъ неосторожно, спускаются съ вершинъ быстро, и до смерти было переѣхали нашей коляской бѣдную дѣвчонку, которой едва могли помочь подать. Я отъ этой глупой неосторожности чужаго кучера плакалъ больше, нежели заплачетъ иногда отважный злодѣй отъ умышленнаго преступленія. Какъ тяжело съ удовольствіемъ своимъ хоть и нечаянное соединить бѣдствіе другого! Суди Богъ нашего глупаго Эльзаскаго кучера!

Въ Католицкой колоніи мы были въ 15 верстахъ отъ Овидіополя и въ 18-ти отъ Аккермана, мѣста, изобильнаго виноградомъ; не далеко ужь и до Царьграда: эхъ насъ куда занесло!! Мнѣ хотѣлось спуститься въ Овидіополь: онъ былъ самая нижняя наша крѣпостца, пока вновь другихъ не завоевали; мнѣ вдвое по тому хотѣлось въ ней побывать, что Екатерина, вообразивъ тамъ гробъ Овидіевъ, поспѣшила дать и имя его городу; но тогда, бывши съ обществомъ, я не могъ отъ него удалиться, а одному нарочно съѣздить не удалось. Дорога туда лежитъ гладкая и прекрасная; разстоянія не больше 40 верстъ отъ Одессы. Исторія передала намъ, что Овидій точно на берегу Чернаго моря былъ сосланъ и умеръ; но не доказано ни чѣмъ, чтобы это случилось точно тамъ, гдѣ нашъ Овидіополь. Такъ точно и Ольвія, древній городъ Римскій, далъ имя свое городку Ольвіополь, но рытвины и находки древностей въ дачахъ, принадлежащихъ нынѣ Графу Безбородьку, и о которыхъ я писалъ въ своемъ мѣстѣ, удостовѣряютъ, что и въ этомъ была ошибка.

До города оставалось намъ проѣхать 28 верстъ ближайшимъ путемъ. Шампанское Господина Р. меня такъ усыпило, что я не видалъ, какъ мы ихъ проскакали. Въ вечеру я загадывалъ съѣздить въ садъ на гулянье: Воскресный день былъ, а оттуда въ клубъ; но буря, громъ, молнія и дождь ведромъ встрѣтили насъ у Одесской заставы, и мы доѣхали до нашей квартиры, глядѣли во весь вечеръ съ балкона на воздушную трескотню и волненіе небесной нашей видимой крышки.

На вопросъ: давно ли и на какомъ основаніи колоніи вокругъ Одессы населены? хотя я не могу дать очень удовлетво-

рительнаго отвѣта отъ многихъ причинъ, однако не могу же чего ни будь не сказать самымъ поверхностнымъ образомъ. Вотъ, какъ я слышалъ, ихъ коренное постановленіе! Вывезено до 16 тысячъ семей Лютеранскаго и Римскаго Исповѣданія изъ всей Германіи и Эльзаса. При водвореніи ихъ въ нашихъ степяхъ, давать имъ предназначено по 60 десятинъ земли и по 355 руб. деньгами на постройку хатъ, покупку рогатаго скота и збруи, со льготой на 10-ть лѣтъ, т. е., съ свободой отъ всякой подушной повинности. Во все это время положено судить ихъ въ общихъ Гражданскихъ Трибуналахъ только по такимъ дѣламъ, кои ведутъ за собой каторжное наказаніе, въ прочихъ же меньшаго рода преступленіяхъ, не таская ихъ по Судамъ и разнымъ инстанціямъ, они подвергаются легкимъ наказаніямъ палками въ своихъ селеніяхъ по приговорамъ Волостныхъ ихъ Правленій, съ утвержденія главнаго начальника, котораго должность при насъ исправлялъ Г. Р. Они дѣлятся на деревни: каждая имѣетъ Выборнаго подъ названіемъ **Шульца**; а въ нѣсколькихъ деревняхъ установленъ одинъ *общій* Приказъ, и тутъ, по примѣру нашего Головы, юстиціей правитъ Оберъ-Шульцъ. О! этѣмъ людямъ очень хорошо жить: у нихъ и свѣжее масло, и кофе для гостей, и славные орѣшники Грецкіе въ садахъ растутъ. Всякой Приказъ имѣетъ Секретаря и нужное число писцовъ для производства дѣлъ.

Я не хотѣлъ дать вѣры всѣмъ тѣмъ предосудительнымъ разсказамъ, которые внушалъ мнѣ садовникъ Французъ, поселившійся въ слободѣ Лютеранъ; по тому что худому я привыкъ вѣрить гораздо позже и съ большой осторожностью, кромѣ того худа, которое увижу самъ; но говоря съ рядовыми колонистами, вникая въ ихъ распорядокъ, угадывая изъ двухъ, трехъ, словъ тѣ 20 и 30 рѣчей, коихъ они выпустить не смѣютъ, и на нѣкоторыхъ видимыхъ вещахъ основывая заключеніе, я не думаю быть ни дерзкимъ, ни безразсуднымъ, когда скажу, не распространяя моей догадки, что здѣшніе колонисты не такъ счастливы на мѣстѣ, какъ въ журналахъ нашихъ и вѣдомостяхъ, и что многіе изъ нихъ, естьли бы могли отдать то, что имъ казна по книгамъ будто выдала впередъ, не остались бы здѣсь и на день. Я охотно вѣрю и тому, что это должно приписать болѣе любви къ родинѣ, по которой всякому скучать естественно, нежели худому содер-

жанію въ новомъ отечествѣ. Больше я ни чего не скажу, да и не у мѣста было бы задерживать на пути моего читателя. Для догадливаго, кажется, я сказалъ довольно.

ГЛАВА XLI.

Мои знакомства.

Чтобъ видѣть все то, что заслуживаетъ примѣчанія въ Одессѣ, мнѣ нужны были благосклонныя пособія тамошняго начальства. Къ достиженію оныхъ снабдился я письмами къ Дюку де Ришелье и къ Графу Сентъ-При, и тотчасъ развезъ ихъ по пріѣздѣ самъ.

Дюка еще не было въ городѣ, какъ я пріѣхалъ, но на завтра онъ воротился изъ Херсона, куда отлучался крестить у тамошняго Губернатора. Онъ меня принялъ очень просто и безъ дальнихъ чиновъ, и самъ посѣтилъ меня раза съ два; возилъ меня съ собой по заведеніямъ Одессы и все любопытное съ удовольствіемъ мнѣ показывалъ. Онъ еще не старъ; не имѣя жены, угощеніе его самое холостое. По приглашенію его я у него обѣдалъ. Домъ не обширенъ; услуга не велика; столъ хорошій безъ роскоши. Вообще живетъ очень просто и, не имѣя большаго состоянія, не много, думаю, проживаетъ; охотникъ до садовъ, что свидѣтельствуетъ его хуторъ, и крайне сердится, когда встрѣтитъ попорченное дерево на улицѣ, или при чьемъ либо домѣ. Видно изъ всего, что очень любитъ тамошній край, и особливо Одессу, которая слыветъ его балованнымъ дитятей. Дамы къ нему не приглашаются, кромѣ условныхъ большихъ праздниковъ и торжественныхъ съѣздовъ. Изъ мужчинъ лучшее его общество въ городѣ и за городомъ составляютъ купцы, и не всегда самые знатные. Торговля требуетъ, чтобъ это сословіе людей было отличаемо, и отъ этого начала происходитъ короткое его съ нимъ обращеніе. Дюкъ говоритъ по Русски худо и въ бесѣдѣ остороженъ. Лишняго выпуститъ мало, по крайней мѣрѣ, при людяхъ стороннихъ: говорятъ, что онъ съ короткими на слова свободнѣе.

Послѣ обѣда обыкновенно у него подадутъ всѣмъ гостямъ длинныя трубки, и всѣ закурятъ табакъ. Я страненъ казался, отказавшись отъ этого угощенія; а самъ видя хозяина и гостей сидѣвшихъ на широкомъ диванѣ, подогнувъ ноги подъ себя и протянувшихъ до полу длинные чубуки, я, право, думалъ, что я въ Царѣградѣ. Дюкъ отмѣнно живъ и скоръ; дѣятельность его неусыпна. Для него ни чего не значитъ переноситься съ мѣста на мѣсто на самыя большія разстоянія. Ему не нужны излишніе сборы; сѣлъ въ дормезъ и вдругъ узнаютъ, что онъ поскакалъ въ Херсонъ, въ Крымъ. При мнѣ онъ раза три въ 8 дней подобные дѣлалъ въ городѣ сюрпризы, но къ нимъ уже привыкли. Часто ѣздѣтъ верхомъ съ однимъ Казакомъ прямо по молодецки и всюду глаза свои кидаетъ. Вотъ каковъ мнѣ показался Дюкъ, когда я собственными своими глазами на него смотрѣлъ; но много ли увидишь въ 8 дней? Прибавимъ то, что я слышалъ объ немъ отъ разнаго состоянія и пола жителей:

Дюкъ по дѣламъ и правленію вообще всѣми похваляется за справедливость и безкорыстіе. Обѣ Канцеляріи его, военная и гражданская, подвержены большому злословію, и ихъ ни кто не хвалитъ. Говорятъ, что фавориты его все изъ него дѣлаютъ, и это многихъ оскорбляетъ. Дюкъ любитъ преимущественно водиться съ купечествомъ, сравнивзетъ его съ собою и не рѣдко сажаетъ выше чиновника гражданскаго самаго незначущаго купчишку. Для чего не покровительствовать этому состоянію? Но все имѣетъ свои границы. Вотъ разсужденіе многихъ! Праздниковъ онъ не даетъ вовсе, или очень, очень рѣдко. Дамы къ нему не ѣздятъ, по тому что онъ держитъ домъ свой на самой холостой ногѣ; въ пріемахъ холоденъ и недовольно вѣжливъ. Такъ отзывается объ немъ общая молва!

Я, съ своей стороны, выѣхавъ изъ Одессы, остался очень доволенъ его благосклоннымъ со мной обращеніемъ. Онъ не ласковъ, это правда, но я не за дружбою его такъ далеко и ѣхалъ. Гдѣ найти другого токого милаго и доброхотнаго человѣка, какъ Графъ Сентъ При, сынъ заслуженнаго Француза? Онъ по обстоятельствамъ служитъ въ Россіи и женатъ на Княгинѣ Голицыной. Я уже сказалъ гдѣ-то, что онъ управляетъ здѣшнимъ Коммерческимъ Су-

домъ и произведенъ изъ Камеръ-Юнкеровъ въ Д. С. С.; въ отсутствіе Дюка онъ занимаетъ его мѣсто, по званію Градоначальника. Человѣкъ молодой, любезный, умный, съ хорошими соображеніями и, что лучше всего, отмѣнно добрый. Въ семействѣ его находилъ я одни возможныя для меня удовольствія въ Одессѣ. Жена его дама, воспитанная въ нашемъ отечествѣ и очень любезная. Они живутъ не громко, но пріятно; нанимаютъ не большой, но изрядный, домъ. Онъ у нихъ прибранъ со вкусомъ, по обычаю лучшихъ домовъ въ столицахъ. У нихъ для ужина не накрываютъ большихъ столовъ: кушанье разносятъ на тарелкахъ, и ни кто не жеманится! Свѣчъ на столѣ не ставятъ: вездѣ горятъ кенкеты. Общество у нихъ самое небольшое. Они имѣютъ одинъ въ недѣлѣ день для съѣздовъ, и имянно Понедѣльникъ, но и въ тотъ, слышалъ отъ нихъ, что мало къ нимъ съѣзжаются. При насъ былъ Дюкъ и человѣкъ пять стороннихъ. Впрочемъ, мы, по ихъ къ намъ ласкѣ и откровенному расположенію, всякой день къ нимъ ѣздили и всегда съ ними видались: на гавань ли, въ садъ, въ клубъ всегда вмѣстѣ ѣзжали; безъ нихъ намъ становилось скучно. Они также не рѣдко и насъ посѣщали. Ихъ домъ былъ для насъ, какъ собственный нашъ. Безсовѣстно было бы мнѣ забыть когда ни будь ихъ доброхотство, и мы, смѣю ласкать себя этой надеждой, разстались съ ними на всегда хорошими пріятелями. Мнѣ не удалось съ Графомъ проститься, по тому что онъ сильно занемогъ почти горячкою въ день, для моего отъѣзда назначенный. Я было отсрочилъ на сутки, надѣясь, что ему будетъ лучше и что мы еще разъ тамъ увидимся, но болѣзнь его разсудила миноваться уже тогда, какъ насъ не было въ Одессѣ. Съ какимъ удовольствіемъ нынѣ, по возвращеніи моемъ на родину, и изъ нѣсколькихъ писемъ его вижу, что онъ постоянно сохранилъ ко мнѣ свою пріязнь, которая есть лучшее мое пріобрѣтеніе на берегахъ Чернаго моря!

Къ двумъ симъ лицамъ, Дюку и Графу Сентъ-При, прибавимъ достойную нашу хозяйку, Госпожу Турчанинову, * и подругу

* Изъ сочиненій ея извѣстны (по «Росписи Россійскимъ книгамъ библіотеки А. Смирдина. Спб. 1828») слѣдующія: 1) «Отрывки изъ сочиненій Анны Турча-

ея, Госпожу В., сверхъ того заѣзжаго сюда Екатеринославскаго Губернатора, Пр. Алексѣева, родственника сестры моей по мужѣ, и вотъ все мое знакомство въ Одессѣ; болѣе я ни съ кѣмъ не сошелся ни близко, ни далеко.

При мнѣ пріѣзжалъ Таврической Губернаторъ Г. Бор., старый мой знакомый и сослуживецъ. Его я въ новый списокъ не ставлю за тѣмъ, что мы рѣзвились, служили, влюблялись и шалили нѣкогда вмѣстѣ. Лѣтъ 20 тому назадъ (Ахъ! какъ тяжело это вспомнить и видѣть такое прекрасное время жизни столь далеко позади себя!), лѣтъ 20-ть слишкомъ тому назадъ, говорю я, играли мы вмѣстѣ комедіи. Домъ матери ихъ былъ домъ удовольствія и пріятной свободы. Все это пришло мнѣ на мысль, увидѣвши его, и много напомнило старинки. Благословенно время юности: ни что ея не замѣняетъ!

ГЛАВА XLII.

Публичная жизнь въ Одессѣ.

Между значущими жителями города почитаются Господа Консулы, Австрійскій и Французскій: перваго я одинъ разъ видѣлъ въ обществѣ у Графа Сентъ-При, а послѣдняго нигдѣ. Они, слышалъ я, оба мало выѣзжаютъ и занимаются одними торговыми дѣлами.

Многіе богатые купцы, особливо Греки, очень скупы, имѣютъ свои конторы, но сами рѣдко живутъ при нихъ, а насылаютъ прикащиковъ, кои не въ правѣ роскошничать, берегутъ деньги и копятъ ихъ; слѣдовательно, городъ не оживоренъ, а мо-

---

ниновой. Спб. 1803, 8; 2) Натуральная этика или законы нравственности и проч., перевела съ Латинскаго Анна Турчанинова. Спб. 1803, 8.» О. Б.

жетъ быть онъ мнѣ показался скученъ и по тому, что въ лѣтнюю пору всѣ изъ городовъ бѣгутъ въ поле. Иные имѣютъ хуторы, и разводятъ при нихъ сады. Въ публичныхъ мѣстахъ нигдѣ при мнѣ не было ни какого съѣзда: всѣ сидятъ по домамъ, выкладываютъ, считаютъ и сулятъ жить для другихъ тогда, какъ денегъ наживутъ больше; словомъ, всякой въ Одессѣ дышетъ изъ барыша.

Правда, что въ Одессѣ самой нѣтъ еще роскоши столичныхъ городовъ, при всей изящности ея мѣстоположенія, но повторю еще разъ, и съ удовольствіемъ, что натура вокругъ ея все дала изобрѣтательному человѣку: почва плодоносная, природа ни у кого не остается въ долгу; былъ бы трудъ и сѣмя для посѣяній. Хозяинъ самаго небольшаго хутора можетъ величайшій пріобрѣсть доходъ земляной работой. Солнце грѣетъ, роса живитъ, море прохлаждаетъ. Не нужны здѣсь садовники, ни теплицы, ни парники: на вольномъ воздухѣ всякой плодъ спѣетъ, позже искуственнаго, не спорю; ибо натура насилій не терпитъ, а производитъ въ свою пору: но можно ли спорить противъ того примѣчанія, что плоды свободные гораздо вкуснѣе принужденныхъ? Оранжереи наши въ столицахъ ясно то доказываютъ. Впрочемъ, о вкусахъ спорить нельзя: иной любитъ хоть не вовся хорошо, изрядно, да по скорѣй, а другой позже, да въ совершенствѣ.

Не должно воображать также, что въ Одессѣ все сыскать за деньги можно, нѣтъ! Даже и за большія не даютъ многаго; на примѣръ: естьли нѣтъ знакомаго съ запасомъ, вы на рынкѣ не достанете купить всегда ни яицъ, ни сливокъ, ниже овощей; хотя и привозятъ все это, но рѣдко, всякой поселянинъ знаетъ, что осѣдлый житель города всѣмъ запасся; а на бездомнаго не всегда на такого нападешь, кто бы далъ дорого за дальній привозъ травъ, или овощей. Во всей Россіи, скажемъ смѣло, только два пункта, въ коихъ все и всегда для жизни животной достать можно: Петербургъ и Москва. Москва обязана древности своей и многолюдству тѣмъ, чѣмъ Петербургъ одолженъ постоянному пребыванію Двора, который, какъ солнце, все отвсюду къ себѣ тянетъ. Впрочемъ, вездѣ еще надобно жить съ запасомъ; а на базарахъ артишоковъ и шуфлеровъ долго не купишь.

Изъ рыбъ морскихъ я здѣсь ѣлъ только, такъ называемую, камбалу: она была очень хорошо приготовлена; но признаться, что для меня рѣчной судакъ гораздо вкуснѣе. Устрицъ не видалъ. Фруктовъ не было еще ни какихъ, кромѣ абрикосовъ. Ихъ множество и дешевы. Апельсиновъ во всемъ городѣ только одинъ оставался десятокъ у Грека, который я купилъ и далъ 4 руб. Все, что подвезено было, еще съ Мая умчали въ Москву. Старушка эта все выкупаетъ со всего бѣла свѣта. Тѣ, кои при отъѣздѣ моемъ приплыли и о коихъ я говорю уже въ другой разъ, какъ о самой значительной рѣдкости, не совсѣмъ лучшаго были вкуса и доброты. Между конфектами искуственными въ первой разъ ѣлъ я здѣсь альву, Цареградское лакомство: очень приторно! Это не что иное, какъ битые орѣхи съ миндалемъ въ патокѣ, и продается довольно цѣнно въ бурачкахъ, какъ наша икра. Естьли залежится, то заплѣсневѣетъ, почернѣетъ и приходится кинуть.

Я удивился, что въ торговые годы капиталисты не оставляли нѣсколько заморскихъ товаровъ въ погребахъ и магазинахъ для распродажи нынѣ въ тѣсные годы, но нашелъ отъ многихъ правильныя возраженія. Въ самой вещи, для кого оставлять такіе запасы? Цѣна, въ которую они, лежа въ амбарахъ, обошлись бы по времени самому хозяину, слишкомъ возвысилась бы, чтобъ выручиться въ городѣ: кто дорого въ состояніи, или, лучше сказать, живучи изъ выгодъ, кто захочетъ дорого заплатить за что либо необходимое? И такъ все, что изъ за моря въ хорошіе годы торговые было доставлено къ Одесскому порту, все услано внутрь Россіи, и теперь вы въ Одессѣ ни чего не найдете купить иностраннаго, кромѣ бездѣлушекъ, залежавшихся нечаянно и не составляющихъ счета капиталисту. Повторимъ еще разъ всѣ выгоды этого прославленнаго края: ни какого общества, всѣ сидятъ по домамъ и живутъ изъ барыша. Съ разсчетомъ жить во время торговли—найдешь себя въ обѣтованной землѣ; но для удовольствія еще рано сюда переселяться: скверная квартира 50 руб. въ мѣсяцъ; четверня лошадей 10 руб. въ сутки; ни полѣна дровъ, топи кизикомъ, отъ котораго воняетъ; пыль, мухи, зной, или холодный вѣтеръ: какая мука!

И такъ, отложа всякое пристрастіе, не станемъ заблуждаться и согласимся, что Одесса, по недавнему своему образованію, очень

хороша, но что она еще ни въ сотую долю не доведена до того степени превосходства во всѣхъ частяхъ, до какого назначаетъ ей сама натура и ея точка во вселенной, и долго еще объ ней хвастать надобно будетъ въ журналахъ, чтобъ заманить туда любопытнаго.

ГЛАВА XLIII.

Прогулка на морѣ въ шлюбкѣ.

Вѣжливому Дюку разсудилось предложить мнѣ гулянье: я никогда этой забавы не забуду. Получилъ однажды я отъ него зовную записку строчкахъ въ трехъ, и явился въ пять часовъ по полудни, какъ сказано въ ней было; не видя, впрочемъ, изъ нея ни съ кѣмъ, ни гдѣ, ни какъ будемъ мы забавляться, я не взялъ ни какихъ предосторожностей отъ непогоды., Я воображалъ, что бури и ненастья только для сѣвера, а что въ Одессѣ нѣтъ ни грозъ, ни дождей проливныхъ, ни безпокойной сырости; словомъ, думалъ я, тутъ небо и всѣ преимущества небожителей.

Къ Дюку собралось насъ человѣкъ съ 6, въ томъ числѣ заѣзжій Губернаторъ и Губернскій Предводитель, и пошли мы всѣ за нимъ на пристань, а тамъ и въ шлюбку. Я люблю смотрѣть на море въ окошко, и то тогда только, когда оно очень смирно, а плавать по немъ въ лодочкѣ не пробовалъ еще, и пробовать ныньче рѣшительно не взлюбилъ на вѣкъ. Разсѣлись мы по лавочкамъ, и гребцы помчали насъ въ чистое море. Что говорить о шлюбкѣ? Разумѣется, прекрасная, но на морѣ, на этой пространной и зыбкой стихіи, взмилится ли не бывалому человѣку и корабль, не довольно шлюбка? Она же не совсѣмъ тихо струи раздѣляла, вѣтерокъ обуревалъ поверхность моря; волны раздражались и поигрывали съ нашей лодкой, которая перекидывалась изрядно изъ стороны въ сторону. Такое плаванье наше продолжалось съ часъ, и цѣль прогулки еще далека была отъ нашихъ взоровъ. Алексѣевъ не терпитъ моря, хотя и былъ въ Англіи; ему стало

тошниться и мнѣ приходило около того. Но тошнота, самъ обморокъ—бездѣлица въ сравненіи съ боязнію. Кто знакомъ съ этѣмъ сильнымъ трепетомъ, который мы зовемъ страхомъ, тотъ, читая настоящую повѣсть нашей прогулки, войдетъ въ мое состояніе и почувствуетъ, каково было мнѣ глядѣть на бездонное море.

Но наконецъ Дюкъ приказалъ пристать къ матерому берегу; но разъ мы попали на мель, въ другой ударились о камень, и этѣ припятствія продолжали наше водоходное странствіе; а между тѣмъ облака сгущались, чернѣли въ воздухѣ тучи, скрывался за ними сводъ небесный, и сильный дождь висѣлъ надъ нами. Какой-то Чиновникъ, стоя на краю моря, манилъ насъ въ свою сторону. На полугорѣ раскинута была ставка, и я ожидалъ тутъ послѣ нашего похода вѣнковъ лавровыхъ, но еще не конецъ; однако причалили мы къ огромной скалѣ и, выскочивъ изъ шлюбокъ, не успѣлъ я обрадоваться сухому берегу, какъ хляби небесныя отверзлись и пошелъ на насъ проливной дождь. Безъ капота въ одномъ фракѣ мокнуть незабавно!

Отважный человѣкъ на моемъ мѣстѣ описалъ бы всѣ прелести того берега, мимо котораго мы крейсировали. Какія горы, ущелины, овраги! Но я занятъ былъ только двумя предметами — собой и моремъ; ни чего не видалъ, кромѣ моря, и мало глазѣлъ на красоты природы по сторонамъ.

Дюкъ въ одномъ мундирѣ велъ насъ въ гору подъ сильнымъ дождемъ, и иногда останавливался, чтобъ заставить меня примѣтить прекраснѣйшіе абрикосы на открытомъ воздухѣ; но я все еще озирался на Черное море и смотрѣлъ, далеко ли мы отъ него ушли, и чувствовалъ себя часъ отъ часу мокрѣе.

Палатка, обольстившая взоръ мой, была тутъ приготовлена въ предположеніи ведра для одного роздыха послѣ морскаго путешествія; ненастье насъ въ нее не манило: всякому хотѣлось дойти до чего ни будь прочнаго и не сквознаго; всѣ шли на угадъ впередъ; самъ Дюкъ не зналъ прямой дороги до того мѣста, куда съѣздъ былъ назначенъ. Алексѣевъ отсталъ; трое шли мы только: Губернаторъ, Бор. и я, по узенькой тропинкѣ вдоль горнаго хреб-

та, природой тутъ поставленнаго для огражденія бездны. У ногъ его сокрушались волны Чернаго моря. Дождь лилъ безъ чиновъ и уже промочилъ насъ до костей, какъ Дюкъ попотчивалъ меня переждать тучу подъ какимъ-то густымъ деревомъ; присѣли мы подъ нимъ, но вода съ листьевъ еще сильнѣе насъ мочила, и мы скоро, какъ зайцы, поднялись на ноги опять и пустились впередъ.

Наскучило нашему вождю ити все той же травой, гдѣ съ помощію его не одну я уже перескакивалъ морскую промоину, и, по мѣстнымъ догадкамъ, свернулъ онъ на право, за нимъ Бор. и я. Новая печаль, да и не шуточная! Мы попали въ камышъ по самую грудь и уперлись ногами въ глинистый кряжъ земли. Во первыхъ, тутъ вода насъ промочила какъ губку, по тому что камышъ, наполненный ею, смочилъ на насъ вдругъ всю одежду; во вторыхъ, глина, приставая къ ногамъ, отягощала шагъ нашъ чрезвычайно и мѣшала скоро ити. Сверхъ того, пусть вообразятъ, каково въ мокромъ платьѣ, увязнувъ въ тростникъ и глину, вырывать то ту, то другую, ногу и шагать впередъ, налегая всей массой тѣла на самые нѣжные грудные органы. Такимъ ходомъ мы еще шествовали съ добрый полчаса, и увидѣвши чей-то хуторъ, я очень обрадовался.

Нѣтъ! не тутъ еще рокъ судилъ намъ пѣсню побѣдную. Отъ этого жилья было уже недалеко до пункта мнимаго увеселенія. Мы бросились сквозь полисадникъ, и очень непріятно встрѣчены были тремя угрюмыми псами, кои, не зная шутки, намѣревались насъ принять за фалды. Дюкъ и Бор. имѣли при себѣ шпаги и могли подъ часъ ими оборониться; но у кого нѣтъ защиты, тому одно средство бѣжать, что я и сдѣлалъ. Пріѣхать въ Одессу за тѣмъ, чтобъ дать себя изувѣчить чьимъ-то неугомоннымъ псамъ, не самой славной кончиной мнѣ казалось. Товарищи мои скоро отъ нихъ также освободились и, соединясь опять всѣ трое, снова замаршировали!

О несказанный восторгъ! Намъ слышится музыка: такъ точно! Мы близки къ удовольствію, къ теплу, къ огню и къ роздыху. Вѣрно, думалъ я, домъ, куда мы придемъ, хорошо прибранъ, скутанъ отъ непогодъ; тамъ мы обогрѣемся, напьемся, чаю, высушимся у очага, а, можетъ быть, найдемъ и другое платье,

пока мокрое обсохнетъ. Ахъ, какая ошибка! Г. Рено, зажиточный *купецъ*, ожидалъ Дюка въ своемъ новостроющемся хуторѣ. Домикъ прекрасный, съ хорошимъ выпускомъ на берегу Чернаго моря; виды волшебные, мѣстоположеніе божественное; высоко, величественно все, правда: но увы! ни дверей еще, ни оконницъ: насъ ждали въ хорошую погоду, а мы налетѣли въ сильное *ненастье*, продрогли до костей, переодѣться не во что, согрѣться негдѣ: музыка огромная, шумъ и звонъ страшный, но что въ ней мокрому пѣшеходу? Очагъ съ хорошимъ пыломъ отъ сосновыхъ сухихъ плахъ превосходнѣе былъ бы для меня всѣхъ прочихъ богатствъ натуры на томъ мѣстѣ. Дѣлать было не чего; надле*жало всю* вечеринку вытерпѣть. Столъ отягощенъ былъ фруктами, но ни что не шло въ душу. Я не выпилъ, а проглотилъ, чашки три чаю съ виномъ, и тѣмъ нѣсколько согрѣлся. Компанія, кромѣ насъ, состояла изъ пяти, или шести, купцовъ и трехъ какихъ-то Молдаванокъ. Дюкъ, не задумываясь ни мало, началъ *вальсировать* съ одной, Бор. съ другой, третья нажидала, думаю, меня, но я, обогащенный глиною, какъ золотомъ, не могъ съ такимъ грузомъ пошевелить ногъ и рѣшился лучше показаться невѣжливымъ мужчиной, нежели кружиться, упасть и уронить.

Вечеръ уже приближался. Мы отъ города были въ трехъ верстахъ: пора было подумать о возвращеніи домой. Жена моя, конечно, не могла придумать, гдѣ я дѣвался. Какъ и на чемъ ѣхать: моремъ ни кому уже не хотѣлось, а сухимъ путемъ предстояла крутая гора. Людей съ нами было мало; вести подъ руки нѣкому; итти по размытой глинѣ скользко, и такъ я нѣсколько разъ упалъ и, благодаря одному солдату, маралъ не фракъ свой, а его шинель, которую возвратилъ ему всю въ грязи. Всякой думая, какъ водится, самъ о себѣ, шелъ своей дорожкой, а на горѣ всѣ мы сошлись вмѣстѣ. Въ суетѣ такой я, право, не видалъ, куда дѣвались наши дамы: ни съ кѣмъ въ свѣтѣ такъ скоропостижно я не знакомился, какъ съ ними; видѣлъ тутъ одну минуту, не встрѣчалъ послѣ нигдѣ въ Одессѣ, и, чаятельно, нигдѣ въ цѣломъ свѣтѣ не съѣдусь съ ними опять.

Взойдя на гору, я ожидалъ коляски, кареты, линѣйки, словомъ, какого ни будь спокойнаго экипажа, чтобы доѣхать въ го-

родъ: опять ошибка! Ни чего не было, кромѣ таратайки парой, въ которой съ нуждой усѣлись бы два человѣка, но необходимость вселила туда троихъ: Дюка, Бор. и меня. Дюкъ самымъ услужливымъ образомъ уступилъ мнѣ свой плащъ, далъ намъ двоимъ угольныя мѣста, а самъ между нами сѣлъ въ серединѣ. Такъ ѣхали мы по чистому и неровному полю три версты. На дворѣ зачинало темнѣть; скакать парой, да и съ такимъ грузомъ, было неспособно; дождь продолжался и по маленьку поливалъ насъ. Голландцы не тѣснѣе набиваютъ сельдей въ боченки, какъ сжало насъ въ этой одноколкѣ; но кое-какъ въ сумерки въѣхали мы въ городъ, и я домой къ себѣ явился, какъ послѣ кораблекрушенія матросъ: сухой не было на мнѣ нитки; я трясся лихорадочною дрожью, и съ трудомъ исправилъ мои силы послѣ горячаго вина и въ сухой одежѣ. Домашніе мои не могли отгадать, гдѣ я такъ позабавился.

Отдохнувъ съ ними и пошутя довольно на собственный свой счетъ, поѣхали мы въ тотъ же день ужинать къ Графу Сентъ-При. Это былъ его вечеръ. Тамъ застали мы уже и Дюка. Хозяинъ тихомолкой пошутилъ надо мной; оба мы дали неудачной прогулкѣ настоящую ея цѣну. Столь сильное безпокойство скоро позабыли въ любезномъ обществѣ добрыхъ хозяевъ. Хорошая бесѣда, остроумныя, но пріятельскія, шутки и откровенность мыслей, сто разъ пріятнѣе для сердца, привязаннаго къ жизни, чѣмъ всѣ потѣхи безпокойнаго любопытства. Вотъ какъ я думалъ тогда, думаю теперь, когда пишу, и думать буду вѣчно. Замѣтимъ теперь вообще, безъ всякого кому либо предосужденія, что есть чины и лѣта, въ которыя не должно ни жить, ни забавляться такъ, какъ позволяется и пристойно мальчику въ 20 лѣтъ.

III

МАТЕРІЯЛЫ СЛАВЯНСКІЕ

LIT. F.

Uniwersał Kommissyi Porządkowej do obywatelów, in Februario 1789 wydany najpierwszy.

(Ten Uniwersał nie wypisuje się co do litery, lecz się tylko wyraża w krótkich słowach, co do istoty. Nakazuje Kommissya obywatelom ku własnej obronie życia przystawić do Łucka milicyantow, w mundurą wojewodzkie i broń opatrzonych, tudzież dla nich i dla koni wiktuały.

Pozmieniony nakaz tę miał w sobie szczególność, aby obywatele nie posyłali Rusinów za milicyantów, ile już wszystkich o bunt podejrzanych; a zatem wolno było Lutrów, Kalwinów, w ostatku Żydów i Karaimów do uformowania tejże milicyi używać, jednych tylko wyłączywszy Rusinów!

Dalej wezwala Kommissya szlachtę czynszową i innych, bez służby zostających, o czém drugi przeświadcza Uniwersał.)

Uniwersał Kommissyi Porządkowej drugi, dnia 31 Marca, 1789 wydany.

Komissya Województwa Wołyńskiego.

Gdy zapobiegając nieszczęśliwości wewnętrznej w Województwie naszym końcem zabespieczenia każdego mieszkańca i obywatela, zobowiązała układem swoim każdego miast i wsiów possesora do wystawienia w czasie najprędszym ludzi nadwornych podług Uniwersału wydanego. Równy ratunek od współbraci naszych, acz osiadłości żadnej nie mających, jednak równie z nami krwią, ozdobą stanu szlacheckiego zaszczyconych, ile dla ocalenia własnego życia przynależy. Przeto tych wszystkich współbraci naszych, szlachtę, czyli na czynszu mieszkające, czyli bez służby będących, bądź pod jakimkolwiek pretextem w Województwie naszym bawiących się, miłością braterską obowiązujemy, ażeby nieodwłocznie na ratunek siebie samych w broń, podług przemożności swojej, dla zmocnienia i powiększenia narodowych ludzi, do miast pryncypalnych, Łucka, Włodzimierza i Kamieńca zjeżdżali, a to pod rygorem praw o prerogatywach stanu szlacheckiego opisanych. I ten Uniwersał, aby wszystkich obywatelów łatwiej wiadomości doszedł, po parafiach wszystkich rozsyłamy etc. Dan na sessyi Kommissyjnej w Łucku 1789 r., dnia 31 Marca.

Franciszek Prażmowski, Prezes Kommissyi.
Stefan Załęski, Chorąży Nowogrodzki, pow. Łuck. Komisarz.
Felix Jéło Maliński, Miecznik Wołyński, Komisarz.
Piotr Postrucki, Skarbnik Czerniechowski, Komisarz.
Bonawentura Chamiec, Horodniczy Łucki, Komisarz.
Cyryak Nowowiejski, Szambelan J. Król. Mości, Komisarz.
Dominik Zmigrodzki, Stolnik, Łukowski, Komisarz.
Dyonizy Wiszniowski, Sędzia Grodz. Czerniech., Komisarz.
Piotr Szaława Leduchowski, Komisarz.

Felicyan Radzimiński, Starosta Zeleźnicki, Komisarz.
Kajetąn Trzebuchowski, Stolnik Trembowelski, Komisarz.
Piotr Borsza Drzewiecki, Starosta Jezierski, Komisarz.
Kajetan Bobr, Komisarz.
Marcin Sławoszewski, Komisarz.
Tadeusz Błędowski, Rotmistrz kawaleryi narodowej, Komisarz.
Jan Tomaszewski, Podstoli Łomżyński, Komisarz.
Jwon Stecki, Starosta Rudziński, Komisarz.
Kajetan Aksak, Szambelan Jego Królewskiej Mości, Komisarz.
Tadeusz Podhorodeński, M. W. K., Komisarz.
Wincenty Chojnacki, Chorąży Sanocki, Komisarz.
Kajetan Sadowski, Starosta Słonimski, Komisarz.
Felix Hulewicz, Vicesgerent Grodzki Łucki, Komisarz.
Józef Orański, Chorąży Bracławski, Komisarz.

(L. S.) Zgadza się z orginałem.

Lenkiewicz Sekretarz.

Uniwersał Kommissyi Porządkowej trzeci, dnia 9 Czerwca, 1789 wydany.

Kommissya Województwa Wołyńskiego.

Wszem w obec i każdemu z osobna, komu o tem wiedzieć należy, do wiadomości podaje się.

W każdych czynnościach, tyczących się dobra publicznego, duszą jest zgoda i jednomyślność, tém więcej gdzie idzie o całość majątku i bespieczeństwo życia, łączenie się ku wspólnej obronie obywatelów konieczną zdaje się być potrzebą.

Doświadczyla tego Kommissya, część obywatelów Województwa Wołyńskiego reprezentująca, w początkach, grożących okropnymi skutkami z poburzenia chłopstwa do buntu, nad całym krajem i własnym Województwem wyszącymi, kiedy obywatele, zagrzani własnego życia ocaleniem, w nieznajdowaniu się wojsk na Wołyniu, przęjeli zachęcenie Kommissyi względem milicyi, i część jej znaczną, w jakim kto mógł porządku, na naglącą pozierając potrzebę, wystawili, i co w obcych narodach przymus zwykł zyskiwać na obywatelach, to w wolnym narodzie czułość o bespieczeństwo kraju, życia i majątku znalazło chwalebne względy.

Nie trzeba więc ustawać w tak cnotliwych i chyba tylko przez uprzedzenie innym duchem tchnących i przeciwnie myślącym nieupodobanych czynach, należy powiększać zabespieczenie na ukryty, lecz nie zupełnie utłumiony ogień, należy skutkować jednomyślnie, co współbracia celem nie tylho siebie, lecz i innych ocalenia, w ufności podobnego zamiaru każdego obywatela dopełnili, należy znieść równie słodki ciężar miłości braterskiej, który by o nieoddzielnym obywatelów w każdy moment przekonywał myśleniu, niech odgłos idzie

w odległe kraje i w potomności zostanie pamiątka, że Polak, w potrzebie, umie razem myślić, razem działać i razem czynić.

Niemoże Kommissya spóźnienie od niektórych milicyi brać za skutek odróżnienia się od wypełniających tę potrzebę, przyznaje to niezręczności, a może dla odleglejszych miejsc niewiadomości o tak chwalebnej wielu bardzo obywateli czynności.

Dla tego nie przestaje zachęcać i starać się o równą od wszystkich w dostawieniu milicyi łatwość, bojąc się, aby w jednym razie niełączenie się na zawsze między obywatelami tej nie zatraciło ufności, przez którą znaczniejsze domy, dopieroż Województwo większą część obywatelów składające, zwykły się utrzymywać.

Mógł pierwiej obywatel ulegać prywatnym odgłosom, że ta milicya do najzbawienniejszego celu umyślona, była na szkodliwy jakowy zbierania zamiar, lecz niech już będzie przekonany, że tak próżny przesąd został obalony, kiedy na czele będący Stanów skonfederowanych i Rzeczypospolitej wielki mąż, JWny Małachowski, R. W. K. sejmowy Marszałek, z dóbr swoich, i na wzor jego JO. Xże Czartoryski, Generał ziem Podolskich, JWny Zamojski Ordynat, i inni, w Województwie Wołyńskiem znaczniejsze dobra mający, choć nieprzytomni, tudzież obywatele klucze, wioski i części posiadający, chęcią tylko wspólnego ratowania się w zdarzeniach nieszczęśliwych, milicyą dostawili.

Mógł jeszcze kto z zbiegnionych do miast tołecznych obywatelów prywatą nazwać, że ta milicya tamże do zebrania się początkowym wezwana była obwieszczeniem, chociaż przez ucalenie akt miał bespieczeństwo honoru, szlachectwa i majątku; lecz Kommissya nie dla siebie, tylko dla Województwa sprawując swoje obowiązki, dogodziła chęciom obywatelskim, na parafie dzieląc milicyą, która by nie tylko w miastach stołecznych dla akt, ale też i w parafiach dla obywatelów bliższą stała się obroną.

Nie spodziewa się Kommissya, aby który obywatel utyskiwał na ciężar dobrowolny, przy innych podatkach z milicyi wynikający, bo ten ciężar, przy zapalonym ogniu buntów, przez wszystkich z dobrej woli był przyjmowanym, a kiedy w iskrze początkowej wsparciem ojcowskim Najjaśniejszego Pana, przez nadesłane części wojska i czu-

łością współbraci, został niezupełnie utłumiony, niech wzajemną miłością zagrzani będą ci, którzy nie dostawili milicyi, niech ją dostawią, i zrobią ulgę ratującym siebie początkowie współbraci.

Potrzeba mieć ufność w wojsku krajowem, że nim zasłoniony ostanie obywatel od nieszczęśliwości, lecz znowu wzgląd mieć na to należy, że tegoż wojska nagłe skompletowanie nastąpić nie może, dotąd zaś zebrana liczba dla zasłonienia granic gdy zostanie użytą, a nieszczęścia, które nam zewsząd obiecują, gwałtownie wybuchną, będzie Województwo zaczynało znowu myślić o ratunku, lecz już będzie po czasie; bo, choć by gmin ludzi gwałtownie zebrać mogło, niezdatne, bez usposobienia do mustry, bez porozumienia się, będzie tylko jedyną pastwą spozierających pokątnie na nas nieprzyjacioł.

Niech więc tylko każdy obywatel, duchem jedności tchnący, cechą poczciwie myślącego człowieka oznaczony, miłością wspólną dobra publicznego zagrzany, o ucaleniu życia i majątku współbraci i swego myślący, ściśle te uważy maxymy, które do dobrego zmierzają celu, zapewne dla ufności jedynej, która by go w społeczeństwie łączyła, dopełni zamiar pierwszych Uniwersałów, względem dostawienia milicyi, niezwłocznie, dla wrażenia krajom i Województwom Wołyńskich obywatelów jedności z daleka jej dozierającym.

Uprzątając zaś bojaźń, z nieustannego utrzymywania milicyi pochodzącą, że ta od dnia 1 Czerwca, przez miesięcy dwa trwać będzie, Kommissya zabespiecza. Gdyby jednak grożący nam niebezpieczeństwem rozruch nie ustawał, spodziewa się Kommissya, że sami obywatele na przedłużeniu czasu do utrzymania jej poprzestaną.

A lubo Kommissya ufna jest, że WW. kommendanci parafialni lokacyą swoją podług myśli urządzeń po miastach i wsiach, w tychże parafiach będących, przy kościołach parafialnych rozłożywszy, rapporta natychmiast przesyłać nie zaniedbają, jako ma doświadczenie z wielu cnotliwie i chwalebnie dopełniających swoje obowiązki, aby ta jednak niewiadomość obywatelom nie rodziła jakowego podejrzenia, a spokojnymi we wszelkich wątpliwościach zostawiła Kommissya kommenderującym po parafiach uskutecznienie takowego opisu powtarza i przypomina.

Jako zaś obywatele sami żądali przez listy swoje do Najnajjaśniejszego Pana i Stanów Rzplitej zasilenia wojskiem, ofiarując stosować żywność do żołdu, tak gdy z ojcowskiej Najjaśniejszego Pana troskliwości doznaje Województwo przechodu i konsystencyi wojska, przez co same miejsca przechodu, konsystencyi i wsie pobliższe doświadczają uciążliwości, a odległe wsie i miasta wolne są od wspólnego ciężaru, przeto gdy Województwo wspólnie do wszystkich ciężarów przykładać się powinno, i część tegoż Województwa furaż do magazynu dostawiła, spodziewa się Kommissya, że i inne dobra dostawienia tegoż furażu nie uchybią, ile gdy tego opłata, w generalnej złożona kassie, dotąd nieruszona, do urządzenia Województwa znajduje się. Inaczej Kommissya dzieląc ciężar na całe Województwo, a ujmując przykrości obywatelom, od początku Kwietnia wojsko utrzymującym, starać się o przyciągnienie wojska na konsystencyą ode wsi do wsi, aby wszystkie równy uczuły ciążar, będzie przymuszona.

Pewna jest Kommissya, że każdy obywatel, czuły o własne bespieczeństwo, dziesiątuików przysięgłych po wsiach i miastach ustanowił, warty dzienne i nocne utrzymuje, bez zaświadczenia przejeżdżających, przechodniów zkądkolwiek i dokądkolwiek nie przepuszcza, podejrzanych zatrzymuje, leśnych do najszczególniejszej ostrożności, aby się hultaje po lasach i futorach nie kryli, pod surową karą obowiązuje. Żeby to jednak do czasu zupełnej spokojności nie ustawało, owszem jak najmocniej zachowane było, ile gdy świeże zewsząd o nieuspokojeniu się rozruchów dochodzą wiadomości, Kommissya do utrzymania tego porządku, dla własnego bespieczeństwą obmyślonego, potrzebą ocalenia się wzajemnego i wspólnego dobra, zachęca i obowiązuje.

Za rzecz pewną donoszą Kommissyi, że niektórych miast i wsiów dziedzice i posiadacze Uniwersałami Najjaśniejszych Stanów Rzeczypospolititej i Kommissyi ostrzeżeni, Piliponów pajmawszy, dotąd bez pilnej sraży u siebie utrzymując, wielu tym sposobem z rąk swych upuścili, przez co daleko większa w obywatelach rodzi się niespokojność, przeto Kommissya, znając swoim obowiązkiem przestrzega bespieczeństwa publicznego, obowiązuje tych wszystkich, którzy by podobny gatunek ludzi i ich majątki mieli u siebie, aby onych z majątkiem, unikając odpowiedzi, dla wybadania i dośledzenia zamiarów

włóczenia się w tak wielkiej liczbie po krajy Polskim, ile gdy niektórzy po imionach i przezwiskach powołani po miastach stołecznych nie znajdują się, do jurysdykcyi przystawieni, onych nieodwłocznie przystawili. Który Uniwersał aby jak najrychlej każdego wiadomości doszedł, po kościołach rozgłaszać, rozsyłać i parafianów uwiadamiać miłością obywatelstwa i potrzeby terazniejszej Kommissya zagrzewa i obowiązuje. Dan na sessyi Kommissyijnej w Łucku dnia 9 Czerwca, 1789 roku.

Stefan Hubicz Załęski, Chorąży pow. Nowogrod Komisarz.
Tadeusz Podhorodeński, Komisarz.
Kajetan Aksak, Komisarz.
Jan Krokwa Tomaszewski P. L., Komisarz.
Franciszek Pisarski, Komisarz.
Piotr Borsza Drzewiecki, Komisarz.
Juo Stecki, Komisarz.
Józef Wojna Orański, Komisarz.
Ignacy Jełowicki, Komisarz.
Felix na Drozniach Hulewicz, Komisarz.
Kajetan Trzebuchowski, Komisarz.
Walenty Hubicz Załęski, Komisarz.

(L. S.) Zgadza się z orginałem.

Lenkiewicz Sekretarz.

List JW. księdza Krasińskiego, Biskupa Kamienieckiego, do Biskupa Chełmskiego Ruskiego. *

Illustrisime et Reverendissime Domine Frater observandissime!

Mocno ubolewam nad pokrzywdzeniem JWMci Pana, ale w terazniejszym prześladowaniu duchowieństwa nie widzę inszego sposobu do ratunku, tylko cierpliwość. Ta konstytucya stanęła w największym zapale przeciwko Prymasowi; dla tej więc jednej osoby całe duchowieństwo zostało płomieniem ogarnione. Trzeba jednak mieć nadzieję, że jak prędko żadna rzecz na świecie nie jest tak gorąca, żeby jej czas nie oziębił, więc czekać należy, aż też izba poselska cokolwiek wystygnie. Nie wiem, czyli na złość Prymasowi, który bronil swojego duchowieństwa, uwolnili xięży Ruskich od wszelkiego gatunky podatkowania, czyli przez kompassyą nad ich niedostatkiem, ale to wiem, że ich już jest pełno po więzieniach za to, że namawiali chłopstwo do buntów, do schizmy i do zarzynania swoich panów. Ta okoliczność powinna teraz wszystkim otworzyć oczy, że czém bardziej będą im dogadzać, tém prędzej staną się gorszymi. Winszuje, że Wołyń nie należy do JWMci Pana, zkąd piszą do nas, że już niedaleko Włodzimierza wurznięto Pana Wyleżyńskiego, z całym domem jego, dla czego Wojewodzka Kommissya wydała uniwersał, ażeby w ośmiu dniach każdy obywatel przystawiał uzbrojonych ludzi. Tu teraz naturalna stawa w oczach każdego uwaga, że jeżeli duchowni Ruscy jeszcze nie mogli do tych czas nabyć światła wiary, światła cnoty i ludzkości, chociaż byli pod rządem Biskupów, cóż to będzie, gdy Biskupi zfolgują, dozór nie mając tych dochodów, których straż i pilnowania dyecezyi koniecznie wuciąga? Nie będe ja pisał a ni do Starosty, a ni do żadnego z przyjaciół moich, póki rzeczy lepiej nie wyklarują się. W przeciągu wiosny obaczymy, do jakiego końca

* Это письмо въ собственноручномъ подлинникѣ приложено къ рукописи Θеодосія Бродовича. Прим. Изд.

zmierzają początki buntów. Jedni mówią, że Syzmatycy odprawują missye, więc wchodzi interes religii, drudzy mówią, że Moskwa podnieca ogień, żeby domową wojną zapalić kraj Polski. Cożkolwiek jest, zawsze duchowni Ruscy nie powinni się przywiązywać a ni do jednego, a ni do drugiego. Jeżeli chcą oderwac się od unii, to jest znakiem niedostatku światła i nauki; jeżeli zaś robić zamięszanie w kraju, wyrzynać ludzi, to jest dowodem zbytecznej złości, zbytecznego okrucieństwa i nieludzkości, do której gdy jeszcze własne owieczki zachęcają, staje się ta bezbożność powszechną zarazą.

Ja się domyślam, że z tego przypadku będą wynikać różne zdania i różne opinije, nie obejdzie się bez tego, ażeby sie było hałasu na Biskupów, ale ponieważ na Sw. Jana myślę wyjechać do Polski, więc będę się widział ze wszystkimi przyjaciołmi, z którymi łatwiej mi będzie rozmówić się, aniżeli przez listy konwinkować, nie wiedząc co myślą. Zostaje za tem constanti voto et ditsincto cultu

Illustrissimae et Reverendissimae Dominationis Vestrae
adiectissimus frater et obsequentissimus servus

Krasiński,

Episcopus Camenecensis.

LIT. G.

Uniwersał konfederacyi sejmowej 1789 roku.

Stanisław Nałęcz Małachowski, Referendarz W. K. Sejmowy i Konfederacyi Koronnej.—Kazimierz Nestor Xiąże Sapieha, Generał Altyleryi Konfederacyi W. X. L. Marszałkowie.

Wszem w obec i każdemu z osobna, komu o tem wiedzieć będzie należało, wiadomo czynimy.

Jeżeli cnota i prawe pełnienie obowiązku powołania swego prawdziwą najwyższej władzy przynosi radość, jeżeli najmilej stér rządu trzymającym łask wymiarem swoją wyższość oznaczać, to zapewne zuchwałe przeciw narodowi, prawu i ludzkości zapędy, smutną nader czynią potrzebę ściągnienia na występnych kar ostrości. Widoczne się okazały buntów oznaki w tych nawet miejscach, gdzie do tych czas wierność dla panów powszechnym poddaństwa była odgłosem, gdzie religii i ludzkości prawidła zdawąły się wzbraniać zbrodniom wstępu. Nieoświecenie, powodowanie się złym namowom tworzyły i tworzą z gminu rozjuszonej złości narzędzie, a tak lud to mylnymi nadziei widokami, to współtowarzystwa związkiem uwiedziony, cudzej winy a swojej nierozwagi stawał się i stawać się może ofiarą.

Niechce J. K. Mość, Pan nasz miłościwy, i Rzplitej Skonfederowane Stany niewinnych poddanych z występnymi mieszać, a wczesnym ostrzeżeniem żądają prostotę od łudzenia ubespieczyć. Z zlecenia więc najjaśniejszego Pana i prześwietnej Rzeczypospolitej Skonfederowanych Stanów niniejszym uniwersałem obwieszczamy. Każden chłop, w należnym Panu swemu zostając posłuszeństwie, wierność władzy krajowej i Panom swoim zachować powinien. Religia i prawo te uświęca prawidło, a nadzieja ulepszenia losu swego w cud-

zem nieszczęściu tak jest przeciwna uczuciom każdego człowieka, jak jest w swoich widokach mylna, to proste rzeczy objęcie, to smutne przeszłych kaźni okazywać powinny. Gdy by zaś kto o takowej na życie ludzkie umowie był uwiadomiony donieść o twórcy, lub spólnikach, takowego układu dziedzicowi, lub possesorowi, wsi, lub miasteczka, czyli miasta, albo najbliższej komendzie ma obowiązek. Gdy by zaś kto, w takowym spisku będąc, lub o takowym układzie uwiadomionym zostawszy, odkryciem swoim wykonaniu występku przed pojmaniem go przeszkodził, nie tylko że kary na niego ściągnięte nie będą, ale też za ocalenie życia wspólludzi, uniknienie zamieszania, przyzwoitej nadgrody wymiar odbierze, oświadczamy. Że zaś występki buntu są nadto ważne, a ztąd odkrycie źrzódła, lub utłumienie, obojętnym narodowi stawać się nie może, przeto zalecamy wszystkim jurysdykcyom i obywatelom, aby o zbrodnie, namowy, lub spólnictwa buntu powołani, lub obwinieni, nie przed inny sąd, jak grodzki, lub ziemski, byli stawieni, a inne jurysdykcye takowych spraw sądzić pod żadnym pozorem nie ważyły się.

Słuszną mąmy nadzieję, iż każdy poddany unikać będzie, aby ziemia, którą potem czoła skrapia, krwią jego nie była zbroczoną, a ta ufność, którą w ich cnocie pokładamy, przemienioną w konieczność kary nie została. Spodziewamy się także, iż panowie zechcą sami doświadczyć tej słodyczy, która upomyślenie poddanych w szlachetnym utwarza sercu. Któren to uniwersał rękami nas, Marszałków Konfederacyi, podpisany, dla prędszego mieszkańców kraju uwiadomienia po Kancelaryach grodzkich i miejskich rozesłany mieć chcemy, zalecając nawet, aby po kościołach i cerkwiach ogłoszonym został, w miastach zaś i miasteczkach publikowanie jego nakazujemy.

Dan w Warszawie dnia 13 Maja, 1789 roku.

Stanisław Nałęcz Małachowski, Referendarz W. K. Sejmowy i Konfederowanych prow. Koronnych Marszałek (L. S.). Kazimierz Nestor Xiąże Sapieha Generał artyl. i Marszałek konfederowan. W. X. Litt.

Przystąpienie do aktu powstania narodu obywatelów Województwa Ruskiego, Ziemi Chełmskiej i Powiatu Krasnostawskiego.

Wzwyż wyrażony akt powstania narodu Polskiego, przez Województwo Krakowskie zporządzony i ogłoszony, we wszystkich szczegółach przyjmując, obywatele wolni Województwa Ruskiego Ziemi Chełmskiej i Powiatu Krasnostawskiego podpisujemy. Datum w mieście stołecznem Ziemi Chełmskiej, Chełmie, w kościele JJ. XX. Bazylianów, dnia 6 miesiąca Kwietnia, 1794 roku. — Przytomny takowemu aktowi, w mojej katedrze odprawionemu, z zaręczeniem gorących do Boga zastępów modlitw za pomyślne ojczyzny powodzenie podpisuję:

X. Porfiriusz Skarbek Ważyński, Biskup Chełmski i Bełzki.

Felix Klemens Wereszczyński, Miecznik Chełmski.

Przytomni temu szczęśliwemu aktowi podpisują: Norbert Grzymała Pęczkowski S. J. W. M. J. Nisiecki, Ignacy Gałąziowski, Szymon Koriatowicz Karczewicz, Wojciech Godziemba Węgleński, Jan z Konar Kułaczkowicz Kułaczkowski, Alexander Dombrowski, Kapitan Bricki, Antoni Lisowski, Antoni Ber. Switecki, S. F. Krajewski, Franciszek Zabłocki, Tomasz Paschalski, Ziemi Chełmskiej i Powiatu Krasnostawskiego Exaktor, J. N. Kamieński, N. K. Józef Dybowski, Kazimierz Dzierzanowski, Błażej Gałęzowski, Stefan Sidorowski, Franciszek Andrzejowski, Józef Łastowiecki, Antoni Słowacki, Maciej Bylina, Ignacy Biernacki, Roch Bojanowski, Antoni Borzęcki, Józef Cyprian Szereż, Alexy Tuliszkowski, Józef Czachurski, Franciszek Siemkowski, Paweł Jarzyna, M. Szyligowski, Michał Omiszkiewicz, Józef Woziński, Paweł Temkaty, K. Brzoszka, K. Przygocki, J. Linciewicz, M. Karol Lisiecki, Antoni Sawicki, Ignacy Kamieniecki, Józef Podolski, J. Piotrowski, Jan Gibiński, Wicenty Witkowski, Wawrzyniec Rzetelski, J. Malczyński, Dominik Wężyk.

Zgodno z originałem:

A. Raczyński Gen. Maj.
Jan Grocholski, Podpułkownik zastępca kommendy.

Lista Komisarzów porządkowych:

Ignacy Rulikowski.
Walenty Suchodolski.
Baltazar Pągowski.
Felix Klemens Wereszczyński.
Norbert Pęczkowski.
Stanisław Politalski.
Paweł Bielski.
Alexander Dombrowski.
Ignacy Olędzki.
Franciszek Zabłochi.
Ciemniewski.

Z Miasta Chełmu:

Wojciech Nowicki.
Józef Boguchwalski.
Jan Krebs.
Jerzy Platon.

Z Miasta Krasnegostawu:

Lewicki.
Sawicki.
Orłowski.
Bielawski. *

---

* Этотъ актъ напечатанъ на полулистѣ и присоединенъ къ рукописи Бродовича. Прим. Изд.

LIT. H.

Uniwersał Biskupi do kleru dyecezalnego przez Kommissyą Łucką, a to na utłumienie ułożonego przez JX Brodowicza gremialnego officyała Łuckiego Uniwersału, za który niby podejrzeniem buntu tchnący prześladowano go.

Stefan Lewiński etc.

Wielebnym dziekanom zadwornym, parochom, ich koadjutorom, wikariuszom i całemu duchowieństwu świeckiemu i zakonnemu dyecezyi naszej Łuckiej i Ostrogskiej zdrowia i błogosławieństwa.

Z niemałym serca naszego Pasterskiego żalem dowiedzieliśmy się, że wiele w dyecezyi Naszej owieczek, staraniu waszemu poruczonych, uwiedzione jakimści duchem i próżną ułudzone nadzieja, nietylko winnego swoim, od Boga wyznaczonym, panom uchybili posłuszeństwa i poszanowania, ale do niegodziwych prsystąpiwszy, na życie swoich dziedziców pogrożek, * może by je byli i szkaradnym wykonali uczynkiem, gdy by opatrzność Boska i czułe względy Pana miłościwego, szczęśliwie panującego, najjaśniejszych Rzeczypospolitej Stanów, tudzież przemyślna obywatelów a razem gorliwa troskiwość, wcześnie nie zapobiegła złemu.

Bojemy się, najmilsi, i mocno według urzędu naszego pasterskiego troskliwi jesteśmy, aby te zwiedzione owieczki upadku swego nie przypisywali nieczułość waszej około powierzonej wam trzodki,

---

* Oto sumienie i poczciwość autora Uniwersału tego wdaje się jawnie! Śmie on, tak czarny występek zmyśliwszy na Rusinów podsuwać go do Biskupiego podpisu, żeby żadnej wątpliwości in publico nie było, iż Ruś sprzysięgłszy się na wydarcie życia obywatelom. Chwali Pana miłościwego niby za czułe względy, a w sercu warzy przeciwko niemu nieubłaganą nienawiść, sądząc go być sprawcą wszelkich

gdy przecie z wielką usilnością odwodzić ją od tego wam należało, * pomnąć na to, że Bogu za powierzone wam dusze oddać rachunek będziecie musieli, według słów mędrca: «Sąd zaś najsurowszy będzie dla tych, którzy są przełożonymi.»

Nadgrodzić to jednak jeszcze, najmilsi, możecie, jeżeli, według niniejszego zalecenia naszego, przy każdym zgromadzeniu się na nabożeństwo ludu, obowiązki względem Panów i Rzeczypospolitej jasno i gorliwie im przekładać będziecie, jeżeli do miłości Chrześciańskiej zachęcać ich nie zaniedbacie, ** jeżeli troskliwość około ich dobra, Rzeczypospolitej pomnazającej podatki,' bez wkładania na poddanych, im przełożycie, jeżeli sposób pozyskania większych względów, łask i protekcyi, tak swoich Panów, jako i całych stanów Rzeczypospolitej, przez wyjawienie i donoszenie pierwszych do buntu podżegających, im wytłumaczycie, jeżeli jeczcze do takowego ż wyjawienia pierwszych hersztów i winowajców, nawet przy spowiedzi sakramentalnej, obowiązywać będziecie, jeżeli naostatek surowe nawet w tym życiu kary, na buntowników przepisane, prawami, a przed dwudziestu laty od wielu nieszczęśliwych poniesione, im przypominać nie omieszkacie. Ile zaś zaufani jesteśmy, że przez takowe, od nas przepisane, a od was do skutku być przywiedzione powinne śrzodki, powróci dawna Rzeczypospolitej spokojność, tyle uczuli byśmy żalu i boleści, gdy by, uchowaj Boże! uwiadomieni byliśmy, że kto z was, bracia najmilsi, zamiast odwodzenia ludu od wspomnionej zbrodni, stał się podżegaczem, albo ucześnikiem wspomnionego występku.

Próżno by on zaiste zaufał w charakteru kapłańskiego świętości, bo pod ów czas, według św. praw cerkiewnych, od przywilejów prawa

---

nieszczęśliwości krajowych. Ten przecie Uniwersał nie poszedł w dyecezyą, ale poszedł drugi, temu podobny. — Obacz na karcie 250.

* Wielo Uniwersałami Biskupiemi, w dyecezyą wysłanemi, aż nadto przełożone są poddaństwu względem ich Panów obowiązki miłości wierności i posłuszeństwa.

** Ale niema żadnego od Kommissyi porządkowej Uniwersału, który by Panom przypomnieć raczył wzajemne ich tak nieszczęśliwemu poddaństwu obowiązki. Pryecież to są ludzie, nie bestye, a z któremi gorzej się obchodzą, niż z bestyami! Przywykły do nędzy chłopek mniema, iż mu w niej żyć i umierać trzeba; żeby się więc długo nie męczył, za lada podejrzeniem skraca mu życie Pan miłosierny, oddając go na szubienice.

i forum takowego oddalić musieli byśmy, spełniło by się na nim nieszczęśliwym skutkiem, co było przepowiedziano przez Ozeasza: «Będzie, jako pospólstwo, taki kapłan, zwiędłe nad nim drogi jego i według myśli jego oddam jemu.»

Starajcie się, bracia, według świętego powołania zjednywać sobie poszanowanie urzędu waszego, a tym jednym sposobem pozyskacie łaskę naszą i pasterskie błogosławieństwo. *

---

* Właśnie też przyzwoite urzędu kapłańskiego wydaje się poszanowanie w dybach, bez sądu i przekonania narzucanych, a pozyskania łaski i pasterskiego błogosławieństwa chyba pod miecz katowski. Nie jest atoli nieszczęśliwy skutek, a ni ten przez Ozeasza przepowiedziany: «utracić życie przy niewinności.» Z pobitych wiele ofiar przez zemstę pałającą przelana krew Ruska już się złączyła z niewinną krwią jedynaka Boskiego, a dając umęczonym wieczny odpoczynek, trzeba się lękać, żeby n a z a b ó j c z y n a r ó d ostatniej nie ściągnęła kary.
Tu się dopiero co do litery sprawdzi przepowiedź Ozeasza: «Będzie, jako pospólstwo, taki kapłan, zwiędłe nad nim drogi jego, i według myśli jego oddam jemu.»

Uniwersał Biskupi, w Dyecezyą posłany, na miejscu Uniwersału, z Kommissyi wydanego.

Stefan etc.

Wszystkiemu duchowieństwu etc.

Z niemałym serca naszego pasterskiego żalem dowiedzieliśmy się, że wiele w dyecezyi Naszej owieczek staraniu waszemu powierzonych, jakoby duchem jakimści i próżną ułudzone nadzieją nie tylko winnego swoim, od Boga postanowionym, Panom miały uchybić posłuszeństwa i uszanowania, ale też w wielu miejscach na samo życie Panów, rządców i innych przegróżki czynić odważyło się. Na co opatrzność Najwyższego, ojcowska troskliwość Najjaśniejszego Pana i Najjaśniejszej Rzeczypospolitej Stanów, tudzież chwalebna staranność prześwietnego Województwa Wołyńskiego obywatelów, wcześnie swą rozciągnęła czułą ostrożność.

Bojemy się więc, najmilsi, i mocno, według urzędu Naszego pasterskiego, troskliwi jesteśmy, aby te, uchowaj Boże, zwiedzione owieczki upadku swego nie przypisywały nieczułości waszej około powierzonej wam trzodki, gdy od tego z wielką usilnością należy wam ją odwodzić, pomnąc na to, iż Bogu za poruczone wam dusze oddać rachunek będziecie musieli, według słów mędrca: «Sąd zaś najsurowszy będzie dla tych, którzy są przełożonymi.» Sapient. 6 ver. 5, 6.

Zabieżyć temu, najmilsi, możecie, jeżeli, według zalecenia teraźniejszego, przy każdym zgromadzeniu na nabożeństwo ludu, obowiązki względem Boga i najwyższej zwierzchności, względem panów i ich rządców, jasno i gorliwie im przekładać będziecie, jeżeli do miłości bliźniego i łagodności Chrześciańskiej zachęcać ich nie zaniedbacie, jeżeli troskliwość o ich dobro Rzeczypospolitej pomnażającej podatki, bez wkładania na nich, ale na samych tylko Panów, im przełożycie,

jeżeli sposób pozyskania większych względów, łask i protekcyi zwierzchności i Panów ich tym, do których z urzędu postrzeganie całości dobro powszechnego należy, przez wyjawienie i donoszenie pierwszych do zuchwałości, nieposłuszeństwa i pogróżek, podżegających potrzebę, im wytłumaczycie, jeżeli jeszcze do takowego ż wyjawienia przysięgi, o których by się słyszeć dało, za nieważne i niegodziwe im przełożycie, i przez wszelkie sposoby, stanowi waszemu przyzwoite, dobru owieczek, wam powierzonych, w tej okoliczności zapobiegać będziecie, jeżeli naostatek, oprócz kar sądu Bożego, nawet w tym życiu kary na buntowników przepisane prawami, a przed dwudziestu laty na wielu nieszczęśliwych, doświadczone, przypominać nie zaniedbacie. *

Ile zaś zaufani jesteśmy, że przez takowe, od Nas przepisane, a od was do skutku przywiedzione, być powinne śrzodki, powróci dawna do kraju całego spokojność, tyle uczuli byśmy żalu i boleści, gdy by, uchowaj Boże! uwiadomieni byliśmy, że kto z was, bracia najmilsi, zamiast odwodzenia ludu od wspomnionej zbrodni, sam stał się podżegaczem, albo uczesnikiem wspomnionego występku.

Próżno on zaiste zaufał by w charakteru kapłańskiego świętości, bo pod ów czas. według świętych praw cerkiewnych, od przywileju, prawa i sądu takowego oddalić musieli byśmy, i spełniło by się na nim nieszczęśliwym skutkiem, co było przepowiedziane przez Ozeasza: «Będzie, jako pospólstwo, taki kapłan, zwiędłe nad nim drogi jego, według myśli jego oddam jemu.»

Starajcie ż się, najmilsi, przez sprawowanie się według świętego powołania waszego zjednywać sobie poszanowanie tak wysokiego stanu duchownego, a tym sposobem pozyskacie Boskie i nasze pasterskie błogosławieństwo.

Zalecamy oraz wam, najmilsi, ażebyście nam zupełny i dokładny rachunek wielości dusz, w obojga dyecezyach Łuckiej i Ostrogskiej znajdujących się, pod waszym dozorem będących, z wyrażeniem roż-

---

* Wspomina o rzezi Humańskiej, 1769 roku nastąpionej.

Uniwersał Biskupi, w Dyecezyą posłany, na miejscu Uniwersału, z Kommissyi wydanego.

Stefan etc.

Wszystkiemu duchowieństwu etc.

Z niemałym serca naszego pasterskiego żalem dowiedzieliśmy się, że wiele w dyecezyi Naszej owieczek staraniu waszemu powierzonych, jakoby duchem jakimści i próżną ułudzone nadzieją nie tylko winnego swoim, od Boga postanowionym, Panom miały uchybić posłuszeństwa i uszanowania, ale też w wielu miejscach na samo życie Panów, rządców i innych przegróżki czynić odważyło się. Na co opatrzność Najwyższego, ojcowska troskliwość Najjaśniejszego Pana i Najjaśniejszej Rzeczypospolitej Stanów, tudzież chwalebna staranność prześwietnego Województwa Wołyńskiego obywatelów, wcześnie swą rozciągnęła czułą ostrożność.

Bojemy się więc, najmilsi, i mocno, według urzędu Naszego pasterskiego, troskliwi jesteśmy, aby te, uchowaj Boże, zwiedzione owieczki upadku swego nie przypisywały nieczułości waszej około powierzonej wam trzodki, gdy od tego z wielką usilnością należy wam ją odwodzić, pomnąc na to, iż Bogu za poruczone wam dusze oddać rachunek będziecie musieli, według słów mędrca: «Sąd zaś najsurowszy będzie dla tych, którzy są przełożonymi.» Sapient. 6 ver. 5, 6.

Zabieżyć temu, najmilsi, możecie, jeżeli, według zalecenia teraźniejszego, przy każdym zgromadzeniu na nabożeństwo ludu, obowiązki względem Boga i najwyższej zwierzchności, względem panów i ich rządców, jasno i gorliwie im przekładać będziecie, jeżeli do miłości bliźniego i łagodności Chrześciańskiej zachęcać ich nie zaniedbacie, jeżeli troskliwość o ich dobro Rzeczypospolitej pomnażającej podatki, bez wkładania na nich, ale na samych tylko Panów, im przełożycie,

Wypis z protokołu dekretowego spraw Województwa Wołyńskiego.

Roku tysiąc siedmset dziewięćdziesiąt pierwszego, miesiąca Września dwudziestego dnia.

Sąd Trybunału Koronnego Lubelskiego na żądanie strony - Dekret między stronami niżej w komparycyi wyrażonymi roku miesiąca i dnia na akcie wzmiankowanych wypadły z protokołu wyż rzeczonego w te słowa: Między Wielebnym Xm. Janem Majowieckim Parochem Czabańskim, i Maryą z Bojarskich małżonkami, oraz W. Xm. Teodorem Wołoszyńskim Parochem Hlibeckim, i Heleną z Mokrzyckich małżonkami, tudzież Wielebnym Xm. Mateuszem Chraszczewskim Parochem Dederkalskim powodami, przez Wielm. Aloizego Orchowskiego opatrznym Marcinem Drapalskim w assystencyi Wgo Ludwika Dunin Borkowskiego, Sędziego Grodzkiego Krzemienieck., przypowiadającym się przez Wgo Mateusza Karczewskiego, urodzm. Augustynem Wojakowskim, Instygatorem Grodzkim Krzemienieckim pozwanym przez Wgo Erazma Pruszyńskiego Sądem grodzkim Krzemienieckim, pozwanym przez Wgo Kańskiego, JO. Xięciem Michałem Lubomirskim, Generałem Leutenantem wojsk Koronnych, pozwanym przez Wgo Podhorodyńskiego. — Sad główny Trybunału Koronnego Lubelskiego, w kategoryi odrębnej kapłanów obrządku Ruskiego, złączonego przeciwko urodzm. Wojakowskiemu, Instygatorowi grodz. Krzemien. następującej, ponieważ sprawa między temiż stronami kryminalna zwłoki cierpieć nie powinna, a wpisana w rejestr przyzwoity, aby pod wpisem z liczby przypadającym dojść mogła, dla zajszłych spraw pierwszych przeciągnąć się mogących, strony pewności nie mają, i pod wpisem teraz sądzącym się rezolucyą dekretów Grodz. Krzemienieckich otrzymać żądając, zezwolenie swoje sądownie oświadczają. Przeto sąd wpis za należyty uznawszy, sprawę wprowadzić nakazuje. A wprowadzeniu, pozwy stron: jakoto od WWXX. Jana Majowieckiego Parocha Czabańskiego, Teodora Wołoszyńskiego, Parocha Hlibeckiego, Mateusza Chraszczewskiego, Parocha Dederkalskiego inkarceratów po urodz. Augustyna Wojakowskiego, Instygatora Grodz. Krzemienieck. i sąd grodzki Krzemienieck. JO. JX Mich. Lubomirskiego Gen. Leutnanta wojsk Koronnych i innych o uwolnienie

siebie od zarzutów, uchylenie dekretu w tej mierze Grodzkiego Krzemienieck., bez wszelkich dowodów nastąpionego, zaś od urodz. Instygatora Grodz. Krzemienieckiego po tychże Xięży i innych o zachowanie w mocy swej dekretu grodzkiego Krzem. i tego do uskutecznienia przyprowadzenie, powrócenie kosztów prawnych od siebie i nawzajem po siebie do sądu swego wydane rozsądzając, jakoteż z dopuszczonego przez sąd grodzki Krzemien. do sądu swego odwołania się rozwiązując zachowałość terminu końcem rezolucyi dekretów Grodzkich Krzemien., przeciwko którym wspomnieni kapłani czynią, i któremi sąd grodzki Krzemieniecki Wielebnych Majowieckiego, Wołoszyńskiego i Chraszczewskiego Parochów na śmierć wskazał, urodz. Instygatora Grodzkiego Krzemienieckiego sąd obowiązuje, aby te i innych osob wyznania w rotułach pieczęcią Grodzką Krzemieniecką obwarowanych złożył, tedy do czytania onych sąd przystąpił, z przeczytanych zaś, gdy się okazuje, że wyznania ludzi niektórych przez Kiryła Pundyka o wiązanie się do buntów obwinionych, a najprzód do kommend wojskowych, w Bazalii i Świeńcu stawionych, i tam, żeby się przyznawali, jak świadczą też indagacye wojskowe, mocno ćwiczonych, przez innych zaś widokiem kary ustraszonych, za należyty dowód brane być nie mogą, tym bardziej, że gdy do sądu przystawieni i tam examinowani byli, iż pierwsze ich zeznania z bojaźni kary przez wojskowych zostały wymuszone, sądowi przekładali, i a ni do brania, a ni do rozdawania pieniędzy, nie przyznawali się. Niektóre zaś wyznania przed sądem czynione w innym, a daleko odmiennym i różnym, przypadku w edukcie dekretów przystosowane znajdują się, jako to: Iwana Diaka w sądowej indagacyi twierdzącego: iż Wielebny X. Wołoszyński na cwiartce papieru kilka wierszów, Ruskiemi słowami zapisanych, obejmującej, których Iwan Diak nie czytał, temuż Diakowi poniżej napisać kazał rotę przysięgi, po Rusku wypisaną dla wykonania onej przez pasiecznika, że gorzałki więcej pić nie będzie, jakoż on potém choć nierychło w Cerkwi przy ludziach wykonał. Ta zaś cała okoliczność dla pasiecznika napisanej roty, i w niej na końcu słowa: «że tego dotrzymam,» przez edukt do innego celu, to jest, do ustawienia buntu nieprzyzwoicie naciągniona została, niektórych zaś osób, coraz to inaczej swoje zeznania mieszających, a najszczególniej Kiryła Pundyka uważnie roztrząsając, gdy indagacya przez deputacyą sejmową i w sądzie Grodzkim Kryemienieck. ciągnioną, wcale niezgadza się, albowiem deputacya przy powtórzeniu in-

dagacyi, jak się widzieć daje z uformowanych trzech pytań i na nie zapisanych odpowiedzi, pomieszania i nierzeterlności jego relacyi dostrzegła, a ta, którą z niego Gród Krzemieniecki wyciągał, więcej niepodobieństwa do prawdy wystawuje, z takowych zaś powieści, żadnym dowodem, to jest: a ni świadectwy, a ni własnym przy znaniem nie wspartych, owszem przez niesłuchanie i nawet nienakazanie inkwizycyi, a ni skrutyniów według prawa 1588 roku, w tak ważnym zarzucie koniecznie potrzebnych, tém więcej gdy na dobrowolnym examinie ciż Xięża od ludzi bojaźnią kary wytrzymanej i grożącej przestraszonych, raz o występek powołani, drugi raz o niewinność zaświadczani, do zarzutów, im czynionych, wcale się nie przyznawali; gadanie zaś przed wojskową kommendą w nadziei obiecywanego prędzej uwolnienia, i ujścia kary na innych dopełnianej wymuszone być twierdzili. A za tym przekonania dostatecznego sąd nie mając, dla prędszego zaspokojenia grożących zewsząd postrachów stopnie prawem przepisane ominął, przeto WWXX. powodów jako o występek podżęgania i wchodzenia do buntów przez żaden sposób nieprzekonanych, z więzienia uwolnić, i zaraz po dojściu teraźniejszego dekretu aby z pod straży wypuszczeni zostali, zwierzchności zamkowej Krzemienieckiej, lub innej, pod której dozorem teraz znajdują się, nakazuje, Podobnież Marcina Drapaluka ze wsi Dederkał, w tenże process i zarzuty nieslusznie zamieszanego i w Kamieńcu osadzonego, z tychże, co wyżej przytoczone są, powodów od więzienia dalszego uwalnia, a indagacyje czytane do Archiwum swego oddaje. Nakoniec stan rzeczy i okoliczności, pod ów czas zachodzących, a sądu Krzemienieckiego stosowanie się do tychże acz w ukaraniu śmiercią zaostre, lecz przez wstrzymanie exekucyi Kapłanom dogadzające, zważywszy, tak za rozciągnienie pomienionej kary, jakoteż za wytrzymanie do tych czas więzienia z przyczyny, iż o rezolucyą pomienionych dekretów sami do tych czas nie czynili, na sądzie Grodzkim Krzemienieck., a tym bardziej na urodzonym Instygatorze, z obowiązku prawa i rozkazu sądowego czyniącym, nie módz kapłanów ukarania pozyskać sądzi. Wydać rozkazał i jest pod pieczęcią Województwa Wołyńsk. wydany. Pisan w Lublinie. Jan z P. Prosowski, K. Z. z Województwa Wołyńskiego, na Trybunał Koronny Lubelski pisarz. (L. S.) Czytałem z protokołem. Cyryna.

siebie od zarzutów, uchylenie dekretu w tej mierze Grodzkiego Krzemienieck., bez wszelkich dowodów nastąpionego, zaś od urodz. Instygatora Grodz. Krzemienieckiego po tychże Xięży i innych o zachowanie w mocy swej dekretu grodzkiego Krzem. i tego do uskutecznienia przyprowadzenie, powrócenie kosztów prawnych od siebie i nawzajem po siebie do sądu swego wydane rozsądzając, jakoteż z dopuszczonego przez sąd grodzki Krzemien. do sądu swego odwołania się rozwiązując zachowałość terminu końcem rezolucyi dekretów Grodzkich Krzemien., przeciwko którym wspomnieni kapłani czynią, i któremi sąd grodzki Krzemieniecki Wielebnych Majowieckiego, Wołoszyńskiego i Chraszczewskiego Parochów na śmierć wskazał, urodz. Instygatora Grodzkiego Krzemienieckiego sąd obowiązuje, aby te i innych osob wyznania w rotułach pieczęcią Grodzką Krzemieniecką obwarowanych złożył, tedy do czytania onych sąd przystąpił, z przeczytanych zaś, gdy się okazuje, że wyznania ludzi niektórych przez Kiryła Pundyka o wiązanie się do buntów obwinionych, a najprzód do kommend wojskowych, w Bazalii i Świeńcu stawionych, i tam, żeby się przyznawali, jak świadczą też indagacye wojskowe, mocno ćwiczonych, przez innych zaś widokiem kary ustraszonych, za należyty dowód brane być nie mogą, tym bardziej, że gdy do sądu przystawieni i tam examinowani byli, iż pierwsze ich zeznania z bojaźni kary przez wojskowych zostały wymuszone, sądowi przekładali, i a ni do brania, a ni do rozdawania pieniędzy, nie przyznawali się. Niektóre zaś wyznania przed sądem czynione w innym, a daleko odmiennym i różnym, przypadku w edukcie dekretów przystosowane znajdują się, jako to: Iwana Diaka w sądowej indagacyi twierdzącego: iż Wielebny X. Wołoszyński na cwiartce papieru kilka wierszów, Ruskiemi słowami zapisanych, obejmującej, których Iwan Diak nie czytał, temuż Diakowi poniżej napisać kazał rotę przysięgi, po Rusku wypisaną dla wykonania onej przez pasiecznika, że gorzałki więcej pić nie będzie, jakoż on potém choć nierychło w Cerkwi przy ludziach wykonał. Ta zaś cała okoliczność dla pasiecznika napisanej roty, i w niej na końcu słowa: «że tego dotrzymam,» przez edukt do innego celu, to jest, do ustawienia buntu nieprzyzwoicie naciągniona została, niektórych zaś osób, coraz to inaczej swoje zeznania mieszających, a najszczególniej Kiryła Pundyka uważnie roztrząsając, gdy indagacya przez deputacyą sejmową i w sądzie Grodzkim Kryemieniecк. ciągnioną, wcale niezgadza się, albowiem deputacya przy powtórzeniu in-

w te słowa: «X. Jan Głodowski, Paroch Chorupański.»—Następujących zaś wyznań wyraz takowy: «Wyznanie dobrowolne przez urodzonych ImP. Antoniego Gątkowskiego, i ImP. Jędrzeja Dmoszyńskiego towarzystwa kawaleryi narodowej rotmistrzostwa ImP. Antoniego Przeszychowskiego, Rotmistrza kawaleryi narodowej, dnia 1 Maja, roku 1789, w sprawie przeciw Kapłanowi, nazwiskiem Głodowskiemu, Parochowi, pytanie: Dawno, Waspanowie, tego Popa znacie? 2, Pytanie: Czy bywaliście kiedy u tego Popa w Chorupaniach? 3, Coście od niego słyszeli względem chłopskiego buntu i Kapłanów Ruskich? Odpowiedź: Ad primum, secundum et tertium punctum, wyznał urodzony Gątkowski, iż tego Popa dawniej nie znałem, tylko teraz, przejeżdzający z Młynowa, gdyśmy do dworu przyjechali, dwór zlecił, aby dziesiętnik zaprowadził na kwatérę, otóż od dziesietnika byli zaprowadzeni do Popa tamecznego wsi Chorupań dla popasu na kwatérę, gdzie rozlokowawszy się wraz z. W. Namiestnikiem Boryszkowskim, posłaliśmy na wieś, aby dla szeregowych i koni żywności przynieśli, a w tym przeciągu czasu W. Namiestnik, strudzony podróżą, poszedł do stodoły, w bliskości budynku znajdującej się. Ja zaś z moim kolegą, urodzonym Jędrzejem Dmoszyńskim, zostawszy się w chałupie, wraz z Parochem, obydwa wraz z kolegą na łóżko Kapłana położyliśmy się. A gdy tenże Kapłan zaczął się mnie zeznającego pytać, zkąd by jechaliśmy? Ja mego kolegę, leżącego na łóżku, zostawiwszy, sam wstałem i na odpowiedź, czyli zapytanie, tegoż Kapłana odpowiadać zacząłem w tym sposobie: Najprzód Kaplan pytał mię się, czym Rusin? odpowiedziałem żem Rusin, a powodem mu było to pytanie, że po Rusku dosyć dobrze umiem. Potem pytał się, gdziem bywał? Odpowiedziałem: Że w Ukrainie. Pytał się mnie Xiądz, po Rusku mówiąc: Szczo tam czuty? Odpowiedziałem mu, że ścinają, i wieszają i Popów zabierają. W tém Kapłan odpowiedział: Szczo starszyi robiat, to mołodszyi odbuwajut. Ja mu odpowiedziałem: Któż wam winien, że wy sami zle robicie. Odpowiedział: Na czyim wozku sydysz, toho pisnoczku spiwajesz: szczo starszyi każut, to my toje robyty musymo, i wam kommenda szczob szczo robyty kazała, to musiły byśte robyty.—W dalszym dyskursie, gdym się go zapytał z kąd to macie? Odpowiedział, że od Biskupa. Natychmiast ja zanotowawszy w pigularesie, poszedłem do Namiestnika, o czym temuż, wraz z kolegą swoim przytomnie na łóżku leżącym w tejże izbie, opowiedziałem. Namiestnik rozkazał mi, abym wypytał się,

jak się nazywa Biskup i jakiej dyecezyi. Jam, powróciwszy do chałupy, zapytałem tegoż JX. Parocha, który podyktował mi imię i przezwisko w tym sposobie: że Stefan Lewiński. Więcej żadnego nie było dyskursu: które to wyznanie podpisuję w słowa: Antoni Gątkowski.»—Drugi świadek, urodzony Jędrzej Dmoszyński, towarzysz znaku pancernego, zeznał, że, będąc przytomny temu dyskursowi wszystkiemu, bo w tenczas leżał na łóżku, jak kolega jego, Antoni Gątkowski, rozmawiał z Kapłanem Chorupańskim, więc całkiem przez kolegę swego zeznanie potwierdza, nic a ni przydając, a ni ujmując, a nawet i przysięgą stwierdzić, wraz z kolegą swoim, też zeznanie przez kolegę swego wyrazone, oświadcza, i na to się ręką własną podpisuje; u którego to powtórnego zeznania podpis w te słowa: Jędrzej Dmoszyński. Które to tak punkta JMX. Jana Głodowskiego Parocha Chorupanskiego, jako też i wyznania wyż wyrażonych towarzyszów, za ustną proźbą WWIchmci podawających, a za moim urzędowym przyjęciem słowo w słowo, tak jak się te pisma w sobie mają, ingrossowane i zapisane zostały, i przez tychże JMP. podawających podpisane.—Ignacy Franciszek Xawery Zalutyński, Pułkownik wojsk Koronnych swym i JW. Józefa Popiela, Kasztelana Lwowskiego bywszego, orderów Polskich kawalera, imieniem podpisuję się mp. Stanisław Fortunat Nowowiejski, Starosta bywszy Bracł. Antoni Frankowski, Stolnik Wendyński. Felix Wolański, Stście Nowosiels. Ignacy Kuczewski, Wojski Krasnostaw. Józef Płonowski, Podstoli Dobrzyński.

Uwagi nad powyższem wyznaniem Parocha Chorupańskiego, do akt Magdeburgii podanym.

Ad 1.

1. «Świadek przyzna, że Instygator Konsystorski, będąc na Iwaniu, mówił, iż wszyscy Polacy będą schysmatykami, Moskal odbierze Konstantynopol od Turczyna, Polska nic nie zrobi.»

Wyznanie to jest bardzo niedokładne, bo prócz tego, że świadków do poparcia nie ma, nawet czasu nie wyraża, jak dawno miał to mówić Instygator. Podobne mowy przedtem były pospolite, że Moskal Konstantynopol odbierze, że usilony może się targnąc na Polskę. Wszak rozbiór kraju, przed kilkunastu laty uskutkowany, przekonywa publicum, że oręż jest ultima rerum et regum ratio. To mieli na pilnej uwadze Stany Sejmujące, kiedy jednomyślnie wojsko krajowe do sta tysięcy powiékszyli. A zatém mówić przed rokiem lub wyżej, «że Moskal Konstantynopol odbierze, że Polacy będą schyzmatykami, że Polska nic nie zrobi,» nie jest to mowa buntownicza, chociaż sama w sobie próżna i nieroztropna.

Ad 2.

2. «Był list, pisany od władzy Konsystorskiej, na zabicie panów swoich niektórych, gdzie widziawszy się X. Instygator ze mną pod czas kontraktów, gadał, abym i ja zezwolił na Polaków, i żebym

To wyznanie już jest w cięszej materyi, tym pilniejszego wyciąga szlakowania i rozwagi. Powiada najprzód, «że był list, pisany od władzy etc.»—A nie wyraża, czy widział, czy czytał.

gromadę moją namawiał na tę czynność.»

Takowy list gdy by był w istocie, nigdyby się utaić nie mógł. Tysiąc sto kilkadziesiąt cerkwi w dyecezyi Łuckiej najduje się! Tak wiele Parochów, Koadjutorów, Administratorów, Wikaryuszów różnej edukacyi; tyle Dziekanów po miejscach, nad tymże duchowieństwem przełożonych! Czyliż podobna, żeby się o tym piśmie nikomu więcej, jak tylko Chorupańskiemu Parochowi, wiedzieć dostało? Albo gdy by on tylko o tém wiedział, a drugi Paroch Surazki, którego powołuje, czy można sądzić rozumnie, żeby przez dwóch Kapłanów miał się spisek na zabicie panów wykonać? Powiada powtórnie, «że na zabicie niektórych panów.» Toż samo większego jeszcze zastanowienia się potrzebuje; musi albowiem wiedzieć, którzy to i w jakich miejscach panowie na zabicie wyznaczeni, a którzy i gdzie od tegoż zabicia wyłączeni zostali. Liczba tych i owych, zguba jednych, oswobodzenie drugich, a między tymiż rozpoznanie osobiste, żeby przeznaczeni ku oswobodzeniu nie zginęli, i znowu przeciwnie, żeby wytknięci na zgubę nie byli oswobodzeni, są to okoliczności, nie mogące być jednemu, lub drugiemu, tylko wiadome, a przeto gdyby prawdziwe być mogły, łatwo by przez świadków dowiedzione zostały. Powiada naostatek «że Instygatorz nim o tém gadał pod czas kontraktów etc.» Gdy by to prawda była, gadał by toż samo i innym Kapłanom, a pzeto miał by świadków Chorupański Kapłna na przekonanie o tém Instygatora,

który tego się zapiera, i że go ni w oczy widział pod czas zeszłych kontraktów, statecznie twierdzi.

Ad 3.

3. «Paroch Surazki, tu w areszcie będący, odkrył, że list miał u siebie; łaska Pana Boga, że go spalił, mówił mnie, abym nic nie gadał, gdyż był straszny do czytania i do wykonania.»

Nie wyraża i tu Paroch Chorupański, zkąd wie, że list miał u siebie Paroch Surazki, nie wyraża, czy go sam czytał, w jakim sensie, od kogo i do kogo był pisany, a gdy w ogólnych terminach mówi, «iż był straszny do czytania i do wykonania,» czemuż nie wié, co się w nim zawierało w szczególności? Lecz, zostawiwszy sądowi pana Boga przeniknienie serca tego Kapłana, i co mu powodem było do tak fałszywej i złośliwej depozycyi, obrócić się należy do Parocha Surazkiego, powołanego o jakowyś list i spalenie, onego. Nie podobna, aby on, mając list u siebie, nie, wiedział kto, o co i do kogo pisał, i na co go spalił; nie podobna powtóre, żeby, jeśli do niego był pisany, nie powierzył go komu z swoich sąsiadów do przeczytania; nie podobna po trzecie, żeby, w areszcie będąc, o to nie był sciśle wypytywany.

Dopuszcza Bóg czasem, żeby niewinność wiele cierpiała, atoli prędzej, czy później, odkryje się potwarz, na nią rzucona. Non vidi justum derelictum. Psalm. 36.

LIT. K.

Kopie listów JW. Lewińskiego, Biskupa Łuckiego, w interesie więzionych Kapłanów in Anno 1789.

1. Die 17 Maji, do sądu grodzkiego Łuckiego.

Okropny stan duchowieństwa mego w tej dyecezyi, i od wieków niepamiętna praktyka, tym więcej mnie umartwia, że w sąsiedzkich dyecezyach widzę przywroconą spokojność, ja końca tak wielkiej nieszczęśliwości doczekać sié nie mogę. To mi jest powodem, że częstym proźb moich zanoszeniem utrudzam WWM. Panów Dobrodziejów, supplikując o uwolnienie z pod aresztu Kapłanów; wszakże jeżeli z nich który tyle wykroczył, co by go rygorem praw duchownych przykładnie ukarać należało, zaręczam, że najściślejszą oddam sprawiedliwość.—Darujcie mi, Panowie, że aż do uprzykrzenia wstawiam się za nimi: pastérz ich jestem prawdziwie nieszczęśliwy, i tyle w sprawiedliwych względach WWPanów Dobrodziejów, tyle w niewinności charakteru mojego zaufany, iż mi się nie zdaje, abym ja jeden z pomiędzy Biskupów Ruskich nie był godnien tej łaski, o którą tak sprawiedliwie proszę etc.

2. Die 22 ejusdem, do W. Hulewicza, Chorążego Łuckiego.

Po przeczytaniu i należytym rozważeniu dekretu prześwietnego sądu grodzkiego Łuckiego, którym W. X. Alexander Benderowski, Paroch Horodyski, na śmierć przez ucięcie głowy wskazany jest, mając honor odpowiedzieć na rekwizycyą przez WWM. Pana Dobr., na czele przezacnych obywatelów do mnie uczynioną, abym do degdradacyi pomienionego osądzonego przystąpił, oświadczam to: Gdy od początków wiary ś. w tym kraju tak wiele przywilejów ajjaśniejszych Królów Polskich, dziedziców Xięstw Ruskich, i następ-

pnie wiele praw najjaśniejszej tej Rzeczypospolitej duchowieństwo Ruskie, z duchowieństwem Kościoła Rzymskiego zjednoczone, we wszystkiem porównały, i tak sciśle złączyły, iż a ni utrzymanie swobód jednego, a ni wywrócenie onych, nie może być bez utrzymania, lub wywrócenia, drugiego, a przeto te dwa obrządki w jednejże głowie Kościoła Katolickiego zjednoczone względem jednychże praw swoich, zgadzać się z sobą razem, porozumiewąć i wzajemnie zaradzać się powinne, pierwsza zaś praktyka degradacyi z dekretu sądu świeckiego jest ode mnie zażądana, zaczym bez poprzedzającej, a pocztą jutrzejszą uczynić się mającej referencyi do JWgo Nuncyusza, jako namiestnika Ojca św. i JOXcia JM. Prymasa, jako głowy całego w kraju duchowieństwa, uskutecznić ją nie mogę, inaczej ściągnoł bym sam na siebie nie tylko sprawiedliwe nagany, ale i rygory prawa. Wszakże światłym obywatelom to czynie przełożenie, a zatym spodziewam się, iż uznać zechcą to moje zastanowienie się za słuszne, ile gdy w tak wielkim niezwyczajności wypadku interesie skwapliwie postąpić nie mogę.—Łasce mię etc.

Dowody z praw Koronnych i Statutu Litewskiego forum odpowiedzi w sprawie kryminału rebellii lub konspiracyi przeciwko krajowi tak duchownym, jako i świeckim osobom w sądzie cywilnym, nie duchownym, stanowiące.

Tłómaczenie przepisu praw cytowanych.

1. Statut Koronny r. 1543, vol. I, fol. 578, przepisuje, jakie sprawy, tyczące się stanu świeckiego, do sądu duchownego należeć mają. Sadowi duchownemu sprawy należące są te: O wierze, heretykach, schyzmatykach, bluźnierstwach, apostatach, dziesięcinach, sakramentach, beneficiach, symoniach, mężobójstwach duchownych osób, o świętokupstwie, także wróżki, czary, czarnoxięstwa, czynsze kościelne, albo nadania kościelne i poświętne, nowe kupie, rozsądek de natalibus legitimi vel illegitimi thori, item zapisy, sprzedanie dziesięciny, jura patronatus, także rozzwody, testamenta.

Inne zaś wszystkie sprawy, krom wyż mianowanych, do sądu świeckiego należą. **A.**

A. Jasny prawa tego wyraz, ile po differencyi między stanem duchownym a świeckim o władzę duchowną w kraju Polskim przez komposycyą Bodzanty, Biskupa Krakowskiego, z dokładnością stolicy Apostolskiej zaspokojonej, przekonywać powinien zwierzchność Biskupów utriusque ritus, iż z swojemi namieśniczemi sobie przywłaszczać spraw nie jurysdykcyami żadnych więcej sobie przywłaszczać sprawnie powinni nad te, które pomienione prawo pod sąd ich podało, a chociaż przedtém niżeli te concordatum nastąpiło, na mocy rozlicznych ustaw kościelnych, które władzy panującej w Rzeczypospolitej, a ni praw krajowych in politicis nie wiążą, przywłaszczali sobie dawniej różnych spraw i kryminalów, byle by się duchowieństwa cokolwiek tykało, sądzenie, jednak, zawsze ta władza duchowna nie mogąc propter irregularitatem śmiercią nikogo karać, pro extendendis poenis takowych przestępców odsyła. Skrócona tedy ta do dojścia sprawiedliwości

przydłuższa droga przez prawo 1543, którym, wydzieliwszy gatunki spraw, do sądu duchownego należących, na końcu obostrzono: że inne wszystkie sprawy, krom wyż mianowanych, do sądu swieckiego należą.

2. Statut Lit. rozd. I., art. 11., którym się Wołyń, według konstytucyi unionis 1569, sądzi o obrążeniu majestatu Hospodarskiego mówi: «Też prałatom, xiążętom, panom, radom duchownym i świeckim, panom chorągwianym szlachcie i miastom wszystkich ziem innych, z dawna i teraz do tego państwa W. X. Litewskiego należących, obiecujem słowem Hospodarskim, iż żadnego człowieka z tych stanów wyżej mienionych, którąkolwiek inną pieniężną krwawą alias śmiercią, więzieniem etc. winić i karać nie mamy i nie będziemy, aż pierwej w sądzie jawnym podstępkiem prawa będą pokonani.» **B.**

B. Niech zwierzchność duchowna przekona się tym Statutem, że ten nietylko do świeckich osób, lecz i do duchownych, ściąga się, a stanowiąc, że żadnego człowieka tych stanów wyżej mienionych, to jest, Prałatów, Xiążąt, Panów, Rady duchowne i świeckie, winą pieniężną i śmiercią karać nie będziem, aż pierwej w sądzie prawem przekonani będą, oczywiście w sprawie kryminału publicznego criminis laesae Majestatis dla duchownych i świeckich sąd cywilny oznacza, a że występek rebellii i konspiracyi w następnym statucie przeczytany pro crimine laesae Majestatis obaczymy, że i to do sądu świeckiego należy.

3. Statut Litewski w rozd. tymże, artykule 3., tłumacząc obrażenie Majestatu, sąd i karę wyznacza: «Też Majestat nasz obrażony bywa z tej przyczyny: Gdy by się kto buntował, pokoj pospolity wzruszając, przeciw nas, Hospodara, albo ku szkodzie Rzeczypospolitej, a to by słusznie na niego było przewiedziono, takowy z prawa i rozsądku naszego cześć i gardło traci, a synowie takowego

C. Wyżej położony Statut Lit., do kryminału obrażenia majestatu napisany, osobom stanu duchownego i świeckiego sąd cywilny i karę przyzwoitą przepisał, ten zaś przez kogokolwiek buntowanie się i pokoju pospolitego przeciwko Królowi, albo ku szkodzie Rzeczypospolitej wzruszenie, biorąc pro crimine laesae Majestatis, gdy w tym samym sposobie mówi: iż takowy występca z prawa i rozsądku naszego cześć i gardło

35

zdrajcy dorośli, i którzy by za dowodem słusznym okazali się być wiadomymi tej zdrady ojcowskiej, także cześć i gardło tracić mają». **C**.

traci.—Zaczęm widócznie te prawa dowodzą, że namieśnicze Królów w kraju jurysdykcye cywilne o występek buntu i konspiracye tak duchownych, jako i świeckich sądzić pówinny i przekonanych kryminalnie karać maja.

4. Konstytucya 1588 w takowym przypadku toż samo pisze, crimen perduelionis rozumieć się ma, kto by się z nieprzyjacielem Rzeczypospolitej ku szkodzie onej porozumiał, tajemnice Rzeczypospolitej zwierzone nieprzyjacielowi onej wynosił, zamek na zmowę podał, pacta foedera z postronnymi pany rebellią uczynkiem pokazując, albo by którykolwiek inny występek popełnił, który by był właśnie contra Rempublicam — Co ma być sądzone eo processu, jako causa criminis laesae Majestatis, i bez delatora, gdy by go nie było etc. **D**.

D. Władza najwyższa, nad wszystkimi kraju stanami rozciągająca się, że nie mogła nigdy w stanowieniu praw błądzić, przezorna i tej konstytucyi na przestępstwo publiczne rebelli i konspiracyi pokazuje się baczność, gdy nawet i bez delatora tak szkaradny uczynek przeciwko Rzeczypospolitej dozwala sądzić takim sposobem, jak de crimine laesae Majestatis. Zastanowić się tedy jurysdykcya duchowna nad Kapłanami Ruskimi moc mająca powinna, jak może przywłaszczać sobie i żądać przeciwko wyraźnym prawom sądzenia kryminału, publiczności tyczącego się, kiedy prawa, tu nadmienione, rebellią i każdy występek contra Rempublicam przez kogokolwiek popełnione, pro crimine laesae Majestatis uznając, nawet formę processu do czynienia przeciwko takim gwałcicielom spokojności publicznej, nie dla sądu duchownego, lecz dla świeckiego przepisały.

5. Konstytycya 1641, vol. IV, fol. 6, titulo Religia Grecka.

Greckiej Religii osobom świeckim i duchownym wszystkim w wszystkich kryminalnych sprawach ex occasione Religionis na sejmie ex regestro speciali causarum cri-

E. Gdziekolwiek występek dotyka się publiczności, wszędzie prawa przestępców świeckim i duchownym sąd krajowy do odpowiedzi preznaczają, uważać tedy należy i te prawo, do osób Religii Greckiej duchownych i świeckich napisane. Że kryminały między

minalium, unitom i nieunitom, forum naznaczono praevia inquisitione w własnym grodzie lub ziemstwie. E.

unitami i nieunitami duchownymi i świeckimi, z poróżnienia pod ówczas Religii Greckiej nastąpione, jako statum Reipublicae tyczące się, tymże prawem pod sąd krajowy poddane, a zatém nie mogą być pod żadną jurysdykcyą duchowną podciągnione, tym bardziej zaś władza duchowna wdawać się w słuchanie inkwizycyi, lub w odbieraniu z obwinionych Kapłanów dobrowolnych wyznań, nie ma mocy, gdy mianowane prawo, przytłumiając różnicę między unitami i nieunitami przez ostrzeżoną dyssydentów tolerancyą, właśnie dla samych uczynków z tej przyczyny przez duchownych i świeckich, obrządku Greckiego popełnionych, forum saeculare, a do słuchania inkwizycyi grody i ziemstwa wyznaczyło, z przyczyn roztropnie pod ów czas dla przypadków podobnych konsyderowanych, które uważajmy.

Kryminały, publicznego tyczące się przestępstwa, przez duchownych Religii Greckiej według nadarzonych doświadczeń spełnione, bez pomocy najgwałtowniejszej pospolitego ludu nigdy być nie mogly. Przeto wpływanie w społeczność tych obydwóch gatunków osób, gdyby oglądać się przyszlo na prawo: Actor sequitur forum rei—dzieliło by wspólnych występców na dwie jurysdykcye, duchowną i świecką.

Tak bowiem rzecz uczynkiem związana dzieląc, było by jedno do chcieć dojścia prawdy i do pełnienia sprawiedliwości zatamo-

wać drogę. Bo w takowęj sprawie, która od dowodów z świadectw zależy, lub w której społecznik potajemnie duchowny z świeckim na występek umówił się i porozumiał należnie, jeden przez drugiego wyznaniem w sadzie przekonany być ma, dla oddzielności zaś sądu duchownego od świeckiego czyli karności jego, a ni świecki winowajca, w społeczność z duchownym wchodzący u sądu duchownego, a ni duchowny przeto u sądu świeckiego nie byli by obowiązani stawić się.

Szło by zatém, że wyśledzenia występku zamknięte by zostały sposoby, i bez przekonania obwiniony z najszkaradniejszym uczynkiem odszedł by bezkarnie od sądu. Słowem mówiąc, w rządnej Rzeczypospolitej naszej, która najszczególniej za panowania teraźniejszego Króla zaradzać wszystkim okołicznościom potrafia, mieli byśmy jurysdykcyi rozlicznych aż nadto, a sprawiedliwości żadnej.

Nie do tego obłędu wszystkie prawa tu wyrażone i usilność Królewska dążą, aby dla zasady rozciągającego się nad duchowieństwem Ritus Graeci unitorum w dyecezyi Łuckiej zwierzchnictwa w okoliczności przekonanego o bunt na Wołyniu chłopstwa i powołanych do tego Kapłanów Ruskich, mogła się sprawiedliwość jak najprędsza przytłumiać.

Ponieważ nie innym celem prawo, wzmiankowane roku 1641 du-

chownych i świeckich o podobne, choć z innego źródła kryminały, nie duchownemu sądowi, lecz cywilnemu ziemskiemu, lub grodzkiemu, przez inkwizycye dochodzić zaleciło.

Służy toż samo prawo, stosowane do niniejszego przypadku, a jako indivisa inter se dividi nequeunt, tak wina nierodzielnie na Kapłanów Ruskich i chłopów o zmowę do buntu przez obywatelow włożona, jednemu tylko sądowi świeckiemu do roztrząśnienia przystoi.

Te dowody my, niżej podpisani, obywatele, składając w ręce JW. IMXa Kaczkowskiego Suffragana Łuckiego i Biskupa, do wdawania się w słuchanie wyznań Kapłanów Ruskich, o konspiracyę do buntu z chłopami oskarzonych, i w aręszcie będących od JW. JMXa Lewińskiego, Biskupa i Administratora Biskupstwa Łuckiego, przeciwko wyraźnym prawom obligowanego, upraszamy, aby, konsyderując prawa tu wymienione, posłusznikiem onych stać się raczył. Dan w Dubnie die 26 Aprilis, 1789 roku.

F. Nowomiejski m. p.
Antoni Frankowski, Stolnik Un.
Grzegorz Józef Sobieszczański Ł. K.
Michał Jel. Małiński.
Felix Wolanski, Star. Nowogr.
Józef Karsza, Podst. Podol.
Józef Rybicki K. P.
Isa Nieciecki.
I. Kolumna Czaskowski, Star. Krz.

Odpis na to patronów Warszawskich 1789 A., die 22 Maji.

W zdarzonym nieszcześliwym przypadku, w którym, oprócz osób świeckich, są aresztowane i osoby duchowne, sąd świecki przywłaszcza sobie nad duchownymi jurysdykcyą z przepisu prawa i sprawiedliwie, albowiem występki, kryminalne, karę śmierci za sobą ciągnące, chociaż by też prawa krajowego nie było, przez sąd duchowny sądzone być nie moga.

Lecz każdego prawa myśl rozumieć wyraźnie potrzeba i nad charakterem osoby zastanowić się należy. Sąd duchowny osoby duchownej, chociaż zupełna nad nią mający jurysdykcyą, nie może sądzić kryminalnie, bo mu prawa kanoniczne zabraniają.

Lecz wzajemnie sąd świecki osoby duchownej, jeszcze w charakterze będącej, chociaż by w oczywistym kryminale ujętej, sądzić kryminalnie nie może bez właściwej jurysdykcyi, która by gatunek występku poznała, a ten uznawszy za kryminalny, z kryminalisty charakter zdjąć, a dopiero oddać go powinna świeckiej jurysdykcyi po wskazanie kary.

Dawniejsze od przywiedzionych statutów i konstytucyi prawo duchowne ten sposób przepisało, i nie przyznało, a ni udzielało władzy jurysdykcyom duchownym rozciągania kar kryminalnych, lecz skonwinkowanego, po zdjęciu z niego charakteru, kazało oddawać zwierzchności świeckiej. A przeto choć by i przywiedzionych za juryskcyą świecką praw by nie było, już były duchowne, i z nich wypływała moc i władza dla jurysdykcyi świeckiej sądzenia tych osób, przez Biskupa z charakteru ogołoconych, które z tej przyczyny stawały się świeckiemi. Religia sama dowodem być powinna, i we wszystkich narodach, chociaż jeszcze nie oświeconych, duchowni pierwszeństwo i swoje otrzymują uszanowanie, tym bardziej w Religii Katolickiej sam przykład tego wymaga.

Kto bezstronnie przeczyta Statut 1543 roky i rozważnie zastanowi się, znajdzie, że ten statut wyszczególnia gatunki spraw, do sądu duchownego należących; sama osnowa tego Statutu rzecz objasnia, aby sądy duchowne nie tak obszérną nad świeckimi przywłaszczali sobie władzę, ktorej przedtym Statutem używały. Ten więcstatut wyznacza dla sądu duchownego gatunki, w jakich sprawach stan świecki podlegać i ulegać wyrokowi jego powinien, ponieważ dla duchownych osób tego wyszczególnienia nie było potrzeby, gdy osoba duchowna we wszystkich sprawach osobistych właściwej duchownej podległą być jurysdykcyi powinna.

Toż samo w sobie zawiera i Statut Litewski konstytucyi 1588, i te ściągają się do osób świeckich, ktorych użyć można i do duchownych, lecz po zdjęciu z nich charakteru.

Zgodna i konstytucya 1641, bo jak Biskup nie może przystaćna jurysdykcyi sądu świeckiego do degradowania osoby duchownej, tak wzajewnie sąd świecki kary kryminalnej ściągać na degradowanego nie może bez poprzedzonej w sądzie swoim konwikcyi.

Lecz jeżeli rzecz idzie o przyśpieszenie sądu bez złego i hańby stanu i kraju, łatwo stać się może.

Biskup przeciwko obwinionemu w sądzie swoim niechaj każe proces formować, toż samo sąd świecki, wraz więc examen z obwinionego niechaj będzie uczyniony przez delegowanych od Biskupa i sąd świecki, potém inkwizycya tym sposobem może być odbyta, po ktorej Biskup, uznawszy występek, kary kryminalnej być godny, obwinionego degradować będzie, a potém sądowi świeckiemu odda go, zaś sąd świecki, mając już examen i inkwizycye, które na dwie ręce pisane będą, przez delegowanego od Biskupa i sędziego świeckiego dekret ferować będzie, a tym sposobem dogodzi się i sprawiedliewości, i każda jurysdykcya przy swej władzy nienaruszoną zostanie, a co największa zły przykład z ohydą Religii usunie się.

Wypis protokołu dekretowego z regestru inkarceratów sądow Grodzkich Łuckich. *

Roku tysiąc siedmset ośmdziesiąt dziewiątego, miesiąca Maja pierwszego dnia.

Na affektacyą stron rekwirującej Dekret zwyż pomienionego protokołu, między stronami, niżej w komparycyi wyrażonemi, pod dniem, rokiem i miesiącem w gorze wzmiankowanymi, stały i zapadły w sposób następny. Między JWnym Janem Steckim, Starostą Owruckim, orderu S. Stanisława Kawalerem, powodem przez urodz. Michała Pruszyńskiego, tudzież WW. Michałem Pruszyńskim, Felixem Dziusą, powodami oczywisto, a W. JX. Alexandrem Bondarowskim, Parochem Horodyskim, stawionym oczywisto, utściwym Janem Michałowskim, Diakiem Horodyskim, stawionym oczywisto, sąd Grodzki Łucki, rozsądzając propozycyą literalną od JW. Jana Steckiego, Starosty Owruckiego, po WX. Alexandra Bondarowskiego, Parocha Horodyskiego, do sądu swego wyniesioną, za przydaniem Patrona Ur. Stefana Augustynowicza oskarzonym, WX. Alexandrowi Bondarowskiemu i utściwemu Janowi Michałowskiemu, Diakowi Horodyskim, sprawę wprowadzać każe. Odwołała się strona, pozwana do najjaśnieszego Tribunału Koronnego Lubelskiego, sąd tego odwołania nie dopuścił, a w prowadzeniu zawiesiwszy rezolucyą przyznania miejsca

* Этотъ актъ находится въ подлинной выпискѣ изъ книгъ Гродскихъ, на бумагѣ стемпелевой съ печатью, собственноручною подписью и заглавіемъ на оборотѣ: «Między JWielm. Steckim Star. Owruckim, orderu S. Stanisława Kawałerem, i innymi z jednej, a WX. Bondarowskim, Parochem Horodyskim; i innymi z drugiej strony, laesus inquisitionibus dekret. R. 1789, die 1 Maji, w sądach Grodzkich Łuckich.»

w sądzie swoim w sprawie teraźniejszej przez W. Parocha Horodyskiego żądaną, w sprawie postępowaniu potrzebne być stawienie tegoż WXdza Bondarowskiego, jako też utściwego Jana Michałowskiego, Diaka Horodyskiego, niemniej roboczych Kasyana Andrijczuka i Karpa Omelańca ze wsi Horodyszcza, po osądzeniu przez Magdeburyę Ostrogską, przez JW. Jana Steckiego, Starosty Owruckiego, do sądu swego stawionych, dla odebrania z tychże z każdego z osobna dobrowolnych zeznań, uznaje, a to natychmiast, a ponieważ stawieni zostali, do słuchania z tychże konfessat przystępuje. Po których odebranych potrzebne być ma wsparcie tychże, wyprowadzenie inkwizycyi, na dowód i odwód, przez strony obie uznawszy, nakazuje, ażeby strony pytania i odpowiedzi, tudzież regestr świadków spisali i sądowi swemu podali, a to natychmiast. A ponieważ z strony JWnego Steckiego pytania i regestr świadków, prawem zamierzony, a zaś z strony WX. Parocha Horodyskiego odpowiedzi odpisane zostały, i pod świadków z strony JW. Jana Steckiego podanych, tenże WX. Paroch Horodyski poddaje się, przeto do słuchania tychże przystępuje, po których expedyowanych, potrzebne być przypozwanie, lub przez stronę podwodową sprowadzenie W. Franciszka Jasińskiego Z. L. i urodzonego Wojciecha Barańskiego, dla złożyć się mających przez tychże dobrowolnych zeznań sądzi. A ponieważ tak Wny Jasiński, jako i urodzony Barański, przed sądem swym stawili się, przeto, podług podanych do inkwizycyi pytań i odpowiedzi, do odebrania z tychże dobrowolnego zeznania zabiera się, po których odebranych i zaprzysiężonych potrzebne być wykonanie przysiegi na nieujęcie świadków uznaje; a ponieważ urodzony Felix Dziusa jeden z delatorów sposobem praktykowanym na nieujęcie świadków zaprzysiągł, przeto do czytania tak dobrowolnych zeznań, jako i inkwizyci przystępuje, które przeczytawszy, rozwiązując wgórze pryznania miejsca sądu swego, bądź nie uczynione zawieszenie, sąd swój za przynależyty uznawszy. Ponieważ tak z inkwizycyi, jako też dobrowolnych zeznań i dowodów, przez wszystkie okoliczności roztrząśnionych, sądowi swemu okazano jest, iż WX. Alexander Bondarowski w dobrach wsi Horodyszczu, JW. Jana Steckiego dziedzicznych Paroch, nie podług obowiązków, stanowi swemu przyzwoitych, od czasu objęcia parochii swojej, sprawując się, codziennie prawie w karczmie tamejszej z chłopami pijał, i tak w rannej, jak i późnej porze na takowych biesiadach,

wiek swój przepędzal, a obciążony trunkiem do domu powracając, żonę swoją i domowników biciem rozganiał, na matkę własną, bez żadnego uszanowania powstając, one zelżywemi słowami łajał, która częstokroć czynione od tegoż przykrości opłakiwać musiała, a nawet że pomieniony X. Paroch Horodyski na Wielkanoc Polską w roku teraźniejszym po pianu mszą św. odprawiać poważył się.—Z tychże zeznań wiadomość odkrywa się, a gdy takowa do pijaństwa skłonność śmielszym onego coraz do gorszego czyniła postępków, do tego nakoniec zucwałości przyszedł stopnia, który nie tylko charakterowi kapłańshiemu, ale nawet samej ludzkości i powszechnemu bespieczeństwu prawem warowanemu sprzeciwiać sie powinien, ponieważ roku teraźniejszego na dwa tygodnie przed Wielkanocą Polską w niedzielę, gdy ludzie po nabożeństwie we Horodyszczu z cerkwi rozchodzić się zaczęli, WX. Alexander Bondarowski, Paroch Horodyswi, roboczym Kasyanowi Andrijczukowi, Omelańcowi i Lewkowi Jabłońskiemu, poddanym Horodyskim, w tojże cerkwi zatrzymać się rozkazał, którzy gdy po rozejsciu się innych ludzi, sami tylko zostali, Paroch Horodyski, że ma onym jakowąś rzecz powiedzieć, byle go z sekretu nie wydali, oświadczył, a wyjawiając niebawnie pomieniony sekret, że czas przyszedł do rznięcia szlachty i Zydów, opowiedział do którego układu ażeby i oni gotowymi i bespiecznymi byli, zachęcał, a czas wykonania takowego zamysłu, w czasie Wielkanocy Polskiej, gdy się do kościoła na rezurekcyą zgromadzą, oznaczał. A gdy mu niegodziwość postępku i nieznajdowanie się do tego dzieła ludzi i potrzebnego oręża, a ztąd trudność wykonania tego przedsiewzięcia, a jeden z onych niesposobność zdrowia swojego przekładał, WX. Paroch Horodyski, że to nie tylko my zrobimy, ale się toż samo po całei Polszcze dziać będzie, że ochotników dosyć się znajdzie, że kto jaki ma oręż, z takowym iść może, nożów pięć na to kupił, i o lepszy jeszcze oręż starać się nie zaniedba, i że miejsce słabego inny zastąpi, odpowiedział, i aby tylko nikomu o tęm nie mówili, a sekret zachowali po kilkakrotnie obowiązywał, którę to upomnienie tak względem gotowości, jako i sekretu powtórnie onym na cmentarzu ponowił, a nawet i w sobotę przed Wielkanocą Polską, gdy ciż ludzie do niego prosząc o spowiedź przyszli, wymawiając się, że dla wyjazdu swego do wsi Zytynka Wielkiego, dla święcenia chleba Wielkanocnego szlachie, spowiadać ich nie może, ale że onych na dniu jutrzejszym

wyspowiada, oświadczając, ażeby o tym, co onym dawniej mówił, pamiętali, zalecał, o które przestępstwo niegodziwej namowy tak robocze Kasyan Andrijczuk i Karp Omelaniec do sądu swego stawieni, jakoteż pracowity niegdyś Lewko Jabłonski, który przez urząd Magdeburyi Ostrogskiej na śmierć wskazany, WX. Alexandra Bondarowskiego o namawianie się, siebie z pierwszemi, powoławszy, żadnego do samej śmierci wyznań swoich podług wywodu świadectw nie uczynił odwołania, szczególniej tylko tegoż W. Parocha Horodyskiego przekonywają. A chociaż takowy przerażający zamiar żadnego skutku swojego nie wziął, ponieważ lubo nie z toj, lecz z innej okoliczności, bo z przyczyny rozmowy roboczego Kasyana Andrijczuka z Kozakiem Poberezkim, ku Dubnowi przejeżdżającym, który przy karczmach kupieckich o wznawiających się na Ukrainie buntach, i nastąpić majacej, jak dawniej była, szlachty i Zidów rzezi, opowiadał, a pomieniony Kasyan ze wsi Horodyszcza, z roboczymi Karpem Omelańcem i Lewkiem Jabłońskiem, poddanymi Horodyskimi, o tęm spodziewanym zamieszaniu, co od Kozaka słyszał, rozmawiał, i roboczy Lewko Jabłoński gotowym się do łączenia z buntownikami oświadczył. Podsłuchani przez służącego chłopca Mazura, do zwierzchności, i w kajdany okuci, i do urzędu Magdeburyi Ostrogskiej na sądzenie oddani zostali, a potem dopiero i W. X. Bondarowskiego, Parocha swojego, o namawianie siebie do tej zuchwalej zbrodni powołali, jednakże tenże W. Paroch Horodyski wewnętrznej przeciwności swojej ku religii Polskiej i szlachcie utaić nie mógł, gdy bowiem we wtorek świąteczny Wielkanocy roku teraźniejszego we wsi Żytynku Wielkim znajdował się, a urodzony Piotr Odyński, dyspozytor tamejszy, zachęcając do jedzenia święconego pzybyłych gości żartem z okoliczności rozruchów, na ten czas rogzloszonych, w poufałym dyskursie, takowe do przyjacioł: «Rznijcie teraz prosię, niżeli was rznąć będą,» wyrzekł słowa, WX. Bondarowski, nieco podochoconym będąc, zerwawszy się z miejsca i ręką wskazawszy, że gdybyście takiej Wiary Katolickiej byli, jak my, to by wam ni cnie było, odpowiedział; o co gdy na niego przytomni, przekładając mu jedność Religii Polskiej z Ruską, powstali, WX. Paroch Horodyski, żadnego na to tłumaczenia się nie uczynił.—Przeto sąd, zważywszy pomienione okoliczności, ponieważ WX. Alexander Bondarowski, Paroch Horodyski, a ni na prawa, wszelakie zabójstwa wzbraniające, a ni na prawo wrodzonej każdemu ludzkości niemając uwagi, i nie tylko sam z osoby

swojej na odbieranie życia cudzego odważać się postanawiając, ale nawet ludzi, duchownemu swemu dozorowi powierzonych, pomimo przykład od siebie dać sie miany, z pogorzeniem mniej oświeconego ludu do wyżej opisanej niegodziwości namową swoją skłaniając, niegodnym być życia tego, które innym odbierać umyślił, przekonanym zostaje, i chociaż za takowy postępek, jako powszechną spokojność oburzajacy, na najhaniebniejszy śmierci zasłużył, jednakże przez wzgląd na charakter, od podlejszego gatunku ludzi onego różniący, karze śmierci tegoż WX. Alexandra Bondarowskiego podlegać uznaje, i ucięciem głowy przez publicznego sprawiedliwości mistrza dopełnić się powinym ukaranym sądzi, którego natychmiast po nieodwłocznie nastąpić się mającej przez JW. Biskupa miejsca tutejszego obrządku zjednoczonego w mieście J. K. Mści Łucku degradacyi, do urzędu miejskiego tegoż miasta na exekucyą odsyła. Roboczych zaś Kasyana Andrijczuka i Karpa Omelańca, poddanych Horodyskich, przez urząd Magdeburyi Ostrogskiej osądzonych, a z przyczyny powołania przez tychże Parocha Horodyskiego o namawianie siebie do buntu, dla odebrania dobrowolnych zeznań, do sądu swego z dóbr wsi Horodyszcza stawionych, na powrót odsyła, a zaś utściwego Jana Michałowskiego, Diaka Horodyskiego, o ucieczkę tylko z Horodyszcza, wczasie zaczętych rozruchów oskarzonego, która że dla przykrości przez Parocha onemu czynionych, nastąpiła, tłumaczącego się a żadną inną zdrożność nie przekonanego, sąd wolnym czyni.—Odwołał się WX. Alexander Bondarowski, * Paroch Horodyski, do Najjaśniejszego Trybynału Koronnego Lubelskiego. Sąd tego odwołania na mocy prawa nie dopuszsza, indagacyę, zeznania i inkwizycye w tej sprawie nastąpione pieczęcią Grodzką Łucką zapieczętowane, w archiwum Kancelaryi Grodzkiej Łuckiej zachowane mieć sądzi. — Wydaje się pod pieczęcią Grodzką Łucką. Pisano w zamku Łuckim.

(L. S.)

Lenkiewicz m. p.,

Vice-Regent Grodz. Łucki.

Legi cum Protocollo Rzeszowski m. p.

---

* Въ семъ актѣ парохъ Городыскій названъ А. Бондаровскимъ, въ другихъ же актахъ пишется Бендеровскій. Мы оставили имя это такъ, какъ было въ рукописи. Прим. Изд.

LIT. L.

№ro. 1.*

Stan Kapłanów Ruskich w Polszcze.

1-mo. W Polszcze Ruscy Kapłani mają dla siebie winne uszanowanie, z największymi panami do stołu siadają i upoważenie zupełne podług wysokiej wartości charakteru swojego, od wszystkich odbierają, równe z Kapłanami obrządku Łacinskiego.

2-do. W Polszcze żaden pan władzy sobie nad Kapłanami nie przywłaszcza, nie ma onego mocy karania, co więcej, Kapłan o swoję wyniknąć mogące krzywdy, może pana i kolatora swego pozwać; nadto gdyby pan i kolator targnął rękę swoją na Kaplana, pozwany o to do sądow duchownych, podpada exkomunice, w sądach zaś świeckich odbiera kary; wykraczajzący zaś Kapłan w sądach Biskupskich, Metropolitańskich etc. etc. duchownych, tylko kary odbierać powinien.

Stan Kapłanów Ruskich w Moskwie.

Która to Wiara zabijać pozwala?

Ad 1-um. Ciż Kapłani Ruscy w Moskwie żadnego dla siebie i na swój charakter nie mają względu, poszanowunia nie odbierają, Sztabs-Oficyer Moskiewski z Kapłanem do stołu nie siędzie.

Ad 2-dum. W Moskwie wcale przeciwnie dla Kaplanów dzieje się, bo Proporczyk obić Kapłana pałkami może, a po obiciu w ręce na satysfakcyą bolu pocałuje i rzecze: «Proszczaj, batiuszka!»

---

* Сія и слѣдующая статья № 2 напечатаны на полулистѣ и прибавлены къ рукописи съ помѣтою L. Прим. Изд.

3-tio. W Polszcze, za pozwoleniem Stolicy Apostolskiej, może się Kapłan z wdową żenić, a po ożenieniu, za pozwoleniem tejże Stolicy, wziąść poświecenie; gdy mu żona umrze, plebanii nie odbierają, ale do końca życia, gdy się cnotliwie i dobrze na poruczonej sobie parochii sprawuje, zostaje przy tejże.

Ad 3-tium. W Moskwie Kapłanom z wdową żadnym sposobem nie pozwałają żenić się; gdy mu zaś żona umrze, z plebanii wypędzają, iść musi albo do czerców albo do wojska.

4-to. W Polszcze żaden podatek nie cięży Kapłanów, katedratyk zupełnie Sejmem, teraźniejszym zniesiony, a subsidium charitativum nie którzy tylko do czasu płacić będą.

Ad 4-tum. W Moskwie przeciwnie, bowiem od siebie, żony i dzieci choć by najmniejszych, od głowy każdej Kapłani po rublowi płacić powinni, i gdy by dzieci wymarły, aż do nowej lustracyi tenże podatek każdy wypłacać powinien.

Nro 2.

Chłopi w Polszcze.

1-mo. Chłopi w Polszcze mają opisanie, co swoim panom odrabiać, i co odbywać powinni, a dla Króla nic nie odbywają.

2-do. W Polszcze podatek jeden tylko chłopom nakazany, to jest, kominowe, i teraz lubo Rzeczpospolita Polska na inne stany ustanowiła podatki nowe, chłopi, prócz dawniej ustanowionego kominowego, żadnego nie mają.

Chłopi w Moskwie.

Ad 1-um. W Moskwie chłopi adnych nie maja dni odrobnych, bo, oprócz pańskich, są dnie Osudarskie czyli Imperatorskie, które nie mają nigdy swego zamiaru, tylko jak każą i wiele, tyle odrabiają.

Ad 2-dum. W Moskwie zaś od każdego chłopa, dziecka i czeladzi po rublowi do skarbu Imperatorowej opłacać powinni.

3-tio. W Polzscze werbunek żołnierzy tylko w dobrach Królewskich jest ustanowiony, dziedziczne zaś od tego wyłączone zostały, chyba by który dóbr dziedzicznych za pozwoleniem pana swego, dobrowolnie przystał do żołnierzy, a inaczej w dziedzicznych dobrach rekrutować nie mogą.

Ad 3-tium. W Moskwie zaś jak i gdzie chcą, gwałtownie biorą, przez co wszędzie tym sposobem jest nieustanny werbunek, jak w państwie Cesarskim (Rzymskim) z najwyższym przymuszeniem i gwałtownym braniem ludzi.

4-to. Różna jest cena gorzałek w Polszcze przy róznej drogości, lub tanności zboża.

Ad 4-tum. W Moskwie zaś dla tego, że tylko jest gorzałka do szynku, nazywająca się Osudarska, przeto w najobfitszych urodzajach zboża, najtaniej po złotych 4 garniec przedają.

Sacerdos volens reconciliari Graeco-Rossiacae Religioni debet stare ante fores Ecclesiae, quem eum in modum percontatur Hegumenus.

Q. Serve aberrationis, quid vis?

R. Volo reconciliari Graeco-Rossiacae Catholicae fidei.

Q. Quam ob causam id optas?

Q. Causa salutis animae.—Hic converti jubet facie ad occasum solis, sicque conversum ulterius interrogat.

Q. Abrenuntis ne execrabili traditioni Romano-Uniaticae?

R. Abrenuntio.—Et spuit singulis vicibus, ad trinam interrogationem respondendo.

Q. Abrenuntias ne tu omnibus nugis Uniaticis?

R. Abrenuntio.—Ter interrogatus respondet, et ter spuit.

Q. Abrenuntias ne haeresi Romano-Uniaticae?

R. Abrenuntio.—Ter interrogatus respondet, et ter spuit. — Postea retroversum facie ad se interrogat.

Q. Appromitis ne fideliter servire et obedire Graeco-Rossiacae Catholicae Ecclesiae?

R. Vere appromito, Pater Reverende! Et tunc porrigit extremitatem stolae in manus introducendi in Ecclesiam, dicens: «Intra in Domum Domini, et adora» etc. Atque ante tetrapodem, in quo quae candelae accensae, crux et evangelium positae sunt, jubet eum recitare: «Credo in Deum Patrem» etc., et postea interrogat.

Q. Doles ne tu, quod ad hoc tempus, in execrabili haeresi Uniatica permansisti?

R. Doleo.

R. Doles ne, quod non solum ipse indigne administrasti mysteria Christi, sed et alios ad id inducebas, administrando sacrilege?

R. Doleo.

Q. Doles ne, quod indigne administrasti mysteria Christi?

R. Doleo.

Hic super genu flectentem manus imponit et legit orationem absolutionis a vinculo excommunicationis, irregularitatis etc. Postea dicit: «Surge, Sacerdos NN., tamquam a somno, ab errore uniatico!» Tandem Excipit juramentum obedientiae Ecclesiae Graeco-Rossiacae et perpetuae perseverantiae in illa ad extrema vitae suae, et quod usque ad amissionem vitae defendet Fidem Graeco-Rossiacam. Demum inducit in sanctuarium per fores laterales et jubet confiteri; post confessionem factis quinquaginta adorationibus, jubet idem Hegumenus in sui assistentia missam celebrari, informans neoconversum celebrantem in ceremoniis.

Resolutiones Theologorum et Canonistarum in causa degradationis parochi Horodyscensis.

Casus propositus.

1mi. Cajus sacerdos convictus in foro saeculari criminis status judicatus est reus mortis.

Quaeritur. Utrum idem Cajus sine degradatione morte mulctari possit, praesertim si dicta degradatio propter quascumque causas sit admodum difficilis?

Respondeo. Cajus criminis status reus, si degradatio sit admodum difficilis, etiam sine degradatione morte mulctari potest.

Probo. Tunc Cajus etiam sine degradatione morte mulctari potest, quando vel privilegium fori ecclesiastici non habuit, vel amisit; atqui Cajus criminis status reus privilegium fori ecclesiastici vel non habuit, vel amisit; ergo sine degradatione morte mulctari potest.

Ratio majoris. Quia degradatio nihil aliud est, quam privatio clerici privilegio fori et canonis; ergo ubi tale privilegium non datur, vel amissum est, ibi sine privatione ejusmodi privilegio publica, id est, sine degradatione reus morte mulctari potest.—Probatur minor. Ex voluntate et indulgentia Ecclesiae dantur aliqui casus et circumstantiae, in quibus judex laicus licite et valide procedit contra personas Ecclesiasticas etiam in criminalibus, quos casus recenset p. Pichler Juris. Can. Lib. II. tit. II. §. 22 et inter alios.—2. Quando accedit speciale mandatum judicis Ecclesiastici.—7. Si sit reus criminis laesae majestatis, v. g., sese immiscendo rebellioni, proditioni, aut conspirationi subditorum in suum principem saecularem, quo casu etiam occidi potest, si in pugna inter perduelles reperiatur, non

solum in ipso conflictu, sed etiam, si ratio justi belli exigat, etiam post illum, imo etiam antequam rebellio erumpat et pugna incipiat, si deprehendatur inter perduelles et res non patiatur moram, atque aliter averti nequeat damnum publicum.»

Ex quo sic, per circumstantiam 7-mam clericus dicitur non habere privilegium fori per circumstantiam 2. dicitur amittere privilegium fori; atqui Cajus in utraque circumstantia positus demonstratur, ergo et privilegium dictum non habere, et illud si habuisset, amittere covincitur.

Ratio minoris quoad 1 partem: Cajus enim dicitur immixtus perduellioni, conspirationi subditorum, ergo antequam rebellio erumpat is deprehendatur inter perduelles, et res non patitur moram, a judice saeculari occidi potest.

Ratio quoad 2 partem: Tunc accedit speciale mandatum judicis ecclesiastici judicandi clericum foro saeculari, quando constitutiones regni assidentibus praesidentibus, et non modo non contradicentibus, verum etiam consentientibus Primate et Episcopis regni, non obstante Roma, delictum quodpiam foro saeculari generaliter judicandum puniendumve committunt, ibique forum unicum crimini cuipiam assignatur; atqui tale est crimen perduellionis et status, videantur enim constitutiones anni 1588 et 1593 approbatae in comitiis 1775, ergo adest mandatum judicandi clericum foro saeculari.

Ex quo sic: Si ordinarius loci non fuit forum competens respectu Caji accusati et convicti de crimine status, tunc Cajus non omnino debet privari publice privilegio fori, id est, degradari. Sed revera ordinarius loci ex constitutionibus regni non fuit forum competens respectu Caji accusati convictique de crimine status, cum forum ejusmodi sint unice judicia comitialia, vel a comitiis delegata, ergo Cajus non omnino debet privari publice privilegio fori, id est, degradari.

Cum porro decentia status clericalis exigat, tum etiam ex degradatione solemni major terror animis, Cajo similium improborum

sacerdotum, irruat, convenit quatenus, quantum possibile est, degradatio, curetur rogeturque Episcopus, ut ad tuendum in posterum privilegium fori clericorum in aliis causis personalibus ad degradationem omnino procedat. Si enim semel ipso renitente judices saeculares sine degradatione reum morte affecerint, timendum est, ne in allis criminibus personalibus similia audeant.

Edmundus Popiel Brzośniowski,
Prorector Scholarum Luceoriensium.

2di. Certum quidem et apud omnes indubitatum est, quod per privilegium fori quivis clericus ab omni potestate et jurisdictione fori saecularis adeo exemptus sit, ut amplius nequeat a judice saeculari in judicium trahi, carcerari et puniri, ut patet ex cap. Si Imperator II. dist. 96, sed tantum privilegio eodem sublato per actualem degradationem a loci ordinario solemniter institutam, prout constat ex cap. Felix 4. cano. 15. quest. 7 cap. Cum non ab homine 10. de judiciis. cap. Novimus 27. de verb. signif. capit. Degradatio 2. de poenis in 6 et concil. Trid. sess. 13. cap. de Reform.

Cajus tamen Presbyter r. g. sicut non expectata degradatione, quod haec admodum difficulter potuit obtineri, absque scrupulo in foro saeculari est convictus de crimine status, et jam neci addictus, sic etiam ad supplicium mortis, quod privilegium fori jam sit extinctum, non indiget degradatione. Neque enim opus est, ut Cajus per degradationem tradatur curiae saeculari, ab eadem juxta leges civiles puniendus, cum ei jam subsit et non subesse nequeat.

Ignatius Drozdowicz,
Canonicus Luceoriensis.

3tii. Cajus Presbyter convictus in judicio saeculari de crimine status, agnitus est reus mortis.—Quaeritur: Num hic sine degradatione poena capitis plecti potest, ob id vel maxime, quod haec ob quamcumque causam adeo est difficilis?

Ad quaesitum respondeo. Cum degradatio sit privatio executionis officiorum et beneficiorum simpliciter in toto, et absque spe restitutionis, facta cum certa solemnitate, et privatione privilegii clericalis tam canonis, quam fori, ita ut saeculari curiae subdatur, et cum degradatio sit de jure solius Episcopi, presbyterum convictum de quocumque crimine coram judicio saeculari, quo incurrit poenam mortis, non posse sine degradatione ab Episcopo facienda poena capitis plecti, quia prius secundum jura Ecclesiae puniri debet ab Episcopo pro dishonestatione sui characteris sacri per crimen, de quo convictus est, tum demum tradi saeculari potestati ab Episcopo.

Tobias Glinka, Canon. Concionat.
Cathedralis Luceoriensis.

«Hae sunt resolutiones PP. Ex Jesuitarum, et aliae iisdem similes omittuntur; quae vero sequuntur, sunt cleri saecularis Latini »

In proposito casu.

4ti. Statut w prawdzie Litewski odjął moc i wszelką władzę wieczyście Biskupom obojga obrządków sądzenia osób duchownych oskarzonych i obwinionych, bądź o jakiegokolwiek rodzaju występek przeciwko stanom, tęż moc i władzę na świeckie osoby przenosząc zupełnie i całkowicie; lecz gdy tenże Statut nie deja wyraźnego pozwolenia świeckim sądom i zwierzchnościom którymkólwiek, aby mogły duchowną osobę o występek, przeciwko stanom popełniony przekonaną, na śmierć skazać, czyli raczej z życia wyzuć bez udania się o degradacyą do własnego Biskupa tejże to duchownej osoby na śmierć wyrokiem swoim wskazanej, przeto wnosi się oczywiście, iż świecka zwierzchność równie w Koronie, jako i W. X. Lit., prawem sobie pozwolonym, a zatym jejże samej właściwym, może bezpiecznem sumieniem osoby duchowne tego to rodzaju nie tylko sądzić, ale nad to o zbrodnię czyli występek, przeciwko stanom popełniony przekonane, na śmierć pewną i nieodwłoczną skazać, ale tej śmierci wykonać na obwinionej osobie bez poprzedzającej degra-

dącyi, nie może i nie powinna. Inaczej nie tylko prawa duchowne, ale i przywiedziony Statut Litewski gwałt by oczywisty cierpiał, który to Statut chociaż wyraźnie pozwala świeckiej zwierzchności duchowne osoby przekonane bądź to o bunt, bądź o inną zbrodnię, przeciw stanom popełnioną, karać śmiercią, a wszakże w tym Statucie nic nie można czytać, żeby wspomnione osoby duchowne mogły być ukarane smiercią bez sciśle przykazanej prawem duchownym względem takich osób degradacyi uroczystej.

Których to praw dobrze wiadomy będąc Najjaśniejszy Stanisław August niedawnemi czasy pisał list do JW. Biskupa Łuckiego Ruskiego, iż jeżeli by który z duchownych, jego jurysdykcyi podległych został przekonanym o popełniony przeciwko stanom występek, aby go degradować natychmiast nie wzbraniał się.

Jakaż więc może zachodzić trudność względem degradacyi Kaja popa? a do tego nie tylko Polskie, ale i zagraniczne praktyki uczą, że ile razy trafiło się, iż duchowna osoba z wyroku przyzwoitego sądu miała podlegać śmierci, tyle razy starano się o degradacyą dla tejże osoby.

Tak ja więc na pytanie zadane odpowiadam, gdy zwłaszcza a ni w prawie duchownym, a ni w świeckim, a ni nakoniec w teologach doczytać się nie mogę, aby można godziwie skazanej na smierć duchownej osoby bez poprzedniczej degradacyi życie odjąć bądź którymkolwiek rodzajem śmieci.

X. Gabryel Sielecki,
Kanonik Łucki, teologii Professor.

5ti. Zapytanie: Czyli kapłan, znaleziony w sądzie świeckim winnym śmierci, może być nią ukarany bez degradacyi, gdy ta jest bardzo trudna?

Odpowiedź. Degradacya nic innego nie jest, tylko wyzucie osoby duchownej z wszelkiej godności i przywilejów na mocy poświęcenia onej służących i oddanie zwierzchności świeckiej, aby po-

dług miary występku od niej karaną być mogła, nie jako już osoba duchowna, ale świecka. Gdy bowiem kapłan lub inny kleryk, mający poswięcenie, tym samym, co do osoby swojej, przez prawo Boskie i Kościelne wyłączony jest od zwierzchności świeckiej, degradacya to czyni, że Kościoł, w osobie Biskupa, wyrzuca z liczby uprzywilejowanych sług swoich występnego i deklaruje, iż taki stracił przywilej wyłączenia, od sądu świeckiego sobie służący, i że za tem oddaje się temuż sądowi, jako należący do niego. Idzie za tem, że w takowym porządku prawa kapłan, np., występny w jakimkolwiek rodzaju zbrodni, nie dla tego ma być degradowany, że znaleziony jest winnym śmierci, ale raczej dla tego może już być karany śmiercią, że jest degradowany, jeżeli jednak występek jest godzien śmierci. Degradacya bowiem być może za niektóre występki takie nawet, których prawo świeckie karać śmiercią nie zwykło; idzie za tym dalej, że pospolity tryb, owszem sama natura prawa, co do tej okoliczności, tak każe, że duchowny, obwiniony o jaki, występek, pierwiej sądzony jest od Biskupa, i gdy na to zasłuży, degradowany, a potym od sądu świeckiego, jako mającego już do tego prawo, sądzony podług osobnych praw swoich kryminalnie i karany. Rozsądzać zaś całą sprawę, ferować dekret śmierci i dopiero odsyłać po degradacyą, jest w samej rzeczy przewrócić porządek prawa, jest to i przyznawać sobie prawo sądzenia i karania, i razem nie przyznawać. Jakiż bowiem koniec będzie tej degradacyi, albo raczej czego by się szukało, domagając si onej? Nie mocy sądzenia duchownej osoby, co jest właściwym zamiarem degradacyi: bo w to się już wdał sąd świecki, jak niesie zapytanie, nie mocy ferowania dekretu na śmierć na tęż osobę, bo przyznawszy sobie sąd pierwsze, przyznaje zapewne i drugie, chyba więc tylko żądana degradacya dała by prawo do wykonania w samym skutku pomienionego dekretu. Ale trzeba wiedzieć, że prawo Kościelne, fundując się na prawie Boskim, równie chcemi eć osoby, Bogu poświęcone, wyłączone od sądu świeckiego, osobliwie w sprawach osobistych, co się nazywa w prawie kanonicznym Privilegium fori, jak zabrania pod klątwą nawet targać się ręką na ich osoby, co się zowie Privilegium canonis. I owszem, caeteris paribus, pierwsze privilegium obszerniejsze jest, niżli drugie; w niektórych bowiem przypadkach, jako to obrony życia etc., godzi się bić, skaleczyć, lub zabić kaplana, ale pocią-

gać do sądu świeckiego w sprawach, do niego nienależących, nigdy się nie godzi. Są w prawzie niektóre występki, za które sąd świecki duchownego śmiercią i bez degradacyi ukarać może, i takim występkiem jest machinatus, to jest, spisek, zmowa, albo przekupienie na zabicie kogo, z tém wszystkiem i w takowym razie potrzebna jest sententia declaratoria Episcopi, to jest: żeby Biskup dekretem swoim uznał, że ten duchowny takiego występku prawdziwie stał się winnym, lubo by go nie degradował, bo tym samym już by go za degradowanego ogłosił. Wszakże i w takowym razie, częścią dla względu na stan duchowny, częścią dla tym lepszego tą okropną solennością degradacyi przerażenia innych, ten stopień prawny bez słusznych przyczyn opuszczony być nie powinien. Trudność zaś, która by takowy postępek usprawiedliwiać mogła, chyba by ta jedna być mogła, że periculum było by in mora, jako, np. gdy by kapłan był aktualnie buntownikiem, i już wszczęty przez niego bunt inaczej uśmierzony być nie mógł, jak tylko przez odebranie mu życia. Gdy zaś podobnego nie ma niebespieczeństwa, a tylko zkąd inąd zachodzi trudność, nie sądzę być rzeczą przyzwoitą prawem przepisane przestępować kroki. Zwierzchność Kościelna nie może należytej odmówić sprawiedliwości, a w przypadku odmówienia ma nad sobą wyższą władzę, do tej więc udać się należy.

X. Bossakowski V. R. S. Ł.

LIT. Ł.

Copia decreti in ordine ad degradandum Reverendum Alexandrum Bènderowski, Parochum Horodyscensem exactoratus Illustris Mgci Domini Joannis Stecki, Capitanei Ovrucensis, ordinis S. Stanislai equitis, die 25, Luceoriae lati 1789.

Anno Domini millesimo septingentesimo octuagesimo nono, die vero Lunae vigesima quinta Maji. Luceoriae.

Coram Illustrissimo, Excellentissimo et Reverendissimo Domino Stephano Lewiński, Dei et Apostolicae sedis gratia Episcopo Coadjutore et Administratore gnrli Aplico Luceoriensi et Ostrogiensi, Metropoliae totius Russiae Suffraganeo, ac in publica illius una cum Perillustribus, Reverendissimis ac Illustribus admodum Reverendis Dominis conjudicibus, ad hunc actum invitatis, observata causae praesentis audientia, comparuit personaliter generosus Michael Pruszyński, Illustris Mgnci Joannis Stecki, Capitanei Ovrucensis, equitis ordinis S. Stanislai, principalis actoris legitimus plenipotens, in termino ex citatione debite prout a tergo ejusdem apparebat, per intimationem copiae suae ad manus citati incarcerati executa, legitime in diem hodiernam cadente, contumaciam Reverendi Alexandri Benderowski, Parochi Horodyscensis, ex carceribus adducti citati, quatenus ad propositionem actoream non respondentis, accusavit, ac in ejus talem contumaciam adhaerendo inquisitionibus testium juratorum, per judicium castrense Luceoriense expeditis, sententiam definitivam ferri, et in scriptis promulgari, qua mediante, memoratum Reverendum Benderowski horrendi criminis conspirationis, in vitam crudelemque internecionem incolarum Ritus Latini et Hebraeorum perpatrati, reum plenissime convictum declarari, eundemque, pro tanto crimine, ab ordine presbyteratus, privilegiis et habitu clericali deponi ac degradari, pro summendisque poenis judicio saeculari tradi postulavit, salvo etc. omni etc.

Praesente Reverendo Alexandro Benderowski Parocho Horodyscensi, reo ex adverso accusato et citato, ex carceribus adducto una cum addito sibi defensore, comparente in prolationem publicationemque sententiae definitivae consentiente ac clementiam judicii implorante.

Illustrissimus, Excellentissimus Dominus Episcopus Coadjutor et Administrator generalis Apostolicus Luceoriensis et Ostrogiensis supra memoratus, sedens etc., auditis etc., ex concordibus Perillustrium Reverendissimorum Dominorum conjudicum, ad hunce actum invitatorum, votis decisivis, sententiam definitivam tulit, quam per me infra scriptum, actus praesentis assumptum notarium, in scriptis extensam manibusque, tam sua propria, quam et praelibatorum Perillustrium Reverendissimorum Dominorum conjudicum subscriptam, publicandam decrevit, uti quidem relecto per se ipsum dictae sententiae initio, eandem mihi, notario, publicandam commisit, quam etiam publicavi, estque tenoris sequentis:

«Nos, Stephanus Lewiński, Dei et Apostolicae sedis gratia Eppus Coadjutor et Administrator generalis Apostolicus Luceoriensis et Ostrogiensis, Metropoliae totius Russiae suffraganeus.

Concludimus, Christi nomine invocato, pro tribunali sedentes, solumque Deum ac Ejus justitiam sanctam prae oculis habentes, in causa et actione judiciaria, inter Illustrem Magnificum Joanem Stecki, Capitaneum Ovrucensem, ordinis S. Stanislai equitem, principalem actorem ab una, ac Reverendum Alexandrum Benderowski, Parochum Horodyscensis, super nefando crimine conspirationis in vitam ac horrendam internecionem incolarum Ritus Latini et Hebraeorum reum convictum partibus ex altera, coram nobis judicioque nostro intentata et sub die hodierna introducta, visis et lectis inquisitionibus testium juratorum, per judicium castrense Luceoriense hac in causa expeditis illisque mature perpensis ac rutinatis.

Quando quidem ex ipsis plenissime deducitur, qualiter Reverendus Alexander Benderowski, anno currenti, ante binas hebdomades, festa paschatis, juxta Ritum Latinum celebranda, praecedente die dominico, postquam finita devotione, ex ecclesia villae Horodyszcze populus egredi coepisset, laboriosis Cassiano Andrijczuk, Karp Omelaniec

et Lewko Jabłoński, nuncupatis subditis Horodyscensibus, ut in ecclesia remanerent, mandaverit. Cum autem, post egressum aliorum hominum, ipsi duntaxat in ecclesia remansissent, Reverendus Benderowski, quod haberet illis quid narrandum, dummodo secretum non proderetur, manifestaverit. Ac sine mora ejusmodi secretum revelando, tempus supervenisse ad excindendos nobiles et Hebraeos narraverit, utque ad crudele hocce opus illis quoque essent parati, dictos subditos incitaverit, exequendique atrocis istius sceleris in festis paschatis Ritus Latini, postquam ad ecclesiam Latinam, pro peragenda memoria resurrectionis Dominicae populus congregatus fuerit, tempus designaverit. Dum vero supra memorati subditi Reverendo Benderowski tanti criminis immanitatem ac necessariorum ad iniquum istud opus armorum et hominum defectum, indeque resultantem ad peragendum hocce intentum difficultatem, unus quoque e numero recensitorum subditorum etiam valetudinis suae incapacitatem exponerent, praefatus Reverendus Benderowski hance internecionem non tantum per se ipsos, ast quoque in tota Polonia effectuandam multosque ad id perficiendum alacres fore, quodve talibus armis qualia habentur, quilibet hocce opus exequi possit, ac quod ipsemet ad eum effectum quinque cultros emerit, et adhuc praestantiora arma procurare non negliget, tum quod hominis debilis locum alius sit occupaturus, certioraverit, et duntaxat ut nemini id narrarent, secretumque servarent, alte dictos subditos aliquoties obstrinxerit, suamque cohortationem ipsis Reverendus Benderowski tam ad servandum secretum, quam ut parati existerent, iterato in coemeterio repetierit. Imo quoque die sabbathi, dominicam Paschatis juxta Ritum Latinum praecedente, cum toti subditi advenissentes mentionati ad Reverendum Benderowski, ut eorum confessionem exciperet, postulando, ipse ob praeparatum ad villam Żytynek Wielki, pro benedicendis apud nobiles panibus paschalibus, suum discessum ab excipienda dictorum subditorum confessione se excusans, eandemque crastina die se excepturum promittens praefatis subditis, ut memores essent eorum, quae ipsis prius dixerat, commendaverit. Quinimo insuper saepe fatus Reverendus Benderowski odium suum internum erga religionem Catholicam Ritus Latini propalando, cum feria tertia Paschatis anno currenti in villa Żytynek Wielki apud generosum Petrum Odyński, dispositorem ejusdem villae, hospitaretur, iste vero generosus Odyński hospites ad vescendum carnibus benedictis invitando, ex occasione divulgatorum

sub id temporis motuum, ex joco familiari dixisset: «Scindite nunc percellum, antequam vos scisi fueritis,» Reverendus Benderowski, de loco se proripiens, et manu praesentes ibidem monstrans: «Si vos essetis talis retigionis Catholicae, sicut nos, tunc nihil vobis esset,» responderit. Et licet audientes istam responsionem contra eundem Reverendum Benderowski insurrexerunt, unionem Ritus Latini Catholici cum Ritu Graeco exponentes, ipse tamen nullam justificationem suae, ut praefertur, responsionis dederit. Proinde attenta praemissa facti probatione per hanc nostram definitivam sententiam ex concordibus votis decisivis Perillustrium, Reverendissimorum Dominorum Floriani Korsak, Abbatis coadjutoris Żydyczynensis, ordinis Sancti Basilii Magni, Martini Olszewski, Canonici Cathedralis et judicis surrogati Consistorii generalis Luceoriensis Ritus Latini, Thadaei Iwanowski Luceoriensis, Michaelis Maniecki Smolensciae Cathedralium, nec non Illustrium admodum Reverendorum Gabrielis Sielecki, artium liberalium et philosophiae Doctoris ac in Seminario dioecesano Latini Ritus Theologiae dogmaticae Professoris, tum Ignatii Drozdowicz, Luceoriensium Canonicorum praelibati Latini Ritus, ad hunc actum conjudicum invitatorum, lateri nostro assidentium, supra fatum Reverendum Alexandrum Benderowski, Parochum Horodyscensem, horrendi criminis conspirationis in vitam ac crudelem internecionem incolarum Ritus Latini et Hebraeorum reum convictum esse declaravimus, considerataque juris canonici dispositione, quae ob crimen valde enorme et reipublicae perniciosum etiamsi non sit inter casus a Ss. Canonibus enumeratos, quale est a moderno reo perpetratum, ad poenam degradationis actualis reum esse condemnandum praescribit ad tradita per Pirhing Lib. 5, lit. 37. Nro. 19. in sua nova Juris Canonici methodo et in Collegio Juris universi apud Engel Lib. 5, tit. 37, de poenis Nro. 16. Quodve propter crimina, pro quibus jus civile solet imponere poenam mortis, clericus actualiter deponi debeat. Felin. in Cap. 24. Nro. 25. de accusat. Perspecta non minus et atrocitate sceleris et statu delinquentis personae spiritulis, quam licet si non in destructionem, sed in exemplum ovibus suis praeesse oportuerat, attamen tanto crimine nedum vitae sacerdotalis puritatem defoedare, ast contra dilectionem quoque proximi noxia publicae securitati machinatione in prostitutionem etiam honoris opprobriumque status clericalis procedere ausus fuerit. Perpensis demum calamitosis praesentis temporis circumstantiis, quae

atrox ejusmodi crimen exemplariter puniendum urgent, saepe dictum Reverendum Alexandrum Benderowski, Parochum Horodyscensem, uti misericordia ob tam grande scelus indignum, ab ordine Presbyteratus, officio, beneficio, privilegiis et habitu clericali deponendum, degradandum, exauthorisandum privandum et exuendum, tum a foro ecclesiastico abjiciendum et potestati saeculari tradenndm ac consignandum esse decrevimus. Prout quidem Christi nomine repetito declaramus, deponimus, degradamus, exauthorisamus, privamus, exuimus, abjicimus et potestati saeculari non tamen ad poenam sanguinis tradimus et consignamus. Et ita dicimus, decernimus, declaramus et pronuntiamus hac nostra sententia definitiva ad praemissa accedente. Non solum etc., sed et omni etc. Praesente generoso Michaele Augustinowicz, Aplico et Consistorii generalis Luceoriensis Ritus Latini per nos ad actum praesentem assumpto notario ita pronuntiavimus. Ego Stephanus Lewiński, Episcopus Coadjutor et Administrator generalis Apostolicus Luceoriensis et Ostrogiensis, suffraganeus Metropoliae totius Russiae m. p. (L. S.). Florianus Korsak, ordinis S. B. M. Abbas, Coadjutor Żydyczynensis Conjudex. Martinus Olszewski, Canon. Cathedr. judex Surrog. Consist. Gnlis Luceor. Conjudex. Thadeus Iwanowski, Can. Cathedr. Luceor. Conjudex. Michael Maniecki, Canon. Cathedr. Smolensc., Decanus Torcinensis, Curatus in Wiszenki, Conjudex. Gabriel Sielecki, AALL. et Phiae Doctor, Canon. Luceor. Thiae. Dogmat. in Seminario Dioeces. Professor, Librorum Censor dioecesanus ac Conjudex. Ignatius Drozdowicz Canon. Luceor. Conjudex m. p.

Lata, lecta ac publicata et in ecclesia cathedrali Luceoriensi R. L. servato ritu, ab Ecclesia praescripto, praesentibus alte dictis Perillustribus, Reverendissimis et Illustribus admodum Reverendis Dominis, causae conjudicibus, executioni est demandata haec sententia. Anno, mense et die, quibus supra.

Ita testor Michael Augustynowicz, Apostolicus et Consistorii generalis Luceoriensis R. L. ac ad actum supra scriptum assumptus Notarius m. p.

Resolutiones Theologorum et Canonistarum in causa degradationis parochi Horodyscensis.

Casus propositus.

1mi. Cajus sacerdos convictus in foro saeculari criminis status judicatus est reus mortis.

Quaeritur. Utrum idem Cajus sine degradatione morte mulctari possit, praesertim si dicta degradatio propter quascumque causas sit admodum difficilis?

Respondeo. Cajus criminis status reus, si degradatio sit admodum difficilis, etiam sine degradatione morte mulctari potest.

Probo. Tunc Cajus etiam sine degradatione morte mulctari potest, quando vel privilegium fori ecclesiastici non habuit, vel amisit; atqui Cajus criminis status reus privilegium fori ecclesiastici vel non habuit, vel amisit; ergo sine degradatione morte mulctari potest.

Ratio majoris. Quia degradatio nihil aliud est, quam privatio clerici privilegio fori et canonis; ergo ubi tale privilegium non datur, vel amissum est, ibi sine privatione ejusmodi privilegio publica, id est, sine degradatione reus morte mulctari potest.—Probatur minor. Ex voluntate et indulgentia Ecclesiae dantur aliqui casus et circumstantiae, in quibus judex laicus licite et valide procedit contra personas Ecclesiasticas etiam in criminalibus, quos casus recenset p. Pichler Juris. Can. Lib. II. tit. II. §. 22 et inter alios.—«2. Quando accedit speciale mandatum judicis Ecclesiastici.—7. Si sit reus criminis laesae majestatis, v. g., sese immiscendo rebellioni, proditioni, aut conspirationi subditorum in suum principem saecularem, quo casu etiam occidi potest, si in pugna inter perduelles reperiatur, non

solum in ipso conflictu, sed etiam, si ratio justi belli exigat, etiam post illum, imo etiam antequam rebellio erumpat et pugna incipiat, si deprehendatur inter perduelles et res non patiatur moram, atque aliter averti nequeat damnum publicum.»

Ex quo sic, per circumstantiam 7-mam clericus dicitur non habere privilegium fori per circumstantiam 2. dicitur amittere privilegium fori; atqui Cajus in utraque circumstantia positus demonstratur, ergo et privilegium dictum non habere, et illud si habuisset, amittere covincitur.

Ratio minoris quoad 1 partem: Cajus enim dicitur immixtus perduellioni, conspirationi subditorum, ergo antequam rebellio erumpat is deprehendatur inter perduelles, et res non patitur moram, a judice saeculari occidi potest.

Ratio quoad 2 partem: Tunc accedit speciale mandatum judicis ecclesiastici judicandi clericum foro saeculari, quando constitutiones regni assidentibus praesidentibus, et non modo non contradicentibus, verum etiam consentientibus Primate et Episcopis regni, non obstante Roma, delictum quodpiam foro saeculari generaliter judicandum puniendumve committunt, ibique forum unicum crimini cuipiam assignatur; atqui tale est crimen perduellionis et status, videantur enim constitutiones anni 1588 et 1593 approbatae in comitiis 1775, ergo adest mandatum judicandi clericum foro saeculari.

Ex quo sic: Si ordinarius loci non fuit forum competens respectu Caji accusati et convicti de crimine status, tunc Cajus non omnino debet privari publice privilegio fori, id est, degradari. Sed revera ordinarius loci ex constitutionibus regni non fuit forum competens respectu Caji accusati convictique de crimine status, cum forum ejusmodi sint unice judicia comitialia, vel a comitiis delegata, ergo Cajus non omnino debet privari publice privilegio fori, id est, degradari.

Cum porro decentia status clericalis exigat, tum etiam ex degradatione solemni major terror animis, Cajo similium improborum

sacerdotum, irruat, convenit quatenus, quantum possibile est, degradatio curetur rogeturque Episcopus, ut ad tuendum in posterum privilegium fori clericorum in aliis causis personalibus ad degradationem omnino procedat. Si enim semel ipso renitente judices saeculares sine degradatione reum morte affecerint, timendum est, ne in allis criminibus personalibus similia audeant.

Edmundus Popiel Brzośniowski,
Prorector Scholarum Luceoriensium.

2di. Certum quidem et apud omnes indubitatum est, quod per privilegium fori quivis clericus ab omni potestate et jurisdictione fori saecularis adeo exemptus sit, ut amplius nequeat a judice saeculari in judicium trahi, carcerari et puniri, ut patet ex cap. Si Imperator II. dist. 96, sed tantum privilegio eodem sublato per actualem degradationem a loci ordinario solemniter institutam, prout constat ex cap. Felix 4. cano. 15. quest. 7 cap. Cum non ab homine 10. de judiciis, cap. Novimus 27. de verb. signif. capit. Degradatio 2. de poenis in 6 et concil. Trid. sess. 13. cap. de Reform.

Cajus tamen Presbyter r. g. sicut non expectata degradatione, quod haec admodum difficulter potuit obtineri, absque scrupulo in foro saeculari est convictus de crimine status, et jam neci addictus, sic etiam ad supplicium mortis, quod privilegium fori jam sit extinctum, non indiget degradatione. Neque enim opus est, ut Cajus per degradationem tradatur curiae saeculari, ab eadem juxta leges civiles puniendus, cum ei jam subsit et non subesse nequeat.

Ignatius Drozdowicz,
Canonicus Luceoriensis.

3tii. Cajus Presbyter convictus in judicio saeculari de crimine status, agnitus est reus mortis.—Quaeritur: Num hic sine degradatione poena capitis plecti potest, ob id vel maxime, quod haec ob quamcumque causam adeo est difficilis?

Ad quaesitum respondeo. Cum degradatio sit privatio exe cutionis officiorum et beneficiorum simpliciter in toto, et absque spe restitutionis, facta cum certa solemnitate, et privatione privilegii clericalis tam canonis, quam fori, ita ut saeculari curiae subdatur, et cum degradatio sit de jure solius Episcopi, presbyterum convictum de quocumque crimine coram judicio saeculari, quo incurrit poenam mortis, non posse sine degradatione ab Episcopo facienda poena capitis plecti, quia prius secundum jura Ecclesiae puniri debet ab Episcopo pro dishonestatione sui characteris sacri per crimen, de quo convictus est, tum demum tradi saeculari potestati ab Episcopo.

Tobias Glinka, Canon. Concionat.
Cathedralis Luceoriensis.

«Hae sunt resolutiones PP. Ex Jesuitarum, et aliae iisdem similes omittuntur; quae vero sequuntur, sunt cleri saecularis Latini»

In proposito casu.

4ti. Statut w prawdzie Litewski odjął moc i wszelką władzę wieczyście Biskupom obojga obrządków sądzenia osób duchownych oskarzonych i obwinionych, bądź o jakiegokolwiek rodzaju występek przeciwko stanom, tęż moc i władzę na świeckie osoby przenosząc zupełnie i całkowicie; lecz gdy tenże Statut nie deja wyraźnego pozwolenia świeckim sądom i zwierzchnościom którymkólwiek, aby mogły duchowną osobę o występek, przeciwko stanom popełniony przekonaną, na śmierć skazać, czyli raczej z życia wyzuć bez udania się o degradacyą do własnego Biskupa tejże to duchownej osoby na śmierć wyrokiem swoim wskazanej, przeto wnosi się oczywiście, iż świecka zwierzchność równie w Koronie, jako i W. X. Lit., prawem sobie pozwolonym, a zatym jejże samej właściwym, może bezpiecznem sumieniem osoby duchowne tego to rodzaju nie tylko sądzić, ale nad to o zbrodnię czyli występek, przeciwko stanom popełniony przekonane, na śmierć pewną i nieodwłoczną skazać, ale tej śmierci wykonać na obwinionej osobie bez poprzedzającej degra-

dącyi, nie może i nie powinna. Inaczej nie tylko prawa duchowne, ale i przywiedziony Statut Litewski gwałt by oczywisty cierpiał, który to Statut chociaż wyraźnie pozwala świeckiej zwierzchności duchowne osoby przekonane bądź to o bunt, bądź o inną zbrodnię, przeciw stanom popełnioną, karać śmiercią, a wszakże w tym Statucie nic nie można czytać, żeby wspomnione osoby duchowne mogły być ukarane smiercią bez sciśle przykazanej prawem duchownym względem takich osób degradacyi uroczystej.

Których to praw dobrze wiadomy będąc Najjaśniejszy Stanisław August niedawnemi czasy pisał list do JW. Biskupa Łuckiego Ruskiego, iż jeżeli by który z duchownych, jego jurysdykcyi podległych został przekonanym o popełniony przeciwko stanom występek, aby go degradować natychmiast nie wzbraniał się.

Jakaż więc może zachodzić trudność względem degradacyi Kaja popa? a do tego nie tylko Polskie, ale i zagraniczne praktyki uczą, że ile razy trafiło się, iż duchowna osoba z wyroku przyzwoitego sądu miała podlegać śmierci, tyle razy starano się o degradacyą dla tejże osoby.

Tak ja więc na pytanie zadane odpowiadam, gdy zwłaszcza a ni w prawie duchownym, a ni w świeckim, a ni nakoniec w teologach doczytać się nie mogę, aby można godziwie skazanej na smierć duchownej osoby bez poprzedniczej degradacyi życie odjąć bądź którymkolwiek rodzajem śmieci.

X. Gabryel Sielecki,
Kanonik Łucki, teologii Professor.

5ti. Zapytanie: Czyli kapłan, znaleziony w sądzie świeckim winnym śmierci, może być nią ukarany bez degradacyi, gdy ta jest bardzo trudna?

Odpowiedź. Degradacya nic innego nie jest, tylko wyzucie osoby duchownej z wszelkiej godności i przywilejów na mocy poświęcenia onej służących i oddanie zwierzchności świeckiej, aby po-

dług miary występku od niej karaną być mogła, nie jako już osoba duchowna, ale świecka. Gdy bowiem kapłan lub inny kleryk, mający poswięcenie, tym samym, co do osoby swojej, przez prawo Boskie i Kościelne wyłączony jest od zwierzchności świeckiej, degradacya to czyni, że Kościoł, w osobie Biskupa, wyrzuca z liczby uprzywilejowanych sług swoich występnego i deklaruje, iż taki stracił przywilej wyłączenia, od sądu świeckiego sobie służący, i że za tem oddaje się temuż sądowi, jako należący do niego. Idzie za tem, że w takowym porządku prawa kapłan, np., występny w jakimkolwiek rodzaju zbrodni, nie dla tego ma być degradowany, że znaleziony jest winnym śmierci, ale raczej dla tego może już być karany śmiercią, że jest degradowany, jeżeli jednak występek jest godzien śmierci. Degradacya bowiem być może za niektóre występki takie nawet, których prawo świeckie karać śmiercią nie zwykło; idzie za tym dalej, że pospolity tryb, owszem sama natura prawa, co do tej okoliczności, tak każe, że duchowny, obwiniony o jaki, występek, pierwiej sądzony jest od Biskupa, i gdy na to zasłuży, degradowany, a potym od sądu świeckiego, jako mającego już do tego prawo, sądzony podług osobnych praw swoich kryminalnie i karany. Rozsądzać zaś całą sprawę, ferować dekret śmierci i dopiero odsyłać po degradacyą, jest w samej rzeczy przewrócić porządek prawa, jest to i przyznawać sobie prawo sądzenia i karania, i razem nie przyznawać. Jakiż bowiem koniec będzie tej degradacyi, albo raczej czego by się szukało, domagając si onej? Nie mocy sądzenia duchownej osoby, co jest właściwym zamiarem degradacyi: bo w to się już wdał sąd świecki, jak niesie zapytanie, nie mocy ferowania dekretu na śmierć na tęż osobę, bo przyznawszy sobie sąd pierwsze, przyznaje zapewne i drugie, chyba więc tylko żądana degradacya dała by prawo do wykonania w samym skutku pomienionego dekretu. Ale trzeba wiedzieć, że prawo Kościelne, fundując się na prawie Boskim, równie chcemi eć osoby, Bogu poświęcone, wyłączone od sądu świeckiego, osobliwie w sprawach osobistych, co się nazywa w prawie kanonicznym Privilegium fori, jak zabrania pod klątwą nawet targać się ręką na ich osoby, co się zowie Privilegium canonis. I owszem, caeteris paribus, pierwsze privilegium obszerniejsze jest, niżli drugie; w niektórych bowiem przypadkach, jako to obrony życia etc., godzi się bić, skaleczyć, lub zabić kaplana, ale pocią-

na niego dekret śmierci niesłusznie ogłoszony został, samobójstwa ne ustanawia: przeto od kar wzmiankowanym dekretem wciągnionych, to jest, więzienia w fortecy i zamknięcia w klasztorze uwalnia, i za okazaniem niniejszego dekretu zaraz go na wolność z więzienia wypuscić sąd nakazuje, eidem parti affectanti extradere permisit.

(L. S.)

Correxit Janiszowski.

Legit Pobikrowski.

LIT. Ł.

Copia decreti in ordine ad degradandum Reverendum Alexandrum Benderowski, Parochum Horodyscensem exactoratus Illustris Mgci Domini Joannis Stecki, Capitanei Ovrucensis, ordinis S. Stanislai equitis, die 25, Luceoriae lati 1789.

Anno Domini millesimo septingentesimo octuagesimo nono, die vero Lunae vigesima quinta Maji. Luceoriae.

Coram Illustrissimo, Excellentissimo et Reverendissimo Domino Stephano Lewiński, Dei et Apostolicae sedis gratia Episcopo Coadjutore et Administratore gnrli Aplico Luceoriensi et Ostrogiensi, Metropoliae totius Russiae Suffraganeo, ac in publica illius una cum Perillustribus, Reverendissimis ac Illustribus admodum Reverendis Dominis conjudicibus, ad hunc actum invitatis, observata causae praesentis audientia, comparuit personaliter generosus Michael Pruszyński, Illustris Mgnci Joannis Stecki, Capitanei Ovrucensis, equitis ordinis S. Stanislai, principalis actoris legitimus plenipotens, in termino ex citatione debite prout a tergo ejusdem apparebat, per intimationem copiae suae ad manus citati incarcerati executa, legitime in diem hodiernam cadente, contumaciam Reverendi Alexandri Benderowski, Parochi Horodyscensis, ex carceribus adducti citati, quatenus ad propositionem actoream non respondentis, accusavit, ac in ejus talem contumaciam adhaerendo inquisitionibus testium juratorum, per judicium castrense Luceoriense expeditis, sententiam definitivam ferri, et in scriptis promulgari, qua mediante, memoratum Reverendum Benderowski horrendi criminis conspirationis, in vitam crudelemque internecionem incolarum Ritus Latini et Hebraeorum perpatrati, reum plenissime convictum declarari, eundemque, pro tanto crimine, ab ordine presbyteratus, privilegiis et habitu clericali deponi ac degradari, pro summendisque poenis judicio saeculari tradi postulavit, salvo etc. omni etc.

Praesente Reverendo Alexandro Benderowski Parocho Horodyscensi, reo ex adverso accusato et citato, ex carceribus adducto una cum addito sibi defensore, comparente in prolationem publicationemque sententiae definitivae consentiente ac clementiam judicii implorante.

Illustrissimus, Excellentissimus Dominus Episcopus Coadjutor et Administrator generalis Apostolicus Luceoriensis et Ostrogiensis supra memoratus, sedens etc., auditis etc., ex concordibus Perillustrium Reverendissimorum Dominorum conjudicum, ad hunce actum invitatorum, votis decisivis, sententiam definitivam tulit, quam per me infra scriptum, actus praesentis assumptum notarium, in scriptis extensam manibusque, tam sua propria, quam et praelibatorum Perillustrium Reverendissimorum Dominorum conjudicum subscriptam, publicandam decrevit, uti quidem relecto per se ipsum dictae sententiae initio, eandem mihi, notario, publicandam commisit, quam etiam publicavi, estque tenoris sequentis:

«Nos, Stephanus Lewiński, Dei et Apostolicae sedis gratia Eppus Coadjutor et Administrator generalis Apostolicus Luceoriensis et Ostrogiensis, Metropoliae totius Russiae suffraganeus.

Concludimus, Christi nomine invocato, pro tribunali sedentes, solumque Deum ac Ejus justitiam sanctam prae oculis habentes, in causa et actione judiciaria, inter Illustrem Magnificum Joanem Stecki, Capitaneum Ovrucensem, ordinis S. Stanislai equitem, principalem actorem ab una, ac Reverendum Alexandrum Benderowski, Parochum Horodyscensis, super nefando crimine conspirationis in vitam ac horrendam internecionem incolarum Ritus Latini et Hebraeorum reum convictum partibus ex altera, coram nobis judicioque nostro intentata et sub die hodierna introducta, visis et lectis inquisitionibus testium juratorum, per judicium castrense Luceoriense hac in causa expeditis illisque mature perpensis ac rutinatis.

Quando quidem ex ipsis plenissime deducitur, qualiter Reverendus Alexander Benderowski, anno currenti, ante binas hebdomades, festa paschatis, juxta Ritum Latinum celebranda, praecedente die dominico, postquam finita devotione, ex ecclesia villae Horodyszcze populus egredi coepisset, laboriosis Cassiano Andrijczuk, Karp Omelaniec

et Lewko Jabłoński, nuncupatis subditis Horodyscensibus, ut in ecclesia remanerent, mandaverit. Cum autem, post egressum aliorum hominum, ipsi duntaxat in ecclesia remansissent, Reverendus Benderowski, quod haberet illis quid narrandum, dummodo secretum non proderetur, manifestaverit. Ac sine mora ejusmodi secretum revelando, tempus supervenisse ad excindendos nobiles et Hebraeos narraverit, utque ad crudele hocce opus illis quoque essent parati, dictos subditos incitaverit, exequendique atrocis istius sceleris in festis paschatis Ritus Latini, postquam ad ecclesiam Latinam, pro peragenda memoria resurrectionis Dominicae populus congregatus fuerit, tempus designaverit. Dum vero supra memorati subditi Reverendo Benderowski tanti criminis immanitatem ac necessariorum ad iniquum istud opus armorum et hominum defectum, indeque resultantem ad peragendum hocce intentum difficultatem, unus quoque e numero recensitorum subditorum etiam valetudinis suae incapacitatem exponerent, praefatus Reverendus Benderowski hance internecionem non tantum per se ipsos, ast quoque in tota Polonia effectuandam multosque ad id perficiendum alacres fore, quodve talibus armis qualia habentur, quilibet hocce opus exequi possit, ac quod ipsemet ad eum effectum quinque cultros emerit, et adhuc praestantiora arma procurare non negliget, tum quod hominis debilis locum alius sit occupaturus, certioraverit, et duntaxat ut nemini id narrarent, secretumque servarent, alte dictos subditos aliquoties obstrinxerit, suamque cohortationem ipsis Reverendus Benderowski tam ad servandum secretum, quam ut parati existerent, iterato in coemeterio repetierit. Imo quoque die sabbathi, dominicam Paschatis juxta Ritum Latinum praecedente, cum toti subditi advenissentes mentionati ad Reverendum Benderowski, ut eorum confessionem exciperet, postulando, ipse ob praeparatum ad villam Żytynek Wielki, pro benedicendis apud nobiles panibus paschalibus, suum discessum ab excipienda dictorum subditorum confessione se excusans, eandemque crastina die se excepturum promittens praefatis subditis, ut memores essent eorum, quae ipsis prius dixerat, commendaverit. Quinimo insuper saepe fatus Reverendus Benderowski odium suum internum erga religionem Catholicam Ritus Latini propalando, cum feria tertia Paschatis anno currenti in villa Żytynek Wielki apud generosum Petrum Odyński, dispositorem ejusdem villae, hospitaretur, iste vero generosus Odyński hospites ad vescendum carnibus benedictis invitando, ex occasione divulgatorum

sub id temporis motuum, ex joco familiari dixisset: «Scindite nunc percellum, antequam vos scisi fueritis,» Reverendus Benderowski, de loco se proripiens, et manu praesentes ibidem monstrans: «Si vos essetis talis retigionis Catholicae, sicut nos, tunc nihil vobis esset,» responderit. Et licet audientes istam responsionem contra eundem Reverendum Benderowski insurrexerunt, unionem Ritus Latini Catholici cum Ritu Graeco exponentes, ipse tamen nullam justificationem suae, ut praefertur, responsionis dederit. Proinde attenta praemissa facti probatione per hanc nostram definitivam sententiam ex concordibus votis decisivis Perillustrium Reverendissimorum Dominorum Floriani Korsak, Abbatis coadjutoris Żydyczynensis, ordinis Sancti Basilii Magni, Martini Olszewski, Canonici Cathedralis et judicis surrogati Consistorii generalis Luceoriensis Ritus Latini, Thadaei Iwanowski Luceoriensis, Michaelis Maniecki Smolensciae Cathedralium, nec non Illustrium admodum Reverendorum Gabrielis Sielecki, artium liberalium et philosophiae Doctoris ac in Seminario dioecesano Latini Ritus Theologiae dogmaticae Professoris, tum Ignatii Drozdowicz, Luceoriensium Canonicorum praelibati Latini Ritus, ad hunc actum conjudicum invitatorum, lateri nostro assidentium, supra fatum Reverendum Alexandrum Benderowski, Parochum Horodyscensem, horrendi criminis conspirationis in vitam ac crudelem internecionem incolarum Ritus Latini et Hebraeorum reum convictum esse declaravimus, considerataque juris canonici dispositione, quae ob crimen valde enorme et reipublicae perniciosum etiamsi non sit inter casus a Ss. Canonibus enumeratos, quale est a moderno reo perpetratum, ad poenam degradationis actualis reum esse condemnandum praescribit ad tradita per Pirhing Lib. 5, lit. 37. Nro. 19. in sua nova Juris Canonici methodo et in Collegio Juris universi apud Engel Lib. 5, tit. 37, de poenis Nro. 16. Quodve propter crimina, pro quibus jus civile solet imponere poenam mortis, clericus actualiter deponi debeat. Felin. in Cap. 24. Nro. 25. de accusat. Perspecta non minus et atrocitate sceleris et statu delinquentis personae spiritulis, quam licet si non in destructionem, sed in exemplum ovibus suis praeesse oportuerat, attamen tanto crimine nedum vitae sacerdotalis puritatem defoedare, ast contra dilectionem quoque proximi noxia publicae securitati machinatione in prostitutionem etiam honoris opprobriumque status clericalis procedere ausus fuerit. Perpensis demum calamitosis praesentis temporis circumstantiis, quae

atrox ejusmodi crimen exemplariter puniendum urgent, saepe dictum Reverendum Alexandrum Benderowski, Parochum Horodyscensem, uti misericordia ob tam grande scelus indignum, ab ordine Presbyteratus, officio, beneficio, privilegiis et habitu clericali deponendum, degradandum, exauthorisandum privandum et exuendum, tum a foro ecclesiastico abjiciendum et potestati saeculari tradenndm ac consignandum esse decrevimus. Prout quidem Christi nomine repetito declaramus, deponimus, degradamus, exauthorisamus, privamus, exuimus, abjicimus et potestati saeculari non tamen ad poenam sanguinis tradimus et consignamus. Et ita dicimus, decernimus, declaramus et pronuntiamus hac nostra sententia definitiva ad praemissa accedente. Non solum etc., sed et omni etc. Praesente generoso Michaele Augustinowicz, Aplico et Consistorii generalis Luceoriensis Ritus Latini per nos ad actum praesentem assumpto notario ita pronuntiavimus. Ego Stephanus Lewiński, Episcopus Coadjutor et Administrator generalis Apostolicus Luceoriensis et Ostrogiensis, suffraganeus Metropoliae totius Russiae m. p. (L. S.). Florianus Korsak, ordinis S. B. M. Abbas, Coadjutor Żydyczynensis Conjudex. Martinus Olszewski, Canon. Cathedr. judex Surrog. Consist. Gnlis Luceor. Conjudex. Thadeus Iwanowski, Can. Cathedr. Luceor. Conjudex. Michael Maniecki, Canon. Cathedr. Smolensc., Decanus Torcinensis, Curatus in Wiszenki, Conjudex. Gabriel Sielecki, AALL. et Phiae Doctor, Canon. Luceor. Thiae. Dogmat. in Seminario Dioeces. Professor, Librorum Censor dioecesanus ac Conjudex. Ignatius Drozdowicz Canon. Luceor. Conjudex m. p.

Lata, lecta ac publicata et in ecclesia cathedrali Luceoriensi R. L. servato ritu, ab Ecclesia praescripto, praesentibus alte dictis Perillustribus, Reverendissimis et Illustribus admodum Reverendis Dominis, causae conjudicibus, executioni est demandata haec sententia. Anno, mense et die, quibus supra.

Ita testor Michael Augustynowicz, Apostolicus et Consistorii generalis Luceoriensis R. L. ac ad actum supra scriptum assumptus Notarius m. p.

Kopia listu X. Szymona Karpowskiego, pisanego z aresztu dnia 5 Maja, 1789, do JXdza Buczyńskiego, Kanonika Katedry Łuckiej, Pisarza Konsystorskiego.

Mój Panie doświadczony Dobrodzieju!

Niewolnik, dublowaną najściślejszą zewsząd otoczony wartą, do Ciebie teraz jedyną upatrzywszy zręczność, to co czuję, doświadcza i o czém jest przeświadczony, któremu życie niewinnie wydrzeć usiłują, na piśmie wyraża.

Wystaw sobie stan mój okropny, nędzę, którą ponoszę, prześladowania, które od wszystkich, mnie otaczających, z urąganiem cierpię,-zakwestyonowania, którym nawet trudno wzrącz odpowiedzieć, słowem, że pro crimine status zaskarżony, potwareami, w oczy sprowadzonymi, którzy przedajne mają sumienie i dusze, w ich rozumieniu przekonany, mogę i życie utracić!—Nie bojaźń atoli niewinnie chcących wydrzeć mi zycie, ale samo mie sumienie obowiązało, abym WMPana na duszę, Boga i sumienie kapłańskie obowiązał, abyś to, co niżej wyrażę, lub sam dojechawszy, oznąjmił JW Biskupowi, lub przez pewnego o tym wszystkim doniosł.

W sobotę po południu zeszłą kazali mi iść na Ratusz z zwykłą kryminalistom assystencyą, gdzie stanowszy, nim do konfessat dobrowolnych przystąpiono, to powiedziałem: «Panowie! na oskarżenie dotąd mi niewiadome, zleceniem prześwietnej Kommisyi Województwa Wołyńskiego przez jednego współkomisarza, ze wszystkimi moimi papierami wzięty etc. (jako jest wyrażono w informacyi, danej W. Moszyńskiemu, namieśnikowi, obrońcy mojemu, możesz tam przeczytać).» Na to tyle odpowiedziano: «Sprawa z regestru incarceratorum.»—Kiedy z rodziców kapłańskich urodziłeś się, teraz opowiedz nam WMPan

swoje grzechy!»—Odpowiedziałem, że żadnych publicznych nie mam, a z potocznych ułomności, wszyskim ludziom zdarzających się, nie widzę tego potrzeby żadnej.—Dalej»: Opowiedz nam, WMPan, swój stan, urodzenie, lata, sposób życia, zabawy, etc. — «Wszystko tedy jak najdokładniej opowiedziałem, nie myśląc nawet o tym, co następuje.—Zapytano mnie: «Czyliś był w Chorypaniach, Dubnie, Iwaniu, etc». I na to najdokładnie (jak jest w manifeście, który prosz u patrona przeczytać) odpowiedziałem. Co jakiś sądowy Komornik czyli Vicesgerent opisawszy, wcale nieporządnie i niestosownie z okolicznościami, bo mnie w tej konfessacie pierwej ożenił, a potém do szkół wodził, w trzech miejscach moje przemienił zeznanie: 1. Ja mówiłem, że raz w zimie widziałem dwóch markietanów w Rożyszczach, u których akolici kupowali chustki, a on napisał:—widziałem nieraz. 2. Ja mówiłem, że jeździłem w zeszłym roku na kommisyą iako actor do Szumska, Semenowa, Czełuzowa, Hubowiec etc., gdzie szło o poprawę konieczną Kapłanów, a on napisał: gdzie szło o Katedratyk. 3. Ja mówiłem, że do Dubna za swojemi interessami jezdziłem, mając na zbyciu konię i potrzebę różnych kupienia rzeczy, gdzie i przytomnemu JX. officyałowi w jego zleceniu także usłużyłem, a on napisał: iż wysłany byłem w interessie Konsystorskim do Dubna, i gdy to czytając podpisać nie chciałem, mówiąc, przy JMP. Moszyńskim, iż ja tak nie mówiłem, on mówił: «Nic to WMP.anu szkodzić nie będzie, wszak przy swoim interessie i Konsystorski załatwiłeś».—Powiedziałem przy patronie: że to inny jest Konsystorski, a inny ekonomiczny, ale na to kazano mi się podpisać, a ja, od wszystkich opuszczony, inkarcerowany, o życie zakwestyonowany, to musiałem uczynić, co mi kazali ci, w których ręku moje jest życie, i podpisałem.

Ostrzeż więc o tém JW. Biskupa, aby to, co zwierzchności nie szkodziło, bo tu publicznie dziwne rzeczy na niego gadają, a jego nadciągnienie będzie podbiciem skargi, na mnie potwarzliwie uczynionej w tym sposobie.

Xiądz Chorupański, przedawszy duszę, zaparłszy się Boga (z którym nigdy na życiu moim a ni przyjaźni, a ni znajomości, nie miałem, a ni w domu jego postałem, a ni do niego kiedy pisałem), powiedział im, iż będąc rok temu na Iwaniu, kiedy katedratyk mnie aż przez

mandant zapłacił, mómiłem: «że Moskwa jest silna, odbierze Konstantynopol, my będziemu Schyzmatykami i wszyscy Polacy, inaczej przymuszą ich» i na to świadka Iwańskiego, tylko ten to zeznaje, że ja nie słyszałem, co mówili, tylko Chorupański mówił te słowa: «Na czyim wózku siedzisz, tego pieśń śpiewaj!» Powtóre w czasie kontraktów zdybawszy się jako by z nim, któregom na moje oczy nie widział, powiedziałem: «Czyś odebrał list, od zwierzchności pisany, zalecający, abyś namawiał ludzi do rzezi, i wieloś już namówi ł?» Na to Zyda jakiegoś chce stawić.—Proszęż uważyć skargę i naciągnienie konfessat. Uprosiłem ja, prawda, sobie trzech patronów, pozwałem świadków, ale nie mam pieniędzy, to co u pana mego jest, niech będzie do wyjścia mego, lub śmierci, a w ten czas tym rozrządzę, lub odbiorę. Proszę Cię na miłość Boską, dojedź do JWnego, i to mu wszystko opowiedz, aby mnie potém nie obwiniano, od wszystkich teraz odstąpionego, albo do uszkodzenia komu nie nakręcono. Bądź zdrów i Boga proś, aby mnie od tej oczyścił napaści. Vale, vale, Znany. NB. I to moją jest winą, com jeździł po X. Starosielskiego, i z nim gadał, a z Dziekanem był w przyjaźni.—Wiele jest i innych objekcyi, mnie dotąd nieznanych.

«Pro informatione wiedzieć potrzeba, że jakikolwiek list był, od X. Instygatora do kogo pisany, zawsze był pierwej na Kommissy rozpieczętowany i w akta per extensum wciągniony, a potem oryginał powtórnie pieczętowany i na wierzchu do kogo należał zapisywany. Pozywano potem do sądu pro repositione takowych listów.»

Los uwięzionego Xdza Symeona Karpowskiego, Instygatora Konsystorskiego unitsk. Łuckiego.

Gdy do aresztu dostał się X. Symeon Karpowski, do fortecy Kamieńca Podolskiego, natychmiast wszyscy zapomnieli o nim. Patronowie Łuccy, przez niegoż zamówieni, wziąwszy honoraria na kilkadziesiąt czerwonych złotych, nie popierali sprawy jego w Trybunale Koronnym Lubelskim. A tak on dwa lata z górą w nędzy zostając, slysząc oraz, że Kapłani w Krzemieńcu na śmierć osądzeni, wywoławszy swą sprawę do tegoż Trybunału, już szczęśliwie z więzienia Krzemienieckiego uwolnieni zostali, przeto z niskąd ratunku nie spodziewając się, sam go dla siebie szukał, i znalazł tym sposobem.

Był w regimencie Kamienieckim IMCPan Baciarelli Kapitan, imiał brata przy Królu Jego MCi do expedycyi Włoskiej Sekretarzem. Ta okoliczność podała aresztantowi prostą drogą supplikowania o najwyższą protekcyą Najjaśnejszego Pana. Napisał więc supplikę w krótkich słowach, wyrażając stan swój nieszczęśliwy, że rozsądzenia w Trybunale doczekać się nie można, a zatém prosi, iżby Najjaśniejszy Pan raczył zalecić Trybunałowi nieodwłocznie tej sprawy rozsądzenie.

Szczęśliwym dla niego trafem znajdował się pod ów czas w Warszawie JMPan Olizar, Podczasy Litewski, Marszałek Trybunalski, właśnie już przy końcu swojej funkcyi. Skoro więc oddana była supplika Królowi, Jego MCi, natychmiast zalecił pomienjonemu Marszałkowi, aby nawet po terminie ukończonego Trybunału rozsądził indilate sprawę X. Karpowskiego z rejestru incarceratorum. O czem świadczy odpis wyż rzeczonego Sekretarza do Kamieńca, die 10, Mensis Decembris, 1791 datowany.

Mon cher Frère!

J'ai reçu la lettre, que vous m'avez écrite en dernier lieu sous la date du 29 Novembre, et avec laquelle vous m'avez envoyé une requêtte au Roi du P. Karpowski, frère du Rit. Graec-Uni, qui se trouve enférmé à Kamieniec. J'ai remis tout aussitôt cette requêtte à Sa Majesté, et j'ai le plaisir de vous annoncer, que le Roi a fait appeller le Marechal du Tribunal, Comte Olizar, qui ce trouve ici, et lui a recommendé quelle affaire de cette ecclesiastique soit tout aussitôt jugé encore avant la fin du Tribunal de Lublin. Vous en nformerez donc en consequense le P. Karpowski, pour qu'il agisse en consequense, et vous lui temoignerez de ma part, combien je suis charmé d'avoir pu lui être utile à quelque chose. Comme le Tribunal est à sa fin, il n'y a point de tems à perdre, je crois même, qu'à cause de cela son procès ne pourra être jugé, que du registre incarceratorum.

Ja serai charmé d'apprendre l'issue, qu'aura cette affaire.

Frédéric Baciarelli, Secrétaire pour l'expédition d'Italie de S. M. le Roi de Pologne.

Jakoż pomieniony Marszałek Trybunalski, IMci Pan Olizar, skoro do Lublina powrócił, natychmiast z rejestru incarceratorum rozsądził sprawę X. Karpowskiego, i wyrokiem swoim uwolnił go od aresztu.

Ten późniejszy akt ludzkości umyślnie tu wpisany, iżby wiedziała posteritas, że Najjaśniejszy Król, IMCi Pan nasz miłościwy, nigdy tego zdania o Rusi nie był, aby bunt jaki na Wołyniu podnosić miała, i ile mógł, niewinnie prześladowanych bronił.

Dekret Trybunału Lubelskiego, uwalniający Xdza Karpowskiego od wszelkich kar, dekretem Grodz. Łuck. przysądzonych.

Actum Lublini in judiciis ordinariis generalibus Tribunalis Regni feria sexta post S. Luciae virginis et martyris proxima, videlicet die decima sexta mensis Decembris, anno Domini millesimo septingentesimo nonagesimo primo.

Judicium praesens ordinarium generale Tribunalis Regni Lublinense, ad affectationem partis cujus interest decretum infrascriptum inter partes inferius nominandas sub actu suprascripto prolatum et prothocollo decretorum judicii sui tenoris sequentis: inter venerabilem Simeonem Karpowski, Instigatorem Consistorii Ritus Graeco-Uniti dioecesis Luceoriensis actorem, per Mgcum Orchowski, et Generosum Casimirum Sawicki, Instigatorem Castrensem, tum Cancellariam Castrensem Luceoriensem citatos per Generosum Czerniawski. — Sąd potrzebne być w tej sprawie złożenie inkwizycyi nakazuje, a to natychmiast; a ponieważ strona składa, przeto zadosyć czynić ją uznaje i sprawę wprowadzać naznacza, po której wsprowadzonej, też inkwizycye przeczytawszy, dekret Grodzki Łucki dnia siódmego Sierpnia tysiąc siedmset ośmdziesiąt dziewiątego roku roztrząsnowszy, i świadectwa, oraz indagacye przy nim wyprowadzone zważywszy, ponieważ Xdza Karpowskiego, o występek buntów oskarzonego, żadnym dowodem nie przekonano, lecz natomiast z wolnego mniemania, gadania i obcowania, na trzyletne więzienie do fortecy Kamienieckiej, a potém na zamknięcie w klasztorze aż do śmierci osądzono, gdy jednak wolność mówienia i mniemania każdemu prawem jest zachowana, gdy o lubieżne zabawy szczególnie pokrzywdzonej osobie czynić prawa dozwalają, i tej skłonności nie biorąc za publiczny występek, sądów i urzędów do popierania takich spraw nie obowiązują, nakoniec proźba o podanie trucizny, w tenczas gdy by

Lit. N.

Kopia manifestu imieniem JW. Biskupa Łuckiego zaniesionego przeciwko JO. Xięciu Kalixtowi Ponińskiemu G. M. W. K., proszącemu w sądzie Grodzkim dla tegoż JW. Biskupa o rok dla explikowania się z wydanego w dyecezyą swego uniwersału.

Roku 1789, miesiąca Junii drugiego dnia.

W roczki sądow etc. przede mną, Leonem Hulewiczem, Łowczym Wołyńsk. Podstar. Grodz. Łuck. etc., osobiscie stawając W. Antoni Michałowski, Stolnik Bełski, takową imieniem JW. Biskupa etc., pryncypała swego, w pilności zanosi manifestacyą: iż gdy, tak prawa duchowne wieloliczne od samych zaczątków Wiary S. Katolickiej, na fundamencie prawa Bożego ustanowione i ciągiem wieków ośmnastu w nieporuszonym używaniu będące, jako i później mianowicie w Koronie Polskiej i W. X. Litew. różne przywileje najjaśniejszych Królów Polskich, dziedziców Xięstw Ruskich, potém konstytucye najjasniejszych Stanów tej Rzeczy Pospolitej, na różnych sejmach uchwalone, stosownie do tychże kanonów duchownych oddały Biskupom utriusque Ritus Catholici zupełną co do rządow duchowieństwa i wiernego ludu w ich dyecezyach jurysdyckyą, na mocy ktorej JWny wyż pomieniony Biskup Koadjutor Łucki i Ostrogski, uniwersał w dyecezyą swoją do duchowieństwa pod dniem 5, miesiąca Kwietnia W. S. K. w roku teraźniejszym wydał, równie jak i inni Biskupi w sąsiedzkich dyecezyach uczynili, z powodu którego, gdy J. O. Xiąże Kalixt Poniński, G. Mar. W. Kor., i W. Dyonizy Dubiecki, Horodniczy Włodzimierski, przez zapozew w Sądzie Grodzkim Łuckim tłumaczenia się żądają, a takowe że w sądzie świeckim na mocy wyż pomienionych praw, władzy duchownej służących być nie powinno, owszem jesli by co w imaginacyi jakiej przeciwnie zdawało się, to do rozpoznania jurysdykcyi duchownej prawami wykryślonej zawsze należy, aby więc przez takowy zapozew JW. pryncypał stawającego nadwerężeniu jakowemu tychże praw nie podadał, tę swoją pilnosć do akt zanosi.

Lit. M.

Wypis z protokołu dekretowego regestru inkarceratów sądów Grodzkich Łuckich.

Roku tysiąc siedmset ośmdziesiąt dziewiątego, miesiąca Czerwca trzeciego dnia.

Na affektacyą strony rekwirującej, dekret zwyż pomienionego protokułu, między stronami niżej w komparycyi wyrażonemi, pod dniem, rokiem i miesiącem w górze wzmiankowanemi, stały i zapadły w sposób następujący. Między W. Jakóbem Kostrzeńskim, Szambelanem J. K. Mci, Instygatorem Województwa Wołyńskiego, powodem oczewisto, a Wnym JMX. Teodorem Borkowskim, Parochem Starosilskim, pozwanym oczewisto. Sąd Grodzki Łucki, rozsądzając propozycyą literalną od W. Instygatora Województwa Wołyńskiego po W. X. Teodora Borkowskiego, Parocha Starosilskiego, do sądu swego wyniesioną, sporów wniesionych wysłuchawszy, potrzebne być złożenie inkwizycyi i konfessat, w sprawie terazniejszej wyprowadzonych, w sądzie swoim uznaje, a to natychmiast, a lubo ikwizycyę i konfessata poprzednicze wyprowadzone złożone zostały, gdy, jednak, W. X. Teodor Borkowski, Paroch Starosilski, osobiście stawający, odebrania powtórnych z siebie zeznań w sądzie swoim żąda, przeto sąd, zawiesiwszy czytanie złożonych inkwizycyi i konfessat, do słuchania powtornych przystępuje, po których wysłuchanych, do czytania tak poprzedniczych, jako i teraźniejszych konfessat, oraz złożonych inkwizycyi, zabiera się, które, przeczytawszy i należytą uwagą rozstząsnowszy, ponieważ najprzód z dobrowolnego powtórnego W. Xiędza Teodora Borkowskiego, Parocha Sarosilskiego, zeznania, sądowi swemu okazano jest: Iż gdy roku teraźniejszego w wstępny wtorek Wielkiego Postu W. Xiądz Teodor Borkowski, Paroch Starosilski, po odprawionej Mszy świętej, w dobrach wsi Starosilu, do izby swojej z cerkwi powrócił, a potem, dla opatrzenia ognia, wziąwszy klucze,

napowrót do tejże cerkwi poszedł, drzwi otwierając, Pilipona Rossyjskiego, w opasaniu cerkiewnym stojącego, gdy tenże W. X. Teodor Borkowski, co by robił, zapytał, przerzeczony Pilipon, że Mszy św. słuchał, odpowiedział, a przypatrując się dawniejszym malowaniom, że niektóre stare obrazy konserwowane były, pochwalał, i że w niedługim czasie jedna nastąpi wiara, oświadczał. A gdy W. X. Paroch Starosilski, zkąd o tém miał wiadomość, pytać się począł, pomieniony Pilipon, wziąwszy onego za rękę i za cerkiew w ukrytszy kąt zaprowadziwszy, że mu się wszystkiego zwierzy, wyraził; jakoż po krótkiej rozmowie, o dochowanie sekretu prosząc, czyli weźmie od niego pieniądze, wiedzieć żądał, a na zapytanie, dla czego by te pieniądze dawać umyślił, iż na powiększenie siły i na rozdawanie onych między podręczników, aby Polaków wyrznąć pomagali, objawił; o dalszym W. X., Parocha Starosilskiego, zadosyć czyniąc pytaniom, że był wysłany z kraju Rossyjskiego z Kitajskiego (!) z za Petersburga państwa, razem z drugiemi, do trzech tysięcy powozek ściągającemi, markietanami, na których wszelaki towar, sukna, chustki, oręż, noże, różne narzędzie i znaczne pieniądze znajdowały się; że przedsięwzięta rzeź w dniu drugim na Wielkanoc Ruską, w miastach Wołyńskich, w Łucku, Krzemieńcu i Włodzimierzu, a potem w mniejszych miasteczkach i wsiach, zaczynać się miała; że znaczna część wojska na pomoc przysłana będzie, byle chłopi gotowymi będąc, nie bronili się, i że na to pieniądze rozdawać postanowili, ażeby do gotowości i pomocy przy zaczęciu roboty chłopów namawiali, tłumaczył, a wiele by chciał tenże W. Xiądz, Paroch Starosilski, na tenże zamiar pieniędzy, tyle dać gotowym się okozał, i na zapowiedzenie W. Xiędza, Parocha Starosilskiego, ażeby mu rubli sto wyliczył, natychmiast, trzos z siebie zdjąwszy, rublów sześciozłotowych sztuk sześćdziesiąt odrachowawszy, cztęrnaście czerwonych złotych, złotem dopłacił, na których odebranie ażeby się W. X., Paroch Starosilski, podpisał, domagał się. A tak W. X., Paroch Starosilski, dopełniając Piliponskie żądanie, przyniosłszy z izby kałamarz, na dobytej przez Pilipona xiążeczce, w której wiele już podpisanych być twierdził, podług woli jegoż w słowach Ruskich: «Ja, Teodor Borkowski, Paroch Starosilski, wziąłem od Semena Brusowa, na jego potrzeby wymagania i zadosyćuczynienia, rublów sto,» przerzeczony W. X., Paroch Starosilski, podpisał się, jednakże innych podpisanych na drugiej stronie, którzy by wyrażeni byli, dla niepozwolonego so-

bie widzenia, dostrzedź nje mógł; a po długiej rozmowie, poczęstowawszy się przyniesionym z izby od Xiędza Borkowskiego z dwoma rybami suchemi trunkiem, na rozchodzie pomieniony Semen Brusów, ażeby onego, w mieście Kołkach stojącego, W. Paroch Starosilski odwiedził, żądał; co lubo W. X. Borkowski uczynić, i dopełniając obietnicę swoją, do miasta Kółkow, w bliskości z wsią Starosilem położonego, w późniejszej nieco porze, udał się, jednakże onego w gospodzie, dla uprzedzonego odjazdu, już nie zastał. A tak powróciwszy do domu, gdy W. X., Paroch Starosilski, danych sobie pieniędzy, najwięcej na drugim tygodniu Wielkiego Postu, nieodkrytą przez siebie myślą, z poddanych Starosilskich, do liczby pięciudziesiąt chłopów wynoszącą, tłokę zebrał, i dodawszy tyleż kwart na uczęstowanie gorzałki, tychże dobrze podpojonych być widział, po różnych z sobą rozmowach, z pomiędzy przerzeczónych poddanych Starosilskich, osobno czterech, to jest, roboczych Zacharka Matyaszowego, Semena i Kondrata Wasiuchniuków i Chwedora Kołtuna, wybrawszy i do osobnej izby zaprowadziwszy, następnemi słowami: «Pijmy teraz, jest za co,» zachęcał, a zmierzając do wiadomego sobie układu, co by w tym razie czynili, gdy by Gonta z Moskalami przyszedl (jak teraz słychać), zapytał, na które zapytanie, gdy, podług wyznania swojego, a ni siebie, a ni tychże poddanych oskarzającego, obojętne odpowiedzi odebrał, jeszcze potém po razy trzy podobneż tłoki, jednak coraz w mniejszej liczbie, sprowadzał, atoli wyraźnego tychże chłopów do rzezi namawiania, prcóz potocznej do tych okoliczności nieco ściagającej się mowy, nie odkrył. A zaś z tych pieniędzy, które od Pilipona miał sobie dane, to na mianę u przybyłego z kordonu dzwonnika, i przejeżdżających Ukrainskich chłopów, to na kupienie futra, tulub zwanego, obawając się onych, u siebie w rublach trzymać, rozporządzenie uczynił; że zaś i wieś osobna, Sitnica zwana, do parochii W. X. Borkowskiego należy, w późniejszym nieco czasie do tejże pojechawszy, przed roboczym Sydorem Andryjowym, gumiennym tamejszym, że nie wiesz dla czego Pilipony jeżdżą, będzie wszystkim Polakom, Żydom i nam biéda, rozpowiadał, na co roboczy Sydor gumienny: «Oj gdy by Żydom choć i Polacy niedobrzy,» dał odpowiedź, i że za suchym drzewem i mokre palić się będzie, przydał, na drugim miejscu, w tejze wsi Sitnicy, w dniu trzecim na chrzcinach będąc poddanego tamejszego, Ostapem zwanego, że zabiera się na rzezaninę, czyli ty, stary, na konia wsiędziesz, ponieważ Moskale wszystkich, Szlachtę i Żydów,

wyrznąć pragną, zapytał, roboczy Ostap, po niektórych pytaniach i odpowiedziach, że Połacy, jak przed swoim nieszczęściem rozchodzili się, temi słowy wszczętą rozmowę ukończył, a zaś że Iwanowi Samojczukowi, poddanemu Sitnickiemu, rubli dwa, za połajanie tegoż, dać był umyślił, lecz do tego nie przyszło. W. X., Paroch Starosilski, wyznanie swoje zamieścił, a w takowym sposobie, danych sobie od Pilipona imieniem i nazwiskiem, Semena Brusowa, dla rozdania między chłopów, na zachęcenie do rzezi Szlachty i Żydów, sto rubli, wiadomość odkrywszy, że tylko wyżej po imionach i nazwiskach wytkniętym Starosilskim i Sitnickim poddanym, okoliczność nastąpic mającej rzezi napomknął, lecz onych datkiem i namową do istotnego skutku nie skłaniał, tłumaczył się. W dalszym zaś wyznaniu, niektóre okoliczności WX. Karpowskiego, Instygatora Konsystorza Rożyszczskiego, tyczące się, objawiając, że tenże z W. Parochem Starosilskim z Sitnicy do Rożyszcz na jednym powozie jadąc i o przypadku nakazanego siebie stawienia do Łucka rozmawiając: «iż nie bójcie się, utrzymamy się przy swoim, znajdują się i u nas głowy, to poradzimy sobie,» zapewniał, gdy w tej drodze na brodzie. wywrócić onym zdarzyło się, i W. X., Paroch Starosilski, na szkodę swoją narzekał, W. X. Instygator, że się to wszystko nadgrodzi, obiecywał. A zaś na zapytanie W. X. Borkowskiego, zkąd takie zamieszanie powstało, że to wszystko z Piliponów, z których przyczyny i Paroch Suski wzięty został, odpowiedział; w dalszej zaś potém z Rozyszcz do Łucka drodze, powątpiewającemu o sobie Parochowi Starosilskiemu, co się z nim dziać będzie, że Palakom bardziej się mieszać i obawiac potrzeba, i że jedna blahoczestywa w Połszcze będzie Wiara, przyrzekał, a ostatnie słowa, aby przez wiozącego furmana zrozumiane nie były, po Słowieńsku wyrzekł; dawniej zaś przedtem w Pilipówkę Ruską roku teraźniejszego, na praźniku we wsi Starosilu będąc, przy potocznej rozmowie, iż wyszla od Papieża Bulla, aby nikt z Rusi obrządku Polskiego przyjąć nie mógł, a z Polskiego na Ruskie choćby i wszyscy poszli, uwiadamiał; świadectwa zaś poprzysiężone wiedzieć dają, że tenże W. X., Paroch Starosilski, mając w duchownym dozorze swoim wsie Starosile i Sitnice i w tych przez uproszonych od siebie Parochów najwięcej nabożeństwa odprawując, częste używanie domowego Trunku ma w zwyczaju, a od ślubów, chrztów i pogrzebów poddanych, w parochii swojej będących, bez pomiarkowania zdzierając, mianowicie za pogrzeby po

złotych czterdzieści i pięćdziesięt wymusza, u W. X. Dziekana Kołkowskiego w roku teraźniejszym bardzo często przebywał, gdzie schadzki z miezczanami Kołkowskimi, sekretne rady, a nawet i jakoweś pieniężne składki między sobą miewali, a zaś do wsi Sitnicy roku teraźniejszego, w Wielkim Poście razy kilka przyjeżdżając, z niektórymi gospodarzami piiał, gdy zaś razu jednego urodzony Marcin Wieracki, dzieci urodzonego Obryckiego Dyspozytora Sitnickiego Dyrektor, do W. X. Parocha Starosilskiego, we wsi Sitnicy na ten czas będącego, dla przepisania Ruskiego dla służącej pacierza poszedł, i onego przy zabawie trunkowej z roboczym Sydorem, gumiennym tamejszym, i dziaczkiem zastał, po wydyktowaniu tegoż, że «trzeba wam wszystkim pacierz Ruski umieć, bo wam będzie bieda, gdyż wszędzie jedna nastanie Wiara,» mówić zaczął urodz. Bieracki, iż, nauczywszy się pacierza Ruskiego, bać się nie będzie, odpowiedział, a W. X., Paroch Starosilski, że «ci to nic nie pomoże, bo cię poznają, żeś Polak,» oświadczył; proszącemu roboczemu Iwanowi Samojczukowi, aby brata onego do Sitnicy spowiadać pośpieszył, rozgniewany, że «w waszej cerkwi szatani słyszeć się dają,» bez rozwagi powiedział; a zaś gdy szmuklerz Kołkowski przed świętami Wielkanocnemi do tegoż Parocha Starosilskiego przyszedł, i o danie sobie mąki pszennej za robotę na święta prosił, W. X., Paroch Starosilski: «Na co tobie mąka? Wyjdzie wprędce syn Gonty z Moskwy, i was wszystkich ze Szlachtą wyrznie», ogłaszał, lecz w tym przypadku przechowanie u siebie pomienionego szmuklerza deklarował. Prze to Sąd, zważywszy pomienione z dobrowolnego wyznania i wywodu świadectw odkryte wiadomości, ponieważ okoliczność powołanych przez WX. Teodora Borkowskiego, poddanych Starosilskich i Sitnickich, po imionach i nazwiskach w wyższem miejscu wyrażonych, jeszcze ukończona nie została, tudzież z powodu dowiedzenia się, jeżeli Semen Brusów Pilipon w miejscu, którym między innemi osadzonemi włoczęgami zatrzymany, nie znajduje się, rezolucyą w sprawie teraźniejszej, z przyczyny zbliżających się Sądow Ziemskich Łuckich, do przyszłej kadencyi sądow swoich zawiesza. A zaś W. X. Teodora Borkowskiego, Parocha Starosilskiego, Pod strażą żołnierską, do czasu ukończenia sprawy, zatrzymanego być postanawia. Odwołał się W. X. Borkowski, Paroch Starosilski, do najjaśniejszego Trybunału

40

Lubelskiego. Sąd tego odwołania nie dopuszcza. Wydaje się pod pieczęcią Grodzką Łucka. *

Pisano w Łucku Łuckim.

(L. S.)

Lenkiewicz mp.

Viceregent Grodzki Łucki.*

Legi cum protocollo. Kawecki mp.

---

* Декретъ сей, равно какъ и слѣдующій, прибавлены въ подлинныхъ Выписяхъ на штемплю по 1 грошу, съ печатями Гродскими и собственноручными подписями и обыкновеннымъ заглавіемъ на оборотѣ: «Między Wielmożnym etc. a Wiel. Xiędzem etc. Dekret. Anno 1789. 3. Junii.»

Wypis z Protokołu dekretowego Sądow kryminalnych Grodzkich Krzemienieckich.

Roku tysiąc siedmset ośmdziesiąt dziewiątego, miesiąca Junii trzeciego dnia.

Na affektacyą strony rekwirującej niżej w komparycyi wyrażonej dekret z pomienionego protokołu tenoris sequentis: Między urodz. Augustynem Wojakowskim, Instyg. Grodz. Krzem. z urzędu czyniącym powodem oczewisto, a Imci X. Justynem Martynowiczem, Parochem wsi Berowicy, inkarceratem, stawionym osobiście, Sąd Grodzki Krzemieniecki, rozsądzając propozycyą od urodz. Instygatora sądu swego przeciwko Imci X. Justynowi Martynowiczowi, Parochowi wsi Berowicy, utworzoną, potrzebne być spisanie punktów przez urodz. Instygatora W. X. Martynowiczowi Parochowi Borowickiemu, dla odebrania dobrowolnych od tegoż wyznań, i w sądzie swoim złożenia onych, uznaje—a to natychmiast. A ponieważ tenże urodz. Instygator też punkta spisał, i ręką swoją podpisawszy w sądzie swoim złożył, przeto sąd dosyć uczynić wyrokowi swemu, odebrawszy do spisania tychże wyznań przystąpił, po skonotowaniu których, za wprowadzeniem sprawy, lubo jeszcze strona pryncypalnie czyniąca zarzutów w propozycyi umieszczonych inkwizycyami dowodzić oświadcza, gdy jednak z dobrowolnych wyznań, w sądzie swoim przeczytanych, okazuje się, że Imci X. Martynowicz, słysząc od różnych ludzi w roku przeszłym tysiąc siedmset ośmdziesiąt osmym, na wiosnę po kilkakrotnie, iż wywoływano na mieście w Lachowcach, ażeby majętniejsi ludzie i Żydzi mieli się na ostrożności z majątkiem swoim, ponieważ syn Gonty, z buntu sławnego dawniej, ma wpaść z Siczowymi Kozakami w Polskę, a wpadłszy rznąć Polaków i majątki onych zabierać, z tej więc okoliczności, będąc raz przed obiadem u Imci Xdza Kaznodzieji WW. OO. Franciszkanów Szumskich w Kon-

wencie, napiwszy się wódki i głowę trochę zagrzaną tymże trunkiem mając, życzył Imci Księdzu Kaznodzieji, aby obrządek Łaciński odmienił na Ruski, a to dla tego, że Gonta ma wpaść, jak słyszał, z Kozakami do Polski, Polakow rznąć i prześladować powiedział, a Imci X. Kaznodzieją Szumski, nie mogąc znieść takowych wyrazów, jak z celi wyszdł i samego tylko Imci X. Martynowicza w celi zostawił, na ten czas Imci X. Martynowicz, nie wiedząc, gdzie się z celi obrócić, przynaglony potrzebą natury, w szklankę, na oknie stojącą, uryny upuścił, i też pod łóżko postawił, a potem, wyszedłszy z celi Imci X. Kaznodzieji, przyszedłszy do Imci X. Gwardyana Szumskiego do celi tegoż samego dnia, też same słowa powtarzał, lecz w wymówieniu, tych słow żadnego innego zamysłu nie miał, tylko głowę trunkiem zagrzaną mając, dla tego, że słyszenia o synie Gonty, wpaść mającym do Polski, te słowa ponawiał, żeby zaś do spisku i buntu jakiego wchodził, o tém żadnej wiadomości, a ni sam niema, a ni go nikt nie namawiał, wyraża, i nad wyrażone przeciwko sobie punkta dodaje i to jeszcze, iż gdy wyżej wymienione słowa w Konwencie Szumskim kilka tygodniami jeszcze przed Swiętami powiedział, a to się potem do żołnierza, na kresach w Szumsku stojącego, Kamieńskim zwanego, od Xięży Franciszkanów doniosło, który to żołnierz na samą Wielkanoc Polską, dopiero przyjechawszy do Berowicy, najpierwiej wszystkie kąty domu X. Martynowicza, i w cerkwi nawet rewidował, lecz żadnych podejrzanych rzeczy nie wynalazłszy, potem dopiero zapytany od tegoż żołnierza, jeżeli by słowa wyżej rzeczone w Konwencie Szumskim WW. OO. Franciszkanów wyrażał, gdy się pomienionych słów tenże Jmci X. Martynowicz, jak wyżej powiedział, przyznał natychmiast, tenże żołnierz onego do komendy do Swiętca wziął, skąd potem do Dubna odesłany, a z Dubna tu do Krzemieńca przywieziony zostaje, opowiedział. Prze to Sąd, zważając wszelkie okoliczności i wyznania tegoż Jmci Xdza Martynowicza z propozycyą urodz. Instygatora sądu swego, oraz z danym karteluszem i zaświadczeniem od urodz. Boguckiego. w tej samej okoliczności bez daty w sądzie swoim złożonym zgodne, silniejszych nad wyznanie własne Imci Xdza Martynowicza na przekonanie tegoz w sądzie swoim oświadczonych, nie mając innych dowodów, z własnego wyznania tegoż za niepotrzebne w Konwencie Szumskim WW. OO. Franciszkanów, tak X. Kaznodzieji jako i X. Gwardyana powtarzanie słów, nieprzyzwoitych stanowi

duchownemu, a ztąd dawanie z tego porozumienia o sobie i zgorszenia drugich, oraz nieprzystojne obejście się, winnym onego być osądziwszy, podległego być karze osobistej uznaje, nakazując, ażeby tenże X. Martynowicz, za wyżej dotknięte przewinienie swoje, do fortecy miasta Dubna do więzienia od aktu dekretu na niedziel cztéry był oddany, i tamże przez czas wyrażony za własnym kosztem siedział, a po dopełnionej dopiero takowej karze był wolny, oznacza. Pod pieczęcią Grodzką Krzemieniecką wydaje się.

Correxi Turowski mp.

(L. S.)

Legi cum Protocollo Dobrowolski.

Lit. N.

Kopia manifestu imieniem JW. Biskupa Łuckiego zaniesionego przeciwko JO. Xięciu Kalixtowi Ponińskiemu G. M. W. K., proszącemu w sądzie Grodzkim dla tegoż JW. Biskupa o rok dla explikowania się z wydanego w dyecezyą swego uniwersału.

Roku 1789, miesiąca Junii drugiego dnia.

W roczki sądow etc. przede mną, Leonem Hulewiczem, Łowczym Wołyńsk. Podstar. Grodz. Łuck. etc., osobiscie stawając W. Antoni Michałowski, Stolnik Bełski, takową imieniem JW. Biskupa etc., pryncypała swego, w pilności zanosi manifestacyą: iż gdy, tak prawa duchowne wieloliczne od samych zaczątków Wiary S. Katolickiej, na fundamencie prawa Bożego ustanowione i ciągiem wieków ośmnastu w nieporuszonym używaniu będące, jako i poźniej mianowicie w Koronie Polskiej i W. X. Litew. różne przywileje najjaśniejszych Królów Polskich, dziedziców Xięstw Ruskich, potém konstytucye najjasniejszych Stanów tej Rzeczy Pospolitej, na różnych sejmach uchwalone, stosownie do tychże kanonów duchownych oddały Biskupom utriusque Ritus Catholici zupełną co do rządow duchowieństwa i wiernego ludu w ich dyecezyach jurysdyckyą, na mocy ktorej JWny wyż pomieniony Biskup Koadjutor Łucki i Ostrogski uniwersał w dyecezyą swoją do duchowieństwa pod dniem 5, miesiąca Kwietnia W. S. K. w roku teraźniejszym wydał, równie jak i inni Biskupi w sąsiedzkich dyecezyach uczynili, z powodu którego, gdy J. O. Xiąże Kalixt Poniński, G. Mar. W. Kor., i W. Dyonizy Dubiecki, Horodniczy Włodzimierski, przez zapozew w Sądzie Grodzkim Łuckim tłumaczenia się żądają, a takowe że w sądzie świeckim na mocy wyż pomienionych praw, władzy duchownej służących być nie powinno, owszem jesli by co w imaginacyi jakiej przeciwnie zdawało się, to do rozpoznania jurysdykcyi duchownej prawami wykryślonej zawsze należy, aby więc przez takowy zapozew JW. pryncypał stawającego nadweręzeniu jakowemu tychże praw nie podadał, tę swoją pilność do akt zanosi.

Lit. O.

Delegacya z Sejmu.

Actum in Curia Regia Varsoviensi die 28, mensis Maji, anno Domini 1789.

Ad officium et acta praesentia Castrensia Capitanealia Varsaviensia personaliter veniens Mfcus Joannes Paulus Łuszczewski, S. R. Mtis et Comitiorum ordinariorum generalium atque Confoederationis generalis Regni Secretarius, eidem officio actisque illius constitutionem infra scriptam obtulit ad ingrossandum etc.

Wyznaczenie Examinatorów w sprawie o bunty oskarzonych:

Z Senatu. Z prowincyi Małopolskiej—Przewielebnego Turskiego, Biskupa Łuckiego.

Z prowincyi Wielkopolskiej—Wielebnego Prażmowskiego, Kasztelana Zakroczymskiego.

Z prowincyi W. X. Lit. W. Felkierzamba, Kasztelana Witebskiego.

Z Stanu Rycerskiego. Z prowincyi Małopolskiej UU. Zaleskiego, Posła Kijowskiego, Strojnowskiego, Podkomorzego Buskiego, Posła Wołyńskiego, Dłuskiego, Starostę Łukowskiego, Posła Lubelskiego.

Z prowincyi Wielkopolskiej UU. Rożnowskiego, Pisarza i Posła Gnieznieńskiego, Małowiejskiego, Sędziego Ziemskiego i Posła Wyszogrodzkiego, Szymanowskiego, Regenta Koronnego, Posła Sochaczowskiego.

Z prowincyi W. X. Litewskiego UU. Zaleskiego, Wojskiego Litewskiego, Posła Trockiego, Grabowskiego, Starostę i Posła Wolkowyjskiego, Butrymowicza, Podstarostę i Posła Pińskiego.

Którzy to WW. i UU. examinatorowie z Stanów zkonfederowanych wyznaczeni, przysięgę przed nami, Królem i Stanami skonfederowanemi, nieodwłocznie wypełnią w te słowa: «Ja N. przysięgam Panu Bogu, w Trojcy świętej jedynemu, jako stawionych delinkwentów, o bunty oskarzonych, z największą rozwagą i pilnością examinować będę, dochodząc i wywiadując się wszystkich źródeł i najszczególniejszych okoliczności, tudzież przez jakie osoby okropne buntów zamysły początek swoj wzięły, a w tém słuchaniu examinów, a ni datkiem, a ni obietnicą, a ni niechęcią, lub bojaźnią, nie uwiedę się, lecz same dobro ojczyzny i bespieczeństwo kraju przed oczyma mając, podług sumienia, sprawiedliwości i każdego z delinkwentów wyznania, wszystko jaśnie, rzetelnie i najściślej indagować i konnotować będę, a co się w tych wyznaniach zawierać będzie, nikomu wcześnie nie objawię, lecz ścisły w tém dochowam sekret, tak mi Boże dopomóż» etc.—Po wykonanej tym sposobem przysiędze ciż WW. i UU. deputowani pod prezydencya UU. Marszałków konfederacyi obojga narodów (gdy znajdować się obadwa, lub który z nich zechcą), w komplecie najmniej osób siedmiu, przejrzawszy wszystkie rapporta, doniesienia i listy prywatne, zkądkolwiek tu o buntach donoszące, z nich punkta do zapytania czyli Interrogatoria ułożą, i podług tych examinowanie swoje w pałacu Rzeczypospolitej rospoczną, w czasie którego jeżeli by z wyznania delinkwentów nowe jakie uformowały się wiadomośći i kwestye, więc i o to wszystkich przytomnych delinkwentów examinować obligowani będą, a jeżeli by ci delinkwenci spólników swego występku powoływali, a ci osiadłości ziemskich nie mający i szlachetnością nie zaszczyceni, jeszcze nie byli aresztowani, tedy ciż deputowani, onych arestować, i tu dla examinu sprowadzić, kommissyą wojskowa zarekwirują, lub na miejscu sądom ziemskim, czyli urżedom Grodzkim, w komplecie prawem przepisanym, takowe zeznania odebrać i inkwizycyą wyprowadzić dla przysłania sobie, nakażą, a z Slachtą osiadłemi proces, sprawom tego rodzaju właściwy, przedsięwziąć instygatorom narodowym zalecą. Po których wyprowadzonych każdego z osobna aresztanta examinach, też wyznania i inkwizycye

od wszystkich examinatorów podpisane i zapieczętowane, do Stanów skonfederowanych Rzeczypospolitej przyniesą, odpieczętują, i semotis arbitris czytać będą, po których prseczytaniu Stany skonfederowane decyzyą swoją położą, co dalej w tej okoliczności ma być czyniono. Gdy by zaś który z wyżej wyznaczonych deputowany dla choroby, lub nagłących swych interessów, nie mógł znajdować się w tejże deputacyi, a prze to by komplet upadał, tedy, za doniesieniem Stanowi i przełożonym przyczyny, inny nominowany będzie.

Stanisław Nałęcz Małachowski, Reff. W. K. sejmowy i konfederacyi prowincyi Koronnej Marszałek.

Kazimierz Xiąże Sapieha, Generał Artyleryi Litewskiej, Marszałek konfederacyi Wielkiego Xięstwa Litewskiego.

Ignacy Xiąże Massalski, Biskup Wileński; Bazyli Walicki, Wojewoda Generał ziem Rawskich, deputowani z Senatu prowincyi Wielkopolskiej do konstytucyi.

Antoni Giełgud, Starosta generalny Xięztwa Żmudzkiego, deputowany do konstytucyi z Senatu z prowincyi Wielkiego Xięstwa Litewskiego.

Stanisław Kostka Potocki, Poseł Lubelski, deputowany do konstytucyi z prowincyi Małopolskiej.

Franciszek Antoni na Kwilczu Kwilecki, Poseł z Województwa Poznańskiego, deputowany do konstytucyi z prowincyi Wielkopolskiej.

Józef Zabiello, Lowczy Wielki Litewski, Poseł z Xięstwa Żmudzkiego, deputowany do konstytucyi.

Antoni Suchodolski, Poseł Województwa Smoleńskiego, deputowany do konstytucyi.

Post cujus quidem constitutionis superius praeinsertae in acta praesentia ingrossationem originale ejusdem eidem offerenti praevia officii sui quietatione est extraditum.

Puchała. mp.

Kopia listu imieniem Najjaśniejszej Imperatorowej Jejmci wraz z Synodem Rossyjskim do Metropolity, w Kijowie będącego, względem rozruchów, w kraju Polskim wszczętych, pisanego, tudzież i do Archimandryty Słuckiego.

Rozkaz Najjaśniejszej Imperatorowy Jejmci całej Rossyi, przez Najświętszy Synod, Wielebnemu Wiktorowi, Metropolicie Kijowskiemu, i zagranicznego Polskiego Błahoczestywego Słuckiego monasteru Archimandrycie, niniejszego Marca 12 dnia.

Najświętszemu synowi Synodalny arbiter J. W. Hawryił, Metropolita Nowogrodzki, równie i Synodalny że Ober-Prokurer i Kawaler, przełożyli, że Najjaśniejsza Imperatorowa Jejmść, dowiedziawszy się, iż J. W. WM, odebrawszy od Najświętszego Synodu, tyczące się do publikowania wszystkim Najjaśniejszej Imperatorowej Jejmci wiernym poddanym o wojnie z Portą Ottomańską i Szwecyą, manifesta, rozesłałeś po wszystkich, znajdujących się w dyecezyi WM. Pana w Polszcze monasterach i cerkwiach, i kazałeś czytać publicznie dla tamtejszych obywatelów, chociaż ci nie poddanymi Rossyjskiego Państwa, z czego i urosły w Polskim kraju różne spory, wysoce tedy rozkazała wszystko to skasować, i dla tego Najświętszy Synod nakazuje do J. W. WM Pana posłać rozkaz z przepisem takowym, że jako oznaczone manifesta, z których widocznie można poznać, jedynie należy objawić Najjaśniejszej Imperatorowej wiernym poddanym, a poddanych obcego państwa nic one nie należały, to J. W. WM Pana te manifesta i xiążeczki jektenialne o zwycięztwie przeciwników we wszystkich dyecezyach WM. Pana zagranicznych monasterach i cerkwiach skasuj, i nigdy na potém nie publikować, o czém i Synodalnemu Arbitrowi (tu w przewodzie z Ruskiego musi być jakaś myłka i nie wyczytanie), jako miejscowemu Archijerejowi, dać znać, ażeby i od niego w takowym przypadku za granicą publikacyi nie czyniono. Marca 12 dnia, 1789 roku.

Konstytucya 1792 anno pod tytułem: «Deklaracya względem konstytucyi 1764 Sejmu konwokacyjnego pod tytułem «O Popowiczach.»

Objaśniając konstytucyą roku 1764 Sejmu konwokacyjnego pod tytułem «o Popowiczach», przez którą synowie Kapłanów Ruskich prostéj kondycyi, którzy by się do nauk, lub rzemiosła, w miastach nie applikowali, za poddanych wląsnym kollatorom zostali przeznaczeni, z której to konstytucyi źle zrozumianej, tak sami kapłani w obrządku Ruskim Unitskim, jako téż Greckim Nieunitskim, chociaż znajdują się jedni w stanie szlacheckim, drudzy w stanie wolnym miejskim, przyzwoitej kcnsyderacyi nie mając, a synowie ich wcale w pogardzie będąc, zniechęceni ku własnej Ojczyznie, w znaczne części z państw Rzeczypospolitej wynosić się zwykli, zaczém tęz konstytucyą tak deklarujemy:

1mo. Że charakter duchownego każdego w obrządku Ruskim i Greckim, jako nigdy urodzenia jego nie odmieniał, tak i odmieniać niema, ale jeżeli Kapłan tego obrządku będzie z rodowitości swej szlachcic, tedy i potomstwo jego obojej płci Ritus Uniti, podług praw i przywilejów Wiary świętej Katolickiej Rzymskiej panującej, a zaś Ritus Disuniti, podług praw inże pozwolonych, prerogatyw stanu szlacheckiego używać będzie; jeżeli zaś Kapłan będzie tegoż obrządku urodzony w stanie miejskim, tedy podobnież potomstwo jego prerogatyw i zaszczytów wolnym mieszczanom z praw narodowych służących używać będzie.

2do. Gdy by zaś Kapłan tego obrządku był wcale w kondycy rolniczej, a za uwolnieniem od pana wyświęcony, tedy za odmianą

stanu duchownego, i on sam i jego potomstwo płci obojej za ludzi wszelakoż wolnych poczytani będą, i wolno tymże synom Kapłanów Ruskich, bądz samym ich ojcom do obywatelstwa w miastach wolnych się inkorporować, possessyi w miastach nabywać i innych zaszczytów miejskich używać. *

---

* Umyślnie tu poźniejsze o Popowiczach wpisało się prawo, czyli deklaracya konstytucyi sejmu 1764 roku, którą ciż Popowicze oddani byli w poddaństwo swoim panom, niżej położyło się haniebne «Laudum» Województwa Wołyńskiego in authentico, gdzie obywatele usilnie żądają i posłom swoim dopomnić się zalecają, aby prawo «o tychże Popowiczach z stanu nieszlachecbiego, a mianowicie ostateczne roku 1674, ponowione zostało, przed niedozwoleniem tymże święcenia się».

Tu, łaskawy czytelnik, uważyć raczy, jaki to był okrutny zapał obywatelów Województwa Wołyńskiego naprzeciw niewinnej Rusi, ze nawet, krwią tak obficie wylaną, zgaszony być nie mógł; i wzajemnie jaka powolność była Stanów sejmujących w Warszawie, kiedy nie zważając na przełożenia Wołyńskich Posłów, już nie barbarzyństwem tchnące, jak w roku wyżej wymienionym, ale pełne ludzkości o Popowiczach napisali prawo.

Laudum. Wypis z xiąg Grodzkich zamku Łuckiego.

Roku tysiąc siedmset ośmdziesiąt dziewiątego, miesiąca Julii szesnastego dnia.

W roczki sądowe Grodzkie Łuckie od dnia szóstego, miesiąca i roku wyż na akcie wyrażonych przypadłe i sądownie odprawować się zaczęte, przede mną, Leonem Hulewiczem, Łowczym Wołyńskim, Podstarostą Grodzkim Łuckim, i xięgami niniejszemi Grodzkiemi Łuckiemi, przyszedłszy osobiście JW. Kajetan Bobr Piotrowicki, Generał wojsk J. K. Mci, Marszałek koła rycerskiego, tę uchwałę sejmików gospodarskich przez obywatelów Województwa Wołyńskiego w mieście J. K. Mci Łucku urządzoną z podpisem ręki swej i JWW. Assessorów, na papierze sztęplowanym grosza śrebrnego jednego napisaną, dla zapisania do xiąg niniejszych Grodzkich Łuckich w sposób oblaty, podał w takowej istocie: «My, dygnitarze i urzędnicy, obywatele Województwa Wołyńskiego, na sejmik gospodarski z prawami licznemi w dniu następnym po obraniu na Trybunał Koronny deputata przepisany w miesiącu i roku i dniu niżej wyrazić się mających, do stołecznego miasta J. K. Mci Łucka zjechawszy, obrady nasze od ukorzenia nas przed majestatem Najwyższego Boga zaczowszy, po zagojeniu przez JW. Antoniego z Piętk Sobolewskiego, Chorążego Województwa, naszego pierwszego w urzędzie urzędnika, podług prawa i zwyczajów, do obrania Marszałka przystąpiliśmy, w uskutkowaniu czego JW. Kajetana Bobra Piotrowickiego, Generała wojsk J. K. Mci, męża od całego Województwa ukochanego, darami duszy i serca cnotliwie ozdobionego, jednomyślnymi głosami za rządcę koła naszego obraliśmy, któremu, w pomoc za assessorów WW. Antoniego Szczęsnego Bożenia Jełowickiego, Regenta Grodzkiego Łuckiego, Jerzego Strzelnickiego, Starosty Krasn., Michała Sliwińskiego, Star. Wendeńsk., Komor. Ziemi Czersk , Tomasza Czarnockiego, Podstolego Horodelskiego, Tomasza

Staniewicza, Vices-Gerenta Grodzkiego Krasnostawskiego, Aloizego Szemiotha, Starościca Kulczyck., z równą jednomyślnością przeznaczyliśmy, a po tak dopełnionym od nas wyborze, najprzód najjaśniejszemu szczęśliwie, a daj Boże najdłużej nam panować mającemu Królowi Stanisławowi Augustowi, za ojcowską o dobro narodu troskliowość i JWW. i JOO. Marszałków obojga narodów, tudzież JOO. i JWW. Posłom Województwa naszego, na sejm odprawujący się przez nas wybranym, za dzielne i cnotliwe sprawowanie przyjętego charakteru i skutecznie za wolą najjaśniejszego Pana ubespieczenie, nas od wiszącego już o włos pogromu, czyniąc podziękowanie, a wierność Województwa ulubionemu od narodu Królowi zaręczając i JO. i JW. Marszałkom obojga narodów, oraz Posłom naszym, iednemu za granicą dla całości ojczyzny pracującemu, innym do uszczęśliwienia tejże w miejscu świątyni praw przykładnym wdzięczność i uszanowanie, oraz słodką pamięć chwalebnych czynów w sercach zapisując, żądania nasze przed tronem najjaśniejszego Pana z konfederowanemi Rzeczypospolitej Stanami i reprezentatami Województwa naszego, JOO. JWW. Posłami, przedstawiamy, miłość narodu, jego potęga jest najpierwszym. każdego obywatela, społeczność składającego, celem. Ten by powodem, iż narod, chcąc być silnym, prze to szczęliwym, zezwoslił na ustanowienie wojska, i na utrzymanie jego potrzebne wynalazł podatki, łatwo i z chęcią Województwo przystaje na dobrowolną ofiarę dziesiątego grosza i udzielenia takowej z fortun swoich szczędzić nie będzie. Lecz gdy myśl nowo wypadłego prawa święcie od Województwa naszego przyjętego takową ofiarę z intrat pewnych chciała mieć wyciągnioną, a delikatność JWW., prawem przeznaczonych Komisarzów, ile przysięgą zaręczonych, tak co do podania połowy szarwarków na intrate, ktore w większej części Województwa naszego całe na utrzymanie grobel i młynów, arędę składających, wydostarczyć nie mogą, jako w oszacowaniu prszychodów pczelnych, najmniej zapewnie rozumianemi być nie mogących, nie wyłączeni ludzie do usługi gruntowej należących pod nazwiskami wojta, gumiennego, leśniczego, polowego, stawniczego, zawsze trzymanych i podniesienia szacunku zboża w wielu latach w Województwie naszym praktykowanie mniejszą ceną przedawanego, zdaje sie uciążać właścicielów; wiec JOO. JWW. Posłowie o zwolnienie przerzeczonych punktów u najjaśniejszej Rzeczypospolitej skonfederowanej by wystarali się, upraszamy.

A że okropny rozruch łaską najwyższego, a pieczołowitością najjaśniejszego Pana i skonfederowanych Stanów przygaszony da nam rzeczywiście poznać, jak małe oświecenie, podła zwierzchność, różnienie się choć nie w Religii, to w obrządkach, może zostać smutnym teatrem niespokojności krajowej, żądanie tedy jest do JOO. JWW., Posłów Woiewództwa naszego, by u najjaśniejszej Rzeczypospolitej sejmujące, reasumowania prawa, o Biskupach, Opatach, Prałatach katedralnych, z szlacheckiego stanu być powinnych w wyjednaniu, i aby odtąd wszystkie prelatury w katedrze i przy Konsystorzu, dziekanije i przełożeństwo, przez rodowitą stanu duchownego Grecko-Unickiego szlachte, lub w niesposobności znalezienia tylu osób przez wybranych z równego ż stanu zakonu Sw. Bazylego posiadane były, niemniej aby rodowita szlachta święcenia się na Plebanów parochialnych bez ujęcia prerogatyw, stanowi swojemu szlacheckiemu należnych, wolność utrzymywała, dopraszamy się.

Wiele Województwu naszemu zależy na porownaniu co do Świąt Rzymskiego z Greckim-Unickim Kalendarza, do uskutecznienia czego JOO. JWW. Posłów Wojedwództwa naszego, aby legacyą do świętej stolicy Apostolskiej u najjaśniejszych skonfederowanych Stanów wyjednali, ktorą legacyą by Opaci własnym kosztem, lub jeden z onych za składką bytu w Województwie (podług proporcyi korzystanych intrat) Opatów odprawili, obligujemy. Nieoświecenie pospolitego ludu największych przestępstw częstokroć staje się przyczyną, z tej więc wagi do zwierzchności duchownej niesiemy żądania, aby Wielebni Xięża Bazylianie, tak dla gorliwego pospólstwa wpojenie ducha, jako też ku pomocy Kapłanom parafialnym do słuchania ludzi obrządku Greckiego po wsiach i miasteczkach pobliższych spowiedzi, a mianowicie Wielkanocnej w opactwach, jako i klasztorach zostający, obowiązanemi byli, tudzież aby ciż WW. Xięża Bazylianie, przybierając sobie duchownego Kapłana, eżeli być może obrządku Łacińskiego, jeśli nie w każdej wsi i cerkwi, to przynajmniej w każdym pobliższem Dekanacie, dla gruntowniejszego wszczepienia Wiary świętej Katolickiej i oświecenia prostoty, missyę odprawili. Gdy częstokroć kollatorowie w swoich prawach tym sposobem ukrzywdzeni bywają, trudność w instalowaniu od JW. Biskupów, lub zakonów następuje, prze to obligujemy JOO. i JWW. Posłów, z Województwa naszego na sejm obra-

nych, aby latwość w instalowaniu in utroque ritu przez konstytucyą wyrobili, gdzie by zaś opactwa dawniej byly fundowane, a tam klasztory przywlaszczyly sobie ich wlasność przez prezent kollatorski, do wznowienia takich funduszów obligujemy. Prawo o Popowiczach stanu nieszlacheckiego, a mianowicie ostateczne roku tysiąc siedmset sześćdziesiąt czwartego, aby ponowione zostało pod niedozwoleniem tymże święcenia się, JOO. JWW. Poslowie dopomną się.

Gdy Województwo nasze, w instrukcyi swojej, JOO. JWW. Posłóm na sejm danej, ustanowienie podatków na wzmocnienie sil krajowych za najpierwsze podało prawidło, co skutkując dziś chętnie ofiary dziesiątego grosza na wojsko sklada; prze to obligujemy JOO. JWW. Posłów, z Województwa naszego na sejm obranych, żeby, dla zabespieczenia tegoż Województwa doświadczeniem praktykowanych rozruchow przerażonego, lokacyą pewną wojska krajowego po Powiatu uproporcyonowaną, przez konstytucyą wyrobili. Zbiegli poddani i uszczerbek dziedzicom, oddającym ofiare z korzystanej intraty, i skarbowi Rzeczypospolitej z posiadanego dymów przynoszący, aby prędzej i pewniej poszukiwanemi być mogli, żądanie nasze do najjaśniejszych Stanów niesiemy, iżby dla każdego o wydanie zbiegłego chłopa miejsce poszukiwania onego (za pozwem w dobrach przesiadywania pod ówczas położyć się i w aktach tegoż Powiatu zeznać sie powinnym, nie w jurysdykcyi tej, w której uszły poddany znajduje się, lecz własnego Powiatu, z pod którego umknał się), oznaczono było. Sancita o extradycyi dla zajszlego kominowego i rezolucyi w tej mierze rady nieustającej nastepione, aby skassowane zostało. Dobro kraju od wewnętrznego tegoż zawisło rządu, winniśmy dzięky najjaśniejszym Stanom, za urządzenia w wielu przypadkach zmierzające, do tego celu, chwalebnym sklonieni przykladem, dodajemy prośby do miasta teraz odprawujących się kontraktów, lub gdzie za wolą najjaśniejszych skonfederowanych Stanów, indeterminowane zostaną Kommissyą policyjną z obywatelów tegoż Województwa, w którym kontrakty wybrać się powinna ustanowiona została, która by s urzędem Wojewódzkim przyzwoitą cenę, należyty porządek i bespieczeństwo w tym mieście obmyślila. Na zalatwienie krzywd, od wojskowych posiadaczom dóbr i ich poddanym wyniknąć mogących, aby Kommissya Powiatowa z

dwóch części stanu cywilnego, trzeciej wojskowej, urządzona była, względom najjaśniejszych Stanów oddajemy. Uchwalono wielolicznemi Województwa naszego Lawdami edukta procedencyi, gdy dotąd popełnionemi nie są, aby one uskutkować nakazy Stanów Rzeczypospolitej przepisały, JOO. JWW. Posłowie domowią się. Ujęci potrzebą wspólnego bespieczeństwa i dobrego porządku, a przekonani wielu ztąd wynikłemi nieprzyzwoitościami, miłością obywatelstwa obowiązujemy, aby odtąd żaden z poddanych ludzi służących, luźnych, bez służby będacych, albo żebractwem bawiących się, jakiej kolwiek kondycyi, bliżej czy dalej jadący, lub idący, beż przyzwoitego od dziedzica, possesora, zwierzchności, albo magistratu, zaświadczenia, przepuszczonym nie był, a niemający przytymanym został, które urządzenie najjaśniejszym Rzeczypospolitej Stanom przedstawiając, aby do konsystujących kommend stosowne wyszło zalecenie, dopraszamy się.

Jako wielolicznemi prawami nie tylko dla domowych, czyli miejscowego, ale też pospolitego bespieczeństwa, wprawowanie młodzi w miłość obywatelską i obronę ojczyzny, popisy Wojewódzkie ustanowionemi były, taka by dla równego celu i teraz wznowionemi zostały, żądania nasze JOO. i JWW. Posłowie Stanom sejmującym przełożą. Że edukacya niemało uszczęśliwienia każdego kraju jest pomocą tym bardziej w naszym wolnością zaszczycającym się narodzie nieuchronnie potrzebną, gdy ż z niej nabierając młodzież światła wychodzi na użytecznych w czasie ojczyznie już radą, już dokładnym powinności swoich wykonániem obywatelów tak dalece, że w rycerskim stanie należytego bez niej czynić nie można urządzenia; prze to, chcąc jak najmocniej tęż edukacyę ugruntować, o powrócenie do stołecznego miasta Województwa naszego szkół publicznych, w innych zaś zalecenia zakonom, iżby powinności Professorów odbywali, które łatwo, jako ludzie, całe życie naukom poświęcający, a ojczyznie i czyniącym dla nich fundusz obywatelom należytą wdzięcznością wypłacającej się, wykonać zdołają, fundusz zaś do tych szkół dla opłacenia Professorów, z Akademii Krakowskiej przysyłanych aby na wojsko obrócony został, najjaśnieszej Rzeczypospolitej skonfederowanej Stanów dopraszamy się.

Gdy wyraźnie prawo nowo przypuszczonych do indygenatów nie tylko do wyprobowania swojej zagranicznej rodowitości kupna dóbr,

ale też wykonania przysięgi najjaśniejszemu Panu i Rzeczypospolitej obowiązało, tym zaś indygenom i innym nobilitowanym granice postępowania zamierzyło; że wielu z indygenów i nobilitowanych obowiązków przez prawo na siebie włożonych dotąd nie uiścili; więc aby nieuskutkujący ostrości prawa popadł JOO. JWW. Posłowie Stanom sejmującym przełożą. Gdy wyrazy tych praw mieszczanom, chłopom i Żydom dzierżenie za kontraktami dóbr wyraźnie zabroniły, a prywatne zyski, wbrew idąc onym, przestępstwa nieraz widocznemi czynią, żądamy tedy wstawienia się JOO. JWW. Posłów do sejmujących Stanów o napisanie prawa nie tylko kar na takowych ściągającego, ale utratę wdanej summy na dobra przepisującego, niemniej dawne żądania obywatelów względem powrotu Akt Lwowskich, pamięci JOO. JWW. Posłów Województwa naszego oddajemy.

Srogi przypadek, na osobach WW. Wyleżyńskich dopełniony, skłonił nas, iż my wszyscy obywatele pod miłością równości i wzajemnej ufności przyrzekamy sobie nie trzymać w usługach naszych poddanych, tylko rodowitę Szlachtę, prócz w liberyą przybranych i do ordynaryjnej usługi użytych. — Dawne ustanowienia pocztowe zapewniały obywatelów, iż tylko oddający poczcie expedycyą opłatę skarbowi czynił, odbierający zaś wolnym od niej zostawał; gdy teraz od kilku lat tak podający, jako i odbierający, równie opłacać się muszą, a stosownej do tego .expedycyi Stanów nie widzimy. raczą więc JOO. JWW. Posłowie Województwa naszego, za czyją uchwałą to znosić obowiązanemi jesteśmy, najjaśniejszej sejmującej Rzeczypospolitej przełożyć. Nie może Województwo nasze nie czuć najczulszej wdzięczności przeswietnej Kommissyi porządkowej, której pierwotne obwieszczenia, wczesne zapobiegi i doskonałe urządzenie uczyniwszy obywatelów na wiszącą klęskę ostrożnemi do uniknienia je skutecznych nie oszczędziły srodków, mężom tym pośrodka nas wybranym, a cnotą i chwalebnemi czynnościami znakomitym, za podjętą pracę czyniąc podziękowanie, by od tej do woli najjaśniejszych sejmujacych Stanów nie usuwali się, upraszamy. A gdy takowe prześwietnej Kommissyi porządkowej oświadczamy chęci, przepomnieć nie możemy tych obywatelów, którzy pracami swojemi znacznej dla tejże pomócy instrumentami stali się, W. Franciszkowi Racibórowskiemu, Starościcowi Ulanickiemu, za wzięty dla siebie

nie dadzą ci przyjść do tego punktu i takowych zamysłów dopełnić,» mówił, na ten czas od tegoż ojca swego groźno i takową odebrał odpowiedź: «Cyt i gotowego patrzaj!» a tak jasne wyznanie swoje chociaż stawiony w sądzie Jakim, syn Mielnika Czerniawskiego, razem z Kiryłem Pundykiem naocznie tak ojcu swemu, jako i Tymkowi Mielnikowi Kusznirowieckiemu i innym obydwa wymawiali, przecież jednak Tymko, Mielnik Kusznirowiecki, i inni, widząc, że i Wasyl, Mielnik Czerniawski, chociaż nie do każdego słowa, tak jak mu syn Kiryło wyraził, przyznał się, jednak równie jako pierwsi, u których Kiryło z wysłania siebie do nich od Mielnika z Czerniawy dla dowiedzenia się, jeżeli już są gotowi, znajdował się, i na takowym przekonaniu siebie widocznym nie przestawali, a dalsze także wyznania stawionych w sądzie swoim inkarceratów własne, jako to Andrucha Mochyrę, mielnika z Kumanowa, gdy się ten za miejscem dla siebie u mielnika we wsi Czabanach znajdował, i na ten czas z JMść X. Majowieckim, Parochem Czabańskim, na drodze tylko widział się, JXiądz Majowiecki, mając o nim wiadomość od Czabańskiego mielnika, że tenże Mohyra jest człowiek ubogi i za miejscem chodzi, najprzód tamże na drodze te do niego wyrzekłszy słowa: «Jabym dla ciebie, synku, znalazł robotę, tylko żebyś był pewny;» a gdy X. Majowieckiego tenże Mohyra zapytał: «Co by to za robota była?» JXdz Majowiecki wyrzekł dalej: «Niechaj no będzie czas na to», a potem później, zaraz gdy tenże Andruch Mohyra do domu swego powrócił i we młynie swoim własnym znajdował się, JX. Majowiecki, powracając z Satanowa z targu w tę porę, zastawszy onego we młynie, idąc do karczmy z onym, i przypominając mu przez siebie namienioną pierwej robotę, złotych dziesięć dawszy, a zabawiwszy się przy trunku z nim w karczmie, dopiero wywoławszy onego z karczmy, myśl swoją niegodziwą, względem rzezi Polaków i Żydów, otworzył, i onego tamże namówił, i kogo by jeszcze więcej tenże Mohyra mógł zebrać dla niego, upraszał, na którym to miejscu, jak tylko tenże Mohyra JX. Majowieckiemu sam być z nim w takowym związku przyrzekł, i onemu powiedział, że z nim razem w jednej chałupie mieszkający Dymytro, Marków zięć, i Dymytro, Marków syn, do tejże kompanii być mogą zdatni, tak zaraz po nich JX. Majowiecki onego posłał, którym przyprowadzonym podobnież myśl swoją JX. Majowiecki odkrywszy, i tychże, jako i Andrucha Mohyrę, do jedności z sobą skłoniwszy, i onym po złotych dziesięć

est zapisana. Z których xiąg i ten wypis pod pieczęcią Grodzką Łucka jest wydany i pisany w zamku Łuckim. *

(L. S.)

Lenkiewicz mp.

Vice-Regent Grodzki Łucki.

Legit cum inducta Podsędkowski mp.

Res. Inducta ad archivum act. Podeski mp.

---

* Этотъ актъ на штемпельной бумагѣ цѣной въ 1 гр., съ подписями и печатью приложенъ къ подлиннику, озаглавленному: «Uchwały sejmiku gospodarskiego Województwa Wołyńskiego, w mieście stołecznym J. K. Mści Łucku przez obywatelów Województwa tegoż uczynionej oblaty. Roku 1789, die 16 Julii, in castro Luceoriensi.»

Lit. P.

Wypis z protokołu dekretowego sądów kryminalnych Grodzkich Krzemienieckich.

Roku tysiąc siedmset ośmdziesiąt dziewiątego, miesiąca Junii piątego dnia.

Na affektacyą strony rekwirującej, niżej w komparycyi wyrażonej, dekret z pomienionego protokołu tenoris talis: Między urodzonym Augustynem Wojakowskim, Instygatorem Grodzkim Krzemienieckim, z urzędu czyniącym powodem oczewisto, a W. JX. Teodorem Wołszyńskim, Parochem ze wsi Hlibek, niemniej pracowitymi Petrem i Chwedkiem, Gumiennikami bracią, i Iśkiem Mielnikiem, ze wsi Hlibek poddanemi, niemniej pracowitymi Ilkiem Pasiecznika synem, Tymkiem Muzyką, Andruchem Basistą, Iśkiem Kiryjczukiem, Leśkiem synem Pasiecznika krawcem, Tymkiem Żurawlem, Gumiennym z dóbr wsi Indyk, poddanymi, jako też pracowitymi Mykitą Nahurnym z dóbr wsi Pilipów poddanym, stawionymi oczewisto. Sąd Grodzki Krzemieniecki, rozsądzając propozycyą od urodzonego Instygatora przeciwko stawionym inkarceratom, o ukaranie tychże Kryminalne za zmowność onych przeciwko Szlachcie i Żydom o bunt i nieżywienie tychże sprzysiężone, za branie od osób zagranicznych i rozdawanie na tenże bunt pieniędzy innym ludziom, i o inne tym podobne, w aktach Starościńskich Grodu tutejszego w zeznanej propozycyi umieszczone, pretensye, potrzebne być spisanie punktów przez stronę powodową przeciwko stawionym inkarceratom, w zarzutach onym poczynionych, końcem odebrania od tychże dobrowolnych wyznań i onych w sądzie swoim złożenia, a to natychmiast, uznaje. A poniewaz urodzony Instygator też punkta spisał i ręką swą podpisane w sądzie swoim złożył, prze to sąd dosyć uczynić wyrokom swoim onego odebrawszy do skonnotowania onych od stawionych, przystąpił.

Po odebraniu których, potrzebne być osobiste stawienie się pracowitego Iwana Diaka przeszłego Hlibeckiego, na gruncie znajdującego się, sąd uznaje, a ponieważ stawił się, przeto sąd i od tegoż podobne wyznania odebrawszy, po wysłuchaniu których i onych z poprzedniczemi, przez kommendę w Świętcu stojącą, jako i w mieście Bazalii w obecności obywatelów z powołanych o bunty, a teraz stawionych w sądzie więźniów odebranemi wyznaniami, zniesieniu i sprawdzeniu; ponieważ tak z wyznaniem dobrowolnego pracowitego Kiryła Pundyka po trzykrotnie, raz w mieście Bazalii, drugi raz w Warszawie, przed deputowanymi od Stanów Rzeczypospolitej do wybadywania powołanych o bunty, a trzeci raz teraz przed sądem swoim złożonego, i chocia ż w pomniejszych okolicznościach odmienność niejaką w opowiedzeniu swoim mającego, w większych atoli, a gruntowność wyznania stanowiących zgodnego, jako też z wyznania także dobrowolnego w Bazalii przez WJX. Teodora Wołszyńskiego, Parocha wsi Hlibek, uczynionego, jawnie okazuje się, iż tenże WJX. Teodor Wołszyński, Paroch Hlibecki, wszedłszy w niegodziwą zmowę do buntu i rzezi, celem najmowania i przekupowania do tej zbrodni podobnych sobie złoczyńców, złotych sto u pracowitego Chwedka Czornohuba, poddanego wsi Zapadyniec, wziął, i on różnym osobom stanu chłopskiego, jako to: Petrowi, Gumiennego synowi, starszemu poddannemu wsi Hlibek, w domu jego, z obowiązkiem na niego włożonym a przez niego przyjętym, na tenże bunt werbowania ludzi, dał pieniędzy, a Chwedkowi, bratu tegoż Petra, drugiego dnia przybyłemu do JX. Wołszyńskiego, dla poświecenia wody dla słabej matki, w domu swoim namówionemu, temuż złotych pięć, i Iśkowi Mielnikowi, z tejże wsi Hlibek na tenże niegodziwy zamiar, u pasiecznika Suchego w pasiece, jako i pierwszemu złotych pięć, a z dóbr wsi Indyk poddanym, Ilkowi, pasiecznika synowi, w mieście Mikołajowie, na święto Ruskie Teploho Ołexeja, na jarmarku, tąż samą myślą złotych pięć onemu ofiarował, a ten podobnie ż na tymże samym miejscu i od Petra, Gumiennego syna, z Hlibek, na tenże układ złotych cztery i groszy pięć przyjął, i za te pieniędzy owsa sobie na tymże jarmarku na mieście kupił, Tumkowi Muzyce i tkaczowi w tymże mieście Mikołajowie na święto inne Ruskie, na Błahowiszczenyje, na jarmarku u Żyda sukiennika w sklepie złotych pięć, a temu także Petro Gumiennik na tymże miejscu złotych cztery bez groszy dziesięciu zaofiarował, i Andruchowi Basiście JX. Wołszyński na tymże jarmar-

ku złotych siedm, za które sobie Andruch pół korca grochu kupił, na tenże koniec dał; Iśkowi Kiryjczykowi u mielnika w chałupie na Howorach złotych cztery; Łeśkowi, pasiecznika synowi, na Dębinie w chałupie ojca jego złotych pięć, i Tymkowi Żurawlowi gumiennemu w domu u tego, przybywszy do niego, ryby tej zimy z przyduchy kupować, złotych ośm, a na koniec i Mykicie Nahurnemu, z dóbr wsi Pilipów poddanemu, trzeciej niedzieli w Post Wielki wstąpiwszy, koło Czernielowieckiej karczmy zdybawszy się, złotych Polskich siedm, z wziętych od Czornohuba pieniędzy, udzielił, a zachęcając ich do dopełnienia niegodziwego zamiaru swego, onym porozdawał zadatki, a prawie przed każdym, iż wziął od Czornohuba na ten werbunek złotych sto, a przed innymi złotych siedm tysięcy, podmawiając do tego buntu, przy rozdawaniu pieniędzy (jak mu to każdy w wyznaniu swoim naocznie u kommendy dobrowolnie wyraził) szczycił się i tymże najbardziej przygotowania w spisy, w noże na samą Wielkanoc Polską zalecał, a bezbożność takowych zamysłów swoich i współeczników swych, chcąc poprzesiężonym pokryć sekretem, pracowitego Kiryła Pundyka do przysięgi na wierność w rznięciu Polaków i Żydów, oraz na dochowanie sekretu, w cerkwi swej Hlibeckiej, kazawszy wprzód Iwanowi, pod ten czas Diakowi onej rotę wypisać (jako tenże Diak, w sądzie stawiony, dobrowolnie onemu naocznie wyznał), przypuścić i onej go wysłuchać poważył się, nie wzdrygając się tak swiętokradzką przysięgą czci Boskiej poswięconych ołtarzów mazać i haubić. Co wszystko tenże JX. Teodor Wołszyński, Paroch Hlibecki, w wyznaniu swoim teraz u sądu przez siebie złożonym, zupełnie odpiera i w najmniejszym nie przyznaje punkcie, twierdząc pierwsze wyznania swoje, w Bazalii u kommendy i przed innemi obywatelami złożone, postrachem z widzenia bitych niemiłosiernie tamże ludzi, w celu przewiedzenia zarzutów, im uczynionych, na sobie być wymuszone, gdy jednak stawiony u sądu inkarcerat, pracowity Tymko Muzyka, poddany wsi Hlibek, naocznie mu wymawiał, że onemu w Mikołajowie na jarmarku roku teraźniejszego na Zwiastowanie Matki Boskiej, po Rusku Błahowiszczenie zwane, złotych pięć dał, i tenże Tymko Muzyka na tymże miejscu od Petra Humiennika z Hlibek złotych cztery bez groszy dziesięciu przyjął, obydwom naocznie wymówił, i Petro onemu, że dał, nie zaparł, oraz w obecności tegoż Tymka Muzyki temże JX. Wołszyński tamże przed ludzmi w Mikołajowie, że od pracowitego

Chwedka Czornohuba, poddanego wsi Zapadyniec, sto złotych Polskich na ten bez wątpienia niegodziwy zamysł wziął, rozpowiadał; niemniej stawiony także u sądu pracowity Iwan Diak ze wsi Hlibek zeznał, iż rotę przysięgi w tych wyrazach: «Prysiahaju Hospodu Bohu, wo Trojcy światoj jedynomu, i wsim Światym i Światytelu Mykołaju, i Światym werchownym Apostołom, Petru i Pawłu, jak doderżu toho», lubo bez wymowienia osoby i rzeczy, na ktorą miała być przysięga, bo to sam JX. Wołszyński przed Diakiem że napisze, mówił, na cwiartce papieru z wierzchu kilką wierszami Ruskim charakterem zapisanej, nie dając mu nawet czytać tego pisma Ruskiego, tenże X. Teodor Wołszyński napisać mu kazał, oraz i zaświadczenie na tejże kartce w tych także słowach: «jako złotych sto maje odebraty,» nie wyrażając, jakie pieniądze i kto one odebrać ma, sam podobnie ż resztę dopisać, do takowych wyrazów słów przed Diakiem oświadczywszy, pisać mu zlecił. A takowe wyznania stosowność z wyznaniem pracowitego Kiryła Pundyka mające, tegoż JX. Teodora Wołszyńskiego Parocha Hlibeckiego, tak o wzięcie pieniędzy złotych sto od Czornohuba na przekupowanie do buntu i rzezi, i rozdawanie onych tym celem pomiędzy pospólstwo, jako i o wysłuchanie w cerkwi Hlibeckiej pracowitego Kiryła Pundyka na wierność do buntu i rzezi, na dotrzymanie w tym sekretu, dostatecznie onego przekonywają. Prze to sąd, za wyżej określone przestępstwa wszystkie, JX. Teodora Wołszyńskiego, charakter onego niszczące, prawom Boskim i narodowym, oraz własnej naturze przeciwne z pogorszeniem innych duchownich i ludzi prostych, dopełnione, jako też i pracowitego Petra Gumiennika, jednymże duchem z JX. Teodorem Wołszyńskiem tchnącego, zabranie i rozdawanie innym na tenże bunt pieniędzy, niemniej za porywanie się przeciwko panom własnym na taki bunt i mieszanie spokojności wewnętrznej krajowej, gromiąc onych takowe niegodziwe układy, winnym obydwóch odebrania kar kryminalnych uznaje; a naprzód sądząc, aby JX. Teodor Wołszyński, Paroch Hlibecki, natychmiast przez komendę krajową do miasta Łucka do JW. Biskupa obrządku tegoż, czyli w niebytności do jego namiestniczej w tém władzy, podług praw duchownych, w takim przypadku napisanych, dla zdjęcia z niego poświęcenia, był odprowadzony, uznaje. A pozdjęciu poświęcenia z tegoż, ażeby tenże odbierajac wymiar sprawiedliwości dla siebie, na rynku miasta J. K. Mości Krzemieńca odprowadzony, na dniu trzydziestym pierw-

przed nim wyzna. Przed którym powtórnie przyzwanym mówił, że «wziąłem rubli dwieście. Có ż? Ja ubogi. Dawali mi Markietanie, to wziąłem, ale ludzi nie namawiałem, obiecywałem im ludzi tylko że trzystu zebrać, ale tó Marcin Drapaluk wziął rubli pięćdziesiąt. Powiadali mi, że im jakiś Ruski Hetman kazał to robić i że wszyscy Popi będą wolni, byle ludzi namówili, aby swoich Panów wyrznęli; że Moskwa ten kraj zabierzė i my wszyscy będziemy jedno.» Marcin Drapaluk obiecał ludzi cztérdzieści Markietanom w sposobie do rzezi. o Popach Łahodynieckim i Zapadynieckim, jak pierwej mówił, powjeść potwierdził. Na wzięte pieniądze podpisał się Markietanom, do przysięgi zaś nie był naglonym. Powiedział na tym regestrze, na którym podpisał się, że wiele było podpisów innych, przyznał. Wzięta razem Zofia Chraszczewska, żona tegoż Parocha, tamże na dniu siódmym tego czasu wyznała, że w jesieni u męża jej było dwóch Markietanów, którzy dali pieniędzy, na wiosnę także dwóch, częstowani bawili długo miodem i gorzałką, na ten czas do domu tegoż Parocha nadszedłszy Drapaluk, którego obaczywszy Markietan, rzekł do jej męża: «I ten nam podpisał się, daliśmy mu pieniądze,» ale Marcin, wystrzegając się jej, nic nie mówił; mówiącego Markietana słyszała, że: «Maesz, batku, sto rubli, a Martin od nas wziaw tylko troje te pieniądze»; że były w złocie, rublach i ćwiartkach dane, i do skrzynki przez jej schowane, widziała. A gdy mu Markietanie mówili, że trzeba przysiądz, albo podpisać ię, na to mąż jej odpowiedział, że: «Dosyć myni podpisaty sia, a pryrekaju, że dotrymaju Kapłańskim słowom.» Dalej pytana, czyli obiecywał mąż ludzi przybrać do tego, zę «nie uważala tego,» odpowiedziała, tylko jak nóż chcała kupować Markietanie mówili, że takich wiele ludziom zostawili, a ten, który kupiła, był ostry i, robiąc koło buraków, złamała go. A jak mówiła mężowi swemu o tym interesie, zawsze jej odpowiedział groźno: «Szczo do tebe nałeżyt, hlady swoho!» Wyznała i to, że ciż Markietanie przynosili do izby w pęcherzach proch, kule i szrót, lecz mąż jej nie chciał tego przyjąc wybtrzegajac się żony i mówiąc, że gdy będzie potrzeba, kupię sobie. Czas Markietanie naznaczali być w gotowości na Święta Wielkanocne, lub póżniej, od jej męża zagadnieni. Dodała i to w swojej opowiedzi, że, bawiąc się z sobą, z izby z dzieckiem ją odprawiali. Przystawieni potem do sądu, indagowany najprzód Xiądz Mateusz Chraszczewski wyznał w sądzie, że Markietanie dwa razy u niego byli, nocowali u Marcina Drapaluka; pierwszy raz byli

Wypis z protokołu dekretowego sądów Grodzkich Krzemienieckich.

Roku tysiac siedmset ośmdziesiąt dziewiątego, miesiąca Junii szóstego dnia.

Na affektacyą strony rekwirującej, niżej w komparycyi wyrażony dekret wspomienionego protokołu tenoris sequentis: Między urodzonym Augustynem Wojakowskim, Instygatorem sądowym Grodzkim Krzemienieckim, z urzędu czyniącym powodem oczywisto, a pracowitymi: Jakimem synem, Wasylem ojcem Mielnikiem wsi Czerniawy, Wasylem Diaczukiem, Fedkiem Goim, Tymkiem, krewnym Mielnika z Czerniany, z dóbr wsi Kosznirówki, Andruchem Mochyrą, Hryćkiem Marka synem, Dymytrem, Marka zięciem, z dóbr wsi Komanowa, Dymytrem Perebyjnosem, z dóbr wsi Krzywaczyniec, Andruchem Legajem, z dobr wsi Pótrykowiec, Chwedkiem Kryszczukiem, Chwedkiem Promkowym, z dóbr wsi Chonryniec, Dymytrem Łabanem tkaczem, z dóbr wsi Bachłaj, JMść X. Janem Majowieckim, Parochem wsi Czaban, i Iwanem Białousem, z dóbr wsi Tretelnik, stawionymi inkarceratami, sąd Grodzki Krzemieniecki, rozsądzając propozycyą od urodzonego Instygatora, przeciwko stawionym w sądzie inkarceratom ułożoną, potrzebne być spisanie punktów najpierwej przez tego urodzonego Instygatora przeciwko stawionym, końcem odebrania w sądzie swoim od tychże stawionych dobrowolnych konfessat, onych podpisania i w sądzie swoim złożenia. A ponieważ urodzony Instygator, dosyć czyniąc wyrokom sądu swego, też punkta spisał i ręką swą podpisane w sądzie swoim złożył, prze to sąd do odebrania i skonnotowania od stawionych dobrowolnych wyznań przystąpił, z których przeczytanych, tak na gruncie dóbr wsi Swięćca u kommendy czynionych z stawionych inkarceratów, jako też i w sądzie swoim odebranych wyznań, a wyznaniami pracowitego Kiryły Pundyka, po kilkokrotnie w różnych miejscach czynionemi, zniesionych, ponieważ z własnego wyznania Mielnika Wasyla pokazuje się, że w roku przeszłym 1788,

na wiosnę pracowity Wasyl Mielnik, ze wsi Czerniawy inkarcerat, wybierajac się w drogę do Brodów, w niedostatku pieniędzy, dla pożyczenia onych do pracowitego Steciuka Barwickiego, mieszczanina Bazalijskiego, udał się, i za powrotem z drogi do tegoż wstąpił, na ten czas jako znajomi sobie napijając się, pracowity Stęciuk Barwicki o sekretnych między chłopami spiskach na bunty, przeciwko Szlachcie i Żydom czynionych, onemu rozpowiadając, że i sam w tymże związku już jest obrany marszałkiem głosił, a mając zalecenie od podobnych złoczyńców zbierania takowychże buntowników, do podobnych że zamiarów i Wasyła Mielnika z Czerniawy za komendanta podmówiwszy, do domu swego Wasyl Mielnik pojechał, gdzie, krzątając się około gospodarstwa, jakiś czerniec Moskiewski do niego przybył, a zważając, że mu Wasyl Mielnik był rad i onego uczciwie przyjął, te słowa do niego wyrzekł: «Widzę, że jesteś poczciwym człowiekiem, i że masz do nas dosyć przychylności; nie omylę się zatym, gdy cię użyję do interesu, w którym wysłany jestem od swojej zwierzchności do Polski, a to chcemy, aby można jakim sposobem wygubić Polaków i Żydów, i jeżeli podejmiesz się na to, to ci i pieniędzy dla powiększenia sił dam», i na takowy zamiar złotych trzysta onemu wyliczył, których tenże Mielnik do wsi Hlibek poddanym, Oleksiukiem zwanym, Mikole i Andruchowi dwom po złotych dwa do wsi Kopaczówki, Olejnikowi złotych trzy, a do wsi Bubnówki Jaruścickowemy zięciowi, Dawidowego Semena synowi, konowała synom dwom, każdemu po rublu, jednym zadatki porozdawał, a resztę tych pieniędzy trzymające staw przez arendę panu własnemu oddał, w czasie której bytności tegoż czerca u Wasyla Mielnika, iż idzie z Kijowa i wszędzie w Polszcze, a za to wielką odbierze nadgrode, ponamawiawszy do tego zdatnych chłopów od zwierzchności swojej z wielką pieczęcią jakóweś pismo, a drugie na kształt listu załamane i zapieczętowane, jako przywilej na wszystko dyspensujący, ukazywał; który przez niedziel ośm u tegoż Mielnika leżąc, na potym przez Steciuka Barwickiego był odebrany, bawiąc zaś u tego Mielnika dobę calą tenże czerniec; wolność i nierobienie pańszczyzny od Moskwy, przez ośmiu wózkami Polesiem wysłanych na to czerców, ludziom zwiedzonym obiecował, i powracający nazad z Polesia z tymiż czercami na Czerniawę, dopiero broni wszelkiej, spis i nożów przywieźć oświadczał, i że takowa bezbożność rzezi na samych Konfederatów, a nie na panów własnych nastąpić miała w miesiącu Maju, rozgłaszał. Postać

zas swoją wzrostu wysokiego, z twarzy podługowatej, brody czarno zarastającej, w siermiędze podobnej jako Pilipońskie, a pod nią sułtannę mając, w trzewikach i pończochach, w czapce sukiennej okazował. Przyjąwszy na siebie takowy obowiązek Wasyl Mielnik z Czerniawy werbowania do siebie ludzi, nie tylko wszyscy wyrażonym osobom w dobrach i wsiach wyżej rzeczonych zadatki dawali, i w samej wsi Czerniawej pracowitemu Michałowi Kuternodze złotych pięć i Petrowi Krussunowi złotych ośm udzielił, a chcąc pomnożyć kommendę swoją przybyłemu także do młyna w Czerniawie po Bożym Narodzeniu Ruskim, pracowitemu Wasylowi Dziaczkowi, z dóbr wsi Kosznirówki, namówionemu, rozpowiedziawszy wprzód bytność i myśl czerca pomienionego, z jakowym pismem u niego znajdował się, wiele już ma zwerbowanych na to ludzi, i jako czerwonych złotych pięćdziesiąt od tegoż czerca na takową bezbożność przyjął, szczycił się, a przez usta tegoż Wasyla Dziaczka mając zachwalonego w tejże wsi Kusznirówce do takowejże czynności Chwedka Goja, tak na siebie, jako i na osobę tegoż Goja, dwa ruble od Wasyla Mielnika przyjął, i za widzeniem się temuż Gojowi wszystko podobnież odkrył, który, dociekając w tym prawdy, lubo do wsi Czerniawy do tegoż Mielnika chodził, jednak w domu onego nie zastawszy, powróciwszy od tegoż Wasyla Dziaczka, wziętego na siebie od Wasyla Mielnika rubla odebrał, a Tymko Mielnik z dóbr wsi Koszpierówki, Wasyla Mielnika z Czerniawy krewny, przyszedłszy raz do Wasyla Mielnika z Czerniawy, dla pożyczenia naczynia, potrzebnego do poprawy kamienia, prosić, od tego natenczas, jako i dawniej, podmawiany do buntu, przyjąwszy od tegoż Czerniawskiego Mielnika rubla, łączyć się razem z onym do wyrznięcia Polaków i Żydów na samą Wielkanoc Polską nie odmówił, i najpierwej od panów własnych zacząć, z tymżę Mielnikiem ułożyli się, o broni wszelkiej, do takowej niegodziwości, że ta w pasiece u pracowitego Steciuka Barwickiego, mieszczanina Bazylijskiego, za Słuczą ukryta znajduje się, obydwa rozmawiali, i kiedy raz Wasyl Mielnik Czerniawski i Tymko Mielnik Kosznirowiecki, krewny jego, z przybyłym do nich Kiryłem Pundykiem, w Czerniawie w karczmie napijali się, i tak w karczmie, jako i przyszedłszy do domu, wprzódy po cichu, a potem głośniej mówić o rzezi rozpoczęli, a Jakim, syn najstarszy Mielnika Czerniawskiego, nadszedłszy do chałupy, usłyszał i ojcu temi słowy: «Ej, ojcze, nie bierz się do tego; bo ci się to nie uda; widzisz, że sie wszędzie wojska rozsypały.

nie dadzą ci przyjść do tego punktu i takowych zamysłów dopełnić,» mówił, na ten czas od tegoż ojca swego groźno i takową odebrał odpowiedź: «Cyt i gotowego patrzaj!» a tak jasne wyznanie swoje chociaż stawiony w sądzie Jakim, syn Mielnika Czerniawskiego, razem z Kiryłem Pundykiem naocznie tak ojcu swemu, jako i Tymkowi Mielnikowi Kusznirowieckiemu i innym obydwa wymawiali, przecież jednak Tymko, Mielnik Kusznirowiecki, i inni, widząc, że i Wasyl, Mielnik Czerniawski, chociaż nie do każdego słowa, tak jak mu syn Kiryło wyraził, przyznał się, jednak równie jako pierwsi, u których Kiryło z wysłania siebie do nich od Mielnika z Czerniawy dla dowiedzenia się, jeżeli już są gotowi, znajdował się, i na takowym przekonaniu siebie widocznym nie przestawali, a dalsze także wyznania stawionych w sądzie swoim inkarceratów własne, jako to Andrucha Mochyrę, mielnika z Kumanowa, gdy się ten za miejscem dla siebie u mielnika we wsi Czabanach znajdował, i na ten czas z JMść X. Majowieckim, Parochem Czabańskim, na drodze tylko widział się, JXiądz Majowiecki, mając o nim wiadomość od Czabańskiego mielnika, że tenże Mohyra jest człowiek ubogi i za miejscem chodzi, najprzód tamże na drodze te do niego wyrzekłszy słowa: «Jabym dla ciebie, synku, znalazł robotę, tylko żebyś był pewny;» a gdy X. Majowieckiego tenże Mohyra zapytał: «Co by to za robota była?» JXdz Majowiecki wyrzekł dalej: «Niechaj no będzie czas na to», a potem później, zaraz gdy tenże Andruch Mohyra do domu swego powrócił i we młynie swoim własnym znajdował się, JX. Majowiecki, powracając z Satanowa z targu w tę porę, zastawszy onego we młynie, idąc do karczmy z onym, i przypominając mu przez siebie namienioną pierwej robotę, złotych dziesięć dawszy, a zabawiwszy się przy trunku z nim w karczmie, dopiero wywoławszy onego z karczmy, myśl swoją niegodziwą, względem rzezi Polaków i Żydów, otworzył, i onego tamże namówił, i kogo by jeszcze więcej tenże Móhyra mógł zebrać dla niego, upraszał, na którym to miejscu, jak tylko tenże Mohyra JX. Majowieckiemu sam być z nim w takowym związku przyrzekł, i onemu powiedział, że z nim razem w jednej chałupie mieszkający Dymytro, Marków zięć, i Dymytro, Marków syn, do tejże kompanii być mogą zdatni, tak zaraz po nich JX. Majowiecki onego posłał, którym przyprowadzonym podobnież myśl swoją JX. Majowiecki odkrywszy, i tychże, jako i Andrucha Mohyrę, do jedności z sobą skłoniwszy, i onym po złotych dziesięć

podawał, a potem do domu onych własnego przyszedłszy, dla tém większej pewności i ugruntowania w nich bezbożnych zamiarów, na wierność i dotrzymanie tego, co mu przyrzekli, przysięgi onych wysłuchał; a z powracającym także z Felsztyńskiego jarmarku z Dymitrem Perebijnosem gdy tenże JX. Majowiecki, Paroch Czabański, na drodze zdybał się, po rozmówieniu się z nim, zkąd i co jest za człowiek, i onego do swojej kommendy namówiwszy, dawszy mu także, jako i pierwszym, złotych dziesięć, tamże onemu ż na drodze kazawszy na krzyż złożyć palce i jego na podobną ż rotkę przysięgi wysłuchał, i dobywszy regestru z kieszeni, onego sobie zapisał, a jako także Andruch Mohyra, Hryćko, Marków syn, i Hryćko, Marków zięć, równie jako i on do niego należą, przed tymże Perebijnosem powiedział, a powiększając kompanią tak niegodziwą swoją tenże JX. Majowiecki, gdy z tymiż ludźmi w domu swoim napijał się, a do niego Andruch Legaj, z dóbr wsi Petrykowiec, nadeszedł, i temu równie, jako i innym, do siebie namówionemu, w tę porę złotych dziesięć zaofiarował, i pieniądze iże na to ma od markietanów chwalił się,. Chwedko Kryszczuk, ż dóbr wsi Chominiec, chociaż zdybawszy się raz na drodze z JX. Majowieckim, na podmowę do buntu nie przystał, gdy jednak potem na chrzcinach u Dymytrowego syna żony on widział się, i ten go podmawiając, na siebie ten grzech przyjął, uwiedziony perswazyami, jako inni równie, chociaż pieniędzy nie wziął, jednak do niego przystał. Fedko Promków z Chominiec, Iwan Białous z Tretelnik i Dymitro tkacz Łaban z Bachłaj, równie jako i pierwsi, z podmowy tegoż JX. Majowieckiego, do niego poprzystawawszy i pieniądze od niego na to pobrawszy, w takowy ż buntowniczy regestr wpisać się onemu po różnych miejscach, to w domu jego własnym, to w karczmie, dopuścili. A po tak jasnych i gruntownych wyznaniach więźnia z opowiedzeniem Kiryły po trzykrotnym zniesionych i naocznie, z każdym sprowadzonych, lubo JX. Majowiecki, Paroch Czabański, na wszystkie przewinienia z osoby swej w sądzie swoim zapiera się i w niczem przekonany być nie chce, gdy jednak wyznania wszystkich na niego inkarceratów stosownie do wyznania i opowiedzenia Kiryły przez wszystkie okoliczności i indycya rzeczy przez sąd swój zważane i dochodzone i naoczności Kiryły po dwakrotnie w domu JX. Majowieckiego z kartą od miernika z Czerniawy obchodzącego, i od tegoż po różnych wsiach, w których wyżej wyrażonych ludzi miał

już JX. Majowiecki ponamawianych będącego, rzetelne i sprawiedliwe widzieć się dają, a nad to takiż z dobrowolnego wyznania pracowitego Andrzeja Bednarza, z dóbr wsi Geletyniec, JW. Stadnickiego, orderu Sw. Stanisława Kawalera, dziedzicznych, w Województwie Podolskim leżących, do kommissyi porządkowej Województwa tęgoż do Kamieńca przystawionego, na dniu jeszcze 25 miesiąca Kwietnia, przez tąż Kommissyą odebranego, w sądzie swoim złożonego, pokazało się, tenże Bednarz wprzód na gruncie, w przytomności wielu osób, przy wyznaniu jego będących, a potem w tejże Kommissyi stawiony, że on wraz z innymi od markietanów Moskiewskich do tegoż buntu namowionymi ludźmi, do kommendy Popa Czabańskiego należeć miał; prze to sąd, oddając wymiar sprawiedliwości każdemu z więźniów, winnymi być odebrania kary śmierci pracowitych Wasyla Mielnika, z dóbr wsi Czerniawy, Tymka Mielniką, z dóbr wsi Koszniröwki, JX. Majowieckiego, Parocha Czabańskiego, Andrucha Mohyrę mielnika, Hryćka, Markowego syna, Dymytra, Markowego zięcia, z dóbr wsi Komanowa, i Dymytra Perebyjnosa, z dóbr wsi Krzywaczyniec, za wyżej dotknięte w edukcie wyznań onych przestępstwa i przewinienia uznaje, sądząc, ażeby Wasyl Mielnik z Czerniawy i Tymko Mielnik z Koszniröwki, niegodziwych zamysłów Wasyla Mielnika wspolniki, za burzenie spokojności krajowej i porywanie się przeciwko własnym panom i usiłowanie koniecznie nieżywienie Szlachty i Żydow, przeciwko prawom Boskim i narodowym wykraczający, na rynku miasta J. K. Mści Krzemieńca przez mistrza sprawiedliwości zostali ścięci. Głowa Mielnika z Czerniawy na polu przez tydzień pozostać ma przy szubienicy. A JX. Majowiecki, Paroch Czabański, wprzód przez kommendę krajową do miasta Łucka do JW. Biskupa orbządku tegoż, podług duchownych praw, po degradacyą był odprowadzony uznaje, a po zdjęciu poświęcenia z tegoż aby podobnież i ten, za takowy zły przykład, duchownym z siebie, z pogorszeniem ludu prostego dany, i wyżej dotknięte przestępstwa przykazań Bożych i przewinienia swoje, na rynku miasta J. K. Mści Krzemieńca, na dniu 31 Julii, roku teraźniejszego, powrócony, był ścięty, nakazuje. A pracowici, Andruch Mohyra, Hrycko, Marka syn, Dymytro Markow zięć, z dóbr wsi Komanowa, i Dymytro Perebijnos, z dóbr wsi Krzywaczyniec, za podobne przestępstwa swoje i wykonanie przysięgi przed JX. Majowieckim, Parochem Czabańskim, przez mistrza tegoż sprawiedliwości w mieście J. K.

Mści Krzemieńcu na szubienciach, z obydwóch stron miasta, byli powieszeni, i na tychże przez tydzień wisieli, sądzi, i exekucyą tychże do sądu Wojtowskiego Ławniczego miasta J. K. Mści Krzemieńca odsyła, a to natychmiast. Ponieważ zaś pracowici: Wasyl Dziaczek i Fedko Goj, z dóbr wsi Kosznirówki, Andruch Legaj, z dóbr wsi Petrykowiec, Fedko Promków, z dóbr wsi Chominiec, Iwan Białous, z dóbr wsi Tretelnik, i Dymytro tkacz Łaban, z dóbr wsi Buchłaj, podmowieni na takoż zły i niegodziwy zamiar, od Wasyla Mielnika pieniądze brać poważyli się, lubo i ci równego ukarania zasłużyli, końcem jednak poprawy dalszego życia ich, sąd onych do fortecy miasta Kamieńca Podolskiego do więzienia do taezek na lat trzy każdego odsyła, a po takowej odebranej przez tychze karze sąd onych dopiero z więzienia wolnymi mieć chce. Że zaś i pracowity Fedko Kryszczuk z dóbr wsi Chominiec, z własnego wyznania być winnym, jako wyzej jest opisąno, okazał sie, prze to podleglego być karze cielesnej uznaje, sądząc, aby ten na rynku miasta J. K. Mści Krzemieńca pod pręgierzem łóz sto przez sluge miejskiego odebral, a pracowity Jakim, Wasyla Mielnika syn, ponieważ tylko ojcu swemu, z Tymkiem Mielnikiem z Kosznirówki na bunty uklad czyniącym, perswadowal i onych od złych zamyslów odwodził, prze to sąd tegoż i w odebranej karze Fedka Kryszczuka natychmiast wolnymi być deklaruje. Pod pieczęcią Grodzką Krzemieniecką wydaje sie. L. S. Correxi Turowski mp.

Legit cym protocollo Korytowski mp.

Wypis z protokołu dekretowego sądów Grodzkich Krzemienieckich.

Roku tysiąc siedmset ośmdziesiąt dziewiątego, miesiąca Junii dwu nastego dnia.

Na affektacyą strony rekwirującej, niżej w komparycyi wyrażonej, dekret wspomnionego protokołu tenoris talis: Między urodzonym Augustynem Wojakowskim, Instygatorem Grodzkim Krzemienieckim, z urzędu czyniącym powodem oczewisto, a W. Imci Xiędzem Mateuszem Chraszczewskim, Parochem wsi Dederkał Nizszych, i Zofią Chraszczewską, małżonką tegoż, tudzież pracowitymi Marcinem Drapalukiem, Stefanem Kondratiukiem, Hryckiem, Maxyma Kotyka synem, i Maxymem Mielnikiem, a dawniej Diakiem będącym, jednymi obwinionymi, a drugimi na świadectwo stawionymi, inkarceratami, Sąd Grodzki Krzemieniecki, rozsądzając propozycyą od urodzonego Instygatora, jako to, przeciwko Imci Xiędzu Chraszczewskiemu Parochowi i Marcinowi Drapalukowi poddanemu wsi Dederkał Małych, o ukaranie kryminalne za wzięcie od Markietanów Moskiewskich pieniędzy, za wzniecenie buntu w pospólstwie przeciwko Panom własnym, Szlachcie i Żydom, na nieżywienie onych branych, a zaś przeciwko Zofii Chraszczewskiej, żonie Imci Xiędza Parocha Dederkalskiego, i pracowitym Stefanowi Kondratiukowi, Hryckowi, Maxyma Kotyka synowi, i Maxymowi Mielnikowi, a dawniej Diakiem będącemu, o złożenie dobrowolnych wyznań przeciwko stawionym w sądzie swoim inkarceratom, i o inne tąż propozycyą objęte pretensye do sądu swego wyniesione, potrzebne być, najpierwej spisanie przez urodzonego Instygatora przeciwko stawionym punktów, końcem odebrania dobrowolnych od tychże wyznań, onych podpisania i w sądzie swoim złożenia, uznaje, a to natychmiast. A ponieważ taż strona, dosyć czyniąc wyrokowi sądu swego, też punkta spisała i podpisane w sądzie swoim złożyła, prze to Sąd dosyć uczynić tęż stronę,

odebrawsy, do skonnotowania takowych wyznań przystąpił. Po odebraniu których, z okoliczności sprawy teraźniejszej wypływających, portzebne być osobiste stawienie się Jacka Chraszczewskiego, WW. OO. Bazylianów klasztoru Zahajewskiego zakonnika, w sądzie swoim uznaje, a to natychmiast. A ponieważ stawił się, prze to Sąd dosyć uczynić i w tym punkcie onego odebrąwszy i wyznania tegoż naoczne z JX. Chraszczewskim inkerceratem snonnotowawszy, do czytania onych zabrał się. Z których przeczytanych tak na gruncie wsi Zahorzec, jako i przez swój wyprowadzonych i wysłuchanych dobrowolnych stawionych wyznań, gdy Sądowi daje się wiedzieć, że WX. Mateusz Chraszczewski, Paroch Dederkał Nizszych, z zakłócenia się z Maxymem Mielnikiem Diakiem od tegoż w kłótni że był nazwany hajdamaką, zostawszy przez milicyantów Powiatowych w parafi Jampolskich spokojność pod bacznością W. Joachima Denyska, J. K Mości Szambelana, przestrzegających, wziętym wraz z Zofią Chraszczewską, żoną onego, jako i innymi, do wsi Zahorzec tegoż W Denyska przywiezionym, tamże zaraz w przytomności wielu indagowany, na dniu trzecim miesiąca Czerwca teraźniejszego roku wyznał tylko, że Markietanie Moskiewscy w Pilipówkę u pracowitego Marcina Drapaluka, poddanego Dederkalskiego, nocowali i wieczorem u tego Parocha z kramem byli, u których kupił chustek dwie i pestry dla dziéwki, o niczem nie mówili, i więcej we wsi onych nie widział, a przypomniawszy sobie dalej indagowany, że i drugi raz Markietanie byli, ale ich dziéwka, mówiąc, iż Paroch już kupił chustki pestrę, odprawiła. Opowiedział pytany znowu na dniu czwartym tegoż miesiąca, ponowił to, że powtórnie byli Markietanie; a czemu by zaraz tego nie mówił? odpowiedział, że zaląkł się, ale aby przyszedł do niego Paroch Zahorecki, wszystko przez niego doniesie oświadczył. Jakoż natychmiast przed przywołanym Xiędzem Szymonem Jakubowiczem Zahoreckim wyjawił: «Buły u mene Markitany, i prawda, szczo mene namawlały, szczoby rizaty Lachow i Żydow, i dawały myni dwistie zołotych, ałe ja nechotiw braty hroszy, i kazawem, szczo toho ne zroblu, szczobym maw rizaty Lachow: bólsze niczeho-'ne znaju.» Nocowali u Marcina Drapaluka, i to mówił, iż przed nim powidali, że dali Drapalukowi rubli pięćdziesiąt, a Popi Łahodyniecki i Zapadyniecki że podjęli się im ludzi zebrać, i na to wzięli po rubli dwieście. Na dniu piątym tego miesiąca jeszcze więcej więcej wię a bałamuci; żądał, aby znowu Kapłan Zahorecki przyszedł, a

przed nim wyzna. Przed którym powtórnie przyzwanym mówił, że «wziąłem rubli dwieście. Có ż? Ja ubogi. Dawali mi Markietanie, to wziąłem, ale ludzi nie namawiałem, obiecywałem im ludzi tylko ze trzystu zebrać, ale tó Marcin Drapaluk wziął rubli pięćdziesiąt. Powiadali mi, że im jakiś Ruski Hetman kazał to robić i że wszyscy Popi będą wolni, byle ludzi namówili, aby swoich Panów wyrznęli; że Moskwa ten kraj zabierzė i my wszyscy będziemy jedno.» Marcin Drapaluk obiecał ludzi cztérdzieści Markietanom w sposobie do rzezi. o Popach Łahodynieckim i Zapadynieckim, jak pierwej mówił, powjeść potwierdził. Na wzięte pieniądze podpisał się Markietanom, do przysięgi zaś nie był naglonym. Powiedział na tym regestrze, na którym podpisał się, że wiele było podpisów innych, przyznał. Wzięta razem Zofia Chraszczewska, żona tegoż Parocha, tamże na dniu siódmym tego czasu wyznała, że w jesieni u męża jej było dwóch Markietanów, którzy dali pieniędzy, na wiosnę także dwóch, częstowani bawili długo miodem i gorzałką, na ten czas do domu tegoż Parocha nadszedłszy Drapaluk, którego obaczywszy Markietan, rzekł do jej męża: «I ten nam podpisał się, daliśmy mu pieniądze,» ale Marcin, wystrzegając się jej, nic nie mówił; mówiącego Markietana słyszała, że: «Maesz, batku, sto rubli, a Martin od nas wziaw tylko troje te pieniądze»; że były w złocie, rublach i ćwiartkach dane, i do skrzynki przez jej schowane, widziała. A gdy mu Markietanie mówili, że trzeba przysiądz, albo podpisać ię, na to mąż jej odpowiedział, że: «Dosyć myni podpisaty sia, a pryrekaju, że dotrymaju Kapłańskim słowom.» Dalej pytana, czyli obiecywał mąż ludzi przybrać do tego, zę «nie uważala tego,» odpowiedziała, tylko jak nóż chcała kupować Markietanie mówili, że takich wiele ludziom zostawili, a ten, który kupiła, był ostry i, robiąc koło buraków, złamała go. A jak mówiła mężowi swemu o tym interesie, zawsze jej odpowiedział groźno: «Szczo do tebe należyt, hlady swoho!» Wyznała i to, że ciż Markietanie przynosili do izby w pęcherzach proch, kule i szrót, lecz mąż jej nie chciał tego przyjąc wybtrzegajac się żony i mówiąc, że gdy będzie potrzeba, kupię sobie. Czas Markietanie naznaczali być w gotowości na Święta Wielkanocne, lub później, od jej męża zagadnieni. Dodała i to w swojej opowiedzi, że, bawiąc się z sobą, z izby z dzieckiem ją odprawiali. Przystawieni potem do sądu, indagowany najprzód Xiądz Mateusz Chraszczewski wyznał w sądzie, że Markietanie dwa razy u niego byli, nocowali u Marcina Drapaluka; pierwszy raz byli

u niego, u których kupił chustkę, pestrę i cycu na spodnicę; na dopłacenie tego kupna pożyczył u swej dziéwki złotych siedm; a drugi raz gdy byli, tylko pestrę obaczył na stole rozwinioną; gdy mu się zdała drogą, nie kupił, nic z nimi nie mówił o niczym, wyznał, a co mówił w Zahorcach, że obietnicą uwolnienia siebie z detencyi, tamże przyznawał. Opowiedział, to nie było w Sądzie, zaparł się. Stawiona zaś Zofia Chrászczewska, żona onego, w sądzie swym opowiedziała, że jak nocowało trzech Markietanów w Dederkałach u Marcina Drapaluka, jeden przyszedł do domu Parocha, jej męża, z chustkami i innym towarem, na ten czas sama za piecem siedziała, kądziel przędła, a dziéwka także służąca za piecem w kącie spała, uważała miejscem między piecem a kominem niezabudowanem, że mąż jej u tegoż Markietana chustek dwie i cycu na spodnicę kupił, a gdy tenże Markietan dobył chustek jedwabnych i mówił onemu, aby kupił, Paroch odpowiedział, że na zapłacenie takich chustek nie ma pieniędzy. Rzekł mu na ten czas Markietan: «Kiedy nie masz, ja ci dam więcej, jak na chustki potrzeba.» Zapytał się jej mąż, za có ż ty mnie dasz,« a Markietan mówił: «Za to, abyś do nas przystał na bunt rznąć Lachów i Żydów;» nie słysząc więcej, co z sobą po cichu gadali, uważając tylko nieznacznie z za pieca, widziała, że Markietan dostał worka i mężowi jej na stole odrachował rubli sto pieniędzmi różnymi, które pieniądze mąż jej do skrzynki schowawszy, poszedł do alkierza, wziął kałamarz z półki i papier, czyli na nim co pisał, czyli przysiągł, wiedzieć nie można. Nadszedł potem Marcin Drapaluk do izby, a postrzegłszy siedzącą za piecem Parocha żonę, nie mając co innego mówić, słyszała, że do jej męża powiedział: «Jak teje bude sino?» Lecz Markietan zaraz do jej męża mówił: «Ot i toj czołowik prystał do nas i wziaw hroszi tolko troje, szczo ty,» obróciwszy się do Drapaluka tenże Markietan rzekł do niego: «Hlady ż, czy budesz ty bespeczen!» Na co Drapaluk odpowiedział: «Wszak już się raz howoryło,» a wystrzegając się więcej mówić przy tejże, poszedł z chałupy, a mąż jej, wziąwszy flaszkę z gorzałką ze skrzyni, którą miał od brata swego Bazyliana, tegoż Markietana częstował i jeść onemu dać kazał, a tak, zszedłszy z za pieca tegoż Parocha żona, postawiła na stole barszczu i pencaku, który zjadłszy, do jej męża mówił, aby na wiosnę był gotowym, i wyszedszy do sieni, chciał przynieść kosz z nożami, ale mąż jej nie kazał nieść do izby, tylko, wyszedłszy za nim na podwórze

jeden, nóż do izby przyniósł, w biały kościany trzonek oprawiony, ten nóż kiedy dziewka robiąc koło buraków złamała, i z rozkazu tejże Zofii Chraszczewskiej w śnieg zarzucony został. Dalej wyznała, że za pieniądze, wzięte u Markietana, mąż jej kupił konia, kożuch, suknią wierzchnią sobie sprawił, bekiesze żonie sporządził, a gdy się pytała później, gdzie tych resztę pieniędzy obrócił, powiedział jej, że swemu bratu, Bazylianowi z Zahajec, rubli trzydzieści pożyczył. Zgodziła się powieść z mężem i w tem, że drugi raz Markietan w Wielkim Poście inny był w domu u nich z pestrą, o którą gdy mąż jej nie mógł się zgodzić, wyszedł Markietan z chałupy, a za nim jej mąż, i na podwórzu z sobą gadali, lecz co? nie wiem; że Xiądz Bazylian z Zahajec, brat jej meża, często bywał w ich domu, i do cerkwi tylko oba chodzili, jak mąż jej powiadał, dla spowiedzi, wyznała. Wezwany Marcin Drapaluk przyznanie Parocha i jego żony, że Markietanie, idąc do Dubna, tygodniem przed Bożym Narodzeniem, we wsi Dederkałach byli, trzech u niego nocowali, u tych chustek dwie, dawszy za jedną złotych cztéry groszy 15, za drugą złotych dwa, kupił, i Hrycko, Maxyma Kotyka syn, na ten, czas odebrawszy złoty sobie winny od Drapaluka, nożyk składany dla siebie od tychże Markietanów zapłacił, potwierdził. A w ten czas, kiedy ci Markietanie u Popa byli, on nie był, pieniędzy od nich nie brał, o buntach z nimi nie mówił, zaparł się. A Hrycko, Maxyma Kotyka syn, że na ten czas, kiedy Markietanie nocowali u Drapaluka tam, że przyszedłszy po dług sobie winny, zastał w izbie Jakuba, zięcia Marcina, i Dembka, jego najemnika, a samego Marcina na piecu leżącego, gdzie Markietanie kram swój rozłożywszy, tenże Hrycko odebrawszy złoty od Marcina Drapaluka, od tychże nożyk mały dla siebie kupił, i zaraz z tamtąd odszedł. Podobnie zgadzają się w tem Stepan Kondratiuk, Maxym Mielniczuk Diak, przyznali, że Markietanie we wsi Dederkałach po dwa razy byli, po wsi chustki i pestrę roznosili, Paroch u onych, jako wyżej, chustki, pestrę i cycę pokupował, słyszeli. Po takowych z stawionych odebranych dobrowolnych wyznaniach, WX. Mateusz Chraszczewski, Paroch Dederkał, pod strażą będący, gdy, za prośbą komendy, do sądu swego oświadczając prawdę opowiedzieć, został powtórnie przystawionym, wyznał, że był u niego Markietan, u którego kupił chustki, prosił dla konia o owies, dał dwa pierścionki dziewce, za to Xiądz Mateusz Chraszczewski Paroch Dederkał, poszedł z nim na humnó, dał mu łamiankę

owsa przy swym parobku, a gdy się parobek oddalił dać bydłu, poszedł Markietan z tym że Parochem do stodoły i, wyjąwszy worek z pieniądzmi, dał mu złotych dwieście w złocie, rublach i sorokowcach, mówiąc onemu, aby ludzi dziesięciu zwerbował do rzezi Lachów i Żydów. Te pieniądze wziąwszy tenże Paroch, dla pewności, złożywszy na krzyż obydwóch rąk palce, jak powiada, tak przysiągł przed tymże Markietanem: «Prysiahaju Hospodu Bohu, w Trojci światoj Jedynomu, jako za tyi hroszi ludej desiat do buntu zwerbuju.» Po takiej umowie odjechawszy od niego Markietan, te pieniądze wzięte w stodole w słomę schował, tam byli przez noc, dopiero nazajutrz przyniosł je do chałupy i do skrzynki schował, poźniej za nie konia za złotych 60, kożuch za złotych 27 kupił, za suknią wierzchnią złotych 25 gr. 20, za przerobienie sukni starej 10 złotych i gr. 18 zapłacił. A przysięgając przed Markietanem, miał inną myśl, i tylko dla tego przysięgal, żeby wziął pieniądze i jako ubogi i potrzebny, w swoim wyznaniu dodał. Znowu przerwawszy dalsze swoje opowiadanie, stojąc w Sądzie, wszystkiego żaparł się, i że to, co mówił pierwiej, nadzieją uwolnienia siebie z detencyi wyznawał, bo tak mu żołnierz pilnujący go mówił. Oświadczył naostatek do żony własnej wyznania, gdy mu co na oczy powie, odwołał się. Jakoż przyprowadzona Zofia Chraszczewska żona onego, gdy mu naocznie to wszystko co pierwiej w Sądzie opowiedziała, wymówiła, aby sam się nie tail, męża swego reflektowala, mówiąc do niego: «Że to prawda, skażyte, ne zaperajte sie!» Tenże Xiądz Chraszczewski przyznał się, że tak było wszystko, jak żona mówi, odmieniając w tem tylko jej powieść, że nie sto rubli, ale złotych dwieście od Markietana, że na regestrze nie podpisywał się dla tego, że w kałamarzu nie było atramentu, ale że przysiągł przed Piliponem, co był u niego, złożywszy palce na krzyż, jako wyżej wyznał. Bratu swemu Bazylianowi 30 rubli nie pożyczał, bekieszę żonie, że dawniej sprawiona i nie za te pieniądze, w oczy onej wymówił, przecież żona onego czas sprawienia tejże jeden, jak i pierwiej, onemu przypominała, i po takowym naocznym z żoną rozhoworze, gdy taż żona z nakazu od Sądu wyjść miąla, tenże Xiądz Chraszczewski Sądowi kłaniać się zaczał, prosząc, aby mu życia nie odbierać, bo nie miał myśli ludzi najmywać na bunt, tylko z ubóstwa i potrzeby pieniądze wziął. Do tego stawiony Xiądz Jacek Chraszczewski, Bazy-

lian Zahajecki, brat tegoż Parocha Dederkałskiego, że bywał w Dederkałach dla spowiedzi wzajemnie z swoim bratem, nie wyznał, aby od swego brata rubli 30 pożyczył, owszem że brat onemu danych złotych kilkadziesiąt na wyświęcenie się winnym został, i że o wziętych pieniądzach od Markietana nigdy onemu nie zwierzył się, tłumaczył się. Prze to Sąd, uważając, chociaż kilkokrotne, odmienne X. Mateusza Chraszczewskiego Parocha Dederkałskiego, przyznanie się, żadną, jednak, groźbą kary nie wymuszone, a przez żonę onego o dobrym pożyciu między sobą od czasu zaczętego małżeństwa Sądowi swemu z dościgania, a to tak przez męża, jako i żonę opowiedzianą dosyć jaśnie, gdy naocznie wyżej opisany postępek okazuje się, gromiąc zamysł tegoż Xiędza Mateusza Chraszczewskiego, Parocha Dederkałskiego, i podjęcie się werbowania ludzi do rzezi prawu Boskiemu sprzeciwiające się, branie na to pieniędzy, skutek wykonania przysięgi nieprzyzwoitej przed Markietanem stanowi duchownemu na zgorszenie ludu sobie powierzonego do uczenia zachowania przykazań Bokich nieprzyzwoite i do niespokojności krajowej zamiar mające, tegoż Xiędza Mateusza Chraszczewskiego, Parocha Dederkałskiego, winnym być kar kryminalnych wynajduje, aby tenże przez mistrza sprawiedliwości na rynku miasta J. K. Mści Krzemieńca, po degradowaniu onegoż przez JW. Imci Xiędza Biskupa Łuckięgo, pod którego zostaje zwierzchnością, i uwolnieniu tegoż od obrządków Parocha, na dniu trzydziestym pierwszym miesiąca Lipca w roku teraźniejszym, miał głowę uciętą, sądzi, i dla dopełnienia wyroku swego aby urząd wójtowski i ławniczy miasta J. K. Mości Krzemieńca exekucyą tegoż dopelnil, nakazuje. A że i Marcin Drapaluk z powyższych wyznań tak Xiędza Mateusza Chraszczewskiego, jako i żony onego, przekonany, okazuje się, że Markietanów u siebie przechowywał, Markietanowi, będącemu u Parocha, że wziął pieniądze na werbunek ludzi do buntu w słowach, jako wyżej wyrażono, że przyrzeczenie dotrzymać zaręczał, przerywając tego myśl takową niegodziwą, że jednak dokladnie nie wyjawioną, winnym go także być sadzi, aby na sześcioletnie więzienie do fortecy Kamieńca Podolskiego i do roboty tamże byl odeslany, uznaje, a po odbyciu takowego czasu więzienia dopiero ma być wolnym, deklaruje. Zofia Chraszczewska, żona Xiędza Mateusza Chraszczewskiego, Parocha Dederkał, jako tylko dla opowiedzenia występku męża swego, Maxyma Mielniczuka Diaka, Stepana Kondra-

tiuka, Hrycka. Maxyma Kotyka syna, jako tylko dla wyznania winy wyż wymienionych przystawioych, natychmiast wolnymi czyni. Wydaje się pod pieczecią Grodzką Krzemieniecka.

Legi cum protocollo Korytowski.

Correxi Molski. V. E. C. (L. S. L. S.)

Lit. Q.

Degradacya Xiędza Borkowskiego, Parocha Starosilskiego.

Coram Illustrissimo, Excellentissimo ac Reverendissimo Domino Stephano Lewiński, Dei et Apostolicae sedis gratia Episcopo coadjutore cum successione et administratore cum plena jurisdictione Luceoriensi et Ostrogiensi, Suffraganeo Metropoliae totius Russiae, ac in publica illius una cum Perillustribus admodum Reverendis Dominis conjudicibus, ad hunc actum invitatis, observata causae praesentis audientia, comparuerunt personaliter Magnifici Joannes Lubliński, Camerarius Vlodimiriensis, et Georgius Chamiec, instigatores Palatinatus Wołhyniae districtus Luceoriensis, actores in termino ex citatione debite prout a tergo ejusdem apparebat, per intimationem copiae suae ad manus citati incarcerati executa, legitime in hodiernam cadente, contumaciam Reverendi Theodori Borkowski, in Starosiele et Sitnica Parochi, citati ex adverso principalis, ex carceribus adducti, quatenus ad propositionem suorum non respondentis accusarunt, ac in ejus talem contumaciam in causa nefandi criminis conspirationis in vitam horrendamque internecionem incolarum Ritus Latini et Hebraeorum, per Reverendum citatum perpatrati, ipsi intentata adhaerendo testium juratorum per judicium castrense Luceoriensis expeditis inquisitionibus, non minus propriae oris confessioni (quae de jure sicuti est plenissima, ita omnem probationem superat), per memoratum Reverendum Borkowski coram suprafato judicio castrensi factae, sententiam definitivam ferri, et in scriptis promulgari, qua mediante dictum Reverendum Borkowski horrendi criminis conspirationis in vitam crudelemque internecionem incolarum Ritus Latini et Hebraeorum perpatrati, reum plenissime convictum declarari, eundemque pro tanto crimine ab ordine Presbyteratus, privilegii et habitu clericali deponi ac degradari, pro summendisque poenis judicio saeculari tradi postularunt. Salvo etc. omni etc. Praesente Reverendo Theodoro Borkowski, Parocho in Starosiele et Sitnica, reo ex adverso accusato, ex carceribus adducto una cum addicto sibi defensore comparente confessionemque suam coram judicio castrensi Luceoriensi uti sub spe eliberationis suae ex carceribus, in quibus detinebatur, ac etiam obtinendae libertatis, a poenis factam judicaliter retractante contentaque illius

per se narrata evocante, hincque confessione asserta convinci suum citatum, ac poenas in ipsum extendi non posse adinveniri, seque ab impetitis partis actoreae absolvi postulante. Salvo etc.

Ex adverso quibus supra Magnificis Palatinatus Wołhyniae districtus Luceoriensis instigatoribus actoribus principalibus confessionem Reverendi Borkowski uti legitime factam, ac manu illius subscriptam, nunquam antea fuisse retractatam coram judicio castrensi Luceoriensis, et si jam non a modico tempore subsecutam, perindeque modernam retractationem Reverendi Borkowski nihil valere roburque confessionis dicti Reverendi citati plenissime, tanto magis ac depositionibus testim juratorum sit suffulta subsistere replicantibus et prout in superiori suae instantiae decerni flagitantibus. Salvo etc. Omni etc.

Illustrissimus, Excellentissimus et Reverendissimus Dominus Episcopus coadjutor et administrator generalis Apostolicus Luceoriensis et Ostrogiensis alte memoratus sedens etc. auditis etc. Ex concordibus Perillustrium, Reverendissimorum ac Illustrium, admodum Reverendorum Dominorum conjudicum, ad huncce actum invitatorum, votis decisivis matura praehabita deliberatione, sententiam definitivam protulit, quam die mercurii quinta mensis et anni currentium publicandam decrevit cum conservatione dicti termini partibus peremptorii decreti praesentis vigore. Praesente me, Michaele Augustynowicz, Apostolico et Consistorii Generalis Luceoriensis Ritus Latini ad causam praesentem assumpto Notario.

Actus Secundus.

Anno Domini millesimo septingentesimo octuagessimo nono, die vero Mercurii quinta mensis Augusti Luceoriae.

Coram Illustrissimo ac Excellentissimo et Reverendissimo Domino Stephano Lewiński, Dei et Apostolicae sedis gratia Episcopo coadjutore cum successione et administratore cum plena jurisdictione Luceoriensi et Ostrogiensi, Suffraganeo Metropoliae totius Russiae ac in publica illius una cum Perillustribus, Reverendissimis ac Illustribus admodum Reverendis Dominis conjudicibus, ad hunc actum invitatis, observata causae praesentis audientia, comparuerunt personaliter Magnifici Joannes Lubliński, Camerarius granitia-

lis Vlodimiriensis, et Georgius Chamiec, instigatores Palatinatus Volhyniae districtus Luceoriensis principales actores, in termino ex actis conservato et praefixo, legitime in diem hodiernam cadente, contumaciam Reverendi Theodori Borkowski, in Starosiele et Sitnica Parochi, citati ex adverso principalis ex carceribus adducti accusarunt, ac in ejus talem contumaciam sententiam definitivam in causa nefandi criminis conspirationis in vitam horrendamque internecionem incolarum Ritus Latini et Hebraeorum per Reverendum citatum perpatrati, jam alias sub anteriori actu eidem intentata prolatam publicari et in scriptis promulgari, qua mediante Reverendum Borkowski ejusmodi objecti sibi criminis reum plenissime convictum declarari, ipsumque pro tanto crimine ab ordine Presbyteratus, privilegiis et habitus clericali deponi et degradari, pro summendisque poenis, judicio saeculari tradi postularunt. Salvo etc. Omni etc.

Praesente Reverendo Theodoro Borkowski, Parocho in Starosiele et Sitnica, reo ex adverso accusato et citato, ex carceribus adducto, una cum addito sibi defensore comparente innovandoque confessionis suae coram judicio castrensi Luceoriensi emissae retractationem sub anteriori audientia judicum praesentis factam in publicationem sententiae definitivae consentiente. Salvo etc. Omni etc.

Ex adverso suprascriptis Magnificis Palatinatus Volhyniae districtus Luceoriensis instigatoribus reassumendo instantiam suam sub anteriori actu hisce in actis expressam replicantibus. Salvo etc. Omni etc.

Illustrissimus, Excellentissimus etc. sedens etc. auditis etc. sententiam definitivam jam alias in anteriori termino prolatam, ac in seorsiva scheda per me infrascriptum causae praesentis assumptum notarium in scriptis extensam manibusque, tam sua propria, quam et Perelliustrium, Reverendissimorum Dominorum conjudicum subscriptam, publicandam decrevit, prout quidem relicto per se ipsum dictae sententiae initio eandem mihi notario publicandam commisit, quam etiam publicavi, estque tenoris sequentis: «Nos, Stephanus Lewiński etc., concludimus, Christi nomine invocato, pro tribunali sedentes solumque Deum ac ejus justitiam sanctam prae oculis habentes, in causa et actione judiciaria inter Magnificos Joannem Lubliński Camerarium granitialem Vlodimiriensem, et Georgium Chamiec, instigatores

Palatinatus Volhyniae districtus Luceoriensis, actores principales ab una, ac Reverendum Theodorum Borkowski, in Starosiele et Sitnica Parochum, super nefando crimine conspirationis in vitam ac horrendam internecionem incolarum Ritus Latini et Hebraeorum reum conventum, partibus ex altera coram nobis judicioque nostro intentata et sub actum die lunae tertia mensis et anni currentium introducta, post secutamque sententiae definitivae prolationem, pro publicanda, eadem ad diem quintam mercurii mensis currentis Augusti protracta. Visis et latis inquisitionibus testium juratorum per judicium castrense Luceoriense hacce in causa expeditis, non minus propri aoris confessione, per eundem reeverendum Borkowski coram praelibato judicio castrensi Luceoriensi emissa, illisque omnimodo cum diligentia maturaque cum deliberatione ponderatis et discussis, deliberationem ejusmodi praehabitam expediendo. Licet quidem confessionem suam et praesertim judicialem dictus Reverendus Borkowski tanquam sub eliberationis suae a carceribus impunitatisque spe expressam, coram judicio nostro retractaverit, nihilominus ex quo de retractatione istius confessionis adhuc sub die tertia mensis Junii subsecutae post actum ejusmodi incontinenti judicialiter coram supra dicto judicio facta nullo modo docetur, quinimo juratorum testium depositionibus memorata confessio fulciatur, ex iisdem autem conjunctis facti probationibus plenissime concluditur, qualiter suprafactus Reverendus Borkowski saepius cum villano plebe comportare, ac nocturno tempore etiam compotationes in consortio exercere solitus, posteaquam cum quodam exotico sectae Philipensis advena, penes ecclesiam suam in loco seorsivo tempore quadragesimali anno currenti, familiares discursus constituerit, quamvis ab eidem improbo homine dictus Reverendus Borkowski de servando secreto aperiendaque mente sua, utrum vellet acceptare pecuniam, rogatus, primo quidem interrogando ad quem finem memorata pecunia sibi offeratur? habitoque responso, quod ad distribuendum subjectis sibi congregandumque illorum robur, cum ulterius Reverendo Borkowski ad quem effectum praefatae pecuniae distributio fieri debeat? interroganti. Philipensis ille distributionem istam pecuniae ad ferendum sibi pro excisione incolarum Ritus Latini auxilium destinatam esse respondisset, continuatoque mutuo sermone, quod feria secunda Paschatis juxta vetus calendarium horribilis ista incolarum internecio in civitatibus Luceoriensi, Cremenecensi et Vlodimiriensi inchoanda, in reliquis vero oppidis et villis eodem etiam

tempore sit perficienda, quodve immane hocce crimen exotici militis adventu sit adjuvandum, dummodo plebs ipsa, ne incolae defensioni suae prospicerent, sit ad executionem nefandae hujus conspirationis praeparata, saepe dictus Reverendus Borkowski per alte fatum Philipensem certioratus quinimo ut plebem induceret ad ferendum auxilium, post quam machinatio intenta in vitam incolarum suum exitum sortiretur, etiam pro hocce impio opere pecuniam sibi oblatam habuerit: attamen mentionatus Reverendus Borkowski non modo atrocitate divinis ac naturae legibus damnati sceleris sibi, ut praefertur, manifestati minime perterritus, consortium iniqui hominis non aufugerit, ast quoque turpi avaritiae ductus suggestis, detestabilem cum eodem Philiponensi tractatum iniverit, superque praetio criminis sui ad centum taleros Moschoviticos, vulgo ruble nuncupatos, convenerit, illosque sibi per toties dictum Philipensem illico enumeratos acceptaverit et receperit, suamque iniquam conventionem firmando, ablato ad ecclesiam ex sua residentia atramentario, per subscriptionem manus propriae in libro, quem ipsi praefatus Philipensis porrexerat, factam, quod pro Philipense istius negotii exigentia et satisfactione pecuniam accepisset, recognoverit. Subinde secum hausto cremato protractisque sermonibus invitatus Reverendus Borkowski ad hospicium dicti Philipensis, visitaturum se ejus stationem promiserit, de factoque illam adiverit, sed jam post abscessum Philippensis, ipsum in statione sua non deprehenderit, nec tamen concreditam sibi ab eodem ut praemissum in crudele incolarum excidium conspirationem dictus Reverendus Borkowski ad evitandam istam cladem ex nexu religionis debitoque statui suo sacerdotali erga vitam proximorum amore cuipiam propalaverit, imo quoque et post durante adhuc quadragesimali tempore in frequentibus cum plebe conversationibus crematum compotando, ad mutuam compotationem villanos incitando, adventurum in Poloniam rebellis Cosaci, Gonta nuncupati, filium cum copioso exercitu exotico ad excindendos incolas Ritus Latini et Hebraeos idque imminente protunc vere, quodve ista excisio similis sit futura horrendae Humanensi caedi, nec quisquam ex praefatis incolis ac Judaeis sit hanc perditionem sui evasurus, denuntiaverit, et intra eosdem familiares discursus, quia idem faciemus, quid et Gonta est facturus, cum ipsoque incolas Ritus Latini et Judaeos excindemus, quodve dicti incolae ac Judaei, ob defectum sylvarum et arundinetorum, non habeant locum ad se ocultandos, coram rusticis manifestaverit; illis

vero a tanto crimine abhorrentibus de servandaque vita sua pertimescentibus, quod nihil mali iisdem sit eventurum, assecurationem fecerit; rustico cuidam protestanti, quod nolit se associari intento sceleri. Reverendus Borkowski magnam miseriam imminentis veris tempore rusticis, qui non associaverint se praefato exoso operi, comminatus fuerit. Cum autem diversi modo istas suggestiones plebi repeteret, villanique homines ex ratione comminatae excisionis in varios sensus abirent, ac unus illorum promptitudinem ad excindendos Judaeos offerret, Reverendus Borkowski protunc non tantum Judaeos, sed et incolas Ritus Latini exscindi oportere, responderit, Judaeo quoque oppidano Kołkoviensi artifici petenti a se farinam triticeam pro paschati Judaico, non fore ipsi hanc farinam necessariam, ex quo incolarum Ritus Latini ac Judaeorum omnium ante pascham per Gonta Cosacum secutura sit excisio, Reverendus Borkowski persvadendo, tempore istius calamitatis occultationem apud se dicto Judaeo promiserit. Unde ex frequentatis ejusmodi Reverendi Borkowski discursibus homines villani odium quoddam erga incolas Ritus Latini et Hebraeos conceptum monstraverint, adversum etiam animum ab ecclesiae catholicae Ritu Latino contemptumque ipsius Reverendus Parochus Starosilensis. palam faciendo, generoso Uzaracki petenti, ut pro instructione ancillae dictaret sibi lingua Ruthena orationem dominicam, postquam eandem dictasset: oportet, ut «Omnes sciant lingua Ruthena Orationem Dominicam, nam futurum magnum malum propter Polonos post adventum exercitus extranei, et fore ubique unam fidem Disunitorum,» expresserit, periturosque omnes, tanquam canes, nec orationem dominicam Polonicam daturam ipsis auxilium contumeliose protulerit, symbolum etiam Apostolorum perfectius esse in Ritu Graeco, quam in Latino, narraverit. Ancillae item cuiquam quaerenti globulis precatoriis cum medallio, et osculanti illud, Reverendus Borkowski nonnisi ad usum spurcissimum tales globulos adhiberi posse, ac turpe osculum cani melius dari, quam eidem medallio cum impudico contemptu enuntiaverit.

Quocirca praemissis fati probationibus diligenter consideratis, per hanc nostra definitivam sententiam ex concordibus votis decisivis Perillustrium, Reverendissimorum Dominorum Joannis Cantii Bożydar Podhorodeński U. J. D. Archidiaconi Cathedralis Luceoriensis et officialis generalis Latini, Floriani Korsak O. S. B. M. Abbatis Żydy-

czoviensis Nostri in spiritualibus vicarii ac officialis generalis Luceoriensis et Ostrogiensis, Martini Olszewski Canonici cathedralis et judicis surrogati Consistorii Generalis Luceoriensis Latini, Thadaei Podgurski, Thobiae Glinka Lucroriensium, tum Ignatii Mioduszewski Kijoviensis canonicorum praelibati Ritus Latini, ad hunc actum conjudicum invitatorum, lateri Nostro assidentium, saepe fatum Reverendum Theodorum Borkowski, Parochum in Starosiele et Sitnica, enormis criminis conspirationis in vitam ac horrendam internecionem incolarum Ritus Latini et Hebraeorum reum convictum esse declaravimus, insistendoque juris canonici praescripto, quod non tantum in casibus, nominatim in jure expressis, verum etiam in aliis criminibus, valde enormibus et Reipublicae, vel Ecclesiae, damnosis, et generaliter quoties Ecclesia, non habet sufficientem poenam ad vindicandum scelus et terrorem aliis hominibus inferendum, judici ecclesiastico potestatem inferendi poenam degradationis tribuit. Ad tradita apud Engell: in collegio juris universal L. 5, tit. 37 Nro. 16. et in delictis atrocibus pro judicis arbitrio poenam hanc degradationis infligi posse, docet in Praxi episcopali Rascecii par. 2. cap. 4. ar. 14. Nro. 13. Ac insuper enormitate sceleris publicae securitati summopere damnosi considerata, ponderatoque non minus personae dilinquentis in sacro odine Presbyteratus constitutae et Parochi munus commisum habentis, statu, cui gregem suum non ad patranda scelera inducere, ast verbo et exemplo vocationi sacerdotali convenienti ad obtinendam salutem pascere incumbebat, nihilominus non modo in opprobrium status spiritualis procedere, ast in scandalum maximum populi, odiosum se etiam sanctis Ecclesiae Latinae ritibus monstrare, ac tam diro conspirationis crimine vitam suam dehonestare, ecclesiam, domum sanctam, pietatis erga Deum operibus dicatam, ad improbe Deoque et hominibus exose, conventionis suae cum abominabili sectario concordatae reversalis subscriptione roborandum opus adhibere, Christianamque proximorum dilectionem perniciosissima machinatione protinus exturbare, malevolo animo ausus fuerit; attentis denique moderni temporis adversis circumstantiis, quae ad dirum hujusmodi nefas gravissime puniendum premunt, toties dictum Reverendum Theodorum Borkowski, Parochum in Starosiele et Sitnica, uti misericordia ob tam execrandum scelus indignum, ab ordine Presbyteratus, officio et beneficio, privilegiis et habitu clericali deponendum et degradandum, exauthorisandum, privandum et exuendum, a foro ecclesiastico abjiciendum

et potesta ti saeculari tradendum ac consignandum esse, decrevimus. Prout Christi nomine repetito declaramus, deponimus, degradamus, exauthorisamus, privamus, exuimus, abjicimus et potestati saeculari, non tamen ad poenam sanguinis, quam nos nullomodo intendere protestamur, tradimus et consignamus. Et ita dicimus, decernimus, declaramus et pronunciamus hac nostra sententia definitiva ad praemissa accedente. Non solum etc., sed et omni etc.

Ita pronunciavimus: Ego Stefanus Lewiński, Episcopus coadjutor et administrator generalis Luceoriensis et Ostrogiensis, Suffraganeus Metropoliae totius Russiae.

Ego Joannes Cantius Bożydar Podhorodeński, Archidiaconus Cathedralis vicarius et officialis generalis Luceoriensis.

Ego Florianus Korsak, Abbas Żydyczynensis O. S. B. M. officialis generalis Luceoriensis et Ostrogiensis.

Ego Martinus Olszewski, Canonicus cathedralis, judex surrogatus Consistorii Generalis Luceoriensis.

Ego Tobias Glinka, Canonicus et Concionator cathedralis Luceoriensis.

Ego Thadaeus Podgurski, Canonicus, vicecustos cathedralis Luceoriensis.

Ego Ignatius Mioduszewski, Canonicus Kijoviensis, praepositus Mielnicensis.

Lecta et publicata fuit sub actu diei veneris septimae mensis Augusti anno suprarecensito executioni vero haec sententia in ecclesia cathedrali Latina, per actualem degradationem die 8 ejusdem mensis, praesentibus alte dictis Perillustribus, Rererendissimis et Illustribus admodum Reverendis Dominis conjudicibus demandata. Ita testor

Michael Augustynowicz, Apostolicus et Consistorii Generalis Luceoriensis R. L. ad causam supra scriptam assumptus Notarius.

Mowa JW. Biskupa Łuckiego po degradacyach Kapłanów do Sądu Grodzkiego miana.

Już się spełniły przepisane prawem smutne obrzędy nad tymi winowajcami, już rozciągniona kara nad tymi Kapłanami wykroczpymi, którą im los czy grzech przeznaczył, kara, jakowa tylko najsurowszą miecz duchowny rozciągnąć może; już nie są Kapłanami więcej, ale jedni z ludu, wyzuci z wszelkiej władzy, powagi, urzędu, przywilejów, praw i własności, jakiejkowiek w duchownym Kościeła dziedzictwie mieli z powołania i stanu swego aż dotąd.

Świadkami jesteście sami, prześwietni sędziowie, tej dla nich okropnej kary, a łzy tych nieszczęśliwych przekonywają was o boleści i smutku, które wewnątrz czują. Miejcie ż już dosyć na tem, nie każcie reszty krwi ich rozlewać, której długociągłe więzienie i zwyczajne w niewoli udręczenia jeszcze w ich żyłach nie wysuszyły. Nie odejmujcie życia, którego i Bóg im nie odejmuje. Raczcie się za nimi wstawić do swoich w urzędzie Powiatu Krzemienieckiego rówieńników, których tu nieprzytomność ustnie za tymi nędznymi prosić mi o miłosierdzie nie dozwala: wspomnijcie na to, prześwietni sędziowie, iż władza, którą nad nimi macie, jest w was udziałem wszechmocności Boskiej, a jako Bóg sam, lubo wszechmocną i sprawiedliwą jest Istotą, więcej jednak miłosierdzia ku ludziom nad ich ułomnością i upadkiem daje dowodów, tak i wy, którzy obrazem wszechmocnego jesteście co do władzy, bądźcie naśladowcami jego w litości i miłosierdziu; tento sam jest miecz sprawiedliwości w ręku waszych, który jest w samym Bogu, w Bogu przez istotę, a w was przez uczesnictwo. Jeżeli ż tego Bóg miecza nie używa, tylko z łaskawą cierpliwością, z wymiarem czasu do poprawy i z miłosierdziem, stokrotnie wprzód przebaczając, niżeli raz karząc, miejcie ż i wy podobnie litość nad nędznymi, wspomnijcie, że będąc sędziami, ludźmi razem jesteście, czekającymi równie, jak oni, sądu najwyż-

szego, a ile zwierzchnicy sądu surowszego nad innych judicium durissimum his, qui praesunt.» Ile zwierzchnicy, słyszycie głos Pański: «Potentes potenter judicabuntur», a ile ludzie, wzdychacie do Ojca niebieskiego: «Odpuść nam winy nasze!» Chcecie ż sąd mieć dla siebie łaskawy i winy w miłosierdziu przebaczone? Przebaczajcie innym, miejcie politowanie nad upadkiem i nieszczęściem już wpółumarłych, a reszte śmierci darujcie im! Wszak nie dla czego dopuszcza Bóg nieszczęscie na jednych, tylko aby drudzy m ieli nad kim okazywać litość i miłosierdzie. etc. etc. etc. *

---

* Жаль, что Θеодосій Бродовичь окончилъ на сихъ словахъ и не привелъ цѣлой трогательной рѣчи, которая, какъ видно, не произвела ни какого, однако, дѣйствія на каменныя сердца судей. Прим. изд.

Zakończenie. *

Jeszczem ślęczał nad czytaniem rozmaitych pism Targowickiej Konfederacyi, w Grodzieńską zamienionej, i powtórnym podziale Polski r. 1793 pod laską Stanisława Potockiego, Generała artyleryi, między trzy potencye nastąpionym; jeszcze rozumiał, że Sarmacki Orzeł, utraciwszy skrzydła, przynajmniej w głowie i tułubie swoim, pod zastępstwem tychże mocarstw, znajdzie bezpieczeństwo; jeszcze mi się zdawało, że, za wylew krwi niewinnej ukarawszy Bóg drugim rozbiorem kraju, przestanie już na tej karze: aliści czytam in Martio 1794 roku, w Krakowie nowe powstanie narodu pod Naczelnikiem Tadeuszem Kościuszko. Widzę, że na utłumienie tej burzy sypią się zewsząd Rossyjskie, Austryackie w Ruskich Województwach, a zaś w Wielko-Polskich Pruskie wojska. Tu, pomyślałem, już koniec Ojczyźnie mojej! Krwi niewinna! Nie długoś z pod ołtarza o pomstę wołała! Rozbite wojska Polskie pod Maciejowicami, wzięty Naczelnik w areszt i do Petersburga zaprowadzony. Zagnani tamże po większej części Oficerowie i żołnierze, Praga pod Warszawą wyrznięta, kraj cały rozebrany, nie masz imienia, nie masz exystencyi Polaka!

---

* Послѣ этѣхъ актовъ, въ концѣ Сборника, помѣщены двѣ статьи Богословскаго содержанія, именно, на стр. 515-ой: «Uwagi o wieczerzy Pańskiej, z świadectwa czterech Ewangelistów wyciągnione, które zdaią się jasnie dowodzić, na jakim chlebie Jezus Christus ustanowił sacrament Eucharystyi;» а на стр. 539: «Gdy w teraźnieyszym wieku nayczęściey takie bywaią w publiczności zapytywania: Bog (mówią), przewidzając grzech człowieka, czemu ż nie uchronił go od grzechu? czemu grzech dopuscił? Na takowe prze to zapytywania daią się odpowiedzi następujące, etc.» Такъ какъ статьи этѣ писаны рукою самаго Θеодосія Бродовича, то онѣ, вѣроятно, и сочинены имъ же. На послѣднемъ же листѣ, стр. 566, уже самое «Zakończenie.» Я. Θ. Г.

ОПЕЧАТКА.

Напечатано:				*Читайте:*
Стр.	Стр.			
332,	7 снизу	Podeski		Podleski.

KONSPEKT

ARTYKUŁÓW, W SUMMARYUSZU ZAWARTYCH.

IV

МАТЕРІЯЛЫ ИНОСТРАННЫЕ

1637-й годъ по Р. Х.

ГЛАВА XIX.

Какъ мы жили въ Шемахѣ, что тамъ видѣли, и объ отправленіи нѣкоторыхъ праздниковъ.

Первое, что мы видѣли въ этотъ Новый Годъ, были похороны Персидскаго Дворянина, который третьяго дня у Хана на пиру, по случаю нашего прибытія, напился до смерти. Тѣло несли съ почетными проводами и особыми обрядами (о которыхъ подробнѣе будетъ сказано при описаніи похоронъ Персовъ вообще) въ мечеть (Mestzit) или церковь, откуда оно долженствовало быть перенесено въ Вавилонъ, или Куфу (Kufa), и погребено тамъ при Нечефѣ (Netscheff), т. е., при гробницѣ Аали и другихъ Имамовъ или великихъ святыхъ.

2-го Генваря Ханъ и Калентеръ, съ нѣсколькими дворскими слугами, посѣтили Посланниковъ, принесли конфектъ и вина и пожелали послушать нашу музыку, которую исполнили наши музыканты на скрыпкѣ, бандурѣ, на віоль ди гамбѣ, и одинъ пѣвецъ дискантъ. Персіянамъ очень понравилась наша музыка и пѣніе, и они настоятельно просили Посланниковъ пріѣхать въ тотъ же вечеръ съ ними въ замокъ, на вечернюю пирушку, чтобы послушать туже музыку въ залахъ Хана. По неотступной просьбѣ имъ сдѣлано было удовольствіе, и этотъ вечеръ мы вторично провели въ большомъ удовольствіи и весельѣ, при чемъ Ханъ приказалъ привести къ себѣ въ залу 27 любимѣйшихъ лошадей своихъ, одну за другой, изъ которыхъ три лошади, какъ выдавалъ Ханъ, присланы были ему недавно Шахомъ, въ знакъ его милости къ нему. На каждой лошади садился прислужникъ, который и объѣзжалъ вокругъ залы, не смотря на то, что она была устлана прекрасными коврами.

5-го числа Ханъ прислалъ извѣстить Посланниковъ, что на слѣдующій день Армяне справляютъ свой праздникъ: Хаче Шуранъ, т. е., погруженіе въ водѣ креста, внѣ города, у

Пули Амбери (Puli Amberi): такъ называется особый мостъ черезъ рѣку. Самъ Ханъ желалъ присутствовать на торжествѣ, и по тому, если Посламъ угодно будетъ также поглядѣть на праздникъ, то онъ приготовитъ мѣсто для нихъ. Армяне справляютъ также, какъ и Русскіе, 6-го числа день Крещенія съ водоосвященіемъ, начиная этотъ праздникъ рано утромъ еще до-свѣту служеніемъ обѣдни и проповѣдью. Такъ какъ помѣщеніе Посланниковъ было близъ Армянской церкви или часовни, то они пошли, съ нѣкоторыми изъ насъ, въ нее посмотрѣть на Армянское Богослуженіе и обряды, которые сходны были съ Римско-Католическими. Тамъ, Епископъ, человѣкъ уже пожилой, пріѣхавшій ради праздника изъ другой мѣстности, по окончаніи длиннаго слова объ откровеніи Христа язычникамъ, приблизился къ Посланникамъ, ласково разговаривалъ съ ними черезъ толмача, и сердечно радовался, что такіе знатные люди и также Христіяне, прибывшіе изъ такой дали, удостоили присутствовать при ихъ Богослуженіи, въ утѣшеніе ему и всей ихъ общинѣ, чего прежде никогда еще не бывало. Между прочимъ онъ сказалъ также, что хотя Гг. Посланники и не знаютъ еще его, кто собственно онъ такой, но онъ можетъ открыть имъ это въ другое, болѣе удобное, время. Мы догадывались, впрочемъ, что Епископъ этотъ, также какъ и монахъ, встрѣченный нами въ Астрахани, посланы были въ этѣ мѣста подъ другимъ предлогомъ, Римскимъ Папою, для посѣщенія Восточныхъ Церквей. За тѣмъ Епископъ, вмѣстѣ съ Священниками, убѣдительно просили Посланниковъ, приложить, съ своей стороны, ходатайство у Хана, чтобы онъ дозволилъ достроить безпрепятственно, начатый ими незадолго передъ симъ, монастырь, который Персіяне почему-то не позволяютъ доканчивать.

Въ полдень Армяне, по приказанію Хана, привели къ намъ 15 лошадей, на которыхъ мы и отправились къ рѣкѣ, находившейся въ полумили, по ту сторону города. Туда-то собрались Армяне изо всѣхъ, вокругъ лежавшихъ, селеній, въ великомъ числѣ, со множествомъ образовъ, крестовъ и хоругвій торжественнымъ шествіемъ, съ пѣніемъ и звономъ, и въ сопровожденіи большаго числа Персидскихъ солдатъ, для того, чтобы предохранить Армянъ отъ оскорбленій и брани, могшихъ

послѣдовать со стороны праздной черни Музульманъ или Магометанъ. Ханъ приказалъ на другой сторонѣ рѣки, прямо противъ того мѣста, гдѣ совершалось водосвятіе, раскинуть прекрасную просторную палатку, разукрасить ее коврами и вообще приготовить ее, для совершенія въ ней почетнаго пиршества, причемъ всякаго рода скоморохи и фокусники должны были забавлять народъ своими играми и штуками. Въ палаткѣ этой, подлѣ Хана, по лѣвую руку помѣщенъ былъ Русскій Посланникъ, кругомъ же около него (Хана), его Дворяне и Дворскіе люди, а по правую отъ него руку были оставлены мѣста для нашихъ Посланниковъ и сопровождавшихъ ихъ нѣсколькихъ человѣкъ.

Дружески принявъ насъ, Ханъ далъ приказаніе Армянамъ совершать водосвятіе, которое начинается обыкновенно по волѣ и усмотрѣнію Хана, а не Армянъ.

Когда на берегу начали читать молитвы, то 4 Армянина, раздѣвшись до нага, бросились въ воду, чтобы освободить и очистить часть рѣки отъ слоя льда, которымъ въ это время была покрыта рѣка. Бросившіеся въ воду Армяне поплавали въ ней нѣкоторое время; тогда бывшая съ нами собака, привыкшая вытаскивать утопающихъ, увидѣвши плававшихъ Армянъ, бросилась къ нимъ въ воду и тоже начала тамъ плавать съ ними. Это произвело между Персіянами великій смѣхъ и доставило имъ сдѣсь первую потѣху, тѣмъ болѣе, что собака считается у нихъ такимъ нечистымъ животнымъ, до котораго охотно никто и не дотронется, а воду Армяне пришли святить. Ибо вообще, по всей видимости, Персіяне о такой торжественности и священныхъ дѣйствіяхъ Армянъ думали не иначе, какъ о своихъ скоромошествахъ, которыя они тутъ же и продѣлывали, и Армянскіе Священники для Персіянъ были тоже, что Самсонъ для Филистимлянъ на ихъ пиршествахъ, не смотря на то, что за дозволеніе Армянамъ такого празднества и за то, чтобы своимъ присутствіемъ Ханъ оказывалъ Армянамъ надежную защиту, Церковь всякій разъ даритъ ему по 1000 талеровъ.

По окончаніи чтенія Епископомъ, продолжавшагося съ добрый часъ, послѣ пѣнія общины и игры на кимвалахъ, которы-

ми ударяли одинъ о другой, Епископъ влилъ не много освященнаго елея въ воду, погрузилъ въ нее небольшой, серебряный, обдѣланный драгоцѣнными камнями, крестъ, простеръ за тѣмъ посохъ свой надъ водою и благословилъ ее. Въ слѣдъ за тѣмъ община тотчасъ же начала черпать, пить воду и умывать ею лице. Нѣсколько молодыхъ людей бросились даже въ воду, большая же часть общины только окропляла себя ею. Въ это же время, нѣкоторые изъ придворной челяди Хана начали лопатками черпать воду и плескать ее на Священниковъ и предстоявшій народъ, такъ что измочили ихъ всѣхъ, особенно женщинъ, которыя съ великимъ страхомъ приступали черпать воду, и потѣха эта была до того груба, что Ханъ долженъ былъ воспретить ее. Не смотря на то, когда Священники приступили къ совершенію наиболѣе благоговѣйнаго дѣйствія, самъ же Ханъ приказалъ музыкантамъ своимъ затрубить въ самыя большія трубы, и когда музыканты этѣ, образовавъ кругъ около духовенства, пустились плясать съ пѣснями и крикомъ, Ханъ приказалъ также поплясать передъ Священниками и своему шуту, а за этѣмъ послѣдовалъ Подмаршалъ, и такимъ образомъ Персіяне издѣвались надъ Армянами. Во время совершенія торжества, Лейбъ-Медикъ Хана, родомъ Арабъ, человѣкъ весьма легкомысленный, довольно нагло спрашивалъ Посланниковъ нашихъ: думаютъ ли они о Христѣ, что Онъ былъ сынъ Бога? Ему отвѣчали на это утвердительно, и такъ какъ вопросъ этотъ предложилъ онъ какъ бы въ насмѣшку, то съ нимъ и не вступали въ дальнѣйшія о томъ пренія.

Послѣ всего описаннаго пошла кругомъ сильная попойка, и когда Ханъ шибко уже захмѣлѣлъ, то молча всталъ, сѣлъ на коня и уѣхалъ прочь, а за нимъ послѣдовали и другіе Персы. Не привыкшіе къ такого рода разставанью, мы не знали, какъ понимать его, и по тому и сами пошли и сѣли на лошадей и увидали тутъ, что не вдалекѣ отъ палатки Ханъ остановился, поджидая Посланниковъ. Въ послѣдствіи, по опыту и по собраннымъ свѣдѣніямъ, мы узнали, это это общій обычай Персовъ, когда они принимаютъ участіе въ угощеніяхъ Хановъ, или Шаха, то есть, молча встаютъ и уходятъ съ пира, не прощаясь, какъ

самъ хозяинъ, такъ и гости, какъ это нѣсколько разъ видѣли мы за столомъ Персидскаго Царя.

8-го Генваря Армянскій Епископъ, съ полнымъ торжественнымъ шествіемъ, посѣтилъ Пословъ. Впереди его шли, въ церковномъ облаченіи, съ горящими восковыми свѣчами въ рукахъ, Священники въ большомъ числѣ. При входѣ въ домъ они запѣли и ударили въ кимвалы, колокольчики и бубны и принесли въ подарокъ 2 кружки вина и большое блюдо, полное яблокъ, посреди которыхъ вставлена была большая горящая восковая свѣча. Они разговаривали съ нами о своей Вѣрѣ около 3 часовъ, и еще разъ убѣдительно просили нашего ходатайства у Хана относительно постройки монастыря, что было обѣщано имъ, и исполнено.

10-го числа Шаховъ Календеръ великолѣпно угощалъ Посланниковъ, со всѣми, сопровождавшими ихъ, въ его палатахъ. Первымъ удовольствіемъ нашимъ было сдѣсь обозрѣніе изящной постройки этѣхъ палатъ, чрезвычайно красивыхъ и въ порядкѣ расположенныхъ въ нихъ покоевъ и увеселительныхъ ходовъ, или мѣстъ для прогулки, наполненныхъ всякаго рода украшеніями.

Особенно понравился намъ внутренній залъ, въ которомъ давался пиръ: онъ былъ съ отдѣльными сводами, искусно отдѣланными известковой рѣзной работой, совершенно иностраннымъ способомъ. Съ одной стороны зала былъ прекрасный видъ на близъ лежащій веселый садъ, тѣмъ болѣе, что залъ стоялъ довольно высоко, а садъ, напротивъ, лежалъ довольно глубоко. Изъ одного увеселительнаго хода въ этомъ залѣ билъ ключъ, сперва вверхъ, и оттуда съ пріятнымъ шумомъ низвергался въ другой водометъ, бывшій подъ залою, передъ другимъ покоемъ; этотъ же другой водометъ опять ниспадалъ въ третій, который расположенъ былъ уже въ сказанномъ саду. На все это, сидя у окна, просто не налюбуешься: такъ это было хорошо. На это пиршество явился и Ханъ, съ важнѣйшими изъ своихъ придворныхъ, и Маршалъ Персидскаго Шаха, только что прибывшій изъ Испагани. Позднимъ вечеромъ, когда гости и хо-

зяинъ въ добромъ веселіи и дружбѣ порядкомъ выпили, насъ проводили домой на лошадяхъ, со множествомъ факеловъ.

13-го числа, я, вмѣстѣ съ нашимъ Маршаломъ и Гофмейстеромъ, посланъ былъ къ Хану, по обыкновенію, съ подарками, состоявшими изъ 10 Русскихъ аршинъ (Arsin) или длинныхъ локтей тонкаго краснаго сукна, 5 аршинъ синяго атласа, одного боченка водки, погребца флягъ съ сладкою водкой и 4 ножей съ изящно отдѣланными янтарными ручками. Когда мы замѣтили, что подарки наши понравились Хану, то начали свое ходатайство у него по просьбѣ Арменъ. Ханъ далъ слѣдующій на это отвѣтъ: «Хотя въ Шемахѣ, странѣ Магометанской, до сихъ поръ не было еще никогда Христіянской церкви, или монастыря, и хотя онъ ни какъ не думалъ, чтобы не однократно уже повторявшіяся домогательства Арменъ когда ни будь увѣнчались успѣхомъ, тѣмъ не менѣе онъ желаетъ теперь удовлетворить почетное предстательство Гг. Посланниковъ, и не будетъ уже болѣе препятствовать окончанію постройки Армянскаго монастыря;» при чемъ Ханъ далъ намъ и письменное удостовѣреніе въ дальнѣйшемъ исполненіи такой уступки его. Армяне чрезвычайно обрадовались успѣху нашего ходатайства, сердечно благодарили насъ за него, и просили дозволить имъ начертать имена Гг. Посланниковъ и то благодѣяніе, которое они оказали Христіянству, въ будущемъ монастырѣ, на вѣчную память.

20-го числа изъ Испагани возвратился гонецъ, котораго Ханъ посылалъ къ Шаху еще тогда, когда мы стояли въ Ніазабатѣ. Мы надѣялись съ удовольствіемъ, что гонецъ этотъ можетъ быть привезъ распоряженіе о дальнѣйшемъ путешествіи нашемъ; по этому нѣкоторые изъ насъ пошли къ Хану освѣдомиться, что сообщаетъ, между прочимъ, письмо Шаха. Но Ханъ объявилъ, что объ отъѣздѣ нашемъ ни чего еще не упоминается, въ доказательство чего мы сами можемъ прослушать Шахово письмо. Гакиму (Hakim) его или врачу подано было Шахово письмо, которое тотъ прежде поцѣловалъ, приложилъ ко лбу, и за тѣмъ прочиталъ въ немъ слѣдующее: «Отъ Дербентскаго Султана прибылъ гонецъ прежде гонца отъ Хана Шемахинскаго, съ извѣстіемъ, что къ нему, Султану, пріѣхалъ Русскій Посолъ, который объявилъ, что

слѣдомъ за нимъ ѣдутъ также и Нѣмецкіе Посланники. По этому, когда этѣ Нѣмецкіе Посланники пріѣдутъ, то ихъ должно продовольствовать, согласно данному на это приказу Султану, и за тѣмъ доставить далѣе въ Шемаху. Когда же они прибудутъ въ Шемаху, то Ханъ долженъ немедленно прислать новаго гонца и ожидать дальнѣйшаго приказанія и проч. Впрочемъ, Шахъ пребываетъ къ Хану съ своею великою милостію.» За тѣмъ Ханъ просилъ доставить ему списокъ всѣхъ насъ, сопутствовавшихъ Посланникамъ, и желалъ, чтобы въ немъ обозначены были званіе, знаніе и занятіе каждаго отдѣльно, такъ какъ при насъ состояли одинъ врачь, цирюльникъ, живописецъ и музыканты. Но ему доставленъ былъ только списокъ именъ, съ обозначеніемъ чиновъ, служившихъ въ числѣ спутниковъ Посольства. На слѣдующій день мы зазвали тайкомъ гонца къ себѣ и спросили его о причинѣ такой продолжительности его поѣздки и нашего задержанія. Получивши прежде отъ насъ кой-что въ подарокъ, онъ за тайну сообщилъ намъ, что недавно братъ Хана, состоящій въ должности Шахскаго полицейскаго Коммисара (Constabel) былъ обезглавленъ за какое-то преступленіе, отъ чего, по обычаю Персовъ, и весь родъ считался въ немилости, и никто не осмѣливался доложить Шаху письмо Хана, не зная его содержанія, пока наконецъ, по прошествіи мѣсяца времени, одинъ Мегетеръ (Meheter) или Шаховъ Каммергеръ не дерзнулъ положить то письмо къ ногамъ его. Но Шахъ самъ все таки не хотѣлъ отвѣчать Хану, а приказалъ отвѣчать другому придворному. И при отъѣздѣ гонца было положено, что на письмо Хана ни какого другого отвѣта не нужно, кромѣ того, который получилъ Дербентскій Султанъ и который именно и приказалъ Ханъ прочитать намъ. При этомъ Шахъ приказывалъ еще, что если между тѣмъ кому либо изъ Нѣмцевъ будетъ нанесено какое оскорбленіе кѣмъ ни есть изъ Персовъ, то такого преступника Султанъ, или Ханъ, должны приказать изрубить передъ своими глазами. Такимъ образомъ мы должны были прожить сдѣсь еще нѣсколько времени, пока не воротится гонецъ, посланный снова Ханомъ.

25-го числа посѣтили Посланника Ханъ, съ нѣсколькими изъ своихъ придворныхъ людей, и Русскій Посланникъ, также съ

нѣкоторыми изъ своей прислуги. При входѣ, равно какъ и при отъѣздѣ Хана, привѣтствовали его выстрѣлами изъ 3-хъ камнеметныхъ орудій. По причинѣ наступившаго у Персовъ поста, Ханъ ни чего не ѣлъ и не пилъ въ этотъ разъ, но наслаждался только нашею музыкою, которую исполнили мы, по его просьбѣ.

28-го Генваря Русскій Посланникъ, Алексѣй, выѣхалъ изъ Шемахи и нѣкоторые изъ насъ провожали его цѣлую милю. Онъ былъ очень сердитъ на Хана и Калентера, такъ какъ они недостаточно угощали его, какъ бы онъ желалъ, и по тому всячески бранилъ и сердилъ своего Мегемандаря.

5-го Февраля прошелъ я, съ нѣкоторыми изъ нашихъ, на одинъ, весьма хорошо выстроенный и близъ торга лежавшій, дворъ, который, на подобіе какой ни будь философской Коллегіи (Philosophisch Collegium), устроенъ былъ со множествомъ ходовъ и покоевъ. Увидѣвши въ нѣсколькихъ мѣстахъ ходившихъ и сидѣвшихъ съ книгами взрослыхъ и дѣтей, мы спросили: что это за мѣсто? и узнали, что это была Мадреса (Madresà), то же что Гимназія, или Академія, которыхъ въ Персіи есть нѣсколько въ разныхъ мѣстахъ и о которыхъ скажу подробнѣе въ своемъ мѣстѣ.

Когда мы остановились, разсматривая зданіе, насъ подозвалъ къ себѣ одинъ Персіянинъ, котораго они зовутъ Мадерисъ (Maderis), Профессоръ или Учитель, учившій тамъ въ одномъ открытомъ покоѣ. Увидавши на моей палкѣ изъ Персидскаго тростнику, между прочимъ, и Арабскую выжженную надпись, заключавшую поговорку или желаніе, которое Персы постоянно почти произносятъ: بسم الله الرحمن الرحيم , bis millarachman rachim, онъ попросилъ у меня палку, внимательно осмотрѣлъ ее и хотѣлъ было взять ее себѣ, съ предложеніемъ завтра принести мнѣ гораздо лучшую. Когда же я не согласился уступить ему палку, то онъ тщательно вырѣзалъ изъ надписи слово الله, Allà, означающее по Арабски имя Бога, собралъ всѣ обрѣзки и стружки срѣзаннаго и соскобленнаго тростника и, завернувъ ихъ въ бумагу, сказалъ: «Не слѣдуетъ носить названіе Бога на палкѣ, которою опираются въ грязь.» На слѣдующій день я опять пошелъ въ Мадреса, взялъ съ собою небесный глобусъ, величиною въ 8

дюймовъ въ діаметрѣ, и отправился въ другую аудиторію, въ которой принятъ былъ очень дружелюбно. Тамъ Профессоры радостно удивились, что у насъ, Нѣмцевъ, также уважаются астрономическія знанія и что они имѣютъ случай видѣть глобусъ, какихъ и у нихъ найдется развѣ немного. Ибо они также знаютъ пріемы обращенія съ астролябіей и обучаютъ по ней учениковъ своихъ. Они взяли мой глобусъ въ руки и по фигурамъ на немъ отыскали одно за другимъ и назвали по Арабски созвѣздія, особенно 12 знаковъ Зодіака.

Приведу сдѣсь этѣ названія ихъ:

برج لرسمان Небесные знаки (Signa caelestia):

♈ حمل Hamel, Овенъ.

♉ ثور Soür, Телецъ.

♊ جوزا Tschusa, Близнецы.

♋ سرطان Serthan, Ракъ.

♌ اسد Eset, Левъ.

♍ سنبله Sünbile, Дѣва.

♎ ميزان Misan, Вѣсы.

♏ عقرب Agrab, Скорпіонъ.

♐ قوس Köus, Стрѣлецъ.

♑ جدى Tzedi, Козерогъ.

♒ دلو Delu, Водолей.

♓ حوت Hud, Рыбы.

Въ этѣ же дни ходилъ я въ другое мѣсто, въ одну мечеть (Mestzid) или храмъ, лежавшій не далеко отъ моей гостинницы, посмотрѣть, какимъ родомъ и способомъ обучаютъ тамъ Персы свое юношество и учениковъ. Мальчики сидѣли тамъ кругомъ по стѣнамъ, Мулла же (Molla), съ нѣсколькими взрослыми людьми, по срединѣ, на просторномъ мѣстѣ. Увидавши меня, этѣ послѣдніе пригласили меня сѣсть подлѣ нихъ. Мулла держалъ въ рукахъ Ал-

коранъ, писанный прекрасными буквами, дозволилъ мнѣ нѣсколько перелистовать его, и, взявъ его наконецъ у меня, поцѣловалъ писаніе въ началѣ, предложилъ и мнѣ также поцѣловать буквы Алкорана. Но я взялъ свою записную книгу, которую принесъ съ собою для записки въ ней именъ поучавшихъ, поцѣловалъ въ ней гербъ Его Княжеской Свѣтлости, Милостивѣйшаго Государя моего, и сказалъ: «Это я знаю, ваша же книга мнѣ не извѣстна.» Они засмѣялись на это и отвѣчали, что я дѣльно поступилъ. Тамъ былъ также одинъ старый Арабскій астрономъ, по имени Халилъ Минаджимъ (Chalil Minatzim) изъ Геджаса (Helzas), лежащаго у Мекки, человѣкъ лѣтъ 65. Онъ читалъ и училъ нѣкоторыхъ учениковъ по Евклиду, на Арабскомъ языкѣ. Когда я узналъ это сочиненіе, по имѣвшимся въ немъ изображеніямъ, и высказалъ нѣкоторыя замѣчанія на довольно не знакомомъ мнѣ еще Персидскомъ языкѣ, то это очень понравилось старику, и онъ вынулъ изъ за пазухи небольшую мѣдную астролябію и спросилъ: «Имѣю ли я о ней понятіе?» Я объяснилъ нѣкоторыя ея части и сказалъ, что подобная вещь есть и у меня, и старикъ очень просилъ меня показать ее ему. Я сходилъ домой и принесъ мою астролябію и глобусъ, которымъ всѣ немало удивлялись. Когда они узнали, что я самъ сдѣлалъ астролябію, то старый Минаджимъ просилъ меня показать ему, какъ это я такъ хорошо и вѣрно все могъ вырѣзать; ибо ихъ циркулярныя черты и градусы были довольно грубо вырѣзаны, отъ руки. Когда же я научилъ его нѣкоторымъ пріемамъ вырѣзывать и распредѣлять градусы скорѣе и тоньше, то старикъ не зналъ, какъ и благодарить меня, часто посѣщалъ меня въ моей гостинницѣ, а однажды приказалъ принести за собою ко мнѣ плоды и изготовленныя всѣ кушанья, вмѣстѣ со скатертью, и сдѣлалъ такимъ образомъ пирушку у меня. По его просьбѣ былъ я нѣсколько разъ и у него въ гостяхъ, при чемъ онъ только того и желалъ, чтобы я поскорѣе могъ изучить его языкъ, или онъ мой, чтобы мы достаточно могли понимать другъ друга; охотно предлагалъ далѣе, съ своей стороны, все, чего только я могъ пожелать и что только онъ былъ въ состояніи сдѣлать, или сообщить мнѣ. Въ слѣдствіе такой своей готовности онъ сообщилъ мнѣ свѣдѣнія о долготѣ и широтѣ мѣстъ почти по всей Азіи, а также нѣсколько кусочковъ, начертанныхъ на бумагѣ, частныхъ ландкартъ, и свѣдѣнія

атѣ, провѣренныя отчасти собственными моими наблюденіями, я нашелъ вполнѣ вѣрными, по чему часть ихъ и прилагаю при этомъ изданіи.

Мулла того же училища, по имени Магебъ Аали (Maheb Aali), молодой, веселый и набожный человѣкъ, оказалъ мнѣ въ изученіи языка добрую услугу и дружество. Подобно ему и одинъ Онбаши (Ohnbaschi) или Капитанъ, по имени Имамъ-Кули (Imamculi), хорошій пріятель Магеба Аали, которые каждый день попеременно приходили ко мнѣ, чтобы поучить меня ихъ языку, и поучиться моему, и когда они увидали, что могутъ подать на себя подозрѣніе относительно Вѣры (къ чему нѣкоторые изъ нашихъ подали немалое основаніе), то приходили даже по ночамъ. Такъ, однажды, именно 11-го Февраля, когда я сидѣлъ и занимался изученіемъ языка, въ помянутой выше мечети, пришелъ одинъ Персидскій слуга, говоря, что Ханъ будьто бы прислалъ его туда изъ замка и приказалъ спросить: что дѣлаетъ Мулла въ церкви съ Нѣмецкимъ Христіяниномъ? Что онъ долженъ прекратить ихъ бесѣду и попросить Муллу выйти вонъ. Хотя сначала Мулла былъ озадаченъ такимъ требованіемъ, но скоро догадался, что посланный этотъ, должно быть, былъ не отъ Хана, а отъ кого ни будь другого; ибо Персамъ никогда не запрещается обращаться съ иновѣрцами, которыхъ допускаютъ они даже и въ храмъ свой. По этому, когда Магебъ Аали распросилъ потомъ потихоньку сказаннаго слугу, то этотъ послѣдній признался, что онъ присланъ былъ не Ханомъ, а толмачемъ нашимъ. На слѣдующій день явился другой посланный, съ такимъ же запрещеніемъ. Но такъ какъ мы знали уже, откуда онъ пришелъ, то ни мало не обращали вниманія на его запрещеніе. Спустя немного времени послѣ этого, когда Рустамъ или Георгій, нашъ Персидскій толмачъ, не поладилъ о чемъ-то съ Посланникомъ Бругманомъ, то онъ высказался, что Бругманъ приказывалъ ему послать отъ имени Хана Персидскаго слугу къ Муллѣ, въ то время, когда я былъ съ нимъ въ мечети, съ сказанною выше угрозою или запрещеніемъ, собственно для того, чтобы помѣшать мнѣ въ изученіи Персидскаго языка. По этой же причинѣ, именно, желая отнять у меня время для сказаннаго изученія, Бруг-

манъ задалъ мнѣ скучную работу, именно: карты Персіи и Турціи соединить въ одну общую карту.

Въ этѣ дни многіе изъ нашего простаго народа стали жаловаться и даже слегли въ постели отъ воспалительныхъ болѣзней, безъ сомнѣнія, отъ горячаго вина, которое, послѣ долгаго употребленія воды, они пили такъ неумѣренно, что, для обузданія ихъ, нужно было дать начальственное строгое приказаніе Посланниковъ. У нашего врача разомъ было 22 человѣка больныхъ, которыхъ, впрочемъ, съ Божіею помощію и старательнымъ уходомъ, онъ скоро всѣхъ поставилъ опять на ноги.

7-го Февраля или, по Персидскому Мѣсяцеслову, 21-го Рамезана (Ramesan), праздновавы были Ашуръ (Aschur) или ежегодныя поминки по Али (Aalij), великомъ святомъ и покровителѣ Персовъ, при сборищѣ цѣлаго города, съ особою торжественностію и великимъ благоговѣніемъ, за городомъ, около дома, нарочно для того построеннаго. Когда нѣкоторые изъ насъ явились туда же посмотрѣть на торжество, то, по приказанію Хана, стоявшаго въ сказанномъ домѣ, вмѣстѣ съ Калентеромъ и другими знатными вельможами, намъ дали мѣсто, чтобы мы подошли ближе и могли все хорошо видѣть; и сдѣсь мы увидѣли слѣдующее: подъ раскинутымъ полотномъ, на возвышенномъ стулѣ, вышиною болѣе двухъ саженъ, сидѣлъ Хатибъ (Chatib) или Parentator, совершитель поминокъ, въ синей печальной одеждѣ; какъ у насъ въ печальное время носятъ обыкновенно черныя одежды, такъ у нихъ одежды синяго цвѣта. Хатибъ читалъ на распѣвъ, звонкимъ и чистымъ голосомъ, съ оживленными тѣлодвиженіями, около двухъ часовъ, книгу Machtelnamae, въ которой описывается жизнь и кончина Алія. Вокругъ стула Хатиба, на землѣ, сидѣло множество Священниковъ, всѣ въ бѣлыхъ повязкахъ или менделинахъ (чалмахъ) на головахъ, и въ продолженіе чтенія всѣ они нѣсколько разъ начинали подпѣвать; подпѣваніе это совершалось такъ: когда въ помянутой книгѣ встрѣчались, тамъ и сямъ, разумныя и достойныя замѣчанія поговорки и изреченія, въ родѣ стиховъ, то чтецъ обозначалъ ихъ, произнося только первыя слова этѣхъ изреченій и замолкалъ, тогда всѣ остальныя подхватывали и продолжали пѣть, какъ знакомую уже пѣсню (или оду). За тѣмъ,

всякій разъ послѣ пѣнія одинъ изъ сидящихъ Священниковъ провозглашалъ громкимъ голосомъ:

«Laanet Chudai ber kuschendi Aalij bad! Т. е., Да будетъ проклятъ тотъ, кто убилъ Алія!»

На что весь народъ отвѣчалъ: «Bisch Bad, kem bad! Т. е., И пусть онъ будетъ проклятъ, лучше болѣе, чѣмъ менѣе!»

Когда чтеніе дошло до того мѣста, какъ Алій заранѣе предсказывалъ своимъ дѣтямъ о своей кончинѣ (о которой онъ узналъ, какъ говорятъ нѣкоторые, изъ астрологическихъ свѣдѣній, въ которыхъ былъ очень опытенъ), и при этомъ указалъ на своего слугу Абдуррамана Йбни Мельджема (Abdurraman Ibni Meltzem), который наложитъ на него руку, и какъ дѣти съ горькими слезами умоляли отца своего, чтобы онъ остерегся и убилъ бы лучше самаго Абдуррамана, для того, чтобы такимъ убійствомъ отца не сдѣлать ихъ бѣдными сиротами, тогда всѣ Персы начали плакать. Плачъ этотъ продолжался и тогда, когда читалось о самомъ убійствѣ, которое совершилось въ мечети, во время моленья Алія, и о томъ, какъ глубоко сокрушались дѣти по смерти отца своего; въ это время большинство Персовъ рыдало. По окончаніи чтенія Хатибъ получилъ въ подарокъ отъ Хана новый шелковый кафтанъ, который онъ тотчасъ же и долженъ былъ надѣть на себя. За тѣмъ круговымъ шествіемъ везли (на верблюдахъ) 3 гроба, покрытыхъ чернымъ сукномъ, означавшихъ гробы Алія и его 2-хъ сыновей: Гассана (Hassan) и Госсейна (Hossein), и 2 продолговатые ящика, покрытые синимъ сукномъ, означавшіе хранилища (Repositoria) оставшихся духовныхъ книгъ Алія. За тѣмъ вели двухъ прекрасныхъ лошадей, на которыхъ лежали лукъ, стрѣлы, дорогія головныя повязки и множество побѣдныхъ знаменъ. Далѣе, одинъ человѣкъ на шестѣ несъ маленькую круглую башню, называемую у нихъ Нахалъ (Nachal), въ которую воткнуто было 4 сабли, едва видныя изъ подъ навѣшанныхъ украшеній. Наконецъ, нѣсколько человѣкъ несли на головахъ небольшія часовеньки или ковчежцы, Зелле (Selle) называемые, украшенные и увѣшанные перьями, лентами, цвѣтами и другими украшеніями, и въ каждомъ изъ нихъ лежалъ раскрытый Алкоранъ. Этѣ по-

слѣдніе поплясывали и прыгали подъ печальную музыку, которую играли на большихъ кимвалахъ, дудкахъ, бубнахъ и барабанахъ. Нѣсколько партій мальчиковъ, съ длинными шестами, прыгали кругомъ въ раздѣльномъ кружкѣ, хватали другъ друга за плечи и кричали одинъ за другимъ: «Гейдеръ, Гейдеръ» (Heider, Heider) (это имя Алія), Гассанъ, Госсейнъ! Въ такомъ торжественномъ шествіи всѣ отправились въ городъ. Это 21 Рамезана, въ которое Алій отдалъ свою душу, празднуется во всей Персіи въ глубокой печали, описаннымъ сейчасъ образомъ. Въ память же Магомета, ихъ великаго Пророка, нѣтъ у нихъ ни какого праздничнаго дня.

14-го Февраля утромъ праздновали мы день рожденія Посланника Бругмана выстрѣлами изъ большихъ пушекъ и игрою на трубахъ и барабанахъ, послѣ чего за обѣдомъ было великолѣпное угощеніе.

Въ нынѣшній же день, какъ въ новолуніе, Персы заканчиваютъ обыкновенно свой постъ, начинающійся 16 го Генваря или, по ихъ счету, съ 1-го Рамезана; но такъ какъ до ихъ Субботы (или Праздника), которую они празднуютъ въ Пятницу, оставалось только всего два дня, то Священники заблагоразсудили продолжать постъ до этого дня. Въ слѣдующій за тѣмъ день, именно 17-го Февраля, Ханъ давалъ большой пиръ для своихъ придворныхъ и знатныхъ господъ, пригласивъ на него и Посланниковъ, со всѣми сопутствовавшими имъ; пиръ этотъ опять былъ чрезвычайно веселый.

27-го числа возвратился Ханскій гонецъ, который посланъ былъ къ Шаху по нашему дѣлу, съ письмомъ Шаха и приказомъ: найскорѣе отправить насъ въ путь.

Обрадованные такою доброю вѣстью, Посланники поѣхали съ нѣкоторыми изъ насъ на охоту. Ханъ извинялся, что, за множествомъ дѣлъ, онъ не можетъ раздѣлять нашего общества, и прислалъ съ нѣсколькими своими охотниками собакъ, соколовъ и одного леопарда. Этотъ леопардъ, чрезвычайно ручной и хорошо выученный, доставилъ намъ найлучшее удовольствіе, по тому что,

опередивъ всѣхъ собакъ, онъ ловко ловилъ зайцевъ, и по зову охотника послушно садился снова позади его на крупъ лошади. Пока мы охотились, Ханъ, съ заготовленнымъ столомъ, отправился въ загородный садъ свой, въ надеждѣ перехватить насъ на обратномъ пути и угостить. Но какъ мы возвращались другою дорогой, и не пожелали возротиться къ нему, по приглашенію его, посланному имъ къ намъ съ гонцомъ, котораго мы встрѣтили уже у городскихъ воротъ, то онъ прислалъ въ жилье Посланниковъ нѣсколько большихъ блюдъ, полныхъ разныхъ кушаній, съ просьбою благосклонно принять ихъ и скушать на здоровье, такъ какъ онѣ изготовлены были собственно для насъ.

1-го Марта Персы праздновали другой свой праздникъ, называемый ими Хуммекадеръ (Chummekader), который бываетъ у нихъ 14-го Шеваля (Schewal), по ихъ Тагвиму (Tagwim) или Мѣсяцеслову. Въ этотъ день Алій вступилъ въ наслѣдство своего отца и тестя Магометова. На праздникѣ этомъ Ханъ опять великолѣпно угостилъ насъ въ палаткѣ, раскинутой на веселой площадкѣ, близъ выше помянутой рѣки. Тамъ были всякаго рода потѣхи: одни прыгали, другіе плясали, или продѣлывали искусныя скоморошества; особенно не дурна была пляска, которую съ быстрыми тѣлодвиженіями исполнилъ взрослый малый, съ двумя кимвалами, увѣшанными длинными шелковыми хвостами. Хорошъ былъ также и другой плясунъ, съ навѣшанными вокругъ тѣла нѣсколькими кимвалами, который проворно плясалъ совсѣмъ инымъ образомъ, чѣмъ на пирушкѣ у Хана. Далѣе черный Арабъ, легкій и проворный, представлялъ всевозможными движеніями обезьяну, прыгалъ и скакалъ вездѣ кругомъ между разставленными конфектами, взбирался на плечи гостей и даже къ одному изъ Посланниковъ, и въ ту же минуту спрыгивалъ долой. Еще одинъ скоморохъ выдѣлывалъ штуки съ покрываломъ, представлялъ сцену изъ камковаго покрывала, которое одной стороной обвязывалъ около своего пояса, а другую приподнималъ вверхъ, и съ такою кукольною комедіей ходилъ кругомъ, точно какъ это дѣлаютъ Русскіе комедіянты, о коихъ упомянуто было выше, въ своемъ мѣстѣ.

Внѣ палатки простой народъ также веселился, каждый, кто какъ умѣлъ и могъ, вели игры между собою съ плясками, пры-

гали, бѣгали въ запуски и стрѣляли въ цѣль. Самъ Ханъ пожелалъ опять испытать мѣткость стрѣльбы своей и сказалъ, что въ юности онъ попадалъ даже въ волосъ, и теперь, будучи 45 лѣтъ, хочетъ узнать, можетъ ли онъ это сдѣлать. Онъ подозвалъ для этого одного изъ своихъ мальчиковъ, и далъ ему подержать лошадиный волосъ, къ которому привязанъ былъ Schekhir или перстень (употребляемый Персами при стрѣльбѣ изъ лука и всегда почти носимый ими на большомъ пальцѣ), и въ шести шагахъ онъ дважды пересѣкъ стрѣлою волосъ на двое. Онъ приказалъ также подбросить вверхъ яблоко, и когда оно уже падало, прострѣлилъ его изъ длинноствольнаго ружья.

Послѣ шести часоваго добраго угощенія насъ Ханомъ, мы поѣхали съ нимъ верхами обратно въ городъ. На дорогѣ, когда мы выѣхали на широкую площадку, на которой Персы объѣзжаютъ своихъ лошадей, намъ показывали, къ какой быстрой ѣздѣ пріучены ихъ лошади (о другомъ обученіи лошадей, кромѣ быстроты бѣга, они ни чего не знаютъ). Сдѣсь же показывали намъ ихъ способъ вступать въ схватку съ непріятелемъ. Между прочимъ, хорошо было смотрѣть, какъ они преслѣдуютъ другъ друга метательными копьями или дротиками, при чемъ Персы не только мастерски бросали на всемъ скаку и издалека попадали въ преслѣдуемаго палками, которыя они употребляли сдѣсь вмѣсто копій, но также ловко схватывали рукою, пущенные въ нихъ дротики и, быстро оборачивая ихъ, бросали обратно въ своихъ преслѣдователей. На такихъ упражненіяхъ конюшій Ханскій получилъ награду, и Ханъ подарилъ ему прекрасную Арабскую лошадь.

3-го числа Персы праздновали день, который они называютъ Tzar schembe sur, т. е., печальный четвертый день недѣльный, который всегда бываетъ у нихъ въ ближайшую середу передъ весеннимъ равноденствіемъ (Aequinoctio vernali), или передъ ихъ Новымъ Годомъ. День этотъ они считаютъ несчастнѣйшимъ въ цѣломъ году. Персы увѣряютъ, что они не только знаютъ отъ своихъ предковъ, но и собственнымъ опытомъ дознали, что въ этотъ день со всѣми ими вообще случается только нехорошее, въ слѣдствіе чего они на цѣлый

день оставляютъ свои занятія, запираютъ лавки, даже немного выходятъ изъ дому, мало говорятъ, воздерживаются отъ брани и клятвъ, также какъ и отъ пьянства, главнымъ же образомъ никто въ этотъ день не платитъ денегъ; ибо они полагаютъ, что если что сдѣлаешь въ этотъ день, то то же будешь дѣлать и цѣлый годъ. По этому нѣкоторые богачи сидятъ въ этотъ день дома и считаютъ свои деньги. Иные же ходятъ съ кружкою за городъ къ рѣкѣ, потихоньку, молча и не озираясь, зачерпываютъ тамъ воду и обрызгиваютъ ею свои дома и комнаты, полагая, что такъ какъ вода свѣтлая, то она до нѣкоторой степени смываетъ и отклоняетъ несчастіе; если же при этомъ встрѣчаютъ на дорогѣ добраго пріятеля, то стараются и его обрызнуть водою, или же всю кружку вылить ему въ лицо и на голову. Когда это случается неожиданно для этого пріятеля, то это хорошій знакъ для облитаго, и онъ долженъ крѣпко благодарить за это. Дѣти и юноши, не состоящіе еще въ бракѣ и на которыхъ, по ихъ мнѣнію, не лежатъ еще ни какія домашнія заботы, также продѣлываютъ при этомъ свои штуки и причудливыя забавы. Такъ, одни изъ нихъ ходятъ по улицамъ и на рѣку съ барабанами, которые они называютъ Tunbek и которые дѣлаются изъ горшечной глины, съ длиннымъ открытымъ отверстіемъ; такіе барабаны берутъ они подъ мышку, обращая отверстіе назадъ и бьютъ по нимъ руками. Другіе же ходятъ съ прутьями, заходятъ въ рѣку по колѣна и выше, брызжутъ водою на приходящихъ за нею, или же вѣшаются на нихъ въ своихъ мокрыхъ одеждахъ, иногда же втаскиваютъ ихъ совсѣмъ въ воду, или разбиваютъ кружки у нихъ. Этѣ мальчуганы означаютъ у нихъ приносящихъ несчастіе, и если кто уйдетъ отъ нихъ не тронутый ими и сможетъ проворно, зачерпнувъ воду, уйти съ кружкою благополучно домой, тотъ и въ теченіи года избѣжитъ многихъ несчастій. По этому, Персы большею частію ходятъ въ это время за водою еще до свѣту, или же, если съ ними уже повстрѣчается такой вѣтренникъ, то прячутъ кружку свою отъ него подъ кафтанъ. Всѣ этѣ продѣлки совершаются большею частію до обѣда; когда же солнце переступитъ за полуденную черту, большинство Персовъ выходитъ и выѣзжаетъ прогуляться. Передъ обѣдомъ же никто не садится и на лошадь.

Вильгельмъ Шикгартъ (Schickhart), въ предисловіи къ «Кюлюстану или Розовому саду,» изданному Іоанномъ Фридрихомъ Оксенбахомъ (Ochsenbach), полагаетъ, что праздникъ этотъ установленъ Персами въ память Св. Іоанна Крестителя и его крещенія. Весьма можетъ быть, что древніе первоначально имѣли эту цѣль; ибо Іоаннъ очень славится у Персовъ, какъ весьма святой мужъ и гробъ его въ Дамаскѣ посѣщается и чтится и понынѣ, какъ это видно изъ 12-й главы 1-й книги моей Персидской «Долины розъ,» въ послѣдствіи же воспоминаніе это перешло въ описанное сейчасъ злоупотребленіе.

7-го Марта посѣтилъ Пословъ одинъ Католическій монахъ, Амвросій досъ Аніосъ (Ambrosius dos Anios), родомъ Португалецъ изъ Лисабона. Онъ сообщилъ намъ, что прибылъ изъ Тифлиса, что въ Грузіи (Georgia), въ 10-ти дняхъ пути отъ Шемахи, изъ одного монастыря Августинскаго ордена; что хотя онъ пришелъ только по дошедшему до него слуху о прибытіи въ этѣ мѣста почетнаго Посольства отъ одного важнаго Христіянскаго Государя Европы, но онъ не сомнѣвается, такъ какъ дѣло это уже много лѣтъ сдѣсь неслыханное, что Посольство это имѣетъ нѣчто важное и по отношенію къ распространенію Христіянства; по этому онъ надѣялся, что Гг. Посланники не сочтутъ за непріятное, если онъ явился не только для того, чтобы пожелать имъ счастія ради благополучнаго ихъ прибытія, но и предложить имъ свои услуги сообщеніемъ, какихъ имъ будетъ угодно, свѣдѣній о той, или другой, странѣ, или народахъ, среди которыхъ онъ живетъ теперь уже 27 лѣтъ. Хотя сначала, какъ и естественно, мы не совсѣмъ довѣряли ему, но въ продолженіи 10 ежедневныхъ свиданій, откровенныхъ бесѣдъ и вѣрныхъ свѣдѣній, сообщенныхъ намъ имъ, мы такъ познакомились и сошлись съ нимъ, что имѣли достаточное основаніе заключать, что онъ явился къ намъ съ честнымъ и добрымъ къ намъ расположеніемъ, за которое мы были ему благодарны, и такое заключеніе въ послѣдствіи мы могли провѣрить и на дѣлѣ. Кромѣ своего роднаго и Латинскаго языковъ, на которыхъ онъ объяснялся съ обоими Посланниками, онъ зналъ Грузинскій, Турецкій, Персидскій, къ изученію которыхъ онъ сообщилъ мнѣ особые, болѣе разумные и облегчающіе, пріемы.

10-го Марта Персы съ великимъ веселіемъ праздновали свой Новый Годъ, который они называютъ Naurus, о чемъ ниже будетъ сказано подробнѣе. По этому случаю нѣкоторые изъ насъ посланы были къ Хану, Калентеру и другимъ господамъ, съ пожеланіемъ счастія. Мы застали ихъ въ большомъ великолѣпіи, сидящихъ за столомъ, и приглашены были остаться за ихъ пиромъ. Прямо противъ Хана сидѣлъ одинъ говорунъ, котораго они называли Kasiechuan; съ страшными тѣлодвиженіями онъ прославлялъ славные подвиги своихъ Царей, какъ они богатырски сражались и побѣждали Турокъ, Узбековъ и другихъ непріятелей. Между тѣмъ Астрологъ вставалъ часто изъ за стола, бралъ съ своей астролябіей высоту солнца, часы, и такимъ образомъ наблюдалъ мгновеніе, когда солнце достигнетъ равноденственника, и какъ только желанная минута настала, онъ громко провозгласилъ Новый Годъ. Тотчасъ за тѣмъ сдѣлано нѣсколько выстрѣловъ изъ каменныхъ и полевыхъ пушекъ, заиграли въ трубы вездѣ на городскихъ стѣнахъ и башняхъ, забили въ барабаны, и такимъ образомъ праздникъ начался великимъ ликованіемъ, и день прошелъ въ доброй попойкѣ.

На слѣдующій день Ханъ продолжалъ тоже веселіе, пригласилъ къ себѣ Гг. Посланниковъ, съ помянутымъ выше монахомъ, и былъ съ нимъ такъ любезенъ и откровененъ, какъ никогда прежде.

20-го числа, къ вечеру, Ханъ и Калентеръ, сильно выпившіе, посѣтили уже въ послѣдній разъ Посланниковъ; ибо, говорили они, отъѣздъ нашъ долженъ послѣдовать скоро, а Ханъ, имѣя надобность ѣхать куда-то, не могъ дожидаться отъѣзда нашего. Когда они вступили въ дворъ, то Гакимъ или врачъ Ханскій, выдававшій себя также за звѣздочета, посмотрѣлъ на небо и сказалъ: «Этотъ часъ, Ханъ, не хорошъ для того, чтобы ты входилъ въ покои Frenk Eltzi, т. е., Нѣмецкихъ Посланниковъ.» По этому всѣ расположились на дворѣ и пили сдѣсь подъ открытымъ небомъ. Увидавши одного изъ пажей Посланника Крузе, мальчика весьма бѣлаго и красиваго лицемъ, Ханъ подозвалъ его къ себѣ и спросилъ. Гакима: «Какъ нравится ему этотъ мальчикъ? Онъ бы, Ханъ, желалъ, чтобъ это былъ сынъ его.» Гакимъ опять

возвелъ глаза къ небу и предсказалъ, по созвѣздіямъ, которыя онъ захотѣлъ увидѣть среди бѣлаго дня и на облачномъ небѣ, что если Ханъ пристально вглядится въ мальчика, такъ что образъ его хорошо напечатлѣется въ его воображеніи, и за тѣмъ пойдетъ къ женамъ, то у него можетъ родиться такой же сынъ. Этому совѣту Ханъ повѣрилъ, какъ бы оракулу (прорицателю), и онъ, поглядѣвши нѣсколько времени на мальчика, не сводя глазъ съ него, распростился потомъ и уѣхалъ.

Въ Шемахѣ былъ одинъ Персидскій невольникъ, по имени Фэррухъ (Farruch), рóдомъ изъ Русскихъ, но въ юности взятый въ плѣнъ, проданный въ Персію и обрѣзанный. Фаррухъ этотъ, обращаясь часто съ нашими людьми, съ которыми говорилъ по Русски, пришелъ къ намъ въ тотъ же вечеръ и предостерегалъ Посланниковъ, чтобы они не очень довѣряли нашему Персидскому толмачу, Рустаму. Ибо онъ писалъ въ Испагань къ друзьямъ своимъ и извѣщалъ ихъ, что хотя онъ довольно долгое уже время живетъ между Нѣмцами, какъ язычниками, но онъ все таки не сдѣлался отступникомъ отъ Магометанской Вѣры, какъ они это воображаютъ себѣ, и крѣпко держится ея, чему онъ по прибытіи представитъ и достаточныя доказательства. Рустамъ этотъ, иначе Георгіемъ именуемый, былъ родомъ Персъ и нѣсколько лѣтъ тому назадъ ѣздилъ въ Англію, съ Посломъ Персидскаго Шаха; но такъ какъ господинъ его обращался съ нимъ довольно строго, то онъ ушелъ отъ него, передался Англичанамъ, окрестился по ихнему и оставался тамъ нѣсколько лѣтъ. Въ наше время онъ находился въ Москвѣ, у Резидента Англійскаго Короля, какъ у своего крестнаго отца; узнавши, что мы ѣдемъ въ Персію, онъ употребилъ всевозможныя средства и просьбы выхлопотать себѣ дозволеніе отправиться съ нами въ Персію и обратно, для того, будьто бы, чтобы получить тамъ отцовское наслѣдство, съ помощію котораго онъ желалъ бы торговать въ Москвѣ, такъ что наконецъ, къ сожалѣнію, онъ былъ отпущенъ, давши обязательство, что воротится съ нами назадъ, и такъ какъ онъ намъ обѣщалъ оказать великую, вѣрную услугу и службу, то мы охотно взяли его къ себѣ въ качествѣ толмача. Когда же онъ пріѣхалъ въ Ардебиль, то мы начали замѣчать, что Фаррухъ правду говорилъ намъ о немъ; ибо Рустамъ пошелъ къ гробницѣ

великаго святаго Персидскаго, Шихъ-Сефи (Schich Sefi), палъ тамъ ницъ, молился и вообще заявилъ себя истымъ Магометаниномъ, въ чемъ далъ этѣмъ открытое доказательство. Когда же онъ былъ въ Испагани и сдѣлался намъ подозрительнымъ до нѣкоторой степени, въ обѣщанной имъ намъ вѣрности и вѣрѣ, то мы взяли его подъ стражу, но онъ тайно бѣжалъ изъ подъ стражи, скрылся въ Alla capi или домъ свободныхъ, бросился въ ноги Шаха и Сетера (Seter) или главнаго Начальника ихъ Вѣры съ слезами разскаянія и прощенія, отдался подъ ихъ защиту, и такимъ образомъ и остался въ Персіи.

22-го числа отецъ Амвросій, съ слезами на глазахъ, распростился съ нами и поѣхалъ обратно изъ Шемахи въ Тифлисъ, къ своей братіи.

24 го Ханъ, по обыкновенію, отсылалъ Шаху подарки къ Новому Году, тѣмъ болѣе дорогіе на этотъ разъ, что онъ считалъ себя въ немилости по дѣлу брата; недавно же онъ получилъ Шахово письмо, завѣрявшее въ возвращеніи ему всей Шаховой милости. Подарки состояли изъ нѣсколькихъ прекрасныхъ лошадей, головныхъ ременныхъ для нихъ сбруй или уборовъ, верблюдовъ, навьюченныхъ 30-ю подушками, набитыми лебединымъ пухомъ, и множествомъ Русской юфти; кромѣ того изъ нѣсколькихъ прекрасныхъ дѣвочекъ и мальчиковъ. Самъ Ханъ отправился тоже съ подарками, сказавши намъ, что проводитъ подарки за нѣсколько миль; но между тѣмъ онъ остался только внѣ города нѣсколько дней, а въ это время распоряженіями Калентера сдѣланы приготовленія къ нашему отъѣзду, и Посланникамъ нашимъ на домъ присланы были 60 тумеповъ или 460 рейхсталеровъ за то, что во все время они жили на свои деньги. Но такъ какъ сумма, назначенная на наше содержаніе по прежнему распоряженію и обѣщанію, должна была простираться до 120 тумеповъ, то присылка только сказанныхъ 60 тумеповъ казалась нѣсколько подозрительною; по чему Посланникъ Бругманъ приказалъ намъ, посланнымъ для переговоровъ съ Калентеромъ по другимъ дѣламъ, касавшимся нашего путешествія, мимоходомъ разузнать: по распоряженію ли Шаха, или по усмотрѣнію только Хана и Калентера, выданы были Посламъ сказанныя только 60 тумеповъ?

При этомъ намъ велѣно передать Калентеру, что хотя наши Посланники пріѣхали въ Шемаху не съ тѣмъ, чтобы получать сдѣсь деньги, но все таки они хотятъ взять ихъ съ собою въ Испагань, и за печатью Калентера, за которой онѣ присланы были и Посланникамъ, предъявить ихъ Шаху. Что, во всякомъ случаѣ, Гг. Посланники въ высшей степени были стѣснены тѣмъ, что такъ долго должны были прожить сдѣсь, тогда какъ хорошо было извѣстно, что приказаніе отправить ихъ далѣе давно уже было отъ Шаха получено. Калентеръ отвѣчалъ на это: «Мы ни чего не можемъ дать вамъ; деньги даны вамъ были не отъ насъ, но отъ Шаха, и что Шахъ приказывалъ, то мы и дѣлали для васъ, и даже болѣе ибо, пока не приходило Шахово приказаніе, все, что мы давали вамъ, давали изъ собственнаго кармана.» При этомъ онъ добавилъ, что «можемъ доносить, или не доносить, Шаху, говорить ему то и другое: они на это вниманія не обращаютъ; они и сами будутъ писать Шаху и пошлютъ ему нашу росписку. Что же касается до неудовольствія за долгое задержаніе, то случилось это не по ихъ съ Ханомъ волѣ: надо было не мало употребить времени для того, чтобы доставить достаточное количество подводъ и другихъ принадлежностей и вещей для такого большаго числа людей и поклажи.» Въ заключеніе онъ просилъ неотступно, чтобы мы были такъ добры, оказали ему дружбу передъ отъѣздомъ, еще разъ пожаловать къ нему въ гости. Мы исполнили эту просьбу Калентера, посѣтили его въ послѣдній разъ, и, кромѣ прекрасной пирушки, хозяинъ угостилъ и всякого рода дѣльными и забавными, увеселительными разговорами и вполнѣ радушнымъ пріемомъ.

27-го Марта присланы были намъ 60 повозокъ для клади и 130 лошадей для ѣзды верхомъ. Уложенную кладь, и 9 человѣкъ больныхъ людей, уже позднимъ вечеромъ Дворецкій (Гофмейстеръ) нашъ послалъ впередъ.

Прежде чѣмъ послѣдуемъ и мы за ними, обозримъ немного городъ Шемаху и лежащую кругомъ страну.

ГЛАВА XX.

О городѣ Шемахѣ и горахъ, лежащихъ около нея.

Городъ Шемаха различными писателями называется различно и помѣщается даже въ разныхъ мѣстахъ. Нѣкоторые, какъ на примѣръ: Бизаро, Барбаро и другіе, называютъ его: Sumachia, Summachia и Samachia; Испанцы же пишутъ его Xamachi. На картахъ одни помѣщаютъ его выше, другіе ниже Дербента, а нѣкоторые даже въ обоихъ сихъ мѣстахъ. Туземцы же и Персы называютъ его по нашему произношенію Schamachiė; лежитъ же онъ, считая по извилистой дорогѣ, идущей черезъ горы и между горами, въ 40 добрыхъ миляхъ или въ 6-ти дняхъ пути за Дербентомъ, или по ту сторону Дербента. Отъ Каспійскаго же берега, если ѣхать на лошади, или ити пѣшкомъ въ Баку (Bakuje), черезъ горы на Lahatz, гдѣ находится таможня, два дня пути, а тою же дорогою, на верблюдахъ, 4 дня, и 6 дней (какъ нѣкоторые пишутъ безразлично), когда съ тяжелымъ грузомъ на верблюдахъ, обходятъ горы долиною, при рѣкѣ Араксѣ (Aras). Долгота въ Шемахѣ 84° 30′ и широта 40° 50′. Онъ есть главный городъ значительной области, которая въ древности называлась Media Atropatia, теперь же Ширваномъ (Schirwan), хотя нѣкоторые писатели помѣщаютъ его въ Гирканіи другой пограничной области. Построенъ онъ, какъ говорятъ Персы, Шахомъ Ширваномъ; лежитъ же въ горахъ, по чему только тогда и увидишь его, когда подъѣдешь къ нему уже довольно близко. Въ прежнее время онъ былъ гораздо обширнѣе, имѣлъ до 5000 домовъ, но при Шахѣ Абасѣ (Abas), въ слѣдствіе войны съ Турками, значительно уменьшился. Онъ раздѣлялся на 2 особыя части, и обѣ этѣ части обнесены были каменными стѣнами. Но когда Шахъ Абасъ увидѣлъ, что Турки нападаютъ большею частію на защищенныя и укрѣпленныя мѣста и стараются взять ихъ, открытыя же поселенія оставляютъ безъ вниманія, и когда онъ такимъ образомъ пришелъ къ заключенію, что крѣпости, сооружаемыя не на границахъ и дорогахъ, а внутри страны болѣе вредны, чѣмъ полезны, то онъ приказалъ срыть стѣну въ южной части, имѣвшей

наиболѣе крѣпкую стѣну, такъ что теперь часть эта представляетъ совершенно открытое мѣсто. Такимъ же образомъ поступлено было и съ большими городами: Таврисомъ (Tabris или Tauris), Нахичеванью (Nachtzuan) и Кенчемъ (Kentzae).

Турки, отнявъ у Персовъ однажды городъ Шемаху, и желая укрѣпить его, воздвигли эту стѣну изъ однихъ надгробныхъ камней, которые они расхитили съ Персидскихъ могилъ и свезли сюда отовсюду.

Сѣверная часть города нѣсколько меньше, лежитъ на холмѣ, въ окружности также велика, какъ, на пр., Лейпцигъ, и окружена хотя каменной, но плохой, безъ рвовъ, стѣною, черезъ которую, даже при запертыхъ воротахъ, легко проникнуть въ городъ. Тѣмъ не менѣе эта часть города имѣетъ 5 воротъ. Улицы въ обѣихъ частяхъ города очень узкія, съ низкими изъ камня, глины и земли выстроенными, домами, населенными Персами, Армянами и нѣсколькими Грузинцами, которые всѣ, хотя каждый изъ этѣхъ народовъ имѣетъ свой особый языкъ, обыкновенно говорятъ по Турецки, равно какъ и въ цѣломъ Ширванѣ. Главнѣйшія занятія ихъ составляютъ: пряжа, тканье шелка и шерсти и разныя вышиванья.

Въ южной сторонѣ города есть большой торгъ или базаръ, съ нѣсколькими крытыми улицами, въ которыхъ Персы имѣютъ свои лавки со всякого рода товарами: пестрой камкой, шелкомъ, серебряными и золотыми вещами, луками, стрѣлами, саблями и другими рукодѣльями, каковые товары можно купить сдѣсь довольно дешево. На этомъ же торгѣ есть еще два складочные или торговые дома (гостиныхъ двора), съ разными ходами и покоями, которые занимаютъ иностранные купцы, ведущіе сдѣсь оптовую торговлю своими товарами. Одинъ изъ этѣхъ домовъ или подворій называется Шахъ Каравансерай (Schach Carwanserà), гдѣ помѣщаются Русскіе купцы и торгуютъ оловомъ, мѣдью, юфтью (кожей) и соболями, другой же называется Лозги (Лезгинъ) Каравансерай (Losgi Carwanserà), въ которомъ находятся Черкаскіе Татары и ведутъ тамъ свою торговлю, именно: лошадьми, женами, малыми и взрослыми дѣвицами, служанками и

мальчиками, которыхъ они частью вымѣняли, или купили, частію же понакрали съ Русскихъ границъ и другъ у друга. Когда мы были сдѣсь на обратномъ пути, то Русскій Посланникъ, Алексѣй, человѣкъ весьма веселый, любящій забавы и еще молодой, пошелъ въ этотъ послѣдній каравансерай, изъ желанія поглядѣть на живой товаръ и, между прочимъ, за одного мальчика, довольно красиваго лицомъ и хорошо сложеннаго, за котораго просили 6 тумановъ, предложилъ 2 тумена, т. е., 32 рейхсталера, но такая цѣна такъ обидной показалась Черкаскому торговцу людьми, что онъ, ударивъ мальчика по задницѣ, съ полнымъ безстыдствомъ сказалъ: «Одною этою частью ты можешь въ своей жизни наслаждаться на гораздо большую сумму!» Въ этомъ же каравансераѣ пристаютъ Евреи, которые привозятъ сюда изъ Тессерана (Thesserahn) превосходнѣйшіе шерстяные ковры.

Въ городѣ находится 3 бани, называемыя ими Гамамъ (Hamam); онѣ у Персовъ въ особенномъ ходу, какъ и у Русскихъ, ежедневно посѣщаются, и въ двѣ изъ нихъ ходятъ днемъ женщины, а ночью мужчины, въ 3-ю же, которая находится недалеко отъ замка и называется Гамамъ Шихъ (Hamam Schich), ходятъ только одни мужчины. Передъ этой послѣдней баней стоятъ два большія дерева, которыя Персы высоко и дорого чтутъ, потому что они посажены и взрощены сдѣсь ради одного святаго, по имени Шихъ Мурита (Schich Murith), погребеннаго подлѣ этой бани въ одной мечети. Доходы съ этой бани идутъ на содержаніе гробницы святаго, на свѣчи, полотно и проч., а остальное на бѣдныхъ. Въ сказанную мечеть народу стекается гораздо болѣе, чѣмъ въ другія мечети, которыхъ въ городѣ Шемахѣ и внѣ его всего шесть.

Городъ, равно какъ и вся область Ширванъ, управляется однимъ Ханомъ и Калентеромъ, какъ управителемъ и градоначальникомъ, которые мѣстожительство свое имѣютъ въ сѣверной части онаго. Ханъ завѣдываетъ правосудіемъ, имѣетъ постоянно бдительный надзоръ надъ цѣлою областью для защиты и отъ непріятеля, и съ 1000 воинами, содержимыми самою областью, всегда долженъ быть на готовѣ къ бою. Калентеру же поручается казна, именно сборъ доходовъ и извѣстныя расплаты; но онъ

не можетъ съ Шахомъ выступить въ поле, по тому что городъ долженъ быть снабженъ постояннымъ защитой.

Знакомый нашъ Ханъ назывался Аребъ (Areb), держалъ при себѣ великолѣпный придворный штатъ, хотя по роду и былъ происхожденія низкаго (на что въ Персіи, впрочемъ, мало обращается вниманія), именно, онъ былъ сынъ одного крестьянина и родился въ области Серабъ (Sserab), лежащей между Ардебилемъ и Таврисомъ. Онъ прославился своею храбростію до того, что когда Шахъ Сефи пошелъ осаждать крѣпость Эрванъ (Eruan) (Эривань), которую онъ вознамѣрился снова отнять у Турокъ, то назначилъ его, Ареба, главнымъ начальникомъ надъ орудіями (Цейгмейстеромъ), и такъ какъ въ этой осадѣ онъ сражался съ такимъ мужествомъ, что не только получилъ множество ранъ, которыя онъ намъ однажды на пиру показывалъ на головѣ и рукахъ, но и представилъ Шаху нѣсколько отрубленныхъ имъ Турецкихъ головъ, то онъ и сдѣланъ былъ Ханомъ, на мѣсто прежняго, называвшагося Феррухъ Ханъ и погибшаго во время этой самой осады. Онъ былъ, также какъ и Калентеръ Яябекъ (Jajabek), высокаго роста и съ величавымъ лицомъ, только не во время попойки, которой оба они весьма преданы, и Аребъ Ханъ даже болѣе, чѣмъ Яябекъ, вообще же оба очень любезные люди.

Изъ древностей въ Шемахѣ мы не нашли ни чего достопамятнаго. Никто ни чего не знаетъ объ отвратительной башнѣ, которая, какъ свѣдѣтельствуетъ Англичанинъ Іоаннъ Картрайтъ (Cartwrigt), въ своемъ описаніи путешествія, была возведена изъ булыжника и плитняка, между которыми вмазано множество головъ бывшаго когда-то сдѣсь благороднаго населенія. Хотя я и нашелъ въ городской стѣнѣ втиснутыя въ камень двѣ мужскія головы, но никто не могъ объяснить мнѣ, что онѣ означали. Въ остальномъ же все обстоитъ сдѣсь такъ, какъ помянутый сейчасъ Англичанинъ пишетъ объ одной древней разрушенной крѣпости, лежащей недалеко отъ Шемахи. Такъ, въ полумили на сѣверъ отъ города, находится довольно высокая крутая гора, которую Персы называютъ Кале Кюлустанъ (Kalae Külüstahn); у этой горы и на ней видна еще бездна обломковъ стѣнъ бывшей сдѣсь когда-то сильной крѣпости. На вер-

шинѣ глубокій погребъ, выложенный прекрасными большими четвероугольными камнями, и подлѣ погреба колодязь. Намъ разсказывали, что крѣпость эту построилъ сдѣсь когда-то Ширванъ Шахъ (ибо въ древности страна эта имѣла собственныхъ своихъ Царей), въ память имени одной изъ своихъ наложницъ или хассе (Chassa), которую онъ любилъ болѣе прочихъ и которая называлась Külüstahn, но Александръ Великій разрушилъ будьто бы эту крѣпость. Внизу, въ долинѣ, течетъ рѣка, по обѣимъ берегамъ которой идетъ плодородная земля, весною покрывающаяся множествомъ прекрасныхъ цвѣтовъ и разноцвѣтныхъ тюльпановъ, которые сдѣсь растутъ въ дикомъ состояніи; полагаю, что отъ этого и гора получила свое имя; ибо Külüstahn значитъ долина розъ, или мѣсто, гдѣ растетъ много рбзъ и цвѣтовъ, а Kalae означаетъ крѣпость. Недалеко отъ Кале Кюлустана, въ сторону къ Шемахѣ, есть другая, еще высшая гора, на которой стоятъ двѣ часовни, изъ коихъ въ первой и важнѣйшей изъ нихъ, выстроенной въ видѣ паралелограмма, былъ высокій, изъ камня сложенный, гробъ, увѣшанный множествомъ пестрыхъ лоскутковъ, тряпочекъ, согнутыхъ тростниковъ, перевязанныхъ шелкомъ на подобіе луковъ; въ другой же часовнѣ стояло два гроба, увѣшанныхъ подобными же украшеніями. Въ обѣихъ этѣхъ часовняхъ покоятся святые мужи; по чему Персы часто приходятъ суда и молятся у гробовъ ихъ.

Сдѣсь же, спустясь только на нѣсколько ступеней, можно войти въ глубокій со сводами склепъ, въ которомъ погребена Амелекъ Канна (Amelek Kanna), дочь одного Царя. Дочь эта имѣла особое расположеніе къ одиночной, дѣвической жизни; отецъ же ея хотѣлъ силою принудить ее выйти замужъ за одного Татарскаго Князя, въ слѣдствіе чего она и лишила себя жизни. Весьма можетъ быть, какъ свѣдѣтельствуетъ это, часто уже упоминаемый выше, писатель, что нѣкогда дѣвицы этѣхъ мѣстъ, въ извѣстное время года, собирались сюда для оплакиванія смерти Амелекъ Канны, но теперь Персы ровно объ этомъ ни чего не знаютъ. Если же жители города Шемахи и окрестъ лежащихъ селеній, въ теченіи нѣсколькихъ недѣль лѣтомъ, посѣщаютъ въ великомъ множествѣ эту гору, равно какъ и гору Кюлустанъ, то случается это не ради помянутой дѣвицы, но по другой причинѣ, именно, въ слѣдствіе

прохладнаго воздуха, бывающаго на вершинахъ этѣхъ горъ; ибо въ равнинѣ, внизу, настаетъ въ это время сильная и невыносимая жара. При такихъ-то обстоятельствахъ и случается, что Персы, по обыкновенію своему, покланяются при гробахъ покоющихся тамъ ихъ святыхъ (Руг) чаще, чѣмъ въ другое время. Нѣкоторые ремесленники и бѣдные люди проводятъ тамъ только время дня, ночью же они спускаются съ нихъ въ дома свои. Ханъ же, Калентеръ и другіе вельможи остаются тамъ постоянно въ своихъ палаткахъ почти цѣлые три мѣсяца, въ которые бываетъ сильный жаръ. Скотъ свой Персы гоняютъ на это время на гору Эльбурсъ (Elburs), гдѣ находится не только сносный воздухъ, но и хорошія пастбища. Эльбурсъ есть часть Кавказскихъ горъ, въ области Табесеранъ (Tabesseran), граничащей съ Грузіей, и высоты его очень хорошо видны съ описанныхъ сейчасъ горъ. На этомъ Эльбурсѣ Персы нѣкогда держали свой неугасаемый огонь и поклонялись тамъ ему; но теперь этого огня и его поклонниковъ нѣтъ, какъ нѣтъ и у Еше (Jesche), гдѣ Тейксера (Teixera) неправильно еще помѣщаетъ ихъ, а за нимъ повторяютъ и другіе писатели это извѣстіе, да и нигдѣ въ Персіи, и они удалились оттуда въ Индію, въ которой и теперь еще осталась особая секта такихъ огнепоклонниковъ, о чемъ подробнѣйшее свѣдѣніе можно найти въ описаніи путешествія Высокороднаго Іоанна Альбрехта Фонъ Мандельсло.

ГЛАВА XXI.

Путешествіе отъ Шемахи до Ардебиля.

Возвратимся опять къ нашему путешествію. Отославши, какъ сказано, 27-го Марта, вечеромъ, наши вещи впередъ, Гг. Посланники, на слѣдующее утро, за два часа до разсвѣта, и сами отправились за ними. Такъ какъ Ханъ и Калентеръ Шемахинскіе не такъ уступчиво заявили себя относительно вознагражденія издержанныхъ нами на продовольствіе денегъ, какъ мы надѣялись, то Посланникъ Бругманъ не хотѣлъ, чтобы Калентеръ,

или какой ни будь другой Персіянинъ, провожали насъ изъ города; по этому Посланники, взявъ свои пистолеты подъ мышки, вышли еще затемно изъ города, сѣли тамъ на лошадей и поѣхали въ путь съ нѣсколькими изъ прислуги; остальные также послѣдовали потомъ за ними. Остановившись въ двухъ миляхъ отъ города покормить лошадей, нашли мы одного изъ солдатъ своихъ, именно Александра Чамерса (Schaumers), Шотландца, который хоть и былъ боленъ, но уже почти выздоровѣлъ, сидящимъ въ повозкѣ мертвымъ; мы похоронили его тутъ же, на веселомъ холмѣ, поросшемъ множествомъ гіацинтовъ, на лѣво отъ дороги, и послѣ обѣда проѣхали еще съ полмили далѣе, до гробницы одного Персидскаго святаго Мардехана (Pyr Mardechan), находящейся въ краѣ Факерлу (Fakerlu), расположились тамъ на голомъ полѣ подъ повозками и вообще имѣли прескверпѣйшій ночлегъ, по тому что цѣлую ночь была чрезвычайно бурная погода, съ сильнымъ громомъ, молніей, вѣтромъ, дождемъ, снѣгомъ и морозомъ, и ко всему этому Посланникъ Бругманъ приказалъ еще стрѣлять изъ большихъ пушекъ. На слѣдующій день Бругманъ жестоко разсердился на Персовъ, за то, что нѣсколько металлическихъ пушекъ оставлено было въ Шемахѣ, по тяжести ихъ для лошадей, не могшихъ ихъ везти на сдѣланныхъ для того станкахъ; укорялъ въ томъ Мегемандаря, осыпая его бранными словами, плевалъ на Хана, Калентера и даже на самаго Мегемандаря, говоря, что все, что они обѣщали сдѣлать, была чистая ложь, и приказалъ сказать Хану, что или Ханъ поплатится за это головою, или онъ, Бругманъ, положитъ свою собственную. Сначала мы думали было остаться въ этомъ мѣстѣ и ждать, пока не привезутъ наши пушки, но увидавши и сообразивши неудобность мѣста, въ которомъ не было ни человѣка, ни скота, ни огня, ни дровъ, ни пищи, ни топлива, и имѣя притомъ въ виду, что и погода стояла чрезвычайно холодная и мы почти всѣ дрогли въ своихъ мокрыхъ одеждахъ, чего, конечно, не могли на долго вынести ни больные, ни молодые люди наши, мы порѣшили продолжать путь далѣе, и черезъ двѣ мили, миновавъ лежащій на право караван-серай Тахтши (Tachtschi), проѣхали еще двѣ мили далѣе, до конца Шемахинскаго горнаго хребта.

Вершина этого хребта идетъ низкими холмами и чрезвычайно плодородна; зимой же и весной сдѣсь большею частію падаютъ дожди, снѣгъ и вообще бываетъ сырая погода. Съ края этой горы открывался внизъ восхитительный видъ, по тому что страна, растилавшаяся внизу, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ представляла на цѣлыя 10 миль, а въ иныхъ и болѣе, совершенно гладкую равнину, всю въ зелени и веселую подъ яснымъ небомъ и при солнечномъ освѣщеніи, тогда какъ наверху, напротивъ, мы окружены были дождемъ и снѣгомъ. На этой равнинѣ, точно на разостланной картѣ, видны были также чрезвычайно красиво изливающіяся и сливающіяся вмѣстѣ двѣ, прославленныя писателями рѣки, Араксъ и Куръ (Aratzin, Cyrum).

Нѣкоторые изъ насъ, ѣхавшіе впереди, проѣхавъ гору, которая хотя и была длиною въ полмили, но удобо проходима и не крута, спустились внизъ и вышли на прекрасный ясный воздухъ; оглянувшись назадъ на остальныхъ, ѣхавшихъ позади, они представлялись намъ, какъ бы выходившими изъ облаковъ длинными рядами и спукавшимися внизъ; ибо верхняя часть хребта одѣта была густымъ туманомъ и какъ бы укутана въ облака. Мы остановились внизу, у подошвы горы, направо, въ нѣсколькихъ отакахъ (Ottak) или Татарскихъ лачужкахъ, которыя раскинули сдѣсь пастухи, живя тутъ отдѣльными обба (Obba) или ордами, при своихъ стадахъ.

30-го Марта мы проѣхали равниною 4 мили до селенія Казилю (Kasilü). По дорогѣ намъ повстрѣчались нѣсколько пастуховъ, съ своими стадами, домомъ, дворомъ, женами, дѣтьми и со всѣми принадлежностями ихъ хозяйства, ѣхавшихъ на повозкахъ и верхами на лошадяхъ, на которыхъ, равно какъ на быкахъ, коровахъ и ослахъ, были нагружены ихъ пожитки; встрѣчи этѣ представляли довольно забавное зрѣлище. Въ этотъ день, равно какъ и послѣ, во все время дальнѣйшаго пути, мы большею частію имѣли чистое ясное небо и прекрасную погоду, и нигдѣ, развѣ иногда только около и у вершинъ горъ, не видали пасмурнаго неба.

Послѣдняго Марта проѣхали мы двѣ мили далѣе, по направленію къ морскому берегу, до селенія Джаватъ (Tzawat),

лежащаго при рѣкѣ Курѣ (Kür) и состоящаго изъ тростниковыхъ и камышевыхъ хижинъ, обмазанныхъ глиною. Четверть мили далѣе Араксъ, называемый нынѣ Персами Арасъ (Aras), впадаетъ въ Куръ (Cyrum) или въ Кюръ (Kür), подъ 39°, 64′ высоты полюса; до соединенія этѣхъ рѣкъ Араксъ течетъ съ юго-запада, а Куръ съ запада-сѣверо-запада. Каждая изъ нихъ, шириною въ 140 шаговъ, катитъ свои темныя, тихія и глубокія воды въ довольно крутыхъ берегахъ. По берегамъ ихъ, также какъ и по всему Мокану (Mokan), въ лугахъ, растетъ Glycyrrhiza или солодковый корень въ большомъ изобиліи и иногда толщиною съ руку. Вываренный сокъ изъ него гораздо слаще и пріятнѣе на вкусъ, чѣмъ у насъ въ Германіи.

Рѣка Куръ составлетъ границу между Ширваномъ и Моканомъ; у селенія Джаватъ черезъ нее перекинутъ фашинный изъ тростника мостъ, черезъ который мы перебрались 2-го Апрѣля, и на другой сторонѣ рѣки, въ Моканѣ, встрѣчены были новымъ Мегемандаремъ или проводникомъ, котораго прислалъ къ намъ Ханъ Ардебильскій. Для дальнѣйшей ѣзды нашей верхомъ и для возки клади, намъ дали сдѣсь 40 верблюдовъ и до 300 лошадей; ибо по причинѣ высокихъ горъ и глубокихъ долинъ, черезъ которыя шла дорога, на повозкахъ ѣхать было не возможно. Кромѣ обильныхъ для возки средствъ, мы начали получать сдѣсь и достаточное продовольствіе, а именно: ежедневно по 10 овецъ, по 30 жбановъ вина, рису, масла, яицъ, миндаля, изюма, яблокъ и проч., сколько было угодно. Такимъ образомъ, въ Воскресенье, отслушавъ проповѣдь, пустились мы далѣе, и дорога наша шла почти постоянно въ милѣ отъ Аракса. Ночной привалъ имѣли мы въ полумилѣ отъ берега, въ рощѣ, въ круглыхъ пастушьихъ шалашахъ, которые Мегемандарь нарочно велѣлъ устроить для насъ.

3-го числа мы проѣхали въ той же рощѣ далѣе 4 ферзанга (fersang) или мили и ночевали опять въ тѣхъ же шалашахъ, посланныхъ впередъ. Въ этотъ день мы видѣли нѣсколько большихъ стадъ дикихъ животныхъ, которыя по Турецки называются Джейранъ (Tzeirin), по Персидски Агу (Ahu), и которыя видомъ похожи на серну, но имѣютъ красноватую шерсть, рога безъ отрост-

ковъ, загнутыя назадъ, какъ у дикой козы, и бѣгаютъ весьма быстро. Этотъ родъ дичи водится только въ Моканѣ, также около Шемахи, Карабаха и Мерраге (Karrabach, Merragè).

4-го числа проѣхали мы еще 6 миль далѣе и остановились у рѣки, называемой Балгару (Balharu); хотя разстояніе это мы могли проѣхать по кратчайшей дорогѣ, рощею, но, по причинѣ бывшей сдѣсь грязи, должны были сдѣлать такой обходъ къ рѣкѣ. Сдѣсь мы нашли множество черепахъ. Животныя этѣ на высокомъ берегу, а также и внутри страны на холмахъ, вырываютъ въ пескѣ норы, и кладутъ въ этѣ норы свои яйца, въ сторонѣ, обращенной къ полудню, для того, чтобы онѣ наиболѣе пригрѣвались солнцемъ. Увидѣвъ на другомъ берегу рѣки людей, жившихъ тамъ въ хижинахъ, нѣкоторые изъ насъ, желая узнать, что это за народъ, перебрались къ нимъ и разговарились съ ними. Дѣти этѣхъ людей бѣгали совершенно голыя; взрослые же люди были въ грубыхъ выбойчатыхъ кафтанахъ; они обращались съ нами ласково и добродушно и принесли намъ напиться молока. Они думали, что мы были солдаты и пришли сюда для того, чтобы помочь ихъ Шаху противъ Турокъ, по чему и желали намъ, чтобы Богъ помогъ намъ прогнать непріятеля до самаго Стамбула, какъ называли они Константинополь.

5-го Апрѣля мы проѣхали до конца Моканскую рощу (боръ), къ хребту и странѣ Беджирванъ (Betziruan), переправлялись черезъ одну небольшую рѣчку, по причинѣ ея извилистаго теченія, 12 разъ, и остановились на ночлегъ въ селеніи Шехмуратъ (Schechmurat), отстоявшемъ въ 5-ти миляхъ отъ вчерашняго ночлега. Дома въ этомъ селеніи были пристроены къ горѣ и въ горѣ, такъ что только передняя ихъ часть сложена была изъ плитъ, а задняя входила въ гору, и жилья этѣ покрыты были тростникомъ. Всѣ этѣ жилища были пусты. Причиною тому было то, что люди Аребъ Хана, которыхъ онъ послалъ прежде насъ къ Шаху съ подарками къ Новому Году, прошли сдѣсь впереди насъ и распустили о насъ ложный слухъ, будьто мы такой страшный и ненавистный народъ, что куда ни придемъ, все разграбимъ, расхитимъ, а людей перебьемъ; по этому, поселяне сдѣшніе отъ страха всѣ бѣжали отсюда и ушли въ горы.

Сдѣсь нѣкоторые изъ насъ всходили на чрезвычайно высокую и скалистую гору, поискать травъ и обозрѣть страну; но мы не нашли тамъ ни чего особеннаго, а вокругъ лежащій горный хребетъ закрывалъ отъ насъ все кругомъ. На вершинѣ горы изъ одной разсѣлины скалы билъ чистый прекрасный ключъ, въ которомъ, въ трещинѣ одного камня, черезъ которую бѣжала вода, мы нашли морскаго рака; для тѣхъ изъ насъ, которые не видывали подобныхъ животныхъ, ракъ этотъ былъ чудомъ и животнымъ ядовитымъ. Въ самомъ дѣлѣ, удивительно, какъ могъ зайти ракъ въ это мѣсто, находящееся болѣе чѣмъ въ 2 миляхъ отъ моря и на такой высокой горѣ; тѣмъ не менѣе это былъ дѣйствительно морской ракъ. Мы сѣли у ключа, съ грустными мыслями вспомнили о любезномъ нашемъ Отечествѣ, сожалѣли о счастіи и удовольствіяхъ въ Германіи, которую мы должны были оставить и влачить жизнь нашу въ такихъ дикихъ мѣстахъ, среди нехристіанскихъ народовъ, выпили водою здоровье добрыхъ нашихъ друзей въ Германіи и спустились опять внизъ, не безъ опасности, такъ какъ гора была крайне крутая.

6-го числа проѣхали мы черезъ горы и между горъ всего только двѣ мили, видѣли въ разныхъ мѣстахъ фиговыя деревья, росшія въ дикомъ состояніи, и заѣхали наконецъ въ одно вымершее селеніе Дизле (Disle). Только что расположились было мы въ этомъ селеніи на прескверное помѣщеніе, какъ извѣстились, что въ минувшую осень всѣ дома опустѣли сдѣсь отъ мора; по этому Посланники, съ большею частью сопутствовавшихъ имъ, тотчасъ же выѣхали изъ селенія въ открытое поле, гдѣ разбили палатку для себя, около которой остальной народъ расположился, сначала подъ открытымъ небомъ, а позднимъ вечеромъ въ нѣсколькихъ круглыхъ шалашахъ, которые, по приказанію Мегемандаря, привезены были на волахъ. Этотъ родъ шалашей дѣлается изъ длинныхъ жердей или рогуль, соединенныхъ вверху въ одинъ кружокъ, такъ что они быстро могутъ быть раскинуты и опять собраны и сложены. Случилось, что благородный Іоаннъ Христофоръ Фонъ Ухтерицъ, замѣшкавшись нѣсколько въ селеніи, пришелъ къ Посланникамъ въ палатку; Посланникъ Бругманъ сдѣлалъ ему за это такой грубый выговоръ, говоря, что онъ пришелъ изъ домовъ, зараженныхъ язвою, и заразитъ,

пожалуй, и ихъ, Посланниковъ, что бѣдный Ухтерицъ сильно перепугался и отъ испугу впалъ въ продолжительную лихорадку. Нѣкоторые же изъ насъ, видя, что воздухъ наполнялся густымъ вонючимъ туманомъ и стало холодно, собрались вмѣстѣ въ одинъ домъ, наносили себѣ дровъ, развели посреди дома большой огонь, усѣлись около него, повеселили себя добытымъ въ прошломъ ночлегѣ виномъ, бывшимъ у каждаго въ своей флягѣ и такимъ образомъ провели эту ночь, разгоняя страхъ язвы всякаго рода веселыми разговорами и шутками. Въ этомъ селеніи Восточно-Индійцы, торгующіе въ Шемахѣ, начали строить большой караван-серай, который былъ уже готовъ болѣе половины.

Отсюда до каравансерая Аггисъ (Aggis) 5 миль; по дорогѣ растетъ множество полыни, и путешественники никогда не даютъ ѣсть травы по этой дорогѣ своимъ верблюдамъ и лошадямъ; ибо они по опыту знаютъ, что подножный кормъ сдѣсь ядовитъ и скотъ отъ него околѣваетъ. По этому, 7-го числа выпало намъ довольно трудное путешествіе; ибо мы должны были сдѣлать 10 миль, чрезъ довольно высокія горы, которыя и проѣхали большею частью рысью и покормивъ всего только одинъ разъ. И такъ какъ и погода была предурная, съ рѣзкимъ вѣтромъ и снѣгомъ, то не только прислуга наша, ѣхавшая цѣлый день не ѣвши, измучилась вся и заболѣла, но и верблюды одни стали, а другіе просто пали подъ тяжестію клади. Въ полдень мы миновали помянутый сей часъ каравансерай Аггисъ, оставя его съ правой стороны; онъ былъ довольно великъ и построенъ отлично, такъ что подобнаго мы нигдѣ еще не встрѣчали. У этого каравансерая встрѣтилъ насъ хорошо разодѣтый Персіянинъ, съ двумя слугами, который объявилъ, что онъ присланъ Шахомъ намъ на встрѣчу, съ приказаніемъ быть нашимъ Мегемандаремъ и имѣть доброе стараніе о томъ, чтобы Гг. Посланники были хорошо продовольствуемы и поскорѣе доставлены къ Шаху. Вечеромъ прибыли мы въ селеніе Джанлю (Tzanlü), лежащее на одной горѣ. Хотя въ немъ были прекрасные большіе сады изъ плодовыхъ деревьевъ, но не было ни какого дерева для топки, по чему мы принуждены были жечь коровій, верблюжій и конскій пометъ, чтобы обогрѣться. Въ эту ночь нашъ Квартирмейстеръ посланъ былъ впередъ въ Ардебиль, чтобы приготовить тамъ помѣщенія для насъ.

8-го числа, послѣ завтрака, пустились мы далѣе, черезъ гору Джицетлу (Tzizetlu), и проѣхали 3 добрыхъ мили. Внизу, въ концѣ горы, течетъ рѣчка Карасу (Karasu), идущая изъ Гилянскаго хребта Бакру (Bakru) и впадающая въ Арасъ; сдѣсь, у селенія Самьянъ (Samian), черезъ эту рѣчку довольно искусно устроенъ, на 6 сводахъ, каменный мостъ, длиною въ 90 шаговъ, черезъ который мы и переѣхали.

Полмили далѣе за этѣмъ мостомъ лежитъ селеніе Джабедаръ (Tzabedar), находящееся въ 2-хъ небольшихъ миляхъ отъ Ардебиля; мы въѣхали въ это селеніе, и остались въ немъ на слѣдующій день, бывшій праздникомъ Пасхи. Сдѣсь жители собираютъ коровій и конскій пометъ въ большія остроконечныя кучи, частію складываютъ его по стѣнамъ, чтобы просушить на воздухѣ и солнцѣ и сдѣлать годнымъ топливомъ. Дома и покои сдѣсь полны были насѣкомыми, вшами и блохами, которыя крѣпко осадили и помучили насъ.

9-го Апрѣля мы праздновали наше Свѣтлое Воскресеніе, съ восходомъ солнца трижды стрѣляли изъ пушекъ и ружей, и затѣмъ отправили Богослуженіе съ проповѣдью.

Въ полдень къ намъ пришелъ нашъ новый, присланный отъ Шаха, Мегемандарь, по имени Неджестъ-Бекъ (Netzestbek), умный и веселый господинъ, посѣтить Посланниковъ и поздравить ихъ съ праздникомъ; онъ принесъ съ собою и подарки, именно: 5 вяленыхъ рыбъ, блюдо полное хлѣба, гранаты, яблока, особый родъ грушъ, похожихъ видомъ на лимоны, весьма сочныхъ, съ страннымъ, но пріятнымъ, запахомъ и вкусомъ, также огурцы, соленой лукъ и Шираское вино, которое въ Персіи считается самымъ лучшимъ.

ГЛАВА XXII.

Какъ встрѣтили насъ передъ Ардебилемъ, какъ ввели въ него и угощали насъ.

10-го Апрѣля, т. е., въ Понедѣльникъ на Святой Недѣлѣ, мы были торжествено введены въ Ардебиль, что совершилось еще съ большимъ оживленіемъ и съ болѣе страннымъ поѣздомъ, нежели какъ это было въ Шемахѣ. Такъ, когда въ полдень мы медленно ѣхали въ своемъ обычномъ порядкѣ, насъ встрѣтили сначала нѣсколько сильныхъ отрядовъ отлично разодѣтыхъ конниковъ, которые, повидавшись съ нами и сдѣлавъ дружеское привѣтствіе, вернулись и поѣхали впереди насъ.

По сю сторону прекраснаго большаго селенія Кельгеранъ (Kelheran), которое, по его краснымъ пестрымъ башнямъ, мы приняли было сначала за городъ, но которое лежитъ еще въ полумили отъ него, подъѣхалъ Ардебильскій Калентеръ, по имени Талебъ Ханъ (Talebchan), худощавый старикъ, съ сильнымъ отрядомъ всадниковъ, принялъ насъ и поѣхалъ подлѣ Посланниковъ. Когда мы оставили селеніе уже позади себя, то увидали громадное множество народу, коннаго и пѣшаго, который разступился по срединѣ и далъ намъ свободный проѣздъ. Вскорѣ за тѣмъ прибылъ и Ханъ Кельбеле (Kelbele), небольшой, но привѣтливый, господинъ, въ сопровожденіи отряда всадниковъ въ 1000 человѣкъ; онъ пріѣхалъ со стороны поѣзда, принялъ и ласково привѣтствовалъ Посланниковъ, по просьбѣ которыхъ и поѣхалъ между обоими ими. За тѣмъ пошли разныя забавы. Два мальчика въ бѣлыхъ рубашкахъ, покрытые выкрашенной овечьей шкурой, каждый съ длиннымъ шестомъ изъ финиковаго дерева, на которыхъ воткнуты были померанцы, шли передъ Посланниками, читали и пѣли по развернутымъ книгамъ какія-то пѣсни (Oden), сочиненныя въ честь Магомета, Алія и Шихъ Сафи. Мальчики этѣ были дѣти и ученики одного Абдаллы. За тѣмъ явились тутъ нѣсколько мальчиковъ въ совершенно бѣлыхъ одеждахъ, которые пѣли по птичьему и весьма искусно ртомъ подражали пѣнью соловья и другихъ птицъ. По сторонамъ шли барабанщики и ду-

дочники. Нѣкоторые пѣли и плясали, схватившись другъ съ другомъ, въ одномъ кругу; на другомъ мѣстѣ другіе прыгали совсѣмъ инымъ образомъ, бросали вверхъ шапки и опять подхватывали ихъ съ радостными криками. Нѣкоторые прыгали кругомъ съ ковчежцами на головахъ (Sellen), точно также, какъ было это при поминкахъ Алія. Ближе уже къ городу, по обѣимъ сторонами, стояло множество стрѣльцовъ изъ лука, одѣтыхъ въ кольчуги, въ низкихъ шапочкахъ, на подобіе купальныхъ, которые называются Аракджинъ (Araktzin); шапочки этѣ утыканы были перьями. У нѣкоторыхъ перья этѣ были прямо на открытой головѣ и на лбу, воткнуты въ кожу. Далѣе стояло нѣсколько человѣкъ, съ совершенно обнаженною верхнею частью тѣла, съ кинжалами, воткнутыми въ мясистыя мѣста рукъ и груди. Говорили, что дѣлается это напущеніемъ чародѣевъ, которыхъ въ Персіи множество. Были тутъ и нѣсколько человѣкъ Восточныхъ-Индійцевъ, которые, наклоняя головы и ударяя себя въ грудь, дружески раскланивались намъ. По страшной тѣснотѣ отъ множества народа, бывшаго кругомъ и толпившагося передъ нами, мы часто должны были пріостанавливаться, пока не разгоняли народъ кнутьями и прутьями. Въ самомъ городѣ народъ толпами сидѣлъ на домахъ, стѣнахъ, башняхъ и деревьяхъ, глядя на наше вшествіе.

Ханъ провелъ насъ по 10-ти ступенькамъ въ прекрасную увеселительную бесѣдку, находившуюся въ большомъ саду, расположенномъ въ городѣ, роскошно угощалъ насъ плодами и яствами; но сначала самъ подалъ каждому изъ насъ вошедшихъ, въ домъ, по золотой чашѣ вина, выпить ради счастливаго прибытія. Низшіе чины наши пировали особо внизу, въ палаткѣ. Въ продолженіи пиршества гремѣла постоянно ихъ музыка. Подлѣ бесѣдки плясала толпа Охджи (Ochtzi) или стрѣльцовъ изъ лука, которые держали луки свои вверхъ и какъ въ балетѣ, довольно искусно, подъ музыку и въ тактъ, помахивали этѣми луками и опять оставляли ихъ въ прежнемъ положеніи. Сюда же пришли и помянутые выше два мальчика Абдаллы, съ своими померанцами и съ важными тѣлодвиженіями читали свои пѣсни передъ Посланниками.

Объ этой бесѣдкѣ, такъ какъ она роскошно устроена, слѣдуетъ сказать подробнѣе.

Построена она бывшимъ Ардебильскимъ Ханомъ, Сульфагаръ-Ханомъ (Sulfagar chan), человѣкомъ очень богатымъ, на его собственный счетъ, который выписалъ образецъ для нея изъ Турціи. Она представляла восьмиугольникъ, въ которомъ три покоя возвышались одинъ надъ другимъ, съ изящными водометами, которыхъ вода била въ 3-й верхній покой, и даже выше самой бесѣдки. Стѣны выложены были синими, красными и зелеными поливанными камнями (кахлями), весьма искусно особыми фигурами, пригнанными другъ къ другу, и полы въ комнатахъ покрыты были дорогими коврами. Вокругъ всей бесѣдки шла широкая, мраморная галерея, украшенная цвѣтниками. На галереѣ этой, въ одномъ изъ угловъ, было мѣстечко, въ 4 квадратныхъ фута, покрытое вышитымъ ковромъ, на которомъ стоялъ мягкій стулъ, или подушка, шитая золотомъ и шелкомъ. На этомъ мѣстѣ сидѣлъ однажды Шахъ, проѣзжая черезъ Ардебиль, и по тому оно содержится въ великомъ почетѣ: никто другой не смѣетъ касаться до него, для чего оно и окружено небольшою решеткой. Тотъ же помянутый Сульфагаръ-Ханъ имѣлъ также, по сю сторода города, подлѣ каменнаго моста, особый большой садъ, и въ немъ громадную, великолѣпную бесѣдку, которая въ наше время стояла большею частію брошенная и пустая. Когда Сульфагаръ-Ханъ, по проискамъ Шахскаго Главнокомандующаго, Каджагаръ-Хана (Katzagar chan) былъ убитъ (о чемъ подробнѣе въ другомъ мѣстѣ), Шахъ отобралъ себѣ оба описанные сады и бесѣдки, и первый изъ этѣхъ садовъ отдалъ, для жительства въ немъ, Келбеле-Хану (Kulbele chan), въ пожизненное владѣніе.

По окончаніи стола и всякаго рода забавъ, Ханъ приказалъ отвести и помѣстить Посланниковъ, на прекрасномъ мѣстѣ въ городѣ, въ отличный, просторный и удобный, домъ, принадлежавшій прежде Шахскому Канцлеру, Сару Ходжѣ (Saru Chotzae), сопутствовавшихъ же имъ въ лежащіе подлѣ дома, въ которыхъ, кромѣ добрыхъ хозяевъ, мы нашли все хорошо и въ надлежащемъ порядкѣ приготовленнымъ.

На другой день нашего прибытія Посланникамъ принесли Таберикъ (Thaberik) изъ кухни Шихъ-Сефи. Въ Ардебилѣ есть многоцѣнная великолѣпная гробница Шихъ-Сефи, основателя и

перваго учредителя теперешней Персидской Вѣры, и другая гробница одного изъ послѣднихъ Шаховъ; гробницы этѣ окружены и украшены площадкой и зданіями, какъ бы Царскій дворъ или замокъ, описаніе котораго будетъ ниже. Между прочими установленіями въ Ардебилѣ существуетъ и слѣдующее: чтобы всѣ чужестранные Послы, или другіе знатные господа, пріѣзжающіе въ Ардебиль, дважды, или трижды, кушали отъ стола изъ этого дворца. Такія поминальныя кушанья Персы называютъ Таберикъ (Thaberik), что значитъ то же, что кушанья благословенныя.

Намъ принесены были 32 большихъ блюда, полныя кушаній, которыя большею частію состояли изъ разваренннаго и разноцвѣтнаго рису, поверхъ уложеннаго вареным и жаренымъ мясомъ и разными изъ яицъ печеньями. Сказанныя блюда принесены были на головахъ, и, по принесеніи ихъ, накрытъ былъ столъ на полу, за который мы должны были усѣсться по Персидски, хотя это нѣсколько и трудновато было для насъ, и ѣсть кушанья, по закону ихъ, не пивши въ то же время ни какого вина. Посланники приказали во время этого стола играть на трубахъ и выстрѣлить изъ нѣсколькихъ пушекъ. Принесшіе намъ кушанья не хотѣли принять отъ насъ ни какого подарка, какъ мы ихъ ни упрашивали о томъ; они говорили, что не смѣютъ принять подарковъ, подъ страхомъ строжайшаго наказанія.

Остальное время наша стряпня и погребъ изобильно снабжаемы были кушаньями и напитками. Ежедневная выдача продовольствія состояла изъ 16 овецъ, 200 яицъ, 4 батмана масла (батманъ равняется $6^1/_2$ фунтамъ), два батмана изюму, 1 батманъ миндалю, 100 батмановъ винограду (или вина), 2 батмана душабу (Duschab) или сиропу, муки, рису, куръ, и другихъ вещей, кромѣ того, что присылалъ въ подарокъ нѣсколько разъ Ханъ Посланникамъ, изъ особаго къ нимъ расположенія. Такимъ образомъ во все время стоянки нашей сдѣсь мы получили на продовольствіе 1960 батмановъ хлѣба, 6250 батмановъ винограду, 9300 яицъ, 477 овецъ и 472 ягненка.

ГЛАВА XXIII.

Что особаго случилось въ Ардебилѣ во время нашей тамъ стоянки, и что мы тамъ видѣли.

12-го числа Келбеле-Ханъ, съ нѣсколькими изъ своихъ придворныхъ, посѣтилъ Посланниковъ, и предлагалъ имъ, съ своей стороны, всякую дружбу и услугу, что онъ исполнялъ и на самомъ дѣлѣ. Въ этотъ же день онъ послалъ гонца къ Шаху съ извѣщеніемъ о нашемъ прибытіи въ Ардебиль, и выразилъ намъ надежду, что скоро получитъ приказъ отправить насъ въ дальнѣйшій путь. Но за медленностію полученія этого приказа мы должны были простоять сдѣсь еще цѣлые два мѣсяца.

22-го числа того же мѣсяца Пословъ посѣтилъ Армянскій Епископъ, прибывшій изъ пограничной крѣпости Ерванъ (Eruan); онъ весьма ласково разговорился съ Посланниками, сообщилъ намъ, что въ двухъ миляхъ отъ этой крѣпости у нихъ есть монастырь, въ которомъ 400 монаховъ, и что недавно Турки, во время схватки въ этѣхъ мѣстахъ, увели 1500 Армянскихъ Христіянъ. Онъ выхвалялъ Персидскаго Шаха за то, что тотъ оставилъ имъ ихъ преимущество, и не обременялъ ихъ податями такъ тяжко, какъ Турки. Что, далѣе, Христіанская община въ Азіи довольно велика; что они, въ одной своей мѣстности, между двумя рѣками, Куромъ и Арасомъ, въ горахъ, имѣютъ до 1000 селеній, а у городовъ Касвина и Тавриса, болѣе 2000 домовъ и 500 церквей. Онъ просилъ, въ заключеніе, чтобы Посланники замолвили объ ихъ общинѣ Шаху доброе слово.

25-го Апрѣля или по Арабскому счисленію 10-го Зильгодже (Silhotzae) Персы праздновали большой свой Байрамъ или праздникъ, который они называютъ Курбанъ (Kurban), т. е., жертва, установленная въ память жертвоприношенія Авраама, которое онъ хотѣлъ совершить надъ сыномъ своимъ, Измаиломъ (какъ Персы называютъ его сына, а не Исаакомъ). Въ этотъ день всѣ, кто только имѣлъ хоть какую ни будь возможность, до восхода солнца, передъ дверьми дома, или передъ дворомъ, убивалъ ягненка, или

овцу, разрубалъ ее на куски и одѣлялъ ими бѣдныхъ, которые обыкновенно большими толпами стекаются и ходятъ всюду въ это время. Изъ этой жертвы никто не смѣетъ оставлять у себя и брать въ домъ ни чего, ни даже шкуры; ибо, говорятъ они, Авраамъ также ни чего не взялъ домой отъ убитаго имъ и принесеннаго, вмѣсто сына, въ жертву козла.

Въ это же время изъ Персіи, также какъ и изъ другихъ Магометанскихъ странъ, бываетъ громадное стеченіе богомольцевъ, идущихъ въ Мекку, для жертвоприношеній, о чемъ подробнѣе скажу ниже сего.

Кромѣ того, въ тотъ же день, въ Ардебилѣ, мы видѣли, передъ восходомъ солнца, болѣе 500 Персидскихъ женъ на кладбищѣ, расхаживавшихъ между могилами, или сидѣвшихъ и оплакивавшихъ своихъ покойниковъ. Нѣкоторыя изъ этѣхъ Персіянокъ сидѣли на могилахъ и ѣли; подлѣ другихъ стояли мальчики, которые за деньги читали имъ одно, или два, изреченія изъ Алкорана. Другія жены, познатнѣе, разбивали около могилъ палатки, чтобы никто сторонній не видалъ ихъ. Такое оплакиваніе покойниковъ бываетъ у нихъ и во время ихъ Оруджа (Orutz) или поста, о чемъ выше было уже упомянуто.

Посланники сегодня въ другой разъ угощаемы были съ поварни Шихъ-Сефи: конфектами въ 9-ти большихъ фарфоровыхъ чашахъ и разными кушаньями въ шести ленкерахъ (Lenker) или мѣдныхъ вылуженныхъ сосудахъ.

На слѣдующій день Ханъ давалъ большой пиръ, на который пригласилъ Посланниковъ, со всѣми сопутствовавшими, и великолѣпно въ другой разъ угостилъ насъ въ другой увеселительной бесѣдкѣ.

27-го числа вечеромъ Келбеле-Ханъ сообщилъ Посланникамъ пріятное извѣстіе, что ему писалъ Главный Военачальникъ, Рустамъ-Ханъ, будьто великій Турокъ убитъ въ Константинополѣ взбутовавшимися Янычарами, и многіе важные Турецкіе начальники при этомъ захвачены въ плѣнъ. По этому поводу у Персовъ было великое ликованіе. Ханъ приказалъ зажечь потѣшные огни,

пускать ракеты и играть на барабанахъ и флейтахъ. Нѣкоторые играли въ войну, нападали другъ на друга съ деревянными саблями, палками и другими оружіями, въ каковомъ упражненіи мы видѣли Персидскую молодежь не разъ и въ другое время въ разныхъ мѣстахъ.

Наши Посланники, сочувствуя радости Персовъ, приказали выстрѣлить разомъ изъ 3-хъ пушекъ 6 разъ, сами же взошли на крышу, съ которой могли видѣть всю эту потѣху. Они велѣли также на этой крышѣ бить въ барабаны и играть на трубахъ, что до того пріятно было Хану, что онъ прислалъ намъ двѣ фляги Шираскаго вина (Schyrasser), любимѣйшаго въ Персіи, и два большихъ стакана, полныхъ сахарнаго леденцу.

1-го Мая справлялись рожденіе и имянины Посланника Крузе, съ музыкой, пушечными выстрѣлами и другими привѣтствіями и пожеланіями счастія, а вечеромъ былъ великолѣпный пиръ, на которомъ изобильно угощали всевозможнымъ продовольствіемъ. Бывшій на этомъ пиру Шаховъ Мегемандарь, Неджестъ-Бекъ (Netzestbek), былъ съ нами весьма любезенъ, веселъ и очень выхвалялъ нашъ способъ приготовлять кушанья.

4-го числа пришелъ къ намъ сынъ Государственнаго Канцлера, Сару Таки (Saru Taki), въ сопровожденіи нѣсколькихъ лицъ изъ Испагани, повидаться и посѣтить Гг. Посланниковъ; онъ былъ очень любезенъ и ласковъ, говорилъ, что ему у насъ все нравится, особенно же наша музыка. Выпито было много заздравныхъ чашъ, при чемъ всякій разъ стрѣляли изъ большихъ пушекъ.

14-го Мая Персы начали отправлять свой праздникъ печали, который продолжается 10 дней, и который по этому они называютъ Арабскимъ словомъ Ашуръ (Aschur), что означаетъ десять. Праздникъ этотъ ежегодно празднуютъ одни только Персы и ни какой другой народъ Магометанскаго Исповѣданія, и именно въ началѣ мѣсяца Магерама (Maheram). Въ этотъ Ашуръ Персы празднуютъ память Гуссейна, младшаго сына Алія, котораго они считаютъ за великаго Имама своего или святаго. По сказаніямъ

Персовъ, во время войны съ Калифомъ Езидомъ (Jesied), Гусейна прежде мучили жаждою, не давая ему воды, за тѣмъ ему нанесли раны 72-мя стрѣлами, а Сенанъ-бенъ-Анеси (Senan ben Anessi), проболъ его насквозь, окончательно же убилъ его Шемръ Сюльджузенъ (Schemr Sültzausen).

10 дней празднуется у Персовъ праздникъ этотъ по тому, что непріятель преслѣдовалъ Гусейна 10 дней, когда онъ ѣхалъ изъ Медины въ Куфу, и въ этомъ преслѣдованіи наконецъ добилъ его. Во все время поминокъ этѣхъ Гусейна Персы ходятъ въ печальныхъ одеждахъ, бываютъ мрачно настроены, не касаются головы бритвой, которую обыкновенно они употребляютъ каждый день, живутъ воздержно, не пьютъ ни какого вина, а додовольствуются только водой.

Въ это время весь Ардебилъ находился въ постоянно неутомимомъ движеніи, совершая довольно странные обряды. Днемъ по разнымъ улицамъ большими толпами собирались мальчики съ длинными знаменами, на верхнемъ концѣ древка которыхъ было изображеніе двухъ змѣй, перевившихся другъ съ другомъ; это украшеніе знамени называется у нихъ Эшдеръ (Eschder). Мальчики этѣ сидѣли въ дверяхъ мечетей (Mestziden) и кричали другъ передъ другомъ: «О Гусейнъ!» Каждый вечеръ, особенно же въ послѣдніе 3 дня праздника, по захожденіи солнца, собирались въ извѣстныхъ мѣстахъ въ палатки и старые люди, въ большомъ числѣ, нѣкоторые изъ нихъ имѣли по сотнѣ свѣчей и свѣтильниковъ; они держали также, подобно дѣтямъ Абдаллы, на длинныхъ, гибкихъ палкахъ померанцы, сходились, составляли изъ себя кругъ, выли и кричали всѣ съ широко разинутыми ртами и съ важными тѣлодвиженіями, и такъ сильно, что совершенно измѣнялись въ лицѣ.

Нѣкоторымъ изъ насъ, пришедшимъ поглядѣть на ихъ празднованіе, Персы дали мѣсто и вручили намъ также зажженныя восковыя свѣчи. Попѣвши и покричавши сказаннымъ образомъ съ добрый часъ времени, Персы пошли съ своими знаменами и свѣтильниками по главнымъ улицамъ города.

Послѣдній день этого праздника Персы заключили до обѣда открытыми поминками, а вечеромъ многими странными обрядами. Поминки совершались также, какъ и описанные поминки Алія. Сборище было на переднемъ дворѣ Месара Шихъ-Сефи (Schich Sefi Mesars). Тамъ, у Канцеляріи, держали длинное знамя, сдѣланное Фатимою, дочерью Магомета, а конецъ древка его выкованъ изъ желѣза, бывшаго на подковѣ лошади, принадлежавшей отцу брата Магометова, и это-то знамя, переходя въ разныя руки, было наконецъ принесено изъ Медины въ Ардебиль Шихомъ Седрединомъ (Schich Sedredin), сыномъ Шиха Сефи. Знамя это, какъ разсказывали намъ Персы, при произнесеніи, во время поминокъ, имени Гусейна, начинало, будьто бы, сильно колыхаться; когда же въ поминкахъ читалось о томъ, что Гусейну нанесено было 72 раны и что онъ упалъ съ лошади, то оно, яко бы, стало колыхаться до того крѣпко, что наконецъ оторвалось совсѣмъ отъ древка и упало наземь. Хотя самъ я при этомъ не былъ, и по этому происшествія этого не видѣлъ, но Персы хотѣли увѣрить меня въ справедливости такого разсказа ихъ. Дьяволъ иногда сильно вмѣшивается въ дѣла дѣтей невѣрнаго.

Въ полдень Ханъ прислалъ извѣстить Гг. Посланниковъ, что они, Персы, нынѣшнимъ вечеромъ (т. е., 24 Мая), заканчиваютъ свой Ашуръ, и что если имъ, Посламъ, угодно поглядѣть съ нимъ на ихъ обряды, то онъ дружески приглашаетъ ихъ, но съ увѣдомленіемъ заранѣе, что, согласно Магометанскому закону, онъ не можетъ предложить имъ при этомъ ни какого вина для питья, но только одну воду. По захожденіи солнца, Послы, вмѣстѣ со всѣми сопутствовавшими имъ, отправились по приглашенію Хана. Ханъ встрѣтилъ насъ передъ своимъ домомъ, дружески принялъ и пригласилъ сѣсть передъ воротами, по лѣвую ихъ сторону (такъ какъ сдѣсь же, на торговой площади, должно было совершаться самое зрѣлище), на уставленныя по порядку и прекрасными коврами покрытыя стулья. Самъ онъ, совершенно одинъ, сѣлъ по правую сторону воротъ, на землѣ. Передъ нами, по Персидскому обычаю, на землѣ, приготовленъ былъ длинный столъ, уставленный множествомъ фарфоровыхъ чашъ, полныхъ сладкой благоуханной водой. Передъ столомъ стояли большіе, вышиною въ 4 фута, мѣдные подсвѣчники, уставленные толстыми во-

сковыми свѣчами, также и лампы, въ которыхъ горѣли ветхія, пропитанныя саломъ и нефтью, тряпочки. Передъ нашими же простыми спутниками стояли большіе деревянные подсвѣчники, и въ каждомъ изъ нихъ горѣли по 20 и по 30 восковыхъ свѣчей. По стѣнамъ домовъ налѣплено было нѣсколько сотенъ лампъ изъ извести, которыя полны были сала и нефти и давали отъ себя высокое пламя. Поперекъ черезъ площадь на длинныхъ шнурахъ развѣшано было множество фонарей изъ цвѣтной бумаги, черезъ которую разными огнями красиво играли огнемъ горѣвшія въ фонаряхъ свѣчи.

Жители города въ огромномъ числѣ толпились сдѣсь, одни сидя на землѣ, другіе держа въ рукахъ горѣвшія свѣчи и палки съ померанцами, ходили, собирались въ кружокъ и пѣли. Этѣ послѣдніе дѣлали слѣдующее: такъ какъ въ Ардебилѣ 5 главныхъ большихъ улицъ, и каждая изъ нихъ имѣетъ свой особый цехъ (общину), то горожане раздѣляются отдѣльными толпами, поручаютъ сочинить разнымъ своимъ поэтамъ (которыхъ у нихъ множество) нѣсколько пѣсенъ въ честь Алія и Гусейна, и тѣ изъ горожанъ, у которыхъ хорошіе голоса, поютъ этѣ пѣсни передъ Ханомъ. Какая улица найболѣе отличится лучшимъ сочиненіемъ и пѣньемъ пѣсенъ, ту прославляютъ и дарятъ сладкой водой. По этому-то отдѣльныя толпы горожанъ приходили одна послѣ другой, устанавливались передъ Ханомъ и Посланниками въ стройный кружокъ, пѣли, или скорѣе, кричали изо всѣхъ своихъ силъ, почти цѣлые два часа. Наконецъ, по приказанію Хана, они заявили свои добрыя пожеланія и Посланникамъ, чтобы Богъ помогъ имъ счастливо прибыть къ Шаху ихъ и удостоиться его милостиваго пріема. Между тѣмъ, въ лѣвой сторонѣ, въ особомъ кружкѣ, плясали семеро молодыхъ парней, совершенно нагихъ, которыхъ Персы называли Джакджаку (Tzaktzaku). Все тѣло этѣхъ плясуновъ съ головы до пятъ вымазано было нефтью съ черною сажею, и все блестѣло, но срамныя части тѣла были у нихъ завѣшаны, и вообще они представляли довольно противный видъ, точно размалеванные чертенята. Они постукивали камнями, которые держали въ рукахъ, и кричали: «О Гусейнъ! О Гусейнъ!» Они выражали собою великую печаль о безвинной смерти Гусейна, въ слѣдствіи чего, по временамъ, ударяли себя камнями въ грудь.

Бѣдняки этѣ, представляющіе описанное зрѣлище, во все время Ашура бѣгаютъ вездѣ на базарѣ передъ лавками, собирая подаянія во имя Гусейна; по ночамъ они не ходятъ даже и спать къ себѣ домой, но, въ знакъ своей печали, ложатся и спятъ въ золѣ и пыли передъ поварней харчевни.

Нѣкоторые изъ подобныхъ молодцовъ, вмѣсто черной, мажутъ себя красной, краской, которая какъ бы обозначала кровь убитаго Гусейна. Такихъ, впрочемъ, когда мы смотрѣли на зрѣлище, мы не видали.

ГЛАВА XXIV.

Объ увеселительномъ огнѣ въ Ардебилѣ.

По окончаніи всѣхъ описанныхъ зрѣлищъ и обрядностей, Ханъ Кельбеле приказалъ пустить нѣсколько увеселительныхъ огней, для удовольствія Посланниковъ, хотя и къ неудовольствію нѣкоторыхъ Персіянъ, которые говорили, что неприлично въ такой высокій печальный праздникъ пускать такіе потѣшные огни, употребляемые только въ дни веселія и радостей, особенно же пускать ихъ ради Невѣрныхъ, которые и безъ того не очень-то уважаютъ ихъ святыхъ.

Въ потѣшныхъ огняхъ мы видѣли всякаго рода веселыя выдумки, состоявшія въ представленіи маленькихъ крѣпостей, башенъ, огненныхъ колесъ, висящихъ и бѣгающихъ кругомъ звѣздъ, фонарей, лягушекъ, змѣекъ, восходящихъ вверьхъ и другихъ ракетъ. Крѣпость, которая представлена была прежде всего, окружена была стѣнами изъ разноцвѣтной бумаги. Сперва зажглись въ ней кругомъ небольшія свѣчечки, такъ что ясно были видны всѣ изображенія, искусно нарисованныя на бумагѣ; за тѣмъ изъ крѣпости этой, въ продолженіи полутора часа, вылетало безчисленное множество разныхъ, но въ порядкѣ слѣдовавшихъ, ракетъ и взрывовъ, пока наконецъ вся она разомъ не исчезла въ огнѣ и съ огнемъ.

Послѣ этого началась другая штука, которую Персы называютъ Дебенде (Debende): это была круглая вещица, толщиною въ полторы четверти локтя и длиною въ три четверти, съ двумя отверстіями, изъ которыхъ извергались и сыпались большія искры. За тѣмъ вещица эта поднялась въ видѣ небольшой змѣйки и бросилась въ народъ, между которымъ бѣгала всюду, не безъ вреда для его одежды, которая, какъ бумажная, легко загоралась. Между тѣмъ пущено было множество восходящихъ вверхъ ракетъ; ракеты этѣ, длиною съ руку, заканчиваются въ верху остріемъ, въ видѣ рога (или конусообразнаго свертка бумаги), и зажигаютъ ихъ, держа ихъ въ рукахъ, на небольшихъ палкахъ; онѣ взлетаютъ быстро, какъ стрѣлы, и весьма высоко, но безъ удара, вмѣсто котораго на верху вспыхиваетъ отъ нихъ огонь, въ родѣ молніи, и разсыпается мелкими звѣздочками, которыя, словно горящія свѣчки, ниспадаютъ на землю.

За тѣмъ былъ тамъ еще большой шаръ, на которомъ стояла труба, будьто маленькая башенька; весь этотъ снарядъ прикрѣпленъ былъ цѣпями и длинными гвоздями къ землѣ, и извергалъ изъ трубы огонь и крупныя искры съ такою силою и страшнымъ шумомъ, что шумъ этотъ казался какимъ-то ревомъ. Этотъ потѣшный огонь называется у Персовъ Кумбара (Kumbara).

Нѣсколько Персіянъ носили въ рукахъ на длинныхъ гибкихъ шестахъ фонари, сдѣланные изъ бумаги; фонари этѣ, во время бѣганія людей, которые ихъ держали, воспламенялись, и когда горѣла бумага, изъ которой они были сдѣланы, издавали множество взрывовъ. За тѣмъ, изъ этѣхъ же фонарей выпадали тряпочки, на которыхъ висѣло множество ракетъ и змѣекъ, которыя, стремясь въ разныя стороны и не отрываясь отъ шнура, на которомъ онѣ держались, представляли такимъ образомъ довольно забавное зрѣлище. Подобно этому пускались висячія звѣзды и многія другія рѣдкостныя штуки изъ огня.

Между прочими недурна была и слѣдующая потѣха. Нѣсколько человѣкъ были въ передникахъ, въ которые какъ бы нечаянно другой человѣкъ бросалъ огонь, и тогда изъ сказанныхъ передниковъ сыпалась на площадь бездна маленькихъ ог-

ней, которые горѣли нѣсколько времени, будьто звѣзды. Огни этѣ дѣлаются изъ хлопчатой бумаги, свернутой, или скатанной, въ шарики и напитанной нефтью, и нѣкоторые изъ этѣхъ шариковъ вкладываются въ трехъугольные бумажные домики.

Бѣлая нефть составляетъ въ Персидскихъ потѣшныхъ огняхъ лучшій составъ и украшеніе. Это не что иное, какъ Petroleum или каменное масло, подобное которому можно найти и въ нашихъ аптекахъ, хотя у насъ оно не такъ богато газомъ. Вмѣсто него я употреблялъ въ самыхъ мелкихъ мѣрахъ Spiritum Terebenthini, и оно дѣйствовало также, и даже лучше еще.

Вдали виднѣлись также возникавшіе вдругъ въ воздухѣ и пропадавшіе опять огни, и мы догадывались, что огни этѣ были изъ Русскаго плауна (Plaun), который весьма годенъ для этого. Объ этомъ плаунѣ я нахожу нужнымъ сказать сдѣсь нѣсколько словъ. Это не что иное, какъ желтый порошокъ, выколачиваемый изъ землянаго мха (musco terrestri). Этотъ мохъ, называемый въ травникахъ медвѣжья лапа или чертовъ коготь (Beerlap, Teuffelsklawen), растетъ обыкновенно въ лѣсахъ, гдѣ много елей и березъ, а тоже и въ сухихъ степяхъ. Мы часто и во множествѣ встрѣчали этотъ мохъ въ Русскихъ и частію въ Ливонскихъ лѣсахъ. Онъ пускаетъ вверхъ два ростка, которые въ Августѣ мѣсяцѣ, когда они созрѣваютъ, Русскіе собираютъ въ громадномъ количествѣ, просушиваютъ ихъ въ печи, толкутъ ихъ въ порошокъ и въ такомъ видѣ продаютъ его фунтами; нѣсколько бычачьихъ пузырей, полныхъ такимъ порошкомъ, я самъ купилъ у Русскихъ и вывезъ съ собою домой. Кромѣ пользы, которую приноситъ этотъ порошокъ въ свѣжихъ ранахъ, мокрыхъ сыпяхъ, подопрѣлыхъ мѣстахъ, или дѣтскихъ чесоткахъ, въ каковыхъ случаяхъ онъ сушитъ и излѣчиваетъ, какъ ни какое другое средство, онъ употребляется еще Русскими въ ихъ Халдейскихъ огняхъ, какъ это описано мною выше. Для этого они кладутъ порошокъ въ жестяную, пирамидальнаго вида, коробочку, длиною въ полъаршина и короче, берутъ ее въ руку, и вверху у отверстія держатъ горящую свѣчу, или свѣтильникъ; за тѣмъ встряхиваютъ коробочку снизу вверхъ, чтобы часть плауна вылетѣла изъ ея отверстія, и тогда, улетая въ воздухъ, тѣ частицы его, которыя

попадутъ на горящую свѣчу, вспыхиваютъ и выходятъ пламенемъ. Если такое сотрясеніе и выпусканіе плауна продолжать извѣстное время, такъ что вспыхиваніе его и пламя будутъ слѣдовать одно за другимъ, или если такое пламя бросать вокругъ себя, то представляется удивительно пріятное зрѣлище. Плауномъ этѣмъ въ веселой бесѣдѣ можно продѣлывать также забавныя штуки; можно, на примѣръ, потихоньку наполнить имъ табачную трубку, потомъ поднести ее къ свѣчѣ и подуть и, къ удивленію предсѣдящихъ, изъ трубки будетъ вылетать сильное пламя; для того же, чтобы при этомъ былъ и большой шумъ, въ плаунъ примѣшиваютъ истолченный въ порошокъ березовый листъ. Этотъ плаунный порошокъ имѣетъ такое свойство, что воспламеняется только тогда, когда, носясь пылью въ воздухѣ, попадетъ на пламя; иначе онъ не воспламеняется, хотя бы всунули въ него огонь, или горящую свѣчу, или если бъ его сыпали на горячія уголья. За недостаткомъ плауннаго порошка, можно употребить для потѣшнаго огня мелко растолченный въ порошокъ благоуханный гумми или смолу, и въ такомъ случаѣ, вмѣстѣ съ потѣхой, въ комнатѣ распространяется и благовоніе. Плаунъ же не имѣетъ ни какого запаха и не даетъ также и ни какого дыму.

Послѣдняя забава Ардебильскаго потѣшнаго огня состояла въ огненной башенкѣ, которая съ безчисленнымъ множествомъ ракетъ и взрывовъ, пущенныхъ разомъ въ одну минуту, взлѣтѣла на воздухъ и разсыпалась.

По окончаніи всего описаннаго веселаго зрѣлища, продолжавшагося до полночи, отправились мы опять въ свои гостинницы. Хотя въ этотъ вечеръ мы и услаждали свое зрѣніе всевозможнаго рода веселыми потѣхами, и въ надеждѣ, что Ханъ пригласитъ насъ послѣ откушать, не готовили себѣ дома ни чего; но мы оттуда пошли не ѣвши, и наши надежды на Ханское приглашеніе не оправдались, въ слѣдствіе чего мы должны были лечь въ постель на голодный желудокъ и каяться опять за полученное передъ тѣмъ удовольствіе.

На слѣдующій день, передъ солнечнымъ восходомъ, Персы совершали по городу кругомъ погребальное шествіе Гусейна,

несли обыкновенные свои эшдеръ и знамена, и вели верблюдовъ и лошадей, покрытыхъ синими покрывалами или попонами. Въ покрывала этѣ воткнуты были стрѣлы такимъ образомъ, какъ будьто ими стрѣляли, и онѣ обозначали тѣ стрѣлы, которыми непріятель стрѣлялъ въ Гусейна. На верху, на лошадяхъ и верблюдахъ, сидѣли мальчики, имѣвшіе передъ собою пустые гробы, осыпанные соломой и сѣномъ; мальчики этѣ обозначали въ великой скорби сидѣвшихъ дѣтей Гусейна. На нѣкоторыхъ лошадяхъ лежали прекрасныя головныя повязки (чалмы), сабля, лукъ и колчанъ, полный стрѣлъ, представляя какъ бы оружія Гусейна.

Когда солнце взошло, множество народа отправилось на передній дворъ Шихъ-Сефи, и тамъ этѣ люди надрѣзали себѣ ланцетами, употребляемыми у нихъ, руки повыше локтя, въ мякоти, другіе же пускали изъ ручной жилы кровь, и такихъ было такъ много, что къ полудню весь дворъ былъ улитъ кровью, какъ будьто тамъ убито было бездна быковъ. Нѣкоторые мальчики также надрѣзали себѣ руки, повыше локтя, ударяли и растирали себя по этѣмъ надрѣзаннымъ ранамъ такъ, что вся рука окрашивалась кровью, и сами они были всѣ ею обрызганы, и въ такомъ видѣ они бѣгали по всѣмъ улицамъ. Дѣлали они это въ воспоминаніе невинно пролившаго кровь Имама ихъ, и при этомъ вѣруютъ, что такое ихъ пролитіе крови снимаетъ съ нихъ многіе грѣхи. Они вѣруютъ также, что кто умретъ въ продолженіи описанныхъ 10 дней, также какъ и во время поминокъ Алія, или въ праздникъ Курбанъ (Kurban), или въ постъ ихъ, и кто отпразднуетъ сказаннымъ образомъ этѣ праздники ихъ, тотъ непремѣнно будетъ блаженъ.

ГЛАВА XXV.

О городѣ Ардебилѣ и его особенностяхъ.

Ардебиль, Турками Ардевиль (Ardevil) и на картахъ, по ошибкѣ, Ардониль (Ardonil) называемый, лежитъ въ области Адирбеджанъ (Adirbetzan), въ древнія времена извѣстной подъ названіемъ Сатрапене (Satrapene), какъ это видно изъ Квинта Курція, въ 5-й книгѣ, § 2-й. Къ этой области принадлежатъ: Ардебиль, Табрисъ или Таврисъ (Tabris, Tauris), Меррага (Марака), Нахичевань (Nachtschuan), Мерендъ (Маранда), Румія (Rumiae), Хой (Choui) и Сельмасъ (Selmas). Ардебиль есть древній и славный у Персовъ городъ, частію по тому, что тамъ жили древніе Цари и въ особенности основатель ихъ религіи, Шихъ-Сефи. Полагаютъ даже, что Александръ Великій, въ походъ свой въ Персію, держалъ тамъ нѣкоторое время свой дворъ, что до извѣстной степени можно вывести и изъ помянутаго сейчасъ мѣста К. Курція. Частію же онъ славенъ у Персовъ и по тому, что въ немъ находятся гробницы ихъ Царей, а наконецъ и по довольно значительной торговлѣ, которую ведутъ въ немъ туземцы съ иностранцами. Жители Ардебиля обыкновенно говорятъ на Турецкомъ языкѣ.

Высоту полюса, часто повторенными наблюденіями моими, я нашелъ здѣсь 38° 5′, широту же 82° 30′.

Городъ лежитъ въ совершенно гладкой круглой равнинѣ, въ 3 мили въ поперечникѣ, которая кругомъ обставлена высокими горами. Самая высокая изъ этѣхъ горъ лежитъ на западъ, называется Себеланъ (Sebelahn) и всегда покрыта снѣгомъ; на юговостокъ же тянется Гилянскій хребетъ Бакру (Bakru). По причинѣ этѣхъ горныхъ хребтовъ кругомъ, въ Ардебилѣ непостоянный, то жаркій, то холодный, и по тому нездоровый, воздухъ, и часто, особенно въ Августѣ и Сентябрѣ мѣсяцахъ, когда бываетъ особенно суровый осенній воздухъ, тамъ бываетъ множество больныхъ, и многіе даже умираютъ въ это время. Нѣкоторые и изъ насъ, именно: Посланникъ Бругманъ, и даже самъ Гартманъ Гра-

манъ, заболѣли жестокой лихорадкой и были опасно больны, особенно Врачъ, такъ сильно, что мы отчаялись уже за жизнь его. Удивительно, что ежедневно, въ полдень, когда солнце стояло на своей большей высотѣ, постоянно поднимался вихрь, производившій страшную пыль, и, продолжаясь около часу, стихалъ, а за тѣмъ остальную часть дня и ночь бывало опять совершенно тихо. По этой особенности Персы сложили сдѣсь слѣдующую пословицу:

«Saba Ardebil, Nimrus Kardebil,» т. е., По утру Ардебиль, а въ полдень одна пыль.

По причинѣ такого холоднаго воздуха въ Ардебилѣ, въ немъ не разводятъ ни винограда, ни дынь, ни гранатовъ, ни лимоновъ, ни померанцевъ; но яблокъ и грушъ тамъ вдоволь. Деревья начинаютъ впервые распускаться только въ исходѣ Апрѣля; впрочемъ, подъ горами, гдѣ вообще теплѣе и воздухъ умѣреннѣе, растутъ и такіе плоды, которые любятъ жаръ; такъ, подъ горою Бакру, въ селеніи Алару (Alaru), поспѣваютъ превосходныя дыни, а въ Бару (Baru) лучшіе огурцы. Вообще же сдѣсь плодородныя воздѣланныя поля и прекрасныя пастьбища. По этому-то около Ардебиля, въ зеленыхъ поляхъ насчитывается до 60 селеній. Пастьбища для скота въ тѣхъ мѣстахъ ежегодно приносятъ Шаху огромный доходъ; ибо богатые Арабскіе и Турецкіе обладатели стадъ, которые, ради прокормленія своего скота переходятъ даже въ Персидскую Вѣру, или только предаются подъ зищиту и покровительство Шаха, стараются въ этой странѣ пасти стада свои и вести торговлю скотомъ. Намъ разсказывалъ одинъ писецъ, приставленный для счета скота, что въ продолженіи 14 дней, черезъ мостъ тамошній перешло до 100,000 овецъ. За пастьбу каждой овцы берется пошлины одинъ Казбеки (Kasbeki), или, на Голстинскія деньги, 9 пфеннинговъ, а на Мишенскія 4½ пфеннинга деньгами, или скотомъ, и при продажѣ хозяиномъ овцы берется столько же, и такая пошлина называется у нихъ Джубанбеки (Tzaubanbeki); за право же пастьбы пошлина называется Ашуръ Елешуръ (Aschur Eleschur), т. е., за пользованіе водой и травой, что у Турокъ выговаривается однимъ словомъ Отбашъ (Othbasch).

Самъ городъ нѣсколько обширнѣе Шемахи, безъ стѣны кругомъ, при каждомъ домѣ есть плодоватый садъ, отъ чего издали онъ походитъ скорѣе на лѣсъ, чѣмъ на городъ. Строевыхъ деревьевъ сдѣсь нѣтъ и добываютъ ихъ тутъ изъ Гиляна, лежащаго въ 6-ти дняхъ пути отсюда. Черезъ городъ течетъ небольшая рѣчка, называемая Балухлу (Baluchlu), черезъ которую устроено нѣсколько каменныхъ мостовъ. Рѣчка эта идетъ сюда изъ селенія Шамасбю (Schamasbü), лежащаго въ одной мили на югъ отъ города. Передъ городомъ она раздѣляется на два рукава, изъ коихъ одинъ протекаетъ черезъ городъ, а другой, поварачивая влѣво, течетъ позади города и впадаетъ за городомъ въ рѣку Карасу (Karasu). Въ Апрѣлѣ мѣсяцѣ, когда снѣгъ на горахъ и между горами растаетъ, рѣчка эта дѣлается громаднымъ потокомъ, такъ что если заблаговременно не сдѣлать отвода ея передъ городомъ, то самый городъ, какъ увѣряли его жители, будетъ затопленъ. Такъ случилось однажды во времена Шаха Абаса, когда вода разлилась по городу, размыла и разрушила большую часть домовъ, сложенныхъ изъ земли, глины и кирпичей, высушенныхъ на солнцѣ, увлекла собою дѣтей въ качалкахъ, и вообще потопила бездну народа и скота. По этому-то, въ наше время, 12-го Апрѣля, тысячи людей, съ кирками, заступами и лопатами, высланы были за городъ, для устройства, передъ теченіемъ рѣки, плотины, чтобы отвести воду мимо города, въ открытыя поля.

Въ городѣ, кромѣ множества малыхъ, есть пять главныхъ улицъ, а именно: Дерване (Derwanae), Табаръ (Tabar), Ніардоверъ (Niardower), Кумбаланъ (Kumbalan) и Касиркудже (Kasirkutze): всѣ онѣ довольно широки, усажены ясенями и ивами, которыя въ большіе жары доставляютъ горожанамъ порядочную тѣнь.

Въ городѣ есть довольно просторный и хорошій Майданъ (Maidan), мѣсто для прогулки, или площадь, длиною въ 300 и шириною въ 150 шаговъ, по обѣимъ сторонамъ котораго идутъ прекрасно и въ извѣстномъ порядкѣ устроенныя лавки, въ которыхъ работаютъ ремесленники, каждаго цеха особо. У входа на эту торговую площадь, къ правой рукѣ, позади гробницы Шиха-Сефи, стоитъ мечеть (Mestzid), въ которой погребенъ одинъ Имамъ Саде

(Imam Sadae): такъ называютъ Персы дѣтей одного изъ 12-ти своихъ святыхъ. Если какой ни будь преступникъ укроется въ эту мечеть, то на извѣстное время онъ свободенъ отъ преслѣдованія; но отсюда онъ можетъ перейти въ гробницу Шиха-Сефи, которая доставляетъ ему большое Asylum (убѣжище), или свободу. За Майданомъ приходишь на базаръ (Basar); и сперва въ четырехъугольное со сводами зданіе, называемое у нихъ Кайзеріе (Kaiserіè), въ которомъ торгуютъ золотыми и серебряными вещами, драгоцѣнными каменьями, лучшими шелковыми и другими дорогими товарами. Изъ этого зданія, треия воротами въ разныхъ мѣстахъ выходишь въ крытыя улицы, въ которыхъ торгуютъ уже всякаго рода простыми товарами. За тѣмъ, тамъ и сямъ находится много каравансераевъ, въ которыхъ помѣщаются съ своими товарами иностранные купцы, каковы, на примѣръ: Турки, Татары, Восточные Индійцы; сдѣсь намъ показывали двухъ купцевъ изъ Китая (Tzina), торговавшихъ фарфоромъ. Но ихъ особымъ одеждамъ тотъ же часъ было видно, что то были чужестранцы.

Есть также въ городѣ много гамамовъ (Hamam) или бань, равно какъ мечетей и церквей, изъ которыхъ найбольшая и самая красивая есть мечеть Адине (Adinè), лежащая на холмѣ, почти въ срединѣ города, съ довольно высокою круглою башнею: мечеть эта посѣщается только въ праздничный день, или въ Пятницу, отъ чего она получила и свое имя. Передъ мечетью находится колодязь, построенный по распоряженію бывшаго Царскаго Канцлера, Сару-Ходжи (Saru-Chotze), иначе Магометомъ Риза называвшагося, и вода въ этотъ колодязь проведена подземными трубами изъ одной горы, лежащей въ милѣ съ лишкомъ на юго-западъ отъ города. Изъ этого колодца умываются Персы, желающіе итти и молиться въ мечети.

ГЛАВА XXVI.

О гробницѣ Шихъ-Сефи.

Не вдалекѣ отъ Майдана находится уже, нѣсколько разъ упомянутая, богатая Месаръ (Mesar) или гробница Шихъ-Сефи и новѣйшихъ Шаховъ Персидскихъ. Келбеле-Ханъ водилъ насъ въ нее однажды, именно на другой день Троицына дня, осмотрѣть ее. Но прежде онъ предувѣдомилъ насъ, что если мы хотимъ итти къ гробу святаго, то вечеромъ, когда принесутъ намъ въ 3-й разъ угощеніе изъ Месара, мы должны будемъ, по обычаю ихъ, воздержаться отъ употребленія вина.

Послѣ обѣденнаго стола Посланники, въ сопровожденіи всѣхъ сопутствующихъ имъ и солдатъ, отправились въ должномъ порядкѣ къ гробницѣ. Первыя ворота, которыя ведутъ на передній дворъ, были огромной величины и на верху украшены большою серебряною цѣпью, висѣвшею поперекъ, на которой другая цѣпь висѣла уже отвѣсно внизъ; цѣпи этѣ были даромъ Хана Меррагскаго (Merraga), Ага-Хана (Aga chan), по особому его благочестію и благоговѣнію къ сдѣшней святынѣ. Персидскій дворъ весьма просторенъ, выложенъ большими четырехъугольными камнями; и по обѣимъ сторонамъ его идутъ два высокіе своды, подъ которыми находится нѣсколько мелочныхъ лавочекъ. Въ глубинѣ же двора большой открытый садъ, въ который можетъ входить всякій прогуляться.

Принявъ на переднемъ дворѣ, Ханъ повелъ насъ черезъ другія ворота, на которыхъ вверху также висѣла крѣпкая серебряная цѣпь, въ видѣ трехъугольника. Цѣпь эту повѣсилъ туда Магумедъ-Ханъ, Ханъ Кенджа. У этѣхъ воротъ отъ насъ отобрали наши оружія и шпаги; ибо ни кто въ нихъ не смѣетъ входить съ смертоноснымъ оружіемъ, и если запрещеніе это нарушитъ Персіянинъ, у котораго найдутъ хоть ножъ, того казнятъ смертію. Порогъ въ этѣхъ, равно какъ и въ слѣдующихъ, воротахъ, высѣченъ былъ изъ бѣлаго мрамора, въ видѣ круглаго цилиндра, и, переступая черезъ него, намъ не дозволено было ка-

саться его ногами; ибо тысячи народа, приходящіе сюда поклониться святому, цѣлуютъ этотъ порогъ. По этому мы должны были перешагнуть черезъ него и при томъ сперва правою ногой. Черезъ этѣ вторыя ворота вошли мы въ широкій, но болѣе длинный, дворъ, также выстланный большими плитами, и по обѣимъ сторонамъ также украшенный сводами. Въ этомъ дворѣ, на правой сторонѣ, есть прекрасный чистый источникъ, вода котораго бѣжитъ изъ стѣны черезъ большой мѣдный кранъ, и проведена сюда также подземными трубами изъ одной горы, лежащей болѣе мили отъ города; она доставляетъ питье тѣмъ, которые ѣдятъ сдѣсь. Въ концѣ этого двора, тоже на правой сторонѣ, стоитъ изящный, большой и круглый, дворъ, снаружи обложенный зеленымъ и синимъ поливаннымъ камнемъ (кахлями), а внутри коврами, и посреди этого свода стояли два большіе мѣдные подсвѣчника. Кругомъ по стѣнамъ сидѣли духовные въ бѣлыхъ одеждахъ, пѣли и кричали громкими голосами. Во время пѣнія своего духовные покачивались и наклонялись всѣ одновременно съ одной стороны на другую, какъ будьто ихъ тянули шнуромъ, на которомъ они были навязаны, что представляло довольно странное зрѣлище; этѣми движеніями они выражали свое особое религіозное настроеніе и благоговѣніе. Въ этомъ покоѣ Шихъ-Сефи ежегодно сиживалъ по 40 дней сряду, постился, ѣвши въ день только по одной миндалинкѣ съ водою, и молился; отъ чего и самый покой этотъ, по этѣмъ 40 днямъ, названъ Чилла-хане (Tschilla chane). Изъ этого двора пришли мы въ 3-й, также черезъ ворота, на которыхъ опять висѣла серебряная цѣпь, подаренная Алли-Ханомъ, Ханомъ Капанскимъ (Kappan).

Въ этомъ дворѣ, который хоть нѣсколько менѣе, но разукрашенъ разноцвѣтными изразцами лучше другихъ, была гробница. Но входъ въ гробницу шелъ подъ довольно большимъ зданіемъ и круглой башней; дверь входа этого обита была плотнымъ листовымъ серебромъ, и толстыя кольца въ ней были тоже серебряныя. Полъ передъ дверью устланъ коврами, и мы должны были снять сдѣсь нашу обувь, хотя Посланники наши сначала не хотѣли этого сдѣлать, но должны были уступить, и въ этомъ случаѣ поступили согласно желанію Персовъ. Намъ говорили, что когда Шахъ Абасъ пріѣзжалъ въ Ар-

дебилъ, для посѣщенія этого гроба, то часто, за полъ мили еще отъ города, снималъ свои туфли и шелъ сюда въ однихъ чулкахъ; но это дѣлалось имъ изъ чувства благоговѣйной Вѣры и уваженія къ сему святому, чего Персы ожидать отъ насъ не могли. Насъ ввели въ длинный, дорогими коврами устланный, крытый ходъ, и за тѣмъ, на право, черезъ дверь, обитую листовымъ золотомъ, въ богатый со сводами склепъ. Эта дверь, также какъ и другая, подобная ей, въ одной мечети въ Хорасанѣ, при гробницѣ Имама Ризы (Risa), приказалъ сдѣлать Шахъ Абасъ, по случаю обѣта, даннаго имъ въ то время, когда отправлялся на войну противъ Узбековъ въ Хорасанъ, а именно, онъ обѣщалъ, если этѣ святые помогутъ ему выгнать непріятеля изъ Хорасана, то каждому изъ нихъ онъ принесетъ въ даръ по золотой двери. Такъ какъ побѣда была на сторонѣ Шаха Абаса, то онъ съ удовольствіемъ исполнилъ обѣтъ свой.

Сказанный склепъ длиною былъ восемь и шириною пять саженъ, на верху увѣшанъ множествомъ золотыхъ и серебряныхъ лампадъ, изъ коихъ нѣкоторыя были до ³/₄ локтя въ поперечникѣ. По обѣимъ сторонамъ склепа сидѣли 12 главныхъ духовныхъ, называемыхъ Гафизанами (Hafisahn), передъ которыми стояли маленькіе, одинъ за другимъ, столики, а на нихъ большія пергаментныя книги, въ которыхъ большими Арабскими буквами написано было нѣсколько главъ изъ Алкорана; духовные этѣ пѣли, какъ у насъ поютъ хоромъ монахи, сперва одинъ Гафизъ, за нимъ другіе, съ такими же движеніями, какія дѣлали и сидѣвшіе въ Чилла-ханѣ духовные. Прошедши это помѣщеніе, нужно было идти въ особый, отдѣленный длинной серебряной рѣшеткой, покой, возвышавшійся передъ прежнимъ тремя серебрянными же ступенями. Ханъ и нашъ Персидскій толмачь, Рустамъ, о которомъ уже упоминалось выше, поцѣловавши этѣ ступени, повели Посланниковъ, съ 4-мя лицами изъ сопутствовавшихъ имъ, въ сказанный покой. Онъ былъ убранъ весьма богато, и въ глубинѣ его опять было возвышеніе на одну ступеньку, снова обнесенное прочною рѣшеткой, круглыя рѣшетины которой были изъ чистаго золота. За этой-то рѣшеткой и видѣнъ былъ собственно гробъ Шиха-Сефи. Онъ былъ изсѣченъ изъ прекраснаго мрамора, а не золотой, какъ писали нѣкоторые

изъ нашихъ. Высота его отъ полу, какъ я полагаю, была въ 3 фута, длина около 9 и ширина въ 4 фута, и покрытъ онъ былъ краснымъ бархатнымъ покрываломъ. Надъ самымъ гробомъ висѣло нѣсколько золотыхъ лампадъ, а по сторонамъ стояли два большіе, высокіе, золотые же подсвѣчника, которые, какъ и остальныя лампады, горятъ всю ночь, уставленныя свѣчами.

Дверца въ золотой рѣшеткѣ была заперта, и не отворяется, хотя Посланники и просили было отворить; ибо, какъ говорили Персы, изъ свѣтскихъ людей ни кто, даже самъ Шахъ, туда не впускается. На лѣвой сторонѣ этого покоя, въ которомъ мы теперь стояли, былъ особый со сводомъ склепъ, въ которомъ погребены Шахъ-Измаилъ (Schach Ismael), первый называвшійся этѣмъ именемъ, и супруги Шихъ-Сефи и нѣкоторыхъ Персидскихъ Шаховъ. Одну изъ этѣхъ гробницъ видно было черезъ дверь, завѣшанную только занавѣсью, и она было не особенно украшена. Съ нами постоянно ходилъ одинъ старичекъ, съ золотою курильницей, который курилъ все время позади насъ.

Осмотрѣвъ сдѣсь все и побывъ нѣкоторое время, мы, упомянутымъ выше критымъ ходомъ, прошли опять на право и вступили въ очень просторный, со сводами и золотомъ расписанный, покой, похожій на мечеть. Первое, что показалось намъ сдѣсь удивительнымъ, это было искусно сведенные своды, со множествомъ длинныхъ, ниспадающихъ внизъ, уступовъ, именно удивительно было, какъ могъ быть сведенъ этотъ громадный сводъ и какъ онъ могъ держаться, ни имѣя ни одного столба. Залъ этотъ назывался Дженечера (Tzenetsera), и въ немъ помѣщалась библіотека. Книги у нихъ лежали запертыя въ нѣсколькихъ шкафахъ, не въ порядкѣ, а одна на другой, большею частію на Арабскомъ, но нѣкоторыя на Персидскомъ и Турецкомъ языкахъ, частію на пергаментѣ, частію же на бумагѣ, писанныя весьма чисто; историческія книги разрисованы картинанами. Переплеты были изъ краснаго сафьяна, украшенныя литыми изъ золота изображеніями цвѣтовъ и листьевъ. Въ углубленіяхъ свода этого же покоя видно было нѣсколько сотенъ фарфоровой посуды, изъ коей нѣкоторыя могли вмѣстить въ себѣ 10 кружекъ воды. Изъ этой посуды кушаютъ только Шахи и другіе знатные

люди, пріѣзжающіе сюда. Такъ какъ это мѣсто и этѣ учрежденія считаются священными, то по этому тамъ не должны быть употребляемы ни серебряная, ни золотая, посуда; по этому-то, при помянутомъ выше Таберикѣ, также и во время празднованія Гусейна, у Хана кушанья и напитки всѣ подавались только въ фарфоровой посудѣ и чашахъ, съ длинными деревянными ложками. Намъ говорили, что Шихъ-Сефи, по своей великой святости и благочестію, ѣлъ только на деревянныхъ блюдахъ. Изъ сказанной сейчасъ Дженечера насъ повели въ дворцовую поварню, лежащую на главной площадкѣ, и двери въ нее иждивеніемъ Шаха Абаса тоже обиты были толстымъ серебромъ. Въ поварнѣ все было расставлено и расположено въ чрезвычайномъ порядкѣ, весьма удобно и хорошо; большой котелъ, къ верху съуживающійся и закрывающійся крышей, вдѣланъ былъ въ камень. Вода, проведенная вездѣ кругомъ трубами въ поварню, выпускалась, черезъ большіе мѣдные краны, въ горшки, которые стояли подъ этѣми кранами. Повара и прислужники ихъ въ разныхъ мѣстахъ занимались разными дѣлами по своему старанію. Изъ этой поварни ежедневно кормится болѣе тысячи человѣкъ, служащихъ при Месарѣ и бѣдныхъ, по 3 раза въ теченіи дня, сперва утромъ, рано въ 6 часовъ, потомъ въ 10, и послѣ обѣда въ 3 часа. Первые два раза на счетъ Шиха-Сефи (на что ежедневно расходуется 150 абассовъ, или 3 тумена, что составляетъ 50 рейхсталеровъ). Въ 3-й же разъ на счетъ Шахскихъ доходовъ. Когда настаетъ время кормленія и одѣленія яствами, всякій разъ начинаютъ бить въ два воинскихъ барабана, которые употреблялъ Магометъ, и которые Шихъ-Седреденъ, вмѣстѣ съ помянутымъ выше знаменемъ, перенесъ сюда изъ Медины. Лишь только послышатся звуки этѣхъ барабановъ, всякій бѣжитъ къ тому, или другому, раздавателю, которые одѣляютъ всѣхъ супомъ, мясомъ, рисомъ, въ ихъ собственную посуду, и всякому выдается этѣхъ яствъ такъ много, что получатели сами не въ силахъ бываютъ съѣсть всего и могутъ часть продавать другимъ, которые стыдятся сами получать милостыню.

Изъ поварни насъ провели въ большой прекрасный садъ, въ которомъ намъ показывали могилы Султана Айдера (Aher);

Шаха Тамаса (Tamas) и другихъ Шаховъ: могилы эти находятся здѣсь подъ открытымъ небомъ, безъ всякихъ украшеній.

Важнѣйшія лица, тѣла которыхъ погребены въ этой Мешайхѣ (Meschaich), по разнымъ мѣстамъ, въ нашу бытность тамъ, были слѣдующія:

1. Шихъ Сефи, сынъ Сеида Джейбраиля (Seid Tzeilbrail).

2. Шихъ Седрединъ (Sedredin); сынъ Сефи.

3. Шихъ Джинидъ (Tzinid), сынъ Седредина, котораго Европейскіе историки по ошибкѣ называютъ Гвинедомъ (Guined).

4. Султанъ Айдеръ (Aider), съ котораго Турки содрали кожу, сынъ Джинида.

5. Шихъ Айдеръ, сынъ Султана Айдера.

6. Шахъ Измаилъ, сынъ Шиха Айдера.

7. Шахъ Тамасъ (Tamas), сынъ Шаха Измаила.

8. Шахъ Измаилъ II-й, сынъ Шаха Тамаса.

9. Шахъ Магумедъ Ходдабенде (Choddabende), сынъ Измаила.

10. Измаилъ Мирза 11. Гемза Мирза 12. Шахъ Абасъ.	Всѣ братья между собою и сыновья Царя Ходдабенда.

Сказанную гробницу Шиха-Сефи, такъ богато, построилъ сынъ его, Шихъ Седрединъ, по смерти отца, съ помощію искуснаго зодчаго котораго онъ пригласилъ изъ Медины. Персы говорятъ, что чертежъ и образецъ этого зданія данъ былъ самимъ Шихомъ Седрединомъ, посредствомъ одного чуда, которыя онъ творилъ также будьто бы, какъ и отецъ его. Такъ, онъ велѣлъ, будьто бы, сказанному строителю закрыть глаза, и въ ту же минуту привелъ его въ восторженное состояніе и представилъ ему видѣніе зданія, по которому строитель заложилъ

и устроилъ гробницу. Шихъ-Джинидъ, далѣе, распространилъ дворъ, прибавилъ передній дворъ и повыстроилъ еще нѣсколько домовъ тамъ, такъ что теперь всѣ эти строенія составляютъ какъ бы широко раскинутый замокъ, и въ немъ ежедневно совершается столько же дѣлъ и движенія, какъ бы въ какой либо знатной столицѣ.

По множеству Царскихъ вкладовъ, обычныхъ доходовъ и ежедневныхъ приношеній, Месаръ этотъ имѣетъ огромныя богатства въ нѣсколько милліоновъ, и полагаютъ, что въ случаѣ войны онъ имѣетъ гораздо большія средства и наличныя деньги для снаряженія войска, чѣмъ самъ Шахъ. Ибо, кромѣ громадныхъ его суммъ чистыми деньгами, ему принадлежатъ еще въ разныхъ мѣстахъ многіе дома, имѣнія и люди, которые ежедневно увеличиваютъ его казну; а именно: въ Ардебилѣ 200 домовъ, 9 гамамовъ или бань, 8 каравансераевъ. Большое со сводами зданіе для лавокъ, Kaiserié (гостинный дворъ), цѣлый майданъ; со всѣми выстроенными по сторонамъ подвалами и лавками, также 100 другихъ лавокъ на базарѣ, скотный, хлѣбный, соляной и масляный рынки; афрабнишины (Afrabnischin); т. е., тѣ, которые подъ открытымъ небомъ, а не въ лавкахъ, сидятъ и торгуютъ, и которые всѣ должны платить извѣстную пошлину въ этотъ Месаръ, (у насъ пошлины эти называются Licenten). Изъ множества селеній, лежащихъ вокругъ Ардебиля, этому Месару принадлежатъ 33 селенія. Въ Серабѣ (Serab) 5 селеній; въ городѣ Таврисѣ 60 домовъ, 100 мелочныхъ лавокъ и 2 селенія, лежащія подъ городомъ. Въ городѣ Касвинѣ также нѣсколько каравансераевъ и бань, точно также и въ краяхъ Гилянѣ и Асторѣ. Въ Моканѣ Ашуръ (Aschur) и Елешуръ (Eleschur). Въ областяхъ: Хальхалѣ (Chalchal), Кермерутѣ (Kermeruth) и Гаштерутѣ (Haschteruth), принадлежитъ этому Месару также половина, кромѣ владѣній Татаръ и Индійцевъ, въ которыхъ также нѣкоторыя мѣста доставляютъ доходъ, именно исповѣдающія Персидскую Вѣру. Кромѣ того у Персовъ въ большомъ употребленіи обычай, когда они предпринимаютъ отдаленную поѣздку, или какое важное предпріятіе, также когда ихъ постигнетъ болѣзнь, или другая какая бѣда, давать большіе обѣты Шиху-Сефи, и обѣты эти, когда желанія ихъ осуществляются, исполняютъ они точно и

добровольно, дорожа своимъ благополучіемъ и блаженствомъ, и многіе изъ нихъ, приходя на богомолье, изъ особаго благоговѣнія, приносятъ добровольные дары, иногда даже отказываютъ Месару свои имущества по завѣщанію. По этому-то, туда ежедневно поступаютъ въ даръ деньги, лошади, ослы, верблюды, овцы и другіе товары.

Приносящимъ подарки дается полная горсть анису, въ знакъ того, что души ихъ должны быть исполнены особою сладостью. Для принятія подарковъ приставлены особые два присяжные человѣка, называемые Несюрджанъ (Nessüjtziahn), отъ Арабскаго слова: Nesür, означающаго обѣтъ. Пріемщики эти ежедневно сидятъ въ домѣ, лежащемъ въ лѣвой сторонѣ, противъ мечети Джилла-хане, и между ними стоитъ круглый денежный сундукъ, покрытый краснымъ бархатомъ, въ который они бросаютъ жертвуемыя деньги сквозь отверстіе на верху. Даримые же верблюды, лошади и ослы тотчасъ же продаются и обращаются въ чистыя деньги, а овцы и быки убиваются и раздаются бѣднымъ. Для богатаго содержанія сказанныхъ пріемщиковъ Шихъ Исмаилъ пожертвовалъ большое селеніе Султанабатъ (Sultanabath), лежащее въ милѣ отъ города.

ГЛАВА XXVII.

Гробница Сеида-Джейбраиля (Seid-Tzeibrail) и другихъ Сеидовъ въ селеніи Кельгеранѣ (Kelheran); что еще видѣли мы около Ардебиля.

Гробница Сеида Джейбраиля, отца Шиха-Сефи, находится въ селеніи Кельгеранѣ, въ полумилѣ отъ Ардебиля, по эту его сторону. Джейбраиль въ этомъ селеніи былъ обыкновенный, и простоватый человѣкъ, и сперва былъ погребенъ здѣсь между другими крестьянами; но когда Седрединъ увидалъ, что во всей Персіи, не только отца его, но и его самаго, считали за такого святаго и высшимъ духомъ одареннаго мужа, то пожелалъ, по смерти своего отца, и по сооруженіи ему гробницы, возвеличить и прахъ

своего дѣда передъ простыми людьми, и потому приказалъ вырыть тѣло своего дѣда и похоронить его здѣсь, воздвигнувъ надъ нимъ великолѣпную гробницу и зданіе. Нѣкоторые Персы говорили, что вмѣстѣ съ Джейбраилемъ здѣсь погребены и двое другихъ изъ того же рода, а именно: Сеидъ Сала (Sala), отецъ Джейбраила и Сеидъ Кудбединъ (Kudhedin), дѣдъ его; но другіе, желающіе предоставить честь погребенія здѣсь одному отцу Шиха-Сефи, отвергаютъ это мнѣніе. Можетъ быть, въ этой гробницѣ не находится ни одного изъ этихъ тѣлъ; ибо сомнительно, чтобы кости, такъ долго лежавшія въ землѣ съ костьми другихъ простыхъ крестьянъ, и уже сгнившія, можно было распознать и отдѣлить безошибочно.

Гробница эта выстроена въ большомъ саду, въ видѣ круглаго зданія, съ длинными кругомъ пестро раскрашенными стеклянными окнами, обнесенная прочною желѣзною изгородью, вверху заканчивающаяся круглою башнею, обложенною синими и зелеными изразцами (полированными камнями). Основаніе этой гробницы было такъ высоко, что нужно было взойти на него по 10 ступенькамъ. Нѣкоторые изъ насъ, пришедшіе осмотрѣть, были остановлены у двери: у нихъ потребовали шпаги и палки, и просили, чтобы они сняли башмаки и сапоги и чтобы шли туда безъ обуви. Сводъ въ этомъ зданіи искусно сведенъ былъ прорѣзанными дугами (съ просвѣтами), разукрашенъ золотомъ и синей краской, а полъ устланъ прекрасными коврами. Въ стѣнахъ подъ сводами находились небольшія комнатки, въ которыхъ обучали юношей пѣнію изъ Алкорана, и такимъ образомъ приготовляли изъ нихъ Гафазановъ или стражей гроба святаго. Какъ и въ гробницѣ Шиха-Сефи, на маленькихъ столикахъ разложены были прекрасно написанныя Арабскія книги, по которымъ совершалось пѣніе отъ времени до времени. Посреди часовни этой стоялъ деревянный гробъ, прекрасной рѣзной работы, промежъ связей которой виднѣлась листовая мѣдь желтая, длиною въ ростъ человѣка и шириною въ 3 локтя и покрыта вездѣ кругомъ зеленымъ бархатомъ. Надъ гробомъ висѣли двѣ серебряныя и двѣ золотыя лампы, которыя горятъ каждую ночь, и смотрѣніе за тѣмъ, чтобы лампы эти горѣли, поручается двумъ Джирагчиганамъ (Tziragtschihan) или смотрителямъ за свѣтильниками. Противъ этой гроб-

ницы находилась еще небольшая часовенька, въ которой погребены также нѣсколько знатныхъ людей изъ того же рода.

Такъ какъ въ Ардебилѣ находится гробница такого святаго, то Ханъ Ардебильскій пользуется такимъ же значеніемъ въ духовномъ отношеніи, какъ и самъ Шахъ, и, кромѣ свѣтскаго права, завѣдываетъ и духовнымъ. Но онъ не можетъ держать столько войска, какъ Ханъ Шемахинскій; ибо Ардебиль не есть пограничный городъ, и по тому не можетъ опасаться быстраго и неожиданнаго нападенія Турокъ. Всего на все онъ имѣетъ только 50 человѣкъ, изъ которыхъ онъ и устраиваетъ свой придворный штатъ. Вообще вся придворная обстановка у него вовсе не такъ великолѣпна, какъ у Хана Ареба. Онъ велъ даже скромную, трезвую жизнь; на пирушкахъ, которыхъ онъ сдѣлалъ 3 ради насъ, употреблялъ множество табаку, который, по обычаю Персовъ, онъ курилъ изъ деревяннаго, длиною въ два локтя, чубука, сквозь воду въ стеклянномъ сосудѣ, при чемъ пилъ также много Кагавы (Kahawae) или кофе; напитокъ этотъ весьма освѣжаетъ и умиряетъ всякаго рода страсти.

Все, что еще было замѣчательнаго около Ардебиля, состояло въ нѣсколькихъ теплыхъ банкахъ, находившихся въ горахъ, и въ источникахъ, которыми пользуются ради удовольствія и здоровья; Ханъ предлагалъ было намъ свои услуги проводить насъ и туда, но мы не поѣхали, по слабому еще здоровью Посланника Бругмана. Свѣдѣнія, сообщенныя намъ Персами объ этихъ водахъ, были слѣдующія: внизу, у подошвы горы Себеланъ (Sebelan), есть источникъ, Сердебе (Serdebe), съ тепловатою и чистою водой, въ которомъ многіе охотно купаются. Онъ проведенъ сюда трубою подъ сводами изъ Сульфакархана (Sulfakarchan), о которомъ упоминалось выше. Въ трехъ миляхъ отъ этого источника, на правой сторонѣ горы ещё теплый источникъ, издающій сѣрный запахъ такой, что воздухъ во всей этой странѣ пахнетъ сѣрой; онъ очень полезенъ противъ разныхъ накожныхъ болѣзней: парши, разныхъ прыщей и проч., и по тому называется Abkolur, т. е., вода отъ шелудей или паршей. Въ другомъ мѣстѣ этой же горы еще есть 3 источника, называемые: Меулъ, Даудау и Рандау (Meul, Daudau, Randau), и всѣ 3

имѣютъ горячую до кипѣнія воду. Меулъ вытекаетъ изъ небольшаго холма, у котораго по обѣимъ сторонамъ холодные и глубокіе источники; Даудау, въ четверти мили отъ Меула, бьетъ двумя ключами, и подлѣ него есть также холодный, источникъ. Передъ обоими этими источниками выкопанъ прудъ, въ который проведены они оба, т. е., теплый и холодный, и такимъ образомъ воды этѣ умѣряютъ другъ друга и дѣлаются годными для купанья. Рашдау по временамъ оказываетъ сильное дѣйствіе, а иногда не приноситъ ни какой пользы. Персы разсказывали, если больной долженъ выздоровѣть, то онъ видитъ въ этомъ источникѣ змѣю, у которой на головѣ кольцеобразно свернувшаяся лежитъ другая, маленькая бѣлая змѣйка, въ родѣ короны. Если же этого больной въ источникѣ не увидитъ, то и купанье ему будетъ безъ пользы. Въ полумили по эту сторону отъ города, у дороги, на правой сторонѣ, лежитъ прудъ, или лужа, называемая Шеркёль (Scherköl), покрытая твердыми слоями селитры и соли, будьто льдомъ, или льдинами, какъ мы сами видѣли это, проѣзжая. Страдающіе нарывами съ пользою моются водою изъ него. Что сообщали намъ Персы замѣчательнаго о горѣ Бакру, будетъ сказано въ одномъ мѣстѣ съ тѣми баснями, которыя они разсказываютъ о горѣ Ельвендѣ (Elwend).

ГЛАВА XXVIII.

Путешествіе изъ Ардебиля въ Султанію.

Когда мы прожили такимъ образомъ, какъ сказано, цѣлыхъ два мѣсяца въ Ардебилѣ, то 1-го Іюня прибылъ къ намъ новый Мегемандаръ, назначенный Шахомъ, по имени Абасъ-Кули-Бекъ (Abas-Guli-Bek), съ извѣстіемъ, что въ теченіи 40 дней онъ долженъ доставить насъ къ Шаху, который очень желаетъ видѣть насъ поскорѣе. Такъ какъ самъ онъ былъ уже старый человѣкъ, то, чтобы усерднѣе служить намъ, онъ привезъ съ собою своего сына, здороваго взрослаго малаго. Послѣ этого прежній Мегемандаръ, Неджефъ-Бекъ, отошелъ отъ насъ, и за свои труды и

хлопочетъ у Шаха повелѣніе Хану Ардебильскому немедленно доставить пушки въ слѣдъ за нами. Когда наконецъ мы и сами убѣдились въ невозможности везти пушки съ собою, то порѣшили оставить самыя большія изъ нихъ здѣсь; но прежде, по приказанію Посланника Бругмана и въ присутствіи Мегемандаря, измѣрили ихъ длину и толщину и живописецъ нашъ снялъ съ нихъ рисунки; съ собою же взяли только двѣ самыя малыя пушки, вѣсившія по 300 фунтовъ каждая, и 4 камнеметницы, навьючивъ ихъ на верблюдовъ, и 14-го числа пустились далѣе, почти постоянно черезъ скалистыя горы и между ними, до узкой, опасной дорогѣ, такъ что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ носилки принуждены были съ великимъ трудомъ нести на себѣ болѣе сильные люди. Въ долинахъ тамъ и самъ виднѣлись селенія и жилья, около которыхъ паслись прекрасныя стада. Къ вечеру, проѣхавши 5 миль, мы прибыли въ большое село Сенгоа (Sengoa), въ которомъ живетъ Melik или областной управитель, собирающій доходъ съ области Халхалъ (Chalchal), которая начинается здѣсь и простирается до рѣки Кизильозейнъ (Kisilosein). Управитель этотъ, по имени Байндуръ (Baindur), очень любимый Шахомъ Абасомъ, поставленъ въ эту должность на мѣсто своего отца, и, женившись на одной изъ Шахскихъ прислужницъ, получилъ, вмѣстѣ съ нею, въ подарокъ и приданое многія помѣстья.

14-го числа мы опять ѣхали по высокимъ горамъ и проѣхали черезъ 3 селенія, изъ которыхъ Мегемандарь (по обычаю Персовъ) забиралъ по нѣскольку лошадей, какъ бы для насъ, но за тѣмъ опять отдавалъ ихъ крестьянамъ за деньги, которыми они выкупали себѣ этѣхъ лошадей. Сдѣлавши 4 ферзанга или мили, мы пріѣхали въ прекрасную долину, съ чистымъ источникомъ, и расположились въ ней подъ нашими палатками. Мы нашли здѣсь огромныхъ зеленыхъ стрекозъ или саранчу длиною въ 3 и толщиною въ полтора дюйма. Такъ какъ мы простояли здѣсь до послѣ обѣда слѣдующаго дня, то я изслѣдовалъ здѣсь высоту солнца, и нашелъ, что мѣсто это лежитъ въ 37°. 28 отъ равноденственника.

15-го числа, послѣ обѣденнаго стола, устроеннаго по случаю выздоровленія Посланника Бругмана, сѣвшаго уже здѣсь на

впередъ, вмѣстѣ съ 6 металлическими пушками и солдатами, а 12-го Іюня и сами отправились въ путь за ними. Но такъ какъ Посланникъ Бругманъ былъ еще нѣсколько слабъ и не могъ ѣхать на лошади, то онъ приказалъ везти себя въ носилкахъ на мулахъ, и такимъ образомъ рано утромъ, въ 5 часовъ, отправился впередъ, въ сопровожденіи 30 человѣкъ изъ нашего народу.

Нѣсколько Персіянъ, не знавшихъ ни чего о нашемъ отъѣздѣ и никогда еще не видавшихъ носилокъ, увидѣвъ теперь ихъ завѣшанными сукномъ и выносимыми за городъ въ сопровожденіи множества народа, говорили: «Нѣмцы, должно быть, хотятъ справлять за городомъ какой ни будь праздникъ и несутъ туда свою святыню.» Посланникъ Крузе отправился позднѣе съ своими спутниками, именно въ 8 часовъ. Келбеле-Ханъ, поѣхавъ верхомъ еще прежде, тоже за городъ, въ одинъ садъ, прислалъ сказать Гг. Посланникамъ, что онъ подождетъ ихъ тамъ и еще разъ простится съ ними; ибо у Персовъ не въ обыкновеніи, принявши однажды кого либо, выпроваживать еще его, и они говорятъ: «Не прилично гостей выводить изъ дому.» Когда мы проѣхали съ милю, къ намъ присоединился Ханъ, который пригласилъ Посланника Крузе въ Татарскія хижины или отаки (Olaken), стоявшія не далеко отъ дороги, гдѣ и угостилъ насъ холоднымъ кушаньемъ. При немъ находился и Султанъ Тавриса (Tabris), обязанность котораго во время войны та же, что и нашего главнаго Rumormeisters (блюстителя порядка и исполнителя). Слуги его всѣ имѣли на плечахъ накинутыя тигровыя и рысьи шкуры, походили видомъ на прислужниковъ палача и, вѣроятно, и въ дѣйствіяхъ своихъ были не далеки отъ нихъ, если бъ только имъ это дозволили. Распростившись дружески съ Ханомъ, мы продолжали наше путешествіе по неровной, жесткой, скалистой дорогѣ и къ вечеру прибыли въ большое селеніе, Бузюнъ (Busiin) называемое, лежащее на лѣво въ долинѣ, въ 4 миляхъ отъ города. Сдѣсь мы нашли отправленные впередъ наши пожитки и пушки, колеса которыхъ почти всѣ уже разбились. Мегеиандарь очень сожалѣлъ, что рѣшительно не имѣлъ сдѣсь возможности распорядиться устройствомъ новыхъ колесъ, равно положительно не совѣтовалъ везти пушки далѣе, чего и нельзя сдѣлать безъ великихъ препятствій, и предложилъ, съ своей стороны, что онъ вы-

нія и по тому охотно бы сѣвшихъ на лошадь; но страхъ низринуться въ бездну вынуждалъ насъ продолжать путь пѣшкомъ. Мы шли такимъ образомъ, или скорѣе карабкались, по каменистой дорогѣ около 3 часовъ, пока наконецъ не добрели къ полуночи до селенія Кейндже (Keintze), отстоявшаго въ 4 миляхъ отъ послѣдняго нашего ночлега; въ этомъ селеніи мы остановились, и остались въ немъ подъ нашими палатками и на слѣдующій день, чтобы подождать отставшаго Мегемандаря и дать отдохнуть себѣ и измученнымъ лошадямъ нашимъ. Сдѣсь мы вознаградили себя, за вынесенныя вчера тягости, доброю выпивкой вина, съ веселою музыкой, игрою на трубахъ, съ пушечной пальбой и разными другими забавами. Когда мы завели рѣчь съ нашимъ Мегемандаремъ, находившимся также при нашей пирушкѣ, о томъ, для чего онъ постоянно отдѣляется отъ насъ, и отъ Ардебиля до сихъ поръ такъ мало находился въ сообществѣ съ нами, то онъ объяснилъ, что дѣлаетъ это не изъ какого ни будь недобраго намѣренія, а просто изъ скромности, или робости; ибо онъ не охотно бываетъ тамъ, гдѣ раздаются постоянная брань и ругательства, какія слышалъ онъ отъ Посланника Бругмана. А между тѣмъ онъ желалъ бы исполнить свое дѣло, по данному ему приказу, такъ, чтобы въ исполненіи этомъ не находили ни какого недостатка. Тѣмъ не менѣе Мегемандарь, видя, что нынѣшній день проводится въ такомъ удовольствіи, также присоединился къ намъ и порядкомъ таки хлебнулъ винца.

17-го числа, когда послѣ полудня самый сильный жаръ спалъ и воздухъ нѣсколько освѣжился, Мегемандарь Абасъ-Кули-Бекъ провелъ насъ далѣе на двѣ мили, при чемъ, по своимъ разсчетамъ, именно съ цѣлію собрать подать съ крестьянъ, какъ говорили намъ этѣ послѣдніе, онъ свернулъ съ прямой дороги и привелъ насъ въ селеніе Хаджимиръ (Hadzimir), лежащее на право отъ прямаго пути, на каменистой почвѣ. Сдѣсь одинъ Меликъ (Melik) или сборщикъ податей прислалъ, въ привѣтствіе нашимъ Посланникамъ, нѣсколько блюдъ, полныхъ плодовъ, новинокъ того года, именно: абрикосовъ, полузрѣлаго винограду, и одинъ мѣхъ или кожаный мѣшокъ вина. Кромѣ этого мы въ тотъ вечеръ не могли добыть сдѣсь ни чего ни изъ пищи, ни изъ питья, такъ какъ мы попали сюда неожиданно, и поваръ нашъ, съ своею поварней, въ слѣдствіе объ-

явленія Абасъ-Кули-Бека, что мы должны будемъ проѣхать въ этотъ день еще пять миль; далѣе уѣхалъ отъ насъ впередъ, по прямой дорогѣ; такимъ образомъ мы должны были лечь спать голодные.

18-го Іюня, въ Воскресенье, отправивъ наше Богослуженіе и пообѣдавъ, мы пустились далѣе; ѣхали почти все крупною рысью, между двумя холодными холмами, цѣлыя 6 миль, и къ полуночи прибыли въ селеніе Камаль (Kamahl), лежащеее на право, въ 2 миляхъ отъ дороги. Дома въ этомъ селеніи разбросаны на 3 отдѣльныхъ холмахъ; для помѣщенія нашего предоставили было намъ самую низменную часть селенія, гдѣ, передъ самымъ селеніемъ, назначался для Посланниковъ одинъ большой пустой домъ. Но какъ Гг. Послы наши, по причинѣ неудобства такого помѣщенія, занять его не захотѣли, то и отправились въ другую часть селенія, оставивъ на распутіи одного воина, для того, чтобы онъ передалъ свѣдѣнія остальному нашего народу, слѣдовавшему еще на дорогѣ за нами, о настоящемъ нашемъ ночлегѣ. Такъ какъ поселяне не были предъувѣдомлены о нашемъ прибытіи въ ихъ селеніе, и по тому не могли немедленно же попрятать куда ни будь своихъ женъ и дочерей, то они не хотѣли было принять насъ въ дома свои; въ слѣдствіе этого мы, полуокоченѣлые отъ холода, не желая ночевать подъ открытымъ небомъ, вынуждены были силою сами размѣстить себя по домамъ поселянъ, у которыхъ и нашли, хотя очень тѣсные и скверные покои, по крайней мѣрѣ довольно теплые. Но только что улеглись было мы, въ надеждѣ провести небольшой остатокъ ночи въ желанномъ спокойствіи, какъ услышали тревогу нашихъ трубачей, звавшихъ къ сбору. Такъ какъ тревога эта была дѣломъ необыкновеннымъ, то мы тотчасъ поняли, что произошло что ни будь новое, не совсѣмъ-то хорошое, и по тому поднялись снова на ноги, поспѣшили на звукъ трубъ, приведшій насъ къ помѣщенію Посланниковъ, и тамъ узнали, что человѣкъ 20 Персовъ, собравшись верхами на лошадяхъ, вооруженные ружьями, стрѣлами и саблями, напали на одного нашего воина, Ласке (Laske), отняли у него ружье, перевязь, шпагу и верхнее платье, крѣпко избили, истоптали ногами и убили бы, пожалуй, до смерти, какъ самъ онъ разсказывалъ, если бъ, на его счастье, не подоспѣлъ къ нему нашъ Гофмейстеръ, съ нашимъ Русскимъ переводчикомъ, Гансомъ Ар-

ценбекомъ, который, по болѣзни, отсталъ отъ насъ и прибылъ съ нѣкоторыми изъ нашихъ нѣсколько позднѣе. Увидѣвъ ихъ, разбойники, опасаясь, что вслѣдъ за этими можетъ прійти еще большій отрядъ, поспѣшили удалиться. Посланники снарядили одного Поручика съ 20-ю воинами преслѣдовать разбойниковъ, остальнымъ же приказали расположиться вокругъ ихъ [illegible].

19-го Іюня мы оставались въ селеніи, размѣстившись подъ раскинутою въ немъ нашей палаткой. Сдѣсь со мною случилась воспалительная болѣзнь, отъ которой я сильно ослабѣлъ и, не смотря на то, долженъ былъ продолжать путешествіе. 20-го числа, рано утромъ, часа въ два, мы пустились снова въ дорогу, ѣхали почти весь день въ страшную жару по ровной, красноватой, песчаной и выжженной, странѣ, и, проѣхавши 6 миль, въ полдень прибыли въ открытый городокъ, Сенканъ (Senkan). За полмили передъ этимъ городкомъ, Правитель Султаніи (Sultanie), Севиндюкъ - Султанъ (Sewindük Sultan), находившійся тогда въ Сенканѣ, выслалъ на встрѣчу Посламъ 4 блюда прекрасныхъ большихъ абрикосовъ и огурцовъ, чтобы хоть нѣсколько освѣжиться этими плодами въ сильный жаръ. Передъ самымъ мѣстечкомъ или городкомъ приняли насъ, высланные на встрѣчу намъ Султаномъ, 30 вооруженныхъ всадниковъ, между которыми одинъ былъ безъ рукъ и безъ ногъ, имѣвшій, вмѣсто рукъ, остроконечныя поручни съ крючками; съ помощію этѣхъ поручней онъ ловко управлялъ своею лошадью, которую, на удивленіе намъ, безпрестанно гналъ передъ нами туда и сюда. Этому Персіянину Шахъ Абасъ (дѣдъ Шиха Сефи), за то, что онъ бѣгалъ по домамъ простолюдиновъ и насиловалъ въ нихъ молодыхъ женъ, приказалъ отрубить руки и ноги, и за тѣмъ обрубленными ногами поставить его въ кипящее масло. Отецъ этаго Персіянина, знатный и богатый житель Сенкана, очень полюбился Персидскому Шаху за свой отмѣнный разумъ и стихотворныя произведенія, которыми онъ прославился; онъ написалъ нѣсколько остроумныхъ эпиграммъ, направленныхъ на случай, постигшій его сына, и съ помощію ихъ снова выходилъ себѣ и сыну своему Шахову милость и, кромѣ того, получилъ еще и подарки.

---

* Сенджанъ. О. Б.

Въ Сеннахѣ хозяинъ нашъ дружелюбно помѣстилъ насъ въ чистыхъ покояхъ, убранныхъ прекрасными коврами, и меня, какъ больнаго, уложилъ на шелковыхъ подушкахъ. Самъ Султанъ, ловкій и смышленный человѣкъ, явился посѣтить Пословъ и извиниться передъ ними, что лично не могъ выѣхать къ нимъ на встрѣчу. При взятіи крѣпости Эрвана (Eruan), онъ получилъ въ плечо довольно тяжелую рану, которая хотя и зажила было, но въ послѣднее время снова открылась и помѣшала ему встрѣтить насъ. Когда же Посланники отправили къ нему своего Лѣкаря и Фельдшера, для подания ему совѣта и лѣкарствъ, то это такъ понравилось ему, что, въ благодарность, онъ приказалъ доставить намъ, кромѣ множества дорогихъ плодовъ, и двойное продовольствіе. Сенканъ былъ нѣкогда большой и богатый городъ, но сталъ ничтожный въ слѣдствіе вторженій Тамерлана и Турокъ.

Вокругъ города въ той странѣ нѣтъ ни чего, кромѣ ровнаго поля жгучаго песку, на которомъ изрѣдка растутъ отдѣльные небольшіе кустарники, вышиною съ руку. Въ полумили отъ города, въ правой сторонѣ, простирается отрасль горы Тавра съ сѣвера на югъ, идущая въ Курдистанъ (Kurdesthan) и называющаяся Кейдеръ Пейямберъ (Keider Pejamber); на ней, какъ полагаютъ Персы, погребенъ древній пророкъ ихъ, носившій это имя. Подошва горы вся усѣяна зелеными полями и селеніями.

21-го Іюля, не рѣшаясь продолжать путь въ страшный дневной жаръ, мы только вечеромъ, по захожденіи солнца, пустились снова въ дорогу, проѣхали ночью, при мѣсячномъ свѣтѣ, 6 миль по ровной странѣ, и передъ восходомъ солнца прибыли въ городъ Султанію (Sulthanie). Отъ сильной ночной стужи люди наши до такой степени прозябли и окоченѣли, что на силу слѣзли съ лошадей и едва ходили; но за тѣмъ днемъ опять насталъ такой сильный жаръ, что почти не было возможности какъ ни будь укрыться отъ него. Въ слѣдствіе такого рѣзкаго перехода въ тотъ же день [illegible] человѣкъ изъ сопутниковъ Посольства разомъ начали жаловаться на нездоровье, а [illegible] постоянно [illegible] сильный жаръ и разслабленіе, такъ что они могли продолжать путешествіе не иначе, какъ на носилкахъ, мулахъ и верблюдахъ. [illegible] же мы большею частію по ночамъ. Здѣсь же двое [illegible]

щихъ спутниковъ поссорились между собою, и одинъ изъ нихъ, Томасъ Крайгъ (Craig), Шотландецъ, получилъ на поединкѣ опасную рану въ легкое, не далеко отъ сердца, такъ что мы принуждены были довольно долгое время носить его на носилкахъ, хотя онъ и выздоровѣлъ подъ конецъ, послѣ продолжительнаго лѣченія.

ГЛАВА XXIX.

О городѣ Султаніи.

Городъ Султанія (Sulthanie) лежитъ подъ 84°, 5' долготы и подъ 36°, 30' широты, на гладкомъ полѣ; съ двухъ сторонъ его, а не вокругъ него, какъ пишетъ Картрайтъ (Kartwrigt), идутъ довольно высокія горы, особенно съ правой стороны, именно гора Кейдеръ (Keider). По нѣсколькимъ высокимъ домамъ, башнямъ и колоннамъ онъ имѣетъ снаружи довольно красивый видъ, но внутри очень ветхъ, и самыя городскія стѣны его почти всѣ разрушены. Нѣкогда онъ былъ однимъ изъ важнѣйшихъ и великолѣпнѣйшихъ городовъ въ сихъ краяхъ и простирался въ длину болѣе, чѣмъ на полмили; ибо и теперь еще, въ большой полумилѣ отъ города, на правой сторонѣ, по пути въ Гамеданъ (Hamedan), стоятъ высокія каменныя ворота и башня, принадлежавшія городу. Городъ построенъ былъ Султаномъ Магумедомъ Ходдабенде (Choddabende) изъ развалинъ опустошеннаго города Тигранокерта (Tigranocerta), о которомъ Тацитъ упоминаетъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ, былъ возведенъ на степень Царской столицы, какъ означаетъ это и самое имя его Султанія; ибо древніе Цари не именовались Шахами, но, какъ и нынѣшніе Турки, назывались Султанами. Но городъ этотъ очень разоренъ и опустошенъ, частію Тамерланомъ, частію же ихъ собственнымъ Княземъ, Ходжей Решидомъ (Chodza Reschid), за то, что жители его возмутились противъ него.

Самое замѣчательное, что можно видѣть здѣсь, было древнее Царское мѣстопребываніе, которое, словно крѣпость, окружено было четырехугольною крѣпкою стѣною, сложенною изъ большихъ четырехугольныхъ камней и четырехугольными же

башенъ, отъ которыхъ на мѣстѣ находились еще нѣкоторые обломки. Прекраснѣйшее зданіе или Emarat было мечеть, въ которой погребенъ Султанъ Магумедъ Ходдабенде (Ghoddahende). Все это зданіе устроено изящно, съ 3 воротами, высота которыхъ превосходитъ высоту воротъ Св. Марка въ Венеціи; но [illegible] они не изъ бронзы, или мѣди, какъ пишутъ другіе писатели, а изъ полированной и высѣченной или булатной стали и желѣза. Одни изъ этѣхъ воротъ, самыя большія, которыя стоятъ противъ Майдана (Maidan), какъ разсказываютъ Персы, не возможно отворить, сколько бы людей ни трудилось надъ этѣмъ. [illegible] если при этомъ произнести слѣдующія слова: «Beash Aly buk-[illegible] т. е., «Отворись во любви къ Алію» то ворота этѣ дѣлаются [illegible] легко подвижны на петляхъ и крюкахъ своихъ, что ихъ [illegible] отворить даже дѣтя. Сводъ зданія выложенъ бѣлыми и [illegible] изразцами, на которыхъ выжжены большія надписи и [illegible] рода красивыя изображенія; онъ поднимается очень вы[illegible] посрединѣ сходится или заканчивается какъ бы круглою [illegible]. На верху сводъ раздѣляется металлическою рѣшеткою, которая образуетъ какъ бы отдѣльные хоры. На хорахъ этѣхъ [illegible] множество древнихъ Арабскихъ книгъ, изъ коихъ нѣкоторыя были длиною въ 3 четвертей локтя и шириною въ ло[illegible]; буквы въ нихъ величиною съ палецъ и строки весьма ста[illegible]тельно [illegible]писаны золотомъ и чернилами. Изъ этѣхъ книгъ мнѣ [illegible]лось [illegible]быть нѣсколько листовъ, которые я и теперь еще хра[illegible] въ [illegible]іотекѣ Милостивѣйшаго Государя моего. Это отрывокъ [illegible] Ал[illegible]на, въ которомъ содержится начало одной забавной [illegible] нѣсколькихъ дьяволахъ. Для потѣхи я приведу здѣсь [illegible] содержаніе этого отрывка изъ Персидскаго Paraphrasi Alcorani, который Персы называютъ Seratz elkulub, т. е., Candela [illegible] Свѣча сердца. Вотъ оно:

[illegible] Богъ изгналъ дьяволовъ съ неба и крѣпко заперъ небо [illegible], то нѣсколько дьяволовъ, желавшихъ очень знать, что [illegible] на небѣ, собирались по ночамъ вмѣстѣ и, становясь од[illegible]ому на плечи, взбирались такъ по одному все выше и [illegible] поръ, пока находившійся на самомъ верху не дости[illegible]. Здѣсь онъ обыкновенно подслушивалъ все, что гово[illegible] людской жизни и счастіи, и подслушанное такимъ

образомъ дьяволы сообщали потомъ людямъ черезъ колдуновъ и [illegible] людей. Когда же Богъ замѣтилъ [illegible], то бросилъ одну звѣзду, называемую по Арабски Schihob, въ голову дьявола, находившагося на самомъ верху, и звѣзда эта тотчасъ же пронзила [illegible] всѣмъ [illegible], [illegible] ихъ съ тѣхъ поръ въ кучѣ [illegible]. Послѣ этого другіе [illegible] хотя и до нынѣ продолжаютъ то же, но стараются такимъ образомъ подслушивать Ангеловъ, чтобы узнавать тайну неба и сообщать ее людямъ, но чуть только Ангелы усмотрятъ [illegible], то бросаютъ на нихъ прежнюю кару и истребляютъ ихъ. Потому, когда Персы видятъ метеоръ или падающую звѣзду, [illegible] cadentem, съ благоговѣніемъ и радостію произносятъ слѣдующее изреченіе:

خدا نگاه دارد از شیطان

همه بسوزند و ما خلاص شدیم

Choda nikeh dascht maara es Sheitan.

Heme busuchtend we ma chalas schudim.

«Боже, защити насъ отъ дьявола! Да будутъ [illegible] сожжены, а мы свободны!»

Но довольно объ этомъ Магометанскомъ произведеніи.

Позади, въ помянутомъ храмѣ, проходя къ алтарю или Kerab, видѣнъ гробъ Султана Магомета Ходабенде, [illegible] прекрасную рѣшетку. Рѣшетка эта почитается также великимъ мастерскимъ произведеніемъ; рѣшетины въ ней толщиною въ руку и изъ чистой Индійской стали, и всѣ части ея такъ плотно [illegible] одна къ другой, что не видно въ нихъ ни какой связи или спайки; она отлично выполирована и изукрашена насѣчками. Персы говорятъ, что она высѣчена изъ цѣльнаго куска и вмѣстѣ съ описанными выше воротами, изготовлялась въ Индіи, въ [illegible] цѣлыхъ семи лѣтъ, а оттуда вывезена и поставлена [illegible] упомянутыхъ Султаномъ.

Кромѣ этого, въ зданіи семъ или Емаратѣ [illegible] металлическихъ орудій, и между ними одну боль[illegible]

Каждое орудіе лежало на 4-колесной стойкѣ; и 4 изъ этихъ орудій были полукартауны (короткія пушки), остальныя же — полевыя орудія (болѣе длинныя пушки). Ядра для нихъ были мраморныя. Орудія эти употреблялись для защиты бывшей здѣсь крѣпости. На мортирѣ стоялъ двойной орелъ и надъ нимъ буквы: А. Z. и внизу А.

Башня на этомъ зданіи была восьмиугольная и вверху окружена широкой галлереей или ходомъ, на которомъ стояло 8 маленькихъ башенокъ, съ витыми лѣстницами, для всхода на нихъ. Передъ храмомъ находился большой, выложенный камнемъ четырехъугольный водоемъ или колодязь, въ который вода проведена изъ горы Кейдеръ (Keider). Позади же храма раскинутъ прекрасный большой садъ, со множествомъ въ порядкѣ разсаженныхъ въ немъ большихъ и малыхъ деревьевъ и съ высокой изящной бесѣдкой.

Въ этомъ же городѣ не менѣе достойна обозрѣнія другая большая мечеть, которую воздвигъ здѣсь Шахъ Измаилъ I-й. Входъ въ нее идетъ весьма высокими воротами, надъ которыми стоитъ круглая башня. Прошедши ворота, первое, что встрѣчается за ними, это высокая пирамида, въ верхней части уже разрушенная, и вокругъ нея 8, тоже довольно высокихъ мраморныхъ, столбовъ. Миновавъ эту пирамиду и столбы, входишь собственно въ мечеть, въ весьма просторное и высокое со сводомъ зданіе, украшенное кругомъ множествомъ сложенныхъ изъ камня столбовъ, склеповъ и ходовъ или галлерей; въ срединѣ мечети стоитъ возвышенная каѳедра. При этомъ зданіи также есть превосходный большой садъ, и въ немъ башня, которая вверху нѣсколькими куполами заканчивается, въ видѣ пирамиды.

Жители подтверждаютъ, да и сами мы очевидно нашли справедливость того, что пишутъ Іовій (Jovius), въ 14-й книгѣ, стр. 282, и Петръ Перондинъ (Petrus Perondinus), въ своемъ сочиненіи: De vita Tamerlanis (Basileae, 1551, cap. 23, pag. 241), а именно: «Ab hoc vere Scythico impie profano Tamerlanis ingenio quis credit mirum religionis exemplum prodiisse. Nam Sulthaniam Persarum olim Regiam cuncta; obivia inter meridiem et occasum imma-

niter evertens ac inexorabili mentis feritate diruens atque incendens passim urbes et oppida, et religione tactus, seu potius terrore quodam (uti fossan credi par erat) afflatus numinis Mahumethanorum delubris pepercit, quae adhuc praecellenti structura pulcherrima visuntur.» То есть, что страшно свирѣпый Тамерланъ хотя и разрушалъ все, что ему попадалось, равно какъ и прекрасный городъ Султанію, но изъ особаго уваженія къ находившимся въ немъ гробницамъ Магометанскихъ повелителей и къ тамошнимъ мечетямъ, онъ оставлялъ ихъ неприкосновенными.

Не далеко отъ помянутой сейчасъ мечети стоятъ еще весьма высокія и широкія ворота, изъ высѣченныхъ камней, искусно сложенныя, между двумя башнями, вышина которыхъ считается по 27 саженъ; это, по видимому, были какія нибудь торжественныя (тріумфальныя) ворота; въ бытность нашу они были уже довольно разрушены.

Жители города Султаніи, которыхъ считается теперь едва около 6000 душъ, не дерзаютъ, будто бы, какъ увѣряютъ нѣкоторые писатели, въ зимнее время отправляться въ какое ни будь другое мѣсто, по причинѣ великой стужи; но жители эти высказывали намъ свое удивленіе, что о нихъ сообщаются подобныя нелѣпыя свѣдѣнія; ибо въ цѣлой Персіи нѣтъ ни какого мѣста, изъ котораго бы выгоняла ихъ стужа, или жаръ.

Правда, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ на горахъ и между горъ, гдѣ мало лѣсу, холодъ бываетъ довольно чувствителенъ, въ слѣдствіе чего жители на время перебираются, но вовсе не изъ страны, а только изъ обыкновенныхъ своихъ жилищъ, въ теплые погреба. Подобное мѣсто находится близь области Эривань (Iruan), и называется оно Дералекесъ (Deralekes), по тому что лежитъ между двумя высокими горами. Важнѣйшее селеніе въ этой мѣстности есть Арпа (Arpa), и какъ здѣсь въ зимнее время холодъ бываетъ довольно великъ, то жители перемѣщаются въ глубоко вырытые въ горахъ погреба, которые и служатъ имъ прибѣжищемъ, зимою отъ большой стужи, а лѣтомъ отъ сильнаго зноя.

Простоявши въ Султаніи 3 дня и получивъ свѣжихъ лошадей и верблюдовъ, 25-го Іюня мы снова пустились въ дорогу. Такъ какъ многіе изъ спутниковъ нашихъ, по болѣзни и слабости, не могли ѣхать верхомъ на лошади, то Мегемандарь доставилъ къ намъ нѣсколько ящиковъ, называемыхъ у Персовъ кеджавега (Kedjaweha), въ которыхъ они обыкновенно перевозятъ при случаѣ своихъ женъ; въ эти-то ящики уложили больныхъ и развѣсили ихъ на верблюдахъ. Я и Врачъ нашъ также улеглись въ подобныя отдѣленія кеджавеги, насъ помѣстили въ этихъ ящикахъ на одного верблюда и въ такомъ положеніи мы совершали путь нашъ. При такомъ способѣ путешествія, мы, кромѣ болѣзни, должны были терпѣть еще два большія неудобства, а именно: во 1-хъ отъ колеблющагося хребта высокаго животнаго насъ постоянно мотало туда и сюда, и отъ этой качки кружилась голова; во 2-хъ, верблюды шли привязанные одинъ за другимъ, штукъ по 10 и болѣе (въ такомъ только порядкѣ идущій впереди вожакъ можетъ управлять разомъ нѣсколькими животными); и мы постоянно ощущали отъ этихъ животныхъ отвратительную и досаждавшую намъ вонь.

Мы выѣхали изъ города за два часа до разсвѣта, и 6 миль ѣхали по прекрасной, веселой странѣ; ибо повсюду видѣли въ ней множество зеленыхъ луговъ, хлѣбныхъ и другихъ засаженныхъ плодами полей и хорошо обстроенныя селенія; на лѣво отъ дороги возвышался холмъ, называемый Джикиджики (Tzikitziki), гдѣ находится лучшій Шаховъ конный заводъ. Къ полудню мы прибыли въ селеніе Хорамдегъ (Choramdeh), весело раскинутое среди высокихъ деревъ и садовъ, у одной рѣчки, катящей свѣжую воду. По своему пріятному мѣстоположенію село и носитъ свое имя, означающее селеніе удовольствія (или веселья).

26-го Іюня, въ ночь, мы проѣхали еще добрыхъ 5 миль, перебравшись черезъ множество холмовъ и горъ посредственной высоты.

27-го Іюня, въ полночь, пустились мы снова далѣе и ѣхали до славнаго города Касвина (Caswin).

ГЛАВА XXX.

Прибытіе въ Касбинъ, описаніе города и того, что есть въ немъ достойнаго обозрѣнія.

Слѣдующаго 27-го числа, проѣхавши ночью пять миль, съ восходомъ солнца, мы увидѣли передъ собою уже городъ, но по распоряженію Мегемендара, заѣхали въ ближайшее селеніе, гдѣ и должны были пробыть два часа, пока не прибыли и не приняли насъ встрѣчные изъ Касбина. Такъ какъ Касбинъ[1] былъ Царской столицей, то въ немъ не было Хана, а находился только Даруга (Daruge), или Чиновникъ, по чему мы и были приняты здѣсь не такъ пышно, какъ это было въ другихъ мѣстахъ. Къ намъ тотчасъ явился Даруга, съ нѣсколькими сотнями всадниковъ и пѣшихъ, и принялъ насъ. За тѣмъ представился намъ одинъ Индійскій Князь, прибывшій изъ города, въ сопровожденіи нѣсколькихъ Индостанскихъ конниковъ и прислужниковъ, привѣтствовалъ Посланниковъ дружескими поклонами и сопровождалъ ихъ до города. Колесница этого Князя устроена была совершенно особеннымъ, страннымъ, образомъ: она лежала надъ двумя низкими колесами, которыя ходили не на обыкновенной оси, но на довольно толстой желѣзной подставкѣ, которая выгнута была между колесами вверхъ и держала всю колесницу. Въ колесницѣ, покрытой балдахиномъ, сидѣлъ Мирза съ другимъ Индійцемъ противъ него, и оба поджавши подъ себя ноги. Колесницу везли два прекрасныхъ бѣлыхъ, чистыхъ Индійскихъ быка, имѣющіе короткія шеи, а на шеѣ у плечъ высокіе горбы. Рога ихъ выкрашены были красною краскою, а шеи увѣшаны кругомъ множествомъ звонковъ. Дышло колесницы шло надъ быками. На передкѣ колесницы сидѣлъ возница, управлявшій быками вожжею, продѣтою сквозь ноздри быковъ. Самые быки бѣжали такъ непринужденно, красиво и быстро, какъ и любая выѣзженная лошадь.

Когда мы были на добрый ружейный выстрѣлъ отъ города, насъ встрѣтили верхами на лошадяхъ 15 молодыхъ женщинъ, бо-

---

[1] Иначе Касбинъ. О. Б.

[illegible] бархатомъ [illegible] [illegible] (...) [illegible] [illegible] очередьми [illegible] разнаго рода украшеніями. Съ [illegible] (что въ обычаѣ у частныхъ женщинъ), [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] верхами по своему. Передъ ними ѣхало [illegible] и барабанщиковъ, [illegible] музыки. Помѣщеніе намъ отведено было по ту сторону города, и [illegible] провели черезъ весь городъ. На Майданѣ или на базарѣ, [illegible] галереѣ, также сидѣло множество барабанщиковъ [illegible] дудочниковъ, привѣтствовавшихъ своею музыкой наше прибытіе. Около Посланниковъ прыгали нѣсколько плясуновъ, которые выдѣлывали разнаго рода штуки до самаго жилья. Когда мы пріѣхали въ помѣщеніе, [illegible] съ лошадей, къ намъ набѣжала бѣдна народу толпами тѣснившагося, посмотрѣть, что такое привезли мы въ нашихъ кеджавегахъ, или ящикахъ, для женщинъ. Ибо между ними тотчасъ же разнеслись разные толки, (къ чему Персы очень склонны): одни говорили, что Нѣмцы привезли въ этихъ ящикахъ нѣсколько красавицъ Нѣмецкихъ дѣвицъ, другіе что привезено рѣдкостное морское чудо въ подарокъ Шаху; когда же они увидали, что изъ ящиковъ повылѣзли только больные и обросшіе бородой люди, то всѣ ихъ предположенія обратились въ смѣхъ и потѣху.

Что касается до города Касвина, то, по Персидскимъ и Арабскимъ [illegible], онъ лежитъ подъ 85° долготы и подъ 36° 15′ широты, что я и нашелъ по неоднократнымъ моимъ наблюденіямъ. Въ древности онъ назывался Арзатія (Arsatia) и, подобно Султаніи, равно какъ и слѣдующимъ городамъ, которые лежали у насъ впереди на пути до Испагани, находился въ области Эракъ (Erak),[2] называвшейся нѣкогда Парѳіей (Parthia). Лежитъ онъ на ровномъ, сухомъ, песчаномъ полѣ, и на полдня пути отъ него;

[2] [illegible]

въ правой сторонѣ на западъ, возвышается высокій горный хребетъ Эльвендъ (Elwend), простирающійся на юго-западъ къ Багдату или Вавилону. Окружность города въ [illegible] добрая Шведская миля; въ немъ нѣтъ ни каменныхъ городскихъ стѣнъ, ни стражи, или постояннаго войска, находящагося здѣсь только развѣ во время пребыванія Двора; ибо онъ находится далеко отъ непріятеля. Въ немъ находится, впрочемъ, болѣе 400,000 душъ жителей, изъ которыхъ, въ случаѣ нужды, можетъ быть тотчасъ же набрано значительное войско. Языкъ жителей Турецкій и Персидскій, но особаго нарѣчія и понятенъ другимъ Персамъ точно также, какъ Голландскій понятенъ Верхне-Германцамъ. Дома ихъ вообще построены по обычному образцу Персовъ изъ кирпича, высушеннаго только на солнцѣ, и снаружи не имѣютъ ни чего привлекательнаго, но внутри со вкусомъ [illegible] сводами, выбѣлены и разукрашены рѣзною или лѣпною работой. Ни одной улицы въ немъ нѣтъ мощеной, и вездѣ чистый песокъ, отъ чего, чуть подуетъ хоть небольшой вѣтеръ, поднимается страшная пыль въ цѣломъ городѣ. Тамъ нѣтъ и ключевыхъ колодцевъ, и жители принуждены подъ землею проводить воду изъ горы Эльвендъ въ городъ, въ особые погреба или водохранилища, изъ которыхъ и продовольствуются водою. Они также имѣютъ множество глубокихъ погребовъ со льдомъ, въ которыхъ сберегаютъ ледъ на все лѣто. Погреба пришлись очень по нраву нѣкоторымъ изъ насъ, когда мы бывало въ сильный жаръ проходили мимо ихъ и, завернувъ въ нихъ, прохлаждались тамъ.

Нѣкогда Персидскіе Цари имѣли въ этомъ городѣ свое мѣстопребываніе. Пишутъ, что Шахъ Тамасъ (Tamas) былъ первый, перенесшій свое мѣстопребываніе изъ Тавриса въ Касвинъ, какъ говоритъ объ этомъ Бизаръ (Bizarrus), въ своей «Rerum Persicarum Historia» (Francofurti, 1601), въ книгѣ 12-й, на стр. [illegible]; Персы же приписываютъ это отцу Тамаса, Шаху Измаилу; хотя этотъ послѣдній, ведя постоянно ожесточенныя войны, рѣдко проживалъ долгое время на одномъ мѣстѣ. Но всѣ писатели согласны въ томъ, что Измаилъ, а не Тамасъ, основалъ и соорудилъ здѣсь огромныя и весьма дорогія Царскія палаты, которыя и теперь еще существуютъ на большомъ торжищѣ, подлѣ обширнаго сада. Ворота этихъ палатъ и наружная сторона свода сверху были

красиво выложены разноцвѣтными, золотомъ расписанными, изразцовыми камнями (изразцами). Комнаты же внутри изукрашенные золоченою и лакомъ покрытою, выпуклою рѣзною работою и картинами, которыя, впрочемъ, по обыкновенному Персидскому способу, нарисованы безъ соблюденія живости изображенія и размѣровъ.

Напротивъ этого дома былъ еще другой садъ обширный, на пространствѣ четверти мили, украшенный множествомъ изящныхъ бесѣдокъ и въ порядкѣ разсаженныхъ деревьевъ; тамъ росли: яблони, груши, персики, абрикосы, гранаты, миндаль и подобныя тому деревья; особенно красивый видъ представляли крестообразно проложенныя дорожки, усаженныя стройными кипарисами и высокими чинарами, ровно, словно по ниточкѣ, такъ что изъ нихъ составлялись длинныя, чрезвычайно пріятныя, исчезающія вдали, линіи.

Въ городѣ есть два большихъ Майдана (торжища), и важнѣйшій изъ нихъ, Картрайтъ, не извѣстно на какомъ основаніи, называетъ Атмайданъ (Atmaidan). Aht по Турецки значитъ лошадь; но Персы нигдѣ не имѣютъ особыхъ конныхъ рынковъ, и какъ Maidan (слово Арабское) означаетъ вообще мѣсто для всякой торговли, то и на этомъ главномъ торжищѣ покупаются всякаго рода вещи. Я полагаю, что этотъ писатель, по незнанію языка, прочиталъ по Латыни t вмѣсто l; ибо Al на Арабскомъ языкѣ есть членъ (Articul), который Турки прибавляютъ, и говорятъ: Almaidan. Майданъ этотъ длиннѣе, чѣмъ Майданъ въ Ардебилѣ, хотя и не столь широкъ. На южной сторонѣ его стоятъ великолѣпные и огромные дворцы или палаты, которые соорудили тамъ въ разное время Персидскіе Князья или Ханы, а именно: Аллаверди-Ханъ, (Allawerdi chan), Ханъ Ширазскій; Алликули-Ханъ (Alliculi chan), Земскій Судья; Магометъ-Ханъ (Mahomed chan), Ханъ Кенджа (Kentze), и Шихъ Ахмедъ-Ханъ, бывшій во время Абаса Главнымъ Судебнымъ Начальникомъ. На этомъ Майданѣ и на другомъ, лежащемъ на западной сторонѣ и называемомъ Сенке Майданъ (Senke Maidan), равно какъ и на всѣхъ другихъ торжищахъ, которыя помѣщаются во многихъ покрытыхъ улицахъ и представляютъ довольно веселый и пріятный видъ, производится весьма значительная

торговля; и всевозможные товары можно тамъ найти и купить весьма дешево. Я купилъ тамъ, на примѣръ, нѣсколько камней бирюзы, которую Персы называютъ Firuse, и которую можно находить у Нисабура (Nisabur); а иногда и при Фируску (Firuskū), и во множествѣ доставляютъ ее сюда на продажу. Бирюза эта была крупнѣе горошинъ, а нѣкоторые камышки величиною съ зерно Турецкаго боба, отличнаго цвѣта, и за штуку я платилъ одинъ абасъ или 8 грошей, и самое большее полталера. Точно также тамъ можно купить очень дешево рубины и гранаты.

По захожденіи солнца, на восточной сторонѣ Майдана, встрѣчаются другіе торгаши, предлагающіе свои товары, а именно: множество Cahbeha или непотребныхъ женщинъ, которыя съ закрытыми лицами длиннымъ рядомъ стоятъ одна за другой и предлагаютъ въ продажу свой постыдный товаръ. Позади каждой изъ этихъ женщинъ находится обыкновенно старуха, называемая Делалъ (Delal), съ постельною принадлежностію на спинѣ, то есть, съ подушкой и покрываломъ, подбитымъ ватою, и съ незажженной свѣчей въ рукѣ. Когда являются сюда люди изъ рода за покупкой, Delal зажигаетъ свѣчу, которой молодецъ-покупатель освѣщаетъ товаръ, осматриваетъ лицо, и какая больше понравится, той и велитъ итти за собою.

На восточной сторонѣ города находится кладбище, подлѣ котораго, въ изящной мечети, погребенъ Шагесаде Госейнъ (Schahesade Hossein), одинъ изъ сыновей Гусейна; такъ какъ этотъ Шагесаде считается однимъ изъ важнѣйшихъ святыхъ, то у могилы его, подобно тому, какъ въ другихъ мѣстахъ дѣлается это у могилъ другихъ святыхъ, Персы, для дознанія правды, совершаютъ свои клятвы. По этому, если кто сомнѣвается въ дѣйствіи, или рѣчахъ, другого, то немедленно призываетъ его къ сказанной могилѣ и говоритъ: «Schahe Sade Hossein, pile Musef». Что значитъ: «Можешь ли ты подтвердить это у этой священной могилы и при великомъ Алкоранѣ?»

Кромѣ того, въ городѣ есть еще до 50 мечетей, въ которыя Персы ежедневно сходятся на молитву; изъ нихъ важнѣйшая мечеть Джаме (Tzame), лежащія на югъ, близъ Майдана, въ

которую Персы собираются въ праздничные дни. Здѣсь находится и множество прекрасно устроенныхъ караванъсараевъ для иноземныхъ купцовъ, а также много и общественныхъ бань, ежедневно посѣщаемыхъ.

Позади Царскаго Дворца и сада находится еще древняя разрушенная баня, которую Персы называютъ Гаммамъ Харабе (Hamam Charabe), и разсказываютъ о ней, какъ за вѣрное, слѣдующее происшествіе. Нѣкогда въ Касвинѣ проживалъ превосходнѣйшій врачъ, по имени Локманъ (Lokhman), родомъ черный Арабъ, котораго Персы не знали какъ и прославить достойно, не только за его врачебное искуство, о которомъ онъ написалъ много книгъ, но и вообще за его отмѣнный разумъ; по этому они внесли его въ свой Külüstahn, какъ говорится объ этомъ въ изданной мною «Долинѣ Розъ», во 2-й книгѣ Hist. 16-й, на страницѣ 53-й, а также и въ 8-й книгѣ, на страницѣ 172.

Этотъ Локманъ, разсказываютъ Персы, будучи уже въ глубокой старости, лежалъ на своемъ болѣзненномъ одрѣ, и почувствовавъ, что конецъ его близокъ, передалъ сыну своему три стклянки съ драгоцѣнной водой, крѣпко закупоренныя, и объяснилъ ему, что этою водой можетъ быть снова возвращена жизнь въ тѣлѣ умершаго, не подвергшемся еще разложенію, именно, если умершаго опрыскать водою изъ первой стклянки, то онъ снова получитъ душу и станетъ двигаться; изъ другой онъ приподнимется; изъ третьей онъ встанетъ на ноги, пойдетъ ходить и вполнѣ снова получитъ свою жизнь. При этомъ старецъ добавилъ: такъ какъ предпринимать то, что свойственно только Богу, именно, воскрешать умершихъ, есть грѣхъ, то онъ и приказываетъ ему, сыну своему, не часто прибѣгать къ этому искуству, а испытывать это только ради искуства, и, въ случаѣ надобности, для изслѣдованія природы: что можетъ она въ такомъ случаѣ? Сынъ не захотѣлъ испытать это искуство надъ умершимъ старикомъ, отцомъ своимъ, такъ какъ этотъ послѣдній объявилъ ему, что это грѣхъ, и онъ, можетъ быть, искренно желалъ ему вѣчнаго покоя; но сдѣлавшись больнымъ самъ, онъ приказалъ слугѣ своему продѣлать чудодѣйствіе это надъ нимъ, когда онъ умретъ, опрыскавъ сказанною водою его мертвое тѣло въ теплой банѣ. Когда же

тѣмъ сынъ Локмана умеръ, слуга его, исполняя приказаніе своего господина, положилъ тѣло его въ выше помянутой банѣ (Hamam), и полилъ его выше описаннымъ образомъ изъ двухъ первыхъ стклянокъ водою, отъ чего мертвый сталъ двигаться и приподниматься. Когда же слуга взялся уже за третью стклянку и нѣсколько замѣшкался, то полуживой уже сынъ Локмана закричалъ ему: «Bris, bris!» т. е., «Лей, лей!» Этотъ неожиданный крикъ такъ испугалъ слугу, что онъ выронилъ изъ рукъ стклянку, и она разбилась въ дребезги. Такимъ образомъ Локманъ Саде снова упалъ за мертво, сочтенъ за умершаго и погребенъ. Нѣкоторые говорятъ, что стклянку изъ рукъ слуги вышибъ, будьто бы, Ангелъ. Персы утвердительно также разсказываютъ, что крикъ: «Bris, bris!» и теперь еще слышится въ сказанной Hamam Charabe. Такъ какъ событіе это впервые разсказано намъ было уже по выѣздѣ нашемъ изъ Касвина, то я и не имѣлъ возможности удостовѣриться въ дѣйствительности этого крика.

ГЛАВА XXXI.

О Шихъ-Ризѣ, Мирзѣ Полаги и другихъ Индійскихъ Князьяхъ.

Не такъ давно, при Царѣ Абасѣ, въ Касвинѣ появился человѣкъ, по имени Риза (Risa), который выдавалъ себя за новаго Шиха или святаго чудодѣя, началъ было открыто проповѣдывать и вводить новыя ученія въ Вѣрѣ, въ надеждѣ, что ему въ этомъ также, какъ и Шихъ-Сефи, посчастливится и онъ удостоится такой же высокой чести; разыгрывая святаго, онъ успѣлъ уже пріобрѣсти себѣ въ простомъ народѣ, который въ Персіи, по природѣ своей, легко податливъ на все новое, до 30,000 приверженцевъ. Когда же Шахъ Абасъ увидѣлъ, что отъ такихъ нововведеній и значительнаго скопища послѣдователей Ризы, ежедневно возраставшаго, легко можетъ произойти что ни будь новое и непріятное въ его собственномъ управленіи, то онъ призвалъ къ себѣ Шика-Ризу и потребовалъ отъ него, чтобы онъ, въ подтвер-

жденіе своего ученія, сдѣлалъ какое ни будь чудо. Не могши представить такого удостовѣренія, Шихъ-Риза былъ изрубленъ мечами, какъ возмутитель.

О причинахъ пребыванія въ Касвинѣ помянутаго выше Индійскаго Князя, въ нашу бытность тамъ, говорили разно. Вѣрное же свѣдѣніе объ этомъ слѣдующее: Великій Моголъ (Mogul) или Индійскій Царь, умершій во времена Шаха Абаса, оставилъ послѣ себя двухъ сыновей: старшій изъ нихъ, наслѣдовавъ въ управленіи отцу, воспитывалъ младшаго, этого Мирзу Полаги (Polagi), но вскорѣ умеръ, и управленіе Царствомъ принялъ братъ бывшаго Царя, по имени Хорамъ (Choram), который и теперь еще Царемъ въ Индостанѣ. Но такъ какъ Хорамъ былъ жестокъ съ Индійцами, а возросшій между тѣмъ Мирза Полаги былъ со всѣми кротокъ и ласковъ, то подданные порѣшили было низвергнуть Хорама и возвести на Царство Мирзу Полаги, какъ истиннаго наслѣдника Царскаго престола. Провѣдавши объ этомъ, Хорамъ сталъ замышлять, какъ бы отдѣлаться отъ племянника, въ слѣдствіе чего Мирза Полаги бѣжалъ въ Персію, подъ покровительство Шаха Абаса, которымъ былъ принятъ радушно, а послѣ Абаса, уже въ наше время, также радушно принятъ и содержался Шахомъ Сефи. Такъ, намъ разсказывали, что на ежегодное содержаніе ему выдается отъ Шаха Сефи по 12,000 рейхсталеровъ. Кромѣ того, въ Испагани онъ имѣлъ и свое мѣстопребываніе при Царскомъ дворѣ; но такъ какъ въ то время въ Испагань присланъ былъ Индійскій Посланникъ отъ Хорама, между прочимъ и по дѣлу Мирзы Полаги, и Посланникъ этотъ проживалъ въ Испагани уже 3-й годъ, то Полаги и долженъ былъ на это время удалиться въ Касвинъ.

Персіяне принимаютъ такимъ образомъ и содержатъ такъ богато гонимыхъ Индійскихъ Князей Царской крови не только ради сосѣдства и значительной торговли, которую они ведутъ съ Индійцами, но и по причинѣ границъ Кандагара, за которыя они постоянно спорятъ съ Индійцами, точно также, какъ съ Турками спорятъ за Вавилонъ и Эрванъ. Подобные примѣры бывали во времена Шаха Измаила и Шаха Тамаса. Въ царствованіе Шаха Тамаса былъ именно слѣдующій случай: изъ двухъ Царственныхъ

братьевъ, называвшихся Селимъ и Джелаледин Экберъ (Tzelaledin Ekber), старшій Селимъ, который правилъ Царствомъ, умеръ, оставивъ по себѣ молодаго сына, Гюмаюна (Hümajün); Джелаледин силою присвоилъ себѣ скипетръ и корону и сталъ замышлять какъ бы извести племянника. Гюмаюнъ бѣжалъ къ Шаху Тамасу и просилъ его о защитѣ. Узнавъ объ этомъ, Джелаледин Экберъ послалъ къ Шаху Тамасу Посла съ требованіемъ, чтобы Тамасъ добровольно выдалъ ему племянника, иначе онъ добудетъ его воинскою силой. Тогда Шахъ Тамасъ приказалъ на то время, когда принималъ Индійскаго Посла, посадить Гюмаюна въ корзину и повѣсить на дерево; послѣ чего Тамасъ какъ бы съ сожалѣніемъ сказалъ Послу: «Hümajün nist der chakimen,» т. е. «Гюмаюна нѣтъ на моей землѣ,» и съ этимъ отвѣтомъ отпустилъ Посла домой. Спустя немногое время послѣ того Тамасъ заключилъ миръ съ Турками и послалъ съ Гюмаюномъ войско, подъ начальствомъ Мегеди-Кули Султана (Mehedi culi), противъ Джелаледина. Застигнутый въ расплохъ нежданной войной, Джелаледин былъ низвергнутъ и убитъ, а Гюмаюнъ посаженъ на Царство. Въ благодарность за услугу, Мегеди-Кули Султанъ оставленъ былъ, съ позволенія Персидскаго Царя, въ Индіи, и ему подарены тамъ огромныя помѣстья и богатства въ области Кюлькенде (Külkende), гдѣ потомки его живутъ и понынѣ въ большомъ богатствѣ и довольствѣ.

Однажды Посланники наши отправили нѣкоторыхъ изъ насъ привѣтствовать и навѣстить Мирзу Полаги. Посланные нашли его въ саду, у водомета, обложеннаго дорогими коврами, сидящаго на красной бархатной подушкѣ и окруженнаго множествомъ слугъ. Привѣтствіе нашихъ Посланниковъ такъ было пріятно ему, что, вмѣстѣ съ дружеской благодарностью, онъ цѣлый день щедро угощалъ посѣтившихъ его плодами и виномъ. Онъ безпрестанно просилъ насъ наслаждаться угощеніями Царя, такъ какъ мы были не его гости, но гости Персидскаго Царя, по милости котораго онъ только и живетъ. Посланники наши сами посѣтили бы Мирзу, если бъ не встрѣтили препятствія въ томъ со стороны Персовъ, которые говорили, что у нихъ не въ обычаѣ, чтобы чужестранные Послы, посланные къ Шаху ихъ, посѣщали чужихъ господъ прежде, чѣмъ они будутъ у его, Шаха, руки.

ГЛАВА XXXII.

О нѣкоторыхъ зрѣлищахъ въ Касвинѣ.

Даруга (Daruga), желая доставить Посланникамъ возможность провести съ пріятностію время, заказалъ, 2-го Іюля, зрѣлище; прибывъ съ нѣсколькими лошадьми, пригласилъ и повезъ насъ на большой Майданъ, гдѣ въ открытой палаткѣ устроены были для Посланниковъ мѣста на возвышеніи. Чтобы прибить пыль, часть Майдана полита была водою и разставленъ народъ широкимъ кругомъ. Мы полагали, что увидимъ что ни будь особенное, какое нe есть большое представленіе. Но, вмѣсто того, сначала явилось нѣсколько фигляровъ, которые обыкновеннымъ образомъ, какъ и въ Германіи, заняли зрителей прыжками; за тѣмъ пришли фокусники и продѣлали нѣсколько своихъ штукъ, а за ними вышли три пары борцовъ (скакуновъ), совсѣмъ голыхъ и, только для прикрытія срамнаго тѣла, имѣвшихъ короткія, наваченныя и масломъ намазанныя кожаныя штаны. Эти послѣдніе упражнялись въ ловкой борьбѣ и поединкахъ между собою.

Послѣ того выпущены были два огромныхъ, сильныхъ барана, съ большими закрученными рогами: они яростно бросались другъ на друга и бились. За тѣмъ принесли двухъ большихъ пестрыхъ какихъ-то птицъ, величиною больше попугая, каждую въ особой клѣткѣ. Ихъ также выпустили на бой, и онѣ крѣпко бились, не уступая въ ярости другъ другу. Наконецъ, съ бубнами, великимъ крикомъ и гамомъ, привели на площадку 8 огромныхъ волковъ: на длинныхъ веревкахъ ихъ выпускали одного за другимъ въ стоявшій кругомъ народъ, и снова притягивали веревкой же назадъ. При этомъ одинъ молодецъ, одѣтый нарочно для этого случая, съ защищеннымъ въ особенности лицомъ, которое укутано было у него толсто наваченною и набитою подушкой, выбѣжалъ волку на встрѣчу, и въ то время, когда звѣрь бросился ему въ лицо, онъ обхватилъ его обѣими руками и утащилъ прочь съ площадки. Кромѣ того, назначено было привести на зрѣлище и слона, принадлежавшаго Мирзѣ Полаги; но такъ какъ онъ пасся еще на лугу, а мы далѣе на жару сидѣть были не въ

силахъ, то не дождавшись его, поѣхали къ себѣ обратно въ жилища. Этого слона мы видѣли, впрочемъ, на дворѣ Индостанскаго Князя; это было огромнѣйшее и непомѣрное животное, какого не встрѣчали мы и въ Испагани, гдѣ видѣли ихъ множество; вышиною онъ былъ болѣе длины двухъ человѣкъ, ноги толщиною въ человѣка, уши висѣли въ локоть длиною. Онъ былъ пріученъ къ разнаго рода штукамъ, охотно подчинялся управленію мальчика, сидѣвшаго у него на шеѣ и управлявшаго имъ посредствомъ остроконечнаго молоточка, которымъ мальчикъ слегка дотрогивался до лба животнаго (въ это мѣсто стараются попадать, когда и убиваютъ слоновъ): ложился и снова вставалъ. Слонъ этотъ опровергалъ по этому тѣхъ, которые пишутъ, что если животное это ляжетъ на землю, то уже не встанетъ, и что ловятъ его будьто бы посредствомъ подпиленныхъ на половину деревьевъ, о которыя слонъ облокачивается, когда спитъ: деревья не выдерживаютъ, падаютъ, а за ними и слонъ, котораго яко бы и ловятъ такимъ образомъ. О томъ же, какъ ловятъ слоновъ на большіе Индійскіе орѣхи въ прикрытомъ рвѣ и еще молодыхъ, подробнѣе писать сдѣсь нахожу неумѣстнымъ.

ГЛАВА XXXIII.

О горномъ хребтѣ Ельвендѣ (Elwend) и о Царѣ Сугакѣ (Suhak).

Близъ Касвина на юго-юго-востокъ лежитъ горный хребетъ Ельвендъ (Elwend), отрыскъ горъ Таврскихъ, съ богатѣйшими каменоломнями всякаго рода каменныхъ породъ, преимущественно же бѣлаго мрамора, который развозится и обрабатывается вездѣ по всей странѣ. О томъ, что въ древности случилось на этой горѣ, по сказаніямъ Персовъ, я хочу привести сдѣсь, ради забавы, хотя событіе это чисто баснословное.

Въ древнія времена, пишутъ Персы, жилъ въ Персіи Царь, по имени Сугакъ Маранъ (Suhak Maran), который постоянно и много путешествуя, весьма желалъ изобрѣсти способъ печь на

дорогѣ, во время пути, извѣстныя Юха (Jucha, печенья, употребляемыя за столомъ вмѣсто салфетокъ); но такъ какъ никто изъ его подданныхъ не могъ представить ему такого изобрѣтенія, то явился злой врачъ (дьяволъ), подъ видомъ чужестранца, и устроилъ ему такую печь, которую можно было употреблять на верблюдѣ, во время пути, за что не пожелалъ себѣ ни какого другого вознагражденія, кромѣ того, чтобы Царь дозволилъ ему поцѣловать себя въ плечо. Когда это было ему дозволено, онъ укусилъ Царя въ плечо и исчезъ. Изъ раны отъ этого укушенія тотчасъ выросли двѣ змѣи, которыя постоянно стремились къ ушамъ и къ макушкѣ черепа Царя, и хотя змѣй этѣхъ часто срѣзывали, но на мѣста ихъ тотчасъ же выростали другія. Такъ какъ противъ такого несчастія не находилось ни лѣкарствъ, ни лѣкаря, то явился опять дьяволъ въ видѣ гакима (Hakim) или врача, и предложилъ лѣкарство, которое было злѣе самой болѣзни. Такъ, онъ приказалъ: поелику уничтожить змѣй совсѣмъ не возможно, и онѣ ни чѣмъ другимъ насыщены быть не могутъ, какъ только человѣческимъ мозгомъ (вотъ и причина, по чему онѣ постоянно стремились къ головѣ), то слѣдуетъ ежедневно убивать двоихъ подданныхъ и мозги ихъ давать въ пищу змѣямъ. Но Дворецкій Царскій, не только тронутый сожалѣніемъ къ пролитію такого множества неповинной крови, но побуждаемый и тѣмъ, что черезъ это и число подданныхъ уменьшится значительно, изыскалъ средство хоть отчасти устранить такое возмутительное избіеніе. Въ продолженіи извѣстнаго времени онъ хотя и приказывалъ доставлять себѣ на убой ежедневно по два человѣка, но убивать изъ нихъ велѣлъ только одного, мозгъ котораго смѣшивалъ съ мозгомъ овцы, и этѣмъ кормилъ змѣй; подъ конецъ же, довольно долгое время онъ кормилъ змѣй и однимъ бараньимъ мозгомъ, а людей, присылаемыхъ на убой, скрывалъ. Въ числѣ прочихъ подданныхъ Сугака былъ одинъ кузнецъ, по имени Хурдекъ (Churdek), такъ какъ у него изъ 76 сыновей взяты были на сказанный убой почти всѣ, кромѣ двухъ, то онъ пришелъ наконецъ въ негодованіе и началъ убѣждать своихъ сотоварищей, что если они далѣе будутъ безмолвствовать противъ такого злодѣйства, по которому всѣхъ ихъ считаютъ за овецъ, назначенныхъ на убой, то скоро изъ нихъ не останется ни кого; а онъ, Хурдекъ, не думаетъ, однако жъ, чтобы природа произвела ихъ

всѣхъ на свѣтѣ только для одного человѣка. По этому совѣтъ его таковъ: противъ такого управленія нужно дѣйствовать кулаками и всѣми мѣрами стараться отдѣлаться отъ него. Но такъ какъ жить совсѣмъ безъ начальства или главы то же не подобаетъ, то слѣдуетъ снова возвести на Царство стараго ихъ Царя, Кехосровъ-Бенъ-Фридуна (Kehosrow ben Fridun), котораго изгналъ Сугакъ и который и теперь еще скитается на горѣ Ельвендѣ. Предложеніе это одобрено было всѣми, такъ какъ всѣмъ имъ съ кузнецомъ угрожала одна опасность. Хурдекъ сдѣлался такимъ образомъ начальникомъ и предводителемъ (Fendrich), навязалъ свой кузнечный передникъ на длинный пожарный крюкъ, пошелъ впередъ; за нимъ послѣдовали всѣ другіе, захватили змѣинаго Царя, добыли Кехосрова, котораго нашли валяющимся среди дикихъ звѣрей, привели его съ великими радостными кликами и возложили на него вѣнецъ. Царю Сугаку хотя и подарили жизнь, по приказанію Кехосрова, но отвели его на гору Демавендъ (Demawend), которая отраслью идетъ отъ Ельвенда и уходитъ къ Тегерану, и тамъ, въ глубокой безднѣ, повѣсили его за ноги, гдѣ онъ живетъ и понынѣ и издаетъ отъ себя сильный сѣрный запахъ. Если и теперь бросить камень въ эту бездну, то оттуда слышится голосъ: «Tzira miseni mera?» т. е.: „За чѣмъ бросаешь ты въ меня?« Что касается до Кехосрова, то своимъ мудрымъ и кроткимъ управленіемъ онъ пріобрѣлъ такое богатство, что положилъ громадныя сокровища въ глубоко высѣченномъ на Гилянскомъ хребтѣ Бакру подвалѣ, и сокровища эти, посредствомъ талисмана, какъ называютъ это Персы, или, какъ говорятъ нѣкоторые, посредствомъ извѣстнаго вліянія небесныхъ знаковъ, сокрылъ такимъ образомъ, что ни кто ихъ найти не можетъ. На встрѣчу тѣмъ, которые желаютъ достигнуть до нихъ, тотчасъ поднимается вѣтеръ и паръ, и свѣтильникъ гаснетъ. По этому-то, говорятъ нѣкоторые, хотя сами и не всѣ вѣрятъ этому, въ полдень въ Ардебилѣ всегда поднимается такой сильный вихрь, какъ объ этомъ разсказано было уже выше.

Я полагаю, что это одно изъ тѣхъ миѳологическихъ произведеній древнихъ Персовъ, въ которыхъ они изображали обыкновенно добродѣтель и пороки, бывшіе иногда въ ходу при разныхъ Царскихъ и Княжескихъ Дворахъ, гдѣ какой ни будь обманщикъ, каковы и есть новыми изобрѣтеніями, хитро завладѣваетъ

расположеніемъ Царей, вводитъ ихъ въ опасное дѣло и предлагаетъ за тѣмъ еще болѣе опасное средство выйти изъ него, и все зло обрушается на странѣ и народѣ, на имуществѣ и крови подданныхъ, а наконецъ и на самихъ Государяхъ; такихъ Царей, и по смерти ихъ, извиненіе, что они вовлечены были обманщикомъ, не освобождаетъ отъ дурной славы и недоброй памяти. Подобное значеніе могло имѣть и приведенное выше сказаніе.

ГЛАВА XXXIV.

Путешествіе отъ Касвина, черезъ Сабу, до города Кома.

Изъ Касвина вся поклажа и больные отправились далѣе, 13-го Іюля, вечеромъ, Посланники же выѣхали слѣдомъ за ними тою же ночью. Ѣхали мы по гладкой равнинѣ и къ утру прибыли къ довольно порядочному селенію, лежащему въ 3-хъ миляхъ отъ города, Мембере (Membere), дома котораго всѣ выведены были круглыми сводами и издали походили на печи, въ которыхъ пекутся хлѣбы. Здѣсь Посланникъ Крузе почувствовалъ себя нездоровымъ, ослабѣлъ до такой степени, что не могъ сидѣть на лошади, и его принуждены были нести на носилкахъ. Подобно ему заболѣлъ и нашъ Пасторъ, и еще нѣсколько человѣкъ, которые частію были помѣщены въ описанныя выше корзины, для перевозки женщинъ, частію же, за недостаткомъ корзинъ, принуждены были продолжать путь на лошади. Добрый Пасторъ нашъ до того страдалъ и обезсилѣлъ, что въ эту ночь, въ которую мы сдѣлали 7 миль, онъ нѣсколько разъ принужденъ былъ сходить съ лошади, чтобы прилечь головой къ землѣ. Путешествіе было очень тяжелое. Фонъ Мандельсло былъ постоянно крѣпче всѣхъ насъ, никогда не жаловался на слабость, въ слѣдствіе чего онъ былъ и болѣе ревностенъ въ наблюденіяхъ и описаніи путешествія, къ чему имѣлъ особенную страсть. Описаній этихъ онъ оставилъ тогда цѣлую толстую книгу, написанную его собственной рукой.

15-го Іюля, къ утру, прибыли мы въ превеселое селеніе Арасенгъ (Araseng), въ которомъ нашли рѣчку съ чистой водой, подобной которой встрѣчали мы немного, и прекрасный садъ, полный гранатовыми и миндальными деревьями. Вечеромъ мы опять пустились въ путь, проѣхали 6 миль сплошной горой, и 16-го утромъ прибыли въ каравансерай, называемый Хоскеру (Choskeru). Каравансерай этотъ довольно обширенъ, весьма хорошо и въ извѣстномъ порядкѣ построенъ изъ 4-хъугольныхъ камней, съ множествомъ покоевъ со сводами и конюшенъ. Въ серединѣ его просторный дворъ и выложенные колодцы. Каменный помостъ въ главномъ зданіи нѣсколько возвышенъ, такъ что взойти на него можно только по нѣсколькимъ ступенькамъ. Намъ разсказывали, что какой-то богатый Ханъ, провинившійся при Шахѣ Абасѣ, чтобы спасти жизнь свою, долженъ былъ построить этотъ каравансерай самымъ наилучшимъ образомъ для путешествующихъ. Въ комнатахъ по стѣнамъ тамъ и сямъ видны разныя надписи, вырѣзанныя на извести (штукатурѣ) путешественниками различныхъ народностей, между прочими на передней сторонѣ зданія слѣдующія имена и надписи: Benedictus Oxenstern. Также: Johan Warder 1600. Apr. 10, при чемъ: «Olim meminisse juvabit.» Позади на стѣнѣ: Janus Docosius 1602. Aug. 11, и при томъ слѣдующій стихъ:

«Noli homines blandos nimium sermone probare,
Fistula dulce canit, volucrem dum decipit auceps.»

Кромѣ того: A. D. 1602. 19 Aug., и опять стихи:

«Fata si miseros juvant, habes salutem,
Fata si vitam negant, habes sepulcrum.»

Изъ этого каравансерая, вечеромъ, за три часа до захожденія солнца, мы снова пустились далѣе, и проѣхали въ ту ночь 9 миль до города Сабы (Saba). [1] Такъ какъ мы достигли города еще до свѣту, то остановились и подождали въ полѣ, пока, по восходѣ солнца, не вышли къ намъ и не приняли насъ городскія

---

[1] Иначе Сава. О. Б.

власти. Городъ Саба Персы считаютъ лежащимъ подъ 85° долготы, 35° широты; я же нашелъ широту здѣсь въ 34° 56'. Лежитъ онъ на гладкомъ полѣ, имѣя только въ правой сторонѣ гору Ельвендъ, здѣсь довольно высокую, и множествомъ различныхъ башенъ и остроконечныхъ зданій представляетъ довольно красивый и веселый видъ.

Самый городъ, впрочемъ, вовсе не великъ и хотя обнесенъ кругомъ изъ глины слѣпленной стѣной, но дома въ немъ весьма ветхи. Самое лучшее при этомъ городѣ составляютъ сады, изобилующіе превкусными и прекрупными гранатами и миндалемъ. За городомъ и у подошвы горы воздѣлывается множество хлопчатника и риса, который составляетъ главную пищу жителей.

Подъ одною паралелью съ этѣмъ городомъ на востокъ, на разстояніи отъ него полутора дня пути, лежитъ разрушенный городъ Рей (Rhei), гдѣ почва земли совершенно красная и безплодная. Причина тому, говорятъ Персы, была слѣдующая: во время часто уже упоминавшагося великаго святаго Гусейна, жилъ одинъ славный военачальникъ, по имени Омаръ-Саадъ (Omarsaad), бывшій прежде преданнымъ другомъ Гусейна. Когда же Іезидъ-Песеръ (Iesid Peser) пошелъ войной на Гусейна, то изъ всѣхъ витязей въ Мединѣ не нашлось ни кого, кто бы рѣшился пойти противъ Гусейна, принадлежавшаго къ роду Магомета и мужа высокой святости, кромѣ сказаннаго Омара, которому, въ награду за то, обѣщаны и отписаны въ наслѣдственную собственность городъ и область Рей, обладаніе которыми давно уже составляло предметъ его желаній. Такъ какъ въ этой войнѣ Гусейнъ былъ разбитъ и убитъ именно отрядомъ, начальникомъ котораго былъ Омаръ, то, въ наказаніе ему, эта страна его сдѣлалась кроваво-красною и безплодною. Явленіе это и нынѣ обозначаетъ неповинно пролитую кровь Гусейна.

Въ городѣ Сабѣ мы простояли только въ теченіи дня, а вечеромъ снова отправились въ путь, и 18-го числа, рано утромъ, прибыли въ каравансерай, называемый Шахъ-Ферабатъ (Chah Ferabath) и отстоящій въ шести миляхъ отъ Сабы. Стояла постоянно страшная жара, отъ которой мы ни какъ не могли из-

бавиться, не смотря на то, что раздѣвались до рубашки. Земля, состоявшая изъ голаго песку и пыли, была такъ горяча, что нельзя было пройти по ней босикомъ и шести шаговъ, не обжегши ногъ. Нѣкоторые изъ насъ раскинули палатки въ открытомъ полѣ, въ надеждѣ, что въ нихъ будетъ хоть нѣсколько прохладнѣе отъ продувающаго сквознаго вѣтра; но когда солнце взошло на полдень, то вѣтеръ сдѣлался такой горячій, что выходилъ точно изъ огненной печи, и мы принуждены были спасаться отъ него изъ палатокъ въ каравансерай, въ разные покои, гдѣ жаръ оказался нѣсколько сноснѣе. Оба Посланника въ этотъ день были больны, попеременно то одинъ, то другой изъ нихъ былъ слабѣе; и такъ какъ у насъ были только одни носилки, сдѣлать же другія на дорогѣ не было ни лѣсу, ни времени, то одинъ изъ Посланниковъ, который оказывался покрѣпче, по неволѣ долженъ былъ ѣхать верхомъ.

ГЛАВА XXXV.

Въѣздъ въ Комъ; путь отъ этого города до Кашана (Kaschan).

19-го Іюля мы проѣхали пять миль далѣе до города Кома (Kohm).[1] На встрѣчу намъ, для принятія насъ, выѣхалъ, живущій въ этомъ городѣ, Даруга, съ 50-ю лошадьми. Сдѣсь также встрѣтили насъ нѣсколько плясуновъ и одинъ на высокихъ ходуляхъ, прыгавшій передъ Посланникомъ Бругманомъ, который на этотъ разъ ѣхалъ только одинъ; плясуны этѣ выдѣлывали свои штуки вплоть до нашего помѣщенія. На Майданѣ, тамъ и сямъ на галереяхъ, стояло множество барабанщиковъ, флейтщиковъ и дудочниковъ, весело игравшихъ, когда мы проѣзжали мимо ихъ. Чтобы не было пыли, горожане всѣ улицы полили водою; ибо сдѣсь также, какъ въ Касвинѣ и въ другихъ слѣдующихъ городахъ, нѣтъ ни одной улицы мощеной.

---

[1] Или Кумъ. О. Б.

Мѣсто это Персы полагаютъ подъ 85° 40′ долготы и подъ 34° 45′ широты. Я же, въ полдень 20-го Іюля, по точному наблюденію, нашелъ солнце возвышеннымъ надъ небосклономъ на 74° 18′. Склоненіе же, считая по тому же полуденнику, было: 18° 35′; слѣдовательно, высота полюса должна быть сдѣсь въ 34° и 17′.

Комъ есть древнѣйшій городъ, извѣстный у Птоломея подъ именемъ Гуріана (Guriana), и въ древности былъ онъ очень великъ и обширенъ, какъ это можно видѣть и теперь еще по нѣсколькимъ развалившимся городскимъ и домовымъ стѣнамъ. Лежитъ онъ также на ровномъ мѣстѣ, справа имѣетъ хребетъ Ельвендъ, который видѣнъ сдѣсь съ своими обрывистыми, бѣлыми песчаными, вершинами. Изъ этого хребта выходятъ двѣ рѣки, которыя, соединившись въ одну, протекаютъ черезъ городъ. За 3 года передъ симъ, весною, рѣка эта, отъ растаявшаго на горѣ снѣга, обратилась въ такой громадный потокъ, что размыла и снесла болѣе 1000 домовъ.

Внутри и внѣ города находится множество садовъ, со всякаго рода прекрасными плодами, между которыми есть особый родъ дынь, величиной съ померанецъ, и такія же круглыя, съ красивыми крапинами различныхъ цвѣтовъ; хотя онѣ издаютъ пріятный запахъ, по которому и называются Schammame и ихъ носятъ въ рукахъ, ради этого запаха, но вкусомъ онѣ не такъ хороши, какъ другія тамошнія же дыни, сладкія, какъ сахаръ. Полобныя маленькія дыни мы видѣли и въ Ардебилѣ, куда привозятся онѣ изъ селенія Алару (Alaru), въ которомъ собственно и растутъ онѣ. Объ этомъ родѣ дынь, а также и о названіи ихъ, упоминаетъ и Г. Яковъ Голій (Golius), въ своемъ Арабскомъ лексиконѣ, на 1309 страницѣ, заимствуя, впрочемъ, это извѣстіе у Giewharis или по Нѣмецки Tzeuheri, и Камуса (Camus) M. S. S.

Сдѣсь попадается еще чуждый и довольно странный родъ огурцовъ, длиной въ три четверти локтя, кривые и толстые въ руку человѣка, по чему они и называются Schunchiar, т. е., кривыми огурцами; огурцы этѣ, какъ и другіе виды огурцовъ, заготовляютъ сдѣсь въ прокъ въ уксусѣ, а не солятъ, какъ у насъ; сырые же ѣдятъ съ солью, но они имѣютъ вовсе непріят-

ный вкусъ. Кромѣ того, около города находится множество полей, на которыхъ туземцы воздѣлываютъ всякаго рода хлѣбныя растенія и хлопчатую бумагу. Изъ промышленниковъ сдѣсь важнѣйшіе сабельные мастера и гончары. Туземцы считаютъ, что сдѣсь дѣлаются лучшіе клинки, которые продаются отъ 4-хъ и до 20 рейхсталеровъ за клинокъ. Лучшая сталь въ цѣлой странѣ считается та, которую они получаютъ изъ города Нириса (Niris), лежащаго въ 4-хъ дняхъ пути отъ Испагани, позади Ешта (Jescht); ибо тамъ, въ горѣ Демавендѣ (Demawend), находится весьма богатое мѣсторожденіе стали и желѣза. Горшечники же (гончары) обжигаютъ сдѣсь всякаго рода посуду, въ особенности каменныя кружки для воды, которыя развозятся кругомъ по всѣмъ городамъ. Кружки этѣ замѣчательны, будьто бы, тѣмъ, что если вода, хотя бы въ жаркое лѣто, постоитъ въ нихъ нѣсколько времени, то дѣлается весьма свѣжею и даже холодною.

Но ни въ какомъ другомъ городѣ не встрѣчали мы такого воровскаго народа, какъ сдѣсь; ибо у насъ не только тотчасъ же во время нашего прибытія украли съ лошадей пистолеты, но потомъ и въ жилѣ изъ подъ рукъ утащили нѣсколько вещей.

Сдѣсь начали многіе изъ нашихъ прислужниковъ заболѣвать кровавымъ поносомъ, можетъ быть, въ слѣдствіе неумѣреннаго употребленія сладкихъ дынь и другихъ плодовъ, послѣ которыхъ они пили воду, и отъ этой болѣзни одинъ изъ нашихъ моряковъ, Матвѣй Мансонъ (Matthias Manson), парусный мастеръ, умеръ тутъ и похороненъ на дорогѣ.

21-го Іюля, вечеромъ, мы опять пустились въ дорогу, проѣхали въ эту ночь далѣе пять миль, и въ слѣдующій день отдыхали въ большомъ селеніи Космабатъ (Kosmabath), дома котораго большею частію соединены между собою арками, въ верху же заканчиваются круглыми сводами.

23-го числа проѣхали мы далѣе 7 миль, до красиваго селенія Сенсенъ (Sensen), [1] гдѣ получили хорошія помѣщенія и роскошное продовольствіе, доставленное туда изъ города Кашана.

---

[1] Иначе Сенсинъ. О. Б.

Вечеромъ, когда мы хотѣли уже ѣхать далѣе, у насъ умеръ одинъ изъ Персидскихъ нашихъ толмачей, Григорій (Gregori), который, напившись передъ городомъ Сабой пьянъ, упалъ съ лошади и разшибъ себѣ грудь. Хотя родомъ онъ былъ Русскій, но перешелъ въ Магометанскую Вѣру, по чему мы оставили тѣло его и поручили Магометанамъ похоронить его.

Въ ту же ночь умеръ у насъ, также въ дорогѣ, отъ кровавaго поносу, Русскій слуга Иванъ, Ивановъ сынъ (Ivan Ivanof sin), вмѣстѣ съ другимъ Русскимъ прислужникомъ, умершимъ отъ той же болѣзни черезъ 3 дня послѣ него, въ Кашанѣ; онъ былъ похороненъ въ этомъ городѣ, въ который прибыли мы утромъ слѣдующаго дня, т. е., 24 Іюля.

ГЛАВА XXXVI.

Въѣздъ въ Кашанъ, особенности этого города и что въ немъ есть замѣчательнаго. Также дальнѣйшее путешествіе до столичнаго города Испагани.

Когда въ помянутый сейчасъ день мы приблизились къ городу Кашану (Kaschan), и было еще очень рано, то мы должны были прождать, въ четверти мили передъ городомъ, слишкомъ два часа, пока Дарута не выѣхалъ къ намъ для принятія насъ. Онъ явился въ сопровожденіи 50-ти всадниковъ и, по его приказанію, для насъ приведено было множество прекрасныхъ лошадей, которыя всѣ покрыты рысьими шкурами. Когда мы были приняты такимъ образомъ, заиграли барабанщики и дудочники, которые ѣхали впереди. У самаго города, на встрѣчу намъ вывели на показъ два черные почетные Индійскіе быка, увѣшанные колокольчиками и убранные множествомъ пучковъ изъ перьевъ. Въ городѣ привели насъ и размѣстили въ отлично построенныхъ домахъ, и весьма хорошо убранныхъ покояхъ. Сдешняго Дарута Шахъ Сефи, бывши еще ребенкомъ и когда принужденъ былъ укрываться у дѣда своего, Шаха Абаса, имѣлъ при себѣ въ качествѣ прислуживающаго мальчика, и, за недо-

статкомъ денегъ, продалъ его за 15 туменовъ или 350 марокъ. Когда же Шахъ Сефи сдѣлался Царемъ, то онъ снова выкупилъ этого мальчика, возвелъ его въ званіе Султана и посадилъ на должность Даруги въ Кашанѣ.

Персы считаютъ Кашанъ подъ 35° долготы, разстояніемъ же отъ равноденственника 34°; я же троекратными наблюденіями нашелъ послѣднее въ 33° и 51′, слѣдовательно, только 9-ю минутами менѣе.

Городъ построенъ въ длину и съ востока на западъ простирается на полумилю съ лишнимъ; окруженъ глиняной стѣной и круглыми башнями, а внѣ стѣнъ вездѣ вокругъ поле ровное и хорошія пажити. Въ правой сторонѣ вдали виднѣется гора Тавръ или, какъ ее сдѣсь называютъ, Ельвендъ. По сю сторону города, передъ воротами, устроено большое и широкое ристалище, уставленное пилястрами (колышками), а посреди шестъ съ птицей на верху, для стрѣльбы въ цѣль. На лѣво отъ этого ристалища раскинутъ прекрасный Царскій садъ, съ двумя изящными бесѣдками, изъ которыхъ одна на дорогѣ, идущей къ городу, а другая среди самаго сада, какъ представлена она сдѣсь на особомъ изображеніи.[1] Въ этой послѣдней считаютъ до 1000 дверей, полагая въ числѣ ихъ и всѣ окна, которыми можно выходить на открытыя галереи и увеселительные ходы, при чемъ, такъ какъ стѣны въ этой бесѣдкѣ толщиной болѣе локтя, то каждая дверь, продѣланная въ нихъ на обѣ ихъ стороны, считается за двѣ двери. Въ этомъ саду Шахъ охотно останавливается отдыхать, когда бываетъ въ этѣхъ мѣстахъ.

Кашанъ одинъ изъ многолюднѣйшихъ и важнѣйшихъ торговыхъ городовъ въ Персіи, и по тому въ немъ, кромѣ множества прекрасныхъ большихъ домовъ, находится и много великолѣпныхъ каравансераевъ съ богатѣйшимъ торжищемъ и Майданомъ, который такъ хорошо обстроенъ громадными сводами внизу и вверху, съ разными галереями и покоями, что подобнаго мы ни-

[1] Въ подлинникѣ стр. 494. О. Б.

гдѣ не видали. Кромѣ Персовъ, въ немъ помѣщаются купцы всѣхъ народовъ, особенно же много Индійцевъ, и всѣ они въ особыхъ мѣстахъ ведутъ сдѣсь свою торговлю. Сдѣсь же находятся и разнаго рода ремесленники, но преимущественно золотыхъ дѣлъ мастера и ткачи шелковыхъ матерій, которые тутъ во множествѣ работаютъ въ открытыхъ помѣщеніяхъ, такъ что всякій можетъ ихъ видѣть. Плоды земледѣлія, винодѣлія, садовыя и вообще всѣ произведенія, служащія не только для удовлетворенія потребностей, но и для услажденія жизни человѣка, находятся сдѣсь въ изобиліи; по этому я нашелъ справедливымъ, что въ этомъ отношеніи Англичанинъ Картрайтъ пишетъ объ этомъ городѣ, за исключеніемъ того, что теперь тамъ нѣтъ ни какихъ освѣжающихъ водометовъ; напротивъ, жители принуждены добывать тамъ воду, глубоко роясь въ землѣ, и вода вообще въ наше время была довольно гнилая. Часть воды, впрочемъ, доставляется и проведена въ городъ изъ другихъ мѣстъ, посредствомъ водопроводовъ. Я нашелъ также, что теперь тамъ во всемъ не такой добрый полицейскій порядокъ, какъ выставляетъ его этотъ Англійскій писатель, въ которомъ, будьто бы, болѣе, чѣмъ въ другихъ городахъ, обращается вниманіе на молодежь, чтобы она съ измала пріучалась къ труду, и чтобы отнюдь не было ни какихъ праздныхъ, бездѣльныхъ людей. Хотя нужда и учитъ Персовъ, имѣющихъ, по причинѣ многоженства ихъ, множество дѣтей, обращать на нихъ побольше вниманія, но они все таки являются въ этомъ отношеніи тѣмъ, что Аристотель сказалъ о человѣкѣ вообще, именно, что они суть главнымъ образомъ общественныя (стадныя) животныя, которыя охотнѣе будутъ шататься въ обществѣ на Майданѣ (площади), или въ лавчонкѣ, чѣмъ сидѣть въ мастерской, за тяжелой и невеселой работой, на которую они употребляютъ рабовъ, тѣмъ болѣе, что простой народъ не привыкъ къ дорогому, но къ простому, корму, и содержать его не трудно. По этому въ средѣ свободныхъ людей сдѣсь также множество праздношатающихся и нищихъ, какъ и во всякомъ другомъ мѣстѣ, какъ сознаются въ томъ сами Персіяне. За тѣмъ, совершенно справедливо то, что Картрайтъ пишетъ о скорпіонахъ, и во всей Персіи нѣтъ города, который бы страдалъ такъ, какъ городъ Кашанъ, отъ разныхъ гадовъ, въ особенности же отъ скорпіоновъ. По этому, жители Кашана, если хотятъ пожелать кому что ни будь недоброе, обык-

новенно говорятъ: «Akrab Kasckan de bestet senet,» т. е., «Чтобъ тебя (вора) ужалилъ въ руку Кашанскій скорпіонъ!» Въ нашихъ помѣщеніяхъ мы находили нѣсколькихъ скорпіоновъ, какъ уголь черныхъ, длиной и толщиной въ палецъ, и этѣ были самые ядовитые; одного изъ нихъ я представилъ сохраненнымъ въ маслѣ въ Готторфскую палату рѣдкостей. Скорпіонъ похожъ на рака, только голова у него нѣсколько тупѣе и тѣло гораздо уже; онъ быстро бѣгаетъ и держитъ вверьхъ хвостъ, на которомъ находится загнутое жало. Для обезпеченія себя отъ этого гада Кашанцы кладутъ свои постели не на землю, а на Джарпаи (Tzagrai), т. е., на четвероногіе высокіе станки. Они разсказываютъ, что если чужестранецъ, заѣхавшій въ Кашанъ, произнесетъ нѣсколько разъ: «Men Karibem!» «Я чужестранецъ,» то ни какой скорпіонъ не ужалитъ его. Я полагаю, однако жь, что всякій иностранецъ, кромѣ этѣхъ словъ, изъ опасенія къ гаду, всегда постарается предохранить себя отъ него самымъ лучшимъ образомъ, и по тому-то бываетъ невредимъ. Не слышно, впрочемъ, чтобы много умирало отъ ужаленія скорпіономъ. Средство туземцевъ отъ этого ужаленія заключается въ томъ, что они тотчасъ же привязываютъ къ ранѣ кусочекъ мѣди, для чего обыкновенно служитъ имъ ихъ мѣдная монета, которая называется пулъ (Pul), которую они постоянно и носятъ при себѣ; за тѣмъ прикладываютъ на рану медъ и уксусъ, и такимъ способомъ излѣчиваютъ ее.

Я одинъ изъ всѣхъ при Посольствѣ нашемъ имѣлъ неудовольствіе испытать ужаленіе скорпіона, именно: въ Шемахѣ, на обратномъ пути, въ одну ночь, скорпіонъ ужалилъ меня въ шею, подлѣ глотки; на ужаленномъ мѣстѣ тотчасъ же вздулся пузырь, въ полпалецъ величиной, и я ощущалъ такую жгучую боль, какъ будьто у меня лежалъ на шеѣ раскаленный уголь. Нашъ врачъ, спавшій, на мое счастіе, въ одной комнатѣ со мной, сейчасъ же приложилъ мнѣ скорпіоннаго масла, далъ мнѣ Тиряку (Tyriak) и возбудилъ во мнѣ испарину, отъ чего, хотя черезъ три часа сильная боль и прошла, но покалываніе, какъ бы иглой, оставалось еще болѣе двухъ дней. Такое покалываніе ощущалъ я и послѣ въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ, въ осеннее время, именно около Михайлова дня; я не думаю, впрочемъ, чтобъ это происходило отъ того, что въ это время солнце вступаетъ въ знакъ скорпіона.

Такъ какъ излѣченіе отъ ужаленія скорпіона вовсене трудно, то Персы разсказываютъ, что если кто будетъ ужаленъ скорпіономъ и услышитъ при этомъ крикъ осла, которыхъ въ Персіи бездна, то ужаленный не почувствуетъ ни какой боли и страданія. Нѣкоторые изъ нашихъ служащихъ при Посольствѣ обратили это повѣрье въ шутку, говоря, что если кого изъ нихъ ужалитъ скорпіонъ, то, за недостаткомъ Персидскаго осла, пусть одинъ покричитъ другому для облегченія его.

Около города Кашана есть еще другой родъ вредныхъ гадовъ, видомъ похожихъ на пауковъ, и нѣкоторые изъ нихъ величиною бываютъ до двухъ дюймовъ, съ крапинами и полосками, какъ это можно видѣть на изображеніи ихъ, приложенномъ на рисункѣ, представляющемъ видъ Кашана. [1] Гады этѣ водятся въ каменистыхъ мѣстахъ и гнѣздятся въ низкорослонъ кустарникѣ, который походитъ на полынь, только съ болѣе широкими листьями и сильнымъ запахомъ. Зелье это называется по Персидски Tremne, по Турецки Jauschan, а насѣкомое Enkurek, и это послѣднее есть не что иное, какъ Stellio, которое Итальянцы и Испанцы называютъ Tarantula, тарантулой. Когда эта гадина всползетъ на тѣло человѣка, то выпускаетъ ядъ, въ видѣ капли воды, который причиняетъ сильную боль, всасывается въ поры и тотчасъ устремляется на желудокъ; охватываетъ за тѣмъ голову и проникаетъ во всѣ члены, отъ чего человѣкъ впадаетъ въ глубокій сонъ, изъ котораго довольно долгое время не возможно разбудить соннаго ни толчками, ни какимъ другимъ способомъ, и за тѣмъ, во все время, пока ядъ остается еще въ человѣкѣ, этотъ послѣдній ни какъ не можетъ воздержаться отъ сна и прійти въ свой естественный разумъ. Лучшее средство противъ этого яда состоитъ въ томъ, что паука убиваютъ и прикладываютъ его къ мѣсту, гдѣ упала капля его яду, тогда ядъ всасывается опять этѣмъ убитымъ паукомъ; но когда гада на лицо нѣтъ, то надъ больнымъ принимаютъ довольно странный способъ лѣченія. Прежде всего его кладутъ навзничь и вливаютъ въ горло ему прѣснаго молока, сколько только можетъ войти, не смо-

[1] Въ подлинникѣ между 492 — 493 стр. О. Б.

тря на то, если часть молока и не останется въ немъ. За тѣмъ укладываютъ его въ неглубокой ящикъ, или корыто, которое въ четырехъ веревкахъ привѣшиваютъ гдѣ ни будь на высотѣ, и начинаютъ поворачивать ящикъ до тѣхъ поръ, пока веревки не скрутятся между собою до нельзя и ящикъ не поднимется на нихъ до самого верху, гдѣ онѣ привѣшаны. За тѣмъ ящикъ пускаютъ свободно, такъ чтобы веревки раскручивались, а съ ними вертѣлся бы и самый ящикъ, спускаясь внизъ; отъ такого вращенія у больнаго дѣлается такое головокруженіе, что онъ извергаетъ изъ себя все, что было у него въ желудкѣ, именно, большіе куски скисшагося молока, которое извергается зеленоватымъ; при этомъ и мочею совершается, съ болью и поврежденіемъ фистулы выдѣленіе какого-то бѣловатаго сгустка. Такой способъ лѣченія хотя и помогаетъ больному, но онъ и послѣ того еще нѣсколько лѣтъ, по временамъ, ощущаетъ возвращающіяся боли отъ оставшагося въ немъ яда. Удивительно, что овцы тамошнія сами гоняются за этѣми гадами и пожираютъ ихъ съ удовольствіемъ и безо всякаго для нихъ вреда. Такъ какъ гадина эта гнѣздится только въ поляхъ, то особенно страдаютъ отъ нея только тѣ туземцы, которые, по своимъ занятіямъ, должны находиться и спать въ полѣ, но не горожане, которымъ случается испытывать дѣйствіе яда ея только тогда, когда они нечаянно захватятъ насѣкомое, загребая кустарникъ, въ которомъ оно живетъ и который употребляется ими частію для топки, частію для подкладки на домовыхъ крышахъ.

Желающій имѣть болѣе подробное свѣдѣніе объ этомъ вредномъ насѣкомомъ можетъ прочесть въ книгѣ Аѳанасія Кирхера «De Arte magnetica» (Romae, 1641), именно въ третьей книгѣ, восьмой части 2 главу, гдѣ о немъ пишется обстоятельно. Сочинитель говоритъ, что насѣкомое это во множествѣ встрѣчается въ Апуліи, при городѣ Тарентѣ, отъ котораго оно получило и свое названіе, также въ Калабріи, Сициліи и около Рима, въ жаркое лѣто, и своимъ ядомъ въ зараженномъ человѣкѣ производитъ чрезвычайно странныя дѣйствія и явленія. Такъ, одни начинаютъ постоянно бѣгать отъ его дѣйствія, другіе смѣяться, третьи плакать, иные кричать, нѣкоторые спать (это дѣйствіе оказываетъ оно въ Персіи), нѣкоторые же начинаютъ безпрестанно плясать и выдѣлывать дру-

гія удивительныя и фантастическія штуки, не смотря на то, что это важные и разумные люди, о которыхъ, не видѣвшему ихъ лично, но слышавшему только, что съ ними такое дѣлается, разсказъ этотъ покажется невѣроятнымъ. Кирхеръ упоминаетъ также о лѣченіи этого рода отравленія и говоритъ, что самое лучшее средство въ такомъ случаѣ — хорошая музыка, и именно такая музыка, которой звуки сообразны были бы съ состояніемъ отравленія; подъ этѣ-то звуки зараженные противъ воли начинаютъ плясать, съ такими сильными и продолжительными движеніями, что подъ конецъ совершенно изнемогаютъ и падаютъ, какъ бы въ обморокѣ, или за мертво, и тогда-то, вмѣстѣ съ сильной испариной, извлекается изъ больныхъ и самый ядъ. Но излѣченіе такихъ больныхъ, по причинѣ глубокаго внѣдренія яда во всѣ члены ихъ, совершается обыкновенно не въ одинъ годъ.

Особенно достопамятнымъ событіемъ здѣшніе жители считаютъ происшествіе, бывшее сдѣсь въ времена Аали съ однимъ мельникомъ. Однажды Омаръ-бенъ-Алхитабъ (Omar ben Alchitab), третій наслѣдникъ Магомета, въ Мединѣ, пришелъ на свою мельницу, осмотрѣть ее; бывшій же при этой мельницѣ мельникъ, по имени Шуджа Адинъ (Schutza Adin), уговорилъ его, чтобы онъ, какъ высокосвященный отецъ, простеръ свои блаженныя руки подъ поднятый на то время мельничный камень, ради благословенія его, и за тѣмъ мельникъ тотчасъ же опустилъ камень, прихлопнувъ имъ руки Омара; для того же, чтобы еще болѣе угодить Аалію, который, съ смертію Омара, скорѣе достигалъ наслѣдства, онъ и совсѣмъ убилъ сдѣсь Омара. Арабскій же лѣтописецъ Шурцей Ельмакинъ (Szurzei Elmakin), говоритъ, что Омаръ заколотъ былъ во время молитвы прислужникомъ Абулюлю Мукирзомъ (Abululu Mukirs), за тяжкія подати, наложенныя имъ на подданныхъ. За тѣмъ мельникъ пришелъ къ Аали, бывшему врагомъ Омара, и спросилъ его, какую награду дастъ онъ ему за совершенное имъ убійство? Аали далъ мельнику письмо къ Кашанскому Каси (Kasi) или Судьѣ, и сказалъ при этомъ: «Какъ только ты доставишь это письмо, то Судья отдастъ тебѣ въ жены дочь свою.» Хотя такое предложеніе и очень понравилось мельнику, но не по сердцу ему былъ дальній и опасный путь въ Кашанъ; по

этому Аали далъ ему для проѣзда своего чудеснаго коня, Дюльдюля (Dildil) (о которомъ будетъ сказано подробнѣе въ своемъ мѣстѣ). Этотъ конь въ одну ночь перенесъ мельника изъ Медины въ Кашанъ, болѣе чѣмъ за 200 миль, и за тѣмъ тотчасъ же исчезъ. Мельникъ сдѣлался зятемъ Каси, какъ и говорилъ Аали, но вскорѣ за тѣмъ умеръ и похороненъ передъ городомъ, противъ горы, гдѣ и теперь еще видно множество песчаныхъ холмовъ. Туземцы говорятъ, что холмы эти нанесены здѣсь вѣтромъ, по соизволенію Бога, вскорѣ по смерти мельника, для того, чтобы потомки Омара, хотѣвшіе вырыть и сжечь тѣло мельника, не могли найти его. По поводу этого событія, писатели: Молла, Гасанъ и Каши (Molla, Hassan, Kaschi), описывавшіе оное, сложили духовное изреченіе, которое Персы часто произносятъ: «Я служу Царю, котораго Дюльдюль въ одну ночь привезъ мельника изъ Медины въ Кашанъ!»

По причинѣ большаго жара мы должны были еще простоять въ Кашанѣ, хотя большая часть больныхъ нашихъ начали уже выздоравливать и могли садиться на лошадь. 26-го Іюля мы пустились снова въ путь и съ восходомъ мѣсяца, свѣтившаго тогда въ полномъ блескѣ, выѣхали изъ города. Въ эту ночь мы сдѣлали шесть миль до каравансерая Ходжа Касимъ (Chotza Kassim). Такъ какъ каравансерай этотъ былъ нѣсколько тѣсенъ и грязенъ, то мы расположились въ прекрасномъ большомъ саду, находившемся при немъ, и отдыхали тамъ въ тѣни высокихъ кипарисовыхъ и гранатовыхъ деревьевъ, между которыми, проведенный туда чистый ручей, протекая нѣсколькими уступами и порогами, производилъ пріятный шумъ. Въ слѣдующую за тѣмъ ночь мы проѣхали далѣе еще шесть миль, по выжженной пустынной странѣ, и 28-го числа прибыли къ небольшому, но веселому, городку Натенсъ (Natens) (въ Itiner. Contareni онъ названъ Nethas), гдѣ мы остановились, въ, лежащемъ передъ городомъ, большомъ каравансераѣ. По хорошей въ этой мѣстности водѣ здѣсь растетъ множество овощей и виноградныхъ садовъ. Противъ города на право поднимаются двѣ довольно высокія островерхія горы; и на болѣе высокой изъ нихъ стоитъ древняя башня, которую приказалъ построить Шахъ Аббасъ, въ память одного сокола, одолѣвшаго здѣсь орла. Однажды этотъ Царь, проѣзжая въ сихъ

мѣстахъ, расположился сдѣсь на отдыхъ, и въ это время, одинъ изъ его соколовъ, завидя лѣтавшаго орла, сорвался и бросился на него. Противники долго бились на воздухѣ и наконецъ соколъ низложилъ подъ себя орла на этой самой горѣ. Такъ какъ всѣ мы были еще довольно слабы, то изъ насъ одинъ только Фонъ Мандельсло всходилъ на эту гору. Я привожу сдѣсь свѣдѣніе о ней изъ его дневника: «Противъ веселаго городка Натенса лежатъ двѣ высокія островерхія скалы. Такъ какъ на болѣе высокой изъ нихъ видна была башня, то я одинъ, съ двумя моими слугами, не безъ опасности вскрабкался на эту гору, въ надеждѣ найти на ней что ни будь замѣчательное. Но я не нашелъ тамъ ни чего, кромѣ простой башни, сложенной изъ обожженнаго камня (кирпича); внизу восьмиугольникомъ, а въ верху круглая, съ голубою изразцовою (поливанною) крышей, вокругъ которой устроенъ ходъ. Зданіе внизу имѣло въ поперечникѣ 8 шаговъ, и по множеству оконъ и дверей было совершенно прозрачно. Кромѣ того, на горѣ было нѣсколько деревъ, мнѣ неизвѣстныхъ. Ни чему я не подивился такъ, какъ труду, который положенъ былъ на то, чтобы встащить на такую громадную высоту бездну кирпичей; ибо гора кругомъ совершенно отвѣсная. Я употребилъ для всхода на нее цѣлые три часа, и въ другомъ уже мѣстѣ спустился съ нея съ такою же опасностію.» Этѣмъ и ограничиваю я выписку изъ Фонъ Мандельсло.

29-го числа проѣхали мы по горамъ 4 мили далѣе и остановились въ каравансераѣ, называемомъ Домби (Dombi). Сюда явилось къ намъ изъ Испагани нѣсколько Персовъ, посмотрѣть и посѣтить насъ, говоря намъ, что они посланы были будьто Государственнымъ Канцлеромъ. Съ ними были и нѣсколько Голландскихъ купцовъ, одѣтыхъ по Персидски, такъ что въ нихъ и нельзя было узнать Голландцевъ. Послѣдняго числа Іюля проѣхали мы еще далѣе 4 мили, до селенія Рукъ (Ruk), гдѣ остановились въ одномъ прекрасномъ большомъ домѣ, принадлежащемъ Каухѣ (Kaucha) или сельскому начальнику. Сдѣсь простояли мы весь день и слѣдующую за тѣмъ ночь.

2-го Августа, рано утромъ, еще при свѣтѣ мѣсяца, мы отъѣхали еще далѣе двѣ мили и остановились въ Царской бесѣдкѣ;

находившейся въ саду. Въ низу черезъ зданіе протекалъ тутъ ручей въ глубокомъ рвѣ, выложенномъ четырехъугольными каменями, и спускаться къ этому ручью нужно было по нѣсколькимъ ступенькамъ. Сдѣсь былъ нашъ послѣдній ночлегъ на пути въ Персію.

ГЛАВА XXXVII

Въѣздъ въ Царскій столичный городъ Испагань; о кровавой схваткѣ, выдержанной нами съ Индійцами, и объ Индійскомъ Посланникѣ.

3-го Августа мы достигли наконецъ, съ Божіей помощью, давно желанной и искомой цѣли нашего путешествія, и вступили въ Царскій стольный городъ Испагань (Ispahan). Для въѣзда намъ выслано было на встрѣчу нѣсколько лошадей. Въ разстояніи нѣсколькихъ выстрѣловъ стрѣлой передъ городомъ выѣхалъ къ намъ одинъ знатный Царскій чиновникъ, по имени Исаханъ-Бекъ (Isachan bek), въ сопровожденіи 200 спутниковъ, и ласково принялъ насъ. Съ нимъ прибыли и два брата, большіе Армянскіе вельможи, Сеферасъ-Бекъ (Seferas bek), и Иліа-Бекъ (Elias bek), изъ которыхъ старшій былъ Начальникомъ (Commendant) надъ важнѣйшими Армянами. Въ сопровожденіи этихъ-то особъ двинулись мы къ городу. По страшной повсюду пыли, не дозволявшей видѣть что либо въ шести шагахъ передъ собою, не было ни какой возможности опредѣлить количества всадниковъ и народу, находившагося тамъ. Насъ провели городомъ черезъ множество улицъ, въ которыхъ народъ, кучами лежа на домовыхъ крышахъ, глазѣлъ на насъ, потомъ черезъ Майданъ, мимо Царскихъ палатъ, и размѣстили въ предмѣстьѣ Джульфа (Tzulfa), населенной богатѣйшими Армянскими купцами. Едва успѣли мы разложиться, какъ пришли съ Царскими угощеньями, которыми Царь привѣтствовалъ прибытіе Посланниковъ. Посланные разостлали на полу въ комнатѣ Посланниковъ прекрасную шелковую скатерть, и разставили на ней варенья изъ дыни, лимона, айвы, грушъ и еще нѣсколько неизвѣстныхъ намъ вареній, и свѣжихъ

плодовъ, все это въ 31 золотыхъ сосудахъ и блюдахъ. Черезъ нѣсколько часовъ явились другіе посланные, въ другой разъ накрыли столъ, и уставили его кушаньями, подкрашенными разными красками, изъ розварнаго рису, вареной и жареной баранины, куръ, рыбъ, яицъ и множества разныхъ печеній, все это на большихъ тяжеловѣсныхъ золотыхъ блюдахъ, которыхъ было до 50 штукъ, кромѣ другихъ маленькихъ сосудовъ и прочихъ столовыхъ принадлежностей.

Послѣ обѣда Голландскій Повѣренный, по имени Николай Яковъ Оверши (Overschi) (въ послѣдствіи Комендантъ крѣпости на Сейланѣ, Seilan), имѣвшій мѣстопребываніе свое въ Испагани, прислалъ сказать намъ, что онъ желалъ бы прійти поздравить Гг. Посланниковъ съ благополучнымъ прибытіемъ и учинить съ ними выпивку. Хотя Посланники и отговаривались, что заняты раскладкою своихъ вещей и желали бы отложить пріемъ его до слѣдующаго дня, но онъ все таки пришелъ довольно грубымъ образомъ, позволилъ себѣ разныя рѣзкія и наглыя рѣчи и, между прочимъ, сказалъ, что онъ имѣетъ отъ своего Начальника (Principal) приказаніе противодѣйствовать намъ въ дѣлѣ, по которому мы пріѣхали; что онъ желалъ быть другомъ всѣхъ насъ, находящихся въ Посольствѣ, но будетъ врагомъ нашему дѣлу. Говоря все это, онъ и пилъ очень много. Когда онъ и слуга его, достаточно напившіеся, распростились, и передъ пребываніемъ Посланниковъ начали говорить дерзости нашему Маршалу и Гофмейстеру, которые провожали ихъ, то оба этѣ гостя получили дальнѣйшее угощеніе, каждый по своему достоинству, и были спроважены порядкомъ.

Вскорѣ за тѣмъ между нашимъ народомъ и нѣсколькими Индійцами завязался жестокій споръ, вызвавшій даже кровавую схватку. Дѣло это было такъ: противъ насъ помѣщался помянутый выше Индійскій Посолъ, съ 300 человѣкъ спутниковъ, которые большею частію были Узбеки (Usbeken), гости отчаянные. Одинъ изъ этѣхъ послѣднихъ, стоя противъ жилья нашихъ Посланниковъ, смотрѣлъ изъ любопытства, какъ разбирали и вносили нашу поклажу; а въ это время слуга нашего толмача, по имени Велиханъ (Wellichan), тоже голова смѣлая, видя, что Индіецъ

праздно глазѣть, обратился къ нему съ предложеніемъ, чтобы онъ также взялся таскать вещи и помогъ бы имъ. Когда же Индіецъ, будучи самъ какимъ-то важнымъ прислужникомъ у знатнаго своего Посла, отвѣчалъ на такое предложеніе бранью, Велиханъ вспылилъ и ударилъ его палкой по головѣ. Индіецъ тотчасъ же бѣжалъ, пожаловался на обиду его своимъ сотоварищамъ, которые не далеко тутъ же сидѣли подъ деревьями, и эти-то товарищи бросились на Велихана, избили его, а камнями, схваченными ими на улицѣ, пробили въ нѣсколькихъ мѣстахъ голову. Увидавши это и услыхавши, что Велиханъ зоветъ на помощь, нашъ Маршалъ съ слугой своимъ, пятью нашими воинами и нѣсколькими другими прислужниками, выскочили на улицу, бросились на Индійцевъ, которыхъ было человѣкъ 30, разогнали ихъ, нѣкоторыхъ переранили, а одного убили до смерти. Но при этомъ Индійцы тоже оказывали сначала сопротивленіе саблями, кинжалами и камнями, поранили также нѣкоторыхъ изъ нашихъ, но наконецъ, по недостатку оружія, такъ какъ большинство ихъ было безъ сабель, вышедши на улицу только для прогулки, должны были отступить. Наши отъ этой схватки получили въ добычу одну отличную саблю и кинжалъ, на которомъ привѣшанъ былъ кошелекъ съ деньгами; они съ радостію прибѣжали и показывали завоеванную ими добычу; но эта добыча была причиной большаго несчастія. Индійцы распустили слухъ и объявили, что они отомстятъ намъ за потерпѣнный ими уронъ и поруганіе въ удобное для того время и потребуютъ крови за кровь. Но за тѣмъ все было тихо до 3-го дня [illegible]

[illegible]

Наши Посланники, увидѣвши, что, по причинѣ отдаленности помѣщеній, на которыхъ мы размѣщены были тамъ и сямъ въ нѣсколькихъ отдѣльныхъ улицахъ, они не могли всегда пользоваться своею прислугой съ такимъ удобствомъ, какъ это имъ было нужно, просили о лучшемъ и болѣе удобномъ помѣщеніи, которое и назначено было намъ уже въ городѣ, въ одномъ обширномъ подворьи. 7-го Августа мы стали перемѣщаться на это новое жилье, и часть нашихъ пожитковъ и клади послали впередъ на верблюдахъ, въ сопровожденіи нѣсколькихъ караковъ и Маршальскаго нашего слуги. Этотъ слуга нѣсколько поотсталъ отъ клади и ѣхалъ въ слѣдъ за верблюдами въ

нѣкоторые отдалились отъ нихъ; замѣтивши это, нѣсколько Индійцевъ, лежавшихъ подъ стоявшими на пути палатками и сторожившихъ тамъ лошадей своего господина, выскочили на дорогу (которая была здѣсь въ четверти мили отъ города), съ угрозами напали на сказаннаго слугу, признавши въ немъ одного изъ участниковъ съ нашей стороны въ бывшей недавно схваткѣ; и хотя, по собственному признанію Индійцевъ, онъ храбро защищался отъ нихъ случившимся при немъ пистолетомъ и шпагой, но, пораженный нѣсколькими стрѣлами и ружейными пулями, палъ мертвый на землю. Послѣ этого Индійцы оторвали ему голову, и одинъ изъ нихъ, схвативъ эту голову за волосы, подымалъ ее высоко вверхъ и потрясалъ въ воздухѣ; о чемъ толковали при этомъ побѣдители, понять было не возможно. Трупъ несчастнаго Индійцы привязали къ ногѣ лошади; и вотъ какой конецъ постигъ добраго нашего Петра Вольтера (Peter Wolter: такъ звали слугу), всегда скромнаго и тихаго человѣка, въ слѣдствіе недавняго убіенія Индійца. Трупъ его, безъ сомнѣнія, растерзанъ былъ собаками.

Когда слухъ объ убіеніи Вольтера дошелъ до насъ, то заставилъ насъ подумать о своей защитѣ, для чего признано за лучшее, поскорѣе созвать весь народъ нашъ и собраться всѣмъ на дворѣ Посланниковъ. Но не успѣло еще это распоряженіе Посланниковъ дойти до всѣхъ насъ, какъ уже вся улица, на которой помѣстились Посланники, была занята и заперта враждебными Индійцами, такъ что ни кто не могъ безъ опасности пройти къ дому, занимаемому Посланниками. Тѣмъ не менѣе, не находя полезнымъ оставаться врозь другъ съ другомъ и пребывать такъ между страхомъ и надеждою, нѣкоторые изъ насъ рѣшились, во что бы то ни стало, достигнуть до дома Посланниковъ, находившагося въ одномъ узкомъ переулкѣ; черезъ этотъ-то переулокъ побѣжали мы поспѣшно, обогнули уголъ и укрылись въ сказанномъ домѣ; но при этомъ нѣкоторые изъ насъ были смертельно ранены, а мимо меня, въ ту минуту, когда я добѣжалъ до двери дома, пролетѣла стрѣла у самаго лица моего и воткнулась въ стѣну; стрѣлу эту я взялъ себѣ на память объ этомъ происшествіи. Стрѣлы этихъ Индійцевъ сдѣланы были изъ тонкаго, легкаго Индійскаго тростника, съ небольшимъ обоюду-

острымъ желѣзнымъ наконечникомъ; онѣ быстры на лету, легко вонзаются въ тѣло и дѣлаютъ глубокую рану. Описаніе Квинта Курція Индійскихъ стрѣлъ, бывшихъ въ употребленіи во времена Александра Великаго, не имѣетъ здѣсь мѣста; ибо онъ говоритъ, въ 8-й книгѣ: «Binum cubitorum sagittae sunt (Indorum, scilicet), quas emittunt majore nisu, quam effectu; quippe telum, cujus in levitate vis omnis est, inhabili pondere oneratur.»

Кромѣ этѣхъ легкихъ стрѣлъ, у Индійцевъ были простыя ружья и длинныя Персидскія, изъ которыхъ они бойко и мѣтко стрѣляли маленькими пулями.

Постигнутые такой неожиданной войной, наши Поручики, съ воинами и съ нѣсколькими людьми изъ прислуги нашей, изготовились къ оборонѣ передъ воротами и открыли по Индійцамъ сильный огонь изъ ружьевъ, а также выставили противъ нихъ и одну каменнометицу. Но Индійцы находились въ болѣе выгодномъ противъ насъ положеніи, укрывшись за стѣны лежащаго кругомъ сада; въ этѣхъ стѣнахъ они продѣлали себѣ отверстія для стрѣльбы, и стрѣляли черезъ этѣ отверстія въ насъ, подъ защитой стѣнъ, такъ что мы не могли наносить имъ такого вреда, какой они наносили намъ. У нашихъ же людей стѣною была собственная ихъ грудь, и они стояли открытые, хотя могли бы сдѣлать себѣ хорошіе брустверы и защиту изъ бывшихъ передъ домомъ боченковъ, ящиковъ и другой клади, если бъ только Офицеры спохватились и дали на то свое приказаніе; но этого не сдѣлали, и наши падали одинъ за другимъ, и прежде всѣхъ Констабль Клаусъ Клаузенъ, морякъ, который застрѣленъ былъ прямо въ лобъ въ ту самую минуту, когда онъ направлялъ на непріятеля каменнометицу. Сержантъ Morthoi совершилъ въ этой схваткѣ достохвальный подвигъ. Ревность по упадшемъ товарищѣ своемъ и ненависть къ дерзости врага до такой степени возбудили этого храбраго удальца, что онъ схватилъ ружье одного изъ павшихъ на землю воиновъ, и убилъ нѣсколькихъ Индійцевъ изъ числа тѣхъ, которые стояли открытыми и не могли, по многочисленности своей, помѣститься за стѣной. Но въ ту минуту, когда онъ хотѣлъ еще выстрѣлить въ одного изъ непріятелей, стрѣла пронзила его грудь, и хотя онъ тотчасъ же

вырвалъ ее вонъ изъ раны, отбросилъ отъ себя и все таки послѣ этого сдѣлалъ выстрѣлъ изъ ружья, но тутъ же и самъ упалъ мертвый съ своимъ ружьемъ.

Армянскіе Христіане, жившіе напротивъ и видѣвшіе въ окна и съ крышъ такое зрѣлище, изъ сострадинія къ намъ, проливали обильныя слезы не менѣе того, какъ люди наши проливали свою кровь. Когда же наконецъ стрѣлы и пули непріятеля будьто градъ полетѣли на нашихъ, и мы увидали, что ни чего не можемъ сдѣлать противъ такой великой силы, то не захотѣли далѣе терять по напрасну народъ, позвали его въ дворъ и заперли двери. Пользуясь этѣмъ, Индійцы бросились на наши пожитки, разграбили ихъ и растащили все, что только нашли. При этомъ разграбленіи я, вмѣстѣ со многими изъ нашихъ, потерпѣлъ такой убытокъ, что у меня рѣшительно не осталось изъ пожиткокъ моихъ ни чего, кромѣ только того, что было на мнѣ и со мною.

Но руки враговъ этѣмъ не удовольствовались. Нѣкоторые изъ нихъ ворвались въ высокій домъ, лежавшій по сосѣдству съ дворомъ Посланниковъ, отрубили хозяину этого дома руку за то, что онъ не хотѣлъ было впустить ихъ, а потомъ и совсѣмъ выбросили его изъ дому, сами же взобрались на крышу, съ которой свободно могли обстрѣливать весь Посольскій дворъ, такъ что ни кто безопасно не могъ и показаться на этомъ дворѣ. Часть нашихъ, слѣдуя выгодному примѣру непріятеля, также взобралась на свою крышу, съ которой и нанесли ему огромнѣйшій вредъ. Оттуда-то Фонъ Мандельсло убилъ изъ пистолета главнѣйшаго вождя Индійцевъ, бывшаго близкимъ другомъ Индійскому Послу. Густою толпой непріятели бросились наконецъ осаждать самый домъ Посланниковъ, начали колотить въ него, и по всему было видно, что Индійцы яростно жаждали крови всѣхъ насъ. Въ такомъ крайнемъ положеніи Посланники наши не могли найти ни чего лучшаго, какъ послѣдовать совѣту Армянъ, именно: они пробили стѣну въ своей комнатѣ на сосѣдній дворъ, гдѣ эти Армяне приставили лѣстницу къ высокой оградѣ, которою было обнесено лежавшее тамъ кладбище ихъ, и на этомъ-то кладбищѣ, по предложенію Армянъ, Посланники, въ случаѣ

нужды могли скрыться даже въ ихъ церкви. Такимъ образомъ эти добрые люди помогали и послужили намъ, какъ только могли, въ нашемъ бѣдственномъ тогда положеніи. (Какимъ вѣроломствомъ и преслѣдованіемъ со стороны Отто Бругмана была отплачена эта услуга ихъ на Армянинѣ Григоріи, по совершеніи Посольства, въ Готторпѣ и Гамбургѣ, о томъ достаточно извѣстно въ этихъ городахъ.)

Когда мы перебрались сказаннымъ образомъ черезъ проломленную стѣну, то очутились въ прекраснѣйшемъ, мастерски раскинутомъ, увеселительномъ саду, который, впрочемъ, доставилъ намъ удовольствіе не болѣе того, какое могла доставить золотая башня человѣку, осужденному сейчасъ же на смерть. Въ то время, когда мы стояли въ этомъ саду, пораженные, въ ожиданіи, что пошлетъ намъ судьба еще далѣе, явился на мѣсто брани Царскій Маршалъ, посланный Шахомъ, и водворилъ миръ.

Когда слухъ объ этой схваткѣ и, какъ водится, съ разными измѣненіями и преувеличеніями, достигъ до города, то произвелъ такой ужасъ и потрясеніе въ жителяхъ, которые никогда и не слыхивали у себя о какомъ ни будь возмущеніи, что весь городъ пришелъ въ волненіе. Сначала Шахъ приказалъ было, черезъ своего Маршала, уговорить Индійцевъ успокоиться; но когда ни Индійцы, ни самъ Посолъ ихъ, не послушали Маршала, то Шахъ послалъ его въ другой разъ уже съ нѣсколькими сотнями вооруженныхъ воиновъ, разогнать Индійцевъ; а за воинами послѣдовала и цѣлая половина города. Увидѣвши такое множество народа, стремившагося словно громадный приливъ, Индійцы тотчасъ же отрясли прахъ отъ ногъ своихъ и оставили насъ. Въ послѣдствіи намъ разсказывали, что Шахъ, услыхавши о кровавомъ нападеніи на насъ Индійцевъ и о томъ, что Посолъ ихъ своимъ молчаніемъ какъ бы соблаговолялъ на это нападеніе, въ гнѣвѣ приказалъ было снять и принести ему голову этого Посла; но его уговорилъ будто бы отмѣнить это приказаніе Государственный Канцлеръ, поставивъ ему на видъ именно то обстоятельство, что оба Посольства и Посланники суть только гости Шаха, а наказывать ихъ за ихъ преступленія могутъ только ихъ собственные Государи.

ГЛАВА XXXVIII.

Какъ перебрались мы въ городъ и какъ продовольствовали насъ тамъ.

Когда описанная свалка миновалась и мы могли безопасно выйти за двери, то изъ нашихъ вещей мы не нашли ни чего, кромѣ разбитыхъ кадокъ (или боченковъ) и нѣсколькихъ копченыхъ языковъ, колбасъ и окороковъ, которыя Узбеки, будучи Магометанами, считали нечистыми и повыбросили вонъ. Нѣсколько дней спустя одинъ Персіянинъ принесъ еще и продалъ мнѣ, изъ бывшихъ и похищенныхъ у меня Эфемеридъ Оригана (Ephemeridibus Origani), только одну 3-ю часть.[1] Убытку всего въ вещахъ и пожиткахъ мы потерпѣли отъ разграбленія около 4000 рейхсталеровъ. Хотя Шахъ и пожелалъ узнать стоимость всего у насъ расхищеннаго, съ предложеніемъ доставить намъ вознагражденіе за все, но изъ этого не вышло ни чего по нѣкоторымъ, хорошо извѣстнымъ намъ, причинамъ.

Во время побоища, продолжавшагося около 4-хъ часовъ, изъ нашихъ убито было на мѣстѣ пять человѣкъ и ранено 10, изъ коихъ нѣкоторые тоже послѣ умерли. У Индійцевъ же, по показаніямъ Персовъ, на мѣстѣ пало 24 человѣка, а раненыхъ еще больше. Это было самымъ великимъ несчастіемъ, какое имѣли только мы во все время нашего путешествія. Проѣхавши безъ особаго ущерба по пути черезъ всякія опасности отъ различныхъ враговъ, мы должны были понести наибольшую потерю и въ людяхъ и въ имуществѣ именно въ Царскомъ стольномъ городѣ, въ которомъ считали себя болѣе всего безопасными.

Индійскій Посолъ, впрочемъ, вскорѣ послѣ этого получилъ свое обратное отправленіе и долженъ былъ выѣхать въ теченіи нѣсколькихъ дней.

Скажу сдѣсь еще нѣсколько словъ объ этомъ. Этотъ Индійскій Мирза или Князь былъ отъ Царя Индійскаго, называе

---

[1] Origani Ephemerides Brandenburgicae. Francofurti, 1609. О. Б.

маго ими Великій Моголъ (а не Могоръ, какъ пишетъ Ботеръ, Boterus, (въ «Politia Regia. Marpurgi, 1620»), и былъ посланъ сюда тогдашнимъ Моголомъ Хорамшей (Choramscha); держалъ себя этотъ Князь съ великою пышностію и обыкновенно приказывалъ носить себя нѣсколькимъ невольникамъ на Индійскихъ носилкахъ, утвержденныхъ на высокомъ изогнутомъ желѣзномъ шестѣ и устроенныхъ такъ, что въ нихъ скорѣе можно лежать, чѣмъ сидѣть. Такъ какъ Персы легко могли догадаться о просьбѣ, съ которой онъ прибылъ, то онъ долженъ былъ прожить здѣсь цѣлыхъ 3 года, прежде чѣмъ былъ допущенъ къ представленію, но во все это время, впрочемъ, его содержали превосходно. Не задолго еще до нашего прибытія Персидскій Шахъ прислалъ ему 3000 тумановъ на содержаніе, такъ какъ Посолъ покупалъ продовольствіе на свои деньги.

При представленіи своемъ Посолъ этотъ цѣлые 3 дня одинъ за другимъ доставлялъ все Шаху подарки: въ первый день отъ своего Могула, во 2-й отъ сына его, молодаго Князя, и въ 3-й уже отъ себя самаго. Всѣ эти подарки стоимостію считались болѣе бочки (Tonne) золота. Просьба же или ходатайство его заключалось въ слѣдующемъ: онъ желалъ, чтобы ему выданъ былъ Персидскимъ Шахомъ двоюродный братъ Могула, Мирза Полаги. Шахъ далъ на эту просьбу такое рѣшеніе: «О томъ, чтобъ выдать Мирзу Полаги, онъ, Шахъ, много размышлялъ, и пришелъ къ такому заключенію, что сдѣлать это значитъ поступить вовсе не по дружески, тогда какъ Полаги прибылъ какъ другъ въ страну, которая свободно открыта каждому другу, и до сихъ поръ онъ и велъ себя въ этой странѣ не иначе, какъ добрый другъ и гость; по чему онъ, Шахъ, полагаетъ, что инымъ образомъ съ Полаги не прилично и поступать, какъ предоставивъ ему пользоваться правомъ дружбы и гостепріимства; по этому-то и дозволяется ему, Полаги, по его желанію, оставаться у него, Шаха.» Съ такимъ рѣшеніемъ и поѣхалъ Посолъ обратно домой.

Посолъ этотъ накупилъ было отличныхъ Персидскихъ лошадей (ибо въ Индіи водятся только малыя и невзрачныя лошади), и выслалъ ихъ по частямъ впередъ. Персіяне же втайнѣ очень недовольны были тѣмъ, что изъ ихъ земли уводятся такія

прекрасныя лошади, и по тому Правителю Герата (гдѣ былъ главный проходъ въ Индію), по имени Гасанъ-Хану, дано было, подъ рукой, приказаніе, чтобы онъ отнюдь не выпускалъ за границу ни одной изъ купленныхъ лошадей, что и было исполнено. Когда же Посолъ, встрѣтивъ препятствіе въ пропускѣ лошадей, ссылался на права Посольства и на соизволеніе Шаха, отъ котораго не было ему запрещенія въ покупкѣ лошадей, и угрожалъ Хану Царской немилостью, то Ханъ отвѣчалъ: «Покупка эта не имѣетъ ни чего общаго съ посольствомъ; что Шахъ соизволялъ на нее, то было его дѣло; теперь же онъ, Ханъ, сдѣсь, въ Гератѣ, самъ Шахъ, и долженъ оберегать эту страну, какъ свою собственность, подъ опасеніемъ лишенія жизни его и всѣхъ его родичей; по этому онъ и не можетъ дозволить, чтобы такое воинское средство, какъ лошади, которыя могутъ быть употреблены непріятелемъ противъ его Отечества, были выведены изъ этого Отечества. По всему этому онъ отваживается на немилость Шаха, но не пропуститъ ни одной лошади, кромѣ тѣхъ, которыя были подарены Послу Шахомъ.» Такимъ образомъ Посолъ принужденъ былъ отослать назадъ купленныхъ имъ лошадей, и распродать ихъ.

Сами по себѣ Индійцы отъ природы ласковые, дружелюбные люди, и съ ними пріятно находиться въ дружественныхъ отношеніяхъ; но если ихъ разсердить и начать съ ними ссору, то они до того распаляются, что гнѣвъ ихъ ни чѣмъ инымъ утушить не возможно, какъ кровью, какъ это мы не только слышали отъ другихъ, но дознали и на себѣ нашимъ примѣромъ и потерями.

Когда мы на другой день, послѣ бывшей съ ними схватки, именно 8-го Августа, перебрались въ новое помѣщеніе, то всѣмъ Индійцамъ, какъ купцамъ, которыхъ въ Испагани находилось тогда 12,000, такъ и прислугѣ Посла, было строго наказано, подъ опасеніемъ потери головы, чтобы ни кто изъ нихъ, во время нашего переѣзда, не былъ на улицахъ. Такимъ образомъ мы переѣхали въ городъ подъ прикрытіемъ сильнаго отряда.

Посольскій дворъ былъ чрезвычайно обширенъ и, кромѣ 4 отдѣльныхъ въ немъ дворовъ, имѣлъ множество покоевъ и ком-

латокъ, въ которыхъ мы могли размѣстить всю нашу прислугу. Черезъ два его двора, нѣсколько бесѣдокъ и покоевъ, протекала рѣчка, шириною въ 25 футовъ, по обѣимъ берегамъ усаженная высокими яворами (чинарами) и другими болѣе низкими деревьями, которыя представляли весьма удобное мѣсто для пріятной прогулки; за тѣмъ рѣчка эта шла далѣе, протекая подъ главнымъ зданіемъ. Посреди зданія, гдѣ помѣстились Посланники, была большая высокая восьмиугольная зала, и въ ней, подобной же формы, выложенный большими четырехъугольными камнями, водометъ, черезъ который можно было по желанію проводить рукавъ упомянутой сейчасъ рѣчки. По всѣмъ стѣнамъ залы находились двери и нѣкоторыя изъ нихъ вели въ другіе покои. На верху, во 2-мъ ярусѣ, вездѣ кругомъ размѣщены прекрасные покои, окна которыхъ будьто двери выходили въ дворъ черезъ открытыя галереи или ходы, частію же обращены въ залъ, такъ что изъ всѣхъ покоевъ цѣлаго зданія, сказанную залу можно было видѣть насквозь. Стѣны вездѣ, особенно же внизу, въ залѣ, разукрашены были рѣзьбой по извести, съ выпуклыми золоченными и покрытыми лакомъ изображеніями разныхъ цвѣтовъ и птицъ, болѣе, впрочемъ, богато, чѣмъ изящно сдѣланными, такъ что мы имѣли такимъ образомъ весьма пріятное помѣщеніе. Но такъ какъ мы все таки опасались новаго нападенія Индійцевъ, которые грозили перебить насъ всѣхъ, то, по доброму совѣту Персіянъ, мы распорядились всѣ мѣста въ нашемъ жилѣ, не крѣпко защищенныя, частію укрѣпить, частію же защитить каменнометицами и надежною стражей, постоянно, на все время, пока не уѣхалъ Индійскій Посолъ.

Во все время пребыванія нашего въ Испагани, по приказанію Шаха, намъ выдавали ежедневно по 16 овецъ, 100 куръ, 200 батмановъ (мѣшковъ?) вина и всякого рода плоды и коренья, такъ что на поварню и погребъ всегда доставлялось намъ продовольствіе богаче и обильнѣе того, чѣмъ сколько мы могли съѣсть; если бъ, впрочемъ, тѣ люди, которые принимали и сберегали это продовольствіе, добросовѣстнѣе распоряжались имъ, а не спроваживали бы часть его въ ненужныя мѣста, къ Армянамъ, говоря правду, въ слѣдствіе потачки, соизволенія и даже по приказанію одного изъ главнѣйшихъ въ нашемъ Посольствѣ (раз-

умѣю сдѣсь того, который изъ Гамбурга), то по причинѣ такой не надлежащей траты не пришлось бы до того наконецъ, что мы должны были ѣсть только по одному разу въ день, а иногда и совсѣмъ не хватало продовольствія на всѣхъ людей, бывшихъ у насъ въ Посольствѣ.

10-го числа нѣкоторые изъ насъ посланы были по нужному дѣлу къ Русскому Посланнику, Алексѣю Савиновичу, и отправились они одѣтые въ Русскія платья, такъ какъ Индійцы не могли видѣть Нѣмцевъ безъ озлобленія. Въ этотъ день умерло у насъ еще нѣсколько человѣкъ, раненыхъ въ схваткѣ съ Индійцами, и съ особенно сильными страданіями умеръ одинъ тѣлохранитель, который, во время нападенія на насъ Индійцевъ, желая вбѣжать въ слѣдъ за мной въ Посольскій домъ, былъ раненъ отравленною пулей въ колѣно, отъ чего съ нимъ сдѣлалось омертвѣніе. 15-го же числа умеръ также и нашъ Квартирмейстеръ, Николай Гоше, уроженецъ Стапельгольмскій, бодрый и храбрый человѣкъ. Еще въ дорогѣ нѣсколько недѣль у него была лихорадка, и только что она прошла, съ нимъ сдѣлался кровавый поносъ, который и свелъ его въ могилу. Онъ погребенъ въ Джульфѣ (Tzulfa), на Армянскомъ кладбищѣ, подлѣ могилъ другихъ, покоящихся тамъ, нашихъ людей.

ГЛАВА XXXIX.

О нашемъ открытомъ представленіи и передачѣ подарковъ.

16-го Августа Шахъ потребовалъ Гг. Посланниковъ къ открытому представленію и въ тоже время къ столу, при чемъ прислалъ для поѣзда нашего 40 превосходныхъ, красиво убранныхъ, лошадей, на которыхъ сѣдла и нѣсколько головныхъ приборовъ обиты были толстымъ золотомъ. На этѣхъ лошадяхъ ѣхали верхами Посланники съ важнѣйшими изъ спутниковъ. Простая прислуга шла пѣшкомъ въ обыкновенномъ порядкѣ.

Подарки Его Свѣтлости, Князя Голштинскаго.

Когда самый дорогой и превосходнѣйшій подарокъ, именно: большое мастерское произведеніе, часы, пропали во время круше-

нія на Балтійскомъ морѣ, то безъ нихъ переданные Шаху подарки были слѣдующіе:

1. Два доспѣха (Küriss), отличной работы, обдѣланные золотомъ, одинъ полный, а другой половинный; везли ихъ впереди трое всадниковъ.

2. 40 паръ отличныхъ пистолетовъ съ разукрашенными футлярами и прочими принадлежностями; несли ихъ 40 человѣкъ.

3. Двѣ сабли, ножны которыхъ были изъ изящно обдѣланнаго янтаря (который Персы цѣнятъ весьма высоко), вдѣланнаго въ чистое золото; сабли этѣ, вмѣстѣ съ разукрашенными футлярами, несли четыре человѣка.

4. Еще 4 сабли, съ серебряными позолоченными, обдѣланными тоже янтаремъ, ножнами, безъ футляровъ, несли ихъ тоже четыре человѣка.

5. Два посоха, покрытые янтаремъ, изящной работы, съ прекрасными футлярами; ихъ несли еще четыре человѣка.

6. Два янтарныхъ прекрасныхъ подсвѣчника; несли тоже четыре человѣка.

7. Два изящныхъ ящика (поставца), изъ бѣлаго и желтаго янтаря; несли два человѣка.

7. Драгоцѣнная химическая Аптека; банки которой большею частію изъ чистаго золота, сверху обдѣланныя дорогими камнями, означавшими тѣ минеральные порошки, которые заключались въ банкахъ. Самый ящикъ былъ изъ чернаго дерева, обитаго вызолоченнымъ серебромъ, на крѣпкихъ серебряныхъ ножкахъ. Несли четыре человѣка.

Такъ какъ, по обычаю Персовъ, ни кто, а также и чужестранные Посланники, не могутъ являться къ Шаху безъ собственныхъ подарковъ отъ своего лица, то отъ Посланника Крузе были слѣдующіе подарки:

1. Превосходное ружье изъ бразильскаго дерева, курокъ котораго заводился самъ собою.

2. Хрустальная кружка, обитая золотомъ и украшенная бирюзой и рубинами.

3. Прекрасный янтарный ящичекъ.

4. Небольшіе, боевые часы.

Подарки же Г. Посланника Бругмана были:

1. Большой мѣдный, весь вызолоченный, подсвѣчникъ, съ 30-ю отростками, которые въ три яруса расположены одинъ надъ другимъ и которые всѣ были изящно изукрашены разными изображеніями и цвѣтами изъ серебра. На вершинѣ подсвѣчника сдѣланы были часы, бившіе часы и четверти.

2. Пара позолоченыхъ пистолетовъ въ прекрасныхъ футлярахъ.

3. Боевые часы, устроенные въ видѣ башни съ пилястрами, вышиною въ подъ локтя.

4. Еще часы, вмѣстилище которыхъ сдѣлано въ топазъ.

5. Превосходный большой брилліантъ, обложенный крупнымъ рубиномъ и множествомъ мелкихъ драгоцѣнныхъ камней.

6. Записка, объясняющая, что въ число подарковъ назначаются и большія металлическія пушки, оставленныя въ Ардебилѣ, на которыхъ высѣчены были имя и гербъ Милостивѣйшаго Князя нашего и Государя

Всѣ этѣ подарки несли впереди, отряженные для того Персіяне, и хотя имъ наказано было итти въ извѣстномъ порядкѣ, но они не исполняли этого, а шли всѣ толпой; ибо Персіяне въ торжественныхъ своихъ ходахъ не соблюдаютъ ни какого порядка. За ними слѣдовали Господа Посланники, со всѣми спутниками своими, въ слѣдующемъ порядкѣ:

Три сержанта съ своими короткими ружьями, 15 мушкетеровъ, одѣтыхъ въ красныя ливреи, по три въ каждомъ ряду.

Маршалъ.

Гофъ-Юнкеры, по трое въ каждомъ рядѣ.

Три трубача съ серебряными трубами.

Восемь тѣлохранителей, шедшихъ по два.

За тѣмъ Гг. Княжескіе Посланники, окруженные 8-ю тѣлохранителями.

За ними два толмача.

Потомъ ѣхали 8 пажей въ особыхъ красивыхъ ливреяхъ, а за ними уже слѣдовала остальная низшая наша прислуга, по три въ каждомъ изъ 8-ми человѣкъ.

Прибывши въ такомъ порядкѣ, въ сопровожденіи множества Кизильбашей и Царскихъ конниковъ, черезъ Майданъ, передъ Шаховъ дворецъ, люди съ подарками посторонились, дали мѣсто Посланникамъ, которые и были сдѣсь, у переднихъ воротъ, приняты Шахскимъ Есауломъ, Сонгӧбетъ (Jesaul Souhöbet) или Гостинымъ Маршаломъ, сопровождены имъ далѣе въ одинъ покой со сводами, бывшій у воротъ, гдѣ Диванъ-Беки или Судья обыкновенно производятъ свой судъ, и въ этомъ покоѣ сказанный Маршалъ просилъ присѣсть отдохнуть Гг. Посланниковъ. Между тѣмъ вѣстникъ пошелъ доложить Шаху о нашемъ прибытіи, и вскорѣ послѣ того нѣсколько знатнѣйшихъ Персіянъ пришли и объявили намъ, что Шахъ проситъ Гг. Посланниковъ къ себѣ. Насъ повели длиннымъ узкимъ дворомъ, по обѣимъ сторонамъ котораго, кромѣ высокихъ главныхъ стѣнъ, шли болѣе низкія, за которыми въ порядкѣ и по прямой чертѣ росли большіе высокіе яворы, словно высокія ели. Вдоль этѣхъ низшихъ стѣнъ стояло нѣсколько тѣлохранителей, отчасти въ высокихъ, остроконечныхъ и жесткихъ шапкахъ, украшенныхъ пучками

перьевъ, и множество мушкетеровъ стройными рядами, черезъ которые мы проходили. Все это представляло пріятный для глазъ видъ вдаль. Этотъ ходъ, равно какъ и подобные ему увеселительные ходы, называются у Персіянъ Хейванами (Cheiwan). Въ концѣ этого двора поперекъ или прямо въ упоръ находился открытый покой, въ коемъ Шахъ слушаетъ разныя дѣла по управленію страной, или производитъ судъ; онъ называется Diwanchanè или Судебнымъ домомъ; ибо Шахъ не держитъ, подобно Московскому Царю, особой палаты для пріема Пословъ, но употребляетъ для этого разныя палаты и увеселительныя бесѣдки. Не подалеку отъ этого Diwanchanè, за деревьями, стояло до 50 Шахскихъ лошадей, покрытыхъ дорогими попонами, изукрашенными золотой парчей и вышивной работой; ближе же къ дому стояло нѣсколько осѣдланныхъ прекрасныхъ Арабскихъ лошадей, сѣдла и сбруя на коихъ обдѣланы были чистымъ золотомъ и обложены драгоцѣнными камнями. Всѣ онѣ стояли подъ открытымъ небомъ, привязанныя за заднія ноги веревкой къ колышкамъ, вбитымъ въ землю. Большая часть ихъ на бедрахъ и брюхѣ выкрашены были желтою, какъ померанецъ, краской. Здѣсь же подлѣ стояли большія золотыя чаши, изъ которыхъ поятъ этихъ лошадей. Не вдалекѣ отъ этихъ чашъ стояло еще два большихъ золотыхъ же сосуда, имѣвшихъ локоть въ поперечникѣ; въ нихъ былъ ледъ, употребляемый Персіянами для охлажденія вина.

Самый увеселительный покой (или бесѣдка) былъ возвышенъ на три ступени противъ двора, имѣлъ въ длину 12 саженъ, въ ширину 8 и въ вышину около шести саженъ, и спереди закрытъ былъ занавѣсомъ изъ красной камки, который поднимался и спускался на шнурахъ. Столбы (пилястры), на которыхъ покоился занавѣсъ, были деревянные, восьмигранные, расписанные съ позолотой и украшены, также какъ и весь покой, золотыми изображеніями разныхъ цвѣтовъ. Слѣва на стѣнѣ висѣли три большія картины Европейской работы, изображавшія разныя исторіи. Полъ устланъ былъ дорогими коврами. Посреди палаты находился четырехъугольный водометъ, въ которомъ плавали всякаго рода цвѣты, лимоны, померанцы, гранаты, яблоки и другіе плоды. Вокругъ водомета стояло великое множество

золотыхъ и стеклянныхъ винныхъ флягъ, съ длинными узкими горлышками, которыя всѣ, или только вверху, утыканы были пушистыми букетами, или обложены вѣнками на горлышкахъ, такъ что при этомъ случаѣ мы увидѣли здѣсь то, что, по описанію Виргилія, было на пиршествѣ Дидоны:

«Crateras magnos statuunt et vina coronant.» [1]

За водометомъ у стѣны, на полу, сидѣлъ Шахъ на шелковой подушкѣ, поджавши подъ себя ноги, по обыкновенію простонародья Персидскаго. Это былъ человѣкъ 27 лѣтъ, благообразный, бѣлый и свѣжій лицомъ, съ ястребинымъ, съ горбиною носомъ, какъ и у всѣхъ почти Персіянъ, и съ небольшими усами, но не висящими внизъ, какіе носятъ обыкновенно другіе Персы. Одежда его изъ золотой парчи ни чѣмъ особенно не отличалась отъ обыкновенной Персидской одежды, и единственными отличіями въ уборѣ Шаха были: превосходный алмазъ на его мендилѣ (Mendil) или чалмѣ, съ журавлинымъ перомъ, и пара черныхъ соболей, висѣвшихъ у него вокругъ шеи, поверхъ Kürdi или верхняго кафтана, который Персіяне носятъ безъ рукавовъ. Позднѣе, такіе же Kürdi видѣли мы и на другихъ знатныхъ вельможахъ Персіи. Сабля Шаха на боку блестѣла золотомъ и дорогими каменьями, а лукъ и стрѣла лежали позади его. По правую его руку стояло 20 прекрасныхъ юныхъ мальчиковъ, пажи его, которые большею частію были дѣти Хановъ и Султановъ, состоявшихъ управителями въ областяхъ: нѣкоторые изъ этихъ юношей были оскоплены. Одинъ изъ пажей, весьма нѣжный лицомъ, держалъ вѣеръ или опахало, сдѣланное изъ хвоста одного морскаго животнаго, называемаго Maheri kutâs, и привезенное изъ Индіи; видомъ оно походило на хвостъ изъ перьевъ, и имъ-то мальчикъ прохлаждалъ Шаху воздухъ. Подлѣ пажей находился Meheter или каммердинеръ. Прямо передъ Шахомъ въ отдаленіи стоялъ Эйшикъ-Агастъ-Баши (Eischik agast baschi) или Великій Маршалъ, державшій въ рукѣ посохъ, весь обдѣланный золотомъ и вверху съ большимъ круглымъ набалдашникомъ. Влѣвѣ отъ Шаха, шагахъ

---

[1] Aeneid. lib. 1, carm. 728. О. Б.

въ 4-хъ, сидѣлъ Государственный Канцлеръ, котораго Персіяне зовутъ Ehtemad döwlet, а за нимъ, одинъ за другимъ, Ханы и Князья, Царскіе Совѣтники (Засѣдатели). Впереди у входа въ залъ, на лѣвой рукѣ, сидѣли: Арабскій Посолъ изъ Емана (Jeman), котораго Государь отдалея подъ защиту Персидскаго Шаха отъ Турокъ, а подлѣ него Русскій Посланникъ, Алексѣй Савиновичъ. Далѣе внизу находились уже музыканты.

Когда, по приглашенію нѣсколькихъ вельможъ, наши Посланники вступили въ залъ, ихъ встрѣтили тамъ Князь Джани-Ханъ Курджибаши (Tzani chan Kurtzibaschi) (о коемъ было упомянуто выше въ Sijarety) и Али-Кули-Бекъ (Ali culi bek), Diwanbek, взяли ихъ за руки, и повели одного за другимъ къ Шаху. Это взятіе за руки, совершаемое сопровождающими обѣими руками и употребляемое тамъ со всѣми Посланниками, кромѣ того, что симъ оказывается высокая честь Посламъ, дѣлается, какъ надо полагать, и для охраны Шаха, чтобы, въ случаѣ какого либо злаго умысла противъ него, какъ это случилось при Шахѣ Абасѣ со стороны одного Турецкаго Посла, онъ не могъ быть приведенъ въ исполненіе самими являющимися къ Шаху. Я полагаю, что по той же причинѣ Шахъ даетъ цѣловать не руку, но чужестраннымъ господамъ колѣно, а подданнымъ своимъ ногу.

Представивши предъ Шаха, Посланники наши поклонились ему съ достодолжнымъ уваженіемъ; а Шахъ, въ отвѣтъ, ласково кивнулъ имъ съ любезнымъ видомъ. За тѣмъ тотчасъ же ихъ отвели въ сторону и посадили на низкіе стулья подлѣ Хановъ или Князей. 15 человѣкъ изъ важнѣйшихъ спутниковъ Посольства приглашены были сѣсть въ той же залѣ; пажи же и остальная наша прислуга помѣщены были внѣ покоя, подлѣ 13 богато разодѣтыхъ танцовщицъ, сидѣвшихъ на коврахъ, съ открытыми лицами. Танцовщицы этѣ не были, какъ полагали и писали нѣкоторые изъ нашихъ, Шахскими, но были обыкновенныя, хотя и лучшія, изъ непотребныхъ женщинъ города, которыя платили Шаху извѣстную подать и должны были прислуживать у него.

Когда Посланники посидѣли немного, Шахъ приказалъ Маршалу спросить ихъ объ имени Государя, пославшаго ихъ, и чего

желаютъ они? Отвѣтивъ приличнымъ образомъ на это, оба Посланника, вмѣстѣ съ толмачемъ, поднялись къ Шаху съ краткою рѣчью (съ длинной рѣчью обращаться къ Шаху не въ обычаѣ), передали вѣрительныя грамоты его Княжеской Свѣтлости, которыя и принялъ отъ нихъ Государственный Канцлеръ; послѣ этого Посланниковъ снова пригласили сѣсть, и Палатскій Секретарь или Wakaaenuis возвѣстилъ имъ, что Шахъ прикажетъ перевести ихъ вѣрительныя грамоты и выслушать далѣе Гг. Пословъ, въ какое угодно имъ другое время; теперь же они должны только веселиться. За тѣмъ принесены были, одинъ за другимъ, подарки и отнесены въ сохранную палату (казначейство), находившуюся при входѣ на правой рукѣ Diwanchanae. Между тѣмъ столъ, который былъ собственно вся зала, уставили для всѣхъ гостей разными сластями (конфектами) и плодами, въ сосудахъ изъ чистаго толстаго золота, и сосуды этѣ разставлялись одинъ подлѣ другого, а иногда и одинъ на другой, а между ними тоже тяжеловѣстныя золотыя флаги, впрочемъ, пустыя и поставленныя только для украшенія, числомъ болѣе 300, такъ что куда ни поворотиться, вездѣ блистало только чистое золото, хотя вся эта посуда, однако, была совсѣмъ плохой работы, гладкая, безъ рѣзьбы, или выпуклости, за исключеніемъ Царской посуды для питья, именно: винной флаги и чарки Surahi и Piali, которыя всѣ были усыпаны бирюзой и рубинами. За кушаніемъ плодовъ нѣсколько разъ принимались пить всѣ кругомъ хорошее Шираское вино, и между тѣмъ явился скоморохъ, который изъ своей сумки выдѣлывалъ разнаго рода ловкія и забавныя штуки. По прошествіи добраго часа времени сласти приняли, начали готовить столъ собственно къ обѣду и разостлали парчевую скатерть. Десять человѣкъ явились и принесли кушанья въ огромныхъ золотыхъ сосудахъ, видомъ похожихъ на горшки, одни на головахъ, другіе на обитыхъ толстымъ листовымъ золотомъ носилкахъ, похожихъ на наши навозныя носилки.

Царскій Кравчій или Suffretzi расположился съ кушаньями въ срединѣ стола или залы, одѣлялъ и раскладывалъ кушанья на множествѣ различнѣйшихъ блюдъ, и прежде всѣхъ подалъ ихъ Шаху, потомъ Посланникамъ и другимъ Господамъ по порядку. Всѣ блюда наполнены были вареннымъ рисомъ, посверхъ котораго

лежали: вареная баранина, жареныя куры, яичныя печенья, вареный шпинатъ и щавель и густое кислое овечье молоко или Коперъ, какъ называютъ его въ Лейпцигѣ. Въ нашемъ ряду часто на одномъ блюдѣ было по пяти такихъ кушаньевъ. Такой способъ кладки кушаній у нихъ почти необходимъ; ибо за столомъ у нихъ не сидятъ одинъ противъ другого, какъ это у насъ въ обычаѣ, но располагаются всѣ въ одинъ длинный рядъ, одинъ за другимъ, и такъ какъ при этомъ двумъ, или тремъ, гостямъ нельзя достать изъ одного блюда, то было бы неудобно множество кушаній подавать въ отдѣльныхъ блюдахъ. Къ тому же у нихъ также не въ обычаѣ, какъ у насъ, излишняя бѣготня прислуги при подачѣ кушаній. Кромѣ сказанныхъ кушаній, кому какое угодно, выставлены были также особыя блюда съ рисомъ различнаго цвѣта.

Обѣдъ прошелъ въ совершенномъ молчаніи, безъ особыхъ разговоровъ. Самъ Шахъ раза три, четыре, только заговаривалъ съ Государственнымъ Канцлеромъ, и то только по нѣскольку словъ. Въ слѣдующее же представленіе и обѣдъ Шахъ вступилъ съ нашими Посланниками въ довольно дружескій разговоръ. Здѣсь также во время пирушки потѣшались музыкой и нѣкоторыми зрѣлищами. Инструменты, на которыхъ игралась Царская музыка, были: бубны, свистѣлки или флейты, дудки, лютни и скрипки; изъ нихъ бубны поражали наши уши самымъ убійственнымъ образомъ. Помянутыя выше танцовщицы весело прыгали кругомъ чуднымъ способомъ, и нѣсколько ловкихъ борцовъ показывали искуство и проворство въ разныхъ схваткахъ точно также, какъ это было и въ Касвинѣ.

Въ то время, какъ все это происходило позади Посланниковъ, въ одной двери, ведущей въ смежный покой и завѣшанной покрываломъ, посадили потихоньку одного Персіянина, знавшаго Португальскій и Итальянскій языки, для того, чтобы онъ подслушивалъ, что будутъ говорить Посланники между собой и съ своимъ толмачемъ и какое они выскажутъ при этомъ мнѣніе о Персіянахъ. Толмачемъ нашимъ тамъ былъ Португальскій Августинскій монахъ, Отецъ Іосифъ а Rosario (весьма набожный, разумный, привѣтливый и ласковый человѣкъ, лѣтъ сорока), ко-

торый, своимъ обращеніемъ между Персіями въ теченіи 24-хъ лѣтъ, хорошо изучилъ ихъ природу, нравъ, жизнь и поступки, и по тому могъ сослужить намъ добрую услугу. Съ Посланникомъ Крузе онъ разговаривалъ по Латыни, а съ Г. Бругманомъ по Португальски. Мнѣніе, какое высказывалъ при этомъ Бругманъ о томъ и другомъ, въ особенности же объ Европейскихъ картинахъ и о Персидскомъ способѣ сидѣть и ѣсть, конечно, не понравилось Шаху. Послѣ полуторачасоваго сидѣнья за кушаньями, столъ былъ убранъ и подана всѣмъ кругомъ теплая вода, для умовенія рукъ, въ золотой кружкѣ, и за тѣмъ Великій Маршалъ возгласилъ по Турецки:

سفره حقنه شاه دولتنه غازیلر
قوتاللہ دیلم ∴ الله الله

«Suffre Hakine Schahe dövvletine,
Kasiler kuvvetine. Alla dielim.»

«Вознагради, Боже, этотъ обѣдъ, умножь Царское добро и содѣлай Сильными его воиновъ (или слугъ)! Боже, я желаю этого!»

За тѣмъ всѣ другіе запѣли: «Alla, Alla! Боже, Боже!»

Вскорѣ за тѣмъ гости поднялись, одинъ за другимъ, и молча, по ихъ обыкновенію, разошлись по домамъ. Пришелъ и нашъ Мегемандарь и сказалъ Посланникамъ, что уже время прощаться. Мы поднялись съ своихъ мѣстъ, поклонились, уходя, Шаху, и поѣхали обратно домой.

ГЛАВА XL.

Что происходило въ Испагани послѣ перваго открытаго представленія. Особенно о первомъ и второмъ тайномъ представленіи. Также какъ посѣщали насъ и какъ приглашали въ гости.

Послѣ открытаго представленія нас стали навѣщать разные чужестранцы, проживавшіе въ Испагани, именно: Англичане, Порту-

гальцы, Итальянцы и Французы. Мы такъ хорошо перезнакомились съ ними, что послѣ уже, во все время пребыванія нашего въ Испагани, часто посѣщали другъ друга и состояли съ ними въ большой дружбѣ.

Начало сдѣлали Англійскіе купцы, пришедшіе навѣстить Посланниковъ 18-го Августа, съ Довѣреннымъ (факторомъ) своимъ, Францискомъ Ганивотъ (Haniwot), умнымъ и любезнымъ человѣкомъ. Такъ какъ обыкновенно они ходили въ Персидскомъ платьѣ, то для того, чтобы понравиться намъ, всѣ они надѣли Нѣмецкія одежды, провеселились у насъ цѣлый день, предлагали намъ свою дружбу и услуги, которыя и оказали намъ въ последствіи во многихъ случаяхъ.

22-го числа Шахъ прислалъ Посланникамъ всякаго рода плоды: дыни, яблоки, груши, виноградъ, айву и проч., а также до 30 большихъ стеклянныхъ чашъ съ Ширасскимъ виномъ.

24-го Августа Посланниковъ потребовали на первое тайное представленіе, на которомъ самъ Шахъ присутствовалъ такимъ же образомъ, какъ и въ открытомъ представленіи, съ Государственнымъ Канцлеромъ и нѣкоторыми знатнѣйшими вельможами. Но представленіе это было уже не въ Диванъ-Ханѣ, а въ другой палатѣ; насъ повели чрезъ красивую галерею и садъ къ открытой, веселой на видъ палатѣ, расположенной на нѣкоторомъ возвышеніи, но впускали туда къ Шаху только однихъ Посланниковъ и толмача; остальные Посольскіе спутники оставались въ томъ же зданіи, въ другомъ покоѣ, съ другими вельможами и придворными людьми. Послѣ совѣщаній, продолжавшихся два часа, приготовленъ былъ столъ, къ которому приглашали и насъ всѣхъ. Просидѣвши часа съ два за обѣдомъ, мы по прежнему распростились и поѣхали къ себѣ домой на Шахскихъ лошадяхъ.

29-го Августа, въ день Рождества Богородицы Маріи по новому счисленію, Посланники, со всѣми спутниками своими, приглашены были однимъ Католическимъ Испанскимъ монахомъ, Патеромъ Августинскаго Ордена, на отправленіе съ ними ихъ праздника, и за тѣмъ къ обѣду. Такъ какъ монастырь, въ который приглашали

насъ, находился хоть и въ городѣ, но болѣе чѣмъ въ полумилѣ отъ Посольскаго двора, то Мегемандарь доставилъ намъ лошадей для поѣздки туда. Кромѣ насъ, тамъ были также: Русскій Посланникъ, Алексѣй, Армянскій Архіепископъ, съ нѣкоторыми своими Священниками, и Англійскіе купцы. Хотя этѣ послѣдніе въ Отечествѣ своемъ расходятся въ Христіянствѣ и неохотно терпятъ другъ друга, по причинѣ нѣкоторой разницы въ Вѣрѣ, однако здѣсь Христіяне сближаются, ради общаго ихъ Христіянскаго имени, и стараются жить другъ съ другомъ въ добромъ согласіи.

Зданіе монастыря было довольно обширное, заключало въ себѣ прекрасную церковь, съ низкими башнями, хорошо устроенныя крестообразныя галереи и удобныя кельи. Мы дружески были приняты монахами, которыхъ было только 6 во всемъ монастырѣ, и прежде всего приглашены въ церковь, для присутствія при ихъ Богослуженіи. Церковь была хоть и не велика, но изящно выведена круглымъ сводомъ и повсюду украшена золоченой рѣзьбой и живописью; вверху у алтаря, также обдѣланнаго фигурами и большею частію вызолоченнаго, было искусно изображено Успеніе Богородицы. Во время службы, на хорахъ, находившихся на возвышеніи противъ алтаря, игралъ органъ, вмѣстѣ съ нашими музыкантами, приглашенными къ тому. По окончаніи Богослуженія пошли мы въ прекрасный увеселительный садъ, гдѣ, между прочимъ, было одно большое дерево, которое, множествомъ вѣтвей раскинувшихся и повисшихъ внизъ и густою листвою своею, пріятно отѣняло находившійся тамъ прудъ и устроенныя кругомъ стулья.

Изъ саду повели насъ въ комнату, въ которой по тремъ сторонамъ стояли накрытые столы, съ передней стороны, во всю длину уставленные разнаго рода плодами въ фарфоровыхъ чашахъ и усыпанные цвѣтами; за этими-то плодами мы и усѣлись такимъ образомъ, что столы съ передней части были свободны отъ людей, отъ чего прислугѣ было удобнѣе прислуживать гостямъ. Кушанья, которыя подавались на множествѣ маленькихъ блюдъ, одно послѣ другого, и каждому отдѣльно, приготовлены были очень хорошо. Я никогда не ѣдалъ лучшей и болѣе вкусной, чѣмъ здѣсь, капусты саженой, которая была совершенно

зеленая и кудреватая. По окончаніи обѣда, не сталъ предсѣдательнаго у духовныхъ, какъ у міряиъ, мы опять пошли въ садъ, подъ наше прекрасное дерево, и остальное время дня провели въ пріятныхъ разговорахъ, а подъ конецъ и съ веселою музыкой.

Въ началѣ Сентября мѣсяца большіе жары въ Испагани начали спадать и наступили при томъ такія холодныя ночи, что кто не запасся хорошей постельной принадлежностью, чувствовалъ это на себѣ довольно сильно.

Въ этѣ дни посѣтилъ Посланниковъ Армянскій Правитель (Губернаторъ) Сеферасъ-Бекъ (Seferas bek), съ двумя своими братьями, желая познакомиться съ Гг. Посланниками. Это были предасковые и добросердечные люди. Замѣтивши это, Посланникъ Бругманъ (который, я долженъ сказать это къ чести его, по природѣ своей, и въ особенности къ такого рода людямъ, былъ всегда щедръ), тотчасъ же подарилъ старшимъ двумъ братьямъ, каждому по прекрасному ружью, а младшему пару пистолетовъ, что имъ было чрезвычайно пріятно. Въ изъявленіи своей благодарности и признательнаго сердца, они задали, 18-го Сентября, великолѣпную пирушку, на которую пригласили Посланниковъ со всѣми ихъ спутниками. Черезъ нѣсколькихъ важнѣйшихъ Армянскихъ купцовъ, они достали намъ лошадей для поѣздки къ нимъ. Съ нами поѣхали туда верхами и два Испанскіе монаха, Пріоръ и отецъ Іосифъ, нашъ главный толмачъ. Насъ проводили въ предмѣстье Джульфа (Tzulfa), гдѣ находилось их жилище, и прежде всего въ церковь, чтобы посмотрѣть на ихъ Богослуженіе, которое на этотъ разъ состояло въ отправленіи ими обѣдни. Церковь украшена была довольно изящной живописью, полы покрыты были коврами, а по стѣнамъ кругомъ разставлены стулья для насъ. Обѣдню служилъ самъ Патріархъ. Церковное облаченіе было изъ серебряной парчи, вышитой золотыми цвѣтами и жемчугомъ; такая же была и Епископская митра, бывшая на немъ. Между пѣніемъ игралъ небольшой органъ (Positiv), который болѣе ревѣлъ, чѣмъ издавалъ хоть сколько ни будь согласные звуки. По окончаніи обѣдни всѣ мы поѣхали въ гостинницу, гдѣ ласково приняли насъ и повели, черезъ прекрасную со сводами

галерею и веселый садъ, въ покой, весьма хорошо разукрашенный на Персидскій образецъ, и пригласили въ немъ усѣсться на полу. Разостлали скатерть изъ золотой парчи, и уставили ее всевозможными плодами и сластями (конфектами). Первая чаша, предложенная Сеферасъ-Бекомъ, была отлично изготовленная дорогая водка, похожая на Aquavit (Aqua vitae). По принятіи сластей разостлали пестрыя ситцевыя скатерти Индійской работы, которая считается наилучшею, и принесли множество отлично приготовленныхъ кушаній изъ говядины, солонины, баранины, куръ и проч. Когда мы поѣли вдоволь, то хотя блюда и оставались еще на столѣ, но насъ всѣхъ позвали и провели черезъ другую, отлично убранную, комнату въ открытый залъ, расположенный въ саду. Залъ этотъ искусно устроенъ сводомъ вверху и вызолоченъ, а по стѣнамъ висѣли вездѣ картины, изображавшія женщинъ въ различныхъ народныхъ одеждахъ. Посреди зала былъ водометъ, выложенный мраморомъ, и вода въ немъ усыпана была цвѣтами, а окраины уставлены множествомъ серебряныхъ, золотыхъ и стеклянныхъ флягъ съ виномъ. На полу кругомъ, на прекрасномъ коврѣ, разложены были бархатныя подушки всевозможныхъ цвѣтовъ, вышитыя золотыми и серебряными цвѣтами, и на нихъ-то пригласили насъ сѣсть. Сласти и плоды снова были принесены и приведены музыканты и плясуны. Во время такого веселья явился къ намъ и Патріархъ, съ Архіепископомъ и двумя другими Священниками: Патріархъ въ камлотовой, пурпурнаго цвѣта, рясѣ, остальные въ черныхъ длинныхъ плащахъ съ скуфьями на головѣ; они сѣли подлѣ насъ и весело и дружески бесѣдовали съ нами. Братья Правителя (Губернатора), чтобы доставить удовольствіе Посланникамъ, сами начали упражняться въ музыкѣ, и средній братъ, Илія-Бекъ (Elias Bek), человѣкъ веселый, отъ чего онъ былъ хорошо принимаемъ у Шаха, но и лишился черезъ то своей передней плоти (Vorhaut) (о чемъ сказано будетъ въ другомъ мѣстѣ), сначала игралъ на Тамега (такъ называютъ Армяне Персидскую лютню), потомъ взялъ 7 фарфоровыхъ чашъ, согласовалъ ихъ водою въ стройные звуки и наигрывалъ на нихъ двумя маленькими палочками подъ звуки лютни. Старшій же братъ, Сеферасъ-Бекъ, сказавши, что принесетъ иную музыку, всталъ и велѣлъ подать на двухъ большихъ деревянныхъ подносахъ множество хрустальныхъ стакановъ; съ этими

подносами два мальчика обходили кругомъ гостей, и Сеферасъ-Бекъ каждому изъ нихъ предложилъ стаканъ съ виномъ выпить за здоровье Шаха Сефи.

Проведши въ такомъ веселіѣ до конца дня, съ закатомъ солнца мы распростились было съ хозяевами, но провожая насъ, они повели насъ въ другое увеселительное мѣсто въ саду, гдѣ вторично приготовленъ былъ для закуски столъ и уставленъ множествомъ кушаній изъ жареныхъ куръ, вареной и печеной рыбы, короваевъ (яичныхъ печеній или яичницы), изъ садовыхъ и полевыхъ плодовъ и другихъ лакомыхъ яствъ. На этотъ разъ между прочимъ убранствомъ, однимъ не изъ послѣднихъ было то, что надъ нами, на длинномъ шнурѣ, висѣло множество лампъ, одна подлѣ другой, а въ саду въ разныхъ мѣстахъ разставлено было также не мало свѣчей и факеловъ, которые отовсюду освѣщали какъ комнату, такъ и садъ. Хотя мы и здѣсь присѣли за столъ, но, по недостатку позыва къ ѣдѣ, большая часть кушаній осталась нетронутой. Когда мы наконецъ послѣ сытнаго и даже излишняго угощенія поѣхали верхами домой, то насъ провожалъ Иліяръ-Бекъ, съ нѣкоторой прислугой и множествомъ фонарей и факеловъ, до самаго Посольскаго жилья, гдѣ порядочно также былъ угощенъ хмѣлемъ отъ горячей сладкой водки. Такимъ образомъ этого числа въ описанномъ мѣстѣ насъ угостили и повеселили такъ великолѣпно, какъ не бывало еще прежде никогда, не даже на пиршествѣ у самаго Шаха.

19-го числа было второе тайное представленіе, и Шахъ давалъ его опять въ новой палатѣ, въ одномъ саду. Такъ какъ въ этотъ разъ Посланники представили нѣкоторыя письменныя сообщенія, то переговоры велись не долго, и скоро накрытъ былъ столъ и стали обѣдать, при чемъ были опять и музыканты его. Узнавши, что Посланники привезли въ Испагань и музыкантовъ съ собою, Шахъ пожелалъ послушать ихъ, по чему изъ нашей музыки мы ссудили на этотъ разъ одну Віолу ди гамба (Viol di gamba), бандуру (Bandar) и скрипку (Discant Viole), на которыхъ наши музыканты играли около часу; но хотя наша музыка очень понравилась Шаху, однако же онъ не желалъ промѣнять на нее свою музыку, къ которой привыкъ.

23-го числа Послланники, со всѣми спутниками своими, приглашены были Англійскими купцами на пиръ, который, если не превосходилъ другіе, то ни въ чемъ не уступалъ ни какому другому пиршеству. Дворъ этѣхъ купцовъ, находившійся недалеко отъ Майдана, у базара, было прекрасное, обширное зданіе, со множествомъ комнатъ и веселымъ садомъ. Сначала насъ отлично угощали въ открытой, убранной, на Персидскій образецъ, залѣ, разными сластями, плодами и сладкой водкой, а вскорѣ за тѣмъ въ другой комнатѣ, не на полу уже, а на возвышенныхъ столахъ, по Нѣмецкому образцу, при чемъ немало пили здоровья Великихъ Государей и Владѣтельныхъ особъ (Европы). Между тѣмъ одинъ изъ слугъ искусно игралъ на клави-кимвалѣ (Clavi-Cymbel). Послѣ стола, чтобы далѣе повеселить насъ, Англичане доставили другое удовольствіе. Они повели насъ въ открытую галерею, въ садъ, гдѣ опять кругомъ разставлены были великолѣпно и роскошно изготовленныя разныя сласти (конфекты) и самыя лучшія вина. Такъ какъ на другихъ пирушкахъ мы часто уже видѣли Персидскихъ танцовщицъ, то Англичане угостили насъ пляскою Индійскихъ танцовщицъ. Танцовщицы этѣ явились въ числѣ шести Индіянокъ, нѣкоторыя съ мужьями своими, которые тоже были танцовщики и музыканты. Индіянки хотя были лицомъ темножелтыя, но благообразны и нѣжнаго сложенія. Онѣ носили на шеѣ множество жемчугу и золота, равно какъ и въ ушахъ, съ серебряными застежками и большими золотыми блесками; запястья у нихъ были частію серебряныя, частью жемчужныя, и всѣ пальцы ихъ унизаны были множествомъ колецъ. Между прочимъ, на большомъ пальцѣ у нихъ были большія серебрянныя кольца, въ которыхъ вдѣланы ясно отполированные куски стали, величиною съ рейхсталеръ, и такія кольца онѣ употребляли вмѣсто зеркала. Платья ихъ сдѣланы были совершенно особымъ образомъ и изъ такой тонкой шелковой ткани, сквозь которую можно было видѣть почти все тѣло; подъ этѣми платьями, впрочемъ, на нихъ были гладкія въ обтяжку штаны. У однѣхъ на головѣ были особыя шапочки, другія покрыты были только флеромъ. На плечахъ у нихъ висѣли длинные, золотомъ вышитые, изящные шелковые платки, спускавшіеся до ногъ; во время танцевъ онѣ обвивали иногда этѣ платки вокругъ себя. Кругомъ ногъ, надъ лодыжками, на красивыхъ лентахъ у нихъ привѣшаны были нѣсколько мѣд-

ныхъ погремушекъ, которыя онѣ во время пляски приводятъ, извѣстными движеніями ногъ, въ такое сотрясеніе, что, въ случаѣ нужды, погремушки этѣ мѣрными звуками своими могутъ замѣнять имъ музыку. Для этого онѣ употребляютъ также и Тзиграве (кастаньеты, ручныя погремушки), которыя онѣ держатъ въ рукахъ, и извѣстнымъ образомъ ударяютъ ими одну о другую. Нѣкоторыя изъ танцовщицъ были босыя, другія же въ какихъ-то странныхъ башмакахъ. Музыкальные инструменты ихъ были: Индійскій барабанъ, Персидскій Sinie или ручной бубенъ и флейты. Индійскіе барабаны узкіе, длиною въ локоть и видомъ похожи на боченки, у которыхъ оба дна не одинаковой величины, такъ что если бить въ то и другое дно, то ихъ тонъ различается на одну кварту. Бьютъ въ этѣ барабаны съ обѣихъ сторонъ голыми руками, для чего ихъ и вѣшаютъ на ремнѣ на шеѣ. Въ плясахъ своихъ танцовщицы этѣ выдѣлывали ногами, руками и всѣмъ тѣломъ, разныя чудныя и страстныя движенія и ловкія шутки; иногда плясали передъ однимъ какимъ либо зрителемъ отдѣльно съ такими же тѣлодвиженіями, при чемъ особеннымъ образомъ онѣ протягивали къ зрителю этому руки, для полученія отъ него подарка. Такимъ образомъ вообще пляска Индійцевъ показалась намъ гораздо живѣе, красивѣе и веселѣе, нежели пляска Персіянокъ.

Мнѣ разсказывали, что Индійскія танцовщицы и музыканты, какъ народъ вообще безпутный, отплясываютъ и иные соблазнительныя пляски и совершаютъ другъ съ другомъ другія страстныя представленія, безъ всякаго стыда, въ присутствіи гостей, если иногда этого потребуютъ отъ нихъ на тайныхъ разгульныхъ пирушкахъ. О такихъ соблазнительныхъ представленіяхъ свидѣтельствовали и попавшіяся мнѣ въ руки нѣкоторыя Индійскія изображенія, которыхъ нельзя и показать въ порядочномъ обществѣ, не возбудивъ въ немъ чувства омерзенія. Пишу же объ этомъ для того, чтобы показать, какъ силенъ демонъ разврата въ дѣтяхъ невѣрныхъ, и какое легкомысліе господствуетъ въ такихъ людяхъ.

Уже позднимъ вечеромъ Англичане проводили насъ въ наши жилища со множествомъ лошадей и фонарей.

Въ тотъ же день нѣкоторые изъ насъ были приглашены Французскими купцами въ одинъ караван-серай, гдѣ и были отлично угощены вмѣстѣ съ Англичанами.

1-го Октября сами Посланники давали Княжескій пиръ, на который по приглашенію и прибыли: Русскій Посланникъ, Арминскій Правитель, съ двумя своими братьями, важнѣйшія лица изъ Англійской Компаніи, нѣсколько Французовъ, Испанскіе Августинцы, и нѣсколько Итальянскихъ Кармелитскихъ монаховъ. На обѣдъ, изготовленный по Нѣмецки, выставлено было множество кушаній, въ двѣ перемѣны, по 40 блюдъ въ каждой, и послѣ этѣхъ кушаній поданы были богатѣйшія сласти (пирожныя, конфекты). Игравшая при этомъ музыка состояла изъ скрипокъ, трубъ и барабановъ, которыя, всякій разъ при питіи за здоровье, весело раздавались, вмѣстѣ съ выстрѣлами изъ большихъ пушекъ. Послѣ стола забавлялись метаніемъ въ цѣль копій (игрой въ карусель), при чемъ выигрышными наградами были: большой позолоченый бокалъ и серебряная чарка. При каждомъ метаніи, попавшемъ въ цѣль, стрѣляли изъ пушки. Первый выигрышъ получилъ Мандельсло, второй Посланникъ Бругманъ.

Когда Шахъ узналъ отъ Сеферасъ-Бека, какія особаго рода блюда были на пиру у Посланниковъ, на примѣръ: разные пастеты, торты и блюда, изготовленныя только для виду, то онъ очень желалъ увидѣть ихъ; для чего, ради удовлетворенія желанія Шаха, Посланники приказали изготовить нашимъ поварамъ нѣсколько прекрасныхъ кушаній для виду, пастетовъ и тортовъ, и все это тотчасъ же послали въ покои Шахскихъ женъ, гдѣ, съ удивленіемъ и удовольствіемъ, разсматривали этѣ кушанья, но ѣли ли ихъ, не знаю.

Въ этотъ день Секретарь нашъ, въ слѣдствіе жестокаго преслѣдованія со стороны одного изъ представителей Посольства, ушелъ въ монастырь Испанскихъ монаховъ Аугустинскаго Ордена, гдѣ радушно былъ принятъ отцами и братьями этого Ордена и пробылъ тамъ цѣлые 13 дней. Отсюда онъ хотѣлъ было отправиться, черезъ Вавилонъ и Алепо, чтобы обозрѣть этѣ мѣста, славныя въ древней Исторіи, но по нѣкоторымъ причинамъ это намѣреніе его было отложено, и Секретарь снова возвратился въ Посольство.

ГЛАВА XLI.

О свадьбѣ, крещеніи и Св. причащеніи Армянъ.

Въ тотъ же день я ходилъ въ Джульфа, именно въ то предмѣстіе, гдѣ мы имѣли кровавую схватку съ Индійцами, и посѣтилъ тамъ Армянскую церковь. Увидѣвши, что Армяне провожаютъ одного жениха въ церковь, я пошелъ въ слѣдъ за ними, и видѣлъ тамъ обрядъ вѣнчанія. Впереди играли барабаны и мѣдныя кимвалы, за тѣмъ слѣдовалъ мальчикъ съ горящею восковою свѣчею. Потомъ ѣхалъ верхомъ женихъ, въ прекрасной разноцвѣтной (пестрой) одеждѣ, между двухъ мужчинъ, также богато разодѣтыхъ, и за ними еще двѣ пары поѣзжанъ. Позади шли пѣшкомъ нѣсколько человѣкъ съ блюдами, полными кушаній, съ двумя кружками съ виномъ, и еще съ двумя блюдами съ яблоками. Вошедши въ церковь, женихъ сѣлъ, вмѣстѣ съ своими гостями. Передъ ними поставлены были кушанья и плоды, изъ которыхъ гости поѣли немного, а женихъ не ѣлъ ни чего; оставшееся все составляло приношеніе Священнику. Вина, впрочемъ, выпили всѣ круговую. При этомъ женихъ всталъ, подошелъ ко мнѣ, въ сопровожденія одного мальчика по правую, и взрослаго мужа по лѣвую, руку, привѣтствовалъ меня, налилъ самъ вина въ глиняную чарку и предложилъ мнѣ выпить ее; самъ же онъ не пилъ при этомъ. Между тѣмъ пришла и невѣста, покрытая, въ сопровожденіи дѣвочки и взрослой женщины, тоже покрытыхъ. Священникъ долго читалъ надъ молодыми брачущимися людьми, передъ алтаремъ, и благословлялъ ихъ. Молодые подали при этомъ другъ другу руки и держали головы свои вмѣстѣ такимъ образомъ, чтобы голова жениха была выше. Надъ обоими молодыми Священникъ держалъ крестъ, подъ которымъ они и вѣнчались. Въ такомъ положеніи они давали другъ другу, подъ крестомъ, клятву въ вѣрности и взаимной любви. За тѣмъ Священникъ далъ имъ Св. Причастіе, и тому и другой по кусочку освященнаго хлѣба (Hostia), погруженнаго тоже въ освященномъ винѣ.

Этотъ освященный хлѣбъ, не такой, какъ у Русскихъ и Грековъ, квасной, но прѣсный, круглый, величиною и толщиной

немного болѣе рейхсталера. Принятіе Св. Причастія сопровождалось пѣніемъ и игрою на кимвалѣ, который по Армянски называется Hambarzon. Во время причащенія и служенія обѣдни у Армянъ считается необходимымъ играть на кимвалѣ, или бить въ чаши; ибо они говорятъ, что Христосъ, передъ тѣмъ, какъ онъ пожелалъ насытить 4000 людей, ходилъ прежде на гору, и тамъ, въ молитвѣ къ своему Небесному Отцу, какъ бы совершалъ жертвоприношеніе, при чемъ, будьто бы, два Ангела играли на такихъ кимвалахъ. Послѣ такой музыки невѣсту и жениха, равно какъ и дружку, окропили розовой водой. Подошли и ко мнѣ, и окропили и меня также и дали мнѣ плодовъ. Послѣ множества другихъ обрядностей, невѣста навязала на правую свою руку флеръ, за который женихъ и вывелъ ее изъ церкви. Затѣмъ молодые усѣлись на лошадей и поѣхали съ прежнею торжественностью въ брачный домъ. Въ первые три дня и три ночи женихъ и невѣста не смѣютъ спать вмѣстѣ; на этотъ обычай, впрочемъ, въ Польшѣ Армяне обращаютъ мало вниманія.

Послѣ этого я пошелъ въ другую церковь, гдѣ на колокольнѣ, вмѣсто колоколовъ, которыхъ Армяне не вѣшаютъ, опасаясь Персовъ, повѣшена была толстая доска, въ которую и колотятъ молоткомъ во время отправленія Богослуженія. Въ этой церкви я видѣлъ, какъ Армяне крестили одно дѣтя, что совершалось слѣдующимъ образомъ; мальчикъ, лѣтъ 18-ти, держалъ передъ Священникомъ на рукахъ дѣтя, и въ церкви больше ни кого не было, кромѣ этого мальчика и одной старухи, которая пеленала дѣтя и принесла его въ церковь. Старушка эта стояла въ отдаленіи и не хотѣла, или и не смѣла, подойти ближе; мальчикъ самъ долженъ былъ отнести потомъ къ ней дѣтя. Священникъ болѣе получаса читалъ, молился и совершалъ другія обрядности, обращался часто съ какими-то вопросами къ мальчику, который иногда отвѣчалъ ему. Потомъ пошли они въ ризницу, гдѣ въ стѣнѣ вдѣланъ былъ камень, на подобіе маленькаго корытца, въ локоть длиною и въ полъ-локтя шириною; въ этомъ-то камнѣ [1] Священникъ освятилъ воду, влилъ туда освященнаго масла (мура).

[1] Крестильница, купѣль. О. Б.

и все это время пѣлъ, съ своимъ помощникомъ. Потомъ Священникъ взялъ нагое дѣтя, посадилъ его въ сказанный камень, какъ бы въ купѣль, благословилъ его Евангеліемъ и Крестомъ, трижды полилъ ему пригоршней воду на голову, во имя Бога Отца, Сына и Св. Духа, и за тѣмъ полилъ водою и все тѣло дѣтяти и закончилъ тѣмъ, что освященнымъ масломъ (мүромъ) помазалъ ему лобъ. Подобные же обряды мы видѣли также и въ Шамахѣ при крещеніи одного ребенка. Армяне не крестятъ своихъ новорожденныхъ прежде 8 дней, развѣ заболѣетъ ребенокъ. Если же ребенокъ умретъ до крещенія, то его не считаютъ святымъ и на кладбищѣ не хоронятъ. Точно тоже не хоронятъ на кладбищѣ у нихъ и тѣхъ, которые цѣлый годъ не были у Св. Причастія.

ГЛАВА XLII.

Какъ Шахъ Персидскій приказалъ изрубить саблями часовыхъ дѣлъ мастера, Рудольфа Стадлера.

3-го Октября Персіяне схватили и изрубили саблями одного Нѣмецкаго часовыхъ дѣлъ мастера, Шахскаго слугу, котораго нашли мы въ Испагани, жившимъ тамъ уже нѣсколько лѣтъ до нашего прибытія туда.. Происшествіе это было такого рода: Нѣмецъ этотъ былъ Іоаннъ Рудольфъ Стадлеръ, Цюрихскій уроженецъ изъ Швейцаріи, человѣкъ 33 лѣтъ, женатый на сестрѣ помянутой выше Туллы (Tullae), и, слѣдовательно, былъ свякомъ Бругмана. [1] Прослуживши у Шаха Сефи часовыхъ дѣлъ

[1] Хотя сочинитель и говоритъ сдѣсь о Туллѣ, какъ о женщинѣ, о которой упоминалось уже выше, но въ 3-мъ изданіи, съ котораго дѣлается настоящій переводъ, о ней, до этого мѣста, нигдѣ выше не упоминалось; онъ упоминаетъ о ней въ 1-мъ своемъ изданіи 1647 года, именно: на страницѣ 396, въ разсказѣ о причинахъ, по которымъ Секретарь Посольства, т. е., самъ Олеарій, принужденъ былъ удалиться отъ Посольства въ монастырь Августинскихъ монаховъ. Въ 3-мъ изданіи разсказъ этотъ долженъ бы быть помѣщенъ въ 40-й главѣ, но онъ имъ выпущенъ, и по тому на упоминаемое въ немъ имя Туллы ссылка, очевидно по недосмотру, сдѣлана тутъ, какъ уже на из-

мастеромъ цѣлые пять лѣтъ, Стадлеръ очень желалъ возвратиться снова въ Германію, полагая воспользоваться удобнымъ къ тому случаемъ отправиться вмѣстѣ съ нами при обратномъ нашемъ путешествіи и ходатайствуя по этому о своемъ увольненіи. Но Шахъ, не желая отпустить его, предложилъ ему, что если онъ останется у него еще на два года, то получитъ вознагражденія 400 рейхсталеровъ. Не смотря на такое предложеніе, часовщикъ все таки продолжалъ хлопотать объ увольненіи его черезъ нашихъ Посланниковъ. Въ то время, когда велись еще этѣ хлопоты, въ одну ночь къ Стадлеру забрался воръ, можетъ быть, предполагавшій, что часовщикъ получилъ уже обѣщанное ему Шахомъ вознагражденіе. Увидѣвъ вора, часовщикъ поймалъ его, нѣсколько времени боролся съ нимъ, наконецъ одолѣлъ его, нанесъ ему нѣсколько ранъ и вытолкалъ его изъ дому. Но подъ вліяніемъ гнѣва, считая, что еще мало наказалъ вора, онъ выбѣжалъ въ слѣдъ за нимъ на улицу и выстрѣломъ изъ пистолета положилъ его на мѣстѣ.

вѣстное читателю. Для устраненія происшедшей отъ того неясности, нужнымъ считаемъ привести сдѣсь вкратцѣ сущность выпущеннаго разсказа, извлекая ее изъ сказаннаго въ 1-мъ изданія. Дѣло вотъ въ чемъ. Когда Голштинское Посольство прожило уже нѣсколько времени въ Испаніи, то 1-го Октября пришелъ къ Секретарю Посольства (Олеарію) Пріоръ Августинскаго монастыря съ заявленіемъ, что находящіеся въ Посольствѣ люди, и даже одинъ изъ представителей онаго, Посланникъ Бругманъ, какъ ходятъ о томъ слухи между Армянами и Персами, вступаютъ въ непозволительныя связи съ нѣкоторыми изъ Армянскихъ дѣвицъ, что унижаетъ званіе Христіанъ въ глазахъ Мамометанъ и Армянъ и подаетъ дурной примѣръ этѣмъ послѣднимъ, и безъ того уже достаточно совратившимся, въ слѣдствіе постояннаго обращенія среди Магометанъ. По этому заявленію Секретарь Посольства явился къ Бругману съ просьбой, чтобы онъ обратилъ вниманіе на такое недостойное поведеніе служащихъ въ Посольствѣ; но, пришедши къ нему, у самаго Бругмана въ комнатѣ нашелъ Армянку Туллу, съ которою Бругманъ, какъ оказалось теперь, былъ въ связи. Подозрѣвая, что Секретарь съ умысломъ пришелъ въ такое время, чтобы уличить въ преступленіи Бругмана, этотъ Посланникъ до того озлобился на Олеарія, что угрожалъ ему даже смертію; по чему Олеарій и убѣжалъ въ монастырь Августинскихъ монаховъ, гдѣ, какъ извѣстно уже читателю, онъ и пробылъ цѣлые 13 дней. Послѣ этого понятно, почему Олеарій часовщика Стадлера, женатаго на сестрѣ Туллы, о которомъ говорится въ настоящей главѣ, называетъ свякомъ Бругмана. Перев.

Увидѣвъ это, пріятели убитаго тотчасъ же побѣжали къ духовному судьѣ, съ жалобой, что Нѣмецкій часовщикъ, будучи Невѣрнымъ, убилъ Правовѣрнаго, по чему и требуютъ, чтобы виновный былъ приговоренъ къ смерти и выданъ имъ. На другой день, въ то время, когда часовщикъ этотъ, по обыкновенію своему, ѣхалъ на службу ко Двору, его схватили на улицѣ, бросили въ темницу, набили ему на шею и руку колоду, по Персидски паленкъ (Palenk), и содержали его вообще самымъ скверныйъ образомъ.

Хотя Посланники наши нѣсколько разъ просили за несчастнаго Стадлера, но все таки, по неотступнымъ жалобамъ близкихъ убитаго и по требованію Седдера (Sedder) или главнаго духовнаго судьи (котораго Турки называютъ Mufti), онъ былъ осужденъ на смерть, съ такою, впрочемъ, милостію Шаха, что если онъ совершитъ надъ собой обрѣзаніе и пріиметъ Персидскую Вѣру, то ему будетъ дарована жизнь. Но Рудольфъ избралъ лучше смерть. Въ слѣдствіе такого рѣшенія его, Ханы и другіе знатные вельможи, охотно желавшіе сохранить ему жизнь, ради нужды въ его искуствѣ, тоже убѣдительно уговаривали его согласиться на предложенную ему великую милость Шахскую, обѣщая ему почести и богатства, если онъ, хотя не отъ сердца, но для того только, чтобы сдѣлать угодное Шаху, совершитъ надъ собой обрѣзаніе; но и этѣ убѣжденія ихъ были безуспѣшны. Твердый въ Вѣрѣ, Рудольфъ отвѣчалъ имъ: «За Шахскую милость онъ не желаетъ продавать милость Христа. Тѣло, которое онъ отдавалъ на службу Шаху, можетъ достаться Шаху, но душа нѣтъ. Душа же его отойдетъ ко Христу, который искупилъ ее своею кровью, и которому онъ, Рудольфъ, въ неколебимой вѣрѣ своей, хочетъ принести ее въ жертву пролитіемъ своей крови.» Послѣ этого его дважды выводили за ворота замка, на Майданъ, къ мѣсту казни, и снова уводили въ темницу, полагая, что въ слѣдствіе этого зрѣлища онъ пообдумаетъ свое рѣшеніе толковѣе и, можетъ быть, изъ страха измѣнитъ его. Между тѣмъ Католическіе монахи также старательно утѣшали его и уговаривали перейти въ ихъ Исповѣданіе; но Рудольфъ былъ твердъ и не хотѣлъ пошатнуться ни на правую, ни на лѣвую, сторону.

Наконецъ, когда Персіяне увидали, что они ни чего не дождутся отъ Рудольфа, и когда, къ тому же, Посланникъ Бругманъ, въ гнѣвѣ на произнесенный приговоръ, заявилъ себя довольно неистово, и приказалъ даже передать Двору свои гнѣвныя слова, Стадлеръ, по обычаю Персовъ, выданъ былъ друзьямъ убитаго, которые прежде всего нанесли ему 4 сабельные удара, одинъ въ затылокъ, другой въ лобъ и два остальные въ самое лицо. Весело и бодро Рудольфъ принялъ смерть и, падая на колѣни, сказалъ: «Рубите только смѣлѣе во имя Христа!» Послѣ этого одинъ изъ Персіянъ, подскочивъ съ озлобленіемъ и желая ударить несчастнаго саблей, далъ промахъ и поранилъ въ ногу своего сосѣда; другой ударилъ саблей по колодкѣ, которая, какъ ярмо, была надѣта на шею Рудольфа. Наконецъ третій ударъ попалъ въ шею несчастнаго, послѣ чего онъ упалъ, и тутъ уже на него посыпались сабельные удары. Такимъ-то образомъ добрый Швейцарецъ испустилъ духъ съ твердою непоколебимою вѣрою во Христа.

Въ тотъ же день Посланникъ Бругманъ, съ досады и неудовольствія на казнь, совершавшуюся надъ его свойкомъ, велѣлъ сдѣлать на ристалищѣ, устроенномъ имъ для себя одного, болѣе 100 выстрѣловъ изъ большихъ пушекъ; на ристалищѣ этомъ, кромѣ него, его прислужниковъ и констабля, не было ни кого, и всякій разъ, когда онъ совершалъ извѣстный кругъ бѣга, стрѣляли изъ пушки.

Изрубленное описаннымъ образомъ тѣло Рудольфа, съ колодкой на шеѣ, цѣлый день пролежало на площади, вечеромъ же Посланникъ Бругманъ, съ дозволенія Шаха, велѣлъ перенести его на Посольскій дворъ, и только 22-го числа, съ торжественными проводами и обрядностію, на которыхъ присутствовали Русскій Посланникъ, Сеферасъ-Бекъ, съ своими братьями, множество Армянъ и другихъ иностранцевъ изъ Европейскихъ Христіанъ, предано было землѣ.

О такой смерти и стойкости въ Христіанской Вѣрѣ Павелъ Флемингъ написалъ въ воспоминаніе и похвальное стихотвореніе, которое находится въ собраніи его сонетовъ. [1]

---

[1] Сочинитель приводитъ сдѣсь самое стихотвореніе Павла Флеминга, на Нѣмецкомъ.

Посланники хотѣли было справить похороны Рудольфа скорѣе (до 22-го числа), для чего уже 16-го числа все было изготовлено къ тому; но именно въ этотъ самый день, позднимъ вечеромъ, Шахъ, черезъ нашего Мегемандаря, прислалъ сказать намъ, что, для удовольствія Посланниковъ, онъ заказалъ охоту на нѣсколько дней, и завтра же утромъ отправляется на нее; по этому, если Гг. Посланники желаютъ участвовать въ этой охотѣ, то чтобы рано утромъ отправились вмѣстѣ съ нимъ. Нѣкоторые полагали, что Шахъ спѣшилъ охотой для того, чтобы отнять у нихъ время и помѣшать имъ присутствовать на похоронахъ Рудольфа, каковымъ присутствіемъ Посланники могли придать этѣмъ похоронамъ особую торжественность. Но, тѣмъ не менѣе, тѣло Рудольфа, послѣ того, какъ его оплакали, по обычаю, родственники его, было поставлено въ особомъ покоѣ, и похороны отложены до возвращенія Посланниковъ съ охоты.

ГЛАВА XLIII

Объ охотѣ, на которую Шахъ возилъ Посланниковъ.

17-го Октября, рано утромъ, на Польскій дворъ привели верховыхъ лошадей для поѣздки и верблюдовъ для клади, и такимъ образомъ Посланники наши, съ отцомъ Іосифомъ и нѣкоторыми изъ прислуги, въ числѣ 30 человѣкъ, отправились въ путь на охоту. Мегемандарь провелъ насъ на широкую площадь передъ городомъ, на которую тотчасъ же прибылъ и Шахъ съ своими Ханами и знатными вельможами, ѣхавшими на нѣсколькихъ богато убранныхъ, сотняхъ лошадей; самъ Шахъ былъ въ одеждѣ изъ серебряной парчи, и на мендилѣ (чалмѣ) у него воткнуто было нѣсколько журавлиныхъ перьевъ. Кромѣ лошадей со всадниками, въ этомъ поѣздѣ вели еще множество лошадей безъ

языкѣ, а за нимъ еще 2 небольшія стихотворенія, на тотъ же случай, на Латинскомъ языкѣ. См. подл. стр. 523. Перев.

всадниковъ, покрытыхъ попонами изъ золотой парчи, унизанной дорогими каменьями и снаряженныхъ такой же золотою сбруей. Шахъ ласковымъ поклономъ привѣтствовалъ Пословъ и пригласилъ ихъ ѣхать рядомъ съ собою, по лѣвую его сторону.

Въ поѣздѣ Хановъ, вельможъ и слугъ, слѣдовавшихъ за Шахомъ, не соблюдалось ни какого порядка, но всѣ ѣхали перемѣшанные, какъ попало, другъ съ другомъ и въ кучѣ. Тутъ же находился и Шахскій Минаджимъ или астрологъ, который почти постоянно обязанъ былъ находиться при Шахѣ и, какъ оракулъ, обозначать счастливые и несчастливые часы. Путешествіе въ этотъ день простиралось только на 3 мили, до одного Армянскаго селенія. Во время пути Шахъ нѣсколько разъ перемѣнялъ лошадь, а однажды и одежду свою. Такъ дѣлалъ онъ ежедневно, въ продолженіи всего времени охоты.

Охота и забава въ этотъ день заключались только въ спускѣ соколовъ, которые преслѣдовали и били цапель, журавлей, утокъ и воронъ, частію попадавшихся въ полѣ, частію же выпускаемыхъ для того самими охотниками. Къ полудню мы достигли до назначеннаго селенія, гдѣ было уже раскинуто множество палатокъ всевозможныхъ цвѣтовъ, что представляло довольно пріятное зрѣлище. Шахъ, въ сопровожденіи Хановъ, отправился въ особую бесѣдку, въ которую немного спустя приглашены были къ столу и наши Посланники, съ важнѣйшими изъ спутниковъ своихъ. Обѣдали, по обыкновенію Персіянъ, начавъ съ плодовъ и сластей, а за тѣмъ уже всякія кушанья, которыя принесены были на большихъ, похожихъ на наши навозныя, носилкахъ, обитыхъ золотомъ, и за тѣмъ уже съ этѣхъ носилокъ передъ каждымъ ставилось особое кушанье на отдѣльныхъ блюдахъ, которыя всѣ были изъ чистаго золота.

Послѣ обѣда Мегемандарь повелъ Посланниковъ на ночлегъ въ другое, недалеко отъ сказаннаго лежащее, селеніе. Жители этѣхъ обоихъ селеній назывались: Desach и Werende, по мѣстности, которую они нѣкогда населяли, не вдалекѣ отъ Ируана (Iruan) и изъ которой переселилъ ихъ сюда Шахъ Абасъ, и были они Армяне. Узнавши, что мы Христіяне, они не знали, какъ и

угодить намъ, надавали намъ въ подарокъ множество прекрасныхъ плодовъ и дорогаго вина. Армянскій Правитель, Сеферасъ-Бекъ, съ нѣсколькими знатными вельможами, также посѣтили сдѣсь Посланниковъ, были очень имъ рады и подарили имъ двухъ козловъ, козуль, у Персовъ Ahu называемыхъ, и нѣсколькихъ цапель, и все это Посланники велѣли отправить въ Испагань на поварню.

Когда Шахъ узналъ, что Мегемандарь увелъ насъ отъ него и помѣстилъ въ другомъ селеніи, то сильно разгнѣвался на него, велѣлъ въ тотъ же вечеръ воротить насъ назадъ и помѣстить въ домѣ, близъ его покоя. Только что прибыли мы въ это новое помѣщаніе, какъ принесли къ намъ множество плодовъ и кушаній на золотыхъ блюдахъ, присланныхъ отъ Шаха.

18-го числа, рано утромъ, еще до восхода солнца, Шахъ приказалъ объявить, что онъ отправляется на ловлю журавлей только съ немногими лицами, при чемъ Посланники могутъ прибыть на охоту только самъ третей, чтобы большимъ шумомъ не распугать птицъ. Посланники поѣхали верхами одни съ отцомъ Іосифомъ; но вскорѣ за тѣмъ, когда занялся день и ловля кончилась, потребовали и остальной народъ на мѣсто ловли. На мѣстѣ этомъ устроенъ былъ въ землѣ крытый ходъ, и въ концѣ его птицеловный токъ, усыпанный зерномъ, на который налетѣло множество журавлей и изъ нихъ поймано было до 80 штукъ. Шахъ воткнулъ въ свою чалму нѣсколько перьевъ изъ этѣхъ наловленныхъ журавлей, и каждому Посланнику далъ по два пера, чтобы они ихъ также воткнули въ свои шляпы. За тѣмъ до обѣда мы еще объѣхали кругомъ поле и поймали соколами тоже нѣсколько птицъ. Обѣдали мы опять въ прежнемъ селеніи, при чемъ играли Шахскіе музыканты и Шахъ былъ чрезвычайно веселъ.

Вечеромъ Шахъ пригласилъ Гг. Посланниковъ, съ 6-ю изъ спутниковъ ихъ, на охоту на утокъ и дикихъ гусей, которая назначена была въ полумили отъ селенія. Когда прибыли на назначенное мѣсто, Шахъ, Посланники и остальной народъ сошли съ лошадей и прошли разстояніе въ 2 выстрѣла изъ лука къ длинной землянкѣ, набросанной изъ земли, позади которой, на берегу небольшой рѣчки, разложены были скрытно тенета; на этой рѣчкѣ

слеталось обыкновенно множество разной пернатой дичи. Всѣ присутствовавшіе на охотѣ приглашены были къ Шаху въ землянку, гдѣ, усѣвшись по стѣнамъ вокругъ, распили съ нимъ нѣсколько флягъ вина. Посидѣвши такимъ образомъ до поздняго вечера и не дождавшись ни одной птицы, охотники поѣхали назадъ, на ночлегъ. Къ ужину Шахъ вторично прислалъ Посланникамъ нѣсколько большихъ золотыхъ блюдъ съ холодной бараниной, огромную чашу кислаго овечьяго молока, сыру, нѣсколько чашъ лимоновъ и другихъ свѣжихъ и вареныхъ плодовъ.

На слѣдующій день Шахъ назначилъ звѣриную охоту, пригласилъ на нее Посланниковъ, со всѣми спутниками ихъ, и приказалъ взять множество соколовъ, три ученыхъ леопарда и нѣсколько собакъ. Проѣздивши довольно порядочное время и не встрѣтивъ въ полѣ ни чего, Шахъ повелъ насъ въ огромный звѣринецъ, имѣвшій въ окружности добрую милю. Звѣринецъ этотъ Персіяне называли Гасарджирибъ (Hasartzirib), такъ какъ онъ представлялъ собой площадь, на которой высѣвается тысяча четвериковъ зерна, обведенъ высокими каменными стѣнами и раздѣленъ на 3 отдѣльныя части. Въ 1-й содержались олени, зайцы и лисицы; во 2-й помянутыя выше козули Ahu (лани), и въ 3-ей дикіе ослы, которыхъ Персіяне называютъ курганами (Khurhan). Прежде всего Шахъ велѣлъ спустить леопардовъ на Ahu, и три изъ этѣхъ козуль были пойманы. Когда мы пришли въ отдѣленіе дикихъ ословъ, и увидѣли одного изъ нихъ, стоявшаго спокойно на одномъ мѣстѣ, Шахъ предложилъ Посланнику Бругману выстрѣлить въ него изъ пистолета. Выстрѣлъ этотъ оказался неудачнымъ; тогда Шахъ съ улыбкой взялъ лукъ свой и стрѣлу, пустилъ въ бѣжавшаго на всемъ скаку осла, и попалъ ему прямо въ брюхо. Другого за тѣмъ осла онъ убилъ, попавши ему стрѣлой въ середину лба, и послѣ того онъ положилъ еще нѣсколько ословъ.

Видно было, что Шахъ отлично стрѣлялъ изъ лука и рубилъ саблей. Онъ ни разу не стрѣлялъ иначе, какъ сидя на лошади и когда дикій звѣрь и лошадь его скакали во всю прыть, и при этомъ ни одного выстрѣла не было сдѣлано мимо. Увидѣвши одного осла, совершенно смирнаго, ходившаго спокойно и не бѣгавшаго отъ людей, Шахъ сошелъ съ лошади, нанесъ ему

ударъ саблей по спинѣ; и разсѣкъ этимъ ударомъ животное до половины брюха; другой ударъ онъ сдѣлалъ по шеѣ этого осла, и немного только не отрубилъ имъ совершенно шеи отъ туловища. Послѣ этого одинъ изъ Хановъ принялъ отъ него окровавленную саблю, вытеръ ее и снова вложилъ въ ножны. За тѣмъ всѣ мы вмѣстѣ поѣхали на нѣсколько выстрѣловъ изъ лука далѣе, къ малому звѣринцу, находившемуся въ срединѣ того же сада.

Въ то время когда мы ѣхали такимъ образомъ, между двумя изъ Шахскихъ оруженосцевъ, носившихъ за нимъ его длинныя ружья, произошла слѣдующая непріятность. Шахъ приказалъ младшему и менѣе значительному изъ нихъ, выстрѣлить въ одного осла, раненаго уже стрѣлой; старшій же и болѣе знатный не хотѣлъ уступить эту честь младшему, тотчасъ погнался за животнымъ, выстрѣлилъ по немъ, но далъ промахъ, и по тому былъ поднятъ на смѣхъ. Разсерженный своею неудачей, онъ пропустилъ Шаха проѣхать нѣсколько впередъ, налетѣлъ на младшаго и отрубилъ ему на рукѣ большой палецъ. Этотъ бросился къ Шаху съ жалобой, и тотъ велѣлъ было уже отрубить виновному голову, но, по ходатайству находившихся на охотѣ, оставилъ ему жизнь, но приказалъ отрѣзать ему оба уха. Персіянинъ, которому поручено было исполнить наказаніе, покривилъ душею, и оставилъ было по половинѣ уха на каждой сторонѣ; но замѣтивъ это, Великій Маршалъ, Мортуса-Кули-Ханъ, воротился назадъ къ наказанному, сошелъ съ лошади и самъ своимъ ножемъ обрѣзалъ остатки ушей гладко до самой головы. Мы только удивлялись, что въ Персіи Ханы и Князья не стыдятся отправлять обязанности палачей.

Въ упомянутомъ сейчасъ маломъ звѣринцѣ было обнесенное каменной стѣной пространство или театръ, въ которомъ Шахъ и расположился теперь съ нами. Сдѣсь сначала принесли и разставили сласти, и нѣсколько разъ мы выпили по круговой чашѣ вина; за тѣмъ сюда пригнали 32 головы дикихъ ословъ, по которымъ Шахъ сдѣлалъ нѣсколько выстрѣловъ изъ лука и ружья, а послѣ него стрѣляли и остальные, всякій, кто только хотѣлъ. Это было поразительное зрѣлище: нѣкоторые ослы бѣ-

гали, имѣя въ тѣлѣ своемъ по 10 и болѣе вонзенныхъ стрѣлъ, прошедшихъ иногда на сквозь животнаго, и когда они тѣснились въ кучу между собой и кололи этѣми стрѣлами другихъ, здоровыхъ, ословъ, то начинали биться и грызться другъ съ другомъ. Когда эти 32 осла [1] всѣ были перестрѣляны, или зарублены саблями, пригнаны были козули Ahu, и изъ нихъ также убито было до 30 головъ: всѣ они рядомъ разложены были передъ Шахомъ, и потомъ отосланы въ Испагань, на Шахскую поварню.

Kuhr или дикаго осла Персы считаютъ за чрезвычайно деликатное, Царское, кушанье, по чему въ ихъ «Долинѣ розъ» есть слѣдующіе изреченіе:

اکر بریان کند بهرام کوری
نه چون پای ملخ بلشد زموري

Eger birjan kuned Bahram kuri,
Netzün pai malahh basched semuri.

Что значитъ:

«У Барама (Bahram) есть жареная ослятина, и пусть она будетъ годной для него; на твои же глаза она должна быть ничтожнѣе лапки саранчи!»

Bahram былъ Царь Персидскій, очень высоко цѣнилъ жареное изъ дикаго осла, и часто заказывалъ это блюдо къ своему столу. Приведеннымъ сейчасъ изреченіемъ Персіяне хотѣли выразить, что не слѣдуетъ очень пускать слюни на столъ великихъ господъ и лакомыя кушанья, но каждый долженъ также высоко ставить, и даже ещё выше этѣхъ яствъ, выпавшую ему собственную часть.

По окончаніи описанной охоты, Шахъ приказалъ изготовить въ томъ же дворѣ обѣденный столъ, за которымъ Посланникъ

[1] Въ подлинникѣ значится 22, очевидная опечатка. Перев.

Бругманъ отъ своего лица подарилъ Шаху портретъ Его Княжеской Свѣтлости, Милостивѣйшаго Государя Нашего, вдѣланный въ ящикѣ, выложенномъ множествомъ брилліантовъ, вмѣстѣ съ особымъ брилліантомъ и прекраснымъ стальнымъ зеркаломъ, вышлифованнымъ и выполированнымъ съ обѣихъ сторонъ. Послѣ обѣда разошлись мы изъ сада на полденный отдыхъ въ нѣсколько домовъ, не вдалекѣ лежавшихъ. Въ слѣдъ за нами Шахъ тотчасъ же прислалъ намъ 10 козуль (Ahu) и одного чрезвычайно большаго оленя, у котораго рога были съ 12-ю отростками. Не много спустя пришелъ и вѣстникъ съ извѣстіемъ, что Шахъ опять поднялся уже на охоту; мы тотчасъ же поѣхали въ слѣдъ за нимъ, и нашли его на соколиной охотѣ.

Шахъ взялъ съ собой 9 человѣкъ изъ своихъ спутниковъ и Посланниковъ самъ-шесть съ Посольскими, и повелъ насъ въ длинную, низкую со сводами, галерею. За этой галереей около рѣки устроена была приманка для дикихъ утокъ и гусей. Мы расположились и усѣлись въ галереѣ, гдѣ Шаху пришла вдругъ охота выпить, и онъ приказалъ подчивать всѣхъ кругомъ виномъ; онъ до того развеселился съ нами, что забылъ объ удовольствіи ловить птицъ; да по громкому разговору нашему и шуму ни одна птица и не присѣла на приманку.

Фонъ Мандельсло удостоился здѣсь чести налить и поднести Шаху чашу вина. Когда Шахъ выпилъ эту чашу, и Мандельсло поцѣловалъ его въ ногу, то, въ знакъ особой милости, Шахъ далъ Мандельсло яблоко, что и возбудило къ нему потомъ великую дружбу знатныхъ вельможъ и придворныхъ людей, какъ это обыкновенно бываетъ при дворѣ.

Kerekjeṛak или Шахскій Гофмейстеръ, по имени Магумедъ Али-Бекъ (Mahumed Ali bek), угощаясь и попивая въ продолженіи нѣсколькихъ часовъ передъ Шахомъ, напился до такой степени, что пьяный усѣлся на полу у двери и началъ шумѣть. Шахъ приказалъ двумъ изъ своихъ приближенныхъ вывести его и отправить на лошади; по этому приказанію Гофмейстеръ хотя и дозволилъ вывести себя вонъ, но за тѣмъ ни какъ не хотѣлъ сѣсть на лошадь и сталъ бранить и проклинать проводниковъ своихъ, угро-

подбивавшихъ его къ тому. Увидя это, Шахъ вышелъ самъ на дворъ, схватилъ Гофмейстера за руку, и повелъ его къ лошади; но Гофмейстеръ и его тоже началъ обносить бранью. Шахъ приказывалъ сначала Гофмейстеру усѣсться на лошадь добрыми словами; но видя, что этотъ послѣдній и не думаетъ совсѣмъ послушаться его, обнажилъ свою саблю и замахнулся ею на непослушнаго. Полагая голову свою уже пропавшею, Гофмейстеръ поднялъ такой жалобный крикъ, что другіе также перепугались за него и сочли его погибшимъ; ибо хотя Магуметъ Али-Бекъ находился у Шаха въ большомъ почетѣ и милости; но, по многимъ бывшимъ уже кровавымъ примѣрамъ, имъ также хорошо былъ извѣстенъ и вспыльчивый нравъ Шака, пересиливавшій часто подобную милость. На этотъ разъ, впрочемъ, это была только шутка. Когда страхъ сдѣлалъ ноги Гофмейстера легче, нежели насколько хмѣль сдѣлалъ ихъ тяжелыми, то онъ не медлилъ уже исполнить Шахское приказаніе, тотчасъ вскочилъ на лошадь и уѣхалъ оттуда домой. Шахъ съ улыбкою возвратился опять къ хижинѣ, но вскорѣ за тѣмъ и самъ отправился на ночлегъ, а за нимъ и мы также.

На слѣдующее утро, именно 20-го Октября, Шахъ опять приказалъ просить насъ къ своему столу, который назначался въ одномъ прекрасномъ саду, подлѣ бесѣдки и рѣки. Во все время стола кругомъ стояли и прислуживали около сотни храбрыхъ и разодѣтыхъ молодыхъ Персіянъ. На этомъ обѣдѣ и многіе изъ насъ охотнѣе бы постояли, чѣмъ посидѣли съ такою пышностію; ибо Персидскій способъ сидѣть за столомъ очень тягостенъ былъ для нашихъ Нѣмецкихъ ногъ. Послѣ стола поѣхали мы верхомъ всѣ вмѣстѣ въ одно селеніе, за полторы мили отъ города, и на дорогѣ одинъ изъ спущенныхъ соколовъ поймалъ бѣлую цаплю. 21-го числа, ранехонько утромъ, Шахъ прислалъ просить насъ на голубиную охоту. Онъ повелъ насъ на одну круглую высокую башню, которая внутри кругомъ вся была усѣяна выложенными изъ камня норами для голубей, гнѣздившихся тамъ болѣе тысячи штукъ. Каждому изъ присутствовавшихъ дано было въ руки по палкѣ, въ видѣ вилъ, и съ такою-то палкой Шахъ и всѣ мы стали вокругъ башни у оконныхъ отверстій. Расположившись такъ, трубачамъ нашимъ велѣно было затрубить погромче въ

трубы, отъ чего, спугнутые голуби, въ нѣсколько сотенъ, полетѣли вонъ изъ башни, гдѣ и были перебиты большею частію самимъ Шахомъ и нами. Такимъ избіеніемъ голубей и Царской потѣхой охота закончена, и мы отправились обратно въ городъ Испагань. Передъ городомъ Шахъ пригласилъ насъ еще въ великолѣпнѣйшій и обширный садъ, называемый Tzarbach, какого не видали мы въ цѣлой Персіи. Въ этомъ саду насъ угощали еще разъ. Только что возратились мы домой на Посольскій дворъ, какъ, вѣ слѣдъ за нами, Шахъ прислалъ намъ 20 дикихъ утокъ и 20 голубей, привезенныхъ съ охоты. Но птицы этѣ полетѣли сейчасъ же на крыльяхъ любви въ Армянскіе и Nessena дома.

ГЛАВА XLIV.

Объ особенной Шахской охотѣ, при которой находились и жены Шаха. Также о щедрости Шаха Сефи.

Черезъ нѣсколько дней послѣ описаннаго Шахъ снова отправился на охоту съ своимъ сералемъ. За нѣсколько часовъ передъ поѣздомъ этимъ, Tzartzi или глашатай дѣлалъ громогласное о томъ возвѣщеніе, на тѣхъ улицахъ, по которымъ долженъ былъ совершаться поѣздъ, для того, чтобы люди сидѣли по домамъ и не показывались на этѣхъ улицахъ, пока не пройдетъ поѣздъ. У Персіанъ такой обычай: когда Шахъ выѣзжаетъ куда ни будь съ своимъ сералемъ, то чтобы ни кого по улицамъ, или на разстояніи ружейнаго выстрѣла, не было видно; иначе всякаго стрѣляютъ, какъ собаку, не смотря на то, что всѣхъ женъ возятъ на верблюдахъ обыкновенно въ извѣстныхъ ящикахъ, такъ что ни одной изъ женъ и увидѣть нельзя. Шахъ обыкновенно выѣзжаетъ съ своими придворными за полчаса впередъ, а потомъ уже ѣдутъ за нимъ и жены съ евнухами или оскопленными прислужниками. Выѣхавъ въ поле, жены садятся на лошадей, забавляются лукомъ, стрѣлами и соколами также, какъ и мужчины; но при этомъ всѣ вельможи и слуги не должны показываться на цѣлую четверть мили отъ нихъ. Мужчины въ это

время потѣшаются отдѣльной охотой, и ждутъ, пока не попрячутъ Царскихъ женъ, которыхъ сзываетъ Шахъ черезъ одного изъ евнуховъ, прислуживающихъ сдѣсь во множествѣ. Съ такой-то охоты Шахъ возвратился домой 6-го Ноября и, вмѣстѣ съ своими придворными, до того былъ пьянъ, что всѣ они едва держались на лошадяхъ. Возвращаясь домой, Шахъ у сада Джарбаха (Tzarbach) усѣлся на длинномъ мосту съ своими Ханами, порядкомъ выпилъ сдѣсь, и когда вино начало дѣйствовать, онъ обнажилъ свою саблю и началъ ею размахивать надъ головою своею; Ханы же пѣли при этомъ пѣсни, плясали передъ Шахомъ, и это ему такъ понравилось, что онъ тутъ же одѣлилъ нѣкоторыхъ богатыми подарками. Будучи вспыльчивымъ и кровожаднымъ Государемъ, Шахъ, когда бывалъ въ духѣ и веселъ, особенно выпивши, былъ и весьма щедръ, дарилъ иногда такъ много, что потомъ самому становилось жалко. Черезъ восемь дней послѣ описанной попойки, случилось, что Шаху опять припала охота выпить; послѣ стола, когда всѣ его собесѣдники, кромѣ Eahtemad döwlet и нѣсколько главныхъ евнуховъ, поразошлись, Шахъ, уже выпившій, приказалъ налить большую чашу вина и предложилъ ее Канцлеру выпить за его Царское здоровье. Канцлеръ, не бывши охотникомъ до выпивки, отговаривался, что онъ пить не можетъ, и что это положительно вредно для его здоровья; въ слѣдствіе этого Шахъ обнажилъ свою саблю и положилъ ее подлѣ чаши съ виномъ, угрожая, что Канцлеръ долженъ или выпить вино, или пролить кровь свою. Канцлеръ, видя, что дѣло идетъ не на шутку, рѣшился выпить вино, сдѣлалъ нѣсколько глотковъ и попросилъ отдыху; воспользовавшись же случаемъ, что Шахъ отвернулся отъ него и заговорился съ другимъ, онъ ушелъ тихонько и скрылся. Шахъ хоть и разгнѣвался было, но когда ему доложили, что нигдѣ не нашли Канцлера, усмирился и предложилъ выпить чашу одному Ахта (Achta) или евнуху. Когда же и этотъ началъ отказываться, говоря, что уже давно не употреблялъ вина, совершенно отвыкъ отъ него, и что, пожалуй, если выпьетъ теперь предлагаемую чашу, то помретъ, Шахъ какъ сидѣлъ, такъ и разсѣкъ ему саблей ногу, а Мегетеру (Meheter) или камердинеру своему, который рѣшился не допустить Шаха совсѣмъ зарубить евнуха, нанесъ рану въ руку. Когда оба этѣ прислужники удалились,

Шахъ все таки хотѣлъ, чтобы чашка, назначенная имъ къ выпивкѣ, не осталась не выпитой; и по тому позвалъ къ себѣ одного изъ своихъ пажей, Алимердавъ-Хана (Alymerdanchan), сына Хана Кандагарскаго, красиваго мальчика, и спросилъ его: «Вѣрный ли онъ слуга ему, и не можетъ ли онъ выпить оказанную чашу?» Пажъ отвѣчалъ: «Онъ не знаетъ, что будетъ по его силамъ, но сдѣлаетъ все, что можетъ;» при этомъ онъ сталъ передъ Шахомъ на колѣни и нѣсколько разъ отпилъ изъ чаши, такъ какъ ему дозволено дѣлать передышку. Вино и ласковая рѣчь Шаха придали мальчику откровенности и смѣлости; онъ приподнялся на ноги, обнялъ вокругъ шеи Шаха, поцѣловалъ и сказалъ ему по Турецки: «Patschahümse, Alla taala menum itzün tschok jasch wersun!» т. е., «Боже, продли для меня жизнь Царя на многія лѣта!» Это такъ понравилось Шаху, что онъ тутъ же приказалъ достать изъ своего казнохранилища саблю, усѣянную на рукояткѣ, ножнахъ и поясѣ драгоцѣнными бриліянтами, и стоившую нѣсколько сотъ тумановъ, и подарилъ ее мальчику. Другому мальчику, который, по соизволенію Шаха, также помогалъ пить вино Бенъ-Алимендару (Ben Allymerdan), тоже подарилъ богатую саблю, а третьему, бывшему тутъ же, золотую чашу. На другой день послѣ этого Шахъ былъ очень печаленъ, поѣхалъ верхомъ въ большой садъ и сидѣлъ на лошади въ такой глубокой задумчивости, что предоставилъ ей свободный ходъ, опустивъ поводья. Когда же догадались, что причиной такого печальнаго настроенія Шаха могли быть, между прочимъ, весьма цѣнные подарки, сдѣланные имъ на канунѣ, то выкупили большими деньгами прекраснѣйшія сабли и чаши, точно также, какъ это было въ другой разъ съ раздаренными золотыми чашами.

ГЛАВА XLV.

О двухъ пирахъ Государственнаго Канцлера; что мы видѣли на этихъ пирахъ, и о самомъ Государственномъ Канцлерѣ. Также объ обрѣзаніи Армянскаго Князя.

19-го Ноября Eahtemad döwlet или Государственный Канцлеръ давалъ нашимъ Посланникамъ большой пиръ, въ велико-

лѣпномъ залѣ, который тотчасъ же при входѣ представлялъ восхитительное зрѣлище. Посреди передней комнаты находился огромный водометъ, который нѣсколькими трубами металъ воду вверхъ, на высоту взрослаго человѣка. Главный залъ, увѣшанный по стѣнамъ на верху, какъ и въ домѣ Сеферасъ-Бека, множествомъ картинъ Европейской работы, изображающихъ женскія одежды различныхъ народовъ, внизу украшенъ былъ множествомъ большихъ и нѣсколькими сотнями маленькихъ зеркалъ, которыя всѣ вдѣланы были въ стѣнахъ въ извѣстномъ порядкѣ, и такъ искусно расположены, что, стоя посреди залы, можно было видѣть нѣсколько своихъ изображеній въ одно время и со всѣхъ сторонъ. Подобный же, но еще болѣе прекрасный, зеркальный покой, въ которомъ по стѣнамъ и на потолкѣ не было и на ладонь пространства, не занятаго зеркалами, есть и въ Царскихъ палатахъ, подлѣ помѣщенія женъ его.

Угощенія, вкусно изготовленныя, разставлены были на серебряныхъ блюдахъ. Во время пира играли Царскіе музыканты и плясали танцовщицы, тѣ самыя, что и прежде, въ присутствіи Шаха. Танцовщицы этѣ во время плясокъ представляли разные забавные фокусы. Такъ, одна изъ нихъ поставила на полу горшокъ, вышиной почти съ локоть, прыгала вокругъ него, и прежде чѣмъ мы успѣли замѣтить, схватила его между ногъ, продолжала прыгать и порхать съ такою легкостью, какъ будьто у нея не было ни чего, и за тѣмъ, съ особенною ловкостью, все танцуя, поставила опять горшокъ на прежнее мѣсто, съ котораго она взяла его, и продолжала свою пляску, не останавливаясь ни сколько.

Такія Kachbeha должны угождать и служить гостямъ не только пляской, но и для удовлетворенія иныхъ пожеланій ихъ. Ибо хозяинъ предлагаетъ обыкновенно гостямъ всякаго рода удовольствія и наслажденія, какими только онъ въ состояніи угостить ихъ; между прочимъ, это плотское наслажденіе Персіяне считаютъ непослѣднимъ и дозволительнымъ. По этому, на всѣхъ знатныхъ пирушкахъ, кромѣ музыкантовъ, непремѣнно бываютъ и такія плясуньи вездѣ, за исключеніемъ Ардебиля; изъ котораго, какъ изъ священнаго мѣста, Шахъ Абасъ изгналъ

всѣхъ непотребныхъ женщинъ. За попойкой хозяинъ обыкновенно предлагаетъ гостямъ своимъ сказанныхъ женщинъ употребить для дальнѣйшихъ наслажденій, какую угодно. Желающій отправляется съ избранною имъ въ особую, нарочно для того приготовленную, комнату, и за тѣмъ, безъ всякаго стыда, возвращается снова гость на свое мѣсто, а танцовщица къ своимъ танцамъ. Если же кому не нравится такая пошлость, тотъ откланивается хозяину съ благодарностію за его предложеніе.

Послѣ обѣда музыканты и танцовщицы разошлись по домамъ, Посланники же, долженствовавшіе имѣть еще тайное совѣщаніе съ Канцлеромъ, остались тамъ, а насъ повели тѣмъ временемъ въ садъ, гдѣ продолжали еще угощать плодами и виномъ.

Названный Eahtemad dowlet или Канцлеръ, по имени Tagge (Tagge), былъ человѣкъ лѣтъ 60, съ однимъ голубымъ и другимъ чернымъ глазомъ, полный лицомъ, желтоватаго съ примѣсью краснаго цвѣта. Его по этому и прозвали по Турецки Sarü Tagge; у него не было бороды, по тому что онъ былъ Achta или оскопленный, и случилось это съ нимъ такъ: онъ былъ при Шахѣ Абасѣ писаремъ въ Kentze, и запримѣтивъ одного красиваго мальчика, возгорѣлъ страстью къ нему, завлекъ его и изнасиловалъ. Мальчикъ этотъ съ отцомъ своимъ обратился къ Шаху съ жалобой на такое безчестіе, и Шахъ далъ приказъ: отрѣзать Сарю Tarre Sijk (такъ называютъ они мужескій дѣтородный удъ), со всѣми принадлежностями, въ гладь съ брюхомъ. Другіе же разсказывали это иначе, а именно: когда слухъ о такомъ строгомъ наказаніи Царскомъ, съ добавленіемъ, еще, что виновный долженъ лишиться при этомъ и головы, дошелъ да Сарю Tarre, то, изъ страха смерти, онъ самъ поднялъ на себя руки, вырѣзавъ себѣ бритвою свой членъ и представилъ его Шаху съ просьбой, пощадить его голову, безъ которой онъ не можетъ сослужить Шаху ни какой службы; безъ члена же, на противъ, онъ можетъ оказать Шаху добрую службу; при томъ же, что согрѣшило, то и потерпѣло наказаніе. Шахъ Абасъ удивился такому мужеству, приказалъ вылѣчить оскопившаго себя, и возвысилъ его, за его свѣтлый умъ, сдѣлавши его Секретаремъ въ своей Канцеляріи. А Шахъ Сефи, послѣ того, какъ за-

рубилъ саблей своего стараго Государственнаго Канцлера, прислалъ Сарю Тагге, по обычаю Персовъ, золотую Dawat или чернилицу, и возвелъ его въ эту высокую должность Канцлера.

21-го Ноября Eahtemat döwlet, по Шахскому приказу, вторично пригласилъ Посланниковъ къ себѣ, для тайныхъ совѣщаній, чтобы постановить окончательное рѣшеніе по нашему дѣлу. Насъ опять угощали сдѣсь отлично, хотя и не такимъ, какъ прежде, образомъ.

29-го числа, двое братьевъ знакомыхъ нашихъ Армянъ, Сеферасъ-Бекъ и Илія-Бекъ, посѣтили Посланниковъ и, между прочимъ, разсказывали намъ, что хотя они и пользовались добрымъ расположеніемъ къ нимъ настоящаго Шаха Сефи, равно какъ бывшаго отца его, Шаха Абаса, но что тѣмъ не менѣе, съ Шахомъ Сефи шутить опасно, и надо хорошо обдумывать, что говоришь съ нимъ. Однажды, въ веселый часъ, Шахъ этотъ, желая выразить особую милость свою къ Иліи-Беку, сказалъ ему, что если бъ онъ совершилъ надъ собой обрѣзаніе и принялъ Магометанскую Вѣру, то заслужилъ бы тѣмъ вдвое большее къ себѣ расположеніе. Илія-Бекъ въ шутку отвѣчалъ ему на это, что можетъ быть это и случится когда ни будь, но что теперь не время думать объ этомъ и Шаху надо веселиться. На этомъ дѣло пока и осталось. Но въ послѣдствіи времени, когда производился судъ надъ Рудольфомъ Стадлеромъ, и ему, для спасенія жизни и пріобрѣтенія Царской милости, предлагали принять Магометанскую Вѣру, а онъ, Стадлеръ, отвергъ такое предложеніе, Шахъ вспомнилъ и прислалъ также къ Иліи-Беку, чтобы онъ исполнилъ свое обѣщаніе, сказанное въ шутку, и чтобы совершилъ надъ собой обрѣзаніе; когда же Илія-Бекъ не соглашался на это, то его обрѣзали насильно. Будучи такимъ образомъ обрѣзаннымъ, онъ въ душѣ все таки оставался истиннымъ Христіаниномъ; однако, хотя онъ и старался казаться веселымъ, по своему обыкновенію, но веселость эта уже не была въ немъ такою сердечною и непринужденною, какъ прежде.

ГЛАВА XLVI.

О подаркахъ Шаха и другихъ Вельможъ Посланникамъ и нѣкоторымъ изъ нашихъ. Также о послѣднемъ открытомъ представленіи и прощаніи.

2-го Декабря пришелъ нашъ Мегемандаръ, Абасъ-Кули-Бекъ, и принесъ намъ отъ Шаха подарки, которые были слѣдующіе:

1. Для каждаго Посланника по лошади, съ сѣдлами и уздою. Сѣдла обтянуты были плотнымъ листовымъ чистымъ золотомъ, а уздечки и головные приборы густо обиты толстыми золотыми же шишками. Лошадь Бругмана оказалась, впрочемъ, больной.

2. Двѣ Персидскія одежды изъ самой лучшей золотой парчи, съ прекрасными, принадлежащими къ нимъ, Mendilea и Mianbend, т. е., головными повязками (чалмами) и поясами.

3. Сто пять кусковъ всякаго рода шелковыхъ тканей, атласу, камки, Darai или двойной тафты, также выбойки, и тому подобныхъ матерій, пятнадцать разборовъ.

Кромѣ того, обоимъ Посланникамъ, на путевое продовольствіе прислано было 200 тумановъ или 3,333 рейхсталера, которые всѣ взялъ одинъ Бругманъ, и часть изъ нихъ выдалъ на продовольствіе Посольскимъ людямъ, а часть подарилъ своимъ Армянскимъ пріятелямъ.

Царскіе подарки для другихъ Посольскихъ Чиновъ были: пяти Чинамъ, важнѣйшимъ послѣ Посланниковъ, каждому по одному кафтану атласному и по одному изъ двойной тафты; и тѣ и другіе вышитые золотыми и пестрыми цвѣтами.

Остальнымъ Гофъ-Юнкерамъ каждому по кафтану изъ обьяри (волнистой тафты), вышитому золотомъ. Нижнимъ же чинамъ ни чего.

На слѣдующій день, т. е., 3-го Декабря, Шахъ приказалъ просить къ себѣ и къ столу уже въ послѣдній разъ Гг. Посланниковъ, вмѣстѣ со всѣми Посольскими людьми. При этомъ Мегемандарь объявилъ намъ, чтобы мы, согласно обычаю ихъ, сверхъ нашихъ одеждъ надѣли на себя лучшіе, подаренные намъ Шахомъ, кафтаны, и въ такомъ видѣ явились бы къ Шаху. Сначала Посланники воспротивились было этому, но когда Мегемандарь настоятельно просилъ исполнить его предложеніе, поставляя на видъ (что подтвердили и другіе Персіяне), что не соблюденіе этого обычая не понравится Шаху, ибо и всѣ другіе Послы тоже дѣлаютъ это; Посланники согласились наконецъ, накинули на плечи себѣ, также какъ и всѣ мы, самые лучшіе дареные кафтаны, и такъ и поѣхали на представленіе къ Шаху.

Шахъ сидѣлъ опять въ описанной выше залѣ, Диванъ-Ханѣ, съ прежнею пышностію, и все было съ тою же обрядностію, какъ въ первое представленіе наше и ни въ чемъ ни какого измѣненія.

Когда сласти стояли еще на столѣ, Eahtemad döwlet или Государственный Канцлеръ, Сарю Тагге, по обычаю своему, приказалъ принести и принести Шаху богатѣйшіе подарки, а именно: 12 прекрасныхъ лошадей, съ дорогими попонами, 49 верблюдовъ, съ Турецкими коврами и прекрасными войлоками, называемыми Кеббе (Kebbe) и сдѣланными изъ шерсти весьма чисто; 15 муловъ, 1000 тумѣновъ чистыми деньгами, и каждый туманъ несенъ былъ особымъ человѣкомъ на рукѣ, въ раскрашенномъ кошелѣ, 40 штукъ золотой парчи, множество шелковыхъ товаровъ и другихъ вещей, что все одно за другимъ, цѣлые полтора часа проносилось мимо палатъ въ Царское казнохранилище. Такіе подарки Государственный Канцлеръ обязанъ доставлять Шаху однажды, а иногда и дважды, въ годъ. Откуда же беретъ онъ ихъ и для чего онъ дѣлаетъ, о томъ не заведлю сказать ниже.

Послѣ стола Великій Маршалъ и Курджибаши (Kurtzibaschi) опять подвели Посланниковъ къ Шаху, для прощанія съ нимъ. Вручая вѣрительныя грамоты, Шахъ приказывалъ передать свой дружескій привѣтъ Его Княжеской Милости, Герцогу Шлезвигъ-

Голштинскому и проч., и вызывался, что отплатитъ ему посольствомъ его собственныхъ Посланниковъ. Наши Посланники съ подобающимъ почтеніемъ отблагодарили его за это и за полученныя ими отъ него высокія милости; затѣмъ, взявъ свой отпускъ, мы поѣхали опять домой, въ своихъ дареныхъ кафтанахъ.

4-го числа Русскій Посланникъ, Алексѣй Савиновичъ, былъ у Государственнаго Канцлера, и черезъ него также учинилъ прощаніе на имя Шаха, такъ что онъ, вмѣстѣ съ нами, опять долженъ былъ возвратиться домой. Въ слѣдующіе за тѣмъ дни знатные придворные вельможи, которые уже прежде получили подарки отъ нашихъ Посланниковъ, присылали намъ ихъ отвѣтные подарки; именно: 5-го числа Хосровъ Султанъ (Chosrow Sulthan) прислалъ двѣ лошади; 6-го числа Джани-Ханъ Курчибаши (Tsani chan Kurtschibaschi) прислалъ свои подарки; но какъ намъ подарки отъ него долженъ былъ передать Посланникамъ Русскимъ, прежде бывшій Персидскій толмачъ и мамелюкъ, котораго держалъ при себѣ Курчибаши, то Посланники наши не захотѣли принять ихъ, отослали ихъ обратно назадъ и велѣли сказать черезъ Мегмандаря: «Если Джани-Ханъ хотѣлъ почтить ихъ, Посланниковъ, своими подарками, то не уже ли для передачи ихъ не нашелъ никого другого, кромѣ бѣглаго негодяя, съ которымъ они и говорить ни за что не хотѣли?» Вслѣдствіе этого Джани-Ханъ на 3-й день прислалъ уже съ другимъ посланнымъ двѣ лошади, одного мула и 18 кусковъ разнаго рода шелковыхъ тканей, что все принято было нами съ благодарностію, а пришедшему съ подарками данъ былъ туменъ въ подарокъ.

10-го числа Великій Маршалъ подарилъ Посланникамъ двѣ лошади, а Государственный Канцлеръ также двѣ лошади, одного мула и 45 кусковъ шелковыхъ и золотыхъ тканей.

Въ тотъ же день пришелъ къ намъ Мегмандаръ съ извѣщеніемъ, что черезъ 8 дней Шахъ собирается въ путь и отправляется въ Кашанъ, и что если Гг. Посланникамъ будетъ угодно, онъ приметъ ихъ въ число своихъ спутниковъ до этого города, на который намъ должно было ѣхать въ нашемъ обратномъ путешествіи. Вслѣдствіе этого мы начали приготовляться къ

отъѣзду, и 12-го числа на прощанье задали еще одну пирушку, на которой присутствовали тѣ же гости, что были и прежде, кромѣ Армянъ, которыхъ понаѣхало теперь порядочное число. Послѣ стола гости отправились на ристалище (карусель), куда пришли также одинъ Испанскій Повѣренный (Агентъ), котораго имѣетъ сдѣсь изъ Индіи Вице-Король Гоа, и одинъ богатый Еврей, ведущій торговлю изъ Индіи съ Константинополемъ. Музыка, трубы и барабаны, весело оглашала воздухъ. Нѣсколько сотъ Персіянъ, Армянъ и Армянскихъ барынь, стояли по стѣнамъ и въ кругомъ лежавшихъ домахъ, глядя на нашу потѣху. Устроено было опять два круга, только безъ наградъ за выигрышъ, такъ что всякій, кто только хотѣлъ, могъ участвовать въ бѣгѣ. При каждой побѣдѣ въ состязаніи, а также при всякой выпивкѣ за здоровье, по приказанію Посланника Бругмана, стрѣляли изъ большихъ пушекъ. Толмачъ Шахскій, отецъ Іосифъ, опасался, что такъ какъ стрѣльба эта, совершаемая въ столицѣ Шаха, слышна была во Дворцѣ, то она легко могла не понравиться Шаху, какъ не понравилась ему и прежде бывшая; Шахъ же былъ страшный тиранъ; прогнѣвать его этѣмъ было легко, и по тому толмачъ очень боялся, что, по отъѣздѣ нашемъ, гнѣвъ Шаха обратится на него, какъ на нашего толмача, и при томъ присутствовавшаго при стрѣльбѣ. Ему хорошо были извѣстны подобные страшные примѣры Шахскаго гнѣва, въ особенности изъ того, какъ изрубленъ былъ прежній Государственный Канцлеръ; а по тому онъ, ради Христа, просилъ веселиться потише. Но, не смотря на просьбы этѣ, по приказанію Бругмана, который предался веселью, словно безумный, потѣха продолжалась еще нѣсколько времени. Въ послѣдствіи же мы узнали, что Шахъ, по случаю этой шумной потѣхи, а также и по другимъ причинамъ, до такой степени сердитъ былъ на Бругмана, что даже высказывалъ, что если бъ только онъ не хотѣлъ щадить Герцога Голштинскаго, который, какъ онъ слышалъ, былъ не только Великій Государь, но и честный и добродѣтельный человѣкъ, то непремѣнно велѣлъ бы отрубить голову Посланнику Бругману. Шахъ считаетъ себя въ высшей степени оскорбленнымъ слѣдующею еще продѣлкою этого Посланника. Въ этѣ дни случилось, что одинъ не изъ послѣднихъ чиновъ Посольства, уроженецъ Брабантскій, по имени Ліонъ Берцольди (Lyon Bernoldi), за то, что безъ позволенія Посланниковъ ходилъ къ Голландскому

Новѣренному и получалъ отъ него подарки, закованъ былъ Бругманомъ въ цѣпи, въ которыхъ и долженъ былъ содержаться во все время, пока мы пробудемъ въ Испагани. Этотъ же Ліонъ Бернольди разбилъ оковы и бѣжалъ въ Аllасарі или домъ защиты, который находился на Шахскомъ дворѣ. Посланники сначала послали было къ Шаху съ просьбой выдать бѣжавшаго, но Шахъ отвѣчалъ, что ни въ его и ни въ чьей другой власти не зависитъ, схватить въ сказанномъ мѣстѣ виновнаго, хотя бы за преступленіе противъ самаго его, Шаха; что если бѣглецъ укралъ что либо, (какъ несправедливо тогда выдавали Посланники наши), то покраденное можетъ еще быть выдано, но преступникъ самъ отнюдь нѣтъ. На это Посланникъ Бругманъ открыто объявилъ, что онъ хочетъ получить самаго Ліона, и что онъ добудетъ непремѣнно и застрѣлитъ его, хотя бы онъ былъ въ объятіяхъ самаго Шаха. Въ такомъ намѣреніи Бругманъ нашелъ одного Армянина, который согласился хитростію выманить Ліона изъ мѣста его укрывательства, обѣщая ночью выпроводить его въ другое, будто бы болѣе безопасное, убѣжище; вмѣстѣ съ тѣмъ, въ назначенное для бѣгства время, Бругманъ отрядилъ двадцать конныхъ изъ нашихъ людей, съ зажженными фитилями и пищалями, къ воротамъ Шахскаго Дворца, съ приказаніемъ представить бѣглеца живаго, или мертваго. Всѣ представленія, какія дѣлалъ Бругману товарищъ его противъ такихъ распоряженій его, въ виду великихъ опасностей, которыя могли произойти отъ того для всѣхъ насъ, не привели ни къ чему. Отрядъ былъ посланъ, и когда онъ приблизился къ воротамъ Дворца, то надѣлалъ такого шуму, (можетъ быть болѣе, чѣмъ было ему приказано), что не хотѣлъ слушаться Шахской стражи, не пропускавшей его въ ворота; по чему стража эта, по приказанію проснувшагося отъ шума Шаха, и въ отвращеніе дальнѣйшей бѣды, заперла ворота, которыя на памяти человѣческой никогда не запирались, такъ какъ черезъ нихъ всякій могъ пройти въ безопасное для себя убѣжище. Все это разгнѣвало Шаха до такой степени, что на другой день онъ жаловался своимъ Совѣтникамъ и сказалъ, что при Нѣмцахъ онъ не можетъ болѣе и спать безопасно, и что если не слѣдуетъ принять противъ нихъ какихъ ни будь рѣшительныхъ мѣръ, то или онъ, или они должны оставить городъ. Кромѣ того, немаловажной причиной гнѣва Шахскаго на Бругмана было еще

и намѣреніе этого послѣдняго воспрепятствовать нѣкоторымъ Шахскимъ уполномоченнымъ, которымъ поручено было посѣщать дома Армянъ и набирать въ нихъ молодыхъ дѣвицъ для Шахскаго Сераля (подробнѣе объ этомъ обыкновеніи я не замедлю сказать ниже), такъ какъ Армянскій толмачъ, по имени Шуанъ (Schuan) (человѣкъ пустой), горько жаловался Бругману, что въ одно изъ предстоявшихъ такихъ посѣщеній, сказанныхъ уполномоченныхъ грозитъ опасность его любезной, которую могутъ у него отнять, и Бругманъ далъ толмачу опасное обѣщаніе и предложеніе обуздать такихъ Шахскихъ посѣтителей. Но если бъ такое обѣщаніе дошло до дѣла, то мы подверглись бы величайшей опасности. Однимъ словомъ, если бъ отъ этого, а также и отъ другихъ опасныхъ предпріятій Бругмана не воздерживалъ его, часто Государственный Канцлеръ, то едва ли бы этотъ Посланникъ, а можетъ быть и всѣ мы, выѣхали живые изъ Персіи.

Г

СМѢСЬ

ГРАМОТА

ЦАРЯ И ВЕЛИКАГО КНЯЗЯ, МИХАЙЛА ѲЕДОРОВИЧА, СЕРПУХОВСКОМУ ПРОТОПОПУ СЪ БРАТІЕЮ У СВ. ТРОИЦЫ И ПО НЕМЪ О ПРИДАНЫХЪ ПОШЛИНАХЪ СЪ ПОМѢРНАГО, ВѢСЧАГО, ГОСТИНАГО, ПРАВАГО ДЕСЯТКА, НАМѢСТНИЧА И ТІУНЯ СУДА И ВѢНЦОВЪ ЖЕНИТВЕННЫХЪ, 7132 ГОДА (1624), МАРТА 7 ДНЯ.

Божіею милостію Мы, Великій Государь, Царь и Великій Князь, Михайло Федоровичь, всеа Русіи Самодержецъ, пожаловали есмя Богомольцовъ своихъ, Протопопа Козму з братиею, что служатъ у Святыя Живоначальные Троице въ Серпухове внутри города, или кто по немъ иныи Протопопъ і братия у Живоначальныя Троицы будутъ. Въ нынѣшнемъ во 132 году положили они передъ Нами жалованную уставную грамоту прадеда Нашего, блаженныя памяти, Великаго Князя, Василея Івановича, всеа Русіи, лѣта 7022 и въ 43 и въ 59 годахъ блаженныя памяти дѣда Нашего, на Государево, Царево и Великого Князя, Івана Васильевича, всеа Русіи, имя, и въ 93 году дяди Нашего, на Государево, Царево и Великого Князя, Федора Ивановича, всеа Русіи, имя, и во 118 году на Царя Василия Івановича, всеа Русіи, имя. И во 123 году на Наше, Государево, Царево и Великого Князя, Михайла Федоровича, всеа Русіи, имя, та грамота подписана і рушити ее никому ни въ чемъ не велено, а о всемъ велено ходити по тому, какъ въ грамоте писано. А у подписей приписи Діяковъ, Федора Митурина, Юда Сидорова, Петра Тиунова, Ѳилиппа Голянищева, Богдана Тимоѳѣева. А въ той грамоте написано, что за ними въ Серпухове придана пошлина къ Живоначальной Троице помѣрное, да вѣсчее, да гостиное, да правой десятокъ с Намѣстнича и с Тиуня суда, да венцы женитвенные. И Протопопъ з братиею берутъ тоѣ пошлину по старинѣ. Хто приѣдетъ зимою на санехъ, а лѣтомъ на телѣгахъ, въ Серпуховѣ, или кто въ

судне жито привезетъ, и они емлютъ помѣрное с окова по денге. А буде котораго жита больши, или меньши, и они емлютъ по тому жъ росчету помѣрное. А вѣсчее и гостиное емлютъ з гостей и с торговыхъ людей. Хто учнетъ въ Серпухове торговати какимъ товаромъ ни буди, с рубля по двѣ денги, а будетъ товару больши рубля, или меньши рубля, и они емлютъ пошлину всвою церковную по тому рощету. А хто что продастъ, Протопопу з братиею не явивъ, и на ково въ томъ доведутъ передъ Намѣстникомъ, и они въ томъ возмутъ заповеди два рубля, рубль Намѣстнику, а другой рубль Протопопу з братиею. А правой десятокъ с Намѣстнича и с Тиуня суда емлютъ по старинѣ. А венцы женитвенные емлютъ по старинѣ с Серпуховичь и со всего Серпуховского Уѣзда, да с волости Козлова броду, с перводженца по алтіну. А хто женится безъ Протопова знамяни, и ково в томъ уличатъ, и они на томъ возмутъ заповеди два рубли. А ис тоѣ пошлины ізо всеѣ у Протопопа з братиею Попу Дмитриевскому, что Дмитрей Святый въ Серпухове же, внутри города, третья выть по старинѣ, какъ напередъ сего было. А руги имъ велено давати з году на годъ на Рожество Христово Протопопу два рубля, а Диякону рубль. Да имъ же пять гривенокъ воску на поставную свѣчу, да пятнатцать гривенокъ на малыя свѣчи. А Проскурницѣ Троецкой велено давати на проскуры на годъ оковъ пшеницы да полтора пуда соли. Да на канунъ пудъ меду пресново, да ей же восемь четвертей ржи за стряпню. А Пономарю Троецкому полполтины денегъ да четыре четверти ржи. А емлютъ тоѣ ругу на Москвѣ, в Приказѣ Большого Дворца, на Рожество Христово. Да за Протопопомъ же Троецкимъ з братиею въ Серпуховскомъ Уѣздѣ деревня Демьяновская. Да они жъ положили передъ Нами грамоту послушную блаженныя памяти, дяди Нашего, Государя, Царя и Великого Князя, Өедора Івановича, всеа Русіи, 104 года, за приписью Дьяка Гаврила Михѣева. А въ той грамотѣ написано: Которые Серпуховичи и конюшенныя слободы торговые люди учнутъ торговати какими товары ни буди, и Троицкому Протопопу з братиею велено на нихъ таможенные пошлины імати по уставнымъ грамотамъ. А которые люди какими товары учнутъ торговати не явясь, и на нихъ велено Серпуховскимъ Воеводамъ збирати протаможья по два рубля, рубль на Насъ, а другой рубль Протопопу з братиею. Да они жъ по-

ложили передъ Нами Нашу послушную грамоту, за приписью Дьяка Нашего, Добрыни Семенова, 123 года. А въ той грамоте написано: Били Намъ челомъ Троецкій Протопопъ Прокофей с братиею, чтобъ Намъ его пожаловать, в денежные и хлѣбные руги мѣсто, и на свѣчи, и на ладанъ, и на Церковное строеніе, таможную пошлину велѣти бъ збирати по прежнему; и будетъ онъ збирати до разоренья и послѣ разоренья и по 123 годъ. И Серпуховскимъ Воеводамъ и приказнымъ людямъ на Серпуховичехъ, на посацкихъ и на всякихъ торговыхъ людехъ, хто чемъ учнетъ торговати, таможную пошлину и с хлѣба по мѣрѣ по уставной грамоте велено, доправливая, отдавать Троецкому Протопопу з братиею, а в тѣхъ пошлинахъ тѣмъ людямъ, на комъ тѣ пошлины доправятъ, велено Протопопу з братиею давать отписи впередъ для сыску. И Мы, Великій Государь, Царь і Великій Князь, Михайло Федоровичъ, всеа Русіи; и Отецъ Нашъ, Великій Государь, Святѣйшій Патріархъ, Өиларетъ Никитичь, Московскій и всеа Русіи, Живоначальные Троицы, что в Серпурхове, внутри города, Протопопа Козму з братиею, пожаловать велѣли, тѣ прежние грамоты переписать вновь на Наше, Государское, имя, по Новому Уложенію, и что ихъ монастырская деревня Деньяновская, и тою имъ деревнею велѣли владѣти по прежней и по сей Нашей Государской жаловалной грамоте. И по Нашему, Государскому, по Новому Уложенью, с тое церковной деревни Демьяновской ихъ, церковнымъ, людямъ и крестьяномъ Нашимъ, ни какихъ податей и денежныхъ всякихъ поборовъ и Казачьихъ хлѣбныхъ запасовъ и кормовъ съ сошными людьми не давать, опричь ямскихъ денегъ и стрелецкихъ хлѣбныхъ запасовъ, и городового и острожного дѣла, а ямские имъ деньги и стрелецкіе хлѣбные запасы давать, и городовое и острожное дѣло дѣлать, по писцовымъ и по дозорнымъ книгамъ з живущего с сошными людьми вмѣсте. Также есми ихъ пожаловали: Бояря Наши и Намѣстницы ихъ и Тіуны, ихъ церковныхъ людей и крестьянъ не судятъ ни въ чемъ, опрочъ душегубства, и разбоя, и татбы съ поличнымъ, ни кормовъ своихъ у нихъ не емлютъ, ни всылаютъ къ нимъ ни по что. А праветчики и доводчики поборовъ своихъ у нихъ не берутъ и не въезжаютъ къ нимъ ни по что. А вѣдаетъ и судитъ тѣхъ своихъ людей, да и причетъ церковный, Протопопъ з братиею самъ во всемъ, или кому прикажутъ. А случится судъ смѣстной церковнымъ людямъ з городцкими, или с волостными

людми, и Бояря наши и Намѣстники, и ихъ Тиуны, церковныхъ и городцкихъ людей судятъ, а Протопопъ, или ихъ приказщикъ, съ ними жъ судитъ. А правъ будетъ, или виноватъ, церковной человѣкъ ково въ правдѣ и въ винѣ, Протопопу з братиею, а городцкой и волостной человѣкъ въ правдѣ и въ винѣ Воеводамъ Нашимъ и приказнымъ людямъ. А кому будетъ чего искати на Протопопѣ з братиею, и ихъ судитъ отецъ Нашъ, Великій Государь, Святѣйшій Патріархъ, Өиларетъ Никитичь, Московскій и всеа Русіи, или кому онъ, Великій Государь, повелитъ ихъ судити. А церковныхъ людей и крестьянъ сужу Я, Царь і Великій Князь, Михайло Федоровичь, всеа Русіи, или Азъ кому прикажу ихъ судити. А по Нашему, Государскому, Указу отвечати имъ и искати въ году на три сроки: на Рожество Христово, да на Троицынъ день, да на Семенъ день лѣтопроводца. А опричѣ тѣхъ Нашихъ указныхъ трехъ сроковъ, на иные сроки ихъ судити и на поруки не давати. Также есми Протопопа з братьею пожаловалі по прежнимъ и по сей Нашей, Государской, жаловальной грамоте, таможную имъ пошлину, и вѣсчее, и гостинное, и помѣрное, и правой десятокъ, и венцы женитвенные, велѣли съ Серпуховскихъ съ посадцкихъ и съ Уѣздныхъ людей, и конюшенные слободы с тяглецовъ и со всякихъ торговыхъ людей, збирати ко святей Троице по тому, какъ у нихъ, в прежней уставной Великого Князя, Василья Івановича, всеа Русіи, громоте указано. А которые люди Серпуховичи, и иныхъ городовъ, и конюшенные слободы тяглецы, и всякие торговые люди, и какими товары учнутъ торговати, а Протопопу з братиею по прежней уставной и по сей Нашей жаловальной грамоте пошлинъ платити не учнутъ, і Воеводамъ Нашимъ и приказнымъ людямъ, которые будутъ в Серпухове, велѣти на тѣхъ людяхъ тѣ Протопоповы таможные пошлины доправливати, да отдавати Протопопу з братиею. Также есми ихъ пожаловали, которые люди такими товары учнутъ въ Серпухове торговати хлѣбомъ, или какими весовыми товары, а Протопопу з братиею не явятъ, и на тѣхъ людяхъ имати протаможья по два рубли, рубль на Насъ, Государя, Царя і Великого Князя, Михайла Федоровича, всеа Русіи, а другой рубль Протопопу з братиею. Также есми Протопопа з братиею пожаловали: хто женится безъ Протопопова знамяни, и на томъ взяти Протопопу з братиею заповеди два рубли. А ис тѣхъ ихъ всѣхъ пошлинъ, и ис протаможныхъ, и изъ заповедныхъ, і изъ помѣрныхъ денегъ,

имали Дмитровскому Попу, что Дмитрей Святый въ Серпухове же, внутри города, у Протопопа з братьею по старинѣ, какъ они напередъ сего имали. Также есми ихъ пожаловали: на пиры и на братины к Протопопу и к братье, и къ церковнымъ людямъ, и ко крестьяномъ, Княженецкіе, и Боярские, и Дворянские, и Детей Боярскихъ люди и крестьяне, не званы пити не ѣздятъ. А кто къ нимъ на братину приѣдетъ пити не званъ, а учинится у нихъ при томъ незваномъ какая гибель, і тому не званому та гибель платити вдвое безъ суда. А кто черезъ сію Нашу Государскую жаловалную грамоту Протопопа, и братью, и церковныхъ людей, и крестьянъ, чѣмъ изобидитъ, и тому отъ Насъ, Великаго Князя, Михайла Федоровича, всеа Русіи, быти въ опале. Дана сія Наша, Государская, жаловалная грамота на Москвѣ лѣта 7132, Марта въ 7 день.

Прокофей Пахирѣвъ.

У грамоты печать изъ краснаго воску привѣшена на красномъ шелковомъ снурке. На сей, съ одной стороны: Св. Георгій Побѣдоносецъ, поражающій змѣя, и кругомъ этого герба надпись: «Божіею Милостію Великій Государь, Царь и Великій Князь, Михайло Федоровичь, всеа Русіи.»

На другой сторонѣ печати орелъ двуглавый и кругомъ его надпись: «всеа Русіи Самодержецъ і многихъ Господарьствъ Господинъ и Обладатель.»

На оборотѣ: «Царь и Великій Князь Михайло Федоровичь, всеа Русіи Самодержецъ.»

Ниже: «Лѣта 7160, Октября въ 9 день. Божіею милостію Мы, Великій Государь, Царь і Великій Князь, Алексѣй Михайловичь, всеа Русіи Самодержецъ, сеѣ грамоты слушали, і выслушавъ, изъ Серпухова Соборные церкви Живоначальные Троицы Протопопа Козьму з братиею, и хто по немъ у тое соборные церкви впредь Протопопы и братья будутъ, пожаловалъ, велѣти имъ сеѣ грамоту подписать на свое Государево, Царево и Великого Князя, Алексѣя Михайловича, всеа Русіи, имя, и сеѣ у нихъ грамоты рудити ни кому не велѣлъ. А что въ сей грамоте написано, велено ихъ судити въ году

на три сроки, і иные которые спорные статьи вновь переменялись, и тому быть по нынешнему нашему Новому Уложенію.

Діакъ Смирной Богдановъ.»

Еще ниже: «Лѣта 7187, Декабря въ 20 день. Божіею милостію Мы, Великій Государь, Царь и Великій Князь, Ѳеодоръ Алексѣевичь, всеа Великія, і Малыя, і Бѣлыя Росіи Самодержецъ, сей жалованной грамоты слушавъ, пожаловали изъ Серпухова, Соборныя церкви Живоначальныя Троицы Протопопа Василья, с братьею, велѣли имъ і кто по нихъ впредь иныя будуть, въ Серпуховскомъ Уѣзде деревнею Демьяновою со всеми угодьи владѣти по писцовымъ и по переписнымъ книгамъ по прежнему, будетъ тѣмъ спору нѣтъ, а о Нашихъ, Великого Государя, доходахъ, и о всякихъ поборехъ, и о судныхъ и о пошлинныхъ статьяхъ, быть по тому, какъ въ Указе Отца Нашего, Государева, блаженные памяти, Великаго Государя, Царя і Великого Князя, Алексѣя Михайловича, всеа Великія, і Малыя, і Бѣлыя Росіи Самодержца, і въ Соборномъ Уложенье, напечатано, і после Соборного Уложенья въ Уставныхъ Грамотахъ і в Новыхъ Статьяхъ написано.

Діякъ Семенъ Комсинъ.»

Грамота написана на трехъ склеенныхъ листахъ. На обороте оной, на первой склейкѣ, написано:

«А подписалъ Государевъ Царевъ, и Великаго Князя, Михайла Федоровича, всеа Русіи

На второй склейкѣ:

«Діякъ.»

Въ концѣ грамоты:

«Справилъ Кирилко Немцовъ.»

Сообщ. И. Разановъ.

ПАТРІЯРШІЕ ВЫХОДЫ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Московская Патріяршая Библіотека недаромъ носитъ это названіе; ибо составленіе оной и пріумноженіе хранящихся въ ней драгоцѣнныхъ матеріяловъ несомнѣнно относится ко времени Патріяршества, и въ особенности ко времени Патріярха Никона, обогатившаго эту Библіотеку собраніемъ драгоцѣнныхъ памятниковъ древней письменности.

Въ числѣ Славянскихъ рукописей, хранящихся въ Патріяршей Библіотекѣ, находится нѣсколько записныхъ книгъ Патріяршаго служенія и Патріяршихъ выходовъ (см. Указат. Архимандрита Саввы, стр. 219), въ которыхъ съ мельчайшими подробностями записаны всѣ, такъ называемыя, дѣйства Патріяршаго служенія, а также выходы Патріярховъ и Царей въ дни торжественныхъ праздниковъ къ церковному Богослуженію и въ крестные ходы. Эти записныя книги замѣчательны тѣмъ, что онѣ знакомятъ насъ не съ одними только обрядами Патріяршаго служенія, но и съ бытомъ нашихъ Вѣнценосцевъ, а по тому обнародованіе подлинныхъ документовъ, какъ мы думаемъ, не только принесетъ несомнѣнную пользу исторіи нашей Церкви, но значительно пополнитъ и описаніе быта Русскихъ Царей и ихъ отношенія къ властямъ духовнымъ.

Въ прежнее время наши Цари почти постоянно участвовали во всѣхъ церковныхъ празднествахъ и ходахъ. Высшая духовная власть, каковы были у насъ Митрополиты и Патріярхи, почти никогда не являлись народу безъ его Вѣнценосца, и Русскій Царь, всегда и вездѣ, являлъ свое главенство народу, и только изрѣдка,

желая показать свое Христіянское смиреніе, онъ, въ Цвѣтную Недѣлю, во время бываемаго въ то время хода, велъ за конецъ повода осля, на которомъ возсѣдалъ Патріархъ. Мѣсто Государево, на которомъ возсѣдалъ Государь, ставилось и на Лобномъ Мѣстѣ, въ Цвѣтную Недѣлю, и въ другіе ходы, и украшалось золотными атласами и бархатомъ. Самый обиходъ Царской жизни тѣсно былъ соединенъ съ обиходомъ Митрополитовъ и Патріарховъ старой Руси, живщихъ почти подъ одной кровлей съ своими Вѣнценосцами; ибо палаты Патріарховъ были въ одной связи съ хоромами Царскими. Ни какого Государственнаго дѣла не начиналось безъ благословенія Святѣйшаго Патріарха и безъ его совѣта; Патріархи были постоянными свѣдѣтелями всякой домашней радости Царя и всякаго домашняго его горя. Не смотря на могущество и на величіе Царскаго сана Московскихъ Государей, власть нашихъ Митрополитовъ и Патріарховъ была, въ свое время, довольно сильна и самобытна; у нихъ было свое управленіе, которое не подчинялось гражданской власти; былъ свой дворъ, свои Дворяне и Боляре, а сами они величались «Великими Господами, Государями.» Были примѣры, что наши смиренные Митрополиты и Святѣйшіе Патріархи вступали въ открытую борьбу съ своими могущественными Царями, и хотя не оставались побѣдителями, но смѣло порицали ихъ поступки, которые не согласовались съ ихъ убѣжденіями. Кому не извѣстна борьба Митрополита Филиппа съ Иваномъ Грознымъ и Патріарха Никона съ Царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ?

Патріархъ Никонъ былъ послѣднимъ борцомъ за духовную власть; съ паденіемъ Никона, обладавшаго несокрушимой силой воли, пала и Патріаршая власть, а вмѣстѣ съ симъ и перемѣнились отношенія къ ней Государей. Петръ I-й уничтожилъ Патріаршество, а вмѣсто его учредилъ Св. Синодъ, въ которомъ въ послѣдствіи значительное вліяніе на распоряженія по управленію Духовнымъ Вѣдомствомъ было предоставлено человѣку свѣтскому.[1]

---

[1] Синодъ учрежденъ 25 Генваря, 1721 г.

Цѣль учрежденія Синода была исправленіе духовнаго чина, въ которомъ, по

Но обратимся къ главной цѣли нашей статьи,—къ записнымъ книгамъ Патріаршескихъ выходовъ.

Изъ пяти книгъ, хранящихся въ Патріаршей Библіотекѣ, только одна, веденная пѣвчимъ, Ѳедоромъ Константиновымъ (годы 1667—1669, 1671, 1672 и 1674, по описи № 423), напечатана въ полномъ ея составѣ, въ V томѣ «Приб. къ актамъ истор.», № 26, стр. 98—154, и то по другому списку, списанному изъ сборника исхода XVII вѣка (въ четвертку на 358 листахъ), хранящагося въ Вязниковскомъ Благовѣщенскомъ монастырѣ.

По превѣркѣ нами печатнаго изданія этой книги со спискомъ Синодальной Библіотеки оказалось, что списокъ, съ котораго производилось печатаніе, не во всемъ сходенъ съ подлинникомъ.

Въ началѣ упомянутой нами книги говорится о прибытіи въ Москву въ лѣто 7175, Ноября во 2 день, въ пятокъ, Греческихъ Патріарховъ: Паисія, Папы и Патріарха Александрійскаго и Архіепископа, и Святѣйшаго Макарія Антіохійскаго,—судей Патріарха Никона.

Упоминается о томъ, что Патріархъ Никонъ былъ развѣнчанъ (такъ въ подлинникѣ) изъ Патріаршаго сана, у Благовѣщенія Пречистыя Богородицы, что на святыхъ вратахъ Чудова монастыря, и на другой день, 13-го Декабря, поѣхалъ съ Москвы въ Ѳеронтовъ монастырь, на Бѣлоозеро.

Изъ этой же книги мы узнаемъ, что новопоставленные Епископы, при посвященіи ихъ въ этотъ санъ, ѣздили около города Кремля на осляти.

словамъ Указа, усматривалось много нестроенія и великая въ дѣлахъ его скудость. Составъ Синода состоялъ: изъ Президента, Вице-Президентовъ, Совѣтниковъ и Ассесоровъ. За учрежденіемъ Синода слѣдуютъ грозные Указы Петра противъ раскола и отщепенцовъ Церкви; но Указы эти не достигали своей цѣли и только служили къ увеличенію раскола, который все болѣе и болѣе разливался по всей Руси. Ни какія гоненія не ужасали поборниковъ раскола; и тщетно боролся съ ними могучій и грозный Петръ, и, не одолѣвъ Русскаго старовѣра, оставилъ эту борьбу въ наслѣдіе своимъ преемникамъ.

Здѣсь мы не лишнимъ считаемъ сказать нѣсколько словъ объ этомъ уничтоженномъ обрядѣ.

Обрядъ шествія на осляти былъ учрежденъ, безъ сомнѣнія, не прежде половины XVI столѣтія, что подтверждается Соборнымъ Дѣяніемъ 1678 года,[2] въ которомъ, между прочимъ, говорится: что шествіе на осляти учредилось «не отъ древнихъ вѣкъ, но мало прежде нашего житія,[3] во время мятежное бывшу въ Государствѣ семъ смяренію великому, сіе дѣйство введеся въ Церковь.» Несомнѣнно также и то, что учрежденіе этого обряда имѣло цѣлію возвысить санъ Русскихъ Іерарховъ предъ народомъ. Надо замѣтить, что шествіе или хожденіе на осляти въ свѣтлый день цвѣтоносія или въ Недѣлю Ваій (по нынѣшнему Вербное Воскресенье), не было исключительною принадлежностію Патріаршаго сана; ибо изъ того же Соборнаго Дѣянія видно, что «иніи Архіереи тожде дѣйствіе совершати обыкоша, и по инымъ градомъ творити то дерзаютъ, идеже Царское лице образующе, и не великіе чести начальницы осляти предводителіе сотворяются;» слѣдовательно, хожденіе на осляти въ Вербное Воскресенье было исполняемо и въ другихъ городахъ Русскаго Царства, гдѣ лицо Патріарха заступалъ Архіерей а лицо Царя—Воевода, даже и не великой чести, т. е. незнатнаго происхожденія. Это то обстоятельство и послужило главнымъ поводомъ къ созванію помянутаго нами Собора, который, въ видахъ сохраненія высокой чести Самодержца, постановилъ: «отмѣнивъ хожденіе на осляти въ Цвѣтную Недѣлю въ другихъ городахъ, оставить оное только въ Москвѣ.»[4]

Наконецъ хожденіе на осляти входило въ обрядъ поставленія или посвященія духовныхъ лицъ въ высшій духовный санъ.

---

[2] См. Сборникъ Московской Патріаршей Библіотеки, по Указателю Архимандрита Саввы, № 684, стр. 235 и 236.

[3] Т. е., не задолго до рожденія тѣхъ лицъ, которые были призваны на этотъ Соборъ Патріархомъ Іоакимомъ, для сужденія объ обрядѣ, бываемомъ въ Свѣтлый день цвѣтоносія.

[4] Послѣ означеннаго Собора, обрядъ хожденія на осляти не всегда соблюдался даже и въ Москвѣ (см. прилож.: Цвѣтная недѣля 202 года).

Патріархи наши, всходя на Патріаршій престолъ, заявляли свое восшествіе народу, являясь предъ нимъ на осляти, окруженные духовенствомъ, и съ торжественнымъ ходомъ объѣзжали весь городъ, какъ бы прообразуя тѣмъ самаго Іисуса Христа, явившагося народу на осляти во время входа въ Іерусалимъ.

Тотъ же самый обрядъ исполнялся во время Патріаршества и новопоставленными Архіереями, Епископами и Архіепископами.

Съ уничтоженіемъ Патріаршества уничтожился и обрядъ шествія на осляти, какъ въ Недѣлю Ваій или Вербное Воскресенье, такъ и при посвященіи духовныхъ лицъ въ высшій Іерархическій санъ.

Теперь обратимся къ остальнымъ книгамъ.

На остальныя книги Патріаршескаго служенія и выходовъ, кажется, до сихъ поръ еще ни кѣмъ не было обращено должнаго вниманія, тогда какъ въ нихъ находятся, какъ выше упомянуто, драгоцѣннѣйшіе матеріялы для исторіи нашего Патріаршества, и, кромѣ того, онѣ съ отчетливою подробностію неподражаемо живописуютъ прежніе обряды.

Книги этѣ, кромѣ Патріаршаго служенія и Патріаршихъ выходовъ, заключаютъ въ себѣ извѣстія о смерти и постриженіи Русскихъ Великихъ Княженъ, описки съ Патріаршихъ грамотъ Митрополитамъ, Чинъ Патріаршаго служенія въ Страстную и Свѣтлую Недѣлю, Уставъ когда и гдѣ быть крестнымъ ходамъ и Патріаршему служенію и проч.

Страннымъ кажется, по чему наши изслѣдователи Русской старины до сихъ поръ не обратили вниманія на жизнь нашихъ Митрополитовъ и Патріарховъ, и, трудясь надъ выходами Царей, позабыли о выходахъ Патріарховъ которые могли бы послужить самымъ блестящимъ и самымъ живописнымъ дополненіемъ къ изданнымъ уже Царскимъ выходамъ.

Изданіемъ Патріаршихъ выходовъ и описаніемъ домашняго обихода ихъ жизни вполнѣ воспроизведется типъ нашихъ Патріарховъ; а типъ этѣхъ личностей столько же знаменателенъ для нашей исторіи, сколько и типъ Государя Самодержца.

Будемъ надѣяться, что новый нашъ Митрополитъ Московскій, Высокопреосвященнѣйшій Иннокентій, покажетъ и въ этомъ дѣлѣ неутомимую свою дѣятельность на пользу науки и Русской Церкви, и не заставитъ эти многоцѣнные матеріялы еще надолго пребывать въ неизвѣстности, тѣмъ болѣе, что печатаніе Патріяршихъ выходовъ едва ли потребуетъ значительныхъ издержекъ, если только трудъ этотъ будетъ порученъ такимъ людямъ, которые станутъ трудиться для пользы науки и самаго дѣла.

Чтобы болѣе ознакомить читателей съ разсматриваемыми нами памятниками, мы, съ своей стороны, предлагаемъ при семъ болѣе занимательныя, по нашему мнѣнію, изъ нихъ выписки.

При этомъ нельзя не упомянуть, что для описанія домашняго житья-бытья нашихъ Патріярховъ, въ Московскомъ Архивѣ Министерства Юстиціи лежитъ еще непочатый уголъ дѣлъ бывшаго Патріяршаго Приказа, заключающихъ въ себѣ богатый матеріялъ для знатока-изслѣдователя, который бы пожелалъ основательно заняться симъ дѣломъ.

За тѣмъ не излишнимъ также считаю замѣтить, что выдержки изъ Патріяршихъ выходовъ напечатаны въ «Древней Русской Вивліоѳикѣ», Николая Новикова, а именно: въ VI части: 1) Чинъ нареченія и постановленія на Патріяршій престолъ Преосвященнаго Филарета Никитича (1619 г.), стр. 125—162; 2) Чинъ избранія на Патріяршій престолъ Архимандрита Симонова монастыря Іосифа, происходившее 20 Марта, 1642 г., стр. 223—245; 3) Чинъ Патріяршаго кругъ города на осляти шествія, бываемаго въ день постановленія Русскихъ Патріярховъ, и слѣдующіе потомъ обряды, 1642 г., стр. 245—261; въ XI части: Выходы на освященіе церквей, съ 193 по 197 (1685—1689 г.), стр. 269—274, и Выходы на погребеніе и панихиды съ 194 по 196 (1686—1688 года), стр. 331—335.

Николай Дубровскій.

Москва.
28 Генваря, 1869 года.

ВЫПИСКИ

ИЗЪ

ПАТРІАРШИХЪ ВЫХОДОВЪ.

(Книга записная облаченіемъ и дѣйству, № 51 (93), 1655—1658 и 1691—1693 годовъ).

Цвѣтная Недѣля.—Ходъ въ Преполовеніе.—Походъ Царя Алексѣя Михайловича на Шведскаго Короля.—Новолѣтіе.—Ходъ въ Казанскую.—Кончина Царевны Анонсы Михайловны.—Цвѣтная Недѣля 201 и 202 года.—Освященіе елея и служба въ четвертокъ Страстныя Недѣли и слѣдующіе дни.—Панихида по Морозовыхъ.—Служба на Сырной Недѣлѣ.—Объясненіе дѣйства Страшнаго Суда и Пещнаго.

Цвѣтная Недѣля.

164 (1656) года.

Л. 29—32. «Въ недѣлю Цвѣтную у всенощнаго Святѣйшій Государь Патріархъ былъ въ соборѣ, и Государь Царь былъ же; а на благословеніе хлѣбовъ молитву говорилъ въ облаченіи Греческомъ меньшомъ; [1] а на величаніи облачалъ стихарь объяринной, сребряной, епитрахиль, и поясъ, и поручи, и палица рядовая, сакосъ Спаской, омофоръ средній, объяринной, и митра средняя, панагія черная; и,

---

[1] **Приписка съ боку: «А въ 165 году въ Греческомъ облаченіи и митрѣ средней, и вышедъ на величаніи, сталъ на коврѣ, на мѣсто не всходя; а свѣчи не раздавалъ въ то время, только кадилъ церковь; и потомъ вшедъ во олтарь, и разоблачился.**

по величаніи, вшедъ въ олтарь, разоблачился и сталъ на своемъ Святительскомъ мѣстѣ, у столпа. А по прочтеніи Святаго Евангелія, поставленъ среди церкви налой, и положено бысть Евангеліе на налои, а Ключари поставили вербу по лѣвую сторону налоя; и Государь Святѣйшій Патріархъ говорилъ молитву надъ вербою въ Тріоди, въ Греческомъ меньшомъ облаченьи; и, по молитвѣ, Государь Царь и Св. Патріархъ Св. Евангеліе цѣловали, и Св. Государь Патріархъ, по цѣлованіи Евангелія, Государю Царю подносилъ вербу (ваію) [2] и свѣщу; и потомъ Власти цѣловали Св. Евангеліе и Боляры; и Государь Св. Патріархъ раздавалъ вербу и свѣщи Властемъ и Болярамъ. А ко всенощному провожали Святѣйшаго Государя Патріарха изъ Крестовыя палаты Подъдьяконы и Подъдьяки, въ красныхъ стихаряхъ, и пѣли стихи разные всѣ вмѣстѣ; и отъ всенощнаго такожде въ тѣхъ же стихаряхъ; а на величаніи на Архидьяконѣ и на Дьяконѣ стихари золотные были, а на Подъдьяконахъ и на Подъдьякахъ красные.

Въ ту же Цвѣтную Недѣлю благовѣстъ былъ валовой, и, какъ пришедъ время, Государь Св. Патріархъ шелъ въ соборъ изъ своей Государевой Крестовой палаты, [3] а предъ нимъ Государевы Подъдьяконы и Подъдьяки въ золотыхъ стихаряхъ и пѣли идучи всѣ станицы разные стихи. И вшедъ въ соборную церковь, осѣнилъ троесвѣщеніемъ и цѣловалъ Св. иконы. А на мѣстѣ его Государевѣ, среди церкви, постланъ былъ коверъ большой, и стулъ, и подушка большая, и орлецы золотніи; и тако облачался въ большое облаченіе: стихарь объяринной бѣлой; епитрахиль низаная, поясъ большой съ каменьемъ яшмовымъ, и поручи большія, сакосъ аксамитной большой, омофоръ большой, новой, и митра большая, панагія Цареградская и другая келейная и крестъ яхонтовые. И тако пришелъ Государь Царь въ соборную церковь, и Государь Св. Патріархъ, его, Государя, благословлялъ; и пошелъ Государь Патріархъ во олтарь и сталъ предъ престолъ, а Власти [4] округъ пре-

---

[2] Ваія, пальмовая, финиковая вѣтвь.

[3] Т. е., высшее духовенство.

[4] Другой рукой и чернилами приписано: «два часа пробило.»

стоя до чину. И тамо Діаконъ говорилъ ектенію предъ Царскими дверми со Мѵромъ. По стиху [illegible] уб[illegible] [illegible] весь [illegible] во входъ [illegible] время [illegible] ектенья [illegible] и говорилъ Государь Патріархъ предъ [illegible] по требнику Кипріановскому, а потомъ пошелъ въ ходъ со кресты, и Государь Св. Патріархъ [illegible] и не на [illegible] до [illegible] входу во Іерусалимъ; а предъ [illegible] Государемъ, въ ходу шли [illegible]чіе и Подьячіе всѣ станицы и [illegible] разные станицы до [illegible], а на Лобное Мѣсто не заходили. И пришли къ праздничной Церкови Государь Патріархъ и Государь Царь, и по чину была ектенья и отпустъ со кресты; а Евангеліе Св. Патріархъ не челъ. И отъ праздника со кресты шли на Лобное Мѣсто. А Мѣсто Лобное обиты сукны были золоты и бархаты, и устлано было большими ковры и степени; а коврецъ [illegible] отъ Государя Патріарха [illegible]. И пришедъ на Лобное Мѣсто, говорилъ Архидіаконъ ектенію среднюю, малую; а потомъ Государь Св. Патріархъ, осѣня крестомъ, и самъ говорилъ ектенію, осѣняючи, по Кипріановскому Потребнику, яко жъ и на Лѣтопровожденіе;[6] и, по осѣненіи, велѣлъ нести Архидіакону Св. Евангеліе праздничное среди Лобнаго Мѣста; И егда во Евангеліи дойде рѣчь «посла отъ ученикъ своихъ два,» и въ то время Государь Патріархъ благословилъ и послалъ Протопопа да Протодьякона идти по жребя, а жребя было уготовано и привязано на распутіи къ столпику уготованному. И Протопопъ и Протодьяконъ привели жребя къ Лобному Мѣсту, и одѣянъ жребя сверхъ полотна краснымъ сукномъ и другимъ зеленымъ, и [illegible] а въ то время Архидіаконъ челъ Евангеліе, строки [illegible], тако жъ, яко же и въ Четвертокъ Великій чтетъ на умовеніи ногъ; а [illegible] Государь Св. Патріархъ Государю Царю поднесъ ваія, и освящу и вербу; потомъ раздавалъ на степени [illegible] Бояромъ, а [illegible] Бояромъ и Властемъ не раздавалъ. И повелѣ Подьяконы уготованнаго осляти на вербу и отпустить прежде себя предъ кресты. И тако вседе на осля, какъ Архидіаконъ дочелъ до того

[5] Приписано съ боку: «Въ 166 году не осѣнялъ.»

[6] Т. е., также, какъ и въ Новолѣтіе (въ Новый Годъ).

[7] Приписано съ боку: «Болярина своего да [illegible]»

[illegible], и какъ присиѣ время [illegible] въ Кремль. [illegible] по сукнамъ [illegible] сукна и вербу, а пѣвчіе и Подьяки всѣ станицы пѣли около осляти разные стихи. И пришедъ въ соборную церковь, Архидіаконъ почитаетъ на амбонѣ подъ Св. Евангеліе. И потомъ ектеніи; а въ то время провожалъ Государь Патріарха и Государь Царь изъ церкви иконы; и отпустилъ литію, и, по отпустѣ, Государь Патріархъ Государю Царю здравствовалъ и говорилъ витіе большое; и тако пѣвчіе и Подьяки всѣ пѣли Государю Царю многолѣтье большое, среди церкви. И послѣ многолѣтья, ставъ на своемъ Святительскомъ мѣстѣ, изволилъ премѣнить себѣ сакъ[8] и омофоръ, и митру, и облачилъ сакъ Спаской, и митру, и омофоръ средніе, панагію одну колейную, и крестъ яхонтовой, и тако начали Часы и божественную Литургію. А въ службѣ съ нимъ, Государемъ, было 32 человѣка. И отпустя Литургію, чели поученіе въ соборное, и послѣ поученія Св. Государь Патріархъ вышелъ изъ церкви, и роздалъ вербу, и говорилъ молитву на [illegible] въ [illegible] Тріоди. И повелѣ вербу раздробляти, яко же и прежде бывало. И въ то время западными дверьми Государь Царь пошелъ къ себѣ, Государевы хоромы. И раздробя вербу, пріиде Государь Св. Патріархъ во олтарь, и разоблачался. И пошелъ въ свою Государеву Крестовую палату; и Подьяконъ и Подьяки всѣ шли предъ нимъ въ Крестовую палату въ золотыхъ стихаряхъ.

Столъ былъ у Государя Патріарха въ Крестовой палатѣ, а Государь Царь за столомъ былъ, и Царевичи, и Бояре, и Власти всѣ, и церковники.

А 34. Въ ту же недѣлю, въ четвертомъ часу дни, благовѣстъ былъ [illegible], Іереміинъ; и по благовѣсту, какъ пришло время, пришелъ Государь Патріархъ въ соборную церковь и цѣловалъ Св. иконы, облачился въ ходовое облаченіе среди церкви, на чермномъ мѣстѣ, и, по облаченіи, повелѣ начати чинъ литіи входа, приготовленнымъ же убо и Св. иконамъ со Священницы, среди церкви. И тако поидоша во входъ къ Тайнинскимъ воротамъ и уготовленному Іордану подъ Всесвятскими вороты, подъ Алексѣевскимъ монастыремъ, по

---

[8] Такъ въ подлинникѣ, а надо [illegible]

старому чину, на Москвѣ рѣкѣ. И ту Государь Св. Патріархъ святилъ воду, по чину; и по освященіи воды пойде во входъ до Иліи Пророка Обыденнаго, до улицы, и ту, ставъ и кадя Святыя Иконы и цѣловавъ, и Властей Св. Государь Патріархъ благословилъ и отпустилъ ихъ со Святыми иконами во входъ кругомъ Бѣлаго Города. А самъ Государь Св. Патріархъ служилъ Божественную Литургію у Пророка Иліи, зовомой Обыденнаго, за Чертольскими вороты; а служащихъ съ нимъ, Государемъ, было 15-ть человѣкъ и со ставленники.

Ходъ въ Преполовеніе.

1656 года.

Л. 55. Апрѣля въ 29 день, во Вторникъ, къ Вечерни благовѣстъ былъ въ реутъ. Противъ Преполовенія Пятдесятницы на Вечерни и на Заутрени облаченія не было.

Въ Среду Преполовенія къ Литургіи и ко входу благовѣстъ былъ валовой, въ полчаса дни. И какъ пошли по благовѣсту въ соборную церковь съ Иконами, и Попы, и Дьяконы, и потомъ, пришедъ Государь Патріархъ въ соборную церковь, по чину облачалъ облаченіе ходовое: сакъ (сакосъ) полосатой, митра меньшая, омофоръ меньшой, панагія черная. И по облаченіи начали чинъ литійному исхожденію. И тако пошелъ Государь Патріархъ во входъ со Кресты и со всѣмъ соборомъ. И пришедъ на Лобное Мѣсто, начавъ паки вторую статью литіи, Евангелія не челъ, и осѣненія не было. И шли на рѣку въ Москворѣцкіе врата; и у живаго моста устроенѣ бывши Іордани, и ту поставляютъ мѣсто Государю Патріарху съ ковромъ, Ключари и Подъдьяки, стулъ меньшій, и подушку и орлецъ меньшей, и коврикъ меньшій, и подушка ветхая, и полотенцо къ погруженію Честнаго Креста. И пришелъ Государь Патріархъ на Іордань, повелѣ начати водоосвященіе. И, освятя воду, пошелъ Государь Патріархъ, со Кресты и со всѣмъ соборомъ паки во входъ возлѣ градскія стѣны, кругъ Кремля города, и пришелъ къ Каменному мосту, у церкви Николая Чудотворца, отпустилъ во входъ Ростовскаго Митрополита съ Властьми; и для Поповъ указалъ Государь Патріархъ ити двумъ Подъдьякономъ въ

ходъ. А самъ Государь, Св., Патріархъ, служилъ у Николы Чудотворца у Каменнаго моста. А на Архидьяконѣ и на Дьяконѣ стихари были болшіе, на Подьяконѣ и на Подъьякахъ стихари Іосифовскіе, камчатые.

Походъ Великаго Государя, Царя и Великаго Князя, Алексѣя Михайловича, на Швецкаго Короля.

1656 года.

Л. 63—65. 164 года, Маія 15 день, на самый праздникъ Вознесенія Господа нашего, Іисуса Христа, походъ Великаго Государя, Царя и Великаго Князя, Алексѣя Михайловича, и всеа Великія, и Малыя, и Бѣлыя Росіи Самодержца, и Великаго Князя Литовскаго, на Швецкаго Короля.

Въ 10-мъ часу дня благовѣстъ былъ вѣстовой на Иванѣ Великомъ, въ среднимъ поясу, въ сполохѣ, въ три колокола прибойныхъ, премѣняя часа на два; и потомъ велѣно благовѣстить въ новой большой колоколъ, и въ старой, и въ реутъ, и во всядневный, перемѣняя. И потомъ Государь Патріархъ, пришедъ въ соборную церковь со Антіохійскимъ Патріархомъ, Макаріемъ, и съ Никейскимъ и съ Молдавскимъ Митрополиты, и съ своими Митрополиты, и со всѣмъ освященнымъ соборомъ, и вшедъ во олтарь, облачалъ Греческое меньшее облаченіе и корону, тако жъ и всѣ бѣлыя Власти въ епитрахиляхъ, и въ омофорахъ, поручахъ и въ шапкахъ. И облачася, вышедъ, сталъ на свое Святительское мѣсто, среди церкви. И въ то время Государь Царь пришелъ въ соборную церковь, и по чину цѣловалъ Св. иконы и Чудотворныя мощи; и сталъ Государь Царь у задняго праваго столпа на своемъ Царскомъ мѣстѣ. И Государь Патріархъ повелѣ Архидьякону говорить ектенью большую, и по ектеніи, среди церкви, Государь Царь преклонилъ главу, и Государь Святѣйшій Патріархъ надъ главою его, Государевою, говорилъ молитвы отпускныя, въ Чиновникѣ, по выписанной тетради. А Святыя Иконы и Кресты въ то время были устроены, какъ и въ ходы ходятъ. И по молитвахъ пошли изъ соборныя церкви со Кресты; а пѣвчіе и Подъдьяки, идучи, пѣли разные стихи, въ красныхъ стихаряхъ, до Лобнаго Мѣста. А Лобное Мѣсто было украшено

бархаты золотными и сукны красными; а постланы были ковры большіе по всему Лобному Мѣсту и по степенямъ. И пришедъ на Лобное Мѣсто Государь Царь и Государь Св. Патріархъ съ Честными Кресты, и говорилъ Архидьяконъ ектенью среднюю. И по ектеньѣ, Государь Царь, пришедъ къ Антіохійскому Макарію Патріарху, тако жъ преклонилъ главу, и Антіохійскій Патріархъ по своему Чиновнику, тако жъ ему, Государю, говорилъ отпусныя молитвы, и по окончаніи молитвъ и отпустѣ. По отпустѣ Государь Св. Патріархъ Государю Царю титлу говорилъ, и его, Государя Царя, благословлялъ Животворящимъ Крестомъ и ручнымъ, и другъ друга цѣловаста о выи; и потомъ Государь Царь Государя Патріарха цѣловалъ въ руку, а Государь Патріархъ его, Государя, цѣловалъ во главу, въ темя, объемъ своима Святительскими руками его, Царскую, главу. И потомъ Государь Патріархъ на Лобномъ Мѣстѣ разоблачился, и Антіохійскій Патріархъ Макарій и Никейскій и Молдавскій Митрополиты; а своихъ бѣлыхъ Властей посла ко градскимъ вратамъ на рундуки кропити Святою водою Государя Царя и его, Государево, воинство. А рундуки всѣ обиты сукны красными и зелеными. Новгородскаго Митрополита, Корнилія, послалъ къ Фроловскимъ вратамъ напредь изъ соборной церкви, а къ Москворѣцкимъ вратамъ Ростовскаго Митрополита, Іону, да Тверскаго Архіепископа, Лаврентія, а на болото послалъ Псковскаго Архіепископа, Макарія, на рундуки, да Коломенскаго Епископа, Александра, а къ Серпуховскимъ Землянаго Города вратамъ Чудовскаго Архимандрита да Спаскаго монастыря, что на Новомъ; а Астраханскому Архіепископу, Іосифу, повелѣ Государь Патріархъ ити съ Лобнаго Мѣста за Кресты, съ Архимандриты и Игумены, во градъ, въ соборную церковь, Никольскими враты. А Государь Царь, и Государь Св. Патріархъ, и Антіохійскій Патріархъ, и Никейскій и Молдавскій Митрополиты, стояли на Лобномъ Мѣстѣ, отпустя Св. Иконы. А въ это время Государь Царь повелѣлъ воинству итти изъ Кремля града Фроловскими враты, стрѣльцомъ вооруженнымъ, со дворы своими, и прочему всему воинству. А Посолъ Цесарскія Земли въ то время стоялъ на уготованномъ ему мѣстѣ, отъ Покровскаго собору, близъ большія дороги, что подъ гору. И какъ пройде съ Лобнаго Мѣста, паки благословлялся у Государя Патріарха. И близъ церкви Пятницы, на мосту жъ, уготованъ ему, Государю, приступъ, какъ на конь сѣсти, обитъ бархатомъ краснымъ. И возшедъ Государь Царь

на приступъ, жаловалъ къ своей, Государевой, рукѣ Цесарскаго Посла, и своего, Государева Болярина, Князя Григорія Семеновича Куракина, и Окольничихъ, и Думныхъ, которымъ оставаться на Москвѣ. И тако онъ, Государь Царь, всѣде на уготованный ему конь свой и пойде въ путь; а Государь Патріархъ, стоя на Лобномъ Мѣстѣ, осѣнялъ Государя Царя ручнымъ крестомъ; а Государь Царь, снявъ шапку, Государю Патріарху поклонился, и пойде въ путь о Христѣ Богородицѣ съ миромъ.

Новолѣтіе.

1691 г. (199 г.)

Л. 131.—199 году, Сентеврія 1-й день, въ Понедѣлокъ, ко Всенощному благовѣстъ былъ въ соборѣ въ старой Успенской колоколъ, а нынѣ зовутъ воскреснымъ, за семь часовъ до дни, четыре часа нощи пробило. У Всенощнаго въ соборѣ Св. Патріархъ самъ былъ со всѣми Властьми; на литіи не облачался; на величаніи облачался. И вышли изъ церкви безъ четверти за два часа до дни.

Въ той же день, въ Понедѣлокъ, въ часъ дни, позванивали на выходъ къ дѣйству Новаго Лѣта.

И въ третьемъ часу, въ послѣдней четверти, по указу Св. Патріарха, ходили изъ собора по новопоставленнаго Митрополита въ Кіевъ, по Варлаама Ясинскаго, на подворье Князя Григорья Ромадановскаго, что на Тверской, Протопопъ да Протодіаконъ, безъ пламенщиковъ; и привели въ Крестовую Палату въ четвертомъ часу дни, въ третьей четверти. И дѣйство было по Чиновнику, и пѣвчіе многолѣтіе Государемъ Царемъ пѣли, и Св. Патріарху, и новопоставленному Митрополиту Кіевскому, и посадилъ его Архіерей въ степени его въ мѣсто, и, мало посидѣвъ, пошли въ соборъ къ Литургіи. И Св. Патріархъ со всѣми Властьми пришелъ въ соборъ въ пятомъ часу дни, въ началѣ; и Архидіаконъ съ Протодіакономъ встрѣчалъ во дверяхъ съ кадилы и пѣвчіе «Достойно» входное

пѣли; и проговоря входъ, знаменался Святымъ иконамъ, и какъ бываетъ въ прочіе дни предъ Литургіею, и пришедъ ко амвону, проговоря молитву, осѣнилъ на церковь и на народъ съ посохомъ, и взошелъ на мѣсто свое, гдѣ облачается, среди церкви, и сѣлъ въ стулъ. И Власти всѣ благословлялись облачаться во освященную одежду, и давалъ имъ цѣловать руку; и потомъ облачался самъ во всю Архіерейскую одежду; Архидіаконъ съ Протопопомъ кадилъ и ко облаченію стихи говорилъ по обычаю. И облачась, осѣня трисвѣщми, велѣлъ начать Часы и по ряду Божественная Литургія. Отслужа, вшедъ во олтарь по отпустѣ, и разоблачился и отпѣлъ. И вышли изъ церкви шесть часовъ дни пробило, въ Крестовую Палату со всѣми Властями, и дожидались въ Крестовой изъ Преображенскаго походу Государя Царя Петра Алексѣевича всея Россіи къ дѣйству. А какъ Св. Патріархъ со всѣми Властьми пошелъ изъ Крестовой въ соборъ къ Литургіи, и перестали позванивать въ валовые, и благовѣстили въ одинъ большой новой колоколъ. И какъ проговорили Часы, и къ Литургіи звонили три часа, по обычаю, и престалъ. И такъ Св. Патріархъ причастися Пречистыхъ Таинъ и Власти всѣ, и велѣлъ паки позванивать къ дѣйству, пременяя колокола.

И какъ пробило восемь часовъ дни, Благовѣрный Государь, Царь, Петръ Алексѣевичъ, всеа Россіи, пришелъ изъ похода изъ Преображенскаго въ хоромы. И въ то время заблаговѣстили въ большой колоколъ, и все въ одинъ благовѣстили безъ премѣны. И Св. Патріархъ пришелъ со всѣми Властями изъ Крестовой малою лѣстницею въ стороннія, въ Сѣверныя двери въ соборъ по просту, и Архидіаконъ со Діаконы во дверяхъ съ кадилы не встрѣчали. Пришедъ въ церковь, у амвона стоя, помолясь и осѣня съ посохомъ на церковь, и вшелъ во олтарь, и облачился во всю Архіерейскую одежду, и Власти всѣ у горняго мѣста; и облачась, пришедъ, предъ престоломъ стоя, отъ Царскихъ вратъ, взявъ у Архидіакона кадило, и покадилъ сопреди престола трижды и на стороны Властей, и отдалъ Архидіакону кадило, и велѣлъ Протодіакону начать; и Протодіаконъ вышелъ изъ олтаря, стоя предъ Царскими дверьми, возглашалъ: «Благослови, Владыко!» и Св. Патріархъ, стоя во олтарѣ, предъ престоломъ, началъ: «Благословенно царство;» и Протопопы и Попы, стоя, пѣли: «Аминь!» и Протодіаконъ говорилъ ектенію большую: «Ми-

ромъ Господу помолимся!» И послѣ ектеніи Св. Патріархъ говорилъ двѣ молитвы; и послѣ молитвы Св. Патріархъ взялъ съ престола въ руки Животворящій Крестъ, а Діаконы взяли два Евангелія съ престола, и пошли изъ олтаря со Св. Патріархомъ, по обѣ стороны; и Св. Патріархъ, вышедъ изъ олтаря, у посошника взявъ въ другую руку посохъ, и пошли къ мѣсту, среди церкви, гдѣ облачался къ Литургіямъ; Архидіаконъ со Протодіакономъ, совреди идучи, кадили; въ рукахъ у Св. Патріарха Животворящій Крестъ и по сторонамъ Евангелія. И пришедъ онъ среди церкви къ мѣсту, обратя на востокъ лицо, къ Царскимъ дверямъ, велѣлъ Архидіакону начинать. И Архидіаконъ возглашалъ: «Благослови, Владыко!» и Св. Патріархъ началъ: «Благословенно слово» и пѣвчіе: «Аминь!» и пѣли идучи тропари: «Помилуй насъ, Господи, помилуй насъ!» и пошли изъ церкви. И вышедъ изъ церкви, у Западныхъ дверей, по Чиновнику, Архидіаконъ говорилъ съ кадиломъ ектенію, и на каждой ектеніи Власти и Протопопы всѣ пѣли, по сту: «Господи, помилуй!» И послѣ ектеніи Св. Патріархъ говорилъ молитву, въ Чиновникѣ, и по молитвѣ говорилъ возгласъ. И пошли къ уготованному мѣсту, уготованному между соборовъ Благовѣщенія и Архангела Михаила; а въ то время все звонили во вся. А Св. Патріархъ, идучи, несъ въ рукѣ, въ правой Животворящій Крестъ, и народъ имъ осѣнялъ, а въ лѣвой рукѣ посохъ; Архидіаконъ съ Протодіакономъ, идучи, кадили по обычаю; въ рукахъ Животворящій Крестъ, и по сторонамъ Евангелія, пришли къ мѣсту Патріаршу; Евангелія Діаконы отнеся, положили на налой у Иконъ, а Св. Патріархъ возшелъ на мѣсто свое и положилъ Крестъ на мису, не осѣня народъ. А потомъ отъ Благовѣщенія съ верху пришли Великіе Государи Цари ко уготованному ихъ Царскому мѣсту и, помолясь Господнимъ Св. Образамъ, благословились у Св. Патріарха, и Св. Патріархъ благословилъ ихъ, Государей, Животворящимъ Крестомъ и рукою, сошедъ съ мѣста своего, и вопрошалъ о ихъ Царьскомъ многолѣтнемъ здравіи; и потомъ вошли на мѣста свои. И Св. Патріархъ, возшедъ на мѣсто свое, взявъ Крестъ съ мисы въ руки, осѣняя на всѣ стороны, Царей и народъ, крестообразно, и паки отдалъ на мису; и пѣвчіе пѣли въ то время антиѳоны, по Чиновнику, а Власти поклонялись Великимъ Государемъ по дважды, а Св. Патріарху по однажды; и какъ обошлись всѣ, потомъ Св. Патріархъ кадилъ Св. Иконы на налоѣ жъ, и Великихъ Государей,

а по сторонамъ Властей, и Дьяконовъ, и крылосы, и Боаръ, и народъ, и паки Иконы и Царей; и возшедъ на мѣсто свое, и отдалъ кадило Архидіакону, и кадилъ его Архидіаконъ; и по Чиновнику было все по ряду, какъ напечатано. Архіерей послѣ Патріарха не кадилъ. И послѣ антифоновъ было осѣненіе Крестомъ, и потомъ паремьи, а послѣ паремій прокименъ и Апостолъ. И Евангеліе читалъ Св. Патріархъ, и по немъ читалъ Архидіаконъ. «Вонмемъ!» говорилъ одинъ Св. Патріархъ, Архидіаконъ не говорилъ. И послѣ Евангелія Архидіаконъ говорилъ сугубую ектенію, и послѣ ектеньи Св. Патріархъ говорилъ молитвы и отпуетъ. И послѣ отпуста осѣненіе было крестомъ, и Архидіаконъ кадилъ. И послѣ осѣненія Св. Патріархъ, сошедъ съ мѣста своего, поздравлялъ Благочестивымъ Государемъ многолѣтное здравіе, и Крестомъ благословлялъ и святою водою кропилъ. [9] И Великіе Государи пошли къ Благовѣщенію папертью и краснымъ крыльцомъ въ хоромы; а Св. Патріархъ, со Святыми Иконами и со Властьми, пошли въ соборную церковь. И пришедъ въ церковь, Св. Патріархъ покропилъ на церковь на четыре страны святою водою, и вшедъ во олтарь, и разоблачился; а Св. Иконы велѣлъ проводить Тверскому Архіепископу. Вышли изъ церкви въ одинадцатомъ часу, въ другой четверти.

134 л. обор. Сентеврія въ 1-й день, въ полчаса дни, позванивали въ соборѣ, перемѣняя колокола. Св. Патріархъ со Властьми Литургію служилъ до дѣйства въ соборѣ. Изъ Крестовой Палаты въ соборъ шелъ къ Литургіи съ провожаніемъ, пѣвчіе были и пѣли идучи во облаченіи. И пришедъ Св. Патріархъ въ соборъ, Архидіаконъ со Діаконы во дверяхъ встрѣчали съ кадиломъ, и входъ говорилъ, и пѣвчіе входное пѣли. И облачался во всю Архіерейскую одежду по обычаю, и потомъ началъ Часы, и по ряду была Литургія. И какъ причастились Пречистыхъ Таинъ, Благочестивый Государь Царь, Петръ Алексѣевичъ, всеа Росіи, пришелъ къ Москвѣ въ хоромы изъ Преображенскаго. И паки стали позванивать, а въ Литургію позвону не было. Какъ отпустилъ Св. Патріархъ Литургію, и по отпустѣ, вшедъ во олтарь и перемѣня облаченіе, и велѣлъ начать ко дѣйству Ризничью передъ дверьми. И все было

---

[9] Приписка съ боку: «и пѣвчіе Государемъ многолѣтіе пѣли, и Св. Патріарху, и всѣмъ Православнымъ Христіаномъ.»

дѣйство во Чиновнику, по прежнему, на уреченномъ мѣстѣ, между соборовъ Архангела и Благовѣщенія; а Благочестивые Государи у дѣйства были оба. И послѣ отпусту пришли въ соборъ, и во олтарѣ разоблачились; и въ Крестовую шли паки съ провожаніемъ. А какъ отъ дѣйства пришли въ соборъ, ектеніи не говорилъ, ни отпуста, такъ просто во олтарь вошли и разоблачились.

Въ той же день къ вечерни благовѣстъ былъ; какъ Св. Патріархъ вышелъ изъ церкви въ Крестовую Палату, такъ и стали благовѣстить, и по девятомъ часѣ звонить. Пѣли Вечерню въ соборѣ одни соборяне, безъ расходу, а Св. Патріарха не было: слушалъ у себя.

Ходъ въ Казанскую.

1691 г. (199)

Л. на оборотѣ 213—215. Октоврія въ 22 день, въ Среду, ко Всенощному въ соборѣ благовѣстъ былъ въ воскресной колоколъ, за полъ осма часа; праздновали Богородицѣ Казанской. Св. Патріарху выходъ со Властьми въ соборъ былъ большею лѣстницею. А Властей было: два Архіерея, Крутицкій Митрополитъ да Тверской Архіепископъ, трое Архимандритовъ: Чудовской, Новоспаской, Знаменской, да Протопопъ съ братьею. На крылосахъ пѣли пѣвчіе и соборяне. На литіи Св. Патріархъ не облачался; на величаніи облачался. Всенощное, во облаченіи, отпускалъ Протопопъ да Дьяконъ Цахкратъ. Отпѣли и вышли изъ церкви безъ четверти за три часа до дни.

На «Господи воззвахъ» стихиры пѣвчіе пѣли знаменемъ и на стиховнѣ, а славники пѣли Греческой распѣвъ. На девятой пѣсни благовѣстъ для ходу.

Въ той же день, четверта часа дни, позванивали ко ходу перемѣняя колокола. Св. Патріархъ со Властьми пришелъ въ соборъ изъ Крестовой Палаты въ пятомъ часу дни, въ исходѣ; Архи

Діаконъ со Діаконы, съ кадилы, встрѣчалъ въ Западныхъ дверехъ во входъ говорилъ, и пѣвчіе пѣли входное «Достойно». И Св. Патріархъ знаменался у Св. Иконъ, какъ бываетъ въ Литургіи, и вошедъ на мѣсто, облачился во всю Архіерейскую одежду; Архидіаконъ, кадя, говорилъ ко облаченію стихи, и какъ облачился, осѣняя трикиріемъ, сидѣлъ на стулѣ, дожидался съ верху Св. Иконъ и Государей. А въ то время, какъ вошелъ въ соборъ, все благовѣстили въ единый воскресный колоколъ, и какъ пошли съ верху отъ Благовѣщенія со Святыми Иконами и за ними Государи, такъ и зазвонили во вся; и Св. Патріархъ вышелъ изъ церкви, а передъ нимъ Діакони несли благословящій Крестъ на мисѣ; встрѣчалъ съ кадиломъ Св. Иконы и Великихъ Государей, противъ Грановитой Палаты, на коврѣ, и знаменался у Св. Иконъ, и благословлялъ Великихъ Государей Животворящимъ Крестомъ и рукою. И пришли въ соборъ, и пѣвчіе Великимъ Государемъ пѣли многолѣтіе приходное, какъ бываетъ поютъ въ иные прочіе большіе ходы. И Благочестивые Великіе Государи, прошедъ въ соборъ, знаменались у Св. Иконъ и прикладывались къ Чудотворцовымъ мощамъ; и обошедъ, по обычаю, церковь всю, и пришедъ къ Патріаршу мѣсту, а Св. Патріархъ стоялъ у мѣста жъ своего, отъ крылосовъ на орлецы, и благословлялъ ихъ, Государей, Крестомъ, рукою, и, по благословеніи, вошли на мѣста свои, по обычаю. И Св. Патріархъ Архидіакону велѣлъ начать ко ходу молебенъ. И Архидіаконъ возглашалъ: «Благослови, Владыко!» и Св. Патріархъ началъ: «Благословенъ Богъ нашъ;» и конархистъ говорилъ: «Аминь», «Царю Небесный,» и проч., какъ бываетъ молебенъ въ иные ходы. И какъ стали говорить псаломъ: «Помилуй мя, Боже,» и пошли изъ церкви со Кресты и съ Иконами въ Западныя двери, въ шестомъ часу дни, въ исходѣ. И пришли на Лобное Мѣсто, ударило шесть часовъ дня; и Діаконъ соборной говорилъ малую ектенью, и самъ Патріархъ говорилъ возгласъ, и потомъ пѣли кондакъ; и послѣ кондака Св. Патріархъ челъ Евангеліе; и, послѣ «Спаси, Боже,»—ектенья. Св. Патріархъ осѣнялъ Иконою, съ верху принесенной, Казанскою, явленіе Богородицы, а не Крестомъ; и какъ осѣнялъ, въ то время Архидіаконъ кадилъ и говорилъ: «Господу помолимся!» и пѣли всѣ на обоихъ крылосахъ «Господи, помилуй!» по трижды; и осѣня на всѣ стороны, подносилъ Великимъ Государемъ Икону цѣловать, и отдалъ Ключарю, и говорилъ возгласъ: «Милостію и щедротами.» И указалъ Св. Патріархъ

съ Лобнаго Мѣста итти къ Москворѣцкимъ воротамъ, по Китаю Городу, Рязанскому Митрополиту со Властьми, какъ росписано было у Ключарей; а по Бѣлому Городу итти велѣли, отъ Москворѣцкихъ же воротъ, Архимандриту Петровскому до Тверскихъ воротъ; а надо всякими вороты указалъ по всѣмъ говорить молитву о сохраненіи града, какъ бываетъ говорити новопоставленные Архіереи, около граду ѣздя (на ослятѣ) вначалѣ. А возшли на Городъ на Китай и на Бѣлой въ углу у Ирины. А Литургію слушалъ всякой у себя раннюю.

А начальныя мѣстныя Св. Иконы Священники понесли, и пошли со Кресты съ Лобнаго Мѣста въ седьмомъ часу дня, въ другой четверти, къ празднику въ соборъ Казанской Богородицы. И какъ дошли до церкви, Св. Патріархъ указалъ итти съ Иконами по Кремлю Городу Крутицкому Митрополиту со Властьми черными, какъ росписано у Ключарей, кому гдѣ итти. А мощей, Апостола Андрея Первозваннаго руки и Златоуста Іоанны главы, по граду не носили, какъ въ мимошедшія лѣта нашивали: стояли въ ковчегахъ у праздника во всю Литургію на престолѣ. А возшли во вратѣхъ на Никольскую башню и велѣлъ надъ всѣми враты творить погруженіе Кресту и молитву говорить.

Да тутъ же отъ собора, отъ праздника отпустилъ и указалъ итить съ иконами Архимандриту Андроньевскому до Тверскихъ воротъ улицею, а у Тверскихъ вратъ взойти на Бѣлой Градъ, итить до Москвы рѣки по Бѣлому Граду и сойти въ Тресвяцкіе вороты, а молитву говорить указалъ надъ всѣми вратами.

И около Землянаго Города, по прошлыхъ лѣтѣхъ Ключарской записки, указалъ Протопопомъ и Священникомъ всѣмъ также, кругомъ обойти велѣлъ Земляной Градъ и за Москвою рѣкою, какъ бывало хаживалъ въ мимошедшія лѣта.

А Великіе Государи указали провожать Св. Иконы по всѣмъ Градомъ, по Кремлю, и по Китаю, и по Бѣлому, и по Земляному, противъ прошлыхъ мимошедшихъ лѣтъ, по запискѣ и по наряду, Боярину, и Окольничему, и Думнымъ Дворяномъ, и Думнымъ Дьякомъ, и Полковникамъ, и Подполковникамъ, и стрѣльцамъ, по скольку гдѣ бывало.

А отпустя всѣхъ, Св. Патріархъ и Великіе Государи, вшедъ у праздника въ соборъ у Казанской Богородицы, знаменали Св. Иконы, по обычаю, и Св. Патріархъ благословлялъ ихъ, Государей, Животворящимъ Крестомъ, и кропилъ Св. водою, и велѣлъ начать Часы, и потомъ началъ Св. Литургію по ряду.

И какъ отпѣлъ Св. Литургію, и отпустя, пошли изъ церкви прямо въ Никольскіе ворота, и предъ враты, на мосту, Св. Патріархъ молитву говорилъ о сохраненіи града, просто на одномъ орленѣ, безъ ступеней,—а надобно было ступень,—и впредь указалъ въ иные лѣта подносить ступень,—кручинился за то, и послѣ молитвы кропилъ на враты, образъ, и башню, и градъ. А въ то время сошли со градовъ, съ Кремля и съ Китая, Митрополиты, и Архимандриты, и Игумены, которые ходили съ Иконами по градамъ, и пришли въ соборную церковь, и которые ходили по Бѣлому Городу то жъ пришли вмѣстѣ. И пришедъ въ церковь, канонархистъ [10] говорилъ: «Святый Боже,» и тропари: «Помилуй насъ, Господи, помилуй!» и Архидіаконъ, послѣ тропарей, говорилъ ектенію сугубую, и послѣ ектеньи Св. Патріархъ говорилъ возгласъ и читалъ молитву предъ иконою Владимірскою, среди церкви, а послѣ молитвы отпустъ. И по отпустѣ кропилъ Св. водою на церковь, и потомъ благословлялъ Великихъ Государей Животворящимъ Крестомъ, и кропилъ Св. водою, и потомъ благословлялъ Архіереевъ, и Боляръ, и Архимандритовъ, и Игуменовъ, и Протопоповъ. И потомъ Св. Патріархъ, вышедъ изъ церкви въ Южныя двери, проводилъ съ кадиломъ Св. Иконы, и знаменался у Св. Иконъ благословилъ рукою Великихъ Государей, и отпустилъ въ хоромы; и вшедъ въ церковь, во олтари и разоблачился. Вышли изъ церкви въ девятомъ часу, въ третьей четверти.

Въ соборѣ Литургію служилъ Архіепископъ Тверской, а съ нимъ служилъ Архимандритъ Знаменской, Игуменъ Срѣтенской, да соборный Попъ, да Дьяконъ. Да они жъ изъ ходу Св. Иконы, и Св. Патріарха, и Великихъ Государей, послѣ Литургіи, встрѣчали съ кадилы.

---

[10] Чтецъ каноновъ, тропарей, стихиръ; правильнѣе канонархъ.

А у праздника, у Казанской въ соборѣ, Литургію служилъ Св. Патріархъ, а съ нимъ служилъ Чудова монастыря Архимандритъ, да Спаса Новаго монастыря Архимандритъ, да Воздвиженской Игуменъ; да двое Протопоповъ, соборной да тутошній, да третій Духовникъ, отъ Благовѣщенія, Протопопъ же, да Попъ тутошній.

Въ подлинной книгѣ на оборотѣ 217 и 218 л. оставленъ пробѣлъ, а въ концѣ 218 листа написано:

«Въ той же день къ Вечернѣ въ соборѣ благовѣстили за часъ съ четвертью. Пѣли въ соборѣ одни соборяне.

Святѣйшему Патріарху къ Вечернѣ выходу не было и никуды.»

Въ этой же книгѣ на стр. 224-й записано:

«201 года. Въ сей день (26-й Октоврія) въ нощи, три часа пробыло, со Среды на Четвертокъ, преставися раба Божія, благородная Царевна, схимонахиня, Анѳиса Михайловна, въ Вознесенскомъ монастырѣ, и посхимлена девять дней; и погребли въ томъ же монастырѣ въ двадесять осьмый день, въ Пятокъ.»

Цвѣтная Недѣля.

(201—1693 года.)

Л. 300—305. Апрѣля въ 9 день, въ Недѣлю Цвѣтную Ваія, ко Всенощному благовѣстъ былъ въ соборѣ въ большой колоколъ за полъ осма часа. Святѣйшій Патріархъ со всѣми Властьми изъ Крестовой Палаты шелъ съ провожаніемъ: лампадщики въ стихаряхъ несли передъ Святѣйшимъ Патріархомъ лампаду со свѣщею, а два малыя Подъдіака въ стихаряхъ несли двѣ ослопныя свѣщи, по обѣ стороны лампадщика; а пѣвчіе и Подъдіаки идучи, пѣли безъ стихарей и шли въ соборъ большою лѣстницею. И пришелъ Святѣйшій Патріархъ въ Соборъ къ мѣсту своему, и отдалъ изъ рукъ Подъдіакону посохъ держать въ рукахъ, и Подъдіаконъ, принявъ

посохъ, стоя, держалъ отъ крылосовъ въ стихарѣ; и возшедъ на мѣсто, помолясь, осѣнилъ руками на церковь и велѣлъ начать. И Протодьяконъ возглашалъ передъ дверьми, стоя у подсвѣщника, и говорилъ: «Возстаните!» И Протопопъ по обычаю кадилъ во олтарѣ престолъ и олтарь. И вышедъ изъ олтаря съ кадиломъ Царьскими враты, а двери отворены были; какъ пришелъ Святѣйшій Патріархъ въ соборъ, въ то время, и поклонясь Св. Патріарху, Протопопъ съ кадиломъ, а Протодьяконъ предъ нимъ ходилъ съ подсвѣщникомъ, со свѣщею, и кадилъ надъ дверьми, и мѣстные и налойные образы по обѣ стороны дверей, и Св. Патріарха, и посохъ; и Протодьяконъ подсвѣщникъ поставя предъ дверьми, возглашалъ: «Благослови, Владыко!» и Протопопъ, стоя во олтари предъ престоломъ съ кадиломъ и кадя говорилъ: «Слава Святѣй,» и Св. Патріархъ, на мѣстѣ стоя, говорилъ: «Аминь!» «Пріидите поклонимся Господу,» а въ четвертые пѣніемъ запѣвалъ: «Пріидите поклонимся и припадемъ ему;» и Подъдіакъ въ стихарѣ среднемъ, Псаломщикъ сказывалъ: «Благослови, душе моя, Господа!» съ припѣвы, и пѣвчіе на крылосахъ пѣли псалонъ строильной; а по ектеньѣ кафизму пѣли: «Блаженъ мужъ,—Кіевской распѣвъ; и послѣ кафизмы пѣли стихѣры знаменныя въ четыре голосныя, и потомъ выходъ и пареміи читалъ, и потомъ ектенья, и «Сподоби, Господи,» говорилъ самъ Св. Патріархъ; и на литіи облачался въ епитрахиль въ новую, изурбавную, въ поручи въ новые, шитые, узенькіе, во омофоръ крещатой. На литіи соборяне пѣли знаменемъ первой стихъ до слова: «и нынѣ.» И надъ хлѣбы Св. Патріархъ молитву самъ говорилъ, и потомъ разоблачался; и шестопсалміе самъ говорилъ, и къ величанію паки облачался; и свѣщи раздавалъ и кадилъ, и по кажденіи, вшедъ во олтарь, и сидѣлъ, не разоблачался; и послѣ антифоновъ Протопопъ челъ Евангеліе предъ престоломъ, а Св. Патріархъ стоялъ за престоломъ у горняго мѣста во облаченіи. И послѣ Евангелія вышли изъ олтаря въ Царьскія врата, Протопопъ со Евангеліемъ шелъ, а Протодьяконъ со свѣщею предъ Св. Патріархомъ напреди; и пришедъ къ вербѣ, гдѣ уготована и поставлена осреди церкви, межъ крылосовъ, подъ паникадиломъ, и Протопопъ со Евангеліемъ и Протодьяконъ со свѣщею, и сталъ отъ мѣста Царицына, отъ лѣваго крылоса, а Св. Патріархъ за ними шелъ, и сталъ позади вербы на орлецѣ, и взявъ у Архидьякона кадило, и кадилъ вербу однажды, и на орлицы ставъ, и на стороны

Властей, и отдалъ паки Архидьякону, и Архидьяконъ покадилъ его трижды, и говорилъ: «Господу помолимся!» И Св. Патріархъ говорилъ молитву, и послѣ молитвы цѣловалъ Св. Евангеліе, и сталъ отъ мѣста своего, отъ праваго крылоса, на орлецы, и раздавалъ вербу всѣмъ: Архіереомъ, и чернымъ Властемъ, и всему народу; а послѣ Св. Патріарха Архіерей и весь народъ цѣловалъ, прежде Св. Евангеліе, и потомъ отъ Патріарха пріималъ вербу. И какъ обошлись всѣ и роздалъ вербу во всю церковь народу, вшедъ во олтарь, и разоблачился. И вышедъ изъ олтаря, и стоялъ на мѣстѣ своемъ до отпуста; канонъ говорилъ, какъ въ Тріоди напечатано. Ирмосы пѣли и къ тропаремъ запѣвали по крылосамъ соборяне; а первую пѣснь и третію пѣли и покрывали на сходѣ пѣвчіе,—Греческій роспѣвъ; а потомъ четвертую пѣснь даже до девятой покрывали соборяне знаменемъ, а девятую пѣснь, ирмосъ и половину тропарей, пѣвчіе пѣли,—Греческій роспѣвъ, а другую половину тропарей конархиетъ говорилъ говоромъ; и потомъ до отпуста, все было рядомъ, какъ бываетъ и въ прочія недѣли. И по отпустѣ говорилъ и Часъ первый, и по отпустѣ Часа, Св. Патріархъ, сошедъ съ мѣста своего, сталъ у амвона на орлецѣ, и помолясь, осѣнилъ руками на церковь и на народъ крестнѣ, и пошелъ изъ церкви паки съ провожаніемъ; безъ стихаревъ шли пѣвчіе и пѣли, токмо во стихарѣхъ трое лампадщиковъ, да малыхъ двое Подъдіаковъ съ ослопными свѣщами; Архіереи проводили до большой лѣстницы, и отпустилъ въ домы ихъ, а прочія Власти, Архимандриты и Игумены, подъ руки вели и провожали въ Крестовую. Отпѣли и вышли изъ церкви за полтора часа до дни.

Благочестивымъ Государемъ по всенощному въ Соборѣ выходу не было.

Л. 302. Апрѣля въ 9 день въ Недѣлю Ваій, ко ходу въ полчаса дни стали благовѣстить и позванивать. И въ третьемъ часу дни, въ другой четверти, Св. Патріархъ пришелъ въ соборъ съ провожаніемъ, пѣвчіе и Подъдіаки предъ нимъ шли и пѣли всѣ въ стихаряхъ, а Власти всѣ шли за нимъ большою лѣстницею, и Архидіаконъ и Протодіяконъ съ кадилы встрѣчали въ Западныхъ дверяхъ, и Діаконы были всѣ во облаченіи, и вошли, по обычаю, въ церковь; и сталъ у амвона на орлецѣ, и пѣвчіе пѣли входное;

Архидьяконъ, покадя, говорилъ входъ. И потомъ Св. Патріархъ и Власти всѣ знаменались у Святыхъ Иконъ, и потомъ, пришедъ ко амвону, говорилъ молитву: «Господи, низпосли,» и, по молитвѣ возшелъ на мѣсто свое и сѣлъ на стулъ, гдѣ къ Литургіямъ облачается, среди церкви, и въ руки имущи посохъ; и Власти благословлялись, по обычаю, облачаться къ Литургіи, и самъ облачался во всю Архіерейскую одежду; Архидьяконъ говорилъ ко облаченію стихи съ кадилы, а Протодьяконъ приговаривалъ: «Господу помолимся!» и кадилъ ко всякому стиху; а Подъдіаки,—малая станица,—пѣли на мѣрѣ: «Днесь благодать Святаго Духа,» и какъ облачился и осѣнилъ трисвѣщіемъ и двоесвѣщіемъ на церковь и на народъ, и велѣлъ начать Часы и по ряду Божественную Литургію. А какъ Св. Патріархъ пошелъ изъ Крестовой большою лѣстницею, и тогда позванивать перестали, и благовѣстили въ одинъ большой колоколъ до звону; и какъ стали говорить на Шестомъ Часу «Аллилуія,» такъ и стали звонить, и звонили до начала; и какъ Архидьяконъ началъ и возгласилъ: «Благослови, Владыко!» такъ и перестали звонить, и по ряду была Божественная Литургія, и въ Литургію ни позвону, ни благовѣсту не было. Какъ Св. Патріархъ причастился, и стали позванивать ко ходу безъ престатку. А Благочестивымъ Государемъ къ Литургіи выходу не было въ соборъ, Литургію у себя слушали въ верху. И какъ отпустили Литургію, и Св. Патріархъ переоблачился: облаченіе, въ которомъ служилъ, все снялъ, а въ ходъ облачился въ малое облаченье, въ епитрахиль, въ поручи, во омофоръ и въ митру, а не во все облаченіе. И потомъ Благочестивые Государи пришли въ соборъ оба, а звону имъ не было; какъ пошли съ краснаго крыльца, такъ перестали позванивать и благовѣстить въ большой колоколъ въ одинъ безъ престатку. И какъ пришли Государи въ соборъ и знаменались у Св. Иконъ, и Св. Патріархъ благословлялъ ихъ рукою безъ Креста; и возшедъ среди церкви, ста на мѣсто свое, и Царіе на мѣсто свое Царское стали. И велѣлъ Архидьякону начать къ молебну, и Архидьяконъ возглашалъ: «Благослови, Владыко!» и Св. Патріархъ началъ: «Благословенъ Богъ нашъ,» и конархистъ говорилъ: «Аминь!» и «Слава тебѣ, Боже нашъ, слава тебѣ!» «Царю небесный,» и прочая, и возглаеъ, и «Аминь,» и «Пріидите поклонимся Господу!» и «Господи, услыши молитву мою!» и сказывалъ: «Богъ Господи,» а пѣли тропарь: «Общее воскресеніе,» трижды, по крылосамъ, пѣвчіе;

и говорилъ Подъдіакъ конархистъ: «Помилуй мя, Боже!» И пошли изъ церкви со Кресты и со образы, и Св. Патріархъ, и по сторонамъ несли соборные Діаконы Св. Евангеліе и на мисѣ Крестъ; и за Св. Патріархомъ шли всѣ Власти въ Западныя двери съ посохами; и Благочестивые Государи вышли изъ церкви отъ Архангела въ Южныя двери,—въ стороннія,—и шли опослѣди всѣхъ, кои были во облаченіи. Идучи Архидьяконъ и Протодьяконъ кадили по сторонамъ Евангеліе и Крестъ, и потомъ Св. Патріарха; и пришли до Троицы, что на рву, и Ключари остановили Св. Иконы на мосту, у крыльца, по сторонамъ; а въ то время встрѣчали Св. Патріарха со Кресты и съ кадилы, у схода нижняго церковнаго, Знаменскій Архимандритъ да тутошній Протопопъ съ братьею. И Св. Патріархъ, принявъ у Архимандрита съ мисы Крестъ, цѣловалъ, и послѣ его цѣловалъ Крестъ въ рукахъ у Св. Патріарха Архіерей да трое Архимандриты: Чудовской, да Іерусалимской, да Спаса Новаго монастыря, и паки Крестъ положилъ на мису; и Св. Патріархъ, вшедъ въ придѣлъ Входа Іерусалима, знаменался у Св. Иконъ, и облачался во всю Архіерейскую одежду; Архидьяконъ и Протодьяконъ кадили и ко облаченію стихи говорили, какъ облачается ко службѣ Св. Литургіи; и облачась, осѣнилъ трисвѣщіемъ и двоесвѣщіемъ на церковь и на народъ, на четыре стороны, крестнѣ. И потомъ пришли Благочестивые Государи и обошли папертью въ другой придѣлъ, и облачась во Царскія одежды, въ поронры и въ вѣнцы, вошли въ церковь Входа Іерусалима и знаменались у Святыхъ Иконъ, а пѣвчіе въ то время пѣли многолѣтіе имъ и Св. Патріарху,—большой распѣвъ. И послѣ знаменанія Св. Патріархъ благословлялъ ихъ, Государей, Честнымъ Крестомъ, и кропилъ Св. водою, и потомъ рукою, и дожидались пѣнію конца многолѣтнаго; и какъ пропѣли, пошли изъ церкви на Лобное Мѣсто; а въ то время, какъ облачались, Ключари отослали въ соборъ Св. Иконы. И пришедъ на Лобное Мѣсто, осѣня руками на народъ, на всѣ четыре страны, и потомъ Архіерей и Власти всѣ поклонялись Государемъ по два, а Св. Патріарху по однажды; и потомъ Св. Патріархъ подносилъ Благочестивымъ Государемъ ваія и вербу, и раздавалъ вербу Архіереомъ, и Бояромъ, и всему Царьскому Синклиту, а по сторонамъ Властемъ раздавали вербу Архіереи. И послѣ раздачи вербы Архидіаконъ, пришедъ со Св. Евангеліемъ ко Св. Патріарху, благословлялся читать и, принявъ благосло-

съ Протопопомъ и съ братьею; и раздавалъ опослѣ вербу остальную Архіереомъ и прочимъ чернымъ Властемъ и народу. И вышли изъ церкви, паки съ провожаніемъ, въ Крестовую, восемь часовъ дня пробило.»

Приписки.

Л. 305. 202 году, Апрѣля въ 1-й день, въ сію Недѣлю Ваія въ соборѣ къ Литургіи благовѣстъ былъ въ два часа дни въ большой колоколъ. Св. Патріархъ со всѣми Властми изъ Крестовой Палаты пришелъ въ соборъ съ провожаніемъ, въ началѣ четвертаго часа дни; Архидіаконъ и Протодьяконъ со Діаконы встрѣчали съ кадилы, и пѣвчіе входное пѣли, и Архидіаконъ входъ говорилъ; и Св. Патріархъ у Св. Иконъ знаменался, и Власти; и облачался во всю Архіерейскую одежду, по обычаю, какъ бываетъ и въ прочихъ службахъ, и Власти всѣ; Архидіаконъ и Протодіаконъ кадилъ и ко облаченію говорилъ. И облачась, велѣлъ начать Часы и по ряду Божественную Литургію Златоустову отпѣлъ. И вышли изъ церкви въ Крестовую, съ провожаніемъ, въ шестомъ часу дни, въ исходѣ.

А дѣйства надъ вербою и на жеребяти ѣзды не было, и Благочестивымъ Государемъ выходу въ соборъ ни ко Всенощному, ни къ Литургіи, ни къ чему не было.»

Служба въ Четвертокъ Страстныя Недѣли и слѣдующіе дни.

Л. 310. 201 году, Апрѣля въ 13 день, въ Четвертокъ Страстныя Недѣли Святаго Поста благовѣстъ былъ за четыре часа до дни. Св. Патріархъ Утреню слушалъ въ соборѣ; началъ Священникъ Никифоръ передъ дверьми, и возгласъ: «Яко твое есть,» тутъ же говорилъ; а Протопопъ говорилъ псаломъ, «Аминь!» и «Пріидите поклонимся,» и «Услышитъ мя,» а Священникъ, вшедъ во олтарь, взявъ у Пономаря кадило, и кадилъ олтарь и церковь всю, какъ и въ иные дни бываетъ; и какъ откадилъ, а Протопопъ въ то время проговорилъ два псалма и «Трисвятое,» и Священникъ возгласъ и «Аминь!» и говорилъ тропари; и послѣ тропарей Священникъ говорилъ ектенью съ кадиломъ во олтари и предъ престоломъ; и по-

томъ Протопопъ, по возгласѣ, говорилъ шестой псаломъ; и послѣ Священникъ говорилъ великую ектенію, передъ дверми, и возгласъ, и пѣлъ: «Богъ Господи,» и тропарь: «Егда славніи ученицы.» И діаконъ, облачась, говорилъ: «Премудрость прости,» и Священникъ челъ Евангеліе, что положено въ Тріоди на ряду, и прочетъ Діаконъ, и разоблачился. И потомъ пѣлъ рядомъ, какъ напечатано; и на Первомъ Часу была паремья. Отпѣли и вышли изъ церкви за полтора часа до дни.

А Полунощницы въ соборѣ не говорили.

Л. 314. Апрѣля того жъ 13 дня, въ той же Четвертокъ Страстныя Недѣли Святаго Поста, по утру, ко освященію святаго елея въ соборѣ благовѣстъ былъ въ полтора часа дни. Св. Патріархъ со Властьми пришелъ въ соборъ въ третьемъ часу вполы, въ Западныя двери; Архидіаконъ со Діаконы съ кадилы не встрѣчали, просто осреди церкви у мѣста поклонились; и Св. Патріархъ, помолясь у амвона, и осѣнилъ на церковь и на народъ крестнѣ, и, вшедъ во олтарь, облачился въ малое облаченіе. И вышедъ, и сталъ осреди церкви на мѣстѣ, гдѣ къ Литургіямъ облачается, и Власти всѣ во облаченіи, и Протопопъ и соборяне по сторонамъ; и Архидіаконъ возглашалъ: «Благослови, Владыко!» и Св. Патріархъ началъ: «Благословенъ Богъ нашъ,» и конархистъ: «Аминь!» «Слава тебѣ, Боже нашъ, слава тебѣ!» «Царю небесный» и «Трисвятое», и «Отче нашъ,» возгласъ и «Аминь!» «Господи, помилуй» 12-ть (разъ), и «Слава, и нынѣ,» и «Пріидите поклонимся,» и говорилъ псаломъ: «Господи, услыши молитву мою,» и «Аллилуія,» и Архидіаконъ говорилъ малую ектенью; и возгласъ Св. Патріархъ; и молитву надъ виномъ и елеемъ; и сказывалъ конархистъ: «Аллилуія,» возгласъ и тропари. А въ то врамя Св. Патріархъ раздавалъ свѣщи, и, раздавъ всѣмъ Властемъ, кадилъ окрестъ елей на столѣ, и олтарь, и мѣстныя Иконы, и налойныя, и Властей, и соборянъ, и церковь всю; а въ то время конархистъ говорилъ канонъ; а на крылосахъ запѣвали къ тропарямъ. И какъ окадилъ, отдалъ Архидіакону кадило, и Архидіаконъ кадилъ его; г послѣ канона и тропарей говорилъ Архидіаконъ ектенію великую, и Св. Патріархъ говорилъ молитву, и потомъ конархистъ говорилъ тропари. И предъ Апостоломъ Архидіаконъ говорилъ: «Вонмемъ!» и

веніе, говорилъ: «Премудрость прости,» и Св. Патріархъ подалъ «Миръ всѣмъ,» и на крылосѣ пѣли: «и духови твоему;» и потомъ Архидьяконъ возглашалъ: «Отъ Марка Св. Евангелія чтеніе,» и пѣли пѣвчіе: «Слава тебѣ, Господи, слава тебѣ!» и говорилъ онъ же: «Вонмемъ,» и челъ Св. Евангеліе: «Во время оно, приближися Іисусъ во Іерусалимъ и пріиде во Виѳфагію и Виѳанію къ горѣ Елеонстѣй, посла два отъ ученикъ своихъ,» и чёлъ сіе трижды, и: «глагола имъ,» и сіе трижды; и пришли два ученика ко Святѣйшему Патріарху: Протопопъ да Ключарь, и Св. Патріархъ глагола имъ и посла: «идита въ вѣсь, яже есть пряме вама; и абіе входяща въ ню, обрящета жребя привязано, на неже никто же отъ человѣкъ всѣде, отрѣшша е, приведита, И аще кто вама речетъ: «Что творите сіе?» рцыта: «Яко господь требуетъ е;» и поцѣловавъ у Св. Патріарха десницу, и пошли по уготованнаго жребя, у столпа привязанаго. И въ то время Архидіаконъ читалъ во Евангеліи: «и абіе послетъ е сѣмо,» трижды и больше, и досмотря по дѣйству; и паки читалъ: «идоста же и обрѣтоста жребя, привязано при дверѣхъ внѣ, на распутіи, и отрѣшиста е,» трижды; и потомъ читалъ: «и нѣцыи отъ стоящихъ ту, глаголаху има: «Что дѣета, отрѣшающа жребя?» Они же рѣста имъ, яко же заповѣда има Іисусъ, и оставиша я,» однажды читалъ сіе, или смотря по дѣйству; и потомъ читалъ: «и приведоста жребя ко Іисусови,» трижды, и больше, какъ привели; и потомъ читалъ: «возложиша на не ризы своя;» сіе читалъ многажды, доколѣ вся устроиша, какъ сѣсть. И Св. Патріархъ, взявъ Крестъ съ мисы въ руки своя, и осѣня Государей и народъ крестомъ, и возшедъ на степени, и сѣлъ на жребя; Архидіаконъ читалъ: «и всѣде на не,» сіе читалъ многажды, доколѣ уготоваша все. И какъ сѣлъ Св. Патріархъ на жребя, и Благочестивые Государи поводъ взявъ, а Бояринъ Князь Алексѣй Андреевичь Голицынъ поводъ за ними несъ, и вели жребя; и пошли въ городъ по постланнымъ сукнамъ; а въ то время Архидіаконъ дочиталъ Евангеліе: «мнози же ризы своя постлаша по пути, друзіи же ваія рѣзаху отъ древія, и постилаху по пути, и предходящіе и въ слѣдъ грядущіи вопіяху, глаголюще: «Осанна, благословенъ грядый во имя Господне!» ту возгласилъ и конецъ. И какъ Св. Патріархъ ѣхалъ на осляти, и сидя крестомъ народъ осѣнялъ, Архидіаконъ и Протодьяконъ идучи,

кадили. А сукна стланы были половинками, безъ подъему, отъ самаго Лобнаго Мѣста до собору, и малыя сукна были жъ постланы. И какъ пришли къ собору, къ Западнымъ дверямъ, къ ступенямъ, и Св. Патріархъ, отдавъ изъ руки Крестъ на мису, и сошелъ со осляти и съ приступу, паки взялъ Крестъ въ руки, и осѣнилъ Крестомъ на хоромы, и вшелъ въ церковь, и ста у мѣста своего, на орлецы, осреди церкви, а Благочестивые Государи у столпа стали на коврѣ и на подножникахъ. Архидіаконъ возшелъ на амвонъ, обратясь на западъ, и аналой поставленъ, и Евангеліе положено на амвонѣ на западъ же, и дочиталъ Евангеліе отъ Матеея, въ зачалѣ 83, въ концѣ: «и вшедшу ему во Іерусалимъ, потресеся весь городъ, глаголя: «Кто есть сей?» народи же глаголаху: «Сей есть Іисусъ, пророкъ, иже отъ Назарета Галилейска;» видѣвше же Архіереи и книжницы чудеса, яже сотвори, и отроки зовущя въ церкви и глаголющя: «Осанна сыну Давидову!» негодоваша и рѣша ему: «Слышиши ли, что сіи глаголютъ,» Іисусъ же рече имъ: «Ей, нѣсте ли чли николи же, яко изо устъ младенецъ и ссущихъ совершилъ еси хвалу,» и оставль ихъ, изыде вонъ изъ города въ Виѳанію, и водворися ту,» и возгласилъ ту конецъ. А челъ Евангеліе съ начала на Лобномъ Мѣстѣ, и въ церкви дочиталъ безъ камилавки, и прочелъ, воздѣвъ камилавку, сошелъ съ амвона по степенямъ къ Западнымъ дверямъ со Св. Евангеліемъ, и поднесъ Св. Патріарху, и Св. Патріархъ подносилъ цѣловать Благочестивымъ Государемъ, и потомъ, отдавъ Евангеліе Архидіакону, и цѣловалъ самъ; и конархистъ говорилъ: «Святый Боже,» и Св. Патріархъ говорилъ возгласъ, и конархистъ говорилъ тропари: «Помилуй насъ, Господи, помилуй насъ!» и послѣ тропарей Архидіаконъ говорилъ ектенію: «Помилуй насъ, Боже;» «Еще молимся о милости жизни,» и проч., и потомъ: «и о еже сохранитися,» и Св. Патріархъ говорилъ возгласъ: «Услыши ны,» и Архидіаконъ гогорилъ: «Премудрость,» и Св. Патріархъ отпустъ; и по отпустѣ Благочестивые Государи благословились у Св. Патріарха и вышли изъ церкви въ хоромы. А Иконы отпускалъ Нижегородской Митрополитъ; а Св. Патріархъ, отпустя Государей, взявъ у Архидіакона кадило, и покадилъ на рукахъ вербу у амвона, и отдавъ кадило, и говорилъ молитву надъ вербою, и вшедъ во олтарь, и разоблачился. И вышелъ изъ олтаря и отпустилъ въ верхъ вербу ко Государемъ

Митрополитъ помазывалъ народъ у мѣста Патріарша, осреди церкви, на степени; Нижегороцкой Митрополитъ за правымъ столпомъ, межъ мѣстъ Великихъ Государей и Св. Патріарха, ту стоя, помазывалъ; Архіепископъ Колмогорской позади лѣваго столпа, тутъ стоя, помазывалъ; Чудова монастыря Архимандритъ позади задняго праваго столпа стоялъ отъ ризы Спасителевы, тутъ помазывалъ; Спаса Новаго монастыря Архимандритъ позади перваго столпа задняго, отъ раки Чудотворца Іоны, стоя тутъ, помазывалъ. И послѣ всенароднаго елеосвященнаго помазыванія, у Протодіакона, принявъ Евангеліе, розогнувъ, велѣлъ надъ собою держать, обратя къ себѣ словами, и держали всѣ Власти на рукахъ; и говорилъ молитву въ слухъ одинъ Св. Патріархъ, — напечатана въ требникѣ «Царю небесный,» а Власти по немъ всѣ тихо про себя говорили, а не вслухъ; и послѣ молитвы Архидіаконъ говорилъ ектенію: «Помилуй насъ, Боже,» и проч., и послѣ ектеньи Св. Патріархъ говорилъ возгласъ: «Яко милостивъ,» и послѣ возгласа конархистъ говорилъ: «Слава,» «Источникъ,» и «нынѣ,» и «Призри на молитву!» И послѣ Богородична Архидіаконъ говорилъ «Премудрость,» и Св. Патріархъ говорилъ: «Пресвятая Богородице, спаси насъ!» и на крылосѣ: «Честнѣйшую,» и «Слава, и нынѣ,» «Господи, помилуй;» Господи, Владыко благослови!» и Св. Патріархъ говорилъ: «Владыко многомилостиве,»—молитву. Ту и конецъ. Аминь.

Отпѣли и вышли изъ церкви въ полы шестаго часа дня.

Л. 314. Апрѣля 13-го того жъ дня, въ Четвертокъ Страстныя Недѣли Святаго Поста, благовѣстъ въ соборѣ къ Литургіи съ Вечернею былъ за семь часовъ до нощи, а пробило семь же часовъ дня. Святѣйшій Патріархъ изъ Крестовой Палаты въ соборъ пришелъ со Властьми въ осмомъ часу, въ третей четверти; Архидіаконъ со Дьяконы встрѣчали въ Западныхъ дверяхъ съ кадилы и пѣвчіе входное пѣли. И Св. Патріархъ у амвона стоялъ на орлецѣ, и помолился Господу, и Архидіаконъ входъ говорилъ, и Св. Патріархъ, проговоря тропари, знаменался у Св. Иконъ и къ Чудотворцовымъ прикладывался мощамъ; и пришедъ ко амвону и проговоря молитву: «Господи, низпосли,» и осѣнилъ руками съ посохомъ на церковь и на народъ крестнѣ, и возшелъ на мѣсто

свое среди церкви, гдѣ облачается къ Литургіямъ; сидя на стулѣ, давалъ руку правую цѣловать, Архіереомъ, и Архимандритамъ. и Игуменомъ, и Протопопомъ, и соборнымъ чреднымъ, Попу и Діакону, облачаться во священная одежда ко слушанію святыя Литургіи повелѣвшу, какъ обычай надлежитъ, а въ лѣвой рукѣ имѣвшу посохъ. И какъ всѣ служащіе перешлись, воставъ и посохъ отдавъ Подъдьяку посошнику, и велѣлъ держать позади себя, и потомъ облачался во всю Архіерейскую одежду. А облачали Св. Патріарха Ризничій да два черные Діакона, Архидіаконъ и Протодіаконъ съ кадилы, и, кадя, но облаченію стихи говорили, и Подъдьяки малые, во стихаряхъ, на мѣрѣ пѣли. И какъ облачился и осѣнилъ трисвѣщіемъ и двоесвѣщіемъ на церковь и на народъ, и велѣлъ начать Часы, а самъ, принявъ у посошника посохъ, сошелъ съ мѣста и вшелъ во олтарь, и принялъ у Архидіакона кадило, и покадилъ престолъ сопреди трижды, и на стороны Властей, и кадило отдалъ Архидіакону, и Архидіаконъ покадилъ его трижды. И велѣлъ было Властемъ съ престола снять индитію, [13] для омытія срачицы, и немогши снять, по тому что сшита индитія новая въ бархатѣ золотномъ, а на швахъ пуговицъ съ застѣжками не учинено и не пришито, зашито на глухо, такъ бархатъ посошелся и сталъ тугъ, и окрѣпился около престола накрѣпко; а у старыхъ одѣяніихъ были пришиваны пуговицы по швамъ, для нынѣшнихъ случаевъ и сему; построявъ п крылы поочистилъ со индитіи крохи и пыль, и покропя святою водою и губами поотерши, и положилъ на престолъ антиминсъ, и Св. Евангеліе, и Крестъ, и покрылъ пеленою; и покрывъ, приmя у Архидіакона кадило, и кадилъ окрестъ престолъ однажды, и жертвенникъ, и олтарь, и паки отдалъ кадило ему жъ, и Архидіаконъ покадилъ его, Святѣйшаго Патріарха, трижды, и по каженіи Св. Патріархъ говорилъ въ Требникѣ молитву, что напечатана на омытіе жертвенника и трапезы; и проговоря молитву, принявъ у Подъдіакона двоесвѣщіе и трисвѣщіе въ руцѣ, и осѣнилъ на престолъ и на стороны Властей, а Власти въ то время пѣли: «Исполаэти деспота!» И отдавъ двоесвѣщіе и трисвѣщіе Иподіакономъ, и раздавъ губы Великимъ Государемъ, отсылалъ и Властемъ и церковникомъ; а въ церкви въ то время говорили всѣ Часы рядомъ, до

[13] Индитіа—напрестольная одежда.

Св. Патріархъ: «Миръ всѣмъ!» и Протодьяконъ сказывалъ прокименъ и челъ Апостолъ, а каженія въ Апостолъ не было, и послѣ Апостола пѣлъ «Аллилуія,» и Архидіаконъ говорилъ ко всѣмъ Евангеліямъ: «Премудрость прости,» а не «о сподобитися,» и Св. Патріархъ сказалъ: «Миръ всѣмъ!» и челъ напередъ самъ Св. Евангеліе. И послѣ Евангелія Архидіаконъ говорилъ ектенью: «Помилуй насъ, Боже, по велицѣй милости твоей,» о всѣхъ Православныхъ Христіанахъ, что какъ напечатано въ Требникѣ; и Св. Патріархъ говорилъ возгласъ: «Яко милостивъ,» и, по возгласѣ говорилъ молитву первую въ Требникѣ, по Евангелію, а другую молитву: «Отче святый, врачь душъ и тѣлесъ,» не говорилъ, и прочія Власти сей молитвы ни кто не говорилъ, и не помазывалъ Св. Патріархъ ни себя, ни иныхъ елеемъ. И паки Протодьяконъ сказывалъ къ другому Апостолу прокименъ, и челъ второй Апостолъ, и послѣ Апостола пѣлъ «Аллилуія» трижды. И челъ Евангеліе Крутицкой Митрополитъ, и послѣ возгласъ и, по возгласѣ, онъ же, Крутицкой, говорилъ молитву, первую послѣ Евангелія, а «Отче святый, врачь душъ и тѣлесъ,» не говорилъ; и, по молитвѣ, соборной Діаконъ Пахкратъ [11] сказывалъ прокименъ ко третьему Апостолу, и Апостолъ челъ, и послѣ Апостола пѣлъ на крылосѣ: «Аллилуія» трижды; и Архидіаконъ говорилъ ко всѣмъ Евангеліямъ: «Премудрость прости!» И Евангеліе третіе челъ Митрополитъ Нижегородской, и послѣ Евангелія Діаконъ его, Нижегородцкаго, говорилъ ектенью, и послѣ возгласъ, и по возгласѣ говорилъ молитву той же Нижегородцкой Митрополитъ, а той молитвы: «Отче святый,» не говорилъ же; и Дьяконъ Пахкратъ сказывалъ прокименъ къ четвертому Апостолу и челъ Апостолъ, и послѣ Апостола пѣлъ «Аллилуія» трижды. И челъ четвертое Евангеліе Архіепископъ Колмогорскій; и послѣ Евангелія Дьяконъ его, Колмогорскаго, говорилъ ектенью, и послѣ ектеньи возгласъ, и, по возгласѣ молитву говорилъ онъ же, Колмогорской, а другой молитвы: «Отче святый,» не говорилъ же. И послѣ молитвы соборной Дьяконъ, Гаврилѣ, сказывалъ прокименъ къ пятому Апостолу, и челъ Апостолъ, а послѣ Апостола пѣлъ «Аллилуія» трижды. И челъ Евангеліе пятое Чудова Монастыря Архимандритъ, и послѣ Евангелія Дьяконъ его говорилъ ектенью, и воз-

[11] Т. е., Панкратъ.

гласъ говорилъ онъ же, Архимандритъ, и молитву первую читалъ, а другой: «Отче святый,» молитвы, не говорилъ; а послѣ молитвы сказывалъ прокименъ къ шестому Апостолу онъ же, Дьяконъ Гаврилъ. И челъ шестое Евангеліе Спаса Новаго монастыря Архимандритъ, и послѣ Евангелія Дьяконъ его говорилъ ектенью, и по ектеньи говорилъ возгласъ онъ же, Новоспаской Архимандритъ, и по возгласѣ говорилъ молитву, а другой молитвы: «Отце святый,» не говорилъ; и послѣ молитвы соборной Дьяконъ, Лука, сказывалъ прокименъ къ седьмому Апостолу, и челъ Апостолъ, и послѣ Апостола пѣлъ «Аллилуія,» трижды; и Архидіаконъ говорилъ: «Премудрость прости, услышимъ Св. Евангелія!» и Св. Патріархъ сказалъ: «Миръ всѣмъ,» да и ко всѣмъ Евангеліямъ и Апостоламъ и къ молитвамъ все говорилъ въ началъ Архидіаконъ. И по семъ челъ седьмое Евангеліе Симонова монастыря Архимандритъ, и послѣ Евангелія ектенью говорилъ Дьяконъ его, а послѣ ектеньи возгласъ говорилъ онъ же, Симоновской Архимандритъ, и по возгласѣ говорилъ молитву и возгласъ. И послѣ молитвы Св. Патріархъ сошелъ съ мѣста своего къ столу и говорилъ молитву со всѣми Властьми: «Отче святый, врачь душъ и тѣлесъ,» самъ вначалѣ говорилъ, и послѣ его за нимъ говорили Власти всѣ надъ елеемъ, и, проговоря молитву, изъ кратира [12] укладывалъ ложкою въ малые стаканцы святый елей, и отдавалъ Архіереомъ тремъ и двумъ, и Архимандритомъ по стаканцу и по спичкѣ, для народнаго помазыванія, и себѣ жъ тожъ стаканецъ велѣлъ Дьякону держать; и отшедъ ко амвону, и ставъ на степени на орлецъ, и взявъ спичку, вначалѣ свѣтымъ елеемъ помазывалъ себя, Св. Патріархъ, на челѣ, и на ноздряхъ, и на ланитахъ, и на устахъ, и на персѣхъ, и на рукахъ; и послѣ себя помазывалъ Архіереовъ, и Архимандритовъ, и Игуменовъ, и Протопоповъ, и Соборянъ, и Архидіакона со Діаконы, и Боляръ, и народъ, также по тѣмъ же удесѣмъ. И какъ помазалъ Архіереовъ и Архимандритовъ, указалъ имъ, за умноженіемъ народа, помазывати народъ; а церковь и церковныя двери велѣлъ припереть, чтобы народъ изъ церкви до отпуста не выходилъ, и съ площади вновь, и не бывъ у молебнаго пѣнія и елеосвященія, не входилъ въ церковь и не помазывались. Крутицкій

[12] Слово Греческое, чаша, кубокъ.

«Благословлю Господа.» И какъ во олтари устроили все, и Св. Патріархъ со Властьми и вышелъ изъ олтаря на мѣсто свое, осреди церкви, и по сторонамъ Власти. И Архидіаконъ ста у мѣста на степени, близъ Св. Патріарха, говорилъ: «Царю небесный;» и сошедъ со степени, ста со Діаконы, по конецъ ковра, среди церкви, говорилъ, молясь: «Слава въ вышнихъ,» и прочая, какъ бываетъ предъ началомъ святыя Литургіи; и пришедъ ко Св. Патріарху и говорилъ, главу преклоня: «Время сотворити Господеви: благослови, Святѣйшій Владыко!» и проч. И принявъ благословеніе и предъ Царьскими враты стоя, возглашалъ ко началу Вечерни и святой Литургіи: Благослови, Владыко!» И во олтарѣ, стоя предъ престоломъ, Чудова монастыря Архимандритъ началъ: «Благословенно царство,» надъ антиминсомъ Крестъ сотворшу святымъ Евангеліемъ, и (недописка) Патріархъ, стоя на мѣстѣ своемъ, среди церкви, говорилъ: «Аминь!» «Слава тебѣ, Боже нашъ, слава тебѣ!» Царю небесный,» «Три святое» и «Отче нашъ,» и Архимандритъ возгласъ, и Св. Патріархъ: «Аминь!» «Господи, помилуй», 12 разъ, и «Слава, и нынѣ,» и «Пріидите поклонимся» трижды, и псаломъ: «Благослови, душе моя, Господа,» и «Слава, и нынѣ,» и «Аллилуія.» И Архидіаконъ говорилъ ектенію великую и пѣвчіе пѣли на крылосехъ: «Господи, помилуй» и, по возгласѣ, пѣли: «Господи воззвахъ,» и стихиры пѣли на гласъ, токмо пѣли «Слава, и нынѣ» знаменемъ, четвероголосное. И потомъ со Евангеліемъ выходъ былъ, и Архидіаконъ возглашалъ: «Премудрость прости!» И Св. Патріархъ, принявъ въ руцѣ у Подъдіаконовъ троесвѣщіе и двоесвѣщіе, запѣвалъ самъ: «Свѣте тихій святыя славы,» и съ нимъ пѣли всѣ Архіереи, и Архимандриты, и Игумены, и Архидіаконы, со Діаконы, и пѣвчіе на сходѣ, оба крылоса, всѣ во облаченіи. И Св. Патріархъ, осѣня на церковь крестнѣ, и вшедъ во олтарь, цѣловалъ на вратѣхъ Благовѣщеніе и престолъ, и кадило у Архидіакона принявъ, кадилъ окрестъ престолъ и весь олтарь, и вышедъ изъ олтаря надъ дверьми сѣнь, а на стороны Спасителевъ образъ и Богоматери, и крылосы, и народъ; а въ то время малые Подъдьяки пѣли, стоя за престоломъ: «Исполаэти деспота.» И Архидіаконъ къ прокимену говорилъ: «Вонмемъ, премудрость вонмемъ!» и конархистъ сказывалъ прокименъ и челъ паремьи, и послѣ паремій Діаконъ говорилъ малую ектенью; и Архидіаконъ по ектеніи возглашалъ: «Господи, спаси благочестивыя и услыши ны,» и проч. Про-

кименъ, и Апостолъ, и каженіе, и Евангеліе, и по ряду Божественную Литургію. Великаго Василія была. И по заамвонной молитвѣ, по Чиновнику, умовеніе ногамъ было также, какъ и въ мимошедшемъ 200 году.

Благочестивымъ Государемъ въ соборъ къ Литургіи и ко умовенію выходу не было.

Отпѣли и вышли изъ церкви въ другонадцетомъ часу въ исходѣ.

Апрѣля въ 13 день, въ сей же Четвертокъ Великій, въ вечеру благовѣсту въ Соборѣ не было; пѣнія ни какого не было, ни Повечерія, ни Полунощницы, — по келіямъ говорили.

Апрѣля въ 14 день, въ Пятокъ Страстныя Недѣли Святаго Поста, въ соборѣ къ Утрени благовѣстъ былъ за шесть часовъ Святѣйшій Патріархъ Утреню въ соборѣ слушалъ; Властей ни кого не было, одни соборяне; Полунощницы не говорили. Какъ пришелъ Св. Патріархъ изъ Крестовой въ соборъ, Протопопъ и Протодьяконъ во облаченіи вынесли Св. Евангеліе и положили на налой, на амвонѣ, и поставили предъ нимъ подсвѣщникъ со свѣщею, и Протодьяконъ возглашалъ: «Благослови, Владыко!» а Протопопъ съ кадиломъ началъ: «Благословенъ Богъ нашъ,» и Ключарь Провъ говорилъ: «Аминь!» «Слава тебѣ, Боже нашъ, слава тебѣ!» «Царю небесный,» «Трисвятое» и «Отче нашъ;» возгласъ, и по возгласѣ «Аминь!» «Господи, помилуй,» 12 разъ, «Слава, и нынѣ,» и «Пріидите поклонимся,» трижды, и псаломъ. И Протопопъ кадилъ олтарь, и вышедъ изъ олтаря, поклоняся Св. Патріарху съ кадиломъ, и кадилъ на налой на амвонѣ Св. Евангеліе окрестъ, и надъ дверьми сѣнь, и мѣстныя и налойныя Иконы, и Св. Патріарха, и крылосы, и народъ и всю церковь, и Протодьяконъ предъ нимъ ходилъ со осляпною свѣщею. И какъ окадили всю церковь до возгласу, и пришедъ Протопопъ, проговоря возгласъ, паки кадилъ сопреди Св. Евангеліе и надъ дверьми сѣнь, и на стороны Спасителевъ образъ и Богоматери, и передъ мѣстомъ на налой Влахернскую и Св. Патріарха; и Протодьяконъ, отдавъ свѣщу, говорилъ ектенью передъ дверьми, а Протопопъ во олтари говорилъ возгласъ.

и Ключарь: «Аминь!» и началъ: «Слава святѣй.» И Ключарь говорилъ шестопсалміе, и послѣ шестопсалмія «Слава, и нынѣ,» «Аллилуія;» и Протодьяконъ ектенью и возгласъ; и конархистъ сказывалъ возгласъ: «Богъ Господь,» со стихи и тропарь; а въ то время Архидіаконъ подавалъ Св. Патріарху свѣщи, и соборяномъ всѣмъ, и народу, кто былъ. И Протодьяконъ по тропарю говорилъ: «И сподобитися намъ,» и «Премудрость прости!» и Св. Патріархъ сказалъ «Миръ всѣмъ!» И Протопопъ челъ на амвонѣ одно Евангеліе, а не два, а бывало читывалъ по два сряду. А къ тѣмъ Евангеліямъ кадилъ все Протодьяконъ, Евангеліе да мѣстныя и налойныя иконы, и Св. Патріарха, и крылосы, а въ церкви всей и людей не кадилъ; и ко Евангеліямъ ко всѣмъ говорилъ: «И о сподобитися намъ,» и «Премудрость прости!» Второе челъ Евангеліе Ключарь Яковъ, и третіе онъ же челъ. И четвертое Евангеліе челъ Ключарь Провъ; пятое челъ Евангеліе Василій старикъ; шестое Евангеліе челъ Никифоръ, седмое Евангеліе челъ Іаковъ Коломня; осмое Евангеліе челъ Василій молодой; девятое челъ Евангеліе Іоаннъ Попъ; десятое Евангеліе челъ придѣльный Попъ, Гаврилъ; первое надесять Евангеліе челъ другаго придѣла Попъ Петръ; второенадесять Евангеліе челъ паки Протопопъ, а кадилъ Протодьяконъ до осмаго Евангелія, а не до конца; и малыя ектеніи передъ Евангеліями онъ же, Протодіаконъ, говорилъ, а въ прошлые годы бывало говаривалъ чредной Попъ. И какъ Протопопъ прочелъ послѣднее второенадесять Евангеліе, и замкнувъ и снявъ съ налоя, и подносилъ ко Святѣйшему Патріарху, а Протодьяконъ передъ нимъ съ подсвѣтщникомъ, и Св. Патріархъ цѣловалъ Св. Евангеліе, и по цѣлованіи, поклонясь, осѣнилъ ихъ рукою; и Протопопъ вшедъ во олтарь, и положилъ на престолъ и разоблачился. А отпускалъ чредной Попъ Іаковъ.. Часу перваго не говорили. Отпѣли и изъ церкви вышли за часъ до дни.

Въ лицѣ 318 стр. оставленъ пробѣлъ.

Стр. 318. Апрѣля въ 14 день, въ сей же Пятокъ Страстныя Недѣли Святаго Поста, къ Часамъ благовѣстъ въ соборѣ былъ три часа дни пробило. Св. Патріархъ изъ Крестовой въ соборъ пришелъ со Властьми, въ четвертомъ часу дни, въ исходѣ; Архидіаконы со Дьяконы въ стихаряхъ безъ кадилъ, покланялись среди

церкви, а съ кадилы не встрѣчали. И вшедъ въ церковь, Св. Патріархъ сталъ у амвона, на орлецѣ, и, помолясь, осѣнилъ руками съ посохомъ на церковь крестнѣ; и отдавъ посошнику посохъ и вшедъ въ олтарь, и облачился во всю Архіерейскую одежду; а облачали Ризничій да черные Дьяконы, также и Архіереи во все облачились; а двое Архимандритовъ, Чудова монастыря да изъ Іерусалима, во все жъ облачились, и Новоспаской; а прочіе Архимандриты и Игумены въ клобуки. А какъ облачились, по обычаю, что въ прошлые годы нашивали съ собою хрустальные изъ за престола Кресты, хоругови, и Архидіаконъ со Діаконы, съ кадилы; и вышедъ изъ олтаря Св: Патріархъ, взявъ посохъ, и пошли ко Благовѣщенію въ соборъ по мощи Святыхъ, и запрестольная Богородичная была икона. И какъ пришли въ паперть ко Благовѣщенію, и вошли въ церковь въ Западныя двери, и Св. Патріархъ ста у мощей, у стола, на орлецѣ, помолясь, и знаменался у св. Иконъ по обѣ стороны Царьскихъ вратъ; и потомъ, взя у Архидіакона кадило, и кадилъ мощи Святыхъ окрестъ стола; и оходя мощи, паки ста на орлецѣ передъ Животворящимъ Древомъ, и покадя, ту стоя, надъ дверьми сѣни, и Спасовъ образъ, и Богородичень и на стороны Властей, и отдалъ кадило Архидіакону. И подавалъ мощи Святыхъ Архіереомъ, Архимандритомъ, и Игуменомъ, и Протопопомъ, и Попомъ, и Діакономъ; и, раздавъ уготованныя мощи всѣ, самъ поднялъ на главу Животворящее Древо. А подъ руки вели Ризничій да черной Діаконъ; и паки изъ церкви пошли въ соборъ тѣми же Западными дверьми и папертью. А передъ несли митру на мисѣ двое Діаконовъ, и лампадщикъ съ лампадою, со возженною свѣщею да съ двѣмя свѣщами съ ослопными двое малыхъ Подъдьяковъ, въ стихаряхъ; Архидіаконъ и Протодіаконъ, идучи, кадилъ, на главѣ у Св. Патріарха Крестъ, а въ немъ Животворящее Древо; а Діаконы, четверо, надъ главою и надъ Крестомъ несли рипиды; и пришли въ соборъ во двери Южные, и шли около столпа; и снявъ со главы, и на столѣ полагалъ Крестъ, и у Властей у всѣхъ прінималъ мощи и полагалъ; и какъ у всѣхъ принялъ, и воздѣвъ митру, и пошли по ризу Спасителеву, и распечатавъ и выложа изъ ковчега на гробъ Господень, и покадилъ трижды, и на стороны Властей, и отдалъ кадило Архидіакону, и поднявъ на главу, а подъ руки вели два Митрополита. И пришедъ къ налою, и положили на налой, и взявъ кадило у Архидіакона, и кадилъ окрестъ Спасите-

левы ризы и мощей, и распятіе. И пришедъ къ мѣсту, ста на орлецѣ, и кадилъ на стороны Властей, и отдалъ кадило Архидіакону, и возшелъ на мѣсто, и Архидіаконъ покадилъ его трижды, и возглашалъ: «Благослови, Владыко!» И Св. Патріахъ началъ: «Благовенъ Богъ нашъ,» и Соборной Діаконъ: «Аминь!» и говорилъ псалмы; а стихиры сказывалъ конархистъ по крылосамъ, а прокимены передъ паремьею сказывалъ просто Архидьяконъ, ни чего къ нимъ не говорилъ, токмо къ паремьямъ говорилъ: «Премудрость,» и «Вонмемъ!» А въ паремьи Св. Патріархъ и Архіереи сидѣли, Архимандриты и Игумены стояли. И къ Апостолу Архидіаконъ говорилъ: «Премудрость, Вонмемъ!» И Св. Патріархъ во Апостолъ стоялъ, а не сидѣлъ, а прежъ сего сиживалъ. И послѣ Апостола Архидіаконъ говорилъ: «Премудрость прости,» ко Евангеліямъ ко всѣмъ. На Первомъ Часу Евангеліе челъ самъ Св. Патріархъ, а на тѣхъ Часѣхъ Евангеліе читали Архіереи по степенямъ своимъ; и прочетъ Евангеліе, ко Св. Патріарху цѣловать не носилъ; кто прочтетъ, тотъ и цѣлуетъ. И какъ Часы проговорили всѣ, а въ то время Властелинскіе Діакони изъ словенниковъ налили воду въ обѣ чаши къ водоосвященію; и на всѣхъ Часахъ читали соборяне въ Торжественникѣ о страстѣхъ. И какъ проговорилъ Соборной Діаконъ псаломъ: «Благословлю Господа,» и Архидіаконъ возглашалъ: «Благослови, Владыко!» и Св. Патріархъ началъ: «Благословенъ Богъ нашъ,» и конархистъ: «Аминь!» и сказывалъ малоѓоосвященія стихиры по крылосамъ. И Св. Патріархъ въ то время кадилъ окрестъ въ чашахъ воду, и Спасову ризу, и на столѣ мощи Святыхъ, и у стола Распятіе, и возшедъ на мѣсто и на стороны Властей на обѣ стороны, и отдалъ кадило Архидіакону, и Архидіаконъ его покадилъ трижды, и говорилъ: «Господу помолимся!» И Св. Патріархъ говорилъ возгласъ: «Яко святъ еси, Боже нашъ;» ликъ: «Аминь.» И конархистъ сказывалъ тропари: «Нынѣ ста время.» И послѣ тропарей на крылосахъ пѣли: «Святый Боже,» трижды, и «Вонмемъ,» и Св. Патріархъ сказалъ: «Миръ всѣмъ!» и конархистъ говорилъ: и «Духови твоему,» и «Премудрость,» и сказывалъ прокименъ: «Господь просвѣщеніе мое.» И Архидіаконъ говорилъ ко Апостолу: «Премудрость,» и Апостолъ челъ соборной Діаконъ, ко Евреемъ зач. 306, и «Вонмемъ;» во Апостолъ Архидіаконъ не кадилъ ни мощей, ни воду; и послѣ Апостола говорилъ Архидіаконъ: «Премудрость прости;» и Св. Патріархъ ска-

залъ: «Миръ всѣмъ!» и челъ Евангеліе, зач. во Іоаннѣ 14. И послѣ Евангелія Архидіаконъ съ кадиломъ говорилъ молитвы. по возгласѣ: первая молитва: «Господи Боже нашъ Великій въ совѣтѣ.» И въ то время въ соборъ изъ хоромъ пришелъ Благочестивый Государь, Іоаннъ Алексѣевичь, всея Россіи Самодержецъ, одинъ, и сталъ, помолясь, у столпа, у задняго праваго, на коврѣ и на подножникѣ, а на мѣсто не восходилъ; и Св. Патріархъ ни Крестомъ, ни рукою его, Государя, не благословлялъ, по тому что до отпуста немного времени было. И по молитвѣ Св. Патріархъ сказалъ: «Миръ всѣмъ!» и Архидіаконъ говорилъ: «Главы ваша Господеви преклоните!» И паки другую молитву говорилъ преклонную: «Приклони, Господи ухо твое;» и Подіяконы принесли въ то время логань (лохань) съ рукомоемъ. И послѣ молитвы Св. Патріархъ умывалъ руки для погруженія, и потомъ погружалъ Крестъ въ чаши, и запѣвалъ тропарь, и омывалъ мощи Святыхъ, и въ то время конархистъ договаривалъ тропари: «Источникъ исцѣленія,» и прочая. И послѣ тропарей Архидіаконъ говорилъ: «Помилуй насъ, Боже!» «Еще молимся о державѣ, побѣдѣ и о еже сохранитися царствующему граду сему.» И послѣ ектеньи Св. Патріархъ говорилъ возгласъ, и по возгласѣ, отпустъ, молитву: «Владыко многомилостиве;» ту и отпустъ. И благословлялъ Благочестиваго Государя Крестомъ и кропилъ Святою водою, и потомъ благословилъ рукою; и Престолъ благословлялъ, Архіереовъ, и Бояръ, и прочихъ Властей, и народъ. И Благочестивый Государь потомъ цѣловалъ Спасителеву ризу и мощи Святыхъ, и отшелъ въ придѣлъ, къ Димитрію мученику, дожидался, какъ къ Спасителевѣ ризѣ и мощамъ обойдутся весь народъ. А какъ всѣ перешлись, взявъ на главу Св. Патріархъ Спасителеву ризу, въ ковчегѣ, и отнесли за олтарь ко гробу Господню, и поставили въ ковчегъ и запечатали; и Св. Патріархъ принявъ у Архидіакона кадило, и покадилъ Спасителеву ризу, и Царя, и Властей, и паки отдалъ кадило ему жъ. И пришли къ мощамъ Святыхъ къ столу, отдавалъ нести мощи въ ковчегахъ всѣмъ, кто былъ во облаченіи; и самъ, поднявъ на главу Животворящее Древо въ Крестѣ, и пошли изъ собора ко Благовѣщенію. И пришедъ въ церковь, прінималъ у всѣхъ, и ставилъ на столѣ Святыхъ мощи, и принявъ кадило у Архидіакона, и кадилъ на столѣ мощи окрестъ, и Св. Иконы, и Благочестиваго Государя, и Властей, и отдалъ кадило. И помолясь, Благочестивый Государь знаменался

у Св. Иконѣ, и принявъ благословеніе, и вышелъ въ хоромы. А Св. Патріархъ, помолясь и посохъ взявъ въ руки, и пошли изъ церкви отъ Благовѣщенія въ Западныя двери, папертью въ соборъ. И пришли въ соборъ, и вшедъ во олтарь, и разоблачился, и Власти всѣ тожъ разоблачились. Отпѣли и вышли изъ церкви въ осмомъ часу в полы.

Апрѣля въ 14 день, въ сей же день въ Пятокъ Страстныя Недѣли, въ вечеру, къ Вечернѣ благовѣстъ былъ въ соборѣ за три часа. Св. Патріархъ изъ Крестовой въ соборъ пришелъ со всѣми Властьми, за два часа съ четвертью. Архидіаконъ со Діаконы, съ кадилы, встрѣчали въ Западныхъ дверяхъ; и пришедъ въ соборъ, и ста у амвона; на орлецѣ, и, помолясь, осѣнилъ рукими съ посохомъ на церковь крестнѣ. И возшелъ на мѣсто среди церкви, гдѣ облачается къ Литургіямъ, и сидѣлъ въ стулѣ, и въ лѣвую руку имуще посохъ. И Власти, по обычаю, поклонялись, и, восходя на мѣсто, цѣловали руку. И во олтари облачались во всю одежду священную; и самъ Св. Патріархъ, отдавъ посошнику посохъ, облачался во всю Архіерейскую одежду, какъ и къ Литургіи бываетъ облаченіе; Архидіаконъ и Протодіаконъ кадилъ и ко облаченію стихи говорили, какъ и предъ Литургіею. И какъ облачился и осѣнилъ триовѣщіемъ и двоесвѣщіемъ на церковь крестнѣ, и Архидіаконъ со Діаконы цѣловали въ руку; и взя въ руку посохъ, и сошелъ съ мѣста, и пошли по гробъ Господенъ, за слюду, въ уголъ. И пришедъ, прия Св. Патріархъ у Архидіакона кадило, и кадилъ гробъ Господень трижды, и на стороны Властей, и отдалъ кадило, и Архидіаконъ покадилъ его трижды. И снявъ митру, поднялъ гробъ Господень на главы со всѣми Властьми, и, принеся, поставилъ среди церкви, гдѣ бываетъ амвонъ, у Царскихъ вратъ; и, поставя, вшедъ во олтарь и покадя спереди на престолѣ плащаницу трижды, и отдалъ кадило; и поднявъ на главы, и вынесли въ Царскія врата и положили на гробъ; и митру воздѣвъ и принявъ кадило, и кадилъ около гроба и плащаницу на немъ трижды; а передъ нимъ Архидіаконъ ходилъ съ осlонною свѣщею, лампадщикъ съ лампадою, со возженною свѣщею, да четверо Иподіаконовъ съ подсвѣщниками; и ходя на стороны Властей, и отдалъ Архидіакону кадило, и Архидіаконъ кадилъ его трижды. И возшелъ среди церкви на мѣсто свое; и Архидіаконъ со Діаконы, помолясь,

и принявъ благословеніе у Св. Патріарха, возглашалъ: «Благослови, Владыко!» предъ гробомъ стоя, отъ лѣвыя страны, отъ мѣста Царицына. И Чудова монастыря Архимандритъ, тутъ же передъ гробомъ стоя, по правую сторону отъ мѣста Патріарша, начиналъ: «Благословенъ Богъ нашъ;» и Св. Патріархъ говорилъ, на мѣстѣ стоя, «Аминь!» и говорилъ: «Царю небесный,» «Трисвятое,» и «Отче нашъ!» Архимандритъ возгласъ, и Св. Патріархъ: «Аминь!» и говорилъ: «Господи, помилуй!» 12 разъ, «Пріидите поклонимся!» трижды, и псаломъ: «Благослови, душе моя, Господа!» и «Слава и нынѣ,» «Аллилуіа!» И потомъ Архидіаконъ говорилъ ектенію великую: «Миромъ Господу помолимся!» и прочая, и возгласъ; и на крылосахъ пѣвчіе пѣли во гласъ: «Господи воззвахъ,» и стихѣры; и Власти поклонялись Св. Патріарху по два раза. А какъ пѣвчіе запѣли послѣднюю стихѣру, на сходѣ, и Архидіаконъ со Діаконы, по обычаю, поклонясь Св. Патріарху, и вошли во олтарь, и взявъ Св. Евангеліе со престола и Царскія врата отворя, и пошли въ церковь Сѣверными дверьми; и пришедъ, осреди церкви, позади гроба сташа. И какъ пѣвчіе стихиры и «Слава и нынѣ,» пропѣли, Архидіаконъ говорилъ: «Господу помолимся!» и Св. Патріархъ входную молитву говорилъ, и входъ благословилъ, и Евангеліе цѣловатъ подносилъ; и отшедъ, Архидіаконъ возглашалъ: «Премудрость прости!» И запѣлъ самъ Св. Патріархъ: «Свѣте тихій святыя славы,» и всѣ Власти, и Діакони, и пѣвчіе вообще пѣли. И Св. Патріархъ осѣнилъ троесвѣщіемъ и двоесвѣщіемъ на церковь и на народъ; и вшедъ во олтарь, въ Царскихъ дверяхъ отдалъ Архидіакону изъ рукъ троесвѣщіе, Иподіакону двоесвѣщіе, и цѣловалъ на дверяхъ Благовѣщеніе, и, вшедъ, престолъ; и взя у Протодіакона кадило, и кадилъ окрестъ престолъ и весь олтарь и, вышедъ, надъ дверьми сѣнь, и на стороны Спасителевъ образъ и Богоматери, и крылосы и народъ; а въ то время Иподіакони пѣли: «Исполаэти деспота;» и Архидіаконъ, какъ пропѣли, говорилъ къ прокимну: Вонмемъ, премудрость вонмемъ!» и конархистъ сказывалъ, у амвона стоя, прокименъ и читалъ паремьи. И послѣ паремій Св. Патріархъ, взявъ въ руку двоесвѣщіе, и пошелъ отъ дверей на горнее мѣсто просто, идучи осѣнялъ, ни чего не говорилъ; и какъ возшелъ на горнее мѣсто, Архидіаконъ къ прокимену говорилъ: «Вонмемъ!» Св. Патріархъ сказалъ: «Миръ всѣмъ!» Иподьяконъ сказывалъ прокименъ, и въ прокименъ сви-

мали со Св. Патріарха омоеоръ, и держалъ Протодьяконъ Архидіаконъ, въ то время кадилъ престолъ и олтарь весь, и въ церкви крылосы и народъ; а, какъ кадилъ, Иподьяконъ читалъ въ то время Апостолъ; и Св. Патріархъ во олтари кадилъ и Властей, какъ и на Литургіи каженіе бываетъ. И послѣ Апостола, со престола Св. Евангеліе Чудова монастыря Архимандритъ снявъ, отдалъ Архидіакону, и, взявъ Архидіаконъ Евангеліе, пришедъ ко Св. Патріарху къ горнему мѣсту, благословлялся чести, какъ приходятъ со Евангеліемъ на Литургіяхъ; и вышедъ изъ олтаря Царьскими враты, и сталъ за гробомъ, осреди церкви, и читалъ на коврѣ и на налоѣ; а Подьдіаки шли передъ нимъ съ подсвѣщниками, а Иподіакони съ трисвѣщіемъ и съ двоесвѣщіемъ, а Протодіаконъ со омоеоромъ шелъ. И прочетъ Евангеліе, и вшелъ во олтарь. И Св. Патріархъ, вышедъ изъ олтаря, принявъ у Подъдіакона троесвѣщіе и двоесвѣщіе, осѣнялъ и на церковь и на народъ, и пѣвчіе пѣли: «Исполаэти деспота.» И Протодіаконъ говорилъ ектенію, за гробомъ: «Рцемъ вси,» и прочая. И Св. Патріархъ говорилъ возгласъ; и Діаконъ Властелинской по очереди говорилъ, какъ Ключарь проговорилъ: «Сподоби, Господи,» ектенью: «Исполнимъ вечернюю молитву нашу Господеви,» а въ то время наложили на Св. Патріарха омоеоръ. И какъ Діаконъ проговорилъ ектенью, и возгласъ говорилъ Митрополитъ Сарской; и Св. Патріархъ сказалъ: «Миръ всѣмъ!» и Діаконъ говорилъ: «Главы наша Господеви;» и возгласъ говорилъ Нижегороцкой Митрополитъ, и пѣвчіе пѣли: «Аминь!» и стиховну. И Св. Патріархъ, по возгласѣ, вышелъ изъ олтаря и сошелъ со степеней за гробъ, и ста на орлецѣ, и, помолясь, трижды цѣловалъ плащаницу, по обычаю, въ раны, и ста отъ Царскихъ вратъ сопреди гроба, на орлецѣ. И послѣ его цѣловали Власти, Архіереи, Архимандриты, Бояры и Игумены, и Протопопы, и Соборяне, и Архидіаконъ и съ Протодіакономъ и со Діаконы, и Царедворцы и Приказные, и весь народъ; и пѣвчіе пропѣли стиховну и «Славу, и нынѣ.» И Ключарь говорилъ; «Нынѣ отпущаеши;» Иподіаконъ говорилъ «Трисвятое, и «Отче нашъ.» И во олтари Св. Патріархъ возгласъ говорилъ: «Яко твое есть царство.» и пѣвчіе: Аминь!» и пѣли тропари. И Архидіаконъ говорилъ: «Премудрость!» и пѣвчіе пѣли: «Благослови!» и Св. Патріархъ говорилъ: «Сый благословенъ Богъ нашъ;» и пѣвчіе пѣли: «Аминь!» «Утверди, Боже!» И Св. Патріархъ говорилъ: «Пре-

святая Богородице, спаси насъ!» «Слава тебѣ Христе, Боже нашъ, слава тебѣ!» и отпустъ, съ трисвѣщіемъ и со двоесвѣщіемъ; и пѣвчіе пѣли: «Исполаэти деспота,» и многолѣтны; и вшедъ во олтарь, и разоблачился.

Отпѣли и вышли изъ церкви за полчаса до нощи.

Благочестивымъ Государемъ къ Вечернѣ и къ выносу гроба Господня въ соборъ выходу не было.

Л. 325. Апрѣля въ 15 день, въ Субботу Страстныя Недѣли Святаго Поста, въ соборѣ къ Утреннѣ благовѣстъ былъ за шесть часовъ. Св. Патріархъ изъ Крестовой Палаты пришелъ въ соборъ со всѣми Властьми, и ста на мѣстѣ, и помолясь, велѣлъ Утренню начать. Протодьяконъ возглашалъ, за гробомъ стоя: «Благослови Владыко!» и Протопопъ, тутъ же стоя, началъ, за гробомъ же: «Благословенъ Богъ нашъ,» и Ключарь Провъ говорилъ: «Аминь!» «Слава тебѣ, Боже нашъ, слава тебѣ,» «Царю небесный, «Трисвятое», и «Отче нашъ;» и Протопопъ говорилъ возгласъ, и Ключарь: «Аминь!» «Господи, помилуй!» 12 разъ, и «Слава, и нынѣ,» и «Пріидите поклонимся,» трижды. И Протопопъ, взявъ у Пономаря кадило, и Протодьяконъ ослопную свѣщу, и, поклонясь Святѣйшему Патріарху, кадилъ гробъ Господень окрестъ, и олтарь весь, и, вышедъ изъ олтаря, надъ дверьми сѣнь, и мѣстныя и налойныя Иконы, и Св. Патріарха, и Архіереовъ, и крылосы, и церковь, и по всей церкви народъ; а въ то время Ключарь говорилъ псалмы канона: «Услышитъ тя Господь,» и «Господи, силою твоею,» и «Трисвятое,» и «Отче нашъ.» И Протопопъ говорилъ возгласъ, за гробомъ стоя, и по возгласѣ паки кадилъ гробъ сопреди, и Св. Патріарха, а Ключарь говорилъ: «Аминь!» и тропари: «Спаси, Господи,» и «Слава,» «Вознесыйся на крестъ,» и «Нынѣ предстательство Христіанъ непостыдное.» И Протодьяконъ, стоя за гробомъ, отъ лѣвыя страны, говорилъ ектенью: «Помилуй насъ, Боже!» и прочая. И послѣ ектеніи Протопопъ говорилъ осреди церкви, тутъ же за гробомъ, съ кадиломъ, возгласъ: «Яко милостивъ,» и на крылосѣ: «Аминь!» и Протопопъ говорилъ: «Слава святѣй и единосущнѣй,» и Ключарь говорилъ: «Аминь!» и шестопсалміе. И послѣ шестопсалмія Протодьяконъ говорилъ великую ектенью: «Миромъ Господу

помолимся!» И во облаченіи вышли изъ олтаря Архидіаконъ да Ризничій, и съ мѣста взяли подъ руки Св. Патріарха, и, вшедъ въ Царскія врата, во олтарь, Св. Патріархъ и облачился въ епитрахель, въ поручи, во омофоръ, въ митру, и Архіереи, и Архимандриты, и Игумены всѣ. И вышедъ изъ олтаря, поднявъ на главы своя гробъ Господень и отнеся, поставили среди церкви, подъ большимъ паникадиломъ. И потомъ подносилъ Благочестивому Государю свѣщу, и отшедъ къ мѣсту своему; и Архидіаконъ поднесъ ему свѣщу и прочимъ Архіереомъ, и Бояромъ, и всему Синклиту и своимъ Приказнымъ. Архіереи, на правой странѣ и на лѣвой, раздавали свѣщи Архимандритомъ, и Игуменомъ, и Протопопомъ, и Соборянамъ; и раздавъ свѣщи и принявъ кадило, у Архидіакона, и кадилъ гробъ и плащаницу на немъ окрестъ, кругомъ, трижды. И запѣвалъ Св. Патріархъ самъ, со Діаконы: «Благословенъ еси, Господи, научи мя оправданіемъ твоимъ!»—Греческій распѣвъ; а передъ нимъ Архидіаконъ ходилъ со свѣщею его, а лампадщикъ съ лампадою, да четверо Иподіаконовъ съ подсвѣщниками. И ходя гробъ трижды, и кадилъ олтарь весь, и въ церкви мѣстныя Иконы и налойныя, и Благочестиваго Государя, и Властей, по сторонамъ, и крылосы, и всю церковь; а въ то время пѣвчіе пѣли каѳизму: «Блажени непорочніи,» съ припѣвы,—Греческой распѣвъ, первую треть; и паки говорили Діакони соборные, и возгласы Архіереи, по степенямъ. И какъ окадилъ всю церковь, и паки кадилъ надъ Царскими враты сѣнь, и на стороны Спасителевъ образъ и Богоматери, и паки Благочестиваго Государя. И возшедъ на мѣсто свое, и покадилъ на стороны Властей, и Діаконовъ, Иподіаконовъ, и Архидіакона, и отдалъ ему кадило, и Архидіаконъ покадилъ трижды. И какъ допѣли пѣвчіе третію долю каѳизмы, и «Слава, и нынѣ,» и покрывали первымъ припѣвомъ въ началѣ каѳизмы. И соборной Діаконъ говорилъ: «Паки,» и Св. Патріархъ говорилъ возгласъ на мѣстѣ стоя, и, по возгласѣ, сошелъ съ мѣста своего и принялъ у Архидіакона кадило, и запѣвалъ самъ припѣвъ: «Достойно есть величати тя, жизнодавца;» и паки также кадилъ гробъ, а на немъ плащаницу окрестъ трижды; а со свѣщею его Архидіаконъ и лампадщикъ съ лампадою, Иподіаконъ съ подсвѣщникомъ, предъ нимъ напреди ходили; и окадя гробъ, паки возшедъ на мѣсто свое, и отдалъ кадило Архидіакону, и Архидіаконъ покадилъ его, Св. Патріарха, трижды, и посохъ. И повелѣлъ кадить гробъ и,

по обычаю, Иконы и Царя,—какъ бываетъ на погребеніи кадять,—двумъ Митрополитомъ, Крутицкому да Нижегородскому; а кадивъ, поклонясь съ кадилы Св. Патріарху, въ началѣ гробъ Господень и плащаницу на немъ однажды, кругомъ, и потомъ надъ Царскими враты сѣнь и на стороны мѣстныя и налойныя Иконы, и Благочестиваго Царя, и Св. Патріарха, и на стороны Властей, и Діаконовъ, и крылосы, и паки надъ дверьми сѣнь, и на стороны Спасителевъ и Богоматери образъ, и Царя, и Патріарха, и гробъ сопреди, и сами себя, и отдали Діакономъ кадилы, и, помолясь, и Св. Патріарху поклонилисъ, и Діаконы ихъ покадили. И какъ пѣвчіе пропѣли вторую треть каѳизмы, и «Слава, и нынѣ,» и покрыли первымъ стихомъ, какъ и въ начальной трети покрывали, Діаконъ соборной говорилъ ектенью малую: «Паки,» и возгласъ говорилъ Крутицкой Митрополитъ. И, по возгласѣ, Св. Патріархъ, взявъ кадило у Архидіакона, и, сошедъ съ мѣста, кадилъ гробъ Господень и плащаницу на немъ, также, какъ и на прежнихъ третяхъ, и запѣвалъ самъ со Діаконы: «Роди вси пѣснь погребенію Твоему приносятъ, Христе мой,» и кадилъ около трижды; и со свѣщею, и съ лампадою, и съ подсвѣщники, предъ нимъ также ходили. И окадя, возшелъ на мѣсто, и отдалъ кадило Архидіакону, и кадилъ Архидіаконъ Св. Патріарха трижды и посохъ. И повелѣлъ Св. Патріархъ кадить Колмогорскому Архіепископу да Чудова монастыря Архимандриту; и кадили по тому жъ, какъ и первые Архіереи; и окадя, и пѣвчіе пропѣли: «Благословенъ еси, Господи.» И соборной Діаконъ говорилъ ектенью малую, и Архіерей по степени возгласъ говорилъ, и по возгласѣ конархистъ сказывалъ «Сѣдаленъ,» и «Слава, и нынѣ,» «Богородиченъ.» И по семъ Протопопъ читалъ въ ризахъ Евангеліе толковое, а Св. Патріархъ у гроба, сошедъ стоялъ, какъ цѣловалъ плащаницу Благочестивый Государь, и послѣ самъ Св. Патріархъ, и послѣ его Архіереи, и Бояры, и Архимандриты, и Думные, и Игумены, и Протопопы, и Соборяне и Архидіаконъ со Діаконы, и Приказные, и весь народъ. Св. Патріархъ возшелъ на мѣсто свое, до чтенія стоялъ, а какъ сталъ читать Протопопъ Евангеліе, такъ все сидѣлъ. И какъ прочелъ и народъ весь обошелся цѣлованію, и Св. Патріархъ сошелъ съ мѣста, поднявъ гробъ Господень со плащаницею на главы своя, со всѣми Властьми, и поставили тутъ же, у Царскихъ вратъ, гдѣ былъ амвонъ, и онъ стоялъ. И пошли во олтарь, и разоблачились вси.

И вышелъ изъ олтаря Св. Патріархъ и Власти всѣ; и стоялъ на мѣстѣ своемъ весь канонъ до «Хвалитныхъ стихѣръ;» также и Архіереи стояли на своихъ мѣстахъ по степенямъ. А какъ Соборяне на крылосахъ стихѣры «Хвалитные» стали пѣть, и Св. Патріархъ съ мѣста сошелъ, и Архидіаконъ и Ризничій въ стихаряхъ приняли подъ руки; и вшедъ во олтарь, облачался во всю Архіерейскую одежду. И облачали Ризничей да черные Діаконы. И Власти всѣ также облачились, Архіереи во всю Архіерейскую одежду; Архимандриты двое во всю освященную облачались одежду, Чудова монастыря да Спаса Новаго монастыря, а прочіе Архимандриты, и Игумены, и Протопопы, и Соборные Священники, облачались не во всю одежду, токмо въ епитрахиль, въ поручи, въ ризы, Архимандриты въ шапки. И какъ Св. Патріархъ вовсе облачился, вышедъ изъ олтаря, и подносилъ свѣщу Благочестивому Государю, и паки вшелъ во олтарь. И Архидіаконъ подносилъ ему, Св. Патріарху, свѣщу, и подавалъ свѣщи Архіереомъ однимъ; Архимандритомъ, и Игуменомъ, и Протопопомъ, и Соборяномъ, во олтари, велѣлъ свѣщи раздавать Митрополитомъ Кругицкому да Нижегороцкому, а самъ Св. Патріархъ, вышедъ изъ олтаря свѣщи раздавалъ, на степеняхъ стоя, Болярамъ, и Думнымъ, и всему Синклиту, и Приказнымъ своимъ. И взявъ у Архидіакона кадило, и покадилъ сопреди гробъ Господенъ, и плащаницу на немъ трижды, и отдалъ кадило; и сдавъ митру съ себя, и плащаницу взявъ со всѣми Властьми на главы своя, и внесли въ Царскія врата во олтарь, и положили на престолъ. А въ то время Архимандриты, и Игумены, и Протопопы, и соборные Попы, поднявъ гробъ Господенъ на главы своя, и отнесли на мѣсто ко Спасителевой ризѣ, а Колмогорской Архіепископъ провожалъ, а Діакони кадили со всѣхъ странъ гробъ Господенъ; а пѣвчіе въ то время пѣли славословіе до «Святый Боже!» И со престола плащаницу Св. Патріархъ, поднявъ на главы своя, со всѣми Властьми, а въ правую руку взявъ Евангеліе малое, въ черемнѣ аксаметномъ, и понесли около престола въ Сѣверныя двери; а передъ нимъ несли на мисѣ митру два черные Діакона, а Подъдіаконъ несъ свѣщу его; Архидіаконъ и Протодьяконъ шли напреди съ кадилы и кадили плащаницу, а около плащаницы Властелинскіе Діакони шли съ рипиды, а Подъдіакп съ подсвѣщниками и со ослопными напреди шли съ свѣщами, а Діакони соборные съ кадилы, и кадили со сторонъ и позади пла-

щаницу. А какъ подняли со престола плащаницу и пошли въ Сѣверныя двери, и пѣвчіе въ то время пѣли, идучи и около церкви: «Святый Боже!» — надгробное большое, троестрочной распѣвъ. И какъ изъ олтаря вышли въ Сѣверныя двери, лампадщикъ шелъ съ лампадою напреди, а посошникъ съ посохомъ шелъ позади плащаницы. И шли церковію около столповъ къ Чудотворцовымъ Іониныхъ мощамъ прямо, и вышли въ Западныя двери, и пошли кругомъ церкви ко Грановитой Палатѣ; и въ церковь паки вошли въ тѣ жъ Западныя двери, и прямо около мѣста шли, и внесли во олтарь въ Царскія врата. И Св. Патріархъ плащаницею сотворшу надъ престоломъ Крестъ, и говорилъ: «Премудрость прости!» и положили на престолъ. И Св. Патріархъ, принявъ у Архидіакона кадило, и Архидіаконъ, взявъ въ руку свѣщу его, и четверо соборныхъ Діаконовъ, взявъ четыре подсвѣщника со свѣщами, и кадилъ престолъ и плащаницу на немъ, около, трижды, и запѣвалъ самъ тропарь: «Благообразный Іосифъ со древа снемъ,» — Греческій распѣвъ, трижды пѣли; а съ нимъ пѣли: Архидіаконъ, и Протодіаконъ, и соборные Діаконы, ко всякому каженію пѣли. И какъ окадилъ и тропарь пропѣли, вышелъ Св. Патріархъ изъ олтаря въ Царьскія врата, кадилъ Благочестиваго Государя трижды, по обычаю, и державу; и вшедъ во олтарь кадилъ на стороны Властей, обще, предъ престоломъ стоя, и отдалъ Архидіакону кадило, и Архидіаконъ кадилъ его трижды. И канархистъ сказывалъ прокименъ передъ пареміею просто, и къ пареміи Архидіаконъ говорилъ: «Премудрость,» и «Вонмемъ!» И послѣ пареміи Архидіаконъ говорилъ къ прокимну: «Вонмемъ!» и Св. Патріархъ сказалъ: «Миръ всѣмъ!» и Подъдьяконъ говорилъ: «и духови твоему;» и Архидіаконъ: «Премудрость!» и Подъдіаконъ сказывалъ прокименъ, и послѣ прокимена челъ Апостолъ. Св. Патріархъ стоялъ у дверей въ Апостолъ во всемъ, не снимали ни чего, ни митры, ни омоѳора, ни на горнее мѣсто не восходилъ. Архидіаконъ въ то время кадилъ престолъ и весь олтарь, и, вышедъ изъ олтаря, надъ дверьми сѣнь, и на стороны Спасителевъ и Богоматери образы, и Благочестиваго Государя, и вышедъ во олтарь, Св. Патріарха и Властей по сторонамъ; и вышедъ паки изъ олтаря, кадилъ крылосы и народъ, и паки вшедъ во олтарь, кадилъ престолъ сопреди и Св. Патріарха. И послѣ Апостола, какъ на крылосѣ пропѣли «Аллилуія!», Архидіаконъ говорилъ ко Евангелію: «Премудрость прости!» и Св. Па-

тріархъ сказалъ: «Миръ всѣмъ!» и на крылосѣ: «и духови твоему!» И челъ Евангеліе Св. Патріархъ въ Царскихъ вратахъ, обратясь лицомъ къ Западнымъ дверямъ, къ народу, но всемъ,—ни чего не снимали. Евангеліе держали на рукахъ Архидіаконъ да Протодіаконъ, а соборные двое Діаконовъ въ рукахъ держали осленныя свѣщи, Подъдіакони стояли съ трисвѣщіемъ и со двоесвѣщіемъ. И какъ Св. Патріархъ Евангеліе прочелъ, подносилъ Благочестивому Государю цѣловать, и отдалъ Діакону Св. Евангеліе, и осѣнилъ троесвѣщіемъ и двоесвѣщіемъ на церковь, на крылосы, крестнѣ, у Царскихъ вратъ стоя; и на крылосѣ пѣвчіе пѣли: «Исполаэти деспота!» И вшедъ во олтарь, поцѣловалъ Св. Евангеліе и поставилъ на престолѣ. А Протодіаконъ въ то время говорилъ ектенію: Рцемъ вси» и проч. И возгласъ Св. Патріархъ говорилъ, и по возгласѣ паки Протодіаконъ говорилъ: «Исполнимъ утреннюю молитву нашу Господеви.» И Крутицкій Митрополитъ говорилъ возгласъ, и по возгласѣ Св. Патріархъ сказалъ: «Миръ всѣмъ!» и Протодіаконъ говорилъ: «Главы наша Господеви приклонимъ!» И паки Нижегороцкой Митрополитъ говорилъ возгласъ, и по возгласѣ Протодіаконъ говорилъ: «Премудрость!» и на крылосѣ: «Благослови!» И Св. Патріархъ говорилъ: «Сый благословенъ Богъ!» и на крылосѣ: «Аминь!» «Утверди, Боже» и проч. И Св. Патріархъ говорилъ: «Пресвятая Богородице, спаси насъ!» и на крылосѣ говорили: «Честнѣйшую,» и «Слава тебѣ, Христе, Боже нашъ,» и «Слава, и нынѣ,» и отпустъ. И осѣнялъ трисвѣщіемъ и двоесвѣщіемъ, и пѣвчіе пѣли: «Исполаэти деспота,» и многолѣтны пѣли, и отпустъ. И вшедъ во олтарь, Св. Патріархъ и разоблачился.

А въ то врамя Подъдьякъ чредной говорилъ Часы первыя. И разоблачась, вышедъ изъ олтаря, и Благочестиваго Государя благословилъ рукою и отпустилъ въ хоромы. И самъ въ Крестовую вышелъ изъ церкви со Властьми.

Отпѣли и вышли изъ церкви за полчаса до дни.

(329 стр. пробѣлъ).

Стр. 330. Апрѣля въ 15 день, въ Субботу Страстныя Недѣли Святаго Поста, въ соборѣ къ Вечернѣ и къ Литургіи благовѣстъ

было за полъ седма часа до нощи, полъ осма часа пробыло дни. Св. Патріархъ въ соборъ пришелъ со всѣми Властьми въ девятомъ часу дня вполы. Архидіаконъ и Діаконы во облаченіи, по обычаю, встрѣчали съ кадилы въ Западныхъ дверяхъ. И пришедъ Св. Патріархъ ко амвону, и ста на орденѣ, и помолился; и Архидіаконъ входъ говорилъ и пѣвчіе входное пѣли; и знаменался у Св. иконъ и прикладывался къ Чудотворцовымъ мощемъ, и Власти всѣ. И паки пришедъ ко амвону и проговоря молитву: «Господи, низпосли,» и осѣнилъ руками съ посохомъ на церковь и на народъ крестнѣ, и возшелъ на мѣсто свое среди церкви, гдѣ облачается къ Литургіямъ, и сѣлъ въ студъ, въ руку имуще посохъ. И благословлялись облачаться Власти всѣ во всю священную одежду. И самъ Св. Патріархъ облачался во всю Архіерейскую одежду къ службѣ Святыя Литургіи; Архидіаконъ и Протодьяконъ съ кадилы предъ нимъ кадили его, и ко облаченію стихи говорили, какъ облаченіе и каженіе бываетъ и къ прочимъ Литургіямъ. И какъ облачился и трисвѣщіемъ и двоесвѣщіемъ осѣнилъ на церковь и на народъ крестнѣ, и Благочестивый Государь, Іоаннъ Алексѣевичъ, пришелъ въ соборъ. И пришедъ, знаменался у Св. иконъ по обычаю. И Св. Патріархъ, сощедъ съ мѣста своего, и благословлялъ его, Государя, Животворящимъ Крестомъ и рукою, и возшли на мѣста свои. И Архидіаконъ со Діаконы благословлялись у св. Патріарха, по обычаю, начинать Вечерню и св. Литургію. И пришедъ Архидіаконъ, передъ Царскія врата, помолясь, возглашалъ: «Благослови, Владыко!» И Чудова монастыря Архимандритъ, во олтари предъ престоломъ стоя, началъ: «Благословенно царство;» и Св. Патріархъ говорилъ, стоя на мѣстѣ своемъ: «Аминь!» «Слава тебѣ, Боже нашъ, слава тебѣ;» «Царю небесный,» «Трисвятое,» и «Отче нашъ» И Архимандритъ говорилъ возгласъ: «Яко твое есть,» и Св. Патріархъ говорилъ: «Аминь!» «Господи, помилуй,» 12 разъ, и «Слава, и нынѣ,» и «Пріидите поклонимся,» трижды, и псаломъ: «Благослови, душе моя, Господа,» и «Слава, и нынѣ,» «Аллилуія» трижды. И потомъ Архидіаконъ говорилъ ектенію великую: «Миромъ Господу помолимся,» и проч. и Архимандритъ говорилъ возгласъ, и на крылосахъ пѣвчіе пѣли: «Аминь.» И пѣли возгласъ: «Господи воззвахъ» по обычаю. И стихѣры пѣли, первыя знаменемъ, четвероугласныя, а другія стихѣры пѣли троестрочныя: «Днесь адъ, стеня, вопіетъ,» и «Слава, и нынѣ,» — знаменную жъ. А какъ пѣли стихѣры, и въ то

время Протодьяконъ кадилъ олтарь, и вышедъ кадилъ надъ Царьскими враты сѣнь, и мѣстныя и налойныя Иконы, и Благочестиваго Государя, и Св. Патріарха, и Властей, и крылосы, и церковь всю, и весь народъ въ церкви, какъ каженіе на Вечерни бываетъ. А Власти, какъ запѣли на крылосахъ пѣвчіе стихѣры, поклонялись Благочестивому Государю по дважды, а Св. Патріарху по одному разу, и ставились по сторонамъ, по степенямъ своимъ. И какъ пѣвчіе стали на сходѣ пѣть послѣднюю стихѣру: «Яко утвердися,» и въ то время Архидіаконъ со Діаконы, поклонясь Св. Патріарху, и вошли во олтарь, и за ними также вошли Архимандриты, и Игумены, и Протопопъ. И какъ запѣли: «и нынѣ,» и Архидьяконъ, принявъ у Архимандрита Святое Евангеліе, и пошли изъ олтаря около престола въ Сѣверныя двери и Власти всѣ на выходъ. И пришедъ, осреди церкви стоя, какъ пропѣли пѣвчіе: «и нынѣ,» Архидьяконъ говорилъ: «Господу помолимся!» и Св. Патріархъ говорилъ молитву: «Вечеръ и утро;» и по молитвѣ, подносилъ Св. Патріарху Святое Евангеліе цѣловать; и Архидьяконъ отшедъ, говорилъ: «Премудрость прости!» И запѣвалъ Св. Патріархъ самъ: «Свѣте тихій,» со всѣми Властьми, и Діаконы, и пѣвчими. И осѣнилъ троесвѣщіемъ и двоесвѣщіемъ на церковь крестнѣ; и вшедъ во олтарь, и на дверехъ цѣловали Благовѣщеніе Пресвятыя Богородицы и престолъ. И взявъ кадило у Протодьякона, и кадилъ престолъ и олтарь, и вышедъ изъ олтаря, надъ дверьми сѣнь и на стороны,—Спасителевъ и Богоматеревъ образъ; Архидьяконъ ходилъ передъ нимъ съ троесвѣщіемъ, а Подъдьяки за престоломъ, у горняго мѣста, пѣли: «Исполаэти, деспота.» И какъ пропѣли и Св. Патріархъ окадилъ, и къ пареміямъ Архидіаконъ говорилъ: «Премудрость,» и «Вонмемъ.» И канархистъ читалъ въ Тріоди пареміи рядомъ; и послѣ паремій «Паки,» малые Діаконъ говорилъ. И Архидіаконъ послѣ ектеньи возглашалъ: «Господи, спаси благочестивые и услыши ны!» И по ряду была Божественная Литургія Великаго Василія. И послѣ отпуста Литургіи Св. Патріархъ, осѣня троесвѣщіемъ и двоесвѣщіемъ, и сошелъ съ амвона, а пѣвчіе пропѣли многолѣтны. И сошедъ, принявъ у Архидіакона, кадило, и покадилъ на столѣ сопреди хлѣбъ и вино, и говорилъ молитву, подносилъ Благочестивому Государю хлѣбъ, и Архіереомъ подавалъ, и Боляромъ и Архимандритомъ, и Игуменомъ, и всему народу. И Благочестивый Государь, принявъ хлѣбъ у Св. Патріарха, и вышелъ изъ церкви въ

хоромы, а Св. Патріархъ раздавалъ хлѣбъ. И вшелъ во олтарь и разоблачился. И вышли, отпѣвъ, изъ церкви въ Крестовую, двѣнадцать часовъ пробило дня.

Апрѣля въ 15 день, въ Субботу Страстныя Недѣли Св. Поста, въ вечеру благовѣстъ въ соборѣ былъ въ полчаса нощи, ко чтенію, къ Дѣянію Апостольскому. И соборяне читали Дѣяніе, Попы и Діаконы, перемѣняя. А Св. Патріарха у чтенія въ соборѣ не было. А какъ прочли Дѣянія всѣ, и пѣли по Тріоди, вмѣсто Повечерія и Полунощницы, канонъ Субботы Великія, что на Утренін на дванадесять, а къ тропаремъ припѣвали запѣвы изъ Іермологія пѣсни воскресныя. Прочли и отпѣли въ четыре часа нощи.

Панихида по Морозовымъ.

Съ 338 л. по 340 л. идетъ пробѣлъ, а 340-й л. начинается 202-мъ годомъ. На немъ написано:

Ноября въ 1-й день, въ Среду, въ вечеру на Четвертокъ, послѣ Вечерни, въ соборѣ была панихида по Боляринѣ Борисѣ Ивановичѣ, да по супругѣ его, Аннѣ Ильичнѣ, Морозовыхъ. Панихиду отпускалъ самъ Св. Патріархъ, и съ нимъ былъ Митрополитъ Рязанской да Епископъ Воронежской, и Архимандриты, и Игумены всѣ.

А въ Чудовѣ монастырѣ надъ тѣлесы ихъ панихиду отпѣвалъ Крутицкой Митрополитъ, а съ нимъ былъ тутошній Архимандритъ, да Спаса Ефимьева монастыря Архимандритъ, да Златоустовской Игуменъ. Да по утру въ Четвертокъ Литургію служили въ Чудовѣ они жъ, которые были у панихиды.

Сырная Недѣля.

202 года, Февраля въ 18 день, въ недѣлю Сырныя Недѣли ко Всенощному въ соборѣ благовѣстъ былъ за семь часовъ до дни. У Всенощнаго въ соборѣ былъ Митрополитъ Рязанской.

Св. Патріархъ Всенощное слушалъ у себя, въ Крестовой. На крылосахъ пѣли пѣвчіе.

Въ той же день къ Литургіи благовѣстъ въ соборѣ былъ въ полтора часа. Литургію въ соборѣ служилъ тотъ же Рязанской Митрополитъ, а съ нимъ служили: изъ Казани Архимандритъ Преображенской, да изъ за ветошнаго ряду Архимандритъ Богоявленской, да два Игумена: Новинскій да Златоустовской.

Св. Патріархъ Литургію слушалъ у себя, у Двунадесяти Апостолъ, а нигдѣ не служилъ. А на крылосахъ пѣли пѣвчіе.

Л. 342. Въ тое жъ Сырную Недѣлю, въ началѣ девятаго часа дни, до Вечерни, Благочестивые Государи были въ соборѣ оба, безъ благовѣсту и безъ звону. А Св. Патріархъ со Властьми въ соборѣ былъ же, по повѣсткѣ, и облачался въ облаченіе малое. И Благочестивые Государи, какъ пришли въ соборъ и знаменались у Св. Иконъ, и прикладывались у Чудотворцовыхъ мощей, по обычаю; а въ то время пѣвчіе пѣли многолѣтіе. И обшедъ всю церковь, пришедъ къ мѣсту Патріаршу, благословлялись у Св. Патріарха, и Св. Патріархъ благословлялъ ихъ, Государей, рукою, а не Крестомъ, Креста не выносилъ изъ олтаря. И Протодьяконъ вышелъ изъ олтаря въ стихарѣ, съ кадиломъ, и говорилъ ектенью сугубую, передъ Спасителевымъ образомъ. А Благочестивые Государи стояли на подножняхъ въ то время у мѣста Патріарша; и Св. Патріархъ стоялъ съ ними жъ у мѣста на орлецѣ; а Царскія двери были отворены; а Протопопъ во облаченіи стоялъ во олтарѣ предъ престоломъ. И какъ Протодьяконъ говорилъ ектенью и соборяне всѣ, во облаченіи, на крылосѣ пѣли: «Господи, помилуй!» И проговоря ектенью, Протодьяконъ кадилъ Благочестивыхъ Государей и Св. Патріарха, и державы, и посохъ. А послѣ ектеньи Протопопъ говорилъ возгласъ и, по каженіи, Протодьяконъ говорилъ: «Премудрость!» Протопопъ говорилъ: Пресвятая Богородице, спаси насъ!» и «Слава тебѣ, Христе Боже!»

И Св. Патріархъ возшелъ на амвонъ, и ста на орлецѣ, и взя въ руки Крестъ, говорилъ молитву, обратясь на западъ, къ народу: «Владыко многомилостиве!» И послѣ молитвы соборяне пѣли: «Господи, помилуй!» трижды,—то было и вмѣсто отпусту. А какъ молитву говорилъ, и въ то время Благочестивые Государи стояли на колѣнехъ, преклоня главы, и Власти всѣ, и народъ весь, также

преклоня главы, стояли на колѣнахъ. И, проговоря молитву, сошелъ съ амвона и сталъ на послѣдней степени амвона, отъ крылосовъ, на орлецъ, а Крестъ въ руцѣ имуще, говорилъ самъ прощеніе. И потомъ, пришедъ Благочестивые Государи, тожъ говорили прощеніе, и Св. Патріархъ, прощая, благословлялъ ихъ, Государей, Животворящимъ Крестомъ. И потомъ благословлялъ Архіереовъ, и Бояръ, и Властей, и народъ; и отдалъ Крестъ на мису и сталъ у мѣста своего. И Благочестивые Государи жаловали къ рукѣ Архіереовъ, и Архимандритовъ, и Игуменовъ, и Соборянъ, и Архидьякона, и Ризничея, и Дьяконовъ, и Приказныхъ Св. Патріарха. И вышли изъ собора въ Чудовъ и въ Вознесенской, и потомъ въ соборъ ко Архангелу и Благовѣщенію, и потомъ въ хоромы. А въ Чудовѣ и въ Вознесенскомъ звонили для пришествія. А Св. Патріархъ, вшедъ во олтарь, и разоблачился. И вышелъ изъ церкви въ Крестовую Палату со всѣми Властьми, не дождався къ Вечернѣ благовѣсту. Благовѣстъ къ Вечерни въ соборѣ былъ за два часа, въ колоколъ въ реутъ.

343 л. Февраля въ 18 день. Въ тое жъ Сырную Недѣлю къ Вечерни благовѣстъ въ соборѣ былъ за два часа до нощи, въ колоколъ въ реутъ.

Св. Патріархъ со всѣми Властьми изъ Крестовой Палаты шелъ фальшною лѣстницею, и пришедъ въ соборъ въ Западныя двери, и стоялъ на мѣстѣ своемъ. А Митрополиты и Архіепископы стояли у праваго столпа, по обычаю: Архимандриты и Игумены стояли у ризы Спасовы и у Патріаршихъ гробовъ, у лѣваго столпа, по обычаю, какъ бываетъ съѣздъ имъ въ соборъ, для празднествъ, или панихиды, гдѣ прежъ сего стаивали, кто гдѣ, такъ и нынѣ, и слушали Вечерню. Въ началѣ Ключарь Провъ началъ Часъ Девятый, предъ Царскими дверьми, въ ризахъ бѣлыхъ, отласныхъ; и Подьдьякъ псаломъ говорилъ чредной, въ стихарѣ въ бѣломъ, у налоя, среди церкви, у амвона; и Ключарь возгласъ говорилъ, стоя на лѣвой сторонѣ; и послѣ Девятаго Часа Вечерню началъ предъ Царскими дверьми. И началъ, говорилъ, стоя предъ дверьми, вечерніи молитвы, а Подьдьяконъ говорилъ псалмы: «Благослови, душе моя, Господа!» И протодьяконъ, вышедъ изъ олтаря въ Сѣверныя двери, въ бѣломъ отласномъ стихарѣ, и послѣ псалма говорилъ предъ дверьми ектенью

большую: «Миромъ Господу помолимся!» а «Господи, помилуй!» пѣли на крылосахъ соборяне, по обычаю, какъ и въ прочіе дни поютъ. А Ключарь послѣ псалма и вошелъ во олтарь Южными дверьми и, стоя предъ престоломъ, послѣ ектеньи, говорилъ возгласъ: «Яко подобаетъ тебѣ.» И соборяне, по возгласѣ, пѣли: «Господи, воззвахъ,» во гласъ изъ Тріоди, и у конархиста пріимали стихиры на «подобенъ». А Протодьяконъ, проговоря ектенью и вшедъ во олтарь, и кадилъ престолъ вкругъ и олтарь, и, вышедъ изъ олтаря, кадилъ надъ Царскими дверьми сѣнь, и мѣстныя Иконы, и Св. Патріарха, и Архіереовъ, и крылосы, и всю церковь. И какъ пропѣли: «Слава, и нынѣ,» и вышли на выходъ два Подъдьяка въ стихаряхъ, съ подсвѣщниками, а за ними Протодьяконъ съ кадиломъ, въ стихарѣ жъ, а позади ихъ Ключарь въ ризахъ; а Протодьяконъ, вышедъ, кадилъ налойную Икону и Св. Патріарха, и, благословясь, говорилъ за амвономъ, предъ дверьми: «Премудрость прости!» и вшелъ во олтарь. Соборяне пѣли: «Свѣте тихій.» И потомъ сказывалъ конархистъ прокименъ: «Не отврати лица твоего отъ отрока твоего,» со стиха, какъ напечатано въ Тріоди. И потомъ Св. Патріархъ говорилъ самъ: «Сподоби, Господи, въ вечеръ сей,» съ поклоны. И потомъ Протодьяконъ говорилъ ектенью: «Исполнимъ вечернюю молитву нашу Господеви,» и прочая. И послѣ ектеньи и возгласа конархистъ сказывалъ стиховню. И послѣ стиховни Св. Патріархъ говорилъ: «Нынѣ отпущаеши.» И Подъдьяконъ послѣ говорилъ: «Святый Боже,» и тропари: «Богородице дѣво, радуйся» и проч. съ поклоны, и «Господи, помилуй!» сорокъ разъ, и «Слава, и нынѣ,» и «Честнѣйшую Херувимъ,» «Именемъ Господнимъ благослови!» И Ключарь говорилъ возгласъ: «Сый благословенъ.» И Св. Патріархъ говорилъ: «Небесный Царю.» И потомъ положили три великіе поклоны, съ молитвою: «Господи и владыко живота моего,» во всей церкви. И потомъ Ключарь говорилъ, отворя двери. «Слава тебѣ, Христе Боже!» и отпустъ, и на крылосѣ пѣли многолѣтье. И послѣ отпуста Вечерня. Св. Патріархъ сошелъ съ мѣста своего и взялъ у Подъдьяка посохъ въ руку, и знаменался у Св. Иконъ, правую страну рядомъ, и Чудотворца Филиппа мощи цѣловалъ, и потомъ лѣвую страну, и Чудотворца Петра мощи цѣловалъ, и потомъ Чудотворца Іоны мощи цѣловалъ, и ризу Спасову, и надъ Патріаршими гробами прощался. А какъ съ мѣста пошелъ знаменаться у Св. Иконъ, и пѣвчіе запѣли

удивленіе о случившемся. При возгласѣ Протодіакона: «Благословите тріе отроцы,» Ангела вновь спускали въ пещь съ трусомъ и громомъ, а потомъ снова поднимали его въ верхъ, гдѣ онъ и оставался до конца дѣйства, какъ бы парящимъ надъ пещію. Послѣ всего этого Халдеи подходили къ пещи и, отворивъ пещныя двери, вызывали оттуда отроковъ, которые и выходили изъ пещи, одинъ за другимъ. По совершеніи чина Пещнаго дѣйства допѣвали Заутреню по Чину и по Уставу; а послѣ Заутрени пещь снимали и поставляли снова амвонъ. По отпустѣ Утрени отроки и Халдеи провожали Святителя въ Крестовую келью, при пѣніи отроками стиха: «Студъ и поношеніе быхомъ рабомъ твоимъ, чтущимъ тя.» Передъ Обѣднею же отроческій учитель съ отроками и Халдеями снова приходитъ къ Святителю въ Выходную Палату, гдѣ, по облаченіи отроковъ въ стихари и въ вѣнцы, ожидали выхода Святителя; по выходѣ же Святителя провожали его въ Соборную церковь, при пѣніи отроками стиха: «Яко песокъ въ скрай моря,» и оставались тамъ до окончанія службы, участвуя, по установленному Чину, съ прочими сослужащими. Послѣ Обѣдни у Святителя бывалъ столъ, во время котораго отроки стояли противъ Святителя до третьей ѣствы, и, по приказанію его, пѣли стихи пещные, за что и получали отъ Святителя подачи. Въ тотъ же день Святитель самъ служилъ Вечерню, въ которой также участвовали и отроки и Халдеи.

Замѣчательно въ этомъ церковномъ уставѣ еще и то, что весь разговоръ Халдеевъ между собою и съ отроками происходилъ не на церковномъ, а на народномъ, языкѣ.

Чинъ этого дѣйства напечатанъ вполнѣ въ Новиковской Вивліоѳикѣ (VI ч., стр. 363—390), въ концѣ котораго сдѣлана отмѣтка: «Взято изъ Патріаршей Книгохранительницы, изъ книги, называемой «Уставъ Церковной Новогородской,» № 490». *

Дѣйство Страшнаго Суда совершалось въ Воскресенье передъ Масляницею, преимущественно внѣ Собора, и заключалось въ слѣдующемъ:

На площади, за алтаремъ Успенскаго Собора, устроивали мѣста для Государя и Патріарха. Противъ Патріаршаго мѣста ставили рундукъ или подмостки, которыя покрывались краснымъ сукномъ, а на нихъ ставили Образъ Страшнаго Суда и другія Иконы. По выходѣ Государя съ Патріархомъ, начиналось пѣніе стихиръ, потомъ водоосвященіе, а за тѣмъ чтеніе Евангелія, которое читали на всѣ четыре стороны. После чего Патріархъ отиралъ губою образъ Страшнаго Суда, а также и другія Иконы, кропилъ Святою водою Государя, Властей и народъ, и дѣйство кончалось.

---

* По Указателю Архимандрита Саввы, этотъ Уставъ показанъ, по ошибкѣ, въ числѣ Уставовъ Успенскаго Московскаго Собора, подъ № 695. Въ подлинномъ Уставѣ описаніе Пещнаго Дѣйства начинается съ оборота 142 листа.

О

ШВЕДАХЪ ПОДЪ ПОЛТАВОЙ И ПЕРЕВОЛОЧНОЙ.

I.

Списокъ Шведамъ, взятымъ въ плѣнъ въ оба дня сраженія при Полтавѣ, 27 и 28 Іюня, 1709 г. [1]

Первый Министръ, Оберъ-Маршалъ и Тайный Совѣтникъ, Графъ Пиперъ. [2]

Генералъ-Фельдмаршалъ и Тайный Совѣтникъ Графъ Реншёльдъ.

Генералъ-Маіоры: Шлиппенбахъ, Стакельбергъ, Гаммельтонъ, Розенъ.

Полковники: Принцъ Виртембергскій, Эншёльдъ, Горнъ, Аппельгренъ.

---

[1] Заимствовало изъ рукописи, писанной Шведскимъ Прапорщикомъ и Финляндскимъ уроженцемъ, Карломъ Фрисомъ (Frys), взятымъ въ плѣнъ и сосланнымъ въ Тюмень, что можно заключить изъ надписи на корешкѣ рукописи: «Tumeen. A° 1714, d. 6 Decemb.» Рукопись принадлежитъ Финляндскому Литературному Обществу.

[2] Именной списокъ любопытенъ также въ томъ отношеніи, что указываетъ намъ на происхожденіе многихъ господъ, достигшихъ въ Россіи почестей и богатства.

Подполковники: Паленъ, Ребиндеръ, Зассе, Модье, Синклеръ, Врангель, Спенсъ.

Маіоры: Видмейеръ (Вейдемейеръ?), Штрикъ, Брюнно, Рейтеръ.

Ротмистровъ 11, Капитановъ 42, Капитанъ-Поручикъ 1, Полковыхъ Квартермистровъ 3, капралъ драбантовъ 1, драбантъ 1, Королевскій Гофквартермистръ 1, Поручиковъ 53, Корнетовъ и Прапорщиковъ 53, Адъютантовъ 3, Унтеръ-Офицеровъ конныхъ, драгунскихъ и пѣхотныхъ 201, нижнихъ чиновъ 2,523, трубачей 7, полковыхъ фельдшеровъ 4, ихъ помощниковъ 4, полковыхъ Коммисаровъ 3, гобоистовъ 12, барабанщиковъ 24, Секретарей 2, Канцеляристовъ 2, Проповѣдникъ Королевскаго Двора Нордбергъ, штандартовъ и другихъ знаменъ 137, пушекъ 4, серебряныя литавры 1, другихъ 3; множество оружія; багажныхъ телѣгъ 3,000.

И того Штабъ и Оберъ-Офицеровъ 189, нижнихъ чиновъ 3,178, гражданскихъ чиновъ 59.

II.

Списокъ Русскимъ, которые въ эти же дни были при Полтавѣ убиты или ранены.

Убитые въ кавалеріи: Полковникъ 1, Маіоры Кропотовъ и Ekestchelt (?), Капитановъ 12, Поручиковъ 7, Прапорщиковъ 8, Унтеръ-Офицеровъ, капраловъ и нижнихъ чиновъ 593.

Убитые въ пѣхотѣ: Бригадиръ Feilenhen (?), Полковникъ 1, Капитановъ 6, Поручиковъ 6, Прапорщиковъ 6, нижнихъ чиновъ 691.

Раненые въ кавалеріи: Генералъ-Поручикъ Реннъ (Rehnn), Полковниковъ 2, Подполковниковъ 3, Маіоровъ 4, Капитановъ 26, Прапорщиковъ 19, нижнихъ чиновъ 1,381.

Раненые въ пѣхотѣ: Бригадиръ Полонскій, Полковниковъ 3, Подполковниковъ 2, Маіоровъ 4, Капитановъ 4, Капитанъ-Поручиковъ 7, Поручиковъ 5, Адъютантовъ 2, Прапорщиковъ 5, нижнихъ чиновъ 1,784.

Убитые въ артиллеріи: Сержантъ 1, канонировъ 3, прислуги 5. Раненыхъ: канонировъ 2, прислуги 9. Итого всѣхъ убитыхъ 1,344, раненыхъ 3,292.

Шведовъ осталось на полѣ сраженія 8,619. Несправедливо, что раненыхъ своихъ Шведы сами убивали и бросали на дорогѣ.

III.

Акордъ (капитуляція) между остатками Шведскихъ войскъ и Московитскою арміею при рѣкѣ Днѣпрѣ.

Высочайшимъ именемъ Его Великоцарскаго Величества Великороссійскаго и пр., и пр., съ одной стороны, и Его Шведскаго Королевскаго Величества и пр., и пр., съ другой, заключенъ ниже подписавшимися командующими господами Генералами слѣдующій акордъ:

1. Состоящія подъ начальствомъ Е. С., Генерала Графа Левенгаупта, Шведскія войска, всѣ вообще, какъ Генералы, Офицеръ, такъ и нижніе чины, со всѣмъ, что состоитъ при войскѣ, сдаются военноплѣнными Его Царскому Величеству на слѣдующихъ условіяхъ:

2. Всѣ вообще нижніе чины: солдаты, конные, драгуны и мушкетеры, какъ бы они ни именовались, должны положить оружіе и остаться военноплѣнными до выкупа, съ сохраненіемъ мундировъ и всего того, что у нихъ находится, исключая оружія и амуниціи; всѣ лошади, исключая Офицерскихъ, точно также сдаются Е. Ц. Величеству.

3. Г. Генералы, Офицеры всѣ вообще, съ состоящимъ при ихъ персонѣ багажемъ и экипажемъ, при заключеніи мира между

Его Царскимъ Величествомъ и Его Королевскимъ Величествомъ, Королемъ Шведскимъ, должны быть освобождены безъ выкупа и размѣна, до того же времени обходиться съ ними прилично (honett), также дозволять имъ на слово отправляться къ своимъ на извѣстное время.

4. Шведская артиллерія съ амуниціею, знаменами, штандартами и упряжью, а равно и Королевская Шведская и полковая касса, которая находится въ станѣ, будутъ переданы Его Царскому Величеству.

5. Запорожцы и другіе мятежники, которые окажутся при Шведскихъ войскахъ, будутъ выданы Его Царскому Величеству.

Для скрѣпленія выше упомянутаго акорда и вѣрнѣйшаго держанія его, будутъ этѣ пункты подписаны, съ приложеніемъ печатей, командующими Генералами Его Царскаго Величества и также командующими Генералами Шведской арміи и изготовлены въ двухъ экземплярахъ. Учинено въ Главной Квартирѣ при Переволочнѣ, 30 Іюня (1 Іюля), 1709 года.

Александръ Меньшиковъ.

Всѣ Гг. Генералы и Офицеры удержатъ весь свой багажъ и прислугу; точно также и Комиссары, Аудиторы, Секретари, полковые Пасторы, фельдшеры и всѣ равные имъ Офицеры удержатъ багажъ и прислугу.

Александръ Меньшиковъ.

IV.

Списокъ Шведскому войску, сдавшемуся Его свѣтлости, Князю Меньшикову, по капитуляціи военноплѣнными при Переволочнѣ, 30 Іюня (1 Іюля), 1709 г.

Генералъ и Губернаторъ Города Риги, Графъ Левенгауптъ. Генералъ-Маіоры: Крузе и Крейцъ, Генералъ-Адъютантъ 1.

Конные полки: Лейбрегиментъ, Шведскаго Дворянскаго знамени, Эстляндскаго тоже, Абовскій, Смоляндскій, Нюландскій, Остготскій, Карельскій, Сѣверной Шоніи, Южной Шоніи, Генералъ-Маіора Крузе. Драгунскіе полки: Лейбъ-Драгунскій, Веннерстета, Шлиппенбаха, Шрейтерфельса, Мейерфельса, Гіельма, Таубена, Дикфа, Альбендиля, Гильденштерна, Принцевъ.

Полковники: Гельмъ, Дикеръ, Гильденштерна, Лешернъ, Таубе, Рамсвердъ, Веннерштетъ. Подполковники: Гагендорнъ, Фрейденфельдъ, Платтеръ, Коульборсъ, Левенгауптъ, Эрнштедъ, Кронъ, Свабенъ, Фрейманъ, Траутфеттеръ. Маіоровъ 15, Ротмистровъ и Капитановъ 182, Поручиковъ 217, Корнетовъ 215, Полковыхъ Квартмистровъ 10, Адъютантовъ 17. Всѣхъ конныхъ и драгунскихъ Оберъ-Офицеровъ 673. Пасторовъ 26, Коммисаровъ 4, писарей 48, фельдшеровъ 20, ихъ помощниковъ 44, литаврщиковъ 13, барабанщиковъ 67, трубачей 93. Всякихъ мастеровъ, профосовъ и фургонщиковъ 528.

Пѣхота: Вся Королевская гвардія съ Полковникомъ Посе, Маіоръ Оксенштерна, Капитановъ 7, Поручиковъ 11, Прапорщиковъ 31, Адъютантъ 1, Унтеръ-Офицеровъ, капраловъ и рядовыхъ 1,317. Сверхъ того: Коммисаръ 1, Гевальдигеръ 1, Пасторовъ 6, писарей 7, гобонетовъ 6, барабанщиковъ и флейщиковъ 52, профосовъ 13. Пѣшіе полки: Упландскій, Далекарлійскій, Вестманляндскій, Вестерботтенскій, Сёдерманляндскій, Вермляндскій, Эстерготскій, Ёнчёпингскій, Вестерготскій, Кронобергскій, Кальмарскій.

Полковники: Кронманъ, Фокъ. Подполковники: Грисбахъ, Юнге, Арвидсонъ, Брюншельдъ. Маіоры: Сильверспоре, Оксе, Рамзай, Беръ. Капитановъ 60. Капитановъ-волонтеровъ 2. Поручиковъ 62, Прапорщиковъ 71. Квартермистровъ 8. Адъютантовъ 6. Унтеръ-Офицеровъ, капраловъ и рядовыхъ 3,358. Сверхъ того: Коммисаровъ 5, Пасторовъ 6, Аудиторовъ 4, фельдшеровъ 15. И того Оберъ-Офицеровъ 960, Унтеръ-Офицеровъ 942, нижнихъ чиновъ 12,892.

Артилерія. Подполковниковъ 2, Маіоръ 1, Капитановъ 4, Поручиковъ 6, Адъютантъ 1, Прапорщиковъ 6, Штыкъ-Юнке-

ровъ 15, Сержантовъ 11, Констаблей 32, ихъ учениковъ 17, прислуги 49, минеровъ и унтерминеровъ 13, Фельдцейхмейстеръ 1. Оберъ-Штальмейстеръ 1, Квартермистръ 1, Пасторовъ 2, Аудиторъ 1, цейхвахтеръ 1, фельдшеръ 1, Оберъ-Вахмистръ 1, унтеръ-Штальмейстеровъ 2, Нотаріусъ 1, Унтеръ-Адъютантъ 1, фурьеровъ 19, мастеровыхъ и невоенныхъ чиновъ 315.[3]

Всей конницы, драгуновъ, пѣхоты и артиллеріи 14,987 человѣкъ съ невоенными чинами 16,288 человѣкъ.

Сверхъ того: Королевскій Камергеръ Гюнтерфельдъ, Придворный Аптекарь, Квартермейстеръ, 3 Кригсъ-Коммисара и 5 провіантъ-писарей и придворныхъ служителей, знаменъ и штандартовъ 142 орудій: 4 мѣдныхъ 6 фунт., 1—5 фунт, 12—2 фунт., 2 гаубитцы 16 фунт., 4 мортиры 6 фунт., 4—2 фунт. 3 желѣзныхъ 3 фунтовыхъ.

Сообщ. Соревнователь **А. Чуиковъ.**

---

[3] Подробности о составѣ и организаціи Шведскихъ войскъ любопытны и по тому, что Шведская армія послужила образцомъ для военныхъ преобразованій Петра I.

МАТЕРІЯЛЫ

ДЛЯ

ИСТОРІИ БЕЗПОПОВЩИНСКИХЪ СОГЛАСІЙ

ВЪ МОСКВѢ,

ѲЕОДОСІЕВЦЕВЪ ПРЕОБРАЖЕНСКАГО КЛАДБИЩА

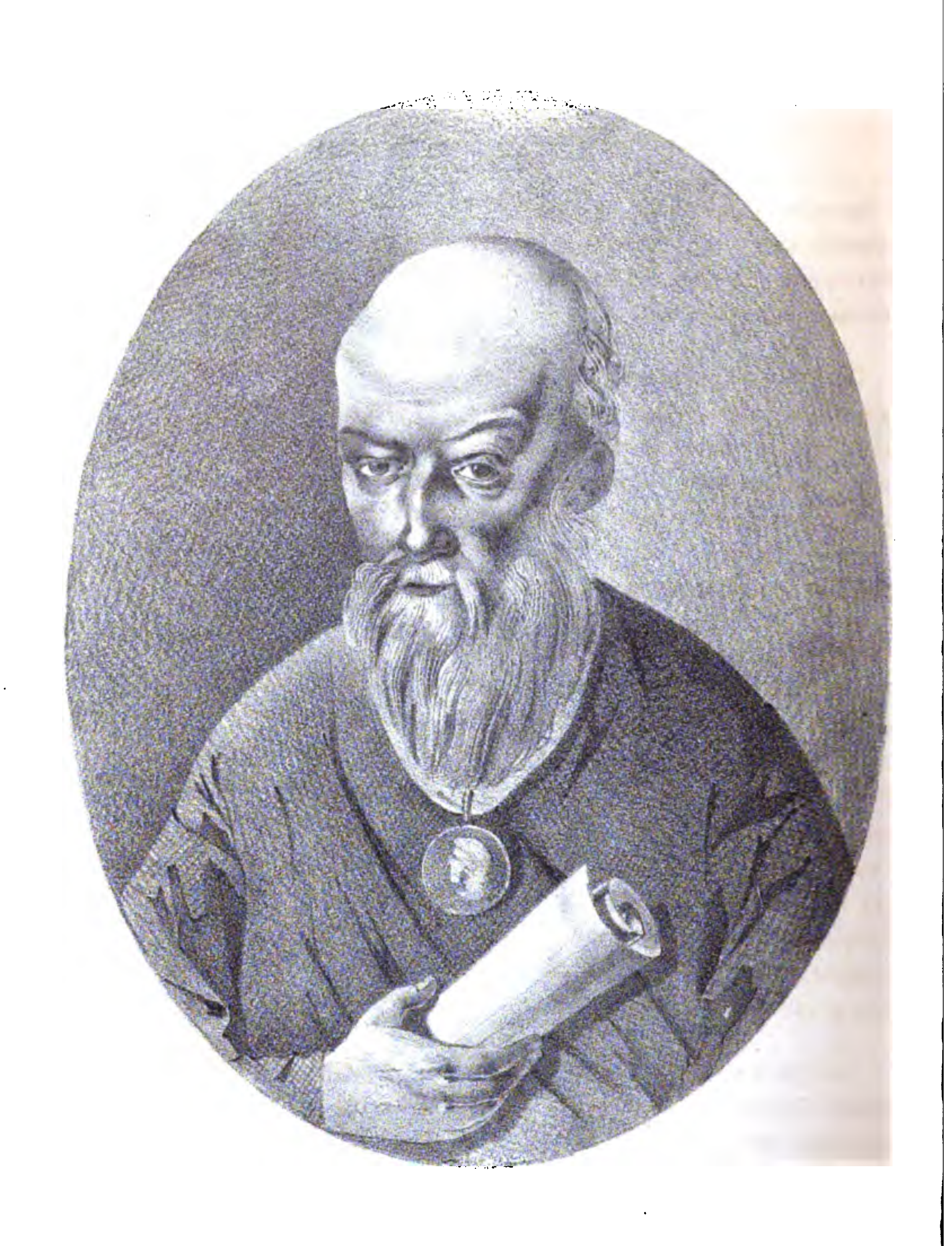
И

ПОМОРСКОЙ МОНИНСКАГО СОГЛАСІЯ,

СОБРАННЫЕ

НИКОЛАЕМЪ ПОПОВЫМЪ.

съ приложеніемъ двухъ портретовъ.



Дозволено Цензурой Москва 25 Іюня 1869 г.

Печат. въ Литографіи Музеума на Ма...

ИЛЬЯ АЛЕКСѢЕВЪ КОВЫЛИНЪ.

(Родился 1731 г. умеръ 1809 года.)

Прилагаемый при семъ портретъ Ильи Алексѣевича Ковылина, литографированъ съ оригинальнаго портрета масляными красками, писаннаго съ натуры, вскорѣ послѣ слѣдущаго замѣчательнаго съ Ковылинымъ происшествія:

Ковылинъ имѣлъ кирпичный заводъ, и ставилъ кирпичъ на казенныя постройки, именно для строившагося тогда Военнаго Госпиталя въ Москвѣ, въ Лефортовской Части. Кирпичъ принимали отъ него, какъ видится, счетомъ, такимъ образомъ: пріемщикъ сосчитывалъ двѣ стороны паралелограмма, составляющаго поверхность всего сложеннаго кирпича, равно кирпичи, составляющіе высоту, и изъ этихъ данныхъ выводилъ кубическое содержаніе цѣлой сложенной массы.

Бывшій тогда главнымъ распорядителемъ работъ, Генералъ Безобразовъ, получилъ донесеніе, что въ громадной грудѣ сложеннаго близъ постройки кирпича, есть порожнія мѣста, заложенныя только сверху на подмосткахъ; что, такимъ образомъ, принятый порядокъ счета ошибоченъ, и что Илья Ковылинъ получаетъ деньги за такой кирпичъ, котораго и не думалъ доставлять. Генералъ Безобразовъ рѣшился лично освидѣтельствовать кирпичъ и потребовалъ, чтобы Ковылинъ при этомъ присутствовалъ. Явившійся Илья предчувствовалъ грозу, но надѣялся, что, Богъ дастъ, Генералъ не отыщетъ его плутней. Но его Превосходительство безъ дальняго взобрался самъ на кирпичную крѣпость, и давай расхаживать да постукивать палочкой.

На одной изъ подмостокъ и подпорокъ, неловко подставленныхъ, Генералъ провалился, ушибся, и неудовольствіе его противъ коварнаго подрядчика превратилось въ ужасный гнѣвъ. Выведенный изъ терпѣнія неосновательными оправданіями поставщика, раздраженный начальникъ схватилъ его за бороду, и провинившійся возвратился домой съ клинообразной, короткой и рѣдкой бородкой, вмѣсто прежней густой и окладистой.

II

Эти «дѣла давно минувшихъ дней» дошли до нашего времени по преданіямъ самихъ же Ѳеодосіевцевъ. Я же, кромѣ того, имѣю записки одного изъ извѣстныхъ современниковъ, въ которыхъ это плачевное, для Преображенскаго кладбища, событіе описано съ большими подробностями. Приложенный здѣсь портретъ, повторю еще разъ, есть копія съ сохранившагося у меня оригинала, писаннаго масляными красками, который былъ сдѣланъ вскорѣ послѣ происшествія съ обезображеннаго уже Ковылина. На свиткѣ, который въ лѣвой рукѣ его, находится слѣдующая надпись самодѣльнаго сложенія:

«Кто Православную Вѣру * усердно соблюдаетъ,
Того она прославляетъ и отъ бѣдъ избавляетъ,
По преселеніи жъ отъ временной жизни,
Царствія Небеснаго сподобляетъ и съ Богомъ соединяетъ.»

---

* То есть: Христову, а не Ковылинскую.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Прежде помѣщенія ниже матеріяловъ мы выскажемъ, въ общихъ чертахъ, о характерѣ нашего изданія.

Съ 1863 года я предпринялъ изданіе Сборника для исторіи Старообрядчества. Цѣль нашего труда была выяснить, какъ причины отпаденія отъ Церкви разновѣрующихъ, такъ и указать ихъ заблужденія съ документальной точностію, словомъ, ихъ собственными сочиненіями, письмами, уставами и проч. Задавая себѣ подобный трудъ, способствующій разработкѣ Раскола, мы думали встрѣтить вниманіе, сочувствіе къ нему, по крайней мѣрѣ, тѣхъ лицъ, которыхъ прямою обязанностію было защищать интересы Православія Церкви Русской отъ тлетворнаго ученія Раскола; но чѣмъ ближе мы подходили къ заданному вопросу, тѣмъ болѣе и болѣе переносили всевозможныя неудобства относительно печатанія нашего Сборника; въ слѣдствіе сего и самая программа нашего изданія пострадала въ значительной мѣрѣ. Но такъ ли, иначе, въ теченіе четырехъ лѣтъ было издано пять книжекъ Сборника; слѣдовательно, читателю есть уже возможность почерпнуть тѣ свѣдѣнія о Старообрядствѣ, которыя проливаютъ ясный свѣтъ на прошлый и современный Расколъ.

Строгой изслѣдователь въ Сборникѣ нашемъ не встрѣтитъ систематической и хронологической послѣдовательности; въ Сборникѣ есть пробѣлы по исторіи Раскола, но повторимъ, что это уже произошло «отъ независящихъ отъ издателя причинъ.» Кто только имѣлъ дѣло съ печатнымъ трудомъ, и при томъ о Расколѣ, тотъ вполнѣ пойметъ этѣ причины, и оцѣнитъ нашъ трудъ по изданію Сборника.

Ниже помѣщенные матеріялы о Безпоповщинскомъ Расколѣ, сосредоточенномъ въ Москвѣ, есть не болѣе, какъ дополненіе къ нашему Сборнику о Расколѣ.

Мы не будетъ утомлять читателей подробностями касательно исторіи Раскола: о всемъ это нами было сказано уже въ вышедшихъ частяхъ Сборника нашего, но перейдемъ къ тѣмъ матеріяламъ, которые заняли теперь мѣсто въ журналѣ: «Чтенія въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ.»

Всѣ ниже помѣщенные письменные документы относятся исключительно къ Ѳеодосіевцамъ Преображенскаго кладбища и ихъ враждебнаго Согласія, образовавшагося изъ среды самихъ же Ѳеодосіевцевъ—Ново-Поморцевъ или, такъ называемаго, «Монинскаго Согласія въ Москвѣ.»

Читатели увидятъ изъ нашего вступленія къ Монинскому Согласію, кто былъ главнымъ представителемъ онаго, а равно и прочтутъ обличительныя сочиненія на Ѳеодосіевцевъ. Мы не задавали себѣ труда, съ своей стороны, входить въ точное изслѣдованіе съ исторической, или полемической, стороны относительно помѣщенныхъ нами документовъ той и другой секты: это уже есть не нашъ трудъ; мы подобрали только тѣ матеріялы Безпоповщинскаго Раскола въ Москвѣ, которые объясняются сами собою, безъ посторонняго вмѣшательства.

При печатаніи, съ своей стороны, мы нашли нужнымъ, къ нѣкоторымъ документамъ прибавить нѣсколько объяснительныхъ словъ, а къ другимъ сдѣлали свои примѣчанія, по чему либо намъ казавшіяся необходимыми.

Николай Поповъ.

I.

ЖИТІЕ

ѲЕОДОСІЯ ВАСИЛЬЕВА, ОСНОВАТЕЛЯ ѲЕОДОСІЕВСКАГО СОГЛАСІЯ,

НАПИСАННОЕ СЫНОМЪ ЕГО, ЕВСТРАТОМЪ,

въ 7250-мъ году.

Сей убо преславный и досточюдный учитель Ѳеодосій, родство свое ведый отъ прадѣда и дѣда, и прочихъ по роду восходящихъ, благородныхъ Усовыхъ Дворянъ или Урусовыхъ, въ царствующемъ градѣ Москвѣ жительствующихъ. Въ разореніе же Московское отъ Поляковъ, дѣду его, именемъ Евстратію, въ плѣнъ взяту бывшу, и 16 лѣтъ тамъ препроводившу, егда же оттуду изыде, не восхотѣ жити въ Москвѣ; уже бо родители его умроста. Сродники же иніи избіени, инія же въ плѣнъ взяти, и имѣнію ихъ разграблену бывшу, и домомъ сожженнымъ. Понеже злымъ онѣмъ Божіемъ попущеніемъ, царствующимъ градомъ три лѣта владѣвшимъ, великое разореніе тамо сотвориша. Пойде убо той въ Великій Новградъ, и случися ему быти на рѣцѣ, нарицаемой Мстѣ, въ селѣ Морозовичахъ. Бяше бо ту церковь Святителя Николы, и нача тамо пребывати. Любяше убо зѣло церковное благолѣпіе, и премного искусенъ бяше чтенію и пѣнію церковному.

За благій же его разумъ любяху тамо живущіи населницы и окрестъ сущіи, а наипаче благородные Дворяне: Трусовы,

Третьяковы, Нащекины, и прочіи, и почитаху вельми, и понудиша его жену пояти. Онъ же закономъ брака жену поемъ, и дѣти съ ней породи. Отъ нихъ же единъ бѣ сынъ его, именемъ Василій, родитель чюднаго Ѳеодосія, иже рукоположенъ бысть во Іереи въ Крестецкой Ямъ, ко церкви Святителя Никиты, Новгородскаго Чюдотворца.

Живя же тамо, не вмалѣ скорбяше о возмущеніи церковномъ, отъ Никона Патріарха сотворенномъ. Гоненія и мученія страхомъ содержимъ, не отступи отъ Церкве. Обаче держащихъ святые Древлецерковные законы не гоняше, но усерднѣ всячески покрываше и соблюдаше. Ту и со отцемъ своимъ умре, оставивъ жену и три сыны по себѣ: Ѳеодосія, Леонтія и Георгія, младостію цвѣтущихъ. Не по многомъ убо времени большій сынъ, о немъ же намъ повѣсть, Ѳеодосій, церковнымъ бракомъ сочетася со женою. Людіе же того села жалостію умершаго отца и любовію къ сыну содержими, поемше его нуждею, не хотяща вельми, повезоша въ Великій Новградъ, къ сущему тогда Корнилію Митрополиту, и моляху его, дабы рукоположилъ имъ онаго на отцево мѣсто Попомъ. Архіерей же, за младость, на время поповство ему отложи, и оному отрицающуся, но Діакономъ сего имъ постави. Исперва убо живуще при оной церкви въ Діаческомъ чинѣ, ревнуя по Никоновыхъ новопреданіяхъ, начатъ жестокъ являтися о отставшихъ за тая отъ Церкве, не отческою милостію хваляся, но гонительною злобою грозяся.

Егда же Божіею всещедрою благодатію, коснувшеюся сердцу его и умнѣй души, присѣщенъ бывъ, и отъ нѣкихъ боголюбивѣйшихъ мужей услышавъ о бывшемъ премѣненіи, готову ниву имѣя разума благаго своего къ пріятію таковыхъ сѣменъ, позна абіе древнее Святыя Апостольскія Церкви благочестіе и Никоновыхъ новинъ пагубное злочестіе. Вскорѣ потомъ, въ собраніи всего тамо народа, Діачества отречеся. И дерзновенно и ясно возвѣстивъ, чесо ради сего отречеся: яко по новоизложеннымъ догматамъ въ новопечатныхъ книгахъ не возможно отнюдь спасенія получити, возгнушася убо и крещенія и прочихъ таинствъ дѣйствующихъ отъ Никоніанъ, подъ благословеніемъ пяти перстовъ, чрезъ литеры въ новопечатныхъ книгахъ преданныхъ Н

колаемъ Малаксомъ развратно. И по святымъ правиломъ, отъ нѣкоихъ правовѣрныхъ Христіанъ, содержащихъ Древлецерковное святое Православіе неизмѣнно, пріятъ святое крещеніе и нареченъ бысть Діонисій. Тако же и жена его съ сыномъ и со дщерію младенцема и два брата его крестишася. И оставльше домъ и оное село, отъидоша и съ матерью своею во иное не далече, яко пять поприщь. Тамо въ безмолвіи живуще, работаху Богу. По немнозѣмъ убо времени, жена его поживши богоугодно, преставися и со дщерію въ будущую жизнь.

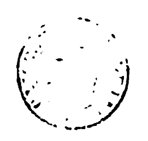
Тогда чюдный Ѳеодосій, свободенъ бывъ отъ супружнаго ига, усердно соблюдаше Древлецерковная содержанія, и житію чистому зѣло прилежаше, и добродѣтельному спѣянію усердно внимаше. Къ тому же Священная Писанія прилѣжно чтяше, желая постигнути лежащую въ нихъ духа глубину. Иже и собра отъ нихъ преизобильное богатство духовныя благодати, многую премудрость, преизящное вѣдѣніе, яко любострудная пчела медвенные соты, или яко губа привлече сладчайшія воды. Бяше бо мужъ остроты чудныя, ума скоропостижнаго, разума всеобъятнаго, смысла многоплоднаго, памяти крѣпкія и разсужденія великаго.

Видя же Божіе зданіе, по образу Божію и по подобію сотворенныхъ, въ сѣтѣхъ Никоновыхъ новопреданій увязшихъ и гибнущихъ, воспріятъ ревностное тщаніе о обращеніи и спасеніи человѣковъ. Еще же и отъ другихъ духовныхъ мужей, усмотрѣвшихъ преизобиліе сущаго въ немъ разума и въ Святѣмъ Писаніи искуства, понужденъ бывъ на сіе дѣло, паче же рещи самѣмъ Богомъ во умѣ озаренъ и позванъ, начатъ проходити страны, грады, веси и села, не точію въ Россіи сущія, но и въ Нѣмецкихъ и Польскихъ владѣніяхъ лежащія, и учити живущіе въ нихъ народы, благовѣствуя, наставляя и приводя къ свѣту древлесодержимаго Святыми отцы благочестія. Тѣмъ же колико множество человѣкъ отъ Антихристовы прелести изыде, и къ закону истиннаго Православія направи! Коликія народы отъ еретическихъ новозлохитрствъ исторже и на путь отческихъ спасенныхъ заповѣдей настави, ихъ же числу предати весьма невозможно. Слово убо имѣя во ученіи истинное, въ наставленіи благо-

пріятное, во увѣщаніи слогомъ изрядное, въ толкованіи реченій ясное. Таковое возъимѣвъ ученія усердное рачительство, яко зѣло мало даде сна своими очима и вѣкома дреманія, но днемъ и нощію, яко кипящій живыя воды источникъ, быстроструйная многоводная рѣка, выну Святыми Писаніи поучаше и поучашеся Желательнѣе ему бяше пищи и питія божественныхъ словесъ прочитаніе.

Многіе же труды и подвиги подъя во ученіи своемъ, а наипаче отъ апостатовъ, отступающихъ правыхъ законовъ и благаго житія.

Первый подвигъ. Нѣкто бяше именемъ Иванъ, прозваніемъ Коломенской, и сперва убо со отцемъ Священноинокомъ Варлаамомъ и Іоанномъ Дементіевичемъ, страдальцемъ, въ согласіи бѣ. По страданіи же его, отступивъ онѣхъ благаго ученія, и презрѣвъ воздержное житіе, впаде въ великую слабость, не хотя тѣснымъ путемъ ходити, но пространный возлюбивъ, начатъ пріимати отъ еретикъ крещеніе, евхаристію, рукоположеніе, браки и постриженіе, и всякое освященіе во всемъ съ ними имѣти. Послѣдоваша же сему развратному ученію нѣцыи отъ грамотныхъ Христіанъ, ихъ же имена: Прохоръ большой, Григорій Бѣлохинъ, Венедиктъ, Евсевій Кондратовъ, Мелетій Рушакинъ, Маркъ, Иванъ Москвитинъ и прочія, иже не мало Христіанъ смутиша и развратиша; зане человѣческое естество и широкому пути и растлѣнному житію удобопреклонно есть, и безъ водящихъ, колми паче съ предводители, зѣло послѣдовательно. Ѳеодосій же, не терпя зрѣти Христовы овцы ядомъ злаго ихъ ученія окормляеми и мракомъ еретичества быти покрываеми, Богомъ укрѣпляемый, съ Спиридономъ Максимовымъ и съ прочими духовными мужи ополчився, ста противъ ихъ доблестно, и различныя бесѣды и прѣнія предъ многими народы многократно съ ними сведе; всегда отъ Святыхъ Писаній вся ихъ аргументы разрѣшаше, и уничтожаше, и премудро препираше ихъ и посрамляше. И убо Христовою благодатію въ конецъ одолѣвъ ихъ, и яко губительныя волны пращею святыхъ правилъ отъ стада овецъ, толь сильно студа исполненныхъ, отгна, яко ктому уже не смѣяху и лицу



его приближитися. Многіе отъ прелести ихъ изведе и къ свѣту праваго пути настави.

Но убо и вторый подвигъ дивному учителю Ѳеодосію не мнѣе перваго противу сихъ пріиде, иже во единой Вѣрѣ, и во единомъ согласіи бяху духовныи люди: Григорій Ондворскій, Тимоѳѣй и Симонъ Іововы, Димитрій Пяткинъ, Селивестръ, Митрофанъ, Ипатій и прочіи, но житіе зазорное имаху противно канонамъ. Держаху убо при себѣ дѣвицъ, и женъ, и сродницъ, но весма чужихъ сущихъ. И съ ними овіи въ пустыняхъ, иніи же во градѣхъ и селѣхъ, пребываху, но на единѣ. Откуду въ таковыхъ и явные зазоры породишася, отъ иныхъ же лживая провѣщанія, аки бы отъ Святыхъ явленія показавашася. Симъ учитель Ѳеодосій исперва на едино лѣто братолюбно начастѣ совѣтоваше, моляше и наказоваше, дабы отъ таковаго сожитія исправилися. И егда не исправляхуся, нача предъ людьми имъ о семъ отъ святыхъ правилъ предлагати, чтобы такое зазорное житіе отложили, они же не послушаху и сопротивляхуся. Тогда и нещадно святыми каноны предъ многими народы обличаше и засвидѣтельствоваше имъ. Видя же онѣхъ не токмо не исправляющихся, но и которы творящихъ велія, по совѣту съ прочими духовными, сотвори съ ними раздѣленіе въ молитвахъ и во всякомъ сообщеніи. Людіе же, видѣвше учителя Ѳеодосія непорочное житіе и чистое въ Правовѣріи ученіе, оставльше онѣхъ, присвоишася любовію къ нему.

Славѣ же о ученіи его широко протекшей: ибо не можетъ градъ укрытися верхъ горы стоя, по Господнѣ словеси; и: славящаго мя, рече, прославлю. Внуши бо ся о немъ отъ многихъ и начальствующимъ Архіереомъ, иже яко звѣріе дивіи на ярость подвизахуся, а наипаче Великоновгородскій Митрополитъ Іовъ воздвиже на Правовѣрныхъ. И аще кій отъ Христіанъ пойманъ и приведенъ къ нему бываше: «Кто васъ научи отъ Церкви нашея и таинъ, нами совершаемыхъ, отлучатися?, Убо отъ всѣхъ согласно учитель Ѳеодосій предлагашеся. Больма же на ярость разжегся оный, посла искати прилежно его. Паче же и самъ съ лютою жестотою въ Крестецкомъ Ямѣ, всѣхъ гнаше къ своей Церкви и причащенію, и его зѣльно на мученіе искаше.

Но Божіимъ мановеніемъ, вся на пользу строящимъ, учитель Ѳеодосій мало прежде того, поимъ матерь свою и сына, въ Польскую Державу отъѣха въ лѣто 7207. Не мученія и смерти боясь, сіе сотвори; желателенъ убо зѣло бяше за древнее святоотческое содержаніе усердно душу свою положити, но другимъ пользы и спасенія желая и Господню заповѣдь исполняя: Аще, рече, гонятъ вы во градѣ семъ, бѣгайте въ другій. Услышано же бысть въ Россіи по странамъ дивнаго учителя Ѳеодосія отшествіе тамо, множество Христіанъ отъ градовъ, весей и селъ, любовію распаляеми, потекоша во слѣдъ его, желающе Древлецерковное святое Православіе немятежно соблюдати и подъ руководствомъ его пребывати. Онъ же состави тамо двѣ обители: мужескую и женскую. Наставляше ихъ къ богоугодному житію, по уставомъ иноческимъ, Василія Великаго общее житіе устави. Испер ва убо великія тяготы понесе, лѣсъ сѣкій, сучіе сѣчаше и пряташе, и прочая дѣла своима рукама творяше. Мужественъ убо бѣ въ трудѣхъ, прежде всѣхъ на дѣло исходя, собою всѣмъ образъ показуя. Терпѣливъ въ напастѣхъ, ово отъ бѣсовъ, ово же отъ злыхъ человѣкъ наносимыхъ, никогда же въ печаль, или уныніе, впадая, но выну упованіе къ Богу имѣя, воспоминая присно Господни слова: Въ терпѣніи вашемъ, рече, стяжите душа ваша. И паки: претерпѣвый до конца, той спасенъ будетъ; и псалмопѣвца рекуща: Господь мнѣ помощникъ, не убоюся, что сотворитъ мнѣ человѣкъ; и: Надѣющійся на Господа, яко гора Сіонъ, не подвижется во вѣки. Праздности же, училищу злыхъ, премного оплевашеся и всегда въ дѣлахъ пребываше. Иногда убо трудяся со братіею, иногда же книги чтяше, или писаше. Овогда въ молитвѣ терпяше, овогда же братію, или сестръ, поучая. Первое: отъ прелестей еретическихъ всѣхъ и новопреданныхъ догматъ отвращая. Второе: въ Древлецерковной святѣй Вѣрѣ, догматѣхъ и преданіяхъ ея, твердо и неизмѣнно увѣщавая пребывати. Потомъ вся заповѣди Божія и Святыхъ добродѣтели дѣломъ совершати наставляя, самъ прежде не словесы точію, но твореніемъ, во образъ всѣмъ сія исполняя, вѣру, любовь, надежду, правду, мужество, мудрость, цѣломудріе, молитву, воздержаніе, кротость, смиренномудріе, безгнѣвіе, непамятозлобіе, долготерпѣніе, милосердіе, странноприятіе, постъ, бдѣніе, нищету, малословіе, и прочая вся, ко спасенію ведущая, страждущимъ помогая,

печальныхъ утѣшая, падшихъ возставляя, колеблющихся укрѣпляя, стоящихъ утверждая: Всѣмъ вся, по Апостолу, бывая, да вся Христу пріобрящетъ.

Чистоту же и цѣломудріе зѣльно любяше. На не хранящихъ же сія, не точію въ дѣлѣхъ, но аще и въ словесѣхъ, бѣднѣ негодоваше, и не словомъ токмо, но и дѣломъ, на тѣлѣ жестоко наказоваше, опасно вельми соблюдая мужескій полъ отъ женскаго, не собесѣдованія единаго, но и отъ паденія самаго. Ибо не страсти и грѣхи сущія отсѣкая, но и вины, отъ нихъ же сія бываютъ, искореняя.

Не точію же во обителяхъ живущихъ, но и по селамъ сущихъ окрестъ многочисленныхъ Христіанъ, такоже и въ Россіи во градѣхъ и селахъ живущихъ, не оставляше, но пріѣзжая къ нимъ поучаше и наказоваше начастѣ прилежно и спасенію полезное предлагая. Сладостенъ бо бяше во утѣшеніи, разумнословесенъ въ поученіи и зѣло благопріятенъ во увѣщаніи. Противляющихъ же ся ему во ученіи, тако отъ Святыхъ Писаній премудро и сильно обличенныхъ, возражаше, яко весьма не могущихъ словесемъ его одолѣти, но стыдомъ покрывающеся отхождаху. Собрася убо къ нему во общее житіе мужеска полу до шести сотъ дѣвицъ и женъ до седми сотъ. Во обителѣхъ же овѣихъ служба Божія, вечерня, павечерня, полунощница, утреня, часы, молебны и панихиды со чтеніемъ и со сладкогласнымъ пѣніемъ по святымъ старопечатнымъ книгамъ, вся по уставу чинно и красно вельми на кійждо день исправляшеся. На трапезѣ чтеніе всегда бываше. Хлѣбъ и другія потребы общи бяху. Трапеза едина всѣмъ бяше, токмо престарѣлымъ и больнымъ больницы, служители, и пищи особныя, ко упокоенію ихъ устроены бяху. Одежды убо и обущи и прочія вещи всѣмъ изъ казны общія подавахуся.

Слыша убо дивнаго учителя Ѳеодосія благое ученіе и преизящное о добродѣтелѣхъ пребываніе и наставленіе, мнози отъ благородныхъ Бояръ оставляху домы, высокія чести, помѣстія, крестьянъ своихъ, и прочія стяжанія вся въ уметы вмѣняюще, наставника же и учителя его себѣ имѣти желающе, прихождаху

во общее житіе къ нему и, свою во всемъ волю отлагающе любезно повиновахуся ему, въ нихъ же бяху сіи: Захарій Бедринскій, съ сыномъ Ларіономъ. Сей еще до составленія обители въ Россіи, любовію присвоися ему, мужъ бяше великаго ума, премного искусенъ Святаго Писанія и вѣдущъ яко Ветхаго, тако и Новаго Законовъ, и въ добродѣтеляхъ совершенъ, благоумиленъ, смиренномудръ, кротокъ, незлобивъ, любовенъ, милосердъ, и долготерпѣливъ и присный помощникъ отцу Ѳеодосію во всѣхъ случаяхъ бяше. И не токмо Христіанамъ всѣмъ, но и мірскимъ высокимъ Вельможамъ, Россійскимъ и Польскимъ, за благоразуміе его любезенъ сый. Еще Стефанъ Валацкій: сей безъ отца Ѳеодосія въ службѣ начинаше. Антоній Авраамовъ, мужъ духовный, Димитрій Нѣгановской, Герасимъ Злобинъ, Патріаршій Дворянинъ, духовный, Ѳеодоръ Аѳанасіевъ, Никита Ивановъ, Іаковъ Хмелевъ. Тако же и отъ Болярынь благородныхъ не мало, яже суть сіи: Небаровыхъ вдова и двѣ сестры дѣвицы, Полонскихъ дѣвица, Неѣловыхъ вдова со дщерію, Дириныхъ жена, Дядевкиныхъ три дѣвицы, Стоговыхъ дѣвица, Елагиныхъ двѣ сестры и прочіи. Къ тому же и отъ посажанъ градскихъ, мужей, и женъ, и дѣвицъ, не малое число. Изъ нихъ же мнози наставленіемъ дивнаго учителя преуспѣша зѣло въ добродѣтелѣхъ и благочестно къ Богу отыдоша.

Мнози убо и съ высокихъ господъ въ собесѣдованіе по случаю со учителемъ Ѳеодосіемъ сходяще, любезно съ нимъ отъ Святыхъ Писаній о Древлецерковныхъ святыхъ содержаніяхъ и о Никоновыхъ новопреданіяхъ разглагольствоваху, иже суть сіи: Бояринъ Борисъ Петровичъ Шереметевъ, Князь Александръ Даниловичъ Меньшиковъ, Боляринъ Симеонъ Григорьевичъ Нарышкинъ, Генералъ Михаилъ Аргамаковъ, Іаковъ Корсаковъ, Левъ Челищевъ, Антоній Алексѣевъ, и прочіи мнози отъ Благородныхъ, съ ними же довольныя бесѣды и не единократцы бяху. Токмо вси удивляхуся духовнѣй благодати, сущей въ немъ, и преизобильному во святыхъ книгахъ о всемъ вѣдѣнію.

Таковъ убо предивный сей учитель бяше, яко и помышленія человѣческая отъ далече проразумѣваше. Мнози отъ обителей его, такожде и мірстіи, сіе свидѣтельствоваху о немъ. Ибо егда

кто каковою страстію объятъ сый, приходяше къ нему и срамляшеся исповѣдати о себѣ, онъ же, вземъ книгу, о таковой именно страсти чтяше, или словесы поучительными о ней бесѣдовавше ему, къ покаяніе препода, въ подобную цѣльбу прилагая. Противящемуся же кому и не покоряющемуся словесемъ его, аще что наказательно провѣщеваше, всячески оное непогрѣшно сбывашеся. Не мали убо числомъ сіе о себѣ чувствоваша. О таковыхъ многихъ, но не едино хотящихъ слышати, скажемъ.

Братъ нѣкій, Корелянинъ родомъ бяше, именемъ Стефанъ, прозваніемъ Мидя, не младъ уже сый. Сей многажды малодушествоваше о пищи и питіи; искаше бо лучшихъ брашенъ паче братій. И часто сваряшеся со служащею въ таковыхъ братіею и къ блаженному отцу приходя, жаляшеся на нихъ, аще чесого по хотѣнію своему не получаше. Дивный же отецъ поучаше его терпѣнію и еже не побѣждатися малодушествіемъ. Иногда же, яко отецъ, отческою милостію преклоняемъ, повелѣваше служителемъ утѣшити круподушіе его. Онъ же весьма нетерпѣливъ, но сварливъ сый, начастѣ стужаше отцу, излишнихъ всегда надъ братіею требуя и, гнѣвомъ одержимъ, досадная противовѣщаше. Единою же блаженный много бесѣдовавъ ему, поучая терпѣніемъ побѣждати сладострастное желаніе и смиреніемъ, не лихоимствоватись лучшими брашнами братіи, той же не покоряшеся словесемъ его, но паче прекословнѣ глаголя, досаждаше ему. Тогда дивный отецъ рече къ нему: «Стефане! подобало бы тебѣ всячески послушати найполезная совѣтующихъ ти, ты же толико непокоренъ явился еси, не токмо не внимаеши глаголемымъ, но паче противишися и прекословиши, досаждая намъ и братіи. Вѣждь убо, яко за ослушаніе твое и многое прекословіе и роптаніе, вскорѣ наказаніе отъ Бога пріимеши.» И абіе словесемъ чуднаго отца скорѣйше дѣло послѣдоваше. Въ той самый часъ, оный Стефанъ, стоя тамо предъ всѣми, вострепеталъ всѣмъ тѣломъ, началъ колебатися весь и трястися, ослушанію своему и прекословію судъ пріемъ. И тако нѣколико лѣтъ начастѣ трясыйся пребысть до смерти своей. Иншіи же отъ подвижнѣйшихъ братій, желаніемъ влекомыи къ безмолвному житію, просяху отпущенія въ пустыни отъити. Онъ же прещаше имъ, глаголя: «Не вашея мѣры сіе дѣло есть. Полезнѣе вамъ окормляемымъ

быти, неже самѣмъ себе руководити.» Иніи убо послушаху совѣта его, иніи же устремляхуся на сіе, не пріемлюще совѣта его. Глаголяше имъ: «Не на пользу будетъ отхожденіе ваше вамъ.» Не прогрѣшаху оніи дивныи глаголы его. Такови отшедши отъ обители, и мало коснувшеся пустынныхъ подвиговъ, обратишася въ мірское житіе и въ грѣховномъ тинѣніи погрязнуша, иніи же Древняго Благочестія отвергошася.

По семъ иный подвигъ, не меньше первыхъ, случися отцу Ѳеодосію. Бяху нѣкоторіи Христіане, бѣгающіи Никоновыхъ новопреданій, иже поселишася за езеромъ Онегомъ въ пустыхъ лѣсахъ, общее житіе на рѣцѣ Выгу поставиша. Въ нихъ же начальнѣйшіи сіи быша: Данилъ Викулинъ, Андрей и Симеонъ Діонисіевы, Петръ Прокопіевъ, Антоній Ѳеодосіевъ и прочіи, иже въ первыхъ величайшихъ догматехъ, мудрованіемъ со отцемъ Ѳеодосіемъ и съ прочими учители Христіанскими согласны бяху: еже о нынѣшнемъ времени разумѣніе, еже о непріятіи хиротоніи, крещеніи, еүхаристіи и прочихъ Таинъ новодѣйствуемыхъ отъ Никоніанъ. Не мало вѣдѣніе въ Писаніи и изрядную ревность о чистомъ житіи имаху, но во иныхъ вещехъ не согласно мудрствоваху, яже суть сія: Аще кіи люди, не знающе Древняго Благочестія, браки отъ Никоніанъ пріяша, послѣди же познавше, крестишася отъ Правовѣрныхъ. Тые браки они хуляху и, ни во что вмѣняюще, разводити веляху. Пищу и питіе, отъ невѣрныхъ и еретиковъ творимое, и сосуды ихъ пріимаху и безъ молитвы ядяху. И во иныхъ каковыхъ оскверненіяхъ молитвъ на очищеніе съ поклонами не творяху. И наипаче на крестѣ Христовѣ Пилатомъ положенную титлу Ісъ Назарянинъ Царь Іудейскій, по свидѣтельству Святаго Еүангелиста Іоанна, зачало 60, отметаху. Писати же и воображати сію на крестѣ Христовѣ вельма возбраняху. Написанную же гдѣ на крестѣ, или вылитую, иніи отъ нихъ дерводѣлнѣ заглаждаху и стираху, и кресты съ титлою отъ поклоненія отставляху, и злохульствоваху всячески Латинскою ересію, и злѣйше сего оную нарицаше, чесого и писанію предати зазорно, и прочая различія въ чинѣхъ церковныхъ имяху. О сихъ всѣхъ учитель Ѳеодосій съ прочими, со Андреемъ, Симеономъ, Леонтіемъ, и со иными, ихъ многажды отъ Святаго Писанія бесѣдоваше. Они же согласіе о титлѣ къ нему въ словесѣхъ

показоваху, а въ своей странѣ по первому своему обычаю творяху и ни единаго креста съ титлою у себе въ часовни, ради увѣреніе словесъ ихъ, поставити не восхотѣша, и прочимъ своимъ таковыхъ весьма имѣти не велящe. Иногда же и къ нимъ во общее житіе отецъ Ѳеодосій, съ прочими учители Христіаскими, ѣздивъ, кіи быша сіи имены: Спиридонъ Максимовъ, Симеонъ Григорьевъ, Прохоръ Матвѣевъ, Иванъ Кондратьевъ, Иванъ Семеновъ Подъячей, мужіе искусніи, Писаніе довольно вѣдущіи, и прочіи отъ гражданъ въ разумѣ нарочитіи, и тамо съ ними бѣсѣдоваше о титлѣ не мало. Отъ нихъ же выше помянутый Леонтій за всѣхъ возопи со гнѣвомъ, въ столъ руками ударяя, сице: «Намъ вашъ І҃съ Назарянинъ не надобенъ!» сія трижды изрече. И прочіе нелѣпые укоры и поносы, не яко отъ мудрыхъ, но яко отъ поселянъ невѣждствующихъ, многія быша, ихъ же здѣсь писати непотребно. Андрею убо не бывшу тогда, и Даніилу видящу таковую ихъ не чинную буесть, со скорбію умолчавшу, такоже и Прокопію старцу, у него же крестъ древній съ титлою бяше, зане ихъ не слушаху.* Тіи же не восхотѣша выше показанныхъ своихъ мудрованій отложити и въ согласіи о сихъ любовно быти, но въ своемъ упрямствѣ неизмѣнно пребываху. Тогда учитель Ѳеодосій и прочіи, по многократномъ различномъ увѣщаніи, видяще ихъ въ своемъ разумѣ непреложно стоящихъ и къ согласію не склоняющихся, и единаго креста съ титлою у себе въ часовни поставити не восхотѣвшихъ, общимъ согласіемъ прочихъ учителей Христіанскихъ, сотвори съ ними въ молитвахъ, въ ядеіи и питіи разделеніе. Тако предивный учитель Ѳеодосій пасяше живущіе съ нимъ и окресть его, и по инымъ странамъ сущіе многіе Христіаны, на пажитехъ Божіихъ заповѣдей, въ Польскомъ Державствѣ живуще девять лѣтъ. Житію же весьма прослывшу, начаша Польстіи воинстіи людіе, нарицеміи отъ нихъ жолнеры, находити, чающе у него во обители богатство веліе быти, и многія обиды и пакости имъ творяху. Иногда убо множествомъ наѣхавше, въ

---

* Объ ономъ собесѣдованіи въ Выгоскомъ монастырѣ Ѳеодосія Васильева упоминается въ ниже помѣщаемомъ документѣ: «О началѣ раздора Ѳедосіевцевъ,» но совершенно въ иномъ видѣ, въ пользу Поморянъ.

конецъ разорити общее житіе намѣришася, братію разгонити всѣхъ хотяще, и имѣніе ихъ худое пограбити, учиниша великую стрѣльбу, и единаго отъ ученикъ его, стараго добраго мужа, именемъ Даніила, житеннаго казначея, убиша, а иныхъ раниша.

Въ то время въ велицѣй Россіи монарху Петру Первому, Царскія скипетры содержащу, Божіею великою милостію, гоненіе на Правовѣрныхъ преста, и Древлецерковные законы содержащіи всюду свободно живяху, а наипаче въ Копорскихъ и Ямбурскихъ предѣлахъ, Царскимъ повѣлѣніемъ отъ начальствуемыхъ крѣпко охраняемы бываху, и службы своя ко Господу Богу явно, по старопечатнымъ книгамъ, исправляху. Которыхъ мнози отъ высокихъ персонъ, яко и Царевичъ Алексій Петровичъ, многократно прихождаху, елико слышати пѣнія и чтенія, толико паче видѣти желающе

Слышавъ убо сія учитель Ѳеодосій, и видѣвъ братію свою унывающу отъ частаго злѣйшихъ жолнеровъ нападенія, къ тому же и Россійскому воинству тогда вступившу въ Польшу, отъ коего такоже не безъ утѣсненія имъ бяше, восхотѣ прейти въ Россійскую оттуду Державу. Всещедрый же Богъ вложи свое милосердіе первѣйшему отъ Царевыхъ Сѵнклитъ, Свѣтлѣйшему Князю, Александру Даниловичу Меньшикову (чрезъ возвѣщеніе Торопецкаго и Великолуцкаго Коменданта, Антонія Алексѣева), пріяти блаженнаго со всѣмъ братствомъ и съ прочими многочисленными Христіаны во свое охраненіе. Сей убо пріятно ихъ пріятъ, и посели въ Великолуцкомъ Уѣздѣ, въ Вязовской волости. И даде имъ всякую свободу и вольность безъ боязни Древлецерковные святоотческіе законы по старопечатнымъ книгамъ соблюдати. И тако оный, любимый Монархомъ Князь, по Божіей милости, своею сильною рукою не мало лѣтъ милосердо ихъ охраняше, не токмо отъ мірскихъ властей, но и отъ духовныхъ, не даяше ни кому обидъ и налогъ въ Вѣрѣ и въ мірскихъ дѣлехъ имъ творити. Искушаяй же Патріарха Авраама Всещедрый Богъ, искуси вся вѣдый и отца Ѳеодосія, да доблесть терпѣнія его всѣмъ явлену покажетъ. Егда убо преселился тамо въ выше явленное мѣсто, братіи и женска пола вящше пріумножися, найде имъ въ хлѣбѣ и во одеждахъ великое оскудѣніе и нужда.

Отъ которыя сотворше толчею, толчаху овесъ, мякины всякія и колосины, и хлѣбы печаху. Иногда же и сихъ недостаяше, чего ради нѣкимъ отъ братіи малодушествующимъ о семъ. Иніи же отъ парочитыхъ совѣтоваху блаженному, еже бы послати во грады просити у Правовѣрныхъ милостыню, дабы нашедшую имъ великую скудость поне мало уврачевати. Предивный же отецъ, яко твердый столпъ, непреклоненъ пребываше къ таковымъ совѣтомъ, и утѣша всѣхъ, глаголя: «Братія моя! не скорбите нынѣ о нашедшей намъ нуждѣ, ниже малодушествуйте, но претерпимъ мало сіе искушеніе, отъ Бога на насъ попущенное, испытающаго насъ, коль вѣрни явимся, и какову надежду на него имѣемъ. Сами убо вѣсте, яко на скорби и на терпѣніе, а не на прохлады и покой, звани быхомъ и отъ міра изыдохомъ. И аще терпѣливи и благодарни будемъ, создавый насъ, насыщай всяко животно благоволенія, всячески не оставитъ ны въ скудости сей долго пребывати, но вскорѣ отверзетъ богатую руку милости своея, и вся нужная наша исполнитъ всякимъ преизобиліемъ. Иже ропотливые Евреи въ пустыни не сѣяннымъ хлѣбомъ, но манною, 40 лѣтъ препитавый, и пятію хлѣбы пять тысящъ накормивый, и седьмію паки четыре тысящи насытивый, насъ ли имать оставити, иже, любве его ради, вся мірская наслажденія со сладострастными вожделѣніями оставльше, здѣ собравшася? Надѣюся убо на великія его щедроты, яко истинно не оставитъ, но посѣтитъ насъ своею благостію милосердо не въ долзѣ.»

Симъ блаженнаго словесемъ немедленно сбывшимся. Божіимъ убо смотрѣніемъ, вся строящимъ на пользу, не по мнозѣмъ времени случися, въ лѣто 7219, моровому повѣтрію быти. Тогда отъ обителей его братія и женской полъ, мнози съ покаяніемъ благочестно житія сего отъидоша, маліи числомъ осташася въ живыхъ. Тако же и около сущіи по селамъ Христіане многочисленніи преселишася въ будущую жизнь. Во обителѣхъ бысть потомъ во всемъ великое изобиліе. И братій и сестръ вновь паки присовокупися въ наставленіе ко блаженному не мало. Въ прошедшимъ 7218 годѣ, отъ того же Князя Меньшикова дана бысть въ Юрьевскомъ Уѣздѣ Ряпина мыза во владѣніе имъ. Прейти же тамо на житіе всѣмъ не бяше еще повелѣно. Достопамятному же отцу положися намѣреніе, еже бы преселитися тамо, зане

не имѣю, и яко худые блески вмѣняю, будущихъ благихъ, не тлѣющихъ, ищу, безконечныхъ наслажденій желаю.»

Сія слышавъ Архіерей, и видѣвъ, яко выше ласканія мужъ, яко ни во что же вмѣняетъ настоящее житіе со всѣмъ сладострастіемъ его, что творитъ? Прилагаетъ мученіи страшити его, начинаетъ великими томленіи ужасати добляго. Но и сими вихровъ прещеніи не потрясе веледушнаго и ни мало поколеба въ мужествѣ не ужаснаго, по писаному: «Праведникъ, яко левъ, уповая ходитъ.» Обрѣте бо неколеблемую и скоро сокрушавшуюся трость, но крѣпкій и неподвижимый столпъ, не разносимый водою песокъ, но твердый камень адамантъ.

Тогда предивный дѣломъ и произволеніемъ страдалецъ отрече ему сице: «Высокопочтенный Архіерее! Вѣдый буди о семъ, яко прещеній вашихъ не устрашаюся, и мученій грозныхъ не ужасаюсь. Легчайше ми здѣсь маловременная ваша томленія терпѣти, нежели, послушавшу васъ, отъ Бога безъ конца мучиму страдати. Еже хощете творити надо мною, немедленно творите! Готовъ убо хребетъ имѣю на раны, готову плоть на терзаніе, готовы кости на ломаніе, готовы вся уды на раздробленіе. Ибо за Древлецерковная святая вся отческія содержанія, о укрѣпляющемъ мя Христѣ, всякія муки и жесточайшія томленія страдати уготовихся. И не токмо до послѣднія капли кровь изліяти, но и самую свою душу за оная вселюбезно и всежелательно положити усердствую. По семъ паки Архіерей многая стязанія и диспуты о Древлецерковномъ содержаніи, и о новодогматствованіихъ предлагаше ему. Но дивный страдалецъ Святыми Писаніи отческихъ законовъ непорочную святость показуя и утверждая, новинъ же неправую гнилость являя, сильно обличаше, яже здѣсь, за долготу слова и краткость исторіи любяще, оставихомъ.

Егда же не возможе оный Митрополитъ диспутами его препрѣти и ласканіемъ къ обѣщанію высокочестія обольстити, зане чудный силою словесъ побѣждаше и смиреніемъ своимъ вся ни во что же вмѣняше, тако же прещеніемъ добляго не преодолѣ. Понеже ко страданію издавна желаніе имяше, плоть со страстьми умертвивъ, смерть за Православіе пріяти усердствоваше, и

всежеланіемъ палимъ, будущихъ прелеташе. Заключивъ убо его во оной злосмраднѣй Орловой храминѣ, тако въ велицѣй нуждѣ, терпѣливый страдалецъ, всякимъ злостростіемъ удручаемъ, четыре седмицы страдавъ, преселился отъ здѣшнихъ къ немерцающему свѣту, въ вѣчной покой, въ лѣто 7219, мѣсяца Юля на 18 число, въ соборный звонъ по утрени. Иніи же глаголютъ, яко убіенъ бысть отъ самаго Архіерея нѣкою доскою, сыну убо его и прочимъ не бывшимъ ту при смерти его, но индѣ заключеннымъ. Тѣло же блаженнаго страдальца, повелѣніемъ Митрополичіемъ, зліи слуги изъ града извлекше на поле, въ ровѣ закопаша. Власяница же и вериги мѣдныя, яже страдалецъ на себѣ ношаше, осташася на дворѣ, идѣже стояху во градѣ, егда убо пріиде къ Корсакову, сложивъ оныя съ себе, и по кончинѣ его во обитель принесени быша.

Во время кончины его случися тогда во градѣ единъ отъ ученикъ его, именемъ Василій Кононовъ, кій, въ третью нощь по кончинѣ страдальца, вземъ трудолюбное тѣло отъ рова, и отвезе поприщь пять отъ града, къ рѣцѣ, нарицаемѣ Варя, и тамо паки въ земли его погребе.

Егда же услышася по градомъ, весемъ и селамъ скончаніе дивнаго страдальца, вси Правовѣрніи Христіане, а наипаче во обителѣхъ его, начаша весьма плакати, обливающеся слезами, яко лишишася такова преславнаго учителя и сладчайшаго отца, воспоминающе твердое ученіе и непорочное паставленіе его, тако же и въ добродѣтелѣхъ совершенство, милость, любовь, сострадание, кротость, безмолвіе, смиренномудріе, молитву, воздержаніе, чистоту, разсужденіе, утѣшеніе, и прочая благая, ими же въ житіи своемъ изрядно украшашеся. И не малое время сѣтующе и скорбяще о немъ, не можаху отъ печали утѣшитися.

Услышавъ же сія и предатель его Корсаковъ, преложися отъ злобы, начатъ сына его и прочихъ отъ Архіерея изручачи, и по шести седмицахъ по кончинѣ страдальца, едва свободи ихъ ихъ и во обитель отпусти.

Егда же пріѣхаша тамо и мало отъ печали отдохнувше, тогда братъ его, Григорій, и сынъ Евстратій, и вся братія и сестры,

желающе сладчайшаго отца своего и страдальца любезное тѣло къ себѣ пренести, послаша выше показаннаго Василія, погребшаго оное, съ другимъ братомъ, заповѣдавше имъ неотложнѣ, аще обрящутъ, поне кости любезнаго отца да привезутъ къ нимъ. Она же послушаніе совершающе, усердно яшася пути. И егда пріѣхаша въ Великій Новградъ, искаху мѣста онаго, идѣже погребено бяше блаженнаго отца тѣло, но не обрѣтаху. Печаленъ же бысть о семъ Василій не въ малѣ, и размышляше въ себѣ: «Аще и обрящемъ его, рече, но како можетъ быти цѣло доселѣ, толику уже времени прешедшу, паки же и безъ гроба сіе погребено есть.» Сія размышляющу ему, и помолившуся Богу и Пресвятѣй Богородицѣ, на воспоминаніе чудесе знаменія ею, и мало уснувшу, явися дивный страдалецъ ему и глагола: «Не печалуй, брате Василіе, но, воставъ, иди, ни что же сумняся, вскорѣ бо обрящеши тѣло мое; цѣло убо есть и неразрушимо.» Василій же, воспрянувъ отъ сна, сущимъ ту сказа явленіе его. И со другимъ братомъ въ той праздникъ идоста, и абіе вскорѣ обрѣтоста оное мѣсто. Нощію же, пріѣхавше съ коньми и раскопавше землю, видѣста блаженнаго отца тѣло водою окружаемо, цѣло и нетлѣнно, отъ 22 Іюля до 27 Ноября, 127 дней въ земли лежаще. Токмо, возгребая землю лопатою, мало устъ верхнія части и носъ попортиша. Абіе возрадоваста зѣло и, любезно вземше, везяху тое въ Ряпину мызу. Пріѣхаста же въ село Загоріе за тридесять поприщъ града Пскова, присташа у нѣкоего Христіанина. Паки Василій начатъ сумнятися, како градъ Псковъ проѣхати: аще внутрь его ѣхати, то опасашеся, дабы на караулахъ не осмотрѣли и не удержали; или окрестъ его ѣхати; и въ таковомъ сумнительномъ размышленіи мало уснувъ, бяше бо утро, хозяевамъ обѣдъ има готовящимъ, представъ страдалецъ Василію, и рече: «Не бойся, брате, и всяко сумнѣніе отложь, сквозѣ градъ поѣжжай дерзновенно, имаши бо здраво пройти.» Василій же абіе воспрянувъ отъ сна, сказоваше всѣмъ ту сущимъ явленіе страдальца и глаголы его. И вѣровавъ сему, и первое явленіе чудное его воспоминая, весь страхъ отложи, сквозѣ градъ проѣха, ни коего же вреда пріемъ. Егда же въ Ряпину мызу пріѣхаста, братъ его и сынъ, со всею братіею, срѣтоста тѣло блаженнаго страдальца и любезнаго отца, со слезами объемлюще и съ любовію лобызающе. И въ память Святителя Николы, Декабря въ

6-й день, съ погребальными псалмы и пѣсньми честнѣ погребоша паки въ землю на брезѣ Выбовки рѣки, въ Ряпинѣ мызѣ, и мало древо березъ посадивше надъ гробомъ его. Послѣди же и прочихъ братій и сестръ умирающихъ тѣлеса тамо погребаху. Потомъ вскорѣ отъ того же Корсакова Указъ данъ бысть хотящимъ Староверцамъ изъ Вязниковской волости приходити на житіе въ Ряпину мызу, по которому во обители сущіи и окрестніи веи, преселшіися тамо, и живяху, Божіею милостію снабдѣваеми, въ великомъ изобиліи хлѣбомъ и рыбою и прочими потребами, лѣтъ седмь. Всезлобныя же Архіереовъ сердца, не терпяще слышати Древлецерковнаго Благочестія содержателей умножающихся тишиною житія, къ тому же и отъ отступниковъ святоотческихъ законовъ, нѣкоего, именемъ Константина Ѳедорова, и прочихъ подгнѣщаеми, горше геенскаго пламени завистію и гнѣвомъ раскаляхуся, а наипаче Ѳеодосій Великоновоградскій, много могій: тогда и прочіи, готови суще на пролитіе, иже злобою и лукавствомъ поостривше языки своя, и сердце Монархово на ярость своими злосоставными клеветами сподвигоша. Послушавъ убо ихъ, Самодержецъ повелѣ Юрьевскому Воеводѣ воинство въ Ряпину мызу послати, и во обители сущихъ начальныхъ, тако же и по селамъ духовныхъ, по реестру имяны болѣ двадесяти человѣкъ взяти и въ Петербургъ на истязаніе привести и на муки отдати. И егда услышаша таковое повелѣніе, разыдошася они, кійждо гдѣ знаяше, хранящѣ себе отъ гонительскихъ мукъ, а наипаче въ Польское Державство уклонишася. . . . .

Воины же пришедше, взяша двухъ духовныхъ мужей, единого престарѣлаго, именемъ Илію Іаковлича, иже въ Соловецкомъ монастырѣ до разоренія жилъ, и Симеона Ивановича, и отведоша ихъ тамо. И по многомъ истязаніи на отвергшихся Древлецерковныхъ содержаній и не пріемшихъ Никоновыхъ новоположеній, заключиша въ нужное заточеніе, въ немъ же блаженный старецъ Илія, многую нужду претерпѣвъ мѣсяцы четыре, преставися въ вѣчный покой. Твердый же въ Православіи и мужественный въ терпѣніи Симеонъ, болѣ года всякую нужду и скорбь радостнѣ въ томъ узницы понесе, съ другимъ Христіаниномъ, Ѳеодоромъ Ѳеодотовымъ, и толико усердецъ ко страданію бяше, елико начастѣ у начальныхъ господъ прошаше, дабы что творили надъ

нимъ, ни коего преложенія надѣяся отъ него. Сія два, предъ самимъ Монархомъ на истязаніи бывша, и тайнымъ образомъ смерти преданы быста. Иніи же глаголютъ, яко за ребра повѣшены бяху въ темной казармѣ. Прочихъ же, яко мужескій полъ, тако и женскій, изъ обители всѣхъ изгнаша. Стятыя иконы, книги, хлѣбъ же и скотину и прочая вся у нихъ отъяша. Тіи же разыдошася по своимъ странамъ, откуду кто бяше. Мнози же въ Польскую Державу отъидоша, понеже тамо Древлецерковные законы содержати пришельцемъ воля даяшеся.

Таковая, Богу попустившу за грѣхи наша, разорительная кончина обители случися въ лѣто 7227, яже начася въ Субботу Свѣтлыя Недѣли, а скончася по Петровѣ дни.

Не гонзнуша убо и злодѣтеля она не токмо въ будущемъ вѣцѣ, но и здѣ, отмщенія; Богу бо попустившу, оба впадоста въ гнѣвъ Царскій. Корсаковъ убо чина изверженъ и кнутомъ біенъ, наконецъ, глаголютъ, смертнымъ зеліемъ опися. Ѳеодосій же Архіерей, въ стѣнѣ заточенъ, житія лишися.

По оном разореніи обители Ряпина мыза бысть во владѣніи нѣкоего Нѣмца, Левенвольда. И нѣколику лѣтъ мину, близъ мѣста того, идѣже потребенъ страдалецъ Ѳеодосій, надъ рѣкою стояше баня, и единою оного Нѣмца слугамъ мыющимся въ ней, нѣкій отъ нихъ, наломавъ прутія съ листіемъ отъ тоя березы, яже бѣ посажена на гробѣ страдальца, и вшедъ въ баню, паряшеся. Въ той абіе часъ нача на немъ быти великая свербота съ гнойными струпы, яже разыдошася по всему тѣлу его. Лѣкари же, врачевавше его ту съ полъ года, ничто же успѣша, и во градъ Ригу отвезенъ бѣ, и тамо всячески врачеванъ, обаче ни малыя пользы обрѣте, но паче въ горшая пріиде, и тако, два лѣта люто страдавъ, умре, дерзости своей горькій судъ восpріемъ.

II.

О НАЧАЛѢ РАЗДОРА ѲЕОДОСІЕВЫХЪ СЪ ВЫГОРѢЦКИМЪ ОБЩЕЖИТЕЛЬСТВОМЪ И О ПРИЧИНѢ ТОГО, ЧЕГО РАДИ ОНЫЙ БЫСТЬ.

Ни что же тако желательно врагу діаволу, яко же вражда и нелюбовь между сонмомъ Правовѣрныхъ, и ни что же тако вреждаетъ уды (члены) тѣла Христова, яко же непримиримая брань. Не толико стрѣлы, копія и стѣнобитныя хитрости разрушаютъ стѣны града, елико братоненавистный раздоръ ограду словесныхъ овецъ разоряетъ; не тако мечъ разсѣкаетъ побѣдоносные полки, яко же гнѣвоизъятельная злоба другъ друга раздѣляетъ. Сія убо Царства повреди, сія Монаршества опроверже, сія ограды разори, сія ересей толпы произведе и всю вселенную засѣя, сія и самаго онаго сына погибельнаго, Антихриста, въ міръ пусти. Оставляю глаголати о домѣхъ тою запустѣвшихъ; оставляю монастыри тоя непримиримою дерзостію разорившіеся; мимо протекаю возстаніе отца на сына, сына на отца, брата на брата, сестры на сестру и все родство, яко варваровидное содѣлающееся; прехожду и нелюбимость супружескаго союства тою расторгающагося, и прочіе умильные браки расторгнутые отъ тоя оставляю. Кія убо всепоражательныя злобы плодъ, и нынѣ непримиримую у насъ (Филипповцевъ) съ Ѳедосіевыми продолжающуюся, едва не ко сту лѣтъ малу пресѣцаемую брань, извѣстити слышателемъ подвигъ имѣти начинаю, въ которомъ со извѣщеніемъ, какъ начало въ дѣйство оныя причины послѣдовательно, съ начала даже и до нашихъ сихъ временъ дошедшія, по чину изложити намѣреваюся, да слышащіи отъ онѣхъ совѣстніи и богобоязливіи людіе устрашатся и престанутъ таковые прегорчайшіе плоды вкушати, и къ мирнымъ и любовнымъ плодамъ поспѣшить на вкушеніе поретятся (потщатся), не послушающіи же и не покоряющіися истинѣ отселѣ взутсятся (вразумятся) и престанутъ отъ хулы на законноположенную правду. Предлагаютъ бо и они садъ своего раздора на зрѣніе помраченнымъ глазамъ, и навидѣніе его толико обольщеваетъ зрящихъ зраки, какъ плоды оные Содомскіе, наконецъ и яко Іордана садъ, кій издалече зрящіимъ, яко рай показуется, но плодъ тѣхъ

испытаніе въ пепелъ и въ горесть обращается, или, по премудрому гласу: «предняя его, яко рай процвѣтенія, задняя же его есть поле погубленія.» Сице убо явственно нынѣ плоды расколъ Древлероссійскихъ Христіанъ испыташася, яко горесть и пепелъ въ устахъ обрѣтошася. Нѣсть убо того Христіанина, не обрѣтается благовѣрнаго мужа, не сыщется благоговѣйныя жены, которая бы съ горестью не возносила свои вздохи о сей раздорной бурѣ. Способствовать же кому о семъ отнюдь не возмогаемо учинися; понеже нѣсть нынѣ высочайшихъ духовныхъ властей, нѣсть вспомогательныхъ Государей нашей истинѣ, не имѣется удобныхъ мѣстъ, къ симъ же устыла вся теплота къ ревности благочестію у добродѣтелей всѣхъ Россійскихъ Христіанъ; только единымъ духомъ братоненавистнымъ наполнилися тѣхъ сердца. Убо не можетъ въ оныхъ покоиться духъ соединенія; явѣ бо исполняется Пророческое и Апостольское на тѣхъ прорицаніе: «раздѣлишася, и не умилишася.» Сіи суть отдѣляющіися отъ единости Вѣры, и суть тѣлесны и Духа Святаго не имущіи. Но убо не все на предисловіе истощимъ слово, отнесемся къ повѣствованію обѣщаннаго намя отъ предлежащія вещи, сіе есть, о началѣ Ѳеодосіевыхъ и о раздѣлѣ съ Выгопустынными жителями, его же нынѣ сице предлагаемъ.

Сего убо Ѳеодосіева Согласія начала наименованіе влечется отъ нѣкоего Ѳеодосія Васильева, бывшаго, по внѣшнему состоянію, Дьячка Крестецкаго Яма, области Новгородской подчиняющагося; въ томъ убо сего рожденіе произведеся, въ немъ же при церковенновыхъ догматъ бѣ исперва усердный служитель, потомъ позна отъ нѣкіихъ Христіанъ, тогда въ тѣхъ странахъ крыющихся, лучи древняго благочестія, и отвержеся ревностно новолюбныхъ преданій, и бываетъ послѣдователь древняго закона, и нѣсколько въ оныхъ краяхъ пребысть и, за ради тогда надлежащаго гоненія, уклонися съ братомъ и чады своима въ Польскую Державу (7207—1699) лѣта. Идѣже, по тщанію своего ученія, собра общежительство отъ стекшихся отъ Россійскаго гоненія Христіанъ, въ немъ же пребывая, учаше благочестію и житію добродѣтельному своихъ последователей, точію за необысканіемъ конечныхъ, въ нѣкіихъ обычаехъ не покоряющихся правдѣ, погрѣшительнымъ являшеся, яже въ семъ, еже по Священнически поручни при крещеніи имѣ-

ти, еже Священническія молитвы при рожденіи, и исповѣди, и погребеніи читати, еже настоятельствующихъ по нуждѣ нуждними Епископами нарицати, еже новолюбную тайну брачную оправдати, еже торжищное брашно сквернымъ, противъ Апостольскихъ гласовъ, именовати, еже и титлу Никоно-Латинскую на крестахъ имѣти и оправдати, еже аллилуйныхъ поклоновъ въ прочіе посты не содержати, еже страдальцевъ Палеостровскихъ, незаконно пострадавшихъ, имѣти, еже иноческій чинъ, по сему времени содержимый, отвергати, и прочая многая несогласная чиносодержанія, кая убо не соизвѣстившіяся съ Священнымъ Писаніемъ и со оставшимся отъ древняго благочестія обычаемъ упорнѣ содержаше. И тако жительствуя со своими въ Польскомъ Государствѣ, понужденъ бысть отъ нихъ, ово же и самъ возжела, посѣтити, тогда возблиставшую, Выгорѣцкую сію обитель, основанную на Соловецкихъ выходцахъ и уставахъ, паче же на всемъ древнемъ преданіи, которую убо и посѣти тогда, съ нѣкими себѣ послѣдователи въ первыхъ лѣтехъ (1703 г.), еще до Лексинскаго основанія, и много преудивися твердости тѣхъ, благочестію и жестокости житія, лѣпотному чиноукрашенію, идѣже онъ съ Выгорѣцкими отцы много бесѣдовавъ о благочестіи мирно, такожде и обычаевъ содержаніи, при чемъ и о нелѣпотномъ своемъ дѣйствѣ, еже въ поручняхъ, тогда зазрѣнъ бысть и исправити обѣщася, и о иномъ глаголаша къ пользѣ общества, и потомъ въ мирномъ союзѣ паки въ Польскіе краи ко своей обители отъѣха, и тамо, собравъ свою братію, предложи зазрѣніе Выгорѣцкихъ пустынножителей о семъ неполезномъ обычаи, еже въ поручняхъ крестити и прочіе оныхъ пустынножителей доводы. Слышащіе же мнози, нетерпѣливи быша и начаша смущатися о воспріятомъ отъ него крещеніи и о прочихъ, чего ради мнози, отлучившеся его общества, отъидоша во ины страны. Онъ же и прочіи отъ сего пріяша вину недоброхотства и вражды къ Выгопустыннымъ жителямъ, паче же сего ради въ раздоръ начаша преклонятися: ибо изъ Выгорѣцкаго жительства выѣха въ Новградъ, для проповѣди благочестія и иныхъ ради нуждъ, многоразумный и премудрый мужъ, Леонтій Ѳеодосіевичъ, который, ради сего многаго разума и превящнаго вѣдѣнія, не помалу возлюбленъ бысть Новгородскими Христіаны, къ которымъ учитель Ѳеодосій съ прочими наставники пріѣзжаше, отъ чего оными наставники зѣло бысть

ненавиствуемъ и возненавидѣнъ, зане въ вѣдѣніи Священныхъ Писаній ихъ много превосхождаше. Многажды же пряхуся съ нимъ о нововводной титлѣ и о прочихъ не сослагательныхъ вещехъ, иже по премногу праведными доводами отъ онаго противусращахуся; чего ради, не терпяще между собою онаго зрѣти, пріѣхавше, наустиша учителя Ѳеодосія, да учинитъ съ Поморскими пустынножители раздѣлъ, полагающе оныя выше изъявленныя вины, паче же за высокопоставляемую отъ нихъ титлу, ея же ради и Христоборцами, Іудеями, Поморскихъ послѣдователей нарицаху. Учитель же Ѳеодосій, ово самъ ревностію по сказанной титлѣ разжигаяся, ово же своими подгнѣщаемъ, весь подвижеся къ несогласію оныхъ, поемъ съ собою шесть старѣйшинъ, яко же и въ Житіи его, писанномъ отъ сына его, Евстрата, повѣствуется, и потече къ Поморскимъ краямъ, уже не мирными ногами, но раздорными, и пріиде въ Выгорѣцкое общежительство въ лѣто 7214 (1706 г.). Отцы же Выгорѣцкіи радостными сердцами его пріяша съ пришедшими и честь ему подобающую воздаша (въ то время благомудрому Андрею съ братомъ Симеономъ, не прилучившимся во общежительствѣ быти, но, нѣкіихъ ради братскихъ потребъ, во внутренныя Россійскія предѣлы отъѣхавшимъ), и потомъ вину пріѣзда ихъ увѣдаша, что пріѣхаша не ради согласія, но ради мятежей и раздоровъ не Христіанолѣпныхъ, чего ради отъ отецъ увѣщеваеми быша оныхъ неполезностей не производити, въ нихъ же прилучися быти и Леонтій Ѳеодосіевичъ. Ѳеодосій же предлагаше вину своего къ нимъ несогласія быти въ торжищныхъ брашнахъ и внѣшнихъ браковъ ихъ непріятія, паче же въ четыребуквенномъ ономъ на Крестѣ надписаніи титлы, въ кіихъ принуждаше оныхъ согласныхъ быти; отцы же противъ оныхъ полагаху на непріятіе доводы праведнѣйшіе изъ Божественнаго Писанія; чего ради не мирными составами учитель Ѳеодосій составляшеся, но характеры оказоваше не кроткаго духа. И тако много бесѣдовавше и со обѣихъ странъ доводствующе, согласія въ словесѣхъ отнюдь возъимѣти не возмогоша. Ѳеодосію убо со своими тщащуся вмѣстити невмѣстимое, отцемъ же за боязнь и трепетъ отцеположенныхъ анаѳемъ за пріятіе новшествъ, не соизволяющимъ на оное пріятіе; и тако учитель Ѳеодосій со своими поиде во своя, не получивъ своего желанія. Собрату же его, Леонтію Ва-

сильевичу, не пошедшу съ нимъ, но оставшу во общежительствѣ, идѣже послѣди пострижеся во иночество и во иноцѣхъ проименованъ бысть Леонидомъ, иже во обители и скончася, зѣло подвижное житіе имѣя. И егда же Ѳеодосій исхождаше изъ обители, напутствованъ бысть отъ отецъ потребными и провождаемъ съ честію; онъ же егда дойде до монастырскихъ служителей, пасущихъ скоты, ту остановися со своими, изъемши изъ влагалищъ отеческая брашна, повергше трудникомъ, приглашающе, яко не хощутъ пріяти снѣди отъ не послушающихъ ихъ проповѣди, и потомъ начаша иззуватися своихъ обувей и оными трясти, стоя прямо къ обители, глаголюще сице: «Прахъ, прилѣпшій къ ногамъ нашимъ, отрясаемъ во свидѣтельство ваше!» и еще страшнѣйше сего прирекши се: «Не буди намъ съ вами имѣти общенія ни въ семъ, ни въ будущемъ, вѣцѣ!» и тако съ тѣмъ намѣреніемъ въ раздорномъ духѣ поидоша въ путь свой (1706 г.). Отцы же, зрящіи издалече, недоумѣяхуся оныхъ дѣятельства; послежде же егда отъ трудниковъ извѣстившеся, зѣло оныхъ дерзости и неразумію скорбяху, паче же егда прибысть премудрый отецъ Андрей Діонисовичъ, и услышавъ тѣхъ немирный пріѣздъ, весьма жалостію о нихъ опечалися и много о томъ соболѣзноваше, тщася ихъ паки къ соединенію повратити, яко же послѣди извѣстится. Егда же Ѳеодосій учитель съ послѣдователи своими, Польскихъ границъ доспѣвше, и въ свою обитель пріидоша, повѣдающе случившееся съ Поморскими пустынножители: слышавше же тіи, и паче въ раздорѣ быти укрѣпишася, но по малѣ за сіе не возможе Господь Богъ потерпѣти, но прогнѣвася на оныхъ раздоролюбную дерзость: попусти бо нѣкіихъ Латинолюбныхъ Польскихъ жолнеровъ, кіи внезапу наскочиша на обитель, мняще получити себѣ прибытокъ, начаша по нихъ стрѣляти, и многихъ общежителей пораниша, инѣхъ же и до смерти застрѣлиша, и тако многажды оныхъ напаствовати начаша. Ѳеодосій же, видѣвъ оныхъ устремленіе, отъиде со своими въ Россійскія части, въ область Великолуцкую, и тамо на время поселися, иніи же мнози разыдошася, камо хотяху; паче же тогда найде на ихъ собраніе смертоносная язва и великій гладъ, кая едва не всѣхъ мужеска и женска пола жителей немилостивно пояде, и малы нѣцыи осташася (7219—1711 лѣта). Учитель же Ѳеодосій и тамо не обрѣте покоя, восхотѣ и оттолѣ на ино мѣсто преселитися, нарицаемо

Ряпино; обаче хотѣніе его во исполненіе не возможе пріити; ибо егда поѣха въ Новградъ ко испрошенію инаго мѣста, и тамо Архіереемъ Іовомъ ятъ бысть и посажденъ въ темницу, отъ нея же уже не изыде, но животъ свой скончa въ лѣто 7219 (1711), Іюня 25. Послѣ его скончанія ученицы его мѣсто оно Ряпино Указомъ получиша, и жительство многолюдствомъ обоего пола распространено бысть; во ону ихъ собранную обитель Ряпину премудрый Андрей Діонисьевичъ посылалъ въ лѣто 7224 (1716), Мануила Петровича * съ написанными осмію вопросами о титлѣ, при нихъ же зѣло плачевное сожалѣніе и увѣщаніе написа, да престанутъ отъ раздорныхъ бурь и пріидутъ въ тишину любовнаго соединенія, въ ней же воспоминаетъ многія и древлебывшія тщетныя нѣкіихъ на правость возстанія и за оныя богогнѣванныя казни. Но оныхъ неудержимость, стремительство къ желаемому ихъ несоединенію, ни мало склонности не показа, паче же ими оный Мануилъ конечнѣ и отказанъ бысть отъ соединенія. Мудрый же Андрей не премину и Евстрата, Ѳеодосѣева сына, собственнѣ увѣщевати премудрыми писмами, но и отъ онаго своея желаемости получити не возможе; и того ради Богъ попусти и въ нихъ самѣхъ несоединенію быти. Восташа бо нѣціи въ началѣ на онаго Евстрата за нѣкія поправки старопечатныхъ книгъ, паче же на онаго въ нихъ ревноваше нѣкто Савинъ Михѣевъ, который, по согласію съ прочими, отъ онаго Евстрата, оле дерзости! и вторично крестити смѣлость возымѣ, и долго сей раздоръ въ нихъ протяжеся, даже до лѣтъ настоятельства Симеона Діонисьевича (7239 — 1731 лѣта), кій своими мудрыми богословеньми оный раздоръ погаси.

Что же потомъ въ оной его Ѳеодосѣевыми ученики новособранной Ряпиной обители учинися, яко же настоящая умильная явитъ повѣсть. Ибо ту поселившіися начаша жити житіемъ весьма многозазорнымъ, піанственные и всякихъ безчинствъ умножишася сонмы, и всякая возрасте нечистота, подавляющая совсѣмъ чистую ниву; отселѣ юноши и дѣвы потекоша скорыми ногами къ ново-

* Нѣкоторые пишутъ: послалъ Ивана Ѳедорова. Мануилъ Петровичъ умре 7267 г. (1759), Марта 24.

любному браку, отселѣ отверзеся дверь еретиконедугующему священству; прочіи же, елицы богобоязливіи суще, познаша путь ко инымъ границамъ, мнозіи же къ презрѣнному прежде ими Выго-пустынному притекоша мѣсту, оттрясающе вложенную въ себе раздора гидру. Изъ нихъ же бѣ нарочитый нѣкто Симонъ Іевлевъ: сей съ Выгорѣцкаго жительства причастися и учинися. Что же потомъ учинися во оной Ряпиной обители? На конечное бо попусти Богъ пріити умиленное паденіе. Ибо оставльшійся въ оной настоятель Константинъ, оплетшійся такожде любострастными узами, явися всякому безчинію радѣтель, такожде совокупляется страстный таковой же страстницѣ любодѣйнѣ, бывшей прежде у него духовной дщери, съ нею же вѣнчася новолюбными Іереями, и потомъ совершенный же жалости отступникъ показуется, всѣми новостей связуется веригами и бываетъ лютый на Христіанъ и презлѣйшій гонитель. Пришедъ въ С.-Петербургъ, подробно къ Синодскимъ Членамъ Старовѣрцевъ дѣла подноситъ. Они же его потомъ въ Ямбургъ опредѣляютъ и даютъ ему всеполную власть надъ Старовѣрческими дѣлами, гдѣ бы они въ той сторонѣ ни были. Онъ же, пріимъ сію власть, весь облечеся въ Антихристову личину и съ помазаннымъ мечемъ новолюбства на Старовѣрство вооружается, и толико стѣсни оныхъ жительство въ Копорщинѣ и во оной Ряпиной обители, яко и слѣду обрѣстися въ оныхъ мѣстахъ Старовѣрства не возможе: всѣхъ бо разгна и многихъ подклони подъ иго новолюбныхъ законовъ; паче же оныхъ Ряпинскихъ жителей вѣхъ развѣя, яко и останку на томъ мѣстѣ не обрѣстися, послѣдняя часовня оныхъ въ Чухонскую претворися кирку; послѣди же сіи Ряпиновой обители многажды покушахуся Ѳеодосѣевы сограждати общежительства, ово въ Стародубщинѣ, ово и въ Польшѣ; обаче всѣ тыя общежительства только основаніе свое увидѣша, совершенія же своего отнюдь узрѣти не возмогоша, но овіи отъ насилія, овіи же отъ несогласій многихъ вскорѣ разрушишася и въ небытіе претворишася. Все же сіе, по примѣчанію, содѣяся ради оныхъ гордости и раздору съ Выгорѣцкими общежители; ибо, по сказанію Златоустову, ни что же тако Бога раздражаетъ, яко еже съ Церковію раздѣлятися, и ниже мученическая кровь не можетъ сего грѣха загладити. По бывшемъ же раздорѣ съ Выгорѣцкими жители, нѣціи возбудишася, или паче рещи, очувствовашася

отъ раздорныя заразы, изъ нихъ же бѣ нѣкто Игнатій Трофимовъ, кій не по малу въ нихъ би славимъ учительствомъ. Сей пріѣха въ Выгорѣцію вкупѣ съ Ѳедоромъ Калиніевичемъ, Даниловскимъ учителемъ, въ третійнадесять годъ отъ раздѣленія, отъ міроздания же 7227 (1719), при животѣ всепремудраго Андрея, и бывшу у нихъ собору, совѣтовавшимъ о примиреніи, еже обществомъ быти нераздѣльнымъ, и много разглагольствующимъ о томъ, что между ими раздоръ творитъ, паче же о титлѣ четверобуквенной, за надписаніе Пилатово, вновѣ на Крестахъ полагаемой, о которой много усильствій отъ Игнатія было оказано, чтобъ оная и отъ Выгорѣцкихъ отцевъ была въ часовнѣ пріята; обаче многопремудрымъ доказаніемъ и увѣщаніемъ Андреевымъ оной Игнатій многоглагольствовати зѣло преста, и усовѣтовавше, положишася о оной титлѣ до обысканія древнихъ Крестовъ, дотолѣ, доколѣ же оная не обрящется, Выгорѣцкимъ уступити. Егда же сыщутся съ таковымъ надписаніемъ древніе Кресты, то бы ихъ въ часовняхъ становити. Все же сіе отецъ Андрей творилъ, снисходя оныхъ грубости, подвизаася угасити раздорнымъ пламенемъ пылающія сердца, въ чемъ тогдашнее примирительное писмо, въ 7227 (1719) писанное, значитъ. Обаче сіе примиреніе не во всѣхъ Ѳеодосьевыхъ принято бысть, но зѣло малѣйшихъ; множайшіи же не склонишася принять мирные договоры, и пребыша тако въ неуступаемомъ раздорѣ, ревнующе яко бы по ономъ же всекрѣпцемъ четверобуквеннаго надписанія догматѣ; паче же Новгородстіи, Старорустіи и Московстіи обыватели, въ томъ прилежащіе, никогда согласитися съ Выгопустынными жители не могоша; тако бо злобою ихъ сердца всепреокаянный діаволъ помрачи. Нѣкогда бо отцу Андрею Діонисовичу, пріѣхавшу въ царствующій градъ Москву (1717), ради нѣкіихъ орудій, и ставшу въ Красномъ Селѣ; бѣ же съ нимъ согласуясь и весьма довѣрясь къ нему купецъ, прозваніемъ Ковуровъ, къ нему же изъ Старой Руси пріѣха Евстратъ Ѳеодосіевъ съ двадесятію стариками. И со онымъ Ковуровымъ нача обѣщатися за то, что онъ не единственъ бѣ со отцемъ Андреемъ. Отецъ же великодушный вопрошаше онаго Ковурова, что обществуетъ ли съ нимъ Евстратъ? Онъ же объяви Евстратово съ пріѣхавшими съ нимъ несобщество. Андрей же рече ему: «Аще онъ не общается, и ты съ нимъ не общайся; аще ли въ томъ не разньствуетъ,

и ты не равньствуй!» Сицевыя бяше въ мудромъ отцѣ, Каѳолическія Церкви учителѣ, Каѳолическій духъ, таковое великодушное творяше къ раздорствующимъ снисхожденіе. Не яко же нынѣшнихъ многогластвуемыхъ раздорниковъ скорое вражды и немирное преложеніе, не точію въ какихъ преданіяхъ, но и въ поучительныхъ сѣткахъ, могущихъ между усобную брань воздвигнути, и толико въ сихъ нетерпѣливыхъ, яко и сіе начести не безъ великаго утрудненія. Но о сихъ убо оставльше, о предлежащемъ да речется. Что убо творитъ оный Игнатій, по содѣявшемся со отцами Выгорѣцкими мирѣ, на немъ же обѣщася взыскати древнихъ творчествъ Кресты, имѣющіе четыре буквы? И егда пріѣха во свояси, много отъ нелюбителей мира потязася, яко бы по нихъ за неправильный миръ, на немъ же четырехъ буквъ не возможе въ Выгорѣцкихъ мѣстахъ вмѣстити. Игнатій же отъ сего паче нача ко обысканію простиратися, и всюду облетая, искаше оныя титлы, гдѣ бы обрѣсти, и не возможе, токмо у людей нѣгдѣ на спискѣ Вѣтковскаго Поповщинскаго согласія, кія противу трисоставнаго Влысонова, такожде Поповщинскаго согласія, писаху о Крестахъ трисоставныхъ, понеже послѣдователи Влысонова вмѣщаху и четвероконечный Крестъ въ поклоненіе, Вѣтковскаго же сего не пріемляху, и того ради свидѣтельства точно о трисоставномъ единомъ полагаху, а надписанія, яко не споримое отъ обоихъ странъ, какъ хотяху, такъ и надписываху; того ради на многихъ, или паче и на всѣхъ, сіе четверобуквенное начертаніе изобразиша въ своихъ спискахъ, которые въ руки Игнатьевы попадошася, ихъ же онъ обрѣтъ, зѣло возврадовася и всюду по своимъ послѣдователямъ разглашаше, доказуя свое четверобуквенное надписаніе быти непреоборимое и толиками свидѣтельствы подкрѣпляемо, и не точію своихъ послѣдователей самъ оглашаше ушеса, но и къ Выгорѣцкому обществу прилежащихъ наполняя слухи, удостовѣряя тѣми быти свою истину, Поморскихъ же яко бы недостовѣрность. И пріѣхалъ съ оными къ выше помянутому Ѳеодору Калиніеву, учителю Даниловскихъ странъ, и по тому сіи списки предъ очеса представляетъ и зѣло велехвальствуется ими, на Поморскихъ же многую и неистинность возлагаетъ; той же не возможе оныхъ разобрати неправость, и указа на отцевъ Поморскихъ тое обысканіемъ рѣшити; и оба согласившися, паки въ Поморскіе предѣлы восприяша, съ нимъ же бѣ и Максимъ

Марковъ, Московскій житель. Но тогда нѣчто оному учителю Игнатію неблагостройно въ проѣздѣ быти случися: Богъ тако наказа за несправедливые доводы. Пріѣхавше бо на нѣкоторое озеро, прочіе же благополучно проѣхавше, подъ Игнатіемъ же ледъ проломися и сани опровергшися, его покрыша; спутницы же, ощутивши Игнатіево бѣдствіе, едва уже утопающа онаго извлекоша, и потомъ еле жива, не замерзша, онаго до подворія довезоше, таже потомъ пріѣхаша въ Выгорѣцкое общежительство благополучно, въ лѣто 7244 (1736), въ мѣсяцѣ Генварѣ, по представленіи уже блаженныя памяти отца Андрея мудраго, и пріяты отъ отецъ быша радостными сердцами: и покоиша оныхъ душевно и тѣлесно, всяко тѣмъ творяху споспѣшествованіе. Отъ Игнатія же учителя предложены быша выше реченные списки: благомудрые же и тогда отцы, Симеонъ Діонисовичъ и Трифонъ Петровичъ, взяша ихъ на разсмотрѣніе, и разсмотрѣвше, повелѣша собору быти, и на соборѣ оныхъ неправость начаша предлагати, во первыхъ: обрѣтше свидѣтельство о крестѣ Антонія Римлянина, на немъ же яко бы и надписаніе четверобуквенное, который тамо засвидѣтельствованъ имъ быти принесенъ изъ Римскаго града и дарованъ Княгинѣ блаженной Ольгѣ премудрой. Отцы же рекоша Игнатію: «Како быти можетъ сіе достовѣрно свидѣтельство, что Антонію подарити крестъ Княгинѣ Ольгѣ, кая прежде Антоніева приплытія въ Россію бѣ вящіе двою сту?» и сія ложь явная всѣмъ разумна бысть, паче же Игнатію Трофимову и зазорна. Отцы же и другія свидѣтельства во оныхъ Игнатіевыхъ спискахъ прибравше, также, де, недостовѣрными показаша и засвидѣтельствованы быша, тако: Крестъ жены кровоточивой, да другой на Евангеліи яко бы изображалъ Григорія Богослова, и подписаны Россійскими писмены и принесены быша сія вещи въ Россію отселѣ назадъ за тысящу лѣтъ. Отцы же противу тѣхъ свидѣтельствъ глаголаша: «Како же сіи доводы могутъ быти достовѣрны, понеже во она времена Россія ниже бяше просвѣщена Благовѣріемъ, и ниже письменъ начертанія знаяше?» и прочая быти недостовѣрна и лжею помазана освидѣтельствоваша; чего ради учитель Игнатій много постыдися, яко о конечной неправости, и прощеніе предъ отцы приношаше, и потомъ оныя списки огнесожженію предашася. Учитель же Игнатій мало спокоенъ во своя съ миромъ возвратися; егда же своихъ достигне предѣловъ, паки

забвеніемъ облагается своихъ бывшихъ многозазорныхъ свидѣтельствъ, кіихъ бы достало до кончины своея жизни памятовать незабвенно; онъ же ово своими мыслями колебляся, ово же и своими послѣдователи побуждаемъ, яко никогда спокойнымъ миромъ не научившимися поступати, паки возбуждается прежними раздорныхъ бурей вихри на Поморскіе пустынножители сѣяти: написа бо по ономъ второмъ его пріѣздѣ въ третій годъ въ монастырь писмо, въ немъ же зѣло хулитъ и поноситъ Игнатія, Палеостровскаго страдальца, а согласницы его толико на его, великопремудраго мужа, такожде и на Выгорѣцкихъ жителей, вооружишася хулою: «Сія, рѣша, оле дерзости! блевотина, еже четырехъ буквъ не принимати, изыде въ Поморцы отъ Игнатія Палеостровскаго,» и прочія хулы возносяще на Выгорѣцкую правость оглаголоваху. На сіе же Игнатія Трофимова писмо писа многодоводственную епистолію Даніилъ Матѳѣевичъ, въ немъ же описуетъ Игнатія Палеостровскаго, яко же высокаго житія, тако же и благочестность разумѣнія, и крѣпко онаго своими словесы защищаетъ, которая его епистолія послана бысть въ царствующій градъ Москву: сіе же бысть во время на здѣшнія страны Комисейскаго наѣзду (1739, а окончали 1744 г.). Потомъ же и самъ Даніилъ въ Москву, ради нѣкіихъ нуждъ, отъѣхавъ, и тамо болѣе годищнаго времени у Христіанъ пребысть; въ то бо время прилучися Игнатію Трофимову въ Москвѣ быти, и тамо проповѣдаше всѣмъ четверобуквенное надписаніе право быти, на Поморскихъ же непріятіе много неправностей полагаше, въ своей же проповѣди увѣряше всѣхъ крестомъ Царя Константина, который въ царствующемъ градѣ во Успенскомъ соборѣ обрѣтается, на немъ же доказоваше быти подлинно оному четверолитерному начертанію, самъ же никогда своими очами его видѣти улучи. Отцы же, тогда въ Москвѣ прилучившіеся, Даніилъ Матѳѣевичъ, выше именованный Ѳеодоръ Калиничъ, Ѳеодоръ Ѳеодоровичъ Ярославскій, Михаилъ Григорьевичъ, и прочіи съ ихъ страны, собравшеся вкупѣ, поидоша во Успенской соборъ (1744 г.), поемше и онаго учителя Игнатія, и даша стражемъ сребренники, да вынесутъ передъ тѣхъ очи оный Крестъ Константиновъ, иже и вынесенъ бысть изъ алтаря и положенъ на налой, къ которому приступивше отцы, прилежно смотрѣша Игнатіемъ проповѣданнаго, но того усмотрѣти отнюдь не возмогоша, токмо на

чертанное сіе: «І҃съ Христосъ. Симъ побѣждай!» имѣется, яко же и самоличнѣ нѣкій благочестивый Монархъ на небеси звѣздами изображенное видѣ, и исторіею тое засвидѣтельствовано бысть. Сіе убо зряще отцы начертаніе, указываху Игнатію: «Зри убо, глаголаша ему, тобою засвидѣтельствованный Крестъ, его же ради мы и вашего ради свидѣтельствованія на немъ четырехбуквеннаго надписанія, потрудихомся сѣмо пріити, еда на немъ оное обрящется!» Онъ же, воззрѣвъ на оный, и не видѣвъ того, и паде на землю и бысть безгласенъ на много часъ. Отцы же, подъемше его, вонъ изнесоша изъ собора, и потомъ очувствовався, позна свое согрѣшеніе, нача предъ оными прощеніе приносити, каяся въ прежнемъ своемъ ложномъ на оныя указаніи. И по оному засвидѣтельствованіи согласишася съ обоихъ странъ быти собору, и на немъ своему раздору рѣшеніе учинити; и собрашася въ Преображенское (1744 г.) въ домъ нѣкоего Сергѣя Мартынова, и быша многіе разговоры о происходящемъ несогласіи; между тѣмъ Игнатій Трофимовъ Даніилу нача глаголати, чтобъ ему положилъ начало испроститися. Даніилъ же потребова у него причины, чесо ради ему прощатися. Игнатій же предложи въ причину тогда въ Поморіѣ начавшееся богомоліе и нарицаніе прилагательнаго имени. Даніилъ же ему рече, что я безъ совѣту своихъ старѣйшинъ не могу сего учинити, и прирекъ ему сіе: «Да и ваша, Игнатія Трофимовича, правость не велика, когда отъ васъ всѣмъ предлагашеся на Константиновомъ Крестѣ четверобуквенное начертаніе, еже мы съ тобою осмотрѣвше, явное ваше лжегласіе признахомъ; однако мы и въ томъ не много вяжемся.» Отъ Игнатія же принуждашеся Даніилъ, да оставлено будетъ у нихъ богомоліе. Даніилъ же на то ему отвѣтствоваше, что онъ безсовѣтно не можетъ сотворити и ради тогда состоявшіяся Коммисіи; егда же оная минется, тогда у насъ оное будетъ, или богомоліе оное прекратится, или на то вамъ свидѣтельствовами удостовѣрено будетъ. И тако въ томъ намѣреніи согласившеся, начало общее положиша, и тогда прилучившемуся празднику Сошествію Святаго Духа, задостойникъ: «Радуйся, Царице!» пропѣвши, радостно ликовствоваху (1744), въ мирномъ и союзномъ соединеніи радостнѣ разыдоша кійждо во своясн и быша въ томъ единствѣ лѣтъ осмь (до 1753 г.). И Даніилъ Матѳѣевичъ пріѣхавъ во общежительство, о богомоліи цѣлую книгу сочини,

въ ней же приведе премножайшія свидѣтельства изъ Ветхаго и Новаго Завѣта. И потомъ нѣціи изъ нихъ, ревность имуще не по разуму, Илья Ивановъ, да Ѳедоръ Аникинъ, который и нынѣ живъ, аще потомъ и раскаяся, начаша сѣяти несогласіе. съ Выгорѣцкими общежители и онымъ съ послѣдующими, и собравшеся, конечно раздоромъ ко онымъ возгорѣшася, и по нынѣ онымъ огнемъ пылаютъ; паче же въ нихъ нынѣ ненавистію зѣльною боляй на Поморяны Илья Ковылинъ, кій, бывши въ монастырѣ по Московской заразѣ смертоносной, ни коего общества не показа, наипаче вѣрныхъ ревность свою обнови, вѣчную непримиримую брань съ Поморскими быти проповѣда, составивъ по себѣ нѣкіе пункты своего мнѣнія, на которые отецъ Даніилъ возраженіе учини, и отложи до онаго пріѣзду Ильина, аще и раздорствоваху заочно, а въ случившійся пріѣздъ въ монастырь никто не дерзнулъ таковое несогласіе показати. Тако вамъ, слышателіе, краткодѣйствіе раздора Ѳеодосіевыхъ съ нами отъ начала даже до нынѣ протекохъ: васъ же прошу невнимательныхъ быти, попробовати прилежнымъ чтеніемъ онаго, какое въ томъ горестное вкушеніе обрѣтается, и колико Богъ оныхъ дерзость въ томъ наказаніемъ смиряше, приводя ихъ ко вниманію, однако видится, что ихъ мало къ полезности обращается. Богъ же терпѣливый, все до времени снисходитъ, или, наказавъ человѣка и видя не исправляющася, оставляетъ его на вѣчную казнь, яко же и Іудеовъ, за несогласіе много наказывалъ разореніемъ, и потомъ потерпѣвъ нѣколико, и конечно преложи оныя на вѣчное разореніе: разгнавъ бо ихъ по лицу всея земли, и даде всѣмъ языкомъ въ поношеніе и поруганіе; ибо онъ, Всемогущій, ни о чемъ толико не гнѣвается, колико о междоусобной Христіанъ враждѣ, еже и выше о семъ назнаменовано бысть. Мы же, слышаще таковое богогнѣвное за раздоръ наказаніе, и внявше отъ доказаніевъ, яко Богъ паче всего раздражается за несогласіе Христіанъ, того ради оный всераздорный мракъ прогнавше за Еѳіопы, и Индіаны, и антиподы, и Тадировы острова, и мирнымъ и союзнымъ свѣтолитіемъ просвѣтившеся, и вкупѣ единственнѣ славяще Тріипостасную Троицу, прославимъ Отца, и Сына, и Святаго Духа, нынѣ и во вся вѣки. Аминь.

1796 года сію исторію сочинилъ Тимоѳѣй Андреевъ, Поморской Лексинской Старшина. *

III.

ВТОРОЕ ПОСЛАНІЕ ИЗЪ ПОЛЬШИ, ПИСАННОЕ ОТЪ ѲЕОДОСІЯ ВАСИЛЬЕВИЧА ВЪ ПОМОРЬЕ, ОБЪ ОБЩЕМЪ И БРАТСКОМЪ СОВѢТѢ О ЦЕРКОВНЫХЪ ДОГМАТѢХЪ.

Была у васъ съ нами пря, егда пріидетъ отъ невѣрныхъ мужъ съ женою совокупившійся законнымъ бракомъ прежде познанія Христіанскія Вѣры, и по познаніи Вѣры и по святомъ крещеніи; глаголали вы къ тому прочее, то ихъ брачное совокупленіе не наречется законный бракъ и безъ втораго вѣнчанія по крещеніи отъ Христіанскаго Священника, по тому ихъ первому законному браку, въ жену ему имѣть не возможно. И нынѣ мы, будучи съ вами обще на бесѣдѣ, прилѣжно смотрѣли во Апостольскомъ и Отеческомъ преданіи, и то ихъ первое брачное совокупленіе законный бракъ нарицается и безъ втораго вѣнчанія въ церкви имѣется (Святый Златоустъ на послан. 1-е Коринѳ. бесѣда 19; 6-го Вселенск. Собора 72, глав. 26, и Матѳ. Іерусалим. состав. 3; Севаста Арменопула Правильникъ книга 8-я, Іосифа Патріарха Разговоръ. И мы о семъ ищемъ отъ васъ въ примиреніе, да не будетъ впредь у вашей любви на той законной бракъ зазора и порока, да не будемъ Апостольскому и Отеческому преданію противницы, паче же и хульницы.

---

* Тимоѳѣй Андреевъ принадлежалъ къ Поморскому Согласію; онъ жилъ 30 лѣтъ въ Выгорѣцкомъ Поморскомъ монастырѣ, гдѣ и кончилъ жизнь свою въ 1808 г., на 63 г. Онъ много написалъ въ пользу своей общины, въ томъ числѣ и помѣщенную здѣсь «Исторію раздѣленія Ѳеодосіевцевъ съ Поморцами,» съ самихъ ихъ начала.

IV.

ОТЪ ПОСЛАНІЯ ИЗЪ МОСКВЫ ВЪ ЯРОСЛАВЛЬ КЪ БАЛЧУЖНЫМЪ ВЪ 7292 ЛѢТО (1782 г.). *

Внемлемъ о тѣхъ, которыи бракъ до Вѣры сошедшихся и пришедшихъ въ Вѣру, то не за бракъ быть вмѣняютъ; но блудомъ нарицаютъ. А за самое сіе, что, де, безъ вѣнчанія бракъ быти не можетъ, но блудъ. Но видите, друголюбцы, что сіе реченіе аще не имущимъ разума подобное, яко же и безочивымъ гладкость, множицею бываетъ претыканіемъ, а имущимъ очи и зрящимъ свѣтъ, то не можетъ быть ни что же претккновеніемъ, но яко же стѣнь вмѣнится ему, тако и имущимъ разумъ и Божественное Писаніе вѣдущимъ, то сіе реченіе ихъ не вмѣнится въ правду и наказаніе, но паче явится прелесть быти, зане супротивно является воли Божіей.

Но слыши, что Господь ко Іудеомъ глаголетъ: «Азъ же глаголю вамъ, яко всякъ отпущаяй жену свою, развѣ словесе любодѣйнаго, творитъ ю прелюбодѣйствовати» (Матө. 5, 32); и аще Спаситель Жидовомъ не повелѣваетъ оставляти женъ своихъ, то явѣ есть, что брака ради оставляти не повелѣваетъ. Тожде и Апостолъ Святый вѣрному мужу съ невѣрною женою, тако и вѣрной женѣ съ невѣрнымъ мужемъ, разлучатися не повелѣваетъ, еже и глаголетъ: «А оженившимся завѣщаваю, не азъ, но Господь, женѣ отъ мужа не разлучатися. Аще ли же и разлучится, да пребываетъ безбрачна, или да смирится съ мужемъ своимъ, и мужу жены не отпущати. Прочимъ же азъ глаголю, а не Господь: аще который братъ жену имать невѣрну, и та благоволитъ жити съ нимъ, да не оставляетъ ея; и жена аще имать мужа невѣрна, и той благоволитъ жити съ нею, да не оставляетъ его. Святитъ бо ся мужъ невѣренъ о женѣ вѣрнѣ, и святится жена невѣрна о мужи вѣрнѣ; понеже бо чада ваша нечиста суть, нынѣ же свята суть» **

---

* Было отправлено только что образовавшимся обществомъ «Новоженовъ» въ Москвѣ къ учителямъ Филипповскаго Толка.

** Послѣднее у Апостола читается собственно такъ: «иначе бо чада ваша нечиста была бы, нынѣ же свята суть.»

(1 Кор. 7, 10—14). Такожде и Златословесная уста, толкуя Апостольскія реченія, сице глаголетъ: «Есть нечистъ идолослужитель, и жена есть нечиста, аще бы пріобщалася ему въ томъ, въ немъ же нечистъ бѣ, глаголю же, въ нечестіи имяше и та нечиста быти, и нынѣ же инако убо нечистъ есть идолослужитель, во иной же вещи пріобщается ему жена, въ немъ же нѣсть нечистъ; бракъ бо есть и смѣшеніе тѣлесъ, въ немъ же пріобщеніе.» Тожде и Вселенскаго Собора отцы 72-мъ правиломъ, иже въ невѣріи бракъ получившихъ законнымъ нарицаютъ, и единой части пришедшей въ Вѣру разлучатися не повелѣваютъ; и толкователь Соборныхъ правилъ, Алексій Аристинъ, такожде и Никонъ Черныя Горы, слово 13-е, и въ Тактиконѣ слово 26-е, Матѳея Правильника составъ 3-й, и Севаста Арменопула книга 8-я, Іосифа Патріарха Разговоръ съ Валдемаромъ; а паче что богословесная уста, Григорій Святый, совокупившихся въ невѣріи бракомъ за бракъ вмѣняетъ и отъ совокупленія не разлучаетъ, а бракъ въ невѣріи всякомъ явѣ есть, что безъ священнословныхъ молитвъ. Но обаче Святіи Отцы за сіе ни кого не разлучиша, и аще же вся Православная Церковь въ невѣріи совокупившихся бракомъ и пришедшихъ хотя и едина часть къ Православію, то за законный бракъ вмѣняетъ, аще же и безъ священнословныхъ молитвъ будетъ, но ниже таковымъ разлучатися повелѣваетъ.

А которіи же, невѣрія ради жены, или мужа, и боящеся лишени быти священнословныхъ молитвъ, и отъ сожитія разлучаются, то таковыхъ Златословесная Уста претитъ мукою, яко же и глаголетъ: «Люто бо согрѣшеніе и не прощено, яко аще идолослужителя разлучится, не хотящу оному, мучитъ жену Богъ.» И аще разлучающихся отъ своихъ мужей и отъ своихъ супружницъ претитъ Златословесный мукою, то кольми паче горѣе постраждутъ на сіе повелѣвающіи. А еже нѣцыи глаголютъ: «Аще, де, брачно жить попустить, то и дѣти раждатися будутъ, а молитвъ очистительныхъ говорить некому: Іереевъ у себя не имѣемъ, того ради и бракъ разлучаемъ.» Но симъ реченіемъ аще и мнятся охрабрятися, но обаче оправданіе ихъ не есть по разуму Святѣй Церкви, зане аще и глаголютъ, да не отъ Писанія, но отъ своего мудрованія. Но аще бы и покусилися показати сіе отъ Святыхъ Писаній, да не могутъ, зане Церковь Православная та-

коваго ученія не имѣетъ, еже бы аще гдѣ не быти Священника, ту и бракъ разрушати; но сего всего нѣсть; ибо и множицею прилучается у мнимо Православныхъ, въ неприлученіи Священныхъ лицъ за дальнымъ растояніемъ, или паче рещи во время належащаго гоненія, бываетъ разсыпаніе Священной руки, заnе не возможно и обрѣсти Іерея. Но обаче Святіи Отцы таковыхъ отъ сожитія не разлучиша, и впредь разлучати не повелѣша, и законнымъ наименоваша, яко 72-е правило 6-го Собора являетъ; но не токмо отъ сожитія не разлучиша, но и дѣти раждати не воспретиша, но паче еще безсомнительно со Апостоломъ и заповѣдаша, яко же Апостолъ сице глаголетъ: «понеже бо чада ваша нечиста суть, нынѣ свята суть: * а Златословесный, толкуя сіе, сице глаголетъ: «Сирѣчь, не нечиста;» той же свята нарече, богатствомъ реченія, паки изгоняяй сицеваго мнѣнія страхъ.

Аще же Святое Писаніе вѣрному съ невѣрною жити и дѣти раждати повелѣваетъ, то да посрамятся отъ сего, которіи и обоихъ вѣрныхъ разлучаютъ. Но негли еще будутъ оправдатися симъ: «Аще, де, и попущено вѣрному съ невѣрною жити и дѣти раждати, но тогда, де, Священные чины были и было кому молитвы очистительныя говорити.» Но да постыдятся сіе глаголющіи: еже бы невѣрную родительницу Православнымъ Іереямъ молитвами очищати, сіе весьма не свойственно есть и чуждо.

Аще же не постыдятся глаголати, то да явятъ намъ, въ каковомъ законѣ обрѣли, еже бы невѣрной родительницѣ молитвы очистительныя говорити; и аще же сего не покажутъ, то да устрашатся, законные браки, не разлучаемые Богомъ, разлучати.

И аще же прещеніе сіе ужасно вмѣнится имъ быти, то да покажутъ намъ отъ Святаго Писанія, гдѣ есть написано: «аще не въ бытность Священника, то бракъ разлучати.» И аще же сего не покажутъ и на своемъ мнѣніи останутся, а не на Святомъ Писаніи, то да устрашатся сице реченныхъ: «Тать есть и разбойникъ не отъ Писанія глаголяй; еретикъ онъ, кто мнѣнію своему крѣпце прилѣпляется.»

---

* Въ Апостолѣ иначе это читается, о чемъ см. предыдущее примѣчаніе.

V.

ПРЕДЛОЖЕНІЕ

ѲЕОДОСІЕВЦЕВЪ ПОМОРЦАМЪ О СОЕДИНЕНІИ ВЪ ОДНО СОГЛАСІЕ.

Это было писано въ родѣ примиренія Преображенцевъ или Ѳеодосіевцевъ съ Филипповскимъ Согласіемъ, послѣдовавшаго въ Москвѣ, въ 1780 г. Изъ этого документа мы видимъ, что почти одинъ духъ ученія, какъ у Ѳеодосіевцевъ, такъ и у Филипповцевъ, съ тою лишь, разницей что Филипповцы посягаютъ на самоубійство, самосожженіе, изъ вѣроисповѣднаго наступленія, тогда какъ Ѳеодосіевцы въ прегрѣшеніяхъ, или въ столкновеніяхъ съ Внѣшними, только епитиміей говѣютъ предъ своей общиной, поклонами при соборѣ и постами. См. Сборникъ. Н. Попова т. 1-й: «Польскій Уставъ и Чинъ оглашенія.»

Господи Іусе Христе, Сыне Божій, помилуй насъ! Аминь.

Во извѣстіе боголюбивѣйше и братнѣ о мирномъ устроеніи, на чемъ полагаемъ примиреніе, о томъ въ сихъ статьяхъ напишемъ:

1.

Вѣру Православную и всѣ уставы Древлеправославныя Церкве Христовы писанные и не писанные хранить твердо и неизмѣнно, а новинъ всѣхъ всѣми силами бѣгати и удаляться.

2.

На Святыхъ Крестахъ надписаніе имѣти, по преданію и содержанію Древлеправославныя Церкве: «царь славы іс҃съ хр҃стосъ.» и проч. Четырехъ же литеръ сихъ. ї. н҃. ц҃. ї. за святоцерковное не вмѣняти и съ таковымъ надписаніемъ Крестовъ на поклоненіе не поставляти, и, еже въ первобытномъ Пилатовомъ на Крестѣ написаніи имѣется во Святомъ Евангеліи и у

богословцевъ, сказанія сего въ доводъ, или въ защищеніе, оныхъ четырехъ литеръ не приводити, и о сущемъ томъ Пилатовомъ написаніи согласно со Святымъ Писаніемъ разумѣти, и гдѣ во Святомъ Писаніи како написано, тако и пріимати. Понеже и Церковь Христова Древлеправославная сего Пилатова изображенія на Святыхъ Крестахъ не имѣетъ, того ради и намъ имѣти не подобаетъ. *

3.

Браковъ, до Православныя Вѣры полученныхъ у еретиковъ и иноязычниковъ, по пріятіи истиннаго крещенія, и за неимѣніемъ священныхъ здѣ лицъ и священнаго устроенія, ** въ церковь не пріимати и церковнозаконными и Богомъ совокупленными оные браки не нарицати, и таковыхъ бывшихъ брачныхъ на чистое житіе пріимати, и единодомовное же имъ житіе и супружескими имены нарицатися, по нуждѣ нынѣшняго времени, попущати; преступающихъ же чистое житіе и плотскими смѣшающихся, правильно наказывати, по содержаніи прежнихъ Поморскихъ отецъ. *** Апостольскихъ же попущеній и разсужденія о бракахъ вѣрныя части съ невѣрною въ доводъ выше писаннымъ бракомъ не приводити, яко оное попущеніе и разсужденіе бысть въ Первенствующей Церкви и при священныхъ лицѣхъ. ****

4.

На торгу у иновѣрныхъ продаемое брашно и отъ рукъ иновѣрныхъ доспѣтое сквернымъ не порицати, и по нуждѣ и во об-

* Но самая-то Церковь Древлеправославная у васъ ли пребываетъ твердо и неизмѣнно съ Іерархіею священною и Таинствами Святыми?

* За чѣмъ же и покрещивать? Вѣдь нѣтъ у васъ священнаго устроенія, безъ коего ни какая Церковь немыслима?

** До Поморцевъ вашихъ были Святые Отцы: по чему же не по правиламъ сихъ Отцевъ? И что у васъ за отцы? Отцами бываютъ по двумъ порядкамъ, естественному и благодатному. А какъ браковъ у васъ нѣтъ, то отцами въ первомъ отношеніи вамъ нельзя быть; священной Іерархіи вы тоже не принимаете; стало, и по второму нельзя отцами быть: кто бо васъ раждаетъ духомъ и ставитъ въ отцы духовные?

*** Но и въ послѣдующее время истинно Православная Церковь неотмѣнно руководствовалась симъ правиломъ Первенствующей Церкви.

стояніи иновѣрныхъ таковое брашно пріимати и ясти безъ сомнѣнія, по Апостольскому завѣщанію, со обычнымъ благодареніемъ и Креста знаменіемъ. *

5.

Молитвъ Священническихъ простолюдиномъ нигдѣ не читать и въ Свѣтлую Недѣлю при Службѣ на отпустѣхъ Креста не воздвизать и рукъ не подымать, но, вмѣсто подыманія рукъ, Крестнымъ знаменіемъ знаменатися.

6.

Въ посты во аллилуйные дни поклоны отправляти по уставу, въ праздники же земными поклонами не епитимииствовати.

7.

Отъ Внѣшнихъ и новоженовъ иконнаго воображенія не пріимати, и къ нимъ Христа славити не ходити, и молебновъ за нихъ, по обѣщанію ихъ, не пѣти, и приносовъ отъ нихъ за Службу не взимати, и младенцевъ отъ нихъ и отъ познанныхъ, безъ обѣщанія въ Вѣру родителей, въ крещеніе не пріимати; а которые люди крещаютъ младенцевъ и большихъ, а богословныхъ глаголъ не знаютъ, или въ погруженіяхъ неисправно, и таковыхъ разсмотряти, и не по формѣ исправленныхъ за крещенныхъ не пріимати.

8.

Внѣшнимъ ** присягу дающихъ въ церквахъ ихъ, или въ лицѣ своемъ *** кого къ таковой присягѣ посылающихъ,

---

* Здѣсь одно Апостольское завѣщаніе принято, а другое, въ 3-й статьѣ указываемое, устранено: на что же это похоже?

** Т. е., истинно Православнымъ.

*** Здѣсь рѣчь идетъ объ ихъ исповѣданіяхъ и другихъ заявленіяхъ Правительству, или Церкви. «Исповѣданіями» у Старовѣрцевъ называются обязательно представляемые Правительству (по временамъ) акты, въ которыхъ каждая об-

также и Попамъ дающихъ о написанныхъ въ духовныя ихъ книги, таковыя отъ нихъ искупающихъ, или кое приношеніе и поможеніе Внѣшней Церкви творящихъ, или письмами каковыми и подписками вредными предъ Внѣшними себе обязующихъ, или развращеннымъ ихъ образомъ покланяющихся, всѣхъ таковыхъ разсмотрити и по достоинству наказовати, а безъ наказанія не оставляти.

9.

Съ Монастырскими (Поморцами) нынѣшними и съ новоженами общенія въ моленіи и ядeніи не имѣти, и за сообщеніе съ ними наказывати, приходящихъ же отъ нихъ въ судьбы Божія оставляти. Такожде и Новогородскія страны Ѳеодосія, Игнатія, Терентія, Евстратія, Иліи и прочихъ съ ними и по нихъ писанія, иже о Православнѣй Вѣрѣ и противу новостей, и съ прочими выше писанными Соловецкими и Поморскими прежними пріимати, а яже по раздѣленіи ихъ отъ Поморскихъ отецъ писанная о четырехъ литерахъ и о бракахъ, до Вѣры принятыхъ, оправдательная и поносительная, тѣхъ не принимати, и того раздѣленія за право не почитати, но симъ мирнымъ единомысліемъ, яко не бывшее, вѣчному забвенію предати.

И тако, которые согласны симъ статіямъ будутъ, съ тѣми и союзъ въ томъ, съ Божіею помощію, содержати; елицы же не согласны и супротивны сему явятся и согласитися и подписати не хотятъ, съ тѣми, яко съ презирателями церковнаго мира, но подобающемъ увѣщаніи и наказаніи, мира и общенія не имѣти; крещенныхъ, или въ монастырѣ молившихся, или самихъ новоженовъ и прочихъ отъ нихъ, овыхъ и со Внѣшними въ общеніи бывшихъ, съ правильнымъ чиномъ пріимати и по достоинству исправляти, и младенцевъ отъ новоженовъ, безъ обращенія родителей, не крестити, и въ прочемъ отъ нихъ по Писанію и по утвержденію прежнихъ отецъ поступати.

щина излагаетъ, для свѣдѣнія подлежащимъ Властямъ, главныя основанія своихъ вѣрованій и формы своихъ обрядовъ.

10.

Прежнихъ отецъ почитати и въ поминовеніи содержати всѣхъ, отъ лѣтъ Никоновыхъ, не уклонившихся къ новостѣмъ и за Древлеправославные догматы пострадавшихъ и разнообразно во время гоненія скончавшихся, Соловецкихъ и Поморскихъ: инока Игнатія, Петра, Даніила, Андрея, инока Филиппа, и прочихъ съ ними и по нихъ бывшихъ, согласныхъ имъ; и писанія сихъ отецъ, яже противу новостей, * и прочая писанія, во утвержденіе Христіанства изданная, пріимати, аще и недоумительная же нѣкая въ таковыхъ писаніяхъ, или ими по смотрѣнію учиненная. Богу нашему, въ Троицѣ прославляемому, буди отъ насъ всяка слава, честь и поклоненіе нынѣ и въ безконечные вѣки. Аминь. **

VI.

ПРЕДЛОЖЕНІЕ

ИЛІИ АЛЕКСѢЕВА КОВЫЛИНА ПОМОРЦАМЪ ИЛИ ИСПОВѢДАНІЕ.

Ѳеодосіевцы, разъ уже отторгнувшіеся отъ Поморскаго Согласія, были то враждебны, то примирительны къ Поморцамъ, какъ это часто бываетъ между разновѣрующими. Они старались примириться съ основателями Безпоповщины чрезъ предводителя своего, Ѳеодосія, въ 1706 г., но попытка ихъ не удалась. Въ 1727 году Ѳеодосіевцы снова пытались прекратить возникшій разладъ, но Поморцы не склонялись на требованіе Ѳеодосіевцевъ. Илья Ковылинъ также было написалъ, вмѣстѣ съ своими единомышленными, Исповѣданіе, въ которомъ, въ видахъ примиренія, дѣлалъ нѣ-

---

* Т. е., должно слѣпо и безпрекословно вѣровать въ сочиненія первыхъ сѣятелей Раскола.

** Это предложеніе Ѳеодосіевыхъ Поморцамъ, по замѣчанію Павла Любопытнаго, должно быть написано въ 1780 году въ Москвѣ.

которыя уступки. Но это были хитрыя обѣщанія, которыя онъ и не думалъ исполнить. Въ послѣдствіи, когда онъ полновластно управлялъ общиною, онъ постановилъ: переходящихъ въ его Согласіе, вѣнчанныхъ (даже) по обрядамъ Церкви, отнюдь безъ расторженія брака не принимать (Смот. Чинъ оглашенія, Сборн. т. 1-й). Равномѣрно и въ § 4-мъ уступка въ послѣдствіи была также отмѣнена. Въ отношеніи же новоженовъ Ковылинъ и притворныхъ уступокъ сдѣлать не захотѣлъ. Впрочемъ, всѣ ухищренія Ковылина остались тщетными: этого примиренія на самомъ дѣлѣ не наступало.

ИСПОВѢДАНІЕ.

Исповѣданіе общесоборное Правовѣрныхъ Христіанъ, * истинныхъ послѣдователей Древлеправославныя Церкве, прежде бывшихъ отецъ Поморскія обители: Данила Викулича, Андрея Діонисіевича, старца Ѳеодосія, отца Филиппа и прочихъ всего общежительства, такожде Московскихъ настоятелей, Игнатья Трофимовича, Ѳедора Ѳедоровича, Ѳедора Калинича, и прочихъ.

«Понеже пустынножители пріяша обычай отъ Древлеправославныя Церкви имѣти на Животворящемъ Крестѣ подписаніе, по древлецерковнымъ Святыхъ обычаемъ, Кресты мѣдные лити съ древнихъ образцовъ со староцерковными подписаніи, окромѣ Пилатова надписанія, о чемъ премножайшая древлецерковная свидѣтельства имѣемъ; а како о Пилатовѣ писаніи во Святомъ Евангеліи и въ прочихъ церковныхъ книгахъ писано, тако и пріемлемъ, а своего преданія отъ тѣхъ святыхъ словесъ, чего тамо не написано, не изводимъ и не предаваемъ, и отъ другихъ своеразсуднаго преданія не пріемлемъ.»—Дождѣ изъ примирительнаго писма. Мы же, ради лучшаго изъясненія колеблющейся сомнѣніемъ нашей любезной братіи, самая Евангельская словеса, самыя святоотеческіе глаголы, самое всея Древлепревославныя Церкве раз-

---

* Такъ не по праву называютъ себя Безпоповцы, отрицающіеся Таинствъ Христовой Церкви.

умѣніе о надписаніи Пилатовѣ, на первобытномъ Крестѣ, положенномъ надъ главою Христа Спасителя, во время міроспасительнаго страданія, здѣ предлагаемъ, да сими святыми словесы свѣтъ Евангельскія истины въ сердцахъ нашихъ вселится и миръ Божій да возсіяетъ.

Благовѣстникъ, листъ спз҃, Іоаннъ зау. ѳ҃.
Благовѣстникъ, листъ спи.
Собраніе словъ въ среду Страстныя Недѣли, листъ фкз҃, на оборотѣ.
Собраніе словъ въ недѣлю г҃ поста покло., листъ ѱзн, на оборотѣ.
Тріодь Пост. пят. г҃ недѣли, трипѣст., листъ тнє, на оборотѣ.
Катихизисъ малый, листъ аі.

Въ Исповѣданіи сія статьи изъ означенныхъ книгъ подлинниками вписаны.

Се убо наше Исповѣданіе: сице вѣруемъ, сице о надписаніи на первобытномъ Крестѣ Господни исповѣдуемъ, отъ себе ни что не привносимъ своеразсуднаго толкованія, свыше сихъ производити трепещемъ, самосмысленнаго мудрованія привносити боимся, глаголющаго, что есть ересь, еже не то же со Святыми мудровати.

Повелѣваемъ иконникамъ живописати и мѣдникамъ отливати съ древнихъ образовъ по церковному всеобдержному преданію, съ царскимъ и богословскимъ надписаніемъ, яко же святые чудотворные животворящіе Кресты имутъ, еже есть: царь славы іс҃ хс҃, сынъ божій, и прочія; четырелитернаго же надписанія, еже: і҃. н҃. ц҃. і҃., сами не полагаемъ и прочимъ не совѣтуемъ, и съ таковымъ надписаніемъ на поклоненіе не поставляемъ; прочая же о четырелитерномъ надписаніи, яже прежніе выше реченные отцы, Даніилъ, Андрей, инокъ Филиппъ, инокъ Ѳеодосій и прочіе Выгорѣцкіе, въ примирительномъ написаша писмѣ, сице и мы мурдствуемъ; понеже искушенная разумными мужи содержати благонадежно есть: «Не прелагай, рече, предѣлъ вѣчныхъ, яже положиша отцы твои;» * мы же кромѣ сего ни что же мудрствуемъ, или глаголемъ, или толкуемъ, и отъ другихъ

* Притч. 22, 28.

своеразсуднаго толкованія не пріемлемъ, да не Хамову безстудію уподобимся, возметающе прародительные персты.

Всякому же глаголющему, свѣдѣнія ради, боговдохновенное и духо-миро-истекательное Православное и со святою Церковію согласное, пользы духовныя и любве душеспасительныя, и мира церковнаго любительное, все прекрасное ихъ писаніе, здѣ всецѣлое предлагаемъ, да всякъ, чтущи и послушающи, отцелюбезное чадо, удобно познати можетъ, кто суть отцелюбныи послѣдователи, и кто мира церковнаго нарушатели, кто со отцы собираетъ, и кто отцесобранная разсточаетъ:

Копія подлинная съ примирительнаго письма прежде бывшихъ отецъ Выгорѣцкія обители, Даніила, Андрея, Ѳеодосія, Филиппа, и всего тогда обрѣтающагося общебратскаго единомыслія.

Въ лѣто 1727 г., Августа въ 5-й день.

Извѣстіе странныхъ братій, пришедшихъ ради мирнаго состоянія, съ ними же бесѣдовахомъ отъ Святыхъ Писаній и, по желанію ихъ и другихъ братій, въ вѣдѣніе общесогласное примиреніе извѣствуется.

Понеже пустынножителя пріяша обычай отъ Древлеправославныя Церкве имѣти на Животворящемъ Крестѣ надписаніе по древлецерковнымъ Святыхъ обычаемъ, и Кресты мѣдные лити съ древнихъ образцовъ, съ староцерковными надписаніи, о чемъ премножайшая древлецерковная Святыхъ свидѣтельства имѣются; а како о Пилатовѣ написаніи во Святомъ Евангеліи и въ прочихъ церковныхъ книгахъ писано, тако и пріемлемъ, а своего преданія отъ тѣхъ святыхъ словесъ, чего тамо не написано, не изводимъ и не предаваемъ, и отъ другихъ своеразсуднаго преданія не пріемлемъ, но готовое Святыхъ преданіе пріемлемъ, о чемъ премногая древлецерковная Святыхъ свидѣтельства и противу неистинныхъ наношеній отвѣтствованія достовѣрная на бесѣдѣ вашей любви явихомъ; чесо ради намъ готовому Святыхъ преданію послѣдовати надежно есть; а о оной, Пилатомъ

написанной, титлѣ, воображали ли ю въ Древлеправославной Церкви четырьми буквами Святіи на образѣхъ крестныхъ, о семъ достовѣрныхъ свидѣтельствъ ищемъ; того ради и писати тѣхъ четырехъ буквъ до подлиннаго свидѣтельства совѣтовати опасеніе имѣемъ, понеже у древнихъ Святыхъ воображены не обрѣтаемъ. А когда прилучится намъ быти въ странныхъ Христіанахъ, и обрѣтающимся у нихъ животворящимъ Крестамъ съ подписаніемъ: царь славы іс҃. хс҃. ника, аще и титла на тѣхъ же Крестахъ четырьми буквами воображена, и тѣмъ животворящимъ Крестомъ поклоненіе творимъ, и инѣмъ совѣтуемъ поклоненіе творити, о чемъ у насъ и прежде на общей бесѣдѣ письмомъ извѣщено, и о семъ вашу братскую любовь молимъ, еже бы потщаніе имѣти, на староцерковныхъ Крестахъ подписаніе обыскивати, благоволите о семъ доброе и боголюбное радѣніе имѣти, яко же соборнѣ въ Стоглавѣ Православная Церковь повелѣваетъ Святыя иконы и подписаніе съ древнихъ переводовъ воображати и древлецерковная Святыхъ извѣстная начертанія во образецъ и во свидѣтельство возъимѣти, и отъ Никоніанъ соединенія, отъ нихъ же мы всякихъ тайнодѣйствій опасаемся, состроенныхъ отъ нихъ иконныхъ и крестныхъ начертаній и на нихъ подписанія, чтобъ какимъ невѣдѣніемъ намъ во свидѣтельство и во образецъ не пріяти, и подъ предѣленіемъ ихъ не быти, но яко же въ прочихъ, тако и о семъ древлецерковными Святыхъ достовѣрными свидѣтельствы утверждатися, и о чинѣхъ молитвенныя службы, яже мы пріяхомъ отъ Древлеправославныя Церкве, наипаче Соловецкія Святыя обители, о чемъ вашей любви на бесѣдѣ явихомъ, и отъ Святыхъ Писаній и отъ Святоотеческихъ обычаевъ засвидѣтельсвовахомъ, и аще нѣкія и различныя чины обрящутся, въ томъ другъ съ другомъ разгласія не имѣти, но кому къ нимъ прилучится приходити, имѣти соглашеніе и распри не чинити, да миръ Божій будетъ между Христіаны. Аминь.

Въ лѣто 7280 (1772), Генваря въ 19-й.

Первое. О титлѣ, которую написа Пилатъ треми языки и цѣлыми рѣчми, мы объ оной первообразнаго Креста титлѣ тако разумѣемъ, яко же Святіи отцы намъ предаша и утвердиша, своеразсуднаго же толкованія, и разумѣнія, кромѣ святоцерковнаго и отеческаго мудрованія, не пріемлемъ.

Второе. На честныхъ Крестахъ четверолитернаго надписанія, еже есть: і҃. н҃. ц҃. і҃. не надписывати и проимъ совѣтовать, чтобы сицеваго надписанія не воображати, и на поклоненіе съ таковымъ надписаніемъ Крестовъ не поставляти, и подписывать бы честные Кресты, по приказанію Восточныя Антіохійскія Церкве, сице: іс҃. хс҃., яко же о семъ Святый Никонъ Черногорскій во своей книзѣ воспоминаетъ, или по всеобдержному церковному обычаю: царь славы, сынъ божій,» распятіе Господа нашего іс҃а хр҃а и прочія.

Третіе. О бракѣ, который прежде познанія * полученъ бываетъ, о томъ согласно со Святыми разумѣемъ, своеразсуднаго, и своесамосмышленнаго толкованія о себѣ не составляемъ и отъ другихъ не пріемлемъ; и приходящихъ же таковыхъ брачныхъ на чистое житіе ** пріемлемъ, ради неполученія Православныхъ Іереовъ и ихъ освященнаго благословенія на благовременное совокупленіе, понеже, за разсыпаніемъ руки людей освященныхъ, совершеннаго благословенія подать у насъ не кому; того ради совѣтуемъ иже въ брацѣ къ намъ приходящимъ житіе провожать чисто и опасно, преступающихъ же сей обѣтъ правильно исправить. ***

Четвертое. Иже на торжищѣ продаваемое брашно, по Апостольскому ученію, скверно не нарицаемъ, и ядущихъ тое скверноядцами не оглашаемъ.

Пятое. На отпускѣ на Свѣтлой Недѣлѣ рукъ горѣ не воздѣваемъ, и творити тако не поучаемъ.

Шестое. Безъ твердой преграды съ несогласующими молитися запрещаемъ.

Седьмое. Ризокъ при крещеніи имѣющихся настоятельствующимъ взимати на свою потребу запрещаемъ.

---

* Т. е., Вѣры безбрачныхъ.

** Т. е., съ разводомъ супруговъ.

*** Здѣсь уже не совѣтъ, а обѣтъ, въ чемъ большая разница. При томъ, что за совѣтъ съ принужденіемъ?

Осьмое. Молитвъ Священническихъ при исповѣди и при погребеніи отнюдь не читаемъ, и читать запрещаемъ.

Девятое. Аллилуія въ Постъ Великій и въ прочіе три Посты, у насъ грамотные, во общемъ славословіи, по уставу святоцерковному исполняютъ, простые же поклонами отправляютъ.

Десятое. Новоженовъ въ церковь отнюдь безъ разлученія не принимаемъ, по правиламъ Святыхъ отецъ и по установленію прежде бывшихъ нашихъ отецъ и страдальцевъ. *

Одиннадцатое. Съ прежними отцы Выгорѣцкія обители и по примирительному письму 1727 года всякое согласіе имѣемъ и имѣти совѣтуемъ.

Двѣнадцатое. Всякое безчиніе въ церкви, сирѣчъ, въ народѣ вѣрующихъ во Христа Іисуса, прозябнути хотящее, всѣми мѣрами, отражать со всякою ревностію будемъ, безчинствующихъ же и не согласующихъ правому, и истинному, и спасенному мудрованію, ** по первомъ и второмъ наказаніи, неизцѣльно недугующихъ отъ Церкви отлучати совѣтуемъ.

Тринадцатое. Въ недѣльные дни и въ праздники Господскіе, земными поклонами не епитеминствовати.

Четырнадцатое. Отъ новоженовъ и отъ прочихъ несогласныхъ иконъ мѣдныхъ и письменныхъ не вымѣнивати. Къ сему письму Стефанъ Ивановъ подписуюсь; по прошеніюево Федоръ Ефимовъ подписуюсь, Егоръ Федоровъ, Алексѣй Тимофѣевъ, Иванъ Архиповъ, и вмѣсто Василья Филипова и Андрея Гурьева, и Евдокима Никифорова подписуюсь, Иванъ Петровъ

---

* Страдальцевъ разсматривать подаетъ правило Св. Апостолъ, говоря: «Аще же и постраждетъ кто, не вѣнчается, аще не законно мученъ будетъ» (2 Тим. 2, 5), т. е., если не законно будетъ подвизатися.»

** Которое въ Согласіяхъ Безпоповскихъ зависитъ отъ личнаго умѣнья и силы.

подписуюсь, Андрей Петровъ Заикинъ подписуюсь, Алексѣй Степановъ подписуюсь, Алексѣй Андреевъ подписуюсь, Михаилъ Евстигнѣевъ подписуюсь, Леонтій Ивановъ подписуюсь, Иванъ Михайловъ подписуюсь, Иванъ Никифоровъ подписуюсь, Иванъ Ивановъ подписуюсь, Зотъ Макѣевъ подписуюсь, Петръ Яковлевъ подписуюсь, Илья Алексѣевъ руку приложилъ за себя и за больничныхъ.

VII.

ПИСЬМО

ИЛЬИ АЛЕКСѢЕВА КОВЫЛИНА ПЕТРУ ѲЕДОРОВУ ВЪ ПОМОРЬЕ.

Въ исходѣ XVIII вѣка привелось быть въ Москвѣ извѣстному учителю Ѳеодосіевскаго Толка, Петру Ѳедорову, проживавшему почти постоянно въ Стародубѣ, гдѣ онъ распространялъ ученіе Дьячка Ѳеодосія. По приходѣ въ Москву Петра Ѳедорова, первымъ дѣломъ его было посѣтить Преображенское кладбище, бывшее тогда еще во многомъ согласнымъ съ Стародубскими Ѳеодосіевцами. Такой почтенный гость, какъ Петръ Ѳедоровъ, былъ принятъ главнымъ членомъ Преображенскаго кладбища, Ильею Алексѣевымъ Ковылинымъ, съ должнымъ почетомъ. Послѣ долгаго совѣщанія съ гостемъ, Ковылинъ приступилъ къ внутреннимъ интересамъ своей общины, распрашивалъ Петра Ѳедорова объ уставѣ или правилахъ общежитія Ѳеодосіевцевъ въ Стародубѣ, между тѣмъ разсказалъ, что, въ бытность его въ Даниловскомъ Выгорѣцкомъ монастырѣ, гдѣ его приняли ласково и съ уваженіемъ, онъ старался узнать правила Выговскихъ жителей. Поморцы думали, что пріѣздъ Ковылина былъ съ цѣлью сблизить Ѳеодосіевцевъ съ ихъ общиною, въ слѣдствіе чего и сообщали Ковылину всѣ правила и уставы ихъ монастыря. Ковылинъ замѣтилъ изъ всего видѣннаго въ Выговскомъ общежительствѣ соблазнительное отступленіе отъ правилъ Безпоповскихъ Согласій: это была молитва за царствующаго Государя, или Государыню, произносимая въ Поморскихъ моленныхъ часовняхъ. Осмотрѣвъ весь видъ общежитія ихъ, и ни чего ни почерпнувъ изъ него, что было бы ему пригодно, Ковылинъ возвратился недовольнымъ Поморцами.

Онъ изложилъ гостю своему, во время бесѣдъ съ нимъ, цѣль своей поѣздки въ Поморье, и замѣтилъ между прочимъ о правилахъ Даниловскаго монастыря, что обитель должна разстроиться; ибо Поморскія постановленія принимаютъ бракъ и допущаютъ брачныхъ въ молитвенный домъ, безъ расторженія ихъ брака, чрезъ что прихожане, видя такой примѣръ, могутъ уклоняться къ господствующей Церкви, «блуда ради, по его выраженію.» Да и моленіе за Царя было не въ духѣ Ковылина. Петръ Ѳедоровъ былъ самъ изъ тѣхъ же закоснѣлыхъ Ѳеодосіевцевъ, которые уважаемы были Согласіемъ за отшельническій образъ жизни. Проживая почти постоянно въ лѣсахъ Стародубскихъ, и зная основательно Ѳеодосіевскія постановленія, онъ предложилъ Ковылину ввести Вѣтковскія правила или уставъ въ Преображенское кладбище. Ковылинъ, послѣ долгихъ распросовъ объ отшельникахъ Стародубскихъ, съ радостію принялъ предложеніе Петра Ѳедорова быть въ этомъ дѣлѣ посредникомъ. Вскорѣ Петръ Ѳедоровъ отправился на Вѣтку, откуда и привезъ ему желаемый уставъ. Для приданія большей важности какъ ѣздившему, такъ и привезеннымъ имъ правиламъ, Ковылинъ съ братіею обоего пола, неся иконы, встрѣтилъ Петра Ѳедорова за оградой общины, положилъ семь поклоновъ; послѣ чего Ѳедоровъ, въ сопровожденіи встрѣтившихъ, былъ введенъ въ моленную. Ковылинъ отслужилъ молебенъ «соборнѣ,» и потомъ, прочитавъ привезенныя правила, цѣловалъ Крестъ, въ знакъ соблюденія ихъ ненарушимо, чему послѣдовали и другіе (а не «блуда ради,» т. е., не для размноженія нечистоты, но во избѣжаніе блуда. Такое значеніе имѣютъ слова Апостола: «Но блудодѣянія ради кійждо жену свою да имать, и каяжда жена своего мужа.» 1 Кор. 7, 2. Такимъ образомъ, во избѣжаніе блуда, назначается Церковію вступленіе въ бракъ, а не для размноженія нечистоты).

Для служенія въ моленняхъ недоставало знающаго клира и чтецовъ. Петръ Ѳедоровъ снова отправился въ Стародубскую Ѳеодосіевскую общину, откуда привезъ дѣвокъ причетницъ, и съ установили чинъ служенія сообразно Ѳеодосіевскимъ обычаямъ, при томъ обучали уставному письму пѣвчихъ.

Изъ этого мы можемъ видѣть, въ какихъ близкихъ отношеніяхъ былъ Петръ Ѳедоровъ Стародубскій съ Преображенской

иной. Письмо, помѣщенное ниже, было писано къ нему въ то время, когда ревнитель Өеодосіевцевъ былъ, также, какъ и Ковылинъ, въ Поморьѣ, на тамошнемъ братскомъ соборѣ, въ 1777 году. Ковылина устрашило то, что такой «маститый и дивный мужъ» могъ снисходить къ «брачнымъ.» Письмо это выражаетъ сомнѣніе Ковылина и недовѣріе его къ слухамъ, будто Петръ Өедоровъ призналъ бракъ. Онъ подкрѣпилъ свое посланіе выписками изъ книгъ, имѣющихъ значеніе, которыми обыкновенно Безпоповскіе настоятели прикрываютъ своемудріе свои.

Петръ Өедоровъ былъ Московскимъ мѣщаниномъ; какимъ образомъ попалъ онъ въ Стародубскіе лѣса, не извѣстно. Вѣрнѣе всего онъ ушелъ туда по какимъ либо причинамъ, касающимся Московскаго мѣщанскаго общества. Онъ не разъ, во время странствій своихъ по Руси, для распространенія своего ученія, заходилъ въ Выгорѣцкій Даниловскій монастырь. Въ послѣдствіи Петръ Өедоровъ былъ наставникомъ общины Өеодосіевской, собравшейся въ Петербургѣ, вмѣсто безграмотнаго старика, выбраннаго Ильею Ковылинымъ; умеръ же Петръ Өедоровъ въ Стародубѣ въ 1811 году, на году своей жизни. Этотъ наставникъ Өеодосіевцевъ до сего времени уважаемъ своими единомышленными, какъ одинъ изъ лучшихъ ихъ учителей.

Господи Іисусе Христе!

Честнѣйшій отецъ, Петръ Өеодоровичъ, здравія и спасенія вамъ желаю!

Понудила написать сію убогую хартію заповѣдь Спасителя нашего: «не точію други, но и враги любите,» * законополагающа чрезъ своихъ намѣстниковъ братскаго паденія паче своея душу оплаковати повелѣвающа; то и мы, убогіе, по силѣ нашей, тое писанному ревнуя, аще и сами еще въ части учащихся пребываемъ, обаче, дондеже дыхаемъ, о братіи нашей претыкающейся болѣзновати и совѣтовати не престаемъ.

* Собственно такъ Мате. 5, 44 и Лук. 6, 27: «Любите враги ваша.»

Получили мы чрезъ здѣшняго жителя копію соборнаго сочиненія, при которомъ и ваше имя приписано, и яко бы и вы оному согласны и своеручно подписалися. Естьли то правда? Только я не думаю въ такомъ мужеумномъ возрастѣ и просвѣщенномъ разумѣ (чтобы) подвержены были вы таковымъ ошибкамъ; но сіе есть человѣческаго свойства; точію требуетъ единаго исправленія. Вы вѣдаете сами, честный отче, что Богъ чрезъ пророка глаголетъ: «Горе напаяющему ближняго своего питіемъ мутнымъ.» * Въ Поморьѣ же законоположеніе, вмѣсто правильнаго исправленія, преподается яко чаша питія мутнаго, и яко же о семъ вашему любомудрію на разсужденіе братски отчасти о Бозѣ предлагаемъ:

1. Понеже во едино сужденіе положисте, и яко брачившися до Св. крещенія, тако и новоженовъ, и се Святому Писанію весьма противно, понеже чрезъ сіе опровергаете ученіе Святаго Апостола Павла, и возратовасте противъ Святаго Отца Златоустаго, воспротивоборствовасте противу Собора Вселенскаго Шестаго, опровергосте толкователей Божественныхъ правилъ, возпрекорствовасте Россійскому первопрестольному Іосифу Патріарху, разгласился еси ты прелюбезнѣ съ великоревностными страдальцы и со святопочившими мужи, преже бывшими нашими отцами, расторглъ еси единомысліе со отцемъ своимъ духовнымъ. **

2. Въ третіемъ основаніи вашего новосмышленнаго собора о пріятіи новоженовъ написасте неслыханные въ Православной Церкви законы, что отступниковъ Православныя Вѣры и блудниковъ во едино сіе положисте, т. е., брачившихся у еретиковъ и самосходящихся единымъ чиномъ пріимати и четыредесятидневнымъ постомъ грѣхопаденія ихъ исправляти. Но сіе все Божественнымъ закономъ и правиломъ, о блудницахъ и отступницахъ

* У пророка Аввакума (2, 15) читается такъ: «Горе напаяющему подруга своего развращеніемъ мутнымъ.»

** Разумѣются Посланія Ѳеодосія Васильевича, Игнатія, Трофима, Иліи Ивановича и прочихъ.

написаннымъ, вновь собою законополагати дерзнувшихъ, сопротивно.

3. Блудниковъ со блудницами и беззаконно брачившихся во единыхъ домѣхъ остависте жити безъ разводу, аще и подъ извѣтомъ чистаго житія попустисте единокупно пребывати, и сіе попущено Святымъ Правиломъ ратоборно, и прежнимъ Христіанскимъ учителемъ и страдальцемъ несогласно, паче же тайновмѣщеніе нѣкое новомышленное блудническое, яко же нѣкій есфиривый огонь, пожигающій нещадно Христіанскія души, въ церковную породу вседерзостнѣ введосте, яко Римскій Папа предаде своимъ Латинскимъ Капланамъ.

5. Въ этомъ основаніи соборнаго вашего устава, по третіемъ чадородіи человѣкомъ, спасительное покаяніе, данное отъ Божія человѣколюбія согрѣшающимъ, отрекосте. Сіе не точію Святымъ Апостоломъ, или Соборомъ, но самому предражайшему нашему Законоположителю, противоборно, иже семдесятъ седмерицею единымъ днемъ согрѣшающимъ отпущати повелѣваетъ и тмократицею падающимъ въ скверну тимѣни прощати законополагаетъ.

Подобно же сіе новое ученіе противникамъ Святыя Церкви Новотіяномъ.

5. Помысли, возлюбленный отче, о предстателѣ сего новопротивнаго собора, кто ту бѣ главно и прочіи по немъ навыкли. Сіи бѣдніи путешественницы темноnощніи не свои ли темноnощные слѣды, что лисы хвостомъ, застилати мнятъ; не своея ли выгоды ищутъ; не свою ли блудолюбную наготу незаконноправильнымъ симъ установленіемъ покрываютъ, да мнимые ихъ Агапиты короводворскія келейницы не отъятые у нихъ будутъ, и во своихъ беззаконіяхъ за потворство нечистожительства не обличени безъ исправленія пребудутъ? Избави мя, премилосердый Боже, отъ осужденіи братняго! Но кто суть сіи древніи Вавилонстіи старцы, судящіе цѣломудренную Сусанку, глаголю, Православную Церковь? Киселевые * Амосы, Симеоны Петровы и Алексій съ

* Объ отвергшихся Православныя Вѣры. Апостольск. 22, Гангр. 6, Петра Александ-

Козьмами, и не противу симъ идетъ Даніилъ съ своими вопросами, да отличитъ любодѣйный залогъ блудолюбивыхъ сихъ старцевъ, и да избавитъ отъ неправеднаго убіенія цѣломудренную Сусанну.

6. О! коликій отъ сего будетъ соблазнъ, коликое претыканіе, коликое тайноубійственное паденіе, аки нѣкая темная буря, церковную тихоту возмущати будетъ!

Сократя сіе моленіе, прелюбезный старецъ, именемъ Божіемъ исправи сей прошибокъ, якоже прежніи Святіи исправляху, и рукоприкладное подписаніе отъ неправильныхъ соборовъ изглаждаху; къ сему же помысли истиннаго любомудрія, до коликаго безчестія чрезъ сіе неправильное законоположеніе пріити имутъ твоя честныя сѣдины. Аще сіе ваше установленіе вынидетъ въ постороннія люди, которые обыкоша и правду развращати, кольми паче сицевую несправедливость, паче же рещи явственную законоправильнымъ церковнымъ уставоположеніямъ противность, съ потязаніемъ обличати будутъ, и тѣмъ Православную Церковь безчествовати и Христіанскія души колебати.

При семъ со смиреніемъ преклоняю мою главу къ честнымъ вашимъ стопамъ; лобзаю ваши сѣдины своими недостойными устнами; извиняюсь въ написанныхъ мною, въ которыхъ вы сочтете за прошибокъ, но точію грубостью моего сердца вамъ открываю. Ей истина! Отъ презѣльнаго усердія и отъ горящія любви

рійскаго, во Анкирѣ 4, 5 и 7, Григорія Нискаго 1, Василія Великаго 85, Перваго Собора 11 и 12, и Василія Великаго 73; о блудящихъ зри правило въ Кормчей: «Незаконно бывающіе браки, ни чимъ же разнствуютъ блуда.»

Объ имущихъ въ единодомовномъ сожитіи зазорныя лица: Перваго Вселенскаго Собора прав. 3-е, и Василія Великаго ко Григорію Пресвитеру и проч., и незаконно бывающіе браки расторгати повелѣваютъ; Апостолъ Павелъ разлучати повелѣваетъ и Златоустъ беззаконные браки, 6 Вселенскій соборъ, Никонъ, Матѳей, Севастъ Арменопулъ, Іосифъ Патріархъ, Номоканонъ отецъ Аѳонскихъ, Потребникъ о Латинскихъ ересяхъ, Кирилла о вѣрѣ 4 правило, Свят. Апостолъ 52, Ник. слово 51, Вселенск. 1 собора правило 8.

и отъ сердечнаго усвоенія, по должности Христіанской, сія написати, сожалѣя сердечно, подвигся, да не посмѣянъ будеши отъ Бога и отъ человѣкъ, при толикой честности безпорочной вашей жизни! Понеже прочіи узаконители останутся во своемъ отдаленномъ отъ благоразумныхъ человѣкъ пребываніи.

Скончавъ, вамъ всяческихъ благъ желатель

Илія Алексѣевъ.

Сіе писалъ Илія Алексѣевъ Петру Ѳедорову, когда онъ былъ въ монастырѣ въ Поморьѣ, въ соборѣ Выгорѣцкомъ 7285 лѣтъ (1777).

VIII.

ПРОШЕНІЕ

ИЛЬИ АЛЕКСѢЕВА КОВЫЛИНА ИМПЕРАТОРУ АЛЕКСАНДРУ ПАВЛОВИЧУ ОБЪ УПРОЧЕНІИ ПРЕОБРАЖЕНСКАГО КЛАДБИЩА.

Было время, когда Расколъ въ Россіи сильно развѣтвлялся, крѣпнулъ, росъ годъ отъ году, или же одно какое ни будь изъ Раскольничьихъ Согласій брало первенство надъ другими. Было время, когда въ Расколѣ Ѳеодосіевское Согласіе занимало видное мѣсто и переходящихъ въ него едва успѣвали перекрещивать. Это былъ 1771 годъ, одинъ изъ самыхъ грустныхъ и знаменательныхъ: въ Москвѣ въ ту пору была страшная моровая язва. Жители древней столицы, пораженные общимъ бѣдствіемъ, покидали свои дома, имущества, толпами бѣжали въ сосѣдніе города и села; о корысти, о сохраненіи своей собственности, въ виду кары Божіей, думали немногіе. При сихъ смятеніяхъ и неурядицѣ, какъ въ управленіи, такъ и въ гражданахъ, Расколъ ожилъ, поднялъ голову, и не для того только, чтобы итти къ мятежу, крамолѣ, но и чтобы воспользоваться представившимся случаемъ въ свою пользу, что и сдѣлали Ѳеодосіевцы и другіе Раскольники, жившіе въ Москвѣ.

До 1771 года Ѳеодосіевцы Безпоповцы проживали въ Москвѣ небольшими семьями, въ весьма малочисленномъ количествѣ. Не-

задолго передъ этѣмъ годомъ отпалъ отъ Православной Церкви къ Расколу оброчный креетьянинъ, Василій Алексѣевъ Ковылинъ (по перекрещеніи названный Ильею). По преданію извѣстно, что перекрещеніе Ковылина происходило въ Хапиловскомъ прудѣ, въ зимнее морозное время, такъ что онъ едва не поплатился за свое отступничество жизнію, пролежавъ нѣсколько недѣль въ предсмертной горячкѣ.

Ковылинъ по своему свойству былъ честолюбиваго и гордаго нрава; онъ хорошо видѣлъ, что ему въ средѣ Православнаго общества трудно будетъ занять видное мѣсто и быть передовымъ между своими единовѣрцами, тогда какъ по переходѣ въ Расколъ достичь этого могъ онъ легко. И въ 1771 годъ Ковылинъ съумѣлъ воспользоваться несчастіемъ однихъ въ пользу своего Ѳеодосіевскаго общества. Во время моровой язвы Ѳеодосіевцамъ суждено было завести свое общежительство въ Москвѣ, извѣстное нынѣ подъ именемъ Преображенскаго Кладбища, которое и сдѣлалось главнымъ средоточіемъ и разсадникомъ ихъ согласія. Мы не будемъ здѣсь входить въ подробности этого кладбища, а укажемъ лишь на одни права къ существованію этой обители Ѳеодосіевцевъ.

Вотъ начало къ основанію сего кладбища:

«1771 года, Сентября 7-го дня, мы, ниже подписавшіеся, въ означенномъ отъ насъ противъ Преображенскаго въ земляномъ валу мѣстѣ для содержанія больныхъ больницу построимъ, съ тѣмъ, что какъ для караула и смотрѣнія за больными, такъ равно и вывозу во оную заболѣвшихъ изъ домовъ, людей надежныхъ довольное число опредѣлимъ, и тѣхъ больныхъ и помянутыхъ опредѣленнымъ снабжать платьемъ, обувью и довольною пищею содержать будемъ сами, а если сего исполнять не будемъ, то подвергаемъ себя, чему будемъ по законамъ достойны, въ чемъ и подписуемся.» (см. «Сборникъ для исторіи Старооб.,» т. 1, стр. 80). Слѣдовательно, основаніе Преображенской больницы съ ея кладбищемъ, по видимости, въ правительственной бумагѣ, казалось учрежденіемъ благонамѣреннымъ, человѣчнымъ; такъ это поняло и само Правительство. Но, вмѣсто того, чтобы открыть времен-

ный карантинъ внѣ Москвы, Ѳеодосіевцы ловко воспользовались общимъ бѣдствіемъ жителей города Москвы, въ ущербъ какъ самому управленію края, такъ и гражданъ столицы.

Вся исторія Преображенскаго кладбища наполнена грустными событіями. За стѣнами Преображенскаго карантина Ѳеодосіевцы основали нѣчто въ родѣ своей обители, гдѣ проживало въ прежнее время до двухъ тысячъ обоего пола людей, пришлыхъ изъ разныхъ странъ и Богъ вѣсть какого званія; дѣла же каждаго Преображенца въ глазахъ Правительства замаскированы были благотворительнымъ основаніемъ ихъ больницы, хотя на самомъ дѣлѣ больныхъ тамъ находилось едва ли сотая часть. За карантинною стѣною обитали люди, одни укрывавшіеся отъ преслѣдованія закона и управленія края за свои проступки и преступленія, другіе же стекались сюда изо всей обширной Россіи, какъ къ сборному мѣсту, отдавая отчетъ старшинамъ кладбища въ удачахъ, или неудачахъ, распространенія Ѳеодосіевскаго Согласія между Православными. Какъ могла въ столицѣ держаться подобная Раскольничья Безпоповская обитель? Очевидно, происки и старанія Ильи Ковылина съ своими старшинами одѣлали столичное управленіе равнодушнымъ къ ихъ «процвѣтанію» и успѣхамъ въ пріобрѣтеніи себѣ новыхъ послѣдователей. Со дня основанія этого кладбища, 1771 года, въ какіе ни будь десятки лѣтъ прибыло послѣдователей ихъ Ѳеодосіевскаго Согласія въ нѣсколько сотъ болѣе, нежели сколько ихъ было отъ основанія, въ 1695 году, т. е., въ теченіе около ста лѣтъ. Какая же въ самомъ дѣлѣ была на это особая причина такого успѣха, быстраго увеличенія и возвышенія во всей Россіи Раскольниковъ Ѳеодосіевцевъ? Особаго дара краснорѣчія ихъ представитель, Илья Алексѣевъ, судя по его сочиненіямъ и письмамъ, не имѣлъ, да даже былъ посредственнымъ послѣдователемъ, не отличавшимся нравственной чистотой, согласно ученію ихъ. Между тѣмъ основаніе карантина и кладбища подняло Ѳеодосіевцевъ. Съ основанія обители, Ковылинъ болѣе всего старался объ упроченіи своего согласія, заботясь устроить его, какъ разсадникъ на долго и долго; однако же, при всемъ расположеніи къ нему тогдашняго мѣстнаго управленія, высшая власть не могла дать имъ подобнаго права, и прошенія его оставались безъ послѣдствія: она глядѣла на нихъ, такъ сказать, сквозь пальцы. Тогда Ковылинъ съ своими стар-

шинами задумалъ нѣчто другое. Онъ прибѣгнулъ къ обычной Раскольничьей хитрости. Основанное имъ карантинное кладбище, что въ Преображенскомъ, для видимости въ своемъ прошеніи и планѣ, облекъ въ человѣколюбивое учрежденіе—въ богадѣленный домъ, «желая (въономъ) доставить призрѣніе безпокровнымъ старцамъ и бѣднымъ сиротамъ своего общества,» и съ этѣмъ замѣчательнымъ прошеніемъ отправился изъ Москвы въ С.-Петербургъ отъ Ѳеодосіевской общины къ подачѣ Государю Императору, Александру Павловичу. Это было въ 1808 году. Читатели прочтутъ ниже въ подлинникѣ какъ самое прошеніе Ковылина, такъ и его «планъ или изъяснительное начертаніе мѣстнаго положенія и внутренняго распорядка Богодѣленнаго дома съ больницами,» т. е., ихъ Преображенской Ѳеодосіевской обители. Какъ изъ прошенія, такъ и изъ самаго плана Ковылина, читатель увидитъ цѣль учрежденія Преображенскаго Богодѣленнаго дома, основаннаго на благотворительныхъ побужденіяхъ; но дѣло въ томъ, что въ этотъ благой домъ попасть можно было только тѣмъ, кто перешелъ изъ Православія въ Расколъ, или же принадлежитъ къ Ѳеодосіевскому Толку.

Въ дополненіе или, такъ сказать, къ объясненію прошенія и плана Ковылина, укажемъ еще на одинъ, также не менѣе замѣчательный, документъ, тѣсно связанный съ помянутымъ прошеніемъ: разумѣемъ «Циркулярное разсмотрѣніе, написанное собственноручно Ильею Алексѣевымъ.

Августѣйшій Монархъ,

Всемилостивѣйшій Государь! *

Московскіе Старообрядцы, желая доставить призрѣніе безпокровнымъ, старымъ и бѣднымъ, сиротамъ своего общества, приняли намѣреніе соорудить богадѣленный домъ и, повергая чрезъ меня планъ содержанія ихъ къ престолу Вашего Императорскаго Величества, всеподданнѣйше просятъ утвердить оный своимъ Высочайшимъ именемъ.

---

* Подано Князю Куракину.

Я почитаю себя щастливымъ въ преклонности дней моихъ, которые Богу угодно было продлить, чтобы я ходатайствовалъ у Монарха отца о дѣлѣ, столь пріятномъ его чадолюбивому сердцу и столь полезномъ для безпомощнаго человѣчества.

Всемилостивѣйшій Государь,

Вашего Императорскаго Величества

всеподданнѣйшій

Илья Ковылинъ.

23-го Декабря, 1808 г.

IX.

ПЛАНЪ ИЛИ ИЗЪЯСНИТЕЛЬНОЕ НАЧЕРТАНІЕ МѢСТНАГО ПОЛОЖЕНІЯ И ВНУТРЕННЯГО РАСПОРЯДКА БОГАДѢЛЕННАГО ДОМА СЪ БОЛЬНИЦАМИ, МОСКОВСКИМЪ СТАРООБРЯДЧЕСКИМЪ ОБЩЕСТВОМЪ ПОСТРОЕННАГО.

Во времена премудраго и милосердаго царствованія вѣчно достойной памяти покойной Государыни Императрицы, Екатерины Алексѣевны Вторыя, дозволено имѣть Старообрядческому обществу особое для себя кладбище.

Губернское Начальство подъ сію позволительность отвело мѣсто за чертою города, между Преображенской и Семеновской заставъ, по обѣ стороны Каммеръ-Коллежскаго вала, на пустопорожней и ни на что неудобной землѣ, городу принадлежащей. Въ слѣдъ того, время и необходимость требовали на томъ же самомъ мѣстѣ еще построить богадѣльни и больницы, къ призрѣнію и успокоенію изъ таковыхъ же Старообрядцевъ престарѣлыхъ и болящихъ да малолѣтныхъ осиротѣвшихъ, * а для приношенія молитвъ Всемогущему Богу, по правиламъ старопе-

---

* Такъ называемыхъ воспитанниковъ Ильи Алексѣева Ковылина.

чатныхъ книгъ, * соорудить часовню. Общество испрашивало на сіе дозволеніе, что Начальство и позволило.

37-й годъ кладбище, богадѣльни и больницы существуя послѣднія помѣщали въ себѣ болѣе 800 человѣкъ обоего пола, которые, по неимуществу ихъ и болѣзнямъ, питались, призирались и всѣмъ нужнымъ снабдѣвались, единымъ иждивеніемъ общества Старообрядческаго. А образъ правилъ жизни ихъ всегда состоялъ въ совершенной тишинѣ и согласіи и при безпрестанномъ занятіи въ приношеніи усердныхъ молитвъ Создателю міра, никогда и ни какихъ безпокойствъ и жалобъ до Начальства не доходило. (1) Но наконецъ

Давность времени довела строеніе богадѣленъ и больницъ до совершенной ветхости, и общество, предусматривая неминуемое паденіе ихъ, сострадая о сиротствѣ и убожествѣ лишающимся спокойнаго и надежнаго пристанища, возревновавъ усердіемъ о толико богоугодномъ дѣлѣ, составило добровольною складкою сумму и, съ дозволенія мѣстнаго Начальства, построило вновь каменныя богадѣльни и больницы, въ двухъ отдѣленіяхъ расположенныя, употребя на оное капиталу до 200,000 рублей.

Изъ сихъ отдѣленіевъ первое заключаетъ престарѣлыхъ увѣчныхъ мужеской полъ; въ срединѣ онаго воздвигнуто зданіе для повседневнаго приношенія молитвъ, и о двухъ жильяхъ корпусъ на помѣщеніе богадѣленныхъ жительствомъ, при немъ общественная трапеза о двухъ жильяхъ съ двумя проспектами, шесть корпусовъ деревянныхъ къ призрѣнію и успокоенію болящихъ и увѣчныхъ, не только изъ водворенныхъ тутъ на всегда, но и приходящихъ въ Москву времянно, разныхъ мастеровыхъ, ни родства, ни пристанища, не имѣющихъ, какъ-то: каменщиковъ, штукатуровъ, плотниковъ и другихъ, имъ подобныхъ, ** которые въ про-

* На самомъ же дѣлѣ Преображенцы изъ семи Таинствъ Православной Церкви оставили только два, крещеніе и покаяніе, къ чему, разумѣется, старопечатныя богослужебныя книги отнюдь не уполномочивали.

** Этѣ люди были мастеровые изъ Безпоповщинскаго Толка, принадлежавшіе къ

долженіе болѣзней пользуются и во всемъ нужномъ снабдѣваются безъ всякой платы, а умершіе и похороняются на щетъ общественной суммы. Оное отдѣленіе обнесено каменною стѣною, длиною 100, шириною 56, саженъ, въ вышину 7½ аршинъ, по угламъ 4 башни.

Второе отдѣленіе вмѣщаетъ женской полъ и малолѣтнихъ сиротъ обоего пола, и оное кругомъ также обнесено каменною стѣною, длиною 113, широною 65-ть, саженъ, въ вышину 7 арш., по угламъ тожъ 4 башни, въ срединѣ 5 корпусовъ каменныхъ о двухъ жильяхъ, изъ коихъ три занимаютъ престарѣлые и увѣчные, а четвертый больные и движенія * не имущіе, въ пятомъ воспитываются малолѣтные со отдѣленіемъ мужеска отъ женска пола особо. При каждомъ корпусѣ особый покой для вседневнаго приношенія молитвы Всемогущему Богу, а на помѣщеніе годоваго запаса выстроены кладовые, анбары, погреба, кухни и все нужное. Къ точному жъ и совершенному усмотрѣнію въ обоихъ отдѣленіяхъ расположенія, подносятся у сего особый планъ и фасадъ.

Основавъ и учредя такимъ образомъ богадѣльни и больницы, Старообрядческое общество полагаетъ за необходимость исходатайствовать имъ, на предыдущее время въ непоколебимой существенности, прочную безопасность и утвержденіе, и для того предпринимаетъ.

Когда всѣ роды состоянія людей, живущихъ нынѣ подъ премудрою и кроткою державою милосердаго и человѣколюбиваго Монарха, наслаждаются благоденствіемъ, спокойствіемъ и безопасностію, то, пріемля сіе твердымъ оплотомъ, ласкаетъ себя

Ѳеодосіевскому Согласію; имъ предназначалось для того Преображенское кладбище, чтобы этѣ мастеровые не имѣли сообщенія съ иновѣрными, ради чистоты своего Ѳеодосіевскаго Толка.

* Ковылинъ не счелъ нужнымъ сказать, что престарѣлыхъ и увѣчныхъ едва ли была 10-я часть, люди же находились на кладбищѣ почти что всѣ молодые, движеніе имущіе, какъ мужской, такъ и женскій, полъ.

(надеждою) и Старообрядческое общество, да изліется и на нихъ великая милость Его Императорскаго Величества и дозволено будетъ ввести и учредить слѣдующія правила:

1-е. Выше упомянутымъ, вновь построеннымъ, богадѣльнямъ и больницамъ остаться и быть на вѣковѣчныя времена въ настоящемъ ихъ положеніи и Всемилостивѣйше дозволить, по мѣстному ихъ состоянію, нынѣ и впредь, именоваться: Преображенской богадѣленной домъ, въ пользу старообрядцевъ учрежденный. Сей даръ Высокомонаршей милости вознесутъ они торжественно къ престолу Вышняго, прольютъ въ храмѣ Его слезы обѣтомъ радости, и прославятъ Всеавгустѣйшее имя Его всюды, оставя то будущимъ по нихъ. *

2-е. По таковомъ Всемилостивѣйшемъ дозволеніи, Старообрядческое общество усугубитъ подвиги свои искреннимъ соревнованіемъ, ** потщится усовершенствовать основаніе, стараясь всемѣрно снабдѣвать и покоить водворенныхъ безъ недостатку, не требуя ни отъ кого ни какихъ пособій, а при томъ и содержать ихъ будетъ въ полномъ согласіи и свойственномъ состоянію ихъ смиреніи.

3-е. Въ предметѣ сего заведенія общество не имѣетъ ни какихъ другихъ видовъ, кромѣ единаго, душевнаго и истинаго желанія, принявъ съ благоговѣніемъ Всемилостивѣйшее дозволеніе, отправлять безпрепятственно богослуженіе по древнимъ Святыхъ отецъ правиламъ и уставамъ (!?), изображеннымъ въ старопечатныхъ книгахъ, и дать неимущимъ изъ собратіи своей надежное пристанище; а для того всеподданнѣйше и просимъ не подчинять во внутренности богадѣленной домъ во всѣхъ до него отно-

---

* Чѣмъ же за благоволеніе человѣколюбиваго Монарха послѣдователи Ковылинскаго Толка отплатили? Вмѣсто теплыхъ молитвъ за Августѣйшее имя, они вездѣ вычеркнули слова «Царю,» или «Государю,» и замѣнили словами «рабомъ.» Явная была ложь: заявленное обѣщаніе и требованіе Ковылина не исполнено ни на одну іоту противу его плана и прошенія, поданнаго Государю.

** Совращать, т. е., въ свое Согласіе прочихъ.

шеніяхъ ни какому надзору и отчету властямъ духовнымъ, кромѣ единыхъ внѣшнихъ повинностей, вѣдомству Управы Благочинія или Полиціи, поводомъ къ чему не есть неповиновеніе, или противныя законамъ введенія, но единое только то, что всякая новость въ подчиненіи сихъ людей особому начальству, по привычкѣ ихъ всегда повиноваться избраннымъ изъ среды себя старѣйшинамъ и въ дѣлахъ, въ особенности до душевнаго благочестія относящихся, можетъ въ непоколебимое въ сердцахъ ихъ усердіе къ Вѣрѣ поселить несогласіе и довести наконецъ до совершенной растройки. *

4-е. Прежнему, не менѣе 37 лѣтъ учрежденному, кладбищу съ часовнею, яко единому прибѣжищу Старообрядческаго общества, къ повседневному приношенію молитвенной жертвы, гдѣ и прахъ предковъ ихъ сохраняется, съ надлежащимъ по долгу Христіанскому поминовеніемъ, дозволить остаться и быть, совокупно со вновь построеннымъ домомъ, подъ тѣмъ же наименованіемъ и на одинаковыхъ правахъ навсегда непоколебимо.

5-е. Числа людей къ принятію во обитель не ограничивать, ** а составляется оно по усмотрѣнію избранныхъ Попечителей и по мѣрѣ капитала и способовъ на содержаніе, могущихъ принимать на прежнемъ основаніи извѣстныхъ людей и съ указными видами, давая знать о каждомъ вновь принятомъ Частному Приставу. ***

6-е. Малолѣтныя сироты, на воспитаніе принимаемыя, до семнадцатилѣтняго возраста должны воспитываться въ свободности, **** но не быть праздными, а обучаться Славенской грамотѣ и писать, а по способности упражняться въ рукодѣліяхъ, посредствомъ ко-

* Не велика бы отъ того бѣда была для всѣхъ Православныхъ.

** Чтобъ тѣмъ удобнѣе распоряжаться по своему усмотрѣнію.

*** Что на дѣлѣ не исполнялось.

**** То есть, въ духѣ своего Согласія.

нихъ въ возрастѣ могли бъ снискивать себѣ пропитаніе, а по пришествіи въ семнадцать лѣтъ, по даннымъ отъ Попечителей дозволеніямъ и атестатамъ, могутъ избирать родъ жизни, какой сами похотятъ, на пользу собственную и общественную, и, вмѣстѣ со вступленіемъ въ званіе, исключаются изъ обители; а если застанетъ новая ревизская перепись, въ то время всѣхъ вписать во оную подъ названіемъ воспитанниковъ Старообрядческихъ, и общество обязывается платить за нихъ всѣ подати мѣщанскія дотолѣ, доколѣ кто пребудетъ въ воспитанникахъ, при выходѣ жъ и при избраніи новаго рода жизни, пріемлютъ весь платежъ на себя сами, и общество за нихъ не отвѣчаетъ.

7-е. Для всѣхъ, по сему богадѣленному дому съ часовнею и кладбищемъ, распоряженій и попеченій и для исполненія, по важности, полицейскихъ повинностей дозволить обществу, какъ нынѣ, при самомъ началѣ учрежденія, такъ и впредь, въ свобободности всегда выбирать изъ среды себя Попечителей, и дать имъ, за подписаніемъ своимъ, уполномоченное довѣріе.

8-е. Избранные Попечители, по праву, данному имъ съ полномочіемъ довѣрія, безпрепятственно могутъ именемъ своимъ имѣть ходатайство по всѣмъ Присутственнымъ Мѣстамъ и по всѣмъ дѣламъ, относящимся до богадѣленнаго дома и стараго кладбища съ часовней, и по сей же части о пользѣ цѣлаго общества. *

9-е. Сіи жъ Попечители имѣютъ въ вѣдѣніи своемъ весь приходъ и расходъ денежной суммѣ и другимъ вещамъ, на содержаніе богадѣленнаго дома поступать имѣющимъ, и во всемъ томъ ни кому другому отчетомъ ихъ не подчинять, кромѣ общества Старообрядческаго, на каковой предметъ и получить отъ него особое наставленіе. **

10-е. Для внутренняго распоряженія въ богадѣленномъ домѣ относительно продовольствія богадѣленныхъ, распорядка и надзора

* Не дурно и сіе право для Ѳеодосіевскаго Согласія.

** Еще бы!

между ими, заготовленія и сохраненія жизненныхъ и прочихъ припасовъ, присмотра за чистотою въ домѣ и въ прочемъ къ економіи относящемся, общество избираетъ Казначея и Економа, и вновь то возложитъ и препоручитъ имъ, на что и снабдитъ ихъ наставленіями.

11-е. До настоящаго времени всегда содержались богадѣленные единымъ подаяніемъ деньгами и запасомъ отъ общества Старообрядческаго, и никогда ни въ чемъ недостатку не имѣли; а нынѣ пріумножившееся знатно капитальное строеніе и по мѣрѣ онаго прибавившаяся обитель требуетъ и издержекъ съ большимъ превосходствомъ, по чему и подаянія достаточно быть не можетъ; но къ наполненію сего надостатка есть много изъ собратій таковыхъ ревнителей, которые не щадятъ своего имѣнія и усердно даютъ вклады, чему примѣромъ поставляется Московскій купецъ Илья Ковылинъ, который по душевному благочестію, по всегдашнему и неусыпному попеченію о призрѣніи, по успокоенію сиротства и убожества, будучи самъ въ глубокой старости, жертвуетъ благопріобрѣтеннымъ своимъ, движимымъ и недвижимымъ, имѣніемъ, и по смерти своей въ пользу богадѣленнаго дома предоставляетъ въ вѣчность каменный домъ, состоящій въ Семеновской слободѣ, со всѣми службами, съ каменною суконною фабрикою, съ кирпичнымъ и гончарнымъ заводами и съ землею, и все безъ остатку движимое имѣніе, состоящее въ священныхъ книгахъ, Святыхъ иконахъ и въ прочемъ, стоющее болѣе 50 тысячъ рублей, а доходу въ годъ приносящее до 6000 р. Сей поводъ и предупомянутая необходимость побуждаютъ общество всеподаннѣйше испрашивать Высокомонаршаго соизволенія ввести и учредить слѣдующія правила:

12-е. Назначенную купцомъ Ковылинымъ вкладу повелѣть утвердить законнымъ порядкомъ въ принадлежность, по смерти его, къ богадѣленному дому, а въ послѣдствіи за тѣмъ всегда и безпрепятственно принимать и отъ прочихъ вкладчиковъ, какъ то: домы, лавки, фабрики, земли и прочія, подобныя тому, заведенія, принадлежащія вкладчикамъ, въ единую собственность, которыми въ правѣ они, бывъ первыми пріобрѣтателями, по силѣ Всемилостивѣйше пожалованной городамъ грамоты 88-й статьи, свободно

распоряжать, отдавать и завѣщать, кому заблагоразсудятъ. На семъ законномъ основаніи брать отъ нихъ крѣпостные акты, съ точнымъ въ нихъ означеніемъ принадлежности Преображенскому богадѣльному дому, въ пользу Старообрядцевъ учрежденному.

13-е. Всѣми таковыми вкладами управлять и распоряжать избраннымъ отъ общества Попечителямъ, съ дозволеніемъ въ наемъ ли что погодно, или въ аренду на нѣсколько лѣтъ, по законнымъ условіямъ и договорамъ, отдавать, или, смотря по обстоятельствамъ, если что изъ вклады для пользы дома будетъ излишне и невыгодно, съ согласія общества, получивъ особую довѣренность, ту часть продать, или на время въ залогъ отдать, совершая въ томъ и другомъ случаяхъ купчія и закладныя въ надлежащихъ Присутственныхъ Мѣстахъ.

14-е. Когда, за расходами, составится изъ доходовъ въ наличности капиталъ, то, не оставляя его праздньмъ и безъ обороту, позволить Попечителямъ весь, или часть онаго, по ихъ разсмотрѣнію, обратить въ торговую коммерцію, и, по ихъ въ томъ попеченію и распоряженію, остается на ихъ собственномъ отчетѣ, а по тому и могутъ они ввѣрять суму въ посторонніи руки, но не иначе, какъ извѣстнымъ капиталистамъ и достойнымъ вѣроятія людямъ, со взятьемъ отъ нихъ законныхъ письменныхъ актовъ, и, сверхъ того, для вящей предосторожности, брать вѣрныхъ поручителей, или благонадежные залоги.

15-е. Во всѣхъ выше упомянутыхъ распоряженіяхъ, равномѣрно и въ суммѣ денежной о приходахъ и расходахъ, не подчинять общество отчетомъ ни какому другому начальству, кромѣ единой собственной ревизіи общества.

16-е. На случай Высочайшей конфирмаціи о введеніи прописаннаго учрежденія въ настоящую силу и дѣйствіе, общество единодушнымъ согласіемъ своимъ избрало заблаговременно въ Попечители Московскихъ купцовъ, людей, исполненныхъ Христіанскимъ благочестіемъ, извѣстныхъ въ честности и истинной справедливости, а не меньше того отлично ревностію приверженныхъ о возстановленіи и усовершенствованіи обители, а имен-

но: Ефима Грачова, Илью Ковылина, Тимоѳея Соколова, Андрея Заикина, Алексѣя Никифорова, Федора Владычинскаго, Лаврентія Осипова. Имъ единымъ во всемъ прописанномъ исполненіи довѣряя, утверждаемъ сіе наше начертаніе общественнымъ подписаніемъ; а для поднесенія онаго на Всевысочайшее Его Императорскаго Величества усмотрѣніе и конфирмацію, препоручаемъ, въ особенности изъ нихъ одному, Московскому купцу Ильѣ Ковылину, который и имѣетъ, при всеподданнѣйшемъ прошеніи своемъ, повергнуться во оныхъ предъ сіяющимъ славою и украшеннымъ и преисполненнымъ милосердія и кротости Его Величествомъ, и съ благоговѣніемъ испрашивать на все оное всемилостивѣйшаго утвержденія.

На подлинной подписались Московскихъ купцовъ до ста человѣкъ.

X.

УКАЗЪ

ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА О ПРЕОБРАЖЕНСКОМЪ БОГАДѢЛЕННОМЪ ДОМѢ.

Господину Генералу отъ Инфантеріи, Московскому Военному Губернатору Тутольмину.

Разсмотрѣвъ планъ учрежденія богадѣленнаго дома, представленный Московскимъ купцомъ Ильею Ковылинымъ отъ имени его вѣрителей, и находя, что заведеніе сіе, на благотворительныхъ побужденіяхъ основанное, заслуживаетъ быть подъ общимъ покровительствомъ законовъ и мѣстнаго начальства, признали Мы за благо, присвоивъ ему отъ нынѣ названіе Преображенскаго Богадѣленнаго Дома, предоставивъ оному всѣ тѣ права, коими, въ распоряженіи и управленіи капиталовъ, въ пріемѣ людей съ вѣдома полиціи, * въ совершеніи законныхъ актовъ

---

* Къ сожалѣнію, распоряженіе и управленіе кладбищемъ, и самый пріемъ людей на оное, дѣлался и дѣлается безъ вѣдома Правительственныхъ Властей; что

на вклады и приношенія, въ выборѣ Попечителей и людей для управленія нужныхъ, въ защитѣ пользъ сего дома по дѣламъ суднымъ и во всѣхъ другихъ отношеніяхъ, подобныя ему частныя благотворительныя заведенія, подъ зависимостію законовъ и мѣстнаго начальства, пользуются въ Имперіи нашей.

На подлинномъ подписано собственною Его Императорскаго Величества рукою тако:

Александръ.

Контрасигнировалъ К. Алексѣй Куракинъ.

На копіи тако:

Вѣрно. Князь Алексѣй Куракинъ.

XI.

РАЗСМОТРѢНІЕ

ИЛЬИ АЛЕКСѢЕВА КОВЫЛИНА.

Это сочиненіе Ильи Алексѣева Ковылина было доставлено имъ лично Петербургской Ѳеодосіевской общинѣ, въ бытность его тамъ въ 1808 г., слѣдовательно, въ одно и то же время съ выше упомянутымъ прошеніемъ. Изъ этого «Разсмотрѣнія» мы видимъ въ Ковылинѣ хитраго дѣльца. Въ прошеніи своемъ къ Императору Александру 1-му, при коемъ представленъ планъ Преображенскаго Богодѣленнаго Дома, онъ прикинулся смиреннымъ Старовѣромъ, между тѣмъ какъ на самомъ дѣлѣ съ своими онъ былъ вполнѣ деспотъ. Это деспотство разительно высказался противъ новоженовъ, от-

---

же было писано Ковылинымъ въ прошеніи, какъ на учрежденіе богодѣленнаго дома, то это обычный пріемъ Безпоповца Ковылина, сдѣланный лишь только для Власти предержащей.» Это примѣчаніе находится на подлинникѣ, съ котораго мы печатаемъ этѣ документы.

павшихъ отъ Ѳеодосіевскаго Толка, когда они, по ученію Петра Ѳедорова Стародубскаго, рѣшились избрать каждый по одной сожительницѣ. Илья не допустилъ этого, и лучше рѣшился перенести раздвоеніе своего Толка, чѣмъ уступить отщепенцамъ. Въ предлагаемомъ ниже сочиненіи Ковылина, подъ заглавіемъ: «Разсмотрѣніе,» онъ говоритъ: «Конецъ вѣка сего приближается, а вы создаете тайнѣ вѣчныя кущи» (т. е., продолженіе рода. Врагъ какъ бы всталъ уже, строя свои ковы противъ намѣреній Божіихъ) Вы позабыли Писаніе, что пишетъ: «въ осьмомъ вѣкѣ кончина вѣку будетъ; а у васъ и на умѣ нѣтъ.» За тѣмъ назидаетъ онъ новоженовъ, что если спросилъ бы ихъ кто онъ ихъ безбрачіи, то они должны отвѣчать: «нынѣ послѣднее время плачевное: на что твердые домы? Ждемъ внезапно пришествія Христова.» Далѣе онъ продолжаетъ: «много бы должно васъ отъ Писанія доводами обличать (т. е., за браки), но вы, видно, ослѣпли и оглохли: ни отвѣту, ни совѣту, ни чего нѣту. Старость меня не допущаетъ»... Упрямый еретикъ, онъ рѣшительно, вопреки прежнимъ своимъ убѣжденіямъ (смотр. его «Исповѣданіе» 1772 г.), запретилъ и отвергъ окончательно Ѳеодосіевскихъ новоженовъ отъ Преображенскаго кладбища. Въ подкрѣпленіе своего ученія испестрилъ онъ свое «Разсмотрѣніе» не сотвѣтственными вопросу текстами Св. Писанія.

Въ этомъ его сочиненіи виденъ грубый подражатель Протопопу Аввакуму, дошедшему до крайняго безстыдства, всегда составлявшаго отличительную черту въ словесности Ильи Алексѣева.

Ковылинъ утверждалъ предъ своими, что настали послѣдніе дни міра, говоря: «на что твердые домы?» Для чего же въ то самое время подавалъ онъ прошеніе своему Государю объ учрежденіи яко бы Богадѣленнаго Дома «на вѣчныя времена?» Изъ этого можно видѣть, что онъ дѣлалъ одно, а училъ свою Преображенскую общину другому. Вотъ примѣръ того, какъ сходны бываютъ слова подобныхъ Ковылину учителей съ ихъ завѣтными убѣжденіями. Вѣдь въ прошеніи и планѣ Ковылина выражены не болѣе, какъ его гражданскія думы...

РАЗСМОТРѢНІЕ,

КТО ОТЪ СОТВОРЕННОЙ ТВАРИ ПАЧЕ ВСѢХЪ СОГРѢШИ, НА НЕБЕСИ И НА ЗЕМЛИ.

ГЛАВА I.

Первое согрѣши Архангелъ, онъ же и Денница, то есть, свѣтъ. Зри, учители прежде согрѣшаютъ. Вознесеся сердце его, восхотѣ Царь быти, и не бысть; возгордѣся, и не покаялся; за то сверженъ съ небеси на землю. Изъ Архангела бысть діаволъ, изъ свѣта тьма; зри, учителя санъ имѣя, пишетъ: «да просвѣтится свѣтъ вашъ предъ человѣки,» и прочая.

ГЛАВА II.

Адамъ былъ въ раю, и восхотѣ быти Богомъ, и не бысть; за то изъ рая изгнанъ бысть; и бысть сотворенъ по образу Божію и по подобію, и изъ образа Божія преложися въ діавола, * и изъ подобія Божія въ скотину; пишетъ: «Въ чести сый человѣкъ не разумѣ, приложися скотомъ несмысленнымъ, и уподобися имъ, ** и той въ скотскомъ нравѣ не разумѣ покаянія, аки скотъ. ***

ГЛАВА III.

До потопа согрѣшиша прелюбодѣяніемъ и кровосмѣшеніемъ, **** и не покаяхуся человѣцы, за то и погибоша, яко скоти, не разумѣша чистоту покаянія, но смѣяхуся Ною, учащему покаятися Богу и отъ грѣха отстати; и Апостолъ всѣхъ блудниковъ скоту уподобляетъ, а за неотстатіе отъ грѣха — діаволу. *****

---

* Св. Писаніе отнюдь не дозволяетъ сказать сего, а попеченіе Божіе о падшемъ человѣкѣ даже и мысль такую гонитъ прочь. «Вражду положу, сказалъ Господь искусителю, между тобою и между женою.» и проч. (Быт. 3, 15).

** Псал. 48, 13.

*** Уважающій сколько ни будь Древлеправославную Церковь и Писанія Св. Отецъ ея побоялся бы сказать это.

**** Какое кровосмѣшеніе разумѣетъ Илья Ковылинъ?

***** По чему же не привелъ здѣсь свидѣтельства изъ Писанія?

ГЛАВА IV.

Содомляне согрѣшиша прелюбодѣяніемъ Содомски, со женами и дѣтьми своими, за то и погибоша, понеже Лотъ обличаше ихъ, дабы покаялися; но они покаяніе отлагаху, а Лоту прещаху, дабы не училъ ихъ яко пришлецъ есть, но ихъ бы волѣ последовалъ; но Лотъ не послуша ихъ, аще и прещаху ему: аще и самъ мучимъ бѣ совѣстію, но неодолимъ бѣ, аки воинъ боряся внутрь и внѣ, Бога въ разумѣ имѣя, аки стѣну тверду: ни прещеніе отъ Содомлянъ не устраши Лота: аки млатъ на наковалнѣ не разби, ниже мало убояся.

ГЛАВА V.

Язычники и Еллины согрѣшиша, отъ Бога по долгомъ времени заблудиша, идола вмѣсто Бога почитаху и кланяхуся, а діаволу аки Богу не кланяхуся, и сотворенной твари аки Богу кланяхуся, но и проклинаху діавола и отрицахуся его,* но чрезъ идола пріимаху его.

ГЛАВА VI.

Жидове многа отъ Бога заблуждаху, и на Бога роптаху, и идола Богомъ называху и кланяхуся; а очевидно, или зная, что въ идолѣ живетъ діаволъ, сихъ идоловъ не почитаху, и въ Писаніи сего не зрится; по тому и Богъ ихъ миловалъ и помогалъ имъ во бранѣхъ, и (егда) они паки къ Богу обращалися, и прочая.

ГЛАВА VII.

Вси еретицы о Бозѣ и законѣ суетно по своей страсти мудрствовали, по діаволю наученію, а діавола Богомъ не именоваху, ниже по вѣдѣнію кланяхуся, или бы отъ діавола какую явно зная тайну приняли, или для чего бы ему покланялися;** но паче

---

* Гдѣ, отколѣ, видно это?

** Были примѣры отступленія

нѣцыи и мучились отъ еретиковъ за имя Божіе и за законъ. * И при Антихристѣ сіе будетъ; пишетъ: «Аще кто и мучится, не вѣнчается, аще не законно (мученъ будетъ).»

ГЛАВА VIII.

Отступники закона Божія отступаху, а не Бога, ** а Бога проповѣдаху, яко же о Римскомъ Папѣ пишетъ Андрей Кесарійскій, толкователь Апокалипсиса, пресквернымъ его именуетъ, что онъ и отступныхъ Римлянъ Антихристу въ поклоненіе діаволу приведетъ, аки Богу поклонитися. Зри, отступники по вѣдѣнію діаволу не кланяются. ***

ГЛАВА IX.

Антихристъ, Богу противникъ, си есть діаволъ, въ послѣднія дни пріидетъ и изберетъ сосудъ себѣ, человѣка, еговѣ злобѣ, и внидетъ самъ сатана начальникъ въ него и чрезъ сосудъ, то есть, человѣка, дѣйствовать будетъ, и подъ именемъ Спасителя, самому діаволу въ поклоненіе приводить будетъ, симъ подобіемъ чрезъ писаніе и въ церквахъ сядетъ, и будетъ аки истинный Богъ, а истиннаго Бога не истиннымъ называть будетъ. И мерзость запустѣнія станетъ на мѣстѣ святѣ, то есть, судно противника; чрезъ сіе судно вся дѣйствія сатаны совершатися будутъ. Сему образъ Максимиліанъ и Діоклитіанъ мучители и гонители Христіанъ.

---

* За какой же Божій законъ мучилися, когда законъ Вѣры Божіей, какъ еретики, развращали и погибельную ложь сѣяли между людьми?

** Кто отступаетъ отъ законовъ царства и не пріемлетъ законовъ Владыки Царства въ той силѣ, въ какой издаетъ ихъ Царская власть, можетъ ли по самой правдѣ быть признаваемъ подданнымъ отого Царя? Когда очевидно нарушаетъ его волю, не поддается Царю, можетъ ли по тому быть считаемъ сыномъ Царства сего Царя, и, напротивъ, не долженъ ли быть признаваемъ отступникомъ отъ Царства и Царя?

*** Исторія Церкви, однако, указываетъ случаи и прискорбнаго самопреданія Сатанѣ.

ГЛАВА X.

Аще и многія страны отъ Бога по вѣрованію заблудиша, и паки идоломъ кланяются, а въ разумѣ и по вѣдѣнію не кланяются, ни по нуждѣ, но тварь идолы почитаху и обоготворяху. *

ГЛАВА XI.

При Антихристѣ отступники тоже по заблужденію, растлѣннаго житія ради, Антихристу по невѣдѣнію поклоняются; ** пишетъ объ нихъ: «понеже сами тако человѣцы восхотѣша Бога отступити, а непріязнь пріяти;» зри, по слабости, *** Златоустъ пишетъ: «Аще бы и Антихристъ не пришелъ, уже бы человѣцы не вѣровали истинному Богу, за слабость житія ихъ.» ****

ГЛАВА XII.

А кои поклоняются Антихристу по вѣдѣнію, аки Богу, о тѣхъ пишетъ Апостолъ и совѣтуетъ имъ: «лучше бы имъ путь истинной не познать, нежели, познавши, обращаться вспять отъ преданныя имъ святыязапо вѣди.» ***** И Ефремъ Святый пишетъ объ нихъ: «Видя лице мучителя, и волею вѣровавше, ни какой милости не суть достойны.»

---

* Таково бываетъ иногда состояніе самыхъ разумовъ и вѣдѣнія, что самый разумъ ставятъ выше всего и обоготворяютъ его также, какъ древле обоготворяли страсти сердечныя и тѣлесныя.

** Одна буква *ю* чинитъ большую разницу въ семъ словѣ; между тѣмъ сказываютъ, что сочинитель вѣритъ въ пришедшаго уже Антихриста и видимо царствующаго. Сличите эту главу съ XII-й.

*** Нѣтъ, не по слабости уже, а за противленіе истинѣ, за самохотное нежеланіе знать и любить ее, и за соблаговоленіе къ неправдѣ.

**** Есть слабость, граничащая съ духовною смертію, когда, на примѣръ, живутъ въ противоположномъ направленіи: «Се же есть животъ вѣчный, да знаютъ тебе, единаго истиннаго Бога, и его же послалъ еси, Іисуса Христа» (Іоан. 17, 3).

***** 2 Петр. 2, 21, такъ: «Лучше бо бѣ имъ не познати пути правды, нежели познавшимъ возвратитися вспять отъ преданныя имъ святыя заповѣди.»

ГЛАВА XIII.

Преидохомъ седмь вѣковъ, и пріидохомъ въ осьмый вѣкъ, въ немъ же глаголетъ быть пришествію Христову. Пишетъ: «Осьмая тысяща будущаго вѣка покой. И въ ней пріидетъ Антихристъ, предваритъ пришествіе Христово. И Антихристъ приведетъ человѣка самому діаволу въ поклоненіе.» Зри и узнавай явно поклонниковъ діавольскихъ,* кои, узнавъ Антихриста, и убоятся противника, и ко истинному Богу притекутъ, и повѣруютъ въ него и во Іисуса Христа, и въ его крестятся,** и по времени восхотѣша блуда; и паки по вѣдѣнію отступятъ отъ Бога, и противнику кланяются: очевидно, да дастъ имъ жены блуда ради; пишетъ о таковыхъ: яко имя противника написано, вѣрующихъ своихъ имуще аки честно, и всюду знаменіе его обносяще, сирѣчь, тайною брака являющеся;*** а отецъ и мать съ благословеніемъ отпуща-

---

* Т. е., разумѣетъ новоженовъ и прочихъ, не гнушающихся браковъ.

** По указанію и полномочію, т. е., начальниковъ Беапоповщинскихъ, хотя бы и въ третій разъ.

*** Однимъ блуднымъ плоти разліяніемъ сочинитель ограничиваетъ растлѣніе человѣчества въ царствованіе Антихриста; но нельзя симъ признакомъ единственно ограничиваться. Прежде того, или совмѣстно съ тѣмъ, таково будетъ развращеніе, или превращеніе, въ понятіяхъ религіозно-нравственныхъ, что люди, именующіеся, пожалуй, и Христіанами, будутъ считать свѣтъ за тьму и тьму за свѣтъ. Въ образецъ можно представить написанное здѣсь Ковылинымъ. Св. Апостолъ Павелъ поставляетъ между предметами досточестными женитву, говоря не отъ себя, но Духомъ Святымъ: «Честна женитва и ложе не скверно» (Евр. 13, 4), а Ковылинъ объявляетъ женитву не только беззаконіемъ, по нѣкоторымъ страшнымъ знаменіемъ Антихристовымъ. Предъ явленіемъ Антихристовымъ ослѣпленіе сердецъ и умовъ будетъ такое, что перемѣшаются вещи въ понятіяхъ людскихъ: перенесутся возвышенныя наименованія съ вещей достойныхъ на непотребныя и недостойныя, святое будетъ объявляемо и считаемо позорнымъ, честное безчестнымъ, праведное и благочестное низкимъ, грубымъ и подлымъ. Ковылинъ, не оглядываясь на себя и не справляясь о томъ, гдѣ самъ онъ находится, объявляетъ удалившихся отъ гибельнаго согласія съ нимъ и съ его клевретами новоженовъ и другихъ, не пренебрегающихъ брачными связями и отношеніями, объявляетъ, говорю, поклонниками Антихриста, принявшими на себя печать его, слугами діавола,

ютъ, и принимаютъ, и родословіе ведутъ, и законною женою именуютъ; а писаніе о таковыхъ пишетъ: «Аще кто что отъ противника пріиметъ, то вси со зміемъ вложены будутъ во езеро огненное.» Пишетъ въ Кормчей: «На четвертой бракъ аще отецъ и мать дозволятъ, велитъ отъ Церкви отлучить, и на покаяніе не принимать, а отца и мать во всю жизнь живота ихъ, донделе отпадшее лице обратится,» сирѣчь, бракъ беззаконный расторгнется; зри, по сему и давать ни чего нельзя; пишетъ бо: «Не дадите святая псомъ;» въ Кормчей пишетъ: «Благодать крещенія продаютъ діаволу.» Какъ вы смѣете младенца крестить и имъ на поганыя руки отдавать безъ Писанія? Вы съ ума сошли! А нынѣ не токмо браки противники не расторгаютъ, но такъ во отступномъ бракѣ и въ церковь принимаютъ, и тако издыхаютъ въ мерзости отступной, и съ прелюбодѣйнымъ лицомъ подъ противниковымъ именемъ, первые отступники, и по невѣдѣнію отъ Бога отступили чрезъ Антихриста; но Андрей, толкователь Апокалипсиса, демонами и бѣсами ихъ именуетъ, тоже и Златоустъ бѣсами же ихъ называетъ; кольми паче сіи, кои по вѣдѣнію, блуда ради, отъ Бога отступаютъ, и по вѣдѣнію аки Богу кланяются противнику; а когда у нихъ противникъ Богъ, и тайну имъ онъ даетъ, то таковые поклонники горше демоновъ, а кои ихъ чистютъ, * не обратя ихъ къ Церкви и не расторгнувъ отступной бракъ, и не снявъ съ ихъ лица проказы, таковые чистители стократицею сихъ сквернѣе.

ГЛАВА XIV.

А прочихъ привелъ противникъ себѣ поклонитися муками, и самъ Богъ положи покаяніе. Даніилъ Пророкъ пишетъ: «по убіе-

и готовыми для огненнаго езера жертвами. По чему же такъ онъ опредѣляетъ? Въ высокихъ понятіяхъ о своемъ вѣдѣніи и благочестіи, забывши слова Апостола къ Христіанамъ: «Лучше есть женитися, нежели разжизатися» (1 Кор. 7, 9),» и: «блудникомъ же и прелюбодѣемъ судитъ Богъ» (Евр. 13, 4.); Гангр. Собор. Правил. 12 и 19.

* Т. е., пріобщеніе съ покаяніемъ и епитиміями, имѣя въ виду Раскольниковъ же, коихъ и ругаетъ на пропалую.

нія противника дастся время на покаяніе,» * то есть, первой разъ кои отступили по невѣдѣнію, а кои второй разъ отступили, сіи блуда ради; о сихъ Апостолъ пишетъ, и глаза у нихъ описавъ полны блуда, и блудъ въ нихъ аки дневная пища, но малое время, данное намъ на покаяніе, ихъ не удержало, не можетъ ихъ мерзкихъ устрашить; пишетъ: «Горе доящимъ и сущимъ непразднымъ; ** и паки: «Матери ихъ верху чадъ своихъ издохнутъ, и чада верху матерей своихъ умрутъ, и отецъ съ сыномъ, а мать съ дочерью, по пути охапився, и оба падутся и умрутъ;» *** а мнимые живые не воскреся и мертвыхъ чистятъ. Апостолъ о сихъ мертвыхъ пишетъ тако: «Древеса есенняя, два раза искорененная, умерша жертвою и блудомъ;» **** и Валакъ и Валаамъ симъ отступникамъ прообразованіе, а дѣлатель-противникъ, горше сихъ отступниковъ поганыхъ демоновъ я въ сотворенной твари не нашелъ во всѣхъ седми вѣкахъ.

ГЛАВА XV.

Но и еще есть: подобна два года симъ обрѣтохъ, кои не кланялися противнику по времени краткому, разумѣя послѣднее время, въ продолженіе пришествіе Христово отлагаютъ, и зря на мѣстѣ святѣ мерзость запустѣнія стоящу, убоящася лица противнаго, но по наученію еретика человѣка, именуемаго Петра (Ѳеодорова), съ его дозволенія, безъ вѣнца, вмѣсто жены, по одной держатъ, аки бы по нуждѣ, съ благословеніемъ отца и матери. А Христовы слова пренебрегаете: «Горе доящимъ,» и нынѣшнее по Ефрему плачевное время: «и отцы и матери подохнутъ и съ дѣтьми своими.» Зри, по симъ Христовымъ словесамъ противники

---

* Гдѣ же это?

** У Евангелиста Матѳея такъ (19, 24): «Горе же непраздным и доящимъ въ тыя дни.»

*** Ефремово?

**** У Апостола Іуды читается это такъ (1, 12): «Древеса есенна, безплодна, дважды умерша, искоренена.»

Христу, а помощники діаволу; зри, санъ противника на ся приняли, во укоризну и поруганіе Богу. Пишетъ: «Имущія жены, аки не имущія будутъ.» А сіи блудницу и отступницу женою именуютъ, и родословіе ведутъ; и по сему чину точные новые противники еретики.* Зрите сихъ (противныхъ) прельщенныхъ еретиковъ, противниковъ Христовыхъ, и учителя ихъ, Петра (Ѳедорова), учащаго наружно блудницъ держать, не зря на Божіе милосердіе и на краткое время, по Даніилу Пророку, данное на покаяніе намъ отъ Бога послѣднему роду человѣческому; но сіи похотники паче Содомлянъ милосердіе Божіе отвергли и блудъ паче Бога и закона Божія почли; пишетъ: «Аще бы въ Содомѣ такія силы были, покаяли бы ся;» добровольно сдѣлалися діаволу послѣдователи; тако пишетъ: «Послѣдній родъ уловленъ будетъ блудомъ,» а сій (блудъ) и прочимъ паденію виною, горѣе ** діавола уловятъ собою слабыя люди, и не хотя той же санъ противника на ся пріимутъ, яко противъ Бога восташа, по сему и сдѣлались горше преисподнихъ бѣсовъ, и по времени противники Богу, а помощники діаволу. Но и Архангелъ не худа восхотѣ, но Царь быти, за то и съ небесе сверженъ; а сіи, отступники новожены, не царства восхотѣша, — понеже Царіе суть, и чада божія, и пророцы, и Царское священство, и языкъ святъ, быша въ толикомъ украшеніи, — восхотѣша блуда скверснаго, и всю Божію, данную отъ Бога, благодать діаволу съ поклономъ относятъ, и сіи отъ земнаго неба извержены внѣ Церкви, со отцомъ своимъ, діаволомъ, понеже волю его творятъ, по Апостолу: «отданы діаволу,» и правилы Святыхъ Отецъ прокляты, и проч. Зри Іезекіиля Пророка глава 22. За клятву земля стонетъ и проч. И яко лживые Пророки въ томъ ихъ укрѣпляютъ, и не даютъ имъ встати, а они въ томъ утвердилися аки стѣна въ пустынѣ.

ГЛАВА XVI.

И еще есть чинъ: содержать наложницъ за крайнюю плоти своея похоть; но и сіе по Писанію противно, возстаютъ противъ

---

* Такъ настоятельно внѣдряется противное воззрѣніе на бракъ, и тѣмъ утверждается противленіе истинѣ.

** Успѣшнѣе.

Бога, не зрятъ на послѣднее время, и отставя страхъ Божій и день пришествія Христова, презирая Святое Писаніе; * пишетъ на послѣднее время: «Имущіи жены аки не имущіи будутъ,» для краткаго послѣдняго времени, чистымъ житіемъ провождать будутъ. Пишетъ на послѣднее время сице: «Аще палъ еси, востани!» И Царіе любятъ воина борющагося со враги, а отбѣгающаго или лежащаго, смерти предаютъ.

ГЛАВА XVII.

А сіи мнимые ваши учители не токмо ихъ не учатъ братися со врагомъ постомъ и со плотію, но и сами насыщенною плотію показуютъ себе, аки тельцы упитанные на заколенія: въ семъ тѣлѣ какъ можно плоти одолѣть? Но чистители ваши имъ научатъ, и учатъ самимъ дѣломъ, когда на блудное дѣло дозволяютъ и помогаютъ. Когда они въ проказѣ, какъ чистить можетъ и къ нему приближиться, или чистить? Зри 29-ю недѣлю Евангеліе толковое о прокаженныхъ, кои быша прообразованіе симъ прокаженнымъ. Что о семъ писать много? Сами наставники не токмо тайно, но и явно, постельницъ держатъ; какъ кто можетъ въ такой пищи и питіи блудную страсть побѣдитъ?

ГЛАВА XVIII.

Зрите на вашихъ мнимыхъ учителей, какъ они съ противникомъ крѣпко сообщились, къ противнику ** за тайной отпускаютъ, и сами даютъ, а отцы и матери благословляютъ, наставники сихъ скверныхъ отступниковъ чистютъ, и тайну крещенія *** даютъ, и

---

* Сочинитель ограждается, застѣнясь Православіемъ, но самъ-то не пріемлетъ въ среду свою Православія. Стоя противу любодѣянія, не пріемлетъ брака, между тѣмъ какъ бракъ-то и ограждаетъ отъ любодѣянія.

** Врага-противника дѣйствующимъ между новоженами представляетъ сочинитель, но, понимая, что новожены произошли отъ боку же ихъ, онъ открываетъ для нихъ, или оставляетъ, мѣсто покаянію, подъ условіемъ развода. А прочему міру крещенному, по его разуму, спасенія нѣтъ, по тому, де, что надъ нимъ рѣшительно воздѣйствовалъ противникъ. Таково-то погибельное превращеніе истины.

*** Т. е., младенцамъ.

всѣ духовныя дѣла у нихъ правятъ. Зри на лице противника, и въ его демонскомъ лицѣ чистятъ. Зрите, сообщники плотяныхъ демоновъ! Апокалипсисъ: можетъ ли діаволъ человѣка родить, но подобный подобнаго и родитъ; или демонъ, или діаволъ, вѣру даетъ Христову? Есть ли гдѣ писано, что демонъ вѣру дастъ? Іустинъ Святый о сихъ прелюбодѣяхъ пишетъ, что они «вѣру бѣсовскую имѣютъ.» И въ Кормчей пишетъ: «Благодать крещенія продаютъ діаволу.» * Зри, что діаволъ чрезъ плотяные демоны содѣваетъ. Денница восхотѣ быти Царемъ, и не бысть, но чрезъ человѣка бываетъ: Богъ даде человѣку туне Царскій санъ, зватися Царемъ; Адамъ Богомъ быти восхотѣ, и не бысть, а послѣднему роду человѣческому Богъ даде чадомъ Божіимъ быти, вѣрующимъ во имя Его, и наслѣдникомъ Ісусъ Христовымъ, яко Богъ совокупи человѣка съ Богомъ, человѣку даде божество, а отъ человѣка взя человѣчество, и проч. ** Ниже: и еще даде Богъ человѣку и церковію быти. *** Сей широкъ санъ, его же небо и земля не можетъ вмѣстити, и проч.

ГЛАВА XIX.

Зри! А діаволъ что уготовалъ человѣку? Да будетъ едино, яко же и діаволъ, а награжденіе—мука вѣчная; но къ діаволу вся грядутъ и аки Богу кланяются. Что же человѣкъ за вся благая Богу воздаде, какое благодареніе? Вмѣсто Бога почте блудъ, отступаетъ отъ Бога и, блуда ради, діаволу кланяется, очевидно и въ разумѣ, да дастъ ему жену, и отдаетъ человѣкъ діяволу Царскій санъ, его же ради діаволъ съ небесе сверженъ, и діаволъ чрезъ человѣка получаетъ, и паки отдаетъ, санъ Божій, его же Адамъ хотѣ, и не получи. Но и діаволъ искушалъ на горѣ, дабы Христосъ поклонился ему аки Богу, но человѣкъ, получа отъ Бога санъ Бо-

---

* Т. е., Раскольническіе наставники. Но имѣется ли у нихъ благодать-то?

** Но это Таинство Христово не дозволяетъ такого обобщенія и смѣшенія, какое здѣсь выражается.

*** Но не безусловно.

жій, отдаетъ діяволу, блуда ради, кланяется діаволу въ образѣ Божіи аки Богу, при томъ отдаетъ діаволу даръ пророчествія слова Божія, да умолкнетъ человѣкъ безъ имени Божія; при семъ отдаетъ человѣкъ санъ священства, понеже опустѣ Церковь и бысть діаволу жилище.

Зрите, накови ваши браки—горѣе діавола, аще бы грѣшники діаволъ, или Адамъ, сей санъ получилъ, аще бы палися; зри, пишетъ: «Елико Бога и закона удаляются, толико діаволу во утробу вмѣщаются, и поястъ я адъ.» Яко же мы добрыми дѣлами къ Богу приближаемся, и сіи отступники и блудники тоже добрыми дѣлами діаволу приближаются. Пишетъ: «И у Антихриста будутъ постницы, и воздержницы, и дѣвственницы.» * Зри, понеже сами человѣцы тако восхотѣша Бога отступити, а не пріязнь пріяти. Златоустъ пишетъ: «Аще бы и Антихристъ не пришелъ, уже бы человѣцы не вѣровали истинному Богу.»

ГЛАВА XX.

Видно, ваша, данная новоженамъ, середа, на великое укрѣпленіе и соединеніе крѣпкое съ діаволомъ, дабы на середу надѣялися, отъ діавола не отставали, но и такъ плача достойны, или смѣха, до издыханія въ блудѣ, живутъ въ поганствѣ, а на самомъ издыханіи спасаются. Великая мужицкая исповѣдь и на концѣ отступныхъ прелюбодѣевъ спасаетъ. А въ Царѣградѣ справка и священная исповѣдь и новокрещенная на концѣ вѣра не спасала, но во адъ шли и причащены отъ Священника. ** Даніилъ Пророкъ на чюждей земли пѣти Божественныхъ пѣсней не восхотѣ, ни поститися; *** тако и Писаніе вездѣ постъ и воздержаніе таковыхъ отлученныхъ не похваляетъ, и Богъ не пріемлетъ, но гнушается, а велитъ покаятися и отъ грѣха отстати. А вы, о безуміе! грѣш-

---

* Внѣ лона истинно Православной Церкви.

** Откуда это?

*** Неправда!

ника * со отступникомъ мѣшаете, свѣтъ ко тьмѣ, діавола къ человѣку; тако и во отступныхъ бракахъ совокупляете въ одну плоть человѣка съ діаволомъ; такъ и крещеніемъ совокупляете младенца съ діаволомъ (!); безумники омраченные, вездѣ свѣтъ со тьмою мѣшаете. Поощряете новоженовъ на добрыя дѣла, дабы они, крѣпко надѣясь на свои правыя дѣла и на ваше чищеніе, отъ діавола не отставали, но и вамъ отъ діавола за сіе укрѣпленіе не малое будетъ награжденіе. Зрите, ваши мнимые грѣшники хуже діавола. Златоустъ пишетъ: «Отъ діавола чрезъ его злобу многи спасутся.» Богъ попустилъ Антихристу, (что) чрезъ него (144,400) тысящи спасутся; ** а чрезъ сихъ богомерзкихъ отступниковъ ни одинъ не спасется: ихъ должно звать Антихристовъ неводъ и Антихристіаны. И Апостолъ объ нихъ пишетъ: «Сквернители Христіанскіе и глаза у нихъ полны блуда, *** и блудъ у нихъ аки дневная пища.» **** И паки: «издревле уготованы на сіе осужденіе нечестія.» Зри, уже нечестивы, Бога нащего благодать прелагающе въ скверну, сирѣчь, законъ блядствомъ попрали. ***** Зри, какіе скверные Богу ругатели и Господа нашего Іисуса Христа отметающеся. Зри, нѣсть въ нихъ Бога, приводяще себѣ скорую погибель; зри, яко погибли; а вы думаете, что они живы, и мнози послѣдуютъ ихъ нечистотамъ. Зри, яко горше діавола, въ многихъ нечистоту вводятъ, а васъ не Богъ опредѣлилъ чистить, а видно діаволъ, и отъ нихъ скверниться и святая давать діаволу; уже и писано во Апостолѣ: «Преисподній адъ уготованъ въ награжденіе чистителямъ, его же самъ сатана трепещетъ.»

---

* Не средника ли, что по средамъ постится, подъ видомъ епитиміи, за незаконное сожитіе?

** Апок. 14, 1.

*** 2 Петрово 2, 13—14: «сквернители и порочници.... очи имущи исполнь блудодѣянія.»

**** Іуд. 1, 12: «Сіи суть въ любвахъ вашихъ сквернители, съ вами ядуще.»

***** А сочинитель не только недѣйствительнымъ объявилъ бракъ, но отвергъ, позволилъ себѣ глумиться надъ нимъ и назвалъ нечистотою, беззаконіемъ.

ГЛАВА XXI.

Самые первые ваши умные философы, Иванъ Марковъ, всенародно сказалъ: «По осми разъ въ сутки,» а Козленокъ Иванъ тоже при собраніи сказалъ: «Что можно, блуда ради, отъ Бога отступить, и правила подъ ногами попрать, и насытився блуда, на покаяніе приходить, Богъ пріиметъ.» За то я Козленка съ безчестіемъ вонъ выгналъ, и по плеши ладонью ударилъ такова богомерзкаго человѣка; а онъ-то у васъ первой совѣтникъ. Посмотри, что учители ваши всѣхъ сквернѣе: тѣ по страсти, а наставники денегъ ради, Іюдинъ чинъ имѣютъ; а вы не Богу служите, но человѣкоугодіе исполняете, по Ефрему Святому: «Видя лице мучителя и волею вѣровавъ, ни какой милости не суть достойни.» Аще сихъ отступниковъ къ діаволу примѣнить, то не возможно; понеже оныя новожены за тайну брака * пріемлютъ, по сему противника Богомъ почли, и по вѣдѣнію поклонилися ему аки Богу, всюду его Богомъ обносятъ чрезъ (мнимую) тайну брака (своего). Зри, очевидно, что горше діавола, вмѣсто Бога почли его, и кланяются по вѣдѣнію.

ГЛАВА XXII.

При семъ прилагаю Іереміи пророка писаніе. Глава 23 указуетъ бо, каковы будутъ учители послѣдняго времени; и еще Соломона пророка (?!), каковы дѣти будутъ отъ прелюбодѣйнаго рода, глав. 3 и 4, и Евангеліе толковое недѣля 29, въ прообразованіе нынѣшнихъ блудниковъ и прелюбодѣевъ: тѣхъ прокаженныхъ изъ града изгоняху, а нынѣ изъ церкви, и прикасаться, или чистить, ихъ ни какъ нельзя. Аще бы самъ Ісусъ Христосъ приближился, то всячески бы осквернился. ** Апостолъ Павелъ и плотскихъ дѣлъ съ ними имѣть не велитъ, не только духовныхъ. Іустинъ Священномученикъ, въ 26-й главѣ во Апостолѣ толковомъ, написалъ и вѣру ихъ бѣсовскою именуетъ. И Златоустъ пишетъ о еретикахъ

---

* Т. е., свое сожитіе.

** Нельзя такъ сказать о свѣтѣ; ибо и свѣтъ солнца не дѣлается нечистымъ, свѣтя, и освѣщая, и проникая въ нечистыя мѣста.

Сентября 5 дня, и любити ихъ не велитъ. * Зри, отлученныхъ блудниковъ чистить не велитъ, дондеже симъ очистятся, сирѣчь, чисто блудницу отпуститъ, и незрима будетъ проказа; а кто прикоснется, самъ тѣмъ осквернится. И Апостолъ объ нихъ пишетъ: не велитъ съ ними сообщаться, что они сквернятъ Христіанъ. Зрите, сіе прообразованіе нынѣшнихъ отступныхъ Христіанъ, отлученныхъ прелюбодѣевъ и блудниковъ, а не демоновъ поклонниковъ; а сихъ отлученныхъ блудниковъ на исповѣдь въ проказѣ, при лицѣ прокаженномъ, чистить нельзя, дондеже проказы маску отъ себя отвергнетъ прочь, сирѣчь, прелюбодѣицу чисто изъ дому своего изженетъ вонъ, по Іустину Философу, дондеже сіи вериги расторгнутся, и впредь ему ея не принимать, и по Писанію клятвою и свидѣтели утвердить, тогда принять, или исповѣдать; а по ихъ бѣсовской Вѣрѣ (?) крестить, не присоединя къ церкви отца, или матерь, нельзя. ** Сіе дѣло волшебное и мечта діавольская, а не тайна и не очищеніе, но и себя и имъ оскверненіе. Зрите разумныма очима и понимайте за мечту діавольскую каяться, а за прелюбодѣицу держаться, ее при себѣ до смерти имѣть; аще умретъ, то аки бы къ Богу пойдетъ; аще живъ будетъ съ прелюбодѣицей, у діавола остается. Зрите мечту діавольскую, едино наруганіе Богу. Мертвой Богу, а живой діаволу. Зрите, какое волшебство устроено: умираетъ, а діавола не гнѣваетъ, подобно (будто) Богъ съ діаволомъ товарищъ. Умру къ Богу, а не умру—опять съ діаволомъ и остается: таковаго чародѣйства вѣкъ не бывало. Зрите настоятелей вашихъ: между Богомъ и діаволомъ настоящіе маклеры; умретъ при бляди, то аки бы къ Богу, а не умретъ и возстанетъ, опять у діавола остается съ блудницей; бываютъ сводники, но плотскіе, а сіи плотскіе и духовные. Однако наставники болѣе стараются о живыхъ, нежели о покаяніи, доходовъ ради. Не стыдно ли вамъ, ругателямъ? Какую вы маску на себя по духовному и тѣлесному дѣлу наложили? Я давно вамъ пишу, чтобы вы къ Писанію пристали.

---

* Еретикъ и блудникъ Ильею Ковылинымъ одинаково разсматриваются.

** Чрезъ разводъ, резумѣется.

ГЛАВА XXIII.

Я писалъ вамъ, Илья Алексѣевъ, вопросы съ написаніемъ, и увѣщевалъ васъ, чтобы вамъ въ чужія дѣла не мѣшаться, но вы видно забыли, или по страсти какой вмѣшались, а на дѣло отвѣту нѣту; шестьдесятъ семь вопросовъ къ вамъ, три лѣта прошло, и на четвертое лѣто нѣтъ. А вы обѣщали самолично отвѣтъ дать, но и по сію пору нѣтъ; то я усмотрѣлъ вашу неправду, порасшевелилъ (?) свои вопросы на трилистовыя тетради, написалъ вамъ, подалъ, но отъ васъ и по сію пору отвѣту, ни совѣту, нѣту; а видно вы духовной совѣтъ, Святое Писаніе, худо принимаете (?). Но я еще вамъ, на увѣреніе нашихъ вопросовъ, много писалъ, поне тако васъ ко отвѣту, или совѣту, приведу, но уже четыре лѣта съ началу моего дѣла прошло. Вступя въ натризненіе, и ни чего отъ васъ не могши получить, я вздумалъ краткими словами третій разъ вамъ написать, соединя все во едино мѣсто, да и прочіе въ разныхъ мѣстахъ свѣдѣнія не лишатся, но всякъ узнаетъ себя, что дѣлаетъ. И еще я послалъ вамъ 15 тетрадей въ четверть листа, и при концѣ писано многое въ пользу вашу ко обращенію къ Богу, и Святому Писанію наставляющее, и со страшнымъ прещеніемъ по письму вашему: можетъ вы его позабыли, то я вотъ здѣсь вписалъ его. Зри

ГЛАВА XXIV.

Давній нашъ знакомецъ, Никита Иванычъ! Слышно намъ, что ты на родьшую тя мать широкоустно ополчаешься, и много, много многословія наносиши, многія съ пути Божія отвращаеши: то просимъ пріити ко мнѣ на устное разглагольствіе, и недостатки наши исправить отъ Божественнаго Писанія, по реченному: «Изводяй честное отъ недостойнаго, аки уста моя суть.» За симъ писавъ Илья Алексѣевъ.

Зрите, XXV статья.

Зрите сами неправду вашу, что вы Церковь и путь Божій оболгали, аки бы такая была наша отступная Церковь, и аки бы таковъ былъ путь Божій, въ какомъ ты теперь пребываешь. Сія не церковь и не путь Божій, но сонмище, истина со лжею,

свѣтъ со тмою; мамона отступства, прелюбодѣйства, блуда преисполнена; за сіи ея богомерзкія дѣла узналъ я, и сколь по долгомъ времени обличалъ ее много Святымъ Писаніемъ, но ни чего не успѣлъ; принужденъ отъ такой наружной блудницы удалиться, которая и по вѣдѣнію жертвуетъ діаволу аки Богу; за то я ваше писаніе и берегу: на страшной судъ съ писаніемъ вашимъ предстану страшному судіи, что я точно противъ отступной * прелюбодѣйной Церкви вооружался, на путь лукавыхъ возсталъ и желатель сдѣлался путь лукавый истребить, и пожечь вся богомерзкая дѣянія его, дабы ниже слуху, ниже входу, ниже дѣйствія сего богомерзкаго пути не было, ниже сообщенія, ни приближенія, по Святому Писанію, ни коея милости ни при издыханіи, дондеже расторгнется демонское прелюбодѣйное лице, и не престану, не умолчу, дондеже землею покрыюся, всюду писать, и объѣзжать, и истреблять путь демонскій. Я мать Соборную и Апостольскую Церковь почитаю, въ ней я родился водою и духомъ, и ея едину вѣрою лобызаю, и путь Божій утверждаю и укрѣпляю Святымъ Писаніемъ; ** а вы мать нашу, Соборную Церковь, смѣшали со отступники, и прелюбодѣи, и блудники, а путь Божій пересквернили весьма нечистотами и противленіемъ Святому Писанію, и сребролюбіемъ и всѣми явными Богомерзкими нечистотами, и чрезъ сіе дерзкое соединеніе, очевидно, по вѣдѣнію, въ разумѣ, діаволу поклонилися. Вы забыли, какъ вездѣ пишетъ: «свѣтъ тьмѣ не причастенъ;» а вы всѣми духовными дѣлами сообщилися, подобно фиміамъ со смрадомъ смѣсили, и на жертву Богу приносите. Много я вамъ писалъ, требовалъ собранія. Но вы себя признали безотвѣтными. Но все сіе не на пользу; пишетъ: «во многомъ совѣтѣ спасеніе.» Я вамъ совѣтую пристать и покориться Святому Писанію; а вы

---

* Отъ Безпоповцевъ безбрачныхъ перешедшей въ состояніе брачныхъ.

** До перекрещиванія съ Зенковымъ или перехода его въ Ѳедосіевской Толкъ, Ковылинъ былъ Православнаго Исповѣданія, т. е., Грекороссійской Церкви, въ которой родился и крестился. Здѣсь явно Ковылинъ противорѣчитъ себѣ, что «онъ почитаетъ мать Соборную и Апостольскую Церковь,» тогда какъ открытымъ былъ врагомъ той Церкви, въ которой родился и крестился. Странное заблужденіе, достойное имени Ильи Ковылина, какъ врага всѣхъ церковныхъ Апостольскихъ правилъ.

пристали къ блудникамъ и похотникамъ, для мамоны и человѣкоугодія, и себя помрачили сими плотскими дѣлами. Позабыли, что Христосъ рече творити. Прошу непремѣнно читать 23-ю главу Іереміи пророка. Самъ Богъ глаголетъ (ст. 21): «Не посылахъ пророки, а они течаху; не глаголахъ къ нимъ, и тіи пророчествоваху;» не проповѣдаютъ слово Божіе, но своя сонія, и всю землю оскверниша; и вашъ первый учитель, Петръ (Ѳедоровъ), явно велитъ по одной держать вмѣсто жены и во увеселеніе плясать; а Сергѣй за деньги и гостинцы тоже сношеніе дѣлаетъ, тоже не расторгнувъ отступной бракъ, въ проказѣ и демонской маскѣ принимаетъ; Иванъ Потаповъ велитъ и принуждаетъ всѣхъ жениться, а Евстигнѣевъ безъ выбору всѣмъ прелюбодѣемъ и блудникомъ пріятелище. Кузмичъ, вашъ гордой иконоборецъ, сребролюбецъ, ни чѣмъ разности имѣетъ отъ идолопоклонника, и собраны подобно рындари. Потаповъ всѣмъ матка, больше всѣхъ денегъ и дѣтей. Напрасно вы такія мытницы заводите. И въ Питерѣ Иванъ Алексѣевъ Порукову часовню на аренду отдалъ; давно вездѣ разно, раздоры, а вода у всѣхъ одна. Я думаю, по Писанію, діаволъ разсѣялъ, кто гдѣ попадется. Марковъ у васъ и Козленокъ сусальщикъ присные совѣтники, между вами и блудниками соединители; вы разумомъ съ потопомъ и Содомомъ; и тѣ не вѣровали Ною и Лоту, а вы и Святому Духу и Писанію не вѣруете, что Божія уста глаголютъ. Но я васъ посылаю къ Святому Евангелію: что діаволъ Христу сказалъ, что не пришло время діаволу мучиться; и діаволъ время знаетъ, а вы не знаете, вы позабыли, у васъ видно и на памяти Христова пришествія нѣтъ. Ежели бы вы чаяли быть скоро, то должно вамъ таковъ и образъ показывать: ветхой (дряхлой, скорбной) и не гордой и недвижимо крѣпкой, но токмо бы аки одинъ день житія нашего, по Христову словеси. И Димитрій Ростовскій разумнѣе васъ пишетъ, тоже время по Писанію опредѣляя; пишетъ: «Се женихъ грядетъ въ полунощи, и блаженъ рабъ, его же обрящетъ бдяща.» И еще пишетъ нѣгдѣ: «полы полъ осмыя тысящи не прейдетъ;» но вашъ разумъ со Антихристомъ, а не со Христомъ, противныхъ время будетъ продолжать и пришествіе Христово отлагать; видно, Богъ менѣе васъ знаетъ. Цѣлыя киновіи опустѣли, а вы однѣ блески являете; токмо тьму Христіаномъ въ глаза пускаете, дабы чаяли жить долгое время, а пришествіе Христово забыли. Сами вы разсмотрите, что вы противнику помогаете. Богъ

человѣки всяко спасаетъ, и болѣе страхомъ, а вы страхъ отъ человѣка закрываете. Писаніе глаголетъ: «Кто ждетъ пришествіе Христово скоро быть, тотъ спасеніе себѣ отъ Бога пріиметъ;» а вы своими крѣпкими гордыми дѣлами весь родъ Христіанскій ослабили; нынѣ должно сей видъ показывать, подобно гостинницѣ единъ часъ пребывать. Аще кто спроситъ, что ты не имѣешь дому, то должно сказать, яко скоро мя позовутъ во онъ вѣкъ, яко конецъ вѣка сего приближися; а вы созидаете тайнѣ вѣчныя кущи: аще послѣднія дни представлять будемъ по Даніилу Пророку; (а то) кто вамъ повѣритъ? «Аще бы узрѣли худые домы, васъ бы вопросили: что у васъ худые домы?»—«Нынѣ послѣднее время плачевное: на что твердые домы? Ждемъ внезапно пришествія Христова.» Зри, какъ смиренный Божій духъ глаголетъ, сей пророческій гласъ; Марковъ же о себѣ объявляетъ, на поощреніе блудниковъ, по восми разъ въ сутки совокупляется, а Козленокъ велитъ на время отъ Бога отступить, и законъ ногами попирать, блуда ради, и удовольствовать себя блудомъ, со временемъ же на покаяніе приходить: Богъ, де, пріиметъ. Въ Питерѣ Яшка (Яковъ) Холинъ за стеклами стоящихъ, всѣхъ отступниковъ и прелюбодѣевъ, за одинъ началъ соединилъ, а вамъ и нужды нѣтъ; изъ Москвы въ Питеръ, а изъ Питера въ Москву, все въ Питерѣ и вода одна, и у Папы разные сорты, а все въ одной власти у Папы. Много бы должно васъ отъ Писанія доводами обличать, но вы, видно, ослѣпли и оглохли, ни отвѣту, ни совѣту, ни чего нѣту. Старость меня не допущаетъ, но и прежде бывшіе отъ васъ страхи градскіе, и по командѣ ко отвѣту требованъ, и бранъ, и вмѣсто вашихъ страховъ, мнѣ прибѣжище Господь и сила. Самъ Спаситель рече: «Церковь и адовы врата не одолѣютъ.» * Но Христіаномъ неприлично дѣлать: аще что я злѣ вамъ пишу, прошу мя ко отвѣту потребовать, чего я и желаю, и обличить меня Писаніемъ, при многомъ собраніи. Я завсегда вамъ пишу, подъ казнію вамъ отвѣчать, противъ каждаго своего слова, а вамъ защищатъ себя градской командой стыдно, и грѣшно Іудинъ санъ на себя принимать; по духовнымъ дѣламъ нашимъ и град-

---

* Матѳ. 16, 18: «И азъ же тебѣ глаголю, яко ты еси Петръ, и на семъ камени созижду церковь мою, и врата адова не одолѣютъ ей.»

ская команда должна себя остеречь, понеже мы отъ нея отошли; * прошу васъ по имени и званію отъ сего безумія себя хранить, а взять разумъ духовный, а не Жидовскій, и духъ Божій смиренія, и покореніе Святому Писанію.

ГЛАВА XXVI.

Но и еще васъ хощу на память привести. Видно, у васъ разумъ у всѣхъ пристрастной, Ивана Маркова; за тѣмъ наставники его и любятъ. То ты всякаго учишь впредь ожидать Антихриста, а о времени говоритъ книга Іосифа Волоколамскаго: «Богъ можетъ тысящу лѣтъ прибавить.» По сему всякому совѣтуетъ жениться, аки бы послѣднее время не извѣстно. А вы и настоящимъ видомъ тако показуете, строеніемъ гордыхъ вашихъ кущъ, проповѣдуете въ пятьтысящныя лѣта, и симъ помогаете противнику. Зрите вашихъ вѣчныхъ кущъ; вы позабыли Писаніе, что пишетъ: «Въ осмомъ вѣкѣ кончина вѣку будетъ;» а у васъ и на умѣ нѣтъ. По Ефрему: «Гласъ плача и раскаянія и во истину будетъ время, данное на покаяніе;» а и о церквахъ пишетъ: «Мнози строили, гордости ради, и видимое украшеніе приготовляетъ противникамъ на расхищеніе; одна милостыня вѣчная;» а вы не токмо расточаете, но отвсюду грѣхи, пѣнязей ради, собираете. Зрите, умнѣе Бога не бывайте; зрите и читайте Іереміи Пророка главу: «Градъ отдамъ врагамъ во укоризну Вашу» (?). Богъ разори, человѣкъ создати не можетъ; но сими стѣнами на себе наводите градскія власти на притѣсненіе, аще заводитъ приходъ внукъ племянницѣ на нечистоту.

Сіе сочиненіе вывезено изъ С.-Петербурга Московскимъ мѣщаниномъ Кондратіемъ Ѳедотовымъ, а въ Петербургъ было доставлено на Соборное утвержденіе самимъ Ильею Алексѣевымъ Ковылинымъ 1808 года.

---

* Вотъ какъ!

XII.

ПОСЛАНІЕ

КАЗАНСКИМЪ ХРИСТІАНАМЪ ОБЪ ІАКОВѢ ПЕТРОВѢ, ЗА ПРОТИВНОЕ ЕГО ПИСАНІЮ МУДРОВАНІЮ.

Въ Москвѣ.

Въ кладбищѣ Преображенскомъ въ лѣто 1811-е, мѣсяца Апрѣля въ 23 день, былъ на него соборъ, съ котораго опредѣленія, за руками общества, объ немъ въ Казань послано письмо, а съ него къ свѣдѣнію прочимъ точная переписывается здѣсь копія:

Боголюбивѣйшимъ отцѣмъ и благочестивымъ Казанскимъ жителемъ, Андрею Васильевичу, Василію Андреевичу, Зиновью Петровичу, и всѣмъ Православнымъ Христіаномъ, мира, здравія и спасенія о Христѣ Іисусѣ всеусердно желаемъ.

Мы, ниже подписавшіеся, Московскіе граждане, Православные Христіане, сими краткосложными начертаніи извѣствуемъ васъ, вкупѣ и предохраняемъ, что нѣкогда бывшій согражданинъ вамъ, именуемый Іаковъ Петровъ, который призванъ былъ отъ васъ въ наше кладбищенное жительство, однако же безъ всякаго общества нашего совѣта, гдѣ и опредѣленъ былъ тѣми отечествовать, что и отправлялъ чрезъ нѣкое время. Наконецъ, какъ началъ онъ открывать свое новое, не согласное Писанію и отцемъ прежнимъ, ученіе, какъ-то: о высочайшихъ лицѣхъ (о немъ и писать здѣсь непристойно) и о повторительномъ крещеніи Христіанъ Поморскихъ, что мы только какъ узнавъ отъ собственной его руки тетрадей, позвали его особенно прежде къ отвѣту, но онъ, какъ бы возгнушався, не пришелъ къ намъ. Тогда уже принуждены мы были созвать на него соборъ Христіанскій*, и предъ всѣми, открывъ его заблужденіе, вслухъ вычитали, и всякъ, только кто выслушавъ, сказалъ, что это ученіе не слыханное и весьма вредное. Которое мы на томъ же собраніи, при помощи Божіи, изъ священныхъ книгъ, ясными доказательствы, все то

* Для приманки другихъ въ свое общество, Безпоповцы называютъ Христіанскимъ соборомъ свои общественныя сходки по вопросамъ своего ученія.

опровергли, а истинное Святыхъ Апостолъ и Святыхъ Отцевъ ученіе, откровенно показавъ, утвердили. Понеже оный Іаковъ Петровъ, Поморскихъ Христіанъ, за тропарное моленіе по всему образу сравниваетъ и уподобляетъ Уніатскому въ Польшѣ отступленію, которыхъ Святѣйшій Филаретъ Патріархъ въ соборномъ изложеніи совершенно повелѣваетъ крестити. Сего ради мы о Уніатахъ сихъ, съ великимъ прилежаніемъ и со многимъ вниманіемъ, въ книгѣ о Вѣрѣ, въ главахъ 23-й и 24, и въ соборномъ Филарета изложеніи, и въ прочихъ исторіяхъ, ясно разсмотрѣли, что Уніаты оные совершенные суть отступники; ибо они всѣ ереси Римскія и всѣ заблужденія Папежскія за истинныя вещи въ законъ свой пріяша, а именно: Духа Святаго отъ Отца и Сына исхожденіе, опрѣсночное въ тайнахъ Литургіи служеніе, Оригеново геенскимъ огнемъ въ мукахъ очищеніе, Папы Римскаго Вселенскія Церкви главою почитаніе, и прочія безчисленныя Пажескія ереси и умышленія, и, словомъ сказать, весь Символъ ихъ еретическаго мудрованія добровольно и безъ всякаго принужденія пріяли и клятвенною присягою все то утвердили (Кн. о Вѣрѣ листъ 272). По тому они и молятъ Бога за Папу; не просто бо, какъ Апостолъ, Святый Павелъ, повелѣваетъ о всѣхъ человѣцѣхъ и о Царѣхъ невѣрныхъ (молитися), но яко объ истинномъ и Православномъ пастырѣ своемъ, Петровомъ настольницѣ и Христовомъ намѣстницѣ, молятъ. Кромѣ же своихъ ересей сихъ, преужасные они были на благочестивыхъ гонители, принуждающіе всѣхъ въ Папежское съ собою отступленіе, при коемъ гоненіи ,аѯ҃ (1900) церквей у Православныхъ отнявъ, на унію превратили. То возможно ли сихъ сравнить съ Поморцами, вы сами въ безпристрастною душею о семъ посудите; не явно ли будетъ сіе заблужденіе, еже Поморскихъ сравнивать со Уніаты еретиками? И таковыхъ убо ради всѣхъ ересей богомерзкихъ и совершеннаго ихъ отступленія, Святѣйшій Филаретъ Патріархъ, по самой справедливости, соборнымъ судомъ крестити ихъ повелѣваетъ. А что же до Поморскихъ Христіанъ, то они ни одного слѣда и ни одной тѣни ересей оныхъ въ себѣ не имѣютъ, * тѣмъ же и крестити ихъ второе отнюдь не подобаетъ, дабы не впасти

* А прочие всю Церковь Святоправославную, съ ея устройствомъ, отрицаютъ. У нихъ Вѣра безъ Церкви; значитъ своя, а не Христова.

чрезъ сіе, по Апостолу (зач. 312), въ грѣхъ Христораспинательства и въ нарушеніе неподвижимаго Символа Вѣры: да и по тому крестити ихъ не возможно, что какъ древле скончавшіеся наши отцы, такъ и вновь о Христѣ почившіе благочестно, хотя они въ нѣкоихъ недоумѣтельныхъ вещахъ съ нами и не соглашались, но столь зловреднаго и весьма раздорнаго мудрованія, какъ Іаковъ Петровъ о Поморскихъ доказывалъ, они не имѣли, и въ сообщеніе свое приходящихъ отъ нихъ съ единымъ точію началомъ ихъ пріимали, о чемъ и до нынѣ въ живыхъ еще многіе и престарѣлые Христіаны достовѣрно намъ свидѣтельствуютъ. Хотя и строжае объ нихъ въ Польскомъ соборѣ (7260 или 1752 года) въ статьѣ 4-й, сказано, но для того, что въ тропарехъ и стихерахъ у нихъ точию прилагательныя имена, какъ въ Благочестіе читаемы были, и за сіе самое на соборѣ томъ положено было, съ приходящихъ отъ нихъ къ намъ въ пріобщеніе брать по триста поклоновъ на соборѣ, а больше не сказано ни чего. Московскій же Преображенскаго кладбища Строитель, Илья Алексѣевъ, двадцать лѣтъ спустя по соборѣ Польскомъ, въ 1772-мъ году, по утоленіи Московскаго мора, ѣздилъ самъ съ семью товарищами въ Поморскій монастырь, и какъ пріѣхалъ къ тамошнимъ начальникамъ, Никифору Семенычу, Даніилу Матвѣичу, Андрею Борисычу и прочимъ, подалъ имъ за подписаніемъ рукъ своихъ, 16 пунктовъ, для очищенія имъ пути къ примиренію, и за тѣмъ проводилъ у нихъ въ разглагольствіи до 8 дней. А какъ началъ онъ собираться уже ѣхать отъ нихъ, то тутъ же и сказалъ имъ: «Мы теперь кроме 16 пунктовъ оставляемъ вамъ на исправленіе; однако же просимъ васъ, ежели вы въ главныхъ 3-хъ статьяхъ точію исправитесь, въ которыхъ больше всѣхъ мы сомнительны, то и примиреніе у насъ съ вами будетъ вѣрное и твердое, а именно, исправите вы все сіе: 1-е. Въ тропаряхъ и стихирахъ имена прилагательныя оставляйте (понеже и самъ Илья имѣлъ въ домовой часовнѣ своей, за Царя Бога молилъ, безъ прилагательныхъ только словъ, о чемъ книжныя его и нынѣ достовѣрно свидѣтельствуютъ, какъ то: Тимофѣй Ивановъ Ярославецъ и прочіе). 2-е. Безъ крещенія умершихъ законно не поминайте. 3-е. Новоженовъ купно сожительныхъ во общество не пріемлите, и больше сего отъ васъ не востребуемъ. А дондеже статей сихъ вы не исправите, то и мира съ вами учинить будетъ намъ не

возможно.» И съ таковыми предложеніями Илья Алексѣевичъ тогда обратно и поѣхалъ въ Москву. Сего же условія и договора самовидцы и совѣтники въ томъ ему, бывшіе изъ Москвы, его сотоварищи, а именно: Михайло (а нынѣ во иноцѣхъ Зосима) Евсигнѣевичъ, Борисъ Андреевъ, Иванъ Петровъ Селезневъ, Иванъ Прокофьевъ и прочіе. И такъ съ того времени Андрей Борисовичъ и Тимоѳѣй Андреевичъ, имена прилагательныя въ тропарѣхъ во всѣхъ своихъ часовняхъ совершенно оставили (и сему уже 23 года прошло), и сему свидѣтелей столько, сколько тамъ бываетъ жителей; также и о поминовеніи отшедшихъ: не о Внѣшнихъ, некрещенно умершихъ, оно творится ими, но о сущихъ, во оглашеніи бывшихъ и крещенія не получившихъ, да и за тѣхъ за отраду и одною только псалтыріею, и безъ каноновъ за умершихъ тѣхъ, поминаются отъ нихъ; и сіе поминовеніе уставлено отъ первыхъ еще отцевъ: Андреемъ Діонисьевичемъ съ прочими отцами, по примѣру Святаго Іоанна Златоустаго; ибо онъ за отраду во оглашеніи умершихъ повелѣваетъ давать милостыню. И такъ теперь оные Поморцы, по суду всѣхъ благоразумныхъ и самаго Ильи Алексѣевича, не по тремъ предложеніямъ остаются подъ виною, токмо по одному, купно сожительному новоженству. Но чтобы и намъ за сіе на страшномъ судѣ Божіемъ такъ же не быть подъ отвѣтомъ, и отъ крове ихъ, но Златоусту, быти чистыми, то и о последней статьѣ сей, т. е., новоженствѣ, всячески подобаетъ намъ попещися, и съ Кареагенскимъ Святыхъ Отецъ Соборомъ (прав. 70 и 93) чрезъ посольника ихъ увѣщати, дабы они, для любви Божія и церковнаго ради соединенія, и въ той статьѣ поправились. «Понеже бо раздора церковнаго грѣхъ ни мученія кровію загладить не возможно,» рече Златоустъ. И теперь кажется всѣмъ уже видно, что непремѣнно не возможно Поморскихъ Христіанъ ни по коему же образу сравнить и уподобить Уніатскому въ Польшѣ отступленію, какъ Казанецъ вашъ, Іаковъ Петровъ, и подобные ему врали лжесвидѣтельно написали. Но отъ васъ, братіе, мы надѣемся, что вы не восхощете уподобиться имъ, а разсудите о всемъ здраво, съ писаніемъ Святыхъ согласитесь и съ нами. И такъ, ко оправданію своего мудрованія Іакова Петрова трикратно на соборъ мы призывали: пріити не восхотѣлъ, и, нераскаянно въ томъ пребывъ, съ тѣмъ отъ насъ изъ Москвы

и высланъ вонъ (Св. Апостолъ прав. 504). * Слѣдовательно, по Правиламъ Святыхъ Апостолъ и Святоотеческимъ (прав. 19) онъ находится теперь подъ отлученіемъ. И ежели онъ будетъ и у васъ находиться, въ томъ же душевредномъ мудрованіи не поправясь, то вы имѣйте его непремѣнно въ числѣ отлученныхъ, и ни какихъ Таинствъ отъ него не требуйте, понеже Божественное Писаніе насъ увѣряетъ, что не по Писанію вѣрующіи всѣ суть еретики. И паки Писаніе (Кормч. гл. 70) глаголетъ: «яко еретикъ есть и еретическимъ изреченнымъ на еретиковъ подлежитъ закономъ, аще и мало что уклоняяйся отъ Православныя Вѣры.» Убо Іаковъ Петровъ мудрствуетъ о томъ точно не отъ Писанія и отъ Православныя Вѣры уклоняется не мало. Крещенныхъ бо Христіанъ второе крестити, безъ соборнаго суда, собою дерзаетъ опредѣляти, чѣмъ и Символъ Православныя Вѣры хощетъ разрушити; тѣмъ же убо и мы, съ Божественнымъ Апостоломъ Павломъ (Римл. зач. 121), «молимъ вы, братіе, блюдитеся отъ творящихъ распри и раздоры, кромѣ ученія, ему же вы научистеся, и уклонитеся отъ нихъ. Таковіи бо Господеви нашему, Іисусу Христу, не работаютъ, но своему чреву, иже благими словесы и благословеніемъ прельщаютъ сердца незлобивыхъ.» Васъ же отъ всѣхъ золъ да сохранитъ Господь Богъ нашъ, Іисусъ Христосъ, своею благодатію, нынѣ и присно и во вся вѣки. Аминь.

На подлинномъ подписавшіися суть сіи:

Отецъ Петръ Кузьминъ, Михайла Евсигнѣевъ, Федоръ Сергѣевъ, Терентій Андреяновъ, Иванъ Петровъ Дунииловъ, Иванъ Потаповъ, Лаврентій Ивановъ, Андрей Ильинъ, Петръ Петровъ, Иванъ Петровъ, Тимофѣй Ивановъ, Антонъ Яковлевъ, Яковъ Петровъ икон., Василій Семеновъ, Федоръ Петровъ, Владиміръ Абрамовъ, Андрей Лазаревъ, Петръ Андреевъ каретникъ, Иванъ Васильевъ бѣл., Филимонъ Федоровъ, Макаръ Андреевъ, Александръ Ивановъ, Федоръ Фроловъ, Парфенъ Яковлевъ, Федоръ Григорьевъ, Иванъ Михѣевъ, Матвѣй Николаевъ, Иванъ Василь-

* Безпоповцы дѣйствуютъ, поддѣлываясь подъ истинные Соборы, для прикрытія своего отступленія отъ Церкви.

евъ, Яковъ Васильевъ, Гаврила Гавриловъ, Левъ Матвѣевъ, Николай Васильевъ, Иванъ Григорьевъ, Филатъ Ивановъ, Василій Григорьевъ, Максимъ Адреевъ, Ефимъ Феклистовъ, Иванъ Кузьминъ, Алексѣй Митрофановъ, Григорій Кириловъ, Арсентей Мосѣевъ, Семенъ Елисеевъ, Иванъ Михайловъ, Сидоръ Федотовъ.

Всѣхъ 43 человѣка.

Лѣта отъ мірозданія 7320, Маія 21-го. Еще въ лучшее Церкви Святѣй устроеніе выше подписавшіеся отцы и книжные и почтенные граждане общимъ совѣтомъ составили и рукоприкладствомъ утвердили слѣдующія статьи.

Статьи къ церковному строенію: *

1.

Во обществѣ нашемъ изъ согласныхъ съ нами Христіанъ составить церковный совѣтъ изъ 10-ти, или изъ 5-ти, и уполномочить его обществомъ, въ которыхъ числѣ 2, или 3, должны быть изъ старшихъ отцевъ.

2.

Совѣта церковнаго должность имѣть въ совершенномъ знаніи и соблюденіи все исповѣданіе нашего Православнаго догмата и преданія, и все внутреннее церкви распоряженіе и благоустройство.

3.

Церковный совѣтъ, какъ есть внутреннее Церкви правленіе, то и принадлежатъ ему всѣ наши по Христіанству дѣла на разсужденіе и опредѣленіе по законамъ церковнымъ. Въ случаяхъ межъ совѣтниковъ разногласія, отъ общества требовать или къ

* Притч. 1-я 11 и 24, Сир. 32, Матѳ. зач. 74, Мат. Прав. сост. 5. гл. 4, Корин. прав. 1, 7-го Собора 1, Вас. Вел. прав. 90—91, Евангеліе въ недѣлю Православія, Ник. Черногорск. кн. 1, слово 2-е.

разсужденію вспоможенія, а противляющагося изъ нихъ Священному Писанію и церковнымъ правиламъ (8-го Соб. прав. 1), отрѣшать должно, а въ его мѣсто выборомъ помѣщать другаго.

4.

Совѣту церковному, съ первыхъ дней своего вступленія, слѣдуетъ принять къ себѣ всѣ церковныя наши дѣла въ правленіе, и различныхъ временъ предковъ нашихъ сочиненія и взаконенія, которыя всѣ внимательно ему пересмотрѣть должно, и согласныя законамъ и Писанію утвердить, недостаточныя наполнить, не вразумительныя объяснить, а противныя правиломъ и Священному Писанію, предъ обществомъ доказавъ, отмѣнить. (Карѳ. Соб. прав. 52-ое). * Понеже бо въ нѣкоторыхъ взаконеніяхъ оныхъ обрѣтаются и погрѣшности, какъ-то въ статіяхъ Польскихъ и подобныхъ тѣмъ; ибо и Максимъ Грекъ, послѣ великихъ чудоторцевъ Россійскихъ и пастырей священныхъ, многія и великія въ книгахъ погрѣшности повелѣніемъ Царскимъ исправлялъ, а пороковъ тѣхъ Святителемъ онымъ, за недоумѣніе ихъ, ни мало не приписалъ, какъ пишетъ онъ въ предисловіи Іосифской Грам. на листѣ 24-мъ и далѣе. Такъ же и Стоглавый Соборъ четверящимъ аллилуію впредь запрети, а ихъ не осуди.

5.

И кѣмъ либо общества нашего что усмотрѣно будетъ въ церковныхъ содержаніяхъ недостаточнымъ, или излишнимъ, то всякъ о томъ познавшій долженъ представить церковному совѣту письменно, или словесно (Кн. о Вѣрѣ гл. 23, л. 206-й); Совѣтъ же все то принявъ, приводитъ въ надлежащее исправленіе (5-го Соб. прав. 64-ое); самимъ же онымъ собою, безъ вѣдома и совѣта, никому ни чего не составлять и не утверждать, подъ великимъ запрещеніемъ.

---

* Замѣчательная свобода критики и дѣйствій ввѣряется Преображенскому Совѣту въ 4-й статьѣ, и именно въ отношеніи къ Отеческимъ сочиненіямъ и узаконеніямъ и книжнымъ исправленіямъ. За чѣмъ же Никона-то не любитъ, и въ

6.

Изъ духовныхъ дѣлъ правителемъ одному быть старшему (Св. Апост. прав. 34-ое), которому прочіи всѣ, правящіе въ Москвѣ духовность, должны подчиняться и въ случайныхъ нуждахъ къ нему относиться; а и старѣйшій онъ правитель во всѣхъ недоумительныхъ случаяхъ безъ церковнаго совѣта одинъ собою тоже судить и рѣшить дѣлъ не можетъ, какъ священные законы повелѣваютъ.

7.

На духовную должность служителей избирать по церковному совѣту, кунно съ духовными отцами, по законамъ церковнымъ (Св. Апост. пр. 34-ое, 1-го Соб. пр. 4, Кипр. послан. 2-ое), и утверждать ихъ общественнымъ приговоромъ.

8.

Духовныхъ дѣлъ служителемъ безъ воли своего старшаго и церковнаго совѣта, по своевольству, для каковыхъ либо выгодъ своихъ, въ другія мѣста не приходить и во иные города не отъѣзжать (Дѣян. Ап. зач. 39, 1-го Соб. прав. 5—6), за преслушаніе же законно будутъ наказаны; а противящіеся и вопреки глаголющіе лишени будутъ своего званія, чести же и достоинства, и возвѣстится о семъ повсюду.

9.

Всѣ Христіане, по повелѣнію Апостола Павла, должны молить Бога «за Царя и за сущія во власти, да тихое и безмолвное житіе поживемъ.» (1 Тим. зач. 282) * и проч.

чемъ его винятъ? За чѣмъ исторію-то всю своей разброды съ него начинаютъ? За чѣмъ столько хулы на него сложили и слагаютъ, и чрезъ него на непорочную и пречистую Церковь?

* По чему же это не исполняется вами на дѣлѣ?

И такъ, къ вѣрному и непреложному въ 9 статьяхъ здѣ написаннаго исполненію, мы нынѣ, волею Божіею и общимъ согласіемъ, въ Преображенскомъ Богадѣленномъ Домѣ и въ храмѣ Успенія Пречистыя Божія Матере, на вся грядущія времена и роды, рукописаніемъ нашимъ утверждаемъ, лѣта отъ мірозданія 7320 или 1812-го года, мѣсяца Мая 22-го дня, выше означенными именами, книжные же и гражданы, тако подписавшіися здѣсь.

Конецъ.

Къ сему душеполезному Церкви Святѣй благоустройству и мы, Стародубскаго общежительства начальные и книжные, вси согласуемся и рукоприложеніемъ нашимъ утверждаемъ, именно: Рижскій житель и обительскій (по отцѣ Петрѣ Федоровичѣ преемникъ) отецъ Иванъ Васильевъ; Московскій житель и обители сей Строитель Яковъ Васильевъ; Инокъ Василій за себя и за иноковъ Исаакія и Авраамія своеручно подписался; Рижской Иванъ Алексіевъ; обительскій Келарь Петръ Михайловъ, и Подкеларь Василій Михайловъ Гусевъ, за Келаря и за себя, подписался; Рижской житель Лукьянъ Осиповъ; Владимирской Василій Осиповъ; отецъ Рижской Семенъ Антоновъ Волошинъ.

XIII.

ПОКАЗАНІЕ

ПРАВИЛЬНЫХЪ ВИНЪ, ПРЕПЯТСТВУЮЩИХЪ СОЕДИНЕНІЮ НАШЕМУ ВЪ СООБЩЕНІЕ СЪ МОНАСТЫРСКИМИ.

Всякому хотящему вѣдѣти, яко не гордости ради богоненавистныя, ниже хищенія ради непохвальнаго, въ намѣреніи спасительнаго упованія, въ намѣреніи правильнаго общенія, трепещуще клятвъ, боящеся анаѳемъ, положенныхъ на презирателей Святыхъ правилъ, страшащеся отлученія за презрѣніе Святыхъ повелѣнія, да во время страшнаго предстоянія, чтобы не отлученнымъ быти ихъ ликостоянія

Краткое изъявленіе

хотящимъ вѣдати, чесо ради мы не имѣемъ сообщенія, какъ въ молитвословіяхъ, такъ въ питіи и яденіи, съ живущими въ Поморской странѣ, близъ океана моря, на Выгѣ рѣцѣ, въ скитѣ, нарицаемомъ Даниловѣ, такожде и съ прочими, съ ними сообщающимися, не точію во единой той странѣ, но и во всей Россіи, по градомъ и по селамъ живущими.

1. Что они неправое мудрованіе имѣютъ и по писму Игнатія старца о надписаніи, положенному, по повелѣнію Пилатову, на первобытномъ Крестѣ Господа нашего Іисуса Христа.*

2. Что они во время Самариной Коммисіи дали подписку, чтобы приходящихъ отъ Великороссійской Церкви не перекрещивать.

3. И своихъ во исповѣдь не принимать.

4. Неблаговѣрныя лица пятью прилагательными имены въ тропарѣхъ, и кондакахъ, стихерахъ, канонѣхъ, благовѣрными, благочестивыми, православными, крестоносными нарицаютъ: Какъ же это молитесь. **

5. За некрещенныхъ деньги на поминки принимаютъ, и ихъ поминаютъ, и псалтыри читаютъ.

6. За живыхъ некрещенныхъ молебны поютъ.

7. Масло въ лампады и свѣщи отъ некрещенныхъ принимаютъ.

---

* Разслѣдованіе о титлѣ, положенной Пилатомъ на крестѣ Христовомъ, содержится въ статьѣ: «О началѣ раздора Ѳедосѣевцевъ съ Выгорѣцкимъ обществомъ. См. выше.

** Какъ же вы-то молитесь? Надо бы сказать: видно, совѣсть не велитъ. За чѣмъ же повредили ее? За чѣмъ не поищете врачества въ принятіи истины?

8. Новоженовъ безъ расторженія домовнаго на общеніе пріемлютъ. *

9. По крещеніи на третій день исповѣдуютъ.

10. Мірскихъ на исповѣдь принимаютъ.

11. Предъ крещеніемъ четыредесятодневнаго поста не полагаютъ.

12. Среды, Пятка, Понедѣльника не постятся, ядятъ дважды, а иные съ рыбой и масломъ.

13. А прочіе дни до обѣда, и послѣ обѣда, орѣхи грызутъ и ягоды ѣдятъ, дважды и трижды пьютъ чай.

14. Крайнее неопасеніе имѣютъ съ мірскими въ ядeніи, питіи, и на праздники къ нимъ ходятъ, и хмѣльное питіе изъ ихъ сосудовъ пьютъ.

15. Самосожегшихся, самоубившихся гладомъ и разными смертьми, съ прочими страдальцами поминаютъ и за мучениковъ почитаютъ.

16. По дорогамъ ѣздятъ, иконъ, лѣстовокъ и посуды не берутъ.

17. Въ баню ходятъ съ мірскими, и оное дѣло оправдаютъ.

18. Тропари за умершихъ некрещенныхъ сочинили. **

19. Книгу во оправданіе прилагательныхъ именъ, чтобъ не Православными Безпоповцевъ называть, сочинили, и въ ней не

---

* А устроеніе домовнее разстроить, семейныя узы разрушить, для того, чтобы вступить въ сонмище неосвященныхъ: не явная ли тутъ погибель?

** Т. е., не вошедшихъ еще въ ихъ неосвященную купѣль.

свойственныя свидѣтельства отъ Писаній собрали, на соблазнъ простаго и неученаго народа. *

20. За сія вины не сообщающихся съ ними Христіанъ хульствуютъ, порицаютъ и къ еретикамъ причитаютъ, и въ ихъ письмахъ, къ намъ писанныхъ, Антихристовыми слугами называютъ, пропасти Христіаномъ, не сообщающимся съ ними, ископываютъ.**

21. Сами между собой имѣютъ разньствіе и несогласіе въ изреченіи прилагательныхъ именъ: овые изъ нихъ глаголютъ благочестивыми, иные державными, просто побѣды Царю нашему, а другіе побѣды Правовѣрнымъ Христіаномъ, и симъ междоусобнымъ несогласіемъ наипаче намъ подаютъ сомнѣніе.

22. Неправо мудрствуютъ о бракахъ, яко женившихся до восприятія Вѣры, сице и послѣ пріятія Вѣры женившихся, равно обоихъ разсуждаютъ и судъ прилагаютъ.

23. Неправое мудрованіе имѣютъ о Антихристѣ: впредь чувственно его быти ожидаютъ. ***

24. Егда вопрошаеми бываютъ отъ страны нашея, по что неблаговѣрныя лица благовѣрными нарицаютъ, то единаго изъ согласія разно отвѣщаютъ: овые глаголютъ по нуждѣ, а иные за сіе выстаиваютъ и оправдаютъ, и безъ всякой нужды глаголати утверждаютъ, и не глаголющихъ градскимъ судомъ устрашаютъ.

Еще къ симъ вышеписаннымъ вопросы предлагаемъ:

1. Что есть благовѣріе?

2. Что есть православіе?

3. Что есть правовѣріе?

---

* Въ такомъ направленіи и духѣ вообще Безпоповцы выбираютъ свидѣтельства изъ Святоотеческихъ писаній и соборныхъ опредѣленій.

** Высказывается вражда внутренняя между собою разнотолковцевъ отъ себя къ гоненію, отъ себя въ утѣсненіи.

*** Въ разъясненіе истиннаго ученія объ Антихристѣ см. выше.

4. Что есть благочестіе?

5. По чему человѣкъ нарицается благочестивъ?

6. По чему благовѣренъ?

7. По чему православенъ?

8. По чему правовѣренъ?

9. Каковымъ прилагательнымъ именемъ двое вѣрующіе во Христа, единъ изъ нихъ совершенно вѣруетъ, другіе же погрѣшеніе имѣютъ въ догматѣхъ и преданіяхъ и неправо мудрствуютъ о Святѣй Троицѣ и воплощеніи Христовѣ, единъ отъ другаго раздѣляются?

10. Въ Апостольскомъ завѣщаніи и въ Святоотеческомъ преданіи, въ Ветхомъ и Новомъ Писаніи, повелѣвается молити Христіаномъ за единовѣрныя и невѣрныя. Единообразно ли за обоихъ сихъ молити повелѣвается, яко же за Православная, сице и за еретиковъ?

11. Аще единообразно обоихъ, то гдѣ и въ коемъ Писаніи?

12. Святіи повелѣваютъ молити за еретиковъ о обращеніи, за правовѣрныхъ о здравіи и о спасеніи.

13. Вы же како за еретиковъ молите, въ которыхъ реченіяхъ сію молитву заключаете, покажите именно?

14. Святый Апостолъ Павелъ повелѣваетъ: «Молите за Царя и за вся человѣки, и за всѣхъ, иже на властѣхъ и предначальствіяхъ.» * Вы же въ своихъ молитвахъ всѣхъ Православными называете, какъ Царское, такъ Сенаторское, воинство, и Святительское?

---

* 1 Тим. 2, 1—2, такъ: «Молю убо прежде всѣхъ творити молитвы, моленія, прошенія, благодаренія, за вся человѣки, за Царя и за всѣхъ, иже во власти суть.»

ПИСЬМО
РИЖСКАГО ЕПИСКОПА ФИЛАРЕТА
къ
ИННОКЕНТІЮ, АРХІЕПИСКОПУ ХАРЬКОВСКОМУ,
о
ТѢСНОМЪ ПОЛОЖЕНІИ ПРАВОСЛАВІЯ ВЪ ПРИБАЛТІЙСКОМЪ КРАѢ.

Высокопреосвященнѣйшій Владыко,

Милостивѣйшій Архипастырь!

Какъ утѣшили Вы меня письмомъ Вашимъ! Господь да утѣшитъ Васъ и въ благодати и въ славѣ своей! Скорбному сердцу слишкомъ нужны утѣшенія.

Обрадованный участіемъ, какое Ваше Высокопреосвященство благоволите принимать въ здѣшнихъ дѣлахъ, позволяю себѣ войти въ довольно подробныя объясненія своихъ нуждъ. Положеніе мое до крайности странно. Странно оно по тому, что обстоятельства заставляютъ меня почти не выпускать изъ рукъ пера, чтобы остріемъ его развязывать узелки и узлы, съ изумительною быстротою и неутомимостію связываемые здѣшними дѣльцами. Эти узлы и узелки вяжутся за 100, за 200 и за 300 верстъ отъ Риги. По тому необходимо имѣть свѣдѣнія съ тѣхъ мѣстъ, гдѣ происходитъ Танталова работа, а это дѣлается не въ трехъ, или пяти, мѣстахъ: это дѣлается въ 200 мѣстахъ, называемыхъ мызными и кирхшпильными правленіями. По этому очерку положенія дѣлъ Ваше Высокопреосвященство изумитесь единодушію, съ какимъ дѣйствуютъ Дейчеры, а вмѣстѣ согласитесь, сколько имѣю я нужду въ людяхъ, которые способны бы были, находясь по разнымъ мѣстамъ, не только знать близко о трудахъ единодушія, но, по возможности, на мѣстѣ развязывать узлы неправды.

Какъ ни странно такимъ образомъ положеніе, въ какое ставятъ обстоятельства проповѣдниковъ слова Божія, но оно точно таково. Чтобы перемѣнить это положеніе, надобно Дейчерамъ не быть Дейчерами. Не вхожу въ объясненія этой печальной дѣйствительности. Такое положеніе дѣлъ, какъ Ваше Высокопреосвященство согласитесь, требуетъ прежде всего, чтобы, по крайней мѣрѣ, пунктахъ на пяти Ливоніи были Священники, получившіе высшее, Академическое образованіе. Нужда въ этѣхъ людяхъ увеличивается и отъ того, что какъ ни недостойно званія своего ведутъ себя здѣшніе Пасторы (это не моя мысль, это общее убѣжденіе самихъ Лютеранъ здѣшнихъ), Г. Дейчеры очень гордятся тѣмъ, что всѣ Пасторы ихъ получили Университетское образованіе. Опытъ говоритъ имъ, что Университетскіе ихъ питомцы уже по тому самому оказываются негодными, что образованіе ихъ, слишкомъ высокое, поставило нхъ въ совершенный контрастъ съ простыми понятіями и чувствами народа. Но для нихъ въ настоящихъ обстоятельствахъ важно то, что могутъ указать на нѣчто блистательное въ своихъ Пасторахъ. Я очень знаю по опытамъ своихъ Священниковъ, что Православные Латыши и Эсты вовсе не имѣютъ нужды въ Академикахъ. Но тѣмъ не менѣе обстоятельства показываютъ, что совершенно необходимы, по крайней мѣрѣ, пять Академиковъ Священниковъ для Ливоніи (исключая Риги, гдѣ уже они есть). Не давно присланъ мнѣ одинъ. Нужны еще четыре; только необходимо устранить и затрудненіе, въ какое могутъ быть поставлены присланные сюда Академики, по средствамъ въ содержаніи. Не говорю уже, что положеніе ихъ тѣсно будетъ отъ тѣснаго положенія Православія. Это уже крестъ неизбѣжный и необлегчимый. Сдѣсь чрезвычайно дорого содержаніе; по многимъ предметамъ оно дороже Петербургскаго. Ваше Высокопреосвященство сами изволили упомянуть о положеніи, на какомъ должны состоять лица, какія могутъ быть присланы сюда. По тому-то и я говорю объ этомъ предметѣ, но предоставляю ближе опредѣлить предметъ милостивому Начальству; мое мнѣніе прибавить каждому противъ Латышскаго сельскаго Священника, по крайней мѣрѣ, 60 р. сер. жалованья.

Ваше Высокопреосвященство вполнѣ справедливо полагаете, что мнѣ нужны лица, которыхъ я могъ бы посылать для выпол-

нения поручений моихъ. Но бѣда моя въ томъ, что я даже самъ боюсь обозрѣвать мои церкви. Ваше Высокопреосвященство не можете вообразить себѣ, до какой безсовѣстности доходятъ здѣшніе въ составленіи клеветъ. Слишкомъ хорошо зная здѣшнихъ людей, не имѣю ни какого сомнѣнія въ томъ, что если бы послалъ я добрыхъ иноковъ съ цѣлію чисто святою, Апостольскою, въ приходъ крестьянскій: это дѣло черезъ недѣлю получило бы такой видъ, что о немъ тошно было бы и подумать. И бѣдные Священники, которымъ мѣста служенія опредѣлены уже по Высочайшей волѣ, каждый день трепещутъ того, какъ бы не ввязали ихъ въ какую либо бѣду. Да и сколько было уже опытовъ! Только Господь спасаетъ насъ. По тому-то думаю, еще не пришло время дѣйствій инокамъ въ Ливоніи. Тѣмъ не менѣе, для исполненія порученій въ отношеніи къ Священникамъ и причтамъ, могъ бы безъ большихъ опасностей для Православія употребляемъ быть одинъ благонадежный инокъ. Необходимыя качества его— знаніе, если уже не Латышскаго, или Эстскаго, по крайней мѣрѣ Нѣмецкаго языка. Не далѣе, какъ въ Іюнѣ мѣсяцѣ ко мнѣ явился ученый Іеромонахъ Валеріанъ, получившій образованіе въ Лембергѣ (Львовѣ), изъ бывшихъ Унитовъ, знающій Нѣмецкій языкъ, нѣсколько знакомый и съ Латышскимъ, по прежнему жительству своему въ Витебской Епархіи; онъ изъявилъ мнѣ жаркое желаніе трудиться для Православія, выставляя и то, что онъ много уже трудился между (бывшими) Унитами. Я радъ святому усердію его, но боюсь дѣлать какое ни будь употребленіе изъ его усердія въ настоящее время. Оставилъ его при домѣ, съ надеждами на болѣе благосклонную будущность. Безъ особеннаго пособія я вынужденъ буду рано ли, поздо ли, разстаться съ нимъ, хотя онъ и по жизни неукоризненной и по познаніямъ весьма былъ бы мнѣ полезенъ въ томъ самомъ отношеніи, на которое Ваше Высокопреосвященство благоволите указывать. Если бы назначено ему было особенное жалованье, по крайней мѣрѣ, 120 р. сереб. въ годъ, и на разъѣзды, для исполненія порученій, до 150 р. сер., я счелъ бы это за великую милость и для себя и для Св. Православія. При этомъ совершенно не избѣжно и то, чтобы Святѣйшій Синодъ благоволилъ предоставить мнѣ право посылать его въ Викаріатство для исполненія порученій.

До крайности тяготитъ меня то, что собственно въ Ригѣ нѣтъ у меня ни одного Священника, знающаго Эстскій языкъ. Въ мою Канцелярію и въ Лифляндское Духовное Правленіе теперь нерѣдко поступаютъ бумаги или писанныя на Эстскомъ языкѣ, или, по крайней мѣрѣ, требующія справокъ съ положеніемъ Эстовъ, а иногда и съ документами Эстскими. Еще болѣе того случается выслушивать устныя просьбы Эстовъ. Что дѣлать въ такихъ случаяхъ? Для дѣлъ Латышскихъ, благодареніе Господу, въ Ригѣ есть надежный Латышскій Священникъ, который каждый день и является ко мнѣ для дѣлъ Латышскихъ. Съ дѣлами же Эстскими сущая бѣда. Я уже много переискиталъ средствъ къ облегченію этого крайняго затрудненія. Но обстоятельства показываютъ, что совершенно необходимо открыть въ Ригѣ Эстскій причтъ изъ Священника и двухъ причетниковъ, съ положеніемъ, общимъ для городскихъ Эстскихъ причтовъ. Онъ могъ бы быть назначенъ къ той же Покровской церкви, при которой числится и Латышскій Рижскій причтъ. Для существованія его, какъ причта, причина есть и та, что въ Ригу, въ осеннее и зимнее время съ хлѣбомъ, а въ весеннее и лѣтнее время для работъ, на судахъ и корабляхъ много приходитъ Эстовъ, въ томъ числѣ и Православныхъ, которые имѣютъ нужду въ слушаніи Богослуженія. По тому къ Вашему Высокопреосвященству обращаюсь съ покорнѣйшею просьбою содѣйствовать удовлетворенію сей вопіющей нужды.

Вотъ и еще нужда. Рижскій Епископъ остается безъ Каѳедральнаго Протоіерея, т. е., безъ такого лица, которое, по общему и естественному порядку, должно быть первымъ помощникомъ Епископу по управленію дѣлами Епархіи. Говорю это по тому, что хотя мѣсто Каѳедральнаго Протопопа занимаетъ Протоіерей Кунинскій, но онъ давно отказался отъ всѣхъ дѣлъ управленія. Для дѣлъ правленія это и лучше, что онъ не участвуетъ въ нихъ, особенно въ настоящее, столько опасное и тяжелое, время; характеръ его вздорный давно перессорилъ его со всѣми, и Священниками и причетниками, а такое лицо, если бы въ настоящее время занимало должность правительственную, было бы наказаніемъ Божіимъ. Важнѣе же то, что онъ недавно находится въ связи съ Дейчерами, и если бы теперь былъ при должности, безъ сомнѣнія, давно бы надѣлалъ много бѣдъ. Онъ извѣстенъ и

Святѣйшему Синоду. Входить съ особымъ представленіемъ объ удаленіи его изъ Риги не нахожу удобнымъ даже и по тому, что мое представленіе людьми единодушными, о которыхъ упомянулъ я, обращено бы было во вредъ Православію. Между тѣмъ почетное удаленіе его изъ Риги въ другое мѣсто служенія не имѣло бы невыгодныхъ послѣдствій: пусть бы наградили его орденомъ и послали бы въ Москву, или въ другой Губернскій Русскій городъ. Это не составило бы ни чего особеннаго. А въ слѣдъ за тѣмъ Рижскій Епископъ не оставался бы долѣе безъ помощника. Если бы оказана была эта милость, въ такомъ случаѣ на мѣстѣ Кунинскаго я желалъ бы имѣть, частію извѣстнаго и Вашему Высокопреосвященству, бывшаго Баккалавра Московской Духовной Академіи, Николая Руднева, сочинителя Исторіи ересей Русской Церкви. Онъ теперь священствуетъ въ Москвѣ. Хотя я, столько удаленный отъ Москвы, и не знаю, каково принялъ бы онъ это назначеніе, но, зная прекрасную душу его, отличныя способности, такія же знанія, между прочимъ, и Нѣмецкаго языка, увѣренъ, что онъ былъ бы для Риги очень полезный Протоіерей. Впрочемъ, если бы и не было Руднева для Риги: въ Ригѣ теперь есть кандидатъ Протоіерейства, Магистръ и Ключарь Собора, Владиміръ Назаревскій, онъ же и Ректоръ Училища.

Весьма много остается другихъ нуждъ, но на бумагѣ не все передать можно, по крайней мѣрѣ въ одинъ разъ.

Съ истиннымъ почтеніемъ и преданностію имѣю честь быть

Вашего Высокопреосвященства,

Милостивѣйшаго Архипастыря,

недостойный сомолитвенникъ,

Филаретъ, Епископъ Рижскій.

№ 7483.

2 Сентября, 1847 года.

Его Высокопреосвященству,
Члену Святѣйшаго Синода,
Преосвященнѣйшему Иннокентію,
Архіепископу Харьковскому и Ахтырскому и Кавалеру.

ПИСЬМО

Аббасъ-Мирзы, Наслѣдника Персидскаго престола, къ Фельдмаршалу Князю Варшавскому.

Въ Іюнѣ 1832 года.

Высокостепенному, высокопочтенному, высокомѣстному, высокородному, высокозванному, достойнѣйшему изъ вельможъ и знатныхъ Христіанъ, Господину Генералъ-Фельдмаршалу, Князю Варшавскому, Паскевичу, милостиво объявляемъ, что, по полученіи извѣстія о вызовѣ Васъ въ С.-Петербургъ, вниманіе наше постоянно обращено было на Ваше новое назначеніе, и мы съ нетерпѣніемъ ожидали свѣдѣній объ окончаніи дѣлъ Варшавскихъ и о возвышеніи Вашего имени, долженствовавшихъ принести намъ радость и удовольствіе. Нынѣ, по повелѣнію Его Величества, могущественнаго Шахинъ-Шаха (да пожертвуется ему душа наша!) имѣемъ свое мѣстопребываніе въ Шахрубѣ и Бастамѣ. Здѣсь получили мы отъ высокостепеннаго Г. Безака радостное донесеніе и газеты, свидѣтельствующія подробно о всѣхъ Вашихъ побѣдахъ, кои вполнѣ удовлетворили наше нетерпѣливое ожиданіе и доставили намъ неизобразимую радость и безпредѣльное удовольствіе; ибо 1, Союзъ и пріязнь, существующія между обѣими великими Державами, требуютъ, чтобы радоваться успѣхамъ другъ друга, и хорошее или худое принимать обоюдно, какъ собственно свое. 2, Мы сами имѣемъ къ Вашей Свѣтлости особенное расположеніе, и не можемъ не восхищаться, что врата побѣдъ Варшавскихъ открыты руками Вашими. 3, Гласъ милостей и поощренія Его Величества, Великаго Государя Императора, Вѣнценосца и Самодержца Всероссійскаго, побѣдителя Державъ и дарующаго оныя, милостивѣйшаго Дяди нашего, равномѣрно желаніе Его возвысить весь Иранъ, Туранъ и Индустанъ, и всѣ высшіе и низшіе классы обитающихъ въ нихъ народовъ, сдѣла-

лось яснѣе солнца. Доколѣ великая Россійская Держава будетъ блистать силою и могуществомъ, дотолѣ, по милости Божіей, не будемъ опасаться враговъ близкихъ и отдаленныхъ; надѣемся такъ же, что пока находимся здѣсь для введенія надлежащаго устройства и прекращенія вкравшихся нѣсколько лѣтъ назадъ безпорядковъ, удостоимся отъ обоихъ Великихъ Государей новыхъ милостей и вспомоществованія, и не останемся въ забвеніи отъ Ихъ высокихъ взоровъ.

Ваша Свѣтлость весьма знаете, что, при чистотѣ чувствъ и усердіи нашемъ, мы безъ различія возлагаемъ надежду на милости великаго Шахинъ-Шаха и всемилостивѣйшаго Дяди нашего, Государя Императора. Въ бытность въ Грузіи, Вы занимались дѣлами нашими и были довѣренною особою; нынѣ же хотя находитесь въ Варшавѣ и не имѣете досужаго времени, но, уважая Васъ, не полагаю сего препятствіемъ тому, чтобы Ваша Свѣтлость во всякомъ мѣстѣ и при всѣхъ занятіяхъ не упускали изъ виду дѣлъ нашихъ, не забывали насъ и увѣдомляли о своемъ здоровьѣ и положеніи.

Писано въ мѣсяцѣ Джамадіаль-Ахирѣ 1247 года.

На оборотѣ подлиннаго письма приложена печать Аббасъ-Мирзы.

ПИСЬМО

Генералъ-Лейтенанта Скобелева къ Фельдмаршалу Графу Дибичу.

21 Декабря, 1830 года.

Позволяю себѣ смѣлость, какъ обожаемому начальнику и благодѣтелю, изложить обстоятельства свои прямо отъ сердца къ сердцу.

Безсрочный отпускъ (при прекращеніи одной, и при неизвѣстности о другой брани) испросилъ я не по болѣзни, но дабы избѣжать прискорбныхъ встрѣчъ съ Паисіемъ Сергѣевичемъ Кайсаровымъ, съ коимъ имѣю счастіе быть въ разладѣ 18 лѣтъ, безъ раскаянія съ одной стороны и безъ грѣха съ другой. Хотя непріятность, между нами возникшая въ 1812-мъ году, и не стоитъ описанія, не менѣе того она рождена различнымъ уваженіемъ къ службѣ, и я, оставаясь до сего по естественному порядку вещей, при неотъемлемой сатисфакціи, поставилъ себѣ за правило избѣгать впредь по возможности, не только общихъ съ нимъ дѣлъ, но даже взаимнаго другъ на друга воззрѣнія, каковыя чувства къ Государственному человѣку, Вашему Сіятельству, безсомнѣнія, не покажутся во мнѣ Государственнымъ преступленіемъ.

Во время 3-хлѣтняго командованія дивизіею, я во всѣхъ отношеніяхъ, пользу службы вмыкающихъ, свято выполнилъ долгъ свой и оправдалъ предстательство Ваше; что могу сказать смѣло послѣ того, какъ и самъ Кайсаровъ неоднократно находилъ себя въ горестной необходимости, и словесно и писменно, отдавать справедливость трудамъ и посильному мастерству моему, которое засвидѣтельствуетъ дивизія первымъ шагомъ въ бой.

Сіятельнѣйшій Графъ! При преклонныхъ лѣтахъ я не столько желаю служить, сколько страшусь остаться празднымъ

въ тѣ минуты, въ которыя истинно преданные Монарху подданные, по моему мнѣнію, нужны, и хотя количество ихъ неисчислимо, но чѣмъ больше, тѣмъ, безъ сомнѣнія, лучше. Зная себя въ числѣ готовыхъ положить животъ свой за Царя, неспособнымъ сойтить съ пути, по коему, огражденный лестнымъ вниманіемъ трехъ Владыкъ, прошелъ я 39 лѣтъ, и не имѣя къ доказательству безпредѣльной благодарности ни чего, кромѣ жизни, имѣю счастіе предлагать оную.

Ваше Сіятельство, приподнявъ меня, за честь и правду упавшаго, дали мнѣ новое бытіе и вручили новый способъ двигаться по лицу земли въ сопутствованіи уваженія, каковое пріобрѣлъ я и въ Дивизіи и въ Губерніяхъ, въ коихъ квартировалъ съ нею: и Вамъ исключительно вручаю судьбу мою въ видѣ Вашей законной собственности, съ присовокупленіемъ, что если возможно когда ни будь честному человѣку подвизаться, минуя страстей, по чувствамъ только сердца, съ устраненіемъ всѣхъ видовъ, къ себялюбію и корыстолюбію относящихся, то, конечно, настоящее время приличнѣе всѣхъ минувшихъ. И по сему, въ планъ мой не входятъ ни блестящіе титулы, ни почести, и я съ удовольствіемъ приму баталіонъ, для замѣненія имъ двухъ, если окажусь къ лучшему не способенъ.

Замѣтка переписчика. По этому письму Генералъ Скобелевъ былъ назначенъ начальникомъ дивизіи, и въ сраженіи при Остроленкѣ, потерявъ руку, выбылъ изъ арміи, дѣйствовавшей противъ Поляковъ.

ЗАПИСКА

Его Высочества, Цесаревича, Великаго Князя, Константина Павловича, къ командиру Литовскаго корпуса, Генералъ-Адъютанту Барону Розену.

Ноября 27, въ 11 часовъ ночи на 28-е, 1830. Любартовъ.

Получилъ 27 на 28 ночью, благодаренъ. Богъ до сихъ поръ спасаетъ и насъ ведетъ. Надѣюсь, что чрезъ три дни будемъ дома. Голы, по тревогѣ на бивакъ, и потомъ походъ ужасный. Кромѣ того, что на себѣ, у многихъ ни чего нѣтъ. Обувь— приготовимъ; впрочемъ, кромѣ сумазбродства, кругомъ себя ни чего не слышу отъ зачиньщиковъ и слезъ отъ всего думающаго и обывателей. Увѣдомте далѣе Государя Императора. Много грѣха, но много и хорошаго. Милость, помилованіе болѣе подѣйствуютъ, нежели сила. На вѣкъ васъ любящій

Константинъ.

Замѣтка переписчика. Эта записка къ Барону Розену писана въ отвѣтъ на полученное отъ него письмо, коимъ онъ изъ Брестъ-Литовскаго передаетъ Его Высочеству свѣдѣнія о дальнѣйшихъ происшествіяхъ по мятежу въ Варшавѣ. При полученіи письма Цесаревичъ былъ уже на походѣ, какъ самъ изволилъ выразиться, домой, съ своимъ Русскимъ гвардейскимъ отрядомъ.

ОПЕЧАТКИ

въ 1-й кн. «Чтеній 1869 г., Отд. V.»

Напечатано:				*Читайте:*
Стран.	Строк.			
31,	11	сверху:	особою	особую
35,	2	снизу:	содержаніе	содержанія
37,	3	—	антики	аптеки
38,	4	сверху:	Іеромонаховъ	Іеромонахъ
49,	6	снизу:	претерпѣть	я претерпѣть
56,	8	сверху:	въ самъ	въ санъ.
—	6	снизу:	(1-го)	(18-го)
164,	12	сверху:	Въ мирѣ	Въ мірѣ
168,	9	—	и ночью	ночью
—	13	—	преписку	переписку
169,	3	—	повстанцаевъ?	повстанцевъ?
170,	19	—	«Езусъ, Марья!»	«Езусъ! Марія!»
187,	8	—	обнародованныхъ указовъ,	не обнародованныхъ указаній,
—	19	—	собственное	собственное изданіе
195,	8	снизу:	разумѣется, разговоръ,	разумѣется, пристойный разговоръ
196,	9	сверху:	не нуждался	не нуждается
—	7	снизу:	не оставлялъ	не оставляетъ
—	9	—	располагалъ	располагаетъ
197,	9	сверху:	и видно	и вижу.

ПРОТОКОЛЪ ЗАСѢДАНІЯ

ИМПЕРАТОРСКАГО

ОБЩЕСТВА ИСТОРІИ И ДРЕВНОСТЕЙ РОССІЙСКИХЪ,

1868 года, Декабря 20-го дня.

1868 года, Декабря 20 дня, Императорское Общество Исторіи и Древностей Россійскихъ, подъ предсѣдательствомъ Г. Вице-Президента, Князя А. Пр. Ширинскаго-Шихматова, и въ присутствіи Гг. Дѣйствительныхъ Членовъ: С. П. Шипова, А. Ѳ. Вельтмана, Ю. Д. Филимонова, Гр. М. В. Толстого, Н. В. Сушкова, А. А. Майкова, А. И. Хмельницкаго, А. Н. Аѳанасьева, П. В. Хавскаго, М. Л. Назимова, Соревнователя А. Е. Кудрявцева, и Секретаря Общества, О. М. Бодянскаго, имѣло обыкновенное Засѣданіе, въ коемъ, по прочтеніи и подписаніи Протокола предыдущаго Засѣданія, 5-го Октября того же года, происходило слѣдующее:

1. Д. Членъ и Секретарь Общества, О. М. **Бодянскій**, прочелъ статью, полученную имъ отъ Секретаря Московской Духовной Консисторіи, Н. П. Розанова: «О Татіанинской церкви въ Императорскомъ Московскомъ Университетѣ.» Опредѣлено: статью эту напечатать въ «Чтеніяхъ» и приложить къ ней планъ Университета, прошедшаго столѣтія, писанный Архитекторомъ Казаковымъ, и доставленный изъ Архива Московской Консисторіи. При семъ Его Сіятельство, Г. Вице-Президентъ, предложилъ нанести на этотъ планъ, и нынѣшнія границы Университетскаго (стараго) дома и на-

стоящія зданія, и принялъ на себя трудъ поручить Университетскому Архитектору приготовить оный планъ для печати.

За тѣмъ читаны были:

А. Отношенія.

2. Почетнаго Члена, Министра Народнаго Просвѣщенія, Графа Д. А. Толстого, отъ 16 Ноября, № 9056, пол 23-го, письмо, коимъ увѣдомляетъ о полученіи имъ Диплома на званіе Почетнаго Члена и благодаритъ за доставленіе онаго. Опредѣлено: принять къ свѣдѣнію.

3. Совѣта Императорскаго С.-Петербургскаго Университета, отъ 27-го Ноября, № 1402, пол. 2-го Дек., приглашеніе почтить своимъ участіемъ пятидесятилѣтнее юбилейное празднество сего Университета, 8-го Февраля, 1869 г. Опредѣлено: поручить Дѣйствительному Члену Ю. Д. Филимонову быть депутатомъ на ономъ празднествѣ и представить отъ Общества адресъ.

Б. Предложенія.

4. Редакціи «Чтеній въ Обществѣ Любителей Духовнаго Просвѣщенія и Московскихъ Епархіяльныхъ Вѣдомостей,» объ обмѣнѣ сихъ изданій на «Чтенія въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ» въ 1869 году. Опредѣлено: обмѣниваться.

5. Редакціи Газеты: «Новороссійскій Телеграфъ» объ обмѣнѣ изданіями. Опредѣлено: отказать.

6. Редакціи «Минскихъ Губернскихъ Вѣдомостей» объ обмѣнѣ на «Чтенія» 1869 года. Опредѣлено: отказать.

В. Приношенія.

а. Матеріялами:

7. М. И. Семевскаго, изъ С.-Петербурга, отъ 19-го Окт.: 1) «Сборникъ историческихъ и юридическихъ актовъ XVII и XVIII

столѣтій; 2) Записка о финансахъ и торговлѣ Россійскаго Государства въ 1810-мъ году, и 3) Повѣсть о прихожденіи Свѣйскаго Краля съ Нѣмцы подъ градъ Псковъ.»

8. Соревнователя А. А. Чумикова, изъ Гельсингфорса, пол. 30-го Ноября, два перевода съ Польскаго: а) «Переговоровъ Московскихъ людей съ Сенаторами 1-го Февраля, 1610-го года, подъ Смоленскомъ, и б) Письма Ивана Никитича Романова изъ Москвы къ Митрополиту Филарету, находившемуся въ плѣну.»

9. Доцента Московскаго Университета, Н. А. Попова: «Пѣсни Бѣжецкаго и Кашинскаго Уѣздовъ Тверской Губерніи.»

в. Статьями:

10. Преосвященнаго Викарія Дмитровскаго, Леонида, пол. 30-го Окт.: «Саввинское Подворье въ Москвѣ и Московскіе Преосвященные Викаріи, соч. Секретаремъ Московской Консисторіи, Н. П Розановымъ.»

11. Д. Члена, Архимандрита Леонида, изъ Царяграда, пол. 28-го Ноября: «Іеромонахъ Константинъ Новогородскій, Священникъ Русскаго Императорскаго Резидента въ Цареградѣ, убитый Турками 26-го Декабря, 1742 года, и причтенный Греческою Константинопольскою Церковію къ лику Святыхъ.»

12. Секретаря Московской Духовной Консисторіи, Н. П. Розанова, пол. 30-го Ноября: «О Татіанинской церкви въ Императорскомъ Московскомъ Университетѣ.»

в. Книгами:

13. Д. Члена А. С. Клеванова, пол. 5-го Октября, двѣ книги его перевода: а) «Исторія народа Римскаго, соч. Тита Ливія. Томъ V. Перев. съ Латинскаго (Окончаніе). Спб. 1867; б) Корнелія Непота Жизнеописанія лучшихъ полководцевъ чужестранныхъ народовъ. Перев. съ Латинскаго. Спб. 1867.»

14. Императорскаго Новороссійскаго Университета, отъ 7-го Октября, № 284, пол. 13: «Записокъ» его, тома 1-го выпуски 5 и 6-й. Одесса 1868 г.»

15 Соревнователя К. Н. Тихонравова, отъ 12-го Окт., пол. 17-го: «Указатель мѣстныхъ статей, помѣщенныхъ въ Неофиціальной части Владимірскихъ Губернскихъ Вѣдомостей съ 1838 по 1868 годъ. Владиміръ. 1868.»

16. Д. Члена Макарія, Епископа Орловскаго, отъ 16-го Октября, пол. 21-го: 1) «Акаѳистъ Макарію Желтоводскому и Унженскому Чудотворцу. М. 1868; 2) Акаѳистъ Антонію Римлянину, Новгородскому Чудотворцу. М. 1868; 3) Поученія въ обличеніе Раскольническихъ и Старообрядческихъ мнѣній. Спб. 1868; 4) Пять словъ, произнесенныхъ въ разныхъ мѣстахъ и по разнымъ случаямъ, именно: 24-го Мая, 1868 г., въ Вознесенскомъ Соборѣ города Ельца, 4-го Декабря, 1867 г., по освященіи Александровскаго домоваго храма въ Орловской Губернской Гимназіи; 8-го Марта, 1868 г., въ Спасской церкви при Орловскомъ Тюремномъ Замкѣ; 8-го Мая, 1868 г, въ день Св. Апостола и Евангелиста Іоанна Богослова, въ Орловской Семинарской церкви, и 30 Генваря, 1867 г., въ Трехсвятительской церкви при Нижегородской Мининской Богадѣльнѣ.»

17. Норвежскаго Университета, во Христіаніи, пол. 31-го Окт. 1868 г.: «1) Foreningen til Norske Fortidsmindesmerkers Bevaring for 1866. Kristiania. 1867; 2) Del Kongelige Norske Frederiks Universitets Aarsberetning for Aaret 1866, med Bilage. Christiania. 1767; 3) Morkinskinne Pergamentsbog fra forste Haludel of det trellende Aaarhundrede, udgiven of C. R. Unger. Christiania. 1867.»

18. Императорской Публичной Библіотеки, пол. 1-го Ноября, 1868 г.: 1) «Отчетъ ея за 1867 годъ. Спб. 1868; 2) Каталогъ иностранныхъ книгъ, пріобрѣтенныхъ Императорскою Публичною Библіотекою. №№ 8 и 9. Спб. 1868.»

19. Д. Члена В. А. Мацѣевскаго, въ Варшавѣ, пол. 16-го Ноября: «Rzut oka na tak zwane Dygesta Rossyiskie (Swod zakonow

Rossyiskoj imperii) a t. d. Osobne odbicie z Czasopisma prawniczo-politycznego. Kraków. 1868.»

Опредѣлено: матеріялы и статьи разсмотрѣть, а книги сдать въ библіотеку Общества.

г. Заявленія.

20. Скончался Д. Членъ, И. М. Снегиревъ, въ С.-Петербургѣ, 9-го Декабря, 1868 г., избранный въ Члены Апрѣля 12-го, 1823 г. Опредѣлено: умершаго исключить изъ списка Членовъ.

Въ концѣ Засѣданія Секретарь и Д. Членъ Общества, О. М. Бодянскій, представилъ только что отпечатанную 3-ю книгу Чтеній» 1868 года, заключающую въ себѣ 47 листовъ. Содержаніе ея слѣдующее:

I. Изслѣдованія. Общій очеркъ періода удѣловъ. Василія Пассека.—Ханъ Нагай и его вліяніе на Русь и Южныхъ Славянъ. Д. Члена Архим. Леонида.

II. Матеріялы Отечественные. Записки Адмирала А. С. Шишкова, съ Мая 1824 по Декабрь 1826 года. Съ предисловіемъ О. М. Бодянскаго.

III. Матеріялы Славянскіе. Записки Архипресвитера Ѳеодосія Бродовича о событіяхъ на Волыни и Подолѣ въ 1789 году. Переводъ съ Польскаго Д. Члена, А. П. Хмельницкаго. Съ предисловіемъ О. М. Бодянскаго.

IV. Матеріялы Иностранные. Подробное описаніе путешествія Голштинскаго Посольства въ Московію и Персію въ 1633, 1636 и 1638 годахъ, составленное Секретаремъ Посольства Адамомъ Олеаріемъ. Переводъ съ Нѣмецкаго П. П. Барсова. Книга III.

V. Смѣсь. Дѣло Салникѣева. И. Ч. Отвѣтъ Адмирала Мордвинова на письмо, полученное имъ, на Французскомъ языкѣ, отъ

Новороссійскаго Генералъ-Губернатора, Графа Воронцова, отъ 26-го Мая, 1833-го года. Сообщ. Н. А. Поповъ. Разъясненіе донесеній Правительству о переходѣ, въ 1845 году, Латышей и Чухонъ Лифляндскихъ въ Православіе. Д. Члена И. П. Липранди. Документы о Старообрядцахъ нашего времени. Сообщ. И. Г. Два письма Князя А. Н. Голицына къ Юрьевскому Архимандриту Фотію. Съ предисловіемъ О. М. Бодянскаго. Грамота Новгородскаго и С.-Петербургскаго Митрополита Серафима соборной церкви села Грузина, принадлежавшаго Графу А. А. Аракчееву. Протоколъ Засѣданія Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ, 1868 года, Іюня 18-го дня.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

I.

ИЗСЛѢДОВАНІЯ.

II.

МАТЕРІЯЛЫ ОТЕЧЕСТВЕННЫЕ.

III.

МАТЕРІЯЛЫ СЛАВЯНСКІЕ.

IV.

МАТЕРІЯЛЫ ИНОСТРАННЫЕ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

V.

СМѢСЬ.

Стран.

ЧТЕНІЯ

ВЪ ИМПЕРАТОРСКОМЪ ОБЩЕСТВѢ ИСТОРІИ И ДРЕВНОСТЕЙ РОССІЙСКИ

при Московскомъ Университетѣ

выходятъ и въ 1860 году, какъ повременное изданіе, че
раза въ годъ, по одной книгѣ, отъ 30 до 40 и болѣе печат
листовъ, въ концѣ Марта, Іюня, Сентября и Декабря. Содер
каждой книги составляютъ: І. Изслѣдованія, ІІ. Матеріалы:
чественные, ІІІ. Славянскіе, IV. Иностранные, и V. Смѣсь.

Подписка годовая — шесть рублей серебромъ въ Москвѣ,
пересылкой въ другія мѣста — семь съ полтиной. Съ требова
обращаться въ самое Общество, или къ Московскому книго
давцу, Ивану Григорьевичу Соловьеву (бывш. И. В. Базуно
на Страстномъ бульварѣ, противъ Университетской Типогр

ПРАВЛЕНІЕ ОБЩЕСТВА.

ПРЕДСѢДАТЕЛЬ,
Графъ Сергѣй Григорьевичъ Строгановъ,
въ С.-Петербургѣ.

ВИЦЕ-ПРЕЗИДЕНТЪ,
Князь Александръ Прохоровичъ Ширинскій-Шихмато
на Якиманкѣ, въ домѣ Нечаевой.

СЕКРЕТАРЬ,
Осипъ Максимовичъ Бодянскій,
у Никитскихъ воротъ, въ домѣ Мещериновой.

БИБЛІОТЕКАРЬ,
Георгій Дмитріевичъ Филимоновъ,
Въ Кремлѣ у Спасскихъ воротъ, въ казенномъ дом

КАЗНАЧЕЙ,
Михаилъ Леонтьевичъ Назимовъ,
на Рождественкѣ, въ Университетской Клиник

АКТУАРІЙ,
Алексѣй Егоровичъ Кудрявцевъ,
на Моховой, въ новомъ зданіи Университета.
